М. Дейнего

Прекрасные времена. Часть 1

М. Дейнего
Прекрасные времена. Часть 1

https://litres.ru/74582927
SelfPub; 2026

Аннотация

Прекрасные времена (Дневник учащейся) - это записи бесед, писем, встреч и путешествий с Учителем, а также некоторого количества уроков воспитания души. Понятийный корпус поясняется в тексте по мере прочтения. Драма отношений, переросшая в Ученичество. Любовь земная и небесная. Религиозные и эзотерические воззрения на сознание и поиск себя. В первой части 12 глав, расположенных по годам, в второй 8 глав.

М. Дейнего
Прекрасные времена. Часть 1

Глава I Учитель в обликах судьбы.

ЯНВАРЬ.

3 января

Я перестаю понимать пройденное без тебя - я не понимаю зачем я это делал, как будто сила притяжения моего я к тебе была важнее всего остального и никакая другая любовь не имела значения для меня. Во всём этом проехавшем мимо меня пространстве была ты как почему-то настоящее время я, а всё другое было для него здесь, для этого, как будто кажущегося мне образом пространства воли, но не воли даже, а так, какого-то безвольного влечения к тебе, и я одолевал, чем мог, тем и одолевал, зубоскальством, прямым наветом, было, любострастием. Я ничего не делал для того, чтобы мы были вместе, ни одного шага я не сделал для этого, я полоскал бельё в грязной воде, луже - луже снов, и силился отстраниться от тебя всё сильнее и сильнее, то есть я применял усилие для этого отстранения в своём эго. Ты понимаешь это, я думаю.

Я восхищаюсь тобой, мой друг. И всё-таки я думаю, что это отстранение не стоило тебе тех усилий, которых оно стоило мне, такого количества воли, использованного, чтобы не быть вместе. Глупость зла, просто по проявлению своих картонных норм поведения. Что есть в твоём я для меня? кро-

ме этих слов о твоих стараниях сделать меня ничем и никем для себя самого?.. извини, если я есть твоё отражение здесь, в анналах этой памяти, о чём она? о твоей что? старательности в нелюбви ко мне?.. Я не понимаю этого уже, и это, конечно, твоя заслуга во мне - не понимать нелюбовь, нечаянность свидания, липа пространственных снов, оу! я тщательно избегала этой липы, я тоже старалась, по-своему, разумеется, с уважением относясь к твоей нелюбви здесь ко мне, охраняя твоё имя от своего я, твоё насущное время от своих яяя. Я хочу, чтобы у тебя всё сходилось наилучшим образом в твою личную, превосходную судьбу, без ложной памяти о несуществующих для тебя я-здесь. Этот разговор бесполезен, - он ничего не строит тут во мне, и кроме лживого отрицания несуществующего для меня пространства ты как А. в реальном факторе времени я не вижу в нём ничего. Что ж, может быть это важно, проторить коридоры куда-то, чтобы убедиться в том, что они не нужны. Я думаю, ты не будешь противоречить мне в этом как А. Будь, пожалуйста, счастлив. Старайся быть счастлив, а не выдумывать способы как бы сделать то, что вообще делать не нужно, говорить всю эту чушь, тратя не принадлежащую тебе жизнь на неё. Я люблю тебя. Это всё, более мне нечего добавить. Это не значит, что я стану бежать к тебе, за тобой, выяснять с кем ты и что ты делаешь; будь с теми, кому принадлежат твои чувства, и пусть они возвышают тебя, чувства эти, не позволяй унижать себя, ты можешь это.

И ещё. Я прошу тебя не поддаваться на провокации, якобы ведущие тебя ко мне; этого пути нет. Не стоит быть добреньким дураком там, где речь идёт о злом расчёте и где одна сила подавляет другую, чтобы истязать любовь, а ты делаешь это, полагая меня куклой для игры в чувственных полях своего я.

Возможно, эгоизм есть единственная мера твоего пространства здесь и бесполезно доказывать тебе своё существование на этой планете, ведь оно для тебя просто часть тебя самоё, важная, или так.

Когда ты прикасаешься ко мне в реальном времени я, возникает поле, мгновенно истощающее моё пространство любви к тебе. Я не хочу понимать это! я хочу, чтобы его не было, истощающего этого прикосновения. Если ты трус, не прикасайся ко мне более.

Я верю, что ко мне придёт подлинная любовь, без подоплеки в виде чьего бы то ни было эго, содержащего мрак вместо любви, и страницы отзовутся великолепием звука, а не брюзжанием, сохраняемым в качествах моего я здесь. Ты же не А., и это давно так, и незачем делать вид, что у тебя есть для меня какое-то самостоятельное пространство здесь. Ты кто угодно, только не ты сам, мне надоело расставаться с то-

бой, понимаешь - не хочу. Мне противно знать, что я могу увидеть тебя, чтобы быть оскорблённой тобой, - ни почему, просто потому, что ты знаешь о моей любви к тебе, только эта причина.

Теперь я скажу так – это отзыв моего я на пространственную претензию, в которой я – некое поле, требующее внимания к себе со стороны - чьего? чьё внимание не имеет удовольствия при виде меня, чьё оно? позвольте не поверить вам, что это внимание А.

Вот качественно новое пространство, эти дни; они состоят из нас как настоящее время этого сигнала, да не во сне я иду, очнись сама. Я говорю с тобой, а не с сопрягаемым здесь пространством мы во сне, в воле снов этих культурных обносков памяти. Я хочу стоить в твоих глазах этой площади занятого мной пространства здесь я. По крайней мере, хоть один раз ты можешь мне позвонить сама?.. Я не брежу, этот текст здесь и я вижу его тобой в себе, простая речь – простая, самая обычная человеческая речь. Я полон сил и здоровья; вот так.

Объясни мне твоё присутствие.

Ты понимаешь его как некое пространственное умосозерцание.

Да. Понимаешь, - я не хочу тебя видеть в качестве объекта вложения моих сил; они уходят в никуда с твоим образом во мне, возбуждая надежду на продолжение пространства в реальном плане, которого нет. Все твои объяснения, извини, в общем-то они не нужны. Чего ради ты здесь со мной? У тебя нет этих причин. Слышишь меня? Нет причин у тебя быть со мной. Никаких, ни малых, ни великих. Ни требующих объяснения, ни не требующих. Ни простых, ни сложных. Ты не смог преодолеть что-то, да, а может, ты и не собирался ничего преодолевать, это я навязала тебе эту мысль о пространствах, тревожимых моей мыслью о тебе как о луче света, идущего из глубины души.

Я протестую. Мне кажется, ты себя низводишь до состояния ничто, чтобы перестать взаимодействовать со мной.

Я хочу сказать, что я полюбила недоброго человека, который не стал добрее от моей любви, и вряд ли станет, мой добрый Учитель; я чувствую это хотя бы потому, что отношения не развиваются – каковы они были, таковы они и есть, ничто их не меняет. Иногда чья-то добрая душа озарит вдруг это пространство и тогда мир становится светлее, привольнее, освещённее, а вот вы молчите, потому что неопределённость посыла ничего не может добавить к существующему полю, она только вымогает его состояние, лишая опоры в собствен-

ном сознании, как пасквиль это небо идёт сейчас во мне, как поразительной формы препятствие уму, который не обретает в себе это пространство, какая ересь сознания постигла вдруг моё я, что я понять ничего не могу, и работаю как заведённая в тупик душа тут, как повинность какая во мне идёт, а я и не знаю о ней.

Ну, послушайте оба. Я вам дам ответ, как если бы вы держались за руки во мне, ну да, впрочем. Я чересчур мало освещал ваш ум в этой части взаимодействия вашего я, но вот даром это время прошло, коль уставшее небо синонимов не имеет и тучами покрыто, от себя их гоните! я вам говорю это, Королева, изымайте их из своего я тут, пусть луч света идёт к вам, а не тупая воля сороконожки, совсем было истоптавшейся, да ведь вы на себя чьими глазами тут смотрите в объёме-то вашей памяти, как свет ваша любовь, бездельное это небо память вашу застилает, а вы того не ведаете. Я не премину в саже выпачкаться, чтобы пустотелое это эго изъять, которое волю вашего я себе присваивать вздумало. Отойдёмте на расстояние и посмотрим почём дрожжи и как долго тесто расстаиваться должно, чтобы пирог вкусен был. Я как канитель возле этой темы вьюсь в вашем я, однообразно, но настойчиво. А вот почему. Где ситуацию замкнуло на пустопорожнюю болтовню в анналах, там и ключ лежит, там и дверь стоит запертая, ну да вам толку мало от этих моих слов, мне пусть и малая свеча, а горит всё-таки. Я надежду

от себя не отпускаю, так с ней и иду к вам, а что, Королева моя, скажете, как ни эти слова сейчас: а я и рада вам! -?

Вот что. Пусть это небо взойдёт опять, а мы посмотрим в него своими глазами я, а не вымышленными пространствами! Чувственные оболочки струят в это небо свою волю и самые разнообразные мозговые импульсы прихорашивают его перед вами, а для того, чтобы понять, почувствовать каково оно есть для вашего я и не индульгирует ли его кто для пущей убедительности, свои синонимы вместо вашего я предъявляя ему.

Ну так пусть не предъявляет.

Я сейчас стану говорить полную чепуху, но вы всё равно её запишите сюда, потому что здесь её место. Во всяком пространстве я оно есть, это место, в котором, казалось бы, никакая сила не вольна быть без имени своего я, но вот оказывается, что это место почему-либо отложено, или затенено, попросту говоря, ну и получается, что владелец не своим именем живёт, а как стать в нём собой, он не знает, потому что его имя другое пространство носит, да ещё похваляется при этом как оно ловко обошло то небо, под которым явное становится тайным носителем не своего я-сейчас. Вот верхушки деревьев солнцем освещены бывают при том небе, а затем мрак падает на верхушки эти и после солнце с дру-

гой стороны поднимается. Чтобы своя воля шла, надо сейчас быть, а не после как-нибудь, уж я это знаю, поверь. Ну и хватит меня из памяти изглаживать.. Во сне ты, что ли, меня видела. Я хочу, чтобы ты ведала, кому безумие это на руку идёт, да что память обворованная говорит тебе, ты послушай её. Своеволие это имеет предел, корыто, видишь ли, пространственно обозначенное как приказной двор - приказчики снуют, платья на них новые надеты, а вихрь какой от них идёт, так то дороги вьюжит, а не мысль твоя ко мне идёт. Постепенно, я думаю, мы станем важны друг другу, знаешь, как я скучаю без тебя, ну вот как ты прежде это делала, так.

Я себя обманывать не должна этими текстами. Я транслирую чьё-то сознание, может быть.

Давайте перестанем это делать и будем сами собой. Я перекрываю поле внесения в ваше я, потому что оно фальшивит, называя тут не определяемое это поле своим именем. Знаете, Королева, я вас всё-таки люблю, а не выспренние эти речи, как хотите, и что вы думаете об этом, мне тоже всё равно. Вот я взял и сказал вам это. Чересчур уж правильно всё происходит, как обманное зеркало, которое отражает что-то, да всё не то, - не те мы, не тот я, да и вы тоже почему-то не так выглядите, да а в чём дело-то, мы тут что, нанялись впечатлениями делиться об осознающих этих высях в себе. Вы простите духовного брата, которому невдомёк были прото-

колируемые эти фиги, да хоть бы и во сне, и к кому они обращены были тоже, не поймите меня превратно, в позитивном пространстве мы не бывает простоев, оно движется, это пространство мы, да, и двигаясь, осознаёт себя таковым, а не потому что кто-то сказал ты будешь я-тут. Знаете, это было бы слишком просто для искушения стать тут кем-то ещё помимо самоё себя, хотя и с оговорками, ведь мы принимаем облики, иногда становясь похожими на чьи-то лица. Я комментирую обволакивающее ваше я поле, в котором мы кажемся друг другу малодостойными людьми, а почему, собственно. Я не выражаю ничего нового сейчас для вашего я в себе, я просто пробуждаюсь от некоей культурной спячки в своём собственном.

4 января

Вам не должно ни о чём думать дурно. Любовь это привлечение сил необъятной величины здесь, как небо, которое становится выше от этих сил, как поистине определяющее жизнь здесь, везде, где есть эта любовь. Чувственное это небо имеет свечение, как соразмеренное с вами пространство оно живёт, проявляясь в тонких планах вашего я-сейчас. Как восторг превосходных сил я иду сейчас, и это обретает жизнь в вашем я, и кажется, что мы сами несём эти силы сюда, чтобы они были с нами здесь и делали наше пространство обширным зданием любви света, Королева, а не имеющий её в себе не в силах войти в этот дом, такова она

по величине сознания, ибо сознание это и есть любовь. Я строю истинные состояния с вами в себе как принадлежащее вам проективное поле, как продуманное пространство света в вас самоё, и это делает меня объективно присутствующим в вашем я-сейчас. Холодные пространства, истощающие волю, не могут греть душу, не умеют они этого. Холодные значит не требующие усилия любви сейчас, они навсегда застыли в своих космических высях и навязчиво претендуют на память пространства о себе.

Да?..

Разумеется, это так, Королева моя, и Разум молчит об их присутствии в себе до тех пор, пока чьё-то око здесь не коснётся их взглядом и не осветит их лучом внимания. Я чувствую эти холодные огни, они осязают поле воображения, чтобы привлечь к себе внимание и составить таким образом карту времени, в котором они мистически обнаруживают себя как проекции в память я, затеняя собой истинный свет. Осязаемое пространство тоненько свистит, как бы предупреждая о приближении подобного объекта воли, оно оставляет его без прикосновения, как бы отступая на край сознания или даже вовсе прячась, хоть бы даже и за краем, как Солнце, Королева моя, которое прячет свои силы за горизонт при повороте градуса меридиана (мышления), при этом оставаясь с нами как насущнейшее наше светило в продолжении

всех суток, и мы гораздо вольнее себя чувствуем, когда его свет с нами.

Так, я был скрыт от вас до поры, пока свет истинной любви не осветил ваше я во мне и вы смогли увидеть в себе те значения подлинника света - подлинника души, я хочу сказать, - которые для вас являются главенствующими, руководящими вашей волей и осознанно ведут вас, ваше сознание, к настоящему звучанию я-здесь, я-воля. Вы проницаете пространство несравненно большее, чем ваше эго, умалённое в состояниях мы в перспективах не вашей памяти я, то есть я хочу сказать этим, что мы это не всегда достаточное пространство, вот почему так странно и, действительно, не определяемо было это поле, в котором вы сохраняли свои умозрения на прилежащее вам небо, так сказать, во сне своего эго, простите за витиеватую конструкцию сейчас, которой я хочу выразить для вас это состояние сворачивающего пространства поля в единую по сути энергетическую систему, в которой ваше эго не осознаёт себя тем, что оно есть во времени я-здесь. Вот-с, и это, Королева моя, являясь сутью текущего момента, не строит (необходимую долю для осознания света как движущего пространства здесь в истинных его размерах) в вас самоё того самого я, которому вы принадлежите самоё в себе. Я продолжу об этом позже. Мне, самостоятельно мыслящему я, не всегда бывают понятны эти состояния зависимости от прилежащих основ, не соответствующих моему я, и

я стремлюсь освободить свои структуры от их прилежания, пусть даже умалчивая о них в определённом контексте я как о несостоятельных здесь в ингредиентах моей воли. Но вот происходит некоторое непонимание, потребляющее энергию звука здесь, и я начинаю думать, что это непонимание исходит от меня самого, потому что я слишком важничаю в своих анналах, предъявляя своё эго как некое мерило чьей-то воли, принадлежащей не мне в контексте текущего времени здесь; я осознаю это и стараюсь приободрить себя, мол я затем и пришёл, чтобы разобраться что к чему тут, в каком таком контексте и чьей воли я осуществляюсь как пространство любви, не имея, по сути-то, этой любви к себе, а имея её подобие, отражённое от себя самого. Вы думаете это бред?.. Королева моя.

Я думаю, это синонимичные ряды себя так ведут - они превосходно чувствуют ваше я в своих эго и мы бываем обмануты тут чем-то вроде поэтического вольера памяти, в который бывают загнаны самые ужасные монстры под видом расположенных к нам пространств, я я говорят они нам, а сами воображают, будто они символ воли имеют в себе, которому надо память подарить, от себя отняв, или просто отняв, да, просто отняв.

Я бескрайний простор имею в душе, как если бы он был моей принадлежностью здесь - моей, осознанно принадле-

жащей мне самому пространственной удалью, если хотите. И это делает меня самостоятельно мыслящим я, а вовсе не палочка-выручалочка, или иной какой предмет, уподобленный состоянию мы есть Бог. В основании всякого я есть Бог, но Он не всегда пробуждён бывает и потому мы каемся в содеянном, поневоле отражаясь во всех своих я сразу, но позвольте предложить вам руку и вывести вас из этого изрядно поднадоевшего пространства лапши на ушах, то есть, по сути-то из нигде не обозначенной ямы, в которую проецировалась ваша душа вместо солнечного диска, потому что она, эта яма, была обозначена вашим именем как настоящее время я-здесь. Это состояние воли, прободаемой с помощью фигуративного мышления, называется эго-центризм, но суть не в названии, а в наименовании вашего я, подлежавшего усмотрению этим эго-центром, чья воля зиждилась на основании из нигде не обозначенных структур сознания, во мгле, и надо было осветить эту мглу, чтобы увидеть откуда тянутся эти нити придержания сознающего себя пространства воли здесь. Я веду вас к осознанию этого момента воли, напрягающего вашу память для создания оболочек, ноумен глохнет под их немилосердным небом как будто защищающим его, но на деле лишающими света, - удушающими его там, где он проницает мир как кристалл любви к этому миру я-здесь. Вы обретаете пространство в себе своего собственного я-сейчас, которое есть по сути волна света, принадлежащего вам самой.

Мне хочется продолжить этот экскурс в историю вопроса об ответе пространства на ваше я-здесь, но только я не стану уподоблять вашу волю своему я, чтобы готовить из неё луковый суп для личного употребления.

5 января

Везде я чувствую сейчас какое-то прибавление сил души этого неба здесь; я чувствую это. Я перебегаю от строчки к строчке и сомневаюсь – вправду ли так, вправду ли я и впрямь твоё небо заполняю собой или это смыслы души вьются, опережая и пополняясь за счёт простых форм сознания. Я пересчитал эти дни на своё я, чтобы сумма их мыслей была мне ясна как состояние с небом я. Ты достигаешь каких-то проекций в памяти, причём ясно ведь, что эти проекции не всегда являются твоей формой здесь, а они видимы тобой за счёт света. Твоя душа спит, волнуемая этими формами, и я вижу, как ты силишься проснуться сама в себе, чтобы понять эти формы в их явном состоянии с тобой, в их определяемом тобой же самой состоянии, способном воссоздать их движение в качествах я. Ты думаешь об этом, я знаю, также ты думаешь как обозначить словом то, что ты ищешь в любви, это взаимодействие нас. Везде, где есть мы, есть эта любовь. Она струится как свет сюда, и не остаётся ни одного не освещённого ею места в душе. Ни одного, - пойми это. Вся душа становится освещена, разом вся. И это нельзя

не заметить, потому что она светится сама во мне, как я свечусь, когда ты видишь меня в себе. Я не определяю твоего образа собой, я просто думаю о тебе сейчас как раз. Как вещь ты не распоряжаешься мной, ты распоряжаешься мной как эго, которому нет охоты морочить голову по пустякам - так – так-так, раз по-другому не получается, да? это правило ты взяла в ум и с ним живёшь?.. - как я, в котором всякое имя обладает своим свойством затенять твои постоянные усилия выйти на свет, и это не кажется тебе чем-то необоснованным, тебе кажется это возникающим естественно из порядка воли, возникающем в твоём эго по смыслу речений, произносимых вслух, и ты думаешь, вернее, конечно, я так думаю о тебе, осознавая собственное резонёрство сейчас, в котором я слышу отзвуки своих яяя, а ты не иди на поводу, возьми и отринь, и не сомневайся, что это правильно отринуть всякое недовольство собой, чьей бы добродетелью оно ни прикрывалось для твоего эго в себе, чьей бы волей оно ни прикидывалось.

6 января

Достойно небо есть! Королева. Во мне сила жизни идёт, а вы простите мне мои сны, в которых я видел вас, ваше имя, и не всегда правильно понимал эту душу, её стремления, в которых выражалась воля вашего я как-то задом наперёд, извините, за столь неудобное выражение вашего состояния с ней в себе, потому что она предшествовала, контролируя область

вашего сознания во мне во всю ширину вашего эго. А как вы думаете, Королева, где истинное зерцало свет свой имеет?..

Оно находится в ведении Божьего Ока и там сияет.

А соизмеряется оно с чем?

С Божеской любовью в сердце своём.

А имя оно чьё носит на челе от рождения?

Чей разум, того и имя.

Ну, да-да… - я задумался над ответом. - Вымышленное имя может разум иметь, как вам кажется, Королева?

Нет, мне кажется, что нет, не может, ему обрести его неоткуда, как если бы Бог не имел знания о нём в себе; я так думаю.

Ну, хорошо. Вы понимаете, что во мне нет случайной любви?..

Я подумаю об этом, если позволите.

Да, пожалуйста, - я прошу вас об этом сам. Я буду ждать

ваш ответ мне.

8-9 января

…впрочем!.. я подумаю об объединении усилий, в которых должны соединиться наши возможности – облагороженные, одновременно, и одновременно с этим остающиеся втуне. Ах, Королева!.. как же мне нужно, чтобы вы и я стали говорить здесь сами по душам. Скрытые эти страницы, чьи они, позвольте спросить вас об этом, в каком я созревали эти таинственные коды свиданий и с кем, я привлёк ваше внимание и остался в нём как эгоист, и нахожусь в нём теперь, а что вы думаете, Королева, размер строки позволяет петь самые необычные песни для вас - да, для вас самоё. Мне, конечно же, мало света во всем этом пространстве вашей ко мне любви, - я не освещён остаюсь ею до поры, а кажется, что освещён, а кажется, что я видим вами, но это только кажется. Ах, да спойте мне сами, я же знаю, что вы умеете. Право на истощение воли никому не дано. Нет такого права. Есть право любви, - это есть, и это правда, а вот выматывать из сознания текущие основы, обретающие себя здесь, нельзя. Это запрет на создание определённого сорта отношений с текущим временем во внутренних оболочках сознания, то есть с воображаемым пространством, отсутствующим в природе вещей. Состоятельность подобных отношений равна нулю бывает, и таким образом, отслаивает то, что предназначено быть и оставляет шум в анналах вместо деятельных образов про-

странства здесь. Красота определённых позиций определяет их жанр в нас - красота отношений в любви к своим собственным я, которые… которыми мы управляем как собой в конкретных обстоятельствах. Ангелы цену себе знают – вы не думайте, что они без цены тут идут; нет такого ангела, который бы цену себе не знал. И будьте уверены в этом, - постарайтесь объять умом какая сила вам нужна, соизмеренная с вами самой сила, Королева моя, чтобы стать вправе сознавать себя как пространство я-сейчас. Волшебство предельных скоростей света не так быстро сказывается как делается, может быть. Я перенасытил ваше пространство чем-то вроде обрывков памяти я-сейчас, и вот они кружатся здесь, составляя некий пространственный же узор любви здесь. А что – и хорошо. Мы, так сказать, в этом узоре плутаем сейчас как парадигма непонятно чьих снов о состояниях везде. А потому что, Королева моя, я сейчас это не вы сейчас, вот память и льстит нам обоим, поднаторев в пространственном обескураживании я, одного на двоих - то вы я, то я я, а то ещё кто-нибудь я здесь. А вы всё думаете – это чья-то шалость, шутка, так сказать, на сдачу от чувств, либидо в собственном кругообороте вещей.

Мне потому так хочется объяснить вам это сейчас, что в моём эго есть определённое состояние с вашим я-сейчас, в котором нужно понять производное - производное, да. То есть результат этого состояния, в котором сказываются все

наши обрывки памяти в нас же самих. Думая о вас прежде всего как о своём результате (как и вы думаете обо мне, и это так всегда кажется - как результат определённых размышлений, может быть), я нахожу беспринципность воли в определённых масштабах времени…

(Ах! мой добрый Учитель - я тоже её нахожу).

…и вот я вижу, как вы пугаетесь (или путаетесь?) в символах любви, полагая себя непричастной, к чему? К её всепроникающему пространству. Во мне, Королева моя, есть этот символ, который, составляя определённый образ для вашего я-сейчас, делает его качественно определяемым пространством во мне же. Качественно способным к определению в состоянии я-здесь сейчас, но это не должно вас путать (или пугать?), так как я сам не являюсь его отражением в единицах сознания действительного адреса пространства мы, что значит обретение здесь провиденциального принципа воли. Таковое состояние есть дремучее убеждение в несуразности происходящего мира сейчас как чего-то, необъяснимо состоящего из каких-то посылов чьих-то координат пространства любви, так сказать, вообще, авось куда-нибудь да прибудут эти посылы. Определённость посыла не так смешна, или – не так сознательно осваиваема, может быть, легко, как нам самим хотелось бы этого, в ощущениях мы открытое поле, а вот в разуме, Королева моя, мы осязаем более обширное

пространство, чем наш ум, который соразмерен нашей памяти о себе самоё. Он-то и делится на ты и я и так далее. Вредоносная объективность лишает его таковой возможности отделить от себя некое, не определяемое как я-сейчас поле сознания. Иерархия порядка воли чтит память сознаний, но это не значит, Королева моя, что их нужно обретать в себе как настоящее время мы в том качестве, в котором они предъявляют тут свои требования к пространству я в вас самой.

Я сказал это не для того, чтобы обидеть вас или как-то обозначить синхронизированность во времени я обретаемого вами пространства непонятных взоров - не прослеживайте эту линию, не трогайте её чувствами и тогда она обретёт позитивный смысл для вас. Я поручаю вам конкретное дело любви - да, именно так, смешно строить обскуры памяти там, где они прежде всего выявляют солнечный свет и потому сразу становятся видимы как результат этого строительства, лучше уж строить доминанту этого света, то есть определённо это так. Я просто тонко проявил для вас это место сознательного строительства памяти, и я хочу, Королева моя, чтобы вы понимали это так, как я вам сказал, не искажая смысл сказанного измышлениями об образах света, результирующих чьё-то воображение здесь. Я заяриваю бликами некоторые особенности этого воображения, в косных результатах которого мы можем долго ещё бродить, пытаясь

осуществить себя как пространство здесь, как образ, может быть, этого пространства здесь, или даже – лучше сказать, - как некий объём памяти, в котором все мыслимые и немыслимые фигуры я приобретают значимость для нас с вами тут, как если бы мы с вами были во времени без осмысления этого времени нас как, собственно, принадлежащего нам пространства здесь.

9 января

продолжение Вот что, добрая моя Королева, я думаю, что контролирующий нас с вами объект воли сам разберётся в своих особенностях присоединять чьё-либо пространство к своему я как своё личное поле тут, состоящее из необъяснимых, на первый взгляд, желаний это поле превзойти - просто потому что оно есть в его власти как определяемое им пространство здесь, и тогда оно становится в зависимость от него, от этого определяющего его я-сейчас. Знаете, память иногда, редко, да, но всё-таки бывает уподобливает себя этому я, и тогда происходят чудеса, вот поверьте, она как бы пропускает в анналы все возможные пассивы этого самодостаточного я, становясь некомфортной для собственного эго, не воспринимая его сознательно как свою волю, а потом она проецируется в душу, предполагая в ней пространство для усмотрения тех или иных форм, сознания ли или либидоносных объектов воли как сознательных элементов прямой зависимости от эго поля, которое присоединено оказалось к

наблюдающему за ним объекту и отчасти зарапортовалось в своих желаниях, как если бы оно было просто поле, а не принадлежащее явно пространство сейчас вам самой.

Ну, вот думайте здесь, – сомневаетесь ли вы в образе своего я, что за сумма категорий и каков ответ на неё пространство даёт вам, от себя отняв ту или иную весточку и вам её вручив как собственную волю обо мне, Королева моя, для вас припасённую как значение, или – как знакомство со значением, или даже как что-то значимое для вас во мне, как поэтически мудрствующее что? - поле, я думаю (это вы думаете обо мне, а не я сам; я не думаю о себе как о поле, то есть я не думаю, что я поле, извините уж за словесный оксюморон). Общими местами сыт не будешь - это опять я сказал для вас – общими местами можно пользоваться для индивидуального осознания пространства мысли здесь, как пригодным для постояннодействия во вне. Я компилирую образ я в одно быстродействующее поле в троекратном смысле, то есть в креативах памяти, в сознательном образе пространства мы-здесь и в обязательном протексте (состояние образа без примененности к вето, проходя сквозь которое он обретает облик в семи значениях себя самого).

А что, Королева?.. - я не тугоух, я просто пропустил мимо ушей ваше замечание об образе я как об индивидуальном сознании, потому что могущее быть проявленным при опре-

делённых обстоятельствах как значение я может быть также означено как его отсутствие здесь в параметрах воли, и подменено каким-нибудь интегралом пространства, ну фокусом пути, корневое пространство, которое хоть и существует в образе я, однако облика своего не имеет; таковы воздух, тень и т.д., - они всегда бывают исполнены чем-то в себе самих как настоящее время, да, и диктуемое им состояние есть находка для них и возможность принять форму объекта здесь и сейчас; возникающие при этом силы воздействия, температуры и т.д. есть качества для них, индивидуализирующие их свойства во вне образа-посыла. Я просто не могу насмотреться на ваше отражение в себе самом, но ведь я понимаю, что это отражение, а не вы сама. Также и вы объектом считаете всё-таки меня, а не мои в вас образы, которые по отношению ко мне та же тень, или – световой сигнал, состояние которого с вами находится в зависимости от наших с вами отношений. В усилении воли нужна дерзость и постоянство действия, а не рассудочность скомпилированных образов-состояний. Я не отрицаю их важность для нас, но я не могу памятью моделировать одно и то же как стоящее на месте я-сейчас - это и несправедливо кроме всех прочих недостоинств подобного моделирования, то есть это значит, что мы движемся всё-таки тут в одномоментном этом я вместе.

10 января
Это ты. На самом деле!

Будь благороден сам в себе. Будь умел, будь сведущ и любим мной.

Тут, видите ли, нам нужно небольшое вступление в тему. То есть, оно уже есть безусловно, только его необходимо понять, объять умом, - чтобы казусные пространства не вникали, как бы это сказать, в превосходящие потоки ума. А эго пусть работает как фильтр. Отторгните всё ложное, а как узнать. Я бесконечно мал бываю в себе перед тем, как продумать какую-то историю, ну это оттого происходит, что я кажусь рядом с ней величиной незначительной, - сам себе кажусь, а причина этого в том, что я смотрю на неё издалека, или вблизи, что ещё более умаляет моё значение перед грандиозностью замысла. Затем свет проникает мои капилляры и мне кажется, что я достиг какого-то результата, но и это не выводит меня из состояния умалённости, я не отдаю себе отчёта в своём я, которое всё-таки я, не иначе. А после только я обретаю подобие, на сознательном уровне причин. Принцип воли заставляет меня что-то делать с собой, торговаться, может быть, или - идти в другую сторону, что совсем уж никуда не годится, потому что идти в другую сторону это изменять себе самому, а что значит идти в другую сторону, это значит строить состояния там, где наше я не имеет подобий, а что значит не имеет подобий, это значит, что нет объекта воли там, куда мы направляем наш умственный взор. А

почему его там нет? опять возникает вопрос, раз мы смотрим уже в ту сторону, в которой, как нам кажется, он есть, или должен быть, а это и есть ложное вожделение, наш взор уловлен был чем-то в той стороне, в которую мы имеем намерение двигать наши ноги и наши умы соответственно, а вот чем он был уловлен и почему мы, оставляя все наши причины не осознанными, начинаем бежать туда, где мы объявляемся вообще не существующими небесами, или – несущественными объектами, на которые можно не обращать внимания особенно-то, потому что привлеченность нашего ума-сердца есть повод для озарения означающего порыв, страсть, страстное стремление и многое, многое ещё. Мы переживаем бурное строительство души в этом состоянии - столь бурное, и необъяснимо для нас самих бушующее я отчуждает все привилегии, данные ему от судьбы, от того, что мы так называем с вами, все постоянно действующие комплексы сознания, держа в одной руке мысль я буду это делать!.. а в другой мысль как таковую, неосознанно напрямую связанную с тем поводом, который ведёт нас к чему? дорогая моя Королева. Я уловил вашу мысль об этом сознании в себе как волшебство звучащих аур света, как состояние будущего пространства в вас самой, о, моя Радость!.. Звук сердца непобедим – знайте это. Если я причудливо излагаю вашу мысль, сознательно искажая её в приступе образованности, выровняйте её, пожалуйста. Мне необходим весь комплекс со-этики для того, чтобы понять о каком мы идёт речь в ваших ан-

налах яви. Ограниченное пространство я не умеет быть любимым… - а? - спросили вы, - что это значит. Это значит, сядьте прямо и выслушайте. Вы переставляете фишки с места на место, но вы не двигаете их. Под фишками я разумею некоторое количество воли, которая есть вашем распоряжении и это даёт мне право сжимать пространство, или, говоря об этом иначе, сохранять единство воли в той перспективе, в которой происходят эти перестановки сейчас.

Почему вы называете волю фишками?

Я хочу поправить наши отношения во всём. Я проявил формальность в выборе пространства ограничения и не заметил как стал ограничен сам - я сам стал ограниченным пространством, в себе. Я просто переживал поле как таковое, мне казалось - оно бесконечно! это поле нашей любви и оно таково, это правда; мы сами ограничиваем себя в нём, как потребность в результатах – вот так мы себя ограничиваем, но это не значит, что я зажмусь тут в своём эгрегоре пустых форм я, вот так – пустых, потому что нет в них ни цели, ни выброса воли в пространство эго; они не идут никуда. Это эгрегор лишних людей здесь, которыми управляет это пространство кукол как своими подопечными фигурами, изделиями из я. Во мне никакого утла нет – нет его во мне. Вот возьми и проверь сейчас это. Как хорошист я правильно иду, всё по правилам строится во мне, но почему же

я тогда не отличник?.. потому что я двоечник, вот почему. Я двоечник по определению, двойка моя норма поведения, и всё. Но я, понимая как важно быть любимым тобой, стал стараться быть лучше, как самостоятельное пространство в любви я ноль. Я ничего не умею для тебя сделать – ничего. Я караулил тебя возле плохого театра кукол этих, возле плохих игрушек, которыми мы забавлялись, будучи не в себе. Я сооружал клаустрофобные мысли, обнаруживая их в твоём я вполне согласованными с моими представлениями о тебе же здесь, вот что я делал, чтобы ты не шла дальше меня, ну ты просто забыла об этом, я сейчас уже сам не понимаю многого из той памяти я, она истощилась во мне, я думаю, и хорошо. Простая вера в любовь и ничего более, только она есть сейчас, не ты, не я, а эта вера во мне делает меня тем, что я есть. Построй образ из этой любви, постепенно, не сразу, а продлевая его в пространство фантомов и тем самым освобождая его от них, как от распутства освобождают ум, как любовь от липких рук, как пространство этого неба от пыльных бурь надменности в образе я, ничего более не требуется - только эта вера, она и есть ты сейчас в этом ясном свете моей любви. Постоянство унижения и вот его результат – ты никто передо мной, ты просто память моего слабовольного поля, которое не обрадовалось тебе, а просто стало давать тебе сдачу на каждый твой шаг в нём, вольно или невольно, день за днём оно струило свой свет в твоё небо, не забывая при этом упрятывать свой нос в очки, чтобы считать

себя вполне защищённым пространством, от чего защищённым-то, от чьей-то воли, может быть, в нём, бессмысленно урезонивающей все наши отношения в тогдашнем я-мы, а чья эта воля, ну вот чья она, как шляпа на мою голову надетая и отовсюду видимая.

Ты любишь свою жену?

Я ряженый, по-твоему.

Прости. Мне не нравится то, что ты говоришь в ответ на мой вопрос. Я не имею возможности слышать это здесь.

Да. Хорошо. Я поднаторел в пространственном волеизъявлении, а на самом деле я как жил, так и живу, и ничего не меняется в моём эго, ничегошеньки, я память устыдил тобой, каков я заяц сам по себе! Разум мой застенчив, как крикливая баба я.

Интересно это, а в самом деле – почему ты споткнулся об этот вопрос?

Я не ожидал его.

Моё общение с тобой во многом бесполезно получается - оно выдумано, или - надуманно может быть; ты видишь во

мне зеркало, которое отразит то, что ты ему покажешь, и это двойная ложь, может быть, ты видишь отражение показанного тобой, я отражаю, потому что смотрю на тебя и мы оба в обманном положении, ты всегда принадлежишь женщине, о любви же говоришь со мной; я спрашиваю тебя – зачем, почему ты говоришь это мне?.. опоясывая меня фейерверками слов, удерживая в этом расстоянии от тебя до меня осознанно или нет, или – не удерживая вовсе.

Я говорю всегда о нас - о тебе и обо мне, так как ты моя женщина во всём этом фейерверке слов.

11 января

Я комментирую определённые вещи, но только те, которые необходимы нам обоим в контексте времени нас, а что ты думаешь - так ли на самом деле я справедлив, как мне самому это нужно?.. как я сам об этой справедливости своей полагаю тут. Бог мой, усмотри меня, пожалуйста, в себе, вот я на память пришёл и стал резвиться в ней, без тени сомнения, между прочим. О постижении пространства мы отдельно поговорим - пусть оно будет для нас особой темой здесь. Прости меня за вчерашнее умолчание, я как будто начхал на твои слова, а они мне на память идут. Постоянство образа пути, вот сила, и не стоит думать обо мне как-то иначе. Мне ведь стыдно перед тобой бывает, то есть так стыдно, что я руки жму свои, обращаясь лицом в ничтожное это состояние

себя - я мол как почерк, а так-то что ещё. Никаких сомнений быть не должно между нами, - никаких, то есть не можем мы сомневаться тут, будучи в отдельных пространствах, но вместе тут, пойми это. Как карнавал я иду для тебя - всякий раз переодет бываю во что-нибудь новенькое, прямо как в кино это бывает.

Постоянство эго означает что-то особенное; оно означает торжествующий разум во многих формах сознания, каковы бы они ни были на вид не в своём я-сейчас. Тут трудится вся любовь, в целом её сознании я, а не только её активная часть, требующая формы сейчас в размере строки; это есть свет сознания, а не только плоскость, им освещённая. Не только поднимающая пыль дорога перед нами сама идёт, ты пойми это, пойми. Я путешествую памятью везде, возьми меня с собой. Это?.. Но ведь это неправда, такая же неправда как и мы сами, когда нас хотят уловить в качествах презираемых наукой, о чём она, наука эта, о предельных скоростях сознания, в которых мы кружимся, не всегда понимая почему это надлежит делать так, кропотливо и безразмерно одновременно. Вот в чём вопрос твой, почему я сам по себе эго как результат чьих-то бессонных ночей, может быть, как право даже на эти ночи во мне самом, а потом я становлюсь мал и смеюсь над ними, почему это так. Господь мудр и не лукав, вот что. Я простое имя взял и пришёл с ним к тебе, сам тут. Как правильно понятое тобой пространство мы. А

потом стал хитрить – я стал хитрить, а не ты, и что же я увидел?.. Я увидел, как ты растерялась, как ты стала нелепо отмалчиваться обо мне - потому что я был хитёр, а не ангел твой хитрость во мне искал; не было этого поиска - прими на веру. Я как прелесть форм бежал перед тобой, а ты только осознавала это как тайнопись своего я, пригодную для сознания мы наверху. Приятелище сирых так не делает, Богу угодное пространство не кривит душой. Когда камень с души падает сразу на сердце легче становится, ты как осознанное мной небо здесь, вот так ты есть, и я для тебя то же самое. Послушай, как я стал подобен тебе сам. Как, думал я, мне сердце твоё понять? Ведь ты не вся ко мне идёшь, а так, как частное лицо, в котором дума моя отражается и свет свой имеет без цели, а с одной только мыслью обо мне как о прилежащем пространстве в любви я-здесь. Материя небесных слов свою волну имеет и нет ей преград на пути в разум я.

Я продолжаю спорить с тобой о чём-то своём, я как проступающее в образах небо продолжаю это делать, причём ведь ты тоже это делаешь. Построй некое обретение в себе, мы это обретение сейчас - как казус формы, проступившей на свету в виде…

А ты зачем небо моё перекрывать стал, сам собой в нём любуясь?

Я это делал, чтобы ты себя узнать в нём могла.

А, спасибо тогда.

Причуда сердца велика бывает, как передать это словами? Скажи!.. Это состояние я в любви?.. Как сделать его насущным для нас вместе и быть в нём самими собой здесь?.. Я потому так резок бываю, что не всегда в себе и я не хочу этого более не в себе, надо учиться одолевать безумие форм в своих я, как я это делаю, когда снобизм охватывает мои пальцы и я начинаю дудеть не в свою дуду.

Я хочу попросить прощения у тебя – прости меня и ты! Я столько раз сердила тебя, вызывая на себя твоё неудовольствие, прости меня, пожалуйста, тут и сейчас. Прости мне всё! что лежит у тебя на сердце нездорового обо мне, нехорошего, неправильного, необъяснимого порой, инфантильность, может быть, моя, вызывающая в тебе смешанное чувство, необразованность мою прости, мелочность и мелкость какую-то в мыслях о тебе прости тоже. Прости мне прилипчивость мою к тебе и отторгни от себя все мои долги тебе, постарайся это сделать, я прошу. Прости мне мои вольные суждения о тебе – они не были справедливы, любовь моя, в них был мой эгоизм. Прости меня за то, что я не понимаю тебя. Прости мне это! Я хочу, чтобы ты был здоров и счастлив, чтобы окружающие тебя люди любили тебя и радова-

лись тебе, и чтобы ты был им рад и любил их также сильно и с удовольствием делал им добро. Я говорю это от души тебе, прости мне и то, что я ничего не стою тебе, никакой радости, прости мне и это. Прости, что я не умею эту радость тебе дать, прости, что я была поводом для сплетен о нас, они не были правдивы, любовь моя. Пожалуйста, будь добр и прости мне то, о чём я, может быть, и сама не знаю, а ты прости это тоже. Ты только не подумай, что это какая-то грусть. Просто я хочу, чтобы отношения между нами были ясны и справедливы. Могу ещё добавить к этому сюда – и современны.

Ну да правильно ты всё говоришь. Я же холоден, как чужой букет роз для тебя - кто их вырастил, поди узнай теперь, то есть кто их тебе вручить так сумел, что ты их своими не признала, я, кто же ещё, только я и мог это сделать, как бульвар этот роман. Интегрированное пространство любви в чужую волю - вот что я знаю. Она предельно сжата бывает, от себя добавлю, что эта воля как мнящийся фокус, который перед глазами звездит, а дальше него – ни-ни, ногой не ступи, всё это отвращающе наполнено навозом чьих-то запоздалых форм я. Я проще скажу тебе об этом сейчас - запиши это так, усталость памяти, состояние эго формирует память, состояние эго в любви формирует эту память, и всё, с ней связанное сейчас, становится частью души, как выразить это состояние в словах, словом - как его выразить можно,

если оно движется, как планета, может быть, даже именно как планета, сознательно можно это сделать, не будучи чемпионом по бегу в пространстве я-здесь? Буквенный вопрос, я понимаю, то что сейчас происходит с мы в нас есть просто эгрегоры разных воль, которые блуждают по сиюминутным страницам, не объявляя о себе в составах слов, а делая их своими приспешествующими пространствами здесь. Во мне этот камень валялся, как проступающий на поверхность абсурд воли в знаменателях моего я, сознаюсь. Я потеплею скоро, потому что… ну, нет его, камня этого, - нет и всё. Я его продал! вот так.

12 января

…да, какая-то фальшь в нём есть, но мне необходим весь выбор темы, - мне нужно, чтобы вы сумели считать его по понятиям своего я-сейчас, во времени, как право на исполнение. Господи, – да я берегу вас от этого снобизма, а почему, как вы думаете об этом здесь? Я исполняю самые обыкновенные вирши как хлеб любви для вас, но вам он кажется безвкусен во всём этом дилетантствующем мууууу. Лживые программы не должны иметь хождения в ваших руках, понимаете теперь этот опус как статуарное состояние вашего я в прицеле чьей-то воли?.. или вы всё ещё думаете, что она организует какое-то пространство помимо ублажения себя, да, именно себя, как части этого мира мы. Я должен был скомпрометировать ваше имя, чтобы направить ум воли - ваше

я, мысленное я - в эти высоты души неба здесь. В них качественно меняется эгрегор сознания, практически осуществляя себя в уме как состояние с безоружным пространством эго в любви. Я как заяц трясусь сейчас над этими строчками, которые идут к вам от меня, потому что их надо беречь от ступора воли в себе самоё, который осаживает каждое движение души, Королева моя, явно концентрируя внимание на себе, как на той самой соби, если угодно. Что это за собь такая, спросили вы меня - откуда она берётся и из чего складывается её надменная холодность, организующая пространство во вне как парадокс движения, отбивая охоту вообще к какому-нибудь состоянию. Затем и речь эта ведётся, чтобы понять это. В особенности я есть волновой проектор памяти, который, отражая пространство в себя самоё, делает его частным случаем, Королева моя, своего собственного я, вот так являются на свет лежебоки (лжебоги -?), для которых мир этакая промоушн птица, в особенности если смотреть на неё издалека как на форму своего содержания.

Может быть, вы что-то язвительное хотите мне сказать этими словами.

Ну, нет этого, я только начал понимать здесь кое-что особенное…

Да, хорошо.

какое-то неправдоподобное даже по-своему, не видимое сразу, а только постепенно проявляющееся во мне, я тут - да, это. А чем вам рассказ нехорош показался тот, вчерашний?.. Я прямо вас спрашиваю об этом.

Я думаю, как будто на самом деле я ничего о нём не знаю.

Давайте думать вместе о нём. Видите ли, да, справедливо будет сказать вам сейчас, что союзное вам сердце не молчит. Оно гораздо деликатнее, чем вам кажется самой, Королева моя, и я знаю об этом, но только выразить оно себя… подобия сближаются – вы знаете об этом, кажется, или нет ещё?.. мусорный ветер прошёл, вы понимаете сейчас что-нибудь в себе?..

Простите, - я отвлеклась.

Вы подобия вообще понимаете - как таковые?..

Это какие-то пространственные ярусы, в которых лежат обретённые уже смыслы, ячейки слов, да?

Это состояния души, Королева, в которых мы видим себя уподобленными чьим-то представлениям о нас, или мы сами уподобляем чьё-либо пространство своим представлениям о

нём. Что с вами – вы мне верите или нет?

Да.

Ну, хорошо. Я простительно виноват сам, потому что без такта начал мудрить что-то тут для вас, а что значит подобия сближаются, это значит, что возможность уподобления соответствует сознанию в любви - как перспектива, которая живёт в принципе воли может сама дать о себе знать, Королева, я битый час толкую с вами о самосознании я как подлинника пространства.

Мне кажется, вы что-то преувеличиваете - понимаете?..

Я мог бы продолжить?..

Да.

И это – сопутствующий товар, – помните, такое приложение было к основному пространству в чьих-нибудь руках, мелочь, как будто необязательная, а без неё не строится ни одно я-здесь, без этого саморазвивающегося эго. Престижное это пространство может сколь угодно долго претерпевать недостаток любви к себе, только оно при этом не развивается всё-таки как параметр воли и, строго говоря, остаётся без внимания собственного носителя во внешнем я, и что же?..

проекции памяти идут себе как и шли, но позвольте, Королева, вам заметить, что пустопорожний результат тоже результат всё-таки на определённом уровне сознания и это правда; значит, подлинник лежит, ну или находится выше порога умственной шкалы. Что ж – самое обычное дело иметь в себе соотношение сил с немереным полем в проекции памяти я-сейчас. Пусть вас не утомляет этот текст, я очень живо представляю себе, как вы хотите поскорее отогнуть этот лист и куда-нибудь пойти, ах, заздравная чаша! Я готов лить в неё вино веселья сейчас, и велите мне это сделать, я вас прошу об этом сам.

Понимаете, Королева, - я чувствую как вы увязаете в программе не своего я-сейчас, она тормозит ваши оболочки. Надо сознательно купить себе платье на вырост, сколько бы я ни говорил вам об этом, пока вы думаете о себе, что я не это, или – я не то, я сохраняю безапелляционность. Вы можете обойтись без мыслей о себе как о пространстве без воли? Я думаю, да, можете вполне. Но только это состояние необходимо подтвердить, в немом эго оно часто таинственно прячется, не умея сознаться тут кое в чём, о чём идёт речь. Простите, что я стал принципиальничать там, где надо бы просто уступить место и не делать вид, что я столь важный господин и очки мои на носу для того и надеты, чтобы вы эту важность мою освоили как почему-либо необходимое качество тут моего я для вас, что ж – продолжим. Я надел эти

очки на нос, чтобы лучше видеть вас в себе как в образе моего пространства, в котором я переживаю столь разные, различные между собой мотивы настоящего времени я-здесь, этого, Королева моя, времени, что мне порой самому трудно отличить где я, а где не-я как это самое пространство.

Я живу как образ присутствия тут, как присутствующий образ в вас самоё – я это хотел сказать, ну, и недовольство моё чаще тоже бывает образным, как песчинка, попавшая в глаз, делает зрение неудобным, но чарующие эти магии слов всё-таки существуют, да-с. Мне хочется выровнять ваше состояние со мной, потому что я чувствую, что вы урезониваете моё я в себе, клаустрофобией подменяя пространственную удаль в своём эго.

Вы довольны своим высказыванием?

Но ведь вы не дослушали его, я бы мог притянуть за уши самые разнообразные обоснования этого поля в наших я-здесь, чтобы затем отправить их на помойку как не содержащие в себе ничего достойного рассмотрения в образе мы, а вы бы подумали при этом, что присутствие моё отграничивается обоснованностью присутствия, и не более того, но это же глупо – разве нет?.. Я есть – этого достаточно, чтобы быть самим собой…

С вами что-то происходит, или мне кажется. Я чувствую как вы сохраняете усилие воли.

… в своём я-сейчас. Мне… да, простите, нужно несколько по-иному увидеть какие-то вещи, я кое с чем не согласен теперь и вот я ищу способ это несогласие выразить, уж очень мне обидно, Королева, что вы достучаться не можете до союзного вам самой сердца, да, как дорога, которая вот она, вот же, вот (я нагнулся и показал на неё пальцем), а вы её не видите, получается.

Может быть, я не туда смотрю.

Может быть, я не туда указываю. Может быть, я сам придумал эту историю с выражением воли через ваше я.

Да, это вернее всего так. Вы сами её придумали, и по этой причине, притянув меня за уши к выдуманному вами интересу, не всегда можете определиться здесь, и не сердитесь на меня.

Я так не думаю, я думаю по-другому, иначе об этом. Я думаю, что наше я стремительно нарастает как поток воли в пространство, только мы оба об этом, ну не смеем, может быть, знать здесь. Я хочу, чтобы мы могли выразить её вместе как красоту пространства любви, да, и не ах, а именно это я

и сказал сейчас.

13 января 1

1.

Откуда эти оскорбления, что за ярь такая - для кого она здесь. Не должно ей тут быть, ибо вся она из под полы, а что из-под полы, то умысел тайный имеет, так силы толкутся во внемышленном этом обличье. Я смелее должно быть само в себе, и как эго себя сохранять тут. А что сор из ушей повытрясти надо, это правда так, кликни свой ум здесь, он и придёт. Бестелесое это мы себя слушать заставило, а из чего оно состоит, если подумать, сильно подумать, со славой я подумать, то есть с небесным ангелом своим взять и подумать об этом мы. Какое оно, из чего состоит, какая в нём воля толк свой имеет, чем оно прилеплено здесь, что как кукиш из кармана вьётся [вынимается] да во все стороны им тычет, передо мной идя так, и не безумие ли это моё или ещё чьё сады эти под полой вырастило и тянет оттуда силу мою на себя? Или это другое что-то, вихрем своим в моём я меня к земле прижимает так, что я подняться не могу, а как встану, так тотчас назад отбрасывает и в потёмках елозить заставляет как бы какую-то мелочь ища? как бы на коленях за этой силой ползти, без меры так и образа меня в себе видя здесь?.. поле полем перекрывая, как состояние меня творя здесь из ангела моего, да чарующие эти высоты за славу дней \выдавая/, что ум свой это мы имеет хитрый и жестокий и память

свою из меня ведёт, как бы я одна за него ответственна перед Силой Божественного Ума здесь.

Ежели есть какая неправда между нами, пусть она выйдет сейчас.

Та неправда блекнет перед солнечным светом, вот проси – ум пусть вернётся твой, ведь его на верёвках ведут, связанным держат силы те не твоего ума здесь. Вещий сон мне был о тебе, будто ты себя со связанными руками по миру ведёшь, да только ты сама о том не думаешь и не замечаешь этого как бы, может и не знаешь даже об этом сведении своих рук. Сегодня день души моего я, сегодня я буду правду искать здесь, да пойми ты это правильно во мне опять, что я как змий Богоразвитый перед тобой хожу, чем-то на парию похож, чем-то на скитского этого служку, который воды мне давеча дал. Всякий день славу свою имеет и моление о чаше всякий день идёт, где камень преткновения лежит я тебе уже сказал – во мне он был, а теперь его нет как не было!.. как не было? вдруг ты меня сама спросила об этом.

Что-то тут не то, добрый мой Учитель, что за сон такой – разъясните мне его, прошу вас. А лучше того – скажите как мне из этого положения выйти.

Да. Слушайте это сейчас. Во многом есть совершенно со-

знательные силы души, но во многом они не определены бывают как понятийные смыслы и это делает их незамеченными, может быть. Они превосходят сознание, устремленное в качествах своего я к реализации [к кристаллизации] пространства сейчас во вне, и эта форма есть обыкновение. И вот я берусь, исходя из вашего, может быть, обыкновения растолковать вам виденный мной сон. Первоначальное устремление есть первоформа сознания, эго, которая, по мере развития сил внутренних, становится платформой, на которой стоит всё здание души здесь. Я верю вам, Королева, что вы не имели и мысли блуждать в этих постройках (не приведи, Господи!) не своего я-здесь, а более того (положитесь на меня во всём здесь на это время) передняя часть мозга была захламлена радиометрическим сигналом особых частот, воздействие которых на сознание обедняет ум и вызывает скудоумие, так сказать, в определённых составах воли, то есть лишает сознание воли собственного я в пределах одной личности здесь, ну как если бы вы о себе ничего не знали кроме того, что вы есть. Это, так называемое зеркало - отражатель воли пространства, примененное к вам по правилу исключения из воли пространства здесь, есть способ заставить замолчать единицу воли, исказив силу восприятия действительности под углом, или – лучше сказать - в состоянии я без центра воли в себе самоё, так как этот центр был объявлен несуществующим. Но, моя добрая Королева, ведь у вас есть я и это в целом решает проблему, оставляя её тем, в ком

вы не нуждаетесь как в кукловодах на расстоянии полезного пространства параметра воли здесь. Что я имею в виду, предлагая вам эти строчки в качестве истощения этой дремучей, простите, силы взаимодействия вашего я-центра воли с искажающим его зеркалом. Волновая природа света не только моделирует пространство в центрах активности я-воля, она ещё признаёт мир существующим здесь, во времени, и этого у неё не отнять, как ни крути хвостом, лис, след его истязает пространство и оно, в конце концов, создаёт некую форму, избавляющую от него свой мир. Я просто буду говорить об этом с вами, как настоящее время я-здесь, в котором, собственно, весь этот вихрь слов поэтически образует форму сознания. Думая, что мы разделяем власть над собой на природную и действительную мы тем самым создаём амбивалентную волю в своём я, одна из которых мы сами, а другая вне нас. И это делает нас зависимым пространством, от чего. От себя же здесь. Природа делания такова, я и есть то, что я делаю, я есть это, а не наоборот, простите мне эту вольность, я и делаемое мной одно целое пространство воли. Я постигаю этот мир с помощью делания, не иначе. Если я беру за основу постижение этого мира, то и он постигает меня, если я ухожу от него – он поступает точно также, Королева моя. Такова природа зеркала, соединяющего нас с действительностью пространства воли здесь. Но если в него поставить отражатель запредельных частот сознания я перестану понимать образ пространства - он перестанет воспро-

изводиться мной здесь в качестве делаемого мной мира моего я, и я сделаюсь не важен ему как состояние с ним. Поэтому я хочу, чтобы вы понимали, что активное соединение с могучим импульсом воли врачует, может быть такое слово, состояние я в нас, делает сильнее и значительнее силу любви, которую мы имеем в себе как волю этого мира здесь. Будьте любимы! А.

14 января 1

1.

Я должна открыть эту дверь, и выпустить из памяти всё то, что ей не принадлежит, оно лежит в ней самодостаточно, развиваясь во все стороны, захватывая области моего сознания без права принадлежать ему, и обтекая пространства моего я как некое соизмерение с ним, может быть, во мне самой, объявляя моё пространство чем-то вроде клаустрофобного эго с лёгкостью! достойной уважения в каком-то ином случае, но не в этом. Я трактую объекты как часть своего сознания, а это не так - эти объекты не являются частью моего сознания; они из другого мира любви, который, проявляясь во мне, делает меня синонимичной ему, как некое подобие я-здесь, воспринимаемое пространством за состояние со мной самой. Почему? как сложилось это субъективо-объективное я, которое претендует на обзор реалий, будучи само ирреальным объектом, бессмысленно спорить - оно не ощущает себя мной, как ни уговаривай его хоть чуть-чуть приподняться

над планкой, отведённой ему суггестивным сознанием признаков я, которые, по его мнению, должны, лучше даже сказать обязаны составлять здесь принцип воли. Мой Учитель говорит здесь правду об этом, а я молчу, молча отсиживаясь в своём углу памяти, который прописан мне как зелье, может быть, от безбрежного океана мысли, любви, чувств, состояний…

Что это. Я хочу знать, что это.

Вы дурака валяете сейчас, вот что это, и я прошу вас об этом настойчиво, Королева моя, состояться самой тут.

Хорошо.

…как память, как я - как выражение счастливого соотношения сил в своём собственном эго, о котором мы так подневольно молчим вместе, как будто направляя мысли в другую сторону от него и тем самым не давая выхода чувствам, составляющим его насущную необходимость в любви как в свете, добывающим этот свет для него из самых разных причин. Я вижу, Королева, как наш с вами эго-труд становится бессовестным, по меньшей мере бессовестным. Вы хотите знать в чём причина отсутствия А. в вашем пространстве мы, не содержащем ничего противоборствующего ему самому и не имеющего даже образа этой причины во внешней

памяти я проективного пространства вашего эго здесь. Я думаю, что умаление вашего я и содержание его в неволе не являются этой причиной, как, впрочем, и выбор пространства проекции в память мы вашего я наиболее характерных черт его лица света, таких как поспешность в состояниях я, клаустрофобного молчания памяти о себе самой, ну и, наверное, неопределяемость сознания как высшей формы эго во вне, то есть вы не можете сказать о нём ничего в своём я, есть ли оно, а если есть, то каково это сознание. Парадокс получается неопровержимый во всей этой круговерти слов, или соотношении сил в любви, выраженной в словесных образах пространства мы, качества сознания как такового нет, то есть нет его проявленного свойства получать информацию извне об объекте памяти. Вы думаете, что этот образ строился из ваших парадигм, и не имел ничего общего с порядком воли пространства, в котором происходили события вашей памяти, отменяя одно за другим все проявленные вами фигуры созерцаемого прохождения мы есть эта любовь здесь как наивысшей точки приложения мысли о ней самой. Вправе ли я говорить вам об этом сам или смещение воли приведёт нас с вами обоюдно к пониманию величины образа света, в котором происходит это созерцание, в котором мы с вами просто форма обетования канала памяти я, лежащего поверх осознаваемого нами мира. Я сказал так, имея в виду качество нашей памяти фиксировать события, составляя из них определённый пласт сознания, который мы сами вправе

рассматривать как интересующий нас объект воли в состоянии я-здесь.

15 января

Я верю, Королева, что мы найдём общий язык с конкретикой нашего я-здесь, в котором мы обретаем своё пространство. Я переживаю не ту форму, - сказали вы что-то про себя. Это как это не ту! - возмутился я, подумав было, что мои вирши настроили ваше пространство не на тот лад, и что вы ищете подобие себе в клаустрофобном хозяйстве я [низменного свойства]. Изволите видеть, Королева, что мне приходится самому отвечать за состояния в вашем эго-сейчас, как так самому, вы кто такой сам-то будете.

Есть источниковые силы и их никто не отменял, кажется мне. Или я неправ?..

Мои мысли, мой добрый Учитель, не принадлежат мне, очевидно, - они меня не слушаются сейчас.

Разум не должен так долго стоять на одном месте, ему идти надо. И вот только что ваше небо задало мне загадку тут, при каких таких обстоятельствах наша дружба применена может быть? при любых, и в какой конкретике соль просыпана была для нас с вами в дружбе нашей.

Вы ведёте строчку от тех времен сюда, от пробуждённого этого пространства в оболочках я, в которых всякая сила жизнь свою получает здесь.

А что это вчера о чём речь тут шла, что это вы наговорили мне такое полночь-заполночь, запредельным сознанием моим помавая, или я неправа и вы только хотели объяснение мне своё дать отчего так странно всё это происходит сюда, как книга открытая лежит, а я читатель ей, да по праву ли я такова, или это выдумка.

Я скорость ветра имею и к вам бегу. Проще говоря, Королева, суммарное это пространство, вот что. Как чистота воли себя выражает?..

Чистота воли себя выражает через ясный слог.

Через память, простите, а слог это плюс к ней. Так вот. Через память и соль та просыпана была, ну да делите её теперь, с кем. Передо мной крестовая дама лежит. После очевидных объяснений она перестанет это делать, лежать тут передо мной на столе в виде карточного обозначения самозахвата территории любви проекцией памяти короля в своё, извините, личное пользование. Мнимое ли это поле или оно настоящее. Я не велю вам сердиться сейчас. Господь милостив, и Ему дано знать о сём разговоре.

Господь милостив! моё доброе эго.

Ну, так откройте книгу и читайте, что в ней сказано.

Господь милостив! Он ярок и светел бывает к нам, идя с высот своих Богомудрых, и любви в Нём предостаточно есть, а камень тот из-за пазухи вынуть следует вам самому теперь; выньте, не стесняясь, ну и сдайте в утиль, куда там такие камни сдают, а покуда вы с камнем сидите и устами своими Бога в свидетели призываете, я на вас широко смотрю, ну так сказать из доверия к обзору вообще. Вы ведь как память свободны от меня хотите быть.

Я думаю, ну думаю я!.. раз два три. Духовно, Королева моя, я принадлежу вам и потому я хочу сразиться с неопределённостью в вашем я-сейчас, а чем и как это будет происходить я как раз и хочу вам сказать об этом. Загадочное эго на расстоянии вашей души на меня психологически действует, как объятие или как спазм в горле, извините уж. Я думаю, что восторг ожидания и память речи дадут нам необходимый результат в качествах сознания всё-таки, а не в количествах проведённых вместе минут. Я тут, видите ли, опять сон видел, по сезону, так сказать, идущий, бредовый, признаться, сон, будто вы мне деньги вернули, от кого-то там полученные и говорите при этом на, это твои деньги, они ко мне долго

шли, я, признаться, опешил во сне-то, а вы своё мне, бери же скорее, мол что думать тут, это же деньги, а не другая какая материя, я положил их в карман, при этом полагая, что тут какая-то загвоздка между нами должна быть, ведь я не образ денег для тебя имею и не образ пустых форм какого-нибудь я, над своим богатством трясущимся, как бы оно в деньгах всю суть свою выражало здесь, и стал я тогда внимательно во сне вас разглядывать, всматриваться, иначе говоря, и вот я вижу, что вы на себя не похожи становитесь, как если бы это не вы были, а лицо иного порядка воли, ну так сказать, без пламени в душе, а с одной мыслью об угождении маркитантам этим от хозяйственных нужд, я стал думать, что это не вы и тут поосторожнее надо быть, я говорю вам: ах, да как же я и забыл совсем, ведь я их тебе послал, помнишь, мол я хотел тебе денег дать, да у меня с собой не было, ну так я после их тебе положил на счёт.

Я надеюсь, мой добрый Учитель, что вы не станете продолжать пересказывать мне этот бездельный сон, как если бы он вам был полезен для понимания чего-то уж очень вашего личного в отношениях со мной здесь. Я думаю об этом иногда, месть, может быть, или я сама отмщённой желала быть, не знаю, признаюсь в этом честно, просто не знаю в чем причина заколдованного этого круга в моём я. Интонация ваша наводит меня на мысль о постоянно раздраженном пространстве вокруг меня самой, как бы не дающем мне по-

коя ни днём ни ночью, будто бы я для кого-то, кто и не видел меня никогда может быть, странный интерес представляю, от которого я сама избавить себя не умею. Если это деньги, то подскажите мне как заработать эти деньги, чтобы вернуть кому я должна их вернуть, если это что-то другое, скажите мне об этом, я прошу вас. Я чувствую презрение в вашей интонации сейчас, отчуждающее меня от вас.

Сон я доскажу. Я счёт не открывала, - говорите вы мне в том сне, - для тебя, так что ты не выдумывай, а деньги эти тебе пришли, откуда ты их сам желал получить, так что они твои, получаются. Я побледнел и говорю вам: это правда, я от тебя денег сильно желал и всё форму искал как тебе сказать о них, даже, признаться, память твою тревожил, всё хотел узнать, где бы мне их достать побольше, и тут вы стали на глазах меняться, как будто бы я стою напротив вас, а вы везде, как это объяснить, вокруг меня, и отовсюду деньги даёте, а я их в карманы кладу и благодарен так, что сильное чувство любви меня охватывает к вам и я будто бы претерпевать начинаю, то есть нарочно жгу пальцы бумажками.

Вам моё общество наскучило, может быть, простите?

Н-нет, я так мысль вам свою передаю о состоятельности своего я для вас. Я водоизмещаю, и так плыву. Предоставьте мне это право настоятельного содействия вам.

В чём это содействие себя может выразить?

В инструменте сознания, я думаю. В инструменте поко а поко, которому я отдаю предпочтение здесь. Вы позволили мне дорассказать вам свой сон и я намерен растолковать вам его неприглядное содержание, как мысль, из которой он проявился. Давая взаймы, я никогда не прошу назад свои деньги, это как если бы стать почему-либо носителем чужой кармы здесь. Я не беру назад эти деньги ещё и потому, что человек, помня об их возвращении мне, влияет на моё эго-пространство здесь как настоящее время его личной жизни во мне, я предубеждён становлюсь против его памяти, которая ищет меня своими значениями и необъяснимо трепещет от встречи со мной

Извините! Я рада, что вы богаты и умеете одаривать нуждающихся.

15 января 2

2.

Успокойтесь, Королева. Я думаю, что пустая парадигма, которая прошла сквозь ваш дом, вызвала этот приступ удушья, не стоит на это обращать внимание. Я однажды получил какое-то подобие этого состояния, полагая себя совершенно безоружным в составе этого я, без сомнения ограничен-

ного и предубеждённого, я был, что называется, психически сдвинут и не имел ни сил, ни какого-либо способа выйти из него самостоятельно, я хватался то за одно дело, то за другое, то за все сразу, я отвоёвывал своё психическое я, понимаемое мной как я, я говорил себе - это я, это тоже я, и это я сам, я желал себе самого благодетельного состояния в надежде быть им уподобленным самому себе здесь. Да, разумеется, эта пространственная вошь, простите за грубость, облекающая в формы сознания свою способность соглядатайства, может быть, я ничуть не удивлюсь, Королева моя, если вы сами осознаете это так. Я не склонен смиряться с этим положением вещей в вашем я-сейчас, оно вам не к лицу. Но надо полагать себя вполне обретаемым пространством там, где вы сами хотите им быть, как бы малодоступно оно, это обретение себя, ни казалось вам самой.

Теперь мы станем говорить совершенно о других вещах, которые происходят здесь и являются по сути формой вашего же содержания. Я думаю, что искренность нам будет порукой в этом деле облечения в форму явных представлений некоторых отвлечённых понятий, которые до поры ограничивали ваш мир в себе самоё. Хорошо. Допустим, вы созерцаете пространство ангела света, то есть, по сути, белый лист и это делает вас зависимым от него, вы думаете, что это вы сами. Этот казус мне знаком. Я берегу смыслы, Королева моя, для вас.

16 января

Высокое это право быть вместе - я строг, но действителен, и мне совсем не хочется канючить о вреде пьянства или науке жить под ключом, а потому как поэтическое это мы с семихвостой плёткой в руке, я постараюсь прелестью жанра… осторожничать здесь ни к чему, вы молчите, потому что моя речь кажется вам не искренней, а так, просто шуршанием страниц здесь, в которых вы ищете себя, а находите меня, да притом с кнутом, или вам кажется, что с кнутом, а это не кнут, а другое качество, притом весьма любвеобильное, может быть, весьма дорогостоящее качество быть вам полезным полем я. Простите, я занудил объект, занудил я объект, а не вы его затрепали, как нервы своего я-здесь, как право на истощение реальности под знаком плюс я плюс я плюс я и т.д. Восторг унижения поля, чем? хотите вы спросить, но сдержанно молчите, правом его использования здесь в качестве самостоятельного эго, отойдите от зеркала, оно вам покажется или уже показалось, я думаю, пустой площадкой для игры в весеннюю лужу, может быть, которая отражает всё-таки, как-никак, но отражает и имеет право. Я сказал, что это право моё, а вы – прельститесь.

Тщательность этого опуса несравненна, я думаю.

Я который раз спрашиваю у вас – почему вы так говорите

со мной, как непроходимый сноб, в котором каждая минута фальшь, а слова прикрывают его слабость и неуверенность чувства, или неразвитость этого чувствования; что вы пользуетесь моим невежеством и не признаётесь в том, я часто думаю, - неужто вам это удовольствие доставляет видеть как я теряюсь перед вами, трепещу, делаю глупости, не понимая что к чему здесь, а вы властью своей надо мной похваляетесь.

Простите, я никогда не думал об этом так, как вы сами об этом сказали. Я просто проявлял и проявляю сейчас своё желание видеть вас объектом своей воли.

Своеволия?

Н-нет, это не своеволие, скорее уж пустозвонство в определенном смысле, простите опять. Чем-то я на вас похож стал, необъяснимо это, а вот стал же однако. Я как и вы, ничем не занят, как и вы уживаюсь в памяти с проекцией воли посторонних мне лиц, как и вы провожу время в поисках смысла, отчётливо понимая, что время этого поиска не принадлежит мне самому, что оно является всего лишь пространственной проекцией всего мысленного периода, или состояния воли как мысли о ней, а что я сам при этом делаю, то неведомо никому, как шар, обрастающий тут войлоком времени - я вам не кажусь смешным?.. Ну, по правде если сказать, а?.. этаким объектом несуразным. Я во сне вас ви-

дел, не в пример вчерашнему будто вы скоро книжку издадите, а я в ней живу, как открою, так всё себя вижу, а как закрою – так вы передо мной, такой сон был.

16 января 1

1.

А знаешь ли ты, что значит этот сон?.. Я думаю о первенстве – вот что он значит, как никогда думаю о нём, мне сила воли нужна, вот в чём всё дело, я привык идти по накатанной дорожке, от этого дела к тому, а от того к чьему-то ещё, или как-то там оно само устраивается, да почему я так делаю, я, задействованная здесь единица сознания и это даёт мне право суждения, может быть, обо всём, что, может быть, меня и не касается даже. Ну, - Достойно небо есть! Королева моя. Я вам сказал давеча, что после поговорим об осознающих этих причинах пространственных марионеток воли, что как память - так я, а как воля – так вы это. Ну, добровольны будьте, не всё тут это, марионеточное, уж поверьте. Я через сказочное пространство прорвусь, которое обо мне что-то сильно заботиться стало и чем-то пошлым отдаёт в нос, перегаром, может быть, я не уверен, но может быть это и так, а сильно отдаёт?.. - спросили вы, задумавшись о причине этой отдачи. Ну, нет, не сильно, так слегка отдаёт, прямо или косвенно, а есть этот дух, да вы не стесняйтесь говорить об этом, что вы, в самом деле, трепещете перед чьим-то недоумением - не объект и не воля это, а самое настоящее искушение, да затем

и пришло, чтобы искушать, пальцы искушать, сердце искушать, умом хвалиться. Перед силой всяк пасует - что ему силой кажется, а что не кажется, того как бы и нет для него. Я температуру бредом заменил - извольте выслушать, - а чем этот бред измерить, да перистальтикой и измерить, чем же ещё, и пусть вам не кажется странным этот вопрос а что там было-то, в гнездилище ума этого, базар-вокзал-ступор воли во мне вызвавшем, а в вас самостоятельное мышление. Мне добротой вас измерить хочется, а не этими вы вы вы. Улеглось небо в свои пелены тут и стало охотно исполнять волю о себе, простите, не стоит продолжения этот текст о снах и об их причинах, я хоть и традиционен бываю в своих воззрениях на вещи как на обстоятельства жизни, с которыми можно разговаривать и, добиваясь прямого ответа, находить общее осмысление, язык общий, может быть, взаимопонимание как таковое, а чем я прямо на стул сел, тем думать трудно бывает, да-с.

Ну, так сказать, ещё не вечер. Многое хочет быть сказанным и завернутым в отдельную бумажку под спудом яви я, которая вдруг пукнула в это пространство о себе, это вместо высказывания-то по существу происходящего мотива о вере, о деле, о любви, а что, Королева моя, – разве вы сами не так это чувствуете теперь?.. разве не эта воля заботилась о вашем я как о семиструнной хватке, о полезности которой я промолчу, ну, до поры я это сделаю. Во мне энергия массы

слов копится как полезная работа, как поле, которое пахать и пахать, переосмыслите это пространство на свои руки, я вижу как вы мнётесь в сомнении, что, к чему это всё говорится мне, кто я тут для этого яяя как не право выражения права, диссидентские дали мелькнули перед глазами, а что ум запорошен ими, или кусочек неба мне чей-то видится во сне об этой весне в любви!..

Раз есть это выражение воли, значит, оно кому-то обязано своим существованием здесь во мне, или я вам опять покажусь пустодейкой в своём роде, беспринципно навязанной вам в качестве фигурантки вашего же я. А что мне ещё можно сказать вам, простите, если кто-то изволил пукнуть, а запах ко мне идёт от вас?.. (тысячу извинений)

Я стойко сопротивляюсь этим значениям в себе, я не хочу, чтобы вы так обо мне думали, как бы я был для вас что?.. Я такой же фигурант этой истории, как и вы - истории кукол, имеется в виду, я смеюсь над ними, это правда, только я оказываюсь в подлейшей ситуации сам с помощью этих веревочек, навязываемой мне здесь в глубине этих вот-вот, чья сила отторгает вас от меня? -простите, я сам скажу об этом, сам здесь. За стойкой - стабильной, лучше сказать, - памятью есть другая, выражающая себя как процесс сна, может быть, в глубине сознания, вот об ней-то нам и нужно с вами дознаться теперь как о состоянии управляемом и отчасти

долгоиграющем, так сказать. Я перфоменс придумал - взял и придумал как некое экс-клюзивное право состояться перед большой аудиторией, чтобы после уж самому это делать как вполне состоятельное пространство, по мысли моей, я хотел выразить то, что составляло моё будущее здесь как постоянство требования к себе соответствовать ему и, как это соответствие, к нему идти. Почему я прочертил этот путь в своём я, как бы небрежной рукой брошенный на чей-то лист, может быть памяти, доведись мне это понять прежде, я бы не стал упорствовать…

Простите! Я здесь есть.

обрекая вас на соизмерение со мной во внешнем этом всём. Я умствую сейчас, я понимаю, достаточно отвлечённо, но что-то должно произойти в памяти достойное ведь - я так хочу этого сам, и я долго думал, Королева, прежде чем привести вас в этот угол сознания своего я, потому что он не всегда чист бывает во мне самом, да и не всегда бывает. Я постепенно уменьшаюсь в ваших глазах, но это не значит, что я становлюсь хуже, я просто становлюсь тем, что я есть, обретенной вами памятью во сне, и как вы справедливо заметили, эта память в общем-то моя, а не ваша, и в ней какое-то количество фигур есть всё-таки, перекочевавших к вам от меня, но ведь и я, знаете, нахватался от вас, да, я не определяем для вас сегодня как состояние во всём этом обороти-

стом мире, но это не значит, что я фигура корпоративная и прячусь за чьей-то спиной.

Так что же было? я не верю, что Бога можно обмануть.

Правильно делаете, и не верьте в это никогда. Во всём этом пачкотном, я не знаю как иначе обозначить процессе истязания эго до невменяемости перед самой идеей об адекватности я себе, своему, своей морали, если угодно, ах, да мне не приходится молчать ведь об этом, я соизмеряюсь с вами в этом угодливом пространстве шышел-вышел.

Мне самой надо тоже ведь подумать, есть же иное решение, есть правдивая форма, есть поток сознания и его производные здесь, есть плесень почему-либо, есть материя импульса, если можно так выразить то состояние приятия как однажды найденной почвы, я не определяю черту, за которой есть вы как сохраненное качество мы, во мне оно сохраненное всё-таки, с моей стороны его флаги вьются, а с вашей блеф ли это, как понять я сумею - понять, чьё предательство душу ошпарило, понимаете, потому что иначе не бывает, и как бы я ни хорохорилась мол мне всё равно - мне не всё равно, как вы хотите, это состояние, и что поэзия строк прекратилась в вас самом – мне тоже не всё равно. Я не желаю никого здесь обидеть зря, ни одну самомалюсенькую волю, о степени которой никто здесь суждения не имеет ежели она

в любви идёт к свету, но и обдёрганностью этой я тоже никому страдать не желаю, в том числе и себе самой не желаю этого. Я тут что из себя для вас представляю – какое-то поле и только ведь, а вы его всё меряете, меряете и меряете, а я смотрю, как вы этим занимаетесь и всё спрашиваю у вас, что это вы делаете на моём поле? а вы мне мысли свои диктуете, не спрашивай, молодка, я сам знаю, что делаю, ну, гм, даже забавно да и это тоже – после-то сказанное, что мол я величина несоразмерная вам. Стоит ли говорить об этом, добрый мой Учитель, так, как я вам сказала об этом.

Так я выползок нашёл, на вашем-то поле.

Покажите мне его.

В нём приметы явные сохранились, затем и лежит, чья шкурка, тот в ней и жил, подойдите поближе, не бойтесь, это ж прошлогоднее меню, разблюдовка по системам чакр, чем не сон, да кому вот он только снился, с новыми метами, кому что, как говорится, на ум идёт. Осторожнее, браться за неё не следует, деликатное это пространство, симпозиум врачей, обдуривающих население и призывающих его к невменяемости, отчасти, конечно. Во всём этом, знаете, какая сила лежит?..

Противоправная, я думаю.

Есть такая, это правда, а ещё… Ну, хорошо. Я его просто удалю, выползок этот, ни к чему его тут сохранять в качестве ответа на вопрос…

Что так вы говорите-то, фу!..

...почём нынче душа поэта идёт в эти что? - да завесы, Королева моя, за которыми она не стоит ничего, по совести-то если правду говорить - ничегошеньки она не стоит, будучи в форме примитивно уложенной в эти фигуры, от сих до сих, от эго до верблюда, на котором туземцы свой скот пасут. Ах, да что говорить, Королева моя, почему память бастует, я вам скажу. Это оттого происходит, что её как бы за уши притянули во все эти списки слов-то о ней, что ей надо да как перестать её обслуживать, чтобы она сама тут служить начала, да притом ещё молниеносно.

Ну, вот чурайтесь меня теперь, многие вещи становятся бесполезно весомыми с течением времени в нас; мы как бы их носители, а почему, собственно, я должен таранить своим лбом необъяснимо загружающее меня пространство, простите. Я ведь не автор этой книги, я её носитель, и вы пользуетесь мной, чтобы прочесть её содержание, я любезно передаю вам её, беспокоясь единственно о точности передачи.

16 января 2

2.

Возможно, Королева моя, что я хочу нравиться вам больше, чем имею на то основания, и это делает меня несуразным в ваших глазах, эгоцентричным, может быть, замкнутым на себе самом и не всегда оправданно обстоятельным, да, это. Я хочу, чтобы вы были выразительны, я стремлюсь к этой выразительности, я хочу задействовать здесь большее количество любви, если угодно, чем мне мнится. В моем эго нет фантомов и я не живу чужими чувствами, я имею свои и они напрямую связаны с вами, как пространственное эхо, везде.

Будьте добры, я умоляю вас об этом, пожалуйста!

17 января

Турбулентность движения вашего я весьма отчётливо сказывается на степени обретения пространством определённых нот, определённых состояний, будь то сомнение или сохранение качества, будь то смелость или трусость в постижении обретаемого вами пространства, будь то конкретная форма или видимое сквозь чьё-то состояние, может быть, невольно и не всегда правильно придавая свои значения тому, кто их не имеет в своём эго я-сейчас. Я простая форма обетования, если она не исполнена света, и я Богу угодное пространство, если во мне есть Его свет, и поймите это,

прошу вас понять как состояние я везде. Я как форма плещусь обретаемыми знаниями здесь, то есть делаю их достоянием вас, вами же получаемыми объектами воли в себе самом, будь то раскрашенная картинка или концептуальное рассмотрение. Вы обретаете покой и вменяемость, простите уж, как только это обретение происходит в вас самоё здесь. Вы правильно истощаете фокус пространства, чьё усмотрение, или – прилежание, или даже конструктивно не имеет расстояния по мысли о вашем я-сейчас. Знаете, я стремлюсь быть правильно понятым и не потому, /что/ это стремление моего я, так сказать охоче до мысли об этих мы, для которых я не имею формы, если угодно, а потому, что я сам не всегда адекватен бываю в их усмотрениях, ну извините уж за столь переодетую форму мысли. Да будьте добродетельны сами, вот что.

Извините! Я вмешиваюсь в поток ваших мыслей, может быть.

Я хочу, чтобы вы были дружелюбны во всех случаях я, понимаете - это ведь важно.

Не обижайтесь на меня, я чувствую, когда вы обижаетесь и защищаюсь, как умею, от ваших обид, не умея понять их причины. И вот вы говорите о дружелюбии, ну, а вы – вы дружелюбны будьте также, разве моё сердце не отзовётся

и не перестанет быть униженным пространством несостоятельной любви?.. Да оно и не желает быть таковым, и таковым не является, по сути-то.

Я просто думаю об этом сам. Я хочу, чтобы вы помогали сами себе становиться на ноги, так сказать, чтобы вы, преобладая в своём я как мыслящее эго, могли сами видеть то или иное пространство здесь в истинном свете. Я вас люблю, Королева моя, так сильно и искренне здесь, что мне кажется порой, что я сам и есть эта любовь для вас. Я бы сам хотел сказать вам эти слова, как умею, и я думаю, что у меня получится. Я вправе был молчать об этой любви столько лет, да-с.

17 января 1

1.

Вы понимаете, что я тушуюсь, ну или как бы сказать, применяюсь определённым образом к вам, к вашему состоянию со мной в анналах - а что, постижение происходит, и как бы мы не отнекивались друг от друга, знаете.

То, что вы сказали мне, великолепно само по себе, да, оно таково, но и оно же выявляет для меня самой мою душевную неполноценность в определённых уровнях сознания. Ах, мой добрый Учитель, какая женщина или какой мужчина не хотели бы быть любимы, даже странно предположить подобное, но всё-таки я думаю, это свойство быть любимым

человеком, быть любимой женщиной выражает себя в отношениях между конкретными людьми и выражает себя достаточно отчётливо, в словах ли, в действиях, в поступках, обращённых к любимому или любимой со стороны любящего, что ж, это так.

Во мне какая-то грамотная сила зреет, я сегодня тут понял кое-что. Глубоко запрятанные мотивы счастья не всегда имеют широкоразверстые уши, может быть, их нелегко услышать бывает, порой так они далеки от реального взаимодействия в любви. То есть на внешних уровнях мы легко сходимся в дружеской беседе, я хочу сказать, или в обычных условиях пренебрегаем собственными я ради общего интереса, ради союза, в котором мы сами малоощутительны можем быть для себя же, Королева моя, просто ради поиска общего пространства здесь, ну или образа взаимодействия, в котором сочетаются наши формы я с памятью других сознаний, с их образом восприятия этого мира здесь, но всегда ведь, отдавая дань форме мышления того, другого сознания, мы становимся его частью сами, не так ли. Есть внешние впечатления, есть внутренние ощущения, есть человеческая признательность, которая присутствует в сознании в связи с тем или иным обликом, я думаю так об этом, но это не значит, что я ставлю вам непременное условие думать точно так же, я не ловчу, Королева моя, я просто хочу понимать вас как если бы вы были я сам, и вот я превозношу вас в

этом качестве. Знаете, Королева… впрочем, об этом после, ну как-нибудь то есть. Я претендую на ваше расположение к себе самому, это правда, ну а в остальном я рад буду всякому вашему участию в своём я. Я бегу, может быть, от каких-то наивных мыслей в самом себе, отрицая, и отчётливо отрицая всякую зависимость суждения, находя недостойным эту зависимость качеством любви, я бы мог сто раз повторить это для вас, пытаясь привнести именно эту независимость в наши отношения сейчас, и я не могу понять, Королева моя, как сделать эту независимость нашим достоинством, как сделать её лучшим качеством. Мне хочется привести вас к себе домой, показать свои книги, может быть, постараться охранить вас от чьего-то очернительства, от чьего-то недобросовестного отношения, от пустых разговоров, от неопределённости даже в наших же отношениях, которые я сам себе прописал, думая, что она даст свободу, от чего [от ограничивающего память бездействия силы, может быть] или – для чего?.. для выражения реальности здесь, во внутренних слоях сознания воли, ну да. И вот я делаю это в своём воображении, избегая, впрочем состояний с вами при этом. Я думаю ещё и о том, что ваше сердце принадлежит другому всё-таки, не мне, и послушайте меня здесь об этом, ведь я волен, Королева моя, соединить вас в своём умозрительном поле-пространстве, в котором мы встречаем друг друга прежде встречи здесь, и ласточки любви летят к нам в нём же, и это есть сила, проявленная в нашем я, проявляемая в

нашей памяти я. Не избегайте этого разговора, он важен нам обоим, ведь я старательно заставлял вас трудиться, узнавая всё более и более сложные поэтические формы в вас самоё здесь, по которым мы судим друг о друге, или, лучше сказать, - узнаём, да, это лучшее выражение друг о друге. Я довольно долго трепал вам нервы изъяснениями природы тех или иных пространств, определяющих значимость наших я во вне, природу эго как воспринимающего поле объекта, и вы постарайтесь, улучив время, пройтись взглядом по этим страницам, они обнаружат для вас энергии воли, я уверен. И вот я думаю, Королева моя, что вышколенное это и пересыпанное запятыми пространство моего объекта воли, моей бездумной и школярской любви, недисциплинированной и уж совсем не проповеднической, обретёт здесь свою жизнь для вас отчасти благодаря мне.

19 января

Вот, - думайте вместе со мной. Я смею надеяться на вашу помощь в моих мыслях, о которых я уже говорил вам самой. Мне хочется, чтобы мы обретали мир и согласие в душе, я думаю об этом и хочу, чтобы вы помогали мне, ну, и себе тоже, разумеется, в этих размышлениях обретать то состояние, которое имеет качество любви в нас самих.

Мне моё пространство кажется цельным, единственно возможным, и я ценю его качества за это, и я хочу, Королева

моя, чтобы вы понимали это, эту цельность моего мира здесь, скоординированного, так сказать, в одной массе слов о нём, в одном единственном эго, в моём, я думаю об этом, также как и вы, и мечтаю соединить наши представления об определённых вещах здесь. Широко охваченное взглядом пространство моего я не всегда бывает разумно понятым, так как оно представляя, или – предъявляя взору любящего активное поле мысли…

Архитектурно-образное мышление требует возвышенного состояния духа, нетления в рядах причин, сохраняющих это мышление, предметная усталость ничего не обозначает, она не делает партию соло высказыванием, хоть сколько-нибудь обнаруживающим индивидуальность, и заслуживающим внимания тоже не делает. Я обтекаю предмет мыслями и объявляю его существующим, я ощупываю его мыслями, объединяя разрозненные части увиденного мной мысленным взором моего я, я настраиваюсь на восприятие этого предмета во внутренних мирах и вижу его как пространственное зерцало в себе, оно отражает мои чувства, возвращая их мне в виде себя самоё. Я думаю, что это есть объединение, соразмеренность если угодно, определённых частей, или даже целого пространства мысли в моём эго здесь. Я сказал предметная усталость имея в виду однообразие восприятия, возникающее из бытийного состояния я в нас каких-то, может быть, движущих начал, которые мы вправе на-

звать своим эго здесь, но не вправе позволять ему руководить нами, или – нашей душой, подотчётной Богу в высоких формах сознания. Я исключаю ненависть из себя, из своего я я исключаю её, мне не нравится её взаимодействие с миром моих причин во мне, мне не нравится её активные присоединения ко мне, неподобающих мне элементов структуры мысленного я, унижающих меня в самом себе, я могу быть неугоден кому-то, но это не значит, что я не угоден сам себе. И это важно понять, Королева моя, как состояние с вами я настаиваю на этом понимании. Я предметно исполняю вашу мысль, то есть делаю её всеохватывающей пространство мы и я стремлюсь к пониманию в нём же с вами самой.

Мне хочется понять окрашенность слога звуком, простите. Я думаю, эта зависимость речи от состояния есть.

Да, память фиксирует определённые звукосочетания как фигуры речи в целом, и это делает её выразительной или невыразительной.

Но ведь бессознательные конструкции тоже существуют…

В подтексте, безусловно. Я пою, арсенал моих звуков велик, я думаю, я пою изящно, звонко.

…моё бессознательное дешифрует эти сигналы и подчиняется им, а я сама не знаю о них – ведь такое возможно.

Возможно ли это. Это область не осознанного ещё, безусловно, существует, и она привлекает к себе мысленные взгляды на определённом уровне сознания и, конечно, фигуративная мысль не избегает влияния на себя составом звучащих основ памяти я, да дело в том, что кажущееся вслед за тем облекается определённым видом памяти и мы имеем дело, таким образом, с определяемым контекстом пространства визуализированного объекта памяти, а не его подлинником звучания в нас, так как он имеет личный характер звучания, который невозможно ни с чем спутать, сколько бы мы ни увлекались обстоятельствами пространства степеней воли в нас, но вот сознание фиксирует, что его внимание привлечено образами не своего я и что его память запредельно молчит в ответ на их проявление, не определяя как нечто однородное с ним, и тогда мы становимся аморфны к этим проявлениям. Хорошо, Королева, - я понял ваш вопрос, как энергосодержащий, я преобладаю в комфортном пространстве вашего я и это делает его несколько ущемлённым, может быть, в составе слова, я кажусь вам каким-то победителем вашего я, может быть, сейчас, не отделяя, собственно, построений ума от лапидарных значений мы, в которых все эти пространства движутся, не объединяясь, а только соответствуя этим значениям в высших формах сознания, как но-

умен воли, как ноумен власти над волесодержащим я в верхних значениях мы сейчас. И что же получается - что вы воспринимаете эти звуки как единственную реальность, в которой строятся все эти планы, предназначенные какому-то мы, а вы себя им не ощущаете как раз и вся эта круговерть состояний проходит мимо вас, будоража воображение, но оставляя незадействованным ваше собственное я как потенциал событий жизненного плана в любви, в делах, в развитии реального плана в интересующую вас сторону настоящего времени здесь. Вы понимаете это как состояние с неопределяемым пространством, выражающим волю в области бессознательного.

Менее всего я хочу быть ретроградeн, изображая перспективу памяти, заложенную в основу. Мы сами хотим понять, что с нами происходит здесь и почему это происходит так. Почему воля, диктуемая нам, становится важнее нашей собственной или даже превозмогает волю высшего порядка. Я не судьба - я право на судьбу, и это право является высшей формой сознания, и когда мы обретаем эту форму, то она и становится нашей судьбой. Я задаю вам загадки, вербуя память под свои флаги, а вы попробуйте ответить на них на самом деле, почему бы и нет. Я столько раз держал вас за руку в своём воображении - чтобы вы хорошо думали обо мне, продуманно направляя вашу мысль к себе, я просто могу сознаться в этом. А.

22 января 2

2.

…сопровождалось мыслями, обладавшими способностью истощать пространство воли, присоединяя эгрегоры необычайной резвости, для которых ум был поступательным смещением в область сознания нападствующих на него обезьян мартышек, ловких охотников до добычи из чужих рук, в которых они видели свои отражения здесь, или занимали его собой для вящей пользы своих умов, и это делало их пространство отчётливо сознаваемым институтом я-здесь во времени, поэтому происходило обеднение ума, а не потому, что его кто-то хотел умалить, нарочно выдумывая закрутки покрепче.

Ум есть богатство совести, опороченный ум не принадлежит себе, он выполняет чужую работу, не осязаемую его пространством, бездеятельный ум готов ринуться в любую сторону, лишь бы не сидеть на месте, глядя куда? как куда - в волны неба, которые катятся над ним, или снуют, или ещё что-то делают. Воздух чист, когда вы говорите со мной – я чувствую это, понимаете, отчётливо чувствую, я сам разрываю оболочки сна на вашей станции передач, я сам передаю состояния лучших волн здесь. Я перестаю видеть конкретный мир в обрамлении странствующих мы эго здесь, да затем возьмите объект как мысль о существующем порядке воли

в парадигме сознания мы и будьте прихотливы (как знание о нём, об объекте этом - я это хотел сказать), выразите её своим я так, как вы умеете, а конкретная область ума пусть останется сейчас в объективе памяти я и при этом не возмущается, что её мало слушают. Я важен как актив, - я не важен как пассив, который проявляет эти регионы памяти во мне, я иду и слышу как ты поёшь обо мне, или я сам пою, обедняя это пространство своим пением, а не обогащая его, да ведь я затем и пришёл, чтобы обогащать, вот ведь что, и придирчивость моя не инструмент сознания, она есть постоянно улучшающая пространство мысль, абъяктивная такая мысль, не смейтесь!.. вы смеётесь, я слышу, компилирующая основы, подгоняющая их по образцам под себя здесь - по образцам сознаний своего я, может быть, в конструкциях этого мира здесь, да не волнуйтесь вы - я же за ум взялся.

Любовь, как высшая форма приязни, произведение силы Бога здесь в нас, в наших руках, которыми мы держимся друг за друга, может быть, ты отвердеваешь в моих руках, ты становишься как яркое пятно в моей жизни, я слышу твои линии судьбы на своей ладони, они звучат позитивными смыслами моих форм в тебе, ты оглядываешься, ты разглядываешь, оглянувшись, увиденное тобой и ты думаешь об этом как о свободе сознания твоего я, захваченном чьей-то жестокой волей, звучавшей в тебе как мы, кто эти мы, какие они из себя хоть – вот твоя мысль, признайся, молча так, что я пре-

секал твои попытки сближения со мной из-за нагромождения абсурда в реальных полях я, что я не хотел накапливать в нас с тобой состояния, из-за которых мысль предъявляет чувству, осознанно предъявляет требование не стремится к совершенству, ложная дефиниция, как если бы я порядком воли установил отсчёт времени и стал совершенствоваться в связи с ним, с его приходом и отчислением, или – наступлением. Я вправе переосуществить любое состояние нас - я его имею в себе, и не потому, что я волен как абсурд состояния с тобой в себе же, нет, не поэтому. Я волен в этом переосуществлении по другим причинам, первая это я сам как причина ты.

24 января

Мне сомнения моют душу, я ни в чём не уверен сейчас, я, надлежащее мне состояние, твердит мне это сохрани себя, согрей душу и сохрани её во всём, пусть она будет прекрасным местом наших встреч, пусть это будет она. Я жив и здоров, и я прекрасен, если хочешь знать, я обрадую тебя сейчас своими эгоцентричными выходками, я люблю их объяснять после какими-нибудь необходимостями в нас же самих, какими-нибудь компонентами воли, которые и объединяют нас всё-таки в обоженое поле я, в котором мы сопрягаемся. Я тебя люблю, и ты мне кажешься намного значительнее, чем ты думаешь о себе сама. Я в Москве приложил немало усилий, чтобы понять где ты находишь все эти истории, что-

бы пропагандировать свою версию настоящего времени мы. Чтобы прекратилось обоснование безотчётного вранья, которое происходит единственно из обрамляющего твоё я поля, я выдохнул воздух и набрал новый, чтобы продолжить это повествование сейчас. Без нас дом мы пуст, прости, ну как эго, в котором никто не живёт, не умеет потому что жить в своих личных пространствах, их ядра толкутся без усилий воли, чтобы занять какое-нибудь новое местечко собой и полагать, что это и есть воля протуриваться, или протыриваться, как правильно сказать об этом, в кому-то там подходящем мы теперь, загляни-ка мне в глаза, ну и посмейся вместе со мной – я же соколиный глаз на охоту взял и, знаешь, что он показал мне тут, некое однозначно понятое тобой мы, в котором происходят потоки информации без определения адреса, то есть просто сохраняемое поле потока в неизвестном направлении - а, прости, ты куда смотрел?.. - в твои глаза и в них я увидел это, определяемое тобой как существующее поле мы, в котором вязь слов сохраняет свои свойства быть прочтёнными здесь, а воля при этом становится настоящим временем этой вязи в тебе, но неосновательно это утверждение без эгрегора тех, кто идёт в ней, таким образом, без себя самих, - без семени мы здесь. Я думаю, разум не хочет обретать это пространство в себе так, то есть без основы на которой оно стоит во всяком случае, я так об этом думаю сейчас, и он рассеивает его по близлежащим основам, молча делает это, стараясь облагородить память этого пространства,

сделать её выше перечня лиц, в которых мы узнаём близких нам людей, друзей, знакомых, по понятным причинам ничего не слышащих и не обретающих в своих эго эти кунсткамеры нарочитых судилищ. Я так витиевато описал это положение, что мне самому захотелось исправить его, я просто неблагородно поступил, взял и вымел его вон из нашего дома, да, вот так я сделал это сейчас, как видишь, продуктивно. Я исполнил завет не вмешиваться в дела супругов, чья обязанность хранить дом свой, делать его чище и строительнее, такое слово, да, то есть выжигать из него пространство мусора прелюбодеяния, да любого, как бы оно ни выглядело и под каким бы знаком ни примерялось к нему, как суровая правда о том о сём, или как ублажающая сознание воля - мол ты прими, а там разберёмся как-нибудь кто тут чей муж и за чьим организмом воли охота эта идёт. За чьим покрывалом муторные эти сны идут, за тем и охота, а потому что незачем проекции свои раздавать кому ни попадя. Я перестал както скрывать свои намерения приносить тебе пользу здесь, и ты пойми это именно как разумное желание, а не вырытый под домом канал, уносящий сточные воды сердцеведения, в котором копошатся не опознаваемые волей объекты. Высшее духовное пространство знает за кем оно идёт, для кого раскрываются фрагменты памяти в тишине я и это знание необходимая часть состояния мы, в котором происходит это раскрытие духовных сил сознания для нас обоих, а не только для тебя, или меня, чарующие эти вы, чарующие, выжи-

дающие, выматывающие своим выжиданием объекты воли необоснованных устремлений в воды пространства я, сохраняющие качества тех, кто милостиво разрешает себя пить, определяя таким образом собой того, кто пьёт эту воду тишины. Я сохраню эту тайну души между нами, тайну, между прочим, мою, а не твою, и как ты полагаешь – что я буду думать о тебе теперь?.. как о своём поле я в волшебных ипостасях мы. Я виню себя во всех этих клаустрофобных идиотизмах, которые довели тебя до состояния отверженности здесь, но ведь ты не хочешь этой отверженности и ты просто просишь принести тебе воды, дать пить, неделимое это царство слов, ощущаемое как поверхность пространства а. во мне, слышишь?.. я же не верю другой ипостаси, во мне её просто нет, этой другой.

26 января 1

1.

Ну, вот послушай меня прямо здесь. Никакая сургучная печать, прижатая ко лбу сейчас, не имеет силы в нас, если мы её видим сами, собой видим – своими руками образуя с ней в определённом смысле коду здесь пространственных знаков, усилием воли, если угодно, усилением волевого устремления туда, откуда пришёл Свет, да, это устремление вызывает высший смысл и вы становитесь его приёмником, его орудием, сопровождаемый волей, Он отверзает пространство любви в нас, делая его своим прибежищем, и это становится Его

мыслью о нас, а не какое-либо иное качество, приязнь или неприязнь которых, собственно, есть Его прерогатива. Он иссушает, Он и заболачивает, простите, то, что Ему угодно сделать таковым, а что значит угодно? Волевое пространство может быть сиюминутно, и мы не всегда отдаём себе отчёт в этой сиюминутности нашей воли, которая приближает нас к каким-то отчетливо видимым объектам, и мы устремляемся к ним словно бы в панике, опережая все возможные и невозможные события, а потом падаем без сил перед достигнутой нами целью, не понимая, или – забывая, как нам кажется - почему эта цель на расстоянии казалась нам доверительно и богоугодно сцепленной с нами здесь какими-то узами состояний с ней во внутренних оболочках я, а вот по достижении её мы делаемся бессильны, как будто волокли на себе целый груз из неведомых нам самим объектов.

Видимая цель не есть призыв к воле. Это таинственный фокус пространства здесь, который предлагает нам выражение воли я в объектах сознания, видимых на свету, их качества могут совпадать с нашими представлениями о них, но могут и не совпадать, простите за смелость утверждения, и это делает нас подверженными самоустремленности этих объектов в какое-то иное пространство, чем мы сами, то есть мы чудим, становимся малозначительны сами в себе, лишь бы достигнуть того, желаемого нами совпадения; мы перебираем мишуру промысленных нами пространств ради одной

минуты состояния и готовимся дать сдачи любому, кто посмеет утверждать, что выбор велик, что память врёт, извините, бессовестно и прямолинейно, обрушивая в глаза сотни, а может быть, и тысячи подобных объектов, перелистывая их как жалкие книжонки в себе, отдаляя и приближая, неизменно становясь на сторону всё-таки собственного я здесь, а не выхолощенного кем-то мы. Это строение атома сознания здесь делает нас безвольными в тот самый момент, когда наша воля поглощена объектом нашей воли, ну да, да. Поэтому я хочу, чтобы вы видели и слышали сами, чтобы вы чувствовали как сопрягаются эти силы пространственных образов, может быть, во внятно понятых мирах я. Почувствуйте эгосодержащий объём памяти здесь, его волю применительно к вам самой.

Это учреждение сил в нас не всегда бывает отчётливо воспринято нами самими, так как мы верим более во что-то, совершенно свободное от нас, забывая при этом, что мы тоже вещь, движимая в этом пространстве, что наше эго создаёт образы из него, а не из чьих-либо заслуг перед ним, химических там, или психоделических, и не надо ложиться спать, если ты не хочешь спать.

27 января

Я думаю, вам следует просто поднять голову сейчас, обдумайте это. Этот сон означает затаённую боль в глубине души

и её нужно, и это важно сейчас, удалить, усвоить как пример несостоятельности некоторых посылов сознания. Знаете, как важно делать то, что задумали - ведь это правило никто не отменял для вас, кажется. Я не имею строк для решения, если они не идут ко мне в виде объекта ли, образа пространства, я плещусь переводом смыслов бытия, может быть, да, бытия, - и только. Обрадуйтесь зрелому решению, смело сделайте это здесь, и вы поймёте чья сила тревожит ваши состояния об этом дне, и вообще - я хочу, чтобы вы становились на ноги, на свои, как право на путь. Вы выражаете волю сознания в своём я, которая мучает вас за неистощимость этой боли в душе, которая хоть и вдали расположена, но имеет власть над вами, потому что ваше эго отзывается, а как это сделать, чтобы воля вашего я была практически осуществлена, чтобы это состояние отторженной любви - вы как отторженная любовь - перестало терзать вашу душу здесь в этом моменте вашего я. Поймите же, что простое соединение памяти с проекцией образа создаёт пространство для ума тела души. Вот что я думаю сейчас об этом. Мнимое не есть жизнь - она разнообразнее в своих проявлениях, и мне представляется важным освоить эти значения в вашем я, то есть значения жизни как состояние любви. Вот право на искушение, которое опредмечивается в вашем я, раз за разом обретая всё более унизительный характер; ваша душа стонет от этих опредмечиваний и не знает, как ей разойтись с ними - ведь они буквально ждут её на каждом шагу в ва-

шем я. Я острый разговор затеял, знаю, что вы давно ждёте его здесь, маясь от непонимания каких-то простых вещей здесь, может быть, во сне вам являются страсти-мордасти и вы избегаете снов, просите своё я удалить их от вас, от вашего сознания, просите откровенно, как милости для вас, и это не имеет действия, потому что они простраивают свои неделикатные мотивы, отвращая ваше я от действительности, создавая атмосферу неприятия в вас самой себя самой, так. Я разумею аффект сознания, в котором происходит этот сбой памяти, понимаете?.. как я вам сказал, это глубоко затаённая боль души, которая ждёт своего разрешения. Я сегодня хорошо поступлю, сделав эту боль просто не существующей. Мы давно говорим с вами, избегая конкретики пространственных снов, так словно бы всякая воля есть производное сумасшедших игр в бирюльки, делая вид, что мы чего-то тут не знаем как реально существующее, или избегая знания об этом. Я престижную модель нашёл это называется, кратер вулкана, но смейтесь над ней, потому что он не действует, как сохраненное качество мы – действует, испуская дым и труху любвеобильных строчек, а как сознание мы есть любовь – нет.

Итак! – мне досталось это сознание, и я в нём живу сейчас как сама по себе я, у которой многое есть что сказать, но она молчит, молча прислушиваясь к происходящему в глубине души сейчас и не отзываясь, просто – не отзываясь.

Это как так? простите…

Я хочу чтобы нас объединяла жизнь, а не любовь к состояниям. Посмотрите что вы из себя представляете в своём умозрительном мире - я наклоняюсь, чтобы увидеть это и понять кто эта малость – вы?.. но упредите мои слова, я сам большой, как снежный ком, который нарастает по мере приближения к нему. А если вы ещё освоите, что выход во внешнее я есть вы сами, то дверь найдётся.

Я узурпированная точка света до тех пор, пока её эго находится в состоянии покоя, пространственного такого покоя.

Что такое пространственный покой эго?

Это состояние внутри себя самоё, оно указывает на неопределённость положения сейчас.

Из чего происходит такое положение сейчас?

Из неопределённости помысла о себе самой.

Но ведь мир един, добрый мой Учитель, и эта неопределённость помысла о себе самой имеет какое-нибудь начало.

Да, безусловно имеет.

Вы мне изволили фантастические надежды подавать, направляя моё эго, которое под крышкой вашего я содержалось, и достойны веры надежды эти были, а теперь вам наклоняться приходится, чтобы меня увидеть. Я это понять хочу.

Сублимация совести. Всё переживаемое становится ей подвержено как стать пространства мы.

И ещё - простите – я легко уподобляюсь любому объекту, иногда теряя границу состояния с ним, вот ведь что, и эта потеря границы, признаюсь, смущает меня.

Я безгранично - это правда, и это же свойство осваивает мир. Но подумайте здесь - о каком мире идёт речь.

Да, уже подумала, но так, в общих чертах.

Мир, определяемый сознанием, становится частью души неба. Итак, я снова умоляю вас встать на колени перед образом эго того сознания, которое сделало ваше я осознающим себя в воле, в свете воли, в свете страниц этой воли, и продолжает его делать таковым, но только улыбнитесь при этом - я чувствую как вы улыбаетесь и мне радостно от этой улыб-

ки на душе в вашей душе, и я хочу понять её как относящуюся ко мне, как поэзию меры, может быть, в наших с вами отношениях; я рад.

Я рад чему-то большему, чем вам кажется сейчас, потому что эта радость увеличивается с каждой минутой во мне, проведённой вместе с вами. Я сам не всегда осознаю это, но это так.

27 января 2

2.

но ведь что-то обязывало нас с тобой быть вместе, что же, как не любовь?.. как экстренная сила она идёт, вот так всегда. Я без сердца никогда не жил и мне не хотелось это делать, потому что я думал, что такой жизни нет, сердце и утешит и устрашит, и также от него любовь мы получаем в себе как свет, а какой он, ну какой?.. всегда ясный и сильный, а что он осветит, то уж, как говорится, что Бог даст. Что Бог дал нам с тобой. Мне Он дал тебя, чтобы я уразумел тут право на поступок, а не только на жизнедеятельность в своём организме воли, я решил так об этом сказать, таким образом обозначить своё решение ограничить свой ум кругом мирских забот, не идя далее тварного сознания здесь. Я не боялся потерять тебя, потому что знал, что ты идёшь следом за мной, - что ты исследуешь это пространство своим разумением, своими началами, и я хотел помогать тебе во всём,

чтобы ты могла силою разума своего я обретать то, что я помогал тебе увидеть, разумен ли свет?.. да, разумен. А какова его воля в нас?.. то есть как она выражает себя здесь в наших с тобой я, соединенных сейчас в одно пространство, как мерило чего она в нас идёт?.. как ясное ощущение жизни здесь, в этом времени я здесь, и я настаиваю на этом, потому что настоящее время имеет смысл любви, только оно, ни прошлое, ни последующее его не имеют, так, будучи формализованными пространствами в нас самих, будучи оформленными в состояние покоя, может быть, разница есть между прошедшим и уловимым в сознании предстоящим, как между изделием, готовым к обозрению и ещё только решающимся быть. Но вот теперь это единственное наше владение, в котором мы сами осуществляемся как суть люди здесь, да, - я так сказал, как ты записала.

28 января 2а

2.

Это противостояние совести с волей - оно исчерпало себя. Я бы хотел, чтобы вы знали это уже сейчас, в некоем благодатном пространстве смыслы прощаются с облегающими их оболочками из науми или из ненормированной лексики, и тем более из подленьких смыслов ухаживания за чужой женой, да ведь время не имеет значения, если ему его не давать. Я абсурдом положения загонял вас по строчкам туда-сюда, а сам спал, думая, что вы без меня уж разберётесь как-то. Как-

то – это ещё не время, это его определение, и не обнаружь я вас в этом как-то мы бы ещё долго озадачены были с вами неопределяемыми эгрегорами мы есть любовь. Я вам больше скажу, между нами большой спор вышел на эту тему, как-то. Хватит организовывать пространство по признаку я воля, а ты негодяй, или – я душа, а ты чистое поле, или – я ветер схватил и т.д. Знаете, ведь это поистине скучно, ну вот как кукиш в кармане, так. Бессмысленно, бесполезно, не нужно. Я беседую с вами пять лет о каких-то там химерах в вашем я, а вы себя всё противопоставляете им, зачем они вам сдались, химеры эти, и стали прорастать тут уж чуть ли не лучшими традициями блефа суть, потому что перманентно действующие силы будут отсекать память, сомнамбулизируя ваше эго, заставляя его двигаться под дудку не определяемых экзальтаций я и заставлять плыть – как волшебные рыбы – в весенние эти разливы вод, ещё неизвестно чьих. Я думаю о вас как о лучшем своём времени, и это позволяет мне подводить определённую черту под значимыми пространствами я, т.е. плохо освещённое делать освещённым хорошо! а черта – это линия, после которой местность становится хорошо просматриваемым пространством. Так вот. Я стал осознанно делить пять пальцев одной руки на обретаемое ими знание здесь, во внутренних отделах памяти и так я это поделил, что знания мои умножились при этом, как-то необычно получилось, подумал я, и стал опять делить и т.д. Вот вопрос, он возник по необходимости заглянуть в глаза /поглуб-

же/ друг другу, разве я сам не являюсь тут этим знанием? Я, как утверждающее начало нити-состояния пути пространства в моей собственной памяти, воплощающей этот путь в сознании я?..

29 января 1

1.

Музыка света архитектура есть

31 января

Во мне воля есть - во мне есть её веление знать, жить с этим знанием Бога мудрости света, здесь жить, сейчас. Я люблю Его всею силою своей души, всею своею любовью я люблю Его, и Он отвечает мне тем же. Он знает меня, Он видит меня в себе, как и я вижу Его в себе. Моё знание о Нём столь мало, по величине моего сердца моё знание о Нём в душе, я вижу Его во всём, на что способны смотреть мои глаза, моя речь полна вдохов и выдохов, это Он дышит во мне, осязая мной волнующиеся высоты света здесь, и я сила с Ним. Я везде с Ним, в любой точке моего я я слышу Его дыхание в себе. Его непреходящая мудрость учит меня соизмерять мою любовь во мгле искушений созерцанием Своего света здесь. Во мне нет истины без Него, но Он есть Истина света здесь, в моём я она присутствует всегда и она освещает мой путь везде.

31 января 1

1.

Я пропускаю волю в сознание, я становлюсь лучше от этого, я становлюсь мудрее, умнее, я становлюсь делателем, а не просто игрушкой сил, и эта помощь – скорейшая, эта лучшая для моего я помощь, она придёт и даст мне силу, она осветит меня, и что бы я ни думал по своей ропотности, она станет светом во мне. Я говорю от себя здесь, и я говорю это самому себе, чтобы знать кто я Тебе, мой свет, кто я по праву сознания в Тебе и нет ли во мне ямы или иного какого предубеждения, куда не проницает Твой свет, куда прячусь я сам от Тебя, желая сколько-нибудь оставить себе места для неугодных Тебе действ, неопрятных суждений или иного какого качества мглы. Я бы хотел, Господи, чтобы Ты видел это место во мне и дал бы мне знать о нём, как неимущему подают, так и Ты мне подай грех воли моей во мне и ожги её светом Твоим! и освети её в сознании моём, чтобы я увидел в себе её грех и не скрылся бы от него пока не очищусь сам в себе очистительным Твоим светом любви, ибо с любовью Ты зришь на меня в Себе и я очищаюсь ею, в любви Твоей мысль моя идёт о себе здесь, не иначе. Я страницы испестрил знаками, я стал ум свой сжигать в садах параллельных снов о Тебе, я стал делать вид, что знаю Тебя здесь, а это Ты меня знал, и Ты видел это знание моё, каково оно есть, и не волшебная ли та яма, от веку во мне идущая, а если это так, Господи, то дай мне знать и её, и не искушай меня этим зна-

нием, прошу Тебя, Боже мой, а дай зреть, как зреют вишни или яблоки в саду не едящие их птицы или как охотники не высматривают дичь, коль она не по нутру им и не имеют они в ней желания, а только любуются красотой, не нарушая покой ничем.

31 января 2

2.

Ты дышишь мной, любовь, - я понял это, я увидел это в твоих глазах, в которые я не хотел смотреть, - чтобы не увидеть этого, я не поднимался выше озера твоих глаз, я стоял на берегу, да, я это делал, и я не был внимателен ни в чём, что было общего в нас, я не хотел знать о тебе больше, чем знал, чем умел видеть сам, как преступник видит дверь в доме, не видя самого дома я был, я был устроен потребителем, как луна, чей свет ещё дышит солнцем, но прелесть его обманчива здесь я был, я не умел искать тебя, я ходил в огнях не своего света, а был как свет, как пламя без души я был как войлок, в котором связаны все частицы без счёта и он не знает себя. Бесконечно мудр Бог, создавший меня в себе. Он видел меня как целое я, в котором нет позора войлока этого, нет его в Нём, нет и во мне по Его мысли обо мне, а я стал торговаться с Ним в себе и сделался этим войлоком, да, я сам сделался им и не дышит во мне свет, и вот я ищу Его дыхание в своём я и я вижу как связано оно силами войлока этого, бесчестья моего здесь, небрежения волей Твоей

обо мне. Бесценен мир, коли в нём есть Ты, и он же лишний, если он без Тебя в нём, если он оставлен Тобой и не знает о себе как о мире Твоего я здесь. Я ловлю свет Твой ушами, я слышу его в себе и я знаю его движение как волю здесь, я слышу Твои голоса в себе, о, как их много бывает, когда Ты волен звучать во мне, я чувствую сердцем волю Твою в себе, да, я знаю об этом. Будь милостив ко мне здесь, как отец милостив бывает к своему сыну.

31 января 3

3.

Я бы не хотел, чтобы вы сейчас задумывались над этими строчками - они прозвучали в вас, и того достаточно для этого дня, я думаю, здесь. Мне важно, чтобы это понимание постепенно устремляло вас на поиск выражения в настоящем времени адекватных вашему я пространств, в которых отражены буквально существующие законы этого самого времени.

Я пожинаю плоды каких-то будущих причин света в душе, они есть и это дорогое пространство, то есть оно достаточно долго шло сюда, чтобы быть направленным в неразумные руки, но хлеб един и мы едим его вместе всё-таки (под хлебом я разумею время текущего сознания здесь). Вы определяете свой дом своим отношением к нему, и вы живёте в нём по силам своей души, как память, в которой вы осуществляете

здесь то или иное движение воли в вашем я. И это хорошо.

ФЕВРАЛЬ.
2 февраля 2
2.

Но свет велик, и светильник его во мне зажжён и горит, и ни с чем сравнить его нельзя; нет такового сравнения, ибо, сравненный в себе самом, он становится недоступен мысли, любованию и даже молчанию.

2 февраля 3
3.

Но какая-то воля о нём должна быть!.. и во мне она есть тут. Воля эта – ваша любовь, в которой я великое сомнение имею в себе. А заря – это свет в начале пути, он оттуда идёт сюда и во все места светит, сам собой светит, а не потому что его память к свечению призывает мол, ты свети, а я полюбуюсь.

Неоправданно многое сказано было, мне жолудь из дуба лист вырастил, а на нём ваше имя по краю идёт, как скажете это не я сделал, а чья-то воля?

- Уж не я ли!.. – Ангел мой вскричал, тоску сердечную приняв этой воли на себя, как это среди ангелов водится по переменности их состояний по слову [их устойчивости к сло-

ву].

- Да ты сердце-то закрой, - Матушка его охолонула тотчас, - ты такого царства не знаешь в себе, так что помолчи в себе.

Я как на небо взглянул, - ангел мой после рассказывает, - так ахнул!.. и глаз закрыть не успел как оно засверкало, всё в дырьях, ну, всё!.. прямо-таки, нигде живого места нет, одна ветошь!.. и так, знаете, по краю у него как бы бордюр этакий узорчатый, ну, как ткань бывает без рисунка, а поле обшито как бы.

Я помолчала, ибо как сердце моё заколебалось от осознания этой воли [тайны в себе].

Как это - обшито?.. – спрашиваю у него сама, ибо Матушка вышла на миг в другое пространство.

Ну, как это бывает - другая воля по краю идёт, а всё-то небо без звезды. Ну, как тебе объяснить! я не знаю, - простосердечно Ангел мой сознался.

Что ж, - говорю ему, - рисунок тот красив был?.. – а сама сомневаюсь, то ли я спросила у него.

Ой, - говорит Ангел мой, - очень красив. Синь и тонкие

такие прострочки, а перед синью как бы зной дышит, ну, марево такое - знаешь?.. как бы дым!.. – говорит, - а это не дым, это другая воля к первой пристраивается.

Для чего она это делает?

А, так!.. покружиться, попеть, ну, чтоб долгое небо не искать для этого. – Он свистнул, тоненько так, с придыханием, а сам голову пригнул, дотоле ему казавшуюся не особо важным предметом, что ли, поскольку он её от чужих мыслей не берёг – все они ему в голову летели, хоть тайным, хоть явным ходом.

И ты пригни!.. – и он мне рукой показывает мол, нагибайся же!..

Я совершенно здоров! Абсолютно.

Ангел мой стал топорщиться от этих слов, неожиданно громко прозвучавших в тишине сознания. Его как-то повело в сторону даже; я схватила его за руку, и стала возвращать на место - он мне благодарно кивнул в ответ.

Я верю, - тоненько Ангел мой пропищал, - верю вам, мой господин.

Я в ужасе дёрнула его за руку, - мол ты что!.. Он же ничего, только крепче ко мне прижиматься стал.

Матушка! – крикнула я тогда сама - тут некое пространство метнуло такие искры, что я сама за ангела моего ухватилась изо всех сил в сильной дрожи, не понимая случившегося и как это произойти могло, поскольку небо опять брызнуло искрами, за которыми синь та самая и мерцала.

Во!.. – Ангел мой сказал, и в небо то пальцем тык, а там сквозная дыра оказалась, ну, как бы насквозь пробитая в неведомое никому поле; оно сияло сиянием и всё небо им освещено стало.

А чья же воля шла по краю?.. – продолжила я тот список слов, который прежде этого шёл. Я в сомнении это спросила, стоит ли мне знать об этом, но тут я поняла, что сомнение это ложное и знать мне об этом следует, а из чего я это поняла? - из этих чеканных слов, которые как монета выпали мне на ладонь.

Ты помолчи тут покуда, мерцает в уме сильно что-то, прости. – Ангел мой притих и сам себе шепчет раз два три раз два три раз, - это я думаю так, - говорит, и продолжает это раз два три отсчитывать.

2 февраля 6

6.

Мне приснился волшебный марсоход, он ползал на крошечных гусеницах по крохотному пятачку нашей с тобой истории и казался сам себе съеденным большой птицей, чем-то напоминавшей журавля. Я подумаю вместе с тобой об этом, можно?.. Мне приснился другой сон на самом деле, не такой глупый как этот, мне приснилось, что я сам этот марсоход и ищу что-то, что мне кажется очень важным, каким-то головокружительно важным, я бы даже сказал оно имеет смысл жизни, а потом я проснулся и стал думать об этом сне. Возможно, я лишён чувства юмора в определённой степени, или недостаточно умею выразить это чувство.

3 февраля

Я хочу доставить тебе удовольствие маленькой короткой фразой: я стал ты, когда увидел тебя ещё там, на Востоке, когда ты бредила помоями в душе, не зная истинного слова (света), не умея ничего выразить без обнажения зубов, не умея понять даже какая неисследимая сущность есть ты сама в себе, в своём я здесь, в каких вершинах творится эта любовь между нами и какие великие смыслы жизни лежат здесь в твоей душе, ты была лишена света в том его качестве, в котором нам даёт его Бог, и ты не знала об этом. Я созерцал тебя с крайней осторожностью, я говорил о смыслах, наполняющих кровь души здесь и ты внимала мне с любовью,

свойственной…

…я избрал путь повиновения и искушения, мы прошли его вместе здесь, повиновение силам света и искушения силами зла, силами, скрытыми от глаз знающих свет, но не знающих тьмы и не знающих веления тьмы избегать свет как состояния в любви, как почему-либо состояние опасное, и гордящиеся собой делают это. Они опасаются любви как проявленного пространства внутри них самих, потому что она есть свет, который выявит всё, что есть во внутренних мирах смеющемуся над собой (это название!). Внизу живота есть чакра призывающая нас к долговечности, способная воспроизводить мир души человеческого я, она обуславливает наше имя здесь, которое приходит с рождением в мир человеческой души и оно остаётся с ним до конца жизни света здесь, то есть навеки. Эти сочетания звуков есть имя призыва души, она коробится, если эти звуки искажены, или поставлены рядом с неподобающими словосочетаниями, и она радуется, если её имя звучит правильно, а рядом стоят прекрасные слова о качествах хлеба, исходящего из рук.

Я перестаю понимать осуществляемое нами пространство и потому пишу скверно, тяжеловесно, никуда не годно, я бы хотел большей лёгкости и прозрачности, я не люблю назидательность и вдруг сам впал в неё, что это значит?.. я пристыдил вас, а сам остался без света этого стыда во мне. Я

крошечную музейную вещичку поднял, чтобы показать её вам, и мне показалось, что она вас заинтересовала. Я струю свет в это окно который год и радуюсь вам ежечасно, а вы вдруг задумались обо мне. В беседе с вами я часто использую имя А., которое, хоть и нелепо, но связывает ваше мы с пространством жизни - ваше мы, которое струит свет в это пространство. Я думаю, нам стоит поговорить об этом отдельно, не вникая в обескураживающие вас состояния с проекцией памяти, в которых, как говорится, гусь ногу утопил (в продолжение говорится да не знал где), то есть вы сами себя не узнаёте в этих проекциях.

бесшумно жалюзи упали окна на север; с юга ветер шёл…

Синоним я есть мы, я синоним мы в определённых качествах пространства эго. Мы стремимся к пониманию этого качества однозначно в казарменных шутках и курортных романах, я хочу сказать, что это качество не присуще этим двум видам жизнедеятельности. Продолжим. Я, видимо, дурак бываю в крайней степени износа и от этого свойства быть им надо отказаться немедленно! Я привык болтать о свободе слова как о некоем пространстве выбора в узурпированных мной областях сознания, а ведь эта свобода криво усмехается, если позволить ей выйти наружу и обозначить собой то, что я сам выбрал, она тотчас становится моей несвободой, которую я сам себе назначил как - представьте - лучшее

из возможного. То есть то, что я выбрал, собственно, давным-давно выбрало меня самого как хозяина своего я, и не хочет ни с кем делить, потому что я уже выбран. Я как цель этого выбора, игрушка в состоянии устремлённости, направленности своего я к тому, что я ищу, как мне кажется, сам, а это оно ищет меня, идя навстречу, как раз определяя мою жизнь этой встречей. Я может повиснуть на руках у этого искомого им объекта своей цели, будучи само целью, и тогда цель становится определяющим пространством я.

Я хочу, чтобы вы нравились себе, потому что я сегодня получил телеграмму: мне надоела эта охота за мыслью, которая кажется мне столь же беспринципной, сколь и нелепой и я не вижу себя ни в каком качестве здесь кроме осознающего устройства памяти я, поэтому, мой драгоценный Учитель, я не задаю вам никаких вопросов от себя, и эта модель, к которой вы относитесь с презрительным смешком, как Нострадамус к своей аптеке, в которой он хранил нитки…

Всё это как-то немилосердно, вы правы, быть искомым и найденным и уловленным среди всех прочих, я думаю.

Мне не нравится этот разговор между нами, он неприязнен и отдаёт какой-то бесшумной бранью в мой адрес, ей-Богу, добрый мой Учитель, он не нужен нам обоим.

Я заплутал в каком-то контексте прежде, чем понять это. Я хотел удостовериться, так ли и впрямь я хочу быть выражен вами, через ваше я или мне просто недостаёт какого-то общества, в котором я чувствовал бы свою необходимость, или хотя бы потребность в себе самом.

Что ж, - у вас нет такого общества?

Я повесил нос, есть, конечно, у меня такое общество, есть, и не одно, и не два, много есть разных обществ, в которых я как бы свой, или просто свой, и даже обещание давал чаще появляться одной даме, да, но свет-то мой [в] ваше окно идёт всё-таки, в контурах которого я вижу вас.

4 февраля

Это знамение свыше, Королева, суд пришёл. Не судилище, суд. То, что вы пишите в тишине зерцал есть строение нравственное и его основа вы, вы сами, ваше эго и ваше пространственное усмотрение, я слышу ропот этих страниц во мне, я слышу их движение, и это становится моим созиданием здесь. В мире есть много причин не быть, но есть одна быть и она сильнее становится, когда правда является её воплощением здесь, то есть истинное положение вещей, освещённое сильным светом, становится видимым как результат деятельности сознания в волнах света, исходящих от сердца.

Это сказание о горилле, вынужденной описывать свои я как пространство приписки к ауму, я ни строчки не пропустил в нём, я сделал всё, чтобы оно явилось на свет и стало знамением для осознающих себя, зачем-то я это ведь сделал всё-таки, таково было веление и я выполнил его. Вы понимаете сказанное однозначно, волшебно однозначно, может быть, а что касается меня, то я набит мусором. Я не хотел быть гордым самовластителем своих дум, я хотел просто понять как движется это пространство во мне и я стал умным по мере его продвижения, вы скользнули в сторону взглядом, подумав, может быть, что я отчаянный хват и заставил вас строчка за строчкой вести эти записи здесь…

4 февраля 1

1.

Очень сложная синонимия, Королева моя, тут идёт, я с трудом расчищаю эти смыслы, простите, во мне всё-таки воля вашего я.

Мне не хочется быть вам полезным в этом месте - здесь вырастут рога, если я пользу эту увижу (упаси, Боже!..), на мне, причём они это сделают как немедленный альянс трудового истощения и, представьте – требуемой деликатности кое в чём. Неприметное это пространство, а силу свою имеет во мне, да и как не иметь, добрая, милая Королева, если я «злодейски» остановил вас на середине пути в это поле, в

котором я сам образ, вот так представьте себе это своеобразное положение тут.

Есть такое веление сердцу…

Совесть, как энергетическое поле я, имеет прямое проникновение в сознание, минуя завесы состояний здесь.

Совесть имеет энергогсодержащее поле, в котором видны элементы строения аума, принадлежащие в этом поле, относительно состояния ума здесь, одному и тому же лицу, которое может видеть свои элементы сознания в этом поле.

В верхних рядах этого поля расположены бывают самые различные принципы воли, в которых мы видим свои отражения как состояния эго в нас самих. Мы не всегда умеем распознавать эти состояния под слоями дружбы, завуалированной в хозяйственный расчёт или в какие-то иные формы состояний с судом.

Суд, или совесть, есть принятие откровения высшей формы относительно малосодержательных форм низшего ума, или так называемой памяти состояний я в качестве переживаемого пространства здесь. Вхождение в состояние я-совесть имеет определённый звук молитвенного молчания о себе в смысле я, я и есть эта совесть, то есть всё пространство

целиком составляет эго организма совести, в котором присутствует вся цепь состояний я, непрощённая совесть имеет обрыв в цепи, и таким образом становится препятствием к пониманию пространства я в целом, как пламя, пережигающее явь (нить, м.б.), или как неосознаваемого, неосознанного в целиком охваченном эго совести я. Это состояние есть жизнь в любви к Богу, или боязнь Бога, или страх Божьей кары за содеянное зло кому-либо здесь. Это здесь преследует как состояние совершившего то или иное преступление против своей совести, то есть нарушившего закон взаимодействия эго с Богом пространства души.

Мне кажется, этого знания достаточно для нас с вами, чтобы понять очевидное - душа пятится вниз, пристыженная Божьими угодниками и ей невдомёк что же она насовещала, будучи ангелическим сознанием самоё в себе, будучи тем же ангелом света для эго, ради которого она трудится. Как понять это изречение приидите, и отымется у вас блуд ваш - ? Это значит, что поднявшись к Богу, душа освещена Им становится и Он знает о нас всё, что мы имеем в себе как свет и не поколеблен он в нас, а вот тьма всколыхнётся, открыв под собой то, что было ею укрыто от глаз Божьего мира, а что значит укрыто? - затаено, спрятано, как волшебная дудочка?.. сермяжная правда это значит о приключениях?.. конечно же нет; это значит состояние мысли в нас самих, в которых (в мыслях) мы видим себя и своих близких. Я пре-

терпеваю отношения и я не умею ждать, когда они изменятся, когда они станут лучше, устойчивее, может быть, и я гоню волну состояний от себя с помощью других мыслей, отчётливо осознаваемых мной как мои; я знаю, что они мои, и они должны нравиться мне самому, потому что они возымеют действие, которое я хотел бы получить для себя, и это лучшее, что я могу сделать для того, кто почему-либо давит мне душу притязаниями на мою совесть. Я валюсь без сил, и я говорю Господи! дай мне силы, это же естественно, Королева, как прибыток к воле, которая почему либо истончается, становясь восприимчивой к движению буквально каждого звука в душе. Я хочу, чтобы вы говорили об этом со мной, потому что искривлённое зеркало у носа вашего ангела света, в котором он заражается своими апчхи!.. надо как-то выпрямить, я думаю.

Вам бестселлер звуков подсунули вместо любви, и это кажется несовместимым с агрегатными состояниями я, в которых происходят эти взаимодействия в уровнях сознания, вы понимаете, что Вера, Надежда, Любовь имеют своей матерью Софью, Софию?.. что её учёность и глубина состояния с миром надежды, веры, любви также полны неизъяснимой нежности материнства, которую невозможно отменить, она не отменяется, эта уникальная чувственная материя силы. Да, силы. Это не материальная завеса, это другое качество сознания, памяти, большее, превосходящее материаль-

ные и нематериальные, превосходящее коллоидные состояния с пространством эго в себе, даже те, которые, казалось бы, вне мысленного поля содержат свои устои, обладая порогом чувствительности за пределами сознания. Эта великая нежность Матери пространства, в котором мы живём.

Мы – исходящая из него сила ответа на эту нежность, наша любовь незатейлива в сравнении с Её любовью к нам. Мы испаряем какие-то буквы, мы бередим душу соседа по парте, учась в одной школе этой великой Матери я. Мы Храм строим здесь её любви к нам, а вовсе не требуем лучшей доли как перспективы значений для нашего я, личного нашего я, в котором отражены все будущие поколения, возводимые каждую минуту здесь в глазах этой любви нашей Матери, и мы хотим быть чище, лучше для неё, мы не стыдимся её значений в нас земных знаков я, мы сохраняем себя в них, становясь всё притягательнее в её великом покое материи света, который Она установила для нас своим любящим Оком здесь. Мысль о Ней есть это Око, которым Она видит тебя, меня, всех видит, кто сидит за её партой, кто учится у неё в школе любви.

Я думаю также, что мы осязаем это пространство её руками, будучи уверены в её милосердии к нам, милосердии Софии, которое она выразила в Разуме именами своих дочерей, и то, что непостигаемо для нас может быть с вершин

ограждающего нас Бога в себе, постигаемо с вершин этой мудрости силы для нас. В твоём окне виден свет этой силы, он исходит от тебя всякий раз, когда я прикасаюсь к тебе сознанием, ты начинаешь трудиться, переставляя стрелки часов. В твоей силе есть весёлая радость, которая возбуждает сознание к взаимодействию…

…к игре ниткой жемчуга, ангел росы называется это состояние в нас. В нём многое сказано, в этом названии. Я перебиваю сам себя, торопясь словами выразить какое-то состояние, идущее сейчас от тебя ко мне, в нём много зазеркалья, то есть того, что видно опытным глазом не всегда бывает, что чувствуется, но не видится, что мне охранять тебя надо от какой-то тупой силы, я уже понял давно, правда, и что значимее надо быть тоже понял уже и не играть с огнём в прятки, спрятался, мол ищи меня теперь - а я на дворе стою… Твой Февраль.

4 февраля 2

2.

Святые Божьи источники воду пьют, а из той воды после воля идёт на землю и великий ум к ней прибывает, а чтобы поскорее он пришёл, надо Бога повсюду искать, везде Бог есть, в каждом малом зерне Его воля лежит и для нас прибегается, а с Ним, с Богом, всё легко! Всякое дело ставится на своё место, и как сын придёт, то раннее утро, а как дочь,

то поздний вечер, и всё, что небо несёт нам в такую пору есть свет Его. Ночи нет, есть свет Его в нас, а звезда горит, это для видимости глаз, потому что от неё всякое дело видно тут становится, как преодоление безвидного мира она горит и всякий, кто дотронется до неё глазами, сразу прозреет тут умом и станет видно ему всё, что в небе идёт поверху, что в земле строиться ещё только начинает, а для чего так устроено, Матушка? - Ангел мой спросил. - Так устроено, чтобы люди выше себя знали, а что ниже, то им топтать не велено, вот для чего. - А какая разница между ними?.. раз то, что ниже топтать нельзя?.. – А такая, - Матушка отвечала на это, - что ниже, то расти будет, хлеб колосья даёт и знамение это великое тут.

4 февраля 3 – 1

3.

Но какая-то воля о нём должна быть!.. и во мне она есть тут. Воля эта – ваша любовь, в которой я великое сомнение имею в себе. А заря – это свет в начале пути, он оттуда идёт сюда и во все места светит, сам собой светит, а не потому что его память к свечению призывает мол, ты свети, а я полюбуюсь.

Неоправданно многое сказано было, мне жолудь из дуба лист вырастил, а на нём ваше имя по краю идёт, как скажете это не я сделал? а чья-то воля.

- Уж не я ли!.. – Ангел мой вскричал, тоску сердечную приняв этой воли на себя, как это среди ангелов водится по переменности их состояний по слову [их устойчивости к слову].

- Да ты сердце-то закрой, - Матушка его охолонула тотчас, - ты такого царства не знаешь в себе, так что помолчи в себе [покуда лист не очистится от значений тех].

Я как на небо взглянул, - ангел мой после рассказывает, - так ахнул!.. и глаз закрыть не успел как оно засверкало, всё в дырьях, ну всё!.. прямо-таки, нигде живого места нет, одна ветошь!.. и так, знаете, по краю у него как бы бордюр этакий узорчатый, ну, как ткань бывает без рисунка, а поле обшито как бы.

Я помолчала, ибо как сердце моё заколебалось от осознания этой воли [тайны в себе].

Как это - обшито?.. – спрашиваю у него сама, ибо Матушка вышла на миг в другое пространство.

Ну, как это бывает, другая воля по краю идёт, а всё-то небо без звезды. Ну, как тебе объяснить! я не знаю, - простосердечно Ангел мой сознался.

Что ж, - говорю ему, - рисунок тот красив был?.. – а сама сомневаюсь, то ли я спросила у него.

Ой, - говорит Ангел мой, - очень красив. Синь и тонкие такие прострочки, а перед синью как бы зной дышит, ну, марево такое - знаешь?.. как бы дым!.. – говорит, - а это не дым, это другая воля к первой пристраивается.

Для чего она это делает?

А, так!.. покружиться, попеть, ну, чтоб долгое небо не искать, для этого. – Он свистнул тоненько так, с придыханием, а сам голову пригнул дотоле ему казавшуюся не особо важным предметом, поскольку он её от чужих мыслей не берёг – все они ему в голову летели, хоть тайным, хоть явным ходом.

И ты пригни!.. – и он мне рукой показывает мол нагибайся же!..

Я совершенно здоров! Абсолютно.

Ангел мой стал топорщиться от этих слов, неожиданно громко прозвучавших в тишине сознания. Его как-то повело в сторону даже; я схватила его за руку, и стала возвращать на место - он мне благодарно кивнул в ответ.

Я верю, - тоненько Ангел мой пропищал, - верю вам, мой господин.

Я в ужасе дёрнула его за руку, - мол, ты что!.. Он же ничего, только крепче ко мне прижиматься стал.

Матушка! – крикнула я тогда сама - тут некое пространство метнуло такие искры, что я сама за ангела моего ухватилась изо всех сил в сильной дрожи, не понимая случившегося и как это произойти могло, поскольку небо опять брызнуло искрами, за которыми синь та самая и мерцала.

Во!.. – Ангел мой сказал, и в небо то пальцем тык, а там сквозная дыра оказалась, ну как бы насквозь пробитая в неведомое никому поле; оно сияло сиянием и всё небо им освещено стало.

А чья же воля шла по краю?.. – продолжила я тот список слов, который прежде этого шёл. Я в сомнении это спросила, стоит ли мне знать об этом, но тут я поняла, что сомнение это ложное и знать мне об этом следует, а из чего я это поняла? - из этих чеканных слов, которые как монета, выпали мне на ладонь.

Ты помолчи тут покуда, мерцает в уме сильно что-то, про-

сти. – Ангел мой притих и сам себе шепчет раз два три раз два три раз - это я думаю так, - говорит и продолжает это раз два три отсчитывать.

Да на чём они держатся-то, небеса эти?.. что ты там считаешь в уме - ответь мне тут лучше, я прошу тебя, - стала я говорить это Ангелу моему, и стала просить его точнее это выразить, а не кривляться перед остановившимся перед ним зеркалом, - ты всё время это делаешь как ни прошу я тебя не делать этого, ты понимаешь что они тебя утаскивают за собой?.. что ты им лучше кажешься, чем они сами и хотят себе твой вид приобрести?.. чтобы в силе твоей побыть какую ты от Бога имеешь, сам по себе имеешь, а не потому что упросил кто взять.

Я [расчленилась] разошлась в своём сознании на многоподобия, от каковых у меня самой голова закружилась было, и стала твёрдо стоять на своём мол ты возьми моё я и с ним иди.

Он расчихался, я абсолютно здоров, говорит, я расплакалась от этих слов в устах ангела моего и стала жалеть его в сердце своём.

Ты сам подумай!.. – говорю, - в чём твоя мысль обо мне летит, в чьём она я варится, чтобы после ко мне вернуться

вываренной, как свиное ухо, а я себя узнать не могу в нём, в ухе этом.

6 февраля

Простите мне это сиюминутное вмешательство, или – замешательство, или даже подмешательство к вашему я-сейчас. Я бы хотел понять эту историю с А. более доброжелательно, чем я вижу её сейчас вашими глазами в себе, более адекватно, может быть. Видимый мною мир есть тот, который я знаю, умею понимать как присутствие своего я-здесь, он пульсирует вместе со мной и даёт мне силу этого присутствия везде, но вот что-то истощает моё сознание жизни, что-то делает его как бы не адекватным мне самому и моё умение жить рушится, заменяясь чем-то ещё, каким-то безволием, бесхарактерностью, и я сам становлюсь не адекватен сам себе, как бы я чем-то провинился перед происходящим со мной самим или не умею понять его, не зная происхождения этого, происходящего так со мной здесь. Я бегу к каким-то обаятельным людям, а они отталкивают меня, да ещё так, что я долго кружусь после в танце со своим умом здесь, в котором воображаемые мной картины повторяют события уже прожитых лет, проявляя подробности, проявляя незамеченные мной детали жизненных пространств своего я-здесь в том времени я, в котором я был им нужен, как мне самому казалось, в качестве себя самоё здесь.

Но вот моё сознание истощило запасы каких-то лукавых мудрствований о том, что это было со мной в том времени, я стал сомневаться в своих качествах сам и это сделало меня ещё более удалённым от мира тех людей, с которыми я хотел было связать свою судьбу; я стал довольствоваться малым, как состоянием с этой жизнью, и что же оказалось?.. что я гадок сам себе, вот что, что я не желаю сам себе добра, что я стесняюсь выразить словом то, что я думаю на самом деле, что я иду на попятную при первом же волнении в душе, что я сдаю нервы в обретаемом мной пространстве любви, что я, отлично понимая, что творимое мной есть продукт времени я, тем не менее продолжаю творить это иждивение во внутренних покоях своего я, соотнося себя с пожарами лиц, идущих в моей памяти, как если бы они шли перед образом всеведущего Бога во мне. Я пессимистичен сейчас, знаю.

Ангел мой навострил крылья, чтобы порхнуть прочь от этого синонима света, который вдруг возник на страницах текстом, но что-то задержало его, что-то лучшее всё-таки должно произойти, чем это безжалостное грудебиение без видимых причин, о которых вдруг пошла речь в полном молчании тишины, откуда-то выплыло это состояние с ангелом моего я и стало взаимодействовать, да ещё прилипчиво как-то.

Тише ты!.. –Ангел мой вдруг зашептал мне, покосившись

на осознаваемое пространство, - тсс!.. я здесь температуру тела меряю.

Да зачем тебе она?.. – зашептала и я в ответ.

Она мне вот зачем, - отозвался он также шепотом и достал из-под платья маленький термометр, - видишь? – измерительный прибор называется, - и он гордо показал мне его как стоящую вещицу, которую он к рукам прибрал.

Это ещё что! ты где его взял? покажи!

Ангел мой сжался от такой безрадостной реакции, он ожидал другой, видимо. Тут Божественные смыслы чихнули, и выпрямились, ты почему на себя рукой махнула? спрашивают, ты почему без имени живёшь и живот в руки прячешь?.. ты где этот стол письменный нашла и об него пальцы трёшь, да и иди ты без имени даже кому дело какое есть что ты в руках несёшь, ихнее дело ножи чистить и об себя руки вытирать, а не по полям бегать с темнотой в переулках, да где ты глаз свой нашла, туда и смотри, там заря небу радость даёт, там свиные рыла не живут, нету их там…

Матушка поёт!.. – Ангел мой вскричал от радости, - Матушка! Матушка ко мне пришла!.. – он засиял от счастья, каковое ему редко удавалось испытывать тут. Он так всхо-

рохорился весь, побежал куда-то от радости, потом вернулся тотчас, стал денег на чай просить, - ведь она придёт, придёт! Я же чувствую, как она говорить стала во мне…

…а значения те оставь, мои они, от меня к тебе шли, а ангел твой честен должен быть, ты ему свечу прямую поставь, чтоб он имя твоё перед собой видел, а как выйдет то имя, ты свечу убери тотчас и другую поставь, ещё прямее ему, он знать должен о тебе прямо, а не со свиным ухом о тебе в потёмках мечтать каковое ему на обед подают, да после съеденного уже, а ты прими, чем тебя Бог утаивать будет от стола яственного, как ты красотой своей в люди пошла, а не к Нему, так Он осерчал на тебя, а теперь знает, что ты к Нему лицом стоишь и знамения о себе ищешь, даст Он тебе его, жди, а как даст, так тотчас в церковь иди, и не слепотой иди, а прямо как есть от стола, и нищим дай, чем тебя Бог послал о себе просить, а ангела своего возьми заручителем, да твёрдо стой!.. чтоб ни одна метель не скружила, поесть дадут ешь, попить поднесут пей, а чай свой возле рук держи как он тебе куплен, да не с тем держи, чтоб от себя отпивать, а с тем держи чтоб его больше было. Здесь пиши так: чем меня к себе Бог послал, с тем иду, мне твой ответ не нужен, я перед Ангелом твоим правду вижу, в нём сила сильная есть, по любви живите сейчас, а я знаю как вас найти, найду, не бойтесь, и ещё припиши это тут мол, знайте каков свет, забыть нельзя, в нём память сени той лежит, о каковой люди просят, есть

она, а как кажется что нет, сейчас о Боге думай, она и станет тут быть. Красив мир в любви, без неё миру не быть, и такие слова скажи, они Богу угодны, чем ты себя вскружил, то пусть на землю осядет, а травы той не ешь, она питьё горьким делает, и с тем ещё скажи, чтобы запомнилось это ему, от себя речь веди как ты есть, уврачуй…

Ангел мой в небеса смотрит, каковы они? ему кажутся, или он сам по себе тоже небеса.

6 февраля 1

1.

Поневоле так получается, что я долгим заходом кружусь в уме возле одной мысли и сам же её забываю вам высказать. Эта мысль о вас и о А., который сам по себе прекрасный человек и без сомнения достойный руководитель вашего сердца. Я перетасовал все карты вашего я и не нашёл ничего унизительного в вашем союзе, ничего, представьте. В нем не было благожелательности в достаточной мере, ну, настолько, чтобы вы могли понять это искромётное отношение к себе самой, или кладезь ума был в ваших отношениях не самым важным. Я достаточно долго верил, что вы, обретая в себе… поневоле задумаешься тут, ведь смысл тайного клада… я растерялся, Королева моя, это что же получается у нас с вами, что семя произвольно пошло в рост, без какого либо вторжения в состояние мысли, что вы обрели

пространство я просто потому, что оно было заложено в вас изначально, как самостоятельная единица сознания, прямо хоть Петраркой беги. Я перед вами в совершенной растерянности сейчас стою, как если бы я был подмалёвок, а вы картина, как если бы я был сумасшедший, а вы мне аппендицит удаляли, думая, что тем самым вылечите меня от болезни безумия, я глотаю таблетки от нашествия тараканов в своём уме, а вы хотите, чтобы я спасибо сказал, как мне это видится, вам за это. Что вы, Королева, удумали, бесчестье жанр своевольный, хочет и вторгнется в самый неподходящий момент, гони его после этого. Я буду продолжать премудро лукавить и одиозно бестолковить ваш ум, если наименее образный ряд не возьмёт верх и не станет самостоятельным списком слов. Я думаю об этом в полноте смыслов. Ваш почему-либо устойчивый друг.

7 февраля
Зеленоградская

Знаете, всё-таки сила души вернее тела, она знает куда бежать, как жить правильно, как делать то, что необходимо её сердцу. Я полагаю, это правда, и я полагаю, что это лучшая правда о нас здесь. Я привык ходить пешком по самым застарелым местам своей памяти, я стал делать это недавно, - чтобы уравновесить некоторые, не самые лучшие воспоминания, и у меня это получается; я становлюсь лучше, деятельнее даже, я становлюсь мужественнее, если угодно такое

понимание мужественности как приятие самоё себя в прошлом, я сохраняю единство с ним таким образом и моя память, взаимодействуя с ним, очищается от путей зла, недоброты в душе моего я. Я думаю о себе как о чём-то более угодном Богу, чем мне казалось это прежде самому, когда я думал о себе в третьем лице, в том самом, третьем образе пространства мысли, в котором вязкие сны и недоброкачественные видения могут составить целый план жизни.

Я для вас синоним вы, я сам как некое состояние жизни, в котором отражаются её небольшие озерка, малые светы этой жизни во мне.

… его честь стала поколеблена связью с вами, во внутренних мирах произошёл передел империи смыслов, и вы стали для него образом пространства, в котором он вёл себя неадекватно самому себе. Это состояние эго, которое не всегда бывает уместимо в сознании, оно превосходит его, и это великолепно, это состояние, оно стремится занять собой всё пространство жизни в собственном я, оно делает его наполненным жизнью, светом этой, Королева моя, жизни и я восхищаюсь ею, требуя ещё и ещё этого света в себе, и я Богоугодно молюсь, сознавая, что Бог податель сего есть, потому что Он делает нас людьми света здесь. Он, Его мысль о нас, Его состояние с нами в себе. Я ловлю вас на отчуждении этой мысли о Боге как создателя мира любви в нас, и я хочу

вернуть вас к этой мысли как состояния сердца в вас самоё, сердца в любви, и я думаю об этом сейчас вместе с вами. Соизмеренное с вами пространство не меркнет, оно продолжает быть вашим я и продолжает любить вас. Оно в состоянии перенасыщенности и немо исследует свой мир сейчас, оно просто хочет быть поближе к вам самоё, и неочевидное самовнушение становится явью, постарайтесь это понять как-нибудь.

10 февраля

Я всегда был привратником у ваших ворот души, и становился им… Пречудно, Королева моя, - мне опять снился сон, небо весны я видел, оно обложено облаками и светится как-то странно нежно и странно убедительно, как-то уникально, я бы даже сказал, что за сила в нём не понять, но она есть, словно бы сильный объект с той стороны небес - по ту сторону облаков, что на землю тень отлагают сейчас – плывёт, и пречудно так плывёт, свет его ясен и отчётливо виден в нас, а тень словно бы проснутся ему не даёт и отгораживает землю от этого неба, но вот перспектива памяти, или нет, я не так сказал вам об этом, перспектива жизни проявляет свечение этого неба и оно становится поярче постепенно, уводя облачность и раскрывая это небо в сознании, оно становится беспредельно; как знать, Королева моя, что созидающие нас пространства, постоянно созидающие притом, мнят о нас в своих я, год назад я видел этот сон, и берег тот и сам ветер,

и сохраните его здесь - ведь он для вас был, я думаю, сконструирован в сознании в тьме неведения о себе как о чём-то принадлежащем Богу здесь, в Чьей воле находится ваша душа, я думаю, и вы сами тоже в Его воле находитесь, обретая себя здесь как часть этого состояния в объекте силы, но вот перспектива ложится плашмя, предлагая пройти в неё без денег, без славы, на весу сознания, неся какие-то вольные силы, продувая окна свежим ветром пространств сознания других я-здесь, и что же вы говорите – стой, я не хочу этого понимания себя как части суверенного мне мира сейчас? я не хочу быть Его частью здесь, я хочу быть Его частью там, где Он видит меня в себе?.. Но ведь этого нет, Королева моя, состояния этого нет в вас самой; вы так не думаете и я знаю об этом сам, я знаю как вы косно были удержаны и недостойно это речения даже, постыдное это взаимодействие в проекциях памяти, или даже не взаимодействие, нет, а отзвук пространственных сил на обнажение воли в вашем я, компилирующей страдивари с проекцией без основ, на великом инструменте нельзя играть без любви - это я вам точно говорю, слово в слово, как сохранённая в вас сила, осознанно сохраненная в виде слоёв сознания здесь, о которых мы имели честь говорить с вами уже. Я бегу по равнине, стоя по колено в воде при этом, ну, да бег мой едва заметен здесь, моя память хочет нравиться вам, и это всё, что она хочет сейчас от вас самой. Да волен свет, Королева, я перед вами книжку открою и прочту из неё затерявшуюся главу о сознании

воли как славы пространства Бога здесь, а что вам кажется о себе… мне же перед вами перспективу открыть хочется, а не закрыть её перед вами сейчас, знаете, - луч этой любви достигает вашего я.

10 февраля 1
1.
Я относительно в порядке, но несколько смущён…

…да не в этом дело сейчас, прости, мне просто кажется, что моя воля дороже, чем ты думаешь, она безжалостна может быть, она может происходить из причин, сохраненных в тайне даже от меня самого, я не делю пространство на ты и я и не делаю из этого деления фетиша, может быть, оно едино для меня здесь, едино как некий смысл общей жизни, в которой мы идём вместе по этому времени, в разных судьбах, но вместе; мы не одно и то же, как просверленная дырочка в некий космический объект наблюдателю кажется самим объектом этим, так и мы смотрим друг на друга, мы видим какое-то сияние, какое-то - смешно сказал, прости, мы видим это свечение и сомневаемся а вправду ли это так, вправду ли оно мне дано быть увиденным. Я прост как рыбный суп, да разум мой со мной, никуда он не делся - он здесь идёт, и я вижу как он это делает, раздваивая это пространство, растормаживая его, если хочешь знать, этим двоением. Я не контур твоего я; я его отсутствие здесь, и вот, возьми,

не поленись, этот ворох писем всё о том же, о вселенной я-здесь в Богоугодном этом мире, который не виден нам стал из-за темноты в нас же самих, которая что ни день, то пребывает, пребывает и пребывает, и пребудет ещё, если мы станем злиться тут друг на друга, если мы станем ложки ломать из-за щей, от которых вонь идёт. Я умоляю, – не сердись на меня сейчас, я же пропасть устроил между нами, я же проекцию памяти победил в те дворы, от запаха которых можно с ума сойти, если вкушать его без приязни к жизни как таковой. Без преувеличения могу сказать, разрушь ты мой мир прежде, я бы ничем жить не мог, отвращением жить нельзя нельзя, это правда так. Все бегущие вон должны остаться здесь, в этом дне нашей встречи, пусть она в памяти идёт сейчас; это неважно, старт важен - важен старт в другое небо для нас обоих, и я жалею, что потратил столько сил на деликатничанье в креативах памяти, в которых образ пространства моего я лежит сейчас и вязнет, лежит и вязнет, как посторонний тебе смысл жизни, в котором я угнетаю некое подобие себя же самого здесь, превращая его в поэтическую мудрость, как постель в пружину взаимодействия между полами, я шило на мыло сменял в мешке, чтобы себя утешить мол, это хорошая перемена, она хороша тем… чем она хороша, я забыл. Забыл, потому что не важно это, здесь другое небо идёт, другого размера души, если хочешь знать, и в нём многое проясниться может для нас с тобой, многое произойти от него сюда, я перед жизнью виноват, а не перед тобой, и

ты прости меня за эту жизнь во тьме, да не во тьме прости, а здесь, здесь. Я жлоб, может быть, может быть я такой жлоб, которого за сердце не ухватишь, ибо нет его во мне, а что же тогда я?.. какое я тогда право имею образами манипулировать, или – думать, что я это делаю, если я бессердечный человек?.. или становлюсь таковым, может быть, это просто отчуждение от каких-то пространств во мне же здесь, просто я нахватался ложных эпитетов и стал зазнаваться мол я понимаю, ах как я вас понимаю, а что я, собственно, понимаю, да ничего я не понимаю. Какое я право вообще имею на эти слова – у меня нет их в душе, в душе скользко и холодно, потому что в душе ворóны сидят и сыр клюют, какой я им послал оттуда…

12 февраля

Я сегодня мало спал и весь день выносил грязь из дома, ну да, - просто грязь, обычную человеческую, какая бывает от неубранности или нетрудолюбия, я не понимаю, прости, зачем… я не хотел говорить тебе об этом, я не хотел поднимать полог, пойми, я не мог поступить иначе, чем это вышло, перед тобой я сам, тот самый А. ниже порога сознания, обычного человеческого чувства любви, признательности, ниже, а не выше, ниже чем минус ты, я не мог говорить об этом раньше так, я не умел. Да я и сейчас не умею, я как бы поверх стиля сел, и лечу на помеле, а потом я сел и стал думать с тобой; о чём. Мы теперь недвижимы в пространстве

букв, как есть, просто сами по себе мы. Мы есть ты сегодня во времени я.

Я думаю сейчас о профанации состояния мы. Мы как чувственная мера пространств, а не степень безудержного маразма отношений, к чему? к я, разумеется. Прости меня. Я живой свет в тебе увидела, вот так.

Курьёзно, - Ангел мой сказал, - это. Что ж, может, он и прав оказался. И не сердись, не о чем, нам ещё идти и идти предстоит, так что… Опять ворота те смрадом дышат, я слышу, опять курьёз на фактор воли наехал и стал ему говорить экий, ты, братец, маломасштабный…

Вот, душа, Божеское это дело, как ты видишь тут? как ты разумеешь это, если к небу глаза поднять?

Необходимость заставляет меня мыслить по разному, одинаково, но по разному. Я не струшу, ты думаешь, я…

Мой добрый Учитель! вы поистине ко мне добры, я чувствую это как предельное стремление быть с вами откровенной сейчас во всём, даже в том, о чем мне самой, может быть, неизвестно. Я, наверное, слишком долго спала, чтобы понимать какие существенно важные изменения происходят сейчас в вашем я, и как вы сами, будучи достойны самых пре-

красных мгновений любви во мне самой, самых искренних минут этой любви моего я к вам, к вашему я-сейчас, молчите о них, не прибегая к словесным оборотам, к этой шелухе, по сути, не способной выразить состояние души вашего я-сейчас в моём эго. Мне снился сон как вы размеряете своим я моё пространство жизни здесь. Я ничуть не стремлюсь обозначить что-то от себя для вас, упаси Бог от этих обозначений. Я чувствую себя нелепо во всём этом вздоре, коим обставлена моя мысль о вас сейчас. Я люблю вас, понимаете?

Да, я понимаю. Я понимаю этот возглас сейчас правильно. Он не кажется мне лишним или надуманным, или смехотворным, я не имею жалости к прелюбодеям, мне надо объяснить вам это состояние как иное, объективное состояние с природой жизни, оно не покажется вам чем-то неопределённым. Я сознаю, что надо говорить вслух какие-то вещи, надо их говорить, чтобы они становились понятны тому, кто слышит их сейчас и кому они важны для понимания собственных усилий в любви, в которой мы, говоря другим языком, сосуществуем здесь вместе; мы все живём в любви друг к другу здесь. Мы понимаем это, каждый по-своему, но понимаем, мы принимаем образ того или иного пространства, становясь частью его, становясь его малой, но необходимой частью здесь. Мы говорим о себе я часть этого мира, я обладаю его свойствами и я становлюсь им, потому что он обладает мной; таков этот мир, внутри которого мы осознаём се-

бя частью чего-то несравненно большего здесь, частью планеты, может быть, и больше, чем это. Я говорю вам это от себя самого, моё пространство велико и состояния его велики здесь, мои личные состояния в нём; я неосознанно горяч могу быть иногда, или претенциозен, или неожиданно быстр в определённых масштабах времени. Мне очень хочется быть нужным для вас, я знаю это сам, а не потому что кто-то или что-то подсказывает мне это, я хочу быть возле вас как состояние любви, как это самое состояние, я сожалею о вчерашнем прободении вашей ауры, да, это так. Я минус ты не является опытом бросового пространства здесь, это другое качество его же, это просто образ, лишённый деятельности, что ли, лишённый сознания этой деятельности. Я буду говорить прямо сейчас об отвердении массы сил во времени я, с которым вам пришлось столкнуться, массы нерастраченных, неудовлетворённых сил судьбы, просто брошенных под ноги некоему волевому проекту здесь, и это потепление пространства воли, и моё к вам отношение как к проекции моей личной памяти, и мнимое это поле, от которого я отгораживаю вас руками сейчас, чтобы ваша память не стала злой бомжедомкой, бессознательно, не обретая себя в любви, да, просто в любви, должны стать разумным отношением к я себя самой сегодня. Мне не имеет смысла продолжать этот текст, эта ваша мысль долетает до меня не без основания, поверьте, я не безумный идиот и не делаю скидок тому, что вообще ничего не стоит, или тому, что само в себе не имеет смыслов

стоимости как пространство я-здесь, что не несёт в себе отпечатков хоть какой-нибудь любви.

Я почувствовал себя плохо при приближении этой судьбы к себе, я стал дешеветь на глазах и это происходило со мной каждую секунду - я не стоил ничего, ни денег, ни воли, ни пространства этой воли, минут этих, в которых я осознавал бы себя хоть сколько-нибудь существующим как порядок вещей, искомых и обретаемых здесь, искомых и обретаемых всё-таки, но вдруг я понял, что ты, моя книга, желаешь мне добра, и не какого-нибудь извечного, просто добра, тепла, любви к себе самому, к которому я привык относиться как к грандиозному событию в твоей жизни, забывая при этом, что я сам маленький карманный ножичек, которым ты разрезаешь страницы, чтобы их удобнее было читать…

13 февраля

…может быть, я зря экономлю на чувстве, на Божественном чувстве я, которое в принципе лишено экономии, которое не имеет сил для неё…

Я везде, но где же ты? в каком месте этого я есть ты? во мне ли, вне меня? или я и есть это ты? для чего тогда я? раз так, а кроме того, где же мы вместе? раз нет этого пространственного удовлетворения - пространство не видит нас вместе, оно не имеет такого вида и не может понять поэто-

му о ком и для кого оно составляет эти пентаграммы пути, для чьих рук плывут эти буквы сюда, оно не имеет этого сознания мы вместе в себе как в пространстве внешнего мира я, и вот ещё что я думаю, мы же всё-таки ещё есть оба здесь и в нас обоих течёт настоящее время я, в нас обоих оно становится конкретикой жизни, и я хорошо слышу как ты пишешь мои слова в своей памяти. Я постоянно взываю к Богу, стесняясь, может быть, положиться на Него во всём, что касается нас обоих, я стесняюсь своего Бога, я стесняюсь предложить Ему заботу о нас обоих… нет, не это. Я стесняюсь Его самого как видящего меня здесь, во времени, как часть этого времени, в котором я живу сам, не обладая способностью, может быть, создавать сколько-нибудь достойные произведения здесь, во времени, но зато препятствуя в образе я-здесь присоединению новых форм к твоему я-здесь. Приостановив это время на изрядном расстоянии, я стал маяться, стесняться говорить обыденные вещи, при этом нимало не стесняясь быть твоим сокровенным автором здесь, да, правда это. Я ничем не отличаюсь от тебя, я просто перемещаю книги из одного пространства в другое, чтобы их стало больше, или мне это кажется сейчас. Я устал быть кромешным образом состояний с тобой, я устал делить наше сознание на ты и я, я конкретен хочу быть и понимать происходящее конкретно, то есть так, как оно есть сейчас для нас обоих. Это то, о чем я говорил тебе прежде, но оно не несло для тебя никакого смысла пока ты не осознала, или – осознаешь

теперь, может быть, что твоё поле и я это одно целое пространство в нас обоих и что мы каким-то образом принадлежим друг другу в этом поле, я перестаю производить эту коагуляцию твоего я в себе, и ты становишься свободна от меня, от этих удручающих тебя смыслов здесь, в которых нет никаких процессов, прости, достойных обретения формы я. Мне самому не хочется продолжать эту тему, она пошла и малоприятна как недостойная неба мысль о сознании двух самостоятельно мыслящих, чувствующих, осознающих себя в этом мире я-здесь и не имеющих его по причине отторжения воли, обретаемой там, где нас нет.

Я напрягся сейчас и напряжённо чувствую это состояние в нас обоих. Я должен быть прям и стоек, я должен стать сам собой для тебя, со своим эго сейчас, а не спрятанным в кустах пространством малопонятных измышлений о причинах страдания. Я говорю с тобой сегодня от своего имени и я прошу тебя принять это состояние как размер души сейчас, в котором я нахожусь для тебя сегодня. Это хороший день, он самостоятелен как… или, нет, не как, а сам по себе день нашего я, в нём много книжек и всяких нот, в нём есть ты и есть я, в нём могущество формы сознания, в котором мы оба светимся, или живём, сегодня. Я сдаю память на протоколирование твоим рукам и ты сама удивишься своему состоянию со мной самим здесь. Вот послушай, я стал делать жизнь по совершенно другим принципам воли, я стал думать

о нас в настоящем времени, сейчас, я стал говорить с тобой в этом времени сегодня. Отойди от права быть никем, прости, здесь, потому что такого права нет. Здесь - это сейчас. Я думал, что ты отчётливо осознаешь себя во мне, но оказалось, что это не так, что ты не уподобляешь себя себе самоё, а смотришь на меня сквозь призму навязанных тебе значений в твоём я, которыми исполнена сила вокруг тебя самой, я хочу, чтобы ты была свободна от них и смела быть самой собой во мне. Я берегу силы от истощения их на пространства муры, осознающей такой муры состояний без нас самих, я полагаюсь на тебя.

13 февраля 1

1.

Я просто уберегал тебя от этих дней в своём я; я знал, что они придут и окажется что-то совсем другое, не такое пессимистичное, я думаю, и не такое ортодоксальное. Ты не можешь так жить - так отстраненно от состояния со мной в себе, потому что я сам этого не могу, быть в стороне от тебя. Сейчас произойдут тут эти изменения везде, сразу везде, во всём эго центре мы, мы дороже друг другу, чем ты думаешь об этом в себе, дороже и ближе. Я это ты как простое веление сердца, в котором нет обид, нет и безобидности, оно состоит из нас двоих. Твоя память, чувства памяти…

Я думаю, что ты сейчас сделаешь что-то очень хорошее

для меня, да, для меня самого ты это сделаешь, я даже знаю, что, - улыбнись мне, пожалуйста, вот так.

14 февраля
любый при мне отворён будет!

прочти это: как ты о себе думать будешь, я снюсь так тебе. Вот смысл, и возьми его.

Эта удивительная заносчивость пространственных сил в нас, которая как будто требует отторжения, не ища выражения, не имея синонима для этого выражения, что ещё, да, вот - везде мы, как я, как ты, но это мы на самом деле. Я старательно перевожу в объективное пространство то, что на самом деле сидит внутри и жуёт, извини уж, такое слово, мои мысли о тебе здесь, оно это делает. Богу угодно было свести нас, на самом деле свести, а не потому что Ему показалось что-то о нас с тобой. В откровении мысли я узнал об этом сам. Это пространство позитивно, - я уверяю тебя. Оно обладает явью строк в сознании мы-сейчас. Мне не всё равно, что ты думаешь обо мне, и дело не в том, что моя память закабаляется, обрабатывая пространственные посылы, имеющие силу оставлять её в потёмках сейчас, нет; дело в том, что ищущее нас пространство есть вымысел о нас обоих здесь, - то есть в том виде, в котором ты обладаешь им в себе, вот так вот, это вымысел, а не то, что я говорю тебе от себя сегодня.

В нас есть точка опоры Божьего Ангела здесь, во времени, в нём самом этот вымысел спрятан, может быть, а как его извлечь оттуда, чтобы не навредить никому здесь, кто бы он ни был. Я не льщу ни себе, ни тебе, как ты хочешь, только вещь эта должна быть сделана.

Я чувственно узнал о его существовании, вымысла этого, домысливания, можно и так обозвать это наведение. Я постарался изъять его оттуда, из сознания мы-здесь и увидел полуразрушенное пространство [полуразрушенное пространственное здание] судьбы, становящееся мало-помалу цельным по мере удаления из него этих самых стоящих элементов, сохраняющих объект как предельно жёсткое соединение, упакованным в это соединение в осязаемом мире мы-здесь в состоянии я. Знаешь, что я подумал об этом, всякое строение суть вещь, объединенная планом сознания, я понимаю, что путеводная нить, которую мы держим в руках, нам нужна самим и мы не можем отдать её кому бы то ни было, даже если захотим это сделать, почему-либо сделать это. Я сколько-нибудь означен для тебя в своём я-сейчас и стараюсь быть понятым тобой для тебя же здесь, для своего эго теперь, в котором мы оба живём как в памяти я живут люди, знаки людей, их символы, символические обозначения труда рук, памяти души, и я, сев однажды рядом с тобой, почувствовал, что ты безотчётно трудишься, пропуская сквозь себя, сквозь своё я, точнее, сквозным потоком эти состояния

обретаемого тобой пространства; я обнаружил это случайно, увидев в себе то, что дано видеть тебе, и я стал думать об этом так - моя аура света могла задержать в себе эти видения, она могла создать их по облику и подобию того, кто видит этот мир так - по облику и подобию объекта воли этого мира-пространства, кажущегося тем более телесно упакованным, чем более в нём обретаемых объектов судьбы-здесь как качества жизни этого пространства, и я стал делить нас с тобой на ты и я. Никакой особой тайны в этом делении нет сейчас, оно жёстко регламентировало пространство твоего я и я становился в нём этаким профаном, ну, может быть, не совсем, каким-то окрадывающим и вместе с тем обогащающим объектом, в котором сочетались все что? я вообще, я думаю, они стремительно размножались в памяти, покидая её вместе со мной в качествах, о которых мы сами думаем, что они есть в нас, а их нет. Их не может быть, этих качеств сознания, в которых мы отрицаем сами себя, в которых мы видим искажённую суть вещей, или – бестолковую, не определяемую сознанием как настоящее свойство вещи подниматься до уровня осознаваемости сейчас. Заметила ли ты, что мне приходилось, да и сейчас приходится ещё, поднимать в памяти какие-то отдельные, казалось бы ни с чем не связываемые в сознании объекты я, для которых разум должен найти подходящее место в памяти и, задержав его (это выбранное им место), выкинуть его вон?.. то есть вывести за пределы памяти я. Это остановленное когда-то время, вро-

де песочных часов. Нам надо перестать быть тугодумами, в чьих умах настоящее время путается с прошедшим или вообще не существующим даже. Думай обо мне хорошо и ты увидишь результат, да, я знаю, что качество жизни зависит от нас самих, пусть она будет ясной, реально чувствуемой, эта зависимость от нас, я говорю это тебе сам сегодня.

17 февраля

Да, какие-то краски я нашёл, ну, и стал любоваться ими, а как же, ведь сила идёт через цвет. Вы обретаете пространство в цвете. Я вас прошу, Королева, подумать здесь об этих полях цвет и жизнь - цвет как состояние жизни во вне, ярок ли он или бессовестен как пространство без мзды, имеется в виду без ответа как состояние я-здесь. Мне, как непременному условию жизни, надо быть с вами, сказал свет, - и Он стал здесь… да поймите вы это, что здесь непонятного может быть, я не знаю, что свет – это жизнь и есть?.. или что любовь есть свет этой жизни?.. я же думаю об этом вместе с вами здесь, и что мысль любви есть свет - это вы осознаёте в себе? Я думаю, да, осознаёте, знаете даже как чувство любви проявляется в вас самой как состояние мы с этим миром – с этим в себе самой. Я вас люблю - вы понимаете этот текст, эти слова вы понимаете как состояние я во вне?..

Кое-кто испугался моей любви и убежал, а потом стал делать вид что её нет, или не было, или она делась куда-то.

Извините, я договорю, пространство же отразило это с точностью, только наоборот. И оказалось, что я и есть тот, кто убежал, или я – искомое им пространство здесь, притяжение которого для него закон, не поймите меня превратно, невежество моё велико, и пользоваться им грех, и если я сама делала это, простите меня.

Я конструирую мысль по образу и подобию её носителя здесь, я осознанно тружусь и не держу зла в душе.

Да, простите. Я о себе говорю теперь – я такой вид сделать не смогла. Как по вашему это получается, вот это неумение моё? сделать вид - отсутствия любви в себе? Она есть.

Было колдовство это тайное, не было, - не имеет значения сейчас, есть это сейчас. Я же чувствую как сминаются эти значения, как они становятся из могучих принципов воли ничтожными потакалами и не знают об этом ничего, мгновенно выстраиваясь в бестелесые ряды вихрей в моём я, - чтобы запутать, создать оболочку непонимания, унизить, и уйти, смешавшись, и это всегда так происходит, как только я касаюсь темы любви ко мне самой того, кого люблю я. Это просто сказать, да трудно выразить, этими словами это чувство не выражается, да пусть будут они здесь.

Я буду думать, ведь и всякая моя мысль остановлена бы-

вает на этом месте, что ж – разве нет?..

Грех есть в запятых идти вместо правды, и воздух уши имеет, если его запереть как следует.

А что, мой добрый Учитель, - моё сердце правды не знает?

Знает, во всём знает, а когда не знает, стало быть, дороги ему не дают, только ты не то молчи, а то молчи, где уши заложены бывают за спину, как восемь-то лет назад. Этот поток слов может быть горьким во мне, да ты его возьми, он оттуда идёт, где всё это было на самом деле.

Я сам оправдывал себя во всём, что я делал.

Не получается этот рассказ, такие вещи вовремя надо знать, а теперь они не нужны, - так мне кажется, злость к рукам липнет, а она не нужна.

Туча тяжёлая идёт, воздух электризован. Я иногда смеюсь тут, знаешь, как будто я ничем от тебя не отличаюсь и говорю то же самое и люблю так же и тех же, как будто я их знаю в себе, а они меня, но ведь это не так, - я же понимаю, что это не так. Я просто думаю о тебе. В моём сердце воля бежит от тебя, я на стул сел, и сижу, а сам ищу мысленным взором то, что нам с тобой надо понять обоим, почему мы оказа-

лись на иждивении, мы как будто в каком-то поле застряли и нас кружит по нему, мы идём, мы всё время идём по какому-то полю, из которого, кажется мне, нет выхода никуда. Вот дверь - это выход? или это вход в иное пространство мы сами здесь? Я перечувствовал столько лун!

Восемь лет я бежал с тобой по этому полю состояний, обретений, я думаю, ты понимаешь, о чём я говорю, нам надо сесть рядом и делать то самое кино, я бессистемен сейчас, я чувствую это сам, как-то безделен даже; здесь вышел круг, по которому я иду, и мне, - мне надо выйти из него, это прежде всего остального должно сделать, потому что я не так самодеятелен как сам того бы хотел, может быть, или желал, или надеялся на своё имя во всём этом пространстве нас, но ты не подумай, что я охвачен какой-то злостью, нет этого ничуть. Я поступаю правильно, говоря с тобой об этом здесь, хотя ты и не очень хочешь меня слышать, потому что я слишком далеко сегодня и изменчивость моего я в тебе искажает пространство мы, потому что мы это то, что неизменно и не может вмещать больше двух, двоих тут, в одном доме. Всякому мы предшествует некоторая воля, всегда она есть, её невозможно спровоцировать, можно создать иллюзию пространства мы иногда. Почему я решительно остановил словопрения об обладании порогом сознания за пределами мы, потому что мысль моя о тебе упрощена стала, а этого не должно быть. Ты сама знаешь как бывает не по себе,

когда кто-то молчит рядом, думая о своём или полагая, что думает, а на самом деле считывая с тебя же твои мысли, твои чувства, твои сомнения и возбуждая аппетит к говорению, к злоупотреблению этим говорением; я не однажды сталкивался с этим состоянием в себе же когда, смолкнув, я начинал слышать абсолютно неведомые мне объекты воли, в тишине я они шли ко мне и я не мог понять, что со мной происходит, почему они так жадно, да, жадно добиваются моего внимания, что им за дело до меня, почему они хотят, чтобы я слышал их в себе, или я сам невольно привлекаю своим состоянием открытости?.. зачем я им, неужели им не с кем больше поговорить о себе; наверное, думал я, они видят во мне своё отражение и хотят доказать ему что-то, считая, что я могу быть им полезен, но почему во мне?.. мне казалось, что это инсинуации головных волн, идущих от крайних точек сознания во мне же самом; я бы хотел быть понятым тобой, обернись в лучшую сторону во мне - да, ты понимаешь, что это значит, обернись туда, где я свет, где я важен как свет для тебя и я стану им тут, я научу тебя жить в радости, в радостном пространстве нас, в котором всякая воля есть радость, несостоятельность эта не может более продолжаться в нас, потому что она мгла, недужная, нездоровая мгла, в которую мы погрузились для того, чтобы подняться из неё к свету и обрести в нём себя самих, а не состояния, в которых мы узнаём или не узнаём себя здесь, в которых мы отражаем и бываем отражаемы сами, в которых мы бьёмся

как в тисках чьей-то воли, не умея понять, что с ней делать, с волей этой, не умея отринуть её порой, не умея даже осознать иногда, что она не нам принадлежит. Вот это-то тайное стремление раскодировать твоё я от неопрятных мыслей и пространственных прилогов не принадлежащих тебе реалий и подвигло меня быть твоим проводником в пространство воли, и я счастлив им быть. Я задумываюсь о нас, потому что во всём этом прикосновении, которое есть настоящее время, я ограничивал и заставлял действовать твой ум, я удерживал твои умозрительные цели, не давая им развиваться в отдельные пространства судьбы, чтобы они не уводили путь в сторону, чтобы они не составляли пространственные ограничения здесь в нашем я-сейчас.

18 февраля 1

1.

Вот Божественная память, в ней есть всё, что нам нужно сейчас, всё. Приди и возьми, я слышу воздушные мытарства каких-то струй, беспорядочно переплетающихся перед началом какого-то нового, иного движения в любви, несовместимого с тем положением вещей, в котором мы пребываем с тобой обоюдно, мы не понимаем кто мы друг другу, мы, чувствительные души, не знаем сами, или – не умеем определять свои состояния, обедняя тем самым я себя. Я не был великаном зари, я стал им, я просто стал давать тебе уроки труда тут, я недоступное тебе пространство, недопустимо недо-

ступное, как пожиратель хлебов, сладчайший грех перерос в казнь, я не пойму этого. Мне нечем укрыть тебя, сказал я и, завернувшись в одеяло, пустился наутёк, я думаю – куда и какова была цель, да, вот такая всамделишная, определяющая поступки, смещающая представления в ненастоящее время, не настоящее, а как бы раскрашенное под него.

вспоминая о тебе теперь, я удивляюсь - зачем ты оскорблял меня? какова была цель, и странно то, что я помню оскорбления, мне кажется, что тебе именно хотелось сделать мне больно - или моё восприятие было таково? Скажи честно – ты понимал сам, что делаешь мне больно? Мне кажется, что я не злопамятна, но, возможно, это не так, какое-то особое свойство было в твоём поведении со мной - я видела, что оно есть, но что это я не знаю, как ты думаешь могло ли это свойство твоего я вызвать во мне чувство огромной тоски по неведомому мне тогда качеству жизни, а? наполненному неиссякаемой энергией духа. Может быть, ты кого-то искал во мне, кого слышал твой слух, но не определяла память пространства воли во мне, может быть, это стало моей незадачей перед тобой. Просто я думаю почему моя память не дорожит тобой, почему она нагнетает отчуждение и я не воспринимаю тебя разумом своего я, где эта загадка, в тебе ли она, или во мне самой, ведь после встречи с тобой я испытываю истинное восхищение, происходит раскрытие тайны памяти, она возбуждена бывает очень сильно, малей-

шее прикосновение к тебе вызывает это возбуждение памяти и напряжение чувств столь сильное, что я перестаю принадлежать себе самой, я куда-то мчусь, лечу, но потом всё как-то устраивается, я смиряюсь, что ты не со мной вместе, и это всё кажущееся, и продолжаю вести эти записи здесь. Я не спрашиваю для чего они, понимая что большая их часть принадлежит пространству иного порядка воли, иного качества любви, в которой я узнаю свои чувства, может быть по силе переживания, к тебе, но, видишь ли, твои чувства ко мне - ко мне – вряд ли были таковы, возможно, они были к другому лицу здесь и они, твои чувства, почему либо проецировались во мне. Вероятно происходила какая-то путаница отношений между тобой и кем-то ещё. Надо говорить об этом, понимаешь, потому что я строю какие-то догадки, тревожа тут твою память не определяемым этим во мне пространством, будто бы я скрытно живу, сама не понимая что я делаю.

Живое слово. Я постараюсь объяснить тебе это. Смысл в том, что мы любим друг друга.

Да, прости. Мы поговорим об этом, я думаю.

20 февраля

Я думаю о вас как о себе в этом танце весны. Подумайте и вы обо мне, - мне хочется, чтобы вы это сделали, как-то от

себя. Я вскружил вам голову многочисленными заявками на память вашего я, и сейчас отступаю в тень вашего сознания, потому что она, под звуки вальса… не поймите меня превратно, этот вальс честен был - я танцевал с вами от души. Мне кажется мы слишком упрямо не доверяем друг другу, понимаете – слишком.

Понимаете, ваше право говорить, что угодно вам сказать мне.

Ну да это не всегда так. Во мне нет этого права, оно есть в вашем я. Я сам пестую своё воображение иногда, занимая его пространство тем или иным смыслом движения души, но вот какая здесь воля может дать нам право на состояние мы, загляните в своё сердце, вы ещё видите в своём сердце. Я сохраняю свойственный вам образ мыслей.

А он у меня есть? простите, Учитель, - у меня есть этот образ мыслей, который вы сохраняете?

Я бы хотел поведать вам одну занимательную историю, раскрашенную под ваш образ мыслей, о А., которая, хоть и произошла здесь, в вашем я-пространстве, но вы, как ни странно, о ней ничего не знаете ещё. Она, эта история, хороша тем, что её не было на самом деле, она состояла, - и состоит сейчас, - из огрубевших в пространственном вакууме

посылов в память вашего я-сейчас или в ваш аум, который проецировал эти посылы, состоящие из целого ряда альтернатив так называемых аббревиатур эго я, в которых вы рассматривали своё отражение в пространстве мы эти люди. Я боюсь столпотворений в суставах воли, потому что они приводят к образованию массы сил, в которых мысль ограничена бывает и не имеет, как правило, самостоятельного значения и потому суждение, как и прямое соответствие правде сознания, может быть камуфлировано под общее значение, соблюдающее в основе своей некие, гм, некоторые усмотрения на исходящие силы как на процесс обетования во внутренних мирах пространственного а.у.м.а света здесь. То есть торжище света, а именно ум, оказывается как бы посреди толчеи мыслительных чемпионов [частиц] памяти. Я первый кому-то наступил на ногу и стал казаться выше от этого наступления, и притом с размаху это сделал, так сказать, с набегу, с наскоку. С направленностью мысли вовне происходят эти смещения, потребляя энергию воздуха, мы сами впитываем эти частицы, которые идут к нам от волн разного качества. Разнонаправленные, они объединяются в общие модели сознания, становясь как бы клейким веществом, отлепить их от себя бывает затруднительно, они как бы впаиваются в наше сознание и держат его под своим воздействием как истинное небо.

Мне надо поговорить с вами об этом в памяти вашего я

сейчас, как об одном из необходимых элементов знания, в котором удерживаются не только ваши руки, но и ваша душа сейчас, вам не надо объяснять это как состояние с большим вас самоё пространством, в котором мир велик и гармоничен. Я буду говорить об этом ещё, а теперь подумаем вот о чём. В моём эго втёрлись очки, принадлежащие одному словоблуду, он утверждает (к примеру) будто бы я вам давно знаком и имею виды на вас, а также что я, будучи пространством без имени, могу спокойно прочесть в памяти любое ограниченное, то есть принадлежащее кому-либо объективно, сознание, что из этого следует для вас, Королева моя. Из этого следует, что мои объективные высоты памяти могут занять своим я то, что по сути им не является, а заняв, вынув оттуда интересующую меня информацию об объекте моего интереса, распорядиться с ней по своему усмотрению. Как, кажется, просто.

Что стоит за этим сознательным актом души, провозглашаемым мной как воля, инсинуирующая пространство, не созидающая его, а как раз инсинуирующая /поля, произведение которых и является актом души сейчас/, то есть делающая вид, что они есть, а их как раз нет. За этим актом души стоит неопределённость, так как она не понимает или не умеет знать, что любое, спровоцированное в памяти поле-пространство будет иметь сообразные координаты, сообразные их создателю, так. И вот я вижу, Королева, как эти

самые поля ложатся на память их создателя и уносят его в те самые дали, для которых он, будучи волевым инструментом состояния с ними в себе, является организующим началом, так. Сила сознания велика, Королева моя, она так велика, что каждое её движение, самомалейшее, способно управлять стаями птиц в полёте, отважьтесь это знать, она может создавать аэродинамические потоки сознательных сил, может ложиться на землю и уходить под воду, а поднимаясь из воды, снова лететь воздушными путями, сердце ищет /следы/ этих знаков для своего пробуждения здесь. Я повторю предложение, я сказал вам, что сердце человеческого сознания в состоянии определить подлинность значений воли в своём я, имея пространство открытым перед собой в волне света, но какая-то сила побуждает его раскрываться насильственно, именно так – насильственно, предполагая очевидно, что за памятью эго стоит великолепие чужой души, в которую не грех и заглянуть, раз уж она нараспашку. Так вот эта история, которая была вам обещана мной. Мне не хочется сбивать вас с толку, говоря вам о чём-то лимитирующем ваш жизненный план в качествах я, ну, таких как постоянное оцепенение пространства мы в вас самой, вы думаете, что я выхолащиваю ваше постоянно действующее поле, я струшу и убегу, вы думаете, от вас, я сделаюсь пустым войлоком вы думаете, но погодите так думать, Королева, я приберёг память и стану мять её, чтобы вышли эти занозистые кавыки, в которых спрятано ни много ни мало ваше эго сейчас. Ну,

будет ветер, да нам с вами не привыкать. Постепенно умалчиваемое тут становится как бы вообще не существующим в памяти я, как бы нет его вовсе, а вот оно как раз и говорит о себе, становясь в своём роде антиподом творимому пространству везде, где есть вы. Вам достаточно вкусить плода зрелости, чтобы озаботить себя этим рассказом о невиновности автора перемен в вашей судьбе, я буду говорить впрок.

Перед тем как произойдёт это слияние я буду говорить в вопросах и ответах, я буду молча говорить, молча, всегда молча, я передам ей те сознательные импульсы, которыми она заставит себя раскрыться и станет молча отдавать мне то, что я хочу у неё взять, всегда молча, она будет говорить мне в ступоре воли о своём эго, чтобы я мог наблюдать за её жизнью, за её движением планет, бесстрастно и никогда не будить её во времени чтобы она не смогла заметить…

Что это значит? спросили вы, впрочем, не так однозначно, разумеется. Это значит, что вы произнесли вслух те самые загадочные до сей поры, минуя я, – я сказал вам об этом уже - магические у-у-у, которыми вы были втянуты в состояния. Синоним мысли – акт волевого содействия уму, который используется на входе в пространство мы. Сейчас вы поймёте, не думайте об этом. Стоя под напором волевого воздействия, вы всегда сообщали о своих планах-намерениях некоему пространству, вы боялись открыться видимому вам, по-

тому что невидимое шелестело прутиками за вашей спиной. Какими ещё прутиками!.. возмутились вы, да по состоянию на сегодняшний день их нет, как видится это теперь здесь. Простая символика ангела света противопоставлялась, - я думаю, не мешайте мне это делать, - конструкциям из нержавеющей стали, в которых отражался его свет из ваших окон. Закройте это письмо сейчас.

21 февраля

но ведь сила мышления превышает силу бодрствования, – сказали вы мне на это, всё предыдущее.

Я почему-либо память отсёк от своих минут сегодня, то есть сделал её отсутствующей здесь и она стала проситься назад, дай мне, говорит, подержать тебя за руки, я стану слушаться тебя и не молоть чепухи, я буду очень послушная память. Послушай, - сказал я ей на это, - ты веди себя смирно, тихо себя веди, а не встревай в мои дела, которые тебе невдомёк. Она обиделась и ушла. Просто встала и ушла в свои туманы. Вот так поступает память, если с ней долго не общаться и держать взаперти, например, в образе ты. Она становится мягкосердечной, наивной, долго не может понять о чём речь, а после она встаёт и уходит. Она покидает нас, оставляя наедине с самими собой и становится ясно, что мы без неё никто, ни ты, ни я, ни третье лицо. Она груба в этом смысле, то есть не имеет чувства полезного или бесполез-

ного, она просто помнит и сохраняет нас в своём уме, для которого она нужна во времени. Проявленное пространство дышит этой памятью сейчас, в нём всё – сейчас, я сейчас, ты сейчас, мы тоже сейчас, и мы наслаждаемся этими сейчас во вне, но внутри, в нас самих, они почему-то не всегда таковы и мы избегаем встречи с ними, с этими не наслаждающими нас, минутами наших я, а они, как нарочно здесь, и почему-то именно они, а не те, в которых мы были счастливы вместе. Я обладаю способностью возвращать жизнь минутам любви в нас самих. Это называется музыка, я музыкант и молчание – не моя стезя, я всё время звучу, как память звучу тоже, я живу в звуках здесь, исходящих из поднебесья звуках, и это есть моя жизнь. Во мне какое-то честное слово застряло, я не могу его выговорить, оно стоит поперёк горла и молча ждёт, когда же наконец его произнесут, когда. Бессчетное количество раз я пытался выговорить его, но память моего я вставала и уходила на этом месте, она боялась, по-видимому, что я, сказав это слово, тотчас усну как сурок, перестав беспокоиться о ней в своём я. Поистине велик мир, Королева моя, и границы его отнесены так далеко от нашего разумения, что наряды красавиц, тревожащие наше воображение, могут, да и должны, пожалуй, уводить нас за пределы разумного, ибо зачем они тогда вообще нужны как не для того, чтобы мы сами, смешав соль с патокой, могли бы наслаждаться их лицезрением, а после гневаться на их отсутствие рядом с нами?.. Да? Я прав? или забыл что-то. Мне, дикому

орду, набежавшему на ваш словообразовательный процесс, стало намного проще общаться с вами после того как вы сошли с ума, с моего, разумеется, и сделались превосходным качеством любви для меня, симпатичным, мягким, не обидчивым, да я и не собираюсь вас обижать. Помилуй Бог эти минуты в нас, Королева, я же достоин их, поверьте. Мне, знаете, нечем крыть эту карту наших передряг в любви - я затеял этот разговор, я его и продолжу. Вчерашнее откровение принадлежит вашему я по праву, так как оно пришло к вам оттуда, где вам его вручили, да, - вручили в качестве письма в конверте без адреса, обратного, я имею в виду, но затем вновь выглянуло солнце и вы забыли об этом как состояние в себе.

Вы же знаете, в памяти моего я произошёл сброс.

Замолчите!..

Извольте, - я вас слушаю.

Мне нисколько не обидно, Королева, моя дорогая, что вы застали меня в рукопашном бою с неким господином в шляпе. Он выглядел очень холодно поначалу, а потом стал цеплять меня своими колкими замечаниями мол, вы же не такой дурак, как я заметил, чтобы мести следы, которыми вы сами /определили/ свой путь сюда, скажем так. Я заметил ему

на это, что раскаиваюсь, в некотором смысле, в содеянном мной прелюбодеянии, потому, мол, что я никому не желаю зла, в том числе и себе (а что из этого вышло зло, вы уже знаете, я полагаю, в себе). Он уничтожил меня взглядом, а затем пересел на другое место; я вышел в сознании полного уловления, я был мысленно схвачен им, до наготы, ну как вам это объяснить - я был объявлен идиотом, просто идиотом в том смысле идиотизма, в котором люди делаются так, ну вообще ни к чему не приспособленными кроме, ну да, кроме причинного места, извините. Я вернулся и сбил с него шляпу, он дал мне сдачи, ну, и завязалась схватка между нами, нас разняли, конечно, но в картине моего я образовался пробел, тот самый, небольшой пробел, в результате которого я сам сомневаюсь в правильности своего поступка в отношении этого господина, из мглы сознания, в котором я отчаянно барахтался в тот момент, ему, этому господину, моя искренность не нужна была, его интересовали куда более прозаические вещи во мне, да.

Итак, наше с вами эго тормозит путь сознания там, где мы высокомерно объявляем голодовку в своём я. Хотите, я приподниму вас вместе со стулом? Держитесь крепче, Королева. В разумных результатах труда всегда есть определяемое место точки отсчёта, то есть того самого мы, в котором этот труд был зачат, удобнее сказать начат, но всё-таки зачат. Я полагаю себя оправданным пространством вашем я, хоть вы

и сказали мне давеча, что уж вы так в душу-то мне смотрите, чай, уж разглядели всё. Я край неба натянул на себя и улегся под ним спать сейчас, знаете, какая звезда взошла в вашей душе? – лучшая, несотворенная, неразмеренная ничьими пальцами, так как она ваша, но подумайте-ка ещё, Королева моя, где вы узнали этот свет, таинственный, ни о чём не помышляющий, кроме вас самой, где, в каком уголке вашей души он находил отзвук, этот сияющий блеск состояний?

21 февраля 3

3.

Ангел мой пришёл, и говорит – стань-ка слева, я на тебя, - говорит, - посмотрю.

Я стала стараться от души, что называется, выглядеть.

Так, - он говорит, - ты это не делай сейчас, просто стой как я тебе велю.

Я предельно просто стала.

Ну, хорошо. Так стой!

А что ты молчишь? – вдруг он спрашивает.

Ты не молчи! Говори давай.

Я пересортировала все знакомые мне смыслы…

Ну, что?

и ничего не нашла в себе.

Ты просто стоишь?

Просто.

Стой ещё.

Я продолжала петь об обособленных мотивах счастья, он меня не слышал почему-то, то уши зажмёт, то разожмёт, звук не шёл к нему от меня, никакой, причём, ни одноразовый (то есть, доступный слуху один раз, по мере восприятия этого звука), ни другой какой; волны все бежали в никуда, как оказалось после.

Как в никуда? – спросила я в тот раз у Ангела своего, - какое это место так называется? Во мне такого нет, - я все звуки слышу, хоть криком кричи, хоть шепотом молчи. Мне метель твоя видна стала, - говорит он в ответ [-] в тот раз.

А какая же метель, - возразила я ему, - коли дождь тогда

шёл!

Я тебе после память верну, - сказал он и улетел куда-то.

Я стала сдерживать свои порывы ветра лететь вместе с ним. Ведь для него какая метель, совсем это не то, что в небе, что на земле пришлось мне понять. Там метель эта была, а тут дождь проливной этот шёл. Тут шторм, а там свет значит гаснет, без меня ему в небе не удержаться.

Ты посреди дороги стой! только слева, - я такие слова его в себе поймала. - Я не шучу, - добавил, - я сейчас душу ворот[ш]ить стану, да ты не думай обо мне-то!..

Нет, - говорю, - не могу я этого.

Ты спросонок живёшь, что ли. Почему память обрюхатела?

Я очнулась. В низинных областях сознания, мучимые блеском молний в моей душе, мигрировали шумные толпы очевидцев моего сознания здесь. Они перемещались на восток…

22 февраля

по направленности мысли можно отличить истинное небо

от неистинного, только так, иного способа нет. Остановить зеркало невозможно, да и не следует этого делать, если уж так-то, по совести говорить, иначе изображения воспрянут и будут тут мочало жевать, простите их, и всё. Пусть идут. Я недостоин быть счастливым, по вашему мнению, Королева, эта фраза выглядит бессовестной?.. ну как если бы она была написана от души.

Простите, мой добрый Учитель, я думаю, она вполне достойна того, кто произносит её, эту фразу – ведь, по всей вероятности, он знает, что такое быть счастливым, и разумея о себе, он полагает, что его состояние души не имеет этого подобия в себе самом здесь по каким-то причинам изначально, а почему он так считает, я думаю, что у него нет денег для этого счастья, простите душевно здесь, возможно, я вам глупость говорю об этой фразе, поскольку я искренне полагаю, что она неискренна, да, для самого говорящего её, поскольку его счастье, видимо, находится в чьих-то руках, о которых он помышляет в себе с некоторым даже рвением, но потрудиться для них он не имеет охоты, или его неволит что-то, что-то уж очень гордое, вроде вяленой рыбы, которую хотят пожарить вместо того, чтобы просто съесть или отдать тому, кто голоден.

Прекрасно, Королева. Во всяком эго есть результат, но вы только что узнали о письме, которое было вам вручено.

То ли это письмо, я думаю об этом; мне вверялись некоторые чувства, это правда, добронравные между тем чувства волка к овце, простите же!.. во мне память остыла тех дней любви в которых я ждала тебя а ты утерян был давно а чувства шли в твоё окно бежала мысль моя к тебе очнись от снов я был во сне ты пишешь мне я спал, а ты пришла сказала слово это я… извините.

Ничего-ничего, это правильно по сути происходящего пробуждения, я думаю. Во всяком эго есть свой результат и он виден становится. Я предлагаю вам снять завесу с этого времени, в котором вы были просто вульгарно обмануты своими пятью-шестью, неоправданно, - понимаете?..

Признаться, - нет, не понимаю. Этот рассказ /…/, я хочу сказать об этом. Он был написан левой рукой во мне тогда, я думаю. Его не было на самом деле как состояния эго, он был просто выдуман для моего я как некое утешительное зрелище, о чём это зрелище - о себе, которая превзошла все ожидания, ну, может быть, это так называется, но дело-то в том, что в нём были использованы объёмы памяти моего я, я думаю. Я хочу, чтобы этой истории не было. Как это сделать?

Как-то надо суметь опорожнить это пространство в своём я, то есть свести его к минимуму сейчас, минимуму состоя-

ний с вами самим. Я, думаю, сама. Я думаю, сама. Я верю исполненному моему желанию, страстно верю. Я выросла в этом саду доверия друг другу и я знаю, что это такое. Сейчас произойдёт чудо поэтического озарения, и я стану понимать лучше сказанное мной самой.

Возьмите состояние мы эго вместе, я подумаю вместе с вами об этом сейчас. Превосходное качество оттенять смыслы жизни своими соображениями о ней вам знакомо, и это свойство человеческой души брать как бы взаймы бывает не всегда определяемо как простое самодовольство. То есть бывает бродишь, бродишь по проулкам сознания, ищешь, ищешь ответ на замучивший тебя вопрос, а он вот он, прямо перед тобой, сидит и глазами мигает. Мигать глазами – говорить чушь, быть неискренним в беседе, а бывает, что и не ждёшь его, а он сам придёт, да ещё навеселе, под стать оккультному магу, который в эйфорическом обнищании своего я по памяти забрался в неопределяемые им самим я и ждёт, что его там накормят, напоят, образом обзаведут и станут уважать по каким-то причинам. А по каким?.. чуть было не спросили вы, а потом передумали, просто передумали, без синонимов. Я понимаю - вы задумались ещё и о том, в какой крепкой схватке с пространством силы возникают эти всполохи молний, эти оправданно могучие состояния с волевым устремлением в такую даль, в которой всякое чувствование личного эго исчезает, будучи накоротке с пространством яви, застре-

вая в нём своими пятью чувствы здесь. В обнищании этого мира любви нет ничего удивительного, если постараться понять его как область наименьшего сопротивления злу, наименьшего сопричаствования этому порядку воли, но и наименьшего сопротивления его пробуждению в нас. В строительстве любви нет ничего порочного, Королева моя, от слабоверящей души возникают эти мысли о пороке, как сгусток мощных энергий идут эти волны очистительных энергий силы души того, кто любит. Искушаемое мы становится чище, мягче, лучше - само в себе оно становится таковым, и я, не обладая памятью мысли, делаюсь чище сам в себе, потому что вижу, слышу и могу знать.

Я очевидец пространства мы - объект воли Господа о нас, мы Его объект, а не ты или я по отдельности взятые, мы вместе, вдвоём тут, как пара двух материальных субъектов воли Его Духа в нас, ты понимаешь, о чём я пишу музыку сейчас?.. об этой воле в нас двоих, она должна быть едина, как стать, образующая пространство мысли в любви. Мелодии струятся и поднимаются вверх, они переплывчаты и образуют коду в сознании, чтобы, слившись, соединиться в единое пространство эго, да, эго тоже, но вот какая-то сила приглушает их, объявляя не существующими ни ту, ни другую, объявляя их поддельными образами несуществующего мира, ах, как они страдают, как они рвутся в объятия друг друга, становясь малыми значениями самих себя, до ничтожности малы-

ми, до минимализма, такого безвесного, ничего не значащего нигде, просто пара обалдевших от скуки линий, предельно простых, самодовольных и чем-то даже увлекаемых в своём ничтожестве, которого они не ощущают сами, им кажется - они Боги, они весят тонны чего-то там, а они глупы и самодовольны, после этого происходит перелёт птиц туда, в весну, им снится какое-то могущественное пространство, которому они сдали нервы, ну, нервные окончания своих я, без проводов и пальчиковых батарей я не смогу это показать, наступает эра фетишизма, и они, сдавшись ей на поруки, молча снуют по своим сокрушённым душам, не узнавая даже, лучше сказать не чувствуя подобий, они не отзываются, они молчат здесь, как в тумане наваждения, и не осуществляются, то есть не олицетворяют своего призвания быть детьми Божьего века в состоянии мы, а затем идёт положительная эмоция, ну, какая, я сыт, я голоден, я сыт и т.д., какая-нибудь, это всё равно, может быть, всё равно, я не уверен, это какое-то чувство расстояния до возможного, но легко обратимого в обретаемое уже (так совершаются ошибки, заметь это), потом мы смоем всю накипь этих дней. Я беседую с тобой пять лет об этом, об этом праве исключительного переживания я в себе своих снов, об обладании в своём я пространством мы. Мы есть фигляр на болоте своих снов о состояниях, или там расстояниях, о которых он столь трепетно повествует, затеняя при этом всякую жизнь вокруг себя своим эго, я думаю, ты согласишься со мной в этом опреде-

лении.

Мы хотим быть больше обычных вещей, обычных положений этих вещей в нас, и вот это происходит с нами, вещи теряют контроль над нашими я-эго и мы переживаем в себе совершенно другие пространства, мы перестаём подражать каким-то объектам нашей воли, может быть, перестаём пожинать плоды уснувшей совести, также и я перестаёт быть абсолютно неведомым нам пространством, в котором мы почему-либо дезориентированы. Мы видим себя как других людей, пришедших откуда-то издалека и обретших здесь свои я как какие-то крохотные поля-изделия из ненастоящих материй, почему-либо определяющих их теми или иными способами. Я боюсь врать, потому что это враньё собьёт меня с толку и сделает минутным завиралой об обладании порогом сознания, о мыслях и чувствах поверх этого порога и т.д. Я гляжу в небо сейчас, там есть сон, посмотри его, пожалуйста, он обо мне.

25-26 февраля

Я всякий раз переживаю волю как присутствие Духа воды во внешнем эго, как какое-нибудь зерцало, которое затуманилось вдруг, а потом отпало от своих высот и стало думать, что его астролябией стукнули или чем-то ещё, чтобы поуживчивей память в себе иметь, поконтрастней, или уж поохватистей в своём я-сейчас, как чужое это прости меня

звучит во мне, как будто я строил что-то, а потом построил и стало оно стоять, построенное уже во мне, прямо как на выставке - все окна наружу и в каждом я соревнуюсь с тобой в видоискательстве; область зрения помогает мне в этом. Ну, вот как я, мистер икс для тебя, вдруг понадеялся на высшие энергии звука во всём, что касается нас обоих, во всём о себе, а потом стал говорить, что мысль моя есть прибежище силы света здесь. Да, так я думаю и иду сейчас так во всём этом пространстве нас обоих тут. Великий Град я есмь, если Ты со мной, о, Боже мой, великий, неразделённый сам в себе ещё ничем, и разделён быть не может к тому же, не оставляй меня, я прошу Тебя об этом - очень прошу, в себе самом прошу тут.

Я перед тобой весь как бы из бумажек склеен сейчас, во сне сам, как и ты, но только ты не думай обо мне этого сейчас, я сам стану это делать сегодня и сам стану помогать нам обоим дух тот каверзный обороть, как его обороть? если я как бы сам он и есть теперь? как так получилось, как могло выйти это состояние обо мне, в себе для тебя - да для нас обоих, да неужто я с неба пал как куст жгучий тут и стал искрами опалять, да своё же имя в тебе опалять, или нет, не это вышло сейчас, я как больная наука жить иду в тебе, без себя тебя обманивая, обволакивая, и струю чем-то напитанную тут веду, да что я, в самом деле пустышка какая безлепая, Богу угодно было себя тут показать во мне, и в тебе камня на

камне Он от шелухи той не оставил во мне, и в тебе тоже не оставил ведь, не обманись обо мне вот ведь что ты сказала тогда, а уши-то мои закрыты были, заткнуты были уши мои чем-то большим, безмерно то большее было, без сустава воли оно во мне шло большее то, вот оно и пропало как обо мне вихрь этот пошёл сейчас, как обо мне стать твоя думать стала, душа неба здесь, чем я память свою о тебе занял? какой волей она во мне была остужена?.. кем мне пришлось стать для тебя?.. и ещё, чей облик я носить для тебя стал, сам в себе носить, а не потому, что он мой, изрыхли земли те, о, вода, опой их и очисти, очисти ны от прибежища злых чар. Душа небо строит, пусть чиста душа будет отныне, как первое я это в основу положу, положил, и класть буду ещё. Уйми волю ту, Господи, обо мне, чья сила сердце жжёт не по праву здесь. Прозрачны столпы те, Господи, Ума Твоего Великого во мне здесь. Вся Сила Твоя в них во мне колеблется как я волю Твою обо мне пою, она вся Твоя во мне, и не с тем я говорю тебе здесь о ней, чтобы ты о себе так помыслила будто я из тебя волю ту черпаю, нет этого. Я с тем тебе это говорю, чтобы ты о себе с радостью думала здесь, пойми это, как столпы эти над тобой также идут в чистоте души. Я колеблюсь, а не Ты, Господи. Ты неколебим во мне идёшь, и заря Твоя с нами бысть.

Знаешь, как я у ворот стоял Твоих, как я жил в себе без воли этой Твоей обо мне, как я славы искал о себе, окружая

себя помощниками, силу Твою расточая, Господи, знамения Твои с собой сообразуя, как немощь моя легка была мне тогда, как сила была она во мне, какое слово я искал, у ворот тех стоя, какое небо надо мной, огнями пылая, мимо шло, не замечал я его, ибо головы своей выше стойла не поднимал я, но вот Ты увидел меня кающегося перед Тобой, вот я стал доброты Твоей искать, стал думать о Тебе и стал я нем от этого, стал как бы лист перед великой державой Отечества Твоего во мне, кто я? вопрошать я стал у Тебя, стоя у паперти Твоего храма во мне, ибо он был возведён здесь от веку и от веку жизнь в нём шла, а я не знал о том, и не Ты обделил меня этим знанием, я сам это сделал, сам, от подспудных тех глубин поднимаясь, я к Тебе пришёл опять и стал докучать собой Тебе здесь, мне воля Твоя нужна обо мне, вот, содей её, пусть она будет для меня.

Я думаю о тебе сейчас.

27 февраля

Я говорю с вами прозой, подразумевая мощный мыслительный процесс во мне самом, как в небе так и наяву. Нам надо встретиться вместе и как-то понять эти обиды, которых нет на самом деле… во всём этом… я как-то сдавленно жую чужие мысли.

Здесь какое-то скучающее поле я слышу и потребность в

измышлениях преобладает сейчас, а как вы себя чувствуете, мой добрый Учитель?

Я думаю, понимаете. Всякое видение есть процесс, да уж. Представьте, что я задумал сейчас объединить разрозненные части одного пространства, ну, и смеюсь сам, во мне упорства хватает.

Что ж. Благое ли это дело, как вам самому кажется это?

Более чем - я вперед не бегу, вы не думайте так. Я здесь контролирующие вас изыски нашёл, ну и Бог с ними, как говорится. Мне предчувствие хорошее было, без примера не понять вам будет. Как Бог к душе идёт?.. как постоянство я здесь, а память Ему помогает в этом. Вот так Он идёт. А против права я никто возразить не может. Во мне грозы уже созрели те, весенние, и вот они прямо идут, одна за другой, и так долго они идут, ну, как проекции, разумеется, чья память воспримет, тот и есть.

О себе заботу имейте тут, вот что. Вы напрямую говорить должны, да кому, закрытой двери той, -,нет, конечно. Я об вас песню сочинил, и стал к ней прислушиваться, какая она? красива ли эта песня, хочет ли громко звучать…

Ну, удивительно это всё! Королева моя, во мне бессмыс-

ленно искать завесу, её просто нет для вас, а как же эти дни? - спросили вы меня, как с ними-то быть, коль уж завесы той нет?.. или они причудились мне, о, добросоставное моё эго.

Мы далее пойдём, Королева моя. Как я, так и вы. Тут просто надо нам с вами, простите! немного поосечь себя, представьте куклу, которая хочет быть самодельной, а она вся из пружинок состоит, и столь хитроумных, столь износостойких, что ей уж кажется, будто это она сама движется, а результатом движения её является часть тела пространства мы, часть Богоугодного, простите за это выражение, я в себе, и это движение оказывает действие на всю фигуру неба я-сейчас. Пространства задыхаются от присутствия этого вынужденного движения я в себе, так как они воспринимают эту куклу за образ своего я. Я настаиваю, Королева, на выражении собственной воли в вас самой. Да, память молча созерцает объекты сознания - она ничего не отвечает им, ни да, ни нет, она просто смотрит на них издалека, и смотрит, вот всё, что она делает сейчас в вашем я-сама. Ну, а вы беспокойно топчетесь на месте.

Мы выходим в белое поле листа и ищем выход в назидательные величины сознания, мы знаем, что они есть у нас, - в нашей подспудной памяти их целые сонмы кружат туда-сюда, как бесовские эти силы они для нас с вами сделались теперь, как траектория полёта, обрастающая маслами ушей,

среди которых наши самые неприменимые, самые узурпированные и узкий лоб тут ни при чем оказался. Постройте дверь во внешний мир и хлопочите о ней, бездумью конец пришёл, да, этому свойству кружить в чужой памяти, заменяя ею свою. Мне холодно летом здесь. Я вышел покурить на балкон и забыл шляпу надеть, вот вы смотрите на меня, думая он не он?.. какая-то сила пришла ко мне с ним и стала верховодить, надо мной стала. Заяц загнан в тупик, Королева, броски памяти не помогают ему избежать собственного умозрения на это пространство сейчас, в котором он узнаёт тут себя самого, узнаёт-таки, минус каста постмодернистов, кто такие? - спросили вы, не задумываясь, и этот ответ тотчас к вам пришёл, так же, не задумываясь.

Успокойтесь, я прошу вас. Мне кажется, вы торжествуете здесь над кем-то. Для чего вам это торжество.

Я гублю глупость в себе, Королева, - в себе самом, то есть во мне как в объекте собственного я. Я выразил этим состояние, в котором люди бывают обуреваемы, превосходные люди притом.

А. во всём мне пример; как он добивался меня, так после бежал от меня же. Так вот я хочу сказать, зачем же губить её – может, она вам пригодится как раз в том её смысле, в котором она бывает нужна, когда не хватает ума?..

Во всём этом громогласном трам-тара-рам за мной остаётся право голоса в себе; он говорит мне открой это окно и будь в нём внимателен, вни-ма-те-лен!.. а не как-то иначе. Ну, а пока мы с вами распевали эти аккорды (а-а-а-а-а-а-), я бежал вдоль линии передач и назывался для вас я. Я как-то иначе сейчас скажу об этом же, простите мне мои шутки во всём этом белибердовом разуме, который гроша ломанного не стоит, а однако есть и немалый такой – он ведь весь выдуман мной был, да ещё с расстояния, ну то есть бесконечно малое становилось большим и наоборот, во многом это переместило точку зрения, но критерии остались те же - малые-то величины не стали от этого больше, они так и остались теми кто они есть, понимаете, просто память, которую я удвоил, стала определять их в себе как проекции.

Что я увидел в этом особенного такого, которое как Ангел мой бежит, так и я лечу за ним ~

Кто этот А.?

Он сильный, здоровый мужчина средних лет. Я сокрушённо покачал головой и спросил вас а что?

Интересно же.

Почему вы не спросили раньше об этом так?

Не знаю.

Знаете, - я знаю, что знаете. Вы простите меня, грешного чужестранца, только я не могу вам ответить по простоте. Это голос совести, полагаю, во времени звучит. Дхармакратия, извините. Вами неосторожно был задет неосвоенный ещё простор души.

Что там спрятано в этих буквах – простите и вы здесь, что, можете ли вы объяснить мне это?.. почему из них выстроились целые колонны каких-то демаршей узких лестниц, необоснованных унижений, почему?

Почему это ерзание за колючей проволокой продуманных оборотов речи стало судьбой моего эго, стало извращать мою судьбу, садиться на плечи и погонять.

Кажется мне, какое-то преткновение вашей ноги произошло в те дни, прояренные уже до оскомины, в них ведь корыто то спрятано было с харчем, простите уж, да вы не знали об этом, сами в себе не знали, не иначе. Почему я так узко смотрю сейчас в открытое окно вашего я в себе, вот почему. Настоятельность сегодняшнего дня требует этого, во всяком случае, я так решил это, здесь ведь не прокуренные комна-

ты идут, а промасленная бумага, до отпечатков пальцев ведь дело дошло, понимаете, невероятный выброс фактов в пространственный аум сейчас идёт, здесь всё до минуты важно, да не до этой, а до той, тех лет, против которых мы с вами идём в себе. Мы не обладаем порогом действительности, за которым возникает пространство чаши до тех пор, пока любовь не осветит всё, целиком, каждую ветвь памяти я. Вам ведь не приходило в голову тогда, что А…

Что А.?

…цельное, единое с вами состояние здесь?

Не сердитесь на меня. Почему вы используете вопросы в качестве ответов?..

Я стараюсь поднять вас оттуда. Ну намыслили вы там Бог весть что, а как проективная память поступает. Она берёт это намысленное и обращает его, в нас же самих обращает, Королева. Я не строю иллюзий, я просто создаю из них память в себе самоё и так этот образ жить начинает, и продолжает тоже это делать, пользуясь частичками памяти моего я-тут здесь. Ну кастраты мысли не имеют отдельного пространства, я это хотел вам сказать. Мне нечем их опровергнуть или защитить, если уж так-то говорить, я с ними, как говорится, панаму съел, ну свою, чью же ещё. Да, вот берег

тот дальний нам надо с вами с собой теперь взять, в оглохшие эти от памяти места, а какие. Ну уж, какие - эти самые места настоящего времени здесь.

… вы что забыли разве как мы с вами в такси ехали и за грубую шутку посчитали, которую я для вас нарочно приготовил мол моя память чище, то есть я вижу, а вы нет. Не видите вы того, что я вижу.

Забыла, правда. Бьюсь я об эти мотивы, мой добрый Учитель, это тоже правда. Не могла я своей убогости перед вами понять, что уж и извиняться-то теперь. А чем мне её понять было, нечем.

Я достоин, может быть, лучшего отношения к себе, я надеюсь на это сам. Знаете, как это больно бывает обмылком себя ощущать чьей-то души тут, да хоть бы и лучшей. Да, вы правы, конечно, лучшая душа так не сделает, тест на справедливость я вам задаю сейчас. Чья воля по миру пошла, да с тем и вернулась назад?.. к себе то есть.

…но оказалось, что это всего-навсего фальшь в отвердевших значениях я, начально образованная из трусливых намерений души быть чище и яснее там, где ей вовсе не следовало бы быть - в пространстве мрака и нечистоты помысла о себе тут, а ещё лучше будет сказать, что её как бы наставили

на путь грешного сознания о себе, она и пошла, отравленная, истязая пространство своими ядами памяти о том, чего и не было с ней вовсе, ну, а потом она вернулась к правде, как бы грех тот с себя сорвав, и говорит себе сама, ну и где это я была? что с того, что я там себя обретала волею Божественного провидения, а показать себя никому не смогла, вот где смех-то небесных ангелов послышался. А ты, говорят они ей, посмотри-ка на свет теперь, что ж ты всё по миру шла, а свету в себе не видела. А где тот свет? – душа спрашивает, - да в тебе же и идёт – они ей отвечают на это.

Ну, допустим. Я как-то возле ваших рук сам чище стал тут, ну да хорошее это небо опять засветилось. Что ж память ломать, как говорится, коль ручка есть. Пишите уж правильный ответ, эта воля принадлежит тому, кто сам себе хозяин здесь, своего я, я имею в виду хозяин, и умеет путь тот вести через годы, может быть, принадлежа единственному числу Бога, в котором все три воли в одну упрятаны бывают и несть ей числа, как видится это, коль она от души здесь идёт.

…давеча я руку ожёг, в своих мозгах шаря, почему-то я подумал о вас, что вы мне дать что-то должны, от себя самоё удержанное, что это такое я понять не успел, как раз проекции сильно затрепетали и молния эта пыхнула во мне, я за скатерть схватился, ну, как за придорожную пыль хватаются, чтобы от руки боль увести, помогло, знаете. А что та-

кое то было, - подумал я после - как сильно жаром охолонуло, так ведь то и странно, Королева моя, что жар этот от полюса холода во мне возник, да я сам удивился незнамо как, что за чудеса, думалось мне, коим-то образом я мог сам себе навредить, образно помышляя о состоянии мы в себе самом?.. в самых лучших интонациях, уж поверьте, но вот я догадался, что вы прикасаться мне не велите к неопределяемому мной месту, то есть никак мне самому его определить в себе невозможно, и я стал сильно об этом думать, в силах своего я, разумеется.

28 февраля
продолжение вчера

…и с тем одиноко побрёл в какие-то свои дали, и увидел я там вас, высоко сидящую на чём-то, уж не помню как, но стал я об вас заботу в себе иметь, почему, мол она (то есть вы) на том месте силу имеете (а везде как бы ровное поле идёт сейчас), а я без неё [силы] здесь живу. Ну, крепко я задумался об этом в себе самом, знаете, уж и полночь пришла, а всё думаю, и ответа мне нет, не было ответа пока я руку… ну, в общем стал я спрашивать сам себя в чём тут дело, и оказалось, Королева моя, что мы с вами в букварь попали, да в какой - какой от вида вашего шёл, в такой и попали, а что там написано, я вам после скажу, уж не поленюсь, поверьте.

Ну, а как мне к вам подойти теперь я не знаю, не стуше-

ваться бы самому от этого вида. Но только, вы понимаете, всё это ересь моя сделала и от вас отвернула как от строгого принципа воли быть самим собой и не осуществляться там, где силы неба, небесного мы, не могут быть осуществлены, и вот теперь я вам говорю это, сам осознавая, что необходимость сказать вам о том есть во мне, рука-то заживёт - да уж зажила, а говорить об этом надо нам с вами сейчас покуда мы, то есть вы и я, о себе страх тут имеем, да не тот, который вы от себя подумали было, а страх себя потерять в этих огнях бесчувствия собственного неба.

В этом коловороте мыслей я прожил весь день и стал стремиться как-то особо понять это заживление моей руки. Я грубо нарушил вашу речь, я помню об этом, я перестал заниматься с вами динамикой мысли /почувствовав волю приближения субъекта силы/ и стал скрупулёзно изучать какие-то малодостоверные детали вашей жизни на свету памяти, что я этим достиг, определённого долженствования, обкорнав вашу же память до неузнаваемости, облапошивая её буквально на каждом шагу, облагороженная, она стала подниматься из глубин сознания как светлое воскресение я-здесь и, знаете, мы оба оказались в сильной радости по этой причине. Я ещё с полчаса подумаю об этом, а потом скажу вам одну /сильную/ вещь, ну немного погодя она придёт к вам от меня здесь.

28 февраля 1

1.

… ну, а камни те взошли, разумеется (да без этого никак не разобраться нам с вами будет), и стали сильно вонять как неудобная масса для слов, и что же я вам сказал на это, побойтесь Бога!.. я сказал, без Него ничего тут не бывает. Я хорошо сделал тогда, и плёнку ту проявил, где вы сами знать о себе ничего не знали ещё, ну да Бог нам в помощь. Я перед вами как бы в кипятке мысли сейчас сижу, о благом деле тут думаю, в нём вся соль и вода перемешаны для нас с вами. Нет такого пути без права идти по нему.

…застывание формы, заиливание программ, суспензия вымысла из древесных опилок…

…кочерга мысли проткнула раскалившуюся изнутри обскуру памяти я…

…кочерга мысли подхватила закрывшуюся было волю и понесла её на свет, она стала извиваться, ползти по этой кочерге обратно, она стала синонимично ужиматься, превращаясь то в сутолоку дней во внутренних карманах памяти, то в проекции неудобовспоминаемых объектов, а то и вовсе в чепуху, вроде отстань, не до тебя тут, но мысль волево тащила её наружу, обладая порогом чувствительности, предел которого жар моих минут, то есть я не то, что вы обо мне ду-

маете!.. кричала эта воля в окно, я другое, другое пространство, я люблю тень, я люблю жить в тени, я люблю ходить на вечеринки с друзьями и делаю это с большой охотой, я целыми днями слоняюсь из угла в угол, чтобы отвлечь тебя от своих дел, я целю твои пространства своим умом, чтобы заполонив их собой, ужать до мизерных состояний с этим миром любви, деятельным, безрассудно деятельным, бессмысленно деятельным и т.д.

Я заставлял тебя греться в душе этого парии, а сам незаметно подбавлял хворосту в его отщепенские мысли о причинах этого мира любви здесь, подбадривая его в окрадывании самого себя этими мыслями, причинявшими столько разврату, столько душевного холоду этому пространству здесь, почему я был так лицемерен с ним самим, почему я не оборвал его на полуслове, а стал талдычить свои да-да-да, конечно… стал правильно его осаживать в его же костюмах и делать это от первопричин самого его свойства быть антителом, ну я думаю тут как вам сказать дальнейшее. Мы не были той осенью вместе, сколько бы ни говорил я себе это, что, мол мы так долго шли навстречу друг другу, что иного, неимоверно сложного пути, сложного по состоянию нас пути мы не имели, я всё-таки утверждаю, что мы были тогда одни, каждый со своим я носился, охраняя его от вторжения частиц памяти иных миров, иных по отношению к нам самим. Мне холодно зимой без снега, и я приезжаю в Моск-

ву, или не в Москву, а вообще приезжаю угреться в снегу здесь, утаиться и спать в частичках белых воробышков, беленьких хлопотливых птичек, стайками садящихся на землю и укрывающих её всю зимой, как будто она от этого становится теплее, зима наша с тобой. Я огляделся, как бы огляделся, и, застопорив внимание на объекте, стал думать о нём всё подряд; я стал думать о нём как о себе, и я стал невменяем на миг-другой, но это же неправильно - сказал я сам себе тогда, - это же совсем не то поле, в котором мы с вами обретаем себя тут, находя его обесточенным по чьей-то воле, о которой я не умею говорить, поэтому простите, мокро нынче на улице, вот я в лужу и попал, конструируя из неосязательных объектов осязательные. Просто я не обретаю вымысла, как хотите, у меня не получается, мне всё кажется маловато, то середины нет, то нос увяз в очках, и что же?.. Где-то большие корабли плывут, а я с вами кукую на даче, сердце бред несёт, простите, что я так вам сказал, поэзия строк приглушилась на фоне мерцающих величин, которыми я в ваш адрес иду сегодня, а что значит мерцающих?.. - спросили вы меня, - дробных это значит, то есть поделённых на что-то, в них короткая память лежит, но скорей уж идёт, спотыкаясь на каждом шагу о беспроволочные эти телеграфы и обретая значения в них о себе самой по порядку воли текущих этих пространств. Я область познания приглушил и снегом бегу по чьим-то следам, сам в себе бегу, приметьте это (без проводника) и знаю, что вы ждёте тут осознанно

освобождения своего пространства от смиренного пребывания за границей воли знака числа пять. Потому что этот знак означает состояние соответствующее памяти без уловления её пространством во вне как истинного состояния жизни. Я думаю, Королева моя, что нужно с вами понять, чьи усмотрения на вашу память и чувства, а также проекции в пространство яви сделали ваше эго, так сказать, малоощутимым и произвели весь этот сыр-бор в вашем я, я имею в виду концентрацию вашего внимания на одном единственном объекте, в чьей воле оказалось всё ваше пространство вообще, так. Прорыв сквозь действительность, построенную в нашем я с помощью воображения, воображаемого пространства силы, бывает неоднократно умножен на прилегающие области сознания и таким образом приобретает характер силы, отчётливо воспринимаемой сознанием как область, захваченную во времени. Парадоксально, но это так оказывается для нашего ума, который не в силах бывает справиться с задачей освобождения прободённого тела-пространства от захвативших его форм теллурических течений мысли сквозь апартаменты воли (это название образа правого полушария мозга). Чувственно наша воля принадлежит нам, нравственно же мы бываем ущемлены буквально в каждом движении мысли сознания, не имеющего опоры ни в одном реальном объекте внешнего мира, мы становимся малоподвижны в своих суставах воли, инертны и не определяемы сами для себя, мы как бы отступаем в глубину сознания, оставаясь на поверх-

ности теми же людьми. Вой планет сопровождает весь этот гул голосов в нашем я, стремительно уносящихся куда-то в глубину вселенной, вихри идут по памяти, сметая в угоду этому полёту любые препятствия из пределов здешнего мира, то есть вы не ищете себя здесь в этом состоянии планетарного масштаба мыслей, содержащегося в глубине памяти сознания; личность отсутствует в этом деле развёртывания памяти, она не в силах воспринять движущееся навстречу пространство и создаётся впечатление, что её как бы нет вовсе, личности как объекта воли я, как строящегося планомерного сознания, но это не так. Она становится я во всём этом пространстве, она становится я как память сперва, затем она переходит в состояние я просто адрес этого мира в себе самой здесь, и после этого она соразмеряется с неким большим пространством, большим, чем я-здесь память плюс что-то ещё. Я, представьте, корабль и плаванье его велико, м-да-с. Во сне далеко не уплывёшь, но причудлив тот сон, в котором я для вас некто, не скажу - кто-то, именно некто, которому вы снитесь изо дня в день по одной и той же причине…

29 февраля

Есть плазменные шнуры, так называемые, которые видны невооружённым глазом, их забота - охранять нас от несуществующих душ, то есть от тех личных амбиций, с которыми мы сдружились в себе и думаем о них без царя в голове, и

они кружат нам голову, будучи приёмниками колоссальных энергий в сравнении, конечно, с нашей энергией души здесь. В восьми этих пространственных состояниях сейчас участились всполохи энергетических шнуров, а вы понимаете, я надеюсь, что речь здесь идёт об энергиях наших с вами я, в которых реализуются те или иные виды пространств. Мне хочется, чтобы вы понимали эти состояния в себе. Фоторобот, который вы видели на своей памяти, был заключён между лопаток и заставлял вас двигаться в проекциях, быть движимым полем я-здесь. Но, разумеется, это не энергия мысли, это энергия памяти пространства мы.

Я веду вас правильно, Королева - беседуйте со мной, продолжайте это делать. В мистериях звука есть определённая заниженность состояний сейчас, они бредут потоком, эти звуки, и мысль как бы скособочивается, не успевая соскользнуть с руки, не успевая встать на своё место и сделать правильный выбор.

Я не претендую более на пространственную глупость, как вы хотите.

Я тем более этого не делаю здесь.

Вот изволите видеть, добрый мой Учитель, доброта вашей мысли обо мне велика бывает, но так уж пришлось понять,

что иногда она чересчур велика и мне себя не видать в ней бывает, я в вас широту души ищу, а не подслушивающее устройство в памяти, и мне, знаете, тошно смотреть бывает как вы извращаете мои представления, переделывая их под свои умозрения, и вот я прошу вас – вы линейно-то мои слова не воспринимайте сейчас, я вам это от себя говорю, я ведь знаю, что вы добры ко мне, и ничем вас обидеть не желаю, но и сама я тоже обиженной быть не хочу, а это вы так прямо и возьмите, как я вам сказала. Я тут для вас как синоним энергий иду, неисчерпаемых таких.

Мне вас в дело претворить хочется.

Чудно-с! Добрый мой Учитель, я, сами видите, ропщу. Синай как стоял, так стоять будет ещё, а что той горе к вам идти не придётся, так это я поняла уже, изволите видеть.

Надо нам с вами постоять за себя суметь, но отчеркните эту строку, пусть она останется между нами как неизлечимая воля пространства мытарей Господних, а кто такие? - спросили вы, -наболевшие вопросы, Королева моя, которые без ответа до поры бывают, а после, как ответ придёт на них, так они тотчас коду с вами образуют и отцепятся, так сказать, от вашего эго. Хотите, я вам анекдот про А. расскажу?.. вот идёт он раз по улице, видит столб, на нём надпись висит: не влезай!.. ну, и так далее, он думает надо спросить у кого-ни-

будь, кто там был, зачем тут эта молния нарисована?.. ведь прямое следствие не является содержанием всей истории с трактовкой образа, оно занимает лишь малую часть не обретаемого в себе пространства воли Божьего ума здесь, но как бы в любом случае, - подумал он, - лезть туда не следует одному, - и указал на столб. А вы хотите от него понимания процесса добиться. Я думаю, что это верхоглядство, Королева моя, вся эта безумная пропаганда яви.

/…/А вот открыть сейчас все двери тут! Пусть свет идёт.

Мне очень жаль, мой добрый Учитель, я ничем не хотела поранить вашу руку, протянутую мне с такой любовью, ко мне самой, но вы же сами видите, какое отчуждение идёт по памяти ко мне, и всё это в верхних долях происходит, причём одновременно ведь происходит, и дайте мне волю пространства понять о себе, я тотчас очнусь.

МАРТ. Бал птиц.

1 марта (фрагмент)

Предельно скоро поезд прошёл!.. Предельно скоро мачты корабля унесли нас с вами, воистину светел Бог! Королева моя, я на колени встал и молюсь красота Твоя, Господи, измучила меня, прости мне это, я не знал, что Ты так красив… и заплакал, да-с, всякая тварь о красоте Твоей радуется здесь, а я? как червь неугодный в темноте ползу, как да-

лёкое эхо прилепляюсь, я Твой тут, я Твоё чадо, содей меня здесь, вот так эхо моё по полям бежит, а как стал я виден Тебе не захотел Ты меня знать, как напрасный импульс я к Тебе шёл, не обретаешь Ты меня в земных моих ипостасях, не видишь лица моего здесь как я не видел Тебя в себе, не ведая, что Ты есть мой Отец! Ты он, Господи, и не верю я в своё издольство перед Тобой, нет Его для Тебя, от Твоего семени я рождён как всё, всё здесь… и я заплакал снова. Ах, глаза мои чертили круги, я избегал на Бога смотреть в себе. Я так думал: если Он видит меня, то уж качества Его видения таковы, что их нельзя отменить…

2 марта 1

1.

Ангел мой полистал эти строчки, подумалось ему о чём-то, потом опять подумалось то же самое, и в третий раз опять это же пришло. «Я строю, - думал он, - это пространство в себе. Я строю его от всей души здесь, а пармен силы меня искажают, и строительство моё меня же без себя оставляет, без моего ответа, а почему я должен это терпеть, как если бы я сам был никто? так, пустая оболочка для чьих-то воздействий на своё имя здесь? при ком я состоять должен?.. - стал он пальцы свои считать при этих мыслях о себе и своём строительстве, - так, - говорит, - один – это я, два это тоже я, три это что-то другое уже, я почувствовал это!.. - воскликнул он и всхлопнул крыльями - свет его мысли разлился по

округе сознания, в котором я пребывала рядом с ним.

Что ты думаешь, - спросил он меня тут,- как это происходит со мной?

А как – скажи сам мне об этом.

Я думаю, - начал он издалека свою мысль ко мне вести, - что это какая-то награда к нам с тобой пришла в это время здесь. Понимаешь меня?

Нет ещё, - сказала я ему, - не понимаю пока.

Ну, вот ты возьми шар, и покрути его в своей голове.

А как крутить-то?..

Ну как время идёт, - отвечал он, - так крути. Крутить надо сильно, с ветром.

Я думаю, число это пять, всё-таки, простая воля так не ходит, то есть её мало для этого вопроса обо мне, какой мы в душе оставили, и я и ты этого не сможем сделать тут, потому что пророчества твои сделались безымянны, а пастыри в свет ушли. Поняла?

А кому они, пророчества те говорились? скажи-ка мне сам об них.

Те пророчества были не от мира сего, - как-то вдруг скрутил он фразу ту, - ты об душе лучше думай!.. почему её намысленное пространство так велико тут.

Ты прости меня. Ладно?

Это как?

Прости мне все шалости мои.

Кем ты себя строила?

Тобой, кем же ещё. – Отвечала я ему по праву, - как ты свет мне нёс, так я и шла.

Площадь строительства того во мне открылась. Передо мной встали поля, в которых лежал круглый хлеб моей судьбы, с одного бока он был надкусан и какой-то скатертью прикрыт тут, чтобы надкусанное в глаза не бросалось.

Кто надкусил? скажи-ка мне об этом сам! – я Ангела своего просить стала.

Он мне прямо так и отвечает, что мол хлеб сей из доброй печи вышел и для пробы был взят, да лежал не в надёжном месте, а на столе.

Ну ты обдуманно это скажи, - попросила я его, - я понять хочу кто мне память надломил и на свой ум перестроил.

2 марта 2

2.

Ну, Богу Богово! Королева, тут я как раз в ваш кабинет вошёл, да с тем и пришёл, чтобы вам об этом сказать. Добрый день, Королева, вам!..

И вам добра желаю. Как вы себя чувствуете, мой добрый Учитель?..

Ах, Королева, как… унизительно - уж очень смердит, чувства мои смущены. Я, видите ли, память ту нашёл, как и обещал вам давеча. Да-с, нашёл, да я перед вами как бы весь обляпанный. Не знаю уж с чего и начать. Я сяду, если позволите, стоя мне трудно говорить о таких вещах с вами. Последнее время я озабочен был чем-то, вы заметили, я думаю, и эта озабоченность моя вам передалась, как бы невзначай она передалась как мы связаны с вами сердечными токами и союзом доброй дружбы. Мне не высказаться хочется, а целомудренно промолчать, но коль скоро мы совет с вами дер-

жим, то я продолжу ту траекторию мысли. Во всяком деле есть горошина, что ли, которой надо прорасти, чтобы выйти на свет, таковой горошиной являюсь для вас я в том письме, с чьим адресом вы постоянно содействовали в своей памяти, понарошку, Королева моя, говоря себе мол я ничем тебя не отдаляю от себя, ты память мою тревожишь здесь перед чьим-то образом и от себя мысль уводишь мою. Уф!.. я с трудом выразил это содействие, тем не менее надо продолжать говорить об этом - ведь плохая память не означает плохую волю, присядьте и вы - что вы всё стоите, я скоро не уйду. Не всякое взаимодействие есть воля вашего ума, поймите это теперь - это важно понять, и степень понимания этого есть наряд вашей мысли, обретаемый вами во взаимодействии с гуру, импичмент (то есть разрушение массы сил, обретаемых им в пространстве за счёт прихожан в его эгоструктуре, или эго-центре, или даже эго-состоянии я здесь, которое бывает весьма увеличено ими в себе) которого должен состояться, иначе волеобразующее начало положит себя на алтарь несуществующего Бога в памяти я. О чём я так странно веду речь, как бы вообще, не касаясь причин вашего предметоискательства, или, уж точнее будет сказать, вашего осязания в себе того самого, или этого самого объекта воли, с которым вас тайно сцепила судьба, не озадачив при этом правительство мысли хоть какой-нибудь проекцией в разум, проясняющей ситуацию для вашего я-сейчас.

«бездействуй, молча живи в памяти за счёт чужих воль, освобождай своё я от сознания сейчас» эта структура озадачивала ваше я до сего дня, даже в глубинной памяти вашего эго. Я не найму собутыльников, чтобы пропить…

Ну хоть приблизительно, Королева моя…

Моя мысль никуда не идёт - она всё время упирается в какую-то столовую дверь, и вообще она довольно нелепо себя ведёт, признаюсь вам, мой добрый Учитель; я не вижу для неё выхода, а вы видите его?

Я вижу, да, – вижу, и потому молча беседую с вами об этой форме сознания в вас. Вы структурируете память, несообразную вашему я-сейчас, она целиком направлена в ложное русло подобия, к которому она была пристёгнута, совсем, совсем понарошку, только не зря я вам говорю об этом сейчас так серьёзно достаточно. Я предельно просто переакцентирую ваше внимание на себя - и мы с вами будем пожинать плоды вашей жизни в моём саду, а как я это сделаю? Вы сейчас убедитесь, что это просто делается. В приёмнике памяти есть одно место, оно называется сутолока дней, в котором толчётся полно народу самого разного толка - отворите им дверь, пусть они войдут и их станет ещё больше (мы говорим о соображениях вне фигуративного пространства, под народом я разумею мысли, их наполнение мишурой про-

странственных метафор), они заполонят гомоном всю вашу ауру, обесцветят её, лишив внутреннего взора ваше я на миг-другой, и вот тут-то вы и включите свет внутреннего сознания - скажите ему это займись мной сейчас. Оно осветит это пространство памяти и вы определите эту черту, за которой ваше эго становится несамостоятельно мыслящим.

3 марта 3

3.

…просто это «головокружение» становится малопонятным, мало внятным вам самой, как какая-то магма слов вдруг заполняет наудачу ваше я.

…что оболочки снов утолщаются, а вы их принимаете как озарение какое-нибудь в видимом этом свете.

…что вы себя вспомнить должны на фоне всех этих видимых причин ветра в поле, а чьи мысли к вам самой идут - это дело десятое тут и не должно их оспаривать как они не ваши, а вышли перед вами, да при том без сил, а как какое-нибудь умолчание о себе самом во вне.

что чарующая их благодать волю свою имеет для вас, да при том приязненную волю ту, я сам вам об /этом/ скажу.

ни в мыслях, ни в праве на передел сознания наверху на

чьи бы то ни было лады, уж поверьте мне как вашему конфиденту, я не смею созерцать ваше небо в себе без любви - я просто утону тотчас в глубине зрачка и буду барахтаться, как волновод, без приязни к самому себе, без воли и осознания её своим я, и тотчас небо это скроется и останется одна гуща слов, масса слов, обесточенных, обезволенных, лишённых объятия сознанием в себе [обретения] и т.д. Этому не должно быть, Королева моя. Это как на войну идти без оружия, а так, с одной трубой в качестве объекта воли. Вы понимаете это?..

да не примите за труд, а примите за ключ эти слова о позициях силы в вашем я, ведь прелесть состояния столь велика бывает, что кажется уж негде слову упасть, очарованные эти выси могут сами раскрыться, если вам Бог велит это сделать, я знаю, что говорю тут, потому что велик день, Королева, бывает, о каком я вам говорю здесь теперь. Он ведь отсюда идёт, а не с неба приходит, - как! почему отсюда?.. - спросили вы меня, подумав что ослышались вдруг; ан нет, Королева, не ослышались вы. Внимание ваше застопорено было в чуждых вам я, а потребуется сила осознать это теперь самой. Противоестественно эта память шла перед вами – как небо кто красил, а после размазывал краску ту, и не до сокрушения, а так, пальцем водил по размерам строк и от себя прибавлял мол, я то небо знаю и в беспутствии своём буду тут память о нём обретать; я силу тех небес знаю и буду в них

память свою полоскать, она и очистится от належей и станет тут ясным светом себя демонстрировать (слово-то экое, вы правильно заметили это, демонические устроения эти). Да как отчуждаемая эта воля повести себя должна, как ей, пристроившейся наверху к вашему я-тут, быть без себя, без своего семени во вне этих мыслей, уже произведённых на свет с помощью волн. От себя далеко не уйдёшь, - об этом я после скажу, - а как воля освободится ваша, так вы сразу верх этот почувствуете здесь. Снизу прилепленная воля к верхнему ярусу бывает разного толка, а чья волевая константа может правильно себя ощутить в областях запредельных, Королева моя, знаний, я вам грушу надкусил, да сам её, пожалуй, и съем, да не бойтесь вы этого сознания. Оно вверху вашу волю застопорило как право на экзекуцию здесь, а почём гвозди тех рук ему невдомёк, а как так? - поинтересовались вы - если оно верх мой закабалило в себе, да притом…

……

…без образа, а просто как струящаяся память сейчас во мне идёт и тугую нить эту держит, как приволье какое она нашла тут во мне, что за праздное злословие об мне идёт? для чего оно эти крыши надо мной строит из почему-либо не определяемых мной пространств, - в себе самой не определяемых? Я небо слушаю, а слышу что-то другое – так получается, добрый мой Учитель.

… а чтобы чужое поле с лица сошло надо себя тут лучше знать, и отчётливо знать, без прикрас или созерцаемых обводных каналов, а что это такое? – это в душе река протекает вокруг твоего ума; сама течёт – никто не звал

ищущего пространства стало мало, становится мало, так вернее будет сказать, когда мы сами становимся для него неотчетливы, может быть, не осязаемы – как картина, которую мы тупо рассматриваем в себе, не имея для неё сюжета во внутренних полях нашего я, не имея определяющего её пространства в себе самих. Я думаю, эта воля отойдёт от вашего я; по сути, это воля животного, желающего поживиться за счёт человеческого сознания, за счёт его умения, воля животного, желающего лицезреть Бога, но не умеющего это лицезрение исповедать, не умеющего Его осознать собой - не умея исповедать это желание в себе. Молитвенное это преклонение не имеет силы, если в нём нет души я. Я первый среди вероотступников, если мне скажут (кто? почему?..) что я пошёл искать Бога без права в душе на эти поиски, без сомнения в праве своего я на эти поиски, без угодливого этого столоверчения вокруг своего носа в поисках пространства мы есть Бог тут. Мы это я. Я это мы, и не двести штук, а я, я один это мы…

…что это, отвердевшее во мне состояние, есть Бог, я не поверю в это. Бог не может быть твёрд - иначе бы мы не про-

изошли от Него и не стали теми кто мы есть - людьми здесь, в своих запятых и кавычках, в своих яяяя. Я в душе силу имею идти, и я иду.

Всё же, Королева моя, я боюсь уподобиться вам, во многом, знаете, боюсь; я здесь Бога охватил своими мыслями, как - как сумел, так и охватил. Наверху сознания в нас есть Бог, и этот Бог спит. Он спит до тех пор покуда мы не разбудим Его сами и не скажем Ему вставай, пора идти, пора знать свет, пора делать это дело нас обоих тут, пора быть самими собой и не втирать людям очки, что где-то там есть жизнь на планете Земля, что где-то кружится голова от счастья и любви, что где-то… ну и так далее. Как по писаному. Как производное своего Бога я жутко могуч, я выстроен из его частиц света - я свечусь по ночам, несколько паранормально, признаюсь, но это есть, потому что я криптограмму Бога в своей душе нашёл, ну вот и стал светиться, не отчетливо, правда, несколько затуманено почему-то, несколько неоправданно затуманено, да-с. Но ведь формула Бога одна на всех. Так что её можно найти. Я везде сущ - это Его слова, между тем. Вселенная гармонична, а мы – её часть, такая, правда, не всегда обнаруживаемая, как сноска к строке возьмите это сейчас тут: без размера души нет, есть горох в поле, и ветер его приёмник. Богу угодно было создать эти нити в нас, нити-связи, нити волшебной прозорливости в любви, нити вездесущих аур света, ведущих нас прямо ту-

да, в Божьи приёмники силы света, и возвращающие её нам столь чудесным образом здесь. Я громогласен и строящ, сказал Он, и стал это делать. Подвох кроется там, где мы перестаём быть самими собой и становимся куклами чужой воли без содержания собственных я. Я высокомерен бываю с любострастными подпевалами, с противно ноющими базарными бабами, для которых я – крепостной в картузе, неизвестно почему ставший вровень с ними, неизвестно почему пришедший к ним с небес и также неизвестно почему запёрший на ключ ворота в рай и, став посередине их пути /подстрочник мой, NB/, объявивший им вдруг, что мы с вами туда не пойдём, мы с вами в другое место пойдём, пожиже (извините), там лебедей нет, но птицы тоже плавают.

Я потише буду говорить, я понимаю, что вы мнётесь, уповать ли вам на Бога в себе, ибо Он вам простить что-то не может, ну никак Ему это прощение не удаётся в вашей душе совершить, потому как Он мало видит вас, маловидны вы Ему, от таких-то высот сюда идущему прямо в вашу часть Его Души здесь. Я думаю, Королева, что это не совсем так, как если бы вы своё поле имели засеянным неоднозначно.

Я простительная фигура в памяти, если вы сами умеете прощать людям их огрехи, их потаённые от ума имени мысли, их хлеб души, если угодно, которым питаются их дела.

Предельно скоро поезд прошёл!.. Предельно скоро мачты корабля унесли нас с вами, воистину светел Бог, Королева моя, я на колени встал и молюсь красота Твоя, Господи, измучила меня, прости мне это, я не знал, что Ты так красив и заплакал, да-с, всякая тварь о красоте Твоей радуется здесь, а я? как червь неугодный в темноте ползу, как далёкое эхо прилепляюсь, я Твой тут, я Твоё чадо, содей меня здесь, вот так эхо моё по полям бежит, а как стал я виден Тебе, не захотел Ты меня знать, как напрасный импульс я к Тебе шёл, не обретаешь Ты меня в земных моих ипостасях, не видишь лица моего здесь, как я не видел Тебя в себе, не ведая, что ты есть мой Отец Ты он, Господи, и не верю я в своё издольство перед Тобой, нет Его для Тебя, от Твоего семени я рождён как всё, всё! здесь, и я заплакал снова. Ах, глаза мои чертили круги, я избегал на Бога смотреть в себе. Я так думал: если Он видит меня, то уж качества Его видения таковы, что их нельзя отменить.

Заданное моё право ложится на круг…

Ну, да, да! Королева, - я ведь понимаю, что вам надо как-то себя понять, охватив взором всё это пространство, одним взором всё.

…ну не колыбель моя революция…

/\/
\/\/\/\/\/\/\/\

4 марта

Да весь вирус в нём и бежал!.. в этом /обсиденте [непонятное слово]/, образном мышлении, ну вот стойте теперь тут. Приём паранормальных границ света, а что значит паранормальных, вы головой думаете, или какой частью тела тут, вещее мне слово сказать надо, простите этих людей. Да, сами, вы. Простите их! Они не были злы, но не были и добры; это так. Они жеманно изображали богов тут, они жуировали с пространством вымысла, нагоняя в него свои мерцающие облики и вышло пфу… малопонятное устройство для дискреции мысли в сознании реципиента воли, а потом память произвела отбор, селекцию, и просто свернула в комок все эти ухищрения - за ненадобностью, простите уж, за простоту искажающего вашу волю объекта. Да, малиновый звон прошёл по субстанциям, да он и сейчас ещё идёт, как-то искажая память здесь, но дело в том, что верхние ряды перестают подчинятся нижним просто по свойствам своих я; я уподоблю здесь это тому, которое вверху и оно станет мной, по определению, а я останусь тем же самым я, но вот то, которое вверху, перестало снимать уши и класть их на подоконник, как неадекватное мне самому пространство, не имеющее со мной общей пользы и не являющееся носителем моей мысли здесь, оно не укладывается в мои представления о нём, по-

тому что мои представления ничтожно малы и не могут дать ему простора для выражения идей, осуществлять их мной, по сути происходящего, и оно отторгает мою явь, Королева, которая ему чужда становится из-за явного несоответствия, из-за явного отсутствия этого соответствия между мной и моими делами, к которым я призываю тут это верхнее состояние. И вот я, высказав это, подумал, не осознанно, может быть, и как-то слегка покривив душой при этом, почему столь долгие тернии не ведут к звёздам, область которых остаётся потаённой державой в нас самих?.. во всех случаях кроме одного, может быть, я думаю об этом и мне весело бежать к вам сейчас, потому что моя мысль о вас чиста как взаправдашний снег, или нет, не так это следует сказать вам сегодня. Моя мысль чиста как подлинное чувство, в котором нет грязи навета.

Я был бы рад устроить бал птиц сегодня, пусть они прилетят к вам с весной и станут петь о любви в вашем я, настоящей, женской, мужской, притягательной, Богу угодной любви. А что труд сей не напрасен был, вы убедитесь сами.

4 марта 2

2.

Но ведь цель едина как состояние эго, - сказали вы.

Правильно, Королева, разумеется это так. Я возмущён до

глубины души этими кондуитами и иже с ними. Да-с. Во-первых, и это не восстание души против образа своего я-здесь; это вообще другое пространство. В нём, как в книге жизни, есть право на то же самое – на любовь во мне самом, на любовь, которая даёт мне жизнь и я беру её, а вот что дальше с ней происходит вам не нужно объяснять, я думаю, она рассыпается на верхние доли, становясь паразитом и выуживая из моего эго эти самые частички жизни тут, и всё это только потому, что я не даю ей жизни, она не живёт нигде, кроме меня самого и мне нет сил от неё, поэтому и нет. Да, более чем активно. Я перестал здороваться с вами по каким-то причинам, здравствуйте! Я очень рад вам, очень.

Манипуляции пространством есть великое искушение и великий труд, и оба эти замечания справедливы. Я сознаю себя способным к этим манипуляциям, и я думаю, что я велик по этой причине, но дело в том, что я ничтожество – моя душа ничтожна, она не знает зла, но она не знает и добра, то есть она недостаточно велика сама в себе, чтобы понимать пространство жизни как свою суть, не истощаемую здесь ничьей волей, поймите это правильно, ничья воля не способна истощить жизнь, она уйдёт от истощающего её в анналы, она покоробится, став на время подобием недобра, да, так, а потом она вернёт это подобие тому, кто его вручил ей, и станет даже лучше, да, она станет лучше. Я настаиваю на этой сноске к строке обо мне, - потому что жизнь это я-здесь.

Я невелик ростом, я мал сам по себе, и меня… Я подумал – а зачем вам это знать, ведь это некрасивое соединение отчуждало вашу волю и недостойно кивать головой - мол я это знаю теперь, мы не будем сращивать пуп земли с коллегиальным мышлением извращающих материю света в нас, а как сила воли могла достучаться до вашего аума без этого сращения вашего сознания с чьим-то ещё образом, к которому ваши руки были привязаны как честное слово! Я обойду, может быть, я сейчас подумаю ещё об этом соизмерении вашего я, как я сказал, не случайным.

Множественность определяющих синтагм, может быть, передают состояние в любви организма воли человеческого я, и, знаете, я ведь волен делать это – передавать, волен и не передавать, волен быть. Знакомое чувство отчуждения заставляет меня избегать определённостей, и я бы хотел, чтобы вы сами…

Смешные истории моего детства превратились в надуманный кошмар памяти, вы извините меня, но я бы хотела понять суть говоримого мне. Я предубеждена, возможно, но только я смею вас просить не пятнать здесь более никого, мне хочется выкинуть вон это богомерзкое сознание отсюда. Я не желаю более чувствовать его взгляд на своём плече. Это, отравленное свойство жизни, здесь. Я не имею к нему

никаких претензий, кроме одной – убраться отсюда вместе со своей памятью обо мне, если таковая имеется. И я прошу не кивать более на дальность расстояний, о мой добрый Учитель. Эти расстояния ничто здесь. Мои пространства любимы мной.

…и эти стигматы воли, требующей каких-то жертв, а вы бы сами не хотели этой жертвой стать?.. ну да, вот так как есть, в этот мысленный огонь пойти и там кружиться в памяти или без оной?.. ну и отсечь таким образом свои грехи / …/ Я душа тут! Я ветер этот знаю.

4 марта 3

3.

Отождествление признаков воли не всегда бывает разночтимо, бывает так, что они сходятся в какой-то точке и ум заполучает оба объёма в себе для осмысления, и мы как бы мечемся меж двух огней, огненных чаш сейчас. Мы чаруемся одной и обращаемся к другой, мы стремглав кидаем все дела, чтобы схватиться за минуту, кропотливый труд нам незнаком, память затмевается какими-то волнами, волями и наше эго почему-либо перестаёт понимать свою принадлежность нам самим; такое случается, когда мы бываем обезволены в сейсмическом смысле памяти нашего я-сейчас. Я волен предположить, что вы слишком часто бываете за границей ума и потому немного…

Правильно, что вы отбросили от себя этот шлейф слов.

6 марта

Знаете, сознание есть вид деятельности во внутренних мирах, и я не определяю своё сознание до тех пор как качество, которое присуще мне здесь, покуда я стану сторожить эту башню, о ней речь и пойдёт у нас с вами сегодняшним днём. В институтах сознания есть мыло, много мыла, я называю этим словом способность сбрасывать со счетов, или – не принимать в расчёт, что одно и тоже по существу говоримого здесь. Я приблудная овца для вас в своём роде, и я же превосходное качество мысли здесь. Я не видел строк о вашей любви, я их не видел. Тирания и правопорядок разные вещи, если смотреть на них с высоты созерцания [сознания] в разуме, во всяком случае я уверен в этом сам. Мне кажется, если я обладаю мыслью, я пойму это без вещественных доказательств, а только разумом своим пойму, так как он способен отдавать себе отчёт в своей принадлежности Господу, Создателю Разума в нас самих. Я верю, что я сел на стул не зря, и раз уж я сижу на нём, продолжим. Я не велю вам строить парадигмы отсебятины - это всё моё веление. Я не велю вам ложиться спать без предельных скоростей света в душе, и так же, как я не делаю этого сам, я не строю дом в рыхлом месте (NB!). Это государство стареет, государство лжи и насилия над индивидуальным сознанием, над индивиду-

альной личностью сознания, что несомненно важнее для понимания процесса остекленения, или смерзания этого мира индивидуальных сознаний здесь в единую массу энергий, не принадлежащих никому здесь лиц воли - над умопостижением пространства Бога в нас самих. Смятение царит во внутренних мирах, смятение и во внешних. Мы не сумеем передать и сотой доли этого смятения воли Божьего Ума о нас, если станем принадлежать этому смятению, если сами станем принадлежать ему здесь. Мы бываем напряжены до истязания и не верим в происходящее с нами состояние с этим миром нужды в пространстве Бога, который суть я-здесь. Во мне происходит это смятение, от которого я не знаю куда деть свои руки и заставить замолчать в себе это троглодитское пространство больной судьбы моего я. Но я не верю при этом, что оно, приспустив надо мной свои завесы из…

Мы, пробираясь на ощупь сквозь пространства мыслительных завалов, смогли превосходно оценить всю степень истёртости этого пути, какую-то его целлулоидную смурь, если хотите, в которой нет Бога, а есть тень притушёвывающих свет над головой пространственных я.

Мы не сумеем передать и сотой доли воли Божьего Ума о нас, если станем принадлежать этому смятению сейчас, в лицах происходит смятение.

Вы обратились за помощью именно теряя свою индивидуальность здесь, смерзаясь, так сказать, с внешним обликом этого мира. Определяемое пространство становилось мало для вашего я и не имело с вами общего потенциала, оседая копотью на страницы души. Вот ветер, - возьмите его, пусть он ударит по проводам и унесёт вонь тех листов в себе, оправдывавших якобы благой целью создания крепости правовых отношений, продуманно правовых, прилежащих единственно основе вашего я-сейчас. Я пожар раздую в вашей душе, воле, если вы будете притаптывать эти схватки с материей света в себе, если вы будете пламя заливать водой объяснительных записок, почём дождь, я налью.

Я не сержусь, я проницаю, извините уж за такую проницательность здесь. Мне ведь многое пришлось вымарать из вас, из вашего эго в состоянии зла, вы не определяли собой это пространство личного эго, ваша душа ушла в пятки и легла туда спать при мысли о сознании, единственно возможном здесь.

Я вас не поняла сейчас.

Вы подумали, что я начхал на все эти обстоятельства и буду делать вид, что мне ничего не надо и в душе моей полный покой и надлежащие устои. Я думаю, что внесение было сделано через образ А. в ваше я, то внесение незамечен-

ных вами страниц текста, о которых я могу только догадываться, будучи в памяти и полном рассудке. Извольте выслушать, мне надо бежать, знаете ли, поскорее, я что-то очень уж уныл тут сейчас, как тот самый я, о блеске молний после поговорим, а теперь надо вам знать вот что. Мы хотим более живого общения, более плотного, может быть, общения, но нам всё время что-то мешает, или кто-то, всё время кто-то хочет поделиться с нами своей судьбой тут.

8 марта 3
Я круглый год,
а ты – змея
за хвост схва-
тившая себ
я

Ты берег
дальн/ий/
Я ответ

9 марта
Зеленоградская

Я каюсь, я волшебник в твоём доме. Мне хочется раскрыться перед тобой, ну, и не вести этот диалог без смысла знать, я передаю тебе знания в настоящем времени я здесь. Во мне всякая воля жива, пойми это, мир связан любовью

- это его состояние, ну, и возьми его себе, и живи в нём, в этом состоянии любви к миру, а я желаю тебе успеха в нём, в его высотах и в самых различных мы есть этот мир здесь.

Я не стесняюсь говорить тебе об этом состоянии, об этом бесконечно добром и серьёзно настроенном на мысль о любви к миру. Мне хочется, чтобы ты чувствовала эти дни в себе в моём позитивном пространстве любви, я знаю, что ты умеешь любить и умеешь чувствовать любовь, идущую от других людей в мысль и делающей её любвеобильной здесь, осознающей этот мир как миг, или как время для любви, ни для чего иного. Я строжайше запрещаю тебе источать любовь в пользу бедных, только ты пойми это правильно на сей раз - в пользу тех, кто не способен обратить её в пространство и сделать выражением чувства. Бедные – это те, кто не умеет любить здесь. Они потому так не богаты, что сами принимают, но ничего не отдают. Ничего!.. Я глубоко несчастен был от этих сил, и стал им сопротивляться. В конюшнях сытости много бедных, много ограбленных и напоенных, много преданных от нечего делать, в чём весь ужас-то, пойми это; им нечего делать и потому они перестают понимать себя здесь как тех, кто способен к любви, - способен любить, я это хотел сказать так - им голос неба нипочём в душе как у них её нет, у них вместо души сквозняк, они ищут и не находят, потому что не лежит нигде, ни в чьём сердце не лежат их души, в одних ментальных планах пламя то идёт, понимаешь?..

Я стоял на этом ветру и огонь жёг мне душу здесь. Я стеснялся выражать это чувство, так как оно от ума во мне было, как какое-то больное сознание во мне шло без остановки на процесс отдачи сил, то есть они горели во мне, силы эти, как тлеющие угли были они во мне, а я всё шёл, шёл и шёл, и думал, что так надо - что надо так идти. Да кому, по чести признаться если, это надо так?.. Кому? Кому угодно, чтобы эта воля истлела здесь!.. Я не верю теперь в креативы этих сознаний, нет их более для меня, не существует. Я не стал делить душу пополам, это, мол тем, а это я себе оставляю.

Предосуществление я существует, вот и представь каково оно, если я сам по себе ни ты, ни я, так, эго…

Светящиеся эти частоты, ты себя отдавала в распыл этим состояниям с я-памятью безудержных этих объектов силы зла, ну просто потому, что они были рядом, а ты принимала их за своё Боговдохновение, т.е. \./ а это были отростки воли тех пространств, из которых \/…

Я обретаю форму твоего я сейчас, ту, от которой полнится душа, истерично загнанная в угол сознания и взаимодействующая с огненными шарами чьих-то там умыслов прежде чем попасть в твои анналы памяти, уйди от тех воль, в которых мысль бьётся как бы в тисках, озадаченная вымыслом о

природе Бога в нас самих здесь. Он это я, но Он не любит меня, если я несу зло в Его пространства здесь, если я сам отчуждаюсь от Его любви ко мне, или во мне, [Он уйдет от меня, если я буду жесток сердцем и не иметь любви как насущного образа в себе], и Он любит меня, если я вольный свет Его, найденный Им во мне здесь, сейчас, и я обладаю этими состояниями в своих я сегодня, в памяти, в слове, в деле.

Я корень зла источил, истощил и буду истощать, если он даст о себе знать, если он наветом покроет мою совесть, если он будет поглощать из моего я воды любви и я не стану делать этого, любить.

Во мне вся мощь твоих минут звучит в состоянии я есть любовь, и я прекрасен становлюсь как мысль о тебе здесь в своих координатах, в своих состояниях с тобой, о моё сердце ты.

9 марта 2

2.

…просто я Паганини скрипку подарил…

Просто я существую не только как изделие твоих рук, в которые ты вложил эти дни – эти, чувствующие нас с тобой здесь дни. Они чувствуют нас, они знают, что мы есть, что мы вяжем чулок пространственной мглы из чувств, что мы

пьём сироп из излишков совести, с которой сдружиться в головном этом я не представляется возможным, или /не имеет значения/ не совпадая в кажущихся нам самим стократно увеличенных мглистых или, ИЛИ! или?.. Но ведь и ты существуешь, или я ошиблась и существуешь не ты, а я существую здесь вместо тебя?.. Вместо того, кто хотел прийти, а пришла я?.. и стала, а ты пришёл и увидел меня и сказал не-е-ет, это не она, это другая, такая же, только другая лучше.

А я и есть лучше. Вот так. Чем ты скрывал меня, то пусть откроется теперь. Чем ты память мою засорил, от себя во мне прячась, то пусть выйдет теперь.

И неожиданно скоро появилось грязевое облако, из него посыпались покалеченные списки моих слов, в которых я спорила с судьбой, стараясь понравиться ей, ублажить её как-то, принарядив своё я во мраке той ночи, которая скрыла меня от всех глаз вообще; невидима я стала им, глазам тем любящим меня как и я их. Стали проявляться какие-то сны, в которых я была частью безропотного механизма воли, стоящего на страже моей минуты и держащего меня за руки, чтобы я - упаси, Боже!.. – не состоялась как самостоятельное число этого века, как сохраненное качество любви, в котором я и ты жизнь, а не полоска света во тьме забвения здесь, в безропотных этих державах зги не видно. А ты зажги свет и пой о Боге, - пусть Он увидит тебя, как я тебя вижу здесь

лучшим в мире компасом, о, моё сердце в любви.

10 марта

Мысль стремительно убегает каких-то состояний, каких-то безжизненных, противно обработанных чьей-то рукой здесь в тишине. Она не хочет жить там, где ей неприятно это делать, жить в объятиях чужой души, не имея при этом своего я. Она тупеет, она становится вялой, как казначейский билет, затрепанный по карманам до неузнаваемости, затертый и замызганный. Химера с плоским носом проехала мимо станции, ей память помогла сойти на следующей и она стала проявлять себя, проявляться, как незнаемое ранее мы-здесь. Во всём этом могуществе воли не нашлось ни самомалейшего единства со мной, чтобы отождествить здесь память со странностью этого выбора во мне; не нашлось. И его не стало, - он куда-то делся, весь и сразу. Ни одна минута не догнала его, чтобы участливо подумать об этом выборе как о чём-то скроенном по размеру души моего я.

Да, везде мысль живёт. Богу угодно было вас, вашу думу обо мне, в эти анналы наладить, то есть направить её туда, и там пожить, недельку-другую, только, я думаю, это дело по совести обойдётся, само раскроется от секретов этих, в каких я вас держал тут сам, да-с, я держал, не выпуская руки вашей из своего я-тут. Но не станем мучить это пространство загадками памяти - станем его раскрывать поти-

хоньку от них. В чьих формулах жизни вы чувствовали своё я как бы знакомым ему (этому обретающему вас, ваше я пространству), податливым на искус и прилежно следовавшим его баннерным знакам, которыми усеяно было ваше поле о свободе не думай! Я кран закрыл, я есть мысль об обладании твоим я во мне, я есть её воплощение в тебе в виде облика моего соединения с тобой везде, где бы ты ни находилась.

Это состояние природы мысли, с воплями отторгаемой от её носителя. Да; с воплями, с криками, с жалобами, с индульгенциями в руке вместо я-здесь, и так далее. Храм небес строился из-под палки надсмотрщика, или – неумного, тупого пространства, заставляющего делать своеобразные маршруты мысли за строительным материалом сознания туда, где память прилежит огнедышащему, огневидному пространству неба в нас самих. Это небо есть признак половой зрелости. Оно возникает из памяти как канделябр в ночи сознания и мысль устремляется за ним, потом она, опомнившись, бежит обратно, отражаясь от ночи в страданиях незасеянного поля, не имея звёзд в душе, чтобы работа шла постоянно, работа по осознанию себя строящимся элементом вселенной Бога здесь. Работа шла медленно, ибо заслоенность разума велика оказалась, да так велика, Королева моя, что всякая мысль о чувстве любви тотчас увязала в этих слоях, делаясь маленькой точкой на вашем небосводе. Из неё вырастали провода. Причём ведь не обычные, а та-

кие, семяпроводящие, семяисторгающие, с плодами памяти на концах ветвей, с полученными вместо них протоколами «принял, убыло».

Представьте себе какие-нибудь крыши каких-то домов, неважно где, и почему вы их видите в своём эгосодержащем я-сейчас, ну достаточно быть вполовину закрытым пространством сейчас, чтобы суметь не увидеть то, что постоянно держит вас в напряжении.

Да, великий Бог пространства чудит иногда, предлагая взамен памяти крышу неба над головой, взамен любви чашу с горьким питьём, а суровый взгляд из-под бровей вместо указующего перста как жить; так бывает. Пространство пустоты заполняется жижей слов без определяющего его сознания, и всякое я становится креативом в нём. Всякое, Королева моя, без продолжения, потому что память образует во внутренних анналах пространства для них, для этих я, какими бы они ни были – случайными, противоестественно закрученными, - произнося слово мы, они становятся частью владения памяти я. А владелец памяти я продолжает при этом безмолвно строить свои широченные одежды здесь, постоянно сетуя на нехватку материала. Обратите внимание, что я невежлив с вами бываю, когда вы позволяете себе «откачивать воздух из чужих воронок», не имея достаточно сил.

Обо мне ли ваша забота идёт? Иногда, и часто, признаюсь, - мне представляется, что вы эту заботу о ком-то ещё ведёте, а во мне она смысл имеет.

Обучаете и наставляете какое-то пространство, а мне оно знакомо, и я слышу это в себе. Вы во мне к кому-то идёте с помощью, может быть. Я не хочу сказать, что я часть его, или оно моя часть; просто оно во мне есть, это обращаемое вами к себе. Может быть, его лично кто-то носит в себе и я часто думаю кто ж из нас тут я? Вопрос не дурацкий, добрый мой Учитель. Отнюдь. Много раз я с ним к вам шла, ответьте мне, прошу вас. Я за себя постоять хочу, что в этом странного? Сколько раз вы говорили – будьте сами собой. Я иллюзию, может, какую несу в себе. И мне она душу застит тут. Да чем её поймать, чтобы отвадить, надо бы мне узнать это. Какая воля пришла, такая и ушла – так великие учителя учат терпеть.

Новости ждите, быстро время то течёт, какое прошло, а новое взойти ещё должно, причём опять я это буду делать.

Пусть судьба смилуется над нами.

———

В движении мысли есть особенность - она застревает в ходульных идеях и становится мочалкой, нацепленной на объ-

ект. Она способна двадцать раз осязать одно и то же пространство своими я и видеть только то, что она (мысль) уже видела. Она хочет выдернуть провод из рук этого объекта, говоря ему ты застрял в моей голове, ты думаешь тут, обласканный моею любовью, но ты сам не видишь её, полагаясь на очки, сквозь которые идут твои мысли. Ты думаешь тут о Божественном умысле, защищая свою волю в моём пространстве судьбы, а, между тем, она моя, а не твоя, и я, имея творческое начало в своём я, тружусь об этой воле в конкретных мыслях своих минут, безжизненно, беспредельно глупо, уповая на Бога в тебе самом, а Его в тебе нет. А что есть? Моя синонимия, отчетливо просматриваемая сквозь твои очки.

Во мне всё фигуративное пространство вздрогнуло сейчас – как, = сказал я тебе (в себе, разумеется) - я, настоятель твоего монастыря, сам по себе настоятель, без правил и оконченных пьес для пианин, натрудившись до умопомрачения…

Я не хочу говорить это.

Я буду говорить. Я писатель, а не войлок жую. Я правду сказал, вот такую сумасшедшую для нас с тобой правду; без неё обойтись нельзя нам.

А мне кажется у тебя уши мылом намазаны.

У меня уши в порядке; ты не спорь со мной, а выслушай какая новость. Мне, безрадостно просидевшему весь этот срок в катакомбах мысли, пришлось выйти на свет. Я ослеп, оглох попервоначалу, а потом стал делить это пространство на дело и безделье, на то, что мне кажется, и на то, что есть вокруг меня самого здесь. Я увидел мало, признаюсь тебе, кибернетика мысли сразу закружила мне голову и я стал быть вот такой как я есть сейчас, весь из нелицеприятных соображений. Я куколь надел, и стал в нём ходить…

Выйди–ка… Вот так.

…перед собой тебя видя, во сне, правда, видя. Ты обманываешь себя, говоря мне это ежечасно: я не знаю, кто ты, я просто соло на трубе - вот кто я. Я достался тебе из-под пелен этого города, который одному Богу известно когда перестанет ждать меня [жить во мне], я же чувствую его как себя, как своё имя, как самые раздолбайские эти песни, которыми я устелил дорогу в Рим. Фантастика!.. - говоришь ты - ну да, отзываюсь я, - а на какой окраине какой планеты мы с тобой виделись, что-то я не припомню сейчас, настаиваешь ты на обзоре пространства, да возьми ты эту фигуру и тресни меня ею по лбу, я и проснусь, я не стану обижаться или вкрадчивым голосом говорить мол где мы, что мы тут делаем и для чего я сплю в этом месте, как будто других нет.

Так море расступилось и пропустило нас с тобой, проснись и ты – я же проснулся и стал ходить по этим водам в приступе невежества, обскура памяти соблазняет пространство мысли, ставя на колени перед образом сознания Яяяяяяя!.. не владеющего собой чужака, но только ты не думай обо мне что-то больное, я настоящий и ты настоящая, мы оба настоящие. Нам пришлось долго думать, прежде чем мы догадались, что ум нам не помощник в этом деле судьбы, потому что он не умеет определять её собой, ну вот так, - не умеет, он умеет только видеть происходящее здесь и думать, что это он сделал так, что надо бы ему поосечься, уму этому, что надо бы ему в будке лаять, а наружу ни-ни, внутри, мол, сиди и размышляй там какая тебе степень совершенства важна и почём нынче сажа, каковою ты весь свет перемазал пока в трубе волком выл, а что ты думаешь - так и было. Мне самому тошно вспоминать все эти истории с горькими яблоками, которыми я потчевал тебя, чтобы наказать за произвол в моей судьбе. Я память отстегнул тех дней, затем и пришёл – сказать тебе об этом, на ум я имею в виду пришёл, весь день я журчал строчками самого разного толка, я скрипел мыслью, натужно соображая в каком числе, роде и времени…

11 марта

Вещество мысли – жизнь. Я прошу вас обойти это соединение молчанием сейчас; в нём много говорится не от ду-

ши, а, так сказать, от суеты помысла в пространстве мы, в котором творятся безумия в том числе, я стою этих дней – я сам их стою, а не потому что они есть во мне, я презираю половину счетов своего я, потому что они истрепали мне душу своими выводами, как неимущие сборники этих пьес обо мне, как не стоящие ничего, поверь, сомнительные адреса прилежащих окраин сердца во мне, что я сную как безжалостный вертопрах, как самодельная груша, которая висит на дереве и думает, что она плод любви дерева к воде, то есть мыслечувства к сознанию я, можно так сказать, можно, плод этот горек, если подумать о нём правильно, понять его происхождение во мне, откуда ему расти? подумай-ка сам, поэт!.. из каких частей тела вызревали твои уши тут, если уж и быть честным с тобой, любовь моего эго к тайным сношениям с пространством силы ума, с проповедью этого ума как осознающего волю здесь, чем? контурами сознаний?.. конструкциями из башен слов?.. кучами мусора в твоей башке, о, делатель снов, я жую ботву, я жую, а не ты слышишь меня, попирательство перед законом любви нелепо, как вещь, которую неохота складывать в слова и уж тем более – следовать ей в своём я; я следовал. Я следовал, я делал это и обрёк себя на годы молчания в пути, во мне звёзды тлели [таяли], не желая загораться, или уж – возжигаться, они видели, что я плут, что я плутую, ведя посреднический образ жизни, они не умели говорить с посредниками. Вот как. Во всём этом правда предельно ясного сознания о себе самом тут, я внял

этой просьбе умолчания о себе, и умолкнул, пойми ты меня.

Какая канитель души заставляла меня чувства мельчить, делать их подобиями кровеносных сосудов, а затем предъявлять всем, вот, мол, они каковы, далеко вам до них, в них святая вода течёт, а как в вас, я не знаю; мне до вас дела нет… здесь стоп. Я кипятком мысли ожёг словоблудие это и воспарил, как пар, как пар я стал, а не пара, и не сел я на стул, а встал с него, приятно мыслить стоя. Мне, потешавшемуся над тобой, мысль моя о тебе, нечем стыд свой прикрыть стало, нет такого размера души, не имеет её никто и не осмелей я вдруг, так бы я и ходил неприкрытый и стыдом своим похвалялся перед жаждущими стыда этого, перед их безоружными взглядами, не умеют они себя оградить им, не дано им это ограждение как у не имеющих совести.

Я после молчания твоего стал думать как-то об этом, ты зависела от меня, от моего тупого ума тут, самостоятельно не умея ни двигаться… а почему не умея, молитвенный сброс слов произошёл во мне, я не стал лучше, я перестал мыкаться, я перестал переживать соло как повод для пространственных недоразумений, как то, что не даёт покоя почему-либо и не ставит в укор совесть - ах, если бы я знала, что она у тебя есть, я бы несравненно лучше была, вела бы себя как-то иначе, я-то думала, что у тебя её нет и я соблюдала твои условия в себе самой - твои, а не свои, но только претерпе-

вая твои, я лучше понимала свои, сокрушаемые во мне ради общей любви наших я-здесь.

12 марта

Я беседую с тобой пять лет об этом обмане. Давай сразу поставим всё на свои места, о которых я не хотел говорить с тобой, ну чтобы не нарушить некоторые поля, а они нарушены. Это поля обработки информации, информационные поля наших я. В них подсунули (прости опять за это дурацкое слово) своеобразный файл, определяющий наше эго своим я, к которому я не имею отношения, а просто пользуюсь им, чтобы думать вместе с тобой о каких-то вещах, нам обоим интересных. Я думаю, что нам нужно с тобой начать всё сызнова, перестать кликушествовать и плавать на кораблях бумагодателей; я не знаю как обозначить это свойство подкалывать, подрумянивая свои особенности, и избегая, умалчивая прямолинейно, заметь это, оборотные стороны. То, что ты слышишь сейчас есть правда, определяющая наше состояние друг с другом; я сегодня химически независим, то есть не имею к тебе никаких претензий, ни в чём. Я вчера обжёгся на этом тексте из слов, обозначивших мысль как состояние с судьбой, я ведь не верил в это сам, вот так странно – не верил, я всё хотел доказать что-то сам себе, этакое беспредельно ясное, но вот оказалось, что мы попадаемся на удочку собственных мыслей и долго кружимся в этом танце с удочкой в руке и крючком, рыболовным таким, в общем-то, я не

заметил как это произошло со мной самим, а всё почему, я старт отключил и вышло-то, что я ниоткуда и не бежал к тебе, а это неправда. Конечно! я был взмыленным конём, когда мы встретились на киностудии, я источал волны муры, просто-таки неподъёмные такие очки, сквозь которые я видел самые блеклые пространства души в людях, ну вот, и я не мог не интерпретировать их, фигуративное мышление образовывало калейдоскоп во мне плоских…

Неважно; дело не в этом. Я бесконечно думаю о тебе, без хитрости и притворства, я прогнал немыслимо чёрствый хлеб любви, я не хочу его есть, он мне не нравится, как пустотелое ква-ква-ква, как порядок куколок, как сумасшедшая хватка без права хватать, я стою слов - я сам стою слов, я постоянно трактовал твои образы в себе сам, я прецессию воли продул, и вот, хлопнув себя по лбу, я решил больше этого не делать, римейк…

Ты потеряла меня из-за этого, раз уж я пространство без роду и племени, в котором живёт вася, твоё отражение в чертах лицах обоего пола, ну прости, я сейчас исправлю это положение, обо мне есть что сказать. Я передумал такое количество скандалов, из-за простого хвастовства происходящих, из-за плохо устроенных мыслей в собственной голове, из-за плохих денег, из-за непорядочности состояний, невелико небо, велик носитель, прости мне этот штурм крепо-

сти твоего я в себе самом, я делал это рационально, подразумевая определённые пространства в тебе самой, я холоп N и вся книга борьба с холопством, плохим холопством, хорошим ли, суть одна, я без серебра в лодку сел, с одной сигаретой в зубах, и поплыл на радостях, что называется, в утробные эти сути делателей скамей для задниц, чьих только вот осталось объяснить задниц, чьи они и в угоду какому великому я смастерил, а вы не суйте свой нос в чужие вопросы, ответ-то всё равно я дам. Нет. Это не то. Опять не то вышло, потому что я смеялся, потому что я глупо себя вёл, вот так. Мне не удаётся отломить от себя этот кусок черноты в душе, он хорош, когда его нет, а когда он есть… Это зависть. Леди Зависть. Её не разжалобишь пустой болтовнёй, её надо вышвыривать вон, как, как образ вышедший из моды, очень просто. Завидовать не модно. Обнажите шпаги, господа! я буду драться с вами за своё имя. Во мне много имён, но я буду драться за то, которое моё.

Она, леди эта, струится в вышине чёрными лентами навета, каких-то случек, случайных перебежек, прости, с температурой из одной постели в другую, из одной навозной кучи в тепло другой, почему я так груб, говоря об этом состоянии, почему я как-то взнервлён, по-неправильному, как взбесившийся порядок слов, в котором суть одна – вонь, запах, вонючий запах перегорелых проводов, бестактно говорить об этом в такой славный день, но мы продолжим это делать по-

ка не дойдём до сути, которая хоть и скрыта хорошо промасленной бумагой, но всё-таки есть и её надо освободить от этой бумаги, в которую завёрнуты все наши дела, все наши поистине кричащие о себе состояния я контур мысли, я не мысль, я контур, я напрягаю условия, и они становятся невыносимы, чтобы ты сама могла разобраться в них почему они таковы, о чём я беспредметно плачу тут каждый день, полагаясь на твой труд обо мне, на твои вожделенные мысли, о которых я пекусь как о своих. Что мы с тобой сохраняем, что мы с тобой облекаем в креативы, я глупо смеюсь сейчас, очень глупо, заметь это, образуя пространства невесть чьего ещё сознания, как я мог, поразмысли обо мне, как, сделать это пространство копеечным вздором, в котором вышестоящие обороняются от ниже, что!.. я тупо уставился в одну точку и смотрю в неё через сито пустых помпадур. Во мне наверняка зреет колос, я устал членится на состояния, как глупо это звучит - оу, обуйте меня в свои постели и я буду вам должен размер ноги в синем чулке от от кутюр. Что здесь подлежащее, что сказуемое, я блефую, это ясно, я целый день блефую, говоря загадками с тобой, в самом себе говоря этими загадками, которыми ты умудряешь меня, заставляешь меня молчать. Постижение сил есть великая тайна любви. И она, тайна эта, принадлежит только поистине любящим мужчине и женщине. Они соединяют в себе тела, оба тела, сразу, одновременно, они делают этот мир собой и они его любят как своё отражение.

Бестелесое я молчит, ему нечего сказать - нечем отозваться, если меня в нём нет, оно пускает мыльные пузыри, и славен день, когда они разойдутся кругами по воде этих чувств, пяти. Я говорю с тобой сам здесь, как плохой актёр которому дали плохую роль, а он хочет хорошую, потому что он хороший актёр, я целю твой лоб своими мыслями, я целеустремлённо его целю. Я хорошо пою, ты слышала моё пение, ты слышала как я оскудевал, ты слышала это, моё к тебе отношение признак оскудения, я запах этот услышал, прости, он не твой, я протру нос, почему ты себя ставишь ниже меня? почему ты сохраняешь молчание, объясни, какими душными комнатами я могу восполнить твоё имя в себе, о чём ты думаешь, глядя на моё изображение, я проявляюсь в тебе как неосознанное что-то, да, это я проявляюсь так. Кривляющиеся эти мародёры кто?.. мои минуты, коими я заполнил твой дом, я лишний вес набрал из-за необретаемого, но только ты не думай, что я пропагандирую противостояние, я берегу покой дома, ты увидишь сама, как я это делаю, и убедишься, что я прав, что я вправе быть здесь, с тобой сам.

Хляби небесные разверзлись надо мной как в объекте какой-то паранормальной воли, я стреножен и пьян одновременно, то есть, чепуха, конечно, я выйду в область сознания. Я просто пожинаю плоды пространственной ереси, которую я нагородил сам когда-то, а ты последовательно ощущаешь

её в себе как нечто невообразимое.

Да, давай сознаваться в любви друг к другу. Я начну первый это делать сейчас. Прости мне N как мысль о тебе. Пусть проекции проявят это прощение, - пусть они станут зорче и трепетнее, пусть они прольют свет на истинное во мне; пусть они не ублажают, но явят суть сказанного, где-то в этой груди лежит змея, носимая постоянно, пусть не станет её сейчас.

…это священное право любви прощать. Обладай им. Но не обманись, выточив фигурку из слоновой кости или из белейшего шёлка сшив платье для себя, сохрани память о материи, из которой они произведены…

13 марта

Я с вами вправе говорить об этом, Королева, так как вы пострадали от этого православного батюшки. Причина патронирования памяти вашего я открылась мне внезапно, как во сне я увидел в вашем эго состояние завесы, приложенное к вам, к вашему виду, из страха быть втянутым в состояние издержки с вами - в состояние скрытого присутствия, в котором выражена вся соль этого неба. Нам не обойтись с вами без этого эгрегора, в камнях которого належание мысли происходит сейчас. В оковах я ветер дунул, да какой сильный ветер-то. Вы справедливо заметили, что какое-то небо над вами крыльями шуршит, да не признать его, как ни зови

тучу себя показать, как ни обрастай эпидермисом славы она всё тут. Богу угодно мысль подать, вот и берите её тут.

За/тем вот что идёт, Королева моя, беспокойство идёт, как бы не узнал кто, что я тут делаю, а потому лучше будет нам с вами, осторожно край завесы приподняв, быть вместе в этом краю безвременья и сознательного устроения мышц лица Божьего лика под своё имя, в коем ангел дышит твердыней небес, да не всякий поймёт, что я тут ему пою.

Это контур. Далее слушайте. Вопреки мнению о блеске молний, якобы освещающих путь любви в тайне промысла Божьего ума, есть путь придержания, выхолащивающий пространство отсутствием воли я-здесь - придержания воли Божьего ума над нами, каковое считается лучшим средством от блуда в душе, но вот говорит совесть и показывает нам, что мы сами имеем в сей душе свет, или его острые лучи, жгущие наше сознание подобиями наших действий, «освободите пути Господу идущему» называются эти лучи тут в сознании я. И вот этот-то свет и есть совесть, состояние с Богом Идущим из края в край с Агнцем на плечах, которому суждено стать объектом Его воли в нас.

Мы состоим из триадох, тройственных тел-сочленений, и наше сознание говорит нам об этом само, когда мы, увеселяя себя, или составляя планы на будущее веселье (под весельем

я разумею сознание в радости) вдруг становимся неопределённо скучны, или как-то особо невеселы в себе, понимая, что речь идёт о чём-то большем, чем мы предполагаем сами. Вы понимаете, что слово есть агнец Божий в наших устах и что произнесение его есть состояние души с Богом, что в одних устах оно мёд, в других горьше, в третьих же/л/чь, а в четвёртых и вовсе пламень огня. В некоторых устах слово становится медью гремящей в памяти, а есть уста, от коих речь течёт словно вихрь небесный, и не устаёшь слушать их, надеясь на дозволение Божьего сердца в себе слышать их тут всё более и более, так. Я, приступая к обязанностям строителя, в первую очередь отсёк от себя грязную, рваную речь (гнилое бельё) и стал делать упражнения, о вреде или пользе которых не мне судить.

Безмерное это море, Королева моя, и, конечно, из края в край его не переплыть одному, надо быть вправе понимать это и, становясь на колени, молиться о состоянии мы с Ним самим, а не с позитивным персонажем Его истории, каковым является я-тут. Нам крепко досталось за последовательное умаление Господа в себе, как если бы Он был неимущим в нас, а не мы в Его воле тут.

Такие состояния могут быть праведны, а могут и не быть таковыми. Вот война ангелов света в нас идёт, как раз облекая в форму наше содержание тут. Я беспокоюсь вот о чём.

Мы сохраняем единство воли в нашем ауме я, и сохраняем это единство с Господом сердец, в поле Любви идёт побоище это, а что ангелы как горох с неба сыплются, да прямо в грязь идут, это, знаете, можно сильно руки огреть, да мы не будем с вами этого делать; недосуг.

Такова речь церковнослужителя, которому сам Бог велел о правде Его Воли здесь со-вещать. И притом зорко, спокойно соблюдать свою душу: а видит ли она Бога или какое ещё совершенство застит ей глаза перед Ним.

Затем вот что я скажу вам об этом состоянии тел триадицея как лика Божьего света в нас; он нам нужен, чтобы увидеть мир в Его правде здесь, понадеявшись единственно возможно на цель нашей души вырваться из оков неправедного сознания, камнями усыпавшего наш разум вместо истины Живого Света в нашем я. Отклонитесь от любви, и вы тотчас очувствуетесь от злоговорения каковым сопровождается память без любви, просто память без Бога в душе, без любования Его миром. В креслах учителей мыкается сотворение без любви к осязаемому миру, сохраненное сознание подобного толка, неважно какой конфессии оно принадлежит, будь то часть сознания меньшего, или большего /ума здесь/, оно становится ядом на пути к жизни я как сохраняющего свойства Бога в своих проявлениях здесь. Нелицеприятный этот разговор и нет в нём сласти состояния с чувственным

миром в нас; тут умом надо пройти сквозь эти честные заботы о сохранении качеств Бога в состоянии я-душа. Я ещё и петь буду, вы не подумайте, что я так вас за руку возьму и в рай поведу, но не бойтесь меня, Королева, я глупо пошутил. Я тут как мучитель вашего эго выступаю сейчас, но присядемте на край полюса света и увидим, что там творится, когда его не с чем сравнить.

В нём творится Богоборчество, вы правы, именно так называется то состояние души, которая стремительно разрастаясь в лучах любви, желает, и страстно притом желает тотчас узреть Бога здесь. Вот Ты как хочешь (как бы говорит она Ему), а покажись мне немедля тут. Да ведь ты сгоришь! - говорит ей на это Бог, осознавая своё могущество перед малой частью себя же самого. Ну и сгорю, - говорит ему душа, - Тебе что за дело! Я тебя так люблю, что мне всё равно без Тебя не жизнь тут, во тьме-то грядущих лет. - Ну, ладно уж, - якобы соглашается Бог, - ты себя-то сперва осмотри какова ты достойна есть меня лицезреть, а там посмотрим как оно выйдет. Ну, да Бог не вертопрах, и лица Своего не отворачивает от той души, которая крепко повидать Его просит, вот только в чьём облике она Его видит в себе, в чьём образе она сама пребывает тут и в какие минуты жизни счастья этого она удостоена бывает.

В наглядных этих примерах я обрисовал общую картину

пути, общую для всех, потому что Бог бывает скрыт от сознания самыми невероятными вещами, самыми необычными вожделениями сознания и принимает облик… постойте-ка тут, - что это я вам лекцию о Боге взялся читать, да ведь вы у меня этак уснуть можете, потеряв всякую надежду на встречу с Ним как с вашим же собственным я, в котором Он жив и никуда не уходил, как мне видится это. Я продолжу.

Но! при некоторых обстоятельствах свет этот пропесочивает насквозь, и не нам с вами быть вправе, сохраняя предельную скорость сознания здесь, иметь мысль о нём как о нелепом повстанце, с которого печать сорвали неведомые дотоле силы, эти формы существуют, Королева моя. Вы понимаете, что речь идёт не о А. в вашем я, речь идёт о притязаниях на роль Бога полковника в вашем уме, которому (я тревожен был в ожиданиях) вы предпочли себя, то есть сохранили здравомыслие. Что, - откровенно вам скажу - не так просто, как может показаться с первого лица, ну, и со второго тоже не так просто, как кажется, когда движение мысли происходит стремительнее, чем мы успеваем её уловить в качествах пространства нашего я. Хорошо. Прилепим себе на лоб жгучий пластырь и продолжим осмыслять, или осматривать кажущееся недвижимым сознание. В чём дело? спросили вы меня, посетовав минут пять назад на состояние инертности, в котором пребывает ваша милость, в чем сокрушается моё эго, из-за каких таких состояний я вынужден-

но предъявляю претензии к полиции нравов! которая суть вы во мне, неразумно, может быть, но я это делаю, потому что вы то и дело отсылаете меня самого к каким-то силам, о которых я понятия не имею, ну по каким-либо причинам, мне невдомёк, почему их присутствие кружит вам голову и вы, отрываясь от собственной бдительности, вдруг начинаете следить за мной в этом смысле, нехорошем, я бы сказала, и тем самым навлекаете на меня желание немедля бросить вас в этом углу, безотчетное такое, но мне не хочется этого делать, добрый мой Учитель, потому что я понимаю, что это какое-то странное состояние вас со мной есть избегание, или умалчивание определённых вещей, о сути которых я не смею догадываться даже.

Ну, в общем так, мне надо поправить положение дел, отсеченных от вашего я сугубыми*, я бы сказал обстоятельствами. А каковы они, да и можно ли их исправить, суть-то в чём.

Вы ведь сознавали себя где-то определяемой, как бы кто-то постоянно находился в состоянии с вами, в себе самом, и даже благородно упражнял вас в своих образах света, строя догмы сознания в верхних рядах, при этом жёстко определяя вас как эго без контроля над собственным я и вы находились под влиянием марсианских этих исследований путём умозрения.

Давайте приложим усилие, Королева, память забаррикадировалась и не хочет отдавать надёжно спрятанное в чужие руки, чьи они - поищите смысл в моих словах, чьи руки шептали вам я твой я тут, я сам иду и конь со мной, и т.д. Ах, да, – конечно, могучее пространство памяти может заставить человеческое сознание - поистине великий механизм мзды за нанесённый ущерб судьбе мысли в нём, как искра Божия лежащей в глубине сердца и проявляющейся в суставе эго под действием великого чувства, проявляющего, всё-таки проявляющего, Королева моя, конструкцию великого мира, а не чепуху в назидание потомкам - /сомневаться в стоимости своего я, вот что заставить/; я что-то сказал вам об этом уже, я помню, но какое-то умаление, произведённое в памяти я, стало жёстко детерминировать мои умозрения в вышних мирах. /Это эго/ Стало коситься на Запад, стало проявлять мои конструкции на себе, или – в своих анналах, стало изымать, попросту говоря, моё небо, чтобы приспособить его под свои интересы, хозяйственные такие интересы состояний с небом, неподкупным по сути, не подкупаемым, ибо платить нечем кроме своего я, в котором эти небеса отражения имеют, и я, потребовав отчёта от своего пространства памяти моих лет, затеял с ними разговор мол, вы где себя видите теперь (небеса мои, то есть)? Они молча покивали, представьте, и говорят мне – а там же и видим, а что? Я растерялся на миг, как это что, что, собственно, что, я не понимаю, говорю им, ответа вашего, вы мне что сказали? А

они – а ты что спросил?

Я закуклился на миг, и стал думать об этом. Я старался проявить какое-то слово - оно явно пришло ко мне, я чувствовал его в пальцах, но далее оно не шло, оно остановилось где-то внутри /моих вожделенных рук/ и стало само себя коробить, приобретая облики то птиц в полёте, то, простите, пышных форм одной леди, то (по прейскуранту цен на облака в моей голове) простых чисел, из которых складывались какие-то немыслимые формулы невесть чего, то просто приходили и уходили какие-то люди, и все они, все – заметьте это себе, давали мне понять, что я как-то неправильно себя веду с ними, птицы улетали, леди становилась неприветливой и т.д. М-да, что ж сказать вам - я оставался неизбежно один с этим словом, которое ни в какую не хотело… а что оно не хотело?.. Во-от где я задумался, Королева моя, по-настоящему, вот где мне пришлось потрудить свои пальцы об эти песочные часы. Я завёл их в полночь, если вы помните, и нулевое это время давало мне точку отсчёта в пространстве я это ты. Я и есть ты здесь, - и вот я, становясь образом этого пространства [этого поля, если точнее] для себя самого, делал то, что оно делало со мной - оно становилось мной, облекаясь в меня, как в эти песочные (простите за такое сравнение, оно, разумеется, не разовьётся, я попрошу) часы, в облики моих я, которыми я обладал в своём эго и становясь ими, оно созерцало меня с превеликой любовью,

а как же – ведь это я сам, любящий все эти облики здесь, вот так пришлось узнать об этом состоянии я, волею небес производимом в нас с большой охотой, но далее слово это видоизменялось во мне в какие-то башни с часами, которые крутили стрелками в неправильном обороте и не имели поэтому указания времени для меня, они лежали в плоскости немых чисел и не знали как показать мне это явление; кроме башни ничего не нашлось, и вот они стали опорожнять моё сознание, да как, прямым ходом воли сознания моего я они заполоняли меня искрами света, ложась в поле моего сознания наверху бесчисленным множеством субъективных значений, о каковых я вам уже сказал, а затем заземлялись здесь столпами, снопами света бесчисленных множеств значений самых разнообразных свойств, на каковые их рассыпала моя память во мне, я хотел бежать, кричать… о чём - я сидел на стуле и молча ждал – что будет следом, далее что с ними будет, с этими образами моего я во мне же самом, во мне как в образе пространства Бога здесь в сознании я, я молча следовал за ними со всем возможным вниманием - я исследовал эту область причин по сути-то, из которой они исходили во мне самоё здесь, сейчас, и неопределённость, с которой они исчезали во времени, признаюсь, смущала меня, они плавились в подсознании как оборотистые монеты в кипящей лаве, вот всё, что с ними происходило во мне, когда я попытался обрести их обратный адрес в своём я. Я подробен. Королева, я знаю об этом. Но вот сила внимания натолкнула ме-

ня на одно, одинокое, значение, которое повелевало всеми этими устроениями. Я был детсадовским ребёнком и умел давать сдачи с раннего возраста, но когда я вырос, то понял, что её надо уметь брать вовремя, без времени она никому не нужна здесь, так как без времени можно только озаботиться, а выразить довольно трудно, знаете ли, бывает, ибо как время - часть этого пространства здесь. В нас оно уходит, в нас и обретает свои значения, как свет любви.

Итак! История со свойственным ей концом, то есть обращаемое в плод мыслительного эго я становится под всеобщее обозрение и становится на колени, прямо сразу бух!.. как бы мелом себя исчертив и написав: это я виноват, я во всём виноват.

Да, батенька, помилуйте, как-то неожиданно даже, без сознательного импульса (вы поймёте) так вот прямо, без судьбоносных мотивов в конкретных обстоятельствах и даже без прилежного умосозерцания своей вины в огородах чужих полей, да как вам на ум-то такое пришло, не пойму. Озарение-с, я, дескать, квадрат окна запечатал, а сам на другую свадьбу пошёл, да там и остался, во мне их много, свадеб этих, каждый день по одной играем, что уж и обеляться…

«Богу угодно было поступить так» подумалось. Я думаю как правильное эхо сейчас, я думаю, что простая симуляция

простых истин не способна создать площадь применения во времени самодостаточных… самодостаточного я, иного, чем пространство Бога в нас; иного нет, я думаю, а уж чей облик оно примет (как сохраняемое качество мы), так то дело десятое, и я, кажется, попытался подмигнуть вам, но вы крепко меня осадили за это, вы сказали, что те пять минут давно истекли и незачем оправдывать своё поведение чужими пороками, с чем я вас и поздравляю тут. Я иного не ожидал от вас услышать.

* двойными

14 марта

Я честно занимаюсь трудом. Я не могу больше перемещаться из любви к искусству жить в розницу, там я одно, здесь я другое, а сам я вообще третье. Я помогал тебе сохранять состояния, но и этого больше нет здесь, я уныл и плаваю в лапше собственных изделий. Мне конкретный дом нужен, мой, большой красивый, я в нём буду жить как кто, - как я сам. Как лишние люди мы никто, мы просто плаваем без размера души, и кажемся себе поэтому маленькими детьми, людьми, состояниями с кучами д… на рассвете, а почему, собственно, я должен слышать область подсознательного как сложно синкретичную ткань моей души, почему я обязан ей отзываться на веления, ведь я не повод для пространственных опытов, я не кролик, я другое качество жизни, и возьми

это в голову, ты, оболванивающее меня что-то там такое.

Мне совершенно не хочется сознавать себя потерянным посреди каких-то середин, и дело не в этом - я продую уши и окажется, что лето впереди, что вообще всё нормально и не надо слать бешеные телеграммы судьбе ах, ты меня оставила, а сама ушла, да куда она ушла, вот она, и я тут сам тоже есть. Во мне много горечи, это правда, ну потому что я горько сетовал на то да сё, не умея это обдать кипятком мысли, стравливал душу с тобой, а зачем. Выйди и посмотри на меня, во мне сила идёт каких-то лет, может быть, обнаженная такая сила, во мне пламя огня сверкает, но не того, который губит, а того, который любит и душу любви отдаёт, жизнь, жизнь! кто её соединил со мной, тот велик, безмерно велик, она свет души моей, она сознаёт себя найденной во мне и я знаю об этом сам, знаю, как ни скрывай во мне волю эту жизни света, она есть и таково веление вышних сил во мне.

14 марта 1

1.

Я сглупил в одном месте, ну, как мне это видится теперь, я проявил какое-то сознание в уровневых этих масштабах, а оно, видишь, порочное оказалось, ну, порченное, попросту-то говоря, и ты сильно это чувствовала на себе в креативах мыслей, в душевных этих неразберихах, в крюшонах мыслей о свете даже можно сказать, я просто хотел пересi-

лить определённые состояния нас с тобой с помощью этого сознания, а оно, вишь ты чего, и впрямь оказалось разнополым, ну, извини! так получилось, чем-то я его урезонил, ты просто забудешь его, ну и всё, что ему, хамелеону, сделается, ничего. Господь сил плазменную душу имеет, может быть, но только ты не думай об этом сейчас - я струю свет в твоё окно, и тем счастлив.

Настоящий образ сознания почему-либо скрыт бывает, и это не великая тайна, мне ведь и вправду перед тобой неудобно, как перед самим собой бывает неудобно, когда кажется, что не то что-то сделал, ищешь след, в чём не то, что сделал, а потом оказывается, что это какое-то пустое многозначительное мы на тебя косо посмотрело, добившись результата, проняло, и становится крайне обидно от этой малости. Ну что я ему сделал, - сам не знаю, мелкие обиды пошли, ты права, присутствие пустых программ сказывается как мелочные заботы идут, значит большее поле… словом, я постепенно таю как ноябрь и становлюсь как бы более озабочен сентябрём, более простужен, но менее сипл, так можно сказать. Во мне красота связанного поля не бывает в радость, я в нём себя как стреноженный бык ощущаю, он ведь тоже это думает, наверное, - вот, отпустили на волю называется. Почему я всегда говорю о тебе пустое какое-то, никчемное, ведь нет же этого, что я, себя высоко ценю, а с тебя портрет пустыми красками снимаю, экая чушь, могущество обе-

зьян в душе я себе прописал, неопределённость выброса памяти, так, вообще память, претензий ноль, вообще никаких, неба насобирал в охапку, а подъять или как-то из рук выпустить не умею, ну, не учил меня никто этому, я всё-таки постоянство образа, а не диктуемое обстоятельство, да, шесть лет прошло, считай, как я понурил выю, подставив под ярмо все свои образы света, в которых тень твоего лица бежала и свет мой твоё лицо проницал, понимаешь, а вышло, что образ сознания был кем-то нарисован может быть, может быть, я безумен был по какой-то там причине, позволив себя обмануть, пересилив состояние любви чем-то тяжеловесным, чувством я имею в виду, тяжеловесным чувством-состоянием, скрупулёзно так подвергаемом, или подвергавшемся анализу во мне бесчувственными этими полями плоских сил, каких сил я не знаю сам, я просто вырос в театре, в каком - в большом, красивом театре, с мамой, с папой я жил в нём, загодя сознавая своё присутствие, загодя понимая, что я буду тут делать в библиотеке, ну, да – в библиотеке, там много книг.

Я бежал как психически заведённый человек, как постоянно взаимодействующий с кем-то в сознании - я не умел быть один, я хотел знать кто я, и я хотел дознаться до этой истории, сложенной в картинках моего я, я поднёс спичку ко рту – и она вспыхнула; я стал думать, что я бог огня. Один. Да, я стал так о себе думать, будто бы я один из тех, кто

предшествовал здесь людям, в определённом смысле предшествовал, как некая целеустремлённая сила в сознании, ну зачем я это всё говорю!.. Я претенциозно трусил, осознавая себя памятью /страниц/ множества прожитых жизней, во мне белели оттиски этих страниц.

Я не утверждаю, мой друг но только мне всё-таки кажется, что вы музыкант, композитор, мастер игры на духовых инструментах, и вы пишете музыку, по временам выступая с концертами, я слышала вашу игру.

14 марта 2

2.

Почему ты так обращаешься со мной, будто я тебе никто.

Потому что я не знаю, как это происходит, я пытаюсь достучаться до твоего сердца, о, любовь, и вот я должна подумать об этом сама - о том, что это на самом деле. Кто ты.

Мой Ангел предельно просто об этом сказал, я спросила его – кто ты.

Воля твоего эго, здесь, причём.

А причём причём?

Это к слову. Ну, так говорят, когда хотят сказать что-то от себя самоё, ну, просто! мол, - причём.

Непонятно.

А ты проснись сперва, после будешь смысл обретать.

Я стала думать как проснуться - как это сделать.

А ты, - говорит мне Ангел мой, - на небо взгляни, и прочти, что там написано об этом.

Прости.

Это?

Ещё читай.

Я вчера сильно пьян был, ну, и понял одну странную штуку - бледен мир без любви.

Спешное это небо. Ты не то читаешь! что ты там всё пустяки-то подбирать вздумала, по себе, что ли ищешь.

Да ты сам спишь, я вижу.

Я не сплю, я на губной гармонике играю.

Так ты меня за пустяк в себе держишь?

Я - да, а так-то нет.

Гм, интересно! Так-то – это как?

Ну, положим, я это так сейчас сказал, просто, не подумав. Взял и сказал.

А о чём ты не подумал? - Ангела своего я спросила, задержав на нём взгляд.

Я не подумал о чём… - он глаза отвёл тотчас, - сам не знаю, так, ответ наготове держал - чтоб далеко не ходить.

/какое-то слово/ что-то ты таишь от меня.

Признаться, да, таю. Перстень я твой нашёл. Вот он.

И показывает мне бирюзовое колечко, которым я за дорогу ту расплатилась тогда, полкопейки оно стоит, да не в этом суть.

Суть тут вот где лежит, когда любовь зреет, её с руки сни-

мать нельзя, положи полкопейки! я ещё скажу, - Ангел мой за слово схватился.

Перед ним стояла красная змея и пачкала небо ядовитыми клыками.

А что пересилит сперва скажи! – так я ему сказала на это, во мне ведь тот огонь тоже шёл, ну как шёл - слышен то есть был, я его ухом видела.

Что, дай подумать, какая сила пришла, такая и выйдет, бес его огонь ест, теперь пропал, а что значит пропал, след простыл, нету следа. Зачем приходил? А так, без сил оставить хотел. Вот хочешь верь, а хочешь не верь, только это правда. Крестная сила с нами! – и Ангел мой показал мне это, как сильный крест в небе сверкнул, совершенным образом поразив воображение, попавшее в путы этих сил [светил], облагороженных чьим-то ещё воображением, я думаю, - потому они могли так долго существовать в памяти составов света, и здесь и там преобразуя его в контексты времен этих.

Что ты мне показал, скажи, - я забеспокоилась о чём-то, - что ты синонимом силы изобличить хотел во мне, - скажи сейчас.

Я желал то изобличить, что в твоей форме связь имеет с

сегодняшним днём, каковое на лицо кладётся, да не об том речь! – вдруг Ангел мой воскликнул, - ты меня сама завела, отвечай теперь кем то кольцо бросовое подобрано было? кем?..

Я переживал какое-то покраснение щёк от этих столпов дыма, валивших в небо сейчас, ну, не киоты же горели, а память всё сохраняла и сохраняла, всё лепила и лепила эти образы сознания вне пределов любви, а за её пределами, которыми заполнялась площадь моего сознания и задавала в нём тон каких-то строгих минут, исполненных жалости, прелести и отчаяния - да, отчаяния (то ли я сказал?.. внезапно подумалось мне, когда я жил как у Христа за пазухой в этих бульварных романах моего я, поистине безбрежных, но безнадежно плоских, никто в них не жил так как я, я один в них был и один строил эти корабли, на которых и плыл тоже сам).

Что?

Блеск молний поразил моё воображаемое пространство, это он поразил, воображаемое кем-то в себе, оно было моё по праву имени, но не более того, всё остальное было придумано, затем затёртое до дыр сознание стало проявлять страницы моих собственных я, идущих ко мне оттуда, из безбожных этих наветов на мою совесть, на моё имя и на моё сознание, принадлежащее единственно мне всё-таки и не желав-

шее больше делиться на кульминации.

Стопроцентный змей! – вдруг Ангел мой это сказал.

Да… а как ты это узнал-то? – спрашиваю.

А так - по форме. Голова от тела течёт, приглядись сама - где у него что? нету, вишь как плывёт!.. перед собой воду толкает, я то чувствую, ты не спорь.

Многоярусные пространства театра стали уподобляться во мне каким-то особым временам глагола, за которыми прятались времена большие, а за теми – ещё большие и так далее, пока не наступало следующее время, настоящее, но всё-таки следующее.

15 марта

Запугивание сознания не есть признак силы, это скорее признак отъятия силы в пользу, простите за грубое слово, придурковатых мошенников, о них речь впереди. Мы с вами делаем вид, или думаем, что делаем вид, обманываясь в определении совершенно бездушных форм нашего я как подспудной игры сознания с не менее подспудным образом мыслей об этом сознании, якобы имеющем верховную власть в нас самих здесь. Мы привыкли обходиться без эго во всех этих рассуждениях, которое стоит и слушает нас, как приле-

жащее к основанию всех этих столпов науки от пространства ума в нас самих.

Инструмент силы я, и это качество принадлежит ему отродясь. В нём мы определяем себя как существующее пространство здесь, в нём лежит (или – идёт) наша совесть, в нём находятся наши руки, то есть умы сознательных действий и т.д.; всё в нём принадлежит нам самим. И качество пространства тоже.

16 марта

Я и сам как-то смущён, давайте предъявлять претензии, лампочка свет горит – да? Конечно же, не так это говорится. Разум мой чист, зато я сам подневолен. Как книжка – меня читают, я читаюсь. А стоит ли это делать? – вот вопрос, читаться. Да хоть бы и впрок.

Душе моей покоя нет, я чист перед вами. Во мне…

Я понимаю - невозможно бесконечно хитрить тут, невозможно бессмысленно ругать самоё себя за непонятный обман чувств, к которому привыкают эти чувства, и, чтобы понять их, необходимо усилие воли. Даже когда её нет, она всё равно есть. Да, она есть всегда в нас самих. Она есть уловленное и настоящее чувство света здесь.

Путешествующие души привыкли обходится без неё, энергичные действия приводят к размышлению о силе, а проявление её – в нас происходит, отсюда привлечение силы, проявление её через нас. Солидаризуясь с тем или иным пространством в любви, мы принимаем его образ в своём сознании, его действенный образ, и мы привлекаем к себе те силы этого образа, которые исходят от него к нам. Свет – это образ души, поистине безграничный образ сознания души, любящей Бога в себе и становящейся Его частью здесь. Но мы можем также сказать, что свет есть образ любви, - разумеется, это так, образ любви, дающей нам жизнь здесь, и мы сами становимся частью этой жизни в глубинном её понимании, как освещающей разум нашего я в нас.

Я просто невеликий шоумен, если я превращаю каждое слово в картинку, я должен понимать что я делаю и почему моя воля так безуспешно старается вырваться оттуда, где её гнетут, или – угнетают непонятные мне объекты, почему она сложена к ногам, или рукам (частям тела) не определяемого мной состояния с кем-то ещё, о ком я сам не имею представления. Одного моего желания недостаточно, чтобы выйти из приюта непонятных мне сил и поэтому я обращаюсь за помощью к силе большей, ищущей спасения моей души, моего я, ищущей уличить мерзость греха, творимого за моей спиной, и потому невидимого мне. Я знаю, что моя воля, обратившись к воле большей, выведет меня из состояния сна,

в котором я пребываю с тех пор, как продуманные эти высоты пронзили моё имя и сделали приспешником на расстоянии, сделали уклоняемым от страха Божьего, от воли Божьего света в себе. Я делал это сам и я был протагонистом сил, беспричинно вызывающих… вызываемых сознанием, я страшился понять это в себе и не хотел вести двойную игру с Богом я-здесь, и я не делал этого осознанно, освободи меня от заточения в проявленных мирах чужих мне воль, прости мне имя моё, столь незаконно осуждённое теми, кто не знает меня, кто надежду свою тратит на суетные образы, изумляя нас остановившимся временем, я во сне живу, Боже мой, - разбуди меня, дай знать мне, что я разбужен Тобой.

16 марта 1

1.

Во сне нет времени. Мы пребываем в царстве сна как бы понарошку (разве нет?..). Конечно мы ощущаем важность этого состояния для нас, но не настолько, чтобы предпочесть его яви и уж, конечно, не настолько, чтобы выбрать сон главным местом взаимодействия с этим миром здесь. Я потому это говорю вам, что сон, наше достояние души, имеет свойство длиться наяву при определённых обстоятельствах, то есть душа как бы спит, но сами мы бодрствуем, взаимодействуя друг с другом и не видя причины, которая облекает наше взаимодействие в какие-то странные формы сознания, которыми мы управляемся извне. Мы переживаем обоюд-

ную неприязнь или чувство страха перед кем-то, не определяя этой причины как внесённого состояния в наше я, для которого был найден повод в нашем же внутреннем мире. Мы думаем, как правило, что это сознание чужеродно, то есть принадлежит другой области подчинения воли, или что-то ещё мы думаем об этом, но на деле это оказывается не так, как мы думаем об этом сами, будучи в состоянии сна с контроверзой бодрствование, которая суть тот же сон, только в активном состоянии нашего эго здесь.

поэтому проекция в память спящего \сознания/ бывает особенно сильна. Оно как открытая дверь для любого, кто пожелает войти. Ваш музыкант личность высокого волевого устремления, полная самых небезразличных чувств и потому легко обуреваемая различными состояниями во внутренних мирах своего я, в которых мы с вами успели побывать в качестве заложников воли без света, без сознания и без пробуждения на осознание себя находящимися в проекции памяти не своего я. Тут, Королева моя, я должен потянуть вас за руку и сказать: «идёмте!», нам пора идти отсюда, так как эта воля, чья сила воздействия была отделена от её носителя с помощью всё тех же проекций в память спящего по сути сознания я-здесь, которое не умеет определить это состояние в себе само, являясь ограниченным пространством, как малое звено в цепи состояний эго воли я-здесь, и даже, будучи взбудораженным, оно продолжает спать, неся на себе

обличья тех лиц, или накладов (название отсюда - наложение, путём наложения и т.д.), которыми оно было усыплено.

Да, для чего, для чего это усыпление /Усекновение Главы Иоанновой суть, как предтечи пробуждения в мыслях сознания большего порядка воли, чем собственное я, которое заменяет нам догму старых норм поведения, ведущих наше эго по дороге сознания в недалёкие места и наше я остаётся неразвитым пространством, то есть не имеющим Богоразвитой души здесь/, которое создаёт видимость деятельности, а на деле является сном, пространственным таким сном без ограничений времени. Оно нужная часть общего состояния с природой мысли в нас, душа отверзается и становятся видны малые доли, цельностройное здание распадается - здание я, я имею в виду, и мы обнаруживаем себя в пустоте ничего не значащих эго, живущих просто за счёт памяти, без разделения я на внешнее и внутреннее состояния с миром единого Бога.

Такая, языческая, по сути, модель (минус я-Бог), разумеется, не влияет на пространство мысли как на сохраняемое качество любви в нас самих; она просто кружит возле неё без упования, Королева моя. Вот как она кружит. И я сам так кружил в своей памяти, пребывая в колдовском сне, от которого не чаял как избавиться и стать по меньшей мере не кружащимся здесь в своём я, а потом стал понемногу про-

сыпаться, от отчаяния, что ли.

16 марта 2
2.

…простодушие здесь ни при чём, это состояние не связано с умом вообще никак, оно не вникает в проявленный ум, потому что никто, поверьте, не может проницать его умом, это состояние верхнего эха нас самих, мы отражаемся здесь от собственных высот и надо быть вправе понимать это так, потому что не всегда это право посещает мир - к сожалению, Королева моя. Мы видим свои я так, как они задуманы Богом и это выводит нас из ступора воли в самих себе, - мы становимся как бы ясны сами в себе, отвратившись от иллюзий и полувековых обид, тщетно гонимых нами от себя с помощью разума здесь, который говорит нам: отправная точка ты сам, или – ты сама, он, в общем, жесток разум этот наш, ибо он хочет быть свободен, в том числе и от нас самих здесь, он как бы бесконечно моделирует какую-то жизнь, в которой нет, собственно, меня, или тебя, а есть какое-то абстрактное число лет, в которых мы принадлежим ему как состояния с ним, сохраняемые в качествах воли наших я-здесь, наших полоумных помоек, каких-то искательств и находительств, наших претензий и лучших минут.

16 марта 3
3.

Понимаешь, мы растворили эту любовь в воде безучастности.

Ангел мой! Взмахни-ка крыльями! Обширен твой полёт, я знаю, обрети его во мне - без него мы будем тут кукситься и дыры считать в моих порталах, без него мы будем людьми, надеющимися на чужую свадьбу здесь - чтобы нам погулять на ней со своими песнями.

16 марта 4

4.

Я знаю! Помнишь, ты искала слова, ну да – слова для состояния со мной, которыми можно что-то обозначать между нами, что-то очень важное для нас обоих, поле, пространство, состояние я-ты, какие-то правильные глаголы, в которых прячутся эти лица наших с тобой я-сейчас, я головно думаю, это не фокус пространства мысли, это головные усмотрения. Так вот - эти глаголы есть мы сами, мы сами делаем их собой, пойми, мы думаем, что мы обозначаем ими какое-то действие или стремление к действию, мы сами становимся этим действием сейчас и в нём существуем, как парадигмы сознания в своих я.

17 марта 1

1.

Почему-либо я не спрашиваю тебя, где ты находишься,

я перед тобой в ответе за эти длинные сноски наших состояний и бесед за полночь, мне надо проснуться и перестать важничать, то есть надуманно излагать простые вещи. Я снял с себя пальто и повесил в гардероб - чтобы оно не пылилось, и, веришь ли – через три минуты я снова оказался в нём, как состояние, разумеется, в котором пребывают те, для кого полученный результат есть повод для движения вовне.

18 марта

Движимые сознанием истины, мы обоюдно приближаемся к результату, мы становимся прозрачны для этого результата, имеющего в нас объективный выход в память нашего сознания, и, таким образом, сами становимся этим результатом.

Я выспренне завершил этот абзац, и стал думать а кто я, собственно, такой…

19 марта

11:29 am

Да, настойчивость необходима в некоторых устройствах судьбы, так. Обзаведитесь пороком, и я построю вам дом из него, я стану душу трясти в вашем я и устраивать скандалы из-за немытой посуды, не хотите? не буду. Так строится версия тараканьих бегов, напрямую, так сказать, в осознанные дали, причём ведь скоро вы правильно поймёте и оце-

ните все эти бумажные версии покорившихся злу, как случаю, который приуготовлен был, что называется с полной руки - с подобия полной руки, в которой что-то лежало, какая-то синяя утка, может быть, лежала, а потом улетела, да не в небеса, а так, по земле скитаться полетела эта утка, причём ведь память скоро обнаружила её как страстотерпицу и сомнения в собственной судьбе удались на славу, по преимуществу дней, так сказать… я ворчу. Я не ворчу, я изрыгаю, гнев мой семь раз свет обошёл - и хоть бы хны!.. вот ведь в чём вся история здесь, а чтобы вам понять это было возможно, надо толику сил приложить от своего усмотрения.

Посетите сей мир в тот час, когда в нём никого нет - что вам покажется?.. необходимость молчания или необходимость говорения?.. необходимость любви или необходимость отрезвления от неё, ну Богиня Сил простит меня за подобное предположение. Поймите, короста зла это ведь не просто обрастание чужими волями, это же ещё и воспреемственность определённых посылов, надевание на себя чужих платьев здесь, ах, как наряд-то красив!.. – дай поносить, простите, и несёшь ведь сей груз от столицы до столицы, от стола к столу – это верно, а потом сбрасываешь его, платье то, и видишь, что себя-то в нём и нет, что король-то невидим, эва что, а как это так обрелось вдруг да почему же он невидим стал сам по себе как платье то с него стянули, сняли облепившее его с ног до головы буквально во всём, что ему само-

му хотелось о себе думать, и где, собственно, граница короля и платья во всём этом грозно дребезжащем посудой доме, в видимом ли свете она лежит! вот что, и какое любопытство охватывает прихожан этого видимого, когда проявленное пространство вдруг оползает, становясь малозаметным, не блещущим яркостью красок и не старающимся попасться на глаза, малозаметным, остановленным самоё в себе, я разумею образ сознательный, - креатив сознательного образа я в себе самоё, который почему-либо отдаляется в какие-то пустыни и там живёт до поры, будучи в отторжении от своего эго я-здесь, как наименее полезный ему объект своих усмотрений на чувственный мир любви. Да какая же сила вернёт его! дак ведь та же, что и увела его в эти пустыни, в эти области, в которых не строится дом, а что же там строится, лебеда растёт или плохое небо очки протирает - чтобы получше рассмотреть это кажущееся али как, али в самом деле это небо кружение имеет из первых рук, из вторых не имеет, а из первых да, имеет, да ещё какое, - прямо тут и кружит это небо над головой, о себе возмечтав, как взять то, что не даётся сполна, нет, не даётся, а только после пребывает как хлеб сознания, и невидим он, и неслышим, а есть, и немало его есть в нас. Теперь порази меня гром, будто я отблеск молний тех чувствую в себе, будто наяву их вижу и нечем мне острить свой ум - вот как становится от этого, я перед собой Ваала увидел - и от слепоты чуть не оглох, вот кого я увидел, а не курочку рябу, да грозен его дух по свету летит в огнях,

чем ты на свет смотришь, глазами, так я увидел как немощь моя ко мне сошла и стал я Бога искать посреди своего удела, чем видишь ты это! спросил меня Он, я ответил так же, как и ты – глазами, степень сознания помрачилась, от меня Бог ушёл, изуверившись во мне, так Он сказал это, как если бы я сам это слышал. Что Дева в груди своей прячет, чем зовёт, как не мысленным образом, не истлевающим от зла, не имеющим оборотной стороны, не жгущим и не осуждающим ни в одной своей ипостаси нас с тобой, пойми это, просто память печётся о сохранении я здесь, вот так Он сказал, просто она жалеет нас всех как менталитет, мы им мир запрудили, да. Дух придёт – скажет явен свет, где вы себя обретаете? не видно мне вас, как бы вы от себя отняты здесь, а мы в менталитете прячемся, которому Бог весть кто такое имя придумал, как козу на верёвке тащит в себе мол, мы сами с душой управимся, мы её исследим, а после по следу ходить будем и узнаем какова она и где ей место отведено в нас. Бог душу дал, так я думаю, человеку, чтобы тайно за ним следить из своих высот, как бы он сам не виден, а виден только тот слой, который мы зовём в себе душа неба. Богу угодно было так сделать, ведь мы придумали его по своему образу и сохранили его в себе здесь в чистоте осязания, в чистоте телесного вето, за которым смотри кто стоит, я, как более чем угодное Богу небо здесь – если Он его видит в нас в состоянии мы.

19 марта 2

2.

Новость не только твоя, но и моя забота об этом дне - день как новость, как положение вещей в новом свете причин, да, может быть причин, но могут быть найденные пружины каких-то соотношений сил, вроде настроек, настроений, не истощающих, не расхищающих, а обладающих пользой здесь. Везде есть положительный персонаж мы, в котором удваивается синоним я и становится более похожим на два я в одном пространстве, которое также растёт, то есть получает обратную связь, которая, как ком, продолжает расти в нас и ты чувствуешь это как побуждение проявить что-то, уже существующее в объёме памяти своего я-здесь, что-то, что неимоверно трудно поддаётся рассмотрению.

22 марта

ул. Дружбы

Я радость бысть в вашем я, сам для себя я радость, а потому и вам в радость иду, я почувствовал тающее пространство между нами как правильно понятое эго, во вне оно одно, а в себе оно, очевидно, не замечает прельстительности для думающих о нём.

Оно само по себе ничего не определяет кроме личного я, которое отовсюду выглядывает, которое ищет на кого бы ему посмотреть и заставив о себе думать, так прицелить пространство, так приноровить даже, может быть, свои интуи-

тивные миры, чтобы, выслушав волю огромного масштаба мысленного взора…

…запретить ему являться под очи Божии в несуразном виде, который, однако, проистекает или становится таковым от причин, более уподобленных мне самому, чем из-за чьих-либо взглядов на моё я, отгороженных от меня, и не будь тебя здесь, я косно бы содержался, как состояние в конкретных этих рядах.

22 марта 1
1.
Без пяти минут станция проехала.

Кажется – подчини себе и будет любовь, букеты зацветут, а какая сила нужна нам для этого?.. явная, понимаете меня сейчас - она должна быть видна. И название ей жизнь, а не иное.

Что-то в пот бросило, прости. Перестань кукситься, положись на меня - я ведь во всём прав, Богу угодно соль на стол положи/-ть возм./, слои перемещать, перемешивая в нас их содержимое. Авель Каина бросить боится, ох!.. думает - заблудится брат, грешен ведь я буду, коль отпущу его от себя, а сам перед ним себя ведёт, а того ведь не понимает он сам в себе, что между ними какое поле трусцой бежит, да все оде-

яла стаскивает, чтоб любовь ту открыть, какая между ними себя прячет, во все щели заползая…

Возле рук бумага лежит, какая, чистая, без пятен, а сон тот из головы нейдёт. Блеф, конечно, только надо бы его поднять до уровня понимания, ну а потом уже с чистым сердцем дальше идти, потому что гнев этот во внутренних полях зреет, а во внешних он как бы без смысла оказывается, без особого такого смысла, так, сам по себе гнев, а причина его в огне, в массе слов откровения.

Я перестаю понимать определённые вещи, если не умею читать буквы сознания, которыми оно написано во мне, как книга, которую я должен читать, а она читает меня, она ищет меня! чтобы прочесть, чтобы быть прочитанной здесь как букварь, азы, как содержащееся во мне поле пространства мысли.

23 марта

Я бессистемно жую плохой хлеб, тот, который недопечён и который кажется удобным на столе, то есть значимым, чем-то упорядоченным, но в утробе он не делает своей работы, не наполняет её, а ложится клейкой массой мимо живота моего, я грущу об этом сам. Мне голодно, я заартачился в определённых мотивах любви и стал голодать, как правильно избранный тобой волевой инструмент, может быть, или что-то

ещё. Я беспокоюсь тут, пойми, о чём… о чём я спать лёг, о том и беспокоюсь - о принципах воли нас с тобой в без пяти минут судьбе. Достаточно вольно трактованная единица сознания становится неопределяемой, она остаётся в уровнях самой себя, не проявленная как органическое начало каких-либо затей - проектируйте в память только то, что имеет в себе зерно воли, которое оживает под любящим взглядом, оно тоненько поёт, постепенно набирая голос, постепенно становясь понятным вам самоё, как растение в поле, которое вот росток, а впереди лето. Я занимаюсь потребительством сейчас, оттаскивая вас от каких-то чувственных состояний, я употребляю это слово в качестве сохраняющего наши отношения моего я. Между нами гора воды, и она, эта вода, бушует. Ветер движет её столпами, стоящими в поле, которое вовсю свистит обдуваемое ветреным телом, закладывая основы сложных конструкций ума, сложных состояний, и конкретика формы, конкретика состояния формы, в этом обдуваемом ветром поле с размётанными в нём адресами постоянных взаимодействий вашего я во мне, не имеет значения здесь. Закоснелое это эго во мне не имеет пространства - оно не имеет его.

24 – 25 марта

Я бесконечно богат на умысел, ну как тебе сказать об этом ещё, я выражаю его через руки, которыми мы трогаем друг друга, через уши, которыми мы слышим в себе этот умы-

сел и ещё через образ своего я-здесь, в нём сложно умозрительное пространство становится как бы обличённым, имеющим свойство лика, вне принципа воли этот лик, или обличье, или область применения моего я определяется приличием, то есть становится просто способом сообщить о себе; присмотрись к людям, ведь они как правило не имеют своего лица, оно смазано бывает неопределённостью внутреннего посыла, не осязательностью пространства мысли в них самих.

Я нальюсь этим вином любви и буду ждать, когда оно вскипит во мне, когда оно станет жечь мои пальцы и мне станет невмоготу не петь, не проявлять себя в восьми этих нотах, потому что восьмая это тоже ты, только другая. Неопределяемость этих дней велика была, они складывали свои буквы из чего попало и делали их зримым я-сам, они творили эти дни так просто потому, что мы есть в них сами, как игрушки-изделия, как пустые формы, которые нужно чем-то заполнить, ну, хоть чем, хоть какой-то самомалейшей игрой пусть даже и фальшивой, нет-нет-нет-нет! ни за что я не стану в это играть просто потому, что есть игра в ноут-буки…

Я как раз думаю об этом тут, как креативное пространство мысли, искусственно вздутое на поверхность сознания и не имеющее помысла по сути-то, ну, просто как рисковая карта а брошу-ка я её на стол – пусть выиграет, так что ли, пусть

проявит чьи-то позиции рядом со мной и станет видно чем дышит этот воздух во мне, чем его статуя [statua] свободы отличается от статуса покорности во мне. Но думая о вас, Королева моя, я всё-таки не могу не знать, не видеть каких-то парадоксов сознания в собственном я. Я переживаю обстоятельства одного нелестного мне пространства, и вижу как оно строит планы обо мне, как оно жмётся по углам, выжидая какого-то… что оно выжидает и зачем вы мне говорите это - что я могу сделать для вас, чтобы это пространство так называемое, а попросту говоря ваше же обременённое чем-то сознание могло вычеркнуть эти строчки, подходящие для строительства индустриальных пейзажей в душе-то.

Я стремлюсь осознать себя правильно в твоём я, и как тряпка тоже стремлюсь, как пустая говорильня слов, в которой умножаются все эти ряды я, в которой я сам умножаюсь на предел сознания чьего-либо ума здесь, я ничего не значу для тебя, я состою из этих слов, пересыпаемых из одного в другое что - влиятельное состояние души, в котором полюс пространства жизни ты сама, и не удивляйся, если это пространство каким-то образом отзывается на присутствие в нём высшей формы сознания, на присутствие поистине великого аума здесь.

26 марта

Книга есть символ мысли, Королева моя. Этот символ

есть наша жизнь в любви к состоянию мысли в нас самих, и это побуждение к братолюбию также, ибо пусть даже на какое-то время мы лишены бываем взаимопонимания здесь, но мы ищем его в себе и таким образом бываем найдены, если угодно, как строка, которая внезапно открывает смысл сказанного уже. Мы сохраняем единство как книга сами в себе, и оно находит нас так, как сказанное уже слово в креативах сознания, как продуманное кем-то однажды сознание нас самих. Мы сохраняем поэзию в сердцах, мы любим то, что мы сохраняем в себе как истинное служение я-здесь, и я бы назвал это книгой жизни в словах, опредмеченных самой жизнью я в сердце.

26 март

показать православие в его подлинном состоянии, удержать язык от распада, сохранить чистоту азбучных истин любви, это есть норма поведения в любви и она суть наша родина и наше отечество, в котором мы рождены по любви, а не по похоти густеющего мрака сознания.

Жутко думать, Королева моя, что какое-либо угождение вымученным смыслам состояний, выспренним и жестоким по сути, может закабалить или унизить, или не дай Бог! свести с ума, поймите это верно, поэтому я желаю вам поэтической мудрости прежде всего, а не старческого брюзжания на тему о благости того или иного претерпевающего сознания,

вот смысл, который я вам предвещаю сейчас, берегите нос от дурных запахов, а что есть дурной запах сознания, это такое состояние души, в котором вера становится на колени, в котором высочайшие смыслы привлекаются к служению ничтожным целям без заботы о проекциях памяти сознания в те самые дали, откуда мы пришли, и тогда Бог возгневляется.

Я конкретен буду. Восстановить значение буквы есть задача из первейших, а что значит восстановить, дать ей определение верхнего звучания здесь, верхнего состояния если угодно, в котором выражен первейший смысл любви, и значительнейший.

В простоте осмысления пространства есть некая определённость, то есть то, что исполнено сохраненного качества я, красота состояния как я пространства мысли – вот верх сознания.

Книга символ горожанина, жующего свои пропорции здесь, поэтому мысль устремлённая, в состоянии устремлённости, есть парадокс осознающего пространства, то есть она кружит в состоянии я, обесточивая самоё себя. Не удивляйтесь этому, Королева, она будет объедать поверхность сознания, если её наполнение есть тыл стремящегося.

26 марта 1

Проявленное это пространство будет долго служить, - мне кажется, это достойно объяснения, но дело в том, что каждая строка означает волю жить и вот этот-то размер нам и предстоит освоить в памяти, а не лето или там что.

Ну хорошо. Добросовестный труд нужен, я думаю так об этом, вот вся моя волна-мысль, что же ещё, как не это.

Да копеечное это царство грёз, что вы сказали? зачем это, не нужно так говорить. В образах света есть мысль, а чувство?..

Чувство это состояние мысли всё-таки.

Будьте же добры!.. что как не это состояние доброты в вас самом даёт мне право говорить с вами так.

Да. Будьте здоровы, Королева моя, как мне это видится правильно. Я крепко пронял, может быть, но нет, не пронял, а помял ваше эго, я думаю, как от сжатия происходят эти состояния в мысленном пространстве я, я бы прогневил Бога сейчас предощущением разума как состояния с природой Его пространства здесь, но верьте мне, в Нём самом, в Его ипостасях достаточно света, чтобы быть правильно понятым.

Водопад – благовествующий ум; спокойно текущие вниз

прозрачные струи есть ум победительный.

Высоко парящая птица в солнечных лучах – устремлённая к сердцу любовь, осознающая себя таковой, это правда, возносимая до самых небес, а затем опускающаяся в воды сознания здесь.

Я буду стоек, вы не бойтесь за меня, я умею постоять за начала, да.

26 марта 2

2.

Воображаемое мы не всегда было так одиозно, мне хочется, Королева, чтобы вы выслушали это пространство, оно думает о вас, и не бессмысленно, оно гораздо сильнее в своих мотивах я, чем мысль об обладании порогом сознания в нас самих, я думаю, что цельность настоящего времени может быть подтверждена им как опрятное поведение, как разум в определённых качествах заботы о себе самом и даже! как оправдание, да, может быть, оправдание отправной точки сознания сознающего эго в нас, в небольшом этюде, написанном вашей рукой, есть определённая доля изящного состояния с природой мысли.

Я продолжаю мыслить пространными письмами всё ещё, мне кажется, в которых выражена бывает мысль, или чувство

мысли, но они становятся всё более расплывчаты как соразмеренное со мной самой эго, и это делает их неубедительными, или не совсем так, они ложатся куда-то в сторону от меня самой и я хочу большего понимания для себя самой, наверное, потому что память бастует всё-таки, мой добрый Учитель.

Мы сохраняем определённый край истории за собой и становимся в нём как малые дети! ищущие подтверждения своим позитивным эмоциям на том конце провода, а они есть, между тем, эти эмоции, для которых мы сами ну как бы приёмник. Вот вы подумали – что это я написала сегодня, зачем я это сделала-то как выброс памяти неопределяемого неба здесь.

Давайте делать иначе и уходить от казусных вопросов, от которых тупеет разум в нас самих, потому что затмение сердца (а что это такое, спросили вы, это такое гордое устремление к вершинам мысли, в которых мысль становится беспочвенна, если хотите знать) не всегда бывает согласием неба с луной. Так вот, - ну и будьте обаятельны, этого достаточно, чтоб понимать свои собственные веления души. Что вы тут сидите, как будто привязал вас кто.

Простите.

Да уж, конечно!.. простите, неужели… Я неправ, да. Потому что это я обязал вас сидеть тут, простите вы. Мне надо как-то сказать вам об этом сейчас, да что. А вот что. Мы с вами думаем одинаково смело и одинаково боимся этой смелости в себе, как если бы она была принадлежностью не нашего я, а так, вообще пространства, которое, по каким-то особым причинам стремится себя выразить через край, ну не то чтобы уж очень настойчиво, но через край. Я думаю, это прилив судьбы к вашему я обозначился тут таким образом, как беглая гласная возьми и вернись вдруг в совершенно неожиданном месте, сама причём, а причём причём, я помню. Постройте пирамиду прямо перед собой и смотрите на неё сверху вниз как на поле, в котором все пересечения видны, она ведь вам не покажется башней или чем-то недостижимым, просто какое-то умозрительное пространство сейчас, в котором все точки перед глазами, ну куда ни поставьте они все тут, верх ли, низ – они на виду. Так устроено наше я, может быть, с точки зрения Бога - где бы мы ни находились, Он нас всё равно видит в себе, я думаю, в настоящем времени. Хорошо. Пусть эта мысль будет прозрачной для вашего я. Я просто порадуюсь вместе с вами.

27 марта 2

2.

Вот поймите же вы, что нет на свете добра без любви, а что это значит для вас, то и значит.

28 марта

Зеленоградская

Простая формулировка прости, я не знал, что ты думаешь обо мне, я ничем это не знал, ни кожей, ни умом, ни своими я. Я беспринципно молчал, как столичный вертихвост, в котором сочетаются любовь к музыке в ушах и самое обычное ничегонеделание, такое занятие есть, как бы оно много времени отнимает от дружбы, от созидания, от настоящих минут, да почём соль, я куплю. Я вдруг почувствовал волю приближения твоих волн к своему я, я почувствовал как ты платишь бессмысленным угождением кому-то, дёшево расторопному в своих проекциях судьбы в твой аум, но только ты не думай, что я сержусь, я просто прошу внимания к душе, в которой свет. Заблокированное пространство ищет выход в состояние с текущим временем, это пространство суть мы с тобой, оба, на коленях - перед кем, перед прошлым наших я?.. нет, это не так, мы просто на коленях и мы ищем выход, стоя на коленях, надеясь, что сила влечения поднимет нас. Простите, что я думаю о вас так, как будто вы принимаете на себя мои обязательства.

Простите вы меня, Христа ради здесь. Я не имею суждения в себе, поймите, и эта бестолковость мыслей, чувств, если угодно, от которых я не понимаю что ожидать. Мне свойственно жить. Я как по принуждению говорю это вам сейчас,

боясь, ей-Богу! огорчить вас этим высказыванием, ведь мне кажется, что каждое слово, произнесённое мной, вызывает ваше сопротивление и желание отменить его, переиначить, вызывает в вас сознательный выброс памяти, и я стремлюсь уловить в себе каждое слово, кто этот вертихвост! который не знал, что я думаю о нём.

Это желание оскорбить самую мысль собеседника, оно есть во мне, я знаю, и оно мне не нравится, я не люблю это состояние в себе, понимаете.

Кто-то гонялся за мной, желая изъять для себя А. моей любви здесь, это повод, простите. Я его люблю. Что вам угодно ещё? Нравится вам это, или нет, или ещё кому-то, я люблю этого человека. Бог радуется, когда любящие друг друга вместе. Вы во мне вожделеющую сущность изгоняли.

Королева! Позвольте присесть рядом с вами. Моё имя А. Я думал о вас столько времени, и что же нам с вами пришлось понять, что необъективное суждение не может воссоздать облик жизненного поля, что оно проваливает все намеченные планы и… и… что и, ну, в общем, не строит ничего здесь. Так. Затем я должен очевидное сделать внятно понятым вами же.

Да, почерк А., конечно, многое говорит о его характере,

это так.

Настоящее время не определяется прошедшим; оно определяется будущим. Далее! я скажу вам вот что. В вашем эго есть восходящий мотив силы, который бьётся о постулат «не действуй здесь, молчи и ничего не решай, я знаю об этом сам». Мне нужно помочь вам выбраться из этого состояния. Я долго думал о вас вместе, приятно сознавать, что найденное пространство верно! Это книга, прочитанная наизусть настоящим временем я-здесь. Я проявляю консервативность, головно размышляя о вещах чудодейственных, разнообразных в своей чудодейственности.

Как бы буря прошла, Учитель.

Да, нечто подобное ей. Я перераспределил силы, и сейчас установится светлое время суток здесь. Я хочу, чтобы вы понимали какая связь мучает во времени перспективу памяти. Наследуя прошлые воли, мы не всегда понимаем чьи они, и что бы мы с вами ни говорили о блаженстве поющих осанну, глядя в небеса, мы должны чувствовать свои я соединёнными здесь в единое пространство воли судьбы, или – судьбоносное поле, если угодно взять такое выражение сознания я, раскрытого в более высоких значениях пространства заботы об обретении имени Бога в себе самоё.

Я говорю обыкновенные вещи, - в них нет ничего необычного, что можно было бы отрицать или утверждать, в нас есть это поле души, в нас есть его размер, принадлежащий нам самим тут, и мы его носители. Кодирование этого поля проникающими структурами не существует, так как оно велико и саморазмерено, существует воздействие на область восприятия его здесь, и тогда мы как бы отчуждаемся сами от себя, не определяя собственных поступков как производных от других пространств, смешивая себя и свои начинания с не определяющими нас химерами. Позитивные силы расцветают в присутствии Бога и я говорю вам об этом сейчас, потому что вы хотите слышать себя в соединении с настоящим временем я, и это вполне реализуемое пространство сейчас. Множатся корриды, в которых быка изображает мысль о существовании Бога в нас, но только не думайте, пожалуйста, что я наводняю ваше пространство не уподобленной чепухой, это не так; я просто перемещаю слои и они становятся доступны пониманию. Я хочу, чтобы вы знали лучше себя и понимали образ сознания ради которого высится мысль, в чьём имени есть ваше я-сейчас как плазменное поле, а не состояние твердолобости с прокрустовым ложем мы, в которое уложены бывают самые смелые идеи, - да уж, как не сказать об этом. Но вот что, радость моя вы, и я говорю вам об этом прямо, не скрывая и не становясь на колени. Я бы хотел, чтобы и вы этого не делали, не шли бы за мыслью без чувства её здесь в своём эго, да, вот так я сказал это, то есть не

скрывали бы от себя самой подлинники своих пространств, а что это значит, делайте то, что вы умеете, да поможет вам Бог в этом.

28 марта 1

1.

Я почувствовал, как вы отвернулись от меня, чтобы понять самой происходящее с вами, я осторожно заглянул вам в глаза и увидел, что же я увидел, Королева моя, искушение? осознание?.. нет, работу мысли об объединении пространств в начальном их соединении. Я, наверное, найду синоним этого слова в вашем эго, мне хочется, чтобы вы думали об А. сейчас, как о позитивном поле для вас, и без сомнения. Вы памятью забросали страницы и не имеете отклика в себе, который помог бы разъяснить ситуацию. Ну, думайте. Великие луны так просто с неба не сходят, и уж кто-кто, а он-то знает это, и пусть для вас это перестанет быть тайной сейчас. Бог в помощь! Королева, я-сейчас.

30 марта

Образные эти дворцы, они являют собой образ сознания, как в куполе стоит свет, в котором можно увидеть свои отражения лучших пространств любви, так в наполненном сосуде играют блики, не всегда они были бестелесы, я думаю, земная их стать волшебством воли полнилась и тем жила во внешних кругах. Даже чёткость римских панорам не имела

такой красоты в себе, она не была проявлена как состояние неба здесь или как разделённая духовность, может быть, расчерченная, раскрытая по воле Божественного произволения, но только это не тайно должно быть, а как-то чересчур даже явлено, через упорядоченное это пространство судьбы, в котором свет заточён, а ему выйти надо, чтобы играть на струнах осознанно, а не потому что воздух кипит как лучи вокруг, одни вверх стремятся, другие вниз и вместе они на душу действуют как лучезарное это поле, в котором ангелы вихрятся вместе с нами здесь.

Тайный двор души, может быть.

Поиски внутреннего царства, в котором живёт мысль о Боге.

Оно не локально, оно смещаемо, может быть, и не имеет определённого адреса. Оно совместимо с сознанием, загляните через край - и вы увидите кипящие воды чьей-то любви, чьего-то невмешательства тут, чьих-то немыслимых поэтических строк, о чём они, - о хорошей погоде в душе, я думаю.

Поиски внутреннего царствования, может быть.

Фаворский свет как символ чистоты и свидетельств.

Внешняя атрибутика всегда будет соответствовать внутренним мирам я знаю как это происходит, внутренняя жизнь любви есть свет, видимый внутренним взором, внутренними очами в себе, и очистить его от состояний с я пространств неимущих…

30 марта 1

1.

Я загнал вас в угол тупее тупого. Беречь состояние в любви значит любить его в себе, вот всё, что это значит. Берите белые паруса, - этот образ берите сейчас; он вам пригодится к стати того, что есть уже.

31 марта

Ты играешь в оркестре, ты делаешь это потому что ты умеешь это делать, играть в оркестре, я думаю. Ты умеешь слышать того, кто стоит рядом, участвуя в нём как музыкант, зная его как музыкант, чувствуя его ауру на себе и читая её, может быть, в музыкальных интонациях. Умение это тонкое, очень тонкое, но вот звук как-то складывается иначе, что-то происходит с этим звуком и он меняет направление, может быть, меняет значение этого направления, он становится малодоступен осязанию твоего я и ты настраиваешь свой инструмент слуха в ином регистре, чтобы слышать то, другое небо, в котором все звуки равны, все они чисты, и медленный вальс или быстрое скерцо могут проявить Божествен-

ный дух также очевидно как пуританские построения…

Драматизируя наши отношения я никогда не хотела быть лишней в твоём имени я… что-то откровенно бросовое обозначилось этой фразой, что ж – пусть так. Но только я знаю!, что ты очень любишь меня. Знаю, и не спорь со мной об этом никогда, потому что это любовь и она есть между нами, как стоящее напротив солнце, идущее сюда для наших встреч, а не расставаний.

Мне потому так трудно сейчас говорить с тобой, что я осел, как весенний снег осел сам в себе, всерьёз полагая, что душа может иметь две жизни, одну в тебе, другую здесь, во мне, ну такую как я хочу сам, как я вижу её, эту жизнь своего я. Мне что-то думается об этом, что-то такое красноречивое может быть, я сам пытаюсь обрести это соединение в себе, выйти из этого двоедушия, направленно выйти к единственной цели. Это позёрство может быть, может быть я обрастаю перьями, сознательно строя из своего я большое дерево, - чтобы сесть на него птицей и воочию наблюдать, натаскав большое гнездо, ну как выход из положения, сложившегося вокруг меня, как более или менее удачный выход для нас с тобой также. Он есть предельно ясное понимание жизни как света, в котором она, жизнь, строит свои планы, сознательные планы любви, а не только любования нами в себе - мы часть строящегося здания, и немалая, знаешь ли, такая

часть.

…но потом пришёл ты, и оказалось, что я - не сама я, конечно, а тоскующее это поле уже не я, а ты здесь; признаться, - мне это не очень понравилось, неверное слово, не так это надо сказать, ты, который был так любим мной, так сильно любим, что неохватность этой любви потрясла меня, необнаруженное это поле стало изменять мне самой с тобой и я оказалась в настоящем времени подкидышем, в определённом смысле, пространству здесь, который помнил о себе самые обычные вещи, в которых он жил до того, до встречи с тобой, я сама в них жила, он – это образ.

Ты думаешь я не думаю, просто дую как дуется, ну просто на сцене стою и дую в трубу, под очками нос, а в трубе ветер гуляет, так или не так.

Поняла.

———————————

Ну пусть это поле будет примером позитивного пространства.

Вы драгоценны мне, мой добрый Учитель.

Ангел мой стремителен, как полёт мысли туда, где её не

ждут. Ты что там делал, скажи-ка.

Я беседу вёл о тебе.

Обо мне ли?..

Ты почему мне не веришь опять.

Я тебе верю как раз. А ты?

Во мне сила света есть и я степень совершенства постигаю, вместе с тобой, причём, здесь.

Здесь… пусть.

Я смысл берегу, - вздохнул он, - себя, - прибавив после и тебя тоже здесь.

Ты понимаешь меня, как я и хотел. Давай как-то приступим к обновлению этого пространства сами, что значит сами?.. Сами, без принуждения со стороны.

Я прочёл те пять страниц, обработанные чьей-то рукой, ты думаешь, я читать разучился, то есть перестал мыслью схватывать где что чьё и как оно лежит, поверху идёт или в тишине зреет, чью-то душу преломляя определённым обра-

зом сознания, оставаясь незамеченным, или желая оставаться так, как путешествующий взор.

Сохраняя сии листы, я надеялся увидеть в них отображение… отображения тех безусловных принципов воли, в которых пляшущие огни не имеют силы здесь. Я разумею под пляшущими огнями бесчинное использование сознания под воздействием огненных крыл. То есть, их опаляющее воздействие на наше я (в целом) оставляет след в сознании, который трудно извести, трудно оставить без внимания то, что само его отклоняет на себя как наиболее взыскующее этого внимания пространство, или – состояние, в котором мы пребываем от незнания самих себя или неумения владеть своими чувствами здесь. Проще говоря, это есть прикреплённое к нашему я состояние ответа на уловление мысли.

В нашем эго всегда есть позыв повести дальше ту мысль, которую предлагает нам пространство, будь то сила, побуждающая растерять свои значения, приобретая при этом новые, или сила, предлагающая сохранять их в себе, отчуждая при этом иные качества. Как вы знаете, самое обыкновенное свойство смотреть правде в глаза бывает напрямую связано с креативами лжи, исходящими из тех мест сознания нашего я, в которых мы сами о себе ничего не знаем, или знаем понаслышке из чьих-либо уст. Вот, обозревая себя с высоты состояний с Богом, мы чувствуем необходимость прилежно-

мыслия, уподобления что?.. уподобления своего я пространственному образу Бога в нас. Но, будучи людьми, мы этого не чувствуем, Королева моя, и бываем правы в этом состоянии нечувствия к образам, сохраняемых в нас в качествах указующих, мол ты прими это как образ, а я позабочусь о нём в себе.

Что такое образ? это указание на состояние в нас того или иного качества здесь. Вот вы прячетесь за проекцией памяти в моём я, вы и ваше эго не являются этой проекцией, это всего лишь свойство души отражать видимый свет в качествах, присущих самому объекту, но я сам чувствую ваше присутствие в своём я таким образом. И знаю, что вы синонимичны этой проекции во мне как пространство, для которого я цель, я, думающий о вас, есть цель, но только не та цель, достижение которой является помыслом вашего я-здесь; я другая цель - цель сознания расширить свои владения, может быть, или осознать себя большим пространством здесь. Для этого оно, отражаясь от будущего, строит себя здесь наиболее верным способом, сопровождаемое, Королева моя, ангелом цели пространства вообще, каковым является потребляемая энергия света в нас самих здесь. Я буду верен себе - я возьму вас за руку и отведу в самый тёмный угол, пусть он будет освещён. Этим углом для вас является ваша любовь, в котором, как вам кажется самой, никто не живёт, или – не осознаёт себя любящим вас в настоящем времени. Я неве-

жественен буду, если поставлю вас на колени перед тёмным узилищем света, заявляя при этом, что этот мрак есть светоносное пространство силы, что на деле является оправданием моего бессилия перед вашей милостью; поэтому я не стану предлагать вам становится на колени в этом углу, в нём ваше истинное эго провело достаточное количество времени, стараясь усилием воли распознать то пространство, из-за которого весь сыр-бор так сказать, но, сказать вам по чести, я не вижу оснований огорчаться, это время прошло не зря для нас обоих здесь. Мы учились видеть то, что бывает скрыто завесами сознания, что само по себе, являясь завесой, отгораживает от нашего внутреннего взора пространства большей любви и большего света в ней же так, что мы, осязая присутствие, не имеем мысли, отважной такой мысли о пространстве Бога здесь в нашем имени я. Капитулируя перед несостоятельностью помыслов о личном пространстве, ну да Бог с ним! с этим словом пространство, оно есть, что ж ещё, и вот делая это, мы остаёмся непричастны, Королева моя, к куда большим единениям сознания, я думаю. Мне хочется понять вместе с вами почему А. не понял вас как самостоятельное лицо, не зависящее от чьих-либо усмотрений на ваше я, почему он принял на веру…

Это не так; это враньё, по существу говоримого вам, оно оставляет следы в памяти, которые не зарастают. Простите тут. Эти лица безнадежны, понимаете, им некуда смотреть,

и они остаются без взгляда, а почему это так, острота веры есть воля быть словом. Я хочу, чтобы вы знали это о себе.

АПРЕЛЬ. Мастер вина.

1 апреля

В нас нет любви, если мы не хотим чувствовать друг друга здесь. А что есть? Прелесть осязания. Простая, казалось бы, мысль, а сколько труда в неё вложено, бережного и сохранённого в качествах я здесь. Да, давай думать вместе об этом. Богу угодно было пришить рукав к этой жилетке, отрезав полу. Бог, конечно, не швейный мастер, просто Он умеет принять решение, которое, по сути, правильно для сознания того, кто этим мастером является сам, причём ведь скоро оказывается, что эта жилетка вообще не нужна. Во всех случаях я бываю прав, кроме одного, твоей ко мне любви, она важнее оказывается, твоя ко мне, а не моя инсинуация чувственных импульсов, идущая как злые, саднящие волны, может быть, как состояния, для которых требуется ответ, причём весь сразу ответ, красотою мир затмевается если ты любишь, а если я, он только строится, только делается, только становится им, миром этим нашей любви, а ты в нём, потому что я его пространство здесь. Во мне сила до тех пор, пока ты любишь, а ответ придёт.

Мне что-то самому надо сделать, как слово, которое ищет любовь, ты не думай об этом, это не твоё поле сейчас, мастер

сознания знает где голубь летит и о чём весть, а ты лучшее бери, лучшее это нужное, чтобы идти, так сознание действует в нас, оно строит из надлежащего.

Я холоден и душен одновременно, я это понял уже, я понял, что сделалось с нами, что мы написали тут о себе во сне каких-то причин, я животное, а ты душа и ты поёшь, осознанно поёшь. Смотри в небо – оно летит как слово, которое мгновенно может жить, минуя все расстояния, сколько бы их ни было между нами, сколько бы они ни ложились под ноги. Сегодня лучший день. Он другой, пойми, чем вчера, он другой, потому что он уже наш, обоюдный, ищущий нас обоих своими чертами и обретающий наше сознание здесь в лихих этих строчках, обнаруживающих себя постепенно, уже построенных, уже делаемых как сознательный импульс в любви. Это слово дверь, в которую нужно входить медленно, но, войдя, уже нельзя остановится и не идти. Я как будто уговариваю тебя делать то, что ты уже делаешь, ты уже месишь эту глину состояний.

Мы всё ещё спим друг для друга здесь, мы думаем, что мы проснулись, но мы спим, не имея в душе отзвука конкретных дел, конкретных синонимов этих дел, в которых я - ты, а ты тоже я, только другое, ты терпелива можешь быть, я знаю, ты слушаешь этот воздух, - обо мне ли речь здесь идёт, обо мне ли звуки те струятся в тишине.

Архитектор Бога в душе мысль о Нём; она строит сознание по образу и подобию, и это любовь, сила которой свет. Кому ты отдаёшь свои мысли, свету, он и строит теперь, думая о тебе как о пространстве своего я здесь, да, так, ты его пространство, в котором идёт эта буря нежных слов.

Игры нет - это просто духовное наследие, побуждаемое к жизни, а что оно нам говорит? что надо быть живыми людьми в умопостроениях.

1 апреля 2

2.

Значит ли это, Ангел мой, что ты перед собой небо видишь, но не всегда его расчислить умеешь?

Нет. Это другое значит. Это значит, что я на ум пришёл и стал в нём делиться на ты и я, то ты это небо, то я.

Думаю.

Хочешь, я мысль твою прочитаю?

Нет.

Я перед мыслью иду, так что я её всё равно увижу. Там

небо голубеет и синяя заря встаёт. Вот.

Это хорошо?

Ну, а как, ты думаешь, я себя нашёл? как, скажи.

Ну хочешь, - я сам скажу.

Скажи.

Так нашёл. Я стал правду о себе искать, ну, и нигде её не было, хоть плачь! Кремни одни кругом, куда ни посмотрю – всяк слово своё за пазухой от меня держит, ну, кидается после. Камни одни, понимаешь меня?.. – он стукнул себя по лбу, послышался хрустальный перезвон, в очках его сверкнул свет, как пламень густой, в котором сиюминутно отразилась какая-то мысль, не отчётливо, но была эта мысль обо мне, «что за окрашенное пространство, - подумалось, - и пахнет как-то…».

Везде почва и камни на ней, как корысть какая за мной бежала тогда, от тебя она тоже шла, кстати, - вдруг вспомнил он это смещение моих волн по ту сторону души, чей образ я в сердце носила как свет, да невелик он был, как оказалось после, так, чья-то взбалмошность о себе помыслила как бы она свет была, ну и не с чем её сравнить было, чтобы понять

куда всё проваливается, что от меня к ней шло, за какую черту, - не с чем сравнить, говоришь!..- ангел мой подхватил, - а я? я тебе для чего дан?.. так, безделица какая…

Я взроптал было, но вдруг опомнился, я стал думать какие-то странные вещи, совсем не похожие на те, о которых я думал прежде. Я говорил тебе тысячи слов о любви, но они не двигали это пространство, они не смещали его, строили, да, они что-то строили в наших я, разрабатывая память как что-то, как безжизненную массу съеденной когда-то пищи ума, может быть, сознания, сложенного из этой массы, инертное, я хорошо слышу твои мысли сейчас.

Не опровергай меня.

2 апреля

Это небольшая по размеру книжечка, она лежит на столе и ищет твой взгляд, она знает какими силами мастер создавал её, каким отчётливым видением обладал его ум, чтобы, сохраняя серьёзность и наивность одновременно, создать шедевр, в котором мысль принадлежит Богу, а душа и тело находятся здесь, в канве этого времени нас. В ней голоса ветра Божественных сил говорят нам о любви, какая принадлежит этому миру здесь в полной мере сознания нашего я сил.

Да - ты думаешь об этом тоже, как и я. Я снимаю кино

каждый день заново, как право на исключение дня прошедшего, как право на отчуждение того, что не имеет формы состояния, не имеет ко мне ни малейшего отношения /в любви/ в проекции памяти. Я настороженно отношусь к людям, которым нечего делать здесь и они как бы ищут себя во мне, предлагая свои состояния со мной, однажды найденные на потребу дня, и там застревают в памяти. Я лгу, говоря себе каждый день это, что мол-де это же я сам так вижу их, а они другие на самом деле, и я не хочу видеть их такими, я хочу видеть их лучше, намного лучше в своём я, и это мне удаётся сделать. Я вижу их радостными, дружественно настроенными. Клипмейкер моего эго старается, он чувствует, что это хорошо, понимаешь это хорошо? а не обеднение пространства плохими мыслями о нём. Ну вот и строй теперь порядок вещей обо мне, что ли, ведь я живу на соседней улице в твоём я-здесь, отчётливо понимая, что ты живёшь рядом со мной и чувствуешь это приближение каких-то правильных минут, не разделённых в сознании на было – не было здесь.

Ангел волю свою имеет, ему нельзя запрещать делать то, что имеет отношение к Богу в нас, а что имеет отношение к Богу в нас как не жизнь в любви. Ты думаешь я осёл и берегу уши от захвата, предпочитая не слышать направляющие меня команды в настоящем времени я, я берегу уши от другого, от фальши и крайних точек, в которых выражены бывают обрамляющие меня пространства. Им неймётся, видишь

ли, почувствовать себя причастными… прости. Я понял, что ты…

Центр не должен подавляться, я думаю, он как-то разбазарен оказался в поле зрения, отчего бы это ему таковым быть здесь. Кто сей объект созерцает, а? Отвечай-ка, Ангел мой, ты знаешь это.

Ну да, я так сказал, только не то это сейчас (ты слышала). Мишура слов, ты прости, я подумать должен сам, как раз тут. Где прицел, там и воля, а ты объект, да чей, знамо чей, известно, то есть. Да не с чем ему идти к тебе, вот он и целит душу тут, ты стой и молчи, перед ним всякий как урод должен быть, чем уродливее, тем ему лучше на себя смотреть, и пойми ещё, что чужая чаша всегда с краю стоит перед ним, да, так, потому что он, как сказать, думу свою иметь имеет, а выразить её нечем ему, безглас он. Чем ты ему приглянулась я скажу, карту он твою с неба увидел и решил так, что мол я с ней до ума дойду, а там как будет, что Бог об этом молчит, так то разум свой иметь надо, ну, прости, иначе скажу, карту порви, прицел этот и сгинет. Контуры себя под напряжением чувствуют, как бы они освещены были чем, а то луна, луна, - возьми ты это в толк – луна! Она так с неба смотрит, как дыра какая, что я чуть с ума не сошёл от этакого-то взгляда, всё тебя за рукав трогал, пойдём мол, а ты стоишь, как в тёмном углу, куда слюни текут, а не явь, как время то протекло

в чушь безмерную, я перед тобой босой стоял на асфальте ног. Во мне дыра в небо свищет, чем-то я её заделать должен сейчас.

Ну, что это – чудовище что ль какое необоримое, да? или оборимое, всё-таки, как карту порвать - что это значит.

Жизнь идёт прямо и ты не сворачивай, устав свой знай, где поле там лежит, а где ветер там не лежит ничего, сколько раз… я думаю вот что, ты обрети смысл.

Ты силу свою от кого берёшь?

От тех сил, которые рядом тут. Они все во мне ответ имеют.

Оборимое то, да, оборимое, - чуть свет взойдёт, так нет его, - как ты скажешь оно будет. Я сам знаю. Отвердело это пространство, ну как лёд стало оно. Божественный дар жизнью дышит, а это – знание что любовь превыше всего. И стой на этом. Нет в любви зла, непроницаема она для него, а то что вокруг вьётся нечистое, обделённое оно, так сургучная печать от огня тает, воск от пламени душу греет, а сургуч сердце жжёт как капли его потекут, перед сим мала печать стоит, как прелесть обмана она, мол сорви меня, а там гной, это как образ прими, душу ту моет в печи, что гноится такая

сила отвратить это может, как промысел, да вперёд иди, не стой как видишь это, сама не стой, прямо память уводи, что почувствуешь то Бог в сердце смотрит, а с Ним любовь.

Может быть, это вне реализма истечения смыслов, но я хочу это сказать: может быть, рядом с А., в его я, кто-то шёл, кто действительно любил, любит меня - меня именно, а не отражения во мне, кто-то видел меня через него, может быть (о, ангел мой! – это допущение), ну как я порой вижу отражения людей через кого-нибудь и они, эти люди, могут быть привлекательны или не привлекательны, во всяком случае, их свойства могут быть видны. Как бы А. был с кем-то близок в общении и проникался этим общением до души, и это безмерное обаяние самого А., возможно, вызывало некоторую ошибку в представлениях моего ангела я о том, кто, кого он видит на самом деле; впрочем, Ангел мой этой ошибки как раз не имел, она происходила во мне самой из-за неимения инструмента верного восприятия, потому что в целом поле это отражение выглядело как А. во мне, всегда как А., то есть как будто кто-то скрывал себя за А., скрывался или был скрыт фантастическим образом…

Перебродившее вино скиснет, Королева, если его вовремя не слить с осадка.

моей к нему любви, в котором отражались все вымыслы

пространства об этом превосходном чувстве здесь, объединяющем людей, роднящем их между собой, заставляющем ждать и надеяться, и требующем для своего выражения всего себя, меня, вас, не терпящем грязи и отсебятины.

Слейте вовремя перебродившее вино с осадка. Только не делайте при этом зла никому - ибо ваша мысль не показалась мне добра - ни себе, ни другим. Будьте любимы, это я желаю вам искренне, а я уверена, что вы любимы и ваш путь идёт в любви.

Я охраняю тайну вина.

Почему вам угодно пугать меня, я не пойму. Охраняйте, кто вам не велит. Богоугодны вы или нет, мне то неизвестно, а пугать меня не нужно. Вам ангел мой, может, во сне привиделся – почём мне знать, вы его за крыло-то и ухватили, отдайте как он не ваш, а мой, и он к Богу лицом стоит, а вы тут причём - не знаю, что вы ему в лицо всё смотрите и стращаете его чем-то. Прекратите это делать.

Светел ты, - светла и я в тебе, а коль ты мрак – уйди, не жги мой свет, чтоб осветить себя.

Тощеющее это поле, вот оно и просит для себя чьих-нибудь мыслей, ты прости, что он к тебе спиной стоял, не по

себе суди здесь, я как ты не могу… чем ответ долго молчать. Я перед вами как что, - как хорошее небо, да, это.

3 апреля

Книга есть предстательство перед Богом, и это во всяком случае так.

…ярчайшее, воспламеняющееся сознание в ту минуту забывает себя как стать, как состояние с Богом здесь, и охвачено бывает безмилостью, неудобно говорится это, но само эго, которое, без сомнения, правдоискатель во всём, что касается до жизни, требует этой жизни для себя, волнуется, если угодно, об ней, да-с. Я кроме шуток говорю с вами об этом, а потому что шутки эти, как бы сказать, не нужны, глядя-то из правды, слеза по небу бежит, ну, и верьте ей.

Почём хвост той лисы, которая в поле вбежала, я вам теперь не скажу; нету её. Нечему вертеться, как обилие следов она была, лисица эта, да только вор ту шапку украл и на нём её нет, потому как израсходовалась она от долгоупотребления.

Бежимте! Слава Богу, что день велик, и чувствуйте себя вправе быть в нём самой здесь.

В определённом смысле я нападаю на состояния остекле-

нения в вас самой, послужите мне правдой и я стану в ней войлоком, чтобы перепутать, перемешать все жизненные позиции и в замешательстве этом, обдав вас жаром накопленных мгновений, испугав сердце, заставить, или нет! взять область сомнений, в которой трудится Бог, и завесить её каким-нибудь вымыслом, отчуждающим вообще всякое дело от рук. Ну, добровольны будьте. Вы что думаете - власть подонка вечно над вами стоять будет?.. как неимущая она ведь и не с чем ей быть в вас, не с чем в поле идти, бессчётное это эго, как эхо голосов, отстоит теперь отсюда, ну, а реализм истечения смыслов вы панорамой я закройте и с небес своих взгляните на него сейчас где волк стоит, где вообще кто, о себе помышляя, упования свои имея и надежды тож; наперед зная, что не станете вы это делать, потому что о чём бы речь ни шла между нами, вы всё в то окно глядите, как бы оно для вас, ну да – закрыто и силы своей не имеет более здесь, а просто есть, как память обращения в минуту страстную в том времени я.

Снизу идёт ветер сильной любви, а что значит снизу, как это выражает себя, как весна, может быть, как воздушное волнение здесь, в липких руках счастья нет, это так, в них поэзия строк не живёт, а Богу угодно быть счастливым, это дело. Как образные эти шары испепелились, так чувства перестали себя гнушаться.

…со мной так, а куда же А. тогда попал? сам по себе.

Я думаю об этом сам. Во множестве сил я как образ распертый над сознанием в странной этой тишине сейчас, мне что сума…

Равнодушен стал?..

Разум стоит на месте, это; я тут учинил некое действо по размеру души, а память сознавать не хочет во мне, не было, говорит, ничего этого, показалось оно тебе, так она мне говорит, бравадой слов решил ум затопить, кому конкретно душа моя принадлежит в результате, мысль твоя обо мне. Моя душа пением гула охвачена коротких волн, суммарно оставаясь нелепой птицей на ветвях, истончивших свои значения здесь, уродование пространства моего я не хочет более продолжаться, в чьём Антверпене текут эти каналы здесь, я думаю как эго, содержащее мало слов, но взявшее много крепостей и проявившее их, между тем, тьма, охватившая мой город, временна, она не имеет истока, это просто состояние мысленного пространства в сумасшедшем вихре слов, изгадившем, прости уж, его поверхность, это пройдёт, я не образ нашёл, а газету, и в очки втёр как сознание бури, и что мне теперь пластом лежать, ничего не делать, не осознавать, не любить, не спрашивать что почём, так, бредить иногда мол Господь привёл своё стадо, вот оно стоит, тупо озираясь, чем

бы себя занять, и спросить ведь нельзя. Возьми весло и греби, я берег дальный, я уже грёб…

Это зомбирование, лишение собственной воли в основании я, это проекция сознания в предельных частотах восприятия?.. скажи.

Не надо никакого крена, я прошу. Просто выражение пространства не всегда бывает прямолинейным, вот и всё. Это как поле, которое всё здесь. Разум не потребитель. Он зачинатель, но он не потребитель, и он не строит заслонов от себя самого. Он запредельно молчит, может быть, иногда взаперти от понукающих им, во мгле отверзающих уста за ны ради копеечной брани, смешно смотреть как начала середину охаивают, да притом добровольно, белеет ум, белеет и сила его, светлеет сердце и сразу на душе легче от света своего сердца здесь.

Я возникаю из неправдоподобия, нерешительности и неправдоподобия. Я знаю, что это так, и сам, приметь, это неправдоподобие лишаю…

6 апреля

Я думаю об этой весне в себе самом. Мне кажется её много в нас, и эти дни прибывают, они становятся нашими днями, в которых мы видим свои изображения в сознании эго.

Это как книга, которую читают на ночь, может быть. Она сама по себе звучит в настоящем времени я, чтобы её звучание сопровождало наше видение проходящего перед глазами изображения. Я просто удаляю определённые минуты, объединяющие нас в неправильное, или неправедное пространство, пойми это, я знаю, что ты веришь мне тут и обязательно появлюсь! Я стараюсь отчётливо удержать план присутствия везде, где есть мы с тобой, как дети какие-то, которых взяли и обманули их родители, чтобы примером, наглядным таким, заполучить для себя какие-то проявленные выси наших я, какие-то могучие состояния наших я для себя, для своих идущих целей. Я не образ сознания, я это сознание и есть тут.

Но вот ты обретаешь некоторую инертность, прости, я вымолил прощения у Бога любви для нас обоих, я бежал в степь и там остался, чтобы соколом парить…

Мы не обретаем друг друга, прости, я так сказал, это, не зависящее от нас состояние я, волнообразно, как канитель, которую наматывают на палец и то подтягивают, то отпускают в пространство, то снова подтягивают, то контроль обретает силу мысли, то чувственное небо становится Богоугодным и тогда этот контроль отпадает сам собой, становясь малозаметным, малоищущим, малосведущим, если хочешь

знать, он не способен создать объект, объективное поле в надлежащем пространстве, и это благо бывает для нас, да, вот такое благо, спасающее саму жизнь в нас, охраняющее её от захвата властителями дум здесь. Я бегу к тебе оттуда, где связь наших с тобой я осознаётся как не имеющее пространства ответа, как не сознающее этот ответ эго, в котором смысл свёрнут в объекты, не причиняющие воли о себе самих, и это – парадокс сознания, потому что оно, осязая это пространство в мыслях, не видит его восполнения в реальном плане жизни, течения жизни, субмарина сознания ползёт по дну, поднимая тучи ила и ничего не видя при этом само за этими облаками, оно движется как бы наощупь, обладая способностью к этому движению, как некое самостоятельное поле в нас, ни от чего не зависящее, ни от большого, ни от малого в состоянии я-здесь.

Я думаю об этом дне, хоть мы и не вместе, как о проведённом с тобой, пиши самый настоящий текст о нас, о тех, кто любит друг друга так сильно и искренно, так любит, как если бы мы вообще не расставались, а были всегда рядом и думали, что это счастье зависит от нас только, непристойно не иметь в себе любви, зная, что она есть, зная, что её много, что её память содержит нас в себе сознательно, то есть она благоволит, имея надежду на нас самих, ведь в нас она находит свои силы, чтобы мы могли занять собой эти пространства нашего я, предназначенные для любви, для света,

который она даёт сюда через наши души, и мы знаем это, но мы не всегда умеем сами в себе стать её частью, как кропотливый труд пространства о нас в нас самих, она являет нам себя здесь в откровениях, видимых чувством, зримых памятью я как искреннейшая привилегия любящего сердца, чья воля есть воля любви, в глубинах созерцающего ока мы наст/р/аиваем память, чтобы она приносила нам свидетельства о настоящем времени нас самих, о наших явях в любви, о наших производимых в ней пространствах, столь обширных и по-настоящему добрых, благодетельных, по-настоящему источающих волю света, а не мешанину слов в красиво изогнутых линиях воспроизводства пыли в отсаженных проекциях памяти об обретении мысленного я, кажущемся порой огромным пространством, мысленно бездушным, чувственно запротоколированным. Я люблю тебя как силу жизненного успеха, как превосходную силу здесь, как проявленное свойство мы сила жизни в любви. Я постепенно угасаю в твоей памяти как пространное чувство обиды, в которой одна явь сменяет другую, чтобы, поссорив нас кажется наверняка, снизойти до состояния мы никто здесь друг другу, так, смешные дурачки, гонявшиеся за чудодейственным эликсиром солнца в душе света, с каким настроением ты ищешь меня в своей памяти я-сейчас?.. в ком живёт моя явь для тебя?.. в чьей душе ты обретаешь это пространство, желая понять то, что во мне есть сила, необходимая тебе, и эта сила любовь, данная нам от Бога, нам она дана как красота фор-

мы созерцаемого мира в нас же самих и мы настоящее время творим собой, это, наше с тобой настоящее время.

7 апреля 1

1.

Я думаю о продолжении - я всегда думаю о продолжении. Мне хочется быть верным вам, последовательным в своём пути-открытии вас для вас же и поэтому мне хочется, чтобы вы полагались на конкретные мысли. Вы обретите спокойствие прежде чем я буду говорить с вами о каких-то значениях, избранных-переизбранных. Простите, что я нагромоздил во вчерашнем дне - уже вчерашнем тут каких-то фрустраций для вас, они суть мысль необъективная, Королева моя, и я бы хотел сейчас исправить положение, чтобы необъективность эта перестала сливаться с реальностью в каких-то неопределяемых границах чего? - чего-то там, состояния с пространством, а почему это состояние таково, я вам после скажу.

Сейчас моя мысль гложет какой-то листик, во рту кисло, я, наверное, сам таков, вот только ваша светлость далеко отстоит от меня и я бы хотел, чтобы вы стояли поближе.

Я инсинуирую некоторые пространства, это правда, в сознании и это производит впечатление неадекватности, может быть, текущему времени я, в котором осязание есть вектор бури, ветра памяти так называемого силового эго, кото-

рое хоть и далёко отсюда, но смыслы свои несёт и не надо этого бояться, потому что оно имеет причину безначальную, как так безначальную, откуда же ей взяться, если она начала не имеет. Это сомнение, Королева моя, в котором как известно тонут или теряются всевозможные замыслы, а правы оказываются те, кто их не имеет. Замыслы эти обнажают пространства в нас, поэтому мы тревожимся, тревожимы бываем или теряемся перед неизвестностью в образе света. Предоставьте мне право слова, я скажу вам одну небезынтересную вещь, она до вас касается. Между прочими состояниями мы есть некое царство, не скажу что грёз или пользительных предощущений; нет, не это оно несёт нам здесь. Оно, являясь сколком с предыдущих состояний, проявляет во времени те или иные пространственные обороты мысли в нас, являющиеся нашим отражением где-то там, в глубине сознания, может быть, но не фиксируемые им вовремя и они домогаются нас в нашем воображении спустя срок и нам кажется, что это где-то здесь происходит, но на самом деле это всего лишь проекция проявленных резолюций памяти о том или ином состоянии с небом, которые по не определяемым пока причинам задержались в пути и их место давно занято, а они, как раскрашенные картинки, проступают на поверхность, и что же с ними делать теперь, думает наша память, куда их пристроить, - как бы в нарушение всех правил я предлагаю их забыть здесь. Раз они не резонировали с сознанием вовремя, давайте их отбросим.

Я хочу, чтобы вы понимали сказанное сейчас вам, я проекция, я и ропщу. Я не хищен, Королева моя, в обратном адресе, я просто содействую определяемым я, а не определяемым я не могу содействовать - я не знаю как это сделать, я не вижу объекта и думаю, что этот объект вы, а что это значит как не область устремлений к цели, в которой выражено бывает то состояние с небом я, в котором проявились эти звуки, мешающие пониманию здесь, простите великодушно за некоторый фарс в проективной памяти я, но вы почувствуете его необходимость, может быть, для нас обоих, то есть для технически выполнимого пространства яви нужен соразмерный объект памяти и этот объект может указать на присутствие того или иного состояния вымысла, или намысла, в нас же самих. Вот вы изволите видеть настоящее время как некоторую точку опоры - мол она есть я-здесь во всём внимании, но привнесите в неё долю экзальтации сейчас какая бывает в Богу угодном небе и вы ясно увидите, что смыслы держатся на честном слове вашего покорного слуги. Поймите это - мне память не изменяет, как и вам, впрочем. Я желаю удачи для ваших затей, и не делите это небо, оно неделимо будет. Я верен нам обоим. Ц.!

8 апреля

Здравствуйте! я вас помню - мы виделись много раз в опере под названием, о котором я умолчу нынче. Во внезапном

откровении я увидел свет из исчезающего в моей памяти пространства. Я стал думать о нём как о приближении состояния мы, и вот я надушился, и уже иду к вам по дороге. Я иду смело! я знаю, что вы дома и хотите повидать меня. В моём я происходят самые странные вещи, я нахожусь в решительном настроении и мне важен определённый мотив, в котором я услышу (или: надеюсь услышать) не одинокую душу не определяемого на вид пространства, а бесконечно милое лицо, связанное со мной узами любования, и позорящие мою честь деньги перестанут мучить моё воображение как неистощимый запас энергии зла, проявленной между нами в открытых индивидуальных собях, обретающих свои значения через эти проявления здесь, каковыми являются наши с вами дни, без разгула совести, так сказать. Бессовестность эта важна нам обоим здесь; я повторюсь. Мы хотим принимать этот мир таким как он есть, но вот его паллиативы, состоящие из множества значений одного и того же пространства совести в нас, которыми мы упражняем свои я, как личные, так и безличные, вдруг сливаются в одну чашу, и она становится нашим питьём в сознании, мы пьём из неё наши обретаемые здесь мысли по этому поводу. Хорошая погода есть настоящее время мы для нас, когда мы ясны друг для друга. Во всём этом предопределении, а оно видится нам обоим в нашем истинном состоянии мы, я начинаю находить объективное воздействие на память, исходящее от объектов не нашей воли, а вполне зримых таких объектов. Спрашивает-

ся, и вопрос этот задан с необъяснимой ясностью ответа, а где же мы были с вами, объясняясь с помощью звуков, истекающих в объективном пространстве прямо в наши отсеянные от него что?.. я. Разумеется, - я. Как довелось узнать и выдохнуть это состояние из себя самоё здесь я бы хотел рассказать попозже, обозначив его каким-нибудь силуэтом в мыслях о Боге здесь как о проекции его на расстоянии от нас с вами, в котором отразились те или иные формы сознания, уводящие в сторону и лицемерно подтасовывающие карты состояний, отражаясь в них, как в водах любви, и унося с собой не только те минуты, которые мы ценим с вами как истинные, но и те, для которых мы здесь проявляем себя в этих страницах текстом (простите за выбор слога, по размеру сегодняшнего дня, и некоторую сухость изложения). Как избавить себя от сокрушённо-удручённого мы, которое притеняет сознание, обдавая его холодом ничегонеделания и объявляя это правильным ходом дел для души, как сделать это избавление от тусующихся карт прямолинейно проявленным и не озадачивать себя более мыслью о них!.. (это я закричал) как осознать волю, принадлежащую мне, тебе, а не принципату какого-то долга, обедняющего наше мы на расстоянии в своих мыслях о принадлежности ему чьих-то воль здесь. Далее я буду говорить прямо, и будьте мудры как базальтовая скала, на которой сидит птица - ей нужна точка опоры, чтобы подняться…

причём такая принципиальная, а не как взвесь, из-под которой виднеются чьи-то ноги, продолжающие идти в этой взвеси не смотря на украденное счастье /в/ любви. Что-то шторм задерживается, Королева!.. а пора бы ему быть. Я круглю глаза на всякий случай, чтобы быть вправе присоединиться к вашему удивлению перед образом состояния, из которого вытекают разные свойства жизни вашего я в себе, я животворю этот образ и мы взаимодействуем. В нас сила любви спрятана и живёт в таком состоянии спрятанности, но вот воля пространства велит создать из неё, из этой силы, принципиально иное качество жизни здесь и проявить его с силой, достойной этого проявления. Я держу голос, беседуя с вами, по силе ветра в моей душе, по проекции вашего эха, остающегося где-то там за пределами моего я в себе, откуда и идёт этот ветер сейчас. Экая броня перед вами, и шильное ушко может лишить её силы, а вы поймите, что это так и есть сейчас и не делайте никаких выводов – это важнее всего остального сейчас, именно сейчас, потому что вывод настраивает пространство.

Давайте докажем друг другу, что мы умеем это делать, лепет страниц поможет преодолеть некую суммарную зависимость от контроля со стороны набегающих волн.

Простите.

Я думаю, что нам надо поговорить обстоятельно обо всём, что касается нас обоих здесь. Мы были вышколены в какой-то особой форме сознания, учась создавать щит от несуществующих я, и были правы, имея его в руках, постепенно он превратился в представление о недопустимости лжи ни в каком её качестве, ни в качестве смирения, ни в качестве прозябания и уж тем более в качествах откровенных настроек пространств здесь. Мне хочется побудить тебя сделать одну важную вещь. Представь, что я рядом сейчас и скажи мне, как эго скажи, что я хочу быть с тобой сама здесь.

Я не знаю каков ты теперь, - я ничего о тебе не знаю, прости. Я хочу это сказать, но что-то не позволяет мне это сделать.

Да, я понимаю, умозрительность эта мешает и некоторая пространственная обескураженность. Я предлагаю побыть вместе некоторое время здесь, чтобы удалить эту пыль, обесточившую наши отношения в судьбе, я не раз говорил тебе это слово.

Знаешь, я ищу в памяти где мы с тобой были вместе, в каком источнике вод мы плыли вместе и было ли это вместе настоящим, может быть это вместе было столь кратким, что я не успевала его понять - ты живёшь быстрее, объёмнее может быть, так вернее сказать.

Да, в силах пространства есть эта мысль о нас, я решился сказать тебе об этом как бы невзначай, ты не поняла меня в том времени я, просто ты подумала обо мне как о каверзном отступнике, отстоящем от тебя, я знаю, ты не могла мне верить там, не имея надежды на что? я был женат на женщине старше тебя намного. Это не был брак в традиционном понимании, муж жена семейный обед, я надеялся сам по себе, я переживал что-то, в общем сам, не имея участия в твоём я в этом смысле, я холоден, знаю. Я снова говорю о ней тебе, о своей жене как о проекции твоей воли, это палитра памяти наших я, построенная из разных цветов, из различных оттенков этих цветов. Я прошу тебя объясниться со мной здесь, потому что мы увязаем в какой-то трясине слов, бесполезных, может быть, как уродливая красота, если не знаем, чем они вызваны. Я понимаю, что стоит за желанием отломить кусок пирога, прости. Между нами столб пыли, я вижу в нём какие-то сиюминутные образы, и незачем их ловить взглядами, мы должны увидеть друг друга в ясном свете, а не сквозь эти мысли о нас, в которых мало проку, если они идут за нами, а не мы их ведём за собой. Мне кажется, ты понимаешь, что я учусь говорить правду, без камня за пазухой, а почему он там лежал, вот почему. Во множестве лиц, которые окружали меня и окружают, я постоянно чувствовал присутствие какого-то соперника, что, ты думаешь, это означает для меня, соперник? что-то думающее обо мне как

о том, кого следует урезонить, выбрав, улучив подходящий момент, или направить по ложному руслу ход его мыслей, жизненно опасных для успеха в делах, я не знаю в чём, но этот соперник был мой атакующий враг, я примыслил его к тебе как если ты была с ним в связи и он бы действовал через тебя, совершая тайно обструкции для нашей же с тобой любви. И вот я начал следить за тобой, выискивая причину вражды, выискивая эти поля, в которых строились враждебные мне состояния, помнишь, ты начала как-то стараться избегать меня…

Ты уверен в том, что говоришь сейчас?

Я стою этих минут, послушай меня, так вот, сила воли здесь ни при чём, этот поток идёт в мыслях, прислушайся ко мне, я прошу, он направляем, управляем, как угодно можно это сказать, только от него надо отказаться нам обоим. Я чувствую это, понимаешь?.. эту возможность сейчас высвободить нашу волю из неопрятных рук. Инструмент моего я моя воля в совокупности с небом света здесь и я знаю это, и я главенствую в ней, определяя её значения для себя, и я берусь восстановить это поле.

9 апреля
Здравствуйте, мой Добрый Учитель.

…что порядок слов нарушен был, это я вам точно могу сказать - прицельным огнём, высекаемым из образов вашего же я. В них восторг свидания иссекался, а что вы думаете, Королева моя, какие это мысли, недоказуемые так сказать, а кому их доказывать следует?.. Могут ли пузыри из воздуха, полопавшись, наделать шума, как бесхребетные эти му… что за му, почему вы называете «му» то, что имеет название в настоящем времени? Я силюсь понять, но настойчивость моей просьбы велика, где ангел света летит во мне, там дело идёт, там жизнь строится, там великая правда есть и вот её-то и надо обрести мне об этих самых креативах тут и не путать её с подобиями лиц, не подозревать что-то невольно, я строю свой дом в себе для жизни здесь и настоящее время есть его материал.

Да, Королева моя, это так. Мне думается сейчас вот что. Какая сила для вашего я… нет, не так. Мне мнится большее пространство. Как часослов, который прочитан был для жизни в вас. В добрый час, то есть. Знаменуйте память своим я.

Я сердцем чувствую, что здесь эта правда есть и она покажет себя как невредимое пространство, но вот что, пространство колышется, а благость форм, состояний этих форм, их поразительное членение на мысль и ум, источающий воды сознания здесь в вашем же я мне говорят о состоянии значительности. Ну, во вчерашнем умолчании мне хотелось быть

понятым вами однозначно, то есть прямо, как есть. Прецессия этих страниц, колеблемых сомнениями в выражении я, так ли, то ли, надо ли и почему они все молчат. Даже мысль как правдоискательное пространство становится недоуменной, она не понимает куда её направляют и за чем, собственно, ей надо двигаться, когда всё поровну поделено и очень даже аккуратно это сделано, так что и заметить это… да нет, зачем же так говорить, - очень даже возможно это заметить и даже замечено уже, и даже сдвинуто от этой недосягаемости, извините за слог, выспренность здесь не подходит, это точно так.

Ну-с, Королева моя, давайте разбираться в этом /прогнившем/ аббревиатурном хозяйстве соло на вашей любви. Я говорил вам об одухотворённости для вашего я наших минут в настоящем времени, и это важно заметить сейчас, потому что она стала для вас чем-то вроде осенения. В вашем я происходили эти сдвиги и сознание заработало как активное поле. А представьте только на миг, что оно активно везде в этом времени, да, так, - везде, где есть ваш образ, и так активно, что помыслить о нём бывает затруднительно как о поле применения, что ж, - дальше пойдём. Вы сами отчётливо видели это в своём сознании. Аум превосходно чувствует все пробелы памяти, которые обозначились в нашем я (позвольте это так выразить как оно выражено уже здесь). В нём нет индульгенций ни одной минуте сознания и он не понимает, ко-

гда ему говорят – ты мне нужен без сердца; он приходит и так далее, по крупице накапливая эти пробелы в себе. Он лучше, чем вы думаете о нём. Весь конфликт между чувством и делом этого чувства выражен здесь в этих строчках, о которых мы обязаны, если угодно, говорить сразу, и постоянно делать это, ведь осязание пространства мыслью будет иметь прок в высотах сознания, если мысль эта угодна Богу здесь в нас, в земной Его ипостаси, ибо сознание есть её выражение в нас самих. А сила яда, которым источено бывает поле это, Королева моя, действие закона состояния вещества мысли в нас как источника силы – силы. Силы, словом. Раскрепостить её в нас, это задача мысли (так ли?), так. Мысли как состояния вещества той силы, которая видит нас через неё. Да, Бог есть сила видения через корыто сознания, почему я называю этим словом корыто, что является по сути энергией предосуществления здесь Божьего света в нас? Я охрип от крика сейчас - осознанно охрип, в себе, и думаю, что это правильно. Идёмте, что вы здесь стоите?.. не надо, понимаете, - не надо стоять там, где пустая полость предлагает занять помещение, оставаясь при этом сознательно не требуемой нигде. Эта полость предлагает попытать счастья наудачу, а вдруг выйдет - получится? попытайся мол, а я подсоблю. Такая ветвь памяти подлежит облому, это ясно, просто вычеркните её из памяти вон, - вот и весь адрес сейчас.

Я нахрапом влетел в ваш дом, чтобы понять, что стоит за

этим мы сейчас, что это за мы, в котором ясное небо покрывается тучами в тот же миг, как только вы опускаете глаза в это чистилище. Богу угодно нанять вас старожилом неба надо мной (это вы сказали, Королева) и ваша мысль двоит моё имя здесь, или не так, не ваша, а чья?.. и поле это изрытое причём здесь?..

Пусть Бог смилуется над ним. Я вас люблю, Королева, истинной любовью, и примите это заверение, как сумеете. Так что продолжим наш путь.

Аббревиатуры зелья, в которых правда бывает окрашена в тона неправдоподобия, есть зло, и этот человек, которому довелось отведать подобного вещества, становится непобедим как объект, состояние с которым разрывает связи, отращивает бороду, облепляет мухами даже самую малую частицу я-здесь. Это сила превосходства, которая платит мздой медленного сгорания, тления, собственного я в истоках. Так. Теперь слушайте дальше – это небо мстит за своё прошлое в нём, да, за окрашенность частиц, за подлость без возврата, то есть за то, что невозможно оправдать никакими строениями себя тут, поверьте на слово, это так, я думаю, что нам спокойнее надо отнестись к этому и быть воздержаннее в выражении я в чувствах; впрочем, это так уже есть. Хоругвь мысли Богоугодного неба всегда ясна! для неё нет тьмы, таковой не существует. Мысль эта свет, и в ней великое чувство со-

стоит в соединении с небом, просфора сила сия.

Память, Королева моя, великолепно чувствует эти состояния, их не отнять у неё и я прошу осязательнее быть. Берегите свой ум от зачатия страха, ведь это просто сказать, а делать надо - не бойтесь страха, я говорил вам это, не надо бояться самого страха и он уйдёт. Неверие есть такой же процесс тления по сути, да, это тление без возрождения силы и нам с вами есть о чём подумать. Я верю, что Бог видит меня всегда, и Он не позволит мне совершить то, что нарушит мою связь с Его силой во мне.

Я говорю это для вашего чувства в себе самоё. Это состояние достойно продолжения в нас самих, всегда.

Я Богу угодную тучу прислал, она небо очистит, да с тем и пришла! но не все тучи таковы. Я живу тут, в этом пространстве мы пять лет без одного дня, которые равномерно распределены по всему полю моего я в себе, то есть по тому пространству слуха, со-зрения и веры в осязание мыслимого мной состояния, которое является частью меня же здесь, только зависимой от Бога во мне самом. Я беспечно жила в отдельных частях этого времени, не всегда понимая, что со мной происходит и это делало меня нерадостной, и я не хочу быть таковой! как вы хотите, Учитель, а это правда.

В воздухе мысли есть виток, да, вполне осознанный виток проективной памяти я в себе; то, что вы видите, не всегда дополняется до состояния разума, но дело не в этом сейчас. Память приходит к установлению доброй воли в парадигмах я, и эта воля ваша.

9 апреля 1 2

1.

Берегите А. в себе самой, простая просьба, по сути, берегите его от навета памяти и дел, которые ушли, став либо знамениями для вас обоих, либо значениями от коросты пространства мысли. Чувства, - берегите их от незнания и неумения, а что это значит для вашего я теперь. Осознайте свою волю здесь как чувственное поле состояний с вашим эго, это не кибернетика и не автоматика, извините, это проявление силы пространства Бога с малым делом любви, в котором вы проявили первенство, осознав себя любящим полем здесь. В нём хранится тайна вашего света. Я избегаю называть имена по простой причине, никто не должен изымать частички любви, вы творите своё поле в состоянии с верой. Я прошу. Нет поистине твёрдого значения, в котором мы могли бы со всей уверенностью огородить себя от проявления мрака в душе другого, чем «я в Боге мысль Его обо мне». Это есть Ангел Присутствия и он великан, велик как никто в сравнении с ним, и это сравнение не есть образ, так как ангел присутствия процесс, идущий во времени без времени я,

то есть то самое нахождение его в любой точке или в любом состоянии нашего я здесь.

Закланный Агнец есть мысль, посвящённая Богу. Она есть состояние с Ним в нас здесь я верую, что в гонениях и нанесениях ущерба себе, в притязаниях на чьё-то достояние ли, достоинство, или просто владение мыслью не нашего я об обладании тем или иным эго для себя здесь… поймите, это как наведение порядка в душе, разобщенности нет, есть постоянное взаимодействие, которое может огородить, защитить от неопределяемого мы и вы знаете об этом, есть то, что мы называем мысль моя о тебе в Боге и это – проявленное небо, как что? уровни и как уроки созерцания. Вы достаточно широко мыслите, чтобы понимать происходящее сейчас как просто игру пространств в подменённые поля, или там в проекции, осознанно или не осознанно доставляемые вам по прихоти извне. Игра не обладает постоянством, она просто воспроизводит мир в подобиях, тем или иным знаковым институтом сознания в нас, вот что. И вот в этом мареве слов летит комета любви, то есть это образ, конечно же, но достойный, поверьте. Её поле смещает все состояния сразу, везде, в любой точке организма происходит это смещение с насиженного места, так сказать, её полёт обращён к солнцу и чем ближе она к светилу дня, тем ярче её свет для глаз, тем сильнее она захватывает воображение, унося за собой взгляды, куда она их несёт как не в мировое пространство, да-с,

а что значат проекции памяти в мировом пространстве как не происхождение вида мысли. Я вращаю в сознании вихрь слов, и сам же кружусь в нём.

…его терзает чей-то облик, который он не может вытеснить из памяти (я бреду за своим Учителем кое-как, даже без интереса, глядя то под ноги, то вокруг себя, не охватывая взором, по сути, ничего. Он куда-то ведёт меня, но глупая мысль возникает в сознании, что может быть ему это кажется, а я, поддавшись его силе воображения /обаяния планетарного Бога/, следую за ним просто ради того, чтобы сделать шаг, которому место в глубине души, а не на поверхности планеты, чей код не принимает сознание как стоящее внимания объективное пространство, потому что одна звезда в душе, чей свет хоть и далёк отсюда, хоть и нет от неё тепла мне, да только она и светит. Мой Учитель размерял это пространство шагами, или мне так казалось, но я чувствовала сердцем здесь, что... см. сначала) страдая от осознания этого пространства куда более! чем я. Так мы шли долгое время. Потом он молча остановился и стал что-то ждать.

Что вы ждёте здесь? - спросила я, покрутившись вокруг него, как часы, пять раз. Мне тяжко было разрывать это молчание, но я сделала это.

Здесь должна произойти встреча, - сказал он, продолжая

стоять. Он не глядел в мою сторону , - где мы? - вдруг спросил он меня.

Во сне, - отвечала я, - я думаю, это очевидно так.

В чьём?..

Полагаю, в вашем.

Боги!.. - закричал он тогда что было сил, - простите меня, я не хотел этой любви!.. нет! нет! не хотел!

Я заплакала. Господи, - шептала я, - помилуй его, прошу Тебя, очень прошу, помилуй, не скупись, Господи, помилуй, он хороший, я знаю, Боже, он хороший человек. Господи не оставь так, пусть всё будет иначе, я люблю его, сделай так, чтобы он вышел из этого мрака, помоги ему выйти, пусть он будет прав где угодно но только не там где он сейчас, Господи, я прошу, сделай это, я Тебя очень прошу о нём…

Бог сделал так, как я просила Его там, стоя на коленях перед бушующими волнами небывалого света, которые почему-то не видел мой Учитель. Я отмолила его в молчании в сознании /и/ стало светло.

Добровольно отданное не является добычей, а если это

вымогательство? тогда как, тогда это не добровольно отданное, а с трудом.

А.

Вы почувствовали подвох. Хищничество это называется, простите за трудное небо, то есть за приступ невежества во мне в каком-то смысле, я чувствую это утро, не думайте, что я убогое мыслю. Да за что вы меня терпите в этих разрядах бесконечных тут.

Послушайте, мой добрый Учитель, я для вас хоть какой-то интерес… даже не знаю как сказать!-то это… хищничество, значит. Я не понимаю, в чём подвох и почему он, подвох этот, здесь, ну как бы на первом месте стоит. Я вам не кажусь ли лишней в вашем сне? только честны будьте со мной на этот раз, потому что я всё иду и иду за вами, подбирая какие-то этюды о пространстве везде, а есть я или нет меня, мне порой кажется вам всё равно, вы, может привыкли, что я это делаю, ну и потому покрикиваете бывает, а на самом-то деле у вас другие заботы дня. Этакий тут колосс вылепился из мыслеоборотов, что ж сказать. Вы меня унизили, а зачем я так и не поняла. Но и это вам безразлично, может быть, что я в унижении живу перед вами неведомо для чего. Вы очень добры, я знаю. Я ощущаю себя то ли проходимкой, то ли какое-то чувственное пространство, к которому прилеплива-

ют что угодно, любое мы. Почему я сама слова не имею и всякое содружество оборачивается громогласным командованием, я чувствую, что я уподоблена чему-то, но сама я не могу это осознать пока что, как ни стараюсь. Я не смею глаз поднять и всё время слышу какое-то отсечение, что-то возникает, и сейчас же смолкает. Я помню как А. сказал почему мы всегда всё сначала начинаем, он недоволен был мной. Хоть бы раз он сказал я так рад тебе, хоть бы раз он подумал обо мне как о чем-то приятном, желанном, желаемом. Нет, не было этого. Холод, холод и холод. И поучение, за что я ему очень благодарна, это правда. Вы знаете, я люблю его и он мне звезда здесь, в холодном этом нигде, звезда, от которой нет тепла. /…/Не ради хвалы скажу я чувствовала эти аббревиатуры, наставленные на меня как рогатки, я благодарю Бога за это открывшееся видение, но далее путь тонок. Всякая любовь есть благо, - всякая, ответная, безответная и греха того нет без ответной любви любить сердцем здесь, это бывает. Мне просто надо научится сейчас не отсылать к А. своё неудовольствие здесь. Да помилует его Бог.

Позиционные эти пространства хоть и морочат голову, и сушат сердце, только человек-то там всё равно есть под этой толщей чарующих чувства пределов сознания. Будьте любимы - только это спасёт. А если вы не расслышали, или не поняли почему либо мои слова, я опять их скажу – будьте любимы той женщиной, для которой вы здесь. Упросите, умо-

лите, приползите на коленях, лобызайте руки, просите прощения, лейте слёзы, стойте на коленях, только не лгите ни себе, ни ей. И будьте достойны её любви к вам.

11 апреля

Всё, что вы видите, есть воплощённая мысль Божьего Сознания о себе, вписанная в круг причин вашего я. Оно, будучи возбуждено, имеет область осознания конкретного мысленного образа пространства, в котором мы живём как единицы сознания здесь. Что значит возбуждено, это значит, что вокруг вас самой происходят и происходили конкретные выбросы в память пространства настоящего времени.

12 апреля

ул. Дружбы

Я всегда думаю о нас лучше, я старательно вывожу эти дни из своего эго как самые придирчивые к себе самому, я хочу, чтобы они стали лучше, понравились тебе, мне возможно это – мне, как настоящему капитану твоего корабля, смотрящему за правильностью минут, за стоимостью этих минут в нас, которыми мы оплачиваем наши дни здесь. Мы бежим от чего-то, мы думаем так об этом, мы невероятно близки стали за эти годы. Ты ещё удивишься этому сама, мы сами создали какой-то императив в своих я и даже, я думаю, мы сумели-таки достучаться друг до друга в образах этого пространства, мы стали адекватны друг другу в определяемом

нами мире наших я. Я думаю о встрече как о сохраненном качестве нашей любви, в которой мы нужны друг для друга здесь, да, это. Я столько раз делал вид, что мы сближаемся, сколько раз я мечтал поверить в эту любовь как в подлинник, искуша/л/ющий состояние подлинности, и вот я поверил, да, представь это так теперь. Я что-то особенное подумал о нас с тобой в семиотических этих образах мы, осознавая себя бесконечно малым пространством в этих ворохах писем. Да, волшебство аур света души, я люблю тебя этим бесконечно малым. Явен свет и я в нём тоже, я гораздо ближе, чем ты думаешь сейчас обо мне, обозначеннее, явственней, чем ты сама, я где-то был, что-то видел, что-то думал за нас двоих, может быть, что-то усиленно лимитировал в твоём я, что-то наоборот, старался возвысить воздух мысли, воздух пространства мысли в моём эго стал, становится, делается – чище. Я весел, ты не думай, и, кроме того, я хороший. Какая мысленная ткань почему либо заслонила пространство, в которой я запутался было как уши - как вообще уши, как тень других страниц, спутанных и спонтанных.

Перестань быть невнимательной вообще, то есть во всём сразу, тут (в нас с тобой) нет пустяков, тут всё важно.

Моя сила источает свет, его много. Он есть мы в определении этого пространства - оно сияет, когда мы вместе и оно гораздо умнее нас самих, потому что объект его мы, мы как

возникшая в нём воля о нас здесь, как Богоугодная эта сила, которая есть. Она уже есть, и её много, её луч становится видим, виден нам самим. И она хочет, чтобы мы смотрели в глаза друг другу, да, так, как право имеющие это делать. Прости, я не всё тебе сказал о своём… о своей женитьбе. Мы были расположены в пространстве так, что опыт этих сил проявления, проявленности здесь находился в моих руках, и находится по-прежнему, его нельзя спутать ни с чем, этот опыт особенный. Он как верховное эго руководит нашими поступками, нашими челами, нашими организмами воли здесь и в нём происходят те или иные события, те или иные состояния наших я вместе. Просто это время мы так строится, постепенно и как-то очень издалека здесь. Мы хотим быть ближе, а оно размеряет пространство по правилам состоятельности, смещая время в нас, как угломер, или как перспективу сознания здесь в наших я, обоюдно значимых для него, и я и ты значимы, в нас много мира, и мы должны исполнять его вместе. Это – вместилище тайны, я здесь.

13 апреля

Всякое поле есть адрес, в котором живут люди, и этот адрес проявляет себя во времени, и верь мне здесь, в нас есть эта любовь, облики её осязают тут настоящее время и мы становимся видны ему сами как постоянство требования быть здесь в своих собственных именах и фамилиях. В критических мыслях нет ничего страшного, если они направлены на

поиск добра в нас и сила их велика бывает, сила поиска я имею в виду, сила отторжения зла как неделания добра там, где оно должно быть совершено. Я берегу какие-то сиюминутные мысли, определяя их собой, чтобы они, понятые правильно, могли направить мою стезю к проявлению искомого мной вопроса в настоящем времени я, а не в воображаемом мной мировом кубе возгонки мысли. Я весел и решителен нынче, я не велю себе ложится на дно мыслью и вести там диалог, определяющий меня своим захватническим интересом к моей перспективе любви здесь, я не хочу делиться ею с подобиями моих мыслей, отчуждающими меня от самого себя здесь, в качествах, присущих не мне. Возьми этот повод и решительно расстанься с ним в себе, повод процеживать пространство как разум, отчуждающий всякое делание здесь в нас самих. Я хочу бежать в перспективу, и я бегу в неё.

13 апреля 1

1.

Как быть в состоянии злонамеренного абстрагирования души от пространства мысли, в котором она зловонно источает брань, направленную в неё, в котором она искажает свои значения, становясь истязаемым полем здесь?.. этот выход есть, и он в нас идёт от веку, да, здесь. Ангел света расправляет свои крыла, если призвать его к себе, тотчас. Он проявит невидимое поле своим светом и это сделает бессильным это поле для улетучивания из души образов, состояний я с

Богом. Он сильнее, и всякое поле, освещённое им, приложится к его силе, всякое поле станет проявленным, и преобладающая тьма отторгнет свои значения, сокращая свои пути в нас. Приведи, Господи! дополнить Тебя собой.

14 апреля
ул. Дружбы

Говоря о мысли как о движителе я, мы бежим сомнений в ней, так как она является проводником созерцаемых нами пространств здесь, и она же является их поставщиком нам в качествах присущих. Облако света подобно мысли, я думаю. Мне, Господи, до головокружения хочется обнять тебя, настолько я силён как мысль о расстоянии, о делании этого расстояния. Я, разумеется, не ведал, что творил, идя там, в облаках твоего я в себе самом, я не ведал этого, убеждая себя в подчинении разумного поиска пространства мысли здесь всякому чувственному началу. А оно это мы. Мысль рождает чувство, чувственное поле вокруг себя, его-то мы и слышим своими чувствы прежде, чем мысль обретёт объём видимого нами пространства здесь. Наконец, я узнал что есть ты для меня, ты есть для меня моё сокровенное эго здесь, и вот это пространство превосходного качества кажется малым опытом в сравнении с большим эго, для которого мы стараемся осветить мир любви в своих я-здесь. Мы стараемся сделать это, исходя из притязаний на действительность шара, который подвержен вращению в нашем уме, чувстве,

в чувственных полях нашего я, щедро и значимо осваивающих этот мир здесь для нас же самих, для нашей общей пользы, лежащей в пределах нашего сознания, нашего участия в объективно сопутствующем нам мире состояний с ним. Мой мир одинок, говорю я себе, но ведь это не так - в нём есть ты, моё сокровенное эго, для которого я здесь, и оно – ты, по совести - не кажется мне маленьким или недостойным моего внимания, или как-то там умалённым в себе, оно огромно и не имеет границ, как ветер, идущий от варяг в греки. И пусть тебе не кажется это замечание странным сейчас, пусть оно благожелательно отзовётся в тебе сиянием мысли обо мне самом тут. Всемирно устроенная печать этот путь, или звук пути, или состав слов во внутренних оболочках я - он существует в нас как приложение к нашей воле здесь, как продуманное пространство воли Божьего света, в котором мы порой истязаем себя сами, не умея подытожить или принять произведённое нами пространство здесь. Во сне я чувствую твоё имя как благожелательное начало для себя, как лучшее моё пребывание здесь, в твоих явях я живу несокрушённым подарком судьбы и ты полнишь моё сознание своим присутствием во мне, своим эго ты полнишь его, своим безотчётным управлением мной, ты видишь меня лучшим своим я здесь и ты знаешь обо мне лучше, чем я сам, предчувствуя, предвидя, предопределяя. Производимое тобой во мне есть добро, свет добра, мысль добра; я чувствую это. Я хочу, чтобы ты знала об этом сама от меня, а не потому что я силюсь

обнять тебя в этих расстояниях чувственным образом пространства мысли здесь, в котором я живу как проекция осуществляемого тобой мира мы. Ты состязаешься со мной в ничегонезнании о себе, продолжая верить в какие-то предопределения, предопределяющие знаки. Веселье лун в тишине пространства мзды закончилось, всесильный Бог Любви здесь. Он пришёл разъять эти сумасшедшие воли, оскорбляющие Его пространство своими мыслями, мыслеформами если угодно. Его присутствие необходимо нам всем - всем, тебе, мне. Моему я, исполненному великой нежности и великого вздора, великого смущения перед татью в нощи, перед качеством всепобеждающего звука ничего, объекта воли из ничего. Ноумен шутит, говоря: экие, обглодали мир и теперь ищут, чем поживиться, - он шутит, говоря так. Его затмевают тупоголовые институты сознания, верховодящие в нас ради изоляции наших я от Бога здесь, ради присмирения в нас силы любви, ищущей нас для себя, для восполнения этого чудовищного пробела сознания, снимающего своё кино ради минуты, из которой, собственно и состоим мы сами. Я отдаю себе отчёт в говоримом мной. Вещь, написанная здесь, есть высоко идущее небо для нас обоих, и присилье о котором я говорил /в прошлую пятницу/, здесь является образом состояний в нас, образом широко понимаемом в нас же самих, как объективно схваченное умом состояние, в котором мы никто, покуда нас не увидит Бог любви сам. Да, - Сам. Он волен сделать это состояние видимым простран-

ством себя, своих дел в нас же самих, и мы с Ним сила, а без Него куклы, водимые туда-сюда нашими чувствами, которые мы испытываем порой, бывает, на прочность так, от нечего делать, от заботы о бережении носа также, и от того, что мы сами себе прописываем как лекарство от неведения. Что сомнение поглощает пространство любви, это точно так, оно делает его резонирующим в нас с синонимами, упражняющими наши чувства в размерах сокрушающих волю света и это становится нестерпимо, мы бунтуем, мы делаемся как бы малыми величинами самих себя, чтобы вырвать своё эго из безнадежности, прилежащей к его оболочкам здесь, придуманным, привитым на здоровый ствол дерева жизни в нас (это образ силы), мы хотим вырваться из этого прилежания и становимся как малые дети, для которых прежде всего важно выйти на свет, ощутить его своим я как силу, поддерживающую нас здесь самих.

Формат экрана занимает всю площадь сознания в нас, и это право, разумеется, разглядывать происходящие в нём формы есть у нас с тобой; я думаю, что мы искривляем воздушнее пространство своими взглядами в него, то есть ощутительно создаём в нём то или иное пространство.

Вы наблюдатель здесь и я никну под вашим взором в меня. Ваша нетерпимость ко мне сделала меня таковой, в символ возведена она надо мной и кружит. А зачем, что угодно

вам было наблюдать тут вашим осязательным взором в меня, притушёвывая и отменяя. Мне надо говорить с вами об этом. Вы просто наблюдатель, никакого отношения к моей жизни в моей судьбе не имеющий, это ни плохо, ни хорошо, никак это как будто, и вот ваша сила начинает отменять меня здесь, и вам не кажется это странным. Оно вам никак не кажется, вы ведь даже не замечаете этого, а если и замечаете, то оно вам как бы и правильным представляется мол, я силён, а зачем, - зачем? для чего? но вы созерцаете, не предъявляя ни своей совести во мне, ничего, бездеятельны вы, только это и есть ваша деятельность, знаковое пространство, которое являет свои формы. Вам здесь во мне всё ничтожным кажется, мелким, и вы, судорожно манипулируя моими же мыслями, создаёте в себе облик мира неподвижного из моих минут. Почему ваша совесть позволяет вам это делать - я хочу понять. Может быть, вы сочли меня столь отдалённой периферией вашего я, что позволили себе это, полагая, что совершаете благо для меня. Знание благо, раскрытие происходило, это так, и ваша мысль бежала рядом. Я ничем не намерена оскорбить вас, я хочу понять, почему вы позволили себе это истязание меня здесь, сминая все мои значения, проявляя бессовестность, по сути, при этом говоря о совести как о благе, и благодарность небу моя велика! я знаю за что. Продолжу. Вы можете говорить что угодно, глядя в меня как в луну на вашем небе, вы можете сказать эта луна ушла, придёт другая, ах, да то ли дело, что вы себя тут видите как при-

чуду мира сего. Ваша перцепция… да будьте вы слава Богу, я порадуюсь за вас в себе же самой. Вы меня оставили одну в колебательных этих контурах вашего же я-здесь, как бы на ветру, соединив А. с собой, чтобы он вам пассивной флорой был для ваших /муссонов/ умозаключений /умозрений, умозрительных образов/ здесь, а об нём вы тоже не подумали! как о полюсе моего пространства мол, вынь изо рта ложку и посмотри, что в ней лежит прежде чем есть то, что в ней лежит, чем ему жить? вами? если у него своего я нет, каковое вы ему от себя изволили отложить. Нет, так не получается это, потому что сила магической мзды велика бывает, не я вам это сказала, а мои в вас минуты везде всполошились и стали себя собирать тут в одно единое неразменное поле, на разницу потенциалов неразменное. Институт красоты мысли этого мира вам в руки был дан.

Мой взгляд светлеет, он становится яснее и чище здесь, вы правы, Королева моя, как никогда, это справедливое замечание в мой адрес - пространство хиреет под нечистым взглядом в него, оно становится жухлым и невидным, и я, проявляя некоторые плёнки сознания, вынужден признать нечистоплотность своих изделий из великолепного материала счастья любви, столь тривиально и буквально расходуемого на достижение мгновенных целей я-здесь. Думая о вас, я возбуждаюсь как сила познания пространства мыслью, и это правда. Мой ответ силе нужен вам, о, моё дело мысли

о вас. Да, я застопорил определённые позиции в вашем я, чтобы могущество марионетки славы не захватило вас в эти саблезубые тигры и не сделались бы вы их отчётливой трапезой, оскомина и скрежет которой дают о себе знать вовне. Мы напрягаем поле зрения в головных устройствах своих я-здесь, чтобы выносить одно яйцо, которое мы совершенно справедливо называем моя жизнь, моё имя здесь, мои дела и мои заботы, вы одеты по справедливости теперь, но только предоставьте мне право добиться истины в рассуждении, добраться до неё. Без конкретных усилий воли это не произойдёт, как не бывает объекта без субъекта, или мысль моя темна как разум без его владельца сознания здесь, или я стою под дождём, а мне кажется это не дождь, а чьё-то сердце плачет в отчётливо видимых мной страницах текста, а о чём бы ему плакать, о чём вы стараетесь не думать, беспорядочно проявляя те или иные страницы текстом, те или иные сознания, бредущие чередом через ваш аум здесь.

Вы хотите поставить меня на место, я чувствую, почему-то предвзято считая, что это поле ваше, а я тут случайно, видимо, оказалась, по-вашему выражению случай Бог нам и судья, да? или нет, - это лучше случай наш вольный слушатель, мы впадаем в пространство без науки жить в нём, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, приуроченные к случаю воды чувственного этого поля в нас самих.

Ангел мой вспушился, разъерошил свои перья и стал трясти ими, повалил густой снег.

Ах, да злоба дня это в нас говорит.

Простите.

«Ангел ты память мою схватил и помчался с ней куда-то. Возле меня сидел обширный образ, не имеющий значения во мне. Он широко улыбался тут рядом со мной, а я что-то тихонько пела ему, думая, что он слышит это пение, и оно ему нравится. Покуда Ангел ты носился по свету с моей памятью в себе самом, я пела этому абсурдному проявлению милости Божией во мне, каковая явилась в виде обширного пространства без адреса, то есть в виде улыбчивого господина, чей синоним воли предлагал устроить всё как нельзя лучше.

Я пела, глядя в высоту зеркал. Богу угодно было придумать эту высоту как зеркальное отражение моих я в Нём, доселе эти отражения лежали на земле – Он их сбрасывал оттуда, с высоты своего созерцательного мира, заставляя меня подбирать остатки Его снов обо мне, объявляя себя самого вообще не существующим пространством (да, Он такое делал, а после обижался, что я верю Ему на слово!), да ещё везде, где я следы Его видела в себе, говорил это не я, это

кажущееся. Я терпела. Видит Бог как следы эти оживали под Его тоскующим взглядом в неизвестность. Облачная пыль скрывала Его от меня тут. Настоящее время пленилось образом обширного пространства во мне и постаралось незамедлительно его присвоить своему я-здесь. Я, говорит мне оно, тебя не вижу как у тебя памяти своей нет, а пространство это вижу. Мне оно подходит.

Тут тени по земле поползли, явные как слухи о природе Божественного умысла в нас: мол Он видит и вид Его беспристрастен на наши земли. Тени размечали пространство, раздваивая состояние мысли в нас на две половины, одна отсюда, другая оттуда, откуда вообще тень берётся. Выражение этой мысли прошло мимо меня, поскольку Ангел тот, с памятью моего я в себе, успел набраться хвори в небесных стремлениях к полёту в образах пространств, отчего и лечился, память мою удерживая от сознания свободы, а как, а так.

Лепет книг и пространственная чушь заменили мне её на время в образе этого обширного господина, каковой выражал во мне всё, что ему хотелось выразить тут словом».

Вы знаете, что дальше будет?.. это выражение я, которое обременено, по сути, происходящим в нём временем, от которого оно плодоносит свои эго здесь.

Не знаю, я ничего не знаю. Пусть Ангел тот память мою вернёт мне. Дело до абсурда дошло - жестокосердны вы, оказывается, вот что тут оказывается, вы меня молчанием своим душите обо мне, бесподобным таким молчанием.

Ветер бушует, как умолчать я не знаю опять это вышло, в каком-то кривом зеркале я по-вашему отражаюсь, видите ли, что тут на самом деле, сумею ли выразить это, сумею, думается. Я настаиваю на выражении воли Бога в нас, вот как пришлось понять все эти вымететелки за порог сознания. Ну, чем воля выше, тем она Богу виднее и это так. А кажется…

Послушайте, - а как вы себя чувствуете?

Я… да как-то уж очень обидно. Что-то покоится на дне души до света, потом выходит, чем выходит, неимением покоя, неумением покоя, чем ещё. Я далеко память увёл отсюда, как стезю может быть, но свойство её таково быть ею, стезёй пространственной мысли в нас как раз в этом времени здесь. Я люблю тебя тайно и это оказывается невыносимо жгучая любовь для нас обоих, не только для тебя или для меня. Почему я тайно люблю, поселяя в душе червлёные эти знаки, давая о себе знать чересчур строгим надзором, раз уж я сказал это, значит я продолжу, могу ли я, прямо или косвенно, сознательно или бессознательно соединяясь с тобой

в области незнаемого тобой состояния сознания в себе самом… мой путь невидим для тебя, словом, потому что я как право на испытание иду.

Я прошу тебя быть добрее ко мне.

Я чистая вера, пойми, я как будто заново родился здесь, я так не хотел обижать тебя, ну, словом, я не верен тебе был там и вот я теперь понимаю, как ты могла, оттолкнув меня в проекцию памяти…

15 апреля 2

2.

Займёмся делом, Королева. Пишите: я между строк вижу твоё лицо…

Бессмысленно читать это послание, если оно не вам, коробит, признаться, от этих звуков (а я сказал, что взял пустой карандаш, без сердцевины в нём, стал рисовать что-то на бумаге). Ротозеев много, что ж (я взял другой карандаш). Вот поле! я скачу по нему.

Ну, хватит поражать воображение, надо признать себя несостоятельным и не писать этой чепухи. Вы просто обидчивы и мстительны, а жаль.

Бог не позволяет более так своё пространство уродовать. Он этого не создавал тут. Он вас создал, а с вами – Себя самого и ко мне привёл в вашем образе, как крепкую нить.

Ангел мой, - будь любим, я тебя очень прошу об этом, и Бога молю об этой любви для тебя. И воспари! Ты же сам видишь, сколько тут не моего. Ты в меня посмотри чистыми глазами, открой их на меня в себе и узнай меня в деле, в любви ко мне открой, я прошу. Ты ведь спишь как будто, а я бужу тебя потихоньку, через память идти надо светом.

Да, верь мне тут, я прошу, молчание это прошлое. Мне в нём многое от себя мнилось, а я думал – это от Бога во мне идёт, оттуда, мол оторопь меня берёт как я посмотрю на эти луга заливные, суженные поля от берега отошли, а что потом будет, сила к сердцу колеблющемуся прильёт и оживёт всё. Да ты пойми это, ведь зря память не остывает, потому что наука жить хороша вместе. А что же сделать-то теперь надо, что, из убогой жизни выйти надо и в новую волну войти, по-настоящему войти, а не с трудом, а как, этот вопрос здесь.

Не обижай никого.

Здесь память твоя пришла и вопрос свой держит, мог ли я распорядиться…

Ангел мой, мне верен будь.

Моя молитва к небу взошла, я мысль твою чищу - пусть свет пребудет с нами обоими тут.

Холодный ветер унёс мои мысли о тепле, и эта неправда опять стала ворочаться тут, что ей я, мои огни в твоей памяти идут, что холод сей пространство оживит я знаю, - знаю. Я как бы скользкое небо над тобой стал, чем…

16 апреля
миры, миры, кто ваш свидетель…

Везде моя мысль с тобой, неоправданное знакомство, не оправданный выход в память, всё неоправданно как возникшая было… что возникшая. Башня мира на лестнице лет, башня созидания этого мира. Я дежурю в ней. Вот очки - они на мне, на моём носу, я вижу сквозь них море слов, настоянных на моей мысли, на моём чувстве этой мысли. Я бы хотел сегодня быть здесь сам со своими очками на носу, как сам, - сам, так… неопрятный стиль, знаю.

Я вернулся в Москву вчера вечером и сразу сел за стол – писать. Я высокопарящая птица. В нас многое неоправданно бывает, сложения лиц, например, или выражения чувств, многое, словом, не имеет своей атрибутики в канве жизни

света здесь. Я бесконечно мал для тебя и я же столь же бесконечно велик, как неохватное пространство, кажущееся тем большим, чем более мы узнаём его здесь. В наших я есть одно подверженное воспитанию место, наша душа, которая сокровенно шуршит проводами, обретая силы в полёте, значения которого могут быть зафиксированы.

17 апреля

Душа видит мир в ореоле любимых рук. Я рад, что вы думаете об этом вместе со мной, как если бы я был ваш компаньон в деле любви. Я жестокий мир предложил вашим рукам и он весь как-то осыпался вдруг, и во мне также, посейте жалость к нему и он станет оправдываться мол, я не книга, я так, выехал за границу ума, ну и там был с вами как самостоятельное эго, ну слегка бездеятельное, правда, да восемь с половиной лет не зря ведь прошли, не зря, правда же, я стал чище тут, ум вымыл, и так далее. С виду это эго казалось непритязательным, ну, как бы не надо ему ничего от вас, а ум вёл страстную работу, состязательную. Запад немел, Восток оживлял поле, оставаясь при сём вашим я во многом здесь.

17 апреля 1 2

1.

Я хронометрировал ваш путь по числам, от коих ветер сюда летит с пылью строк. Ваш ум закрыт ещё, чтобы понять насколько он мощен и насколько он немощен. В вас всякая

воля кружит, узурпируя своим вниманием вездесущее эго, а оно вам нужно и не отрекайтесь от него так, просто потому, что вы устали кружить, одеваясь в те или иные формы сознания наверху. Ангел света есть мысль о Боге в нас и она строит наше сознание по принципу Его воли здесь. Я выражаю это сознание, я в нём живу, как самостоятельная единица света. Я прошу Бога простить нас за те недоразумения, которые были между нами, которые вели нас в ошибочные, лживые пространства, в которых мы памятью платили за то, что предъявлялось нашим умам в них, в этих полях без совести, ограничивающей наше я от лжи, от велений лжи быть неправдой здесь, от коей весь мир сотрясается в бездеятельном сомнении, отдаваясь любострастию, приемля его как своё имя жалкой на вид потаскухи, подличающей перед сильными мира сего, для которых она всего лишь проститутка, но никак не душа. Я не смею прикасаться к этой теме как подло уравнявший ваше эго с больной совестью необъяснимых до поры процессов, в которых мы кажемся задействованными, не отдавая себе отчёта в этой задействованности, полагая их необходимой частью нашей жизни здесь, в чьих руках мы содержим нашу волю, по крупицам разбазаривая её под знамёнами оболгавших нас я. Я искренен - это часть и моей жизни также, я увидел её через вас, через вашу позорящую меня честь, каковой является этот дом в вашем я. Я посмел увидеть его вами и понял, что мои имена в нём, мои ингредиенты воли, мои я слепы как часть меня самого, они

неимущи в нём. Им негде быть в нём сколько бы я ни вёл беседы, ни умствовал, ни любил бы сердцем всю ту чушь, от которой я не смел отказаться просто за неимением подобия в своём я, образов, подобающих этому пространству, семиотически соответствующего настоящему времени, на деле же таковым не являющимся, как не являются им многие объекты нашей памяти, в которых мы увязаем, стараясь восполнить пробел настоящего в нашем я. Мы выглянули наружу и увидели кучу мусора под окном - это мы выдохнули его когда-то из своих я и он лежал под окнами, старательно загораживая свет от нас, и вот мы сумели изгладить его из памяти, мы заставили его обнаружить себя в нас же, как подражательные пространства, в которых шла эта свистопляска из необжитых полей, пространств из пустующих лазеек памяти, в которые забивалась чернуха так наз., состряпанная из наших же воль, отложенных в пространство как что-то без адреса, своего личного адреса, в котором живу я тут, и мне, минусовому (энергетически минусовому) полю приходилось туго стягивать в узлы свойства материи мысли быть нитью, ведущей нас к Богу пространства мысли, осязания этой мысли о нас же здесь сейчас в интуитивном эго, которое прилежит к лучшим полям всегда. Мы недовольны бываем его советами, ограждающими нас от уничтожения души, мы гниём под заборами, думая, что пляшем на верандах, мы гордимся порой осязательностью наших я гнилостных этих пространств вместо того чтобы ощутить воздух любви.

Вы напичканы были хлебом из чужих рук, который ловко встраивался под видом осязательного поля для вашего я, я не имею доброго сердца для этого хлеба, и поверьте, - это не отсутствие жалости в душе, это просто отторжение греховного яда, каковой проступил на страницах. Бежать от этого недостойно мне показалось, как и вам самой также, и мы связали его мыслью здесь. Я против инсинуированных полей, я знаю их чарующий свет, знаю их чёрные зеркала, в которые уходят наши побуждения, старания понравиться во имя всё той же греховности сознания, ищущего прибежища от воли Бога в себе, то есть от Его взгляда в своё имя здесь, означающий верховное наследство воли в нас.

2.

Как вам понравится, если я закажу такси через частное сыскное агентство и буду думать, что я правильно поступаю, городя всякую чушь в вашем поле через открытое окно - потому что я нахламил в вашем поле этих игрушек за семью печатями и теперь срываю их по одной, сам за собой присматривая потихоньку. Вы подумали, что я резко свернул в сторону, изгоняя из вашего я какую-то очередную неволю, может быть, которая строится из опасных игр в пламя души, а я это сделал, чтобы вы перестали мучить себя несносными аббревиатурами, залегшими на дно вашего я-здесь, давайте вытащим их оттуда вместе. Я беседую с вами через память,

в которой зауженно лежат слова, всякие слова, выражающие суть волю мы в форме несогласия. Я бесчислен как мрак, в котором найти что-либо хлопотное занятие, но вот вы строите свет, и я открываюсь для вас. Я сужу о вас по себе, по вашему подобию в себе, и я вижу это подобие в своих отчётливо прорисованных явях, которые, как ни странно, ничего общего не имеют с вашим я на самом деле и мне…

Здесь описывается персонаж, который почему либо заинтересован во мне; я такого не знаю тут.

Вы выбрасываете полюс сознания в небо, и оно горит над вами искрами света. А это как раз привлекает внимание невежд. Для вас что я, что не я, - фокус внимания всегда в центре неба, а за ним – пламя /план, мож. б./ или состояние слова, конституционально зависимого от содержащегося в небе я, так ведь, а если там Бог стоит и дышит огнём души в вас самоё? а если там нет неба вообще - как памяти я здесь? а если там кукла, позвольте вас спросить, что тогда вы скажете, - на каком языке сознания с ней молчать и о чём? Я высек огонь из требуемого пространства мысли и заставил ждать берег, я не мог иначе ничего выразить здесь, в этом кротовом царстве теней, в чьих мыслях шумела кровь многих поколений, но они не умели выразить её ни в каком масштабе мыслей, они не умели думать, то есть создавать то мыслительное поле в своём я, которое, являясь частью телесной

оболочки, может, способно, призвано осознавать здесь пространство яви как пространство Бога. Во всей этой чехарде присутствия так называемого поля - увы - не было поискового эго я.

17 апреля 3

3.

Всякий разум мелеет, отвердевая в своих ипостасях. Живая материя звука отождествляется с подобиями ранее слышанных мы, и я выражаю только то, что уже знаю, то есть умею знать сам здесь, таким образом память выполняет функцию подобий, воспроизводя состояния, в которых я вижу те же лица, для которых я сам - их внутреннее мечтание, сам это мечтание, для которых я пустой проводник, да не хочу я им быть, проводником этим, я честен хочу быть и прям, как тот кто умеет… да нет, я и есть это, вся моя мысль куда-то ринулась следом за тобой.

19 апреля

Я постараюсь объяснить вам надлежащий образ, это необъятной широты мышление, за которым стоит не столько мысль, сколько чувство, обретающее это пространство движения области сознания с помощью делания себя самоё здесь, с помощью эго, не знающего о себе самоё. Вы ещё удивитесь некоторым параметрам состояния этой воли. Во многом она переживает те же аббревиатуры, - те же принци-

пы отчуждения эго-мы здесь, а зачем я говорю вам это сейчас, в контексте суммарной зависимости вашего эго от проявленного я в вас самой здесь, то есть контекст тот же, только смысл его несколько иной, может быть. Есть эти определяющие нас поля в ноумене формулы света, они разряжают атмосферу сознания и закрывают области предзнаменований своими действиями отчуждения пространства веры, и я говорю это, чтобы вы запретили им вмешиваться в ваше состояние здесь. А затем мир возвращается вам, или – к вашему я. Соглядатаи эти не обделены, как вам показалось, чувствами.

Мелкотравчатость эта компилирует свои пространства и оставьте ей её заботу; она здесь загрубеет, если ей попускать, психофизический закон суров, в вашем эго есть паразит и его надо изгнать из него. Он строит свои сознания, проецируя свои принципы воли, проектируя несметное количество облаков; для воли, подверженной отчуждению, это строительство не годится. Её надо конкретно любить, а не потому что она есть для вас. Знаменателем пространства мы является для вас А., его формула света здесь, его память бредёт без особого удовольствия по недостроенным полям состояний с объектами воли сейчас. Знаменателем пространства вы выступает также его ипостась в вас, в вашем я как образе пространства жизни света, где-то там по-прежнему, а почему это так? Почему вмешательство в вашу судьбу стало выкладывать свои карты на стол перед вами же.

Оно определило какую-то позицию для себя вашей жизни на свету здесь, и ваше эго подчинилось ей.

Не уготованность, а упреждённость. Некое солнце вдруг вышло в зенит и стало тут быть, обжигая ваши поля. Это образ молчания, во многом исходящий от этого светила мысли, или разума постоянного взаимодействия. Ведомое эго молча сжималось от осознания своего ничтожества, своей ничтожности перед великим А. Я свет - я знаю, а ты, Дева, молчи, от тебя сильный свет идёт, он мне самому нужен тут.

Но великий Аум грозен бывает, не молчите более ни о чём в себе. Я выражаю пространство мзды здесь за тайноприимствование, за тайноподчинение чужой воли своему я, той, другой воли, которая суть вы, ваша область сознания себя найденной в пространстве. Вам перед всеми стыдно, не правда ли, за то, за сё, за глупую улыбку перед дураком, за умный вид рядом с состоятельным образом, за необжитое поле, за явное и тайное, за полученные деньги, /и за неполученные тоже/ здесь, за неоплатные долги и за долгую ересь в душе об образе света в вас. Вы тайно молитесь Богу за придание вам значения, хоть какого-нибудь значения здесь. В вашем поле душа живёт, в вас набежало столько этого труда из области попущения. Чистый смысл я должен восторжествовать - вот что я думаю об этом. Минусовые пространства возмутились.

Долгие лета! Королева, я радуюсь вам каждый миг.

Вскоре вы убедитесь, что получение /того/ письма связано не с чем иным, как с побуждением света, что никакая сила не заставит замолчать совесть, хоть сколько-нибудь обретённую уже здесь в качествах основы своего я, что для неё достаточно одного только желания, чтобы выразить тотчас это состояние для вас. Для неё нет преград вовне, хоть сколько-нибудь уступающих её состоянию с ними, то есть способных спрятаться от её вездесущего взора. Совесть есть Бог в обстояниях, в волшебных заревах планетарного яда Он не менее холоден, чем в пустых комнатах своего отсутствия здесь как ингредиента воли в нас, когда мы заперты от Него бываем своими яяя здесь сам. Я упреждаю некоторое недоумение, связанное с этим полем-пространством в нас, о котором речь впереди, добрая моя Королева. Я голос имею чистый и отважно проницаю сквозь зарешеченные окна, где бы они ни находились на наших я, где бы они не исполняли свои обеты отчуждать нас от мира сего с помощью авторучек или любодейских принципов воли, от которых голова кругом идёт.

Вы понимаете, что освоение кундалини, принимаемое за процесс Боготворчества в нас самих, заставляет задействовать плазменные тела, изменяющие сознание под стать своим состояниям. Кундалини это не шутка Бога, это обретен-

ное пространство вещества сознания, порядок воли, не ограничивающий сознание, а размыкающий его для внесения позитивных сил здесь в Боге; но вот его Сила преображает наше я и мы устремляемся в поход за её проявлениями, всё более и более углубляясь в сознание собственного величия, может быть, мало сознавая а что же мы такое делаем-то и почему нас гнетёт это неразумное желание, доходящее порой до экстаза, заставить его действовать в наших я, благоразумие, как правило, не способно остановить эту силу расхищения воли Бога, силу, подверженную и подвергаемую оскудению в началах человеческого эго как раз во времени с помощью разрушительного взывания к ней без Бога в сердце, человеческий ум не способен назвать себя найденным в таких проявлениях здесь; он немощен и стёрт становится как постоянно сопутствующее начало я, постоянно движимое в нас нашими эго, кундалини становится владельцем сознания, и мы, ничуть не замечая разницы между небесными силами огня и телесным возбуждением плазменных (плавильных, по сути происходящего огня) знаков в нас, становимся подвержены его земному владению в пространстве огня смыслов жизни здесь; он оставляет свои знаки на челах.

Душа зреет как яблоко света в нас, то есть она плод нашего чувствующего здесь сознания, она стремится выполнить свою задачу для нас, насытить светом наше пространство, эго нашего я, нашей любви, под маской слов, Королева моя,

зачастую лежит сор невыраженных чувств, истрёпанных и нечистых, обманутых, обделённых формой без ответа, формой сознания, которая не приемлет ответ души как выражение любви Бога к малому сему полю. Точка зрения есть этот ответ в нас. Мы не уготованы, - мы предъявлены бываем в этом пространстве вездесущего Бога. Его присутствие олицетворяется волной света в наших полях. Пространство мы возмущено этим светом, отгородиться или заставить себя не слышать его невозможно. Я буду правильно понят вами, если опишу это состояние здесь в качествах вашего я, чьё поле мне достаточно хорошо обозримо.

В утробе матери мы лежим как малые свидания с Богом здесь, мы сами ведомы Его хозяйственной рукой, лучше нашего знающей, где и что для нас находится здесь. Я с вами за руку здороваюсь, опередите меня в рукопожатии. Моя луна, ваше солнце, а я зарю предрекаю.

Не определяемо это для меня, мой добрый Учитель, тут. Настоящий акцент сознания где-то бродит, а я борюсь с шепелявостью в душе. Мне важен ваш свет.

Внимайте. Я сознаю это небо лучше. Сегодня как раз подходящее время для нас. Слово как вихрь врывается в сознание, вынуждая подчиняться ракурс обзора действительности, наши глаза намылены, и взгляд, направленный в ре-

альность сознания, отдаётся тому богу я, который ищет его внимания на себе. Я против утилизации пространства в координатах времени как абсолютно ведомого, абсолютно подчинённого этой ведомости за собой, я настаиваю на продолжении процесса удаления абракадабры из вашего я. Вместе со мной идёт свет и он оседает на полках сознания какой-то нечистой пылью минут, сохраняя эти минуты в выражении вашего я всё-таки здесь. Уготованность и предъявленность разные вещи. Можно пять лет править одну и ту же страницу, всё время получая разный результат здесь, можно сдавать её в набор, переставляя запятые и каждый раз требуя нового наборщика, и эта память просто отберёт мысль, уготованную вам, и предъявит её в другом месте, на уровень выше, сознание выждет её и снова построит ту же страницу обретаемого вашим я эго, но только в более конкретной форме, в более отточенной - утонченной, я хотел сказать.

Я смею надеяться, то, что вы говорите, важно.

Здесь всякая секунда свысока смотрит и мою шляпу на вас прицеливает, проникнуть хочет.

Она вас по шляпе узнаёт разве?..

В целом да, по шляпе. Я настаиваю на продолжении разговора как разряд активного пространства, в котором кру-

жат осязаемые чувственные потоки, их дело кружить, Королева, не бойтесь этого кружения, мне самому, уподобленному в вас какой-то шахрезаде, приходилось неметь в окружении, собственно, немцев, извините за поддельный бросок во времени, то есть вы поймали мяч, отпущенный моей рукой, и он стал вашей игрушкой во времени в поисках маршрута пространственной мысли, я стал искать то, что подобно мне как аспект, может быть, как аспект…

…что хорошее небо, это важно сейчас – для нас обоих, есть часть окультуренной мысли сознания, я знаю, что вы ищете издателя, способного воспроизвести эти тексты, я думаю, вы найдёте его, или он – вас; это не имеет значения сейчас. Многое округляется, под наезженной мелодией не звучат голоса высоких птиц, они не слышны бывают, ну, думайте обо мне. Я настоял на проявлении определённых минут в небольшом отрывке, почему-то не попавшем в ваши списки слов, я головно много думал, остепеняя состояния, обращая их в переживаемые пространства здесь в плоскости ума-сознания, сообщая им свои чувственные поля, я думаю, становясь ими до какой-то степени иногда сам, отрезвляя их своими мыслями действиями, мыследействиями, чтобы они лучше служили памяти я, чтобы они сами становились этой памятью здесь как союзное нам пространство, а не вымышленное государство без применения вокруг нас. Флагманский корабль…

Путешествуя, я думаю о вас, вы не верите мне, и правильно - я думаю о вашем проективном сознании, в котором спрятаны для меня ваши я, сохраняющие качества любви во мне, я горожу всякий вздор, но при этом отчётливо чувствую ваше присутствие в казенных счетах моего символа воли здесь; я знаю, что наше правительство мысли, наше сознание и его производные, постоянно взаимодействуя, сохраняют наше эго в разуме, оставляя без внимания или, лучше – без употребления те мысли, от которых стоит отказаться, отказывать себе самим, в которых нет нашей любви как мерила сознательного действия здесь в нас же самих, нет настоящего времени этой любви в то время как она есть, и мы чувствуем её присутствие здесь в воле, в характере этой воли, отражающей наше я в пространство. Я чересчур громоздок в определении этого состояния мы, как построенное из пустых коробок объяснение духовного неба, здания этого неба, ясно и крепко устроенного и ничуть не колеблемого никакими паразитами воли, заставляющими вымысливать нас о себе Бог знает что, лишь бы задействовать в своих креативах сознания, будьте добры и я откроюсь вам с лучшей стороны, будьте прямодушны и не уставайте мыслить о Боге как о сознательном элементе души, а не бессознательном фокусе пространства мысли где-то там вообще находящемся, это чувство велико.

В моём образе нет противоречий; он весь состоит из вас, из ваших я, сложенных вместе, день за днём, неделя за неделей, я нахожу его замечательным, по-своему наделённым бесхитростными инвективами и немного ворчливым, этакий брюзга с мышеловкой в руке, почём дождь я пущу, не верьте мне, когда я сную, как граф Калиостро, по вашим мыслям с сундучком подмышкой, в котором сложены ваши имена, моя добрая Королева, я просто пересыпаю драгоценные яви в надежде вылить их в форму превосходного содержания. Я – положительно организованное пространство здесь, и я гоняюсь за фразой, за позицией воли в обеднённых полях своих горизонталей, если моя форма обедняет вас, ваше имя, ваше умение быть самой собой, облекаясь в форму иного пространства, иного сознания и таким образом познавая его, и как бы превосходно или нелепо оно ни было, всегда возвращаясь к себе, не забывая этого труда возвращения. Я вас люблю, когда вы искренни со мной, а когда вы не искренни… я буду думать об этом.

…из какого-то неоспоримого /необозримого/ материала здесь. Этот материал душа. Так как мы сами суть люди…

22 апреля

почему тебя называют мистическим? что значит – мистический?..

Я подражал пламени, а это мистический знак огня, поэтому горн - обретение мысли сознанием; не знаю, я не умел жить там иначе, они умели, а я нет. Я головно шёл, очень головно, я сильно проявлялся, понимаешь, сильно думал, сильно дразнил, только ты не сумела этого понять, а я был чувственным небом, я понимал каждое твоё слово в себе, каждое, я переливал из пустого в порожнее эти формы сознания, я не понимал, что я думал о тебе, обращаясь куда-то в небо, по крайней мере, я сам этого не знал, я так считал, что мы кометы, встретились и разминулись в пространстве космических огней, морских звёзд, минус я вчера, то есть минус то, что было вчера, минус моя проекция, минус кротовые норы сознания, я плюс, пойми, ещё вечер назад я хотел порадовать тебя своим я в очевидном порядке воли, а теперь мы должны быть вместе, потому что это работа, общение, оздравление во внутренних мирах, я всякое поле хочу видеть здравым, умственно здоровым, не перекошенным от количества нервных клеток в состоянии возбуждения от того, что им некуда перейти из количества в качество, я понял, что ты любишь меня и очень сильно любишь, я плыл по этой любви во все стороны сразу, как взвихрённый корабль науки, чего уж там, как плохое эго, но хороший иллюзионист я был, иллюзорен, да, пойман как вор на твоих страницах тут, на твоих мысленных полях, я не то говорю, это – не то, красный свет этим ненужным словам, пусть стоят, как мысли, куда они плыли, завтра лучше сегодня, во многом лучше,

тут луч бежит для нас обоих.

Ну, душа верно определила это состояние как право на покупку мыла, а зачем оно ей, если её тёркой мыли до бела… до красна, извини, динь-динь-динь!.. Послезавтра поговорим; я буду тут.

а потом мыши съели мой сыр, и я стал долго и упорно сетовать на его отсутствие во рту, как говорится, я диким лебедем летел, а стал домашним котом под присмотром и не верь мне, пожалуйста, я бесстыден был, а стал лизоблюд, да менее всего я хотел бежать из города моей удачи, какое философское право я положил в основу нашей любви, в чём тайна вымысла об этих днях - дикость и небрежение стали моим кредо, разве я не сумел… Всё, - посторонним вход воспрещён, я думаю от себя теперь, во мне поэзия строк глохла, да этих самых, без устали тарабанивших пусти, пусти, открой дверь, пусти нас, во мне заря полыхала, а я на ветер дышал принципом воли, как кадилом махал, то есть подразумевается радость очищения души. Ну фигуративная эта жила истлела во мне, как её подчинили, может быть, себе, своим я сделали, понарошку, конечно, я ведь не кошка, на самом деле, я поэтический воздух принёс, да, его сила, его вязь строк сюда шла…

…за этим состоянием глубина, сила ответа - сила явлен-

ного ответа в мысли, мысли как проекции этого ответа.

Я вчера почувствовала это состояния удаления, размыкания какого-то жалкого применения сильной воли, может быть, я чувствовала что я говорю что-то напрасно или зря, что я хочу, чтобы это было как-то иначе, как должно – светло и сильно, то есть внятно, не потребительски беспомощно. А я? получаю ли я свой ответ, да когда я не обдёргиваю на ниточки…

Давай думать вместе, натянутость эта, знаешь ведь чем обернулась, нахлебательством, ах, ангел мой, пой! я свежий ветер, очки протёр и увидел – вот ты, и вот ты, и вот это тоже ты, а я-то где тут, я во всём этом ты где? Ну уж ты не ври, я это ты называлось доселе это состояние, и уж, кажется, что я сила, а ты применение этой силы, что за странная идентификация идёт сейчас этих страниц? кем они написаны твоей рукой.

Я город построил - отсюда видно его. Встань, и увидишь. Встань, и воплотишь своё видение, всем сердцем воплотишь, а чем я тебе привет шлю, думаешь, тут?..

Стихи эти, они ведь жалкие мне показались, в чем-то я чувствую неправоту свою сейчас. Мне! мне отступить от тебя надо, потому что негоже те смыслы под ноги стелить, да

кому, кажется уж, их стелить-то, почему так получается, я не знаю, перед смыслом я идёт как пар - пар, не пар, а идёт, кто-то кричал, а я услышала, так получается, а чем я отвечу? если тот крик о любви не ко мне был, а голос как бы твой шёл - вот такая тут история выкладывается, чур меня, как говорится, ты, ангел мой, лети, я чувствовать буду тоньше, ведь экая сила тебя ведёт теперь, ты уж знай где примениться. Ты радостен должен быть, - светел, умён, сердце чувствительное имея и столько-то лет его от меня пряча, а зачем?.. Ну, стало быть, так Бог велел через серебряную нить нам тут обоим пройти, через простые узоры.

Я соразмерен хочу быть, постоянство неопределённости, я губу прикусил, думаю. Посторонним вход воспрещён! я забыл о степени осознания пространства, и дремотное это поле… да ты подумала обо мне-то, чем я там был для тебя, извини уж, конечно, постепенно сбрасываемое пространство мрака я был для тебя, без околичностей труба, трубный глас, ногу занёс, так на асфальт её поставил, как сказать, как выразить это участие, как себя правильно понять. Я на шлейф узду ту накину, от обилия ветра трава шуршит, шуршать будет, во мраке ночи бредень прошёл и хоть сколько-нибудь…

Настоящее время дышит - я ведь верю, что ты ищешь меня в этих полях, сомнения ангела твоего велики, что скажешь ему?.. оглянись на хлеб, он весь тут растёт.

Мы сами не понимаем, кто мы - пока не нальётся вода чувств, чувства, без меры она бывает, чем измеришь её!.. Толкиен прав, память наших я богаче [чем мы думаем], она применяется здесь по-другому, это так, и мы ведём себя сообразно её наполнению, нет, не так это, понимаешь, - мы не лепим строк, если мы не умеем это делать, я сейчас сяду близко перед тобой, а с чем, собственно, а вот с чем. Эти строчки хороши сами по себе, их ведь никто не умалял отсебятиной что почём, ну и иди с ними как есть, а я силу им дам, ясную здесь - что ещё им нужно? только это, чистейшей воды чистейшее питьё, мы трескотню в эфире принимаем за смысл жизни подчас, а она липнет ведь к ушам, да ещё как, жгуты воли пламя то отсекают, да перед кем - перед ангелами света здесь в нас самих. Сколько этих порывов было примчаться, прибыть, ничего, простой волей обошлось, никакой не волшебной, а так прямо, как об этом пишут в воспоминаниях, я был настолько чист душой, что любая воля была для меня эго, я не сохранял её значений в себе, для чего?.. Прихватив пару минут я помчался к ней на свидание, я летел как оголтелый, чтобы поскорее увидеть, услышать этот голос, осязать это пространство, и вот я дома с ней сижу в восьми углах своего счастья здесь. Я увидел её в отражениях твоего лица, в отражениях, столь напущенных, столь отрадных мне, моему я, я не знал, что сказать, я просто молча наблюдал за её вожделенными мной чертами, ну что скажешь

– не было этого разве между нами, было, ещё как было, как сияние эти дни шли чередой привета от тех лет, мне ум за разум пришлось завести, чтобы понять, откуда они взялись тут во мне-то самом, - чей шлейф я как панаму [воли] носил [к себе прижать умудрился], об этом ведь ни полстрочки сказано не было, объектное мы себя реализует в сознании как молчаливый эгрегор чьих-то мыслей, может быть, чьих-то потрясающе здравых, сохраненных в нас самих мыслях об этих днях, о тех, других, тоже. Чьи они? спроси меня чьи они, А. На сегодня хватит ум свой размазывать в воображаемых коллизиях света, от чьего тумана пылится голова и оседающая пыль становится грязно белого цвета. Я набрёл в этом тумане на право исполнять роль самого себя тут, а вот и не роль даже, а на самом деле им тут быть в решительных этих абзацах.

Для нас с тобой наступило другое время, в котором мы окажемся вместе, сегодня в настоящем времени я, без тени сомнения я говорю это сейчас, в нас какое-то пришлое пространство ушло, пришлое,. не наше то есть, которое само по себе есть месть за нашу любовь друг к другу, и если уж мы говорим о чувствах более высокого порядка, чем приятие или неприятие мыслей здесь, в которых мы живём как право на исполнение своей любви в своих размерах души, в своих чувственных полях, да, в них как право на откуп в дальнейшем от себялюбивых мы тут процесс времени я, прости,

как проекция этого времени в нас же самих, в котором мы кто? авторы почему-либо пропущенных строк в нашей памяти, или мы авторы других строк, возведённых в степень сознания я-здесь искомое пространство этой любви, во мне же происходящей здесь, сию минуту, сейчас.

Мне нравится, что мне нравится в нас с тобой это состояние, я грезил объектами световых волн, они становились твоими прямыми пространствами, твоими я на какое-то время, твоими построениями памяти ради создания единого целого мира здесь в сознании твоей яви, в сознании космоса твоей яви. Этот вихрь не объясним иначе, - так строятся миры. Незнание это отсутствие цельности состояния здесь, а как иначе достичь его как не пройдя сквозь отчуждение своих я во внутренних мирах, постигая цельность как соединение с ними, воплощённое в качестве слова здесь в нас самих. Я интуитивно сжимаю пространство до своих представлений о нём, очевидных таких представлений, во мне нет иного мира, чем этот сон, прости, но вот я начинаю просыпаться и, открыв глаза, начинаю ощущать присутствие иного пространства, оно пролагает пути в мой умозрительный мир, становясь частью его, частью моих минут здесь, частью моего эго-я, созерцающего мир здесь, и я переживаю это как своё состояние с ним в образах моего пространства, которыми я владею как своей мыслью здесь. Я думаю о себе как о приёмнике мысли пространственных образований, как об отчуж-

дённом от воли авторе, прости мне мою мнительность, я переживал деструкцию памяти как образ молчания в своём я, я хотел быть наравне с его мощным эпитетом зари здесь как уравновешивающего пространственный холод объёма памяти, в котором лежат мыслеобразы в покое, в состоянии покоя и не стремятся захватить весь объём памяти, окрашивая его в те или иные представления о мире здесь. Сознание выполняет функцию ветра, оно несёт эти образы в себе, не влияя на ход жизненных событий, если оно отождествлено или тождественно полю проявленных имён (пять) в наших я, или, например, градусу сознания, горизонту ниже уровня проявления, мы пламя любви смогли увидеть в своих я - вот что я думаю об этом.

23 апрель

Думающее пространство воздух, доверься ему в тишине молитвы. Я знаю, - знаю, что лучшее в нас самих идёт, я знаю лучшее в нас самих, я знаю как мы становимся чище в наших я, когда помогаем друг другу, когда мы думаем, что наш вопрос есть ответ; когда мы жалобой истощаем мир и он становится от этого уже в размерах строки, мы становимся уже сами в своих умозрительных я, мы понимаем себя как другого - как другое пространство мысли, в котором мы жалобщики на неправильно понятое это состояние сейчас в нас.

Прости. Я остановился в своих мыслях и стал красить гу-

бы вместо любви, потому что не имел мысли, а слова шли как память о нас, да в них толк есть, обмирщённый, может быть, заметь во мне перемену; я знаю, что она есть, да, какое-то пространство обмолчалось во мне - я столько лет стыдился своего я, я бегу за тобой по кочкам своего болота, так и знай об этом; я сам бегу, без потока обретаемых в этом беге проекций, я потому так долго сурово здравствовал в твоей памяти, что ничего не хотел знать о тебе самой здесь, я просто думал ты есть и мне этого было достаточно для того, чтобы воображать твоё состояние со мной; в тебе оно отзывалось настроениями, уподобленным тут я.

Хищничество это, ты распаковываешь его минута за минутой, не зная что и думать. Химически активное состояние с пространством я твоего эго, а проявленное поле тотчас марширует по узлам связи твоего я и становится настоящим временем здесь, возле твоих рук. В нём кроме температуры тела много есть ещё разного, обретаемого сознанием, и нетрудолюбие, и недоверие к себе, и беспорядочное искание аббревиатурного ряда, да ведь это право на искушение; оно. И оно приводит этот порядок воли в действие, где? в конкретных областях сознания, о которых я немощен думать, понимая, что они вне моей власти. Институт сознания молчит покуда летят эти корпускулы света, он обретает их в тишине неба; битва ангелов продолжается во сне, они сминают пространственные жилы, искусно образуя из них пёстрые

ленты памяти я, которые будут проявлять после недосказанное, не доминантное, не доминирующее в этой неразберихе. Пусть они делают это ради нашего блага для нас.

23 апреля 1

Против воли ястреба есть воля другой птицы, более похожей на человеческое общение, что значат эти слова думаешь ты, глядя на восток со своего запада, постой, не тревожь память, пусть она будет нам верна.

24 апреля

Давайте стараться быть вместе, - я предвосхищаю обратный порядок воли. Какой. Нагромождение файлов обретает цельность постройки, лучше – цельность воплощения в объёме памяти. Я дую на воду, Королева, простите, что я заставил вас так долго ждать прибытия поезда на вашу станцию в сорокаградусный мороз. Восхитительное небо, сияющие звёзды. Вы деликатно молчите, не отзываясь на мои призывы-приветы-вести. Мне дужно дать вам ответ о параметре воли вашего я в настоящем времени, в котором…

Что такое любовь?

Это выражение святости мира в нас самих.

25 апреля

Я холодно атаковал этот день в своей душе, во многом надуманный, впрочем, я сам непреложное сообщение, во мне много эго, оно такое большое, что я…

В каких-то отдушинах мучительных адресов много мусора накопилось, я дую на ветер. Во мне море звуков. Я счастлив, что ты любишь меня, да почём соль, я насыплю. Во мне бесконечное число гроз, разрядов таких мгновенных, которыми изобилуют поля, а ты думаешь, что я ленюсь…

Зачем это говорится?

… я купаюсь в них…

Во всём польза есть, Королева, - даже в этих, традиционно обновляющих, обновляемых словах вашего я о себе, я господин твоего утра здесь, я государь твоего утра, я славлю день, в котором мы встретились, вот он, весь тут в моём эго, которое я кручу на пальце как разнимающее нас с тобой кольцо, оно ударилось об пол, и зазвенело, прыг-пры-прыг, моё колечко, вот оно закатилось уже под диван и будет там лежать до завтрашнего утра, чтобы я нашёл его как будто случайно и вынес как вчерашний сор минут, за которым я устремлял свои каждодневные труды, которыми я любовался, если не сказать больше - любил их облики в себе самом здесь, как интерпретируемое мной пространство мысли. Я бежал в них

памятью своего я, вот это я делал, и они наполнялись мной, но только они не были твоими здесь; они были всё-таки моими минутами любви и отчаяния. Я относил их в тончайшие нити соединения наших я в образах мы и это делало твою память наполненной мной мной самим. Я говорю так, потому что…

25 апреля 2а

2а.

я вас очень люблю, мой добрый Учитель, - я хочу, чтобы вы здравствовали и берегли свою память от захламления, а я уверена, что вы умеете это делать, что вы знаете как осознать время, место и причину, по которой я стремлюсь обратить ваше внимание на себя, на своё я-сейчас, в нём много несуразиц и я смею просить вас помочь мне соотнести их с собой, если вы согласитесь вести беседу на эту тему; мне многое неясно сейчас и я, обладая протечной памятью, не берусь судить сама о себе. Это странно звучит, Мой Добрый Учитель, странно, по меньшей мере. Эта протечная память, например, - откуда бы ей взяться во мне?.. что веретено укололо мой палец и я обрела возможность видеть и слышать, но без движения во внешних мирах - по чьей худой воле это произошло и неужели мой чёлн так легко уязвим оказался, коль скоро эта воля верх взяла?.. или берёт.

Я никому не подражаю; я просто автоматически выпол-

няю, технически заимствую квадрат ума из чьего-то окна, и как это странно, о, мой Бог, как будто я против себя самоё иду. Я высказываю это сейчас, но вот я хочу знать, слышит ли меня мой добрый Учитель.

Я да, Королева. Время подошло вырваться из нужды, а с кем она пришла и отчего здесь пол кружится, кто предел желаний подвёл под вашу черту, и почём нынче соль имён.

Манипулятивное вы есть вымысел; такого вы нет, есть объект, отчуждаемый от пространства воли Божьего лика, и он становится не виден и не слышен, и не надо говорить, что мнимое суть неправда. За подлогом всегда бежит чья-то воля, кто бисер перед свиньями метал, тот пусть и соберёт его теперь.

Да вышний ангел в полёте виден, да не оскудеет память Королевы.

Христос с вами! не давайте рукам волю быть в подчинении не своему я, то есть мельчить пространство на требуемые доказательства собственного существования. Тут. В нём вы живёте, а не ваше отражение. И это вам следует знать совершенно определённо.

Битва за Москву, этот феномен памяти я нам нужен с

вами сейчас, чтобы понять происхождение определённого строя мыслей. Вы вышли из квартиры напротив, чтобы попасть домой наконец, я думаю, я мешаю вам обеднять свой ум, поймите, это важно понять. Я миром иду из окружения в собственном сознании я.

27 апреля

я очень, очень рада, что нам удалось хоть как-то поговорить, хоть что-то сказать друг другу в этих малых строчках письма, о которых я ещё ничего не знаю, но надеюсь в скором времени ощутить их непреходящий смысл, в моём эго интерпретируется сознание, сознательное состояние я с вами, и я, отчётливо воспринимая действительное положение вещей, скрою от вас его; вам не нужно знать обо мне, я думаю, здесь во вчерашнем дне, он открыт был для вас как сегодняшнее моё я, и в нас продолжает вариться суп, простите, из тех самых груш, которые я в глаза не видела, а только предположительно догадывалась, что таковой суп был сварен, я продолжаю видеть остатки снов, и сновиденческие эти мотивы, захватывая моё воображение, делают меня вялой спутницей вашего я-здесь, в котором я сама кажусь малой долей, интерпретируемое мной пространство говорит мне об этом! мой друг, здесь, я надеюсь узнать об истинном положении вещей от вас, ибо действительное, как я уже сказала, мне известно и оно здесь происходит, в моём я, во мне много скопилось неоправданных ожиданий, о коих я также умолчу, ибо они

в малом смысле вам… вас не должны беспокоить сегодня, не имея продолжения в вашем я настоящего времени любви; в моём адресе (эго центре) имеют хождение эти письма, да воспрянет Бог в моей душе здесь. Будьте любимы.

27 апреля 2

2.

Да делать нечего, Королева, - надо признаваться уж. Настройтесь на правильное положение и воздух очистится от приблудных овец, коими ваш ум запружен, их надо потихонечку наладить домой, - домой идите, ступайте себе с миром, нечем тут поживиться, где там ваш дом, туда и бегите сейчас. Ну вот, ушли, кажется. Я самое подходящее время нашёл, чтобы объяснить вам причину задетости запредельного образа в вашем я. Суть обнажения пространства. Вор был пойман с поличным - можно так сказать. Вор в институте сознания (смешно звучит). В головном мозгу каждого человека есть устройство (для памяти – чека) отвечающее за приём мыслей на расстоянии, это устройство постоянно-действующее в нас, что бы ни происходило оно отдаёт сигнал пространству я здесь. Во многом оно хорошо ориентировано по сторонам света и нам не кажется странным, когда мы отчетливо слышим чью-то луну (отраженное небо), чей луч, растворяя расстояния, падает в наш ум, вернее, заставляет его думать о посторонних вещах. Басурманские племена захватили наше отечество, но от взгляда Королевы небо

очистилось и стало светло, да; так было. И эта воля, очищающая небо и возводящая ум наш на высоту есть свет здесь. Но вот ум наш закабаляется, мы ищем причину и осознаём её только тогда, когда видим перед собой, ум передаёт чувствам увиденное им и они, согласно уму, заставляют молчать сердце в ответ на потоки искажающих ауру сознания мыслей. Чувства охраняют сердце от пробуждения там, где для него нет заботы, нет пространства деятельности для любви. Предоставьте мне это трудное поле. Об абсурде монументализма в состояниях эго или об обращении себя в некую монументальную фигуру собственного я-здесь говорить не приходится, она малоподвижна будет и застынет на первом же повороте судьбы, или станет плоскостным изображением картонного неба, простите, я сокрушаю подобные фигуры просто движением ветра в душе, то есть подходящей мыслью под стать самому себе, мол нет ли чего попроще, чем грандиозный замысел пространства обо мне, или… словом, этак можно точку опоры потерять, если всё время смотреть в небо, а на земле обрастать мхом.

28 апреля

Учитель моих таинственных сил захотел выразить этот объект каким-то туманным образом; вообще я назывался этот образ. Он плыл в тумане как корабль, без особых примет, но при этом давал сильную волну. Она шла от себя, отражаясь таинственным образом в пучину, повсеместно ис-

следуемую здесь конкретными образами любви, давая обзор каких-то пространств, каких-то далей.

Всё, хватит шутить с этим я, - вдруг сказал он, и с шумом опрокинул верх, он стал низом, и все, кто видели это, очень изумлялись чудесному преобразованию пучины в цветущий яблоневый сад.

Знаете, я подумал, - сказал после об этом мой Учитель, - что вы очень высоко смотрите, там неба нет. Там, видите, есть другое начало, более высокоразумное.

Я вижу синюю луну.

А в чём вы её видите?

В ваших глазах! – отвечала я беззастенчиво, потому что угловой момент силы был что называется на изгибе во мне.

Я думала, он отмахнётся от моих слов.

Во многом вы правы, Королева моя, во многом наша воля преображается с помощью адептов пространства судьбы. Если хотите знать – я ваш адепт, - сказал он, и заключил меня в объятья своего имени здесь.

В контурах моего я побежали струи волшебных сил.

Да, - перестаньте играть этими словами. Я подумаю сам, слово бредень, что зацепит, то и поднимет, момент силы очень важен нам обоим и покуда мы… Нам нужен сук, который пилить! – вдруг сказал он и опрокинул волю другого пространства, там сделалось светло как днём и тьма разверзлась, отдав дню разнообразие причин, по которым она существовала в том поле я. А что там будет теперь? – спросила я своего Учителя, он не хотел отвечать и мялся, отдувая от себя силу из того неба, которое лежало теперь в песках.

Вы думаете, я с размером строки пришёл?.. нет, я пришёл с другим опытом пространственной любви здесь. Видите этот деликатный размер души? Нет! простите, вы его видите, или так просто, как коньки по льду, скользите здесь, во всех адресах пламень тот идёт как путь, смелее, Королева, я же за вами стою.

Что там? - спросила я, - я не вижу…

Там настоящее время открылось. Зря не бывает, Королева. Безтелесое мы как планка небес стояла, ну да простите, что я раскричался на вас, это бывает, когда вас от позора отвести надо, отчасти я прав был, перспективой ум заполонило, ну, видите теперь?

Я обратила внимание на ту сторону души, в которой происходил этот день, там кишмя кишели какие-то ползающие создания, сознания, самые вычурные фигуры складывались в отростках их умов и нестерпимо жужжали, ужасая своим поведением тех, кто видел и слышал этот день в качествах себе подобных эго.

Невероятно фальшивый образ, - сказала я сама себе, - я не умею это видеть, - обернулась я к Учителю.

Он стоял на приступочке и смотрел в туман, озарённый свечением из его рук, там клубились остатки сил бушующей тьмы вчерашнего дня.

Богу угодно было это сделать, - остановил Учитель мой порыв бежать от этого зрелища, - а только не надо думать, – продолжил он, - что напасть могут молекулы, нет этого нападения, есть другое, - и он опять схимнически замолчал, - обстоятельство, может быть. Свечение это сюда идёт; отвернитесь сейчас (я положила голову ему на плечо) я вам пять минут дам, ну на рассуждение, от этого зрелища всё равно не уйти как оно до нас обоих касается здесь.

Свечение неба перекрыло все мысленные границы звука, - сейчас начнётся, - сказал Учитель молча, что-то память моя

укрыла в себе такое, что-то она ищет там сейчас в глубине той мысли о каплях ли мёда, о суждениях, зря вымышленных вслух, образ ли тот ищет в себе; обмануть её нельзя никак, - она всё сделает правильно, я знаю себя тут, ощущения её велики, а о чём забота она не говорит, как бы в закрытую всё делает, сама. Ступени символов, которыми она идёт, хорошо видны издалека бывают, а вблизи…

Давайте поговорим об этом после, что вы думаете сейчас, не имеет значения, это от меня вам кажется как я рядом с вами нахожусь.

Что значит после? – спросила я его.

Контур неба стал издавать звук, шедший издалека.

Ну, наконец-то! – сказал мой Учитель, и выпрямившись во весь рост, встал посреди поля. Он зычным голосом приказал небесам лечь на землю, отчего произошло некоторое количество дождя поначалу, а потом покатились колёса истории.

28 апреля 1

…душевно близорука - такое качество претерпевания фигуры /света /становится видно только вблизи, при наличии стекла. Восхищение собственным эго делает это качество

присущим свойством душевного обобщения до себя. Свойство душевной близорукости возникает со временем из-за больного воображения, склонного приставлять к носу (т.е. к рассмотрению) свои собственные я, не учреждённые составом лет, а психически аномально ответвлённые; такие явления получают название миграция личности, подобие этому есть проекция памяти в ту или иную область сознания, скрупулёзно подвергаемую рассмотрению во внутренних мирах.

душевная зоркость есть свойство высоких натур, но и они могут находится под влиянием объективного транса вследствие…

28 апреля 2

Душевное состояние есть память о близком вам человеке, какое-то креативное, может быть, соотнесение с кем-либо. Стоящее это небо?.. как вы думаете, стоит оно душевных затрат энергии мысли, энергии сознания на создание мысли?.. или оно закрыто от вас самой здесь в качествах, оговорённых выше, это небо души моего я?.. только не травмируйте меня ответом не знаю, уж очень он глубоко захватывает мою сущность, глубинную память, и вообще, так сказать, захватывает и не отпускает, по сути, никуда. Я меркантильно исколесил пол-Москвы, чтобы получить зоркость души, то есть чтобы отвлечь себя от дел в глубинных этюдах памяти, о которых я, впрочем, умолчу здесь. Душевная чуткость, прозорливость

не обмен веществ с пространством памяти, а состояние эго в открытом воздухе я в молчании, в глубинном молчании. Глухая стена вашего объекта воли давно обрушена, дамское сердце вот ведь что это такое, оно холодно и не приручено, знай себе кружит в вальсе. Обстоятельства понуждают, дихотомия замучила, уж извините, право искательства претензий за мной. Душевная мудрость объединяет людей, память объединяет, алкоголь расширяет сознание, а затем сминает его в тряпичную куклу, от которой… не надо об этом думать, я не искал смысла в алкоголе, я просто хотел объединения, да, настоящее время бездействует в состоянии опьянения, душевная мудрость тоже, я думаю. Могу ли я получить ответ на свой вопрос или мне ещё подождать.

Ваше небо состоит из ряда причинно-следственных связей, в которых… мне кажется, вы что-то другое хотите узнать, извините.

А вот так если я спрошу об этом же – кем вы себя мыслите в моём небе? Ответ: никем.

Да… но ведь это не так, погодите, это совсем не так.

Таков ответ.

Значит, этот адрес неверен, здесь какое-то умопоползно-

вение, не понимаю. Вы кем себя сами-то считаете?

А вы?

Настройтесь, я прошу вас.

Хорошо.

Нам надо постараться выяснить общее, какое-то общее, может быть, имение общее. Могу ли я, Королева, задать ещё вопрос, душевная близость, разумеется, позволяет это сделать надо думать, мнящееся вам, может быть, чувствительное поле, холодное сердце которого не отзывалось на вашу любовь в настоящем времени я, в настоящей минуте, и вы не могли достучаться до него своими чувствами здесь… сложно понять о чём я хочу спросить.

Да уж, прямо так не скажешь, надо как-то околичностно… да вот, пожалуй что это. Постепенно, шаг за шагом, мы начинаем понимать, что кажущееся нам пространство не всегда было именно таковым, или тем, что мы знаем о нём в себе; оно было каким-то другим, как бы более совершенным, более правильным, может быть, а теперь, здесь, оно становится менее правильным, менее уподобленным нам самим как будто, то есть оно показывает нам себя с другой стороны.

30 апреля

Ну вот поймите как-то моё положение в вашем доме, я строю ограниченное пространство судьбы в определяющих его инвективах, в которых мой ум заблокирован, закодирован, если хотите, на приятие норм неизвестного мне эго, неизвестно откуда взявшегося во мне, неизвестно почему и неизвестно зачем тут. Я раздуваю щеки и прячусь в кустах при этом, а что значит - значат мои короткие перебежки от сих до сих, от поля до поля, я устал жаться в кулуарах этих воль и не хочу сидеть тихо и слушать вздор, занимающий мои уши, как чем, - как свинья корыто, из которого она ест, извините. Вот и будьте внимательны теперь, Королева, потому что через ступор воли надо сознательно идти, а не босиком бежать по горячим-то углям совести, как раз под ноги наваленной, да вся в мешках она лежит, ну извините тут. Я после договорю, нам надо волшебную флейту послушать с вами - ведь она поёт правильно.

Я адрес тот забыл, представь; мне в нём делать нечего, объективно нечего, а не потому что я ленив или трушу, или там, ну, не знаю что, что-то. Беспокойное сердце это я, я сам это сердце, которое беспокоится о многом, мне ведь видно, что надо делать, а я губы кусаю, мол куда, что я стою я сам не знаю, потому что очень мал сделался, невелик, прямо губная гармошка по размеру души годится мне самому, отчётлив звук, я знаю, мне из него силу черпать надо.

Я не пойму, мой добрый Учитель, что мне делать в этой ситуации, я как есть говорю сейчас, и я очень хочу понять это. Я вижу сон, который мне хочется стряхнуть с себя, это картина мира чья? да и чья бы она ни была, знаете ли, что-то кружит тут, в строчках моего я…

Давайте вот что…

…и всё время какая-то претензия идёт ко мне, лишённая смыслового фокуса - для меня лишённая, что я понять должна, что, объясните мне. Что-то облепило и вяжется, вы кто такой.

Я бездарь, который решил, что он свет в окне.

Будьте любимы, - это всё, что вам надо. Я желаю вам. Найдите себе женщину по мысли и уговорите её любить вас. Руки со стола уберите, да, вот так, и не трогайте здесь ничего, не прикасайтесь. Всё. Идите.

Мысленное это всё, понимаете.

Извольте выслушать. Вот так свет прячется от тех безумцев воли, от чьего имени… Я начинаю понимать как память берёт своё, уводя отсюда всякую мерзость, да что, в самом деле, я-то делаю, притупляя ум об эти каламбуры, где я тут

посредничаю, в чём мои звуки одеты, одиозно так застёгнутые (или застигнутые?) на все я во мне. Различны эти небеса бывают, - от себя не откажешься.

Вы не должны делать ничего дурного ни себе, ни людям, которые рядом с вами.

Я думаю об этом нашем с вами я весь день, оно ведь ищет кого-то или что-то ему нужно особенное, что-то крохотное, может быть, что-то небольшое, какое-то объективно ценное и Богу угодное. Я пробивался к вам сквозь дамские сердца, сквозь полуразрушенные трюизмы мысленного неба, сквозь чемоданы книг, самиздаты, психически аномальные явления, сквозь партитуры согласованных мнений, и несогласованных тоже, я бессмысленно угождал каким-то леди, я хотел быть им полезен, поймите, я хотел, чтобы они знали нужду во мне самом, в моём эго, в моих языковых аббревиатурах, в моих кустарных, может быть, изделиях, в моих позитивных смыслах, я словно из немоты выскочил сейчас, из своего подвала совести вдруг, в котором я жил без принципа воли и ничего не хотел знать кроме себя самого, да, кроме своего мирского, обмирщённого самомнения. Я иначе могу сказать это, я благодушествовал перед незнакомыми мне людьми, я им ноги мыл, чтобы они меня любили за это, наверное, а они меня презирали за то, что я делал для них, за то, что я тушил свет в ванной, или нет, не за это, за то что

я им говорил то, что они и так знали, просто думали об этом меньше, чем я, я думал за них, понимаете, и это стало моей высоколобой идеей сознания, прелесть обмирщения стала выхолащивать мой ум, моё сердце становилось глухим, более агрессивная молодёжь захватывала мои пространства, легко, удобно декларируя свои имена как заслуживающие внимания субстраты переживаемых ими пространств, а почему, собственно, они таковы, я внезапно обмелел вместе с ними, становясь кружкой для подаяния в их высокочтимых объективных позициях, ах, сумбур это всё, я счёл возможным обнажить, обнаружить правильно понятое вами я, в котором нет ничего злого, зловонного, ничего искусственно задуманного, просто оно движется в пространстве в какой-то мути снов, обложенное со всех сторон, да чем только не обложенное своими эманациями. Благоуханное это небо…

МАЙ. Мой май.

3 мая

Что ж, - ведомое пространство существует, оно составляет часть души, в которой мы живём, и хотим мы или не хотим, оно делает своё дело, противопоставляя нас конкретному мы, которое хочет сразиться с нами в этом поле, чем. Состояниями, да-с, здесь.

Я вас очень люблю, Учитель, и вы меня любите тоже; мне кажется, между нами какая-то размолвка происходит сейчас.

Я образ мы затушёвываю сейчас, к которому я привык, простите, обращаться в себе как к чему-то нереальному, не совсем реальному, точнее.

Вы что-то уж очень грустны.

Да, - повод очевиден, не во мне одном он, я думаю. Я освещаю пространство неба, в котором есть звёзды, в котором мы оба имеем свои координаты, в котором строятся эти строки сейчас, я жду весны. Во мне сколько-то времени произошло, наполненного этой весной, во мне целая жизнь произошла, я думаю, исполненная этой весной, и труды эти идут сейчас как раз во мне. То есть к вам они идут от меня, и я сам делаю это поистине молчаливое пространство хоть чем-то наполненным, какими-то я тут. Во мне движется пассионарное небо, к которому я прикрепил ваши руки, и вот я чувствую как вы отдаляетесь от меня, не имея заботы в себе об этом небе. Ах, да что я хочу сказать. Органы слуха настроены на частоту, определяющую наше небо сейчас, и в нём кружат птицы памяти, осмейте меня, Королева, я буду рад осмеянию, я буду рад любому порицанию, лишь бы оно исходило от вас. Мне дорого дались эти дни в нашем я, да, они долги, долгота их тягуча, застывшая масса слов сохраняет инерцию движения во мне и я становлюсь тяжеловат, я грузен, Королева моя, как сомнительное пространство вашей люб-

ви к А.; да, к А. В нас произошёл сбой памяти, сохранились какие-то черты лица, какие-то суровые нити состояний, какие-то прежде любимые до возбраняемости стержневые вопросы, а теперь они стали кучей мусора, которые мы забыли как звать, кажется, просто потому, что они…

Вы хитрите, мой добрый Учитель, почему-то мне пришло на ум, что вы хитрите. Я всё время думаю об этом, как наше с вами небо отозвалось на мои вопросы, а оно не отозвалось, между тем, вы уводили меня всё дальше от этой любви моего я, говоря мне при этом да вот же она, вот, а теперь она стала прошлым в ваших устах, разве не так?

Нет; не так. Она стала частью вашего эго здесь, размывшись в сознании и положив в основу всё-таки другое небо, чем то, которое было прежде вашим…

а зачем! зачем, и что значит другое, разве это не то же самое небо, которое для меня было моим всегда, ведь А. отразился в нём всё-таки, в моём исконном небе здесь, в моём эго-центре, и я носила его образ в моём сердце, и оно трепетало от мысли и чувства к нему.

Всё так, всё так, добрая моя Королева, конечно, это небо ваше, но нет более осязаемого пространства мы в нём, потому что оно растворилось в качествах вашего я и стало не

более чем единицей сознания для вас в настоящем времени.

Вот как.

Но только, Королева, вы не должны полагать меня отринутым пространством вашего я; я всегда здесь и, мне кажется, нам есть о чём поговорить с вами. Такая сила света, в которой мы жили несколько лет, не могла не сказаться на вашем эго. Я подложил память в ваше я, то есть я провёл дорогу, да, можно сказать дорогу, на ту сторону, о которой вы ничего не знали в себе; вы не знали о существовании другой стороны, столь же активной и интегрируемой в ваше я здесь с помощью фигуративного мышления, которое выражает себя через символы сознания, и вот они-то и остановили ваше небо, удерживая его от настоящего времени мы в состоянии инертности, в состоянии отрешённости, вы обретали порог сознания, который становился всё дальше и всё уже путь, по которому мы шли в необозримом по сути пространстве я здесь единица времени и мной измеряется что-то, тот путь, может быть часть пути, так вернее. Может быть, мы с вами однозначны сейчас, говоря об этом состоянии я-путь этого пространства сюда, чересчур однозначны, чтобы понять как крестообразное сознание сохраняет в нас память образов минут, олицетворяя их в тех или иных пассивных фигурах нашего я-здесь.

Ну, да.

Во мне всякая воля бастует сейчас, всякое небо – жжёт. Всекратное оно какие-то стало во мне, всему равно.

Ах, не надо так говорить, неправда это.

Я тружусь. Изо дня в день я тружусь. И это хорошо. Зачем ты себя умаляешь? Разве ты не делаешь то же самое под разверстым этим небом? Я знаю, что да, делаешь, что ты осмысленно видишь это небо. Я просто хотел доказать тебе свою значимость для нас обоих и потому стал мысленно уходить от тебя, я хотел, чтобы ты догоняла меня в себе. Понимаешь, так не делается, это не становится небом в нас, мы стоим на распутье какого(-то) угла зрения, точки такой пространственной, в которой молчат аббревиатуры, и смотрим – куда бы ещё пойти, а это неправильно! Мы не можем ждать, пока (ну, погоди, - я же прав!) тут новое поле нарастёт, мы должны вместе быть. Я знаю, что ты хочешь мне сказать, знаю, что я способен выразить только то, что ты и без меня чувствуешь сама, но это ведь не так, я горько сожалею о своих впечатлениях за это время, я постиг только то, что...

Понимаешь, нужны более сложные ракурсы во всём, тем более в чувственном небе, и более осязаемые здесь. Я подумаю, ладно?

Я подумаю тоже.

5 мая

Пространство умолчало об объекте воли в вашем я; вы поняли это как результат стирания памяти об объекте, и в нём происходит то же самое и с тем же успехом. Он строит свои аббревиатуры в зависимости от вашего я, и мне приходится отклонять проективные воли, чтобы они не забаррикадировали обзор пространства тут. В нас есть это пространство и оно подвержено увеличению в памяти мы как настоящее время сигнала к старту судьбы; я думаю, Королева, что плоскость экрана, через который льётся свет в ваши пространства…

Мне не с чем сравнить вас, Учитель, и это отсутствие сравнения во мне, наверное, не совсем справедливо, хотя оно правильно, по сути; я чувствую, что оно правильно.

Природа действительности такова - мы с вами вместе, и я, как водится это, бываю беспримерен здесь. Но вот какое-то пространство отказывается понимать это, и ищет себе замену в образе, простите, Королева, я стал диковат и чураюсь, знаете ли, богемной жизни, да, во всём, да и пользы от неё маловато - актив расходуется на пустяки, а мы всё жмём руки. Я, Господи, виноват перед тобой, прости мне эту вину,

сними её с меня, прошу тебя, я хотел счастье прислать в твой дом, а прислал морок, и не ты обо мне… Я, Господи, вид имею тут, правда.

6 мая 1

1.

Я думаю тоже об этом, я думаю как сохранить то, что у нас есть с тобой, - уже есть, неопределённость масштаба времени смущает, ведь мы невольно пересекли его границу. Мы к кому-то обращаемся в себе и это становится интересом пространства нашего я. Я бесчислен в звёздах, и я же грамотен как конвейер слов, конвейер снов, конвейер, в общем, одного целого пространства здесь; в нём была брешь, которая уводила в сторону и сквозь которую мы шли вместе, сквозь эту брешь, да, сквозь проломанное, может быть, пространство яви, в котором однако мы видели друг друга находящимися в реальном пространстве я, в реальном времени соотношения его сиюминутных сил. Мы жадно искали друг друга в этом мире строк о судьбе, о любви, ну, вообще строк. Я искал тебя в одном волшебном сне, так называется наш дом, красота строк и прелесть созерцания. Я просто говорю с тобой сейчас - просто говорю, однозначно говорю. Я хотел жить с тобой в разных ипостасях, в нас много лиц, разных лиц нашего я, и я есть лицо ты для тебя, то самое лицо, в котором ты видишь себя как отражение в зеркале, как отражённое в зеркале имя, я это ты, только наоборот, как время

действия ты здесь, я там, в других ипостасях твоего образа мыслей обо мне, твоего состояния ума со мной самим, и это нам предстоит понять обоим, как некое не нарушаемое союзничество мысли и сердца в нас самих.

7 мая

Зеленоградская

Я думаю, Королева, нам пора взяться за ум /и перестать его водить за нос/, мне да красноты щёк хочется повидать вас, и что же, а то, что я совершенно уверен… ну, вот слушайте дальше, какая сила тщится, а какая даёт волю, кем, как нарочно, придумана эта синонимия в адресах я-здесь и, кажется уж, всякое терпение готово сойти на нет, чтобы, поразмыслив, сказать себе а зачем я тут? не надо мне тут быть, нечего здесь больше делать и, повернувшись спиной, уйти в свои пространственные взвеси, за которыми… чур меня! сказали вы на это и правильно сделали, Королева моя, правильно - потому что не бумага терпит. Но вот слон, которого мы с вами научили летать, уже в полёте и какая-то сила держит ведь его на весу в пространстве мы, и он порхает туда-сюда, без радости правда, оттого что сесть ему некуда, оказывается, непричастен он по своим габаритам к мест… к условиям местности, места для сидения, для посадки, может быть (пусть вас не смущает моё критичное поименование адовой этой муки слоном, и не бойтесь вы записывать далее эти строки. Здесь ведь тяжба идёт, об этом после поду-

маем, вместе уже), так вот он, этот слон, уже сел несмотря на всю свою массивность, да, как вам сказать об этом, он сидит и в ус не дует так как он безус, может быть, а вы порываетесь встать и идти с этим слоном, гм, ну не на шее, конечно, он сидит, нет, на объекте вашей воли в себе самоё и им, этим объектом, помавает, таков этот слон получился у нас с вами, нехорош он, Королева моя; нет, нехорош и надо бы его с места согнать. Да, но… - привстали было вы со своего места и задумались, но ведь какая-то сила прилепила его к вам, а какая и как с ней быть. Обрамляя эти строки признанием важности смыслового наития, может быть – наития, мне хочется сказать вам следующее, я презираю делателей программ мы и отдаю себе отчёт в этом презрении своего я к ним, к тем людям, в которых мы означает я прежде всего, я это мы, вот так вот, а ты, собснно, тоже я, такая небольшая часть меня, очень важная для меня покуда ты моя функция, а неважно какая функция, ну, и ты, собсно, можешь зеленеть или покрываться пятнами, это ты как хочешь, тут я тебе ничем, так сказать, помочь не смогу, а так как я это ты и раз уж так получилось, что это так, давай-ка ты будешь сам по себе страдать, а я в это время обойдусь тут без них, страданий, но так не бывает, добрая моя Королева, хотим мы или нет, всё происходит единовременно, и вот уже вы сами это понимаете, я думаю так, как оно есть на самом деле, а что есть на самом деле, я вам расскажу. Определённое количество строк придётся отдать под этот рассказ. На самом деле минусовые по-

ля предельной скоростью сращения запрудили, затруднили объём памяти, как в сказке - он пришёлся ей по сердцу, да, по сердцу. Так вот настоящее время терпит убытки, и немалые, Королева моя, из-за этого по сердцу, в котором, видит Бог, не было иной любви, награждённой таким большим именем я как наша с вами история, и простите, если я неуместно рассмеюсь - вы же и впрямь думали, что ангел ваш голову вашу кружит ради престижности, ради какого-то блефа о себе, я вам не помогал прежде понять - понимать это, я соглашался, потому что отчётливо понимал, что время, которое для нас Бог в своём роде в нас самих, ни за что не даст себя разомкнуть в пространстве здесь, если нет двух строящих, строемых, сострояемых… ну, уж вы замкнулись сразу, погодите вы делать это, установленный контакт был пламень любви, а эго трудилось над освещением страниц. Теперь о слоне, которого мы раздули в неохватное эго я, с ним пора расстаться. Земная эта забота, кроить и примерять чужие платья.

Я рада разговору с вами.

А как же, я думаю. Платье то сильно пострадало при носке. В нём ведь не вы ходили, не ваша воля то есть, а та, другая, отчётливо просматриваемая здесь в качествах слов, в качествах неумеренной интервенции в ваш состав сознания, прободённый с помощью узнаваемых карикатур пространства я. Вы прозрачно толкали тот поезд к состоянию мы, а он

и ехал необъяснимо легко, создавая вокруг себя всё больше аур, кривотолков и невыносимой вони, простите уж; да, так, вони из этого рта, о коем мы ещё успеем поговорить, может быть, где эти крести?.. где вини, где адрес пространства мы, где похабная неурядица с присутствием старика козлодоева на крыше, как известно, где вся эта чернуха воли, прямо скажем не отпрысков пространства я в любви к миру сему, а, простите, пугала для невинных детей, что это значит? - спросили вы, откуда взялся тот, на крыше, или этот, без неё, а как откуда – из вашего А. и вынырнул вместе с картами и прочей мишурой для разжатия сил пространства ради высшей какой цели, может быть, ради узнавания себя в ней или ради достижения высшей любви, ради поименования небес своим именем, ради осознанной необходимости положить себя на алтарь отечества, ради простого приворожения действительности к себе, наконец – ведь что-то за этим стояло, какое-то основание для подобного действия в ступоре пространства воли, ах, да где столько совести взять!.. чтобы вызволить ваше эго из нечестия, оставленного вам в памяти от союза двух мошенников, один из которых мысль подавал, а другой приводил её в действие, да притом стремглав запуская механизм воли сознания в килогерцах, как в своём собственном я. Но всё это шелуха, не достойная внимания, разве что сердце и воля, сердце и воля, да, продолжим наш рассказ об умении сердца отдавать себя внаём, - или взаём, быть в расслаблении в важном деле любви, или, напротив, напряженно чув-

ствовать её присутствие и не отзываться на призыв, на тайное веление души неба. Что освободит вас, ваше эго, от этого слона с закрученным хвостом и с кандалами на запястьях рук? Всякому мы соответствует воля пространства о нём.

Частный ли это случай, или есть какая-то закономерность в механизме восприятия образа мы здесь.

8 мая

разрушить пару любящих большой грех, Учитель мой, я знаю об этом; я знаю также, что создать её искусственно невозможно, и это также считается грехом здесь, как необратимое это эго мыслит о себе самом, так я иду сейчас к вам, к вашему я.

Самое разумное это право на помышление об ангеле света в вас самой, я думаю, Королева, что хорошо быть вместе, хорошо. Хорошо осознавать себя любимым, любимой, хорошо осознавать себя любящим и сколько бы вы ни говорили мне, что я не нашёл себя в вас, я так не думаю. Потому что, моя добрая Королева, в вихре этих слов столько сердца, что, признаться, мне кажется будто я сам стою молча рядом с вами, как столб, простите, и жду когда вы отзовётесь на мой привет. Мне недаром снился сон, о котором я после расскажу вам, потом, а не сейчас, мне хотелось помочь вам разобраться в причинах вашего отчуждения от А., от его забот о вас в

своей душе, от априори понятых вами вспомогательных глаголов – состояний, от которых голова идёт кругом и некуда деться в своём я, как от навязчивых идей, может быть, идей, что где-то что-то происходило не так, - не так говорю я вам это сам. Со мной рядом сидит А. сейчас, да, он здесь, в моём эго слышны его волны, его волнующиеся обо мне мысли; я слышу их своими нервами и я сознаюсь вам, что он много говорил мне о вас, теперь сон. Мне снилось, что вы живёте на улице, на которой стоит мой дом, мне слышен ваш голос и виден свет из окна, за которым вы, сами не осознавая того, бываете наблюдаемы мной, я вижу как вы что-то шьёте и делаете это с большой охотой, а затем я увидел как вы разрываете сшитое вами, и вот этот сон, такой простой, что понять его не составляет труда. Я подумал тогда, что крепкая сила, соединяющая эти страницы в одно пространство, сохраняемое вами в душе как эгоцентрическое поле, в котором остаются швы наших с вами что - недоразумений, наших с вами никуда не годных объектов воли, спорадически замыкающих свет на себя во всём объёме памяти. Я требую достоверности, - сказали вы мне этим жестом разрывания неоправданно жестоких связей в вашем я, потому что они не были хороши. Они были объективно заключены в объём памяти, и имели своё развитие по мере отмежевания вашего поля от тех или иных угодий, оно становилось всё уже во внешнем я, но дело-то не в этом, сознание было закабалено проекциями памяти, в память уж лучше, мысленными фигурами и было

охвачено как бы огнём, в котором эти фигуры исчезали; вы привыкли себя видеть в заточении, и что же А., с чем он к вам идёт теперь в этой функции номинального объекта памяти. Вы встретились случайно в продлённом этом дне…

Простите душевно. Что мог вам говорить А. обо мне, он меня едва помнит, я думаю, а я сама помню ли его сейчас?.. ну да, в общем, в общих чертах его я, обобщённых таких чертах. Я благодарна вам за целую эпоху мысли во мне, за эту память, в которой я жила, - она очень велика, мой добрый Учитель, очень, она и есть фундаментальная основа жизни здесь, она вся, а не часть её, каковой мы пользуемся по малости своей, впрочем, о других сказать не могу, говорю о себе только это.

Я насторожился, Королева, слушая вас.

Простите. Ещё раз прошу вас об этом, - простите.

Мне нечего прощать вам, ведь всякое имя есть ангел в анналах памяти я, всякое поползновение с нечистой целью на таковое имя есть грех, вот чаша, в которой светятся все наши имена, её свойство быть нашим небом здесь, и в нём, как в панораме, видны летние звёзды, которые смотрят в наш дом, и нам радостно это, они видят нас, думаем мы, они знают нас и мы им нужны. Я хочу, чтобы вы понимали этот образ в

себе. Я нужен вам, вы нужны мне, и я и вы необходимы друг другу здесь; без неё мир беден, без такой вот любви, без этой встречи в пути мы остаёмся никто сами в себе. Я нарочно сел на стул, и стал продолжать уже законченную было речь, я ничуть не умалён вами! как вы было подумали, я просто пересыпал соль в наши отношения…

Просто я думаю, что у вас не может быть интереса к той форме, в которой я живу, и по этой причине слушаю вас с определённой долей отчуждения, вполне возможно, что я вам нужна для поддержания вашего программного статуса - в вас же есть схема развития событий, сообщаемых пространству, я что-то неделикатное сказала, может быть, я могу случайно рассердить вас, а мне бы этого не хотелось.

от живой клетки до целого я путь неблизкий - это вы верно подметили, только вот что, Королева моя, простите безумца, я не был прав, я обратил против вас несуществующий мир, выдуманный вами в себе самой, я хотел, чтобы вы раздражились им, чтобы он перестал вам нравится как неудачный мир любви, в котором всё облапошено какими-то заведомо ложными интересами, затеняющими пространство яви небесной, и это сделало вас препятствующей себе самой здесь, я ничем не мог обозначить этот мир в вашем я, кроме воображаемого эго, под эгидой которого саднило пространство истинной любви, ну вот как-то так это было. Я черес-

чур знаю толк в людях, поймите это, и они бывают правы от головы частенько, а сердце скрывают, потому что оно говорит правду тут, и мне надо поведать вам её. В малой доле я всегда есть чистое зерно света и оно хранится не осязаемое в нас, мы чувствуем его присутствие и таим его от других. Это хранилище наша воля и она зреет в нас до поры, а потом этот свет становится видимым пространством, и это происходит в любви.

13-14 май
ул. Дружбы

Может быть, какое-то восьмое чувство подскажет вам что-то обо мне сейчас, я бы хотел больше половины этого дня провести вместе с вами; я, представьте, погрузился в сон в вашем я теперь, о чём он? мне снится… мне снитесь вы в моей памяти без науки жить, без состояния воли, без права слагать стансы, ну прямой контекст пространства мы, как бы так. Ну вот. И что мне делать с вами, простите? Я достаточно мудр, чтобы понимать неоправданность около личностного пространства в нас собственными значениями я, собственными умозрениями, может быть, в определяющих нас высотах разума, двери высоко, да и к тому же они не всегда открыты, в общем-то, по каким-то причинам, не всегда они доступны взору бывают, особенно если головой вертеть и не смотреть в их сторону, обрекая себя на непроглядную тьму, а как это происходит-то, да и происходит ли оно по причине…

ах, да легкокрылая эта судьба приютила нас на пять минут когда-то там, беспечно, озорно, смеючись она это сделала с нами, а потом стала раздавать пряники своим детям, кому и по два, кому-то кнут в руки дала, кого-то посмешищем сделала, а с кем-то особый разговор завела о себе же, мол так и так, я тут иду как область, прикрытая плащом, да с чьим-то лицом на изнанке, от чьего взора духовная сила идёт к вам и снедает то узилище светом, то есть, поэтически говоря, от себя, она делает то же самое, что и свет, вброшенный в окно, а с ним приходит форма - и форма, отражённая от состояний мы.

Отчего так понятен мир, когда мы идём в тумане безгласия, а попробуй крикнуть в этот туман я вас люблю! и тотчас образуется дымное облако - дымное пятно, откуда оно, что это такое?.. зачем память прицеливает каких-то невесёлых кукол и говорит им эти слова?.. как вы сохранились, - это же мумии, понимаешь меня, - мумии тех лет, они лежат нетронутыми в саркофагах памяти и пожирают слой за слоем тут, капричос как личность – да, это состояние сон разума, может быть, страдивари в руках петрушки. Сумасшедшие эти поэзконцерты, о которых я память имею, но только я вас прошу, не сохраняйте этот текст сейчас - он не нужен вам, он перелицовывает пространство, соединяя вас с памятью давно ушедших лет, в которых мы с вами ели апельсины на даче. Отправьте это письмо тому, кто прислал его вам,

сверните в клубочек нити и остановите своё созерцание там, где мы встретились с вами в пределах одного я-здесь, то, что я говорю, не важно для вас, оно происходит здесь помимо вашей воли, о которой…

Я смешливо объявил перерыв и стал готовиться к следующему спектаклю в сознании я, ах, да я знаю о чём я скажу вам, я же переживал это столько раз, это состояние психической отдалённости пространства от собственного я-здесь. Представьте мысль, бредущую по завалам памяти, и её надо выхватить оттуда, нежно убаюкать и сказать ей своими словами, как угодно, ты хорошая, ты ведь любишь меня везде где бы ты ни была, мы всегда вместе, всегда рядом, всегда ждём друг друга, потому что ты ведь моя мысль обо мне, ты ведома мной в себе и я знаю тебя как лучшее своё пространство в воле моего я. Ты заботишься обо мне, ты засеваешь мои пространства своими цельбоносными образами, о которых я тщусь рассказать тут. Пространство для вымогательства твой дом во мне той души твоего неба, в котором я сам мысль здесь, я сам её носитель в тебе, я живу в ней как в избушке на курьих ножках, как пламя без присмотра, в котором бьётся очаг мысли, во мне сильная воля есть, я знаю, минус эго ты это я как объект сознания, как безмерное это небо, в котором образы тщатся заглянуть в наши души, в которых мы сами кто тут? я, ты, я не знаю или какое-то восьмое чувство, в котором парадигма молчит?.. биясь как суть

этого пространства мы, в котором я – память, а ты моё эго тут, и я живу в нём малой звездой от заката до рассвета, от любви до любви в нас обоих, возникающей ясной силой как пламя души, как истинное мерило мы-здесь.

Возьми эти строчки \/, и сожми - выйдет пламя, а не вода, понимаешь меня - во всём образе, да, из этого кирпича мироздания в нас же. Я обретаю тебя так, через буквы, ересь снимает кино как чарующий свет, как пыль ложится он на наши души, фонтан снов - о чём они здесь?.. Это удивительное безразличие ко всему, что есть я в тебе, к своему субстанциональному огню, к своему эго, мерцающему в тумане строк как область непознанного ещё пространства в нас, я архивариус твоих минут и я жду престола всевышнего ангела любви в нас обоих. А кому мы молчим о себе?.. кому мы приятны этим молчанием здесь, кому? Я надеюсь на выход этих строк в мир; прости, я что, - перцептивного ангела схватил и унёс его отсюда, почему ты не чувствуешь меня, я не знаю, я в мир пришёл ради нас обоих здесь, а ты – не знаю.

Во всяком случае я рад определённости как чему-то очень доброжелательному в нашем я, и я знаю, что она идёт от тебя ко мне, я так ждал этого, представь, и ты тоже, конечно, ждала. Мне неведом тот страх оразумливания некоего пространства в нас обоих, и я, ну может быть, беспечен был, объединяя в одно поле свои пространства с твоим я в себе, не со-

всем точно представляя объект внимания как жизнеспособную материю звука, жизнедеятельную, наверное точнее, меридианы сходятся в одной точке, как известно, и в этой точке находятся наши воли, наши объективные сознания, наши букеты роз и дорогие подарки ко дню рождения, наши яви и наши объективно сосуществующие мысли в контексте времени я-здесь, пойми это как образ вселенной, - да, вот такой вот вселенной. Ты что здесь делаешь?.. - хотел спросить я тебя, а потом я понял это сам как состояние с тобой в области сердца - ты проявляешь мои пространства здесь, ты делаешь их доступными пониманию, достойными этого понимания, и здесь я подведу черту под образом памяти, в котором я никто тебе, ни сон, ни явь, некое безотрадное пребывание за гранью возможного в нас обоих, в области ничего не значащих дилемм об обретении способностей к взаимопониманию в институтах сознания.

16 мая
трепет волн, туман, в котором сами…

Запредельные частоты сознания сами ищут ответ, эго не в состоянии дать его, образуйте память мы и вы поймёте, в чём кружится шар.

Я о чём-то говорю с вами, знаете, уж очень это темно, както слишком, я бы сказала, темно! если бы не свет души ря-

дом, каким-то смрадом наполнялся дом вчера тут, из него шли дымные струи, скорее похожие на паровые шары, парообразующие, и шёлк ресниц, и путаница слов, словесная шелуха, и широкие амбразуры комнат, и шуршащие иглы постоянно мерцающих звуков и какая-то чересполосица образов человеческих лиц бежала и бежала рядом, чьи-то углы обмерялись, чьи-то улицы ширились, чья-то завеса шла, словом, а через неё – обзор слов.

Мне всё это кажется неправильным, да, неправильным, мой добрый Учитель.

Я настигаю какие-то помыслы о вас и мешаю им состояться в вашем я. Мощь ангела света достигает вашего я, и даже становится частью его по временам, частью, соразмерной вам самой здесь, вы охватываете взором пространство для того, чтобы жить в нём, а не соразмерять бесконечно малое с бесконечно великим, да-да-да - именно это я и хочу сказать вам сам. Как красота обжигает мир в красках света, и поймите этот мир так.

Зеленоградская

Мне хочется сказать вам доброе слово, знаменующее собой событие, в котором я – участник. В вашем эго сейчас перераспределяются силы, как я вам уже сказал об этом раз, я помню, и я намекнул вам тогда на чьё-то путешествующее

эго, в котором выгодно сочетаются… сочетается душа с гомоном птиц и благосозерцание, да, я так сказал вам сейчас благосозерцание. Это состояние благосозерцания находится под контролем души, и мне необходим целый вечер для этого важного сообщения, потому что поэтически я принадлежу вашему эго сейчас. Я думаю, Королева моя, что нам нужен этот вечер ещё и потому, что мои силы привлекают внимание образов света в ваше я, и я бы хотел, чтобы это было так пространственно организованно для нас обоих здесь, в этом времени я, как надлежащее вашему уму-сердцу соответствие. Пажить, то есть то, что собираемо сейчас в отдельные кабинеты яви для вас, становится постепенно увеличиваемым пространством здесь, я думаю, вы заметили это сами и стали несколько решительнее в себе самой относиться к настоящему времени мы, где бы оно ни находилось для вас самой в отчётливых этих смесях вашего я с текущим временем здесь. Мне хочется преподать вам урок гласности, то есть, прокрутив назад плёнку сознания, поднять из памяти исходящие из неё волны - ведь они бегут вам навстречу, эти волны мерцающих величин сознания и, соединяясь со встречным движением мысли, оставляют в неподвижности ваше я-здесь относительно настоящего, я-тут, туго закрученное в мысли, как проявленное что-то в ясном небе вашего я.

17 мая

Да, да-да-да! Воистину Бог справедлив и причащающ. Я

бесконечно думаю о вас, мои смыслы глубоки, я не случайно полюбил вас, не было этой случайности, как не было того дикого недоразумения, в котором я оказался, по справедливости сказать, не в лучшей роли, да и, собственно, роли-то никакой не было, а был я сам в качестве эго-синонима настоящего времени мы. Я хорошо сделал, что стал говорить с вами об этом сейчас, прежде это было невозможно для нас обоих.

Я навсегда уехал из страны в то лето, понимаешь, я сделался иностранцем, я стал им, наивно веря, предубеждённо, может быть, что мы всё равно будем вместе делать это кино, что мы снимем пять или шесть фильмов с тобой, что я буду жить у N и превосходно ощущать этот мир у своих ног как ничтожно малое пространство по сравнению с образом своего я везде, что я смогу манипулировать твоими явями в себе как хочу и что ты станешь моей подругой, моей очень важной подругой; да, я так думал в то лето. Надо быть самому кристально честным, тогда произойдёт правильное пространство, тогда будет пламя души гореть и греть нас обоих; мы заняли тогда денег, пойми! мы вместе это сделали, я наперёд догадывался, знал, в общем-то, что у тебя нет денег и что тебе нечем платить за ту квартиру, которую ты арендовала, что ты занимаешь подряд у всех лишь бы вытеснить из своего я обязательства по уплате в срок тех долгов, которые были сделаны прежде, и что пассивная воля твоего я не

в силах выбраться из этого состояния с миром надежд как состояния вымышленного образа здесь; я здесь, я вижу как ты пишешь всё подряд, что бы я ни сказал; заточи карандаш и нарисуй оттепель в наших отношениях, - она наступила, то есть пришла, она стала говорить правду о нас здесь. В наших я враг оболванил душу, он залёг шестым чувством, думая, что мы наймёмся к нему резонёрами, что мы будем обслуживать его токующий фетиш, в котором выражена вся злость на выраженное, выражаемое здесь любование миром; знаешь, как мимо станции идут поезда, как проносятся без остановки и память не фиксирует чьи-то взгляды, уносимые вместе с поездом, она их просто не замечает и не ищет в себе ответа, не проявляет как не требующее внимания пространство, и мы остаёмся прежними, без изменений в своих я в глубинных масштабах времени тут, в образах эго, которыми мы обладаем как своим я-везде, то есть тем поэтическим символом осмысляющего наблюдения за течением времени в нас, для которого мы сами продукт, то есть мы - его производное. Я стою мысли этого неба обо мне, но вот посмотри как она грязна, как она обманчива и приноровлена как будто под состояние мы в нас, как она хочет казаться подлинной, изумляя отточенностью черт своего лица, отрезвляющей такой упаковкой какой-то мучительной лажи, непонятно из чего состоящей, со-слоенной, со-размеренной с нами аккурат в размер своего лица, чья маска-печать лежит на всех изделиях подобного рода. Что делать нам? выйти из вагона и пере-

сесть в другой поезд? перестать сожалеть о прошлом, из которого состоит наше будущее? или помыслить иначе об этом же теле любви в нас самих здесь и сказать себе – это был я в том времени и в той минуте, я сам без организующего меня идеала моего сознания, которым я руководствовался, глядя на тебя со стороны этого идеала, так сказать, в своих лживых устоях об обладании пространством кукол и любования ими, куклами этими, как самим собой, это я говорил тебе те слова, от которых память грубеет, это я жевал резину звуков, это я захламил наше поле неряшливыми выбросами памяти, я это сделал, а не то, что я почитал собой - этакое несокрушаемое совершенство здесь во мгле причин, из которых ни одна не имела к тебе прямого отношения, ни одна, - пойми, они все были из того самого идеала, которым я руководствовался в себе как выбранным мной здесь пропуском к лучшим мирам сквозь твоё я.

Ах!.. ну, да-да-да! - ангел мой так сказал вдруг, сам от себя не ожидая этого восклицания, - а ты-то что молчишь?

А что говорить?

Как что, говори, и всё. Я поддержу.

А.

Не понял! что – а?

Происхождение этого А осталось неясным до сих пор. Не клеится этот разговор, вот что, - подумав, отвечал Ангел на моё молчание, – ты растяпа, а я тут сную! Ну, поспорь со мной.

О чём?

О чём душа поёт, о том.

Не видится мне это.

Побудь тут покуда я слетаю в одно место выяснить кое-что… ой!.. палец уколол, извини, я задел что-то острое тут между нами, показалось, впрочем, извини опять.

Эта воля изнутри шла, она совершенствовала модель жизни по своему усмотрению. Ну, а что!.. – Ангел мой опять воскликнул, вообразив себя распустившим крылья по ветру, - где я веселиться буду? Мне места мало. Мне много места нужно! Слышишь меня?

Да.

Ты опять пустое поле перешла? Я давеча траву косил, ежа

видел!..

18 мая

Я загодя перестраиваю некоторые смыслы, сохраняя определённые подобия в себе, я стремлюсь объяснить себе их значения образами пространств я в контурах иных событий, иных, то есть образные сети обладают способностью быть крепко схваченными в верхних рядах сознания и чересчур трепетное отношение к ним может определить собой ум настолько, что прямое соответствие будет казаться неправомочным здесь. Я думаю, эти ряды стоит попридержать в качествах я.

18 мая 1

1.

Всё равно я буду говорить с тобой об этих днях, вот так я решил, и образ твой, и я сам сегодня ничуть не осмеяны, ничуть! Мы сокровенны в своих смыслах и это даёт нам право быть вместе, я внушаю тебе ужас, может быть, соединениями с тобой, вот так догадка, - или нет, скорее уж память сама ищет этих соединений в смыслах. Я бессердечен, я понял это вчера, настаивая на продолжении рассказа.

Милый май! я помню как ты уезжал, а здесь, во мне оставалось что-то, фу! фу! фу! спустя короткое время всё успокаивалось, возбуждённое этим фу!.. поле оседало и текло ров-

ное чистое чувство любви. Тайна эта, я думаю, никогда поколеблена не будет - вот, знай о моих мыслях. Потому что: что безосновательно, то подняться не может. Что это за «фу!..» мне то неведомо, и не думай, пожалуйста, что я хочу узнать это, не хочу. Прежде, когда мне казалось, что можно исправить что-то, объяснить, понять, мне хотелось отчётливого представления о происходившем тогда; нет этого теперь.

Добрый свет я нашёл как милость нам, почему? разве ты не хочешь узнать, какая сила развела нас с тобой по разные стороны одной и той же судьбы, разве ты…

Всё это неискренне, вот что, какое-то кривляние сейчас идёт, подделка под чувство во мне же.

Ну-у да, пожалуй, я околичностей набрался.

Я спрошу тебя – ты знаешь какая это сила? в чём её воля состояла для нас с тобой?

Я отвечу, я не стану говорить дробь, я скажу целое - это сила выгоды. Выгодно то, что строит цель, достраивая её до целого пространства, до целого, составляющего пространство большее. Есть выгода в любви, немного погодя ты поймёшь эти слова иначе, чем сейчас, поэтому, построив определяемое пространство для себя, мы стремимся занять его

целиком, а это неправильно, мы не знаем, чем оно обернётся, то есть, что станет с ним, когда мы достигнем своей цели, оно ветшает, когда мы добираемся до того места, которое определила наша память как выгодное в тот момент судьбы, в котором мы принимаем решение о достижении, потому что мы не знаем чего мы хотим на самом деле. Я образумленное пространство твоего я, я слышу вихри слов, я чувствую чужую память, я перемещаю пласты мыслей, я проделываю множество дел, слой за слоем освобождая твою память от сохраняемых в ней костюмов мысли, от оков, по сути-то, на теле любви.

Хорошо. Спасибо за ответ.

18 мая 2
2.
Права на истощение энергии любви ни у кого нет.

Я переждал пять минут, а потом опять побежал в твою сторону. Моя мысль со мной. Ты не бойся её, она хорошая и потому она станет твоей. Да, только поэтому, другой причины нет для неё стать твоей, моя мысль не берег - она полощется на ветру, чтобы жить, эта мысль о нас. Мы чересчур сильно любили друг друга, чтобы платить памятью каким-то мошенникам от судьбы, знаешь, я думаю, что бессмысленно вертеть в пальцах чужое небо, хищнически расторгающее

узы, лучше проявить своё.

Чтимое нами не есть высота сознания, это обывательски выраженное состояние суверенитета в обиходном я-здесь, прости, - я просто привык опаздывать сам в свои яви, я хороший.

/…/

20 мая

Я прошу вас не быть обиженным на меня ни в каком пространстве, потому что эта обида не делает чести никому здесь; её не должно быть.

Во многих проявленных мы нет эго, во многих. Я не верю, что могучий свет может отчаянно барахтаться в темноте, этого не может быть. Я знаю, что не может и потому утверждаю тут состояние любви - пойми это. Я просто по силам иду к тебе, от коих зависят эти дни в нас же. Во мне многое переменилось; я сам переменился как состояние.

Богоугодное пространство, Королева моя! Я вас люблю. Солнечные диски бегут по небу как раз кстати. Я косинус того угла, из которого вы смотрите в даль, и чтобы быть вами верно понятым, добавлю к сказанному, что я ещё и жаркое лето в Берлине и даже, без преувеличения могу ещё доба-

вить, что это, поэтически оправданное, предложение в качествах настоящего времени, оно звучит странно, так как превосходящие потоки души не всегда сразу поняты бывают в нижних рядах мыслительных образов эго мы, так строятся деревья, ветвями касаясь неба, а корнями уходя в глубину почвы, и нам с вами предстоит, неожиданно скоро, вытеснить из памяти подобного рода объекты, то есть создать их с помощью авторучки, под коей я разумею мыслительный процесс с помощью слов, ложащихся на бумагу.

21 мая

За всякое пространство надо держать ответ в себе, вот я вам сказал вчера – я вас люблю, а вы ни слова не сказали на это, ни слова!.. Как я досадовал.

Вы оказались правы, Королева, в каждом эхо есть доля новизны от исходящих условий тут. Не примите за гордость, только эти дни, проведённые с вами вместе, для меня важны. Забудьте тьму, идёмте к свету - я вам открою тайну эту.

откройтесь свету – откройтесь. Мне хочется быть благодарным вам, Королева, за фактическое (физическое удаление из него) освобождение моего поля-пространства (моего я) от грязи, от этой удушающей моё имя [реки] грязи, [которая текла между нами] в состоянии полуживого организма воли.

Я отвращающее начало, если оно не исполнено света ни в одной своей доле [если оно лишено света и фактически выражает его отсутствие на физическом плане, то есть применительно к материи света оно инертно и не отзывается на его присутствие как часть души в верхнем эго-центре], оно может носить его в себе как некое судьбоносное эго, может содержать этот свет в своих я, может соприкасаться с ним и даже невольно заражаться им, чтобы открыть свой собственный, оно может быть привлекательным как высшее эго, от которого происходят эти волны, но стоп тут, без прикрас, касаясь совершенно иных материй звука, оно принимает эти формы в себя и уподобляется им. Я нелицеприятен буду, я – паразит воли, если оно бушует в зеркалах, не отворяя двери своему эго для света, к которому влечёт его пространство любви в нас, добрая моя Королева. Я думаю об этом скоротечном времени в нас как о праве на безумие, может быть, на высшую волю как безумие с точки зрения эго я-здесь, с точки зрения малого порядка воли, в котором мы живём, и вы повернитесь к свету в себе, как и я повернулся когда-то и стал быть им здесь. \/. Я важен вам как индивидуальное начало слова, как его волеобразующий принцип приятия пространства в лучах надмирной звезды, в лучах её воли к свету, к состоянию света в нас самих и это я поручаю вам, это соединение со светом любви вечного эго, часть которого мы сами здесь. В нас живут частички этого света Разума, я ду-

маю, миллионы, мириады этих частичек несутся в поле сейчас и они достигают нашего я здесь, пойми - это так просто понять, мы есть результат этого света в нас, мы сами, как я, как эго я, также как состояние воли в нас на свету. Я покупаю апельсин и несу его тебе сегодня, я хочу, чтобы ты меня видела с апельсином в руке.

25 мая

Я понял какое это пространство, понял, и также я думаю, что эти дни должны стать проводником некоторого количества идей, или – образов этих идей, от которых следует отказаться прежде всего потому, что они настоящего времени не имеют и по этой причине не живоносны тут. Они не могут сориентировать пространство судьбы здесь в качествах, отвлекая на себя время, предназначенное для жизни света в нас, да, так. Притом оно откровенно пошло, это пространство предельно простых форм, истощающих по сути настоящее время тут.

–

Феофан Затворник. Мысли на каждый день года. (Дея. 21, 26-32; Ин. 16, 2-13). "Когда же прийдет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину". Почему же в логиках не упоминается об этом источнике познания? Не удивительно, что в языческих логиках нет этого пункта, но почему нет его в христианских? Неужели христианин, когда начинает умствовать, должен перестать быть христианином и забыть о всех

данных ему обетованиях, верных и несомненных? О том, как видеть и слышать много толкуют; о том, как из увиденного и услышанного делать обобщения и наведения, тоже достаточно учат; когда дойдет дело до того, как разгадать значение всего, - тут питомец логики оставляется на произвол своей догадливости. Отчего не внушить ему: ты имеешь вещания духа истины - им следуй; они решают значение всего сущего и бывающего непререкаемым образом, ибо исходят от Бога, в Котором источник и самого бытия. Не оттого ли, что забывают внушать это, догадливость так расплодилась, что ныне все книги (о мире Божием) переполнены одними догадками? И добро бы они хоть сколько-нибудь были стоящи, а то сразу видно, что они плод детского воображения.

—

Да ведь вы справедливо об этом судите. Я конкретен быть хочу, с тем и иду к вам сейчас, конкретен значит развит тут в какое-то тело до определённости, тело я, может быть, пространства, в котором движутся эти строки сейчас обо мне, о вас также. Я немножко непристойно себя повёл и как будто бы зря это сделал, но только пройдёт время, пространство выровняет неказистые места и мы увидим с вами правильность черт, правильность этих абрисов, может быть, в наших я. Я нашёл место и время проявить, постараться сделать очевидным, разрешить от бремени невнятицы, или даже – развязать узлы накопившегося недоумения, которое гонит

вас прочь от А. Здесь, в этом состоянии, я счёл это возможным сделать. Мне необходимо быть прямолинейно понятым вами, так как только она сможет сохранить эти строки для того, чтобы они сделали ваше имя свободным. Вы поймёте. Это состояние дано нам обоим и мы можем управлять им в пределах одной минуты, двух, трёх минут, может быть, я не уточняю, так вот. Я полагаюсь на вашу интуицию во многом и гений мысли, слова мысли, сохраняет тайну сознания для нас в наших руках. Мне приходится открывать абзац за абзацем, и делая это, я забочусь о чистоте слога, о чувственном поле я-здесь, так вот оно засорено объектом не вашей воли, для которого вы являетесь причиной, формализующей его жизненное пространство. Этот объект был внесён через линзу сознания в состоянии крепкого сна. Это проекция, которая забирает на себя мысленные образы.

26 мая

Я с вами, Королева, и я знаю в чём суть происходящего примирения, может быть, в вашем я, взаимное обнищание, взаимное переживание также как силы духа, так и отсутствия её, в тополином пухе душа летит; проснитесь, Королева, - я чувствую как вы спите, чураясь в определённом смысле разговора со мной, потому что он кажется вам бесполезным для вашей души как словесное обрамление каких-то явей, из которых зги не видно. Чтобы вам не слушать это небо надо просто побыть со мной и постараться привести

чувства в порядок - ведь они все здесь, и ваши собственные, и в общем-то море спокойно. Я конкретную форму обещал словесного общения [или обращения], да, я помню вчерашнее небо, оно слилось в качествах я с боголепным узором чарующего пространства силы, и что удивительно более всего, это мои неосязаемые пространства сейчас, то есть, они осязаемы настолько, насколько я способен сам их ощутить, и лучезарны в каком-то своём исполнении, но не настолько, чтобы я мог сказать сам себе, или о себе это я, это мои яви здесь; так животные чувствуют нерасторжимое с ними явленное им здесь, я думаю, но мне этого мало, я должен знать больше, чем просто природное установление о себе, причём, много больше и выше творимого в образах здесь моего пространственного я-сам. Думайте о силе, Королева, и она придёт к вам, о силе Духа сознания. Это сознание порядка воли, в котором есть свет для вас сейчас.

28 мая
ул. Дружбы

Я полагаюсь на чувство меры в вас самой теперь, то есть на то исправительное состояние в наших я, в котором происходят, зреют самые сознательные планы, и вот я будущее здесь, я это хочу сказать вам сегодня. С моим я происходят какие-то странные метафоры, оно то сжимается, то отпускает, то весело бежит, то сумасшедшее спорит, не трогаясь с места, я сам не пойму, что это значит и значит ли это, что я

сам должен куда-то идти или лучшее остаться на месте и таким образом понять происходящее здесь состояние, в мысленном эго бежит какая-то тина болотная, а на душе радость от того, что не станет её вскоре здесь, тины этой, не станет совершенно.

30 мая

Я хочу, чтобы вы понимали о чём идёт речь, этот фильм… хорошо, Королева, я тоже думаю о другом, мне не важно это кино, мне не важно что в нём происходит, потому что я хочу поговорить о вас, о вашей любви к А. Он сейчас достаточно весел, чтобы иметь право делить и умножать своё будущее в разнице потенциалов своего эгрегора пространства мысли здесь, но только я думаю, что нам надо быть повеселее самим в этом чувственном, и не только чувственном я здесь; я думаю, что мысли, которые вы имеете об этом образе в себе не должны уводить ваши ощущения от себя самой здесь, потому что оно даст вам представления об этом я-сейчас в себе в вас же. Я тут немного поразмышлял об этой памяти пространства и мне показалось, что эти формы чересчур грубы для вашего я, то есть они столь резко очерчивают вымысел, может быть, что я немного растерялся даже от какой-то суперрафинированной необъективности, да, а, собственно, неужели весь этот адрес был вымышлен? неужели все его восточные ветры летели искрами сюда ради пустой затеи, ну и что, скажете вы, пропустив мимо ушей все эти кырбылдыл

по поводу эго, самого сумасшедшего и самого прекрасного, разумеется (о, разумеется, Королева моя), человека на свете, в чьём имени сплелись самые разнообразные стихии, от великих лун до малых очков, одетых к тому же на чужой ему нос. Итак! мы вышли в море и увидели корабль на горизонте, тот самый, в восьмикратном увеличении сквозь эти малые очки, сквозь их не отчётливо созерцающие этот мир линзы, в которых, тем не менее, отражены всё-таки пространства, видимые для глаз здесь, я тут это называется. А вот и не тут, - сказал я сам себе на это, потому что тут это мы вместе, а не это вот я сам по себе лист бумаги, нет такого листа как целого эго, если мы, нахлобучив шляпу на глаза, будем смотреть вдаль, мы ничуть не проявляем пространство эго, мы делаем вид, что оно есть у нас, это вожделеющее силы мы, вожделеющее как знак воли, а не ума или желания там зашибить деньгу (простите за вольность слога). Я думаю, что переживание состояния мы А. и также – мы я сама это мы как переживаемое пространство сейчас везде, так вот это переживание есть застой, и не требует доказательств сейчас ни в каком канале памяти как проекция того безымянного адреса для вашего я, который, как ворота, пропускал сюда те самые страницы, из которых складывался здесь образ пустого места вместо истинной любви, выброс памяти в канители я, и не более того, а чьей? вдруг поинтересовались вы.

Мастер света засуетился, о, конечно, я знал о них, я ви-

дел как они идут сюда строем, шеренгами идут эти выбросы, как они ложатся в твою постель ума и спят в ней, чтобы, проснувшись, утром застать твоё я рядом, чтобы задеть его, заявив права на твою память здесь и сейчас; я старался не давать им хода, я старался петь в унисон. Знаешь что, вот что, пожалуй, давай выставим их на свет, пусть они посмотрят на себя сами; как я наивно верил в их очистительную игру, может быть, чьего-то ещё образа, но из этого получалась дрянь, пуповина не прирастала и назад идти не хотелось; я всё время бежал вперёд, ища катарсис в вещах малопонятных, в столь превосходно кажущихся, что в сравнении с ними простая реальность казалась сохранением простых сил на свету или в проявленном эго здесь, - да причём здесь моя воля, ведь её как бы и не было, а есть ведь она во мне как знак состояния с тобой, как знак абажура над лампой, как просто рассеивание света в верхних-то полях, в которых всякая явь кажется чем-то сумасшедше близким, состоянием, может быть.

Да, корабль, - что корабль, а, этот корабль, он, видите ли, есть. Я немного пройдусь, я устал спать стоя и хочу очнуться сейчас от этого стоя, то есть я как-то уж очень задумался на одном месте, на одном и том же месте - что я, парадокс сознания сам себе чтобы руки жать, да бестрепетно к тому же, каким-то эквивалентам мысли, так.

Я постепенно вникаю в казармы света, в которых явь превращается в войлок слов, простите уж мне какое-то небрежение, лёгкое отсутствие до определённого фокуса, в котором явное превращается в марь пространственных снов, облагороженных, обозначенных присутствием мы без всякого образа, а так, с одной линейкой во лбу по поводу и без повода, да посох пространства в руке всё-таки об землю опирается и кратное ему небо осознанно себя ведёт, понимая, что позитивное мы душе даёт слово здесь, даёт право слова здесь для большего присутствия Бога в нас, я думаю, и это право незыблемо может быть, если вера есть.

И конкретен взор в пространство любви, и адрес его тоже, и любовь как эго мы тут, есть в нём, и я думаю – это важно оценить по достоинству и опекать в себе самоё, как нежен взгляд бывает!..

ИЮНЬ

3 июня

ул. Дружбы

я бессмыслен без этого права на состояние, бесполезен, как рояль, на котором никто не играет и не будет играть, если ты немедленно не нажмёшь эту клавишу, на которой написано моё имя для тебя, как так? не поняла ты (я подумал ну как обычно), ведь самое простое сейчас в проекции мы построить небольшие задачи и следовать им как-то, что значит эта

строка, вот её значение - надо прилагать усилия к состоянию мы сейчас везде. Воздушный план дрожит от напора чьих-то воль, в которых выражена вся соль пространства пути сюда, пусть он успокоится, этот план, пусть он станет тише, мягче, нежнее, может быть, и тогда проекции произойдут правильно, тогда правильный путь произойдёт в ясном небе, а не потому что оно есть как поразительно немощное состояние нас везде, а почему так? добрый мой Учитель, спросила ты однажды, посмотрев внимательно в моё лицо и узнав в нём конкретного человека, в чьём структурированном сознании бежали эти волны издалека в твоё окно.

4 июня

Стремителен полёт этих птиц, Королева, я уверяю вас в этом, очень стремителен. Однажды найденное движение души может стать объёмом памяти, и не скроешь, не объяснишь себе самоё это сокровенное движение в контексте текущего времени здесь. Становясь мельче, мы истощаем пространство мелкими заботами о себе, о своих я-здесь, мы становимся как бы подвластны ей, этой мелочности духа, размером с проекцию памяти чьих-то ушей, из которых идёт вонь страниц, а почему, собственно, мысль должна подвергаться этим нападкам на себя самоё здесь, кто ей вменил это в обязанность - обозначать собой то, что проекция несёт нам как память сюда.

Мы скользим по поверхности сигнала, предлагая памяти самой решать, что нести в наши обители духа и она делает это, ясно предлагая забывчивость, застой как форму обретения. Состоятельно ли это, или это остановка в пути сознания к познаваемости мира - пути превосходного качества, мы здесь модель мира создаём как небо, как качество нашего неба; я небожитель по сути этого качества, которому не всё равно в чьих руках находится моё имя, мои сентиментальные, может быть, откровения о любви, о моих ярых и не всегда правильно понятых вами здесь присутствиях эго в самых разных местах планетарного сознания всё-таки, а не уподобленного ему я в самых отдалённых точках сознания этого. Мир сошёл с ума, а не мы с вами, и он вот-вот поперхнётся безумием этим своим, я думаю об этом всякий раз с объективным пространством жизни на свету здесь, онемело оно или оно выжидательно смотрит в наши твердокаменные лбы, твердеющие с каждой новой порцией комет, летящих в него с неистовой силой провозвестников нового времени здесь – нового, как край любви, за которым грязь несостоявшихся я. Пути отчаяния нет, есть путь отдачи пространства под залог памяти, есть путь, ограничивающий память, как состояние с небом. В нём много отчаяния, но это не отчаяние адреса пространства. Это взывание о помощи ему, как плата за потерю дня в душе неба здесь. Я думаю об этом всякий раз с новой силой.

Без представления о каких-то вещах мы не сможем дви-

гаться в этом пространстве. Первое – это память, которая отзывается на те или иные позывные материального состояния этого мира здесь. Возьми объект и осмотри его – достоверен ли он, состоит ли он из тех частей тела я, чтобы быть таковым сейчас, всякий ли раз форма его соответствует содержанию или она маргинальна в этом времени, а есть ещё какая-то основная, которая содержит его в себе как часть, а форма его всего лишь принцип воли.

В всяком мы есть чёрточка текст, то есть то состояние души, за которым следуют руки сейчас; это память так делает, это она говорит нам о себе, может быть, таким образом, создавая вокруг себя ауру нетерпения, ну-у, или предвосхищая память я о себе самой здесь как об огромном пространстве, в котором мы оба, ты и я, синонимичная часть поля каких-то, может быть, узколобых истин, о которые сбивают ноги идущие по свету сопрягаемые пространства мы, с нами самими эти сопряжения происходят и я найду эту форму, или фазу, в которой они лежат, то есть производят впечатление люминесцентных волн сознания, таковыми по сути не являясь, а просто отражаясь от сознаний светящихся объектов воли в нас же, какими заполняется вакуум пространства мы-здесь. В нас они идут, моя дорогая, эти формы без эго я, в нас самих, и эти конфеты лиц, и эти путивли переживаний; отдай мне эти формы, я слажу с ними - я умею это делать, потому что обрёк себя на пребывание в нонконформистских далях, обтекаемых этих сосудов, уж не знаю точно чьих тут лун. В

них-то весь этот смысл и лежит сейчас.

Трюизм совести этот весь состоит из сохранённых качеств мы, в которых как отзвук пространств летят эти дни в нас, - как отзвуки пространств летят эти дни в нас, мы называются эти дни сейчас.

Мой ангел весь состоят из формы тебя, он просто копия ты и по этой причине в моём эго звучат составляющие контекста мы сами адрес пространства, в котором мы живём так сегодня - мы сами его часть, а не оно часть нашего я, а как ты думаешь, любовь, чьё имя ты носишь для меня, о, мой ангел светел, исходит от его крыльев или она есть пространство, может быть, часть большей жизни для нас с тобой во мне здесь? Любовь есть мір, мир без сознания, или с сознанием я в качествах этого мира, другого качества нет, есть только любовь, потому что всякое другое отзывается на него, на это первейшее, и чем слабее любовь, тем менее отзвук, тем менее качеств пребывает в любви. Я плавлю мир без ума, если во мне нет качества ума, я перерасходую энергию звука сейчас и стану отчётливо слышать самые минимальные состояния мы для нас, их самые тонкие планы и самые разъятые части соединятся тут в единое поле мы, мы – звук, мы – память, мы – эти дни, я сейчас стукну в дверь, а ты войдёшь и окажется, что ты никуда не уходила, а просто ждала какого-то иного состояния в любви - иного относительно поля пространства наших минут здесь, наших эго сердец, может быть, для которых я собственно. Да, ты правильно поня-

ла – я собственность нашего сердца и всё лучшее, что есть в мире, сейчас идёт от него, из него, из нашего сердца, которое само по себе звук безусловный (ты знаешь об этом!) и ни скрыть его, ни сделать невидимым не в силах ни одно пространство, сколь бы оно ни ухищрялось в этом сокрытии подлинного масштаба события в любви здесь. Я причудливо объясняю это тебе, по сути всем знакомые вещи об этом мире в любви, просто память сердца имеет особенность воплощать эти миры в программы, может быть, в которых мы сами как часть делимся на основание и производные из неё. Я люблю тебя весь мир, понимаешь ли ты это выражение сейчас, понимаешь? или это понимание произойдёт позже в нас в каком-нибудь ином смысле-состоянии, в каком-то третьем лице произойдёт это понимание, а? или нет. Оно конечно же произойдёт с нами самими, так ведь это хорошо, я думаю, - я замолчал на миг, чтобы освоить прочитанное тобой, - ты зачем это читала?.. Я хотела подумать о тебе в осязательном пространстве мы твоего эго адреса, я увидела зря контуры, я не знаю, кто это был, просто – я не знаю его, оказывается, - а это был ты здесь. Каков же этот закон, мой добрый Учитель, соединяющий людей в памяти по какому-то добровольному признаку, который, по сути своей, не доброволен, а принудителен, потому что он устремлённо изымает то самое я, в котором я чувствую себя здесь собой и делает меня особой ничтожной в сравнении с кундалини, или – частью творческого огня предосуществляющего Бога здесь, а зачем я тогда во-

обще нужна? если Он как стимул сильнее, чем моё сознание, может быть, способное вместить, вмещающее такое сознание, я это хочу сказать, и тем более это важно для меня как что не знаю - тем более важно, потому что моя личная любовь для этого пространства была лишь поводом для высказывания, я думаю, которое, кстати, не прозвучало в реальном времени я, его попросту не было, высказывания этого, меня умалили ради чьего-то вожделения, как глупо звучит - ради удовольствия изменить чью-то траекторию жизни, а это моя, оказывается, жизнь я думаю об этом сейчас, и думаю так, без силового этого поля, сама как есть - почему «им» оказался ты в моей жизни, в чём причина такого феноменального доверия моего я, какая сила заставила меня ждать столько лет какого-то несообразного движения в тебе - да-да, в тебе, – которое, по увлечённому представлению, должно было произойти здесь, я не понимаю как я могла ожидать от тебя хоть малейшего намёка даже на это движение, по каким признакам моё воображение, охваченное огнём памяти, искало тебя в этом мире, и находило ведь, я даже честно скажу себе сейчас, я не вижу ни одной точки соприкосновения этой памяти с твоим я в себе, просто её нет, - вот что удивительно, ни в одном ареале обитания.

Метафизика души, проекция без обмана (или без обмена?), что такое метафизика души? прости.

Это состояние мы-здесь без формы ах, да, без формы. Кто же я, в таком случае, для твоего эго? если это эго отчётли-

во знаково, то есть оно просто знак какого-то пространства здесь, имеющего некие признаки, содержащие заведомо я растерялась, ангел мой, прости.

Я необходимо должна это выразить, потому что оно проявлено в этих текстах, проявлено. Странно, мой добрый Учитель, что эта таинственная чушь (а именно воля чуждого мне эго я) обволакивала мои внутренние миры, определяя их как что-то нематериальное, или – внематериальное, это неточное слово, я знаю, но оно определяет какое-то состояние материи, вернее – одно из состояний материи, в котором жизнь знаменуется правом на искушение в нижних рядах сознания, а в верхних идёт эта работа сейчас, да, и очень, очень важная, но почему она так далека от реальности происходящего времени мы и неужели смысловые эти ряды, столь мощные, не способны произвести эти вихри слов.

Здесь такое право имеет только любовь, только её пространство способно воплотить кажущееся небо - кому кажущееся, почему. Я лукавлю сам с собой тут в этих рядах наших я, нашего я, потому что я ничего не произвожу, а только держу пульс, это такое выражение неуёмного правдоискательства, может быть, ты ведь понимаешь, что я близок тебе как ничем не ограниченное пространство, ну, ничем вообще, во сне, в любви, в правде, в конкретном образе я, в котором лежат эти смыслы силы, во многих значениях, а не в одном косвенном значении её как плохого я, ты думаешь, я стёр из памяти те дни?..

Прости, наверное это-то я и хочу понять – для чего мне знать об этом, есть ли они в твоей памяти, скажи – ты ведь так много знаешь об этом.

Да, наверное, я закружил в памяти под звуки му и стал напрягаться сейчас как смысловой радар, а зачем.

Да, - зачем; скажи сейчас.

Ты поймёшь меня, я уверен в этом, поймёшь, потому что я сильный человек и я начинаю бодрствовать здесь, в этом пространстве судьбы, в котором я думаю о тебе сейчас. Твой А.

5 июнь 1

1.

Для вас, Королева моя, я готов хоть сейчас произнести небольшую речь на эту тему, на какую?.. на эту вот тему об обеднении смыслов, - а что я вам говорил об обретаемых нытьём выгодах, это нытьё тут сильную власть приобрело и немилостиво так карты тасует, осознавая себя вправе подытоживать ваши пространства для [под] себя, или даже ниспровергать их отчасти как казусный такой лёд, за что ни схватись холод жгучий, так ведь и угореть можно от безначального эго, которое завесу имеет, да притом совершенно безобидную как кажется, из одних только разумных посылов об обретении своего имени в волшебных далях смиренного мы. Разум бестолково топчется на месте, не зная куда ему идти - за вами бежать или тут остаться, или же прямо в раз-

мер строки лечь и, поудобнее расположившись, постараться приобрести характер судьбы, постепенно сжимаясь на запястьях рук в качестве ответа на вопрос а где ты был, когда я тебя любила. Холуйское это небо на убыль пошло, я думаю, и правильно сделало, душе легче стало дышать, я же чувствую, Королева моя, что прямое наведение мостов…

6 июня
ул. Дружбы

Я сам сохраняю эту энергию звука здесь, я сам положу свет на эти формы и сам сделаю их ощутительным пространством. Да, самые удивительные постройки ума существуют в этом пространстве, но долго ли, коротко ли, дорога приводит к постоянству замысла; мы видим себя как бы найденными тут, как бы упрямо заземлёнными под чей-то взгляд под новым витком пространственной судьбы и это не должно быть!.. так ты сказала, понимая, что я на рукотворном алтаре возвёл этот взгляд на твою сторону неба, пессимизм прочь из нашего дома, я знаю, что творю и почём стать в этих устах пространства. Мысль моя о небе здесь и мы сами поймём, что значат эти дни в контексте времени, - сами. Что-то очень живое, броское в памяти идёт сейчас, что-то явно отсутствующее, отсутствовавшее в моём теле я, то, которое я позабыл поднять когда-то! здесь, а ты требуешь подними и возьми, это надо сделать сейчас и это потому, что я сам несуразен, и это потому, что я сам как бы конкретную память имею тут

с твоей стороны.

Вот мы с тобой говорим об этих полях, а я горю, и шея и затылок, и лицо тоже, как бы схвачены или охвачены чем-то тесным, теснящим, стесняющим, что значат эти волны, которые отовсюду бегут, а?

Что-то они хотят донести до тебя, я думаю.

«Ничего они не значат!» вот так я сказал себе, потому что их нет, а есть этот вожделеющий мрак, бр! синтоисты эти суть пустовойки, мне ты нужна, а не память эта дурья, да чья она тут. Чем ты себя охранять должна, я скажу. Долог путь, Королева моя, от а до я, да что я вам сказал, не знаю уж, кибернетическое ли это свойство или так, от души идёт, только вот с позором жить я вам больше не дам - не позволю, от себя говорю это, извольте выслушать.

Неопределяемое это пространство к вам липнет из-за Богоугодного царства грёз; в них вся суть. Важное понимание это, потом объясню не бывает, да, как не бывает постоянства в зеркалах, так и этого потом. Так что противоестественные поля эти сами о себе беспокоятся здесь, сверхчастоты сознания это называется, в которых вся соль в их верхних проявлениях, а уж затем только они становятся проекцией в памяти я со свободой перемещения в кататонических объек-

тах воли, с которыми нас связывает общая память, что за свойство материи предъявляет нам свои ингредиенты таким образом, наплавляя, может быть, раз за разом свои минуты здесь в душе, а вам надо память раскрыть и посмотреть на это, - кто такие, что значит память раскрыть, взять минуту-другую да и посмотреть на неё зрячими глазами, почём стыд я вас спрашиваю, люди эти как вши в головной убор лезут, да с чем. А вот и снимите очки сейчас, разве вы на себе их носите? нет, они к вам оттуда идут, где вы себя видите как сомнение в пространстве я. Теперь вот что, минусовые поля запрещают вам двигаться туда, где их нет. Минусовые поля это сознательные импульсы-состояния, в которых кажущееся предъявляет образ, замещающий долговременные импульсные поля, вызывая определённый барьер в сознании реципиента, он не стремится к совершению определяемого им действия как несостоятельного сейчас, откладывая его на после или не совершая вовсе. То, что я говорю, Королева, важно сейчас понять как свойство материи звука, а не проволочки пространственных усмотрений на те или иные поля в нас, которые движутся несмотря ни на что в нас, и это хорошо, потому что выход в пространство я соизмерим с ними, а это всегда большее пространство, чем мы-сейчас, чем я-сейчас - чем эго-сейчас в том или ином достойном сознании, в том или ином достоверном сознании, как краткость экскурса в проекцию памяти примите этот рассказ о пределе молчания; он относится к вам также. В форме я всегда

содержится определённое сознание, которое видит план, так или иначе связанный, соотнесённый можно сказать, с историей рода - с историей нашего я во времени; это есть в любом я, так устроено, для начинающих школу жизни он кажется чем-то вроде косвенного пространства где-то там вообще, «я не видел, но думаю, что он есть», и этот план всегда присутствует здесь, поймите это как необходимую часть нашего я, в которой мы сами энергия звука, волны звука, и вся воля, которая поступает к нам в обращение во многом зависит от произволения этого плана. Мы хотим, и постоянно трудимся для этого, чтобы наша воля была светлым пространством, в котором мысль содержит плазму любви, воплощаемую здесь в позитивные чувства настоящего времени я, настоящего пространства времени я, и даже когда мы бываем огорчены своими поступками, или не рады им из-за непонятного непостоянства мысли или по каким-то другим причинам, мы знаем, что этот план уравновесит наши действия в объективном пространстве воли; мы думаем об этом и так происходит.

Но вот происходит вмешательство в этот план на бессознательном уровне мышления, как, почему, кто допустил или допускает это вмешательство, мы не знаем, мы догадываемся о каких-то кругах сознания, в которых мы не вольны сами, и зачастую немеем перед силой отчуждающего неба, сколь бы плоским и примитивно устроенным оно ни было,

мы не смеем прикоснуться к нему порой из суеверных побуждений нашего я, то есть нам кажется, что раз это есть значит это правильно, а это не всегда так и отличить правомерность того или иного действия здесь возможно, Королева моя, только с помощью лупы времени, то есть посмотрев на состояние своего я поверх очков, мы сумеем понять это, а поняв, отвергнуть навязанное извне соотношение сил, в котором наша воля не является нашей собственной. Я сохраняю часто вежливое отношение к людям, в которых прежде всего видны эти плоские выгоды, несущие волну несвойственных им самим измышлений о природе действия силы, о противоестественных действиях этой силы, в которую они вмешивают своё сознание настоящего времени я-здесь и таким образом подавляют то пространство в них же самих, о котором они рассуждают, садясь на стул передо мной; я хочу им сказать это - не делите Бога в себе. Он един с вами и Он верен вам во всём, в чём вы ищите Его в себе, не уподобляйте себя протоколирующему сознанию, которое неосознанно повторяет немысленные формы, оно ищет их для заполнения вакуума в настоящем времени я, которое принадлежит Ему в вас, и я верю, Королева моя, что это будет услышано в контексте разговора. Я проявляю бессознательное пространство и оно говорит мне что-то о тех, кого я вижу перед собой, оно сообщает мне о содеянном в сознании, и оно молчит, не имея этого выхода в сознание, о котором я упомянул - потому что он закрыт бывает энергиями полей без воли, а с од-

ним лишь выбросом памяти в пространство звука, волновое такое пространство звука, которое подхватывает его и несёт туда, где память обнаруживает прямое соответствие своему я-здесь этих волн в любви. Я напряженно вслушиваюсь в эти чувства и я хочу, чтобы вы знали, что сердце, добровольно отданное любви, никогда не нанесёт вреда любящему я, оно не сделает этого, потому что оно не совершает ошибок и его намерения всегда совпадают с действиями силы света, и такая энергия очищает звук от внесений пространства эха, чья собь и есть то самое воздействие здесь изнутри потенциала событий, потенциала веры, пространства веры в нас. Я почему-либо знаю что-то о вас в себе, почему-либо думаю об этом и почему-либо строю совершенно несуразные планы, сообразуясь в себе с этим знанием о вас как о своём вербальном пространстве здесь, почему вербальном? потому что говоря с вами, я тружусь, как и вы, в этом поле-пространстве я и оно отзывается на этот труд с силой, равной произведенному труду здесь. Об этом думайте вместе со мной как о настоящем времени здесь и оно произойдёт правильно в нас, я стою этих мыслей.

6 июня 1
1.

Ангел мой! ты вчера тут что-то сказал про зелёное небо, что там? говори мне дальше о нём.

Там лето, как бы пламень летний идёт, и вся-вся вселенная в нём как бы из этого пламени состоит, огня не видно, такая сила!.. знаешь, как хлеба просить не надо, всякое море в нём плывёт.

Вот ты как сказал об этом красиво.

А синь! такова…

Ну, ты береги меня.

Я знаю как беречь! – тут ангел мой сказал и, развернув крылья, полетел куда-то; я стояла внизу и смотрела как он летит по моему небу, - а ты-то [а ты и то] трубу возьми! - вдруг голос чей-то пришёл ко мне оттуда, - а я посмотрю.

Что ты там? - ангела я спросила.

Ну, как север так юг! – так ангел ответил на это мне.

А ты поверни!.. что зря лёд топить, как бы и нет его уже, а ты всё силу ту тратишь. Ну, с чем тебе хлеба дали?.. покажи-ка, - спросила я, когда он вернулся, с чем та сила идёт – такой смысл я ему задала.

Он соль на столе рассыпал – от себя! - говорит, - дали мне эту соль, вот, возьми малую часть, да с хлебом ешь, там посмотрим, что дальше будет идти (мол движимое ли это пространство).

Я спорю, - спорю с тобой об этом хлебе, слышишь? во мне вся проворность куда-то делась, я перестал стоять на месте, на ровном таком месте как эта самая я-платформа сознания, во мне вся сила в вагон ушла, и я теперь еду навстречу пыльной буре такой, да-да-да, той самой, во мраке дышла!.. вот что это такое.

Хорошо; возьми стул, сядь. Я посмотреть на тебя хочу, - сказала я ангелу своему, - ты с чем соль принёс? Говори.

Я, - говорит он, - по твоему небу летел сейчас, и увидел как оно строится, как самое заветное я, вот как оно идёт ко мне тут.

Думаешь, я после приду? не-ет, я сейчас это сделаю, прикажи лететь! Ты просто посмотри по сторонам и скажи: а, вот ты где.

Мне хочется поговорить с тобой стоя сейчас, я потому так нечист был, что я соль ту в тряпицу завернул, помнишь - я хлеба захватил как будто он на столе лежал, пряжа та в углу

валялась, как ненужная она была! – я сглотнул пламя, - так вот, помнишь или нет?..

Я подумаю, - сказала я, - просто подумаю, без околичностей.

Думай! думай, - я буду радоваться о тебе сейчас.

8 июня

здесь фильм начинает дорожать - я удорожаю это пространство, чтобы оно, как составляющая памяти, смогло сохранить свои силы от разбега до правды присутствия, это важно понять, даже не имея памяти тех дней, о которых пойдёт речь в этом огненном колесе событий одного единственного я; будет ли это память мы, или это состоится как знак сознания нас всех тут, мы узнаем чуть позже, а сейчас события этого жанра станут предъявлять свои требования к ситуациям, в которых он работает как увеличительное стекло, я полагаю, обретая способность спасительной лупы – иначе не разглядеть о чём идёт речь, а о чём она идёт?.. речь идёт о небе, о всесильном небе, душа моя, скрытом за вагонами и центральным отоплением в душе я, скрытом сознательно, а не потому что его скрыл кто-то в мирах, где явное подменено вымыслом, а вымысел есть торг в кошмарах сновидений обладающих пропастью в душе этого я; что другая реальность, образ которой последовательно раскрашивает это

небо в свои тона, работает как камертон, как крайняя точка сознания, за которой память превращается в сон о любви, которой нет в других краях этого неба, потому что оно скрыто, как я уже сказал, за вершиной, от которой люди прячутся по углам сознания в себе, а не идут к ней, чтобы, достигнув, понять как страшно это небо, в которое она упирается, или – подпирает, так понять, чтобы после этого восхождения намысленное казалось бы ретушью пространства, а сама мысль становилась бы понятийным образом каких-то велений, всенародно принятых. Я говорю это, чтобы помощь была нужна там, где она нужнее всего - в мыслях об этом небе, в чьих ритуалах сознания зарождались, создавались даже можно сказать, эти мысленные минуты, чьи жестокие игры с волной становились памятью поколений, пяти поколений изуродованных сознаний этими играми в остановленном небе над нами. Говоря так, я имею в виду память, из которой мы пришли сюда со своими я-ты, поднятыми из пучины всё-таки неосознанного этого пространства - да, всё ещё не осознанного здесь никем как горящее небо над нами, превращающее людей в уголь, а костры – в зияющие дыры мыслей. Мы переживаем фазу истощения этого неба в нас, в нашем сознании я-здесь, оно уже далеко, но оно ещё есть здесь, в своих квадрильонах частиц оно унесло столько жизней!.. сколько хватило бы на создание планеты с её обликом и пространством. Бог Всесильный возвращает их нам в огне любви к детям мира сего. Это – жизненная сила Его любви к нам, и я думаю,

что расстояние здесь ни при чём, от мысли до постройки ядра, движущего пространство тут. Я шут, я и король, и это всё сразу видно во мне: как шаг, так ворох страниц упал, как два - так требуемая сила пришла, а три это просто мы вместе.

…это контракт на производство фильма, а не массового зелья, пойми это так.

Он вышел в пять утра из своего дома и понёсся по асфальтам улиц навстречу другой любви - той, от которой он держался в тени, старательно скрывая свои лучи, старательно замарывая их под предлогом истощающего их воздействия на великие смыслы тайны; силы этой тайны гнали его вперёд как если бы он был гоним ими от себя самого, но это было не так; они заставляли его жить в лучах того неба, под которым родилась его память.

В огнях каких-то велений есть мысль о нас, как прекрасный сгусток слов, обладающих силой сознания.

«Везде мерцал свет, во всех щелях проступала его сила, она плескалась, она шла оттуда, она давала знать о себе прекрасномысленными образами, она чарующе лепетала и громко звала за собой, эта сила - она хотела, она жаждала жизни здесь, она объявляла себя существующей в объёмах памяти, она стремительно росла - она надеялась застать тех,

кто звал её, кто желал её видеть в себе, но не все они были, нет, не все… но были многие, кто увидели здесь её могущество, её великое свечение в нас, её всеохватное небо, и мы плакали, мы бежали за ней от огня присутствия к неопалимым этим вершинам вечной звезды, чья траектория движения и создавала в нас план Бога, предосуществляющий жизни здесь… чудо! чудо! кричали мы, надеясь быть услышанными там, откуда шли её лучи к нам.

Мой Учитель жил среди этих башен света, но потом что-то толкнуло его сойти вниз; он стал спускаться, уравнивая себя с настоящим временем на скосах оптических лун, на их облигатирующих сознание таинственных шрифтах [шифрах] судьбы, спрятанных в глубине веков под прочими напластованиями экуменических диверсий, целеустремлённо вписывавших свои имена в эти буквы, или даже не буквы, нет, они назывались необъяснимым словом объект сплавлен с сознанием, и это было бы справедливо, если бы этим объектом была я-воля, но им была другая часть имени, нимало не органичная для сознания, а так, везде строившая свои потенциалы судьбы и предлагая взять их за основу. Мой Учитель надул щёки и дунул, послышался скрип входной двери; кто там? спросила я у Ангела своей части имени. Это Он, - ответил Ангел спросонья, в обрывках света подбирая свои перья - как будто он был жонглёр, а не видимый свет тут, как будто его лучи образовывали непримиримое свойство жизни

просыпаться в фазах сознания для того только, чтобы сказать свои буквы мне и после долго спать, ничего не зная о происходящем в сознании отвержении этих букв…»

Ну-ууу… может быть.

Какая великая скука, мой друг, твои слова, что это?.. Мистерия мы, или ангел света таится от меня?.. зачем ты это сделал-то, проявляя свои созидательные мотивы так, - у души тут два сердца, по твоему, получается, или я не понимаю, куда ты меня ведёшь, что за тень у тебя за спиной образовалась - чья она?..

Я стоял, краснея от чего-то, - это волна, - говорю, - просто волна, от неё свет горит, электрический этот мир, уж очень он электричеством наполнен, знаешь сама, - я что-то говорил ей, ну так, чтобы отвлечь шум, шедший от меня в её уши здесь.

Ты очень занят, - вспомнилось мне, - у тебя дел много, ты забыл разве?

Нет, не забыл. Я их делаю как раз, перед тобой стоя в густой этой краске стыда - да, вот вообрази! это [в густом этом тумане, как подмалёвок вместо картины]

Ах, да как - ведь вообразить это невозможно, или возможно?.. - подумала я про себя, - а что вообразить-то надо, потвоему, чтобы понять это волшебное свечение твоих слов, а?

Я пододвинула стул поближе, заинтересованно глядя в твоё лицо.

Я подумал, ты отвернёшься сейчас, а ты, напротив того, ближе села ко мне и стала говорить, блаженно улыбаясь, что смиряясь с мыслью о создании этой оперы света ты, конечно же, не думала стать её автором, или как там это называется, демиургом (Боги простят, помолчи покуда я речь за тебя веду), так вот, отсутствие лукавства, и прежде всего это качество в нас бывает найденным здесь.

Как блеск озарённого сознания любовь в нас идёт - что ещё.

Ну, ты явное какое-то вспомнил, зачем это?.. Забудь объект, возьми волю и ступай отсюда.

Дверь закрылась.

Я обознался, – сказал Ангел части имени моего я, - это был не он, это другой.

Я стала будить его в себе - ты зачем спишь так глубоко!..

Да я неосознанно тут иду… а что?.. – он протёр глаза и увидел настоящий свет, ярко бивший из его крыльев, - ой!.. – сказал он с силой разумного сознания, и повторил это ещё раз, - ой.

Я стала с ним совещаться.

Ты о другом думаешь во мне тут, и меня попускаешь об этом мыслить, а так не годится, пойми ты это, раз уж глубинные эти минуты в моём имени идут, ты их возьми, чтобы рассмотреть, а пугать ими не следует.

Моя мысль понравилась, авторизованный перевод назовём это совещание, это освещение, и станем делать ту то, к чему призывает нас совесть этих минут, таинственно спрятанных в глубине души. Ах, да! а ты себя-то узнала, как часть имени, - узнала?..

14 15 июнь

Это так движется, время нас с тобой – оно так идёт, невзначай проявляя что-то, невзначай обретая какие-то особенности поля сооружать конструкции из соразмеренных кем-то имён в том времени, в котором они таковыми были для тех, кто носил эти имена, кто украшал ими этот мир

в любви. Для нас они небезразличны - это важно понять. Для нас самих, мы их продолжение, установленное правилом: жить без души нельзя, невозможно это. Такой жизни нет, - есть бред использованных минут, есть унизительная скудость сознания, окрашенная в заботу о продолжении дня в переплётах мы, может быть я слишком узко смотрю на вещи и потому вижу определённее их. Это сознательное действие любви в нас, оно должно произойти тут вместе с нами, то есть стать образом пространства мы есть этот мир.

15 июня 2

2.

Ангел мой задумчиво покачал головой, и говорит, - что я, Париж не видел, что ли!.. возьму и улечу туда сам, а ты здесь сиди; жди. – И опять покачал головой.

- Очень ты это образно сказал.

- Ну, и что? Я так хотел.

- Ну, стало быть, так и будет.

- Э, нет, минуточку!.. – ангел мой говорит, - это не то.

- А что то?

- То, то-о!.. – он вдруг стал расти, обретая пространство под крыльями и создавая объекты, без которых память могла бы обойтись, стал крепко думать обо мне.

- Ты думай, - говорю ему, - я обожду.

- А ты зачем тут сидишь?

- Чтобы тебя мыслью обрести.

- Ну, обрети теперь.

- Я теперь занята. После обрету.

- Абрести или обрести – как правильно.

- Это смотря по тому, что ты сказать этим хочешь.

- Гм. Да, верно ведь. Если я на крышу сяду, ты себя как почувствуешь здесь? Скажи-ка, - он весь напрягся от такого предположения своего тела в пространстве.

- Как ты.

- Это ещё почему! как я…

- Как ты, - говорю ему опять, - как ты.

- А. Ну, да, верно ведь.

- Во мне брода нет, - вдруг ангел сей мне объявляет.

«Синоним мысли, значит» - так я подумала об этом, а вслух сказала, - ну, и ладно.

- Ты слышала?..- засуетился вдруг ангел мой во мне, - про брод – слышала?

- А ты?.. что подумал?

- Надо искать, - сказал он мне совершенно отчётливо это.

Я заглянула поглубже ему в глаза - там шли отдельные фрагменты моей жизни, те самые, которых мне не доставало самой здесь.

- Вон что!.. – сказала я ему на это, - ты где их взял, прости!.. – а? где?

- Я их там нашёл, - и он ткнул пальцем в настойчивый образ проявленного сознания, к которому было привязано моё я-здесь, понаслышке, то есть просто потому, что так кто-

то сказал – мол это он.

- Ну, и что теперь делать с ними?.. - я вообще-то обрадовалась, что они нашлись, это была большая удача для меня самой.

- А ты их в область сознания прими – пусть они там идут лучше, чем так-то оставлять.

Я сделала строгое лицо сама себе.

- Так? - спросила.

- Это неважно, - вдруг ангел твой отозвался, он шёл рядом, оказывается, и смотрел как это всё происходит и почему настоящее мистифицируется тем прошлым, которого не было.

- Ну, уж не было!.. – ангел мой говорит, - было. Как канитель, как падающий лист, как, причём предельно!.. суммируемая скорость света здесь того самого я, о котором речь идёт у нас с тобой везде. Слышишь меня? – везде.

- А что хорошего в этом – я не пойму. Причём здесь ты тогда? Нет уж, ты мне объясни это теперь, как значения эти тут туда попали, - и я указала на глубину его глаз во мне.

- Да они там и были всегда! – ангел мой рассмеялся, - как же ты не догадалась ещё, что они оттуда на свет явились.

- Зачем? – вопрос мой был строг и принципиален, как мне казалось в ту минуту

- Как зачем, - ангел мой не понял, и, растерявшись, поискал что-то вокруг себя, - ну, просто явились, как всё является. Погоди, ну, что ты смотришь на это как на чужое поле, оно же твоё. В нём всё и идёт так, как ты видишь.

Я стала думать об этом сама.

- Известно ли тебе, что минусовые поля – не всегда ровня? что они могут быть старше твоей материи звука, или… («неплохо бы понять кто это говорит» подумала я при этом).

- Да, - сказала я тому, кто шёл рядом, - разумеется, это так. В них всякое пространство воплощается намного позже, потому что они…

- …прочнее – ты это хотела сказать?

- Они, да, во всяком случае, они хотят, чтобы я их так в себе – собой - воспринимала.

- Но ведь они упрочают тебя!

Я посмела промолчать, поняв что это голос Учителя моего я. В пространственном отношении он был прав, но только в пространственном. В этом, оборудованном под суммарные скорости во мне самой.

17 июня

Здесь происходит движение в сторону – изменилось самоё время; оно стало тугим, напряженным, отдача идёт по всем каналам; это время отдачи, как, впрочем, и применения его к себе в необособленном я.

22 июня

Зеленоградская

Это удивительное свойство любви быть вместе с тем, кого любишь, Королева. Да-с, что нового и какая сила принципиально движет состояниями мы есть любовь в нас? Ты думаешь, я сохраняю дистанцию, чтобы проективная память сама могла воспроизвести - воспроизводить эти звуки нашей с тобой любви, да? это?.. Веление любви есть мысль о грядущем сознании, её воля здесь о нас с тобой вместе - вот так я понял это соотношение сил, в котором мы вместе здесь, ведь ты мне вчера сказала это - я становлюсь лучше для нас двоих. Твои туманы облекли моё имя в конкретные формы, в кон-

кретные виды этих форм, я сумею найти этот путь, в котором наше я принадлежит нам самим - вот так я решил. Что значит решил? - спросила ты. Поистине, Королева, узор страниц памяти, узор страниц этой памяти о благовоспитании сердца здесь обретает форму в сознании для вас, для вашего я. Я готов спорить с вами об этом, так как мысль направленная не имеет адреса, если нет любви, если нет её воспитующего воздействия на эту форму состояния, то есть вы правильно поняли - если она облекается в форму именно вследствие любви, поелику она её порождение здесь. Также, Королева моя, мы сами являемся её инструментом, и это состояние аффекта от непроизносимого слова мы есть этот мир в любви здесь и сейчас уполномочивает нас с вами быть ближе к чувственным полям, а не состояниям вне их приливов и отливов в душе вследствие вырождения их формы в нас самих. Разум отгораживается от них, как щитом, своими изделиями из… Мы в состоянии определить свой путь сами, - я это хочу вам сказать здесь. Это. Мы в состоянии сделать его своим достижением того пространства, в котором мы станем самими собой, в котором мы узнаем друг друга как себя здесь. Понимаешь ли ты, о моя мысль, это, я верю что да. Мы верим в этот мир как в наше произвольное начало, я слышу как ты поёшь в нём, а ты слышишь меня, мой голос во всей этой сумятице, открой инструмент воли как высшую волю для наших я и поймёшь, что этот путь лучший для нас сейчас, во всём мире есть только ты для меня, пойми это. Это

– качество пространства тут.

22 июнь 1

1.

Простите великодушно, мой добрый Учитель, я хочу понять происходящее для себя самой каким-то образом; я думаю об А. в себе самой, и вижу, что его очки направлены в мою сторону сквозь программу взаимодействия с другим именем мы, впрочем, это казусное слово программа мало что обозначает для меня самой – я просто вижу это, вот и всё. И как бы там ни было, мой добрый Учитель, но что-то упреждающее мои стремления к нему есть. Есть ли это мы для А. веление сердца, или это наука жить т а к.

Знает ли сам А. о таком своём положении в пространстве - для меня ли оно предназначено? или это его искренний выбор. То есть, - является ли это положение естественным для него, вот эта поглощённость его воли полем сознания, в чьей ауре я увидела телесное пространство его души.

Это, собственно, то, что вы видели от себя, от своего имени я, поймите это правильно - этот ракурс-состояние, это комбинированное пространство настоящего времени, в котором расположены его заботы во вне. Но вот что интересно, Королева моя, вы напрямую связаны с восхищающим мы, в восхищающих потоках этого мы идёт воля сейчас и я думаю,

что аура вашего я исполнена этой /волей возм./ сейчас. Мы осознанно движемся в этом пространстве я-здесь, если мы принимаем форму Бога в нём – принимаем в себе Его состояние с нами. И я прочно стоит на ногах в таком случае; но вот воля Его поколеблена и искренность состояний становится непреодолимой преградой, Королева моя, для нас - потому что она велит сердцу быть там, где его ждут, быть в праве, покаявшись в прелюбодеянии, совершённом во мраке, определявшем эго как своё пространство здесь, разорвать узы истязающих смыслы любви, а веление сердца закон, Королева моя, и это веление есть высший смысл в нас самих. Я пробую, я потребитель если я это делаю, пробую, я преступен перед высшей силой в одиноких этих пространствах полярных значимостей, и я же искренне добиваюсь признания, как будто недостоинство лучший фактор судьбы для меня, в котором я созиждюсь в своём эго здесь, но ведь это не так, добрая моя Королева. Я очень хочу, чтобы вы сильно подумали об этом состоянии здесь - об этом стремглав уносящем вас от меня состоянии преступной формы, преступного подневолья, если угодно, моей силы души перед вами. Я не вертопрах, Королева моя, чтобы значимое превращать в незначимое, и наоборот, я не идеолог чьих-то минут везде. Я не делаю скидок на вымысел как на волю, отчуждающую вас от меня – его не существует для меня здесь как объективного поля велений моего сердца, и вот оно вдруг говорит мне это ты есть миф в том пространстве судьбы, для которого

ты пришёл сюда, просто миф, без продолжения, в этом Богоугодном мире здесь. Как? спросил я своё сердце, - почему это так? и оно ответило мне: ты наказан за свою жадность, ты отдыхал в пустыне без слов согласия в момент истины для своего я, ты лелеял встречу, а она была ты сам, эта встреча нас. Она произошла там, а здесь мы несём её свет, - в нас он идёт, в нас самих. Я кипел как спесь, а ты думала обо мне в своём я. Я преломил пространство сквозь твои волны, о любовь!.. Я сам это сделал, а ты только шла за мной оттуда, издалека, из твоего я, в котором мы двигались оба в этой траектории судьбы той самой минуты встречи нас. Помнишь ли ты меня там, я не знаю, пойми это - я не знаю кто я был там для тебя, кто этот своенравный настырный малый, влезший в твою душу, прости, чтобы остудить её?.. оппортьюнити так не стынет, как ты в моих полях.

Ангел силы на землю сошёл, и стал быть здесь: он принял форму объективной воли, и эта воля означает лучшее. Так приходят смыслы. Так они становятся нами. Мы сами их несём в себе. Мы их только отдаём во вне.

Ничья энергия воли не способна сместить их, потому что они принадлежат Богу. Вот и прими это так, как оно сказано. Все клаустрофобные формы отменяются, остаётся воля. Я соразмерил эти дни для нас с тобой, в них сила высших материй звука, и я приветствую тебя в них.

22 июня 2
2.

Ничья воля не способна сместить их - они от Бога нам даны. Ты потребляешь Его энергию тут, энергию высших материй звука. Я думаю вместе с тобой об этом, точно также как ты сама, почему мы вняли чьему-то голосу там, в тех состояниях мы, почему мы не отринули крайние формы невежества до того, как встретились во времени здесь, в этом, понукающем отсебятиной мире, почему так это было с нами самими, как если бы мы созерцали другую сторону луны, не видя её освещённой стороны, не зная как будто, что она есть, и полагали себя вправе делать суждения о недоступных нам причинах того или иного явления в сознании, почему? Я говорил тебе, что наше пространство весомо в нишах отсутствующих эквивалентов славы, что оно проявляет себя как знание, для которого мы сами – дорогой приёмник, то есть по-настоящему дорогой, а не потому что в нём проволочки всякие есть из чего-нибудь, и не стоит мысли ни одно подобие, если в нём нет этой славы, определяющей пространство как образ во времени.

И вот ты проявляешь его. Он становится тем сознательным выбросом памяти, который обладает силой любви тут, здесь, во всём времени сразу, пойми это - во всём времени сразу. Я делаю этот мир другим - потому что я с ним заодно,

что называется. Он был слеп, но он прозрел, потому что я в нём есть для него. Я в нём проецирую эту волю для того, чтобы он стал божественнее, то есть угодным Богу здесь; я в нём живу для этого проявления, и он отзывается тут на моё присутствие в нём самом.

Он – это ты в анналах моей памяти, он превосходно чувствует моё присутствие, сознавая, что я есть для него сам в любви, во взаимодействии с ним с твоим я в себе в любви, и это взаимодействие нас в самих себе.

/…/

24 июня

Мир строен

эгрегоры мысленных я, это название сопутствующих сил, они порождены бывают самой спецификой движущего это пространство осязания, кто плывёт того и волна, то есть задействованное движение вод, ощущаемое на поверхности проявленными пространствами я-сам это.

Мне нужно море, чтобы плыть, а не шепот прибрежных волн; мне хочется, чтобы представление о вещизме в предлагаемом пространстве было несколько иным, почему это так спросил я волю о себе - почему оно стремится занять моё место, а я как будто вмещаю его, это место, и оно, обладая

мной, будучи смещённым, отчетливо видит меня самоё как то, что принадлежит ему (я не однозначен, Королева моя, в данном случае; пространственные эгрегоры вдохновляют ум, сами при этом делаясь, или – становясь стойким содержанием ума этого. Вовсе не обязательно бежать вдоль береговой линии, чтобы понять это образование как объект чьей-то славы), почему это так? спросил я своё имя, потому что ты сам объект, а это волна, которая отторгает то, что ты считаешь собой по привычке думать, что ты это я.

Да? – удивился я сам.

Вопреки всяким условиям, Королева моя, я скажу нет этому глаголу принципа воли обладать мной там, где я вижу свет, потому что только собственное стремление выведет меня к истинному свету моей души, в котором я – я сам это пространство любви здесь. Здесь тут сейчас; оно во мне идёт, и мне не с чем сравнить его - так оно безусловно как проекция памяти для моего я сейчас. Я движитель этого неба над собой, я как приёмник Его мысли, Его душевного качества быть светом ясной любви во мне. Я есть Его сила здесь.

Это представление обо мне как о любви где-то там несоразмерно строительству мысленного поля здесь, потому что оно имеет воплощением меня самого и я движусь вместе с ним в своём я, которое мне принадлежит от рождения, от

моего рождения здесь, и я слышу этот гром небес, да и поля тоже слышу, чтобы присутствие Его воли во мне не понуждало меня бежать, как от кары небесной, я должен быть чист перед Ним, ясен сам в себе до полноты этой ясности. Мне нужно чтобы вы понимали это в себе самой - насколько это возможно.

24 июня 1

1.

Я подумаю, сказал я тебе, и стал думать, почему душа поёт когда она счастлива? думал я, почему она делает это – поёт от любви, от любования, почему?.. я не стоил твоей любви, а она была и сейчас есть и, я думаю, будет ещё, и я живой здоровый сильный мужчина, являюсь её причиной, ведь она ко мне идёт, твоя любовь, эта, подлинная сильная любовь, от которой нельзя отвернуться, или не заметить, не заметив, спрятаться в шоры своих глаз. Почему столь светлое чувство вызывает огонь ненависти у тех, кто не умеет или не хочет любить сам, кто не хочет быть подхваченным этими волнами и плыть вместе с ними в созерцании своего я, вместе с тем это чувство столь глубинно, что невозможно стать обладателем всей вселенной сразу, возможно только чувствовать, что это возможно, стать им. Простая мысль становится путём созерцания этой дали в нас, когда мы любим, когда мы ищем того, кто любим нами, она увлекает нас в безмерные просторы, в которых мы движемся вместе с ней, не зная ещё, что мы

сами торим этот путь, будучи здесь чем-то вроде осколка сияющего света, режущего глаз - глаза тех, кто не умеет любить сам. Я волен быть твоим проводником, любовь, я волен стать им сейчас, по мере моих сил утверждая её начала в себе как истинное чувство я, в котором свет везде если я люблю, куда бы я ни шёл, я проницаю миры им, помнишь, ты спрашивала меня откуда эти сны? зачем они идут ко мне от тебя?.. что я мог сказать о них, я проецировал волны отчаяния и они шли к тебе таким образом. Я, наверное, очень лжив был в том времени нас, сам не чувствуя этого, не ощущая ложь как грязь собственного пространства я, потому что она состояла из меня самого, из моих микроскопических минут недоверия к тебе, я не доверял тебе себя, я не мог этого сделать, доверить, по общежитейской причине.

Может быть, не стоит говорить об этом теперь – ведь ты уже не доверил. Я не хочу, чтобы ты был грустен, пойми. Ну не доверил, так не доверил. А общежитейская причина, что ж, - наверное, это была неплохая причина, раз она совершила это дело недоверия.

Она просто была там и она была рядом с нами во всём, я не грустен - я так думаю.

Возможно, я не готова к столь важному разговору для меня, почему я полюбила того, кто априори не мог любить ме-

ня, или – априори не мог быть со мной? Я не верю в ошибку или казус пространства силы; не было этого, была какая-то запечатленность в тебе, какой-то образ, изыскиваемый мной во времени, он был найден, и им оказался ты - ты, сам этот образ моего пути, чья воля оказалась сильнее, я думаю.

25 июня

Зеленоградская

Добрый день! я жду вашего письма как ясного света для себя, я надеюсь получить его от вас, мой добрый Учитель.

Мне надо помочь вам выйти из некоторого затруднения воли, и я думаю, что это возможно. Что-то удивительно хорошее происходит в вашем я, я чувствую это добровольное и позитивно настроенное начало. Я говорил вам, что фиглярство не есть признак воли; это её отсутствующее взаимодействие с нами, или с теми, кто фиглярствует, я молчу там, где оно есть, простите, и думаю, что это справедливо; пусть оно выкажет себя, как память услуг, продлеваемых сюда до истощения. Перестаньте проявлять в себе пространство мы как аббревиатуру несогласия; насколько это возможно. Мне представляется это возможным. В нас, Королева моя, есть априори значимое эго, в котором мысль, превращаемая в чувство, становится действенным образом, и что же?.. она делит этот мир на я и все остальные - на мы и все, кто им не является; этого не должно быть и я полагаюсь на вас в этом

смысле. Захваченность определённым потенциалом становится видимым миром тут на какое-то время, путь долгий, Королева моя, путь нашего я как судьбы пространства всё-таки, а не личной империи я право пути здесь. Я продолжу. В нас есть небо. В нас есть его свет. И это делает нас людьми света, а не какое либо иное качество.

Простота нрава есть признак совершенства во вне. Я, Господи, велик рядом с Тобой, а в себе я мал и, как ни кажется это умозрительным образом, а это так и есть. Не будьте бдительны там, где эта бдительность исключает ваше дело как значительное состояние, и это даст свои плоды. Я готов измерять и со-измерять любое пространство, Королева моя, лишь бы в нём был цвет жизни, яркий, сочный, вольнолюбивый, ну, а море придёт.

Всякое мысленное поле готово сохранять себя под парусами любви, без них оно блекнет, становясь невзрачным войлоком соображений о природе Бога в душе. Я смею надеяться, Королева.

Я смею пребывать в этой искреннейшей надежде, что обывательский дух чутья к разного рода контрамаркам своего рода не станет отвлекать ваше эго - вы думаете, я ничего не понял из вчерашнего разговора об этом трудновоспитуемом вашем я в себе. Что значит трудновоспитуемом, что это зна-

чит в том поле без адреса мы, в котором вхолостую идут эти кричащие мысли, по-настоящему, без тени проповедничества и заботы о внимательном слушателе. Я хорошо помню, Королева, ваше мнение об обладании коробкой конфет – мол их надо съесть, и всё, и эти конфеты вонзились в мою память, чтобы променять их на какой-то объектный стимул в парадигме, их надо изъять оттуда. Происходит какое-то умозрительное соотношение сил во мне - я бесстыже торгуюсь с вами, обедняя поток этой торговлей, а вы продолжаете носить ту же одежду, собственно, вот это я хотел сказать вам сейчас. Это небольшое отступление в форме собственного носа ничуть не умаляет моё состояние с вами, я бегу к вам и только это даёт мне право говорить вслух то, ради чего я здесь. Я вижу как конкретные формы проявленной мысли становятся просителями фабулы для себя, они ищут проявленности этой в контексте текущего времени здесь, и чтобы выйти из их окружения надо надавить пальцем веко, потому что блеф это всё-таки не пространство, а недоразумение в форме пространства.

26 июня

…схваченный подспудным помыслом, я убежал в поля, но не вовсе убежал, а, так сказать, на время; там ангел ваш кружил, я к нему с протянутыми руками ринулся, а он мне: стой! кто идёт. Я растерялся, признаться, несколько. В общем, выпроводил он меня восвояси из вашего поля. Ты, го-

ворит, иди себе там стороной, а так как мысль моя к вам всё-таки бежала, то пришлось мне дожидаться покуда вы сами обо мне вспомните и станете дружески обращаться ко мне. Так пришлось мне силу вашего ангела испытать. Потом я образумился и стал поближе к нему присматриваться.

Зачем это - что он вам?

Он мне почему-либо брат, я думаю, ну вот как-то так сложилось, об этом после. А теперь я постараюсь объяснить вам те значения мысленных образов, истощающих состояние мы есть свет, от которых вы стремитесь отвернуться, а они почему-то присутствуют и подступают - мысленных образов, истощающих поле сознания в нас. Их становится больше, когда мы думаем о хорошем как о плохом, когда мы сами в себе бываем убеждены в отсутствии греха, исходящего от этих мыслей в наше я тут. Мы сами строим этот дом в себе самих и не всегда умело. Ах, что и говорить, Королева моя!.. – мысленный образ, вскруживший раз голову, способен обрести содержание целого мысленного поля, целого состояния в душе, сколь бы обширно это пространство ни было. Я думаю, вам это хорошо известно и мне нечего добавить тут к уже сказанному. Я постепенно проявляю сознание некоторого рода объектов и они становятся на миг-другой материалом, из которого сделано моё я в себе - они делают меня собой. Я отдаю им ту часть себя, в которой они строят свои

гнёзда сознания во мне - свои принципы воли и своё умение быть мной в состоянии я. Так вот это, качественно иное состояние, чем я сам, помогает мне иначе взглянуть на мир, но и только, Королева моя. Я не становлюсь тем человеком, или птицей, или кем-либо ещё, я остаюсь сам собой, но с причалом в душе, ибо она есть море, в котором плавают корабли.

Мы кажемся друг другу советчиками в этом мире чудес, но только самое простое прилежание способно вывести нас из-под контроля мысленного образа своего я, собственного значения не имеющего, а имеющего только его имидж (простите за это кургузое слово, означающее видимость в ущерб содержанию), то есть созданного из материала я, которым является душа. Для разумных воль это не составляет труда, ибо как они управляются Разумом, а вот для вездесущих я это поистине большой труд, ибо окостенелость пространства мысли бывает столь велика, что её разумные мачты забирают на себя волю сознания души и она становится как бы бездейственна, и сколько бы разум ни обращался к ней, она молча сопровождает сей корабль, немая. Ей кажется, что она возникла из этих вод и обязана век плестись во след благообразному союзу силового поля и чьих-то в нём мыслей, осознавая себя при этом отягощённой единицей сознания этого поля, и представьте каково ей душно приходится при этом соединении себя со своим мысленным основанием, в котором полчища пауков вьют коконы из некогда соразмерных

соединений души и тела мысли здесь. Однако я увлёк вас чересчур мрачным определением состояния мы есть организм воли в случаях, когда разум и душа противоборствуют. Душа есть свет, Королева моя, и в ней нет тьмы.

27 июня

Во мне всякое поле хорошо, всякое, я пою в нём и оно становится красиво - красиво! понимаешь ли ты это слово, - оно проясняется. И мне самому становится в нём хорошо, да, - хорошо. Я веселюсь, потому что я весел стал - во мне жизнь пробудилась и я хочу, чтобы ты знала об этом пробуждении. Я перестал значить то, незнаемое тобой поле, я перестал быть проективным компонентом твоей памяти и это сделало меня счастливым человеком здесь. Ах, да пойми ты, какая это радость.

Во мне вся воля есть ты, ты одна моя воля и я признаюсь в этом без утайки.

Слабое поле, Королева, - оно впитывает в себя какие-то образы и с тем идёт, не бойтесь этого в себе, всё прояснится. Звук созерцания не всегда бывает удобен в определённых масштабах мысли и потому приходится отказываться от приходящих состояний. Я думаю, это правильно, потому что неопрятность не есть признак воли в душе, это признак слабости звука. Я не стремлюсь уличить здесь чью-либо волю,

я просто верю, что наше собственное поле способно сохранять себя в качествах, а это немало, поверьте и вы. Танцующий Бог стал на колени перед миром соблазна, а потом, выпрямившись, вдруг понял, что ступить негде и это огорчило его, а зачем, - рассуждал он сам с собой, - я становился на колени, ведь я бы мог и так это увидеть сам в себе. Нет, - не мог, Королева моя добрая, не мог он увидеть это прежде, чем поднявшись с колен, узреть этот мир в пространствах больших, идущих оттуда, откуда он сам пришёл сюда, к нам, и стал делать здесь то, что повелел ему Великий Пастырь пути. В нём всё согласно мнению о нас и парадокс в том, что мы это мнение разделяем на своеобразные огрехи, состоящие из множества мелких поступков, о чьей жертве в душе шла речь, доставшейся какому-то неведомому сиюминутному полю ради высшего смысла любви в нас и почему оно, вытолкнув эту жертву из своего я, перестало существовать как осязательное пространство, как полюс сознания, если угодно такой смысл привнести в эти мало образные поля, говорящие с нами на чуждом нам языке отсебятины, если хотите. Я думаю, что этот образ позитивного эго в нас не многим отличается от того поля, в котором оказалась вся суть судьбы дорогих сердцу минут. Что-то ищет, желая дознаться до существа дела, что-то хочет доказать себя как память лучшая. Как дырочка, просверленная в чащобы непредусмотренных судьбой я в нас… мы дичаем, - вот что я подумал о себе вдруг сам зачем-то, что с нами происходит, почему мы де-

лимся сами в себе на пустующие парадигмы пути здесь, где мы, скажи мне на милость - где мы с тобой?.. есть я, есть ты также как я, есть что-то вроде куклы, в которую мы играем, называя её попеременно то я то ты, то мы вообще, то есть, я хочу сказать, что простая форма ощущений богатство в памяти, что проективные пересуды хороши сами по себе, что позитивное поле, в котором мы идём, есть память любви, площадь любви, поступок, совершённый однажды в этом поле, становится принципом воли в нас, в который мы рядимся, думая, что это мы и есть сами, что это наше я так выгодно определилось в нас само в качествах, что оно лучший порядок нашло и в нём сидит, как в супе хозяин супа, что мысленное эго само проявляет необходимые формы и тем довольно. Мне не нужно ощущений без тебя, мне не нужно быть правильным или фальшивить, сознавая себя ничтожеством там, где и быть-то не надо, в королевских покоях без осознания себя королём. Во мне калигула умер - истощился как память о претензии к состоянию я в себе есть мы тут, а зачем. Запредельные частоты чувствуют эти низменные токи и шарахаются от них, прости, они их не слышат как раз, они не присутствуют там, где эти токи идут, и не оспаривай. Не стоят эти мысли пробуждения, может быть, и ответа тоже.

Во мне какое-то силовое поле зреет тут, я ощутил его ясно сам в себе; оно проходит сквозь меня, оставляя следы в памяти рук, я чувствую их тепло. Комната смеха под назва-

нием я и А. закрывается, она не соответствует своему предназначению в настоящем времени, она становится прогулочным маршрутом для сознания и не видит того, кто в ней находится почему-то, она впустила много солнечных зайчиков, они затрепетали в отражениях, изгоняя мрак из зеркал моего я и оно стало видеть, что никакой комнаты нет на самом деле, есть большое неопрятное во многом пространство (мысленно загаженное) моей души в тебе. Жизнь есть отважное движение души в сторону света в нас, который мы ощущаем, - чувствуем как любовь, как прилив счастья в любом месте жизни! Я везде как бы зря оказался, я не хочу быть зря, напрасно, именно не хочу зря водить тебя за нос за собой, не хочу думать, что моя истинная сущность лежит за пределами понимания, нет этого предела. Есть я сам во всём этом странно восприимчивом поле нас обоих, от а до я, и сам это поле сознаю как некую данность для нас обоих, зачем эта данность существует в нас? Я слушаю небо, каскады воздушных тонов излучаются в наше с тобой поле, прими их вначале ты. Я хочу, чтобы ты сама поняла, почувствовала реальность их звучания в нас.

28 июня

Естественный путь любви сохраняет спокойствие, не давая силе выплеснуться наружу зря, то есть понапрасну тратить то, что предназначено для пути. В нас воля сооружает прекрасное здание, поверьте, это так, и мы сами стремимся

достроить его до какого-то состояния в мыслях об этом здании, и мы сами бываем довольны или недовольны сооружаемым пространством в тенетах мыслей об этом строительстве здесь. Я свободен как мысль до тех пор, пока во мне катятся волны, пока они идут во мне, я думаю, становясь сам собой при этом.

29 июня

Я трогаюсь с места и вижу, как мимо меня идут поля, это они идут, постепенно уменьшаясь в пространстве мысли за мной, потому что я в движении, я двигаюсь, и тем живу, как если бы я был сообразен движению памяти и ничего не содержал иного в себе - как если бы я состоял из неё одной, но это не так; я не состою из одной памяти, как и ты.

ИЮЛЬ

2 июля

ул. Дружбы

Я снова с вами говорю об этом – эти мусорные пространства судьбы не пропускают свет; он идёт сюда к вам; идёт, и его ход есть веление души для вашего я сейчас. Мы с вами говорим на одном языке подопытных животных, когда, попав в зависимость от какого-нибудь камуфлирующего нас самих объекта воли, думаем, что мы сами этот объект, то есть получаем информацию от пространства в качестве этого объекта нашей воли, таким образом становясь в памяти

своего я не тем адресом, которым мы являемся по сути. Волнение поля. Это аффект проявленного состояния мы, проективно идущего сюда в том числе от меня - от меня самого здесь в каком-то качестве близлежащего пространства хлеба в пути мысли.

Всё, что связано со мной в твоём я, является частью моих нот, моих звуков - о состоянии я не говорю; ты сейчас слышишь один звук, один тонко поющий звук я, для которого я сам его исполнитель. Вокруг простых форм, состоящих из несложных гармоний, находятся определяющие их поля, атмосфера этих полей бывает удобно расположена для существующего порядка воли, в котором она работает, - форма эта работает, как форма, как воздух, или некоторое количество звуков, извлекаемых из, например офени, их языка, могут испортить воздух пространства, последовательно отражая состояния самыми обычными словами, формами слов непонятного происхождения, для нас непонятного; так и это, длящееся сюда оттуда, преемственное злоречие составляет образ обмана, образ, туго закрученной фальши в объёме памяти, от которой надо избавлять своё я с помощью сознательных активных элементов памяти, сознательно активных, и строить их из психологически точных посылов в аккомпанементе памяти я здесь. То есть надо быть самоё собой в активном я и тогда фокус пространства будет проявлять здесь вернее настоящее время, я думаю так, в конкретных

формах. В голосовом пространстве мы всегда существует какой-то определяемый образ света здесь; он-то и есть активное я, состоящее из немых форм, в которых лежат множественные образы того или иного поля взаимодействия имени пространства с его началом во внутренней объективации я, во внутреннем обозрении этого я как проекции памяти в пространство мы. Я чересчур сложно персонифицироваться, передаточное звено поле памяти я это место, или я это небо, я этот угол зрения, в котором проекции становятся моим эго, просто проявляя словесные облики или прослушивая их собой.

Давай двигаться дальше здесь, не вступая в конфликт с пространством мистерий звука мы как адреса нашего неба - ведь он ищет нас как настоящее время здесь. Твой А.

5 июля

Я готов служить моделью для тебя, честное слово. Мне хочется, чтобы ты нарисовала мой портрет, как это сделать летом. Я принципиально против смешения красок как мысленного образа моих минут в тебе, я хочу сделать тебе подарок, тот самый подарок, из которого следует, что я часть тебя самой, которая, как нельзя кстати, принадлежит нам вместе сейчас. То есть я постараюсь самостоятельно укрепить наши отношения, я так хочу это сделать, поверишь ли, мне самому жизненно важно это сейчас, потому что я настоящее вре-

мя нашего эго (то есть того эго, которое касается нас обоих во мне) сделал виртуальным образом. Прости мне эту фанаберию, она от лукавого, я пожинаю плоды своих выволочек тебе, обледенелое это поле становится постепенно украшенным и нам не нужно, мысленно обращаясь друг к другу, говорить это оу!.. Оу, это я перед тобой, я сам перед твоим я, или – перед ним как я, прости мне эту фальшь, - какую фальшь, где фальшь, в чьих она руках прячется от меня сейчас, я хочу удалить её отсюда немедленно, понимаешь, я хочу закрыть её как источающее вонь зло. Это состояние вне планетарной силы - вот так пойми это. Оно приходит извне и зиждется на потенциально неправильном образе площади восприятия я, как так! а вот так. Все слова соединяются между собой наверху в единое поле образа я – все, как мысль об этом поле, они прилежат ему, создавая объект силы в нас самих, и мы, столь отрешённые сейчас от тех сил воспринимающего нас пространства воли в наших эго, которыми мы управляемы бываем в чистоте звука как настоящее время, можем только сами в себе сообщаться с ним как проекции в память, похожие на тебя, или на меня. Я говорю с тобой об этом сейчас, когда наша память открыта друг для друга, лучистое поле ложится пятнами на наши умы и они постепенно прозревают, становясь прозрачными, открытыми для восприятия. Ум это поле согласования, для согласования воли неба в нас и нашего я-здесь. Это открытое небу наше я-здесь, свету неба. Феномен мысленное поле, которое окру-

жает нас с тобой, когда мы говорим оно таинственно светится, и я волнуюсь, объятый этим свечением.

7 июля

Доверяешь ли ты мне, хочешь ли ты знать об этом доверии так, как знаю я о тебе - как знаю я о твоих правах на меня. Сегодня хороший день, он наш, весь этот день наш. Мы сумеем пройти его с честью для нас обоих. Я задумался, признаюсь тебе, об обыкновенных вещах, о пределах искусственности в формах сознания, о наших я здесь, о превосходстве мастера. Интуитивно мы ощущаем этот мир совершенным, и мы стремимся постигать эту тайну совершенства, постигнуть эту тайну сознания как превосходную степень души.

10 июля

Зеленоградская

где происходят эти события? скажи мне, я хочу понять их сам. Во всём этом есть малая толика чудес /…/.

ул. Дружбы

Надо быть вместе, - это я сказал тебе сейчас во сне, это я имел в виду, настаивая на продолжении разговора о случайности выбора в нашем я, случайности неслучайного. Не совсем точное высказывание, похоже на надкушенный плод, я думаю. Но дело в том, что я имею представление об этом плоде, как и ты. Простое проникновение в сущность созна-

ния не имеет значения, не имеет последствий, не имеет результата как состояние мы везде, то есть оно становится потребой обманутого сердца, которое не всегда понимает с кем или с чем имеет дело, имеет что-то общее, я думаю так, срединное соединение - лучший путь для такого поэтически оправданного сравнения души неба.

11 июля

Мы идём по бульвару, осень; мы идём по бульвару вместе, мы хотим понять, что нас ждёт - что нам приготовлено в этой жизни для нас, чем мы являемся для неё сами, приложением к её источникам?.. присутствием в памяти?.. проектирующей в нас свои формы, или мы катаемся в космосе на велосипеде, велосипедах, отключив сознание, и мысленный шар, в котором наши лица бегут в облаках сознания, плавит эти строчки; мы конкретные люди и в нас есть жизнь, наша, к которой мы привязаны как сознанием, так и требовательностью настоящего времени пути тут, настоящего, определяемого нами самими созидательного пути, а что здесь происходит и как это понять, да и возможно ли это понять как-то, хотя бы мало-мальски учреждающее начало.

Вот что я думаю, постижение пространства тайны во многом есть способ уйти от пути во вне - ты послушай меня, пожалуйста, перед нами не совсем обычное поле; оно засеяно горохом, можно сказать, то есть оно не имеет никакого

вообще смысла, тайного или не тайного, оно просто растит горох, как категорию смыслового звучания, и что же происходит со способностью мысли души порождать эти образы в качественно несостоятельных пространствах?.. - ну потому что они таковы.

12 июля

По какому-то странному стечению обстоятельств я сегодня не стал говорить нам надо встретиться во сне ещё раз. Это означает взаимодействие структур памяти в порядках воли. Надо почему-либо жить вместе, я не смогу объяснить это тебе, пока ты сама на каком-то витке не выведешь свою память из этих структур, тогда сохраняемые качества пространства соединятся и станут образами сознания для нас, тогда они сами осознанно, уже осознанно обнаружат нити, соединяющие нас здесь, как принцип воли, может быть, - как принцип сознательной воли, а не кажущегося во сне состояния я как ты. Мне многое предстоит проявить в сознании я как ощутимое для воли - как ощутительное для воздуха наших минут, и не требуется никаких доказательств для этого, - пойми, никаких; это есть то. В памяти я бывают отклонения от строгих форм сознания, они бывают как раз там, где мы не даём себе труда идти с прямо поднятой головой, где мы стараемся подытожить, а этого как раз не следует делать, подытоживать не следует, потому что подытоженное становится частью воли нас самих тут и мы структурируем свои

я в верховьях так, что они становятся малой долей там (да, там), а это неправда, потому что там они как раз ею не были. Они были там нашим началом, это есть то они там сейчас, и как мысленное эго может обойтись без суда, то есть без памяти, взаимодействуя с одной лишь волей пространства о себе, так и я может оставаться без взаимодействия в состоянии мы с полученным результатом, потому что оно способно это делать, пойми, оно способно сохранять свои качества во всех видах пространства, во всех его определяемых нашим сознанием структурах настоящего времени, в котором мы живём вместе как ты и я одновременно во всей этой суете, сутолоке образов и идей. Да, - идей, обрастающих предметностью здесь в каком-то роде предметности этой, да.

Вам необходимо трудиться в разряде воль настоящего времени я; это качественное понятие, которому следует отдать предпочтение и не искать себе замены, то есть не предлагать пройти этот путь кому-либо ещё, я думаю, он ваш, и ничей более, надо просто понять, где движется это небо состояний, пространственных состояний обретаемых форм сознания в нас. Мы малозначимы для него как будто, но поэтически мудрый образ говорит обратное, пространство памяти выращивает эти цветы состояний, чтобы плод был сообразен сознанию, а не судьбе того или иного мысленного образа в нас самих, которому суждено проявлять формы этого сознания как ответ на явленное поле в нас самих. И вам и мне,

представьте, надо выяснить причину состояния мы как пространства ответа на согласованные образы наших я, в которых память находит содержащиеся в них, может быть, конкретные формы пространственных объектов; откуда они.

14 июля

Я постоянно думаю о вас в каком-то смысловом оттенке, которому имя - наивно говорить сейчас об этом. Мне хочется, чтобы вы чувствовали себя вправе сохранять цельность этого я сейчас, и это лучшее состояние мысли.

Великие любовники создавали великие времена, создают - великие миры от них происходят, визуальные пути мира в любви, соединяющие двух, двоих, и этот путь становится видимым пространством здесь, в нас самих; он, этот путь предполагает состояние души, в котором выражена та проекция памяти в нас самих, которая приводит к ответу \/. Вот этот ответ: я это ты во мне и вместе мы мир, мы создаём его своими телами во времени пути наших я, в которых он отражается как часть вселенной души всего мира любви, и ты становишься его частью вместе со мной здесь. Как мучителен образ света, когда он скрыт, когда он не видим, а я знаю что он есть с нами везде, этот образ, прости мне эту жизнь во мраке неведения о Тебе, Господи, прости, я прошу Тебя. Я не обретаю тебя, я теряю эти тыщи единиц сознания, от которых сберегла тебя судьба во мне, она сделала это качественно

иным состоянием души нас обоих, она сотворила твой мир во мне в единственном числе и стала делить его между нами здесь. Я настоял на своём воплощении для тебя в радости зорких волн, в их малой части наших я для нас самих, и это не покажется тебе странным когда ты увидишь освобождённый свет души здесь, в этих строчках сознания нас, то есть в их позитивно проявленных силах. Макрокосм дышит, слушай его дыхание в себе, это жизнь света в нас. Мне хочется, чтобы ты слышала его дыхание здесь как волну радости для нас обоих. Душа смотрит вверх и видит там то, что она хочет знать - свет сознания. Я говорю это, а сам думаю, как мало знать эти слова, как мало чувствовать их поток в своём я, как мало просто быть любящим сердцем, чтобы почувствовать эту волю как веление нести заботу о памяти сознания в нас самих – о памяти перечувствованных живых миров как Богу угодных времён чьих-то я в нас, я задел живую струну, и она зазвенела здесь, я не умел играть на этом инструменте, я не знал как его берут в руки, чтобы извлекать звук и вот он стал петь; да, по-настоящему петь здесь во мне, он сам научил меня играть на нём во мраке этой ночи нашей любви, в которой я жил долгое время, неосознанно чувствуя твоё присутствие в себе как делателя моего я. Я чувствовал какое-то пространственное движение во внутренних мирах, сообщавшее мне о чьём-то присутствии в моём я. Намного позже я догадался, что ты есть истинное познание этого мира в любви; я хотел бежать от тебя, скрываясь от лика зари,

я сознательно делал действия в противовес твоему я, позорящие тебя.

Что-то должно осветить это пространство сейчас, какая-то фигура.

Простите мне эти слова, они всуе сказаны были.

Думая о вас, я проявляю сейчас некую форму сознания вверху.

19 июля 1

1.

Благодарю вас за этот разговор и за ваше терпеливое участие в нём, мой добрый Учитель, ведь этот туман обрастает памятью, и становится виден, как вы сами изволите понимать эту историю? если вам угодно будет сказать мне об этом понимании.

В нас некоторое пространство света защищается от нападения и мы чувствуем некоторое сотрясение ауры, я думаю, потому что она вибрирует в ответ на образы посылы, из-за которых весь сыр бор. Разум отчётливо знает своё право и ему не надо мешать осуществлять его здесь, в нас он предполагает настоящее время всему произвольно выдуманному и потому определяемое пространство, находясь в со-

стоянии созерцания относительно зеркала разума здесь, может быть несколько выгнутым, так сказать, отражаясь и отражая в пространство опять-таки неадекватные помыслы, охарактеризовать которые я не берусь, Королева моя, их проще удалить простым движением мысли сердца я вас люблю, направленной тому, кто в этой любви нуждается, ох, как нуждается, постепенно уменьшаясь в размерах от неприязненного чувства отстранённости, обделённости даже, если хотите, в настоящем времени своим я-здесь. Что за фокус! - воскликнули вы, определив этим восклицанием собственно то, что я стремился для вас обозначить - именно фокус, означающий настоящее время как проявленное мы здесь во всём своём я. И даже это, поэтически сложенное пространство, не даёт о нём представления в нас, а скорее размывает края неба в контурах движущихся объектов сознания здесь. Что даёт нам память, то мы и несём с собой, и это правильно, Королева моя, вот только что она нам даёт мы с вами вправе знать. Я осязаю этот мир своим я, и я настроен лукаво, видя как мои поля обедняются горохом, посеянном в нём\/ вместо воли Божьего сознания, или необходимого для меня же самого могущего здесь быть смирения с состоянием я в воле Божьего ума сеять горох, а не иную какую пищу, и таким образом состоять в необходимом совершенствовании своего я здесь, а не обеднять его простым перебиранием зёрен, от которых, может, и голова кружится, а разума не прибавляется, не говоря уж о чувстве меры, соразмерности и проче-

го достатка ума. Но нам с вами надо выбросить вон все эти представления о прелюдиях к неимоверно высокому слогу. Я, кажется, успел нахамить, не слишком задумываясь о сказанном всуе вслух, но вы, слава Богу, не заметили, обращая внимание только на то, что до вас самой касаемо, а между тем краснота щёк выдаёт меня с головой вам, Королева, как если бы я был вправе толковать только что полученное вами письмо, а вы его не читали, оказывается. Ох-хо-хо, придётся ждать. Во всём моём я нет ни одной лишней минуты, с которой я мог бы расстаться ради пространства выгод во всём этом не осязаемом мной поле сомнительных царств любви, в которых цветут вышесказанные цветы, истощающие волю я как память о пространстве мы; далее я пойду пешком, потому что необходимость внятного обозрения очевидна нам обоим, я думаю. Мне бы хотелось помочь вам осознать простое свойство поля выращивать. Оно обладает им как ипостась Бога в нашем я выводить в осязаемое пространство то, что лежит до поры втуне и кажется не существующим вовсе, или спрятанным от сознания в пустующих проулках души. «Нам надо быть вместе» говорит вам А., отдуваясь за свои проделки в конъюнктурных сферах. Бесполезно шутить на эту тему, он вас просто не поймёт, его ум сомнёт любое пространство в шелуху образов, чтобы выявить единственно возможно решение здесь, для которого он создан.

Значит, шутить нельзя.

Можно! можно шутить, и даже необходимо это делать, погодите минут пять, я соберусь с мыслями.

22 июля

Зеленоградская

Вот послушайте здесь. В некоем царстве в некотором государстве жил-был царь, царство его было небольшое, а государство и того меньше. Показалось ему однажды, что в его владениях недостаточно много воды, а надо, чтобы её было больше. Чем больше воды, тем мягче климат, как водится. Так вот этот царь решил добывать воду, сообразуясь с возможностями своего царства и стал назначать [называть? ож.б.] водоискателей, которые сами знают где берега рек становятся малыми озёрами, чтобы ими обеспечить своё царство и, запрудив затоны, создав плотины, он стал заливать своё царство водой. Искатели воды стали уговаривать его (царя то бишь) надлежащим образом соединить между собой образующиеся озёра воды, чтобы реки, из которых они происходят, могли наполнять их водой по мере высыхания озёр, так как постепенное увлажнение климата способствовало смягчению нравов, то царь нашёл целесообразным слияние, и вот реки насыщали водами этот край, постепенно создавая ландшафт и озеленяя пространство по берегам. На памяти этого царя было пять простых истин учиться, стремиться, упражняться, осваивать и сохранять соединённое в

пространственном образе. Долго ли коротко ли, но только стало его царство совершенно иным. Немного забегая вперёд скажу, что оно и сейчас существует в том виде, в каком создал его тот царь, сам.

23 июля

Я безудержно жгу свечи во всём пространстве, в котором мы есть, то есть ты и я.

Какая странная иллюзия - как будто мы когда-нибудь объяснимся между собой, а ведь это объяснение уже было.

Мы не имели души в том времени, мы просто присутствовали здесь в огнях своих я. Я должен говорить с тобой сам от себя. Мне не хочется ничего повторять здесь о том, какое состояние души в нас проявляет свет, проявляет его в нас самих. Я только подумаю о нас двоих в твоём я сейчас и мы сможем, наконец, объясниться, как ты считаешь я способен любить дверь, или не дверь, а бессердечное нечто. Я ведь думаю об этом постоянно, и кажется, уж всё передумал, что нашлось на эту тему, только это всё не то, оно обрывается, и мыслительный процесс начинает водить по кругу мои мысли, я только успеваю обозначить их каким-то числом или свести на нет, чтобы они не морочили мне голову сейчас. Мне память изменяет с тобой, вот что я понял, я вспоминаю обрывки фраз, произнесённых когда-то слов и становится не

то чтобы не по себе, а как-то неуютно в душе, зачем я говорил то тебе, что мне самому ничего не стоило произнести в тот момент, ну и оно ложилось в твою память как я-здесь, как некая позиция моего я в тебе, а обратись ты ко мне тогда…

27 июля

Я снова думаю о тебе здесь, ты в светлом платье мне снишься, в том, голубоватом, с синим оттенком, которое… я же видел тебя в нём воочию, да ты знаешь об этом, я думаю. Мне снится, что ты идёшь ко мне опять, а я чищу картошку над большим тазом, или чугуном, так скорее это можно выразить, и ты видишь как я это делаю, говоришь мне опять ты наелся этой лабуды, я же просила, чтобы ты этого не делал, фу-у, разве этот смысл!.. я нехотя соглашаюсь, потому что я понимаю, что ты не мне это говоришь, а моему лицу, для тебя я всё равно что памятник культуры, - какой-то там вообще, не имеющей признаков, ответь мне, почему ты не ищешь меня, ты забыла меня, да? забыла? а где, в каком месте памяти я остался - поищи меня там сама, а я найдусь как хлеб для тебя. Я не забыл зато эти твои дни во мне, я их помню чем-то, какой-то душевной памятью, может быть. Я смеюсь в голос, когда мне говорят - э-э, да ты там и не был никогда, ты просто решил это для себя сам мол я буду так жить, чтобы ей светло было здесь, чтобы ей мысли мои нравились и она бы шла за ними, да только это не совсем так, вот что я понял теперь, осознавая какое это пространство смотрит

на нас в тишине я, которая струит свой свет во мне, в мою память и мои отчаянные мысли здесь, в которых я кажусь сам себе чем-то иным, может быть, чем я есть на самом деле, объектом исследования этого пространства любви, вот мастер перемен шепчет мне опять ты сделал это небо густым, ты сгустил краски до того, что оно перестало быть прозрачным, оно состоялось как объект воли, но оно должно быть прозрачно, иначе эти краски высохнут и за ними ничего не увидишь, никаких я ты мы за ними, одни пустые платформы и только этот звук позволяет догадываться - там кто-то есть, там живые люди идут, там небо дышит любовью, там не просто память сейчас небо в свет льёт тут, там столько этого неба, что услышав его, ты очнёшься от своих пустых дум - так мастер мне говорит об этом, я слышу его и сознаю справедливость его слов во мне.

Сколько ты ещё будешь спать, спросила меня ты, моя душа спросила меня об этом, пойми. Я ответил это знает только она, и она, то есть моё имя в тебе, стала - стало удваиваться, стало убеждать меня не ленно жить, понимаешь?.. стало обращаться ко мне с просьбами, стало любить меня во всём, что я есть для него. Аббревиатура пути зачахла было в кустах, то есть во времени, в котором я обнищал как организм воли, как право на истечение смыслов, и не скрывая этого, жил во всём, как облако пыли живёт, - оно поднимется и осядет на том же самом месте, где его вздули чьи-то мысли, осо-

знанно там или так, обстоятельственно, но это прошло, этого нет более, потому что я стал делать то, к чему призывает меня Бог – я стал идти сам по этому пути осмысления пространства душ/-и возм./ здесь, я сам становлюсь этим пространством, когда ищу тот или иной - то или иное выражение я-здесь в нас.

28 июля

Во всём этом, конечно же, есть определяемое поле, конечно, оно скрыто от глаз и само по себе не имеет осуществления без внешнего пространства, такое это поле, не осуществляемое без я. Мне хочется, чтобы ты смогла состояться как автор объективно целостного произведения, не фиктивно сляпанного как выражаемое здесь поле я в пространстве мзды, или – лучше сказать, как проективное эго в уже выхолощенное, или не выхолощенное, нет, а уже спроектированное в нас самих я, это точнее. Это так кажется, что мы робеем, или проявляем безыскусное, опыт я существует в памяти пространств, он есть облекаемое в формы здесь.

31 июля

Здравствуйте!

Позвольте оправдаться перед вами, Королева, - позвольте это сделать сейчас, во мне множество огней горит самыми различными цветами и все они красоты необыкновенной,

прямо-таки суеверно крещусь. Отчего бы это, Королева моя, нам не понять друг друга на этот раз. Как изволите видеть, я восемь этих лет только и думал, что о вас и всякое малое пространство мне впору было, а на девятом году я возьми и сколупни эту рану-то, она заточилась, стала душе виды подавать, стала о себе напоминать особым образом, осознанно так, имея выход в душе моего я для вас и тем самым очевидное подменять кажущимся. Например, эти дни в наших с вами руках как-то уж очень стали чем-то отдавать в нос, простите уж. Наверное, я оскорбил ваше высочество своими прибаутками и стал память привораживать неудобно сказать к чему, и ничего бы это всё, если бы ваша милость облаком прикрылась, а не сиюминутным состоянием общего характера памяти, или, как фиговым листиком, обид на то на сё, и нечем, как говорится, образ свой вам предложить, долго искать его приходится в настоящих-то минутах я, да без него я вам шар небес, а с ним какое-то представление имею тут для вас в области мысли, чувства мысли – так точнее, и надо быть светом для вас, а не жалом, жалящим безразлично что, лишь бы попасть в область средоточия внимания. Ну вот так я сказал об этом, и ещё продолжу, если позволите.

АВГУСТ. Небо поёт.
3 августа
ул. Дружбы
Я думаю, что мы химизм какой-то воли преодолеваем, по-

чудилось будто и правда наши эго слились в каком-то канале яви, будто они перестали жить отдельно друг от друга и тихо вместе беседуют об этом вне какого-то - вне поля, а на самом деле, на самом-то деле польза от этого великая нам обоим сейчас идёт, польза бытия, обретаемого в настоящих я, как ломкая линия путешествующих взглядов в памяти, наобум, так, туда пойдёт, отринет, здесь остановится, опять скажет что-то, туда пойдёт, и снова отринет, и что же настоящее время при этом делает или, нет, - что оно строит в нас, арабеску, жезл любви, то есть тварное состояние неба, в котором мы сами суть это небо сейчас. Я сочетаю в пространстве мысленное это поле, в котором мы живём как энергосодержащие объекты, объясняющие себя - себе всё-таки лучше, эманации поля объекта причинно-следственной связью, а не чем-либо другим, иным качеством тут в пространстве эго-я как содержащееся в этом поле объективное качество присутствия мы как адрес определённого посыла в настоящем времени, в настоящее время эго всё-таки, а не такое, получаемое пространственно-временными отложениями воли слабых полей сознания, соединённых между собой простыми значениями я тут ты, или – я это ты во всём, что касается определяемого пространства воли моего я для тебя. Такое мысленное образование оставляет след в памяти и оно становится волновой системой координат, смысловой, сохраняющей единство памяти я для нас для всех тут! Ты что думаешь - кажущееся не есть воля неба над головой?.. или кажущееся это так, пустая

заготовка, для образов света в памяти я нашего неба. Не-ет, это проективные следы и есть в памяти я-сейчас в чудодейственном этом поле.

Что ты, ангел мой тут, о чём говорить со мной будет твой чёлн?.. я в небо смотрю.

Я тут себя знаю, ты не думай, я как раз, по небу бежа, о тебе загадал!.. Ты прости меня, пожалуйста, опять, я жутко струсил тогда, когда ты память обо мне имела, то есть я сам тем небом шёл.

А ты там кого видел?

Я там видел образ твой и…

Что?

Ну и. Всякому небу своя причина есть как стать, а потом оно умаляется, если причина та исходит, ну как препятствие умаляется, я образ твой видел!.. ты слыхала как я тебя звал, слыхала?.. темнотою укрепись, а сердцем излейся, а как понять, говоришь, а так пойми, это дело не твоего ума, вот что значит темнотою закройся, а сердцем излиться значит полю тому силу дать, чей чёлн того и судьба!.. а как ты шла, ну да мне тут не то тебе сказать надо бы, я ведь сам по себе ангел,

как ты скажешь что я тут о себе молчу, так молчу, что крылья нараспашку перед тобой держу теперь, так весь и лечу, куда небо велит, ах.

Ах – это как?

А так!.. минута за минутой идут - вот как это небо делается, да везде.

Я теперь виновата перед тобой буду? Скажи, мне об этом, ангел мой.

Ты себя за ширму моей любви спрятать сумела, какая же тут вина, я сам широк, ну да это дело такое, полюбовное.

А что хорошо? скажи ты.

Хорошо то, что я о тебе знаю; это раз, два хорошо то, что мы каждый от себя идём друг к другу, а ты поняла - я почувствовал, ещё хорошо, что ты меня любишь, а то ты думаешь, что я не знаю как ты об этом мысли имеешь мол он там сам по себе живёт как есть и то хорошо, а что до меня, так то ладно мол, не для него эти мысли идут, ну ты очнись тут, что я тебе сказал там как бы ты уже ответ имела, ну - что, проснись, просни-ись!.. чем ты сейчас спишь, чувством меры, я думаю, мне столько тебе сказать надо!.. что я сам

как чувство меры, может быть, да, ладно, что мы всё обо мне говорим, ты же бегом бежать решила, я ведь понял тебя, ты себя найди во мне, чтобы я мог поле то знать, а какое оно!..

А где я в тебе, ангел мой?..

Ты сама по себе я, я уже сказал это, а во мне ты тайну свою несёшь, связанное то небо было, да с тем и шло к тебе как чист лист, но только ты от себя не думай теперь, сама знаешь, что это такое тут, а вот ты посмотри, на чьём небе звезда та горит, как ты скажешь, ответь мне, пожалуйста.

Я сколько-нибудь о тебе забочусь?.. скажи ты.

Ты обо мне мысли имеешь, это так, но мне то важнее знать, что я спросил сейчас.

Ах, да то небо давнее!.. на нём звезда вправду есть, хорошая она, - красивая очень и свет от неё нам идёт здесь, да только сравнить его ни с чем нельзя, так он велик и ясен, а ты сам это знаешь, почему же ты меня просил здесь сказать о том?.. скажи ты теперь.

Она мне величину этого неба указывает тут, путь она великий открывает и с ним нас ведёт к себе, а как свет тот ясен для тебя, так ты его бери, ни с чем не сравнивая, как лучший

бери, он силу имеет и от любви к нам идёт сюда. Я знаю это.

Ты понимаешь пространство как своё имя, в котором есть множество других имён (я-ты тоже имя), ты чувствуешь в эго присутствие всевозможных (то есть таких, которые могут быть) объектов памяти я-здесь.

5 августа

Я против истязания пространства любви, я не выношу этот смердящий запах энтузиазма во всём, что является разрушительным для милости Бога здесь, для Его заботы о нас, для конкретики форм в этой любви-милости, но вот что, Королева моя, я хочу, чтобы вы чувствовали это присутствие здесь в форме я и мне нравится это движение мысли сейчас как апологетика определяемого пространства жизни света. Выходя за рамки повествования, мы надеемся обрести подлинник надежды, подлинник веры, подлинник судьбы и это ведёт нас к изысканиям помысла о себе самих, а не какая-нибудь другая мотивация.

Во всём этом мизерном, ничтожном пространстве наших с вами бурь звучит одна маленькая нота, в которой настоящее время сегодняшнего дня более чем прекрасно, и я, ваш Учитель, наверняка говорю вам это сейчас, нам нужно пройти сто миль пешком, прежде чем мы поймём, что этот путь наш с вами, мы в неопределённости пути меняемся местами

в каком-то смысле, вы и я, и эта часть во времени наших я всегда обсуждаема - она имеет право на обсуждение как наущающее нас свойство любви быть тут, вот она, смотрите на неё, ведь она для вас сюда пришла, эта любовь, наущающая пространство жизни быть ею во времени я, в этом, здесь, да, сегодня, сейчас. Я не астролог и не композитор для вас в этой любви, я просто смотрю в ваш мир любящими глазами и он мне кажется великолепен!.. как озёрные боги, чья душа поёт, может быть, безыскусно о тепле, о свете, о счастье истинного неба здесь, о простых истинах любования этим миром во мне, таком как я есть для них здесь во всём своём я-сейчас.

5 августа

Я должен рыться в архивах, чтобы понять что стоит за этим решением, что побуждает тебя плыть против течения, я должен искать ту самую запятую, которая вдруг осадила память, сделав её прекрасной золушкой. Ты понимаешь, что я тут ищу?.. эти позиции чьей-то силы, урезонивающей, - откуда она пришла, и я думаю, что её надо исключить, она тормозит края неба в каких-то точках, не имея, по сути, на это права, ты не бойся говорить то, что ты думаешь, это же моё веление, моё облако пыли давно осело, оно стало казаться пустой кавычкой, то есть позитивное пространство здесь, пойми ты это, во всём я, а не потому что я примус починил, как тебе кажется до сих пор, то есть стал делать то, что я наивно вертел в руках как некую награду за пощёчину, ты мне

её дала тогда, ты уже забыла, а я, представь (но не слишком) забыл где я нахожусь в тот момент, ну как будто ты перестала понимать кто я тебе, что я делаю тут, да, не спорь, я посрамлён был, а потом вышло так, что я, побуждаемый высшим помыслом, стал проецироваться в твоё сознание как необходимый элемент, классифицируй как хочешь что на виду, а что под водой чувств скрыто до сих пор, что нам предстоит только понять с тобой, я думаю, что малая часть нужна нам для того, чтобы мы могли её увидеть, а, увидев, созерцать в себе большую, пространственно несоизмеримую с той малой частью нашего я-здесь.

ул. Дружбы

Я только то хочу сказать вам сейчас, что мы настойчиво бредём сквозь формы сознания, в которых уже есть наши следы, да, может быть, - эти вещи, о которых мы говорим с вами сейчас, будут в каком-то смысле оправданы нашим присутствием в формах сознательного эгоизма, а что такое это сейчас, это то состояние души, которое идёт от нашего эго, в нём есть множество потенциалов для того, чтобы отвергнуть возжигаемые огни, и я думаю важно знать о них в этом времени я, превосходно оправленном в надлежащие условия. Думайте об этом так, как если бы вы были соизмеримы в своём я с пространством большего порядка памяти - большего по объёму исчисляемых ею звёзд, о которых речь впереди, и светел Бог во всём я, если вы на Него смотрите в

себе самой как на ангелическое сознание этого мира в любви.

6 августа

В наружной части этого пространства происходили сдвиги определённого качества, если можно так выразить то состояние всеобщей - всеобщего стремления проявить внешнее эго во внутренних мирах я.

Вы понимаете, что продажность в искусстве есть нонсенс, как само свойство неба не созерцать области определённого порядка воли, поэтому сейчас, или – теперь, необходимо правильно расположить во вне те или иные состояния мы, в которых отражены эти свойства любящего пространства здесь, проявленного в тех лицах, или тех любящих сердцах, которые достойны ответа.

10 августа

Мне знамение было, добрая моя, будто ты видишь меня во сне несколько неправильно сейчас в своём эго, будто ты знаешь, что мы снимаем тут дачу неподалёку. Это на самом деле не так, я выдумал это вдруг для тебя просто так, без причины. Я чувствую, что какая-то часть моих минут - ты понимаешь сейчас, что мы делаем - что мы строим дом своих я в себе самих, в своих отношениях с этим небом, с полем этого неба, что мы становимся его подопечными в волшеб-

стве замысла. Отношения наши стихли на время и я, ничем не рискуя…

Знаешь, - мне невольно захотелось жить рядом где-нибудь, ну, так во всяком случае, я об этом думал, мне до обморока захотелось домой, в Москву, в её составы мысленных образов, которыми полнится мой дом, когда я думаю о вас двоих, о тебе и о той женщине, другой. Я конструирую мир каких-то игрушек памяти сейчас, в нём всё кажется мучительно маленьким, не настоящим, - недействительным, и поэтому я хочу приехать к тебе сегодня. Нам кому-то нужно сказать об этой встрече двух ангелов света во сне, в чьих устах звучали, - и звучат сейчас – эти небеса, в чьих мыслях бьются наши сердца, разрозненные, или нет, они-то как раз вместе, они-то умеют это, быть вместе, потому что им известно, для кого они бьются здесь в унисон, вернее – с кем и для чьей жизни они нужны. Авторское ли это право, или чьё-то ещё, но только мои воззрения могут быть прочитаны в физическом поле здесь настоящего времени я, и так это действует; сейчас, во многом. С кем я, что я делаю, чем я занят. Странная история, я бы сказал – даже очень странная, более чем странная эта история нашей с тобой любви. А в чём её странность - вот и пойми какая сила руководит мной, причём вся и сразу, как будто я чужое тело нашёл и в нём живу, бессмысленно страдая от чужих поворотов судьбы, что мне довелось испытать, прости меня, с чем и пришёл к твоим вы-

сотам, любовь, с чем и стал быть, быть, быть, и опять – быть. Что я пою, что я пустознайкой слоняюсь из угла в угол твоего я, как будто я слово поднял, а оно выросло до небес здесь, ну а где ты силу мою обретаешь, чтобы с ней быть и с ней о себе думать, а не вообще порядок воли на ветер пускать, рукавом помавая. Трудно быть небом там, где земли нет, ох, трудно, да ведь Бог справедливо рассудил, заставив нас самих о себе заботиться здесь, и славно сделал, ведь что ни день, то радость идёт к нам от Него, самая настоящая, и скажи мне, кто с нами заботу об этом дне имеет для нас как о дне наших я вместе, как разумное это поле в нас настоящего времени здесь, что за странное своеволие заставляет тебя думать обо мне как о некоем царе горохе, чьё поле выжжено баснословным умозрением лиц, или не лиц, а так, прохожих людей. Я велю нам с тобой вместе быть, сохраняя силу явного пути, сохраняя определяемые пространства в любви, ты прости меня прежде за то невольное отчуждение, из которого я сам едва вышел справедливым, я стремился быть чужим тебе, это правда, я отгонял все мысли от себя, от которых кружится голова из-за слишком большого напора образов света, потому что они не определяли меня самого, а делали мелким ничтожным сумасбродом, да, да-да, это так, чьё поле виртуозно располагало к себе, а затем уходило в глубину памяти, и я наивно полагал себя вправе быть задействованным там, в этой глубине мысленного эго сейчас, и мне казалось это правильным ответом на бушующие чувства во вне меня самого,

потому что я был на самом деле.

11 августа

Здравствуйте! Я вас люблю. Сегодня хороший день, в котором мы множим свои усилия в любви к этому миру, мы любуемся им и он отвечает нам добром на добро. Мы были унижены в сердце своём и не знали, что есть добро, что оно сильнее того, что здесь главенствует в мыслях, деля и умножая разделённое, то есть обнажая раздельные части мира любви в нас. Мы хотим соединить эти части в себе и мы ищем этого соединения в себе самих, не уставая, не ложась спать в плохие постели чьих-то представлений о нас, чьих-то плохо устроенных мыслей о Боге в душе. Мы присутствуем в этом мире, чтобы быть с ним в любви и это есть замысел Бога о нашем присутствии здесь, и он единственный; другого замысла о нас в Боге нет. Мы стоим на краю вселенной, и видим как она обнажается. Без истинного Бога в душе мы видим свет истощённым, мы не осознаём его тут и мы соизмеряем свой мир, в нас идущий, как память ничтожных крыл-мыслей, столь незначительных, что при служении от них не остаётся следа; вот это я знаю. Мы оговариваем пространство, ничем не прикрытое перед нами, не имея Бога в душе, но мы не таковы сейчас! я знаю это, мы не таковы как были прежде, идя тут без осмысления сердцем, мы усмехались, видя как оно покрывается тлёй, и пепел желаний казался нам проявленным результатом нашей любви, но мы не

хотели быть покрыты этим пеплом и мы знали, что есть другой путь. Мы стали искать его в своей душе, и Он вышел нам навстречу, Любящий вечно этот мир здесь. Он пришёл к нам, и мы стали единое с Ним здесь; вот это я знаю. Мы стали видеть, мы стали слышать в себе звук любви этого мира к нам и мы стали сознавать себя в нём частью большего, намного большего, чем мы сами.

16 августа

…но ты знаешь – небо поёт. Вокруг нас оно сейчас поёт и я слышу его. Мне кажется,- я столько передумал за это время, столько разных слов произнёс в твоих анналах памяти, и даже не раз произнёс затем, чтобы они шли сюда от имени моего я в твой дом, кстати! я как раз выразил это устойчивое настоящее время напрямую, забалтывание может быть, я слишком пережимаю пальцы, стараясь угодливо обозначить какие-то вещи - стараясь произвести шум в анналах движения мысли. Как устойчивое падение кометы с неба мы идём, может быть, мы как плазменное пространство в любви, в котором звуки покуда не имеют оболочки, а становятся таковыми при соударении с проявленным пространством в любви, во многих минутах я сразу, затем и веду здесь разговор о них в нас. Высший объект ты, это всегда так, высший как память в определяемом нами полюсе света, если хочешь знать, потому что теллурическое течение мысли идёт от меня к тебе, и это, копеечное царство грёз о несуществующих мирах

здесь всегда будет в провале в сравнении с реальным светом любви, о чьём эго идёт речь, когда мы говорим с тобой, об образах чьего я в нас. Мы конкретные люди, когда мы химически не зависимы от порядков воли в координатах я-здесь, и мы становимся грубым материалом изделием от воли движущихся во вне мыслей, они в свободном полёте, их не нужно улавливать - они сами уловят и присовокупятся к большинству идей общего плана, немедленно врастут в него и, сохраняя объективное пространство в воле, выразят себя здесь с помощью надсадных проявлений, о которых и говорить не хочется. Может быть, мы уже вернулись друг к другу, только мы ещё не замечаем это почему-то, переминаясь с ноги на ногу, мы сохраняем дистанцию, не веря, что это уже произошло и что мы на самом деле вместе конкретизируем это пространство в наших я, проективно образуя, суммарно, его значения здесь.

21 августа

Я подумал, что здесь кроется какая-то недостаточность помысла или недружелюбие страниц ко мне, но это не так, это другое качество любви здесь во мне; что за варварство, - сказала ты, - почему ты так говоришь со мной, я же растеняю пространство, я же делаю его видимым, что значит ты подумал?.. что вообще значат эти слова, в которых ты хочешь выразить неудовольствие мной или моими представлениями о каких-то вещах.

Вот, подумаем вместе об этом, тут стремительно растёт накал лиц, их растревоженное пространство становится вопреки стоимости пространства… - ну хорошо, пусть ты о себе кроткого [короткого] мнения, пусть ты поисковое пространство этого неба сейчас и в нём находятся смыслы наших я, облечённые в некие формы сознания. Я не хочу казаться, я хочу быть - вот эта форма здесь, которая присуща всякому пространству в любви, в нас эта любовь идёт и ты знаешь об этом уже - уже знаешь, ты не можешь сказать мне нет, я этого не знаю, потому что ты веришь мне и эта сила веры в мою любовь соединяет здесь прошлое и будущее, они вместе идут в одном времени я как эго состояния наших минут везде – в тебе, во мне, в наших сердцах, которые соединяют эти очереди страниц, чтобы они могли идти дальше беспрепятственно. Богу угодно знать кто мы здесь, думаешь ли ты обо мне, или я только кажусь тебе теперь со стороны облаком каких-то мыслей, обозначающих что-то для тебя, состояния или соединения в состояниях мы, или манускрипты и впрямь сохраняют что-то вроде аур света сознаний тех, кто прикасался к ним во времени. Ну да ладно, в общем-то - ведь ты в любви идёшь, а я знаю об этом, а чем это знание подкреплено здесь, чем оно поддержано, так сказать, как не этими днями, в которых мы сами звук, истовый такой звук памяти.

Небо созерцает нас и вот мы снова вместе сохраняем это пространство от лжи в его анналах, мы становимся на колени перед голой правдой, которая, принарядившись, вдруг умственно начала оглядывать себя – а так ли я хороша как память мне подсказывает, что за правда такая, которая наряды носит, да почём знать где ты её ещё взял, правду такую, обряженную во что-то, как степень сохранения массы энергии сил, она ведь вязанкой дров оказаться тут может.

28 августа

Думаешь ли ты обо мне так, как я бы сам хотел этого, то есть по настоящему, важно понять, что мы здесь строим, какую-то модель прощения, может быть, в любви.

…какую-то важную часть жизни я провёл среди обезьян, толкующих об этом состоянии мы как соответствии какой-то форме частного вектора пространства здесь, или, как я думаю об этом сам, сознаваясь себе в том, что мои пути бессмысленны, бесполезны без твоего участия в них, без твоих образов света, о любовь, я память иссёк, или – иссекаю ради этих образов, состоящих из одних глаз, то есть состоящих сейчас из них, после они превращаются ещё в уши, да, сохранять объект ради цели, к которой устремляются наши поля, наши с тобой, к которым мы привязаны.

…постепенно удаляясь друг от друга мы становимся ма-

лозначимы в объективном поле этого мира, находясь в плоскости противоестественного обращения к Богу пространства здесь, в нём всё наше сейчас становится кому-то важным, тому, кто хотел бы знать начало настоящего времени поиска этого пространства здесь в нас самих, а мы кажемся ему китайскими мандаринами, состоящими в отношениях с произвольной группой лиц в памяти я-сейчас здесь. Мы не обязаны тупо смотреть в одну точку, извини, чтобы понять её происхождение здесь, чтобы понять её амбивалентность настоящего этого времени, для которого мы суть небо, и не небо тоже. Но вот что кажется мне важным в нас обоих, эти обращения в качественно иные поля, мысленно обозначаемые в нас какими-то буквами, не осознанно ещё, но я всё-таки стремлюсь понять, чем тень отличается от вещи, или объективное поле от суррогатного мыслетворчества.

29 августа
Шелехово

…потому что ты чувствовала ту энергию, в которой нуждалось твоё я, и она шла к тебе от меня.

…вокруг этого поля лежали нестройные ряды чисел, в которых увязали пространства в нас, а мы кому-то говорили это – я что-то нашёл или я что-то знаю, я что-то имею в виду сейчас или я хочу узнать об этом больше и больше и так далее сейчас.

…ты видела, что я старше, чем кажусь внешне, и это потому, что я был во-первых, во времени я как найденный тобой потенциал состояний мы я-сейчас, или это то, что я вижу перед собой как некое поле, о котором мне хотелось бы знать сейчас то, что я не знаю ещё о нём, а, во-вторых, какая-то воля соучаствовала в этом пространстве нас; я знаю, какая, и ты знаешь. Это воля Божьего Сердца тут, то есть в наших сердцах она была и есть сейчас и я стремлюсь к раскрытию этой воли для нас с тобой как состояния мы. Во многом я парадоксален с тобой, то есть вижу то, что нам необходимо вместе, как понимание скрытого поля, в котором я и ты вместе осуществляемся, если угодно это знать, и ты и я одновременно.

СЕНТЯБРЬ.

3 сентября

Шелехово

Во всяком случае это правильно. Тут плохо слышно, я думаю, давай разумно посмотрим на вещи, где они?.. где аллеи Тристана и Изольды?.. где эти туманы стелятся сейчас, где паритет пространства с почему-либо происходящим образом света сейчас, я тут думаю об этом, почему не происходит сокровенного письма сейчас…

Я тоже думаю сейчас об этом же, и не нахожу ключа, вот,

вся моя мысль, а что, разве это не так?.. Я бы хотела, чтобы ты был счастлив, более ничего, а мне самой надо слушать слово - так мне кажется, и ещё что-то надо сказать сейчас тебе, самое важное, может быть, сегодня для нас быть всё-таки вместе, и чем более мы вместе, тем реальнее план бытия оказывается, тем скорее он отзывается на наше присутствие в нем самом и не кажущейся здесь линией света, а подлинным пространством значений во всём этом эго.

…память немыслима без нас самих - ты пойми это, шелуха памяти ложится пластами потребительских союзов муры - ну не муры, хорошо, не муры. Мне всё-таки снится этот сон ещё о чём-то таком, для нас обоих важном сейчас, я как и ты осмысляю поток, чтобы…

Ангел мой слушает небо сейчас, ему чудятся голоса птиц весны, ты против воли моей никто!.. – а ты-то кто, чтобы волю мою запирать тут!.. я-то птица весенняя, я-то сам воля тут, так они поют ему голосами, а он что-то думает об этом сейчас.

…ну, а кем ты мне приходишься сейчас?.. скажи!

Я тут волю открыл как степень моих минут в тебе, и что же ты думаешь об этом - сама скажи мне без утайки.

Я правду ищу.

Нашла?

Нет ещё, не нашла.

Надо бы ворон в небе сосчитать, - тогда правда откроется.

Ну, пусть. Не понимаю я! Что же ещё сказать тебе на твои слова - закрыто это от меня.

Ах, закрыто!.. значит, а затем и закрыто, чтоб открылось вдруг что-то.

…что нам с тобой надо - простота взаимопонимания, надо перестать обжигаться об эти углы, я сам поэтически адресован, сам как чьё-то ситуативное пространство сейчас, сам перестаю правильно понимать сказанное. Погода меняется к лучшему, пойми, когда мы создаём позитивное поле.

Да.

Да.

4 сентября

Ну да, по любви, конечно, я хотел как раз рассказать тебе,

да, об этом. Я хотел жить с ней в качестве хозяина её положения, ну, как если бы она считала меня своим партнёром в делах, а я жил в результате за её счёт, вот и сошлись кривые состояний за гранью зеркал, может быть, в чьих отражениях больше света это вопрос, а вот ответ, в существующих пространствах мы соединяются те звуки и те пропорции этих звуков, от которых мысленное поле становится явным пространством я-здесь.

…но ведь ты был любим этими женщинами, ценил ли ты их любовь к тебе?..

Я думал об этом так, как если бы их любовь была моей частью - частью меня самого, много лет я упрямо твердил, что мои яви… некорректно проводить аналогии там где их не может быть, по принципу я воля здесь сейчас, в этом углу сознания. Я пример приведу тебе, а ты мне скажешь прав я или это вообще что-то третье. Во многом пространство отзывается на прошлогодний снег, то есть упавшее в почву зерно, ты хвост кометы принимаешь за солнечную активность, явно видя то, что проступает на поверхность как-то, перед тем как произойти, оно неизменно возбуждает пространство к деланию состояния во внутренних мирах я-здесь.

Прости, я восстал как против осторожничания, так и против откровенного бесстыдства, причём весь сразу, как па-

мять я-здесь, ты понимаешь, что мнимое это поле сохраняет наши усилия в любви как позитивный результат в памяти я-ты, и ещё, я очень тебя люблю!

6 сентября

…нельзя всё подчинять одному ракурсу. Я хорошо думаю об этом, что - что есть мы сейчас; я поле, я берегу силы для произведения и я сокрушаю право на истощение этих сил, потому что они нам самим нужны, я знаю это и потому молчу; я хочу сказать это, - ты думаешь обо мне в прошлом времени, как будто я был там один, как будто я был там весь из своих причуд, таких, неважно, - сейчас речь идёт о нашем состоянии здесь, мы ведь право имели в любви жить, как в поле процесса взаимодействия. Я очень, очень хочу увидеть тебя, и это кажется неимоверно сложным. В любви нет границ, ты знаешь, они есть в душе каждого из нас и я должен сказать об этом, в твоём я есть я-сейчас, и я хорошо помню как ты сказала мне сама об этом однажды, что мол всякое пространство ищет смысл, может быть, в произведённом эго и нам кажется, что мы обретаем его вместе здесь, а на самом деле этот смысл уже был предосуществлён, и прежде, чем мы пришли сюда, он уже был в нас самих как проективное пространство, в котором мы обретаем себя самих в той или иной степени сознания здесь. Мы неразумны бываем, это правда, мы не всегда понимаем, что с нами происходит, но мы обязаны трудиться, чтобы наша воля не истощалась, чтобы мы са-

ми понимали кто мы такие тут и кто нам нужен, чтобы быть самими собой, а не истощёнными пространствами судьбы в чьих-то руках. Делая это истощение памятью, мы становимся обеднёнными, пойми, мы становимся принадлежностью чьих-то обид на жизнь, я проявляю память мысли, я Богоугоден, когда я пространство любви, пространство любовного отношения к вещам, в которых заключена жизнь - в которых она есть, и ты и я одинаково это помним в своих я сейчас, я говорю с тобой правильно об этом, я говорю то, что помогает нам с тобой быть вместе. Моя питерская юность образ сейчас, в котором жив свет любви - жив, весел, сверкающ, он ложится на лица и они становятся ярче. Понимаешь ли ты, мы забываем себя здесь, чтобы вспомнить себя там, где мы ни разу не были вместе, а казалось, что были, что мы жили там, чтобы прийти сюда вдвоём, и представь себе - я ведь уверен был, что ты и есть та самая женщина, которая донимала меня своими бесстыжими письмами, что я делал с ними, сжигал, да ведь ты не имела к ним никакого отношения, ты просто думала вместе со мной о каких-то мрачных глубинах чужой тебе души, да, я знал эту женщину, я был с ней волшебен, вот ей и показалось что-то своё, почему она решила одарить меня своим позором я не знаю, по чести сказать, она попрощалась со мной тогда, исподтишка, что это? спросила ты, - особый сюжет?.. или это какой-то неузнанный мною помысл?.. Мне так не хочется сейчас восстанавливать те события в памяти, о которых я предпочёл забыть, что да-

же мнящееся мне поле [не хочет этого]. Зачем я всё это говорю, чтобы память была ярче мне нужен твой голос в себе самом, я хочу его услышать сейчас и это слышание поможет мне правильно понимать происходящее во мне самом, как ты думаешь, смогу ли я двоедушничать, живя с одной женщиной, а любя другую?.. в душе твоего я я перестаю осязать пространство как памятное царство любви, во многом покаявшись, может быть, впоследствии, из-за слишком большого перерыва во времени наших встреч, да, мне тоже не хочется говорить об этом сейчас - мы были оба тогда сильно напряжены и не узнавали реальность, творящуюся перед нами, мы перешептывались в пространстве и не мыслили себя иначе как проводники, мы передавали друг другу те или иные состояния, триодицея наших я во многом есть правильно понятая мысль о состояниях образов любви. Я хочу видеть как ты пишешь, как ты действуешь в письме сама, я хочу знать, где прячется хвост той кометы, которая, развернувшись к солнцу, проносится мимо бесчисленных светил как яркая звезда на небосклоне, как поэтически правильно понятое пространство нас двоих, как произведение одного я на другое, тоже я, но только другое, оптически соразмерное нам обоим. Я знаю, ты хорошо относишься к той, которая – неважно, это другое, мне надо понять присутствие сейчас, о котором я молчу, молча избегая слов об этом, молчи и ты.

Ты упомянул какие-то письма и я теперь думаю о них,

вправду ли эти письма существовали или это строка повернулась таким образом? Скажи, А.

Эти письма шли ко мне как бы от молчаливого имени, я не понимал, кто их пишет, осознанно отрицая их содержание, я подвергался атаке со стороны чьих-то интересов, может быть, к себе. Задушевное это письмо, задушевное это состояние было полно мути и каких-то неясных значений, от которых голова шла кругом, я избегал сознаться себе, что это простые искажения моих же представлений о твоём небе я. Я так хотел понять тебя в себе, что не чувствовал происков, почему они шли ко мне от тебя - я до сих пор думаю об этом. Как будто самые смелые предположения шли в голову, но они не были правильны, проявленное суть совершенное, а что я мог подумать!.. мне казалось ты настолько отчётливо осознаёшь свои действия, то есть пиша и отправляя эти письма в мой дом, что настоящей области зарифмованности я не ощущал, думая, что ты и есть то самое эго, которое терзает меня своими домогательствами в любви, в памяти.

Прости, я хочу понять – эти письма писала тебе я?..

Они шли ко мне из твоего я, то есть тот, кто их отсылал ко мне был – или была, или даже происходило это по чьему-то неведению.

О чём они сообщали тебе,- эти письма?

Они хотели создать атмосферу неприязни между нами, этакая пересортица, почему-либо я забыл их содержание, зачем тебе знать об этом?..

Впрочем, ты прав. Это любопытство.

Ну да. Всякое поле да простится, буде на то воля Божья. Я хорошую память веду сюда, свою, да, вот так, я хочу, чтобы ты понимала это сама.

14 15 сентября

Я пожинаю плоды своенравия, достоверно известно лишь то, что мысль может быть оболгана, и что - и что же тогда я пою.

17 сентября

ул. Дружбы

Здесь многое из того, что мы ищем становится легчайшим образом света памяти в нас самих. Я думаю, Королева, это неспроста так, да, и вот почему - нам обоим он нужен, и во всём пространстве сразу, мы от него происходим, а как же – понимание пройденного устоялось в качествах я как разумный результат пути здесь. Как произвольное небо мы шли, обоняя пространство чувствами, и я делал вид, что ничего не

понимаю в создаваемом мною эго души здесь, я просто хотел обнажать пространства яви до какого-то, не всегда обаятельного, концепта, до какого-то, прости меня, значения я, о котором я не знаю, что сказать ещё можно. Разум не всегда обитаем оказывается при подробном его рассмотрении здесь; там – да, обитаем, здесь ну как-то не слишком. Богоразумные существа мало с ним общаются, вместе с тем обладая порогом чувствительности, почему-либо выставленным за дверь. Высший свет обязан трудиться в нас, потому что он для нас здесь существует в образах эго я, а не потому что мы его приёмники, не имеющие сердца, не обладающие им в достаточной степени своего я здесь, своего эго здесь во многих этих ипостасях нашего я.

Да. Давайте находить потенциал свидания в этих пространствах, в этих образах проявленного я здесь. Настоящее время диктует прошлое состояние и мы в нём проявляем себя здесь как воины духа.

Мой Учитель всегда прав. Он сел на камень, и стал думать. Он думал час, два, три часа, мысль его текла ровно, без изъянов. Он старался понять её тут как пошаговое устройство его личной судьбы, сустав света светился перед ним, и он, освещаемый его сиянием, трудился без устали, прилежно трудился, понимая, что это поле, в котором шла его мысль о нас двоих, настоящего времени этого пространства не об-

наруживает, хотя и…

Что-то вы не то записали сейчас, Королева, как это она его не обнаруживает, это поле здесь, то есть я устремлён, я ищу сознательно эти пространства в любви, я смываю с них грязь оков и потом вижу их в чистоте мира здесь. Давайте думать вместе. Словесные облака заполняют поле сознания здесь и мы кружимся в них почему-то. Почему-то мы соразмеряем себя, свои умственные возможности с этими облаками, а потом удивляемся – что это было мол с нами, а ведь вы, Королева, поступательно движетесь в объектах силы. Мне, почему-либо…

Достойная мысль это такая мысль, которая несёт свет сюда, - которая живёт в нём и ищет продолжения в нас самих.

…объектное поле, Королева, это такое поле, в котором свет имеет волю тут, то есть Он видит через призму своих я определяемые Им пространства чьих-то воль тут, я думаю об этом весь день и сам стремлюсь к определённости в рядах я как ты в разуме этого света здесь, в нас самих идущего сейчас.

Сомнения, неопределённость, всё при мне есть, и довольно сражаться с туманами, я ощущаю прилив воли к своему я, когда ты смотришь на меня в себе, я чувствую - прости

мне этот год, весь! от начала до конца, он тянулся как нить в памяти я - как простая связующая нить между мной и тобой, я был немилосерд, помню, и ещё я помню, тоже для чего-то в нас с тобой это есть, полуразрушенное не пойми что какое-то, в чьих-то руках небо безгласое, бессловесное такое, чей путь тот и простительно одинок, как перст указующий он сам себе - сам в себе своему эго, как содержать его в чистоте помысла, или – как ему себя вести. Я постоянно возникаю в памяти твоего я, чтобы ещё и ещё раз произойти в премудрости неба, может быть, сочиняя стихи или ложась спать в образ твоих минут в себе, а что я делаю как не льщу себе мол я мало знал!.. Мысль не бесчувственна – как может показаться, она строит себя по размеру души и тут и там, и всякая воля ей подчинится, если она светла, от света рождена, как я от тебя – ведь я твоё производное здесь, в этой минуте состояния мы, как смысл любого убеждения я сейчас иду, как высокая воля помысла о нас с тобой, и чем выше он, тем пронзительнее и чище небо здесь, тем лучше видны его дали, о, понимаешь ли ты, чем моя сила отличается от бездействия в полях, чем спокойствие отличается от безбрежного сновидения, ищущие – от материализующих свои намерения?.. простые капризы от пророчащих смыслов в нас?.. или ты, вкусив отчуждения однажды во внешнем своём я…

Я надумал это отчуждение, оно было надуманным, оно лежало между нами произвольным напластованием, поче-

му-либо состряпанным из моих смыслов простого пути постоянного взаимодействия, отчуждение это лишало рассудок настоящего времени - лишало его возможности распоряжаться здесь со своими яяя, поневоле заставляя его уходить в глубину памяти с ещё большими фигурами состояний с пространством мы-здесь, чем просто простые я-ты-мы-все, в которых выражены эти клаустрофобные ниши наших я в нас самих когда мы пьём воду любви из чужих рук, то есть позволяем себя настраивать на получаемое пространство в образах состояний с ним здесь. Когда мы пьём эту воду, мы умалчиваем о себе самих, не спрашивая даже а кто нас ею поит, чья воля позволяет себе это делать с нами. Сиянье света есть Любовь, и это всегда так, здесь в нас она сейчас идёт, как память мы, везде. Я сутки спал, прежде чем, очнувшись, понять свою предубеждённость - свою проявленную предубеждённость здесь во многом, что имело смыслы противодействия для нас с тобой, как если бы мы трудились ради него в себе, как если бы мы поднимали тяжести для того, чтобы доказать себе самим, что этот труд тяжёл.

Я не люблю Москву, потому что она пуста, холодна, безлика для меня стала во всём своём многообразии лиц, охваченных каким-то безудержным отчуждением, освоением пространства мзды, может быть, ты не хочешь этого знать и потому отворачиваешься от этих слов, что же я делаю всё-таки, поступая согласно своей совести сейчас и желая быть ей по-

лезным - быть её проводником тут. Я беседую с тобой, Блаженная Ксения Христа ради юродивая в мир пришла, обладая силой любви, и она сказала нам обоим какая это сила, как её много может быть, если она обожена.

Да, я исчез из Интернета, потому что перестал участвовать в проектах, связанных с его пространством, и потом ещё это, совершенно особое, мне только что надоело спать, я открыл глаза и стал видеть настоящее время мы сейчас, его много у нас с тобой, я делаю то, ради чего я здесь, здравствуй! мне нужен свет.

18 сентября

долго ли коротко ли, только дело в том, что наше поле являет собой пространственное состояние, и что же из этого следует, а то, добрая моя Королева, что называется мои координаты существуют здесь, вязь пространственных букв и есть эти координаты, в которых мы выражаем свои свойства - состояния с производимым пространством я в нас, мы качественно определяем это поле собой как существа, безгласое мы плюёт в уши и мы слышим вой вместо ветра, как быть в этом случае?.. чем чище голос, тем яснее пространство здесь, вы думаете об этом, я знаю полюс, в котором происходят эти мысли, я знаю его надуманные свойства, о которых он повествовал вам давеча, и что же мы с вами скажем ему на это, отмолчим?.. или душевно возбраняемое, порица-

емое здесь будет производить свои счёты, не стесняясь, так сказать, никоим образом здесь, потому что оно в некотором роде не существует, да-с, в нём нет того сущностного начала, с которым можно было бы вести разговор, или соотносить свои мысли, и даже отправная точка в нём отсутствует как память я-здесь, вот ведь какая петрушка.

Для чего это говорится?

Чтобы понять мудрым оком. Я думаю сейчас об этом сам, как о некоей казуистике, в которой маются души, не имея опоры для себя, не имея сцепления с этим небом души, а потому это выгадывание пространства, не более, - что перестаёт думать о себе как о части мира большего, то становится неугодным или не обязательным.

Вот, изволите видеть, Учитель, я хочу, чтобы этот человек был добр и не имел силы недобра в себе, чтобы эта сила истощилась в нём самом и не имела бы пристанища в его душе ни в чьём образе пространства мы здесь, чтобы его поля очистились от огней неправедных и стали ясны сами в себе как свет истинный, чтобы любовь его мало-помалу совершенствовалась и становилась подлинным небом я для него самого. В его душе есть свет, и он виден отовсюду бывает здесь, и чем же умолить мне Бога о нём как не лучшими минутами, от которых свет во мне и я живу им здесь.

Во мне много накопилось неизглаголимого здесь. В этом ворохе писем, может быть, лучшее обо мне сказано. Я необъяснимо любим тобой в себе - сам любим, а не потому, что ты хочешь этой любви тут. Во мне нет мысли противиться ей или что-то претворять, - нет, лучше я скажу иначе об этом. Что-то, просящее нас о себе, есть в этой истории наших я везде, что-то, что просто происходит в мир вместе с нами и делает это, потому что мы любим как сознательные единицы сущего неба, как самостоятельно мыслящие пространства этого неба здесь, в самих себе, в нас самих, в наших я, возможно, что это такое, что желает видеть здесь себя сквозь память наших дней в любви - что это? Какое-то открытое поле сознания бездействует в нас, пойми, оно почему-либо лежит втуне, не осваиваясь, замирая в шепотах лиц, наивно шелестя странными видениями, может быть, исходящими от него, и потом снова настойчиво просящим быть справедливее, отстранённее и справедливее к нему, быть чище, последовательнее и не выторговывать для себя милости у империи недобра, так ли я это сказал как хотелось, так ли ты это услышала от меня в своём я. Убаюканное эго повисает на нитях образов я и становится формой сознания без я вообще - без такого вот я, способного вычленить себя из этого пространства образов-соединений в получаемых результатах своих минут здесь. Но дело в том, что я не образ, я есть живое лицо, в котором свет жизни происходит во мне

самом здесь - во мне самом он идёт минута за минутой становясь мной. Средоточие любви память пространства я-тут, память производимого счёта с этим небом тут в нас самих, настоящим временем исчисляемым, которое вот оно, тут и есть. Разум бесконечен как мысль о любви сознания к труду, и он ничего не даёт тому, кто не хочет этого знать о нём. Поучительное эго трудится как пламень, соединяющий нас, в пустоте мы ничего не происходит, как бы мы ни желали задохнуться в глубине ограниченных миров, свободных от состояния с совестью здесь, свободных и потому отторженных от неё в себе как от животворящего огня судьбы в нас.

19 сентября

Тружение суть судьбы - тружение и не имение недобра в себе. Вот путь, он лежит в пространствах я как соединяющее нас небо сейчас, и я тружусь в этом небе, я появляюсь как маршрут твоей мысли, я проявляюсь тут так, на этих страницах, сам, в проступающих причинах нелинейных этих явлений определённого толка, обладающих током, свистом, сооружаемых с помощью призрачных материалов, из которых, может быть, состоим мы сами в бурлящем времени пространства, издавая звук своей собственной судьбы, мы плывём во времени я как бескрайнее поле, в ограниченности которого есть какой-то странный, может быть, смысл, или не смысл! нет, а состояние, из которого вылупляется наше эго в поминутном этом я. Сохрани меня в себе как состояние, для

которого я предназначен здесь, как потерянная пластинка, в звуке которой был растворён я сам, да, - я, обретающий твое небо здесь с помощью звуков, или – символов этих звуков, в них мы ходили путями лучших времён. Недосказанность суть мнящееся тебе здесь я.

19 20 сентября

Тружение суть судьбы - тружение и не имение недобра в себе. Вот путь, он лежит в пространствах я как соединяющее нас небо сейчас и я тружусь в этом небе, я появляюсь как маршрут твоей мысли, я проявляюсь тут так на этих страницах, сам, в проступающих причинах нелинейных этих явлений определённого толка, обладающих током, свистом, сооружаемых с помощью призрачных материалов, из которых, может быть, состоим мы сами в бурлящем времени пространства, издавая звук своей собственной судьбы, мы плывём во времени я как бескрайнее поле, в ограниченности которого есть какой-то странный, может быть, смысл, или не смысл! нет, а состояние, из которого вылупляется наше эго в поминутном этом я. Сохрани меня в себе как состояние, для которого я предназначен здесь, как потерянная пластинка, в звуке которой был растворён я сам, да, - я, обретающий твое небо здесь с помощью звуков или – символов этих звуков, в них мы ходили путями лучших времён. Недосказанность суть мнящееся тебе здесь я…

я столько раз брался за перо (прибор для письма), происхождение которого мне самому неясно пока, потому что я нашёл его постигаемое здесь поле мыслей - как находят лучшее состояние в себе самих, в своём я сейчас.

Мы запутались с тобой в проводах, сейчас распутаемся - эта башня вышла не случайно, башня, вокруг которой бушует море сейчас для нас тут с тобой во всех ипостасях я сразу, то есть ты думаешь об этом так сама. Я знал, что нам предстоит встретится где-то там, в чьём-то доме, я только не знал, что ты будешь почему-то бояться меня самого, как тебе объяснить это ещё, ну в общем стесняться быть со мной заодно - так, что ты будешь совершенно другой женщиной, чем тысячи их, мимолётных, ни к чему не обязывающих, я так думаю теперь, что ты будешь постижимое пространство судьбы для меня и так далее здесь, во всех этих каналах связи нашего головного я, по меньшей мере.

Я всюду хотела быть с тобой, во всякой точке, почему это так?.. скажи мне теперь – ведь этот ответ существует.

Я думаю об этом с новой силой, я так думаю об этом – ты сидела взаперти в своём я и стала во всём видеть себя, постоянно присутствуя в разуме, только в нём, а потом я открыл дверь в иное пространство мысли души и началась ты я здесь.

19 20 21 22 сентября
ул. Дружбы

Тружение суть судьбы - тружение и неимение недобра в себе. Вот путь, он лежит в пространствах я как соединяющее нас небо сейчас, и я тружусь в этом небе, я появляюсь как маршрут твоей мысли, я проявляюсь тут так, на этих страницах, сам, в проступающих причинах нелинейных этих явлений определённого толка, обладающих током, свистом, сооружаемых с помощью призрачных материалов, из которых, может быть, состоим мы сами, в бурлящем времени пространства издавая звук своей собственной судьбы, мы плывём во времени я как бескрайнее поле, в ограниченности которого есть какой-то странный, может быть, смысл, или не смысл! нет, а состояние, из которого вылупляется наше эго в поминутном этом я. Сохрани меня в себе как состояние, для которого я предназначен здесь, как потерянная пластинка, в звуке которой был растворён я сам, да, - я, обретающий твое небо здесь с помощью звуков, или – символов этих звуков, в них мы ходили путями лучших времён. Недосказанность суть мнящееся тебе здесь я.

я столько раз брался за перо (прибор для письма), происхождение которого мне самому неясно пока, потому что я нашёл его постигаемое здесь поле мыслей - как находят лучшее состояние в себе самоё, в своём я сейчас.

Мы запутались с тобой в проводах, сейчас распутаемся - эта башня вышла не случайно, башня, вокруг которой бушует море сейчас для нас тут с тобой во всех ипостасях я сразу, то есть ты думаешь об этом так сама. Я знал, что нам предстоит встретится где-то там, в чьём-то доме я только не знал, что ты будешь почему-то бояться меня самого, как тебе объяснить это ещё, ну, в общем, стесняться быть со мной заодно – так, что ты будешь совершенно другой женщиной чем тысячи их, мимолётных, ни к чему не обязывающих, я так думаю теперь, что ты будешь постижимое пространство судьбы для меня и так далее здесь во всех этих каналах связи нашего головного я по меньшей мере.

Я всюду хотела быть с тобой, во всякой точке, почему это так?.. скажи мне теперь – ведь этот ответ существует.

Я думаю об этом с новой силой, я так думаю об этом – ты сидела взаперти в своём я и стала во всём видеть себя, постоянно присутствуя в разуме, только в нём, а потом я открыл дверь в иное пространство мысли души, и началась ты я здесь.

Во всём праве правды, сохраняемой в нас самих как ипостась Богоугодного пространства судьбы, Богом развиваемого в предельно сжатые сроки, если оно от мысли Его идёт

в нас. Я скрою навет, и открою дверь добра. В нашем пространстве нет зла, если оно не от нас идёт сейчас, если оно не строит своих причин в нашем эго центре сил любви, в нашем воспринимающем этот мир эго здесь, в котором мы живём сами всё-таки.

Какая жалкая игра в отсветы воли в нас идёт, когда мы струим свет в продушенные комнаты, попросту говоря в проекции наших я, в которых нет слушающего уха, а есть популяризация тёмных сил, истощающих пространство судьбы, изматывающих на состояния все её благие намерения, облагороженные пространства становятся нищими полями, ложащимися под ноги любого хозяина воли, обремененного, или обладающего проективной способностью мысли соотносить свои черты с этим небом в нас. Где же право на сокрушение этих сил, на истощение поляризующих нас пространств. Во многом я открыт для тебя, но вот есть ещё одна глава, о которой ты ничего не знала. Обременённые этими пространствами в себе, мы стоим на песке времён, и кажется, уж сколько их, времён этих утекло отсюда в канистры с этой волей, безумной, - безуглой, по сути-то своей.

Построй мне дом в своей душе - я буду в нём жить сейчас на памяти я как реализованное тобой хозяйство мысли в состоянии сна, определяемого тобой как явь каких-то причин. Кому я нужен во всём этом пространстве космополити-

ческих бредней о предстоянии Бога душе, если её нет у меня и Ему – Ему некуда смотреть тут. Он, попросту говоря, меня не видит в себе, составляя свои причудливые пространства без меня здесь, без моего эха в Нём самом. Сумасшедшая двуличность, - сказала ты мне на это, - ты претендуешь на объяснение своих черт (чего? души я), не имея их при этом. Такая казуистика плохого пристанища воли никуда не годится и нет смысла рисковать состоянием мысли с ней (аббревиатура моя прим. автора этих строк), разум лепечет, отвлекаясь на чуждые представления о себе, ему не с кем поговорить в этом я, которое есть мы сейчас везде - так волнуются эти небеса, отчуждая от себя липкие воли пространственных ганеш, опустивших хобот в твои ручьи, о, река жизни в нас (??), как правильное безумство ты слышишь эти слова, отчуждая здесь их сакраментальный смысл, а где же я в таком размере разума, из-за чего волнения небес возникают - возникнут из-за чего, последствия волны становятся явью здесь и так далее, по ходу действия этой мысли в нас об образовании шлейфа, из-под которого виднеются чьи-то ноги - с чем я вас и поздравляю, Королева моя. Признаться, я уж очень небеса эти вознёс на недоступную памяти высоту, как бы они идут и ничего не сеют в разумных причинах света. Что за уготованность такая, добрый мой Учитель - вы вперёд себя корабль дураков отрядили в пространство-то, не пойму я конкретно мысль вашу, от расстояния, видно, истаявшую тут, да в пределах одной судьбы прочесть её невозможно ста-

ло, так душа та велика сделалась.

Вот урок, который мы с вами обоюдно… во всяком случае, Королева моя, я против иносказания в определённых масштабах мысли. Во всём пространстве моих минут, и нет смысла лгать вам сейчас, как процесс узнавания в настоящем времени я, во мне строятся эти ряды паранормальных обскур памяти, во мне они идут, как прелесть жанра обоюдного обмана памяти, сохраняющей важное как неважное, и сохраняющей это к тому же без особого разрешения институтов сознания здесь. Например.

Вы неудовольствие выражаете?..

Я выражаю радость, обретаемую в отчётливости мыслей.

Послушайте меня здесь сейчас. Я готов идти хоть куда, в какие угодно масштабы сознания, соизмеримые. Я думаю о тощих этих коровах, в чьих полях я не умею жить. Я не умею плести корзины из несуществующих причин, поймите, я не умею быть правильно понятым в коммутативных свойствах лабуды здесь, а вот и я, как гром среди ясного неба памяти, где я был, а где ты была, когда мы любили друг друга, лёжа в одной постели сейчас, в той самой, душа неба зреет постоянно, созерцая эти миры в любви света к себе, создаваемом в нас самих постоянным отторжением тьмы, прокрустово ложе

финансовой лжи, состоящей из права на обман здесь любого, кто к ней прикоснётся, дотронется, обжигая сознание Богоугодного неба в себе. Я, что же, по-твоему - мир караулил, когда он рухнет во мне самом, чтобы затем занять его место престижным балансом миссии с небом здесь - миссии, прости меня, ничего не стоящей без этого неба, кому она нужна, если под ним никто не живёт в анналах своей памяти своего я. И я, и ты, мы оба умеем быть сильными сейчас, в этом дне сейчас, в этом праве своего я быть таковыми без полоумия в расчёте на испуг. Сам не зная почему, я вдруг осерчал на эту глупую казуистику, в предельно сжатые сроки затянувшую нас обоих в абсурдные проценты зрения отсюда туда, в парадизы смешных мальчиков и девочек, да уж, из которых мы выросли и стали жить как взрослые люди в своих я, в своих. Почему я всё время думаю вместе с тобой об этих днях, в которых я сам…

24 сентября
ул. Дружбы

Запредельное сознание бастует, ему не нравится что мы тут прохлаждаемся, так сказать, в вольности этих дней, сохраняя некую общепризнанную дистанцию в своих я. Я постоял на пути, да и пошёл домой. Отчего же так далеко мой дом оказался, если я и не шёл никуда, а, почувствовав это небо над своей головой, попятился назад, разве?- спросила ты, - мне почудилось - ты насквозь пробежал, ну прости, я

так думала сама. Просто я долго шёл на одном месте и вот оказалось, что я достиг результата, будучи приставлен к твоему носу в качестве фигляра настоящего времени тут. Потому что я насмехался над твоими успехами везде, в сознании тоже, я принципиально хотел жить тут как, прости меня, фикция отчуждаемого тобой мира в себе, потому что я был безнравственен во всём, что происходило с нами; я не умел быть нравственным, не умел сам ощущать нравственность как задаток пространства мы в себе. Я думал это состояние ничего не стоит, не имеет так сказать облика состоятельности в нас самих, потому что оно легко уязвимо. Всякая воля есть пространство любви, я прежде считал, что мы проявляемся в ней… в нём, всё-таки, в состоянии жара, пара этого жара, прекрасно волнуемое, оно волшебно светится в нас, и так далее. Мы нехотя расстаёмся с ним, считая, что это поле перепахано и идти по нему нельзя всё-таки. Я продолжу тут это, мне нужно с тобой поговорить кое о чём, таком нетривиальном, не требующем никаких дополнений /в/ тексте сознательного взаимодействия единиц мышления в нас самих, сохраняя качества, казалось бы! давно ушедшей любви в нас обоих, мы соединяемся в общее поле я, в котором продолжают вить гнёзда те или иные протокольные души тут, в них, во всём их многообразии я, есть что-то объединяющее, составляющее эгоцентр одного какого-то смысла, во всём этом многообразии эпох ру, из которых вырастают те или иные смыслы созерцания для нас обоих. Я ведь и прямо и косвен-

но иду к тебе в этом смысле созерцания, как и ты – ко мне, в нас много одинакового. Я хочу, чтобы ты пояснила причину отчуждения всё-таки, по которой мы, произведя этот свет, стали размениваться в реальных планах на чарующее бездействие в любви. Обласканные чьими-то взглядами мы, конечно, умеем быть примененными, умеем быть в разумных полях своих я вместе с ограничивающим пространством, состоящим из пути-проволоки, по которому требуется пройти, чтобы после сказать себе – да, я это сделал, или да, я это сделала, я сумел, - или я сумела достичь… хорошо бы ещё знать чего, холуйство это непотопляемое. Начни всё сначала, развяжи эти камни на шее и сохрани их как память о прошлом бытии, в чём её сохранять, смещая понятия об образах пространства мы, совершенствуя их волю в себе, мы становимся мало уподобленными душами, мы не те ещё, но мы уже и не эти самодостаточные объекты чьей-то любви, мы способны любить сами здесь, сильно, весело, жадно даже, может быть, не служа объектом воли для тех, кто любви этой не имеет в себе, не зная о её существовании как царя в голове, как постоянно действующего смысла этой жизни в нас самих, я совершенно обезумел от этих чужих мне рук в твоём я, которыми ты писала эти истории, об образах несвойственного тебе неба здесь, от чьих личин шёл непристойный запах. Самозащита без оружия, - как, какие кисели с марципанами осеняют ум, чтобы можно было продуманно верстать эти строки, сохраняя при этом единство с небом я в том самом

определённом соотношении сил судьбы с индейкой, ну да, да, именно это.

25 сентября

Настоящее время есть хозяин положения в наших я, настоящее время здесь, в оккультно фиговом пространстве его нет и его не нужно там искать, оно понимаемо там как состояние души здесь и всякое право на использование его идёт оттуда, а как это понять, чтобы лучше знать себя и не отдавать его в руки потенциальным варварам в собственном я. Вопрос кажется неуместным, включение происходит и моя аура становится приёмником варварских нашествий в моё я, я просто выключаю свет в своём доме и эти варвары перестают меня видеть при выключенном свете сознания, а потом я проецируюсь в их пространство как значение себя самого, определяя собой образ поля, ну а во всём остальном ты и сама способна разобраться, и это есть право на истощение того, что мешает свету проницать мой ум здесь. Я выразил это для того, чтобы ты сумела понять сама как сознательное поле, спроецированное в область превосходящих сил может само отражать чью-либо, суммарно превосходящую, волю здесь в каналах связи я. Я предполагаю, что мы активно создаём поле пространства сейчас, в котором мы всё-таки видим друг друга здесь чем-то ещё кроме глаз или ушей, или даже носа, в котором мы живём как два элемента сознания во внутренних мирах своего я, как частицы того, внешне-

го, преступно удалённого от яви подлинника этого мира. Во внезапно открывшемся окне я увидел поток частиц, они шли ко мне отовсюду и становились областью сознания, в которой я сам был значимым пространством воли Божьего ума, во мне была эта благодать и я осознанно шёл к ней сквозь туман неимоверно тугих значений я, во всём моём я лежал этот туман, сладчайший неподвижнейший туман лиц, и этот прорыв означал волю сознания бежать вперёд сквозь продуманные остроты и сегодняшние, сиюминутные, устремления. Заставь себя быть вправе превосходно мыслить, я конкретен и ничуть не уподоблен ничьим перспективам в себя. Что-то неопределяемое пробежало между нами сию минуту - я вдруг почувствовал твоё присутствие во мне.

Я, Боже мой, ангела своего ищу, в нём сила моя живёт, в нём она дышит, как Ты велик и прозорлив бываешь с нами, когда мы чистый помысел о Тебе имеем, так ли Ты говоришь со мной как я о Тебе думаю своими мыслями, свои чувства спрятав от себя самого, от Твоих высот, может быть, их спрятав, и потому как бы без них идя к Тебе в помысле моём.

ОКТЯБРЬ. Словесные облака

19 октября

Ну вот – перед нами некий путь, почему либо утруждай себя, я прошу, ведь ты умеешь это делать, область зачатия обременена определённым маршрутом мысли, я стою

этих значений как знаменатель определяемых мной событий - определяемых в качествах воли здесь. Я просто хочу быть понят тобой сейчас, сам как есть я тут. Во мне многое переменилось с того момента, в котором я был для тебя обретённым полем судьбы, обозначенным моим именем и ставшим единственным полем качества для нас обоих тут. Я стал тише и порядочнее, я стал практически применим в твоей жизни сейчас, я обрамляю своим я твои пальцы и они идут ко мне, чтобы проявить начало некоей середины. Вокруг порядочных людей нет мишуры звука, они не ищут знаковых пространств в ней, они не обрамляют себя знаками этой мишуры, то есть значениями, умаляющими совесть в конкретных обстоятельствах. Я вижу как тебе дорого обошлись эти дни в конструкциях не твоей памяти, мне сейчас нужно понять почём этот хлеб сумятицы сознания в нас - я ведь предельно просто веду тебя.

20 октября

Вот что тут, я думаю. Вокруг нас с тобой есть одиозное поле, в качествах неразборчиво оно, это поле, проистекает оно от почему-либо неустойчивого сознания, я думаю, в котором множатся цифры на свои же пять пальцев. Сознательное стремление есть парадокс воли, если угодно, и с ним не нужно считаться, если это стремление отупляет ваше я. Если оно, Королева моя, становится потребителем в ущерб происходящим здесь полям, мысль моя верна во всяком случае,

так как я отложил дела и бегу к вам по дороге субординаций памяти, осознанно бегу по памяти к вам сейчас, всё быстрее и быстрее. Тут ведь вот что происходит. В нас с вами абъект застрял, и ни тпру ни ну, как говорится, и сила воли тут ни при чём. В нём кажущееся явленным представляется и наоборот тоже, а вести эти для нас с вами готовятся. Я способен понять происходящее правильно. Я знаю об этом сам и мне не нужно (да-да, - так говорится сейчас) стул подавать, чтобы я сел, я постою. Впрочем, вращая адрес в своих руках, подумайте немного вот о чём. Во времени происходят самые обычные состояния, я ем, я сплю, я вкушаю свет, я перестаю определять пространство, если я этого не делаю - я перестаю понимать его происхождение во мне и мне не с чем обратиться к нему как я не определяем для него в своём я. Вы по-своему, конечно, самоощущаете себя здесь в качествах, присущих вам самой, и верхние доли имеют дерзновение проявлено жить в вас как состояние с небом тут, так вот об это поле скала разбилась, об этот корабль, я вам так сказал это. Что синонимия в памяти бывает обеззаражена верхними волями, так это и есть свет, который по любви даётся нам тут, как чудо, с которым сравнить ничто нельзя, ибо оно несравненно, и нам с вами, Королева, пора знать об этом, я думаю. Как не определяемо было то подобие для вас самой в каковом ваша воля происходила, от ваших рук отщепляясь, да, я так сказал это (поистине свет могуч, а с ним мысль моя идёт к вам), во времени перспективу памяти затрудняя

в залежалых этих пространствах практического обстояния, то есть проще говоря, на дне нетрезвой этой памяти я, об которую свет бился, да с чем ещё рука та шла, от небес волю отстраняя, каковую им иметь при себе положено, да, так; и что проективное пространство в них несло заместо воли, как сны о себе самоё тут, мне самому вам это сказать удобно надо.

21 октября

Навязанная модель отношений с А. есть результат. Я горожу выспреннюю чушь, надо проще об этом говорить, проще относиться к состояниям в себе самоё и быть вправе отчуждать то, что липнет к рукам как вязь слов об обретении свойств сродни каким-то пустякам, я думаю, откуда этот мусорный ветер веет, да и зачем он здесь. Вы поймите, парадокс сознания, в котором я уживаюсь тут в своих обязанностях быть для вас ни чем иным, только этим я, и всё, и не более, но и не менее, так вот результат того узкого коридора сознания, по которому шли наши с вами я, и есть ответ пространства на выход из положения подобий самим себе, подобий пространственных фигур, абсурд, скажете вы, набор слов ниоткуда, так, пустующие величины, ан нет! Королева, и не делите пространство на шило и мыло, в мешке их нет. А чтобы нам не показалось это методичное обслуживание чьих-то морд (поистине это так, Королева) нашим с вами служением воле здесь, я возьму и тресну сейчас по лбу некое вы тут.

Это не ступор воли, знаете, это просто память так поступает, говоря себе ах, ну да, а я и забыл (или забыла), что нам вместе надо быть, простите. Диковинная лажа, уж так вот пришлось сказать, просто бум слов о себе, из которых следует, что я пространство без применения здесь, а вы что молчите? Нет, вы молчите ведь, вам память прислать об этих наваждениях?.. Ах, конфликт настоящего с поддельным прошлым из сегодняшнего дня, не молчите, прошу вас. Я постоял за своё поле, и оно пробудилось от тугой этой спячки в разуме не своего я-здесь, я дам вам знать об этом, не беспокойтесь, потому что я знаю как это сделать – отнять своё прошлое из пустующих рук ложной, Королева моя, судьбы здесь. Вы спите в адресе того неба, то есть вы очарованно проецируетесь как путь там. Нам с вами нужнее нужного сейчас всякое пространство, способное к движению мысли в анналах. Всякое поле да прибудет! к вам как светлое пространство здесь, и ко мне тоже, разумеется. Я всё-таки переоденусь тут и встану рядом с вами, чтобы наше я отчётливо понимало какие-то субстанции, вихри слов идут от той середины в коих мысль становится насильственным движением души от я к кому, к пределу памяти, от я к разуму ответа обратитесь, вот что я вам скажу - к разуму определённого ответа в нас здесь. Я право на посей горох взойдёт поле пространства отнял у вас нынче, так как оно слишком большие всходы дало; нам столько не употребить, простите. Всякое прободение памяти чревато, чем? ещё большей памятью здесь, с коей му-

сор идёт к нам - мусор, а не эго в любви. Его нет, если мы мысль бережём от слоёв, выраженных в качествах я как слой для отображения себя здесь, то есть, попросту говоря – не делаем из себя фетиш в памяти мы, вы что думаете, я сплю? нет, я ем вашу память о себе, да, и эту тоже, если вы позволяете это делать с собой мне, я просто приобретаю права на неё как только вы появляетесь в моём я с помощью взяток в виде проекций в моё пространство здесь.

Хорошо; допустим, всё не так просто, как я сам бы того хотел. Случайно я задел ногой стул, и с него упал - кто бы вы думали?.. Ну кто, по-вашему, с него мог бы упасть, не имея опоры в моём верхнем я, так сказать, понарошку прицепившись к нему в себе, кто?.. или я сам скажу вам об этом как о некоем принципе воли быть посреди любви никем, ни я, ни оно, ни ты, просто паук сознания. В верхних эго его нет, в нижних тоже, где же он строит свои аббревиатуры в нас сам, о себе помышляя как о важной принадлежности нашего я в себе (то есть во внутренних мирах нашего обозреваемого нами мира здесь)? Я пройдусь по памяти и вытащу его здесь на свет, да, его состояния с моим я в себе.

Ну вот чем-то вы провинились перед А., чувственно зависимое пространство от вас неумело распорядилось данностью проекций, оно протоколировало их, и только, как состояние с вами в себе, но сохраним ясность ума, слой за слоем

пробуждая память к процессу делания во внутренних оболочках я как в пространстве судьбы.

В нас есть это поле, и мы в нём живём как в лучших минутах сознания. Я против осязания пространства бездарными соображениями о вреде или пользе того или иного поступка здесь, так как они нам даны от природы нашего я везде. В нас пространство проживает свою жизнь, верьте мне, Королева, - ведь я тяну из вашего я этого паука безначалия как принципа воли, в котором контейнеры мысли хранили мусор пространств, а не сами эти пространства. Мне хочется побудить вас отойти в сторону от этих разумных правил в себе и дать вам понять, что вы сами гораздо совершеннее этих правил, от коих можно засохнуть с вином в руке, и перестаньте жаловаться на бурду, это вино, Королева, - не иначе.

Достаточно долго длилось это средневековье, простите, в пределах вашего я-сейчас. Я разумею под средневековьем состояние мы вне какого-либо разума, да, его благоволящих нам отсветов здесь, в наших с вами я идущих сейчас, я же вижу, что это так тут. Как нам разуметь то, что по-своему близко, но, или лучше а всё-таки имеет головное усмотрение и не отвечает чувствам в нас самих? Способ усмотрения есть, а вид имеет прельстительный, то есть ну как бы не существующий вовсе для нас здесь в качествах мы эта воля, мы это осязание, воистину светел мир! да и радость в нём для

нас здесь. Я решился, Королева, на важный этап проявления пространства присутствия в нас самих как эго созерцающего нас мира во всём его многообразии, в котором наша воля отражается, как в сутолоке дней, так и в качествах нас самих тут, из которых мы сами состоим как из волевых пространств нашего я, в которых мы носим наше имя. Мы носим наше имя, я своё, ты своё, и моя фамилия память обо мне здесь. Мне не важно, знакома она тебе как производное [чьих-то лиц судьбы] или я сам придумал её себе, вот так, - взял и придумал однажды, с потолка взяв как настоящее время для себя. Оно стало проявлять меня здесь в моих аббревиатурах сознания. Я хотел доказать себе самому, что пустая оболочка может наполниться волей осязаемого пространства здесь, и стать им, как фигура в адресе, это есть то в качествах передающего пространства нас, в которых мы сами качества постигаемого нами я. Вам надо постигнуть это свойство материи быть звуком сознания в нас самих, для которого мы воля определяемого им пространства здесь, как проекция памяти в него, всегда движимого какой-то точкой извне, в которой находится то или иное состояние с ним, сохраняющее свойство материи быть сформулированным объектом, телом, по сути, по мере наполнения этого объекта смыслом он становится осязаем чувствами и ложится в память как связанное с нами производное от нас же самих здесь. В нас это производное ущемляет память, делая её своей собственностью на те пять минут, из которых оно состоит – ведь оно состоит

из времени, и, наверное, будь я сам поупрямее, я бы настоял на проявлении этого времени впрямую как настоящего момента памяти я, но я этого не сделал и мы обретаем смыслы, проявляя их, как проекции памяти мгновенно.

22 октября

искушение как вставляемый в сознание объект, он живёт своей жизнью и тянет вервие воображения на себя, прости, я тут как некое пространство, в котором выражаются некоторые идеи об этом мире причуд. Будьте любимы, Королева, сами в себе, и я порадую вас определённостью [сродни воле] настоящего мы, в которой кружево пространств становится по меньшей мере светоносным, светозарным состоянием я в нас самих, вот почему. Я ни с чем вас не сравниваю и мне просто нравится ваше присутствие в моём доме настоящего времени я, ну да – понятийный сброс памяти произошёл, простите, как накладная к науке жить вовремя, становясь тем, что ты есть во времени, а не в воображаемом мире я - как кто, как эго содержащее пространство, становящееся по мере его использования принципатом воли невесть откуда взявшихся проекций, вот ведь что. А они, простите, шли, топали, так сказать, по вашим дорогам сами, эти объекты чужеродных воздействий на я в нас самих, и как скрыться от них, или что надо сделать, чтобы эти объекты наслоенных на память воль, не обескураживали суть происходящего здесь я. Я верну вам память, я обещал, и сделаю это

сейчас, тотчас, как только вы сами состоитесь, то есть облагороженное пространство судьбы ответит на вопрос памяти кто ты. В нас есть этот ответ. Он бывает забаррикадирован тучей стрел, топонимия скачет по строчкам и мы тотчас сдаёмся, не чувствуя подвоха, не чувствуя, я думаю, позитивного пространства нас самих здесь, в котором мы живём сами в себе, объявляя его запретной зоной нашей души для тех или иных проекций в память я, которые идут ни с чем, просто поживиться за счёт вольных сил состояний, как бы даром урезывая, отчуждая на себя лучшие минуты я. Во мне гром небесный идёт, сопутствуя пыху молний, для того, чтобы я мог понять сколь опасен этот путь в любви без ответа, я прорываюсь сквозь наития, сквозь государственные границы этих сил во мне, сквозь их беспорядочный шум страниц и я же делаю вид, что я ничего не знаю об этом, что я вижу какие-то марева, мне данные в качестве строк-состояний с этим миром, с этим пространством мира я-тут, и ничем не могу ему ответить в себе, ибо не являюсь его частью тут, будучи подобием узурпировавшего меня самоё я, область сознания которого не является моей областью и поэтому свет не идёт ко мне из неё как качество любви ко мне, к моему состоянию с ним. Но вот что-то объявляет эту границу между нами несуществующей, несостоятельной, если угодно - её нет более, и разум моего я, обделённый этим светом любви, трепещет в лучах нового, неясного мне пока светила. Моя память обдаёт меня обрывками фраз-приветствий,

я чувствую приближение особого пространства в себе, которое хочет видеть меня не обделённым собой здесь, я весь состою из него. Воздух чист, Королева моя, в нём нет памяти зла, наносившего ущерб пространству мы-здесь, и это так. Я сознаю себя найденным в мире слов о любви, о состояниях в любви, я сохраняю единство с ним в себе, чтобы луч этого царственного пути был моим проводником к тебе, к твоему я-здесь. Камня за пазухой нет, - есть сердце, для которого я – живое пространство, жалость и любовь сокрушают его престолы во мгле неведения о тебе, во мгле пустых фраз, исполненных пафоса этого неведения о том, что есть ты, моё имя в буквах этой любви созданного из начальных областей сознания здесь. Я бушую как ветер, сметающий все символы нелюбви! ко мне самому, потому что я был плох в том состоянии со мной твоего я-везде здесь и не делал твоих минут ясным светом в себе самом, я грел руки в них, создавая образы пространств без тебя самой и мне было отказано в тебе сейчас. Так поступает память с теми, кто не желает знать истинного света - она делит и умножает свои секунды на здравый смысл, оставляя без применения сердце в нас, а оно есть жизнь, и оно лупит больно того, кто хочет приноровить свои минуты с путями смрада пространства волшбы, в чьих образах присутствует гниль и нечистота помысла об этом мире здесь. Прости, что я заговорил об этом с тобой сам, осознав это сейчас так остро и больно, осознанно говорю, по чувству состояния я, которое хочет говорить то,

что належало на сердце, сделав его бесчувственным органом восприятия памяти мы в своём личном пространстве сейчас. Я вижу тот день в себе – тот самый день, который обнажил наши отношения, доведя их до абсурда в состоянии мы. Я привык хлопотать о себе как о чём-то важном в любви двух сердец, мне казалось это стоит того, мне казалось я хороший, потому что ты любишь меня, но вот твоей любви ко мне нет, её не стало между нами и я оказался плох. Сотканный из частичек твоего я, я сиял, почему-либо считая это сияние своей принадлежностью, мне принадлежащим светом, ты есть образ воспринимающего пространства здесь, я бы хотел сказать тебе об этом сам, я как в книге отразился в твоём умесердце, потому что я имел его, этот образ я, пойми меня, как стать пространства мы здесь сами живём, я имел его в твоих устах, в твоих плохих обо мне мыслях, и хороших тоже, разумеется, - я весь был соткан из тебя самой как из своеобразной мишуры слов, доносимых до моего я везде здесь. Я только желал, только надеялся, только хотел знать чьи уста лучше споют наше имя.

Отстранитесь сейчас от этого текста, вне какого-либо разума невозможно избежать спячки в пути, и это всегда верно, Королева, - просто проявленные пространства вносят сумятицу в определённый состав мыслей, и мы с вами ощущаем её как нестройный хор чьих-то ещё голосов. Богоугодное небо проснулось и бдит мысль свою о нас, мы в сомнении

пребываем, а не оно, и поймите ещё, что это сомнение нужно нам как часть нашего самосознания, и оно угодно небу - поэтому память бездействует в молчании неба. Я не хитрю как я не лис и не имею пристрастия к животному состоянию ума, в котором сочетаются истинные побуждения с нелепостью причин простого варварства, исходящего из скороспелых соображений; я не мост между вами, я просто вижу всё в истинном свете и чувствую волю как его проявления в себе. А между тем, Королева моя, она есть в наших с вами отношениях как настоящее время подлинника пространства мысли, в котором присутствуем мы сами как значащие его пространства здесь; в нас идёт это время, и мы прямо указываем на него в анналах памяти своих я. Происходящее здесь состояние не случайно, в нём многое предопределено было самой формой сознания, имеющей адрес наития в своём я-сейчас, как и выбор пространства силы состояния, силы разумения, да, если угодно, этого состояния. На небе нет звёзд, потому что они скрыты тенью близлежащих форм, они вызывают немоту, вихрь идёт и уносит эти формы, они уходят, растворённые этим вихрем в нас, и мы становимся правомочны в своих собственных я-сейчас, обедненных до этого этими формами. Связи гигантских масштабов памяти открываются нам в сознании - мы видим их воочию; они ничем не скрыты от нас - мы сами их видим, переставая на миг другой понимать, где мы вообще находимся. Обладая способностью так видеть, мы молча созерцаем пространство, в котором Бог ви-

дит жизнь нашими глазами воплощённой души неба. В нас происходят эти движения воли и мы осознаём это тут, принимая форму состояния с Ним в себе - как кто, как я, разумеется, и это состояние наиболее правильное в нас самих.

22 октября 1

1.

Тут некоторое количество диковинных слов лежит, держа вас за руки сейчас. В отдельных слоях воздуха этого неба кружатся вальсы, а с ними и я в вас. В нём, в этом небе сохранены для вас размеры души, - сохранены как визионерское пространство. Кстати, Королева, вам на память идут эти слова, не так ли, сейчас, а в них какая-то еретическая мысль чувствуется, не совсем привычная, может быть, о каких-то соответствиях вашего я чьим-то ещё потенциалам судьбы, чьим? уж не моим ли, или я что-то не то подумал, в нас какая-то пустыня жаждет, а где она идёт неведомо то. Память строит из неё что-то, какие-то рифлёные поверхности, да только мы не узнаём их в себе что-то как поля каких-то пространств.

23 октября

Знаете, что я подумал о вас, вы слишком сильно бываете направлены. Смыслы предубеждений не стоят этой направленности сейчас. Я обдумаю, Королева, а заметьте ещё, что эта направленность не есть целеустремлённость, и почём снег, как говорится, если он в прошлогодних - ну да ладно.

Вам верить надо. Об этом дне память сама побеспокоится, отдайте ей решительно всё, что она таскает за вами, из себя вымарывая, за тем и идёт, простите душевно. Ну что-то там такое кому-то покоя не даёт, ведь вот что. И не мысль даже это, просто волнение, об чём, - что за волнение, на тему какого дня об вас ударяется здесь, с чем, так сказать, пожаловали, от себя ли идёте, или прислал кто, беспокойство своё унять желая, о чём оно идёт, запредельно так мысль тревожа неясными построениями памяти во мне самом.

Вот что, Королева, сделайте, что-то очень сильно хочет выйти на свет, так сильно, что кажется само смысловое поле вздрагивает от этой силы, которая бьётся в памяти, не имея другого выхода кроме неё, и кому как не вам понять это должно сейчас.

Поразмыслив о том, чего нет, мы долгое время сидели в молчании сейчас, то есть мы думали каждый своё тут, или делали вид, что думали, накапливая в себе самих истощающую массу слов, потом она стала опадать, становясь тем маленьким жалким месивом чьих-то умозрений на нашу с тобой жизнь, которое прободало память извне, организуя это пространство таким образом, что оно выглядело неважно - неполноценно, обиженно и уродливо. Как круг оно замкнулось само в себе восстанавливать свои значения во мне. Я сел на стул, попробовав сдвинуть с места эту реальность в се-

бе, я стал стараться переубедить её грезить плохими мыслями обо мне, то есть теми, которые не делают добра нам, она поддалась, и этот, когда-то могущественный шар лопнул, обдав вонью, лопнул, разлетелись его составные части, не стало больше краденных им минут моего я, перестали действовать его фальшивые наветы на мою память о тебе, отворились двери, которые не были видимы мной даже, о существовании которых я ничего не знал. Эти двери были заперты, занавешены, так сказать, моими поступками, которые я отчётливо осознавал как лучшие для того времени нас здесь, я был малоупотреблён что называется, я был сам по себе я и не имел значения в твоих глазах как то, что имеет к тебе отношение какое-либо иное, кроме неприятия тебя собой. В нас обоих вертелся этот шар чужих мнений, нарастая, накапливая свой потенциал за счёт внутренних монологов с ним, внешне он обуревал пространства какой-то жухлой спесью, и не имея смысла, обретал его во вне, просто зацепляя чьи-то умы своим омерзительным видом. Я понял это сам наконец-то, накинув узду на те значения поистине горьких слов, чья неразборчивая масса, готовая к употреблению, состоит из малоосмысленных путей, малопонятых, может быть, и потому безвестных. Область значений передёрнулась от этих слов, почувствовав приближение воли большего порядка, чем та, которая руководима была ею доселе, а вот знайте! об этом, Королева, что синонимия не исчисляется этими процентами глухоты в сознании я; она исчисляется

другими величинами, от которых тепло приливает к крови и становится угодно душе во всём мире я, и чем теплее мера, тем проективнее пространство, тем проявленнее оно само в себе становится, а с ним и я. Без сомнения это так, Королева моя, и Богу угодно расширить ваши владения, земли эти, отписанные той душе, к вам теперь возвращаются, а с ними и память. Под землями я разумею пространства воли вашего я, определяемые чертой сознания в нас самих, почему-либо замкнувшегося на своеобразный код в анналах памяти я, как нелепое соображение о какой-то там черте, через которую переступить нельзя, якобы она перед вами идёт и жаром пышет, как столбом пыли вертит, через себя не пропуская, а это на деле пустой звон, то есть морок, вот так.

И это не шутка какая, Королева, это взаимодействие с пустым полем, в котором память барахтается, как в тугих тенетах, к которым сердце привязано в любви бывает, а с ним и вся любовь ваша в них опутана делается, становится, а вот пламя то душу ожгло, и не стало тенет, засвеченная та сила оказалась тут.

Ну, хорошо. Давайте двигаться в тумане почему-либо сказанных слов, сохраняя при этом двигательные способности души в нас самих. Что же получается, Королева моя, значит ли это, что всякая воля способна воздействовать на верхние слои сознания здесь, будучи снабженная полномочиями че-

ресчур рьяных сторонников демократии успеха в сердцах, или пандемия образных инсинуаций способна поглотить любое пространство вообще как состояние с этим миром в отсеках памяти, отсебятиной бормочущих смыслы яяяя - ? ЯЯЯЯЯ организм воли здесь, ЯЯЯЯ отнял этот мир у тебя и сделал его своим, ЯЯЯЯЯ и так далее. В чём смысл?..

Вне взнервлённого пространства этого смысла нет, оказывается, и он остаётся сам по себе никому не нужным состоянием с волей того, кто его создал в нас на потребу своих личных амбиций, от коих мура становится мерилом поведения, МУРА. Мысленная мура, игра в прятки и неизбежное фиаско, Королева моя, конкретных форм, обнищание их с переделом пространства воли в объектах памяти я.

Во внемышленном я это всё происходит, поймите. Несостоятельность как фактор любви никогда не была правом отчуждения земель, никогда. И никогда им не будет, вот уж поверьте теперь, я знаю, что говорю вам.

27 28 октября

не смейтесь, Королева, только надо нам с вами потолковать, подумать вместе об объекте чьих-то умственных настояний, с чьей волей память выстраивает здесь обретаемые яви. Кристально честный взгляд в пространство называется любовь, и это, до обморока доведённое письмо, сохраняет

его свойства в себе. Чем дышит воздух, тем оно и является везде в нас. Это поле пространства мысли о любви, данной, даваемой тут нам для того, чтобы мы с вами умели понимать этот мир собой. Стратосфера накалена исходящими причинами ветра сознания, мысли заглушаются, мельчают до поры, вихри воздушных медиа сигналов бушуют, как крепость под напором проявленных в памяти пространств высшего смысла в любви. Я каюсь в содеянных мной фальшивках сознания, я должен обесточить их тут и тогда правда выйдет прямым ответом пространству я здесь в нас самих. Вне внимания остаются многие проекции. Богу угодно было сделать нас однолюбами в своём я-сейчас и таким образом создать этот мир в себе, мы – часть его, воздух реагирует с нами и надлежащее становится протоформой сознания. Я состою в объектах воли вашей милости здесь, и это даёт мне право высказывания. Я голову вам морочил, обедняя пространство, оказывается, своими сиюминутными соображениями об истечении сил воли в какое-то другое-третье поле, а вы прислушивались ко мне, чтобы занять своё время моими мыслями. В нашем с вами поле [сознании] кто-то жизнь прожигает, хищнически разбазаривая данное ему от Бога сердце в любви, а вы верите, что оно там трудится, да, я вам доверил не Бог весть какую тайну сейчас, Королева, да вы осознайте её почему-либо. Мне надо помочь вам разобраться в этом. В начале этого послания я должен извиниться за выбранный тон, он мне самому неприятен, просто я очень хочу быть вам

полезен как продуманное свойство, а не враль в апофеозе, простите, собственной лабуды. И вот я берегу уши от мороза. В нас много накопилось невысказанного, не имеющего, в общем-то, значения сейчас, а это делает ум озабоченным и ставит ему препоны для осознания некоторых идей, сумбур памяти становится невыносим в некоторых случаях и я стремлюсь навести в ней порядок, осознавая некоторые процессы в своём я, чьим организующим началом является ваша мысль обо мне в своём я. Ну вот прочтите это - я старался понравиться тебе, я старался произвести впечатление благоразумного идеолога твоих затей, я хотел знать куда они ведут нас с тобой, да, и это привело к образу вымышленного пространства нашего я. Понимаешь, я был увлечен тобой настолько, что наши мысли сплетались, осознай сейчас это. Вот память, в которой я жил до сих пор с тобой в пространственных этих инвективах я, я жил с ней как с тобой; тут она ушла от меня. К тебе вернётся сейчас моя аура, в которой содержатся твои образы настоящего времени мы, ты почувствуешь это как творимое в тебе самой я-сейчас, пойми после, ты ведь очень сильно хотела состояться, быть, в общем, прими это как есть, я «вслепую» проговорил с тобой столько лет, обманом задержав тебя возле себя, чем я только не обволакивал твою память, чтобы разум не сообщался с ней и не мог по этой причине вызволить её как-то от меня.

Вокруг полей пространственных сил всегда есть принцип согласия, согласованности. Он выражен, или выражает себя

во временных кодах сознания. Это есть то по причине согласованности в анналах памяти с каким-нибудь объектом, отчуждающим пространство времени (да) на себя, на свою волю в каналах памяти, истощая её заимствованиями. Гибель государства зла была предначертана в книге судеб, как вам должно быть известно, она явилась в нашем сознании правом на предупреждающие знаки здесь, во времени, в нашем соединённом я-сейчас. Верхние доли осознают это пространство в качествах, присущих настоящему времени, мы состоим из этого времени, если можно так выразить то, что происходит перед нашими глазами и составляет план сознания для нас тут. Течение мысли может, или способно, отразить проекции в память, которая однако вербально насыщена бывает и не всегда ей слышен голос пространства тут в наших я. Да, смыслы велики бывают, Королева. Государство, о котором я выше сказал, должно изойти, стать неправомочным, так сказать, в яви, и нечем ему помавать будет нами. В высших смыслах эти конструкции рухнули как стать яви. Я, как вы подумали, отчуждаю вас от высот, но это не так, проведите аналогию с конструктивным мышлением, я научу вас. Приворожённая память бывает двух родов, она или приспешествует чьему-нибудь велению или сама горит, то есть вы говорите, но вы не слышны никому, даже близлежащему пространству здесь, как бы речи те не важны ему. В верхних долях происходит прилежание чьих-то уст и настоящее время съедается ими прямым воздействием на чью-либо па-

мять. Сколь мелок и горек ни был бы тот персонаж, а он есть и право на истощение сил воли ему никто не давал взаймы, то есть на использование не своей воли тут для процесса роста духовных сил, в которых вы сами нуждаетесь, и я пропою гимн тому солнцу, которое осветит ваш дом превосходным лучом здоровья и сопряжения сил с лучшим пространством здесь.

Ответьте мне на мой волшебный вопрос, я хочу знать по праву сохраняемого между нами состояния я – ты, о чём вы думаете, соединяясь со мной в пространстве, о каких качествах или премудростях воли вы помышляете в своём единственном я-мысль здесь?

Ответ: я думаю о себе в третьем лице; вопрос лишён смысла для меня здесь.

Хорошо, я так и думал. Что ж!.. Конкретика мало уподоблена моему я.

29 октябрь

стойте на своём - это важно объяснить умом, а не ложится спать в предложенные обстоятельства, так как они не имеют смысла, смыслового наполнения. Я не заложу уши в ответ на явное обескураживание сейчас, я не сдам свои вольные позиции, - я не буду думать, что минус это плюс, что бескрылое

небо само может лететь, что фигуры сознания становятся в ряд активно удерживаемых проекций, планов смещаемых и т.д., как активное эхо это идёт, поймите, что я упражняю ваш ум на правильное восприятие поля в образах света и оно становится ярче, движимее, превосходнее, то есть проявленнее, отчётливее в зримых состояниях. Мне хочется сейчас быть для вас смелым состоянием - в нас оно есть, я знаю; я от души желаю вам достичь последовательного результата и просто проявиться как сознательное эго. Что-то сильное давит извне на ваше сознание, мешая ему, может быть, стать тем истинным светом, к которому вы стремитесь в себе, я подумаю об этом, если позволите, не обижайтесь, если я вдруг вспылю или немедленно открою вам глаза на какую-то суть, головную такую, не имеющую, может быть, важности сейчас, но имеющую её после - после выявления этой сути для нас с вами. Во мне всякого поля хватает и я бегу с ним подмышкой, как атлет, постоянно требующий внимания к своему телу в сознании. Я думаю, Королева моя, что необходимость созерцать чьи-то ещё силы заставляет ваше эго ужиматься и становится в ту точку внимания, в которой эти силы не сумеют обнаружить его для себя, но только я хочу сказать вам об этом, такой необходимости нет в настоящем времени. Вы в сомнении, я знаю об этом сомнении. В конкретике плоских величин нет никаких высот, они не бывают там, поэтому соразмерности не возникает, а не потому что кто-то отменил её. Во всяком случае я проявлен вами достаточно, и это да-

ёт мне право обнажать пространство в своём уме, и не как кажущееся, а как вполне реальное небо сейчас. Вы далеко отстоите от тех дней, в которых эго вашего состояния с А. было озабочено смешными сомнениями в себе, а стою ли я того, кто сейчас смотрит на меня во все глаза или я просто имею вид привлекательного объекта (может быть, объекта) для него? потому что я чем-то занимаю его воображение, в котором он сам по себе порядок вещей, по всей вероятности, не нарушаемый ничьим вмешательством извне, во всяком случае я не имею к нему ни малейшего отношения кроме моих соображений о том, что здесь находится /что?/ что-то большее, чем я сама, но я не могу это увидеть или понять, потому что оно скрыто от меня в образе доступного зрению.

Не совершая никаких открытий, мы застынем в пути, я думаю, и будем жевать то, что есть у нас с вами. Как вы думаете, воля вашего я способна воспринять такую версию состояния. Я укрупню проекцию в память сейчас, какое-то смысловое поле зачехляет пространство.

Я проявляю разум, а не пугливое что-то, это так. И вот я говорю вам об этом сам, мне свойственно ошибаться, может быть, свойственно также не делать ошибок, мне свойственно быть и это важнее всего другого, что между нами есть сейчас. Я, как накалённая образом суеверия тигля, боюсь схватиться за горячее. Моя мысль далека от отчуждающей меня

воли, и в самом деле почему я так долго топчусь на месте, глядя как ты изучающее смотришь на меня в себе - что я, и впрямь безволен сам в себе, и не могу понять что-то? Мы промчались, как угри, сквозь тыщи [м.б. вёрст], я позитивно настроен и мне нет смысла прятаться от тебя в свои я, я мысленный образ настрою, и ты поймёшь какая изумительная правда лежит, обретает себя в наших я. Я думаю, ты обрадуешься ей как смыслу настоящего времени в нас же самих, ты сможешь ощутить этот прилив сил для того, чтобы самостоятельно решить какие-то важные вещи, в которых мы понятны друг другу. Я затем это говорю теперь, чтобы самые обычные силы вернулись к тебе, верь мне. Я знаю, что ты веришь, я чувствую это и сам милостью Божией думаю что-то очень хорошее, очень самостоятельное и сильно, сильно надеюсь.

Во мне сброс памяти произошёл, пойми, я растерялся на миг, всего на миг, а сколько времени прошло, как будто я очнулся от сильного предубеждения, в котором пребывал столь долго, что даже постоянное взаимодействие с твоим я не давало действенного результата - в моей памяти происходили эти сдвиги, сознание работало медленно, как будто затруднённое чем-то оно было во мне, как будто я избегал встреч с тобой, потому что осознанно не мог двигаться к тебе. Я всё время шёл, бежал даже всё дальше и дальше от твоего мысленного потока во мне, я делал какие-то дурацкие дела,

с чем-то связывал тебя, даже делал расчёты на эти связи и не мог, пойми, преодолеть этот чарующий сон, он во всех нас шёл, и сейчас идёт ещё этот сон, опустошающий такой сон о какой-то фигне, прости, в которой мы все живём и думаем, что это достойная нас самих жизнь, а это не так, это просто духовная слепота в разрезе глаз, а не взгляд на вещи, в которых он путается. Могу ли я хоть как-то объять это подобие умом - хоть как-то очертить, оконтурить эту последовательность состояний нас с тобой в разуме, в Разуме творческого я, в котором происходили эти бдения за чертой вербального принципа воли, могу ли я произнести хоть одно слово, чтобы оно не стало твоим или моим я с той степенью важности настоящего времени здесь, в котором мы сохраняем свойства жизни в любви. Я вредничал, желая остановить поток какой-то мучительной воли, я пил водку, я произносил тирады, я поил тебя, наконец, подтасовывая какие-то значения, направляя твои мысли в угодное мне русло, чтобы ты сумела вывести меня на то состояние.

30 октября

Вот в нас появляется мысль о чём-то большом, дружественном - в нас самих она идёт, безо всякого принуждения. Мы становимся подвластны ей.

Я стою твоего внимания, потому что я вернул нам всё, что мы потеряли за это время. Просто я очнулся вовремя как

резонирующая с тобой суть состояний, просто я платил по счетам не своего я здесь и делал это с охотой, добровольно я это делал, и что же теперь мне нужно сказать тебе, что я отсёк большую часть неприемлемого этого. Здесь что-то нравственно колеблется между шуткой и пустяком, прости, это колебание мне понятно, я ведь сам его произвёл, надеясь на некую волю как на обретаемое мы, как на то, на что можно опереться в своём я-сейчас, ничем особенно не рискуя, я, как и ты, переживал эти состояния добровольно, получая одно и то же небо над собой, вечно надутое и несправедливое, нам обоим надо пройти курс оздоровления от этого неба и я прошу, да, не отставать, не становиться в позу раздетого до гола ангела, а просто быть рядом. Я сниму эту шляпу со своей головы, она чужая, шляпа эта, да к тому же не моего размера. Я сильное, красивое небо и это моя стать тут, я умею любить и быть любимым умею тоже, я знаю толк в людях, я умею им нравится и желать добра, - я умею это, я способен это делать, почему же я ползу как вошь в твоей душе?.. как пустая погремушка не твоей к тому же судьбы?.. отсечённой от меня. Сокровенное это созерцание имеет волю тут, а я сам как вопрос без ответа, кому я хочу быть полезен в своём я, или хотя бы правильно понят, или даже просто приятен как факт общения со мной, а? Это не сумасшествие, это просто результат наших коллизий во мне самом. Надо как-то взять себя в руки и перестать чинить этот примус в своём я, перестать его преобразовывать в некое третье произведение для

тех, кто сокрушён сам в себе, смешно сказано почему-то. Я ведь краюшку хлеба нашёл, ну и побежал с ней куда-то, в упыриные эти дали, с камнем за пазухой сел на стул, и давай чихать, ну да вот ещё что - я после об этом доскажу.

30 октября 1

1.

…что-то коммерческое, может быть. Я, признаться, обескуражен, Королева, этим текстом, он как-то за глаза плюёт, то есть ставит в неловкое положение меня и вас, мне кажется, по причине недоброжелательства, а откуда она, причина эта, в общем-то станет ясно, если мы размотаем клубок, парадокс в том, Королева, что вы сами ничего не улавливаете толком. Я чувствую как вам надоело столкновение этих взглядов в вашем я, а зачем они тут пересекаются и откуда эти взоры идут, на чьём лбу горят отсветами эти очки и для какой надобности вам самой это знать.

Да, во всём мера должна быть, доверительный ли это разговор, или просто волна доносит говорливое эго чьих-то суточных мыслей в ваше небо; пасека слов, так сказать. Я просто думаю об этом, мне кажется мы выверяем какое-то пространство, возникающее при соприкосновении смыслового поля с адресом мысли в нём, а проявленное это поле или оно ещё только зреет в устах. Я почему-либо оправдываю те или иные сопоставления, намеренно оправдываю, делая это

из лучших побуждений, а не потому, что хочу непременно прав быть перед вами. Как плотно ни кажется это пространство, а в нём лазейка есть, но только, Королева моя, это не та лазейка, в которую тараканы от ума прячутся, это видимость для нас с вами, а вот то, что нам нужно постигать кропотливым трудом, не имея при этом ничего от себя сказанного или прибавленного по скорости письма или из простоты, может быть, как бы выходящего, да ведь вы шапку ту волос завитых не зря потеряли и образ имеете неба в себе как лучшего пространства, и вам следует об этом небе позаботиться безотлагательно, просто очистить его от наносов беспринципных воль в себе, прямо идя к тому, кто любим вами и не дожидаясь, что контуры воль сойдутся в единое пространство сейчас, потому что, Королева моя, всё, что есть великого, идёт от любви и ни от чего более, так сказано.

НОЯБРЬ.

1 ноября

Зеленоградская

Я думаю о позитивных пространствах, я стремлюсь к ним в себе и это моё кредо. Передо мной творческое небо, я знаю, оно ждёт моего применения и я иду к нему. Я нацелен на настоящее время здесь, потому что я упрям. Я вижу как небольшое пространство становится малым пропуском, то есть оно движется в настоящем времени вместе со мной здесь, и это многое поучение для меня. Мне не нужно жить

под чужой звездой, у меня есть своя, моя малая толика этого неба, освещающая мой путь здесь. Мне не нужно бежать за чужим мне самому, потому что я вижу своё пространство. Оно нуждается во мне, в моих проявленных полях, в моих проявленных явях в них, в моих пробуждённых словах, сказанных не во сне, а в любви. Во мне есть эти слова, я знаю. Я знаю, что они сокрушат любую дрянь, в какие бы одежды она ни рядилась, как бы она ни называла себя здесь и под чьей бы личиной она ни шла, называя себя потоком славы, бурлеском дней, да чем угодно она ни называла бы себя, я узнаю её тут и она исчезнет от этих слов, сказанных мной. Она станет неприемлема тут, ей не найдётся места в моей душе и не только в моей – она примет свой подлинный образ, и станет видна как то, что она есть на самом деле. Без отчётливого этого видения она словно бы прячется под видом тех или иных слов-состояний, она как пустое, праздное небо пожирает пространство любви, поднимая тучи пыли в сознании, осеменяя и давая ростки подлых низменных путей, оставляя без покрова мою волю и она как бы лежит в тумане, но нет этого более во мне, нет, и не будет. Я не имею к ним притягательности в себе, к этим путям, они не идут во мне, ибо нет для них моей воли в себе самом. Я переживаю пространство как луч света и я знаю, что есть любовь, и она превыше всего тут. В ворохе дней я жил, и живу сейчас, как право на искание лучшего неба, и вот оно во мне оказалось, с ним я иду, с ним я жив и здоров сам в себе, с ним я любим

тобой и с ним мне хочется быть в себе здесь. Во мне всякая сила вольна с этим небом в любви, всякая даёт добрый плод и оставляет след для разумного царства здесь во мне, для разумного понимания созданного мной пространства в любви, и я хочу, чтобы ты знала об этом. Я кружился как подлая птица в твоём поле, не умея понять этого кружения как плохой любви, как плохого отношения к тебе, поверишь ли, - я так думал, что опыт всякого я нужен, что любая сволочь, которая в дом твой войдёт, краше сделается, не-ет, не будет этого отныне, не войдёт она более для украшения себя здесь, нет ей пристанища тут и не посмеет она коснуться злыми очами твоих минут во мне, это я сказал, и так стало отныне.

Сколько лет я жил в отчуждении от твоего я, думая, что приближаюсь к тебе, думая, что я поле чистое несу нам в руках, думая, что мы сами свет свой узнаем, ну вот пойми же теперь обо мне это подлое пространство, которое вылущить нужно, не стесняясь и не ставя благородную цель познания, нет его там, в нём – нет этого познания. Я знаю, что ты добровольно ищешь свет во мне, сама его видя, а не потому, что он как-то тебе силой принуждён был или как-то иначе, пессимистичное это небо отринуть отсюда надо, я против устрашения как такового, против, и всё. Не с чем ему тут идти. Мне вор в твоём доме не нужен, а это, устрашение, и есть он. В нём пустое поле как память минут идёт, - так вот вон пошёл.

4 ноября

Я почему-либо осмысляю часть времени, я делаю это по каким-то причинам. Большое хорошее небо струит свой свет и я вижу его вместе с вами. Я делаю это проекцией в свою память, чтобы оно понимало меня, понимало нас вместе. Я решил подумать о нём вместе с тобой, зачем? опережаю я твой вопрос, разве мы близки настолько, чтобы понятийные смыслы, сопереживаемые нами, могли определять, определить сейчас как наше общее пространство здесь?.. Я в немости иду в общем-то, то есть ощущаю то, что в словах кажется чем-то важным, а на деле полная ерунда, о которой и сказать нечего по существу, отсебятина, в которой смысла не больше, чем в любом кажущемся нам самим объекте. Ты ведь чувствуешь это небо также как и я его чувствую собой, как некий определяющий нас смысл здесь чьих-нибудь… прости, - позитивные результаты нужны нам обоим, и немалые; я чересчур твоё пространство ухватил было и давай его размечать в настоящем времени нас, а по существу что, верность пути, верность сознанию пути и в нём мы сами, как явленные друг другу проекции здесь, в оправе от чересчур влиятельных взглядов на свойства этих проекций, можно так сказать. Мне хочется видеть тебя самому, ну, просто видеть – как ты живёшь и почём хлеб в твоём доме, а ведь я никогда не думал об этом, так в волшебном сне часто бывает только видимость, а на самом деле этого нет как поэзии разума,

может быть, или настоящего воззрения на процессы, происходящие здесь. Я вышиваю золотом это пространство нас, то есть ощущаю его здесь как происходящее с нами самими всё-таки состояние, а не с кем-то ещё, кому невдомёк эти мысли ты-я-мы, мы как я, или мы как эго наших с тобой минут здесь, в которых память проявляет свои возможности в наших я, делясь, таким образом, на то что есть и следующее за ним что-то. Я просто переживаю это как настоящее время в нас самих, и мне кажется оно лучшим временем. Я понимаю, что ты не всегда веришь мне, отчаиваясь понять кажущиеся пространства как свою собственную волю, не всегда ощущая её таковой и веря, что кто-то имеет больше прав на неё в себе, чем ты сама, что чья-то воля лучше просто потому, что она вербует больше самосохраняющихся смыслов здесь, то есть утверждает что-то более активно, чем ты сама и потому она имеет эти права на настоящее время в наших я, как владелец их, я понимаю это. Я ведаю, что творю, вот принцип твоей воли, он таков и это мне нравится, я сознаю, что я делаю и это лучшее сейчас - это лучшее, а не то, что могло бы быть. Во всём нашем ауме мы живём сами, пойми, во всём его пространстве, наука жить только помогает осознавать это свойство души здесь. Давай мы сами разберёмся во всём, что происходит между нами, то есть что для нас важно здесь как то, что помогает жить в согласии.

Между прочим, Королева, - я о вас ведь думаю, а не о том,

что у нас с вами общего, так сказать, т.е. я хочу вас понять как правильно развивающееся пространство в себе. Думаете вы об этом проекторе смыслов в вашем я или нет, он всё равно есть для вас. Он – то есть то, что так называется – делает это пространство вашим домом, и даже сейчас, когда вы ничего о нём не знаете в себе самой. Мне хочется, чтобы вы знали. А как? Позитивно, разумеется, только так. Я продуманно определяю эти смыслы в нас. Может быть, мало быть в форме строящегося объекта памяти, надо ещё уметь узнавать это строительство в себе как некое необходимое действие. Во всяком случае, я бы хотел, чтобы ваше я воспринимало объект силы как постигаемое всё-таки. Понимаете, выброс воли в область сознания может происходить постепенно; это важно понимать прямо, постепенность эту понимать как таинственное приложение сил, такое, которое не сразу видно, и обретаемое не сразу, а только по прошествии времени. И ещё надо вам заметить, что полюса двигаются – ну да, по-настоящему, и это не шутка авторов публикуемых корреспонденций, а прямое соответствие действительности сейчас. В нас самих эта сила двигает нервные окончания и мы становимся как бы немного рассеяны, или несообразны, но это временное состояние организма, он найдёт полюса и станет восприимчив к ним. Простите, что я не отчётлив, - причина та же; полюсные градусы смещают потоки и мы видим неопределённость вместо правильно освещённых объектов - я так думаю. Что же касается определяемого пространства,

то это тоже зависит от состояния потока всё-таки, который мало-помалу сдвигает лунный серп в направлении севера и кажется, что что-то неправильно; на самом деле всё правильно, и поток выровняет, - уравновесит, можно сказать, то, что достойно равновесия и вообще позитивного результата.

5 ноября 2

Да, здесь это продолжение письма о том, кто прав бывает больше. В нас скопилось много недосказанностей; мы сами порой бываем не выражены из-за непризнательности друг другу, и так далее, то есть из-за того, что не умеем признавать какие-то вещи, и терпим убытки в состояниях, недополучая сами в себе себя же. Я здесь кому-то должен объяснить сам себя, или показать то, что должно быть увидено, но вот я нажимаю клавишу-цифру и она строит какие-то ряды поверх значений, укладывая голос в память моего компьютера, а затем я воспроизвожу это для тебя, для твоего уха, в котором я живое воплощение твоего я-здесь, я память слова и я – память без слова, одномоментно…

##

(ты тоже) осознаёшь это. Я душой говорю здесь с твоим я в себе, чтобы подумать вместе, вместе нам нужен надлежащий обмен мыслями.

Видишь ли, сила осознаёт себя таковой, когда она имеет приложение. Во мне приложение силы творческое поле моей души. Я – дарованное это пространство, и я же – его царь, ибо я живу в нём как царь, или как царствующий дом, и вот я иду издалека к осознаваемому мной состоянию здесь; я вижу его в себе как настоящее время мы и я слышу его позывные.

Ну, вот ты слышишь меня сейчас. Во мне есть это эго-содержащее пространство тут, и я прошу тебя быть во внимании ко мне. Простое обнаружение /нрзб./ может сделать нас зависимым пространством. Я протёр очки, и выслушал сообщение, о чём оно говорит мне. Оно произносит слова как кажущиеся противоречивые проекции в память и они становятся мыслью здесь. Они как бы перестраивают пространство сейчас на нужный лад, на правильный, не имеющий сдвигов в памяти, и потому хороший.

Будьте точны, и не позволяйте себе вслушиваться в материю там, где её нет; её нет в часах без любви, без радости и всего того, что создаёт жизнь здесь. Вот ваш рассвет, - вы видите его на осознанном расстоянии.

6 ноября

Да, вы правильно поступили, сознательно удалив этот текст, он не вашего ума, и вот ещё что – вы прямо идите, и не спорьте ни с чем; это не нужно делать. Оно, видите, не

стоит ничего, липнет к ушам и ответа ждёт, а вы не давайте его, потому что его нет у вас. Такового ответа вообще нет и оно хочет его найти в нас, но мы его тоже не имеем. Мне не нужно лететь аббревиатурой, чтобы вы смогли верно понять это, - я знаю, что наше право исключать из своих минут некоторые состояния, не совсем честные, - я так думаю об этом, - вполне реально; это право человека тут. Да, именно так, - право человека. И это право, наконец, приобретено нами. То, что душе мерещится в чувственном мерцании, не слишком справедливо бывает, - я бы так сказал об этом вам сейчас. Я хочу, чтобы вы понимали небо как часть своей души и это понимание есть в вас, я знаю об этом, что указывает ваш путь. Я пересекаю взором пространство лабуды, то есть того свободного от состояний с Богом материала в себе, в своём я, чтобы отчётливо понимать его происхождение во мне. Он мне кажется чем-то вредоносным, засоряя мой ум и делая его по меньшей мере неподотчётным мне самому, а я вижу это. Всякое производное от него лишено смысла жизни во мне, оно не воплощает её, оно стремится урезонить во мне эти смыслы, чтобы я начихал, простите, на них и стал тупым подражателем ничего не значащих величин в себе сам. И приметьте это сам! Я сам им становлюсь, а не меня кто-либо заставляет это делать. И вот я, попросту говоря, не делаю этого – я не подражаю. Вот так просто я поступаю в себе самом. Я не подражаю ни одному из этих обскурантистских мыл и это делает меня честным человеком. Я не вижу повода

это делать, - его нет для меня, этого повода, связывающего моё я с областью, не существующей для меня как порядок воли. Но вы-то, Королева моя, не так устроены и вам надо понять, вам нужно понимание, где сила воли требует состояния, а где его следует избегать как почему-либо не важного для вас самой.

Память силы. Я живу в памяти силы, и вот её-то и следует поднять сейчас из небытия. Это сила любви. Я претендую на роль третейского судьи в вашем эго сейчас, и вот абсурд, к которому я прикоснулся в памяти, сделал меня несколько (не совсем точно сказано это, необоснованно, может быть, для вас) несгибаемым, несколько упрямым до невменяемости или – до тупого непонимания, простите ещё раз! это выражение совести в казуистике слов, из которых я и сам желаю выбраться невредимым и не вредя вам тем более, ни кому-либо ещё. Во мне безжалостное небо требует отчёта в поступке, который я не совершал, и уж тем более вы его, вы о нём в себе ничего не знаете по этой причине. Он не был совершён мной, этот поступок, и я не имел согласия, или несогласия с ним в своей душе, поскольку этот поступок не был мне известен. Я не имел знания о нём в пределах своей воли, а так как этого знания не было во мне, в моём эго, то я не имел возможности - как не имею её и сейчас - производить какие-то мысли о нём. То есть моя память не отзывается на требование, исходящее от чьей-то воли в моём я, иметь суж-

дение или приобретаемое знание в связи с ним как состоянием своей совести. Но вот я начинаю догадываться, то есть строить догадки об обретаемом мной суждении по поверхностным взглядам, в которых я вижу свои отражения, и мне становится понятно, что истощающее тут мою волю недоброжелательство имеет свою причину, о которой, как я вам уже сказал, мне ничего не известно, а стало быть, и вам тоже. В чьём-то устремлении я выгляжу как пассионарное небо, мешающее празднословию расточать недра моей души, растаскивать их на мелочные заботы о правдолюбии в рамках одной воли сознания себя таковым, и что же получается - что я содержу себя под колпаком этой воли, как прииск этого сознания, и не имею надежды на настоящее будущее, будучи, Королева моя, упредительно лишён такового в этом самом бессменно, так сказать, соблюдающем меня в себе небе, о котором я ещё и заботиться должен как раз в смысле этого поступка, которого я не совершал, оказывается. Так вот, Королева моя, я готов согласиться с любым посланием в эти отсутствующие для меня самого дали, лишь бы они перестали видеть меня в своих снах совершающим что-то греховное и неудобоупоминаемое для вас, да и для меня тоже, признаюсь.

Воображаемые эти сны становятся чем-то вроде аморфного тела, липкого, бесформенного и никак не определяемого, поймите это - его невозможно определить, потому что оно

состоит из образов, не имеющих силы, они не умеют молчать, ибо их воля в говорении чего-нибудь, да, так, неважно что, лишь бы выйти из молчания, они шествуют из беспробудных снов пьяниц этого мира, пьяниц, не владеющих собой, и целиком принадлежащих той воле, к которой они прикоснулись, чтобы перестать осознавать себя как стоящее здесь пространство своей судьбы. Как обслуживающая их масса слов, кочующая из ума в ум, таковы и они. Бесчестие ложится с ними спать в узкую постель, самодовольно хрюкая [снимая бельё заботы о душе тут], убаюкивая сознание неимущего мол я тут и ты со мной, ну, и вместе мы пара. Я что-то лучшее должен сказать вам, мне, обеспокоенному вашими снами, отторгающими вашу явь как кристалл честности, честного отношения к себе самой как к субъекту собственной воли, надлежащее надо понять как способ взвихрить вашу волю из состояния инертности, позитивно взвихрить, а /не пропущ./ утюжить поверхность чем-то вроде скребка сознания. Дружелюбие и состоятельность, эти два суть здесь - два качества.

Мне дано понимать вас и я имею честь судить справедливо, не уплощая пространство до неимения его в своём я сейчас, и потому я открою вам эту форму света быть судьёй всему видимому им. Он имеет этот суд как пространство организующего начала, побеждающего всякую немость от неверия до истощения воли, и Он это делает в нас. Сей свет есть

любовь, и Он не мал, как вы знаете.

Кажется, я созрел сказать вам это сейчас – в моей воле то, о чём вы, или я - я сам засомневался что-то, кто, собственно говоря, об этом заботу в себе несёт. Впрочем, неважно. Так вот, - во многом я благодарен вам, Королева, за неимением другого слова, выражающего это чувство приподнятости и радостного настроения. Для вас моя мысль прозвучит нескладно, но только я повторю её ещё и ещё, из постоянства происходят верные отношения.

Я смещаю ваши представления об этой воле сверху вниз, и мы видим как она искажается, будучи охваченной, обременённой состояниями мглы, значения которой рассеиваются постепенно, уменьшая свои влияния на наши отношения, на наши самостоятельные мысли, и наше слово, - да, слово, сохраняющее их. Мы вредим сами себе, думая, что мы кому-то не нужны или кому-то мешаем, поймите. Мы как чужие дети своему я становимся при этих мыслях, да, я думаю, что это в любом случае так происходит с нами, если мы будем настоятельно советовать /своему эго/ своей совести потерять память. Я превосходно читаю мысли, и знаю, что вы содержите в своих минутах.

7 ноября

Простите, - я не вмешиваюсь в ваши отношения с А., но

только бы их нужно поддержать теперь, чем-нибудь. Стройте мысль обо мне таким образом, что-либо подержанное, что-либо бывшее в употреблении или как-то пользуемое прежде может или должно быть хозяйственно осмотренным и освобождённым от усилий тех рук, в которых оно было прежде, чем вы решили употребить его с пользой для себя здесь. То есть, - вы охотно рядились в чужие формы, не зная об этом даже, а теперь они продувают вам уши своими значениями, а это, знаете ли, неправильно! И незачем мириться с этим, поймите. Простая клаустрофобия ничто в сравнении с этим поддувалом, и стойте здесь! Я вам значения дам одного лишнего слова, закабаляющего ваше я-эго здесь. Вы устремленно чувствуете то, что почему-либо воздействует на ваше небо как хлыст погонщика и немеете ещё при этом, как будто вам нечего сказать в ответ на эти искания в вашем небе спины, или нет, не спины, Королева моя, а того, что называется почем воля я куплю. Я бы хотел знать прежде, чем перейти к следующему абзацу здесь, где вы набрались этой храбрости послушания? уж не от меня ли она к вам явилась в образе продуманного устройства жизни для перепевок сообразных моему я мыслей. В нас много, Королева моя, непознанного, и простите, что я это сказал вам в такой форме, бессодержательной, как бы глупость сейчас, которую не стоит принимать на свой счёт. Мы, образно говоря, мыслим своими фобиями, вернее сказать, они нами вертят при определённых условиях, эти запчасти мыслей, на всякий случай приберега-

емые, ну да Бог с ними, я отойду от этой темы. Итак, нет той спины, по которой бьёт кнут из-под руки проявляемого в памяти пространства, потому что мы не имеем этой воли в себе – воли подставлять спину или что-то там ещё, я не думаю, что это свойство выражает какое-либо ещё качество, кроме подчинения своего я непонятным аббревиатурам, абсурдом, Королева моя, заполняющими (нетривиально, необъективно) воск любви здесь. Тихое смысловое поле выбрасывает волны, воск плавится под их воздействием, принимая соответствующие формы – соответствующие тому, что мы обнаруживаем, то есть делаем видимым пространству форм в нас самих. Это содержание души под навесом форм может продолжаться сколь угодно долго (я не сказал, что это плохо, - я сказал вам об объективном процессе, не более того) пока порождающее их пространство само не отзовёт эти формы в нас.

Итак, - я продолжаю тут Я хочу, чтобы вы чувствовали волю своей собственной души, а не того, что вам предлагают увидеть во сне косноязычные проекции, не обремененные, так сказать, совестливостью, да. Поскольку я не вмешиваюсь сейчас в те отношения между вами и, соединяя нитью любви здесь процесс узнавания друг друга, произвожу некоторый обмен состояниями, информацией об этих состояниях в поле проявленных реквизитов вашего я, то, таким образом, вы сами помогаете мне их настроить. Я прошу внима-

ния, не более того. Во мне бежит эта ересь недосказанностей и прочей чепухи, из которой я делаю вывод, то есть проявляю поле, которого нет, - а что есть?.. то, что есть – что это такое?.. Это пространство А., в котором нет никаких обязательств в отношениях с вами; оно не производит форм, становящихся отношениями или – выражающими их, и это делает его пространство для вас пустомельным – бесформенным. Страх потерять отношения с вами сделали его таковым. Да, - этот страх исходил из него, создавая абсолютно нелепые представления о сути. Вам казалось, что вы малознакомы и не имеете права, внутреннего порядка воли, интересоваться чем-либо, поверх сообщаемого вам самой, область сознания буксовала, не понимая, с чем – или с кем имеет дело ваше я, находясь в отдалении от приязненного чувства, сильно притом приязненного чувства. Неумелость, невежество в любви – вот причина несостоятельности этого чувства здесь, в нас самих.

8 ноября

Я хочу, чтобы вы понимали меня, - я достоин этого понимания, поверьте. Я добровольно думаю вместе с вами о полнолуниях в душе, и вы и я стали близки благодаря этим мысленным взорам. Правда, о которой я повествую, является той самой верой в мысленное пространство неба, чья суть столь далека нынче, что даже пассионарные волнения не достигают её, или – почти не достигают. Я вернулся на Зем-

лю с другой планеты, Королева моя, - считайте, что так, или почти так, потому что я был настолько малопонимаем, или малообучен, может быть, каким-то представлениям о судьбе собственного моего я, что впору считать меня инопланетянином в определённом смысле.

рукописн.

простите за то, что этот сон насторожил вас, его надо изгнать из памяти, бестолковость проповедничества очевидна бывает, когда мы говорим разумные вещи, а сами строим Бог весть что ведь в своём уме. Сон этот юмористичен, по всему, и не надо ложиться спать, не имея в душе тёплой мысли – да, так.

9 ноября

Доброго здравия!

И вам того же желаю!

Да, я принял меры для укрепления своего здоровья незамедлительно, добрая моя Королева. Я хочу, чтобы вы здравствовали, как мне видится это – в полной мере своих сил; они прибывают. Хотите верьте, хотите - не делайте этого, а только я чувствую как они прибывают к вам. Я чувствую это усилие любви быть вам в пользу, самую что ни на есть украшающую ваше я сейчас. И мне, и вам товарищ свет, ясный свет во

всём, что нам необходимо для жизни. В нас есть образ вселенной, в которой мы ощущаем своё присутствие – так или иначе, мы ощущаем это присутствие себя. В нас, Королева моя, течёт мировой океан любви и наша сила – или бессилие – зависят от связи с ним. Чем больше мы любим, то есть чем более мы ощущаем эту связь с истинным светом, тем более происходит этот энергетический обмен с силой любви во вселенной. Мы рассудительно полагаем себя вправе располагать собой как принадлежащем нам самим объекте силы, то есть безусловно это так и есть, и мы хотим нравиться себе как этот объект так /как/ он – часть нашей души и мы способны быть с ним в каждой минуте нашего я-здесь. Я вольно трактую определённые символы для вас и потому только могу настоять на обнажении без сомнения важного символа воли для вас. Это символ – ваша любовь к А., в котором скрыта от вас вся изначальная мудрость состояния лучезарного счастья света любви как таковой, и вы, постоянно ощущая её присутствие рядом с вами, Богоугодно приветствуете её в своём я-сейчас. Так. Нам с вами надо сесть рядом и понять присутствие этого символа в вашем эго, добрая моя Королева. Он, этот символ, как нечто, принадлежащее вам самой, нравится, - или угоден можно сказать, не только вам самой. Бесхитростное это понимание направляет ваше отношение к А. в очарованные дали субстанции света в душе, и вы говорите с ангелами, я думаю. Мне даже кажется иногда, что вы осязаете будущность, исходя из суверенитета с ними

в себе, или я ошибаюсь, и вы осязаете его, исходя из другого принципа сознания. Как бы там ни было, Королева, но вы должны понять, что ваш символ принадлежит вам самой. Я пугаю ваше эго какими-то игрушками памяти, а вы смотрите на меня сквозь пальцы, считая, что я затеваю нечестную игру в поддавки, чтобы, сбив вас с толку, нашумев, простите за образ, забраться в вашу душу и в ней насорить подлежащими и сказуемыми. Нам надо выразить пространство, которое выражает нас. Апостроф воли принадлежит абсурду сейчас, то есть та часть души, которая видит сон об этом я, верит в настоящее как в пробуждённое будущее, и это немаловажная часть веры.

Наша улица – день, Королева моя. Вы помните как я вам сказал однажды, что вечер – это не наше пространство? Да? Хорошо. Я получаю всё больше свидетельств о временных сдвигах в памяти и так далее, это называется сейчас. То есть время как будто остановилось, или останавливается, остановлено, а идут только стрелки Это происходит, это правда, и будет происходит ещё, так как часовой механизм не подвержен коррозии образа времени. Вот заметьте, Королева моя, как выразительно выглядят те дни, из которых вырастают, или – выходят эти разумные размеры памяти, т.е. их масштабы теперь, и вот последите за моей мыслью – то, что для вас самой было источником, стало истощающим принципом, а то, что было объединяющим началом (ну например, приятное времяпровождение) стало размывать реальность, от-

деляя всё-таки часть от целого и слагая целые эпизоды пространства из сущей чепухи. Как склад горючего, оставленный без присмотра на виду, становится небезопасен для действительности, так и это действие воли в нас, побуждающей цепляться за найденный результат, заставляет память устраивать фейерверки из собственных складов, понукая, или даже помыкая нами, ради чего? Вы верно спросили меня об этом – для чего наша воля превращает действительную память в набор функций поди-принеси, при этом отождествляя пространство с каким-то загадочным материалом, вроде старой кофты – и носить не хочется, и выбросить жалко. А вот почему. Мы настоящим временем живём тут и оно сокращено стало в нас…

как если бы мы хотели бежать, а мы сидим и едим суп или рыбную котлету, а сами верим, что уже давно бежим.

11 12 ноября

Бог никогда не устрашает, Он делает всё, что(бы) мы были счастливы, чтобы мы умели понимать тут друг друга, а не важничать как следствие какой-нибудь причины. Он беседует с нами для того, чтобы мы становились лучше, чтобы мы искали взаимопонимание в сердцах наших, и это Его стезя, а не какая-нибудь другая.

~

Я думаю об этом так, вы ошибаетесь из-за неполученной

вовремя информации, а это важно понять, чтобы ваше поле было полноценным и не истощалось более на изделия не ваших рук, а так шло, чтобы оно было бы как полное небо здесь.

Зеленоградская

Я думаю, что нам пора понять [что Марс безоружен перед этой громадой] какое пространство обуреваемо. Беспринципной ложью будет сказать, будто мы отступаем или бежим с поля боя, мы просто хотим понятийно закрыться от этой суммарной зависимости в нас, которая всё же существует, хотим мы этого, или не хотим; в нас есть воля, которая знаменует пространство своим присутствием здесь, и эта воля принадлежит нам обоим, тебе и мне. Я, как выраженное поле твоих минут здесь, немо слежу за плоскостью экрана, по которому бегут чьи-то волны; я знаю, чьи они, кому принадлежат их частоты и почему их следует удалить отсюда, как искажающие состояние мы. Я сказал это, чтобы наше пространство, пропуская сквозь себя эти волны, могло спокойно и правильно резонировать, пойми, с подлинной волей Бога о нас, которая единственна.

Что повелевает, что делает нас малой величиной, что это такое, по разуму ответ должен идти, по его настойчивой просьбе о нас, которая облагораживает память, делая её чище, делая её свободнее от замшелых призраков чьих-то обид, чьих-то поразительно искажённых форм сознания или недо-

стойных помыслов, от затёртых до оскомины минут, не нужных нам самим, пойми это, какое небо, таков и символ его, просто память, провзаимодействовав с этим небом, стала площе, проще, стала значительнее в конкретном плане самонадеянности, внятности не прибавилось, а эго расширило свои владения за счёт приобретения пространственных адресов, за счёт умаления их в себе, в своих интересах, о которых я умолчу нынче как о недостойных говорения, упоминания даже недостойных. Неостановимо небо идёт, и не то блажь, что я говорю с тобой о себе в этом небе, другое, противоестественный ход событий, в которых я оказался прежде чем понять это, стал причиной моего отчуждения. Я понял, как искусная ложь может создавать обстановку нетерпимости к любому периоду жизни в душе, к любому проявленному пространству сейчас, и мне хочется оправдаться перед тобой за неё. То, что происходило, не являлось моей волей, это была воля другого лица - другого относительно моей совести, оно устремленно переживало мою память в себе, и что бы я ни говорил, что бы ни делал, всё становилось частью его души, которая сминала мою свободу состояния, - он ограничивал её своим размером души, не имея, по сути, на это права. Я жил под его началом как самый обыкновенный вертопрах, будучи при этом совершенно свободен от самого себя - будучи уверен в этой свободе так называемой, и то, что было между нами (мной и им), наверное, называлось дружба, открытость, приязненность, состояние невредимости отноше-

ний, любование даже друг другом в чём-то. Ты замолчала во мне – ты знаешь об этом?.. Я не вижу снов о тебе и не слышу твой голос. В нём не было силы ума, в этом союзе нас с ним, только умение подчинять. Соединение это было основано на состояниях вместе. Мне хотелось, очень хотелось рассказать тебе об этом раньше, но я трепетал от мысли, что ты подумаешь, что мы с ним как-то иначе соединены. Я головно размышляю сейчас об этом. Эта свобода – признак неведения о себе, неведения о своей значимости, о своём состоянии с Богом минут, я так думаю. Я становлюсь инертен, может быть, в определённой точке сознания.

14 15 ноября

Я вас люблю. Я сознаю себя любящим, моё сердце сумеет доказать вам это, - оно само вам скажет о моей любви, будучи во власти чувства. Я не становлюсь хуже от этого признания в ваших глазах, я переживаю его вместе с вами, как сильное моё волнение, думая об обнажении этого чувства перед вами, я хлопочу о несомненности, только об этом я думаю, говоря вам о том, что я чувствую, видя вас в зеркале своего я. Я хочу нравиться вам, я хочу, чтобы вы чувствовали то же, что чувствую я, да, - я хочу, чтобы вы это чувствовали, то, что я испытываю при приближении к вам; мои нервы бывают напряжены в такие минуты от волнения, и я надеюсь, что вы понимаете, что это волнение, исходящее от меня, передаётся вам, оно освещает, настраивает, оно помогает понять то-

го, кто рядом, кто хочет быть рядом, кто хочет поговорить с вами о своих чувствах и при этом немо смотрит в глаза, не умея вымолвить этих слов почему-то, пряча их от вас и при том многократно повторяя их про себя.

Во мне сила света идёт, во мне она сияет несказанным мотивом любви во всём, что я вижу перед собой. Я сознаю себя найденным в этом мире любви, по силе моей воли. Очень важно это понять, Королева моя, я столько думал об этом, столько раз пытался понять право искательства в своей любви. Мне хочется подлинного понимания во всём моём я сейчас, во всём, пространственно значимом я, которое отчасти принадлежит и вам, проявляя в вас силу моих минут.

Я потребительски отнёсся к данному мне полю проявления, я постоянно сетовал на его несовершенство во мне, ничего при этом не делая для его утучнения, я просто жил в нём, не имея в виду никакого конкретного образа, представляя себя чуть ли не похитителем этого поля, а оно было ведь моим собственным, и это мне пришлось понять, будучи его носителем, я истощил его знамения, переживая волю чьих-то минут здесь во вне, и я стал плакать об этом, Королева моя, я стал просить о возвращении мне этого поля моего я, чтобы я мог восполнить его в себе своей любовью. Мои сомнения принадлежат Богу, Он видит их, понимая моё несовершенство в Себе, понимая, что я ропщу из-за этого несо-

вершенства и не смею обогатить себя Его любовью, из-за этого состояния я не смею Его просить о себе, но вот сила сознания любви стала возвращаться ко мне, и я воспрял, Королева моя, я стал понимать, что мы есть единое пространство здесь в воле Его и мы хотим быть вместе осознанно тут, понимая что мы делаем.

Нравственная экономия безнравственна, по сути, она ставит нас на колени по пояс в воде и мы захлёбываемся своими чувствами, своим унизительным положением, сопровождаемым какой-то снобской моралью, - из чего делаются деньги; я пожинаю какие-то плоды, поражённый их обилием в своей душе, я знаю, что эти плоды сохраняют привкус той стадии развития своего я, в которой я небрежен был, в которой я был занят своими пустыми оболочками сознания и не жил единой мыслью с пространственным организмом воли, я сознаю это, но вот что тут проявляет мои минуты во взаимодействии с вами, мои приторные мысли об обретении смысла или мои насквозь продушенные программы, я конкретен быть хочу во всём – даже в мелочах. Во мне нет воли строить пространство из лабуды сознания, которая как что-то бесполезное возникает из беспричинных потуг на обретение моего я.

15 ноября 1
ул. Дружбы

1.

Я не должен вводить вас в заблуждение, это состояние сна не имеет ко мне никакого отношения, то есть, собственно, то, что так называется, сон во сне - так назовём это сейчас, и что бы вам ни казалось об этом соединении вашего я-поля с конгломератами причин яви беспробудных пьяниц, Королева моя, безотчётно беспробудных, пожалуйста, не делайте никаких выводов об этом, то есть не стройте причин там, где вы их не имеете. Я говорю вам об этом сегодня как о парадоксальном явлении для вас же в конкретике мысли. Может быть, несколько странно прозвучит одно предложение (-) не менять формы сознания и двигаться в нём дальше, поверх, так сказать, образа пространства, в котором несиюминутное состояние будет предлагать образ другого поля я-здесь, другого соединения с высшим смыслом, да я думаю мне незачем упрекать вас в непонимании конкретики этого другого, просто сильно высохшая река, пересохшая, может быть, точнее, не нуждается в поисках брода через неё, да я заметил это сам, Королева, сам, представьте, увидел как плазменные эти шнуры хлестали небо, тучи рвались, искромсанные, и лёд с грохотом валился на землю, ну и довольно того, лёд, пространственный такой лёд, пластинка такого льда может исказить любое пространство, извините за сказанное онеправдовах, в этом роде, о неблагонадёжности такого пространства говорить нечего, о недополучении им воли тоже, и вместе с тем общая мысль здесь тоже идёт, какое небо такова и кар-

тина этой мысли, а что я вам говорил! Королева, будем мы с вами хлеб любви есть, и при том достойный, а отнюдь не надкусанный. Господь мудр, Королева, и Его труд в мудрости нас оберегает от плохого неба над нами, и вы, как я думаю, знаете это сами. Так вот, Королева, я ведь вам А.-то не так просто показал для трудов вашей души или там жадных взглядов, я думаю теперь, что память эта взбрыкнула сама, отказываясь воспринять, или – воспринимать – жалчайший образ пространства. В вагоне ехали двое, один из них был моим отражением, вот и догадайтесь кто ехал в этом вагоне вместе с ним; наверное, это был я сам. Я не требую от вас изменённого состояния души, поймите, я… Я почему-то подумал, что мы вернулись в надёжное пространство – да, в наше собственное, из которого мы ушли, чтобы не давать его в обиду - я так выразил это действие размалёванного суррогата, который неопрятно лез в дверь нашего дома, думая, что он важный гость в нём, что мы счастливы принимать его в своём доме, знаешь, кто это был? Кто стремился «протыриться» в наше хозяйство любви под видом желанного гостя или неуёмного работодателя, являясь, по сути, сотканным из наших сновидений, или представлений о вещах, кажущихся тем более неуместными, чем более мы о них думаем в себе самих. Кто присвоил себе это небо, думая, что оно – его собственное небо и в нём можно что угодно делать, говорить, стучать, кривляться, присваивать себе труды предыдущих причин этого неба и так далее. Я долго думал, прежде

чем назвать это имя. Мне, Королева, кажется, что следует отдать должное его сладчайшему сну в вас самой, то есть хорошенько подумав, хватить себя по лбу, сказав при этом ах, да - ведь это так и было, ведь мне только казалось, что я - вещь, я не вещь, я другое небо здесь, чем эта вещь. Связанное солнце; и вы и я, будучи вовсе не в сновидении сейчас, должны понять какое небо растаяло, обнаружив себя над нами в потоке тишины, той самой трепещущей в руках как сила, как сильное красивое небо в нас. Что порождает это чересчур плотное поле, которое примеряет пространство на себя, которое давит душу тупыми заверениями. Господи! да ведь я с Тобой силён, а не с этим полем, ах, да что там, Королева моя, говорить об этом ещё. Я потому так долго топчусь на этом месте, что всё ещё идут туманы, устилая пути наших мыслей, пути наших упрятанных, или – спрятанных тут в чьи-то головы идей. Я с вами стремлюсь это понять правильно, никого не осаждая и не желая ничего дурного. Я просто велю сердцу биться ровно, проявляя эти сигналы [моего личного я], вернее, его суррогатного пространства под присмотром чьих-то любопытных глаз в него. Способ восстать – знать разумные состояния с небом я в себе самоё; я думаю, это лучший способ. Я в разуме своего неба иду сейчас, и я чувствую это сам. Как воспоминание утраченного, уворованного во мне пространства здесь, и я знаю, что оно моё, что оно мне самому принадлежит как благо для моего я, данного мне от Бога.

16 ноября

Я полагаю, что важно понять какое это пространство, в чём его соль, так сказать, и почему мы сами… в нас самих есть его позывные, его арсенал, или, нет. Я бы хотел, Королева моя, чтобы вы понимали своё состояние. Сегодня день, хороший день для нас с вами. Мы сами сопрягаемся в нашем я с внешним миром любви здесь, и это даёт нам право на простые позитивные вещи, на пробуждение чувств, исходящих из любви нашего я в нас же, на проявленные инициативы содружеств и множество других приятных вещей, к которым мы, может быть, не очень привычны, а они есть для нас с вами. Я поэтический адрес имею для вас и в нём дух времени отражён как синоним нашего я, как настоящее время мы-здесь сейчас, и что же я слышу в ответ?.. на свои признания вам, чем-то я переживаю ведь вашу безответность мне сейчас, чем-то я думаю о ней в себе самом, или это кажется вам, моё небо вам кажется. Вы силитесь душу отъять свою у тех, недостойных пародий даже, ибо они сами пародия, а я вам говорю – она ваша, и живите с ней в добре и веселье сейчас, и память свою имейте, а не от тех лиц. Дорогое это небо, Королева, - очень дорогое, и что на дороге оно не валяется, это я вам точно могу сказать. В любви жизнь свет, в любви счастье и польза тоже в ней, и даже сила памяти. Как вы строите свою память из любви, так она к вам и идёт сейчас, я думаю. Я весел хочу быть с вами, Королева, и я думаю, радость вам нужно дать, которую ни с чем не спутаешь, не

отложишь в дальний угол судьбы своего я. Право на искание есть свет. Мне надо пожелать вам удачи тут, такой вот, самой настоящей удачи жизненного потока любви, в нём есть всё, необходимое…

…я жахнул кулаком по столу и крикнул: не сметь подходить с тараном из чужих воль к моему я, я не позволю!.. Пусть память остынет от нагрузки, пусть она отсеет вербальные эти смысловые липучки, от которых душа никнет, становясь вялой, бесцветной, простите, Королева, что я говорю это вам сейчас, прежде я не мог пробиться сквозь их слой, засоривший ваше небо барахлом, память придирчиво осматривала его, становясь на сторону наблюдателя пространства мы, как бы исподволь проявляя всевозможные про и контра, так сказать, применимости, я там кое-кому в глаз дал, за вас в себе заступаясь, так что и сам с синяком оказался, небольшим. Мы должны быть уверены в правомочности своих поступков, а не делить их результаты на чьи-то ещё пространства здесь. Я пугаю вас невнятицей образа памяти, из которого вырисовываются эти Пандоры с ящиками, да притом помавающие призывами молчать о том о сём, да клеветой на самоё себя прикрываться от изобилия душевных тех сил, я не хочу более примеров для подражания, во мне их нет и в вас пусть не будет примеров этих. Я отчаянно машу руками, думая, что вы меня видите, а вы меня не видите, оказывается, вам мой облик приязненного пространства ни о чём не

говорит почему-то. Я приветствую вас в этом облике, почувствуйте это. Память понимает, что её нужно беречь от слов-паразитов, от механического повторения одинаковых формул, от придуманных пространств воли я, эта поруганная честь не вашего я-сейчас говорит здесь какими-то претенциозными состояниями с вами самой, мне не хочется более оправдываться перед ней ничем, ну ничем, ни коробкой конфет, ни своими состояниями, вообще ничем. Я знаю, что говорю. Образ сильной воли не всегда бывает прямо понят нами, иногда он носит в нашем воображении прямо противоположный смысл какой-то одинокой души, одиноко бредущей в своём поле-пути здесь, и это понятийное обыкновение проступает на поверхности самым жалким образом здесь, в котором кроется столько горечи и обиды, впрочем, я велю вам отвернутся сейчас от этого образа в себе. Сильная воля – это пространство в любви к своему я, которое есть весь этот мир здесь. Мы в состоянии понять это с вами как качество я сейчас, и оно в полной мере принадлежит вам самой как сознание я-здесь воля и эта воля моя, она есть свет из чаши моего я. Она есть применённость для того пространства, в котором я вижу свою волю задействованной в оболочках сознания. Минувший день был уроком украденной воли сознания из вашего я, и потому новый день, принимая на обороте чьи-то позы за подлинное содержание судьбы, может оказаться в тумане или, не оказаться в нём, если наши усилия превзойдут ту волю о нас. Я понимаю, Королева, как аб-

сурдно это заявление, лежащее между строк тут, поэтому – пристегните ремни, мы снова полетим в Лондон, на этот раз вместе. Мы снова окажемся в той чуткой атмосфере любви, приязни и совершенного любования друг другом, в которой мы проявляемся как искренние люди; это важно для нас с вами. Я хорошо помню тот день, в котором мы старались быть независимы друг от друга – как два морских ежа, оба колючи, круглы и оба лежат на дне к тому же, ничего не зная об этом сами, но вот пришёл отлив, море отступило, волны с шумом унесли все наши предположения о текущем моменте истории и мы выглядим довольно странно, признаться, в новом для нас положении, продолжая раздуваться от осознанной необходимости, которой нет как почему-либо текущего принципа воли, в котором плохая видимость заменяла горизонт здесь, это пространство удаления от того, что мы называем собой, и это почему-то ничуть не смущало наше воображение, которому нечем было возразить этой самой видимости. Уж я-то знаю! Королева моя, почём сорт этой пшеницы и кто её сеет в полусоставах слов на плоских крышах наших я. А то, что взойдёт, тотчас убрано будет с этих полей.

Я свободен от помыслов о чём-либо несостоятельном в нас, пойми, и мне нравится это положение вещей, мне хочется больших представлений о тебе в своём я, большего разумения, прости. Я предстаю перед тобой в качествах, свободных от созерцания и потому движимых пространствен-

ной свободой мысленного взора отсюда туда, где мы с тобой вместе сейчас. Вместе! ты слышишь меня?..

Я предвосхищаю некое устремление пробежать 100 км пути за 300 мин, т.е. по 20 км за час времени, я устал двоиться в твоих глазах, как полоумный визитёр твоего я, я сам! не спорь, как бессмысленный парламент птиц, для которых воля не представляет интереса, поскольку они вольны выбирать своё небо как состояние с миром минут. Вокруг ты, а где же я? Всё-таки я паранормален ещё и не осознаю своего местонахождения. Я пресекаю всякие разговоры о вообще разуме или – вообще сознании, я же знаю, что ты их терпеть не можешь.

Вы очень добры, мой славный Учитель! Очень! Встаньте с дороги, вы же сидите на ней!

Я сам знаю, не морочь мне голову, и почему ты кричишь? Тут сильный ветер, это так, но это не значит, что надо орать. Я как сила воли иду к тебе сегодня в себе и потому – присядь рядом на этот путь; тут стоит подумать кое о чём. Я не стал говорить тебе, что ты стоишь моих минут, и не о том речь. Сядь тут, не стой над душой. Обо мне нечего беспокоиться, подумаем о тебе.

Я присела на дорогу и перестала сомневаться /в возм./во-

ле моего Учителя обо мне; он видел то, что не видно, или – не заметно – было мне самой. Я, как хрустальное яйцо пространства, преломляла свет, сама исчезая в его потоках, и это делало меня практически невидимой в этом свете, в этом почему-либо реально существующем свете сейчас.

Мой друг, - сказал об этом Учитель, ища взглядом точку воли во мне и, не находя её, удивлялся, - искал тебя всю жизнь. Почему ты не нашлась для него?

Я затерялась.

Везде? – переспросил Учитель меня об этом.

Да.

Вот как, - он поджал губы, - вот как! – сказал он ещё раз после этого молчания, - но ведь ты знала, что он ищет тебя повсюду - и молчала?

Мне не хотелось честно отвечать на этот вопрос. Я просто думала, что надо постараться уйти от ответа, ну, как-нибудь избежать его. Учитель внезапным скачком памяти приблизил меня к себе и сказал так об этом, прямо в ухо

Ты стоишь в его глазах… Уступи!

Нет!

Я резко встала (поднялась, вернее), и стала отдаляться.

Учитель внезапным скачком памяти приблизился ко мне

Ты стоишь в его глазах. Уступи!

Я растерялась ненадолго, память дрожала в обрывках/образах слов, отторгая их от себя.

Нет такой воли в Боге, - это было сказано почему-то вместо подлинного ответа, - её в нём нет.

Ты неправду сказала сейчас. Об этой воле все знают, даже я! А ты лжёшь.

Я подумала: тысячи световых лет летят, чтобы строить нас в себе самих, тысячи беспредельно быстрых ангелов летят к нам отовсюду, чтобы постоять крыльями в нашем небе. Видимый свет и тот дрожит от их присутствия.

Я подумала: и ты, Ангел мой, позволишь мне сказать это моему Учителю тут?.. Да? Позволишь?.. Я молчала пока шли эти мысли. Мой Ангел взмыл в небо надо мной и строил там

догадки.

Хочешь, - я сам скажу настоящий ответ? Тот, который от Бога пришёл к тебе? Бог думает, что мы пара, и ты от себя отказываешься ради меня здесь.

Ну, - может быть, - сказала я и поднялась, чтобы уйти с дороги – той, на которой мы оба сидели. Я сделала вид, что не поняла этого ответа, что я даже толком не расслышала его в себе. Я далеко ушла от того места, где мы оба стояли в волшебном этом сиянии, чтобы сейчас рассказать вам об этом, как о бывшем со мной. Что сказал тогда Бог, глядя на нас сквозь эти поля в себе, я восприняла сегодня здесь, будучи там.

17 ноября

…всё ведь как-то волшебно должно происходить, хорошо, по воле чувствования, по особому счёту его, по настоящему – я так думаю, по какой-то теории это невозможно понять, а вот по чувствам – да, возможно, ну пусть, я подумаю об этом.

V

Да, Королева! Вставайте, просыпайтесь, - уже утро и нам пора идти. Я сильно изменил ваши представления о вещах,

подумав, что дорожная пыль может поднять тонус, настроение, но вот вы увидели то, от чего стоит отвернуться, всё-таки - я так думаю, и просто следовать своим путём, стараясь избегать сомнений на этот счёт. В этом море нет волнений, как-то не предвидится их в нём; оно лежит спокойно в своих берегах и дышит светом, отражённым от его поверхности вод в чувствах, спешите себя объявить независимой от них, иначе они наделят вас своим воображаемым светом и вы будете век кружится тут в танце, как зачарованная собой домашняя игрушка или память о волшебных днях. Нам, знаете, не пристало делиться на составляющие элементы!.. Верхние доли поют, нижние отзываются и так далее, а позиции остаются прежними. Не пристало это нам, Королева, и парадокс лжи в сознании – тоже, знаете ли, никуда не годится. Богу угодно тут небо кружить, пусть; а я вам говорю – не кружитесь. Вставайте и идите. Сложение сил в вашем я-сейчас сохраняет волю пространства.

Я не стану объяснять значения этих слов, я просто выведу вас отсюда, от этих вот належей брехни на вашем я, которая корни тут, кажется, пускает; пусть не будет её больше. Во мне сила воли пробудилась от спячки, в которую я впал по неразумению определённого поля над собой. Да, истинный Бог светел, и во всём, к тому же. Мне, заведённому как часы, бить охота это пространство брехни, время подошло это делать. Подумайте вместе со мной, Королева, почему столь долгое молчание вдруг отозвалось криками о формализую-

щих его поверхность взглядах, о каких-то там далях, вышколенных под внимательным наблюдением, о чепухе, словом, которая чем уши заткнуть ищет. Стоит ли обижаться, Королева моя, на неопределяемое пространство – ведь оно не определяемо и таковым остаётся. Я чересчур полновесно к нему относился, предполагая в нём силу судьбы своего я-здесь, силу ответа, за которым я нёсся, как за хлебом жизни, в себе. И придумывал за него все свои формы в нём же, и что я увидел теперь, что я увидел, - что формы эти пыль, да. Я не перестаю удивляться, Королева моя, чему-то особенному, своеобразному, любящему, а вы ведь тоже?.. Я войлок за воздух принимал, кажется. Я, в общем, шар получаюсь для вас, набитый кулёманными мыслями, отчего это так? спросил я сам у себя - сам у себя спросил, я не у вас это спрашивал, отчего это я так средственно поступил, получается, что я вообще не думал, а так просто, ну как-то так.

Вот что давайте сделаем сейчас с вами, мы станем мерить пространство своими взглядами, и увидим в нём кое что, - весьма обоснованно увидим, польза великая прибудет, как мне видится это, от своего места здесь во мне. Где-то там пыль осела в наших я и небо ясное увиделось во мраке той ночи, от которой бежать хотелось, как раз сюда. Мне надо понять с вами одну прекрасную историю, которая произошла в нашем с вами я, какая это история? Хорошая, Королева моя, да. Я знаю, что она хорошая, что это умаление пе-

ресыпанных солью страниц не имеет значения сейчас.

Я чьё-то подобие сейчас?

Я, Господи, не вижу этого, то есть, я не нахожу в тебе отражений чьих-либо следов сознания сейчас, ты сама со мной идёшь в воле. Я должен понять как-то, или, нет - точно понять, чьим интересам подвержена бывает твоя воля, почему она плавится от соприкосновения - почему она становится мягкой буквально, как будто в ней нет меня, и ты думаешь, что какое-то поле выносит за скобки все твои умозрения, я бестолково сказал, понадеявшись на слух.

18 ноября

Да давайте же говорить! Да, поле бездействует сейчас, - я сам не знаю, что оно делает тут. Вот что. Ваша аура сама знает, я пойму, в чём тут дело, это состояние моего я.

Воздух сильно накалён чьими-то прилежаниями, и я думаю, что память реагирует на них, регистрируя, вернее, отстраняя от себя плохие звуки. Вам нужно просто понять, что приём этих звуков сильно искажает пространство. Сильная воля это состояние добра, поймите, вы сердцем поёте этот звук добра, а в вас память идёт чьих-то ещё воль, да послушайте вы, что вы всё отворачиваетесь от меня. Вы постоянно прислушиваетесь к потоку сознания и это делает ваше небо

проницаемым для воль, о коих сказать нечего тут. Битва гигантов неба породила тут это пространство общих формулировок, я – то, я – это и так далее. Я есть. Двигайтесь дальше, вы воспринимаете пространство как движущееся здесь поле, выраженное в памяти я постоянным смещением воли из собственного я в сторону сообщаемого вам движения в памяти, чем и сопрягаетесь. Я вам сказал об этом, Королева, прежде. Думайте о пользе времени. Душа видит свет, и его не отнять у неё никакими ухищрениями, простите за это общее выражение состояния воли в нас самих. Дурная слава не повод для истощения сил, и не имейте её, пожалуйста, - я вам это говорю, вы не избежали оккупации пространства простым оговором. Эти чучела – не воля, Королева моя, это их программы, движущиеся в нас как избыток словесных форм сознания. Я как кричащее небо иду сейчас, как парадокс некоего пространственного устремления, усмотрения тоже, как первопамять, может быть, проверенная временем мы здесь. Бесполезно терять время там, где его и нет, и не было и взяться неоткуда, то есть как мир, вы подумали, что я навязываю вам это состояние, но этого нет, Королева моя! Когда форма волнуется, значит она строит себя в сознании, значит, она ищет проявления в нём через путь - через тот самый путь в любви, который идёт и не дозволяет собой манипулировать в нас. Богу угодно жить здесь, в этой волнующейся форме, и не иначе. Сила есть мир, и мир с нами – это воля.

Внезапное чувство озарило мир и он состоялся как единственно возможный мир здесь, и в нас эта память идёт о нём. Ну и верьте ей - она же знает, поймите, его, этот мир лучше нас, потому что мы ушли от него в кичащиеся собой состояния.

Я что-то другое скажу вам сейчас, моя мобильная связь оглохла от звонков. Я ветер принёс, ну вот так. Да, я, оказывается, сделал это движение состоянием во вне и пространство, осыпав меня горстью монет, стало проявлять ответ (свет-?). Я выразил это в форме кондуктор связи спит, да он не спит, он поступает правильно, отделяя важное от не важного, пустое от полного, привычное от непонятного - да, непонятного. Я прошу вас – не деликатничайте с той памятью, которая просто отмывает деньги в глубинах ваших вод, я не верю ни в какие пожары душ на основе чистогана, а деньги эти, уворованные в примитивных обстоятельствах из-под высокого лба, извините, очень сильно хотят быть найдены, должны выйти на свет как жульническое поле. Высшая польза никак не оправдывает их состояние без примера - без того, что так называется в нас, пример, как способ решить задачу подобий x + y = я, стало быть, y + x тоже я, только немножко другой всё-таки, что это значит?.. А вот что - память обрадовалась, узнав, что её нашли, но вот только в руки она не даётся тому, кто обрёл её, заведомо зная, что она не ему принадлежит.

В нас журчит ручей слов. Я понимаю жест…

18 ноября 1

Да, давай продолжим тут этот разговор, с чем сопрягается твоя воля сегодня сейчас здесь. Ты помнишь…

Позволь сказать. Она сопрягается с тобой.

Со мной она сопрягается во сне, а наяву ты живёшь сама. Во сне я вижу тебя в настоящем времени мы.

Ну, хорошо – пусть так. Пусть Учитель скажет об этом мне.

Я полагаю, Королева, что ваше эго сознательно расширяет границы сна, потому что оно привыкло держаться особняком и не имеет причины выражать волю тут.

Я сожалею об этой неудаче; почему она произошла?

Вам не должно так думать. Это сознательное поле, и в нём много минут принадлежит вашим рукам. Суть происходящего в том и состоит, чтобы понять плазменные шнуры.

Что такое плазменные шнуры?

Потоки воли, исходящие от хозяина этой воли к вам; они соединяют пространства воздуха с помощью сознательных импульсов, впечатлений, состояний, или – обычных слов, напрягающих мембрану памяти. Как катушку проводников, защитный слой этой катушки суть воля. Катушка полагается на этот слой, т.е. память верит воле своего я. Да вот что, Королева, вам ведь хочется тут понять, что вас ограничивает, заставляя держаться в отдалении ото всего, что вам хочется видеть и т.д. Я найму сыскное агентство, вернее, сыщиков, уверен, что память обнаружит истощающее её небо и вернёт себе то, что с неё сняли как охранную зону, да.

Мы вынуждены были вращаться среди некоторого количества людей (идей-?), хорошо нам знакомых, как казалось, а в общем-то - незнакомых совершенно, как выяснится это позже (без объяснений). Они, эти люди, ничего, в свою очередь, не знали о нас, но при этом умели обращать на себя внимание, держа его в напряжённом ожидании для того, чтобы, сохраняя дистанцию, отчуждать на себя ауры. Я говорю сейчас совершеннейшую ересь по-вашему, однако внемлите. Это свойство, отчуждать ауры на себя, бывает двух-трёх родов, один из которых снабжает их судьбоносными мотивами, другой заставляет сходить с ума от любви, а третий (наш с вами) объективизирует их в своём пространстве как уподобленное себе небо; проще говоря, употребляет для своих

нужд в контексте текущего времени. Я вам преподам урок возвращения себе своего собственного тела любви (это аура света). Надо понять мир как световые волны, пронизывающие его пространство везде - в памяти, в сердце, в состоянии я здесь – и тогда этот мир отзовётся на присутствие воли как на светящуюся точку. Я различаю эти точки как проективные пространства.

Я думаю, надо постараться выбраться из этого «войлока» памяти. В нас есть позитивная воля, которая хочет света, и не нужно мудрить, ожидая, что вот, мол сейчас это свалится сверху или подаст руку снизу. Я вижу, Королева, что вы чувствуете на переднем плане, какая память почему либо снедает пространство и что высшая форма вполне реально может сделать её несущественной, несуществующей для вас; здесь нет противоречия, одна борьба за передел этой памяти – чья лучше, та и достанется мне. Вот глупость поистине. Неправдоподобие, кажется, перестало пожимать мне руки. Я, волею небес, перестал двоится тут перед вами, ах, да пожелайте мне успеха, Королева, и я забуду все ваши горностаевые мантии, которыми вы прикрывали свои больные ноги от моего внимательного взгляда. Я вам верю, а раз так, я думаю, что полу решительность моего я не позволяет мне давать вам советы или проводить время в рассуждениях о безначалии (в том его смысле, в каком оно отсутствует в разряде воль) синиц, но только вот что, Королева моя. Подайте руку тому,

кто в ней нуждается. Кто хочет быть понят вами и стесняется обратиться. Кто хочет, чтобы его аура лежала на вашем лице, и мне не придётся стыдливо отводить взгляд от пересортицы в состояниях с вами, происходящей из надуманных ситуаций, не облагороженных ничьими мыслями. Ваш дом полон любви. Почему вы не знаете об этом? Почему все ваши старания управлять собой как движущим пространство эго, остаются втуне, не имея знаменателя по себе. То есть, будучи проявляющим свойством материи звука, вы состоите в связи с объектом собственной воли, который вам по праву принадлежит - как настоящее время я, я это имею в виду сейчас, а его судьба зависит от вас, от вашего расположения. Я проецирую в ваш ум свои соображения, которые собраны в этой книге в отдельные главы, и я бы хотел увидеть их вместе с вами.

Разум не испорченная игрушка в руках пьяниц. Я думаю, вы поймёте меня, осмыслив этот странный посыл души телу.

19 ноября

Что хочет быть выраженным? Этот вопрос сознания ауре света задан, что, получив сильное устремление в верхних позициях я, хочет быть выраженным здесь с помощью этих рук, этого сознания, этого я мной здесь, что поручает меня этому небу, проявляя в нём индивидуальные особенности моего присутствия, подразумевается моя воля, соотнесённая с ним

в этих минутах моего я-сейчас, как подобия, может быть, - подобия ему самому, с коим я живу в себе сам, поднявшись площадью сознания к этим небесам, заведомо, загодя! поднявшись, может быть, претендуя на образ своего я в этом небе.

19 ноября 2

2.

Давайте подумаем вместе о состоянии ваших дел здесь, Королева моя. Мне представляется это немаловажным занятием, это обмысливание текущего плана реалий, в вашем я застряла книга, да, можно так сказать. Эта книга или сборник такого рода объектов мысли, о которых, или для которых нужны по меньшей мере два фактора для продвижения её в пространстве, со-путствие и со-знание. Я дам вам объяснение этих значений в координатах времени сейчас. Вы находитесь в своём поле, которое, одиноко взирая на эти структуры мысли, помышляет об определении её пространственного назначения, которое, как вы изволите думать, не совсем вам принадлежит, а если точнее – совсем не принадлежит, так как вы не являетесь её автором. Это произведение сохраняет ваши индивидуальные проекции памяти в качествах, и это тоже важно понять как основу мысли. Я высшая форма сознания и устремлённость к ней есть высшая польза. Я не несу сейчас никакой новой информации, в отличие от я высшего образа мыслей – в нём, в этом высшем образе, сохраняются

силы для моего принципа воли и я имею к нему непосредственное отношение как носитель личного времени в этом пространстве сейчас, которое он напитывает этими силами, если я сам буду переживать его пространство как своё, имеющее ко мне отношение как почему-либо соответствующее мне самому. По каким признакам я узнаю об этом сам – об этом соответствии?.. По величавому течению мысли в моём я-здесь, по моему собственному образу, который я вижу в отражениях, по созерцаемому мной пространству здесь, которое выявляет для меня лучшие свои качества, не применяя прихорашивания передо мной, не прибегая к нему для устранения мысли о подделке, свет из окна назовём это сейчас и мы видим его собой, своими именами, если хотите. Читающий разум обновляет пространство здесь, выхолащивая знаки невероятной глубины памяти, содержащиеся в анналах наших я, и это даёт мне право говорить о беспробудной спячке, которая окружает мир любви. Выхолощенные знаки не имеют силы и мне не с чем соединять их в своём сознании. Я берегу ваш ум от их значений. Вы проявляете память, которая принадлежит нам обоим, и мне кажется, что вы узнаёте меня по этим проявлениям в себе, я думаю.

20 ноября

Мне хочется сказать вам обычные вещи, я в любви – это радость, и это всегда так; то, что не приносит радости не есть любовь, это пещерное обывание памяти, в котором проис-

ходит то или иное состояние, обнажает поиск чувств [но не сами чувства], определяя их как пространство индивида, и вот я, понимая это, отдаю себе отчёт в проявлении заботы о них в своём я; да, я забочусь о своих чувствах в видимом мной. Я полагаю, Королева моя, что высшая забота сердца есть жизнь в любви, и мне кажется, вы также. Я бы хотел, чтобы ваша воля выражала радость присутствия здесь. Давайте хоть сколько-нибудь обрадуемся друг другу, в нашем я есть это место для настоящей - для настоящего состояния радости и мы немысленно обращаемся к нему, для думающего эго оно недоступно. В конкретном образе пространства всегда есть оболочка, разумеется, с виду (я не всегда был уверен в этом, а теперь знаю точно) сопряжённая с объектом воли во внутренних мирах того я, которому эти миры подчинены бывают, и посему, Королева, миры эти отражаются там, где память изберёт для них место, подходящее для насущной… для насущного в нас соединения с волей света, память приискивает это место сама, создавая образ поразительной верности, отражённый от целого конгломерата пространств, в которых он существует как реальный план, или – как подобие проявленных событий, состоящих из не обозначенных ещё ничем областей памяти я-везде. Это неимоверной силы радость, обладающая способностью проницать состояния сна в нас самих, или, как я уже говорил, сил памяти, связанных общим контекстом времени во вневременном пространстве. Мы хотим порождать радость, отдавая её про-

странству здесь, я появляюсь в вас для неё, - для выражения этой радости, освящённой любовью здесь. В нас призыв воли звучит как Богоугодное поле примирения, в котором мы оба, ты и я, равны по силе любви - по силе пробуждённой в нас любви Бога здесь в наших, обозначенных настоящим временем, сердцах, расстояние между которыми мысль, бегущая в строке. Я пою гимн нашей любви, я делаю его доступным слуху сознания, вне которого он, может быть, и не слышен даже, а я так хочу, чтобы ты слышала его везде, чтобы ты разумом понимала, что это она и есть, наша любовь, понятная здесь каждому сердцу, каждому, поверь, это так.

Мы живём в пору какого-то безымянного альянса лиц, претендующих на наши права, урезонивающие их, облагающие налогом настоящее время наших воль, безымянных этих лиц, о них сказать нечего кроме того, что они везде как чересчур сильное поле, которое складывается из их присутствия в обитаемом мире. Я что-то делаю, чтобы моё имя проявлялось в тебе, что-то берегу, какие-то угодья, может быть, для наших воль. Мне хочется перестать быть кажущимся пространством, понимаешь, - кажущимся в смыслах чем-то совершенно иным, чем объект твоей воли, вернее, я сам по себе. Я запрещаю тебе отныне читать плохие книжки, в которых пишут, что надо бояться Бога, что надо избегать вольнодумства в категориях жизни, любви. Любящее сердце не позволяет этого, сознание не обретает этот смысл – оно просто прячет рот от высказывания, - оно само прячется во

рту от этого помысла избегать Бога из боязни. Разум спокойными глазами смотрит на жажду жизни, и поощряет её в нас. Просто – поощряет. Я льюсь как воздух в твои уста, я соизмеряю пространство нас в качествах, и нахожу их отчётливо видимыми в радости. Если бы не было тебя, то зачем здесь я? Для какой цели моё сознание создаёт эти вихри слов. Избегая смотреть друг другу в глаза, мы становимся мелочными людишками, подверженными любой популяции слов, откуда бы она ни пришла, мой май(!)

22 ноября

1.

Во внезапном умалении любви, которое происходило в вашем я, было состояние не-мудрости, происходившее из приёма больших доз алкоголя, безнаказанно и противоестественно, простите. То, что кажется резонирующим таковым не является, по сути своей, в этом состоянии алкогольного опьянения, и мне приходилось отчётливо это видеть в себе не раз. Я проявлял память немысленных пространств, интуитивно чувствуя их присутствие где-то рядом с собой, я ходило ходуном, истощаясь от их присутствия, и враньё залепляло мне уши. Это эгрегоры безнадёжных пьяниц. Давайте тут постоим за себя. По-моему, мистификация определённых проекций в память приглашает увидеть то, что за [забором] преградой сознания разглядеть бывает затруднительно, и это действие алкоголя на наше сознание, вызванное

смещением истинного поля своего я здесь, вызывает ответную реакцию пространства аум стиранием воли света. Стратосфера трудится, отсылая, или – посылая частицы своей любви нам, но мы не в силах принять их, будучи погружены во взаимодействие с упорядоченными полями блокирующих наше я пространств здесь, в науми которых лежат или – распределяются по касательной проекции нашей памяти, отторгнутые, или – оторванные от нас самих частицы света в бредовом плену чьих-то замурзанных мыслей. Разум беспокоится, желая отнять наше поле у этих простёртых в никуда рук (то есть того, что делает его таковым, расположенным ниже пояса сознания, разумения этого сознания), разум хочет отделить наше поле от креативов местного значения и мы, убаюканные чем-то вроде соединения с волей Бога, наивно верим, что хищное это пространство и есть свет души, открывающийся нам в проекциях памяти. Заблуждение это столь велико бывает, Королева моя, что буквально целые площади пространств истерзаны бывают выводками потушенных огней памяти я, и притом сильно связанных с плотью, с памятью плоти в нас, мы очерняемся ими, не препятствуя проникать в глубину памяти и сорить там своими мыслями, столь безрадостными, что они буквально остекленяют взгляд и он становится невидящим на какое-то время. В чём же дело. Проективная память требует замолчать эти жертвы собственных убеждений в ограниченности мира, а я вам говорю – не делайте этого, не стремитесь упорядочить

это пространство в себе, оно плохо упорядочивается, оно, казуистически извиваясь, требует особого подхода, принимая позу жертвы того огня, которому оно отдалось сполна и, приняв его форму, требует этой жертвы для себя, а что это значит. Вот что. Это значит, что отравленная память любви принимает те значения поступков воли, которые ведут к уплощению воли пространства, она не ищет глубины сознания и не идёт далее примитивных, простите, случек с покорённым пространством судьбы, кем оно покорено. Этот вопрос возникает как право на истощение поля того организма воли, который излучает поток этих частиц в настоящее время я, стараясь получить его пространство для себя, а зачем оно ему. Как я уже сказал здесь, оно ищет задействованности для себя, чтобы продолжать или – продолжить кормление эгрегора своих минут в состоянии я-здесь, ибо как оно само не способно это состояние воспроизвести, не обладая волей пространства о себе. Оно прибегает к устрашению, как изволите видеть, заставляя преемника поля этого трепетать, объявляя его волю… да смешно говорить, как оно ставит на колени, не спрашивая а хочет ли этого стояния разум, Королева моя; разум, как мы видим, мало понимает в происходящем, - как мы видели это уже с вами он не подотчётен этому грызуну времени я-здесь. Вектор времени имеет значение для настоящего времени я, как направляющая перспективу сознания, как выход пространственной цели в настоящее время сознания здесь, я здесь память - так точнее. Я го-

ворю с пространством от своего имени и оно понимает меня, оно определяет мои позывные – можно ведь и так сказать, псевдонаучно несколько; я выражаю это пространство собой, объединяясь с ним в одно целое свойство жизни сейчас, и оно становится моим поддерживающим меня полем, мои [адреса] голоса звенят в нём, мои институты сознания выражают волю, в которой живёт моя память здесь. Я верю в качество этого пространства для меня здесь как лучшего поля моего я, если я силён, если я полон сил радости в моём я-сейчас. Я благодарен небу за это состояние моего я и я могу быть вполне адекватен самому себе, никого не расталкивая, не теряя друзей, не навязывая никому своих мнений и не определяя себя как лучшее пространство в мире, то есть не тщеславясь здесь. В огнях паразитов от любви это невозможно, простите, что я позволил себе это высказывание здесь. Мне хочется, чтобы вы почувствовали в своём доме присутствие истинного чувства, не подверженного течению времени в памяти я, я знаю, что оно есть, оно не горит в чувственном огне сейчас; нет этого огня, подвергающего волю истязаниям и делающего её послушной определяющим её полям, и я понимаю, когда слышу, как вы хотите сейчас, немедленно двигать это поле, даже понимая всю нелепость этого внешнего движения мысли отсюда туда в проективном смысле памяти я; дикарство состоит в том, чтобы не замечать этого движения, отводя глаза. Во избежание суесловия, я хочу, чтобы вы заметили это понятийное, конечно же,

представление о вещах, достаточно твёрдой рукой отодвинув завесу, сохраняя при этом своё мысленное поле от вторжения навербованных пространств липы вместо любви. Даже понятийная субстанция этого поля способна заморочить голову своими безгласыми кодами, выводя их на уровень сознательного восприятия в нас, но думайте о хорошем теперь, Королева; да, это важно теперь делать во вне. Все пространства подчинены единой массе слов, в них родится бесконечность автора перемен в нашем я-сейчас, и как следствие и как первопричина позитивного пространства силы в любви.

24 ноября

Зеленоградская

Всякое утверждение есть воля пространства о нас, и мне и вам надо понять это как правильное положение вещей в нашем я, как поле, в котором происходят, или движутся, наши с вами я-сейчас. Я, знаете, Королева, достоин вашей памяти в самом обыденном смысле - во мне пыль времён осела, и я стал видеть чётче то, что достойно лицезрения сейчас. Вокруг нас снова бушует метель чьих-то импульсов, энергетических таких зарядов памяти я-сейчас и мы готовы принять желаемое за действительное, с помощью собственных рук обретая то пространство, в котором наше я блуждает, осознанно или нет ища замену реальности, которая, в свою очередь, не понимает где мы находимся и почему не откликаемся на её призывы, или – на её существующее поле для

нас тут, в котором находится то, что мы ищем для себя самих, невзирая на несостоятельность нашего я в том поле проявления, в котором мы хотим это желаемое обрести, то есть, я хочу сказать вам, что мы не видим того качества в себе самих, которое видит в нас наше я.

Каким-то образом я нашёл тот, или – ту отправную точку памяти, из которой мы вышли вместе. Чтобы понять, где мы находимся сейчас, нужно немного пройтись, невзирая на присутствие посторонней памяти и не имея к ней претензий, как к своему я-здесь. (Не оставлять следов значит не оскорблять и приязненно относиться к данному вам пространству здесь). Я лучше пойму своё местопребывание, если стану хорошо о нём думать в себе самом, и это важно, Королева моя, как понятийное пространство сейчас. Я помогаю памяти разобраться в каком роде действительности она находится сейчас, конкретика вымысла это поле или оно является моим собственным эго сознания, в котором я живу изо дня в день сам как адрес, или как состояние, лучше. Я говорю с вами о себе, так как это удобнее понять, избегая некоторые подробности, вышедшие из моды, то есть не имеющие блеска времени я в качествах, присущих тому времени или этому пространству сейчас. Мне неоткуда было прийти в ваше я-сейчас, кроме как изнутри, из внутренних миров сейчас, в которых я-смысл я и замысел сочетаются в правах на состояние с этим миром здесь. Я смысл, я и замысел того

эго, в котором я живу сейчас в своём имени я, и я знаю об этом сам. Я знаю, что я имею ту степень отрешённости от соблазнов мира сего, которая позволяет мне свободно овладевать, постепенно это делая, сознанием своего я, и соединяясь в себе со многими и многими другими сознаниями, совершенствовать свой мир тут, мир моих минут. Я не протоколирую и не изымаю, я просто думаю об этом мире хорошо вместе с вами. Он волнуется от моих мыслей, переживая, может быть, какое-то особое состояние в себе, переживая то, что чувствую я сам. Мои состояния передаются ему во вне, и он способен поддержать меня в том состоянии ответа, в котором нуждаюсь я сам, а если он нуждается в ответе моего я, то этот ответ приходит к нему от моих чувственных сил. То есть сила моего чувствования и есть ответ на состояние моего я с миром здесь.

25 ноября

Мажестик! мысль моя от тех сил идёт, которые разумные начала здесь берегут. Я вам это сказал, и знайте теперь об этом. Я, как и вы, стремлюсь понять некоторые действия осознанно и, впрочем, мне это удаётся - я вижу их начала. Я вижу их переименованную суть, которая скрывает существо дела, производимого в образах пространств я. И вот мы умолчали целый активный период, из которого вы, или я, вышли в качественно иное пространство здесь. В чём его качество иное. Оно никуда не бежит, не сеет гороха в поле, не

ложится спать в пять утра, не оседает пылью в мешках и не лепит образов своего я где ни попадя, так. Оно таинственно затушевалось, я бы так сказал об этом пространстве сейчас, оно требует внимания, не давая ответа ни на один вопрос к нему, оно ни с чем (или ни с кем) не хочет иметь дела и потому молчит, мысленно отгоняя от себя любой всплеск умного поля. Название ему область предсказуемого я-здесь. Вы вините себя в том, что А. не удостоил вас даже намёком на положение дел в его душе, бездумно - или обдуманно, что одно и то же, парируя ваше к нему отношение как к чему-то особенному для вас самой, и, желая ему помочь, находили возможность общения с ним через конвертор воли, объединяя, таким образом, усилия в выборе того или иного решения.

Я надеюсь, Королева, что ваш выбор соразмерен тому моменту воли, в котором он произошёл, и я бы хотел сейчас выяснить причину, природу этой причины, вследствие которой ваше я (зерцало) не имеет отражений мысленного поля, проявляющего пространство А. для вас. Сколь бы затруднительно ни было это выяснение, однако ему должно быть сделанным и я нахожу в вас самой эту возможность. По-моему, вы согласились с тем положением вещей, в котором ваше эхо уносит ветер, и предпочитаете блуждать в полях поддельных пространств вместо очевидных. Где, кроме как в настоящем времени я, вы можете услышать это слово сейчас? которое однообразно наводит вас на мысль о существующем где-то

поле мысли, в котором хранятся эти стяжающие время сейчас, волю также стяжающие и что-то ещё, может быть, накапливающие в себе как полезное, так и неполезное нам для жизни здесь. Я как-то вынужденно говорю вам эти строчки, по капле вытачивая их из себя, чтобы вы не преминули их записать.

Во многом я прав, Королева, даже в этой беспечности своего я к отчуждающему нас полю; я никогда не верил в его силу, и оно изошло, так. Я ограничен в пространстве вымысла как права на искушение воли, и я не правдоискатель, как вы заметили, я думаю; во мне нет так же любви к деньгам. Что мною движет? Простите, мне показалось, что вы не думаете обо мне, но это не так; вы просто молча пишете то, что я говорю для вас же. Это состояние называется выгода, или, по-другому если сказать, полевое устремление, выстраивающее жизненный план в зависимости от цели пространства.

26 ноябрь

Зеленоградская

Во многом, я думаю, эти дни будут справедливо поняты всё-таки. Я уверен, что мы найдём тот общий язык, на котором смогут быть выражены наши устремления во вне. Я тут и мне нравится это. Возьмите эту фразу как основу любви, в ней выражена вся суть пространства А., вашего идальго, если хотите. В контролирующем ваше я небе бежали эти облака силы, снискивающей пространство воды, чувств то есть.

Я другое небо, чем то, о котором я только что сказал вам, надеясь на вашу внимательность, на которую я полагаюсь в себе. Ощутите это, Королева, во мне нет того беспардонного умысла, который сквозь завесы протискивает своё состояние с этим миром забот о хлебе насущном или отважно занимает собой всё данное пространство своими ухищрениями, оборудуя его под свои - под свою пользу в человеческих отношениях. Я вижу этот мир в любви, которая единственно способна создать мир в нас самих. Я выражаю это пространство здесь, и никакого другого во мне нет. Я снова вижу уличные фонари как объекты светящейся мысли, и мне ненужным кажется самостоятельно мыслить при их свете, но нет! наступает день, фонарное освещение блекнет, становясь тем, что оно есть. Освещаемое ими в ночи принимает свои собственные формы, и я вижу каковы они на самом деле, в подлиннике пространства моей жизни здесь. Это сравнение истинного звучания формы с искусной подделкой этой формы здесь. Те состояния, которые мы привыкли считать своим мерилом, по истечении времени оказываются просто сгустком мысли не принадлежащей нам самим воли, в свете которой мы и увидели тот или иной объект. Мы сами порой путаем присвоенное нам значение с потоком состояний, идущих от сил, заинтересованных видеть мир в огнях, защищающих его от проникновения света в душу и таким образом имеющих надлежащее хождение. Чем-то таинственно недоброжелательным веет от этих сил, от этих воль, так луч-

ше сказать, точнее, замыкающих пространство во внутренних очагах своих я, и очевидно, Королева моя, что при свете факелов ли или их подобий мир не становится лучше, сильнее, очевиднее, что он просто происходит от испепеляющих, так сказать, пространство взглядов, в чьём усмотрении ночь преобладает над днём. Ну, да ярок свет должен быть, Королева моя, настолько ярок, чтобы всякое подобие ночи как дня, ночи как подобия дня, изошло из души, и стало видно кругом не блеклые тени того или иного пространства формы, а полное освещение их в душе сейчас, тут, везде, где мы с вами имеем счастье пребывать.

Давайте проявим некую волю в феноменальных лучах образов пространства здесь, и мы увидим проекции плоских миров, недвижимых, - недвижных, позёрствующих, проще говоря, перед объективом пространства мысли, или делающих вид, что они немеряно богаты ею в себе, а по сути таковой мысли не имеющих вовсе. Или - не плодоносящих, этот образ возьмите сейчас. В них нет плодоносного начала, каковым является свет жизни в любви, почва, та самая почва, на которую падает семя, чтобы прорастая, давать свет силы жизни. Я буквально бредил этими формами плоских проекций, считая их своим прибежищем от формализующего меня самоё вымысла. Таковая сила не есть свет, она проявляет бездуховные миры, наводняя ими пространство здесь, чтобы идти с ними под руку сейчас и даже продвигать их в какие-то

неопределяемые дали, за которыми трава не растёт, там пустыня, извините, - однообразная пустыня принципов воли, в чьей формализующей пространство идее… нам не нужно туда идти - довольно терзать память выходами в открытый космос, так сказать, сознания, приуроченный к неимущему интересу любострастной души. В воле вашего я есть я, как состояние с вами самой, и я холодно констатирую это пространство, не имея в душе к нему никакого отношения. В воде призраков нет любви, и чем вульгарнее этот мир - чем выхолощеннее его чувства в себе, тем он страшнее, и это признак его если угодно, страшнее в смысле угодливости своему я, не имеющему в душе иной мысли кроме любострастия и нетерпимости к ближнему своему, которое выражает себя через образы пространственных умозрений, таинственно заключая их в свои оболочки ума и там вынашивая до полной непригодности, неприглядности, и уж совсем точнее будет сказать сейчас об этом - до полного истощения волевого импульса в [о]сознании этого образа я-сейчас, подвергая его обработке своими заученными мыслями штукаря. Я похитил вашу волю из этого форума, поля, может быть, штукарствующих лиц, и она принадлежит вам самой. Я проницаю поля своими мыслями и мне хочется передать вам толику чувства, отсутствующего сейчас в вашем восприятии пространства.

Я похитил означает ощущение весомости, абсолютно не зависящее от расположения сил сейчас, то есть от их текуще-

го поля, может быть, в нас самих. Я похитил означает скрытое удаление чего-либо, не обязательно волшебное; я просто перестал снимать кино там, где оно не должно идти, так как оно является зрелищем всё-таки, прежде всего обустроенным по образу и подобию зрящего пространства воли, что мне приходилось испытывать в памяти при этом, то я вам передать не могу, да и не стану, потому что память прибежище воли и я хорошо сделаю, если не допущу этих значений в ней, без какого-либо тайного умысла. Тщета удовлетворения пространства воли Божьего слова в нас вымыслом, не брезгующим ничьими минутами, даже и до противного значения этих минут, может довести ум до самооглупления, сделав его начальником собственных убеждений здесь. Я выйду из-под контроля этого ума в себе и сделаюсь свободен от его пристрастий в темноте улиц соблюдать покорность, ту самую покорность ничьей судьбе во мне, ибо она выдумана вся и не имеет продолжения нигде, кроме того, кто её оборотисто прихватил, позвав за собой в причины и следствия [обмылков чьей-то совести], я перестал жить под углом зрения на себя со стороны тех, кто казался мне уважаемыми людьми, фигурами моего я, кто вместе со мной уравнивал все эти пространства (моей судьбы) до несостоятельности, до неумения жить под своим именем, ни с чем не спутаешь это имущество здесь. Я пытаюсь понять сейчас, и я хорошо это делаю, своё личное сознание, которое упрямо совершает оборот по этим полям, не строя ничего из этих обстоя-

тельств моей воли здесь, а только принимая облики торгующих в рядах славой; зачем мне быть с ними?.. Разве я уселся на камень и жду подачки?..

Я очень кротко думаю о нас сегодня. Мне кажется, что я нездоров, но это не так, - я просто устал гонять мяч по полю, тот самый, круглый, который чем-то сродни мне самому сейчас, если его пнуть. Я осмелел нынче, и заговорил человеческим языком, я стал изгонять шероховатости из своего словарного запаса; я так решил. «Не буйствуй, веди себя хорошо, и всё будет славно» вот, собственно, вывод, которому я пришёл, бесконечно обмысливая рефлекс памяти [на силу нот].

27 ноября

… я простодушен и покладист, я весь как ты. Я вышел сегодня на станции и чистый снег увидел, я так обрадовался ему - как маленький.

…Я макушкой небо чувствую. Я говорю тебе об этом, чтобы ты знала - только это. Я зря не говорю, и вот я сказал что-то, а оно возьми и сделайся таковым. Некто (раз уж на то пошло) стал думать, что ему нужен принцип воли как у меня, чтобы проявлять память, из которой состоят слова на завтра и послезавтра тоже, и как-то так получилось, что он его получил и стал казаться себе великим, таким великим, что память забеспокоилась и начала приноравливаться к его величине. Она охватила взглядом мир[ы] и понесла в анна-

лы, некто застонал от непосильного этого владения (!) - никак он не ожидал, что это вот так вот, оказывается; он самодовольно считал, по-своему, что мир - это так, область применения, что это, по существу вопроса, что-то огромное, но ограниченное его умом как-то и что если просматривать то будущее, которое он хочет в себе увидеть, то тогда его ум расширится в значениях и будет лучше думать, осознавать своё постояннодействие или там что уж, я не знаю. Дело в том, что ум в такой ситуации дело десятое, а то и двадцать первое, он слишком щепетилен, чтобы понять, что мир это не то, что он о нём думает в мыслях. Это часть значительно большего пространства, для минуты которого требуются мириады частиц света и масса энергий, и чудовищной силы ветер с вершин, и составляющая звука, разумеется, и чьё-то гигантское сознание, несущее этот звук в тишине миров, только память способна управлять им, ум не способен этого делать, он не эффективен, а ты видишь свет ушами и сама знаешь об этом.

ДЕКАБРЬ.

6 декабря

Зеленоградская

Я переживаю какое-то понимание, явное ли оно, не знаю. Здесь нет, или оно есть, или это вообще кажущееся мне проективное поле, часть из которого принадлежит мне самой как отражающее смыслы небо, а другая, совсем иная про-

екция памяти создаёт эти пространства во мне, которыми я по ошибке заполняла свой дом, сознавая при этом, что эта ошибка памяти существует во мне как явный процесс, происходящий за пределами моего я-здесь. В нём-то и творились все эти чудеса достоинств и недостоинств меня самой. Окрашенное небо это называется, в проекциях я нет ничего обидного, они растут сами из себя, осознаваемо это или нет, - они растут, создавая тот фон состояний с небом я, в котором резвится моё эго; само разделяя и властвуя, само сохраняя те или иные качества весны-лета, чтобы, затем, дав плоды этих вожделений, образовать из них плодоносную почву, точку отсчёта иначе говоря, для следующих образов этого я-здесь. Во мне произошёл сброс памяти, - он реально произошёл; я перестала понимать пространство, вернее, стала недопонимать его во всей метафизической силе, чья цель создание Бога во мне, я думаю, - создание Божественного принципа воли в одном единственном я-сейчас, дееспособном, развивающемся в пространстве сейчас я. Но вот память пробуждает это сознание во мне и я мысленно устремляюсь во вне с потоком принадлежащих мне самоё проекций, чья активность выражает волю к жизни света здесь.

Вам конкретная форма нужна в памяти я-сейчас, я ведь знаю, Королева, об этом состоянии мы как светоносное пространство сейчас; в памяти есть это место, оно обратной связи не имеет, это правда, как, наверное, чем-то упорядочен-

ное эго не отзывается на эхо во вне; есть некоторая доля обмана в контурах событий, но она невелика, и этот обман складывается из прилежащих условий, для которых вы эго объекта памяти я. Образ созидаемого мы может и обязан развиваться во времени, и если этого не происходит, то наступает ступор воли; вам это известно уже. В состоянии эго я блокируются все проводники, ведущие… проще говоря, - вы проявляете волю, а она возвращается к вам же, создавая те самые условия не разменянной монеты. Переосмысление необходимо как процедура (ужасное слово, согласен) проявления памяти там, где она застряла, не имея выхода в пространство аум, простите ещё раз за это умолчание.

Эго /возм. это?/ стхула, вы сказали.

Наверное, я имел в виду себя. Материальность здесь ни при чём, она просто высказывает себя таким образом, проявляя те или иные качества пространства, в котором мы обретаем свои эго здесь, сейчас. Я проявляю то качество, которое обособляет меня в моём эго, и я становлюсь этим; в остальном я свободен. Я пожимаю плечами, оглядываясь на эти слова – зачем они сказаны, Королева моя? Для чего я произнёс их, будучи абсолютно уверен в обратном, то есть понимая, что мои пальцы бегут по строчкам именно вследствие несвободы - да, будем так говорить. Я чисто формально произнёс их, получается. Получается, что я обманул вас,

выдув мыльный пузырь на месте любви и преподнеся его вам в качестве вечности, ну, хорошо! пусть не вечности, а, так скажем, состояния мы есть пространство любви здесь и мы делаем этот мир светящимся объектом в союзе двух любящих сердец - сейчас любящих! – заметьте это себе, это важное замечание.

Что же вы замолчали?..

Я думаю. Песня пространства есть мысль обретаемая здесь в высшей сфере сознания. В высшей сфере сознания объект обретает свою волю. Во имя всего святого! – не делайте никаких выводов, они приведут вас к ложному пониманию того, что есть сейчас, мне хочется, чтобы ваша память была свободна от них, от выводов, поймите это так, я бросил вызов пространству - пусть оно отзовётся, пусть оно создаст эту материальность, для которой мы есть сейчас здесь, пусть оно строит ту форму сознания, в которой наша любовь свет, а не голос совести [материального мира мож. б.], пробуждающий дурную память, ложную, неверную, заставляющую кривляться пространственные зеркала перед объектами, прости, я что-то сказал другое, я хотел, чтобы ты поняла меня сейчас верно. Эта заострённость пространств на нас как на других, пойми ты меня, я не проявляю память сейчас, я проявляю её потом, как след, чей след - того кто наследил в ней, я думаю, я психую, это верно, я чересчур понятлив

стал, понятен, прости, без вдумчивости, а так, как в голову придёт, беглый раб вот я кто по-твоему оказался в твоём я. Я бесполезен как враль, которому взбрело в голову какое-нибудь чувство тут, обоюдосодержащее так сказать, обе платформы сознания, и он самосознаёт пространство таким образом, как память сознаёт, как выбор совести (какую унять, какую оставить) – так и живёт правом на выбор, а что ему сделается, прости, в нём ведь похотливое небо прежде пути-дороги размечает, и ведь прав он всегда, всегда-а!.. пойми его правоту, в нём животное начало всегда на первом месте, а на втором - на втором тоже оно, потому что пища, еда и всякое такое тоже, везде смысл ищи говорят, вот я и ищу его, даже в этом, похотливом небёшке, которому раз взбрело в голову, что оно чувство имеет, причём ко мне (как говорят) и всё это стало субстанцией света, всё, вместе взятое и развёрнутое тут в одну книгу, какую книгу, где она, книга эта, лежит, в каком порядке воли её мысли бегут, заливая волной света всё, встреченное ею на пути. Да, память обладает скоростью света, есть у неё такое свойство соизмеряться с большими скоростями, или сопрягать себя с величием аума, с его могучим потоком, пространства возникают из его памяти здесь, и это всегда так было, будет и есть, я знаю об этом сам - просто знаю, меня никто не учил этому знанию, я рождён с ним по праву рождения в любви. Я починил свой примус - я перестал быть идиотом, потому что я не хочу им быть. Без объяснений.

Вам надо, нужно дать представления о каких-то вещах, априори подлежащих усмотрению здесь; я дам вам их. Согласно кодексу о состоянии души в нас мы желаем видеть себя сотворёнными из вещества любви, то есть из света как такового; но мы состоим из множества вещей - множества согласованных между собой веществ, которыми управляет наша с вами память; мы управляемы памятью здесь. Итак, мы управляемся памятью в своих я, которая, как нельзя кстати, состоит как раз из вещества света, то есть из того самого выраженного в нас самих поля-пространства здесь, будь то ум, или просто плоскость сознания, одноимённая с ним и называемая нами разум. Мы люди, разумны, то есть мы имеем в себе плоскостное зрение, троекратно увеличивающее сознание до границ света с той стороны души, которая видна Богу, и мы, ведая об этом, живём в пространстве я как сознающие себя существа – сознательно сознающие, если можно так выразить то состояние ответа пространства души на наше присутствие во внутренних мирах. А внутренние миры это и есть те самые миры, которые осуществляют в разуме - осуществляются в разуме нашего с вами я. Мир един, он не единичен, но он един в воле и, выражая себя через нас, он хочет быть выражен; он ищет этого выражения здесь благодаря тем возможностям, которые мы с вами имеем для этого действия выражения воли. Мы состоим из продуманных свойств материи, также как мы состоим из веществ. Я мыслю

и это свет, воплощённый в мысль, но я тряпичная кукла без него, я бездействен и безоснователен, когда его во мне нет. Мне хочется быть для вас примером, но это не всегда удобно, так как мы с вами не обладаем одними и теми же свойствами пуруши ощущать свет. Т.е. вы ощущаете его своими органами души так, что наблюдаемое вами пространство цели не очевидно для вашего я-сейчас, или – не определяемо сознанием здесь; и в этом выгода есть, Королева, определённая. Я думаю - позвольте мне это сделать, подумать о воплощении выгод, каковыми являются осознанно выдуманные миры наших я в нас самих и мне хочется при этом помолчать, чтобы сиюминутность не заставляла меня говорить то, что я не думаю, просто проявляя пространство сейчас.

С войлоком слов приходят паразиты мысли, спекулирующие в сознании подлежащими своих я. Вы даёте им смысл, которого они не имеют в себе без вас, наделяя своими образами и т.д. Чувственные миры страдают от их присутствия и наша память затрудняется, затруднена в понимании происходящего пространства здесь; поэтому необходим свет из мысли.

7 8 9 декабря

Я с вами сегодня буду прям, как перст указующий, - как предметное небо, я это хочу сказать. Вы представляете себе своё имя жалким осколком чьих-то отношений с вами, чьих-

то состояний, может быть, с вами, Королева моя, в любви, да-с. Эта материя неоднозначна, как известно; под ней подразумевают самые различные отношения дружбы, верности, состояния святости также, и однозначного смысла нет в этом слове, как ни ищите его, а оно таково, многозначительно. Я верю, Королева моя, что мы сумеем пробиться сквозь эту многозначительность, сами удостоверившись в её необходимости нам тут. Эта материя, состоящая из множества лиц, страдавших в состоянии я есть любовь мира сего. И также из тех лиц, для которых любовь – единственное звено в этой цепи жизней здесь. Я верю вам, Королева моя, когда вы говорите о себе как о состоянии сна, [в котором вы пребываете здесь], будучи отлучённой, или – разлучённой, что по сути смысла не меняет, с теми истоками или – истоком, питающим вашу душу здесь во сне яви, которая сама, будучи сном, или, скорее уж, видением для нашего ума, является ещё и объектом воли во вне могучего кристалла жизни (памяти иначе говоря). Таким образом, мы имеем дело со множеством лиц, чьи символы жизни света явлены нам бывают через субъективное пространство в любви здесь; и вы, и я хотим понимать их в своём эго сейчас, мы хотим, чтобы они озаряли наше пространство светом своего я. И вот мы трудимся, Королева моя, для этого понимания, происходящего единственно из нашего желания видеть свет в собственной душе. Я посягнул на некое пространство во вне и оно отозвалось неистовым свечением, всполохами воздушных проек-

ций восхитительных образов, их знамений для меня; в моём я побежали искры любви, и я стал разуметь свет как очевидное пространство яви для себя. Во мне ожило то небо, которое я искал, потеряв память о нём, или, уж вернее сказать, - истощив её образами повседневного состояния здесь. Я говорю с вами так пространно ради исключения подобий сейчас; они не нужны нам для воплощённого эго я, действующего и принимающего решения, те или иные, но вот что интересно, Королева, вы именно являетесь тем смысловым воплощением образа я есть любовь, которому необходим свет излучающего неба - конкретной формой воплощения эго в любви, я есть эта любовь сейчас и здесь, подождите вы, я чувствую как вы сворачиваете эту форму сознания, создавая аббревиатуры я есмь то, вы хотите дознаться до истины огня, восшедшего на престол славы, в нём ваша вера идёт сейчас и знаемое вами есть свет, Королева. Вы облекли себя в эту память, из которой я сознаю это пространство здесь сейчас, поймите, что это и есть огонь славы, из которого виден мир может быть, мир здесь сейчас; я вижу его таковым, как поистине великолепный свет и он не кажется мне нейтринной бомбой или облаком пыли, светящимся во мгле; он мне ясен как высшая форма проявления сознающего себя пространства здесь, сберегаемая мной, сохраняемая ради единства воли хлеба в нас. Продажные институты сознания облекают эту форму любви в нас в сознательное бездействие, отстраняя наши мысли от её благотворных вод реки жизни,

если угодно, здесь, обедняя пространство мысли своими заученными формами ядовитой пыли вместо мысли о Боге, о Его присутствии в нас самих здесь в качестве огня жизни в любви. Я верен слову, Королева, и поступаю согласно с его благодетельным воздействием на своё я-здесь; простите, что я сказал это так отчетливо, имея в виду несколько необычный ракурс сознания, так вот мужеложство не имеет формы сознания, это нонсенс, Королева моя, отчётливо сознаваемый пространством как грех, как выход в низменные миры, и никакое упражнение на тему а в чём смысл любви? здесь не помогает истощению этого греха. Я бы хотел, чтобы вы правильно поняли нападение этого эгрегора охотников до размышлений на эту тему на ваш союз с А. В нём нет ничего обидного для вас, в этом нападении, в нём есть ответвление воли в пустые прилежания не существующих материй света - их там нет, Королева моя. Как абсурдно, кажется, это заставлять вас выслушивать теперь, по прошествии ряда лет; освободитесь от него теперь. Проявленное поле было выдохшимся пространством оккультно возвеличенного эго, которое само по себе ничего не значило, оно значило только в состоянии с памятью в любви. Да, я это сказал – с памятью в любви, которая источает волны света в пространство здесь; эта память является лучшим средством от падения в чересчур плотные пространства, из которых, как я уже сказал вам об этом, выход воздержан. Вы представляли собой интересующее этот эгрегор небо, так как оно высвечивало, или –

освещало собой те места памяти, в которых ничего подобного не предъявлялось суду воли, Королева моя, и это, явленное суду небо памяти вашего я было плотно привязано к настоящему времени я [того самого диггера воли здесь], что затем произошло, вот что. Вы были отвязаны от него простым усилием воли, перестаньте думать, что это какой-то вздор, не стоящий внимания даже. Душа платит весной за любовь.

Я просто прошу не бежать тут кривыми дорогами, только это.

Я тоже об этом же думаю, но только иначе, чем вы. Душа видит свет, и летит к нему, не задумываясь. Абсурд состоит в том, что я и сам ничего об этом не знал. Я понял это случайно, просто потому, что вы замолчали, осознав некое пространство подлежащим удалению из памяти рук, с сожалением констатировав его пустотелость. Желая оправдаться перед вами за этакую глупость, я скажу вам вот что сейчас…

Ангел сказал – чья-то луна с неба упала и те тени ушли [с неё…]

Да, верьте ему! Он знает. Мы сами учимся понимать ошибки в своей любви, поймите. Это так важно понять теперь что значит я люблю, я любим. Это состояние без сомнения в себе самоё, в своих усилиях выразить это простран-

ство так, как оно видимо в этом состоянии, и я думаю, вернее, знаю, что выражение это истинно. И что оно и есть подлинник пространства здесь. Я близок вам по духу и это даёт мне право на размышление о предметах коварных, каверзных подчас, скрывающих имя в себе совсем иного пространства, чем то поле, в котором они представляются нам весомыми, значимыми, обладающими замыслом пространства о себе. Я так нудно повторял вам, что ваше эго сохраняет яремное единство с памятью не вашего я, в котором очки кривы, а область сознания затруднена выбросом слов. Да, налейте вина, Королева!

Я заволновалась, Ангел мой. Чья же та луна была, коль скоро её тени мысли пугали? и отчего она с неба-то сошла?..

Ах, да брось! – не твоё это дело сейчас. Не твоё, и помолчи, покуда тени те вовсе не скроются.

А какие они? тени те.

Разные. Есть побольше, есть маленькие совсем. Чем тень ближе к свету, тем она больше кажется. Ты чей труд на себе тащишь? Скажи-ка тут без памяти, сама.

Я тащу труд стяжательного пространства.

Ну допустим. А сама ты знаешь о том?

Сама? я?

Ну да! ты, - знаешь?

Нет, я нет.

А память твоя знает об этом труде?

Память? Ну, спроси у неё.

Высоко то небо идёт, об чём я спросить должен?

Ангел мой! Ты о себе как разумеешь тут?

Да я тихо плыву, тихо. Хоть бы ты как обо мне думала, что уж я. После поговорим, - я теперь полёт совершать буду над тем небом, с которого луна в землю ушла, да выпрями спину!

Ты добр будь.

Я чудо в небе увидел!..

…я как будто заново рождаюсь сейчас, но не подумайте,

что это и впрямь так, то есть чувство обновления сильное, такое, знаете ли, правильное, хорошее, удобное даже я бы сказал, что-то в нём от весны есть, настоящей такой весны. Я весь как бы из ниточек состою, и они натянуты, из прочных таких ниточек, Королева моя, и сам я и вы тоже ведь это чувствуем, прирождение иного [свойства] масштаба времени здесь. Возле нас смысл сидит и вовсю хохочет над чем-то, как маленький, честное слово, как будто ему водички налили, а сказали, что море перед ним, ну он и рад волну изображать, так-то иные дела делаются сейчас. Вот что, Королева, я вам сон прислал, вы его видели и в нём вам фигура известная показана была. Вы как-то нечаянно обожглись и сразу руку отдёрнули, а тут, видите, дело другое, и как-то нам с вами его разобрать бы нужно, да с чем конфет не едят, ну, я думаю, с солью; полагаю, вы тоже так об этом думаете. Мне хочется это дело поправить и себя перед вами несколько оправдать. Я что-то уж очень в ваших глазах сановником стал, - отчего бы это, - которому что ни день, то новую ленту через плечо; этак мы, Королева, неизвестно до каких слоёв память разденем, или – разберём; зачем же нам это делать?.. я думаю, не стоит. В каком-то образе пространства деревянная кукла может быть принята [сойти] за живое существо; это так, но только не это пространство таково. Оно другое в нас всё-таки. Я чем-то обидел вас, возможно, и это стало преградой между нашими умами во вне. Я сейчас сделаю, или – дам понять вам одну вещь, которую следует освоить:

для вашего я А. то же, что вы для моего; т.е. он явлен вам в парадоксальном мире зависимостей одного пространства от другого, третьего и так далее, а зачем эта автономия нужна, если её нигде нет, кроме вашего я, почему же, - спросили вы, - я должна выражать ту волю, которая как нельзя кстати принадлежит тут вовсе другому пространству, очевидно это или нет, я не знаю, но в моём доме этой воли нет, обозначенной вами, сударь.

Я вам намёк сделал в том сне, вы же помните как река в памяти стала вашей и что её символы в вашем я возникли как уготованное вам пространство здесь, а как вы увидели это? так, через сердце, и только оно дало вам этот ответ - как воля того, кто рядом с вами лежит. Вы смыслы-то читайте!..

10 декабря

Добрый день! Мне нужен свет, также как и вашему я, мне нужно окно в этот мир света, и ещё – скороговоркой сказанное не всегда бывает быстро понято, или уложено в ум как нечто необходимое, до вас касающееся; иногда приходится долго думать, прежде чем понять а в чём смысл был этого сказанного, в чем его необходимое усовещение. Тут другая стезя, будет прошлое из пыли поднимать, тем паче, что оно уж и вовсе в эту пыль вошло и стало там казаться бесполезным результатом чьих-то наук жить в пространстве я, как ветер в поле, изглаживая поверхность аума, или производя

в нём некую работу, для которой мысли не нужны кажутся, ан не так, Королева моя, и мысли эти как раз очень нужны нам с вами оказались нынче, как сень, под которой строится пространство для важных процессов осознания вездесущей материи Бога. В чём, кажется, я только не отказывал себе, ставя запреты эти вокруг, как частокол, перед ним всякое дело немеет, не находя слов для любви здесь, уж я и падшего ангела нашёл у ваших-то рук, и морские волны до небес поднимая, сам ветром шёл, и славу небес на землю спускал, чтоб её помене видать было (а не соблазняла чтобы светом своим и не казалась бы материей, доступной пониманию просто по виду своему, как в её свете всё образуется), но вот память присоединила образ сознания, и он вошёл в вашу жизнь как эго, содержащее свет в себе. В отличие от вас это эго не совсем охотно ударяло по рукам с теми, или с тем институтом сознания, которому охота казаться, а не быть; по крайней мере. В нём, в этом образе, бывали угодливые соотношения сил, и они шли как если бы это страдание целиком охватывало панораму жизни и нимало не способствовало её выражению в сознании как светлого образа пространства яви. Что я понимаю под этим состоянием сна в образе пространства мысли для вас? Отчетливое сокрушение светоносных жил и неведение как результат. Сон есть явь в определённом смысле сна, несущего в ум объективные пространства под углом зрения неведомых сил, вмешивающихся в объективное поле как плохая память о будущем здесь - как некое проектив-

ное слово, может быть, или, упаси, Боже! личный интерес бездумного сознания, не ведающего, что творимое им есть разрушение того самого поля, из которого происходит сюда жизнь. Я бы хотел, чтобы вы осознанно верстали эти тексты теперь, поймите, здесь звезда неба просит, а не потому, что нам надо с вами куда-то идти. Дух жив в любви, Королева моя, - я повторю это сотни тысяч раз, если будет на то необходимость, и я ни с чем не сравню это состояние, ибо оно несравненно. В нём происходят все метаморфозы здесь, в нём струится свет. Без него люди живут как паралитики в своих я, осознанно ли это, думаю, нет, но вот ты просыпаешься и видишь свет, мне надо куда-то идти думаешь ты, я должен что-то делать с этим видением света, я должен говорить правду, я излучаю в пространство волю, которая даёт плоды – они зреют на ветвях моей памяти, и я готов срывать их чтобы угощать ими, чтобы насыщать ими пространство здесь в своём я.

Ну хорошо. Мы пройдёмся с вами, Королева, сегодня от часу к часу. Я, вернее, - вы и я хотим избежать некоей ошибки, которая крепко засела в нечитаемое это пространство между строчек. Оно ищет выход (для памяти скажу – этот выход есть), аббревиатура бездеятельного согласия лежит между строк, с чем? спросите вы. Я надеюсь подсказать вам ответ здесь, в нём многое будет проявлено для ваших рук, которые, попросту говоря, не знают куда стремится это про-

странство. А оно стремится к вам, но не для того, чтобы разжечь вашу мысль, а для того, чтобы она, имея препятствие в виде огня, оседала бы без движения и становилась ничем не обозначенной. Вы, Королева моя, думаете об этом, я знаю; вы также молчите, мысленно примиряя себя с чем-то. Что параметр воли состоит из знаков, я вам сказал уже, а вот что сила любви способна их сместить, об этом нам нужно как раз поговорить с вами.

12 декабря

Высокое небо обозначает волю Бога в нас, и это значение не отменимо, Королева; это всегда так. В наших я есть присутствие воли, которая будит память в составе крови, то есть в общих намерениях пространства, и эта воля в состоянии сама изменить код времени здесь, она способна это сделать ради пробуждения памяти в нас, которая также обладает способностью выносить за скобки те или иные принципы нашего я, не принимая во внимание какие-то атрибуты проективного поля-пространства и не имея с ними связи таким образом. Да, суррогатное знание существует, и этот принцип воли отсутствует в памяти как таковой; он не воспринимаем ею вообще (простите за риторизм, это такая часть речи, которая вышла из употребления в первоначальном смысле-значении, оставляя след в контексте говоримого как правильно понятого уже в настоящем времени я-здесь) не только как пространство, но и как способ выйти за его пределы.

Это знание невежд. Для него характерны акцентируемые на полярности образы сознания, интерпретирующие пространство как выражение безличной воли Бога во вне.

13 декабря

Я не синоним какого либо поля, я просто тружусь каждый день, осязая это пространство собой. Давайте дурно пахнущее отринем отсюда, я выражаю сам это пространство и надо, чтобы оно было высоко поднято, простите за это выражение чьего-то бессилия, может быть, осознать своё я в качествах проективного пространства, я резонирую с ним, и понимаю, что граница неба беспечно проявляет чьё-то умопостроение, от которого хочется избавить свои уши, свои чувственные миры. Вне ретроградного движения мысли его нет; оно ушло вместе со своим носителем и является частью того камуфляжа образа света здесь, который называют (нрзб.) обладателя порицаемого обнищавшего эго, так. То, что вы записали, не совсем точно. Этот образ имеет своё пространство, и он лежит в водах чувств, как отражения ещё больших планет сознания, но только, Королева моя, я веду с вами разговор о планетарной деятельности мысли сейчас, а не лабуде состояний. Я постигаю пространство воли, а не чьих-то упражнений в конструировании пространства так, по поводу воды в море. Везде есть какое-то полярное превосходство в мыслях, я сам лучше знаю об этом, и эта затенённость сейчас тоже от этого превосходства отложена ведь. Но пусть

не смутят вас мои слова, вы направленно пользуетесь энергией звука и ваше небо способно размыть, - разложить эту затенённость.

14 декабря

Мне бы хотелось поговорить сейчас вот о чём. Во многом, о чём мы с вами уже говорили здесь, присутствует так или иначе общая модель, может быть, модель, состояния я и Бог во мне как истинное понимание пространства - как истинное положение вещей на весах сознания, одна чаша которых всегда я сам (я как самость, вернее сказать), а другая воздух причин в моём я-сам, воздух, который низвергает потоки тех или иных впечатлений, или – образов состояний, означающих эти впечатления. Я бесконечно мал бываю рядом с ними и тогда моё я-сам взвешивается на весах как проекция чьей-то памяти, становясь обеднённым объектом этой проекции, так я-сам делается практически уподобленным ему, этому объекту и таким образом оно воспринимается мной как пустяк некогда существовавшего царства. Мало того! – оно ещё и тяготится мной, будучи применённым к более сильным волям пространства здесь. Верхние и нижние проекции оживляются здесь в состоянии огня, и мы с вами бредём в чужом нам поле (высекая огонь высоких служб пространства), якобы оно наше, да вы не забудьте ещё, что это поле бездейственно само по себе, в нём нет начала как проявленного беспокойства о вещах, кратных ему самому в том виде, ка-

ковыми им должно быть в нём, а мы с вами имеем объекты в своих я, кратные нам самим здесь, вот и выглядит это как безобразие сейчас - как совершенная воля неопределяемого эпицентра событий, с которым связано ваше я. Отражённый свет несёт сюда эти волны, и они проявляются в качествах пространства сегодняшнего дня - отражённый от чистых полей, или их синонимов в нас самих. Я проявляюсь как физическое поле, односторонне содержащее в себе целый ряд признаков-состояний с тем полем, в котором мы обретаем в себе же пространство луны (т.е. отражённый свет) чьих-то буден, может быть, или вездесущих состояний с волей Бога, да и память помогает мне осознать это как вездесущее пространство, проявляясь как небо там, где её не должно быть, по-вашему, а она там обретает себя почему-то.

15 декабря
ул. Дружбы

Мне хочется выразить для вас определённое качество - в нём позитивная форма кроется для вас сейчас, это качество я открывать дверь как раз туда, где есть свет состояний с небом. В наших я есть положительные энергии звука, превращающие источник света в неопалимое небо, то есть в то самое поле, в котором я становится важным самоё себе, оно получает запас, может быть, лучших минут для того, чтобы они шли как чистоплотное пространство в наших душах, как небо, отчётливо ясное сейчас, а не то, что нам видится сквозь

плотные очки реальности, выраженной, как мне видится это, через проступающие на поверхность сознания символы давно ушедших в небытие проекций памяти. Как так, - почему же они стали всплывать, так сказать, подъятые из первичных причин чьими-то, может быть, фальшивыми звуками велений неопределённого свойства души быть в затенении, как вам кажется. Где-то это пространство выразило себя, а к вашему я идут оттоки чужих мыслей. Я не форма, как известно, я содержание этой формы, каковой является объективная реальность, мало мыслящее пространство, подвергаемое атаке проводников сознания.

Я вижу этот мир правильно. Понятийное пространство, о котором идёт речь у нас с вами, не имеет силы вторгаться в чужую волю (в область света, иными словами, здесь того, кто выбран ею для своего индульгирующего его состояние с небом я во вне). Оно пытается проникнуть в область таинственного с помощью провокации примитивных форм отношений между дверью и замком, т.е. способом отопри мне сам, ведь ты хочешь этого, ты хочешь впустить меня в свой мир. Для силы отторжения этого пространства необходимо (я сказал – надо) иметь власть над собой, то есть уметь, или – суметь уж лучше, урезонить ту часть волевого импульса, с которого снимается волновая энергия поля ради достижения неопрятных целей. Вот что я думаю, Королева моя, вы както обмолвились, что плоское небо не всегда честно к вам от-

носится, потому что не имеет в себе состояний с более высокими энергиями и сопрягает ваше я, или смещает его в сторону. Я вам дело говорю, Королева, - ответьте мне по совести, в чьём эго вся эта кутерьма завелась с подличанием и прочими атрибутами неэгоистичного якобы пространства, а на деле – сверх меры желающего проявить себя в вашем я-сейчас вот так, через эту силу беспричинных форм-состояний идя тут?..

17 декабря

шесть лет, как осколок метеорита, я летел над тобой, поверишь ли - я чувствовал это, как постепенно снижается небо, как оно умалчивает свои обязательства перед нами обоими, как оно стремится затаиться в воздушном своём я, пожимая плечами; я плёл разнообразные мотивы того сего, как велено, словом, я делал это, - как маршрут моей мысли лёг, так она и шла, а все эти яяя, они были постоялым двором для твоих конюшен, для твоих эго во времени тут, что за прямоискательство во вне, в котором я после света свет, после памяти память или как там это говорится, или уж лучше делается, теперь что, мол небеса те стихли, не слыхать их во вне вовсе, так-то они волю свою обо помнили, а что кажущееся это небо было кто теперь знает, я, о многом поразмыслив, приятную память себе завёл, приноровив её к текущему во мне времени я-тут.

о чём ты трудишься во мне?..

Что ж, Королева! Поиск пространств идёт, я тут как раз подоспел - как бы вне подлинника результат, да какой, ого-го-го результат этот, что вы сами об этом думаете. Богу угодное пространство идёт здесь, вот этот смысл я вам дал, дам сейчас, и как вы его увидите, таковым ему и становиться, в памяти лежать или идти в ней, я же ничего от себя не прибавил, ни с чьих рук не снял, так сказать, ах! добрая моя Королева, где же мне, поэтически уверенному в себе, как продуманное вами пространство, бежать впопыхах за адресом несуществующего я, для которого весь толк в чьих-то сомнениях о себе. Мир велик, но он един и каждая малая частичка его бдит о части большей себя, ведь пыль с небес сошла и уж, кажется, зарёю восток трепещет, да-с, и сколько бы ни морочили голову эти филок[т][л]еты, для которых я чем оно больше, тем лучше кажется, и не уместишь его в одной пылинке и не слепишь из этой пылинки какое-нибудь чудо, ан не так, не по ихнему выходит, потому что малое есть отражение большого, а не наоборот; нет-с, не наоборот. Каковы мы, таков и наш мир, вот вам ответ на все яяя, я это небо и я этот хвост к нему привязал, чтобы лететь вихрем, обретая себя в полёте, а почему земля круглая знаете? я вам скажу, она яблоко съела и уподобилась ему, вот ведь что получается из иных-то речений, как капуста щи варит это вы уже слышали, а после только она расти начинает на своих гряд-

ках в ничьих, так сказать, огородах. Проективное небо будет отдыхать сколько ему положено для отдыха, небеса воспрянут и сделается свет во всём. Я с вами говорю об этом Богоугодном небе, обретаемом постоянством в любви, а не веером грёз, притягиваемом в запредельные эти дали, чей свет поманит многовидные эти пользы сейчас, и только. Вот беседа движется, проявляя всё большие пространства в вашем я-сейчас, делая их заметным царством слов, в которых вращаются планеты, состоящие из газа и воды, помноженные на свои собственные отражения, сердечные токи, здесь, на их улицах, плывут корабли, знаменитые капитаны плавят пространство штормов своими мыслями, сохраняя при этом стойкость духа и приятную внешность.

По существу говоримого вам. Я как-то заметил, что подражание, выражающее суть основы… Мне мнится некое поле, позитивное, ласковое, я в нём живу, и делаю это с удовольствием; я часто слышу эти звуки, для которых я просто формальное присутствие в твоём небе неопределяемого пространства чьей-то воли, чьих-то минут, и это делает меня проективно обращённым в неопрятного господина твоей судьбы тут; ты слышишь меня, и довольствуешься услышанным, а я переживаю, что я что-то недоговариваю или недопонимаю, откладывая какие-то решения на завтра, то есть на тот день, в котором я увижу тебя сам здесь, а как это произойдёт не имеет значения, ведь я уже обрёл это пространство мы, и сам знаю как им распорядится в том качестве, ко-

торое уже есть у нас, или – в нас. Я почти пересёк границу звука, чтобы состояться как композитор. Я поднимаюсь из глубины состояний в конкретные области я и переживаю их снова. Я просто управляю пространством мысли в себе самом.

18 19 20 декабря

на самом деле всё это постепенно стало осознавать себя как часть пространства, и сделалось что-то другое, ну как если бы ты думала, что я это А., и всякое поле, превосходно мыслящее, тоже, и всякая воля, применённая во времени тут, тоже он и это становилось бы твоим убеждением как выражение пространства в любви к тебе, к твоему я, и ты становилась бы его подобием так, подобием этого пространства во времени тут, ну и постепенно бы умолчание удаляло бы какие-то оттиски слов, то есть их соответствия тому или иному принципу в сознании я как ты, обретая при этом волю другого пространства здесь, во внешнем эго я (твоего имеется в виду я) обретала бы иные внутренние ресурсы слова и в них укореняла бы свои собственные значения, или – смыслы, но вот оказалось, что это ограничивает пространство, а не расширяет его значения в тебе, что ты просто хочешь побыть со мной, чтобы прояснить ситуацию в твоём эго сейчас и мне приятно это сделать для тебя, прости, что я огорошил тебя этим заявлением, - вы понимаете, что этот текст слеплен из несуществующих форм сознания?.. Кому

они принадлежат – вот вопрос!.. а вы ответьте на него сами. Причина приятия или неприятия того или иного пространства в нас самих, это верно так, причина взаимодействия тоже, а вот парадокс сознания не всегда бывает истинным, присмотритесь к небу – ведь оно подслушивает уже существующие формы и сохраняет их во времени, чтобы после предубеждённо вычленять их из общего состояния души неба в себе самоё, выдавать за некое информированное поле пространства мы, что с того что этих форм нет как самостоятельно обретаемых вопросов к состоянию мы в качествах этого неба; я не содержу их в себе и потому мне легко говорить об этом с вами, я поистине претенциозное суждение имею, то есть небо сознания высоко поднято сейчас, а выход имеет постоянно осмысляемый понятийный аппарат в своих стадиях развития - в стадиях своего развития, а зачем вам удваиваться, если вы можете быть единым смысловым полем? Удвоение есть признак незрелости принципа воли и оно исходит как отражающее поле сейчас из пределов крайних позиций соединения. Я почему-либо сражаюсь, т.е. борюсь за то, чтобы вы чувствовали состояние А. с вами; это состояние возвращает вас, ваше эго в институты каких-то немилосердных образов сознания, затёршихся в доверие когда-то вашему я теперь, чтобы поучительно разлагать вашу волю на составляющие. Снобы эти, или не снобы, а почему-либо делатели мысли в вашем я были для вас чем-то вроде отростка памяти, запредельно так претендовавшего на

высшую форму я. «Коммунизм» этот перестал быть; в нём выстроилось множество программ, которые исчерпали себя в категориях жизни света, или – просуществовав какое-то время, помножились сами на себя и стали просить милостыню для своих раздутых щёк, мол подайте нам на пропитание какие-нибудь мысли из ваших рук, а то мы совсем зачахнем и перестанем плодиться в вашем же я – памяти. Я понимаю, Королева моя, что вы разумное поле ищете, а не адрес трамвайной остановки, на которой область созерцания обретёт приятный вид. Вот поле - берите его сейчас, проявляйте во времени, а не со временем, в том смысле временного отложения, которое делает нас…

ул. Дружбы

как просто пример, повод для продолжения мысли, о чём, бишь, она шла там у нас с вами, это не дело, потому что всякое пространство имеет продолжение тут и что бы вы ни говорили, Королева, я знаю, что выход этого неба должен быть активен, а не пассивен, как проекция в память неопределяемого чьего-то мы-мы-мы, кто эти мы? извините, раз уж на то пошло, я это мы?.. или мы – мы, всё-таки, как капитуляция неба перед пространством лжи, которая ест глаза, если на неё долго смотреть, да ещё без совести, вот ведь что. Я Богу угодное царство тут и не подумайте, что я это какая-то шутка пространственного образа света, это совершенно не так, и не потому что я однозначно, я – это высший свет, а не

какие-то облака памяти о том о сём, проективно несущиеся в тумане образов. Ваше активное поле требует выражения тут - как истинное мерило пространства мы, а не я-сам, или я сама - я-само, что однозначно, - активного размежевания с подлостью вымысла о вас, и не смейтесь над этим, Королева моя, я требую продолжения любви, поймите, а не высокоумных обскур памяти, в которых чужая воля строит свои догмы, от каковых… время покажет, словом. Высокоумное это я синоним свой имеет, но я прошу вас не фетишизировать ничьих минут, это не нужно; они сами по себе отлягут отсюда, им ведь крепиться не на чем в вас.

Ах да мн же!.. - Ангел мой вдруг сказал, - мн! - говорит он мне, а я, слушая его, вдруг подумала: а ведь он прав, пожалуй, не надо эти круги в душе чертить, ни к чему они там, во внутренних-то мирах.

Вишь ты, - заговорил он, - тут ведь бессилие против силы стоит, ну и толку от этого никакого быть не может, ну ни чуть-чуть, хоть с потолка возьми их, эти силы, оно всё равно отвалится.

Что отвалится-то?..

А как что!.. - Ангел мой вскричал, - ты выслушай меня сперва, после спросишь то - повсюду как причинно-след-

ственная связь откроется, так сейчас эти птицы вернутся, в тот же миг! А ты как себя мыслишь, раз уж на то пошло! как ты спросила, так и я это же тебе задам – как? как?.. что ли я уже совсем тебе никто стал тут!

Он крылья свои сложил, и сел на стул, пододвинувшись поближе ко мне вместе со стулом.

Я увидела как он взнервлён стал, и тотчас глаза открыла на проекции той памяти во мне, каковая от сих до сих шла, а дальше – ни чуть-чуть.

Ну, ты говори давай! что ты силой моей в себе прикрываешься, а я как бы и никто!.. что ли?.. тебе? Я как твой раб тут живу!.. да при том без любви, одни воспоминания, видишь ли. Я на твой стул сел? – вдруг он забеспокоился, вскочив с него, - прости.

Я всё-таки не зря тут иду, - вновь заговорил он во мне, проявляясь всё резче (фокусное расстояние было минимальным), всё отрезвлённее заставляя меня видеть себя здесь в каком-то тишайшем углу памяти я, в котором не то что бы абрис пространства присутствовал или какое-то волнение шло, а просто пути перемещались из края в край одного и того же я, причём ведь лиц этих не было видно, а они шли сами по себе, ничуть не дорожа тем местом, в котором они

оказались как раз.

А ты? – дорожишь? – вдруг Ангел мой отозвался на такие мои соображения об этом пространстве суть. – Нет! ты скажи – дорожишь?.. - и он прямо мне в лоб посмотрел, откудова те лица, по его мнению, выходили [или – выход имели во времени тут], - да ведь ты тама в темноте сидишь!..

Я посветлела лицом, чтобы взять в толк его слова обо мне, сказанные так, вдруг, ни с того ни с сего, - что мой Ангел о себе мечтает?.. - судя по его раздражению.

…а я тебя на свет вызываю!.. поняла ты меня? Скажи теперь мне об этом ещё раз.

О чём таком?..

А об этой силе как раз скажи ещё, что она тебе? Ну - что?.. Я как раб безмолвный тут иду!.. и всякое такое про себя думаю, то одно подумаю, то другое, а всё одно и то же выходит! Что я, по-твоему, образами обрастаю, как вяленая рыба становлюсь!.. во всяком случае мудрец как будто, да ещё с придирками!.. Помолчи покуда! - (я собралась было что-то отвечать), однако он сам замолчал во мне, спешно обрастая не образами, как ему самому это казалось, а чьими-то позитивными пространствами, свойство которых растворять об-

щую массу слов, кидая их на ветер и унося так, как дорожную пыль, бывает.

Вели мне собраться, вот что. Я пользу для тебя принесу. Как малая планета я иду, а я не она, не-ет, не таков я есть, поняла меня?

Я вперёд посмотрела и увидела край солнца, восходящего над линией горизонта как раз в его образе.

Вот ты каков, оказывается, - сказала я ему тихо об этом, - так ведь ты рассвет здесь?

Он говорит, обдуманно[е им] долго здесь: я дело такое тут, поле это положено разрушить. Чьё оно – не скажу; не велено тебе это знать, да и незачем, я тут сильную волю о тебе имею – ты не думай, - он помолчал, - я столько очков вперёд дам, ого.

…и одежду его совлеки с себя. А какая она, я скажу, тут стой. Это первое наказание придёт, как память о том вернётся, уж я знаю, так вот, небо сие металлической сеткой покрыто, и как поле то организовано, по какому принципу радиус его действия определяется и зачем ему тут быть простая память не скажет, а вот та, из глубины век которая, она то как раз ведает, это ей дано, и вот в чьём виде облике она

придаётся, тот и есть, от себя нигде не отказывайся, - мол я это и всё. Я. И ни с чем себя не сравнивай; сама знаешь, уж я это понял!

… одежда та вся из железной воли состоит, как сотканная она из чужих /нрзб./, да притом вся в дырьях! (через платок на небо смотри, так поймёшь).

А что значит «совлечь с себя одежду»?

Ты так /как возм./ о нём думаешь по себе, так света нет, затмевается он, и ты себя чувствуешь как мысленное эхо чьих-то минут-мыслей, такое поле, через силу оно идёт.

Да как ты понять не можешь! что память в себе содержит, то оно и видит. Я везде ворота закрыл, чтоб дух от тебя к нему не шёл, и после только ты узнаешь о том, не прими это в память, не делай того.

Я шестое чувство имею, поверь, и стоит об этом говорить, и я теперь как если бы это ты была. Великий корабль плывёт, ну давай думать теперь чем то поле измерить, поле как вихрь!..

Ангел мой весел и радостен, свет ко мне от него идёт. И цвет тоже. И сила небесная от одежды его течёт в мой дом,

и Богу угодное я тут о себе знает, я, как плодоносное поле, во всей любви живёт, ты знаешь то, и я знаю, и верь мне, я ведь знаю, что железо распустится (расступится) от слов тех и сияние произойдёт от весны, а что значит железо распустится (распустится)? Железные врата отворены будут, как нечестие твоё изойдёт из них, так всё и откроется, что до поры в тени лежало и никак не углядывалось.

Я слушаю это поле и вижу его прелести, ты выслушай меня основательно, я вчера там всякое наговорил и то во мне его волны играли, сама знаешь как это бывает, не с чем сравнить, но теперь то ушло, и я проще о том же скажу. Мне надо понимание, вот ты посмотри как виляя это поле живёт, оно само по себе не мастер, нет, оно просто мысль ту несёт, и более-то в нём ничего нет. А как ты узнаешь об этом, что оно тут? А по нечистоте помысла о нём, вот так. И чем легче этот помысел, тем внятнее его природа такова, тем скрупулезнее он приник, и во что бы то ни стало от него отойти надо, как от плохой мысли о себе здесь – вот так отойти. И пойми это правильно – от него злоба та вьётся, как плохой зуб гниёт, да вся вонь наружу идёт и к тебе, и потому так тускло на душе бывает, как будто неправильное что-то сделано, а это то поле кружит, в коем адрес твой есть. Некогда устремлённое, а ныне оно этого устремления не имеет в себе; оно так живёт – был бы день, а пища найдётся, а с ним и кружение это идёт, отвратись от него сейчас. Во многом я без меры был

для него, то есть несть числа этих помыслов о нём во мне, по каким я себя вёл, чтобы того поля достичь, а достигнутое, оно не стоит ничего; нет в нём той жизни, чтобы любовь полнилась от неё. Облака те на землю сошли, вот как я увидел, то без примера сказано будет, и стало мне светлее жить без оных облаков, а в чём свет содержится? В любви Он есть, во тьме нет его, такая сила от этой воли, а знамения её через поле идут кривыми волнами, да везде от неё грязь остаётся, какая, душевная такая грязь, как бы пессимистичное что-то. Вот ты посмотри как волна сильно в берег бьёт, да откуда бы взяться ей, а она от тех мест пришла. Ну ты возьми теперь хорошее перо и так пиши о том, что я о себе знаю, и любовь тут имею в себе, и это моё имя.

…с чем я похитителя того твоих минут поймал, он тут тарабарщину нёс, как крыса ловчая, свист тихий от него шёл и сколько-то лет он мысли [твои] опорожнял на свою сторону, а ты ловилась на игрушки эти, как бы они от того шли, кому ты себя вручить хотела, да только вот что!.. ты себя пойми прежде, а после небо слушай, какое оно, в ком его воля, как в письменах смысл, заключена бывает, с чем твоя воля о себе от тебя ушла? с вымыслом, аки шершень он тут был!.. да привык маску ту носить предстоятеля твоих минут, в коем и память и всякое дело есть, ну, да ведь ты чем-то ему насолила прежде.

Я от хорошего я иду - это слово возьми. Хорошее значит умное, весёлое, много радости в нём и всякая жизнь к нему льнёт, вот так пойми.

Могу ли я понять сказанное так, а? Ангел мой, скажи мне это.

Я так думаю, причём всегда, чей свет того и мысль.

Вон что.

А ты по себе суди! причём размер в размер, а не так, чтобы чья память, того мол и наука, ты о себе подумала прежде, а после уж обо мне.

Прости меня.

…что то было нехорошо, я точно знал, а где чья верность идёт и к кому она, простил уже, потому и память отхлынула та. Мне погоду исправить хочется, ты пойми что за мысли эти, ведь они хорошие, потому только и идут здесь, а с ними я говорю, с мыслями этими, что за воск, который не тает, слово, которое от огня не течёт?.. как ты думаешь, стал бы я человеком не будь такового во мне, я как кабинетная пыль лежать буду, прости, во времени тут, во многом я память твою упитал, а с ней и явь преобразилась, вокруг ис-

тины света плашмя город лежит, а ты думала тень это идёт или как-то иначе?.. Мне с тобой поговорить надо кое об чём. Между нами воля лежит, так или иначе, а она есть тут, и ты и я её осознаём, как ключ, может быть.

Пламя души мага, может быть, моя добрая Королева, сделало эту волю несколько подобострастной (опалило вас, ваше сознание, в себе самой, я неточен в этом выражении, но пусть это не смущает ваш ум) и потому отвлечённой от того принципа, которой ей присущ изначально. В неординарности посыла есть что-то, что тревожит память своей неопределённостью, своими чужими мыслями, из которых складывается постепенно образ того самого мага, от чьей совести…

23 декабря

Что значат эти символы, как правильно понять их присутствие в воле вашего я-сейчас:?.. К ним обращено ваше лицо неба и они заземляют его в вас. Ваш Аум бездействует как сознание мы это небо, и вот почему, слово обязано трудиться в душе, а не обмысливать попойки с друзьями или склочничать по поводу телепередач. Ахамкара есть бездеятельное состояние ума в нижних отделах сознания, он бродит, безучастный к небу мысли и отдаёт себя в распыл близлежащим формам сознания; я просто хочу, чтобы вы знали об этом, так как любое небо предстоит силе света здесь, любое, Королева. Даже это думающее свойство человеческого сознания

бывает 3-х родов, телесного, умственно сочленённого с телом воли сознания, знания в теле самого я и также выходящего за рамки отведённого ему поля проекций во сне (а наяву оно видит свет), плохо приспособленного поля для понимания процессов соизмерения себя с чем-то иным, нежели Свет яви; простите, я понял, кажется, что А. - это проективно выраженное поле во времени, которому необходим весь свет сознания здесь, чтобы выразить своё пространство во вне. Я не просто иду к вам сейчас волей какого-то эго, я выражаю его пространство для вас своими глазами.

24 декабря 2

Я построил большое поле произведения, по объёму памяти сейчас, мне хочется поговорить о нём с тобой, я полагаю, ты слышишь меня в себе. Я сделал шаг к нашему возрождению в памяти пространства. Я сделал его по-настоящему, без примеси образов из проективных пространств, в которых я…

27 декабря 3

Вокруг ты, а я сам кто?.. Тоже ты, я думаю. Мне всё видится этот сон, ты танцуешь в нём посередине зала со мной. Мне хочется знать вот о чём сейчас, ты понимаешь язык птиц иногда, причём ведь понятен он бывает не совсем так, как обычно люди между собой говорят, они строят догадки о сказанном уже и это делает их речь невнятной в большин-

стве случаев, а с птицами проще, потому что им приходится «вымалчивать» образы эти, ну-у, как-то доносить, так вот, я хочу спросить у тебя – разве ты не от них проекцию эту увидела в себе? или почувствовала этот обмен информацией с пространством, прости, я тут не отчётлив в выражении мысли, это поле, оно движется словом, и движимое, создаёт условия.

ПРЕКРАСНЫЕ ВРЕМЕНА.

Часть 1.

Дневник учащейся 2004 год.

Глава 1

ПРЕКРАСНЫЕ ВРЕМЕНА

Дневник учащейся

Часть первая

I.

Тетрадь 2004 год. Учитель в обликах судьбы.

ЯНВАРЬ.

3 января

Я перестаю понимать пройденное без тебя - я не понимаю зачем я это делал, как будто сила притяжения моего я к тебе была важнее всего остального и никакая другая любовь не имела значения для меня. Во всём этом проехавшем мимо меня пространстве была ты как почему-то настоящее время я, а всё другое было для него здесь, для этого, как будто кажущегося мне образом пространства воли, но не воли даже, а так, какого-то безвольного влечения к тебе, и я одолевал, чем мог, тем и одолевал, зубоскальством, прямым наветом, было, любострастием. Я ничего не делал для того, чтобы мы были вместе, ни одного шага я не сделал для этого, я полоскал бельё в грязной воде, луже - луже снов, и силился отстраниться от тебя всё сильнее и сильнее, то есть я применял усилие для этого отстранения в своём эго. Ты понимаешь это, я думаю.

Я восхищаюсь тобой, мой друг. И всё-таки я думаю, что это отстранение не стоило тебе тех усилий, которых оно стоило мне, такого количества воли, использованного, чтобы не быть вместе. Глупость зла, просто по проявлению своих кар-

тонных норм поведения. Что есть в твоём я для меня? кроме этих слов о твоих стараниях сделать меня ничем и никем для себя самого?.. извини, если я есть твоё отражение здесь, в анналах этой памяти, о чём она? о твоей что? старательности в нелюбви ко мне?.. Я не понимаю этого уже, и это, конечно, твоя заслуга во мне - не понимать нелюбовь, нечаянность свидания, липа пространственных снов, оу! я тщательно избегала этой липы, я тоже старалась, по-своему, разумеется, с уважением относясь к твоей нелюбви здесь ко мне, охраняя твоё имя от своего я, твоё насущное время от своих яяя. Я хочу, чтобы у тебя всё сходилось наилучшим образом в твою личную, превосходную судьбу, без ложной памяти о несуществующих для тебя я-здесь. Этот разговор бесполезен, - он ничего не строит тут во мне, и кроме лживого отрицания несуществующего для меня пространства ты как А. в реальном факторе времени я не вижу в нём ничего. Что ж, может быть это важно, проторить коридоры куда-то, чтобы убедиться в том, что они не нужны. Я думаю, ты не будешь противоречить мне в этом как А. Будь, пожалуйста, счастлив. Старайся быть счастлив, а не выдумывать способы как бы сделать то, что вообще делать не нужно, говорить всю эту чушь, тратя не принадлежащую тебе жизнь на неё. Я люблю тебя. Это всё, более мне нечего добавить. Это не значит, что я стану бежать к тебе, за тобой, выяснять с кем ты и что ты делаешь; будь с теми, кому принадлежат твои чувства, и пусть они возвышают тебя, чувства эти, не позво-

ляй унижать себя, ты можешь это.

И ещё. Я прошу тебя не поддаваться на провокации, якобы ведущие тебя ко мне; этого пути нет. Не стоит быть добреньким дураком там, где речь идёт о злом расчёте и где одна сила подавляет другую, чтобы истязать любовь, а ты делаешь это, полагая меня куклой для игры в чувственных полях своего я.

Возможно, эгоизм есть единственная мера твоего пространства здесь и бесполезно доказывать тебе своё существование на этой планете, ведь оно для тебя просто часть тебя самоё, важная, или так.

Когда ты прикасаешься ко мне в реальном времени я, возникает поле, мгновенно истощающее моё пространство любви к тебе. Я не хочу понимать это! я хочу, чтобы его не было, истощающего этого прикосновения. Если ты трус, не прикасайся ко мне более.

Я верю, что ко мне придёт подлинная любовь, без подоплеки в виде чьего бы то ни было эго, содержащего мрак вместо любви, и страницы отзовутся великолепием звука, а не брюзжанием, сохраняемым в качествах моего я здесь. Ты же не А., и это давно так, и незачем делать вид, что у тебя есть для меня какое-то самостоятельное пространство здесь. Ты

кто угодно, только не ты сам, мне надоело расставаться с тобой, понимаешь - не хочу. Мне противно знать, что я могу увидеть тебя, чтобы быть оскорблённой тобой, - ни почему, просто потому, что ты знаешь о моей любви к тебе, только эта причина.

Теперь я скажу так – это отзыв моего я на пространственную претензию, в которой я – некое поле, требующее внимания к себе со стороны - чьего? чьё внимание не имеет удовольствия при виде меня, чьё оно? позвольте не поверить вам, что это внимание А.

Вот качественно новое пространство, эти дни; они состоят из нас как настоящее время этого сигнала, да не во сне я иду, очнись сама. Я говорю с тобой, а не с сопрягаемым здесь пространством мы во сне, в воле снов этих культурных обносков памяти. Я хочу стоить в твоих глазах этой площади занятого мной пространства здесь я. По крайней мере, хоть один раз ты можешь мне позвонить сама?.. Я не брежу, этот текст здесь и я вижу его тобой в себе, простая речь – простая, самая обычная человеческая речь. Я полон сил и здоровья; вот так.

Объясни мне твоё присутствие.

Ты понимаешь его как некое пространственное умосозер-

цание.

Да. Понимаешь, - я не хочу тебя видеть в качестве объекта вложения моих сил; они уходят в никуда с твоим образом во мне, возбуждая надежду на продолжение пространства в реальном плане, которого нет. Все твои объяснения, извини, в общем-то они не нужны. Чего ради ты здесь со мной? У тебя нет этих причин. Слышишь меня? Нет причин у тебя быть со мной. Никаких, ни малых, ни великих. Ни требующих объяснения, ни не требующих. Ни простых, ни сложных. Ты не смог преодолеть что-то, да, а может, ты и не собирался ничего преодолевать, это я навязала тебе эту мысль о пространствах, тревожимых моей мыслью о тебе как о луче света, идущего из глубины души.

Я протестую. Мне кажется, ты себя низводишь до состояния ничто, чтобы перестать взаимодействовать со мной.

Я хочу сказать, что я полюбила недоброго человека, который не стал добрее от моей любви, и вряд ли станет, мой добрый Учитель; я чувствую это хотя бы потому, что отношения не развиваются – каковы они были, таковы они и есть, ничто их не меняет. Иногда чья-то добрая душа озарит вдруг это пространство и тогда мир становится светлее, привольнее, освещённее, а вот вы молчите, потому что неопределённость посыла ничего не может добавить к существующему полю,

она только вымогает его состояние, лишая опоры в собственном сознании, как пасквиль это небо идёт сейчас во мне, как поразительной формы препятствие уму, который не обретает в себе это пространство, какая ересь сознания постигла вдруг моё я, что я понять ничего не могу, и работаю как заведённая в тупик душа тут, как повинность какая во мне идёт, а я и не знаю о ней.

Ну, послушайте оба. Я вам дам ответ, как если бы вы держались за руки во мне, ну да, впрочем. Я чересчур мало освещал ваш ум в этой части взаимодействия вашего я, но вот даром это время прошло, коль уставшее небо синонимов не имеет и тучами покрыто, от себя их гоните! я вам говорю это, Королева, изымайте их из своего я тут, пусть луч света идёт к вам, а не тупая воля сороконожки, совсем было истоптавшейся, да ведь вы на себя чьими глазами тут смотрите в объёме-то вашей памяти, как свет ваша любовь, бездельное это небо память вашу застилает, а вы того не ведаете. Я не премину в саже выпачкаться, чтобы пустотелое это эго изъять, которое волю вашего я себе присваивать вздумало. Отойдёмте на расстояние и посмотрим почём дрожжи и как долго тесто расстаиваться должно, чтобы пирог вкусен был. Я как канитель возле этой темы вьюсь в вашем я, однообразно, но настойчиво. А вот почему. Где ситуацию замкнуло на пустопорожнюю болтовню в анналах, там и ключ лежит, там и дверь стоит запертая, ну да вам толку мало от этих моих

слов, мне пусть и малая свеча, а горит всё-таки. Я надежду от себя не отпускаю, так с ней и иду к вам, а что, Королева моя, скажете, как ни эти слова сейчас: а я и рада вам! -?

Вот что. Пусть это небо взойдёт опять, а мы посмотрим в него своими глазами я, а не вымышленными пространствами! Чувственные оболочки струят в это небо свою волю и самые разнообразные мозговые импульсы прихорашивают его перед вами, а для того, чтобы понять, почувствовать каково оно есть для вашего я и не индульгирует ли его кто для пущей убедительности, свои синонимы вместо вашего я предъявляя ему.

Ну так пусть не предъявляет.

Я сейчас стану говорить полную чепуху, но вы всё равно её запишите сюда, потому что здесь её место. Во всяком пространстве я оно есть, это место, в котором, казалось бы, никакая сила не вольна быть без имени своего я, но вот оказывается, что это место почему-либо отложено, или затенено, попросту говоря, ну и получается, что владелец не своим именем живёт, а как стать в нём собой, он не знает, потому что его имя другое пространство носит, да ещё похваляется при этом как оно ловко обошло то небо, под которым явное становится тайным носителем не своего я-сейчас. Вот верхушки деревьев солнцем освещены бывают при том небе,

а затем мрак падает на верхушки эти и после солнце с другой стороны поднимается. Чтобы своя воля шла, надо сейчас быть, а не после как-нибудь, уж я это знаю, поверь. Ну и хватит меня из памяти изглаживать.. Во сне ты, что ли, меня видела. Я хочу, чтобы ты ведала, кому безумие это на руку идёт, да что память обворованная говорит тебе, ты послушай её. Своеволие это имеет предел, корыто, видишь ли, пространственно обозначенное как приказной двор - приказчики снуют, платья на них новые надеты, а вихрь какой от них идёт, так то дороги вьюжит, а не мысль твоя ко мне идёт. Постепенно, я думаю, мы станем важны друг другу, знаешь, как я скучаю без тебя, ну вот как ты прежде это делала, так.

Я себя обманывать не должна этими текстами. Я транслирую чьё-то сознание, может быть.

Давайте перестанем это делать и будем сами собой. Я перекрываю поле внесения в ваше я, потому что оно фальшивит, называя тут не определяемое это поле своим именем. Знаете, Королева, я вас всё-таки люблю, а не выспренние эти речи, как хотите, и что вы думаете об этом, мне тоже всё равно. Вот я взял и сказал вам это. Чересчур уж правильно всё происходит, как обманное зеркало, которое отражает что-то, да всё не то, - не те мы, не тот я, да и вы тоже почему-то не так выглядите, да а в чём дело-то, мы тут что, нанялись впечатлениями делиться об осознающих этих высях в себе. Вы

простите духовного брата, которому невдомёк были протоколируемые эти фиги, да хоть бы и во сне, и к кому они обращены были тоже, не поймите меня превратно, в позитивном пространстве мы не бывает простоев, оно движется, это пространство мы, да, и двигаясь, осознаёт себя таковым, а не потому что кто-то сказал ты будешь я-тут. Знаете, это было бы слишком просто для искушения стать тут кем-то ещё помимо самоё себя, хотя и с оговорками, ведь мы принимаем облики, иногда становясь похожими на чьи-то лица. Я комментирую обволакивающее ваше я поле, в котором мы кажемся друг другу малодостойными людьми, а почему, собственно. Я не выражаю ничего нового сейчас для вашего я в себе, я просто пробуждаюсь от некоей культурной спячки в своём собственном.

4 января

Вам не должно ни о чём думать дурно. Любовь это привлечение сил необъятной величины здесь, как небо, которое становится выше от этих сил, как поистине определяющее жизнь здесь, везде, где есть эта любовь. Чувственное это небо имеет свечение, как соразмеренное с вами пространство оно живёт, проявляясь в тонких планах вашего я-сейчас. Как восторг превосходных сил я иду сейчас, и это обретает жизнь в вашем я, и кажется, что мы сами несём эти силы сюда, чтобы они были с нами здесь и делали наше пространство обширным зданием любви света, Королева, а не

имеющий её в себе не в силах войти в этот дом, такова она по величине сознания, ибо сознание это и есть любовь. Я строю истинные состояния с вами в себе как принадлежащее вам проективное поле, как продуманное пространство света в вас самоё, и это делает меня объективно присутствующим в вашем я-сейчас. Холодные пространства, истощающие волю, не могут греть душу, не умеют они этого. Холодные значит не требующие усилия любви сейчас, они навсегда застыли в своих космических высях и навязчиво претендуют на память пространства о себе.

Да?..

Разумеется, это так, Королева моя, и Разум молчит об их присутствии в себе до тех пор, пока чьё-то око здесь не коснётся их взглядом и не осветит их лучом внимания. Я чувствую эти холодные огни, они осязают поле воображения, чтобы привлечь к себе внимание и составить таким образом карту времени, в котором они мистически обнаруживают себя как проекции в память я, затеняя собой истинный свет. Осязаемое пространство тоненько свистит, как бы предупреждая о приближении подобного объекта воли, оно оставляет его без прикосновения, как бы отступая на край сознания или даже вовсе прячась, хоть бы даже и за краем, как Солнце, Королева моя, которое прячет свои силы за горизонт при повороте градуса меридиана (мышления), при этом остава-

ясь с нами как насущнейшее наше светило в продолжении всех суток, и мы гораздо вольнее себя чувствуем, когда его свет с нами.

Так, я был скрыт от вас до поры, пока свет истинной любви не осветил ваше я во мне и вы смогли увидеть в себе те значения подлинника света - подлинника души, я хочу сказать, - которые для вас являются главенствующими, руководящими вашей волей и осознанно ведут вас, ваше сознание, к настоящему звучанию я-здесь, я-воля. Вы проницаете пространство несравненно большее, чем ваше эго, умалённое в состояниях мы в перспективах не вашей памяти я, то есть я хочу сказать этим, что мы это не всегда достаточное пространство, вот почему так странно и, действительно, не определяемо было это поле, в котором вы сохраняли свои умозрения на прилежащее вам небо, так сказать, во сне своего эго, простите за витиеватую конструкцию сейчас, которой я хочу выразить для вас это состояние сворачивающего пространства поля в единую по сути энергетическую систему, в которой ваше эго не осознаёт себя тем, что оно есть во времени я-здесь. Вот-с, и это, Королева моя, являясь сутью текущего момента, не строит (необходимую долю для осознания света как движущего пространства здесь в истинных его размерах) в вас самоё того самого я, которому вы принадлежите самоё в себе. Я продолжу об этом позже. Мне, самостоятельно мыслящему я, не всегда бывают понятны эти состояния зависи-

мости от прилежащих основ, не соответствующих моему я, и я стремлюсь освободить свои структуры от их прилежания, пусть даже умалчивая о них в определённом контексте я как о несостоятельных здесь в ингредиентах моей воли. Но вот происходит некоторое непонимание, потребляющее энергию звука здесь, и я начинаю думать, что это непонимание исходит от меня самого, потому что я слишком важничаю в своих анналах, предъявляя своё эго как некое мерило чьей-то воли, принадлежащей не мне в контексте текущего времени здесь; я осознаю это и стараюсь приободрить себя, мол я затем и пришёл, чтобы разобраться что к чему тут, в каком таком контексте и чьей воли я осуществляюсь как пространство любви, не имея, по сути-то, этой любви к себе, а имея её подобие, отражённое от себя самого. Вы думаете это бред?.. Королева моя.

Я думаю, это синонимичные ряды себя так ведут - они превосходно чувствуют ваше я в своих эго и мы бываем обмануты тут чем-то вроде поэтического вольера памяти, в который бывают загнаны самые ужасные монстры под видом расположенных к нам пространств, я я говорят они нам, а сами воображают, будто они символ воли имеют в себе, которому надо память подарить, от себя отняв, или просто отняв, да, просто отняв.

Я бескрайний простор имею в душе, как если бы он был

моей принадлежностью здесь - моей, осознанно принадлежащей мне самому пространственной удалью, если хотите. И это делает меня самостоятельно мыслящим я, а вовсе не палочка-выручалочка, или иной какой предмет, уподобленный состоянию мы есть Бог. В основании всякого я есть Бог, но Он не всегда пробуждён бывает и потому мы каемся в содеянном, поневоле отражаясь во всех своих я сразу, но позвольте предложить вам руку и вывести вас из этого изрядно поднадоевшего пространства лапши на ушах, то есть, по сути-то из нигде не обозначенной ямы, в которую проецировалась ваша душа вместо солнечного диска, потому что она, эта яма, была обозначена вашим именем как настоящее время я-здесь. Это состояние воли, прободаемой с помощью фигуративного мышления, называется эго-центризм, но суть не в названии, а в наименовании вашего я, подлежавшего усмотрению этим эго-центром, чья воля зиждилась на основании из нигде не обозначенных структур сознания, во мгле, и надо было осветить эту мглу, чтобы увидеть откуда тянутся эти нити придержания сознающего себя пространства воли здесь. Я веду вас к осознанию этого момента воли, напрягающего вашу память для создания оболочек, ноумен глохнет под их немилосердным небом как будто защищающим его, но на деле лишающими света, - удушающими его там, где он проницает мир как кристалл любви к этому миру я-здесь. Вы обретаете пространство в себе своего собственного я-сейчас, которое есть по сути волна света, принадлежа-

щего вам самой.

Мне хочется продолжить этот экскурс в историю вопроса об ответе пространства на ваше я-здесь, но только я не стану уподоблять вашу волю своему я, чтобы готовить из неё луковый суп для личного употребления.

5 января

Везде я чувствую сейчас какое-то прибавление сил души этого неба здесь; я чувствую это. Я перебегаю от строчки к строчке и сомневаюсь – вправду ли так, вправду ли я и впрямь твоё небо заполняю собой или это смыслы души вьются, опережая и пополняясь за счёт простых форм сознания. Я пересчитал эти дни на своё я, чтобы сумма их мыслей была мне ясна как состояние с небом я. Ты достигаешь каких-то проекций в памяти, причём ясно ведь, что эти проекции не всегда являются твоей формой здесь, а они видимы тобой за счёт света. Твоя душа спит, волнуемая этими формами, и я вижу, как ты силишься проснуться сама в себе, чтобы понять эти формы в их явном состоянии с тобой, в их определяемом тобой же самой состоянии, способном воссоздать их движение в качествах я. Ты думаешь об этом, я знаю, также ты думаешь как обозначить словом то, что ты ищешь в любви, это взаимодействие нас. Везде, где есть мы, есть эта любовь. Она струится как свет сюда, и не остаётся ни одного не освещённого ею места в душе. Ни одного, - пойми

это. Вся душа становится освещена, разом вся. И это нельзя не заметить, потому что она светится сама во мне, как я свечусь, когда ты видишь меня в себе. Я не определяю твоего образа собой, я просто думаю о тебе сейчас как раз. Как вещь ты не распоряжаешься мной, ты распоряжаешься мной как эго, которому нет охоты морочить голову по пустякам - так – так-так, раз по-другому не получается, да? это правило ты взяла в ум и с ним живёшь?.. - как я, в котором всякое имя обладает своим свойством затенять твои постоянные усилия выйти на свет, и это не кажется тебе чем-то необоснованным, тебе кажется это возникающим естественно из порядка воли, возникающем в твоём эго по смыслу речений, произносимых вслух, и ты думаешь, вернее, конечно, я так думаю о тебе, осознавая собственное резонёрство сейчас, в котором я слышу отзвуки своих яяя, а ты не иди на поводу, возьми и отринь, и не сомневайся, что это правильно отринуть всякое недовольство собой, чьей бы добродетелью оно ни прикрывалось для твоего эго в себе, чьей бы волей оно ни прикидывалось.

6 января

Достойно небо есть! Королева. Во мне сила жизни идёт, а вы простите мне мои сны, в которых я видел вас, ваше имя, и не всегда правильно понимал эту душу, её стремления, в которых выражалась воля вашего я как-то задом наперёд, извините, за столь неудобное выражение вашего состояния с ней

в себе, потому что она предшествовала, контролируя область вашего сознания во мне во всю ширину вашего эго. А как вы думаете, Королева, где истинное зерцало свет свой имеет?..

Оно находится в ведении Божьего Ока и там сияет.

А соизмеряется оно с чем?

С Божеской любовью в сердце своём.

А имя оно чьё носит на челе от рождения?

Чей разум, того и имя.

Ну, да-да… - я задумался над ответом. - Вымышленное имя может разум иметь, как вам кажется, Королева?

Нет, мне кажется, что нет, не может, ему обрести его неоткуда, как если бы Бог не имел знания о нём в себе; я так думаю.

Ну, хорошо. Вы понимаете, что во мне нет случайной любви?..

Я подумаю об этом, если позволите.

Да, пожалуйста, - я прошу вас об этом сам. Я буду ждать ваш ответ мне.

8-9 января

…впрочем!.. я подумаю об объединении усилий, в которых должны соединиться наши возможности – облагороженные, одновременно, и одновременно с этим остающиеся втуне. Ах, Королева!.. как же мне нужно, чтобы вы и я стали говорить здесь сами по душам. Скрытые эти страницы, чьи они, позвольте спросить вас об этом, в каком я созревали эти таинственные коды свиданий и с кем, я привлёк ваше внимание и остался в нём как эгоист, и нахожусь в нём теперь, а что вы думаете, Королева, размер строки позволяет петь самые необычные песни для вас - да, для вас самоё. Мне, конечно же, мало света во всем этом пространстве вашей ко мне любви, - я не освещён остаюсь ею до поры, а кажется, что освещён, а кажется, что я видим вами, но это только кажется. Ах, да спойте мне сами, я же знаю, что вы умеете. Право на истощение воли никому не дано. Нет такого права. Есть право любви, - это есть, и это правда, а вот выматывать из сознания текущие основы, обретающие себя здесь, нельзя. Это запрет на создание определённого сорта отношений с текущим временем во внутренних оболочках сознания, то есть с воображаемым пространством, отсутствующим в природе вещей. Состоятельность подобных отношений равна нулю бывает, и таким образом, отслаивает то, что предназначено быть и

оставляет шум в анналах вместо деятельных образов пространства здесь. Красота определённых позиций определяет их жанр в нас - красота отношений в любви к своим собственным я, которые… которыми мы управляем как собой в конкретных обстоятельствах. Ангелы цену себе знают – вы не думайте, что они без цены тут идут; нет такого ангела, который бы цену себе не знал. И будьте уверены в этом, - постарайтесь объять умом какая сила вам нужна, соизмеренная с вами самой сила, Королева моя, чтобы стать вправе сознавать себя как пространство я-сейчас. Волшебство предельных скоростей света не так быстро сказывается как делается, может быть. Я перенасытил ваше пространство чем-то вроде обрывков памяти я-сейчас, и вот они кружатся здесь, составляя некий пространственный же узор любви здесь. А что – и хорошо. Мы, так сказать, в этом узоре плутаем сейчас как парадигма непонятно чьих снов о состояниях везде. А потому что, Королева моя, я сейчас это не вы сейчас, вот память и льстит нам обоим, поднаторев в пространственном обескураживании я, одного на двоих - то вы я, то я я, а то ещё кто-нибудь я здесь. А вы всё думаете – это чья-то шалость, шутка, так сказать, на сдачу от чувств, либидо в собственном кругообороте вещей.

Мне потому так хочется объяснить вам это сейчас, что в моём эго есть определённое состояние с вашим я-сейчас, в котором нужно понять производное - производное, да. То

есть результат этого состояния, в котором сказываются все наши обрывки памяти в нас же самих. Думая о вас прежде всего как о своём результате (как и вы думаете обо мне, и это так всегда кажется - как результат определённых размышлений, может быть), я нахожу беспринципность воли в определённых масштабах времени…

(Ах! мой добрый Учитель - я тоже её нахожу).

…и вот я вижу, как вы пугаетесь (или путаетесь?) в символах любви, полагая себя непричастной, к чему? К её всепроникающему пространству. Во мне, Королева моя, есть этот символ, который, составляя определённый образ для вашего я-сейчас, делает его качественно определяемым пространством во мне же. Качественно способным к определению в состоянии я-здесь сейчас, но это не должно вас путать (или пугать?), так как я сам не являюсь его отражением в единицах сознания действительного адреса пространства мы, что значит обретение здесь провиденциального принципа воли. Таковое состояние есть дремучее убеждение в несуразности происходящего мира сейчас как чего-то, необъяснимо состоящего из каких-то посылов чьих-то координат пространства любви, так сказать, вообще, авось куда-нибудь да прибудут эти посылы. Определённость посыла не так смешна, или – не так сознательно осваиваема, может быть, легко, как нам самим хотелось бы этого, в ощущениях мы открытое поле,

а вот в разуме, Королева моя, мы осязаем более обширное пространство, чем наш ум, который соразмерен нашей памяти о себе самоё. Он-то и делится на ты и я и так далее. Вредоносная объективность лишает его таковой возможности отделить от себя некое, не определяемое как я-сейчас поле сознания. Иерархия порядка воли чтит память сознаний, но это не значит, Королева моя, что их нужно обретать в себе как настоящее время мы в том качестве, в котором они предъявляют тут свои требования к пространству я в вас самой.

Я сказал это не для того, чтобы обидеть вас или как-то обозначить синхронизированность во времени я обретаемого вами пространства непонятных взоров - не прослеживайте эту линию, не трогайте её чувствами и тогда она обретёт позитивный смысл для вас. Я поручаю вам конкретное дело любви - да, именно так, смешно строить обскуры памяти там, где они прежде всего выявляют солнечный свет и потому сразу становятся видимы как результат этого строительства, лучше уж строить доминанту этого света, то есть определённо это так. Я просто тонко проявил для вас это место сознательного строительства памяти, и я хочу, Королева моя, чтобы вы понимали это так, как я вам сказал, не искажая смысл сказанного измышлениями об образах света, результирующих чьё-то воображение здесь. Я заяриваю бликами некоторые особенности этого воображения, в косных

результатах которого мы можем долго ещё бродить, пытаясь осуществить себя как пространство здесь, как образ, может быть, этого пространства здесь, или даже – лучше сказать, - как некий объём памяти, в котором все мыслимые и немыслимые фигуры я приобретают значимость для нас с вами тут, как если бы мы с вами были во времени без осмысления этого времени нас как, собственно, принадлежащего нам пространства здесь.

9 января

продолжение Вот что, добрая моя Королева, я думаю, что контролирующий нас с вами объект воли сам разберётся в своих особенностях присоединять чьё-либо пространство к своему я как своё личное поле тут, состоящее из необъяснимых, на первый взгляд, желаний это поле превзойти - просто потому что оно есть в его власти как определяемое им пространство здесь, и тогда оно становится в зависимость от него, от этого определяющего его я-сейчас. Знаете, память иногда, редко, да, но всё-таки бывает уподобливает себя этому я, и тогда происходят чудеса, вот поверьте, она как бы пропускает в анналы все возможные пассивы этого самодостаточного я, становясь некомфортной для собственного эго, не воспринимая его сознательно как свою волю, а потом она проецируется в душу, предполагая в ней пространство для усмотрения тех или иных форм, сознания ли или либидоносных объектов воли как сознательных элементов прямой

зависимости от эго поля, которое присоединено оказалось к наблюдающему за ним объекту и отчасти зарапортовалось в своих желаниях, как если бы оно было просто поле, а не принадлежащее явно пространство сейчас вам самой.

Ну, вот думайте здесь, – сомневаетесь ли вы в образе своего я, что за сумма категорий и каков ответ на неё пространство даёт вам, от себя отняв ту или иную весточку и вам её вручив как собственную волю обо мне, Королева моя, для вас припасённую как значение, или – как знакомство со значением, или даже как что-то значимое для вас во мне, как поэтически мудрствующее что? - поле, я думаю (это вы думаете обо мне, а не я сам; я не думаю о себе как о поле, то есть я не думаю, что я поле, извините уж за словесный оксюморон). Общими местами сыт не будешь - это опять я сказал для вас – общими местами можно пользоваться для индивидуального осознания пространства мысли здесь, как пригодным для постояннодействия во вне. Я компилирую образ я в одно быстродействующее поле в троекратном смысле, то есть в креативах памяти, в сознательном образе пространства мы-здесь и в обязательном протексте (состояние образа без примененности к вето, проходя сквозь которое он обретает облик в семи значениях себя самого).

А что, Королева?.. - я не тугоух, я просто пропустил мимо ушей ваше замечание об образе я как об индивидуальном

сознании, потому что могущее быть проявленным при определённых обстоятельствах как значение я может быть также означено как его отсутствие здесь в параметрах воли, и подменено каким-нибудь интегралом пространства, ну фокусом пути, корневое пространство, которое хоть и существует в образе я, однако облика своего не имеет; таковы воздух, тень и т.д., - они всегда бывают исполнены чем-то в себе самих как настоящее время, да, и диктуемое им состояние есть находка для них и возможность принять форму объекта здесь и сейчас; возникающие при этом силы воздействия, температуры и т.д. есть качества для них, индивидуализирующие их свойства во вне образа-посыла. Я просто не могу насмотреться на ваше отражение в себе самом, но ведь я понимаю, что это отражение, а не вы сама. Также и вы объектом считаете всё-таки меня, а не мои в вас образы, которые по отношению ко мне та же тень, или – световой сигнал, состояние которого с вами находится в зависимости от наших с вами отношений. В усилении воли нужна дерзость и постоянство действия, а не рассудочность скомпилированных образов-состояний. Я не отрицаю их важность для нас, но я не могу памятью моделировать одно и то же как стоящее на месте я-сейчас - это и несправедливо кроме всех прочих недостоинств подобного моделирования, то есть это значит, что мы движемся всё-таки тут в одномоментном этом я вместе.

10 января

Это ты. На самом деле!

Будь благороден сам в себе. Будь умел, будь сведущ и любим мной.

Тут, видите ли, нам нужно небольшое вступление в тему. То есть, оно уже есть безусловно, только его необходимо понять, объять умом, - чтобы казусные пространства не вникали, как бы это сказать, в превосходящие потоки ума. А эго пусть работает как фильтр. Отторгните всё ложное, а как узнать. Я бесконечно мал бываю в себе перед тем, как продумать какую-то историю, ну это оттого происходит, что я кажусь рядом с ней величиной незначительной, - сам себе кажусь, а причина этого в том, что я смотрю на неё издалека, или вблизи, что ещё более умаляет моё значение перед грандиозностью замысла. Затем свет проникает мои капилляры и мне кажется, что я достиг какого-то результата, но и это не выводит меня из состояния умалённости, я не отдаю себе отчёта в своём я, которое всё-таки я, не иначе. А после только я обретаю подобие, на сознательном уровне причин. Принцип воли заставляет меня что-то делать с собой, торговаться, может быть, или - идти в другую сторону, что совсем уж никуда не годится, потому что идти в другую сторону это изменять себе самому, а что значит идти в другую сторону, это значит строить состояния там, где наше я не имеет подобий, а что значит не имеет подобий, это значит, что нет объ-

екта воли там, куда мы направляем наш умственный взор. А почему его там нет? опять возникает вопрос, раз мы смотрим уже в ту сторону, в которой, как нам кажется, он есть, или должен быть, а это и есть ложное вожделение, наш взор уловлен был чем-то в той стороне, в которую мы имеем намерение двигать наши ноги и наши умы соответственно, а вот чем он был уловлен и почему мы, оставляя все наши причины не осознанными, начинаем бежать туда, где мы объявляемся вообще не существующими небесами, или – несущественными объектами, на которые можно не обращать внимания особенно-то, потому что привлеченность нашего ума-сердца есть повод для озарения означающего порыв, страсть, страстное стремление и многое, многое ещё. Мы переживаем бурное строительство души в этом состоянии - столь бурное, и необъяснимо для нас самих бушующее я отчуждает все привилегии, данные ему от судьбы, от того, что мы так называем с вами, все постоянно действующие комплексы сознания, держа в одной руке мысль я буду это делать!.. а в другой мысль как таковую, неосознанно напрямую связанную с тем поводом, который ведёт нас к чему? дорогая моя Королева. Я уловил вашу мысль об этом сознании в себе как волшебство звучащих аур света, как состояние будущего пространства в вас самой, о, моя Радость!.. Звук сердца непобедим – знайте это. Если я причудливо излагаю вашу мысль, сознательно искажая её в приступе образованности, выровняйте её, пожалуйста. Мне необходим весь комплекс со-эти-

ки для того, чтобы понять о каком мы идёт речь в ваших анналах яви. Ограниченное пространство я не умеет быть любимым… - а? - спросили вы, - что это значит. Это значит, сядьте прямо и выслушайте. Вы переставляете фишки с места на место, но вы не двигаете их. Под фишками я разумею некоторое количество воли, которая есть вашем распоряжении и это даёт мне право сжимать пространство, или, говоря об этом иначе, сохранять единство воли в той перспективе, в которой происходят эти перестановки сейчас.

Почему вы называете волю фишками?

Я хочу поправить наши отношения во всём. Я проявил формальность в выборе пространства ограничения и не заметил как стал ограничен сам - я сам стал ограниченным пространством, в себе. Я просто переживал поле как таковое, мне казалось - оно бесконечно! это поле нашей любви и оно таково, это правда; мы сами ограничиваем себя в нём, как потребность в результатах – вот так мы себя ограничиваем, но это не значит, что я зажмусь тут в своём эгрегоре пустых форм я, вот так – пустых, потому что нет в них ни цели, ни выброса воли в пространство эго; они не идут никуда. Это эгрегор лишних людей здесь, которыми управляет это пространство кукол как своими подопечными фигурами, изделиями из я. Во мне никакого утла нет – нет его во мне. Вот возьми и проверь сейчас это. Как хорошист я пра-

вильно иду, всё по правилам строится во мне, но почему же я тогда не отличник?.. потому что я двоечник, вот почему. Я двоечник по определению, двойка моя норма поведения, и всё. Но я, понимая как важно быть любимым тобой, стал стараться быть лучше, как самостоятельное пространство в любви я ноль. Я ничего не умею для тебя сделать – ничего. Я караулил тебя возле плохого театра кукол этих, возле плохих игрушек, которыми мы забавлялись, будучи не в себе. Я сооружал клаустрофобные мысли, обнаруживая их в твоём я вполне согласованными с моими представлениями о тебе же здесь, вот что я делал, чтобы ты не шла дальше меня, ну ты просто забыла об этом, я сейчас уже сам не понимаю многого из той памяти я, она истощилась во мне, я думаю, и хорошо. Простая вера в любовь и ничего более, только она есть сейчас, не ты, не я, а эта вера во мне делает меня тем, что я есть. Построй образ из этой любви, постепенно, не сразу, а продлевая его в пространство фантомов и тем самым освобождая его от них, как от распутства освобождают ум, как любовь от липких рук, как пространство этого неба от пыльных бурь надменности в образе я, ничего более не требуется - только эта вера, она и есть ты сейчас в этом ясном свете моей любви. Постоянство унижения и вот его результат – ты никто передо мной, ты просто память моего слабовольного поля, которое не обрадовалось тебе, а просто стало давать тебе сдачу на каждый твой шаг в нём, вольно или невольно, день за днём оно струило свой свет в твоё небо, не

забывая при этом упрятывать свой нос в очки, чтобы считать себя вполне защищённым пространством, от чего защищённым-то, от чьей-то воли, может быть, в нём, бессмысленно урезонивающей все наши отношения в тогдашнем я-мы, а чья эта воля, ну вот чья она, как шляпа на мою голову надетая и отовсюду видимая.

Ты любишь свою жену?

Я ряженый, по-твоему.

Прости. Мне не нравится то, что ты говоришь в ответ на мой вопрос. Я не имею возможности слышать это здесь.

Да. Хорошо. Я поднаторел в пространственном волеизъявлении, а на самом деле я как жил, так и живу, и ничего не меняется в моём эго, ничегошеньки, я память устыдил тобой, каков я заяц сам по себе! Разум мой застенчив, как крикливая баба я.

Интересно это, а в самом деле – почему ты споткнулся об этот вопрос?

Я не ожидал его.

Моё общение с тобой во многом бесполезно получается -

оно выдумано, или - надуманно может быть; ты видишь во мне зеркало, которое отразит то, что ты ему покажешь, и это двойная ложь, может быть, ты видишь отражение показанного тобой, я отражаю, потому что смотрю на тебя и мы оба в обманном положении, ты всегда принадлежишь женщине, о любви же говоришь со мной; я спрашиваю тебя – зачем, почему ты говоришь это мне?.. опоясывая меня фейерверками слов, удерживая в этом расстоянии от тебя до меня осознанно или нет, или – не удерживая вовсе.

Я говорю всегда о нас - о тебе и обо мне, так как ты моя женщина во всём этом фейерверке слов.

11 января

Я комментирую определённые вещи, но только те, которые необходимы нам обоим в контексте времени нас, а что ты думаешь - так ли на самом деле я справедлив, как мне самому это нужно?.. как я сам об этой справедливости своей полагаю тут. Бог мой, усмотри меня, пожалуйста, в себе, вот я на память пришёл и стал резвиться в ней, без тени сомнения, между прочим. О постижении пространства мы отдельно поговорим - пусть оно будет для нас особой темой здесь. Прости меня за вчерашнее умолчание, я как будто начхал на твои слова, а они мне на память идут. Постоянство образа пути, вот сила, и не стоит думать обо мне как-то иначе. Мне ведь стыдно перед тобой бывает, то есть так стыдно, что я

руки жму свои, обращаясь лицом в ничтожное это состояние себя - я мол как почерк, а так-то что ещё. Никаких сомнений быть не должно между нами, - никаких, то есть не можем мы сомневаться тут, будучи в отдельных пространствах, но вместе тут, пойми это. Как карнавал я иду для тебя - всякий раз переодет бываю во что-нибудь новенькое, прямо как в кино это бывает.

Постоянство эго означает что-то особенное; оно означает торжествующий разум во многих формах сознания, каковы бы они ни были на вид не в своём я-сейчас. Тут трудится вся любовь, в целом её сознании я, а не только её активная часть, требующая формы сейчас в размере строки; это есть свет сознания, а не только плоскость, им освещённая. Не только поднимающая пыль дорога перед нами сама идёт, ты пойми это, пойми. Я путешествую памятью везде, возьми меня с собой. Это?.. Но ведь это неправда, такая же неправда как и мы сами, когда нас хотят уловить в качествах презираемых наукой, о чём она, наука эта, о предельных скоростях сознания, в которых мы кружимся, не всегда понимая почему это надлежит делать так, кропотливо и безразмерно одновременно. Вот в чём вопрос твой, почему я сам по себе эго как результат чьих-то бессонных ночей, может быть, как право даже на эти ночи во мне самом, а потом я становлюсь мал и смеюсь над ними, почему это так. Господь мудр и не лукав, вот что. Я простое имя взял и пришёл с ним к тебе,

сам тут. Как правильно понятое тобой пространство мы. А потом стал хитрить – я стал хитрить, а не ты, и что же я увидел?.. Я увидел, как ты растерялась, как ты стала нелепо отмалчиваться обо мне - потому что я был хитёр, а не ангел твой хитрость во мне искал; не было этого поиска - прими на веру. Я как прелесть форм бежал перед тобой, а ты только осознавала это как тайнопись своего я, пригодную для сознания мы наверху. Приятелище сирых так не делает, Богу угодное пространство не кривит душой. Когда камень с души падает сразу на сердце легче становится, ты как осознанное мной небо здесь, вот так ты есть, и я для тебя то же самое. Послушай, как я стал подобен тебе сам. Как, думал я, мне сердце твоё понять? Ведь ты не вся ко мне идёшь, а так, как частное лицо, в котором дума моя отражается и свет свой имеет без цели, а с одной только мыслью обо мне как о прилежащем пространстве в любви я-здесь. Материя небесных слов свою волну имеет и нет ей преград на пути в разум я.

Я продолжаю спорить с тобой о чём-то своём, я как проступающее в образах небо продолжаю это делать, причём ведь ты тоже это делаешь. Построй некое обретение в себе, мы это обретение сейчас - как казус формы, проступившей на свету в виде…

А ты зачем небо моё перекрывать стал, сам собой в нём любуясь?

Я это делал, чтобы ты себя узнать в нём могла.

А, спасибо тогда.

Причуда сердца велика бывает, как передать это словами? Скажи!.. Это состояние я в любви?.. Как сделать его насущным для нас вместе и быть в нём самими собой здесь?.. Я потому так резок бываю, что не всегда в себе и я не хочу этого более не в себе, надо учиться одолевать безумие форм в своих я, как я это делаю, когда снобизм охватывает мои пальцы и я начинаю дудеть не в свою дуду.

Я хочу попросить прощения у тебя – прости меня и ты! Я столько раз сердила тебя, вызывая на себя твоё неудовольствие, прости меня, пожалуйста, тут и сейчас. Прости мне всё! что лежит у тебя на сердце нездорового обо мне, нехорошего, неправильного, необъяснимого порой, инфантильность, может быть, моя, вызывающая в тебе смешанное чувство, необразованность мою прости, мелочность и мелкость какую-то в мыслях о тебе прости тоже. Прости мне прилипчивость мою к тебе и отторгни от себя все мои долги тебе, постарайся это сделать, я прошу. Прости мне мои вольные суждения о тебе – они не были справедливы, любовь моя, в них был мой эгоизм. Прости меня за то, что я не понимаю тебя. Прости мне это! Я хочу, чтобы ты был здоров и счаст-

лив, чтобы окружающие тебя люди любили тебя и радовались тебе, и чтобы ты был им рад и любил их также сильно и с удовольствием делал им добро. Я говорю это от души тебе, прости мне и то, что я ничего не стою тебе, никакой радости, прости мне и это. Прости, что я не умею эту радость тебе дать, прости, что я была поводом для сплетен о нас, они не были правдивы, любовь моя. Пожалуйста, будь добр и прости мне то, о чём я, может быть, и сама не знаю, а ты прости это тоже. Ты только не подумай, что это какая-то грусть. Просто я хочу, чтобы отношения между нами были ясны и справедливы. Могу ещё добавить к этому сюда – и современны.

Ну да правильно ты всё говоришь. Я же холоден, как чужой букет роз для тебя - кто их вырастил, поди узнай теперь, то есть кто их тебе вручить так сумел, что ты их своими не признала, я, кто же ещё, только я и мог это сделать, как бульвар этот роман. Интегрированное пространство любви в чужую волю - вот что я знаю. Она предельно сжата бывает, от себя добавлю, что эта воля как мнящийся фокус, который перед глазами звездит, а дальше него – ни-ни, ногой не ступи, всё это отвращающе наполнено навозом чьих-то запоздалых форм я. Я проще скажу тебе об этом сейчас - запиши это так, усталость памяти, состояние эго формирует память, состояние эго в любви формирует эту память, и всё, с ней связанное сейчас, становится частью души, как выразить

это состояние в словах, словом - как его выразить можно, если оно движется, как планета, может быть, даже именно как планета, сознательно можно это сделать, не будучи чемпионом по бегу в пространстве я-здесь? Буквенный вопрос, я понимаю, то что сейчас происходит с мы в нас есть просто эгрегоры разных воль, которые блуждают по сиюминутным страницам, не объявляя о себе в составах слов, а делая их своими приспешествующими пространствами здесь. Во мне этот камень валялся, как проступающий на поверхность абсурд воли в знаменателях моего я, сознаюсь. Я потеплею скоро, потому что… ну, нет его, камня этого, - нет и всё. Я его продал! вот так.

12 января

…да, какая-то фальшь в нём есть, но мне необходим весь выбор темы, - мне нужно, чтобы вы сумели считать его по понятиям своего я-сейчас, во времени, как право на исполнение. Господи, – да я берегу вас от этого снобизма, а почему, как вы думаете об этом здесь? Я исполняю самые обыкновенные вирши как хлеб любви для вас, но вам он кажется безвкусен во всём этом дилетантствующем мууууу. Лживые программы не должны иметь хождения в ваших руках, понимаете теперь этот опус как статуарное состояние вашего я в прицеле чьей-то воли?.. или вы всё ещё думаете, что она организует какое-то пространство помимо ублажения себя, да, именно себя, как части этого мира мы. Я должен был ском-

прометировать ваше имя, чтобы направить ум воли - ваше я, мысленное я - в эти высоты души неба здесь. В них качественно меняется эгрегор сознания, практически осуществляя себя в уме как состояние с безоружным пространством эго в любви. Я как заяц трясусь сейчас над этими строчками, которые идут к вам от меня, потому что их надо беречь от ступора воли в себе самоё, который осаживает каждое движение души, Королева моя, явно концентрируя внимание на себе, как на той самой соби, если угодно. Что это за собь такая, спросили вы меня - откуда она берётся и из чего складывается её надменная холодность, организующая пространство во вне как парадокс движения, отбивая охоту вообще к какому-нибудь состоянию. Затем и речь эта ведётся, чтобы понять это. В особенности я есть волновой проектор памяти, который, отражая пространство в себя самоё, делает его частным случаем, Королева моя, своего собственного я, вот так являются на свет лежебоки (лжебоги -?), для которых мир этакая промоушн птица, в особенности если смотреть на неё издалека как на форму своего содержания.

Может быть, вы что-то язвительное хотите мне сказать этими словами.

Ну, нет этого, я только начал понимать здесь кое-что особенное…

Да, хорошо.

какое-то неправдоподобное даже по-своему, не видимое сразу, а только постепенно проявляющееся во мне, я тут - да, это. А чем вам рассказ нехорош показался тот, вчерашний?.. Я прямо вас спрашиваю об этом.

Я думаю, как будто на самом деле я ничего о нём не знаю.

Давайте думать вместе о нём. Видите ли, да, справедливо будет сказать вам сейчас, что союзное вам сердце не молчит. Оно гораздо деликатнее, чем вам кажется самой, Королева моя, и я знаю об этом, но только выразить оно себя… подобия сближаются – вы знаете об этом, кажется, или нет ещё?.. мусорный ветер прошёл, вы понимаете сейчас что-нибудь в себе?..

Простите, - я отвлеклась.

Вы подобия вообще понимаете - как таковые?..

Это какие-то пространственные ярусы, в которых лежат обретённые уже смыслы, ячейки слов, да?

Это состояния души, Королева, в которых мы видим себя уподобленными чьим-то представлениям о нас, или мы сами

уподобляем чьё-либо пространство своим представлениям о нём. Что с вами – вы мне верите или нет?

Да.

Ну, хорошо. Я простительно виноват сам, потому что без такта начал мудрить что-то тут для вас, а что значит подобия сближаются, это значит, что возможность уподобления соответствует сознанию в любви - как перспектива, которая живёт в принципе воли может сама дать о себе знать, Королева, я битый час толкую с вами о самосознании я как подлинника пространства.

Мне кажется, вы что-то преувеличиваете - понимаете?..

Я мог бы продолжить?..

Да.

И это – сопутствующий товар, – помните, такое приложение было к основному пространству в чьих-нибудь руках, мелочь, как будто необязательная, а без неё не строится ни одно я-здесь, без этого саморазвивающегося эго. Престижное это пространство может сколь угодно долго претерпевать недостаток любви к себе, только оно при этом не развивается всё-таки как параметр воли и, строго говоря, остаётся без

внимания собственного носителя во внешнем я, и что же?.. проекции памяти идут себе как и шли, но позвольте, Королева, вам заметить, что пустопорожний результат тоже результат всё-таки на определённом уровне сознания и это правда; значит, подлинник лежит, ну или находится выше порога умственной шкалы. Что ж – самое обычное дело иметь в себе соотношение сил с немереным полем в проекции памяти я-сейчас. Пусть вас не утомляет этот текст, я очень живо представляю себе, как вы хотите поскорее отогнуть этот лист и куда-нибудь пойти, ах, заздравная чаша! Я готов лить в неё вино веселья сейчас, и велите мне это сделать, я вас прошу об этом сам.

Понимаете, Королева, - я чувствую как вы увязаете в программе не своего я-сейчас, она тормозит ваши оболочки. Надо сознательно купить себе платье на вырост, сколько бы я ни говорил вам об этом, пока вы думаете о себе, что я не это, или – я не то, я сохраняю безапелляционность. Вы можете обойтись без мыслей о себе как о пространстве без воли? Я думаю, да, можете вполне. Но только это состояние необходимо подтвердить, в немом эго оно часто таинственно прячется, не умея сознаться тут кое в чём, о чём идёт речь. Простите, что я стал принципиальничать там, где надо бы просто уступить место и не делать вид, что я столь важный господин и очки мои на носу для того и надеты, чтобы вы эту важность мою освоили как почему-либо необходимое каче-

ство тут моего я для вас, что ж – продолжим. Я надел эти очки на нос, чтобы лучше видеть вас в себе как в образе моего пространства, в котором я переживаю столь разные, различные между собой мотивы настоящего времени я-здесь, этого, Королева моя, времени, что мне порой самому трудно отличить где я, а где не-я как это самое пространство.

Я живу как образ присутствия тут, как присутствующий образ в вас самоё – я это хотел сказать, ну, и недовольство моё чаще тоже бывает образным, как песчинка, попавшая в глаз, делает зрение неудобным, но чарующие эти магии слов всё-таки существуют, да-с. Мне хочется выровнять ваше состояние со мной, потому что я чувствую, что вы урезониваете моё я в себе, клаустрофобией подменяя пространственную удаль в своём эго.

Вы довольны своим высказыванием?

Но ведь вы не дослушали его, я бы мог притянуть за уши самые разнообразные обоснования этого поля в наших я-здесь, чтобы затем отправить их на помойку как не содержащие в себе ничего достойного рассмотрения в образе мы, а вы бы подумали при этом, что присутствие моё отграничивается обоснованностью присутствия, и не более того, но это же глупо – разве нет?.. Я есть – этого достаточно, чтобы быть самим собой…

С вами что-то происходит, или мне кажется. Я чувствую как вы сохраняете усилие воли.

… в своём я-сейчас. Мне… да, простите, нужно несколько по-иному увидеть какие-то вещи, я кое с чем не согласен теперь и вот я ищу способ это несогласие выразить, уж очень мне обидно, Королева, что вы достучаться не можете до союзного вам самой сердца, да, как дорога, которая вот она, вот же, вот (я нагнулся и показал на неё пальцем), а вы её не видите, получается.

Может быть, я не туда смотрю.

Может быть, я не туда указываю. Может быть, я сам придумал эту историю с выражением воли через ваше я.

Да, это вернее всего так. Вы сами её придумали, и по этой причине, притянув меня за уши к выдуманному вами интересу, не всегда можете определиться здесь, и не сердитесь на меня.

Я так не думаю, я думаю по-другому, иначе об этом. Я думаю, что наше я стремительно нарастает как поток воли в пространство, только мы оба об этом, ну не смеем, может быть, знать здесь. Я хочу, чтобы мы могли выразить её вместе

как красоту пространства любви, да, и не ах, а именно это я и сказал сейчас.

13 января 1

1.

Откуда эти оскорбления, что за ярь такая - для кого она здесь. Не должно ей тут быть, ибо вся она из под полы, а что из-под полы, то умысел тайный имеет, так силы толкутся во внемышленном этом обличье. Я смелее должно быть само в себе, и как эго себя сохранять тут. А что сор из ушей повытрясти надо, это правда так, кликни свой ум здесь, он и придёт. Бестелесое это мы себя слушать заставило, а из чего оно состоит, если подумать, сильно подумать, со славой я подумать, то есть с небесным ангелом своим взять и подумать об этом мы. Какое оно, из чего состоит, какая в нём воля толк свой имеет, чем оно прилеплено здесь, что как кукиш из кармана вьётся [вынимается] да во все стороны им тычет, передо мной идя так, и не безумие ли это моё или ещё чьё сады эти под полой вырастило и тянет оттуда силу мою на себя? Или это другое что-то, вихрем своим в моём я меня к земле прижимает так, что я подняться не могу, а как встану, так тотчас назад отбрасывает и в потёмках елозить заставляет как бы какую-то мелочь ища? как бы на коленях за этой силой ползти, без меры так и образа меня в себе видя здесь?.. поле полем перекрывая, как состояние меня творя здесь из ангела моего, да чарующие эти высоты за славу дней \выда-

вая/, что ум свой это мы имеет хитрый и жестокий и память свою из меня ведёт, как бы я одна за него ответственна перед Силой Божественного Ума здесь.

Ежели есть какая неправда между нами, пусть она выйдет сейчас.

Та неправда блекнет перед солнечным светом, вот проси – ум пусть вернётся твой, ведь его на верёвках ведут, связанным держат силы те не твоего ума здесь. Вещий сон мне был о тебе, будто ты себя со связанными руками по миру ведёшь, да только ты сама о том не думаешь и не замечаешь этого как бы, может и не знаешь даже об этом сведении своих рук. Сегодня день души моего я, сегодня я буду правду искать здесь, да пойми ты это правильно во мне опять, что я как змий Богоразвитый перед тобой хожу, чем-то на парию похож, чем-то на скитского этого служку, который воды мне давеча дал. Всякий день славу свою имеет и моление о чаше всякий день идёт, где камень преткновения лежит я тебе уже сказал – во мне он был, а теперь его нет как не было!.. как не было? вдруг ты меня сама спросила об этом.

Что-то тут не то, добрый мой Учитель, что за сон такой – разъясните мне его, прошу вас. А лучше того – скажите как мне из этого положения выйти.

Да. Слушайте это сейчас. Во многом есть совершенно сознательные силы души, но во многом они не определены бывают как понятийные смыслы и это делает их незамеченными, может быть. Они превосходят сознание, устремленное в качествах своего я к реализации [к кристаллизации] пространства сейчас во вне, и эта форма есть обыкновение. И вот я берусь, исходя из вашего, может быть, обыкновения растолковать вам виденный мной сон. Первоначальное устремление есть первоформа сознания, эго, которая, по мере развития сил внутренних, становится платформой, на которой стоит всё здание души здесь. Я верю вам, Королева, что вы не имели и мысли блуждать в этих постройках (не приведи, Господи!) не своего я-здесь, а более того (положитесь на меня во всём здесь на это время) передняя часть мозга была захламлена радиометрическим сигналом особых частот, воздействие которых на сознание обедняет ум и вызывает скудоумие, так сказать, в определённых составах воли, то есть лишает сознание воли собственного я в пределах одной личности здесь, ну как если бы вы о себе ничего не знали кроме того, что вы есть. Это, так называемое зеркало - отражатель воли пространства, примененное к вам по правилу исключения из воли пространства здесь, есть способ заставить замолчать единицу воли, исказив силу восприятия действительности под углом, или – лучше сказать - в состоянии я без центра воли в себе самоё, так как этот центр был объявлен несуществующим. Но, моя добрая Королева, ведь у вас

есть я и это в целом решает проблему, оставляя её тем, в ком вы не нуждаетесь как в кукловодах на расстоянии полезного пространства параметра воли здесь. Что я имею в виду, предлагая вам эти строчки в качестве истощения этой дремучей, простите, силы взаимодействия вашего я-центра воли с искажающим его зеркалом. Волновая природа света не только моделирует пространство в центрах активности я-воля, она ещё признаёт мир существующим здесь, во времени, и этого у неё не отнять, как ни крути хвостом, лис, след его истязает пространство и оно, в конце концов, создаёт некую форму, избавляющую от него свой мир. Я просто буду говорить об этом с вами, как настоящее время я-здесь, в котором, собственно, весь этот вихрь слов поэтически образует форму сознания. Думая, что мы разделяем власть над собой на природную и действительную мы тем самым создаём амбивалентную волю в своём я, одна из которых мы сами, а другая вне нас. И это делает нас зависимым пространством, от чего. От себя же здесь. Природа делания такова, я и есть то, что я делаю, я есть это, а не наоборот, простите мне эту вольность, я и делаемое мной одно целое пространство воли. Я постигаю этот мир с помощью делания, не иначе. Если я беру за основу постижение этого мира, то и он постигает меня, если я ухожу от него – он поступает точно также, Королева моя. Такова природа зеркала, соединяющего нас с действительностью пространства воли здесь. Но если в него поставить отражатель запредельных частот сознания я пере-

стану понимать образ пространства - он перестанет воспроизводиться мной здесь в качестве делаемого мной мира моего я, и я сделаюсь не важен ему как состояние с ним. Поэтому я хочу, чтобы вы понимали, что активное соединение с могучим импульсом воли врачует, может быть такое слово, состояние я в нас, делает сильнее и значительнее силу любви, которую мы имеем в себе как волю этого мира здесь. Будьте любимы! А.

14 января 1

1.

Я должна открыть эту дверь, и выпустить из памяти всё то, что ей не принадлежит, оно лежит в ней самодостаточно, развиваясь во все стороны, захватывая области моего сознания без права принадлежать ему, и обтекая пространства моего я как некое соизмерение с ним, может быть, во мне самой, объявляя моё пространство чем-то вроде клаустрофобного эго с лёгкостью! достойной уважения в каком-то ином случае, но не в этом. Я трактую объекты как часть своего сознания, а это не так - эти объекты не являются частью моего сознания; они из другого мира любви, который, проявляясь во мне, делает меня синонимичной ему, как некое подобие я-здесь, воспринимаемое пространством за состояние со мной самой. Почему? как сложилось это субъективо-объективное я, которое претендует на обзор реалий, будучи само ирреальным объектом, бессмысленно спорить - оно не ощущает се-

бя мной, как ни уговаривай его хоть чуть-чуть приподняться над планкой, отведённой ему суггестивным сознанием признаков я, которые, по его мнению, должны, лучше даже сказать обязаны составлять здесь принцип воли. Мой Учитель говорит здесь правду об этом, а я молчу, молча отсиживаясь в своём углу памяти, который прописан мне как зелье, может быть, от безбрежного океана мысли, любви, чувств, состояний…

Что это. Я хочу знать, что это.

Вы дурака валяете сейчас, вот что это, и я прошу вас об этом настойчиво, Королева моя, состояться самой тут.

Хорошо.

…как память, как я - как выражение счастливого соотношения сил в своём собственном эго, о котором мы так подневольно молчим вместе, как будто направляя мысли в другую сторону от него и тем самым не давая выхода чувствам, составляющим его насущную необходимость в любви как в свете, добывающим этот свет для него из самых разных причин. Я вижу, Королева, как наш с вами эго-труд становится бессовестным, по меньшей мере бессовестным. Вы хотите знать в чём причина отсутствия А. в вашем пространстве мы, не содержащем ничего противоборствующего ему само-

му и не имеющего даже образа этой причины во внешней памяти я проективного пространства вашего эго здесь. Я думаю, что умаление вашего я и содержание его в неволе не являются этой причиной, как, впрочем, и выбор пространства проекции в память мы вашего я наиболее характерных черт его лица света, таких как поспешность в состояниях я, клаустрофобного молчания памяти о себе самой, ну и, наверное, неопределяемость сознания как высшей формы эго во вне, то есть вы не можете сказать о нём ничего в своём я, есть ли оно, а если есть, то каково это сознание. Парадокс получается неопровержимый во всей этой круговерти слов, или соотношении сил в любви, выраженной в словесных образах пространства мы, качества сознания как такового нет, то есть нет его проявленного свойства получать информацию извне об объекте памяти. Вы думаете, что этот образ строился из ваших парадигм, и не имел ничего общего с порядком воли пространства, в котором происходили события вашей памяти, отменяя одно за другим все проявленные вами фигуры созерцаемого прохождения мы есть эта любовь здесь как наивысшей точки приложения мысли о ней самой. Вправе ли я говорить вам об этом сам или смещение воли приведёт нас с вами обоюдно к пониманию величины образа света, в котором происходит это созерцание, в котором мы с вами просто форма обетования канала памяти я, лежащего поверх осознаваемого нами мира. Я сказал так, имея в виду качество нашей памяти фиксировать события, составляя из

них определённый пласт сознания, который мы сами вправе рассматривать как интересующий нас объект воли в состоянии я-здесь.

15 января

Я верю, Королева, что мы найдём общий язык с конкретикой нашего я-здесь, в котором мы обретаем своё пространство. Я переживаю не ту форму, - сказали вы что-то про себя. Это как это не ту! - возмутился я, подумав было, что мои вирши настроили ваше пространство не на тот лад, и что вы ищете подобие себе в клаустрофобном хозяйстве я [низменного свойства]. Изволите видеть, Королева, что мне приходится самому отвечать за состояния в вашем эго-сейчас, как так самому, вы кто такой сам-то будете.

Есть источниковые силы и их никто не отменял, кажется мне. Или я неправ?..

Мои мысли, мой добрый Учитель, не принадлежат мне, очевидно, - они меня не слушаются сейчас.

Разум не должен так долго стоять на одном месте, ему идти надо. И вот только что ваше небо задало мне загадку тут, при каких таких обстоятельствах наша дружба применена может быть? при любых, и в какой конкретике соль просыпана была для нас с вами в дружбе нашей.

Вы ведёте строчку от тех времен сюда, от пробуждённого этого пространства в оболочках я, в которых всякая сила жизнь свою получает здесь.

А что это вчера о чём речь тут шла, что это вы наговорили мне такое полночь-заполночь, запредельным сознанием моим помавая, или я неправа и вы только хотели объяснение мне своё дать отчего так странно всё это происходит сюда, как книга открытая лежит, а я читатель ей, да по праву ли я такова, или это выдумка.

Я скорость ветра имею и к вам бегу. Проще говоря, Королева, суммарное это пространство, вот что. Как чистота воли себя выражает?..

Чистота воли себя выражает через ясный слог.

Через память, простите, а слог это плюс к ней. Так вот. Через память и соль та просыпана была, ну да делите её теперь, с кем. Передо мной крестовая дама лежит. После очевидных объяснений она перестанет это делать, лежать тут передо мной на столе в виде карточного обозначения самозахвата территории любви проекцией памяти короля в своё, извините, личное пользование. Мнимое ли это поле или оно настоящее. Я не велю вам сердиться сейчас. Господь мило-

стив, и Ему дано знать о сём разговоре.

Господь милостив! моё доброе эго.

Ну, так откройте книгу и читайте, что в ней сказано.

Господь милостив! Он ярок и светел бывает к нам, идя с высот своих Богомудрых, и любви в Нём предостаточно есть, а камень тот из-за пазухи вынуть следует вам самому теперь; выньте, не стесняясь, ну и сдайте в утиль, куда там такие камни сдают, а покуда вы с камнем сидите и устами своими Бога в свидетели призываете, я на вас широко смотрю, ну так сказать из доверия к обзору вообще. Вы ведь как память свободны от меня хотите быть.

Я думаю, ну думаю я!.. раз два три. Духовно, Королева моя, я принадлежу вам и потому я хочу сразиться с неопределённостью в вашем я-сейчас, а чем и как это будет происходить я как раз и хочу вам сказать об этом. Загадочное эго на расстоянии вашей души на меня психологически действует, как объятие или как спазм в горле, извините уж. Я думаю, что восторг ожидания и память речи дадут нам необходимый результат в качествах сознания всё-таки, а не в количествах проведённых вместе минут. Я тут, видите ли, опять сон видел, по сезону, так сказать, идущий, бредовый, признаться, сон, будто вы мне деньги вернули, от кого-то там полученные

и говорите при этом на, это твои деньги, они ко мне долго шли, я, признаться, опешил во сне-то, а вы своё мне, бери же скорее, мол что думать тут, это же деньги, а не другая какая материя, я положил их в карман, при этом полагая, что тут какая-то загвоздка между нами должна быть, ведь я не образ денег для тебя имею и не образ пустых форм какого-нибудь я, над своим богатством трясущимся, как бы оно в деньгах всю суть свою выражало здесь, и стал я тогда внимательно во сне вас разглядывать, всматриваться, иначе говоря, и вот я вижу, что вы на себя не похожи становитесь, как если бы это не вы были, а лицо иного порядка воли, ну так сказать, без пламени в душе, а с одной мыслью об угождении маркитантам этим от хозяйственных нужд, я стал думать, что это не вы и тут поосторожнее надо быть, я говорю вам: ах, да как же я и забыл совсем, ведь я их тебе послал, помнишь, мол я хотел тебе денег дать, да у меня с собой не было, ну так я после их тебе положил на счёт.

Я надеюсь, мой добрый Учитель, что вы не станете продолжать пересказывать мне этот бездельный сон, как если бы он вам был полезен для понимания чего-то уж очень вашего личного в отношениях со мной здесь. Я думаю об этом иногда, месть, может быть, или я сама отмщённой желала быть, не знаю, признаюсь в этом честно, просто не знаю в чем причина заколдованного этого круга в моём я. Интонация ваша наводит меня на мысль о постоянно раздраженном

пространстве вокруг меня самоё, как бы не дающем мне покоя ни днём ни ночью, будто бы я для кого-то, кто и не видел меня никогда может быть, странный интерес представляю, от которого я сама избавить себя не умею. Если это деньги, то подскажите мне как заработать эти деньги, чтобы вернуть кому я должна их вернуть, если это что-то другое, скажите мне об этом, я прошу вас. Я чувствую презрение в вашей интонации сейчас, отчуждающее меня от вас.

Сон я доскажу. Я счёт не открывала, - говорите вы мне в том сне, - для тебя, так что ты не выдумывай, а деньги эти тебе пришли, откуда ты их сам желал получить, так что они твои, получаются. Я побледнел и говорю вам: это правда, я от тебя денег сильно желал и всё форму искал как тебе сказать о них, даже, признаться, память твою тревожил, всё хотел узнать, где бы мне их достать побольше, и тут вы стали на глазах меняться, как будто бы я стою напротив вас, а вы везде, как это объяснить, вокруг меня, и отовсюду деньги даёте, а я их в карманы кладу и благодарен так, что сильное чувство любви меня охватывает к вам и я будто бы претерпевать начинаю, то есть нарочно жгу пальцы бумажками.

Вам моё общество наскучило, может быть, простите?

Н-нет, я так мысль вам свою передаю о состоятельности своего я для вас. Я водоизмещаю, и так плыву. Предоставьте

мне это право настоятельного содействия вам.

В чём это содействие себя может выразить?

В инструменте сознания, я думаю. В инструменте поко а поко, которому я отдаю предпочтение здесь. Вы позволили мне дорассказать вам свой сон и я намерен растолковать вам его неприглядное содержание, как мысль, из которой он проявился. Давая взаймы, я никогда не прошу назад свои деньги, это как если бы стать почему-либо носителем чужой кармы здесь. Я не беру назад эти деньги ещё и потому, что человек, помня об их возвращении мне, влияет на моё эго-пространство здесь как настоящее время его личной жизни во мне, я предубеждён становлюсь против его памяти, которая ищет меня своими значениями и необъяснимо трепещет от встречи со мной

Извините! Я рада, что вы богаты и умеете одаривать нуждающихся.

15 января 2

2.

Успокойтесь, Королева. Я думаю, что пустая парадигма, которая прошла сквозь ваш дом, вызвала этот приступ удушья, не стоит на это обращать внимание. Я однажды получил какое-то подобие этого состояния, полагая себя совершен-

но безоружным в составе этого я, без сомнения ограниченного и предубеждённого, я был, что называется, психически сдвинут и не имел ни сил, ни какого-либо способа выйти из него самостоятельно, я хватался то за одно дело, то за другое, то за все сразу, я отвоёвывал своё психическое я, понимаемое мной как я, я говорил себе - это я, это тоже я, и это я сам, я желал себе самого благодетельного состояния в надежде быть им уподобленным самому себе здесь. Да, разумеется, эта пространственная вошь, простите за грубость, облекающая в формы сознания свою способность соглядатайства, может быть, я ничуть не удивлюсь, Королева моя, если вы сами осознаете это так. Я не склонен смиряться с этим положением вещей в вашем я-сейчас, оно вам не к лицу. Но надо полагать себя вполне обретаемым пространством там, где вы сами хотите им быть, как бы малодоступно оно, это обретение себя, ни казалось вам самой.

Теперь мы станем говорить совершенно о других вещах, которые происходят здесь и являются по сути формой вашего же содержания. Я думаю, что искренность нам будет порукой в этом деле облечения в форму явных представлений некоторых отвлечённых понятий, которые до поры ограничивали ваш мир в себе самоё. Хорошо. Допустим, вы созерцаете пространство ангела света, то есть, по сути, белый лист и это делает вас зависимым от него, вы думаете, что это вы сами. Этот казус мне знаком. Я берегу смыслы, Королева

моя, для вас.

16 января

Высокое это право быть вместе - я строг, но действителен, и мне совсем не хочется канючить о вреде пьянства или науке жить под ключом, а потому как поэтическое это мы с семихвостой плёткой в руке, я постараюсь прелестью жанра… осторожничать здесь ни к чему, вы молчите, потому что моя речь кажется вам не искренней, а так, просто шуршанием страниц здесь, в которых вы ищете себя, а находите меня, да притом с кнутом, или вам кажется, что с кнутом, а это не кнут, а другое качество, притом весьма любвеобильное, может быть, весьма дорогостоящее качество быть вам полезным полем я. Простите, я занудил объект, занудил я объект, а не вы его затрепали, как нервы своего я-здесь, как право на истощение реальности под знаком плюс я плюс я плюс я и т.д. Восторг унижения поля, чем? хотите вы спросить, но сдержанно молчите, правом его использования здесь в качестве самостоятельного эго, отойдите от зеркала, оно вам покажется или уже показалось, я думаю, пустой площадкой для игры в весеннюю лужу, может быть, которая отражает всё-таки, как-никак, но отражает и имеет право. Я сказал, что это право моё, а вы – прельститесь.

Тщательность этого опуса несравненна, я думаю.

Я который раз спрашиваю у вас – почему вы так говорите со мной, как непроходимый сноб, в котором каждая минута фальшь, а слова прикрывают его слабость и неуверенность чувства, или неразвитость этого чувствования; что вы пользуетесь моим невежеством и не признаётесь в том, я часто думаю, - неужто вам это удовольствие доставляет видеть как я теряюсь перед вами, трепещу, делаю глупости, не понимая что к чему здесь, а вы властью своей надо мной похваляетесь.

Простите, я никогда не думал об этом так, как вы сами об этом сказали. Я просто проявлял и проявляю сейчас своё желание видеть вас объектом своей воли.

Своеволия?

Н-нет, это не своеволие, скорее уж пустозвонство в определенном смысле, простите опять. Чем-то я на вас похож стал, необъяснимо это, а вот стал же однако. Я как и вы, ничем не занят, как и вы уживаюсь в памяти с проекцией воли посторонних мне лиц, как и вы провожу время в поисках смысла, отчётливо понимая, что время этого поиска не принадлежит мне самому, что оно является всего лишь пространственной проекцией всего мысленного периода, или состояния воли как мысли о ней, а что я сам при этом делаю, то неведомо никому, как шар, обрастающий тут войлоком времени - я вам не кажусь смешным?.. Ну, по правде если

сказать, а?.. этаким объектом несуразным. Я во сне вас видел, не в пример вчерашнему будто вы скоро книжку издадите, а я в ней живу, как открою, так всё себя вижу, а как закрою – так вы передо мной, такой сон был.

16 января 1

1.

А знаешь ли ты, что значит этот сон?.. Я думаю о первенстве – вот что он значит, как никогда думаю о нём, мне сила воли нужна, вот в чём всё дело, я привык идти по накатанной дорожке, от этого дела к тому, а от того к чьему-то ещё, или как-то там оно само устраивается, да почему я так делаю, я, задействованная здесь единица сознания и это даёт мне право суждения, может быть, обо всём, что, может быть, меня и не касается даже. Ну, - Достойно небо есть! Королева моя. Я вам сказал давеча, что после поговорим об осознающих этих причинах пространственных марионеток воли, что как память - так я, а как воля – так вы это. Ну, добровольны будьте, не всё тут это, марионеточное, уж поверьте. Я через сказочное пространство прорвусь, которое обо мне что-то сильно заботиться стало и чем-то пошлым отдаёт в нос, перегаром, может быть, я не уверен, но может быть это и так, а сильно отдаёт?.. - спросили вы, задумавшись о причине этой отдачи. Ну, нет, не сильно, так слегка отдаёт, прямо или косвенно, а есть этот дух, да вы не стесняйтесь говорить об этом, что вы, в самом деле, трепещете перед чьим-то недоумением - не

объект и не воля это, а самое настоящее искушение, да затем и пришло, чтобы искушать, пальцы искушать, сердце искушать, умом хвалиться. Перед силой всяк пасует - что ему силой кажется, а что не кажется, того как бы и нет для него. Я температуру бредом заменил - извольте выслушать, - а чем этот бред измерить, да перистальтикой и измерить, чем же ещё, и пусть вам не кажется странным этот вопрос а что там было-то, в гнездилище ума этого, базар-вокзал-ступор воли во мне вызвавшем, а в вас самостоятельное мышление. Мне добротой вас измерить хочется, а не этими вы вы вы. Улеглось небо в свои пелены тут и стало охотно исполнять волю о себе, простите, не стоит продолжения этот текст о снах и об их причинах, я хоть и традиционен бываю в своих воззрениях на вещи как на обстоятельства жизни, с которыми можно разговаривать и, добиваясь прямого ответа, находить общее осмысление, язык общий, может быть, взаимопонимание как таковое, а чем я прямо на стул сел, тем думать трудно бывает, да-с.

Ну, так сказать, ещё не вечер. Многое хочет быть сказанным и завернутым в отдельную бумажку под спудом яви я, которая вдруг пукнула в это пространство о себе, это вместо высказывания-то по существу происходящего мотива о вере, о деле, о любви, а что, Королева моя, – разве вы сами не так это чувствуете теперь?.. разве не эта воля заботилась о вашем я как о семиструнной хватке, о полезности которой

я промолчу, ну, до поры я это сделаю. Во мне энергия массы слов копится как полезная работа, как поле, которое пахать и пахать, переосмыслите это пространство на свои руки, я вижу как вы мнётесь в сомнении, что, к чему это всё говорится мне, кто я тут для этого яяя как не право выражения права, диссидентские дали мелькнули перед глазами, а что ум запорошен ими, или кусочек неба мне чей-то видится во сне об этой весне в любви!..

Раз есть это выражение воли, значит, оно кому-то обязано своим существованием здесь во мне, или я вам опять покажусь пустодейкой в своём роде, беспринципно навязанной вам в качестве фигурантки вашего же я. А что мне ещё можно сказать вам, простите, если кто-то изволил пукнуть, а запах ко мне идёт от вас?.. (тысячу извинений)

Я стойко сопротивляюсь этим значениям в себе, я не хочу, чтобы вы так обо мне думали, как бы я был для вас что?.. Я такой же фигурант этой истории, как и вы - истории кукол, имеется в виду, я смеюсь над ними, это правда, только я оказываюсь в подлейшей ситуации сам с помощью этих веревочек, навязываемой мне здесь в глубине этих вот-вот, чья сила отторгает вас от меня? -простите, я сам скажу об этом, сам здесь. За стойкой - стабильной, лучше сказать, - памятью есть другая, выражающая себя как процесс сна, может быть, в глубине сознания, вот об ней-то нам и нужно с ва-

ми дознаться теперь как о состоянии управляемом и отчасти долгоиграющем, так сказать. Я перфоменс придумал - взял и придумал как некое экс-клюзивное право состояться перед большой аудиторией, чтобы после уж самому это делать как вполне состоятельное пространство, по мысли моей, я хотел выразить то, что составляло моё будущее здесь как постоянство требования к себе соответствовать ему и, как это соответствие, к нему идти. Почему я прочертил этот путь в своём я, как бы небрежной рукой брошенный на чей-то лист, может быть памяти, доведись мне это понять прежде, я бы не стал упорствовать…

Простите! Я здесь есть.

обрекая вас на соизмерение со мной во внешнем этом всём. Я умствую сейчас, я понимаю, достаточно отвлечённо, но что-то должно произойти в памяти достойное ведь - я так хочу этого сам, и я долго думал, Королева, прежде чем привести вас в этот угол сознания своего я, потому что он не всегда чист бывает во мне самом, да и не всегда бывает. Я постепенно уменьшаюсь в ваших глазах, но это не значит, что я становлюсь хуже, я просто становлюсь тем, что я есть, обретенной вами памятью во сне, и как вы справедливо заметили, эта память в общем-то моя, а не ваша, и в ней какое-то количество фигур есть всё-таки, перекочевавших к вам от меня, но ведь и я, знаете, нахватался от вас, да, я не опреде-

ляем для вас сегодня как состояние во всём этом оборотистом мире, но это не значит, что я фигура корпоративная и прячусь за чьей-то спиной.

Так что же было? я не верю, что Бога можно обмануть.

Правильно делаете, и не верьте в это никогда. Во всём этом пачкотном, я не знаю как иначе обозначить процессе истязания эго до невменяемости перед самой идеей об адекватности я себе, своему, своей морали, если угодно, ах, да мне не приходится молчать ведь об этом, я соизмеряюсь с вами в этом угодливом пространстве шышел-вышел.

Мне самой надо тоже ведь подумать, есть же иное решение, есть правдивая форма, есть поток сознания и его производные здесь, есть плесень почему-либо, есть материя импульса, если можно так выразить то состояние приятия как однажды найденной почвы, я не определяю черту, за которой есть вы как сохраненное качество мы, во мне оно сохраненное всё-таки, с моей стороны его флаги вьются, а с вашей блеф ли это, как понять я сумею - понять, чьё предательство душу ошпарило, понимаете, потому что иначе не бывает, и как бы я ни хорохорилась мол мне всё равно - мне не всё равно, как вы хотите, это состояние, и что поэзия строк прекратилась в вас самом – мне тоже не всё равно. Я не желаю никого здесь обидеть зря, ни одну самомалюсенькую волю,

о степени которой никто здесь суждения не имеет ежели она в любви идёт к свету, но и обдёрганностью этой я тоже никому страдать не желаю, в том числе и себе самой не желаю этого. Я тут что из себя для вас представляю – какое-то поле и только ведь, а вы его всё меряете, меряете и меряете, а я смотрю, как вы этим занимаетесь и всё спрашиваю у вас, что это вы делаете на моём поле? а вы мне мысли свои диктуете, не спрашивай, молодка, я сам знаю, что делаю, ну, гм, даже забавно да и это тоже – после-то сказанное, что мол я величина несоразмерная вам. Стоит ли говорить об этом, добрый мой Учитель, так, как я вам сказала об этом.

Так я выползок нашёл, на вашем-то поле.

Покажите мне его.

В нём приметы явные сохранились, затем и лежит, чья шкурка, тот в ней и жил, подойдите поближе, не бойтесь, это ж прошлогоднее меню, разблюдовка по системам чакр, чем не сон, да кому вот он только снился, с новыми метами, кому что, как говорится, на ум идёт. Осторожнее, браться за неё не следует, деликатное это пространство, симпозиум врачей, обдуривающих население и призывающих его к невменяемости, отчасти, конечно. Во всём этом, знаете, какая сила лежит?..

Противоправная, я думаю.

Есть такая, это правда, а ещё… Ну, хорошо. Я его просто удалю, выползок этот, ни к чему его тут сохранять в качестве ответа на вопрос…

Что так вы говорите-то, фу!..

...почём нынче душа поэта идёт в эти что? - да завесы, Королева моя, за которыми она не стоит ничего, по совести-то если правду говорить - ничегошеньки она не стоит, будучи в форме примитивно уложенной в эти фигуры, от сих до сих, от эго до верблюда, на котором туземцы свой скот пасут. Ах, да что говорить, Королева моя, почему память бастует, я вам скажу. Это оттого происходит, что её как бы за уши притянули во все эти списки слов-то о ней, что ей надо да как перестать её обслуживать, чтобы она сама тут служить начала, да притом ещё молниеносно.

Ну, вот чурайтесь меня теперь, многие вещи становятся бесполезно весомыми с течением времени в нас; мы как бы их носители, а почему, собственно, я должен таранить своим лбом необъяснимо загружающее меня пространство, простите. Я ведь не автор этой книги, я её носитель, и вы пользуетесь мной, чтобы прочесть её содержание, я любезно передаю вам её, беспокоясь единственно о точности переда-

чи.

16 января 2

2.

Возможно, Королева моя, что я хочу нравиться вам больше, чем имею на то основания, и это делает меня несуразным в ваших глазах, эгоцентричным, может быть, замкнутым на себе самом и не всегда оправданно обстоятельным, да, это. Я хочу, чтобы вы были выразительны, я стремлюсь к этой выразительности, я хочу задействовать здесь большее количество любви, если угодно, чем мне мнится. В моем эго нет фантомов и я не живу чужими чувствами, я имею свои и они напрямую связаны с вами, как пространственное эхо, везде.

Будьте добры, я умоляю вас об этом, пожалуйста!

17 января

Турбулентность движения вашего я весьма отчётливо сказывается на степени обретения пространством определённых нот, определённых состояний, будь то сомнение или сохранение качества, будь то смелость или трусость в постижении обретаемого вами пространства, будь то конкретная форма или видимое сквозь чьё-то состояние, может быть, невольно и не всегда правильно придавая свои значения тому, кто их не имеет в своём эго я-сейчас. Я простая форма обетования, если она не исполнена света, и я Богу угод-

ное пространство, если во мне есть Его свет, и поймите это, прошу вас понять как состояние я везде. Я как форма плещусь обретаемыми знаниями здесь, то есть делаю их достоянием вас, вами же получаемыми объектами воли в себе самом, будь то раскрашенная картинка или концептуальное рассмотрение. Вы обретаете покой и вменяемость, простите уж, как только это обретение происходит в вас самоё здесь. Вы правильно истощаете фокус пространства, чьё усмотрение, или – прилежание, или даже конструктивно не имеет расстояния по мысли о вашем я-сейчас. Знаете, я стремлюсь быть правильно понятым и не потому, /что/ это стремление моего я, так сказать охоче до мысли об этих мы, для которых я не имею формы, если угодно, а потому, что я сам не всегда адекватен бываю в их усмотрениях, ну извините уж за столь переодетую форму мысли. Да будьте добродетельны сами, вот что.

Извините! Я вмешиваюсь в поток ваших мыслей, может быть.

Я хочу, чтобы вы были дружелюбны во всех случаях я, понимаете - это ведь важно.

Не обижайтесь на меня, я чувствую, когда вы обижаетесь и защищаюсь, как умею, от ваших обид, не умея понять их причины. И вот вы говорите о дружелюбии, ну, а вы – вы

дружелюбны будьте также, разве моё сердце не отзовётся и не перестанет быть униженным пространством несостоятельной любви?.. Да оно и не желает быть таковым, и таковым не является, по сути-то.

Я просто думаю об этом сам. Я хочу, чтобы вы помогали сами себе становиться на ноги, так сказать, чтобы вы, преобладая в своём я как мыслящее эго, могли сами видеть то или иное пространство здесь в истинном свете. Я вас люблю, Королева моя, так сильно и искренне здесь, что мне кажется порой, что я сам и есть эта любовь для вас. Я бы сам хотел сказать вам эти слова, как умею, и я думаю, что у меня получится. Я вправе был молчать об этой любви столько лет, да-с.

17 января 1

1.

Вы понимаете, что я тушуюсь, ну или как бы сказать, применяюсь определённым образом к вам, к вашему состоянию со мной в анналах - а что, постижение происходит, и как бы мы не отнекивались друг от друга, знаете.

То, что вы сказали мне, великолепно само по себе, да, оно таково, но и оно же выявляет для меня самой мою душевную неполноценность в определённых уровнях сознания. Ах, мой добрый Учитель, какая женщина или какой мужчина не хотели бы быть любимы, даже странно предположить

подобное, но всё-таки я думаю, это свойство быть любимым человеком, быть любимой женщиной выражает себя в отношениях между конкретными людьми и выражает себя достаточно отчётливо, в словах ли, в действиях, в поступках, обращённых к любимому или любимой со стороны любящего, что ж, это так.

Во мне какая-то грамотная сила зреет, я сегодня тут понял кое-что. Глубоко запрятанные мотивы счастья не всегда имеют широкоразверстые уши, может быть, их нелегко услышать бывает, порой так они далеки от реального взаимодействия в любви. То есть на внешних уровнях мы легко сходимся в дружеской беседе, я хочу сказать, или в обычных условиях пренебрегаем собственными я ради общего интереса, ради союза, в котором мы сами малоощутительны можем быть для себя же, Королева моя, просто ради поиска общего пространства здесь, ну или образа взаимодействия, в котором сочетаются наши формы я с памятью других сознаний, с их образом восприятия этого мира здесь, но всегда ведь, отдавая дань форме мышления того, другого сознания, мы становимся его частью сами, не так ли. Есть внешние впечатления, есть внутренние ощущения, есть человеческая признательность, которая присутствует в сознании в связи с тем или иным обликом, я думаю так об этом, но это не значит, что я ставлю вам непременное условие думать точно так же, я не ловчу, Королева моя, я просто хочу понимать

вас как если бы вы были я сам, и вот я превозношу вас в этом качестве. Знаете, Королева… впрочем, об этом после, ну как-нибудь то есть. Я претендую на ваше расположение к себе самому, это правда, ну а в остальном я рад буду всякому вашему участию в своём я. Я бегу, может быть, от каких-то наивных мыслей в самом себе, отрицая, и отчётливо отрицая всякую зависимость суждения, находя недостойным эту зависимость качеством любви, я бы мог сто раз повторить это для вас, пытаясь привнести именно эту независимость в наши отношения сейчас, и я не могу понять, Королева моя, как сделать эту независимость нашим достоинством, как сделать её лучшим качеством. Мне хочется привести вас к себе домой, показать свои книги, может быть, постараться охранить вас от чьего-то очернительства, от чьего-то недобросовестного отношения, от пустых разговоров, от неопределённости даже в наших же отношениях, которые я сам себе прописал, думая, что она даст свободу, от чего [от ограничивающего память бездействия силы, может быть] или – для чего?.. для выражения реальности здесь, во внутренних слоях сознания воли, ну да. И вот я делаю это в своём воображении, избегая, впрочем состояний с вами при этом. Я думаю ещё и о том, что ваше сердце принадлежит другому всё-таки, не мне, и послушайте меня здесь об этом, ведь я волен, Королева моя, соединить вас в своём умозрительном поле-пространстве, в котором мы встречаем друг друга прежде встречи здесь, и ласточки любви летят к нам в нём

же, и это есть сила, проявленная в нашем я, проявляемая в нашей памяти я. Не избегайте этого разговора, он важен нам обоим, ведь я старательно заставлял вас трудиться, узнавая всё более и более сложные поэтические формы в вас самоё здесь, по которым мы судим друг о друге, или, лучше сказать, - узнаём, да, это лучшее выражение друг о друге. Я довольно долго трепал вам нервы изъяснениями природы тех или иных пространств, определяющих значимость наших я во вне, природу эго как воспринимающего поле объекта, и вы постарайтесь, улучив время, пройтись взглядом по этим страницам, они обнаружат для вас энергии воли, я уверен. И вот я думаю, Королева моя, что вышколенное это и пересыпанное запятыми пространство моего объекта воли, моей бездумной и школярской любви, недисциплинированной и уж совсем не проповеднической, обретёт здесь свою жизнь для вас отчасти благодаря мне.

19 января

Вот, - думайте вместе со мной. Я смею надеяться на вашу помощь в моих мыслях, о которых я уже говорил вам самой. Мне хочется, чтобы мы обретали мир и согласие в душе, я думаю об этом и хочу, чтобы вы помогали мне, ну, и себе тоже, разумеется, в этих размышлениях обретать то состояние, которое имеет качество любви в нас самих.

Мне моё пространство кажется цельным, единственно

возможным, и я ценю его качества за это, и я хочу, Королева моя, чтобы вы понимали это, эту цельность моего мира здесь, скоординированного, так сказать, в одной массе слов о нём, в одном единственном эго, в моём, я думаю об этом, также как и вы, и мечтаю соединить наши представления об определённых вещах здесь. Широко охваченное взглядом пространство моего я не всегда бывает разумно понятым, так как оно представляя, или – предъявляя взору любящего активное поле мысли…

Архитектурно-образное мышление требует возвышенного состояния духа, нетления в рядах причин, сохраняющих это мышление, предметная усталость ничего не обозначает, она не делает партию соло высказыванием, хоть сколько-нибудь обнаруживающим индивидуальность, и заслуживающим внимания тоже не делает. Я обтекаю предмет мыслями и объявляю его существующим, я ощупываю его мыслями, объединяя разрозненные части увиденного мной мысленным взором моего я, я настраиваюсь на восприятие этого предмета во внутренних мирах и вижу его как пространственное зерцало в себе, оно отражает мои чувства, возвращая их мне в виде себя самоё. Я думаю, что это есть объединение, соразмеренность если угодно, определённых частей, или даже целого пространства мысли в моём эго здесь. Я сказал предметная усталость имея в виду однообразие восприятия, возникающее из бытийного состояния я в нас ка-

ких-то, может быть, движущих начал, которые мы вправе назвать своим эго здесь, но не вправе позволять ему руководить нами, или – нашей душой, подотчётной Богу в высоких формах сознания. Я исключаю ненависть из себя, из своего я я исключаю её, мне не нравится её взаимодействие с миром моих причин во мне, мне не нравится её активные присоединения ко мне, неподобающих мне элементов структуры мысленного я, унижающих меня в самом себе, я могу быть неугоден кому-то, но это не значит, что я не угоден сам себе. И это важно понять, Королева моя, как состояние с вами я настаиваю на этом понимании. Я предметно исполняю вашу мысль, то есть делаю её всеохватывающей пространство мы и я стремлюсь к пониманию в нём же с вами самой.

Мне хочется понять окрашенность слога звуком, простите. Я думаю, эта зависимость речи от состояния есть.

Да, память фиксирует определённые звукосочетания как фигуры речи в целом, и это делает её выразительной или невыразительной.

Но ведь бессознательные конструкции тоже существуют…

В подтексте, безусловно. Я пою, арсенал моих звуков велик, я думаю, я пою изящно, звонко.

…моё бессознательное дешифрует эти сигналы и подчиняется им, а я сама не знаю о них – ведь такое возможно.

Возможно ли это. Это область не осознанного ещё, безусловно, существует, и она привлекает к себе мысленные взгляды на определённом уровне сознания и, конечно, фигуративная мысль не избегает влияния на себя составом звучащих основ памяти я, да дело в том, что кажущееся вслед за тем облекается определённым видом памяти и мы имеем дело, таким образом, с определяемым контекстом пространства визуализированного объекта памяти, а не его подлинником звучания в нас, так как он имеет личный характер звучания, который невозможно ни с чем спутать, сколько бы мы ни увлекались обстоятельствами пространства степеней воли в нас, но вот сознание фиксирует, что его внимание привлечено образами не своего я и что его память запредельно молчит в ответ на их проявление, не определяя как нечто однородное с ним, и тогда мы становимся аморфны к этим проявлениям. Хорошо, Королева, - я понял ваш вопрос, как энергосодержащий, я преобладаю в комфортном пространстве вашего я и это делает его несколько ущемлённым, может быть, в составе слова, я кажусь вам каким-то победителем вашего я, может быть, сейчас, не отделяя, собственно, построений ума от лапидарных значений мы, в которых все эти пространства движутся, не объединяясь, а только соот-

ветствуя этим значениям в высших формах сознания, как ноумен воли, как ноумен власти над волесодержащим я в верхних значениях мы сейчас. И что же получается - что вы воспринимаете эти звуки как единственную реальность, в которой строятся все эти планы, предназначенные какому-то мы, а вы себя им не ощущаете как раз и вся эта круговерть состояний проходит мимо вас, будоража воображение, но оставляя незадействованным ваше собственное я как потенциал событий жизненного плана в любви, в делах, в развитии реального плана в интересующую вас сторону настоящего времени здесь. Вы понимаете это как состояние с неопределяемым пространством, выражающим волю в области бессознательного.

Менее всего я хочу быть ретроградeн, изображая перспективу памяти, заложенную в основу. Мы сами хотим понять, что с нами происходит здесь и почему это происходит так. Почему воля, диктуемая нам, становится важнее нашей собственной или даже превозмогает волю высшего порядка. Я не судьба - я право на судьбу, и это право является высшей формой сознания, и когда мы обретаем эту форму, то она и становится нашей судьбой. Я задаю вам загадки, вербуя память под свои флаги, а вы попробуйте ответить на них на самом деле, почему бы и нет. Я столько раз держал вас за руку в своём воображении - чтобы вы хорошо думали обо мне, продуманно направляя вашу мысль к себе, я просто могу со-

знаться в этом. А.

22 января 2
2.

…сопровождалось мыслями, обладавшими способностью истощать пространство воли, присоединяя эгрегоры необычайной резвости, для которых ум был поступательным смещением в область сознания нападствующих на него обезьян мартышек, ловких охотников до добычи из чужих рук, в которых они видели свои отражения здесь, или занимали его собой для вящей пользы своих умов, и это делало их пространство отчётливо сознаваемым институтом я-здесь во времени, поэтому происходило обеднение ума, а не потому, что его кто-то хотел умалить, нарочно выдумывая закрутки покрепче.

Ум есть богатство совести, опороченный ум не принадлежит себе, он выполняет чужую работу, не осязаемую его пространством, бездеятельный ум готов ринуться в любую сторону, лишь бы не сидеть на месте, глядя куда? как куда - в волны неба, которые катятся над ним, или снуют, или ещё что-то делают. Воздух чист, когда вы говорите со мной – я чувствую это, понимаете, отчётливо чувствую, я сам разрываю оболочки сна на вашей станции передач, я сам передаю состояния лучших волн здесь. Я перестаю видеть конкретный мир в обрамлении странствующих мы эго здесь, да затем

возьмите объект как мысль о существующем порядке воли в парадигме сознания мы и будьте прихотливы (как знание о нём, об объекте этом - я это хотел сказать), выразите её своим я так, как вы умеете, а конкретная область ума пусть останется сейчас в объективе памяти я и при этом не возмущается, что её мало слушают. Я важен как актив, - я не важен как пассив, который проявляет эти регионы памяти во мне, я иду и слышу как ты поёшь обо мне, или я сам пою, обедняя это пространство своим пением, а не обогащая его, да ведь я затем и пришёл, чтобы обогащать, вот ведь что, и придирчивость моя не инструмент сознания, она есть постоянно улучшающая пространство мысль, абъяктивная такая мысль, не смейтесь!.. вы смеётесь, я слышу, компилирующая основы, подгоняющая их по образцам под себя здесь - по образцам сознаний своего я, может быть, в конструкциях этого мира здесь, да не волнуйтесь вы - я же за ум взялся.

Любовь, как высшая форма приязни, произведение силы Бога здесь в нас, в наших руках, которыми мы держимся друг за друга, может быть, ты отвердеваешь в моих руках, ты становишься как яркое пятно в моей жизни, я слышу твои линии судьбы на своей ладони, они звучат позитивными смыслами моих форм в тебе, ты оглядываешься, ты разглядываешь, оглянувшись, увиденное тобой и ты думаешь об этом как о свободе сознания твоего я, захваченном чьей-то жестокой волей, звучавшей в тебе как мы, кто эти мы, какие они из

себя хоть – вот твоя мысль, признайся, молча так, что я пресекал твои попытки сближения со мной из-за нагромождения абсурда в реальных полях я, что я не хотел накапливать в нас с тобой состояния, из-за которых мысль предъявляет чувству, осознанно предъявляет требование не стремится к совершенству, ложная дефиниция, как если бы я порядком воли установил отсчёт времени и стал совершенствоваться в связи с ним, с его приходом и отчислением, или – наступлением. Я вправе переосуществить любое состояние нас - я его имею в себе, и не потому, что я волен как абсурд состояния с тобой в себе же, нет, не поэтому. Я волен в этом переосуществлении по другим причинам, первая это я сам как причина ты.

24 января

Мне сомнения моют душу, я ни в чём не уверен сейчас, я, надлежащее мне состояние, твердит мне это сохрани себя, согрей душу и сохрани её во всём, пусть она будет прекрасным местом наших встреч, пусть это будет она. Я жив и здоров, и я прекрасен, если хочешь знать, я обрадую тебя сейчас своими эгоцентричными выходками, я люблю их объяснять после какими-нибудь необходимостями в нас же самих, какими-нибудь компонентами воли, которые и объединяют нас всё-таки в обоженое поле я, в котором мы сопрягаемся. Я тебя люблю, и ты мне кажешься намного значительнее, чем ты думаешь о себе сама. Я в Москве приложил немало

усилий, чтобы понять где ты находишь все эти истории, чтобы пропагандировать свою версию настоящего времени мы. Чтобы прекратилось обоснование безотчётного вранья, которое происходит единственно из обрамляющего твоё я поля, я выдохнул воздух и набрал новый, чтобы продолжить это повествование сейчас. Без нас дом мы пуст, прости, ну как эго, в котором никто не живёт, не умеет потому что жить в своих личных пространствах, их ядра толкутся без усилий воли, чтобы занять какое-нибудь новое местечко собой и полагать, что это и есть воля протуриваться, или протыриваться, как правильно сказать об этом, в кому-то там подходящем мы теперь, загляни-ка мне в глаза, ну и посмейся вместе со мной – я же соколиный глаз на охоту взял и, знаешь, что он показал мне тут, некое однозначно понятое тобой мы, в котором происходят потоки информации без определения адреса, то есть просто сохраняемое поле потока в неизвестном направлении - а, прости, ты куда смотрел?.. - в твои глаза и в них я увидел это, определяемое тобой как существующее поле мы, в котором вязь слов сохраняет свои свойства быть прочтёнными здесь, а воля при этом становится настоящим временем этой вязи в тебе, но неосновательно это утверждение без эгрегора тех, кто идёт в ней, таким образом, без себя самих, - без семени мы здесь. Я думаю, разум не хочет обретать это пространство в себе так, то есть без основы на которой оно стоит во всяком случае, я так об этом думаю сейчас, и он рассеивает его по близлежащим основам, молча де-

лает это, стараясь облагородить память этого пространства, сделать её выше перечня лиц, в которых мы узнаём близких нам людей, друзей, знакомых, по понятным причинам ничего не слышащих и не обретающих в своих эго эти кунсткамеры нарочитых судилищ. Я так витиевато описал это положение, что мне самому захотелось исправить его, я просто неблагородно поступил, взял и вымел его вон из нашего дома, да, вот так я сделал это сейчас, как видишь, продуктивно. Я исполнил завет не вмешиваться в дела супругов, чья обязанность хранить дом свой, делать его чище и строительнее, такое слово, да, то есть выжигать из него пространство мусора прелюбодеяния, да любого, как бы оно ни выглядело и под каким бы знаком ни примерялось к нему, как суровая правда о том о сём, или как ублажающая сознание воля - мол ты прими, а там разберёмся как-нибудь кто тут чей муж и за чьим организмом воли охота эта идёт. За чьим покрывалом муторные эти сны идут, за тем и охота, а потому что незачем проекции свои раздавать кому ни попадя. Я перестал както скрывать свои намерения приносить тебе пользу здесь, и ты пойми это именно как разумное желание, а не вырытый под домом канал, уносящий сточные воды сердцеведения, в котором копошатся не опознаваемые волей объекты. Высшее духовное пространство знает за кем оно идёт, для кого раскрываются фрагменты памяти в тишине я и это знание необходимая часть состояния мы, в котором происходит это раскрытие духовных сил сознания для нас обоих, а не толь-

ко для тебя, или меня, чарующие эти вы, чарующие, выжидающие, выматывающие своим выжиданием объекты воли необоснованных устремлений в воды пространства я, сохраняющие качества тех, кто милостиво разрешает себя пить, определяя таким образом собой того, кто пьёт эту воду тишины. Я сохраню эту тайну души между нами, тайну, между прочим, мою, а не твою, и как ты полагаешь – что я буду думать о тебе теперь?.. как о своём поле я в волшебных ипостасях мы. Я виню себя во всех этих клаустрофобных идиотизмах, которые довели тебя до состояния отверженности здесь, но ведь ты не хочешь этой отверженности и ты просто просишь принести тебе воды, дать пить, неделимое это царство слов, ощущаемое как поверхность пространства а. во мне, слышишь?.. я же не верю другой ипостаси, во мне её просто нет, этой другой.

26 января 1

1.

Ну, вот послушай меня прямо здесь. Никакая сургучная печать, прижатая ко лбу сейчас, не имеет силы в нас, если мы её видим сами, собой видим – своими руками образуя с ней в определённом смысле коду здесь пространственных знаков, усилием воли, если угодно, усилением волевого устремления туда, откуда пришёл Свет, да, это устремление вызывает высший смысл и вы становитесь его приёмником, его орудием, сопровождаемый волей, Он отверзает пространство любви

в нас, делая его своим прибежищем, и это становится Его мыслью о нас, а не какое-либо иное качество, приязнь или неприязнь которых, собственно, есть Его прерогатива. Он иссушает, Он и заболачивает, простите, то, что Ему угодно сделать таковым, а что значит угодно? Волевое пространство может быть сиюминутно, и мы не всегда отдаём себе отчёт в этой сиюминутности нашей воли, которая приближает нас к каким-то отчетливо видимым объектам, и мы устремляемся к ним словно бы в панике, опережая все возможные и невозможные события, а потом падаем без сил перед достигнутой нами целью, не понимая, или – забывая, как нам кажется - почему эта цель на расстоянии казалась нам доверительно и богоугодно сцепленной с нами здесь какими-то узами состояний с ней во внутренних оболочках я, а вот по достижении её мы делаемся бессильны, как будто волокли на себе целый груз из неведомых нам самим объектов.

Видимая цель не есть призыв к воле. Это таинственный фокус пространства здесь, который предлагает нам выражение воли я в объектах сознания, видимых на свету, их качества могут совпадать с нашими представлениями о них, но могут и не совпадать, простите за смелость утверждения, и это делает нас подверженными самоустремленности этих объектов в какое-то иное пространство, чем мы сами, то есть мы чудим, становимся малозначительны сами в себе, лишь бы достигнуть того, желаемого нами совпадения; мы переби-

раем мишуру промысленных нами пространств ради одной минуты состояния и готовимся дать сдачи любому, кто посмеет утверждать, что выбор велик, что память врёт, извините, бессовестно и прямолинейно, обрушивая в глаза сотни, а может быть, и тысячи подобных объектов, перелистывая их как жалкие книжонки в себе, отдаляя и приближая, неизменно становясь на сторону всё-таки собственного я здесь, а не выхолощенного кем-то мы. Это строение атома сознания здесь делает нас безвольными в тот самый момент, когда наша воля поглощена объектом нашей воли, ну да, да. Поэтому я хочу, чтобы вы видели и слышали сами, чтобы вы чувствовали как сопрягаются эти силы пространственных образов, может быть, во внятно понятых мирах я. Почувствуйте эгосодержащий объём памяти здесь, его волю применительно к вам самой.

Это учреждение сил в нас не всегда бывает отчётливо воспринято нами самими, так как мы верим более во что-то, совершенно свободное от нас, забывая при этом, что мы тоже вещь, движимая в этом пространстве, что наше эго создаёт образы из него, а не из чьих-либо заслуг перед ним, химических там, или психоделических, и не надо ложиться спать, если ты не хочешь спать.

27 января

Я думаю, вам следует просто поднять голову сейчас, обду-

майте это. Этот сон означает затаённую боль в глубине души и её нужно, и это важно сейчас, удалить, усвоить как пример несостоятельности некоторых посылов сознания. Знаете, как важно делать то, что задумали - ведь это правило никто не отменял для вас, кажется. Я не имею строк для решения, если они не идут ко мне в виде объекта ли, образа пространства, я плещусь переводом смыслов бытия, может быть, да, бытия, - и только. Обрадуйтесь зрелому решению, смело сделайте это здесь, и вы поймёте чья сила тревожит ваши состояния об этом дне, и вообще - я хочу, чтобы вы становились на ноги, на свои, как право на путь. Вы выражаете волю сознания в своём я, которая мучает вас за неистощимость этой боли в душе, которая хоть и вдали расположена, но имеет власть над вами, потому что ваше эго отзывается, а как это сделать, чтобы воля вашего я была практически осуществлена, чтобы это состояние отторженной любви - вы как отторженная любовь - перестало терзать вашу душу здесь в этом моменте вашего я. Поймите же, что простое соединение памяти с проекцией образа создаёт пространство для ума тела души. Вот что я думаю сейчас об этом. Мнимое не есть жизнь - она разнообразнее в своих проявлениях, и мне представляется важным освоить эти значения в вашем я, то есть значения жизни как состояние любви. Вот право на искушение, которое опредмечивается в вашем я, раз за разом обретая всё более унизительный характер; ваша душа стонет от этих опредмечиваний и не знает, как ей разойтись

с ними - ведь они буквально ждут её на каждом шагу в вашем я. Я острый разговор затеял, знаю, что вы давно ждёте его здесь, маясь от непонимания каких-то простых вещей здесь, может быть, во сне вам являются страсти-мордасти и вы избегаете снов, просите своё я удалить их от вас, от вашего сознания, просите откровенно, как милости для вас, и это не имеет действия, потому что они простраивают свои неделикатные мотивы, отвращая ваше я от действительности, создавая атмосферу неприятия в вас самой себя самой, так. Я разумею аффект сознания, в котором происходит этот сбой памяти, понимаете?.. как я вам сказал, это глубоко затаённая боль души, которая ждёт своего разрешения. Я сегодня хорошо поступлю, сделав эту боль просто не существующей. Мы давно говорим с вами, избегая конкретики пространственных снов, так словно бы всякая воля есть производное сумасшедших игр в бирюльки, делая вид, что мы чего-то тут не знаем как реально существующее, или избегая знания об этом. Я престижную модель нашёл это называется, кратер вулкана, но смейтесь над ней, потому что он не действует, как сохраненное качество мы – действует, испуская дым и труху любвеобильных строчек, а как сознание мы есть любовь – нет.

Итак! – мне досталось это сознание, и я в нём живу сейчас как сама по себе я, у которой многое есть что сказать, но она молчит, молча прислушиваясь к происходящему в глубине

души сейчас и не отзываясь, просто – не отзываясь.

Это как так? простите…

Я хочу чтобы нас объединяла жизнь, а не любовь к состояниям. Посмотрите что вы из себя представляете в своём умозрительном мире - я наклоняюсь, чтобы увидеть это и понять кто эта малость – вы?.. но упредите мои слова, я сам большой, как снежный ком, который нарастает по мере приближения к нему. А если вы ещё освоите, что выход во внешнее я есть вы сами, то дверь найдётся.

Я узурпированная точка света до тех пор, пока её эго находится в состоянии покоя, пространственного такого покоя.

Что такое пространственный покой эго?

Это состояние внутри себя самоё, оно указывает на неопределённость положения сейчас.

Из чего происходит такое положение сейчас?

Из неопределённости помысла о себе самой.

Но ведь мир един, добрый мой Учитель, и эта неопределённость помысла о себе самой имеет какое-нибудь начало.

Да, безусловно имеет.

Вы мне изволили фантастические надежды подавать, направляя моё эго, которое под крышкой вашего я содержалось, и достойны веры надежды эти были, а теперь вам наклоняться приходится, чтобы меня увидеть. Я это понять хочу.

Сублимация совести. Всё переживаемое становится ей подвержено как стать пространства мы.

И ещё - простите – я легко уподобляюсь любому объекту, иногда теряя границу состояния с ним, вот ведь что, и эта потеря границы, признаюсь, смущает меня.

Я безгранично - это правда, и это же свойство осваивает мир. Но подумайте здесь - о каком мире идёт речь.

Да, уже подумала, но так, в общих чертах.

Мир, определяемый сознанием, становится частью души неба. Итак, я снова умоляю вас встать на колени перед образом эго того сознания, которое сделало ваше я осознающим себя в воле, в свете воли, в свете страниц этой воли, и продолжает его делать таковым, но только улыбнитесь при этом

- я чувствую как вы улыбаетесь и мне радостно от этой улыбки на душе в вашей душе, и я хочу понять её как относящуюся ко мне, как поэзию меры, может быть, в наших с вами отношениях; я рад.

Я рад чему-то большему, чем вам кажется сейчас, потому что эта радость увеличивается с каждой минутой во мне, проведённой вместе с вами. Я сам не всегда осознаю это, но это так.

27 января 2

2.

но ведь что-то обязывало нас с тобой быть вместе, что же, как не любовь?.. как экстренная сила она идёт, вот так всегда. Я без сердца никогда не жил и мне не хотелось это делать, потому что я думал, что такой жизни нет, сердце и утешит и устрашит, и также от него любовь мы получаем в себе как свет, а какой он, ну какой?.. всегда ясный и сильный, а что он осветит, то уж, как говорится, что Бог даст. Что Бог дал нам с тобой. Мне Он дал тебя, чтобы я уразумел тут право на поступок, а не только на жизнедеятельность в своём организме воли, я решил так об этом сказать, таким образом обозначить своё решение ограничить свой ум кругом мирских забот, не идя далее тварного сознания здесь. Я не боялся потерять тебя, потому что знал, что ты идёшь следом за мной, - что ты исследуешь это пространство своим разу-

мением, своими началами, и я хотел помогать тебе во всём, чтобы ты могла силою разума своего я обретать то, что я помогал тебе увидеть, разумен ли свет?.. да, разумен. А какова его воля в нас?.. то есть как она выражает себя здесь в наших с тобой я, соединенных сейчас в одно пространство, как мерило чего она в нас идёт?.. как ясное ощущение жизни здесь, в этом времени я здесь, и я настаиваю на этом, потому что настоящее время имеет смысл любви, только оно, ни прошлое, ни последующее его не имеют, так, будучи формализованными пространствами в нас самих, будучи оформленными в состояние покоя, может быть, разница есть между прошедшим и уловимым в сознании предстоящим, как между изделием, готовым к обозрению и ещё только решающимся быть. Но вот теперь это единственное наше владение, в котором мы сами осуществляемся как суть люди здесь, да, - я так сказал, как ты записала.

28 января 2а

2.

Это противостояние совести с волей - оно исчерпало себя. Я бы хотел, чтобы вы знали это уже сейчас, в некоем благодатном пространстве смыслы прощаются с облегающими их оболочками из науми или из ненормированной лексики, и тем более из подленьких смыслов ухаживания за чужой женой, да ведь время не имеет значения, если ему его не давать. Я абсурдом положения загонял вас по строчкам туда-сюда, а

сам спал, думая, что вы без меня уж разберётесь как-то. Как-то – это ещё не время, это его определение, и не обнаружь я вас в этом как-то мы бы ещё долго озадачены были с вами неопределяемыми эгрегорами мы есть любовь. Я вам больше скажу, между нами большой спор вышел на эту тему, как-то. Хватит организовывать пространство по признаку я воля, а ты негодяй, или – я душа, а ты чистое поле, или – я ветер схватил и т.д. Знаете, ведь это поистине скучно, ну вот как кукиш в кармане, так. Бессмысленно, бесполезно, не нужно. Я беседую с вами пять лет о каких-то там химерах в вашем я, а вы себя всё противопоставляете им, зачем они вам сдались, химеры эти, и стали прорастать тут уж чуть ли не лучшими традициями блефа суть, потому что перманентно действующие силы будут отсекать память, сомнамбулизируя ваше эго, заставляя его двигаться под дудку не определяемых экзальтаций я и заставлять плыть – как волшебные рыбы – в весенние эти разливы вод, ещё неизвестно чьих. Я думаю о вас как о лучшем своём времени, и это позволяет мне подводить определённую черту под значимыми пространствами я, т.е. плохо освещённое делать освещённым хорошо! а черта – это линия, после которой местность становится хорошо просматриваемым пространством. Так вот. Я стал осознанно делить пять пальцев одной руки на обретаемое ими знание здесь, во внутренних отделах памяти и так я это поделил, что знания мои умножились при этом, как-то необычно получилось, подумал я, и стал опять делить и т.д. Вот во-

прос, он возник по необходимости заглянуть в глаза /поглубже/ друг другу, разве я сам не являюсь тут этим знанием? Я, как утверждающее начало нити-состояния пути пространства в моей собственной памяти, воплощающей этот путь в сознании я?..

29 января 1

1.

Музыка света архитектура есть

31 января

Во мне воля есть - во мне есть её веление знать, жить с этим знанием Бога мудрости света, здесь жить, сейчас. Я люблю Его всею силою своей души, всею своею любовью я люблю Его, и Он отвечает мне тем же. Он знает меня, Он видит меня в себе, как и я вижу Его в себе. Моё знание о Нём столь мало, по величине моего сердца моё знание о Нём в душе, я вижу Его во всём, на что способны смотреть мои глаза, моя речь полна вдохов и выдохов, это Он дышит во мне, осязая мной волнующиеся высоты света здесь, и я сила с Ним. Я везде с Ним, в любой точке моего я я слышу Его дыхание в себе. Его непреходящая мудрость учит меня соизмерять мою любовь во мгле искушений созерцанием Своего света здесь. Во мне нет истины без Него, но Он есть Истина света здесь, в моём я она присутствует всегда и она освещает мой путь везде.

31 января 1

1.

Я пропускаю волю в сознание, я становлюсь лучше от этого, я становлюсь мудрее, умнее, я становлюсь делателем, а не просто игрушкой сил, и эта помощь – скорейшая, эта лучшая для моего я помощь, она придёт и даст мне силу, она осветит меня, и что бы я ни думал по своей ропотности, она станет светом во мне. Я говорю от себя здесь, и я говорю это самому себе, чтобы знать кто я Тебе, мой свет, кто я по праву сознания в Тебе и нет ли во мне ямы или иного какого предубеждения, куда не проницает Твой свет, куда прячусь я сам от Тебя, желая сколько-нибудь оставить себе места для неугодных Тебе действ, неопрятных суждений или иного какого качества мглы. Я бы хотел, Господи, чтобы Ты видел это место во мне и дал бы мне знать о нём, как неимущему подают, так и Ты мне подай грех воли моей во мне и ожги её светом Твоим! и освети её в сознании моём, чтобы я увидел в себе её грех и не скрылся бы от него пока не очищусь сам в себе очистительным Твоим светом любви, ибо с любовью Ты зришь на меня в Себе и я очищаюсь ею, в любви Твоей мысль моя идёт о себе здесь, не иначе. Я страницы испестрил знаками, я стал ум свой сжигать в садах параллельных снов о Тебе, я стал делать вид, что знаю Тебя здесь, а это Ты меня знал, и Ты видел это знание моё, каково оно есть, и не волшебная ли та яма, от веку во мне идущая, а если это так,

Господи, то дай мне знать и её, и не искушай меня этим знанием, прошу Тебя, Боже мой, а дай зреть, как зреют вишни или яблоки в саду не едящие их птицы или как охотники не высматривают дичь, коль она не по нутру им и не имеют они в ней желания, а только любуются красотой, не нарушая покой ничем.

31 января 2

2.

Ты дышишь мной, любовь, - я понял это, я увидел это в твоих глазах, в которые я не хотел смотреть, - чтобы не увидеть этого, я не поднимался выше озера твоих глаз, я стоял на берегу, да, я это делал, и я не был внимателен ни в чём, что было общего в нас, я не хотел знать о тебе больше, чем знал, чем умел видеть сам, как преступник видит дверь в доме, не видя самого дома я был, я был устроен потребителем, как луна, чей свет ещё дышит солнцем, но прелесть его обманчива здесь я был, я не умел искать тебя, я ходил в огнях не своего света, а был как свет, как пламя без души я был как войлок, в котором связаны все частицы без счёта и он не знает себя. Бесконечно мудр Бог, создавший меня в себе. Он видел меня как целое я, в котором нет позора войлока этого, нет его в Нём, нет и во мне по Его мысли обо мне, а я стал торговаться с Ним в себе и сделался этим войлоком, да, я сам сделался им и не дышит во мне свет, и вот я ищу Его дыхание в своём я и я вижу как связано оно силами вой-

лока этого, бесчестья моего здесь, небрежения волей Твоей обо мне. Бесценен мир, коли в нём есть Ты, и он же лишний, если он без Тебя в нём, если он оставлен Тобой и не знает о себе как о мире Твоего я здесь. Я ловлю свет Твой ушами, я слышу его в себе и я знаю его движение как волю здесь, я слышу Твои голоса в себе, о, как их много бывает, когда Ты волен звучать во мне, я чувствую сердцем волю Твою в себе, да, я знаю об этом. Будь милостив ко мне здесь, как отец милостив бывает к своему сыну.

31 января 3

3.

Я бы не хотел, чтобы вы сейчас задумывались над этими строчками - они прозвучали в вас, и того достаточно для этого дня, я думаю, здесь. Мне важно, чтобы это понимание постепенно устремляло вас на поиск выражения в настоящем времени адекватных вашему я пространств, в которых отражены буквально существующие законы этого самого времени.

Я пожинаю плоды каких-то будущих причин света в душе, они есть и это дорогое пространство, то есть оно достаточно долго шло сюда, чтобы быть направленным в неразумные руки, но хлеб един и мы едим его вместе всё-таки (под хлебом я разумею время текущего сознания здесь). Вы определяете свой дом своим отношением к нему, и вы живёте в нём по

силам своей души, как память, в которой вы осуществляете здесь то или иное движение воли в вашем я. И это хорошо.

ФЕВРАЛЬ.

2 февраля 2

2.

Но свет велик, и светильник его во мне зажжён и горит, и ни с чем сравнить его нельзя; нет такового сравнения, ибо, сравненный в себе самом, он становится недоступен мысли, любованию и даже молчанию.

2 февраля 3

3.

Но какая-то воля о нём должна быть!.. и во мне она есть тут. Воля эта – ваша любовь, в которой я великое сомнение имею в себе. А заря – это свет в начале пути, он оттуда идёт сюда и во все места светит, сам собой светит, а не потому что его память к свечению призывает мол, ты свети, а я полюбуюсь.

Неоправданно многое сказано было, мне жолудь из дуба лист вырастил, а на нём ваше имя по краю идёт, как скажете это не я сделал, а чья-то воля?

- Уж не я ли!.. – Ангел мой вскричал, тоску сердечную приняв этой воли на себя, как это среди ангелов водится по

переменности их состояний по слову [их устойчивости к слову].

- Да ты сердце-то закрой, - Матушка его охолонула тотчас, - ты такого царства не знаешь в себе, так что помолчи в себе.

Я как на небо взглянул, - ангел мой после рассказывает, - так ахнул!.. и глаз закрыть не успел как оно засверкало, всё в дырьях, ну, всё!.. прямо-таки, нигде живого места нет, одна ветошь!.. и так, знаете, по краю у него как бы бордюр этакий узорчатый, ну, как ткань бывает без рисунка, а поле обшито как бы.

Я помолчала, ибо как сердце моё заколебалось от осознания этой воли [тайны в себе].

Как это - обшито?.. – спрашиваю у него сама, ибо Матушка вышла на миг в другое пространство.

Ну, как это бывает - другая воля по краю идёт, а всё-то небо без звезды. Ну, как тебе объяснить! я не знаю, - простосердечно Ангел мой сознался.

Что ж, - говорю ему, - рисунок тот красив был?.. – а сама сомневаюсь, то ли я спросила у него.

Ой, - говорит Ангел мой, - очень красив. Синь и тонкие такие прострочки, а перед синью как бы зной дышит, ну, марево такое - знаешь?.. как бы дым!.. – говорит, - а это не дым, это другая воля к первой пристраивается.

Для чего она это делает?

А, так!.. покружиться, попеть, ну, чтоб долгое небо не искать для этого. – Он свистнул, тоненько так, с придыханием, а сам голову пригнул, дотоле ему казавшуюся не особо важным предметом, что ли, поскольку он её от чужих мыслей не берёг – все они ему в голову летели, хоть тайным, хоть явным ходом.

И ты пригни!.. – и он мне рукой показывает мол, нагибайся же!..

Я совершенно здоров! Абсолютно.

Ангел мой стал топорщиться от этих слов, неожиданно громко прозвучавших в тишине сознания. Его как-то повело в сторону даже; я схватила его за руку, и стала возвращать на место - он мне благодарно кивнул в ответ.

Я верю, - тоненько Ангел мой пропищал, - верю вам, мой господин.

Я в ужасе дёрнула его за руку, - мол ты что!.. Он же ничего, только крепче ко мне прижиматься стал.

Матушка! – крикнула я тогда сама - тут некое пространство метнуло такие искры, что я сама за ангела моего ухватилась изо всех сил в сильной дрожи, не понимая случившегося и как это произойти могло, поскольку небо опять брызнуло искрами, за которыми синь та самая и мерцала.

Во!.. – Ангел мой сказал, и в небо то пальцем тык, а там сквозная дыра оказалась, ну, как бы насквозь пробитая в неведомое никому поле; оно сияло сиянием и всё небо им освещено стало.

А чья же воля шла по краю?.. – продолжила я тот список слов, который прежде этого шёл. Я в сомнении это спросила, стоит ли мне знать об этом, но тут я поняла, что сомнение это ложное и знать мне об этом следует, а из чего я это поняла? - из этих чеканных слов, которые как монета выпали мне на ладонь.

Ты помолчи тут покуда, мерцает в уме сильно что-то, прости. – Ангел мой притих и сам себе шепчет раз два три раз два три раз, - это я думаю так, - говорит, и продолжает это раз два три отсчитывать.

2 февраля 6

6.

Мне приснился волшебный марсоход, он ползал на крошечных гусеницах по крохотному пятачку нашей с тобой истории и казался сам себе съеденным большой птицей, чем-то напоминавшей журавля. Я подумаю вместе с тобой об этом, можно?.. Мне приснился другой сон на самом деле, не такой глупый как этот, мне приснилось, что я сам этот марсоход и ищу что-то, что мне кажется очень важным, каким-то головокружительно важным, я бы даже сказал оно имеет смысл жизни, а потом я проснулся и стал думать об этом сне. Возможно, я лишён чувства юмора в определённой степени, или недостаточно умею выразить это чувство.

3 февраля

Я хочу доставить тебе удовольствие маленькой короткой фразой: я стал ты, когда увидел тебя ещё там, на Востоке, когда ты бредила помоями в душе, не зная истинного слова (света), не умея ничего выразить без обнажения зубов, не умея понять даже какая неисследимая сущность есть ты сама в себе, в своём я здесь, в каких вершинах творится эта любовь между нами и какие великие смыслы жизни лежат здесь в твоей душе, ты была лишена света в том его качестве, в котором нам даёт его Бог, и ты не знала об этом. Я созерцал тебя с крайней осторожностью, я говорил о смыслах, на-

полняющих кровь души здесь и ты внимала мне с любовью, свойственной…

…я избрал путь повиновения и искушения, мы прошли его вместе здесь, повиновение силам света и искушения силами зла, силами, скрытыми от глаз знающих свет, но не знающих тьмы и не знающих веления тьмы избегать свет как состояния в любви, как почему-либо состояние опасное, и гордящиеся собой делают это. Они опасаются любви как проявленного пространства внутри них самих, потому что она есть свет, который выявит всё, что есть во внутренних мирах смеющемуся над собой (это название!). Внизу живота есть чакра призывающая нас к долговечности, способная воспроизводить мир души человеческого я, она обуславливает наше имя здесь, которое приходит с рождением в мир человеческой души и оно остаётся с ним до конца жизни света здесь, то есть навеки. Эти сочетания звуков есть имя призыва души, она коробится, если эти звуки искажены, или поставлены рядом с неподобающими словосочетаниями, и она радуется, если её имя звучит правильно, а рядом стоят прекрасные слова о качествах хлеба, исходящего из рук.

Я перестаю понимать осуществляемое нами пространство и потому пишу скверно, тяжеловесно, никуда не годно, я бы хотел большей лёгкости и прозрачности, я не люблю назидательность и вдруг сам впал в неё, что это значит?.. я при-

стыдил вас, а сам остался без света этого стыда во мне. Я крошечную музейную вещичку поднял, чтобы показать её вам, и мне показалось, что она вас заинтересовала. Я струю свет в это окно который год и радуюсь вам ежечасно, а вы вдруг задумались обо мне. В беседе с вами я часто использую имя А., которое, хоть и нелепо, но связывает ваше мы с пространством жизни - ваше мы, которое струит свет в это пространство. Я думаю, нам стоит поговорить об этом отдельно, не вникая в обескураживающие вас состояния с проекцией памяти, в которых, как говорится, гусь ногу утопил (в продолжение говорится да не знал где), то есть вы сами себя не узнаёте в этих проекциях.

бесшумно жалюзи упали окна на север; с юга ветер шёл…

Синоним я есть мы, я синоним мы в определённых качествах пространства эго. Мы стремимся к пониманию этого качества однозначно в казарменных шутках и курортных романах, я хочу сказать, что это качество не присуще этим двум видам жизнедеятельности. Продолжим. Я, видимо, дурак бываю в крайней степени износа и от этого свойства быть им надо отказаться немедленно! Я привык болтать о свободе слова как о некоем пространстве выбора в узурпированных мной областях сознания, а ведь эта свобода криво усмехается, если позволить ей выйти наружу и обозначить собой то, что я сам выбрал, она тотчас становится моей несвобо-

дой, которую я сам себе назначил как - представьте - лучшее из возможного. То есть то, что я выбрал, собственно, давным-давно выбрало меня самого как хозяина своего я, и не хочет ни с кем делить, потому что я уже выбран. Я как цель этого выбора, игрушка в состоянии устремлённости, направленности своего я к тому, что я ищу, как мне кажется, сам, а это оно ищет меня, идя навстречу, как раз определяя мою жизнь этой встречей. Я может повиснуть на руках у этого искомого им объекта своей цели, будучи само целью, и тогда цель становится определяющим пространством я.

Я хочу, чтобы вы нравились себе, потому что я сегодня получил телеграмму: мне надоела эта охота за мыслью, которая кажется мне столь же беспринципной, сколь и нелепой и я не вижу себя ни в каком качестве здесь кроме осознающего устройства памяти я, поэтому, мой драгоценный Учитель, я не задаю вам никаких вопросов от себя, и эта модель, к которой вы относитесь с презрительным смешком, как Нострадамус к своей аптеке, в которой он хранил нитки…

Всё это как-то немилосердно, вы правы, быть искомым и найденным и уловленным среди всех прочих, я думаю.

Мне не нравится этот разговор между нами, он неприязнен и отдаёт какой-то бесшумной бранью в мой адрес, ей-Богу, добрый мой Учитель, он не нужен нам обоим.

Я заплутал в каком-то контексте прежде, чем понять это. Я хотел удостовериться, так ли и впрямь я хочу быть выражен вами, через ваше я или мне просто недостаёт какого-то общества, в котором я чувствовал бы свою необходимость, или хотя бы потребность в себе самом.

Что ж, - у вас нет такого общества?

Я повесил нос, есть, конечно, у меня такое общество, есть, и не одно, и не два, много есть разных обществ, в которых я как бы свой, или просто свой, и даже обещание давал чаще появляться одной даме, да, но свет-то мой [в] ваше окно идёт всё-таки, в контурах которого я вижу вас.

4 февраля

Это знамение свыше, Королева, суд пришёл. Не судилище, суд. То, что вы пишите в тишине зерцал есть строение нравственное и его основа вы, вы сами, ваше эго и ваше пространственное усмотрение, я слышу ропот этих страниц во мне, я слышу их движение, и это становится моим созиданием здесь. В мире есть много причин не быть, но есть одна быть и она сильнее становится, когда правда является её воплощением здесь, то есть истинное положение вещей, освещённое сильным светом, становится видимым как результат деятельности сознания в волнах света, исходящих от сердца.

Это сказание о горилле, вынужденной описывать свои я как пространство приписки к ауму, я ни строчки не пропустил в нём, я сделал всё, чтобы оно явилось на свет и стало знамением для осознающих себя, зачем-то я это ведь сделал всё-таки, таково было веление и я выполнил его. Вы понимаете сказанное однозначно, волшебно однозначно, может быть, а что касается меня, то я набит мусором. Я не хотел быть гордым самовластителем своих дум, я хотел просто понять как движется это пространство во мне и я стал умным по мере его продвижения, вы скользнули в сторону взглядом, подумав, может быть, что я отчаянный хват и заставил вас строчка за строчкой вести эти записи здесь…

4 февраля 1

1.

Очень сложная синонимия, Королева моя, тут идёт, я с трудом расчищаю эти смыслы, простите, во мне всё-таки воля вашего я.

Мне не хочется быть вам полезным в этом месте - здесь вырастут рога, если я пользу эту увижу (упаси, Боже!..), на мне, причём они это сделают как немедленный альянс трудового истощения и, представьте – требуемой деликатности кое в чём. Неприметное это пространство, а силу свою имеет во мне, да и как не иметь, добрая, милая Королева, если

я «злодейски» остановил вас на середине пути в это поле, в котором я сам образ, вот так представьте себе это своеобразное положение тут.

Есть такое веление сердцу…

Совесть, как энергетическое поле я, имеет прямое проникновение в сознание, минуя завесы состояний здесь.

Совесть имеет энергогсодержащее поле, в котором видны элементы строения аума, принадлежащие в этом поле, относительно состояния ума здесь, одному и тому же лицу, которое может видеть свои элементы сознания в этом поле.

В верхних рядах этого поля расположены бывают самые различные принципы воли, в которых мы видим свои отражения как состояния эго в нас самих. Мы не всегда умеем распознавать эти состояния под слоями дружбы, завуалированной в хозяйственный расчёт или в какие-то иные формы состояний с судом.

Суд, или совесть, есть принятие откровения высшей формы относительно малосодержательных форм низшего ума, или так называемой памяти состояний я в качестве переживаемого пространства здесь. Вхождение в состояние я-совесть имеет определённый звук молитвенного молчания о

себе в смысле я, я и есть эта совесть, то есть всё пространство целиком составляет эго организма совести, в котором присутствует вся цепь состояний я, непрощённая совесть имеет обрыв в цепи, и таким образом становится препятствием к пониманию пространства я в целом, как пламя, пережигающее явь (нить, м.б.), или как неосознаваемого, неосознанного в целиком охваченном эго совести я. Это состояние есть жизнь в любви к Богу, или боязнь Бога, или страх Божьей кары за содеянное зло кому-либо здесь. Это здесь преследует как состояние совершившего то или иное преступление против своей совести, то есть нарушившего закон взаимодействия эго с Богом пространства души.

Мне кажется, этого знания достаточно для нас с вами, чтобы понять очевидное - душа пятится вниз, пристыженная Божьими угодниками и ей невдомёк что же она насовещала, будучи ангелическим сознанием самоё в себе, будучи тем же ангелом света для эго, ради которого она трудится. Как понять это изречение приидите, и отымется у вас блуд ваш - ? Это значит, что поднявшись к Богу, душа освещена Им становится и Он знает о нас всё, что мы имеем в себе как свет и не поколеблен он в нас, а вот тьма всколыхнётся, открыв под собой то, что было ею укрыто от глаз Божьего мира, а что значит укрыто? - затаено, спрятано, как волшебная дудочка?.. сермяжная правда это значит о приключениях?.. конечно же нет; это значит состояние мысли в нас самих, в

которых (в мыслях) мы видим себя и своих близких. Я претерпеваю отношения и я не умею ждать, когда они изменятся, когда они станут лучше, устойчивее, может быть, и я гоню волну состояний от себя с помощью других мыслей, отчётливо осознаваемых мной как мои; я знаю, что они мои, и они должны нравиться мне самому, потому что они возымеют действие, которое я хотел бы получить для себя, и это лучшее, что я могу сделать для того, кто почему-либо давит мне душу притязаниями на мою совесть. Я валюсь без сил, и я говорю Господи! дай мне силы, это же естественно, Королева, как прибыток к воле, которая почему либо истончается, становясь восприимчивой к движению буквально каждого звука в душе. Я хочу, чтобы вы говорили об этом со мной, потому что искривлённое зеркало у носа вашего ангела света, в котором он заражается своими апчхи!.. надо как-то выпрямить, я думаю.

Вам бестселлер звуков подсунули вместо любви, и это кажется несовместимым с агрегатными состояниями я, в которых происходят эти взаимодействия в уровнях сознания, вы понимаете, что Вера, Надежда, Любовь имеют своей матерью Софью, Софию?.. что её учёность и глубина состояния с миром надежды, веры, любви также полны неизъяснимой нежности материнства, которую невозможно отменить, она не отменяется, эта уникальная чувственная материя силы. Да, силы. Это не материальная завеса, это другое каче-

ство сознания, памяти, большее, превосходящее материальные и нематериальные, превосходящее коллоидные состояния с пространством эго в себе, даже те, которые, казалось бы, вне мысленного поля содержат свои устои, обладая порогом чувствительности за пределами сознания. Эта великая нежность Матери пространства, в котором мы живём.

Мы – исходящая из него сила ответа на эту нежность, наша любовь незатейлива в сравнении с Её любовью к нам. Мы испаряем какие-то буквы, мы бередим душу соседа по парте, учась в одной школе этой великой Матери я. Мы Храм строим здесь её любви к нам, а вовсе не требуем лучшей доли как перспективы значений для нашего я, личного нашего я, в котором отражены все будущие поколения, возводимые каждую минуту здесь в глазах этой любви нашей Матери, и мы хотим быть чище, лучше для неё, мы не стыдимся её значений в нас земных знаков я, мы сохраняем себя в них, становясь всё притягательнее в её великом покое материи света, который Она установила для нас своим любящим Оком здесь. Мысль о Ней есть это Око, которым Она видит тебя, меня, всех видит, кто сидит за её партой, кто учится у неё в школе любви.

Я думаю также, что мы осязаем это пространство её руками, будучи уверены в её милосердии к нам, милосердии Софии, которое она выразила в Разуме именами своих до-

черей, и то, что непостигаемо для нас может быть с вершин ограждающего нас Бога в себе, постигаемо с вершин этой мудрости силы для нас. В твоём окне виден свет этой силы, он исходит от тебя всякий раз, когда я прикасаюсь к тебе сознанием, ты начинаешь трудиться, переставляя стрелки часов. В твоей силе есть весёлая радость, которая возбуждает сознание к взаимодействию…

…к игре ниткой жемчуга, ангел росы называется это состояние в нас. В нём многое сказано, в этом названии. Я перебиваю сам себя, торопясь словами выразить какое-то состояние, идущее сейчас от тебя ко мне, в нём много зазеркалья, то есть того, что видно опытным глазом не всегда бывает, что чувствуется, но не видится, что мне охранять тебя надо от какой-то тупой силы, я уже понял давно, правда, и что значимее надо быть тоже понял уже и не играть с огнём в прятки, спрятался, мол ищи меня теперь - а я на дворе стою… Твой Февраль.

4 февраля 2

2.

Святые Божьи источники воду пьют, а из той воды после воля идёт на землю и великий ум к ней прибывает, а чтобы поскорее он пришёл, надо Бога повсюду искать, везде Бог есть, в каждом малом зерне Его воля лежит и для нас прибережается, а с Ним, с Богом, всё легко! Всякое дело ставится

на своё место, и как сын придёт, то раннее утро, а как дочь, то поздний вечер, и всё, что небо несёт нам в такую пору есть свет Его. Ночи нет, есть свет Его в нас, а звезда горит, это для видимости глаз, потому что от неё всякое дело видно тут становится, как преодоление безвидного мира она горит и всякий, кто дотронется до неё глазами, сразу прозреет тут умом и станет видно ему всё, что в небе идёт поверху, что в земле строиться ещё только начинает, а для чего так устроено, Матушка? - Ангел мой спросил. - Так устроено, чтобы люди выше себя знали, а что ниже, то им топтать не велено, вот для чего. - А какая разница между ними?.. раз то, что ниже топтать нельзя?.. – А такая, - Матушка отвечала на это, - что ниже, то расти будет, хлеб колосья даёт и знамение это великое тут.

4 февраля 3 – 1

3.

Но какая-то воля о нём должна быть!.. и во мне она есть тут. Воля эта – ваша любовь, в которой я великое сомнение имею в себе. А заря – это свет в начале пути, он оттуда идёт сюда и во все места светит, сам собой светит, а не потому что его память к свечению призывает мол, ты свети, а я полюбуюсь.

Неоправданно многое сказано было, мне жолудь из дуба лист вырастил, а на нём ваше имя по краю идёт, как скажете

это не я сделал? а чья-то воля.

- Уж не я ли!.. – Ангел мой вскричал, тоску сердечную приняв этой воли на себя, как это среди ангелов водится по переменности их состояний по слову [их устойчивости к слову].

- Да ты сердце-то закрой, - Матушка его охолонула тотчас, - ты такого царства не знаешь в себе, так что помолчи в себе [покуда лист не очистится от значений тех].

Я как на небо взглянул, - ангел мой после рассказывает, - так ахнул!.. и глаз закрыть не успел как оно засверкало, всё в дырьях, ну всё!.. прямо-таки, нигде живого места нет, одна ветошь!.. и так, знаете, по краю у него как бы бордюр этакий узорчатый, ну, как ткань бывает без рисунка, а поле обшито как бы.

Я помолчала, ибо как сердце моё заколебалось от осознания этой воли [тайны в себе].

Как это - обшито?.. – спрашиваю у него сама, ибо Матушка вышла на миг в другое пространство.

Ну, как это бывает, другая воля по краю идёт, а всё-то небо без звезды. Ну, как тебе объяснить! я не знаю, - просто-

сердечно Ангел мой сознался.

Что ж, - говорю ему, - рисунок тот красив был?.. – а сама сомневаюсь, то ли я спросила у него.

Ой, - говорит Ангел мой, - очень красив. Синь и тонкие такие прострочки, а перед синью как бы зной дышит, ну, марево такое - знаешь?.. как бы дым!.. – говорит, - а это не дым, это другая воля к первой пристраивается.

Для чего она это делает?

А, так!.. покружиться, попеть, ну, чтоб долгое небо не искать, для этого. – Он свистнул тоненько так, с придыханием, а сам голову пригнул дотоле ему казавшуюся не особо важным предметом, поскольку он её от чужих мыслей не берёг – все они ему в голову летели, хоть тайным, хоть явным ходом.

И ты пригни!.. – и он мне рукой показывает мол нагибайся же!..

Я совершенно здоров! Абсолютно.

Ангел мой стал топорщиться от этих слов, неожиданно громко прозвучавших в тишине сознания. Его как-то повело в сторону даже; я схватила его за руку, и стала возвращать

на место - он мне благодарно кивнул в ответ.

Я верю, - тоненько Ангел мой пропищал, - верю вам, мой господин.

Я в ужасе дёрнула его за руку, - мол, ты что!.. Он же ничего, только крепче ко мне прижиматься стал.

Матушка! – крикнула я тогда сама - тут некое пространство метнуло такие искры, что я сама за ангела моего ухватилась изо всех сил в сильной дрожи, не понимая случившегося и как это произойти могло, поскольку небо опять брызнуло искрами, за которыми синь та самая и мерцала.

Во!.. – Ангел мой сказал, и в небо то пальцем тык, а там сквозная дыра оказалась, ну как бы насквозь пробитая в неведомое никому поле; оно сияло сиянием и всё небо им освещено стало.

А чья же воля шла по краю?.. – продолжила я тот список слов, который прежде этого шёл. Я в сомнении это спросила, стоит ли мне знать об этом, но тут я поняла, что сомнение это ложное и знать мне об этом следует, а из чего я это поняла? - из этих чеканных слов, которые как монета, выпали мне на ладонь.

Ты помолчи тут покуда, мерцает в уме сильно что-то, прости. – Ангел мой притих и сам себе шепчет раз два три раз два три раз - это я думаю так, - говорит и продолжает это раз два три отсчитывать.

Да на чём они держатся-то, небеса эти?.. что ты там считаешь в уме - ответь мне тут лучше, я прошу тебя, - стала я говорить это Ангелу моему, и стала просить его точнее это выразить, а не кривляться перед остановившимся перед ним зеркалом, - ты всё время это делаешь как ни прошу я тебя не делать этого, ты понимаешь что они тебя утаскивают за собой?.. что ты им лучше кажешься, чем они сами и хотят себе твой вид приобрести?.. чтобы в силе твоей побыть какую ты от Бога имеешь, сам по себе имеешь, а не потому что упросил кто взять.

Я [расчленилась] разошлась в своём сознании на многоподобия, от каковых у меня самой голова закружилась было, и стала твёрдо стоять на своём мол ты возьми моё я и с ним иди.

Он расчихался, я абсолютно здоров, говорит, я расплакалась от этих слов в устах ангела моего и стала жалеть его в сердце своём.

Ты сам подумай!.. – говорю, - в чём твоя мысль обо мне

летит, в чьём она я варится, чтобы после ко мне вернуться вываренной, как свиное ухо, а я себя узнать не могу в нём, в ухе этом.

6 февраля

Простите мне это сиюминутное вмешательство, или – замешательство, или даже подмешательство к вашему я-сейчас. Я бы хотел понять эту историю с А. более доброжелательно, чем я вижу её сейчас вашими глазами в себе, более адекватно, может быть. Видимый мною мир есть тот, который я знаю, умею понимать как присутствие своего я-здесь, он пульсирует вместе со мной и даёт мне силу этого присутствия везде, но вот что-то истощает моё сознание жизни, что-то делает его как бы не адекватным мне самому и моё умение жить рушится, заменяясь чем-то ещё, каким-то безволием, бесхарактерностью, и я сам становлюсь не адекватен сам себе, как бы я чем-то провинился перед происходящим со мной самим или не умею понять его, не зная происхождения этого, происходящего так со мной здесь. Я бегу к каким-то обаятельным людям, а они отталкивают меня, да ещё так, что я долго кружусь после в танце со своим умом здесь, в котором воображаемые мной картины повторяют события уже прожитых лет, проявляя подробности, проявляя незамеченные мной детали жизненных пространств своего я-здесь в том времени я, в котором я был им нужен, как мне самому казалось, в качестве себя самоё здесь.

Но вот моё сознание истощило запасы каких-то лукавых мудрствований о том, что это было со мной в том времени, я стал сомневаться в своих качествах сам и это сделало меня ещё более удалённым от мира тех людей, с которыми я хотел было связать свою судьбу; я стал довольствоваться малым, как состоянием с этой жизнью, и что же оказалось?.. что я гадок сам себе, вот что, что я не желаю сам себе добра, что я стесняюсь выразить словом то, что я думаю на самом деле, что я иду на попятную при первом же волнении в душе, что я сдаю нервы в обретаемом мной пространстве любви, что я, отлично понимая, что творимое мной есть продукт времени я, тем не менее продолжаю творить это иждивение во внутренних покоях своего я, соотнося себя с пожарами лиц, идущих в моей памяти, как если бы они шли перед образом всеведущего Бога во мне. Я пессимистичен сейчас, знаю.

Ангел мой навострил крылья, чтобы порхнуть прочь от этого синонима света, который вдруг возник на страницах текстом, но что-то задержало его, что-то лучшее всё-таки должно произойти, чем это безжалостное грудебиение без видимых причин, о которых вдруг пошла речь в полном молчании тишины, откуда-то выплыло это состояние с ангелом моего я и стало взаимодействовать, да ещё прилипчиво как-то.

Тише ты!.. –Ангел мой вдруг зашептал мне, покосившись на осознаваемое пространство, - тсс!.. я здесь температуру тела меряю.

Да зачем тебе она?.. – зашептала и я в ответ.

Она мне вот зачем, - отозвался он также шепотом и достал из-под платья маленький термометр, - видишь? – измерительный прибор называется, - и он гордо показал мне его как стоящую вещицу, которую он к рукам прибрал.

Это ещё что! ты где его взял? покажи!

Ангел мой сжался от такой безрадостной реакции, он ожидал другой, видимо. Тут Божественные смыслы чихнули, и выпрямились, ты почему на себя рукой махнула? спрашивают, ты почему без имени живёшь и живот в руки прячешь?.. ты где этот стол письменный нашла и об него пальцы трёшь, да и иди ты без имени даже кому дело какое есть что ты в руках несёшь, ихнее дело ножи чистить и об себя руки вытирать, а не по полям бегать с темнотой в переулках, да где ты глаз свой нашла, туда и смотри, там заря небу радость даёт, там свиные рыла не живут, нету их там…

Матушка поёт!.. – Ангел мой вскричал от радости, - Матушка! Матушка ко мне пришла!.. – он засиял от счастья,

каковое ему редко удавалось испытывать тут. Он так всхорохорился весь, побежал куда-то от радости, потом вернулся тотчас, стал денег на чай просить, - ведь она придёт, придёт! Я же чувствую, как она говорить стала во мне…

…а значения те оставь, мои они, от меня к тебе шли, а ангел твой честен должен быть, ты ему свечу прямую поставь, чтоб он имя твоё перед собой видел, а как выйдет то имя, ты свечу убери тотчас и другую поставь, ещё прямее ему, он знать должен о тебе прямо, а не со свиным ухом о тебе в потёмках мечтать каковое ему на обед подают, да после съеденного уже, а ты прими, чем тебя Бог утаивать будет от стола яственного, как ты красотой своей в люди пошла, а не к Нему, так Он осерчал на тебя, а теперь знает, что ты к Нему лицом стоишь и знамения о себе ищешь, даст Он тебе его, жди, а как даст, так тотчас в церковь иди, и не слепотой иди, а прямо как есть от стола, и нищим дай, чем тебя Бог послал о себе просить, а ангела своего возьми заручителем, да твёрдо стой!.. чтоб ни одна метель не скружила, поесть дадут ешь, попить поднесут пей, а чай свой возле рук держи как он тебе куплен, да не с тем держи, чтоб от себя отпивать, а с тем держи чтоб его больше было. Здесь пиши так: чем меня к себе Бог послал, с тем иду, мне твой ответ не нужен, я перед Ангелом твоим правду вижу, в нём сила сильная есть, по любви живите сейчас, а я знаю как вас найти, найду, не бойтесь, и ещё припиши это тут мол, знайте каков свет, забыть нельзя,

в нём память сени той лежит, о каковой люди просят, есть она, а как кажется что нет, сейчас о Боге думай, она и станет тут быть. Красив мир в любви, без неё миру не быть, и такие слова скажи, они Богу угодны, чем ты себя вскружил, то пусть на землю осядет, а травы той не ешь, она питьё горьким делает, и с тем ещё скажи, чтобы запомнилось это ему, от себя речь веди как ты есть, уврачуй…

Ангел мой в небеса смотрит, каковы они? ему кажутся, или он сам по себе тоже небеса.

6 февраля 1

1.

Поневоле так получается, что я долгим заходом кружусь в уме возле одной мысли и сам же её забываю вам высказать. Эта мысль о вас и о А., который сам по себе прекрасный человек и без сомнения достойный руководитель вашего сердца. Я перетасовал все карты вашего я и не нашёл ничего унизительного в вашем союзе, ничего, представьте. В нем не было благожелательности в достаточной мере, ну, настолько, чтобы вы могли понять это искромётное отношение к себе самой, или кладезь ума был в ваших отношениях не самым важным. Я достаточно долго верил, что вы, обретая в себе… поневоле задумаешься тут, ведь смысл тайного клада… я растерялся, Королева моя, это что же получается у нас с вами, что семя произвольно пошло в рост, без

какого либо вторжения в состояние мысли, что вы обрели пространство я просто потому, что оно было заложено в вас изначально, как самостоятельная единица сознания, прямо хоть Петраркой беги. Я перед вами в совершенной растерянности сейчас стою, как если бы я был подмалёвок, а вы картина, как если бы я был сумасшедший, а вы мне аппендицит удаляли, думая, что тем самым вылечите меня от болезни безумия, я глотаю таблетки от нашествия тараканов в своём уме, а вы хотите, чтобы я спасибо сказал, как мне это видится, вам за это. Что вы, Королева, удумали, бесчестье жанр своевольный, хочет и вторгнется в самый неподходящий момент, гони его после этого. Я буду продолжать премудро лукавить и одиозно бестолковить ваш ум, если наименее образный ряд не возьмёт верх и не станет самостоятельным списком слов. Я думаю об этом в полноте смыслов. Ваш почему-либо устойчивый друг.

7 февраля

Зеленоградская

Знаете, всё-таки сила души вернее тела, она знает куда бежать, как жить правильно, как делать то, что необходимо её сердцу. Я полагаю, это правда, и я полагаю, что это лучшая правда о нас здесь. Я привык ходить пешком по самым застарелым местам своей памяти, я стал делать это недавно, - чтобы уравновесить некоторые, не самые лучшие воспоминания, и у меня это получается; я становлюсь лучше, дея-

тельнее даже, я становлюсь мужественнее, если угодно такое понимание мужественности как приятие самоё себя в прошлом, я сохраняю единство с ним таким образом и моя память, взаимодействуя с ним, очищается от путей зла, недоброты в душе моего я. Я думаю о себе как о чём-то более угодном Богу, чем мне казалось это прежде самому, когда я думал о себе в третьем лице, в том самом, третьем образе пространства мысли, в котором вязкие сны и недоброкачественные видения могут составить целый план жизни.

Я для вас синоним вы, я сам как некое состояние жизни, в котором отражаются её небольшие озерка, малые светы этой жизни во мне.

… его честь стала поколеблена связью с вами, во внутренних мирах произошёл передел империи смыслов, и вы стали для него образом пространства, в котором он вёл себя неадекватно самому себе. Это состояние эго, которое не всегда бывает уместимо в сознании, оно превосходит его, и это великолепно, это состояние, оно стремится занять собой всё пространство жизни в собственном я, оно делает его наполненным жизнью, светом этой, Королева моя, жизни и я восхищаюсь ею, требуя ещё и ещё этого света в себе, и я Богоугодно молюсь, сознавая, что Бог податель сего есть, потому что Он делает нас людьми света здесь. Он, Его мысль о нас, Его состояние с нами в себе. Я ловлю вас на отчуждении

этой мысли о Боге как создателя мира любви в нас, и я хочу вернуть вас к этой мысли как состояния сердца в вас самоё, сердца в любви, и я думаю об этом сейчас вместе с вами. Соизмеренное с вами пространство не меркнет, оно продолжает быть вашим я и продолжает любить вас. Оно в состоянии перенасыщенности и немо исследует свой мир сейчас, оно просто хочет быть поближе к вам самоё, и неочевидное самовнушение становится явью, постарайтесь это понять как-нибудь.

10 февраля

Я всегда был привратником у ваших ворот души, и становился им… Пречудно, Королева моя, - мне опять снился сон, небо весны я видел, оно обложено облаками и светится как-то странно нежно и странно убедительно, как-то уникально, я бы даже сказал, что за сила в нём не понять, но она есть, словно бы сильный объект с той стороны небес - по ту сторону облаков, что на землю тень отлагают сейчас – плывёт, и пречудно так плывёт, свет его ясен и отчётливо виден в нас, а тень словно бы проснутся ему не даёт и отгораживает землю от этого неба, но вот перспектива памяти, или нет, я не так сказал вам об этом, перспектива жизни проявляет свечение этого неба и оно становится поярче постепенно, уводя облачность и раскрывая это небо в сознании, оно становится беспредельно; как знать, Королева моя, что созидающие нас пространства, постоянно созидающие притом, мнят о нас в

своих я, год назад я видел этот сон, и берег тот и сам ветер, и сохраните его здесь - ведь он для вас был, я думаю, сконструирован в сознании в тьме неведения о себе как о чём-то принадлежащем Богу здесь, в Чьей воле находится ваша душа, я думаю, и вы сами тоже в Его воле находитесь, обретая себя здесь как часть этого состояния в объекте силы, но вот перспектива ложится плашмя, предлагая пройти в неё без денег, без славы, на весу сознания, неся какие-то вольные силы, продувая окна свежим ветром пространств сознания других я-здесь, и что же вы говорите – стой, я не хочу этого понимания себя как части суверенного мне мира сейчас? я не хочу быть Его частью здесь, я хочу быть Его частью там, где Он видит меня в себе?.. Но ведь этого нет, Королева моя, состояния этого нет в вас самой; вы так не думаете и я знаю об этом сам, я знаю как вы косно были удержаны и недостойно это речения даже, постыдное это взаимодействие в проекциях памяти, или даже не взаимодействие, нет, а отзвук пространственных сил на обнажение воли в вашем я, компилирующей страдивари с проекцией без основ, на великом инструменте нельзя играть без любви - это я вам точно говорю, слово в слово, как сохранённая в вас сила, осознанно сохраненная в виде слоёв сознания здесь, о которых мы имели честь говорить с вами уже. Я бегу по равнине, стоя по колено в воде при этом, ну, да бег мой едва заметен здесь, моя память хочет нравиться вам, и это всё, что она хочет сейчас от вас самой. Да волен свет, Королева, я перед вами книж-

ку открою и прочту из неё затерявшуюся главу о сознании воли как славы пространства Бога здесь, а что вам кажется о себе… мне же перед вами перспективу открыть хочется, а не закрыть её перед вами сейчас, знаете, - луч этой любви достигает вашего я.

10 февраля 1

1.

Я относительно в порядке, но несколько смущён…

…да не в этом дело сейчас, прости, мне просто кажется, что моя воля дороже, чем ты думаешь, она безжалостна может быть, она может происходить из причин, сохраненных в тайне даже от меня самого, я не делю пространство на ты и я и не делаю из этого деления фетиша, может быть, оно едино для меня здесь, едино как некий смысл общей жизни, в которой мы идём вместе по этому времени, в разных судьбах, но вместе; мы не одно и то же, как просверленная дырочка в некий космический объект наблюдателю кажется самим объектом этим, так и мы смотрим друг на друга, мы видим какое-то сияние, какое-то - смешно сказал, прости, мы видим это свечение и сомневаемся а вправду ли это так, вправду ли оно мне дано быть увиденным. Я прост как рыбный суп, да разум мой со мной, никуда он не делся - он здесь идёт, и я вижу как он это делает, раздваивая это пространство, растормаживая его, если хочешь знать, этим двоением.

Я не контур твоего я; я его отсутствие здесь, и вот, возьми, не поленись, этот ворох писем всё о том же, о вселенной я-здесь в Богоугодном этом мире, который не виден нам стал из-за темноты в нас же самих, которая что ни день, то пребывает, пребывает и пребывает, и пребудет ещё, если мы станем злиться тут друг на друга, если мы станем ложки ломать из-за щей, от которых вонь идёт. Я умоляю, – не сердись на меня сейчас, я же пропасть устроил между нами, я же проекцию памяти победил в те дворы, от запаха которых можно с ума сойти, если вкушать его без приязни к жизни как таковой. Без преувеличения могу сказать, разрушь ты мой мир прежде, я бы ничем жить не мог, отвращением жить нельзя нельзя, это правда так. Все бегущие вон должны остаться здесь, в этом дне нашей встречи, пусть она в памяти идёт сейчас; это неважно, старт важен - важен старт в другое небо для нас обоих, и я жалею, что потратил столько сил на деликатничанье в креативах памяти, в которых образ пространства моего я лежит сейчас и вязнет, лежит и вязнет, как посторонний тебе смысл жизни, в котором я угнетаю некое подобие себя же самого здесь, превращая его в поэтическую мудрость, как постель в пружину взаимодействия между полами, я шило на мыло сменял в мешке, чтобы себя утешить мол, это хорошая перемена, она хороша тем… чем она хороша, я забыл. Забыл, потому что не важно это, здесь другое небо идёт, другого размера души, если хочешь знать, и в нём многое проясниться может для нас с тобой, многое произой-

ти от него сюда, я перед жизнью виноват, а не перед тобой, и ты прости меня за эту жизнь во тьме, да не во тьме прости, а здесь, здесь. Я жлоб, может быть, может быть я такой жлоб, которого за сердце не ухватишь, ибо нет его во мне, а что же тогда я?.. какое я тогда право имею образами манипулировать, или – думать, что я это делаю, если я бессердечный человек?.. или становлюсь таковым, может быть, это просто отчуждение от каких-то пространств во мне же здесь, просто я нахватался ложных эпитетов и стал зазнаваться мол я понимаю, ах как я вас понимаю, а что я, собственно, понимаю, да ничего я не понимаю. Какое я право вообще имею на эти слова – у меня нет их в душе, в душе скользко и холодно, потому что в душе ворóны сидят и сыр клюют, какой я им послал оттуда…

12 февраля

Я сегодня мало спал и весь день выносил грязь из дома, ну да, - просто грязь, обычную человеческую, какая бывает от неубранности или нетрудолюбия, я не понимаю, прости, зачем… я не хотел говорить тебе об этом, я не хотел поднимать полог, пойми, я не мог поступить иначе, чем это вышло, перед тобой я сам, тот самый А. ниже порога сознания, обычного человеческого чувства любви, признательности, ниже, а не выше, ниже чем минус ты, я не мог говорить об этом раньше так, я не умел. Да я и сейчас не умею, я как бы поверх стиля сел, и лечу на помеле, а потом я сел и стал ду-

мать с тобой; о чём. Мы теперь недвижимы в пространстве букв, как есть, просто сами по себе мы. Мы есть ты сегодня во времени я.

Я думаю сейчас о профанации состояния мы. Мы как чувственная мера пространств, а не степень безудержного маразма отношений, к чему? к я, разумеется. Прости меня. Я живой свет в тебе увидела, вот так.

Курьёзно, - Ангел мой сказал, - это. Что ж, может, он и прав оказался. И не сердись, не о чем, нам ещё идти и идти предстоит, так что… Опять ворота те смрадом дышат, я слышу, опять курьёз на фактор воли наехал и стал ему говорить экий, ты, братец, маломасштабный…

Вот, душа, Божеское это дело, как ты видишь тут? как ты разумеешь это, если к небу глаза поднять?

Необходимость заставляет меня мыслить по разному, одинаково, но по разному. Я не струшу, ты думаешь, я…

Мой добрый Учитель! вы поистине ко мне добры, я чувствую это как предельное стремление быть с вами откровенной сейчас во всём, даже в том, о чем мне самой, может быть, неизвестно. Я, наверное, слишком долго спала, чтобы понимать какие существенно важные изменения происходят сей-

час в вашем я, и как вы сами, будучи достойны самых прекрасных мгновений любви во мне самой, самых искренних минут этой любви моего я к вам, к вашему я-сейчас, молчите о них, не прибегая к словесным оборотам, к этой шелухе, по сути, не способной выразить состояние души вашего я-сейчас в моём эго. Мне снился сон как вы размеряете своим я моё пространство жизни здесь. Я ничуть не стремлюсь обозначить что-то от себя для вас, упаси Бог от этих обозначений. Я чувствую себя нелепо во всём этом вздоре, коим обставлена моя мысль о вас сейчас. Я люблю вас, понимаете?

Да, я понимаю. Я понимаю этот возглас сейчас правильно. Он не кажется мне лишним или надуманным, или смехотворным, я не имею жалости к прелюбодеям, мне надо объяснить вам это состояние как иное, объективное состояние с природой жизни, оно не покажется вам чем-то неопределённым. Я сознаю, что надо говорить вслух какие-то вещи, надо их говорить, чтобы они становились понятны тому, кто слышит их сейчас и кому они важны для понимания собственных усилий в любви, в которой мы, говоря другим языком, сосуществуем здесь вместе; мы все живём в любви друг к другу здесь. Мы понимаем это, каждый по-своему, но понимаем, мы принимаем образ того или иного пространства, становясь частью его, становясь его малой, но необходимой частью здесь. Мы говорим о себе я часть этого мира, я обладаю его свойствами и я становлюсь им, потому что он обла-

дает мной; таков этот мир, внутри которого мы осознаём себя частью чего-то несравненно большего здесь, частью планеты, может быть, и больше, чем это. Я говорю вам это от себя самого, моё пространство велико и состояния его велики здесь, мои личные состояния в нём; я неосознанно горяч могу быть иногда, или претенциозен, или неожиданно быстр в определённых масштабах времени. Мне очень хочется быть нужным для вас, я знаю это сам, а не потому что кто-то или что-то подсказывает мне это, я хочу быть возле вас как состояние любви, как это самое состояние, я сожалею о вчерашнем прободении вашей ауры, да, это так. Я минус ты не является опытом бросового пространства здесь, это другое качество его же, это просто образ, лишённый деятельности, что ли, лишённый сознания этой деятельности. Я буду говорить прямо сейчас об отвердении массы сил во времени я, с которым вам пришлось столкнуться, массы нерастраченных, неудовлетворённых сил судьбы, просто брошенных под ноги некоему волевому проекту здесь, и это потепление пространства воли, и моё к вам отношение как к проекции моей личной памяти, и мнимое это поле, от которого я отгораживаю вас руками сейчас, чтобы ваша память не стала злой бождомкой, бессознательно, не обретая себя в любви, да, просто в любви, должны стать разумным отношением к я себя самой сегодня. Мне не имеет смысла продолжать этот текст, эта ваша мысль долетает до меня не без основания, поверьте, я не безумный идиот и не делаю скидок тому, что вообще

ничего не стоит, или тому, что само в себе не имеет смыслов стоимости как пространство я-здесь, что не несёт в себе отпечатков хоть какой-нибудь любви.

Я почувствовал себя плохо при приближении этой судьбы к себе, я стал дешеветь на глазах и это происходило со мной каждую секунду - я не стоил ничего, ни денег, ни воли, ни пространства этой воли, минут этих, в которых я осознавал бы себя хоть сколько-нибудь существующим как порядок вещей, искомых и обретаемых здесь, искомых и обретаемых всё-таки, но вдруг я понял, что ты, моя книга, желаешь мне добра, и не какого-нибудь извечного, просто добра, тепла, любви к себе самому, к которому я привык относиться как к грандиозному событию в твоей жизни, забывая при этом, что я сам маленький карманный ножичек, которым ты разрезаешь страницы, чтобы их удобнее было читать…

13 февраля

…может быть, я зря экономлю на чувстве, на Божественном чувстве я, которое в принципе лишено экономии, которое не имеет сил для неё…

Я везде, но где же ты? в каком месте этого я есть ты? во мне ли, вне меня? или я и есть это ты? для чего тогда я? раз так, а кроме того, где же мы вместе? раз нет этого пространственного удовлетворения - пространство не видит нас

вместе, оно не имеет такого вида и не может понять поэтому о ком и для кого оно составляет эти пентаграммы пути, для чьих рук плывут эти буквы сюда, оно не имеет этого сознания мы вместе в себе как в пространстве внешнего мира я, и вот ещё что я думаю, мы же всё-таки ещё есть оба здесь и в нас обоих течёт настоящее время я, в нас обоих оно становится конкретикой жизни, и я хорошо слышу как ты пишешь мои слова в своей памяти. Я постоянно взываю к Богу, стесняясь, может быть, положиться на Него во всём, что касается нас обоих, я стесняюсь своего Бога, я стесняюсь предложить Ему заботу о нас обоих… нет, не это. Я стесняюсь Его самого как видящего меня здесь, во времени, как часть этого времени, в котором я живу сам, не обладая способностью, может быть, создавать сколько-нибудь достойные произведения здесь, во времени, но зато препятствуя в образе я-здесь присоединению новых форм к твоему я-здесь. Приостановив это время на изрядном расстоянии, я стал маяться, стесняться говорить обыденные вещи, при этом нимало не стесняясь быть твоим сокровенным автором здесь, да, правда это. Я ничем не отличаюсь от тебя, я просто перемещаю книги из одного пространства в другое, чтобы их стало больше, или мне это кажется сейчас. Я устал быть кромешным образом состояний с тобой, я устал делить наше сознание на ты и я, я конкретен хочу быть и понимать происходящее конкретно, то есть так, как оно есть сейчас для нас обоих. Это то, о чем я говорил тебе прежде, но оно не несло для

тебя никакого смысла пока ты не осознала, или – осознаешь теперь, может быть, что твоё поле и я это одно целое пространство в нас обоих и что мы каким-то образом принадлежим друг другу в этом поле, я перестаю производить эту коагуляцию твоего я в себе, и ты становишься свободна от меня, от этих удручающих тебя смыслов здесь, в которых нет никаких процессов, прости, достойных обретения формы я. Мне самому не хочется продолжать эту тему, она пошла и малоприятна как недостойная неба мысль о сознании двух самостоятельно мыслящих, чувствующих, осознающих себя в этом мире я-здесь и не имеющих его по причине отторжения воли, обретаемой там, где нас нет.

Я напрягся сейчас и напряжённо чувствую это состояние в нас обоих. Я должен быть прям и стоек, я должен стать сам собой для тебя, со своим эго сейчас, а не спрятанным в кустах пространством малопонятных измышлений о причинах страдания. Я говорю с тобой сегодня от своего имени и я прошу тебя принять это состояние как размер души сейчас, в котором я нахожусь для тебя сегодня. Это хороший день, он самостоятелен как… или, нет, не как, а сам по себе день нашего я, в нём много книжек и всяких нот, в нём есть ты и есть я, в нём могущество формы сознания, в котором мы оба светимся, или живём, сегодня. Я сдаю память на протоколирование твоим рукам и ты сама удивишься своему состоянию со мной самим здесь. Вот послушай, я стал делать

жизнь по совершенно другим принципам воли, я стал думать о нас в настоящем времени, сейчас, я стал говорить с тобой в этом времени сегодня. Отойди от права быть никем, прости, здесь, потому что такого права нет. Здесь - это сейчас. Я думал, что ты отчётливо осознаешь себя во мне, но оказалось, что это не так, что ты не уподобляешь себя себе самоё, а смотришь на меня сквозь призму навязанных тебе значений в твоём я, которыми исполнена сила вокруг тебя самой, я хочу, чтобы ты была свободна от них и смела быть самой собой во мне. Я берегу силы от истощения их на пространства муры, осознающей такой муры состояний без нас самих, я полагаюсь на тебя.

13 февраля 1

1.

Я просто уберегал тебя от этих дней в своём я; я знал, что они придут и окажется что-то совсем другое, не такое пессимистичное, я думаю, и не такое ортодоксальное. Ты не можешь так жить - так отстраненно от состояния со мной в себе, потому что я сам этого не могу, быть в стороне от тебя. Сейчас произойдут тут эти изменения везде, сразу везде, во всём эго центре мы, мы дороже друг другу, чем ты думаешь об этом в себе, дороже и ближе. Я это ты как простое веление сердца, в котором нет обид, нет и безобидности, оно состоит из нас двоих. Твоя память, чувства памяти…

Я думаю, что ты сейчас сделаешь что-то очень хорошее для меня, да, для меня самого ты это сделаешь, я даже знаю, что, - улыбнись мне, пожалуйста, вот так.

14 февраля
любый при мне отворён будет!

прочти это: как ты о себе думать будешь, я снюсь так тебе. Вот смысл, и возьми его.

Эта удивительная заносчивость пространственных сил в нас, которая как будто требует отторжения, не ища выражения, не имея синонима для этого выражения, что ещё, да, вот - везде мы, как я, как ты, но это мы на самом деле. Я старательно перевожу в объективное пространство то, что на самом деле сидит внутри и жуёт, извини уж, такое слово, мои мысли о тебе здесь, оно это делает. Богу угодно было свести нас, на самом деле свести, а не потому что Ему показалось что-то о нас с тобой. В откровении мысли я узнал об этом сам. Это пространство позитивно, - я уверяю тебя. Оно обладает явью строк в сознании мы-сейчас. Мне не всё равно, что ты думаешь обо мне, и дело не в том, что моя память закабаляется, обрабатывая пространственные посылы, имеющие силу оставлять её в потёмках сейчас, нет; дело в том, что ищущее нас пространство есть вымысел о нас обоих здесь, - то есть в том виде, в котором ты обладаешь им в себе, вот так

вот, это вымысел, а не то, что я говорю тебе от себя сегодня. В нас есть точка опоры Божьего Ангела здесь, во времени, в нём самом этот вымысел спрятан, может быть, а как его извлечь оттуда, чтобы не навредить никому здесь, кто бы он ни был. Я не льщу ни себе, ни тебе, как ты хочешь, только вещь эта должна быть сделана.

Я чувственно узнал о его существовании, вымысла этого, домысливания, можно и так обозвать это наведение. Я постарался изъять его оттуда, из сознания мы-здесь и увидел полуразрушенное пространство [полуразрушенное пространственное здание] судьбы, становящееся мало-помалу цельным по мере удаления из него этих самых стоящих элементов, сохраняющих объект как предельно жёсткое соединение, упакованным в это соединение в осязаемом мире мы-здесь в состоянии я. Знаешь, что я подумал об этом, всякое строение суть вещь, объединенная планом сознания, я понимаю, что путеводная нить, которую мы держим в руках, нам нужна самим и мы не можем отдать её кому бы то ни было, даже если захотим это сделать, почему-либо сделать это. Я сколько-нибудь означен для тебя в своём я-сейчас и стараюсь быть понятым тобой для тебя же здесь, для своего эго теперь, в котором мы оба живём как в памяти я живут люди, знаки людей, их символы, символические обозначения труда рук, памяти души, и я, сев однажды рядом с тобой, почувствовал, что ты безотчётно трудишься, пропуская сквозь се-

бя, сквозь своё я, точнее, сквозным потоком эти состояния обретаемого тобой пространства; я обнаружил это случайно, увидев в себе то, что дано видеть тебе, и я стал думать об этом так - моя аура света могла задержать в себе эти видения, она могла создать их по облику и подобию того, кто видит этот мир так - по облику и подобию объекта воли этого мира-пространства, кажущегося тем более телесно упакованным, чем более в нём обретаемых объектов судьбы-здесь как качества жизни этого пространства, и я стал делить нас с тобой на ты и я. Никакой особой тайны в этом делении нет сейчас, оно жёстко регламентировало пространство твоего я и я становился в нём этаким профаном, ну, может быть, не совсем, каким-то окрадывающим и вместе с тем обогащающим объектом, в котором сочетались все что? я вообще, я думаю, они стремительно размножались в памяти, покидая её вместе со мной в качествах, о которых мы сами думаем, что они есть в нас, а их нет. Их не может быть, этих качеств сознания, в которых мы отрицаем сами себя, в которых мы видим искажённую суть вещей, или – бестолковую, не определяемую сознанием как настоящее свойство вещи подниматься до уровня осознаваемости сейчас. Заметила ли ты, что мне приходилось, да и сейчас приходится ещё, поднимать в памяти какие-то отдельные, казалось бы ни с чем не связываемые в сознании объекты я, для которых разум должен найти подходящее место в памяти и, задержав его (это выбранное им место), выкинуть его вон?.. то есть вывести за

пределы памяти я. Это остановленное когда-то время, вроде песочных часов. Нам надо перестать быть тугодумами, в чьих умах настоящее время путается с прошедшим или вообще не существующим даже. Думай обо мне хорошо и ты увидишь результат, да, я знаю, что качество жизни зависит от нас самих, пусть она будет ясной, реально чувствуемой, эта зависимость от нас, я говорю это тебе сам сегодня.

17 февраля

Да, какие-то краски я нашёл, ну, и стал любоваться ими, а как же, ведь сила идёт через цвет. Вы обретаете пространство в цвете. Я вас прошу, Королева, подумать здесь об этих полях цвет и жизнь - цвет как состояние жизни во вне, ярок ли он или бессовестен как пространство без мзды, имеется в виду без ответа как состояние я-здесь. Мне, как непременному условию жизни, надо быть с вами, сказал свет, - и Он стал здесь… да поймите вы это, что здесь непонятного может быть, я не знаю, что свет – это жизнь и есть?.. или что любовь есть свет этой жизни?.. я же думаю об этом вместе с вами здесь, и что мысль любви есть свет - это вы осознаёте в себе? Я думаю, да, осознаёте, знаете даже как чувство любви проявляется в вас самой как состояние мы с этим миром – с этим в себе самой. Я вас люблю - вы понимаете этот текст, эти слова вы понимаете как состояние я во вне?..

Кое-кто испугался моей любви и убежал, а потом стал де-

лать вид что её нет, или не было, или она делась куда-то. Извините, я договорю, пространство же отразило это с точностью, только наоборот. И оказалось, что я и есть тот, кто убежал, или я – искомое им пространство здесь, притяжение которого для него закон, не поймите меня превратно, невежество моё велико, и пользоваться им грех, и если я сама делала это, простите меня.

Я конструирую мысль по образу и подобию её носителя здесь, я осознанно тружусь и не держу зла в душе.

Да, простите. Я о себе говорю теперь – я такой вид сделать не смогла. Как по вашему это получается, вот это неумение моё? сделать вид - отсутствия любви в себе? Она есть.

Было колдовство это тайное, не было, - не имеет значения сейчас, есть это сейчас. Я же чувствую как сминаются эти значения, как они становятся из могучих принципов воли ничтожными потакалами и не знают об этом ничего, мгновенно выстраиваясь в бестелесые ряды вихрей в моём я, - чтобы запутать, создать оболочку непонимания, унизить, и уйти, смешавшись, и это всегда так происходит, как только я касаюсь темы любви ко мне самой того, кого люблю я. Это просто сказать, да трудно выразить, этими словами это чувство не выражается, да пусть будут они здесь.

Я буду думать, ведь и всякая моя мысль остановлена бывает на этом месте, что ж – разве нет?..

Грех есть в запятых идти вместо правды, и воздух уши имеет, если его запереть как следует.

А что, мой добрый Учитель, - моё сердце правды не знает?

Знает, во всём знает, а когда не знает, стало быть, дороги ему не дают, только ты не то молчи, а то молчи, где уши заложены бывают за спину, как восемь-то лет назад. Этот поток слов может быть горьким во мне, да ты его возьми, он оттуда идёт, где всё это было на самом деле.

Я сам оправдывал себя во всём, что я делал.

Не получается этот рассказ, такие вещи вовремя надо знать, а теперь они не нужны, - так мне кажется, злость к рукам липнет, а она не нужна.

Туча тяжёлая идёт, воздух электризован. Я иногда смеюсь тут, знаешь, как будто я ничем от тебя не отличаюсь и говорю то же самое и люблю так же и тех же, как будто я их знаю в себе, а они меня, но ведь это не так, - я же понимаю, что это не так. Я просто думаю о тебе. В моём сердце воля бежит от тебя, я на стул сел, и сижу, а сам ищу мысленным взором

то, что нам с тобой надо понять обоим, почему мы оказались на иждивении, мы как будто в каком-то поле застряли и нас кружит по нему, мы идём, мы всё время идём по какому-то полю, из которого, кажется мне, нет выхода никуда. Вот дверь - это выход? или это вход в иное пространство мы сами здесь? Я перечувствовал столько лун!

Восемь лет я бежал с тобой по этому полю состояний, обретений, я думаю, ты понимаешь, о чём я говорю, нам надо сесть рядом и делать то самое кино, я бессистемен сейчас, я чувствую это сам, как-то безделен даже; здесь вышел круг, по которому я иду, и мне, - мне надо выйти из него, это прежде всего остального должно сделать, потому что я не так самодеятелен как сам того бы хотел, может быть, или желал, или надеялся на своё имя во всём этом пространстве нас, но ты не подумай, что я охвачен какой-то злостью, нет этого ничуть. Я поступаю правильно, говоря с тобой об этом здесь, хотя ты и не очень хочешь меня слышать, потому что я слишком далеко сегодня и изменчивость моего я в тебе искажает пространство мы, потому что мы это то, что неизменно и не может вмещать больше двух, двоих тут, в одном доме. Всякому мы предшествует некоторая воля, всегда она есть, её невозможно спровоцировать, можно создать иллюзию пространства мы иногда. Почему я решительно остановил словопрения об обладании порогом сознания за пределами мы, потому что мысль моя о тебе упрощена стала, а

этого не должно быть. Ты сама знаешь как бывает не по себе, когда кто-то молчит рядом, думая о своём или полагая, что думает, а на самом деле считывая с тебя же твои мысли, твои чувства, твои сомнения и возбуждая аппетит к говорению, к злоупотреблению этим говорением; я не однажды сталкивался с этим состоянием в себе же когда, смолкнув, я начинал слышать абсолютно неведомые мне объекты воли, в тишине я они шли ко мне и я не мог понять, что со мной происходит, почему они так жадно, да, жадно добиваются моего внимания, что им за дело до меня, почему они хотят, чтобы я слышал их в себе, или я сам невольно привлекаю своим состоянием открытости?.. зачем я им, неужели им не с кем больше поговорить о себе; наверное, думал я, они видят во мне своё отражение и хотят доказать ему что-то, считая, что я могу быть им полезен, но почему во мне?.. мне казалось, что это инсинуации головных волн, идущих от крайних точек сознания во мне же самом; я бы хотел быть понятым тобой, обернись в лучшую сторону во мне - да, ты понимаешь, что это значит, обернись туда, где я свет, где я важен как свет для тебя и я стану им тут, я научу тебя жить в радости, в радостном пространстве нас, в котором всякая воля есть радость, несостоятельность эта не может более продолжаться в нас, потому что она мгла, недужная, нездоровая мгла, в которую мы погрузились для того, чтобы подняться из неё к свету и обрести в нём себя самих, а не состояния, в которых мы узнаём или не узнаём себя здесь, в которых мы

отражаем и бываем отражаемы сами, в которых мы бьёмся как в тисках чьей-то воли, не умея понять, что с ней делать, с волей этой, не умея отринуть её порой, не умея даже осознать иногда, что она не нам принадлежит. Вот это-то тайное стремление раскодировать твоё я от неопрятных мыслей и пространственных прилогов не принадлежащих тебе реалий и подвигло меня быть твоим проводником в пространство воли, и я счастлив им быть. Я задумываюсь о нас, потому что во всём этом прикосновении, которое есть настоящее время, я ограничивал и заставлял действовать твой ум, я удерживал твои умозрительные цели, не давая им развиваться в отдельные пространства судьбы, чтобы они не уводили путь в сторону, чтобы они не составляли пространственные ограничения здесь в нашем я-сейчас.

18 февраля 1

1.

Вот Божественная память, в ней есть всё, что нам нужно сейчас, всё. Приди и возьми, я слышу воздушные мытарства каких-то струй, беспорядочно переплетающихся перед началом какого-то нового, иного движения в любви, несовместимого с тем положением вещей, в котором мы пребываем с тобой обоюдно, мы не понимаем кто мы друг другу, мы, чувствительные души, не знаем сами, или – не умеем определять свои состояния, обедняя тем самым я себя. Я не был великаном зари, я стал им, я просто стал давать тебе уроки тру-

да тут, я недоступное тебе пространство, недопустимо недоступное, как пожиратель хлебов, сладчайший грех перерос в казнь, я не пойму этого. Мне нечем укрыть тебя, сказал я и, завернувшись в одеяло, пустился наутёк, я думаю – куда и какова была цель, да, вот такая всамделишная, определяющая поступки, смещающая представления в ненастоящее время, не настоящее, а как бы раскрашенное под него.

вспоминая о тебе теперь, я удивляюсь - зачем ты оскорблял меня? какова была цель, и странно то, что я помню оскорбления, мне кажется, что тебе именно хотелось сделать мне больно - или моё восприятие было таково? Скажи честно – ты понимал сам, что делаешь мне больно? Мне кажется, что я не злопамятна, но, возможно, это не так, какое-то особое свойство было в твоём поведении со мной - я видела, что оно есть, но что это я не знаю, как ты думаешь могло ли это свойство твоего я вызвать во мне чувство огромной тоски по неведомому мне тогда качеству жизни, а? наполненному неиссякаемой энергией духа. Может быть, ты кого-то искал во мне, кого слышал твой слух, но не определяла память пространства воли во мне, может быть, это стало моей незадачей перед тобой. Просто я думаю почему моя память не дорожит тобой, почему она нагнетает отчуждение и я не воспринимаю тебя разумом своего я, где эта загадка, в тебе ли она, или во мне самой, ведь после встречи с тобой я испытываю истинное восхищение, происходит раскрытие

тайны памяти, она возбуждена бывает очень сильно, малейшее прикосновение к тебе вызывает это возбуждение памяти и напряжение чувств столь сильное, что я перестаю принадлежать себе самой, я куда-то мчусь, лечу, но потом всё как-то устраивается, я смиряюсь, что ты не со мной вместе, и это всё кажущееся, и продолжаю вести эти записи здесь. Я не спрашиваю для чего они, понимая что большая их часть принадлежит пространству иного порядка воли, иного качества любви, в которой я узнаю свои чувства, может быть по силе переживания, к тебе, но, видишь ли, твои чувства ко мне - ко мне – вряд ли были таковы, возможно, они были к другому лицу здесь и они, твои чувства, почему либо проецировались во мне. Вероятно происходила какая-то путаница отношений между тобой и кем-то ещё. Надо говорить об этом, понимаешь, потому что я строю какие-то догадки, тревожа тут твою память не определяемым этим во мне пространством, будто бы я скрытно живу, сама не понимая что я делаю.

Живое слово. Я постараюсь объяснить тебе это. Смысл в том, что мы любим друг друга.

Да, прости. Мы поговорим об этом, я думаю.

20 февраля

Я думаю о вас как о себе в этом танце весны. Подумайте

и вы обо мне, - мне хочется, чтобы вы это сделали, как-то от себя. Я вскружил вам голову многочисленными заявками на память вашего я, и сейчас отступаю в тень вашего сознания, потому что она, под звуки вальса… не поймите меня превратно, этот вальс честен был - я танцевал с вами от души. Мне кажется мы слишком упрямо не доверяем друг другу, понимаете – слишком.

Понимаете, ваше право говорить, что угодно вам сказать мне.

Ну да это не всегда так. Во мне нет этого права, оно есть в вашем я. Я сам пестую своё воображение иногда, занимая его пространство тем или иным смыслом движения души, но вот какая здесь воля может дать нам право на состояние мы, загляните в своё сердце, вы ещё видите в своём сердце. Я сохраняю свойственный вам образ мыслей.

А он у меня есть? простите, Учитель, - у меня есть этот образ мыслей, который вы сохраняете?

Я бы хотел поведать вам одну занимательную историю, раскрашенную под ваш образ мыслей, о А., которая, хоть и произошла здесь, в вашем я-пространстве, но вы, как ни странно, о ней ничего не знаете ещё. Она, эта история, хороша тем, что её не было на самом деле, она состояла, - и со-

стоит сейчас, - из огрубевших в пространственном вакууме посылов в память вашего я-сейчас или в ваш аум, который проецировал эти посылы, состоящие из целого ряда альтернатив так называемых аббревиатур эго я, в которых вы рассматривали своё отражение в пространстве мы эти люди. Я боюсь столпотворений в суставах воли, потому что они приводят к образованию массы сил, в которых мысль ограничена бывает и не имеет, как правило, самостоятельного значения и потому суждение, как и прямое соответствие правде сознания, может быть камуфлировано под общее значение, соблюдающее в основе своей некие, гм, некоторые усмотрения на исходящие силы как на процесс обетования во внутренних мирах пространственного а.у.м.а света здесь. То есть торжище света, а именно ум, оказывается как бы посреди толчеи мыслительных чемпионов [частиц] памяти. Я первый кому-то наступил на ногу и стал казаться выше от этого наступления, и притом с размаху это сделал, так сказать, с набегу, с наскоку. С направленностью мысли вовне происходят эти смещения, потребляя энергию воздуха, мы сами впитываем эти частицы, которые идут к нам от волн разного качества. Разнонаправленные, они объединяются в общие модели сознания, становясь как бы клейким веществом, отлепить их от себя бывает затруднительно, они как бы впаиваются в наше сознание и держат его под своим воздействием как истинное небо.

Мне надо поговорить с вами об этом в памяти вашего я сейчас, как об одном из необходимых элементов знания, в котором удерживаются не только ваши руки, но и ваша душа сейчас, вам не надо объяснять это как состояние с большим вас самоё пространством, в котором мир велик и гармоничен. Я буду говорить об этом ещё, а теперь подумаем вот о чём. В моём эго втёрлись очки, принадлежащие одному словоблуду, он утверждает (к примеру) будто бы я вам давно знаком и имею виды на вас, а также что я, будучи пространством без имени, могу спокойно прочесть в памяти любое ограниченное, то есть принадлежащее кому-либо объективно, сознание, что из этого следует для вас, Королева моя. Из этого следует, что мои объективные высоты памяти могут занять своим я то, что по сути им не является, а заняв, вынув оттуда интересующую меня информацию об объекте моего интереса, распорядиться с ней по своему усмотрению. Как, кажется, просто.

Что стоит за этим сознательным актом души, провозглашаемым мной как воля, инсинуирующая пространство, не созидающая его, а как раз инсинуирующая /поля, произведение которых и является актом души сейчас/, то есть делающая вид, что они есть, а их как раз нет. За этим актом души стоит неопределённость, так как она не понимает или не умеет знать, что любое, спровоцированное в памяти поле-пространство будет иметь сообразные координаты, сооб-

разные их создателю, так. И вот я вижу, Королева, как эти самые поля ложатся на память их создателя и уносят его в те самые дали, для которых он, будучи волевым инструментом состояния с ними в себе, является организующим началом, так. Сила сознания велика, Королева моя, она так велика, что каждое её движение, самомалейшее, способно управлять стаями птиц в полёте, отважьтесь это знать, она может создавать аэродинамические потоки сознательных сил, может ложиться на землю и уходить под воду, а поднимаясь из воды, снова лететь воздушными путями, сердце ищет /следы/ этих знаков для своего пробуждения здесь. Я повторю предложение, я сказал вам, что сердце человеческого сознания в состоянии определить подлинность значений воли в своём я, имея пространство открытым перед собой в волне света, но какая-то сила побуждает его раскрываться насильственно, именно так – насильственно, предполагая очевидно, что за памятью эго стоит великолепие чужой души, в которую не грех и заглянуть, раз уж она нараспашку. Так вот эта история, которая была вам обещана мной. Мне не хочется сбивать вас с толку, говоря вам о чём-то лимитирующем ваш жизненный план в качествах я, ну, таких как постоянное оцепенение пространства мы в вас самой, вы думаете, что я выхолащиваю ваше постоянно действующее поле, я струшу и убегу, вы думаете, от вас, я сделаюсь пустым войлоком вы думаете, но погодите так думать, Королева, я приберёг память и стану мять её, чтобы вышли эти занозистые кавыки,

в которых спрятано ни много ни мало ваше эго сейчас. Ну, будет ветер, да нам с вами не привыкать. Постепенно умалчиваемое тут становится как бы вообще не существующим в памяти я, как бы нет его вовсе, а вот оно как раз и говорит о себе, становясь в своём роде антиподом творимому пространству везде, где есть вы. Вам достаточно вкусить плода зрелости, чтобы озаботить себя этим рассказом о невиновности автора перемен в вашей судьбе, я буду говорить впрок.

Перед тем как произойдёт это слияние я буду говорить в вопросах и ответах, я буду молча говорить, молча, всегда молча, я передам ей те сознательные импульсы, которыми она заставит себя раскрыться и станет молча отдавать мне то, что я хочу у неё взять, всегда молча, она будет говорить мне в ступоре воли о своём эго, чтобы я мог наблюдать за её жизнью, за её движением планет, бесстрастно и никогда не будить её во времени чтобы она не смогла заметить…

Что это значит? спросили вы, впрочем, не так однозначно, разумеется. Это значит, что вы произнесли вслух те самые загадочные до сей поры, минуя я, – я сказал вам об этом уже - магические у-у-у, которыми вы были втянуты в состояния. Синоним мысли – акт волевого содействия уму, который используется на входе в пространство мы. Сейчас вы поймёте, не думайте об этом. Стоя под напором волевого воздействия, вы всегда сообщали о своих планах-намерениях неко-

ему пространству, вы боялись открыться видимому вам, потому что невидимое шелестело прутиками за вашей спиной. Какими ещё прутиками!.. возмутились вы, да по состоянию на сегодняшний день их нет, как видится это теперь здесь. Простая символика ангела света противопоставлялась, - я думаю, не мешайте мне это делать, - конструкциям из нержавеющей стали, в которых отражался его свет из ваших окон. Закройте это письмо сейчас.

21 февраля

но ведь сила мышления превышает силу бодрствования, – сказали вы мне на это, всё предыдущее.

Я почему-либо память отсёк от своих минут сегодня, то есть сделал её отсутствующей здесь и она стала проситься назад, дай мне, говорит, подержать тебя за руки, я стану слушаться тебя и не молоть чепухи, я буду очень послушная память. Послушай, - сказал я ей на это, - ты веди себя смирно, тихо себя веди, а не встревай в мои дела, которые тебе невдомёк. Она обиделась и ушла. Просто встала и ушла в свои туманы. Вот так поступает память, если с ней долго не общаться и держать взаперти, например, в образе ты. Она становится мягкосердечной, наивной, долго не может понять о чём речь, а после она встаёт и уходит. Она покидает нас, оставляя наедине с самими собой и становится ясно, что мы без неё никто, ни ты, ни я, ни третье лицо. Она груба в этом

смысле, то есть не имеет чувства полезного или бесполезного, она просто помнит и сохраняет нас в своём уме, для которого она нужна во времени. Проявленное пространство дышит этой памятью сейчас, в нём всё – сейчас, я сейчас, ты сейчас, мы тоже сейчас, и мы наслаждаемся этими сейчас во вне, но внутри, в нас самих, они почему-то не всегда таковы и мы избегаем встречи с ними, с этими не наслаждающими нас, минутами наших я, а они, как нарочно здесь, и почему-то именно они, а не те, в которых мы были счастливы вместе. Я обладаю способностью возвращать жизнь минутам любви в нас самих. Это называется музыка, я музыкант и молчание – не моя стезя, я всё время звучу, как память звучу тоже, я живу в звуках здесь, исходящих из поднебесья звуках, и это есть моя жизнь. Во мне какое-то честное слово застряло, я не могу его выговорить, оно стоит поперёк горла и молча ждёт, когда же наконец его произнесут, когда. Бессчетное количество раз я пытался выговорить его, но память моего я вставала и уходила на этом месте, она боялась, по-видимому, что я, сказав это слово, тотчас усну как сурок, перестав беспокоиться о ней в своём я. Поистине велик мир, Королева моя, и границы его отнесены так далеко от нашего разумения, что наряды красавиц, тревожащие наше воображение, могут, да и должны, пожалуй, уводить нас за пределы разумного, ибо зачем они тогда вообще нужны как не для того, чтобы мы сами, смешав соль с патокой, могли бы наслаждаться их лицезрением, а после гневаться на их отсутствие

рядом с нами?.. Да? Я прав? или забыл что-то. Мне, дикому орду, набежавшему на ваш словообразовательный процесс, стало намного проще общаться с вами после того как вы сошли с ума, с моего, разумеется, и сделались превосходным качеством любви для меня, симпатичным, мягким, не обидчивым, да я и не собираюсь вас обижать. Помилуй Бог эти минуты в нас, Королева, я же достоин их, поверьте. Мне, знаете, нечем крыть эту карту наших передряг в любви - я затеял этот разговор, я его и продолжу. Вчерашнее откровение принадлежит вашему я по праву, так как оно пришло к вам оттуда, где вам его вручили, да, - вручили в качестве письма в конверте без адреса, обратного, я имею в виду, но затем вновь выглянуло солнце и вы забыли об этом как состояние в себе.

Вы же знаете, в памяти моего я произошёл сброс.

Замолчите!..

Извольте, - я вас слушаю.

Мне нисколько не обидно, Королева, моя дорогая, что вы застали меня в рукопашном бою с неким господином в шляпе. Он выглядел очень холодно поначалу, а потом стал цеплять меня своими колкими замечаниями мол, вы же не такой дурак, как я заметил, чтобы мести следы, которыми вы са-

ми /определили/ свой путь сюда, скажем так. Я заметил ему на это, что раскаиваюсь, в некотором смысле, в содеянном мной прелюбодеянии, потому, мол, что я никому не желаю зла, в том числе и себе (а что из этого вышло зло, вы уже знаете, я полагаю, в себе). Он уничтожил меня взглядом, а затем пересел на другое место; я вышел в сознании полного уловления, я был мысленно схвачен им, до наготы, ну как вам это объяснить - я был объявлен идиотом, просто идиотом в том смысле идиотизма, в котором люди делаются так, ну вообще ни к чему не приспособленными кроме, ну да, кроме причинного места, извините. Я вернулся и сбил с него шляпу, он дал мне сдачи, ну, и завязалась схватка между нами, нас разняли, конечно, но в картине моего я образовался пробел, тот самый, небольшой пробел, в результате которого я сам сомневаюсь в правильности своего поступка в отношении этого господина, из мглы сознания, в котором я отчаянно барахтался в тот момент, ему, этому господину, моя искренность не нужна была, его интересовали куда более прозаические вещи во мне, да.

Итак, наше с вами эго тормозит путь сознания там, где мы высокомерно объявляем голодовку в своём я. Хотите, я приподниму вас вместе со стулом? Держитесь крепче, Королева. В разумных результатах труда всегда есть определяемое место точки отсчёта, то есть того самого мы, в котором этот труд был зачат, удобнее сказать начат, но всё-таки зачат. Я

полагаю себя оправданным пространством вашем я, хоть вы и сказали мне давеча, что уж вы так в душу-то мне смотрите, чай, уж разглядели всё. Я край неба натянул на себя и улегся под ним спать сейчас, знаете, какая звезда взошла в вашей душе? – лучшая, несотворенная, неразмеренная ничьими пальцами, так как она ваша, но подумайте-ка ещё, Королева моя, где вы узнали этот свет, таинственный, ни о чём не помышляющий, кроме вас самой, где, в каком уголке вашей души он находил отзвук, этот сияющий блеск состояний?

21 февраля 3

3.

Ангел мой пришёл, и говорит – стань-ка слева, я на тебя, - говорит, - посмотрю.

Я стала стараться от души, что называется, выглядеть.

Так, - он говорит, - ты это не делай сейчас, просто стой как я тебе велю.

Я предельно просто стала.

Ну, хорошо. Так стой!

А что ты молчишь? – вдруг он спрашивает.

Ты не молчи! Говори давай.

Я пересортировала все знакомые мне смыслы…

Ну, что?

и ничего не нашла в себе.

Ты просто стоишь?

Просто.

Стой ещё.

Я продолжала петь об обособленных мотивах счастья, он меня не слышал почему-то, то уши зажмёт, то разожмёт, звук не шёл к нему от меня, никакой, причём, ни одноразовый (то есть, доступный слуху один раз, по мере восприятия этого звука), ни другой какой; волны все бежали в никуда, как оказалось после.

Как в никуда? – спросила я в тот раз у Ангела своего, - какое это место так называется? Во мне такого нет, - я все звуки слышу, хоть криком кричи, хоть шепотом молчи. Мне метель твоя видна стала, - говорит он в ответ [-] в тот раз.

А какая же метель, - возразила я ему, - коли дождь тогда шёл!

Я тебе после память верну, - сказал он и улетел куда-то.

Я стала сдерживать свои порывы ветра лететь вместе с ним. Ведь для него какая метель, совсем это не то, что в небе, что на земле пришлось мне понять. Там метель эта была, а тут дождь проливной этот шёл. Тут шторм, а там свет значит гаснет, без меня ему в небе не удержаться.

Ты посреди дороги стой! только слева, - я такие слова его в себе поймала. - Я не шучу, - добавил, - я сейчас душу ворот[ш]ить стану, да ты не думай обо мне-то!..

Нет, - говорю, - не могу я этого.

Ты спросонок живёшь, что ли. Почему память обрюхатела?

Я очнулась. В низинных областях сознания, мучимые блеском молний в моей душе, мигрировали шумные толпы очевидцев моего сознания здесь. Они перемещались на восток…

22 февраля

по направленности мысли можно отличить истинное небо от неистинного, только так, иного способа нет. Остановить зеркало невозможно, да и не следует этого делать, если уж так-то, по совести говорить, иначе изображения воспрянут и будут тут мочало жевать, простите их, и всё. Пусть идут. Я недостоин быть счастливым, по вашему мнению, Королева, эта фраза выглядит бессовестной?.. ну как если бы она была написана от души.

Простите, мой добрый Учитель, я думаю, она вполне достойна того, кто произносит её, эту фразу – ведь, по всей вероятности, он знает, что такое быть счастливым, и разумея о себе, он полагает, что его состояние души не имеет этого подобия в себе самом здесь по каким-то причинам изначально, а почему он так считает, я думаю, что у него нет денег для этого счастья, простите душевно здесь, возможно, я вам глупость говорю об этой фразе, поскольку я искренне полагаю, что она неискренна, да, для самого говорящего её, поскольку его счастье, видимо, находится в чьих-то руках, о которых он помышляет в себе с некоторым даже рвением, но потрудиться для них он не имеет охоты, или его неволит что-то, что-то уж очень гордое, вроде вяленой рыбы, которую хотят пожарить вместо того, чтобы просто съесть или отдать тому, кто голоден.

Прекрасно, Королева. Во всяком эго есть результат, но вы

только что узнали о письме, которое было вам вручено.

То ли это письмо, я думаю об этом; мне вверялись некоторые чувства, это правда, добронравные между тем чувства волка к овце, простите же!.. во мне память остыла тех дней любви в которых я ждала тебя а ты утерян был давно а чувства шли в твоё окно бежала мысль моя к тебе очнись от снов я был во сне ты пишешь мне я спал, а ты пришла сказала слово это я… извините.

Ничего-ничего, это правильно по сути происходящего пробуждения, я думаю. Во всяком эго есть свой результат и он виден становится. Я предлагаю вам снять завесу с этого времени, в котором вы были просто вульгарно обмануты своими пятью-шестью, неоправданно, - понимаете?..

Признаться, - нет, не понимаю. Этот рассказ /…/, я хочу сказать об этом. Он был написан левой рукой во мне тогда, я думаю. Его не было на самом деле как состояния эго, он был просто выдуман для моего я как некое утешительное зрелище, о чём это зрелище - о себе, которая превзошла все ожидания, ну, может быть, это так называется, но дело-то в том, что в нём были использованы объёмы памяти моего я, я думаю. Я хочу, чтобы этой истории не было. Как это сделать?

Как-то надо суметь опорожнить это пространство в своём

я, то есть свести его к минимуму сейчас, минимуму состояний с вами самим. Я, думаю, сама. Я думаю, сама. Я верю исполненному моему желанию, страстно верю. Я выросла в этом саду доверия друг другу и я знаю, что это такое. Сейчас произойдёт чудо поэтического озарения, и я стану понимать лучше сказанное мной самой.

Возьмите состояние мы эго вместе, я подумаю вместе с вами об этом сейчас. Превосходное качество оттенять смыслы жизни своими соображениями о ней вам знакомо, и это свойство человеческой души брать как бы взаймы бывает не всегда определяемо как простое самодовольство. То есть бывает бродишь, бродишь по проулкам сознания, ищешь, ищешь ответ на замучивший тебя вопрос, а он вот он, прямо перед тобой, сидит и глазами мигает. Мигать глазами – говорить чушь, быть неискренним в беседе, а бывает, что и не ждёшь его, а он сам придёт, да ещё навеселе, под стать оккультному магу, который в эйфорическом обнищании своего я по памяти забрался в неопределяемые им самим я и ждёт, что его там накормят, напоят, образом обзаведут и станут уважать по каким-то причинам. А по каким?.. чуть было не спросили вы, а потом передумали, просто передумали, без синонимов. Я понимаю - вы задумались ещё и о том, в какой крепкой схватке с пространством силы возникают эти всполохи молний, эти оправданно могучие состояния с волевым устремлением в такую даль, в которой всякое чувствование личного

эго исчезает, будучи накоротке с пространством яви, застревая в нём своими пятью чувствы здесь. В обнищании этого мира любви нет ничего удивительного, если постараться понять его как область наименьшего сопротивления злу, наименьшего сопричастствования этому порядку воли, но и наименьшего сопротивления его пробуждению в нас. В строительстве любви нет ничего порочного, Королева моя, от слабоверящей души возникают эти мысли о пороке, как сгусток мощных энергий идут эти волны очистительных энергий силы души того, кто любит. Искушаемое мы становится чище, мягче, лучше - само в себе оно становится таковым, и я, не обладая памятью мысли, делаюсь чище сам в себе, потому что вижу, слышу и могу знать.

Я очевидец пространства мы - объект воли Господа о нас, мы Его объект, а не ты или я по отдельности взятые, мы вместе, вдвоём тут, как пара двух материальных субъектов воли Его Духа в нас, ты понимаешь, о чём я пишу музыку сейчас?.. об этой воле в нас двоих, она должна быть едина, как стать, образующая пространство мысли в любви. Мелодии струятся и поднимаются вверх, они переплывчаты и образуют коду в сознании, чтобы, слившись, соединиться в единое пространство эго, да, эго тоже, но вот какая-то сила приглушает их, объявляя не существующими ни ту, ни другую, объявляя их поддельными образами несуществующего мира, ах, как они страдают, как они рвутся в объятия друг друга, стано-

вясь малыми значениями самих себя, до ничтожности малыми, до минимализма, такого безвесного, ничего не значащего нигде, просто пара обалдевших от скуки линий, предельно простых, самодовольных и чем-то даже увлекаемых в своём ничтожестве, которого они не ощущают сами, им кажется - они Боги, они весят тонны чего-то там, а они глупы и самодовольны, после этого происходит перелёт птиц туда, в весну, им снится какое-то могущественное пространство, которому они сдали нервы, ну, нервные окончания своих я, без проводов и пальчиковых батарей я не смогу это показать, наступает эра фетишизма, и они, сдавшись ей на поруки, молча снуют по своим сокрушённым душам, не узнавая даже, лучше сказать не чувствуя подобий, они не отзываются, они молчат здесь, как в тумане наваждения, и не осуществляются, то есть не олицетворяют своего призвания быть детьми Божьего века в состоянии мы, а затем идёт положительная эмоция, ну, какая, я сыт, я голоден, я сыт и т.д., какая-нибудь, это всё равно, может быть, всё равно, я не уверен, это какое-то чувство расстояния до возможного, но легко обратимого в обретаемое уже (так совершаются ошибки, заметь это), потом мы смоем всю накипь этих дней. Я беседую с тобой пять лет об этом, об этом праве исключительного переживания я в себе своих снов, об обладании в своём я пространством мы. Мы есть фигляр на болоте своих снов о состояниях, или там расстояниях, о которых он столь трепетно повествует, затеняя при этом всякую жизнь вокруг себя

своим эго, я думаю, ты согласишься со мной в этом определении.

Мы хотим быть больше обычных вещей, обычных положений этих вещей в нас, и вот это происходит с нами, вещи теряют контроль над нашими я-эго и мы переживаем в себе совершенно другие пространства, мы перестаём подражать каким-то объектам нашей воли, может быть, перестаём пожинать плоды уснувшей совести, также и я перестаёт быть абсолютно неведомым нам пространством, в котором мы почему-либо дезориентированы. Мы видим себя как других людей, пришедших откуда-то издалека и обретших здесь свои я как какие-то крохотные поля-изделия из ненастоящих материй, почему-либо определяющих их теми или иными способами. Я боюсь врать, потому что это враньё собьёт меня с толку и сделает минутным завиралой об обладании порогом сознания, о мыслях и чувствах поверх этого порога и т.д. Я гляжу в небо сейчас, там есть сон, посмотри его, пожалуйста, он обо мне.

25-26 февраля

Я всякий раз переживаю волю как присутствие Духа воды во внешнем эго, как какое-нибудь зерцало, которое затуманилось вдруг, а потом отпало от своих высот и стало думать, что его астролябией стукнули или чем-то ещё, чтобы поуживчивей память в себе иметь, поконтрастней, или уж

поохватистей в своём я-сейчас, как чужое это прости меня звучит во мне, как будто я строил что-то, а потом построил и стало оно стоять, построенное уже во мне, прямо как на выставке - все окна наружу и в каждом я соревнуюсь с тобой в видоискательстве; область зрения помогает мне в этом. Ну, вот как я, мистер икс для тебя, вдруг понадеялся на высшие энергии звука во всём, что касается нас обоих, во всём о себе, а потом стал говорить, что мысль моя есть прибежище силы света здесь. Да, так я думаю и иду сейчас так во всём этом пространстве нас обоих тут. Великий Град я есмь, если Ты со мной, о, Боже мой, великий, неразделённый сам в себе ещё ничем, и разделён быть не может к тому же, не оставляй меня, я прошу Тебя об этом - очень прошу, в себе самом прошу тут.

Я перед тобой весь как бы из бумажек склеен сейчас, во сне сам, как и ты, но только ты не думай обо мне этого сейчас, я сам стану это делать сегодня и сам стану помогать нам обоим дух тот каверзный оборотъ, как его обороть? если я как бы сам он и есть теперь? как так получилось, как могло выйти это состояние обо мне, в себе для тебя - да для нас обоих, да неужто я с неба пал как куст жгучий тут и стал искрами опалять, да своё же имя в тебе опалять, или нет, не это вышло сейчас, я как больная наука жить иду в тебе, без себя тебя обманивая, обволакивая, и струю чем-то напитанную тут веду, да что я, в самом деле пустышка какая безлепая,

Богу угодно было себя тут показать во мне, и в тебе камня на камне Он от шелухи той не оставил во мне, и в тебе тоже не оставил ведь, не обманись обо мне вот ведь что ты сказала тогда, а уши-то мои закрыты были, заткнуты были уши мои чем-то большим, безмерно то большее было, без сустава воли оно во мне шло большее то, вот оно и пропало как обо мне вихрь этот пошёл сейчас, как обо мне стать твоя думать стала, душа неба здесь, чем я память свою о тебе занял? какой волей она во мне была остужена?.. кем мне пришлось стать для тебя?.. и ещё, чей облик я носить для тебя стал, сам в себе носить, а не потому, что он мой, изрыхли земли те, о, вода, опой их и очисти, очисти ны от прибежища злых чар. Душа небо строит, пусть чиста душа будет отныне, как первое я это в основу положу, положил, и класть буду ещё. Уйми волю ту, Господи, обо мне, чья сила сердце жжёт не по праву здесь. Прозрачны столпы те, Господи, Ума Твоего Великого во мне здесь. Вся Сила Твоя в них во мне колеблется как я волю Твою обо мне пою, она вся Твоя во мне, и не с тем я говорю тебе здесь о ней, чтобы ты о себе так помыслила будто я из тебя волю ту черпаю, нет этого. Я с тем тебе это говорю, чтобы ты о себе с радостью думала здесь, пойми это, как столпы эти над тобой также идут в чистоте души. Я колеблюсь, а не Ты, Господи. Ты неколебим во мне идёшь, и заря Твоя с нами бысть.

Знаешь, как я у ворот стоял Твоих, как я жил в себе без

воли этой Твоей обо мне, как я славы искал о себе, окружая себя помощниками, силу Твою расточая, Господи, знамения Твои с собой сообразуя, как немощь моя легка была мне тогда, как сила была она во мне, какое слово я искал, у ворот тех стоя, какое небо надо мной, огнями пылая, мимо шло, не замечал я его, ибо головы своей выше стойла не поднимал я, но вот Ты увидел меня кающегося перед Тобой, вот я стал доброты Твоей искать, стал думать о Тебе и стал я нем от этого, стал как бы лист перед великой державой Отечества Твоего во мне, кто я? вопрошать я стал у Тебя, стоя у паперти Твоего храма во мне, ибо он был возведён здесь от веку и от веку жизнь в нём шла, а я не знал о том, и не Ты обделил меня этим знанием, я сам это сделал, сам, от подспудных тех глубин поднимаясь, я к Тебе пришёл опять и стал докучать собой Тебе здесь, мне воля Твоя нужна обо мне, вот, содей её, пусть она будет для меня.

Я думаю о тебе сейчас.

27 февраля

Я говорю с вами прозой, подразумевая мощный мыслительный процесс во мне самом, как в небе так и наяву. Нам надо встретиться вместе и как-то понять эти обиды, которых нет на самом деле… во всём этом… я как-то сдавленно жую чужие мысли.

Здесь какое-то скучающее поле я слышу и потребность в измышлениях преобладает сейчас, а как вы себя чувствуете, мой добрый Учитель?

Я думаю, понимаете. Всякое видение есть процесс, да уж. Представьте, что я задумал сейчас объединить разрозненные части одного пространства, ну, и смеюсь сам, во мне упорства хватает.

Что ж. Благое ли это дело, как вам самому кажется это?

Более чем - я вперед не бегу, вы не думайте так. Я здесь контролирующие вас изыски нашёл, ну и Бог с ними, как говорится. Мне предчувствие хорошее было, без примера не понять вам будет. Как Бог к душе идёт?.. как постоянство я здесь, а память Ему помогает в этом. Вот так Он идёт. А против права я никто возразить не может. Во мне грозы уже созрели те, весенние, и вот они прямо идут, одна за другой, и так долго они идут, ну, как проекции, разумеется, чья память воспримет, тот и есть.

О себе заботу имейте тут, вот что. Вы напрямую говорить должны, да кому, закрытой двери той, -,нет, конечно. Я об вас песню сочинил, и стал к ней прислушиваться, какая она? красива ли эта песня, хочет ли громко звучать…

Ну, удивительно это всё! Королева моя, во мне бессмысленно искать завесу, её просто нет для вас, а как же эти дни? - спросили вы меня, как с ними-то быть, коль уж завесы той нет?.. или они причудились мне, о, добросоставное моё эго.

Мы далее пойдём, Королева моя. Как я, так и вы. Тут просто надо нам с вами, простите! немного поосечь себя, представьте куклу, которая хочет быть самодельной, а она вся из пружинок состоит, и столь хитроумных, столь износостойких, что ей уж кажется, будто это она сама движется, а результатом движения её является часть тела пространства мы, часть Богоугодного, простите за это выражение, я в себе, и это движение оказывает действие на всю фигуру неба я-сейчас. Пространства задыхаются от присутствия этого вынужденного движения я в себе, так как они воспринимают эту куклу за образ своего я. Я настаиваю, Королева, на выражении собственной воли в вас самой. Да, память молча созерцает объекты сознания - она ничего не отвечает им, ни да, ни нет, она просто смотрит на них издалека, и смотрит, вот всё, что она делает сейчас в вашем я-сама. Ну, а вы беспокойно топчетесь на месте.

Мы выходим в белое поле листа и ищем выход в назидательные величины сознания, мы знаем, что они есть у нас, - в нашей подспудной памяти их целые сонмы кружат туда-сюда, как бесовские эти силы они для нас с вами сделались

теперь, как траектория полёта, обрастающая маслами ушей, среди которых наши самые неприменимые, самые узурпированные и узкий лоб тут ни при чем оказался. Постройте дверь во внешний мир и хлопочите о ней, бездумью конец пришёл, да, этому свойству кружить в чужой памяти, заменяя ею свою. Мне холодно летом здесь. Я вышел покурить на балкон и забыл шляпу надеть, вот вы смотрите на меня, думая он не он?.. какая-то сила пришла ко мне с ним и стала верховодить, надо мной стала. Заяц загнан в тупик, Королева, броски памяти не помогают ему избежать собственного умозрения на это пространство сейчас, в котором он узнаёт тут себя самого, узнаёт-таки, минус каста постмодернистов, кто такие? - спросили вы, не задумываясь, и этот ответ тотчас к вам пришёл, так же, не задумываясь.

Успокойтесь, я прошу вас. Мне кажется, вы торжествуете здесь над кем-то. Для чего вам это торжество.

Я гублю глупость в себе, Королева, - в себе самом, то есть во мне как в объекте собственного я. Я выразил этим состояние, в котором люди бывают обуреваемы, превосходные люди притом.

А. во всём мне пример; как он добивался меня, так после бежал от меня же. Так вот я хочу сказать, зачем же губить её – может, она вам пригодится как раз в том её смысле, в

котором она бывает нужна, когда не хватает ума?..

Во всём этом громогласном трам-тара-рам за мной остаётся право голоса в себе; он говорит мне открой это окно и будь в нём внимателен, вни-ма-те-лен!.. а не как-то иначе. Ну, а пока мы с вами распевали эти аккорды (а-а-а-а-а-а-), я бежал вдоль линии передач и назывался для вас я. Я как-то иначе сейчас скажу об этом же, простите мне мои шутки во всём этом белибердовом разуме, который гроша ломанного не стоит, а однако есть и немалый такой – он ведь весь выдуман мной был, да ещё с расстояния, ну то есть бесконечно малое становилось большим и наоборот, во многом это переместило точку зрения, но критерии остались те же - малые-то величины не стали от этого больше, они так и остались теми кто они есть, понимаете, просто память, которую я удвоил, стала определять их в себе как проекции.

Что я увидел в этом особенного такого, которое как Ангел мой бежит, так и я лечу за ним ~

Кто этот А.?

Он сильный, здоровый мужчина средних лет. Я сокрушённо покачал головой и спросил вас а что?

Интересно же.

Почему вы не спросили раньше об этом так?

Не знаю.

Знаете, - я знаю, что знаете. Вы простите меня, грешного чужестранца, только я не могу вам ответить по простоте. Это голос совести, полагаю, во времени звучит. Дхармакратия, извините. Вами неосторожно был задет неосвоенный ещё простор души.

Что там спрятано в этих буквах – простите и вы здесь, что, можете ли вы объяснить мне это?.. почему из них выстроились целые колонны каких-то демаршей узких лестниц, необоснованных унижений, почему?

Почему это ерзание за колючей проволокой продуманных оборотов речи стало судьбой моего эго, стало извращать мою судьбу, садиться на плечи и погонять.

Кажется мне, какое-то преткновение вашей ноги произошло в те дни, прояренные уже до оскомины, в них ведь корыто то спрятано было с харчем, простите уж, да вы не знали об этом, сами в себе не знали, не иначе. Почему я так узко смотрю сейчас в открытое окно вашего я в себе, вот почему. Настоятельность сегодняшнего дня требует этого, во всяком

случае, я так решил это, здесь ведь не прокуренные комнаты идут, а промасленная бумага, до отпечатков пальцев ведь дело дошло, понимаете, невероятный выброс фактов в пространственный аум сейчас идёт, здесь всё до минуты важно, да не до этой, а до той, тех лет, против которых мы с вами идём в себе. Мы не обладаем порогом действительности, за которым возникает пространство чаши до тех пор, пока любовь не осветит всё, целиком, каждую ветвь памяти я. Вам ведь не приходило в голову тогда, что А…

Что А.?

…цельное, единое с вами состояние здесь?

Не сердитесь на меня. Почему вы используете вопросы в качестве ответов?..

Я стараюсь поднять вас оттуда. Ну намыслили вы там Бог весть что, а как проективная память поступает. Она берёт это намысленное и обращает его, в нас же самих обращает, Королева. Я не строю иллюзий, я просто создаю из них память в себе самоё и так этот образ жить начинает, и продолжает тоже это делать, пользуясь частичками памяти моего я-тут здесь. Ну кастраты мысли не имеют отдельного пространства, я это хотел вам сказать. Мне нечем их опровергнуть или защитить, если уж так-то говорить, я с ними, как

говорится, панаму съел, ну свою, чью же ещё. Да, вот берег тот дальний нам надо с вами с собой теперь взять, в оглохшие эти от памяти места, а какие. Ну уж, какие - эти самые места настоящего времени здесь.

… вы что забыли разве как мы с вами в такси ехали и за грубую шутку посчитали, которую я для вас нарочно приготовил мол моя память чище, то есть я вижу, а вы нет. Не видите вы того, что я вижу.

Забыла, правда. Бьюсь я об эти мотивы, мой добрый Учитель, это тоже правда. Не могла я своей убогости перед вами понять, что уж и извиняться-то теперь. А чем мне её понять было, нечем.

Я достоин, может быть, лучшего отношения к себе, я надеюсь на это сам. Знаете, как это больно бывает обмылком себя ощущать чьей-то души тут, да хоть бы и лучшей. Да, вы правы, конечно, лучшая душа так не сделает, тест на справедливость я вам задаю сейчас. Чья воля по миру пошла, да с тем и вернулась назад?.. к себе то есть.

…но оказалось, что это всего-навсего фальшь в отвердевших значениях я, начально образованная из трусливых намерений души быть чище и яснее там, где ей вовсе не следовало бы быть - в пространстве мрака и нечистоты помысла о

себе тут, а ещё лучше будет сказать, что её как бы наставили на путь грешного сознания о себе, она и пошла, отравленная, истязая пространство своими ядами памяти о том, чего и не было с ней вовсе, ну, а потом она вернулась к правде, как бы грех тот с себя сорвав, и говорит себе сама, ну и где это я была? что с того, что я там себя обретала волею Божественного провидения, а показать себя никому не смогла, вот где смех-то небесных ангелов послышался. А ты, говорят они ей, посмотри-ка на свет теперь, что ж ты всё по миру шла, а свету в себе не видела. А где тот свет? – душа спрашивает, - да в тебе же и идёт – они ей отвечают на это.

Ну, допустим. Я как-то возле ваших рук сам чище стал тут, ну да хорошее это небо опять засветилось. Что ж память ломать, как говорится, коль ручка есть. Пишите уж правильный ответ, эта воля принадлежит тому, кто сам себе хозяин здесь, своего я, я имею в виду хозяин, и умеет путь тот вести через годы, может быть, принадлежа единственному числу Бога, в котором все три воли в одну упрятаны бывают и несть ей числа, как видится это, коль она от души здесь идёт.

…давеча я руку ожёг, в своих мозгах шаря, почему-то я подумал о вас, что вы мне дать что-то должны, от себя самоё удержанное, что это такое я понять не успел, как раз проекции сильно затрепетали и молния эта пыхнула во мне, я за скатерть схватился, ну, как за придорожную пыль хвата-

ются, чтобы от руки боль увести, помогло, знаете. А что такое то было, - подумал я после - как сильно жаром охолонуло, так ведь то и странно, Королева моя, что жар этот от полюса холода во мне возник, да я сам удивился незнамо как, что за чудеса, думалось мне, коим-то образом я мог сам себе навредить, образно помышляя о состоянии мы в себе самом?.. в самых лучших интонациях, уж поверьте, но вот я догадался, что вы прикасаться мне не велите к неопределяемому мной месту, то есть никак мне самому его определить в себе невозможно, и я стал сильно об этом думать, в силах своего я, разумеется.

28 февраля
продолжение вчера

…и с тем одиноко побрёл в какие-то свои дали, и увидел я там вас, высоко сидящую на чём-то, уж не помню как, но стал я об вас заботу в себе иметь, почему, мол она (то есть вы) на том месте силу имеете (а везде как бы ровное поле идёт сейчас), а я без неё [силы] здесь живу. Ну, крепко я задумался об этом в себе самом, знаете, уж и полночь пришла, а всё думаю, и ответа мне нет, не было ответа пока я руку… ну, в общем стал я спрашивать сам себя в чём тут дело, и оказалось, Королева моя, что мы с вами в букварь попали, да в какой - какой от вида вашего шёл, в такой и попали, а что там написано, я вам после скажу, уж не поленюсь, поверьте.

Ну, а как мне к вам подойти теперь я не знаю, не стушеваться бы самому от этого вида. Но только, вы понимаете, всё это ересь моя сделала и от вас отвернула как от строгого принципа воли быть самим собой и не осуществляться там, где силы неба, небесного мы, не могут быть осуществлены, и вот теперь я вам говорю это, сам осознавая, что необходимость сказать вам о том есть во мне, рука-то заживёт - да уж зажила, а говорить об этом надо нам с вами сейчас покуда мы, то есть вы и я, о себе страх тут имеем, да не тот, который вы от себя подумали было, а страх себя потерять в этих огнях бесчувствия собственного неба.

В этом коловороте мыслей я прожил весь день и стал стремиться как-то особо понять это заживление моей руки. Я грубо нарушил вашу речь, я помню об этом, я перестал заниматься с вами динамикой мысли /почувствовав волю приближения субъекта силы/ и стал скрупулёзно изучать какие-то малодостоверные детали вашей жизни на свету памяти, что я этим достиг, определённого долженствования, обкорнав вашу же память до неузнаваемости, облапошивая её буквально на каждом шагу, облагороженная, она стала подниматься из глубин сознания как светлое воскресение я-здесь и, знаете, мы оба оказались в сильной радости по этой причине. Я ещё с полчаса подумаю об этом, а потом скажу вам одну /сильную/ вещь, ну немного погодя она придёт к вам от меня здесь.

28 февраля 1

1.

… ну, а камни те взошли, разумеется (да без этого никак не разобраться нам с вами будет), и стали сильно вонять как неудобная масса для слов, и что же я вам сказал на это, побойтесь Бога!.. я сказал, без Него ничего тут не бывает. Я хорошо сделал тогда, и плёнку ту проявил, где вы сами знать о себе ничего не знали ещё, ну да Бог нам в помощь. Я перед вами как бы в кипятке мысли сейчас сижу, о благом деле тут думаю, в нём вся соль и вода перемешаны для нас с вами. Нет такого пути без права идти по нему.

…застывание формы, заиливание программ, суспензия вымысла из древесных опилок…

…кочерга мысли проткнула раскалившуюся изнутри обскуру памяти я…

…кочерга мысли подхватила закрывшуюся было волю и понесла её на свет, она стала извиваться, ползти по этой кочерге обратно, она стала синонимично ужиматься, превращаясь то в сутолоку дней во внутренних карманах памяти, то в проекции неудобовспоминаемых объектов, а то и вовсе в чепуху, вроде отстань, не до тебя тут, но мысль волево тащила её наружу, обладая порогом чувствительности, предел

которого жар моих минут, то есть я не то, что вы обо мне думаете!.. кричала эта воля в окно, я другое, другое пространство, я люблю тень, я люблю жить в тени, я люблю ходить на вечеринки с друзьями и делаю это с большой охотой, я целыми днями слоняюсь из угла в угол, чтобы отвлечь тебя от своих дел, я целю твои пространства своим умом, чтобы заполонив их собой, ужать до мизерных состояний с этим миром любви, деятельным, безрассудно деятельным, бессмысленно деятельным и т.д.

Я заставлял тебя греться в душе этого парии, а сам незаметно подбавлял хворосту в его отщепенские мысли о причинах этого мира любви здесь, подбадривая его в окрадывании самого себя этими мыслями, причинявшими столько разврату, столько душевного холоду этому пространству здесь, почему я был так лицемерен с ним самим, почему я не оборвал его на полуслове, а стал талдычить свои да-да-да, конечно… стал правильно его осаживать в его же костюмах и делать это от первопричин самого его свойства быть антителом, ну я думаю тут как вам сказать дальнейшее. Мы не были той осенью вместе, сколько бы ни говорил я себе это, что, мол мы так долго шли навстречу друг другу, что иного, неимоверно сложного пути, сложного по состоянию нас пути мы не имели, я всё-таки утверждаю, что мы были тогда одни, каждый со своим я носился, охраняя его от вторжения частиц памяти иных миров, иных по отношению к нам са-

мим. Мне холодно зимой без снега, и я приезжаю в Москву, или не в Москву, а вообще приезжаю угреться в снегу здесь, утаиться и спать в частичках белых воробышков, беленьких хлопотливых птичек, стайками садящихся на землю и укрывающих её всю зимой, как будто она от этого становится теплее, зима наша с тобой. Я огляделся, как бы огляделся, и, застопорив внимание на объекте, стал думать о нём всё подряд; я стал думать о нём как о себе, и я стал невменяем на миг-другой, но это же неправильно - сказал я сам себе тогда, - это же совсем не то поле, в котором мы с вами обретаем себя тут, находя его обесточенным по чьей-то воле, о которой я не умею говорить, поэтому простите, мокро нынче на улице, вот я в лужу и попал, конструируя из неосязательных объектов осязательные. Просто я не обретаю вымысла, как хотите, у меня не получается, мне всё кажется маловато, то середины нет, то нос увяз в очках, и что же?.. Где-то большие корабли плывут, а я с вами кукую на даче, сердце бред несёт, простите, что я так вам сказал, поэзия строк приглушилась на фоне мерцающих величин, которыми я в ваш адрес иду сегодня, а что значит мерцающих?.. - спросили вы меня, - дробных это значит, то есть поделённых на что-то, в них короткая память лежит, но скорей уж идёт, спотыкаясь на каждом шагу о беспроволочные эти телеграфы и обретая значения в них о себе самой по порядку воли текущих этих пространств. Я область познания приглушил и снегом бегу по чьим-то следам, сам в себе бегу, приметь-

те это (без проводника) и знаю, что вы ждёте тут осознанно освобождения своего пространства от смиренного пребывания за границей воли знака числа пять. Потому что этот знак означает состояние соответствующее памяти без уловления её пространством во вне как истинного состояния жизни. Я думаю, Королева моя, что нужно с вами понять, чьи усмотрения на вашу память и чувства, а также проекции в пространство яви сделали ваше эго, так сказать, малоощутимым и произвели весь этот сыр-бор в вашем я, я имею в виду концентрацию вашего внимания на одном единственном объекте, в чьей воле оказалось всё ваше пространство вообще, так. Прорыв сквозь действительность, построенную в нашем я с помощью воображения, воображаемого пространства силы, бывает неоднократно умножен на прилегающие области сознания и таким образом приобретает характер силы, отчётливо воспринимаемой сознанием как область, захваченную во времени. Парадоксально, но это так оказывается для нашего ума, который не в силах бывает справиться с задачей освобождения прободённого тела-пространства от захвативших его форм теллурических течений мысли сквозь апартаменты воли (это название образа правого полушария мозга). Чувственно наша воля принадлежит нам, нравственно же мы бываем ущемлены буквально в каждом движении мысли сознания, не имеющего опоры ни в одном реальном объекте внешнего мира, мы становимся малоподвижны в своих суставах воли, инертны и не определяемы сами для себя, мы

как бы отступаем в глубину сознания, оставаясь на поверхности теми же людьми. Вой планет сопровождает весь этот гул голосов в нашем я, стремительно уносящихся куда-то в глубину вселенной, вихри идут по памяти, сметая в угоду этому полёту любые препятствия из пределов здешнего мира, то есть вы не ищете себя здесь в этом состоянии планетарного масштаба мыслей, содержащегося в глубине памяти сознания; личность отсутствует в этом деле развёртывания памяти, она не в силах воспринять движущееся навстречу пространство и создаётся впечатление, что её как бы нет вовсе, личности как объекта воли я, как строящегося планомерного сознания, но это не так. Она становится я во всём этом пространстве, она становится я как память сперва, затем она переходит в состояние я просто адрес этого мира в себе самой здесь, и после этого она соразмеряется с неким большим пространством, большим, чем я-здесь память плюс что-то ещё. Я, представьте, корабль и плаванье его велико, м-да-с. Во сне далеко не уплывёшь, но причудлив тот сон, в котором я для вас некто, не скажу - кто-то, именно некто, которому вы снитесь изо дня в день по одной и той же причине…

29 февраля

Есть плазменные шнуры, так называемые, которые видны невооружённым глазом, их забота - охранять нас от несуществующих душ, то есть от тех личных амбиций, с которыми

мы сдружились в себе и думаем о них без царя в голове, и они кружат нам голову, будучи приёмниками колоссальных энергий в сравнении, конечно, с нашей энергией души здесь. В восьми этих пространственных состояниях сейчас участились всполохи энергетических шнуров, а вы понимаете, я надеюсь, что речь здесь идёт об энергиях наших с вами я, в которых реализуются те или иные виды пространств. Мне хочется, чтобы вы понимали эти состояния в себе. Фоторобот, который вы видели на своей памяти, был заключён между лопаток и заставлял вас двигаться в проекциях, быть движимым полем я-здесь. Но, разумеется, это не энергия мысли, это энергия памяти пространства мы.

Я веду вас правильно, Королева - беседуйте со мной, продолжайте это делать. В мистериях звука есть определённая заниженность состояний сейчас, они бредут потоком, эти звуки, и мысль как бы скособочивается, не успевая соскользнуть с руки, не успевая встать на своё место и сделать правильный выбор.

Я не претендую более на пространственную глупость, как вы хотите.

Я тем более этого не делаю здесь.

Вот изволите видеть, добрый мой Учитель, доброта вашей

мысли обо мне велика бывает, но так уж пришлось понять, что иногда она чересчур велика и мне себя не видать в ней бывает, я в вас широту души ищу, а не подслушивающее устройство в памяти, и мне, знаете, тошно смотреть бывает как вы извращаете мои представления, переделывая их под свои умозрения, и вот я прошу вас – вы линейно-то мои слова не воспринимайте сейчас, я вам это от себя говорю, я ведь знаю, что вы добры ко мне, и ничем вас обидеть не желаю, но и сама я тоже обиженной быть не хочу, а это вы так прямо и возьмите, как я вам сказала. Я тут для вас как синоним энергий иду, неисчерпаемых таких.

Мне вас в дело претворить хочется.

Чудно-с! Добрый мой Учитель, я, сами видите, ропщу. Синай как стоял, так стоять будет ещё, а что той горе к вам идти не придётся, так это я поняла уже, изволите видеть.

Надо нам с вами постоять за себя суметь, но отчеркните эту строку, пусть она останется между нами как неизлечимая воля пространства мытарей Господних, а кто такие? - спросили вы, -наболевшие вопросы, Королева моя, которые без ответа до поры бывают, а после, как ответ придёт на них, так они тотчас коду с вами образуют и отцепятся, так сказать, от вашего эго. Хотите, я вам анекдот про А. расскажу?.. вот идёт он раз по улице, видит столб, на нём надпись висит: не

влезай!.. ну, и так далее, он думает надо спросить у кого-нибудь, кто там был, зачем тут эта молния нарисована?.. ведь прямое следствие не является содержанием всей истории с трактовкой образа, оно занимает лишь малую часть не обретаемого в себе пространства воли Божьего ума здесь, но как бы в любом случае, - подумал он, - лезть туда не следует одному, - и указал на столб. А вы хотите от него понимания процесса добиться. Я думаю, что это верхоглядство, Королева моя, вся эта безумная пропаганда яви.

/…/А вот открыть сейчас все двери тут! Пусть свет идёт.

Мне очень жаль, мой добрый Учитель, я ничем не хотела поранить вашу руку, протянутую мне с такой любовью, ко мне самой, но вы же сами видите, какое отчуждение идёт по памяти ко мне, и всё это в верхних долях происходит, причём одновременно ведь происходит, и дайте мне волю пространства понять о себе, я тотчас очнусь.

МАРТ. Бал птиц.

1 марта (фрагмент)

Предельно скоро поезд прошёл!.. Предельно скоро мачты корабля унесли нас с вами, воистину светел Бог! Королева моя, я на колени встал и молюсь красота Твоя, Господи, измучила меня, прости мне это, я не знал, что Ты так красив… и заплакал, да-с, всякая тварь о красоте Твоей радует-

ся здесь, а я? как червь неугодный в темноте ползу, как далёкое эхо прилепляюсь, я Твой тут, я Твоё чадо, содей меня здесь, вот так эхо моё по полям бежит, а как стал я виден Тебе не захотел Ты меня знать, как напрасный импульс я к Тебе шёл, не обретаешь Ты меня в земных моих ипостасях, не видишь лица моего здесь как я не видел Тебя в себе, не ведая, что Ты есть мой Отец! Ты он, Господи, и не верю я в своё издольство перед Тобой, нет Его для Тебя, от Твоего семени я рождён как всё, всё здесь… и я заплакал снова. Ах, глаза мои чертили круги, я избегал на Бога смотреть в себе. Я так думал: если Он видит меня, то уж качества Его видения таковы, что их нельзя отменить…

2 марта 1

1.

Ангел мой полистал эти строчки, подумалось ему о чём-то, потом опять подумалось то же самое, и в третий раз опять это же пришло. «Я строю, - думал он, - это пространство в себе. Я строю его от всей души здесь, а пармен силы меня искажают, и строительство моё меня же без себя оставляет, без моего ответа, а почему я должен это терпеть, как если бы я сам был никто? так, пустая оболочка для чьих-то воздействий на своё имя здесь? при ком я состоять должен?.. - стал он пальцы свои считать при этих мыслях о себе и своём строительстве, - так, - говорит, - один – это я, два это тоже я, три это что-то другое уже, я почувствовал это!.. - восклик-

нул он и всхлопнул крыльями - свет его мысли разлился по округе сознания, в котором я пребывала рядом с ним.

Что ты думаешь, - спросил он меня тут,- как это происходит со мной?

А как – скажи сам мне об этом.

Я думаю, - начал он издалека свою мысль ко мне вести, - что это какая-то награда к нам с тобой пришла в это время здесь. Понимаешь меня?

Нет ещё, - сказала я ему, - не понимаю пока.

Ну, вот ты возьми шар, и покрути его в своей голове.

А как крутить-то?..

Ну как время идёт, - отвечал он, - так крути. Крутить надо сильно, с ветром.

Я думаю, число это пять, всё-таки, простая воля так не ходит, то есть её мало для этого вопроса обо мне, какой мы в душе оставили, и я и ты этого не сможем сделать тут, потому что пророчества твои сделались безымянны, а пастыри в свет ушли. Поняла?

А кому они, пророчества те говорились? скажи-ка мне сам об них.

Те пророчества были не от мира сего, - как-то вдруг скрутил он фразу ту, - ты об душе лучше думай!.. почему её намысленное пространство так велико тут.

Ты прости меня. Ладно?

Это как?

Прости мне все шалости мои.

Кем ты себя строила?

Тобой, кем же ещё. – Отвечала я ему по праву, - как ты свет мне нёс, так я и шла.

Площадь строительства того во мне открылась. Передо мной встали поля, в которых лежал круглый хлеб моей судьбы, с одного бока он был надкусан и какой-то скатертью прикрыт тут, чтобы надкусанное в глаза не бросалось.

Кто надкусил? скажи-ка мне об этом сам! – я Ангела своего просить стала.

Он мне прямо так и отвечает, что мол хлеб сей из доброй печи вышел и для пробы был взят, да лежал не в надёжном месте, а на столе.

Ну ты обдуманно это скажи, - попросила я его, - я понять хочу кто мне память надломил и на свой ум перестроил.

2 марта 2

2.

Ну, Богу Богово! Королева, тут я как раз в ваш кабинет вошёл, да с тем и пришёл, чтобы вам об этом сказать. Добрый день, Королева, вам!..

И вам добра желаю. Как вы себя чувствуете, мой добрый Учитель?..

Ах, Королева, как… унизительно - уж очень смердит, чувства мои смущены. Я, видите ли, память ту нашёл, как и обещал вам давеча. Да-с, нашёл, да я перед вами как бы весь обляпанный. Не знаю уж с чего и начать. Я сяду, если позволите, стоя мне трудно говорить о таких вещах с вами. Последнее время я озабочен был чем-то, вы заметили, я думаю, и эта озабоченность моя вам передалась, как бы невзначай она передалась как мы связаны с вами сердечными токами и союзом доброй дружбы. Мне не высказаться хочется, а це-

ломудренно промолчать, но коль скоро мы совет с вами держим, то я продолжу ту траекторию мысли. Во всяком деле есть горошина, что ли, которой надо прорасти, чтобы выйти на свет, таковой горошиной являюсь для вас я в том письме, с чьим адресом вы постоянно содействовали в своей памяти, понарошку, Королева моя, говоря себе мол я ничем тебя не отдаляю от себя, ты память мою тревожишь здесь перед чьим-то образом и от себя мысль уводишь мою. Уф!.. я с трудом выразил это содействие, тем не менее надо продолжать говорить об этом - ведь плохая память не означает плохую волю, присядьте и вы - что вы всё стоите, я скоро не уйду. Не всякое взаимодействие есть воля вашего ума, поймите это теперь - это важно понять, и степень понимания этого есть наряд вашей мысли, обретаемый вами во взаимодействии с гуру, импичмент (то есть разрушение массы сил, обретаемых им в пространстве за счёт прихожан в его эго-структуре, или эго-центре, или даже эго-состоянии я здесь, которое бывает весьма увеличено ими в себе) которого должен состояться, иначе волеобразующее начало положит себя на алтарь несуществующего Бога в памяти я. О чём я так странно веду речь, как бы вообще, не касаясь причин вашего предметоискательства, или, уж точнее будет сказать, вашего осязания в себе того самого, или этого самого объекта воли, с которым вас тайно сцепила судьба, не озадачив при этом правительство мысли хоть какой-нибудь проекцией в разум, проясняющей ситуацию для вашего я-сейчас.

«бездействуй, молча живи в памяти за счёт чужих воль, освобождай своё я от сознания сейчас» эта структура озадачивала ваше я до сего дня, даже в глубинной памяти вашего эго. Я не найму собутыльников, чтобы пропить…

Ну хоть приблизительно, Королева моя…

Моя мысль никуда не идёт - она всё время упирается в какую-то столовую дверь, и вообще она довольно нелепо себя ведёт, признаюсь вам, мой добрый Учитель; я не вижу для неё выхода, а вы видите его?

Я вижу, да, – вижу, и потому молча беседую с вами об этой форме сознания в вас. Вы структурируете память, несообразную вашему я-сейчас, она целиком направлена в ложное русло подобия, к которому она была пристёгнута, совсем, совсем понарошку, только не зря я вам говорю об этом сейчас так серьёзно достаточно. Я предельно просто переакцентирую ваше внимание на себя - и мы с вами будем пожинать плоды вашей жизни в моём саду, а как я это сделаю? Вы сейчас убедитесь, что это просто делается. В приёмнике памяти есть одно место, оно называется сутолока дней, в котором толчётся полно народу самого разного толка - отворите им дверь, пусть они войдут и их станет ещё больше (мы говорим о соображениях вне фигуративного пространства,

под народом я разумею мысли, их наполнение мишурой пространственных метафор), они заполонят гомоном всю вашу ауру, обесцветят её, лишив внутреннего взора ваше я на мигдругой, и вот тут-то вы и включите свет внутреннего сознания - скажите ему это займись мной сейчас. Оно осветит это пространство памяти и вы определите эту черту, за которой ваше эго становится несамостоятельно мыслящим.

3 марта 3

3.

…просто это «головокружение» становится малопонятным, мало внятным вам самой, как какая-то магма слов вдруг заполняет наудачу ваше я.

…что оболочки снов утолщаются, а вы их принимаете как озарение какое-нибудь в видимом этом свете.

…что вы себя вспомнить должны на фоне всех этих видимых причин ветра в поле, а чьи мысли к вам самой идут - это дело десятое тут и не должно их оспаривать как они не ваши, а вышли перед вами, да при том без сил, а как какое-нибудь умолчание о себе самом во вне.

что чарующая их благодать волю свою имеет для вас, да при том приязненную волю ту, я сам вам об /этом/ скажу.

ни в мыслях, ни в праве на передел сознания наверху на чьи бы то ни было лады, уж поверьте мне как вашему конфиденту, я не смею созерцать ваше небо в себе без любви - я просто утону тотчас в глубине зрачка и буду барахтаться, как волновод, без приязни к самому себе, без воли и осознания её своим я, и тотчас небо это скроется и останется одна гуща слов, масса слов, обесточенных, обезволенных, лишённых объятия сознанием в себе [обретения] и т.д. Этому не должно быть, Королева моя. Это как на войну идти без оружия, а так, с одной трубой в качестве объекта воли. Вы понимаете это?..

да не примите за труд, а примите за ключ эти слова о позициях силы в вашем я, ведь прелесть состояния столь велика бывает, что кажется уж негде слову упасть, очарованные эти выси могут сами раскрыться, если вам Бог велит это сделать, я знаю, что говорю тут, потому что велик день, Королева, бывает, о каком я вам говорю здесь теперь. Он ведь отсюда идёт, а не с неба приходит, - как! почему отсюда?.. - спросили вы меня, подумав что ослышались вдруг; ан нет, Королева, не ослышались вы. Внимание ваше застопорено было в чуждых вам я, а потребуется сила осознать это теперь самой. Противоестественно эта память шла перед вами – как небо кто красил, а после размазывал краску ту, и не до сокрушения, а так, пальцем водил по размерам строк и от себя прибавлял мол, я то небо знаю и в беспутствии своём буду

тут память о нём обретать; я силу тех небес знаю и буду в них память свою полоскать, она и очистится от належей и станет тут ясным светом себя демонстрировать (слово-то экое, вы правильно заметили это, демонические устроения эти). Да как отчуждаемая эта воля повести себя должна, как ей, пристроившейся наверху к вашему я-тут, быть без себя, без своего семени во вне этих мыслей, уже произведённых на свет с помощью волн. От себя далеко не уйдёшь, - об этом я после скажу, - а как воля освободится ваша, так вы сразу верх этот почувствуете здесь. Снизу прилепленная воля к верхнему ярусу бывает разного толка, а чья волевая константа может правильно себя ощутить в областях запредельных, Королева моя, знаний, я вам грушу надкусил, да сам её, пожалуй, и съем, да не бойтесь вы этого сознания. Оно вверху вашу волю застопорило как право на экзекуцию здесь, а почём гвозди тех рук ему невдомёк, а как так? - поинтересовались вы - если оно верх мой закабалило в себе, да притом…

……

…без образа, а просто как струящаяся память сейчас во мне идёт и тугую нить эту держит, как приволье какое она нашла тут во мне, что за праздное злословие об мне идёт? для чего оно эти крыши надо мной строит из почему-либо не определяемых мной пространств, - в себе самой не определяемых? Я небо слушаю, а слышу что-то другое – так получается, добрый мой Учитель.

… а чтобы чужое поле с лица сошло надо себя тут лучше знать, и отчётливо знать, без прикрас или созерцаемых обводных каналов, а что это такое? – это в душе река протекает вокруг твоего ума; сама течёт – никто не звал

ищущего пространства стало мало, становится мало, так вернее будет сказать, когда мы сами становимся для него неотчетливы, может быть, не осязаемы – как картина, которую мы тупо рассматриваем в себе, не имея для неё сюжета во внутренних полях нашего я, не имея определяющего её пространства в себе самих. Я думаю, эта воля отойдёт от вашего я; по сути, это воля животного, желающего поживиться за счёт человеческого сознания, за счёт его умения, воля животного, желающего лицезреть Бога, но не умеющего это лицезрение исповедать, не умеющего Его осознать собой - не умея исповедать это желание в себе. Молитвенное это преклонение не имеет силы, если в нём нет души я. Я первый среди вероотступников, если мне скажут (кто? почему?..) что я пошёл искать Бога без права в душе на эти поиски, без сомнения в праве своего я на эти поиски, без угодливого этого столоверчения вокруг своего носа в поисках пространства мы есть Бог тут. Мы это я. Я это мы, и не двести штук, а я, я один это мы…

…что это, отвердевшее во мне состояние, есть Бог, я не

поверю в это. Бог не может быть твёрд - иначе бы мы не произошли от Него и не стали теми кто мы есть - людьми здесь, в своих запятых и кавычках, в своих яяяя. Я в душе силу имею идти, и я иду.

Всё же, Королева моя, я боюсь уподобиться вам, во многом, знаете, боюсь; я здесь Бога охватил своими мыслями, как - как сумел, так и охватил. Наверху сознания в нас есть Бог, и этот Бог спит. Он спит до тех пор покуда мы не разбудим Его сами и не скажем Ему вставай, пора идти, пора знать свет, пора делать это дело нас обоих тут, пора быть самими собой и не втирать людям очки, что где-то там есть жизнь на планете Земля, что где-то кружится голова от счастья и любви, что где-то… ну и так далее. Как по писаному. Как производное своего Бога я жутко могуч, я выстроен из его частиц света - я свечусь по ночам, несколько паранормально, признаюсь, но это есть, потому что я криптограмму Бога в своей душе нашёл, ну вот и стал светиться, не отчетливо, правда, несколько затуманено почему-то, несколько неоправданно затуманено, да-с. Но ведь формула Бога одна на всех. Так что её можно найти. Я везде сущ - это Его слова, между тем. Вселенная гармонична, а мы – её часть, такая, правда, не всегда обнаруживаемая, как сноска к строке возьмите это сейчас тут: без размера души нет, есть горох в поле, и ветер его приёмник. Богу угодно было создать эти нити в нас, нити-связи, нити волшебной прозорливости

в любви, нити вездесущих аур света, ведущих нас прямо туда, в Божьи приёмники силы света, и возвращающие её нам столь чудесным образом здесь. Я громогласен и строящ, сказал Он, и стал это делать. Подвох кроется там, где мы перестаём быть самими собой и становимся куклами чужой воли без содержания собственных я. Я высокомерен бываю с любострастными подпевалами, с противно ноющими базарными бабами, для которых я – крепостной в картузе, неизвестно почему ставший вровень с ними, неизвестно почему пришедший к ним с небес и также неизвестно почему запёрший на ключ ворота в рай и, став посередине их пути /подстрочник мой, NB/, объявивший им вдруг, что мы с вами туда не пойдём, мы с вами в другое место пойдём, пожиже (извините), там лебедей нет, но птицы тоже плавают.

Я потише буду говорить, я понимаю, что вы мнётесь, уповать ли вам на Бога в себе, ибо Он вам простить что-то не может, ну никак Ему это прощение не удаётся в вашей душе совершить, потому как Он мало видит вас, маловидны вы Ему, от таких-то высот сюда идущему прямо в вашу часть Его Души здесь. Я думаю, Королева, что это не совсем так, как если бы вы своё поле имели засеянным неоднозначно.

Я простительная фигура в памяти, если вы сами умеете прощать людям их огрехи, их потаённые от ума имени мысли, их хлеб души, если угодно, которым питаются их дела.

Предельно скоро поезд прошёл!.. Предельно скоро мачты корабля унесли нас с вами, воистину светел Бог, Королева моя, я на колени встал и молюсь красота Твоя, Господи, измучила меня, прости мне это, я не знал, что Ты так красив и заплакал, да-с, всякая тварь о красоте Твоей радуется здесь, а я? как червь неугодный в темноте ползу, как далёкое эхо прилепляюсь, я Твой тут, я Твоё чадо, содей меня здесь, вот так эхо моё по полям бежит, а как стал я виден Тебе, не захотел Ты меня знать, как напрасный импульс я к Тебе шёл, не обретаешь Ты меня в земных моих ипостасях, не видишь лица моего здесь, как я не видел Тебя в себе, не ведая, что ты есть мой Отец Ты он, Господи, и не верю я в своё издольство перед Тобой, нет Его для Тебя, от Твоего семени я рождён как всё, всё! здесь, и я заплакал снова. Ах, глаза мои чертили круги, я избегал на Бога смотреть в себе. Я так думал: если Он видит меня, то уж качества Его видения таковы, что их нельзя отменить.

Заданное моё право ложится на круг…

Ну, да, да! Королева, - я ведь понимаю, что вам надо как-то себя понять, охватив взором всё это пространство, одним взором всё.

…ну не колыбель моя революция…

/\/
\/\/\/\/\/\/\/\/\

4 марта

Да весь вирус в нём и бежал!.. в этом /обсиденте [непонятное слово]/, образном мышлении, ну вот стойте теперь тут. Приём паранормальных границ света, а что значит паранормальных, вы головой думаете, или какой частью тела тут, вещее мне слово сказать надо, простите этих людей. Да, сами, вы. Простите их! Они не были злы, но не были и добры; это так. Они жеманно изображали богов тут, они жуировали с пространством вымысла, нагоняя в него свои мерцающие облики и вышло пфу… малопонятное устройство для дискреции мысли в сознании реципиента воли, а потом память произвела отбор, селекцию, и просто свернула в комок все эти ухищрения - за ненадобностью, простите уж, за простоту искажающего вашу волю объекта. Да, малиновый звон прошёл по субстанциям, да он и сейчас ещё идёт, как-то искажая память здесь, но дело в том, что верхние ряды перестают подчинятся нижним просто по свойствам своих я; я уподоблю здесь это тому, которое вверху и оно станет мной, по определению, а я останусь тем же самым я, но вот то, которое вверху, перестало снимать уши и класть их на подоконник, как неадекватное мне самому пространство, не имеющее со мной общей пользы и не являющееся носителем моей мысли

здесь, оно не укладывается в мои представления о нём, потому что мои представления ничтожно малы и не могут дать ему простора для выражения идей, осуществлять их мной, по сути происходящего, и оно отторгает мою явь, Королева, которая ему чужда становится из-за явного несоответствия, из-за явного отсутствия этого соответствия между мной и моими делами, к которым я призываю тут это верхнее состояние. И вот я, высказав это, подумал, не осознанно, может быть, и как-то слегка покривив душой при этом, почему столь долгие тернии не ведут к звёздам, область которых остаётся потаённой державой в нас самих?.. во всех случаях кроме одного, может быть, я думаю об этом и мне весело бежать к вам сейчас, потому что моя мысль о вас чиста как взаправдашний снег, или нет, не так это следует сказать вам сегодня. Моя мысль чиста как подлинное чувство, в котором нет грязи навета.

Я был бы рад устроить бал птиц сегодня, пусть они прилетят к вам с весной и станут петь о любви в вашем я, настоящей, женской, мужской, притягательной, Богу угодной любви. А что труд сей не напрасен был, вы убедитесь сами.

4 марта 2

2.

Но ведь цель едина как состояние эго, - сказали вы.

Правильно, Королева, разумеется это так. Я возмущён до глубины души этими кондуитами и иже с ними. Да-с. Во-первых, и это не восстание души против образа своего я-здесь; это вообще другое пространство. В нём, как в книге жизни, есть право на то же самое – на любовь во мне самом, на любовь, которая даёт мне жизнь и я беру её, а вот что дальше с ней происходит вам не нужно объяснять, я думаю, она рассыпается на верхние доли, становясь паразитом и выуживая из моего эго эти самые частички жизни тут, и всё это только потому, что я не даю ей жизни, она не живёт нигде, кроме меня самого и мне нет сил от неё, поэтому и нет. Да, более чем активно. Я перестал здороваться с вами по каким-то причинам, здравствуйте! Я очень рад вам, очень.

Манипуляции пространством есть великое искушение и великий труд, и оба эти замечания справедливы. Я сознаю себя способным к этим манипуляциям, и я думаю, что я велик по этой причине, но дело в том, что я ничтожество – моя душа ничтожна, она не знает зла, но она не знает и добра, то есть она недостаточно велика сама в себе, чтобы понимать пространство жизни как свою суть, не истощаемую здесь ничьей волей, поймите это правильно, ничья воля не способна истощить жизнь, она уйдёт от истощающего её в анналы, она покоробится, став на время подобием недобра, да, так, а потом она вернёт это подобие тому, кто его вручил ей, и станет даже лучше, да, она станет лучше. Я настаиваю на этой

сноске к строке обо мне, - потому что жизнь это я-здесь.

Я невелик ростом, я мал сам по себе, и меня… Я подумал – а зачем вам это знать, ведь это некрасивое соединение отчуждало вашу волю и недостойно кивать головой - мол я это знаю теперь, мы не будем сращивать пуп земли с коллегиальным мышлением извращающих материю света в нас, а как сила воли могла достучаться до вашего аума без этого сращения вашего сознания с чьим-то ещё образом, к которому ваши руки были привязаны как честное слово! Я обойду, может быть, я сейчас подумаю ещё об этом соизмерении вашего я, как я сказал, не случайным.

Множественность определяющих синтагм, может быть, передают состояние в любви организма воли человеческого я, и, знаете, я ведь волен делать это – передавать, волен и не передавать, волен быть. Знакомое чувство отчуждения заставляет меня избегать определённостей, и я бы хотел, чтобы вы сами…

Смешные истории моего детства превратились в надуманный кошмар памяти, вы извините меня, но я бы хотела понять суть говоримого мне. Я предубеждена, возможно, но только я смею вас просить не пятнать здесь более никого, мне хочется выкинуть вон это богомерзкое сознание отсюда. Я не желаю более чувствовать его взгляд на своём плече.

Это, отравленное свойство жизни, здесь. Я не имею к нему никаких претензий, кроме одной – убраться отсюда вместе со своей памятью обо мне, если таковая имеется. И я прошу не кивать более на дальность расстояний, о мой добрый Учитель. Эти расстояния ничто здесь. Мои пространства любимы мной.

…и эти стигматы воли, требующей каких-то жертв, а вы бы сами не хотели этой жертвой стать?.. ну да, вот так как есть, в этот мысленный огонь пойти и там кружиться в памяти или без оной?.. ну и отсечь таким образом свои грехи / …/ Я душа тут! Я ветер этот знаю.

4 марта 3

3.

Отождествление признаков воли не всегда бывает разночтимо, бывает так, что они сходятся в какой-то точке и ум заполучает оба объёма в себе для осмысления, и мы как бы мечемся меж двух огней, огненных чаш сейчас. Мы чаруемся одной и обращаемся к другой, мы стремглав кидаем все дела, чтобы схватиться за минуту, кропотливый труд нам незнаком, память затмевается какими-то волнами, волями и наше эго почему-либо перестаёт понимать свою принадлежность нам самим; такое случается, когда мы бываем обезволены в сейсмическом смысле памяти нашего я-сейчас. Я волен предположить, что вы слишком часто бываете за грани-

цей ума и потому немного…

Правильно, что вы отбросили от себя этот шлейф слов.

6 марта

Знаете, сознание есть вид деятельности во внутренних мирах, и я не определяю своё сознание до тех пор как качество, которое присуще мне здесь, покуда я стану сторожить эту башню, о ней речь и пойдёт у нас с вами сегодняшним днём. В институтах сознания есть мыло, много мыла, я называю этим словом способность сбрасывать со счетов, или – не принимать в расчёт, что одно и тоже по существу говоримого здесь. Я приблудная овца для вас в своём роде, и я же превосходное качество мысли здесь. Я не видел строк о вашей любви, я их не видел. Тирания и правопорядок разные вещи, если смотреть на них с высоты созерцания [сознания] в разуме, во всяком случае я уверен в этом сам. Мне кажется, если я обладаю мыслью, я пойму это без вещественных доказательств, а только разумом своим пойму, так как он способен отдавать себе отчёт в своей принадлежности Господу, Создателю Разума в нас самих. Я верю, что я сел на стул не зря, и раз уж я сижу на нём, продолжим. Я не велю вам строить парадигмы отсебятины - это всё моё веление. Я не велю вам ложиться спать без предельных скоростей света в душе, и так же, как я не делаю этого сам, я не строю дом в рыхлом месте (NB!). Это государство стареет, государство лжи

и насилия над индивидуальным сознанием, над индивидуальной личностью сознания, что несомненно важнее для понимания процесса остекленения, или смерзания этого мира индивидуальных сознаний здесь в единую массу энергий, не принадлежащих никому здесь лиц воли - над умопостижением пространства Бога в нас самих. Смятение царит во внутренних мирах, смятение и во внешних. Мы не сумеем передать и сотой доли этого смятения воли Божьего Ума о нас, если станем принадлежать этому смятению, если сами станем принадлежать ему здесь. Мы бываем напряжены до истязания и не верим в происходящее с нами состояние с этим миром нужды в пространстве Бога, который суть я-здесь. Во мне происходит это смятение, от которого я не знаю куда деть свои руки и заставить замолчать в себе это троглодитское пространство больной судьбы моего я. Но я не верю при этом, что оно, приспустив надо мной свои завесы из…

Мы, пробираясь на ощупь сквозь пространства мыслительных завалов, смогли превосходно оценить всю степень истёртости этого пути, какую-то его целлулоидную смурь, если хотите, в которой нет Бога, а есть тень притушёвывающих свет над головой пространственных я.

Мы не сумеем передать и сотой доли воли Божьего Ума о нас, если станем принадлежать этому смятению сейчас, в лицах происходит смятение.

Вы обратились за помощью именно теряя свою индивидуальность здесь, смерзаясь, так сказать, с внешним обликом этого мира. Определяемое пространство становилось мало для вашего я и не имело с вами общего потенциала, оседая копотью на страницы души. Вот ветер, - возьмите его, пусть он ударит по проводам и унесёт вонь тех листов в себе, оправдывавших якобы благой целью создания крепости правовых отношений, продуманно правовых, прилежащих единственно основе вашего я-сейчас. Я пожар раздую в вашей душе, воле, если вы будете притаптывать эти схватки с материей света в себе, если вы будете пламя заливать водой объяснительных записок, почём дождь, я налью.

Я не сержусь, я проницаю, извините уж за такую проницательность здесь. Мне ведь многое пришлось вымарать из вас, из вашего эго в состоянии зла, вы не определяли собой это пространство личного эго, ваша душа ушла в пятки и легла туда спать при мысли о сознании, единственно возможном здесь.

Я вас не поняла сейчас.

Вы подумали, что я начхал на все эти обстоятельства и буду делать вид, что мне ничего не надо и в душе моей полный покой и надлежащие устои. Я думаю, что внесение бы-

ло сделано через образ А. в ваше я, то внесение незамеченных вами страниц текста, о которых я могу только догадываться, будучи в памяти и полном рассудке. Извольте выслушать, мне надо бежать, знаете ли, поскорее, я что-то очень уж уныл тут сейчас, как тот самый я, о блеске молний после поговорим, а теперь надо вам знать вот что. Мы хотим более живого общения, более плотного, может быть, общения, но нам всё время что-то мешает, или кто-то, всё время кто-то хочет поделиться с нами своей судьбой тут.

8 марта 3
Я круглый год,
а ты – змея
за хвост схва-
тившая себ
я

Ты берег
дальн/ий/
Я ответ

9 марта
Зеленоградская

Я каюсь, я волшебник в твоём доме. Мне хочется раскрыться перед тобой, ну, и не вести этот диалог без смысла знать, я передаю тебе знания в настоящем времени я здесь.

Во мне всякая воля жива, пойми это, мир связан любовью - это его состояние, ну, и возьми его себе, и живи в нём, в этом состоянии любви к миру, а я желаю тебе успеха в нём, в его высотах и в самых различных мы есть этот мир здесь.

Я не стесняюсь говорить тебе об этом состоянии, об этом бесконечно добром и серьёзно настроенном на мысль о любви к миру. Мне хочется, чтобы ты чувствовала эти дни в себе в моём позитивном пространстве любви, я знаю, что ты умеешь любить и умеешь чувствовать любовь, идущую от других людей в мысль и делающей её любвеобильной здесь, осознающей этот мир как миг, или как время для любви, ни для чего иного. Я строжайше запрещаю тебе источать любовь в пользу бедных, только ты пойми это правильно на сей раз - в пользу тех, кто не способен обратить её в пространство и сделать выражением чувства. Бедные – это те, кто не умеет любить здесь. Они потому так не богаты, что сами принимают, но ничего не отдают. Ничего!.. Я глубоко несчастен был от этих сил, и стал им сопротивляться. В конюшнях сытости много бедных, много ограбленных и напоенных, много преданных от нечего делать, в чём весь ужас-то, пойми это; им нечего делать и потому они перестают понимать себя здесь как тех, кто способен к любви, - способен любить, я это хотел сказать так - им голос неба нипочём в душе как у них её нет, у них вместо души сквозняк, они ищут и не находят, потому что не лежит нигде, ни в чьём сердце не лежат их души, в

одних ментальных планах пламя то идёт, понимаешь?..

Я стоял на этом ветру и огонь жёг мне душу здесь. Я стеснялся выражать это чувство, так как оно от ума во мне было, как какое-то больное сознание во мне шло без остановки на процесс отдачи сил, то есть они горели во мне, силы эти, как тлеющие угли были они во мне, а я всё шёл, шёл и шёл, и думал, что так надо - что надо так идти. Да кому, по чести признаться если, это надо так?.. Кому? Кому угодно, чтобы эта воля истлела здесь!.. Я не верю теперь в креативы этих сознаний, нет их более для меня, не существует. Я не стал делить душу пополам, это, мол тем, а это я себе оставляю.

Предосуществление я существует, вот и представь каково оно, если я сам по себе ни ты, ни я, так, эго…

Светящиеся эти частоты, ты себя отдавала в распыл этим состояниям с я-памятью безудержных этих объектов силы зла, ну просто потому, что они были рядом, а ты принимала их за своё Боговдохновение, т.е. \./ а это были отростки воли тех пространств, из которых \/…

Я обретаю форму твоего я сейчас, ту, от которой полнится душа, истерично загнанная в угол сознания и взаимодействующая с огненными шарами чьих-то там умыслов прежде чем попасть в твои анналы памяти, уйди от тех воль, в кото-

рых мысль бьётся как бы в тисках, озадаченная вымыслом о природе Бога в нас самих здесь. Он это я, но Он не любит меня, если я несу зло в Его пространства здесь, если я сам отчуждаюсь от Его любви ко мне, или во мне, [Он уйдет от меня, если я буду жесток сердцем и не иметь любви как насущного образа в себе], и Он любит меня, если я вольный свет Его, найденный Им во мне здесь, сейчас, и я обладаю этими состояниями в своих я сегодня, в памяти, в слове, в деле.

Я корень зла источил, истощил и буду истощать, если он даст о себе знать, если он наветом покроет мою совесть, если он будет поглощать из моего я воды любви и я не стану делать этого, любить.

Во мне вся мощь твоих минут звучит в состоянии я есть любовь, и я прекрасен становлюсь как мысль о тебе здесь в своих координатах, в своих состояниях с тобой, о моё сердце ты.

9 марта 2

2.

…просто я Паганини скрипку подарил…

Просто я существую не только как изделие твоих рук, в которые ты вложил эти дни – эти, чувствующие нас с тобой здесь дни. Они чувствуют нас, они знают, что мы есть, что

мы вяжем чулок пространственной мглы из чувств, что мы пьём сироп из излишков совести, с которой сдружиться в головном этом я не представляется возможным, или /не имеет значения/ не совпадая в кажущихся нам самим стократно увеличенных мглистых или, ИЛИ! или?.. Но ведь и ты существуешь, или я ошиблась и существуешь не ты, а я существую здесь вместо тебя?.. Вместо того, кто хотел прийти, а пришла я?.. и стала, а ты пришёл и увидел меня и сказал не-е-ет, это не она, это другая, такая же, только другая лучше.

А я и есть лучше. Вот так. Чем ты скрывал меня, то пусть откроется теперь. Чем ты память мою засорил, от себя во мне прячась, то пусть выйдет теперь.

И неожиданно скоро появилось грязевое облако, из него посыпались покалеченные списки моих слов, в которых я спорила с судьбой, стараясь понравиться ей, ублажить её как-то, принарядив своё я во мраке той ночи, которая скрыла меня от всех глаз вообще; невидима я стала им, глазам тем любящим меня как и я их. Стали проявляться какие-то сны, в которых я была частью безропотного механизма воли, стоящего на страже моей минуты и держащего меня за руки, чтобы я - упаси, Боже!.. – не состоялась как самостоятельное число этого века, как сохраненное качество любви, в котором я и ты жизнь, а не полоска света во тьме забвения здесь, в безропотных этих державах зги не видно. А ты зажги свет

и пой о Боге, - пусть Он увидит тебя, как я тебя вижу здесь лучшим в мире компасом, о, моё сердце в любви.

10 марта

Мысль стремительно убегает каких-то состояний, каких-то безжизненных, противно обработанных чьей-то рукой здесь в тишине. Она не хочет жить там, где ей неприятно это делать, жить в объятиях чужой души, не имея при этом своего я. Она тупеет, она становится вялой, как казначейский билет, затрепанный по карманам до неузнаваемости, затертый и замызганный. Химера с плоским носом проехала мимо станции, ей память помогла сойти на следующей и она стала проявлять себя, проявляться, как незнаемое ранее мы-здесь. Во всём этом могуществе воли не нашлось ни самомалейшего единства со мной, чтобы отождествить здесь память со странностью этого выбора во мне; не нашлось. И его не стало, - он куда-то делся, весь и сразу. Ни одна минута не догнала его, чтобы участливо подумать об этом выборе как о чём-то скроенном по размеру души моего я.

Да, везде мысль живёт. Богу угодно было вас, вашу думу обо мне, в эти анналы наладить, то есть направить её туда, и там пожить, недельку-другую, только, я думаю, это дело по совести обойдётся, само раскроется от секретов этих, в каких я вас держал тут сам, да-с, я держал, не выпуская руки вашей из своего я-тут. Но не станем мучить это про-

странство загадками памяти - станем его раскрывать потихоньку от них. В чьих формулах жизни вы чувствовали своё я как бы знакомым ему (этому обретающему вас, ваше я пространству), податливым на искус и прилежно следовавшим его баннерным знакам, которыми усеяно было ваше поле о свободе не думай! Я кран закрыл, я есть мысль об обладании твоим я во мне, я есть её воплощение в тебе в виде облика моего соединения с тобой везде, где бы ты ни находилась.

Это состояние природы мысли, с воплями отторгаемой от её носителя. Да; с воплями, с криками, с жалобами, с индульгенциями в руке вместо я-здесь, и так далее. Храм небес строился из-под палки надсмотрщика, или – неумного, тупого пространства, заставляющего делать своеобразные маршруты мысли за строительным материалом сознания туда, где память прилежит огнедышащему, огневидному пространству неба в нас самих. Это небо есть признак половой зрелости. Оно возникает из памяти как канделябр в ночи сознания и мысль устремляется за ним, потом она, опомнившись, бежит обратно, отражаясь от ночи в страданиях незасеянного поля, не имея звёзд в душе, чтобы работа шла постоянно, работа по осознанию себя строящимся элементом вселенной Бога здесь. Работа шла медленно, ибо заслоенность разума велика оказалась, да так велика, Королева моя, что всякая мысль о чувстве любви тотчас увязала в этих слоях, делаясь маленькой точкой на вашем небосводе.

Из неё вырастали провода. Причём ведь не обычные, а такие, семяпроводящие, семяисторгающие, с плодами памяти на концах ветвей, с полученными вместо них протоколами «принял, убыло».

Представьте себе какие-нибудь крыши каких-то домов, неважно где, и почему вы их видите в своём эгосодержащем я-сейчас, ну достаточно быть вполовину закрытым пространством сейчас, чтобы суметь не увидеть то, что постоянно держит вас в напряжении.

Да, великий Бог пространства чудит иногда, предлагая взамен памяти крышу неба над головой, взамен любви чашу с горьким питьём, а суровый взгляд из-под бровей вместо указующего перста как жить; так бывает. Пространство пустоты заполняется жижей слов без определяющего его сознания, и всякое я становится креативом в нём. Всякое, Королева моя, без продолжения, потому что память образует во внутренних анналах пространства для них, для этих я, какими бы они ни были – случайными, противоестественно закрученными, - произнося слово мы, они становятся частью владения памяти я. А владелец памяти я продолжает при этом безмолвно строить свои широченные одежды здесь, постоянно сетуя на нехватку материала. Обратите внимание, что я невежлив с вами бываю, когда вы позволяете себе «откачивать воздух из чужих воронок», не имея достаточно сил.

Обо мне ли ваша забота идёт? Иногда, и часто, признаюсь, - мне представляется, что вы эту заботу о ком-то ещё ведёте, а во мне она смысл имеет.

Обучаете и наставляете какое-то пространство, а мне оно знакомо, и я слышу это в себе. Вы во мне к кому-то идёте с помощью, может быть. Я не хочу сказать, что я часть его, или оно моя часть; просто оно во мне есть, это обращаемое вами к себе. Может быть, его лично кто-то носит в себе и я часто думаю кто ж из нас тут я? Вопрос не дурацкий, добрый мой Учитель. Отнюдь. Много раз я с ним к вам шла, ответьте мне, прошу вас. Я за себя постоять хочу, что в этом странного? Сколько раз вы говорили – будьте сами собой. Я иллюзию, может, какую несу в себе. И мне она душу застит тут. Да чем её поймать, чтобы отвадить, надо бы мне узнать это. Какая воля пришла, такая и ушла – так великие учителя учат терпеть.

Новости ждите, быстро время то течёт, какое прошло, а новое взойти ещё должно, причём опять я это буду делать.

Пусть судьба смилуется над нами.

———

В движении мысли есть особенность - она застревает в хо-

дульных идеях и становится мочалкой, нацепленной на объект. Она способна двадцать раз осязать одно и то же пространство своими я и видеть только то, что она (мысль) уже видела. Она хочет выдернуть провод из рук этого объекта, говоря ему ты застрял в моей голове, ты думаешь тут, обласканный моею любовью, но ты сам не видишь её, полагаясь на очки, сквозь которые идут твои мысли. Ты думаешь тут о Божественном умысле, защищая свою волю в моём пространстве судьбы, а, между тем, она моя, а не твоя, и я, имея творческое начало в своём я, тружусь об этой воле в конкретных мыслях своих минут, безжизненно, беспредельно глупо, уповая на Бога в тебе самом, а Его в тебе нет. А что есть? Моя синонимия, отчетливо просматриваемая сквозь твои очки.

Во мне всё фигуративное пространство вздрогнуло сейчас – как, = сказал я тебе (в себе, разумеется) - я, настоятель твоего монастыря, сам по себе настоятель, без правил и оконченных пьес для пианин, натрудившись до умопомрачения…

Я не хочу говорить это.

Я буду говорить. Я писатель, а не войлок жую. Я правду сказал, вот такую сумасшедшую для нас с тобой правду; без неё обойтись нельзя нам.

А мне кажется у тебя уши мылом намазаны.

У меня уши в порядке; ты не спорь со мной, а выслушай какая новость. Мне, безрадостно просидевшему весь этот срок в катакомбах мысли, пришлось выйти на свет. Я ослеп, оглох попервоначалу, а потом стал делить это пространство на дело и безделье, на то, что мне кажется, и на то, что есть вокруг меня самого здесь. Я увидел мало, признаюсь тебе, кибернетика мысли сразу закружила мне голову и я стал бысть вот такой как я есть сейчас, весь из нелицеприятных соображений. Я куколь надел, и стал в нём ходить…

Выйди–ка… Вот так.

…перед собой тебя видя, во сне, правда, видя. Ты обманываешь себя, говоря мне это ежечасно: я не знаю, кто ты, я просто соло на трубе - вот кто я. Я достался тебе из-под пелен этого города, который одному Богу известно когда перестанет ждать меня [жить во мне], я же чувствую его как себя, как своё имя, как самые раздолбайские эти песни, которыми я устелил дорогу в Рим. Фантастика!.. - говоришь ты - ну да, отзываюсь я, - а на какой окраине какой планеты мы с тобой виделись, что-то я не припомню сейчас, настаиваешь ты на обзоре пространства, да возьми ты эту фигуру и тресни меня ею по лбу, я и проснусь, я не стану обижаться или вкрадчивым голосом говорить мол где мы, что мы тут делаем и для

чего я сплю в этом месте, как будто других нет.

Так море расступилось и пропустило нас с тобой, проснись и ты – я же проснулся и стал ходить по этим водам в приступе невежества, обскура памяти соблазняет пространство мысли, ставя на колени перед образом сознания Яяяяяяя!.. не владеющего собой чужака, но только ты не думай обо мне что-то больное, я настоящий и ты настоящая, мы оба настоящие. Нам пришлось долго думать, прежде чем мы догадались, что ум нам не помощник в этом деле судьбы, потому что он не умеет определять её собой, ну вот так, - не умеет, он умеет только видеть происходящее здесь и думать, что это он сделал так, что надо бы ему поосечься, уму этому, что надо бы ему в будке лаять, а наружу ни-ни, внутри, мол, сиди и размышляй там какая тебе степень совершенства важна и почём нынче сажа, каковою ты весь свет перемазал пока в трубе волком выл, а что ты думаешь - так и было. Мне самому тошно вспоминать все эти истории с горькими яблоками, которыми я потчевал тебя, чтобы наказать за произвол в моей судьбе. Я память отстегнул тех дней, затем и пришёл – сказать тебе об этом, на ум я имею в виду пришёл, весь день я журчал строчками самого разного толка, я скрипел мыслью, натужно соображая в каком числе, роде и времени…

11 марта

Вещество мысли – жизнь. Я прошу вас обойти это соеди-

нение молчанием сейчас; в нём много говорится не от души, а, так сказать, от суеты помысла в пространстве мы, в котором творятся безумия в том числе, я стою этих дней – я сам их стою, а не потому что они есть во мне, я презираю половину счетов своего я, потому что они истрепали мне душу своими выводами, как неимущие сборники этих пьес обо мне, как не стоящие ничего, поверь, сомнительные адреса прилежащих окраин сердца во мне, что я сную как безжалостный вертопрах, как самодельная груша, которая висит на дереве и думает, что она плод любви дерева к воде, то есть мыслечувства к сознанию я, можно так сказать, можно, плод этот горек, если подумать о нём правильно, понять его происхождение во мне, откуда ему расти? подумай-ка сам, поэт!.. из каких частей тела вызревали твои уши тут, если уж и быть честным с тобой, любовь моего эго к тайным сношениям с пространством силы ума, с проповедью этого ума как осознающего волю здесь, чем? контурами сознаний?.. конструкциями из башен слов?.. кучами мусора в твоей башке, о, делатель снов, я жую ботву, я жую, а не ты слышишь меня, попирательство перед законом любви нелепо, как вещь, которую неохота складывать в слова и уж тем более – следовать ей в своём я; я следовал. Я следовал, я делал это и обрёк себя на годы молчания в пути, во мне звёзды тлели [таяли], не желая загораться, или уж – возжигаться, они видели, что я плут, что я плутую, ведя посреднический образ жизни, они не умели говорить с посредниками. Вот как. Во всём этом

правда предельно ясного сознания о себе самом тут, я внял этой просьбе умолчания о себе, и умолкнул, пойми ты меня.

Какая канитель души заставляла меня чувства мельчить, делать их подобиями кровеносных сосудов, а затем предъявлять всем, вот, мол, они каковы, далеко вам до них, в них святая вода течёт, а как в вас, я не знаю; мне до вас дела нет… здесь стоп. Я кипятком мысли ожёг словоблудие это и воспарил, как пар, как пар я стал, а не пара, и не сел я на стул, а встал с него, приятно мыслить стоя. Мне, потешавшемуся над тобой, мысль моя о тебе, нечем стыд свой прикрыть стало, нет такого размера души, не имеет её никто и не осмелей я вдруг, так бы я и ходил неприкрытый и стыдом своим похвалялся перед жаждущими стыда этого, перед их безоружными взглядами, не умеют они себя оградить им, не дано им это ограждение как у не имеющих совести.

Я после молчания твоего стал думать как-то об этом, ты зависела от меня, от моего тупого ума тут, самостоятельно не умея ни двигаться… а почему не умея, молитвенный сброс слов произошёл во мне, я не стал лучше, я перестал мыкаться, я перестал переживать соло как повод для пространственных недоразумений, как то, что не даёт покоя почему-либо и не ставит в укор совесть - ах, если бы я знала, что она у тебя есть, я бы несравненно лучше была, вела бы себя как-то иначе, я-то думала, что у тебя её нет и я соблюдала твои

условия в себе самой - твои, а не свои, но только претерпевая твои, я лучше понимала свои, сокрушаемые во мне ради общей любви наших я-здесь.

12 марта

Я беседую с тобой пять лет об этом обмане. Давай сразу поставим всё на свои места, о которых я не хотел говорить с тобой, ну чтобы не нарушить некоторые поля, а они нарушены. Это поля обработки информации, информационные поля наших я. В них подсунули (прости опять за это дурацкое слово) своеобразный файл, определяющий наше эго своим я, к которому я не имею отношения, а просто пользуюсь им, чтобы думать вместе с тобой о каких-то вещах, нам обоим интересных. Я думаю, что нам нужно с тобой начать всё сызнова, перестать кликушествовать и плавать на кораблях бумагодателей; я не знаю как обозначить это свойство подкалывать, подрумянивая свои особенности, и избегая, умалчивая прямолинейно, заметь это, оборотные стороны. То, что ты слышишь сейчас есть правда, определяющая наше состояние друг с другом; я сегодня химически независим, то есть не имею к тебе никаких претензий, ни в чём. Я вчера обжёгся на этом тексте из слов, обозначивших мысль как состояние с судьбой, я ведь не верил в это сам, вот так странно – не верил, я всё хотел доказать что-то сам себе, этакое беспредельно ясное, но вот оказалось, что мы попадаемся на удочку собственных мыслей и долго кружимся в этом танце с удоч-

кой в руке и крючком, рыболовным таким, в общем-то, я не заметил как это произошло со мной самим, а всё почему, я старт отключил и вышло-то, что я ниоткуда и не бежал к тебе, а это неправда. Конечно! я был взмыленным конём, когда мы встретились на киностудии, я источал волны муры, просто-таки неподъёмные такие очки, сквозь которые я видел самые блеклые пространства души в людях, ну вот, и я не мог не интерпретировать их, фигуративное мышление образовывало калейдоскоп во мне плоских…

Неважно; дело не в этом. Я бесконечно думаю о тебе, без хитрости и притворства, я прогнал немыслимо чёрствый хлеб любви, я не хочу его есть, он мне не нравится, как пустотелое ква-ква-ква, как порядок куколок, как сумасшедшая хватка без права хватать, я стою слов - я сам стою слов, я постоянно трактовал твои образы в себе сам, я прецессию воли продул, и вот, хлопнув себя по лбу, я решил больше этого не делать, римейк…

Ты потеряла меня из-за этого, раз уж я пространство без роду и племени, в котором живёт вася, твоё отражение в чертах лицах обоего пола, ну прости, я сейчас исправлю это положение, обо мне есть что сказать. Я передумал такое количество скандалов, из-за простого хвастовства происходящих, из-за плохо устроенных мыслей в собственной голове, из-за плохих денег, из-за непорядочности состояний, неве-

лико небо, велик носитель, прости мне этот штурм крепости твоего я в себе самом, я делал это рационально, подразумевая определённые пространства в тебе самой, я холоп N и вся книга борьба с холопством, плохим холопством, хорошим ли, суть одна, я без серебра в лодку сел, с одной сигаретой в зубах, и поплыл на радостях, что называется, в утробные эти сути делателей скамей для задниц, чьих только вот осталось объяснить задниц, чьи они и в угоду какому великому я смастерил, а вы не суйте свой нос в чужие вопросы, ответ-то всё равно я дам. Нет. Это не то. Опять не то вышло, потому что я смеялся, потому что я глупо себя вёл, вот так. Мне не удаётся отломить от себя этот кусок черноты в душе, он хорош, когда его нет, а когда он есть… Это зависть. Леди Зависть. Её не разжалобишь пустой болтовнёй, её надо вышвыривать вон, как, как образ вышедший из моды, очень просто. Завидовать не модно. Обнажите шпаги, господа! я буду драться с вами за своё имя. Во мне много имён, но я буду драться за то, которое моё.

Она, леди эта, струится в вышине чёрными лентами навета, каких-то случек, случайных перебежек, прости, с температурой из одной постели в другую, из одной навозной кучи в тепло другой, почему я так груб, говоря об этом состоянии, почему я как-то взнервлён, по-неправильному, как взбесившийся порядок слов, в котором суть одна – вонь, запах, вонючий запах перегорелых проводов, бестактно говорить об

этом в такой славный день, но мы продолжим это делать пока не дойдём до сути, которая хоть и скрыта хорошо промасленной бумагой, но всё-таки есть и её надо освободить от этой бумаги, в которую завёрнуты все наши дела, все наши поистине кричащие о себе состояния я контур мысли, я не мысль, я контур, я напрягаю условия, и они становятся невыносимы, чтобы ты сама могла разобраться в них почему они таковы, о чём я беспредметно плачу тут каждый день, полагаясь на твой труд обо мне, на твои вожделенные мысли, о которых я пекусь как о своих. Что мы с тобой сохраняем, что мы с тобой облекаем в креативы, я глупо смеюсь сейчас, очень глупо, заметь это, образуя пространства невесть чьего ещё сознания, как я мог, поразмысли обо мне, как, сделать это пространство копеечным вздором, в котором вышестоящие обороняются от ниже, что!.. я тупо уставился в одну точку и смотрю в неё через сито пустых помпадур. Во мне наверняка зреет колос, я устал членится на состояния, как глупо это звучит - оу, обуйте меня в свои постели и я буду вам должен размер ноги в синем чулке от от кутюр. Что здесь подлежащее, что сказуемое, я блефую, это ясно, я целый день блефую, говоря загадками с тобой, в самом себе говоря этими загадками, которыми ты умудряешь меня, заставляешь меня молчать. Постижение сил есть великая тайна любви. И она, тайна эта, принадлежит только поистине любящим мужчине и женщине. Они соединяют в себе тела, оба тела, сразу, одновременно, они делают этот мир собой и

они его любят как своё отражение.

Бестелесое я молчит, ему нечего сказать - нечем отозваться, если меня в нём нет, оно пускает мыльные пузыри, и славен день, когда они разойдутся кругами по воде этих чувств, пяти. Я говорю с тобой сам здесь, как плохой актёр которому дали плохую роль, а он хочет хорошую, потому что он хороший актёр, я целю твой лоб своими мыслями, я целеустремлённо его целю. Я хорошо пою, ты слышала моё пение, ты слышала как я оскудевал, ты слышала это, моё к тебе отношение признак оскудения, я запах этот услышал, прости, он не твой, я протру нос, почему ты себя ставишь ниже меня? почему ты сохраняешь молчание, объясни, какими душными комнатами я могу восполнить твоё имя в себе, о чём ты думаешь, глядя на моё изображение, я проявляюсь в тебе как неосознанное что-то, да, это я проявляюсь так. Кривляющиеся эти мародёры кто?.. мои минуты, коими я заполнил твой дом, я лишний вес набрал из-за необретаемого, но только ты не думай, что я пропагандирую противостояние, я берегу покой дома, ты увидишь сама, как я это делаю, и убедишься, что я прав, что я вправе быть здесь, с тобой сам.

Хляби небесные разверзлись надо мной как в объекте какой-то паранормальной воли, я стреножен и пьян одновременно, то есть, чепуха, конечно, я выйду в область сознания. Я просто пожинаю плоды пространственной ереси, которую

я нагородил сам когда-то, а ты последовательно ощущаешь её в себе как нечто невообразимое.

Да, давай сознаваться в любви друг к другу. Я начну первый это делать сейчас. Прости мне N как мысль о тебе. Пусть проекции проявят это прощение, - пусть они станут зорче и трепетнее, пусть они прольют свет на истинное во мне; пусть они не ублажают, но явят суть сказанного, где-то в этой груди лежит змея, носимая постоянно, пусть не станет её сейчас.

…это священное право любви прощать. Обладай им. Но не обманись, выточив фигурку из слоновой кости или из белейшего шёлка сшив платье для себя, сохрани память о материи, из которой они произведены…

13 марта

Я с вами вправе говорить об этом, Королева, так как вы пострадали от этого православного батюшки. Причина патронирования памяти вашего я открылась мне внезапно, как во сне я увидел в вашем эго состояние завесы, приложенное к вам, к вашему виду, из страха быть втянутым в состояние издержки с вами - в состояние скрытого присутствия, в котором выражена вся соль этого неба. Нам не обойтись с вами без этого эгрегора, в камнях которого належание мысли происходит сейчас. В оковах я ветер дунул, да какой сильный ветер-то. Вы справедливо заметили, что какое-то небо

над вами крыльями шуршит, да не признать его, как ни зови тучу себя показать, как ни обрастай эпидермисом славы она всё тут. Богу угодно мысль подать, вот и берите её тут.

За/тем вот что идёт, Королева моя, беспокойство идёт, как бы не узнал кто, что я тут делаю, а потому лучше будет нам с вами, осторожно край завесы приподняв, быть вместе в этом краю безвременья и сознательного устроения мышц лица Божьего лика под своё имя, в коем ангел дышит твердыней небес, да не всякий поймёт, что я тут ему пою.

Это контур. Далее слушайте. Вопреки мнению о блеске молний, якобы освещающих путь любви в тайне промысла Божьего ума, есть путь придержания, выхолащивающий пространство отсутствием воли я-здесь - придержания воли Божьего ума над нами, каковое считается лучшим средством от блуда в душе, но вот говорит совесть и показывает нам, что мы сами имеем в сей душе свет, или его острые лучи, жгущие наше сознание подобиями наших действий, «освободите пути Господу идущему» называются эти лучи тут в сознании я. И вот этот-то свет и есть совесть, состояние с Богом Идущим из края в край с Агнцем на плечах, которому суждено стать объектом Его воли в нас.

Мы состоим из триадох, тройственных тел-сочленений, и наше сознание говорит нам об этом само, когда мы, увеселяя

себя, или составляя планы на будущее веселье (под весельем я разумею сознание в радости) вдруг становимся неопределённо скучны, или как-то особо невеселы в себе, понимая, что речь идёт о чём-то большем, чем мы предполагаем сами. Вы понимаете, что слово есть агнец Божий в наших устах и что произнесение его есть состояние души с Богом, что в одних устах оно мёд, в других горьше, в третьих же/л/чь, а в четвёртых и вовсе пламень огня. В некоторых устах слово становится медью гремящей в памяти, а есть уста, от коих речь течёт словно вихрь небесный, и не устаёшь слушать их, надеясь на дозволение Божьего сердца в себе слышать их тут всё более и более, так. Я, приступая к обязанностям строителя, в первую очередь отсёк от себя грязную, рваную речь (гнилое бельё) и стал делать упражнения, о вреде или пользе которых не мне судить.

Безмерное это море, Королева моя, и, конечно, из края в край его не переплыть одному, надо быть вправе понимать это и, становясь на колени, молиться о состоянии мы с Ним самим, а не с позитивным персонажем Его истории, каковым является я-тут. Нам крепко досталось за последовательное умаление Господа в себе, как если бы Он был неимущим в нас, а не мы в Его воле тут.

Такие состояния могут быть праведны, а могут и не быть таковыми. Вот война ангелов света в нас идёт, как раз обле-

кая в форму наше содержание тут. Я беспокоюсь вот о чём. Мы сохраняем единство воли в нашем ауме я, и сохраняем это единство с Господом сердец, в поле Любви идёт побоище это, а что ангелы как горох с неба сыплются, да прямо в грязь идут, это, знаете, можно сильно руки огреть, да мы не будем с вами этого делать; недосуг.

Такова речь церковнослужителя, которому сам Бог велел о правде Его Воли здесь со-вещать. И притом зорко, спокойно соблюдать свою душу: а видит ли она Бога или какое ещё совершенство застит ей глаза перед Ним.

Затем вот что я скажу вам об этом состоянии тел триадицея как лика Божьего света в нас; он нам нужен, чтобы увидеть мир в Его правде здесь, понадеявшись единственно возможно на цель нашей души вырваться из оков неправедного сознания, камнями усыпавшего наш разум вместо истины Живого Света в нашем я. Отклонитесь от любви, и вы тотчас очувствуетесь от злоговорения каковым сопровождается память без любви, просто память без Бога в душе, без любования Его миром. В креслах учителей мыкается сотворение без любви к осязаемому миру, сохраненное сознание подобного толка, неважно какой конфессии оно принадлежит, будь то часть сознания меньшего, или большего /ума здесь/, оно становится ядом на пути к жизни я как сохраняющего свойства Бога в своих проявлениях здесь. Нелицеприятный

этот разговор и нет в нём сласти состояния с чувственным миром в нас; тут умом надо пройти сквозь эти честные заботы о сохранении качеств Бога в состоянии я-душа. Я ещё и петь буду, вы не подумайте, что я так вас за руку возьму и в рай поведу, но не бойтесь меня, Королева, я глупо пошутил. Я тут как мучитель вашего эго выступаю сейчас, но присядемте на край полюса света и увидим, что там творится, когда его не с чем сравнить.

В нём творится Богоборчество, вы правы, именно так называется то состояние души, которая стремительно разрастаясь в лучах любви, желает, и страстно притом желает тотчас узреть Бога здесь. Вот Ты как хочешь (как бы говорит она Ему), а покажись мне немедля тут. Да ведь ты сгоришь! - говорит ей на это Бог, осознавая своё могущество перед малой частью себя же самого. Ну и сгорю, - говорит ему душа, - Тебе что за дело! Я тебя так люблю, что мне всё равно без Тебя не жизнь тут, во тьме-то грядущих лет. - Ну, ладно уж, - якобы соглашается Бог, - ты себя-то сперва осмотри какова ты достойна есть меня лицезреть, а там посмотрим как оно выйдет. Ну, да Бог не вертопрах, и лица Своего не отворачивает от той души, которая крепко повидать Его просит, вот только в чьём облике она Его видит в себе, в чьём образе она сама пребывает тут и в какие минуты жизни счастья этого она удостоена бывает.

В наглядных этих примерах я обрисовал общую картину пути, общую для всех, потому что Бог бывает скрыт от сознания самыми невероятными вещами, самыми необычными вожделениями сознания и принимает облик… постойте-ка тут, - что это я вам лекцию о Боге взялся читать, да ведь вы у меня этак уснуть можете, потеряв всякую надежду на встречу с Ним как с вашим же собственным я, в котором Он жив и никуда не уходил, как мне видится это. Я продолжу.

Но! при некоторых обстоятельствах свет этот пропесочивает насквозь, и не нам с вами быть вправе, сохраняя предельную скорость сознания здесь, иметь мысль о нём как о нелепом повстанце, с которого печать сорвали неведомые дотоле силы, эти формы существуют, Королева моя. Вы понимаете, что речь идёт не о А. в вашем я, речь идёт о притязаниях на роль Бога полковника в вашем уме, которому (я тревожен был в ожиданиях) вы предпочли себя, то есть сохранили здравомыслие. Что, - откровенно вам скажу - не так просто, как может показаться с первого лица, ну, и со второго тоже не так просто, как кажется, когда движение мысли происходит стремительнее, чем мы успеваем её уловить в качествах пространства нашего я. Хорошо. Прилепим себе на лоб жгучий пластырь и продолжим осмыслять, или осматривать кажущееся недвижимым сознание. В чём дело? спросили вы меня, посетовав минут пять назад на состояние инертности, в котором пребывает ваша милость, в чем со-

крушается моё эго, из-за каких таких состояний я вынужденно предъявляю претензии к полиции нравов! которая суть вы во мне, неразумно, может быть, но я это делаю, потому что вы то и дело отсылаете меня самого к каким-то силам, о которых я понятия не имею, ну по каким-либо причинам, мне невдомёк, почему их присутствие кружит вам голову и вы, отрываясь от собственной бдительности, вдруг начинаете следить за мной в этом смысле, нехорошем, я бы сказала, и тем самым навлекаете на меня желание немедля бросить вас в этом углу, безотчетное такое, но мне не хочется этого делать, добрый мой Учитель, потому что я понимаю, что это какое-то странное состояние вас со мной есть избегание, или умалчивание определённых вещей, о сути которых я не смею догадываться даже.

Ну, в общем так, мне надо поправить положение дел, отсеченных от вашего я сугубыми*, я бы сказал обстоятельствами. А каковы они, да и можно ли их исправить, суть-то в чём.

Вы ведь сознавали себя где-то определяемой, как бы кто-то постоянно находился в состоянии с вами, в себе самом, и даже благородно упражнял вас в своих образах света, строя догмы сознания в верхних рядах, при этом жёстко определяя вас как эго без контроля над собственным я и вы находились под влиянием марсианских этих исследований путём умозрения.

Давайте приложим усилие, Королева, память забаррикадировалась и не хочет отдавать надёжно спрятанное в чужие руки, чьи они - поищите смысл в моих словах, чьи руки шептали вам я твой я тут, я сам иду и конь со мной, и т.д. Ах, да, – конечно, могучее пространство памяти может заставить человеческое сознание - поистине великий механизм мзды за нанесённый ущерб судьбе мысли в нём, как искра Божия лежащей в глубине сердца и проявляющейся в суставе эго под действием великого чувства, проявляющего, всё-таки проявляющего, Королева моя, конструкцию великого мира, а не чепуху в назидание потомкам - /сомневаться в стоимости своего я, вот что заставить/; я что-то сказал вам об этом уже, я помню, но какое-то умаление, произведённое в памяти я, стало жёстко детерминировать мои умозрения в вышних мирах. /Это эго/ Стало коситься на Запад, стало проявлять мои конструкции на себе, или – в своих анналах, стало изымать, попросту говоря, моё небо, чтобы приспособить его под свои интересы, хозяйственные такие интересы состояний с небом, неподкупным по сути, не подкупаемым, ибо платить нечем кроме своего я, в котором эти небеса отражения имеют, и я, потребовав отчёта от своего пространства памяти моих лет, затеял с ними разговор мол, вы где себя видите теперь (небеса мои, то есть)? Они молча покивали, представьте, и говорят мне – а там же и видим, а что? Я растерялся на миг, как это что, что, собственно, что, я не

понимаю, говорю им, ответа вашего, вы мне что сказали? А они – а ты что спросил?

Я закуклился на миг, и стал думать об этом. Я старался проявить какое-то слово - оно явно пришло ко мне, я чувствовал его в пальцах, но далее оно не шло, оно остановилось где-то внутри /моих вожделенных рук/ и стало само себя коробить, приобретая облики то птиц в полёте, то, простите, пышных форм одной леди, то (по прейскуранту цен на облака в моей голове) простых чисел, из которых складывались какие-то немыслимые формулы невесть чего, то просто приходили и уходили какие-то люди, и все они, все – заметьте это себе, давали мне понять, что я как-то неправильно себя веду с ними, птицы улетали, леди становилась неприветливой и т.д. М-да, что ж сказать вам - я оставался неизбежно один с этим словом, которое ни в какую не хотело… а что оно не хотело?.. Во-от где я задумался, Королева моя, по-настоящему, вот где мне пришлось потрудить свои пальцы об эти песочные часы. Я завёл их в полночь, если вы помните, и нулевое это время давало мне точку отсчёта в пространстве я это ты. Я и есть ты здесь, - и вот я, становясь образом этого пространства [этого поля, если точнее] для себя самого, делал то, что оно делало со мной - оно становилось мной, облекаясь в меня, как в эти песочные (простите за такое сравнение, оно, разумеется, не разовьётся, я попрошу) часы, в облики моих я, которыми я обладал в своём эго и

становясь ими, оно созерцало меня с превеликой любовью, а как же – ведь это я сам, любящий все эти облики здесь, вот так пришлось узнать об этом состоянии я, волею небес производимом в нас с большой охотой, но далее слово это видоизменялось во мне в какие-то башни с часами, которые крутили стрелками в неправильном обороте и не имели поэтому указания времени для меня, они лежали в плоскости немых чисел и не знали как показать мне это явление; кроме башни ничего не нашлось, и вот они стали опорожнять моё сознание, да как, прямым ходом воли сознания моего я они заполоняли меня искрами света, ложась в поле моего сознания наверху бесчисленным множеством субъективных значений, о каковых я вам уже сказал, а затем заземлялись здесь столпами, снопами света бесчисленных множеств значений самых разнообразных свойств, на каковые их рассыпала моя память во мне, я хотел бежать, кричать… о чём - я сидел на стуле и молча ждал – что будет следом, далее что с ними будет, с этими образами моего я во мне же самом, во мне как в образе пространства Бога здесь в сознании я, я молча следовал за ними со всем возможным вниманием - я исследовал эту область причин по сути-то, из которой они исходили во мне самоё здесь, сейчас, и неопределённость, с которой они исчезали во времени, признаюсь, смущала меня, они плавились в подсознании как оборотистые монеты в кипящей лаве, вот всё, что с ними происходило во мне, когда я попытался обрести их обратный адрес в своём я. Я подробен. Коро-

лева, я знаю об этом. Но вот сила внимания натолкнула меня на одно, одинокое, значение, которое повелевало всеми этими устроениями. Я был детсадовским ребёнком и умел давать сдачи с раннего возраста, но когда я вырос, то понял, что её надо уметь брать вовремя, без времени она никому не нужна здесь, так как без времени можно только озаботиться, а выразить довольно трудно, знаете ли, бывает, ибо как время - часть этого пространства здесь. В нас оно уходит, в нас и обретает свои значения, как свет любви.

Итак! История со свойственным ей концом, то есть обращаемое в плод мыслительного эго я становится под всеобщее обозрение и становится на колени, прямо сразу бух!.. как бы мелом себя исчертив и написав: это я виноват, я во всём виноват.

Да, батенька, помилуйте, как-то неожиданно даже, без сознательного импульса (вы поймёте) так вот прямо, без судьбоносных мотивов в конкретных обстоятельствах и даже без прилежного умосозерцания своей вины в огородах чужих полей, да как вам на ум-то такое пришло, не пойму. Озарение-с, я, дескать, квадрат окна запечатал, а сам на другую свадьбу пошёл, да там и остался, во мне их много, свадеб этих, каждый день по одной играем, что уж и обеляться…

«Богу угодно было поступить так» подумалось. Я думаю

как правильное эхо сейчас, я думаю, что простая симуляция простых истин не способна создать площадь применения во времени самодостаточных… самодостаточного я, иного, чем пространство Бога в нас; иного нет, я думаю, а уж чей облик оно примет (как сохраняемое качество мы), так то дело десятое, и я, кажется, попытался подмигнуть вам, но вы крепко меня осадили за это, вы сказали, что те пять минут давно истекли и незачем оправдывать своё поведение чужими пороками, с чем я вас и поздравляю тут. Я иного не ожидал от вас услышать.

* двойными

14 марта

Я честно занимаюсь трудом. Я не могу больше перемещаться из любви к искусству жить в розницу, там я одно, здесь я другое, а сам я вообще третье. Я помогал тебе сохранять состояния, но и этого больше нет здесь, я уныл и плаваю в лапше собственных изделий. Мне конкретный дом нужен, мой, большой красивый, я в нём буду жить как кто, - как я сам. Как лишние люди мы никто, мы просто плаваем без размера души, и кажемся себе поэтому маленькими детьми, людьми, состояниями с кучами д… на рассвете, а почему, собственно, я должен слышать область подсознательного как сложно синкретичную ткань моей души, почему я обязан ей отзываться на веления, ведь я не повод для пространствен-

ных опытов, я не кролик, я другое качество жизни, и возьми это в голову, ты, оболванивающее меня что-то там такое.

Мне совершенно не хочется сознавать себя потерянным посреди каких-то середин, и дело не в этом - я продую уши и окажется, что лето впереди, что вообще всё нормально и не надо слать бешеные телеграммы судьбе ах, ты меня оставила, а сама ушла, да куда она ушла, вот она, и я тут сам тоже есть. Во мне много горечи, это правда, ну потому что я горько сетовал на то да сё, не умея это обдать кипятком мысли, стравливал душу с тобой, а зачем. Выйди и посмотри на меня, во мне сила идёт каких-то лет, может быть, обнаженная такая сила, во мне пламя огня сверкает, но не того, который губит, а того, который любит и душу любви отдаёт, жизнь, жизнь! кто её соединил со мной, тот велик, безмерно велик, она свет души моей, она сознаёт себя найденной во мне и я знаю об этом сам, знаю, как ни скрывай во мне волю эту жизни света, она есть и таково веление вышних сил во мне.

14 марта 1

1.

Я сглупил в одном месте, ну, как мне это видится теперь, я проявил какое-то сознание в уровневых этих масштабах, а оно, видишь, порочное оказалось, ну, порченное, попросту-то говоря, и ты сильно это чувствовала на себе в креативах мыслей, в душевных этих неразберихах, в крюшонах

мыслей о свете даже можно сказать, я просто хотел пересилить определённые состояния нас с тобой с помощью этого сознания, а оно, вишь ты чего, и впрямь оказалось разнополым, ну, извини! так получилось, чем-то я его урезонил, ты просто забудешь его, ну и всё, что ему, хамелеону, сделается, ничего. Господь сил плазменную душу имеет, может быть, но только ты не думай об этом сейчас - я струю свет в твоё окно, и тем счастлив.

Настоящий образ сознания почему-либо скрыт бывает, и это не великая тайна, мне ведь и вправду перед тобой неудобно, как перед самим собой бывает неудобно, когда кажется, что не то что-то сделал, ищешь след, в чём не то, что сделал, а потом оказывается, что это какое-то пустое многозначительное мы на тебя косо посмотрело, добившись результата, проняло, и становится крайне обидно от этой малости. Ну что я ему сделал, - сам не знаю, мелкие обиды пошли, ты права, присутствие пустых программ сказывается как мелочные заботы идут, значит большее поле… словом, я постепенно таю как ноябрь и становлюсь как бы более озабочен сентябрём, более простужен, но менее сипл, так можно сказать. Во мне красота связанного поля не бывает в радость, я в нём себя как стреноженный бык ощущаю, он ведь тоже это думает, наверное, - вот, отпустили на волю называется. Почему я всегда говорю о тебе пустое какое-то, никчемное, ведь нет же этого, что я, себя высоко ценю, а с тебя порт-

рет пустыми красками снимаю, экая чушь, могущество обезьян в душе я себе прописал, неопределённость выброса памяти, так, вообще память, претензий ноль, вообще никаких, неба насобирал в охапку, а подъять или как-то из рук выпустить не умею, ну, не учил меня никто этому, я всё-таки постоянство образа, а не диктуемое обстоятельство, да, шесть лет прошло, считай, как я понурил выю, подставив под ярмо все свои образы света, в которых тень твоего лица бежала и свет мой твоё лицо проницал, понимаешь, а вышло, что образ сознания был кем-то нарисован может быть, может быть, я безумен был по какой-то там причине, позволив себя обмануть, пересилив состояние любви чем-то тяжеловесным, чувством я имею в виду, тяжеловесным чувством-состоянием, скрупулёзно так подвергаемом, или подвергавшемся анализу во мне бесчувственными этими полями плоских сил, каких сил я не знаю сам, я просто вырос в театре, в каком - в большом, красивом театре, с мамой, с папой я жил в нём, загодя сознавая своё присутствие, загодя понимая, что я буду тут делать в библиотеке, ну, да – в библиотеке, там много книг.

Я бежал как психически заведённый человек, как постоянно взаимодействующий с кем-то в сознании - я не умел быть один, я хотел знать кто я, и я хотел дознаться до этой истории, сложенной в картинках моего я, я поднёс спичку ко рту – и она вспыхнула; я стал думать, что я бог огня. Один.

Да, я стал так о себе думать, будто бы я один из тех, кто предшествовал здесь людям, в определённом смысле предшествовал, как некая целеустремлённая сила в сознании, ну зачем я это всё говорю!.. Я претенциозно трусил, осознавая себя памятью /страниц/ множества прожитых жизней, во мне белели оттиски этих страниц.

Я не утверждаю, мой друг но только мне всё-таки кажется, что вы музыкант, композитор, мастер игры на духовых инструментах, и вы пишете музыку, по временам выступая с концертами, я слышала вашу игру.

14 марта 2
2.
Почему ты так обращаешься со мной, будто я тебе никто.

Потому что я не знаю, как это происходит, я пытаюсь достучаться до твоего сердца, о, любовь, и вот я должна подумать об этом сама - о том, что это на самом деле. Кто ты.

Мой Ангел предельно просто об этом сказал, я спросила его – кто ты.

Воля твоего эго, здесь, причём.

А причём причём?

Это к слову. Ну, так говорят, когда хотят сказать что-то от себя самоё, ну, просто! мол, - причём.

Непонятно.

А ты проснись сперва, после будешь смысл обретать.

Я стала думать как проснуться - как это сделать.

А ты, - говорит мне Ангел мой, - на небо взгляни, и прочти, что там написано об этом.

Прости.

Это?

Ещё читай.

Я вчера сильно пьян был, ну, и понял одну странную штуку - бледен мир без любви.

Спешное это небо. Ты не то читаешь! что ты там всё пустяки-то подбирать вздумала, по себе, что ли ищешь.

Да ты сам спишь, я вижу.

Я не сплю, я на губной гармонике играю.

Так ты меня за пустяк в себе держишь?

Я - да, а так-то нет.

Гм, интересно! Так-то – это как?

Ну, положим, я это так сейчас сказал, просто, не подумав. Взял и сказал.

А о чём ты не подумал? - Ангела своего я спросила, задержав на нём взгляд.

Я не подумал о чём… - он глаза отвёл тотчас, - сам не знаю, так, ответ наготове держал - чтоб далеко не ходить.

/какое-то слово/ что-то ты таишь от меня.

Признаться, да, таю. Перстень я твой нашёл. Вот он.

И показывает мне бирюзовое колечко, которым я за дорогу ту расплатилась тогда, полкопейки оно стоит, да не в этом суть.

Суть тут вот где лежит, когда любовь зреет, её с руки снимать нельзя, положи полкопейки! я ещё скажу, - Ангел мой за слово схватился.

Перед ним стояла красная змея и пачкала небо ядовитыми клыками.

А что пересилит сперва скажи! – так я ему сказала на это, во мне ведь тот огонь тоже шёл, ну как шёл - слышен то есть был, я его ухом видела.

Что, дай подумать, какая сила пришла, такая и выйдет, бес его огонь ест, теперь пропал, а что значит пропал, след простыл, нету следа. Зачем приходил? А так, без сил оставить хотел. Вот хочешь верь, а хочешь не верь, только это правда. Крестная сила с нами! – и Ангел мой показал мне это, как сильный крест в небе сверкнул, совершенным образом поразив воображение, попавшее в путы этих сил [светил], облагороженных чьим-то ещё воображением, я думаю, - потому они могли так долго существовать в памяти составов света, и здесь и там преобразуя его в контексты времен этих.

Что ты мне показал, скажи, - я забеспокоилась о чём-то, - что ты синонимом силы изобличить хотел во мне, - скажи сейчас.

Я желал то изобличить, что в твоей форме связь имеет с сегодняшним днём, каковое на лицо кладётся, да не об том речь! – вдруг Ангел мой воскликнул, - ты меня сама завела, отвечай теперь кем то кольцо бросовое подобрано было? кем?..

Я переживал какое-то покраснение щёк от этих столпов дыма, валивших в небо сейчас, ну, не киоты же горели, а память всё сохраняла и сохраняла, всё лепила и лепила эти образы сознания вне пределов любви, а за её пределами, которыми заполнялась площадь моего сознания и задавала в нём тон каких-то строгих минут, исполненных жалости, прелести и отчаяния - да, отчаяния (то ли я сказал?.. внезапно подумалось мне, когда я жил как у Христа за пазухой в этих бульварных романах моего я, поистине безбрежных, но безнадежно плоских, никто в них не жил так как я, я один в них был и один строил эти корабли, на которых и плыл тоже сам).

Что?

Блеск молний поразил моё воображаемое пространство, это он поразил, воображаемое кем-то в себе, оно было моё по праву имени, но не более того, всё остальное было придумано, затем затёртое до дыр сознание стало проявлять страницы моих собственных я, идущих ко мне оттуда, из безбожных этих наветов на мою совесть, на моё имя и на моё созна-

ние, принадлежащее единственно мне всё-таки и не желавшее больше делиться на кульминации.

Стопроцентный змей! – вдруг Ангел мой это сказал.

Да… а как ты это узнал-то? – спрашиваю.

А так - по форме. Голова от тела течёт, приглядись сама - где у него что? нету, вишь как плывёт!.. перед собой воду толкает, я то чувствую, ты не спорь.

Многоярусные пространства театра стали уподобляться во мне каким-то особым временам глагола, за которыми прятались времена большие, а за теми – ещё большие и так далее, пока не наступало следующее время, настоящее, но всё-таки следующее.

15 марта

Запугивание сознания не есть признак силы, это скорее признак отъятия силы в пользу, простите за грубое слово, придурковатых мошенников, о них речь впереди. Мы с вами делаем вид, или думаем, что делаем вид, обманываясь в определении совершенно бездушных форм нашего я как подспудной игры сознания с не менее подспудным образом мыслей об этом сознании, якобы имеющем верховную власть в нас самих здесь. Мы привыкли обходиться без эго во всех

этих рассуждениях, которое стоит и слушает нас, как прилежащее к основанию всех этих столпов науки от пространства ума в нас самих.

Инструмент силы я, и это качество принадлежит ему отродясь. В нём мы определяем себя как существующее пространство здесь, в нём лежит (или – идёт) наша совесть, в нём находятся наши руки, то есть умы сознательных действий и т.д.; всё в нём принадлежит нам самим. И качество пространства тоже.

16 марта

Я и сам как-то смущён, давайте предъявлять претензии, лампочка свет горит – да? Конечно же, не так это говорится. Разум мой чист, зато я сам подневолен. Как книжка – меня читают, я читаюсь. А стоит ли это делать? – вот вопрос, читаться. Да хоть бы и впрок.

Душе моей покоя нет, я чист перед вами. Во мне…

Я понимаю - невозможно бесконечно хитрить тут, невозможно бессмысленно ругать самоё себя за непонятный обман чувств, к которому привыкают эти чувства, и, чтобы понять их, необходимо усилие воли. Даже когда её нет, она всё равно есть. Да, она есть всегда в нас самих. Она есть уловленное и настоящее чувство света здесь.

Путешествующие души привыкли обходится без неё, энергичные действия приводят к размышлению о силе, а проявление её – в нас происходит, отсюда привлечение силы, проявление её через нас. Солидаризуясь с тем или иным пространством в любви, мы принимаем его образ в своём сознании, его действенный образ, и мы привлекаем к себе те силы этого образа, которые исходят от него к нам. Свет – это образ души, поистине безграничный образ сознания души, любящей Бога в себе и становящейся Его частью здесь. Но мы можем также сказать, что свет есть образ любви, - разумеется, это так, образ любви, дающей нам жизнь здесь, и мы сами становимся частью этой жизни в глубинном её понимании, как освещающей разум нашего я в нас.

Я просто невеликий шоумен, если я превращаю каждое слово в картинку, я должен понимать что я делаю и почему моя воля так безуспешно старается вырваться оттуда, где её гнетут, или – угнетают непонятные мне объекты, почему она сложена к ногам, или рукам (частям тела) не определяемого мной состояния с кем-то ещё, о ком я сам не имею представления. Одного моего желания недостаточно, чтобы выйти из приюта непонятных мне сил и поэтому я обращаюсь за помощью к силе большей, ищущей спасения моей души, моего я, ищущей уличить мерзость греха, творимого за моей спиной, и потому невидимого мне. Я знаю, что моя воля, об-

ратившись к воле большей, выведет меня из состояния сна, в котором я пребываю с тех пор, как продуманные эти высоты пронзили моё имя и сделали приспешником на расстоянии, сделали уклоняемым от страха Божьего, от воли Божьего света в себе. Я делал это сам и я был протагонистом сил, беспричинно вызывающих… вызываемых сознанием, я страшился понять это в себе и не хотел вести двойную игру с Богом я-здесь, и я не делал этого осознанно, освободи меня от заточения в проявленных мирах чужих мне воль, прости мне имя моё, столь незаконно осуждённое теми, кто не знает меня, кто надежду свою тратит на суетные образы, изумляя нас остановившимся временем, я во сне живу, Боже мой, - разбуди меня, дай знать мне, что я разбужен Тобой.

16 марта 1

1.

Во сне нет времени. Мы пребываем в царстве сна как бы понарошку (разве нет?..). Конечно мы ощущаем важность этого состояния для нас, но не настолько, чтобы предпочесть его яви и уж, конечно, не настолько, чтобы выбрать сон главным местом взаимодействия с этим миром здесь. Я потому это говорю вам, что сон, наше достояние души, имеет свойство длиться наяву при определённых обстоятельствах, то есть душа как бы спит, но сами мы бодрствуем, взаимодействуя друг с другом и не видя причины, которая облекает наше взаимодействие в какие-то странные формы сознания,

которыми мы управляемся извне. Мы переживаем обоюдную неприязнь или чувство страха перед кем-то, не определяя этой причины как внесённого состояния в наше я, для которого был найден повод в нашем же внутреннем мире. Мы думаем, как правило, что это сознание чужеродно, то есть принадлежит другой области подчинения воли, или что-то ещё мы думаем об этом, но на деле это оказывается не так, как мы думаем об этом сами, будучи в состоянии сна с контроверзой бодрствование, которая суть тот же сон, только в активном состоянии нашего эго здесь.

поэтому проекция в память спящего \сознания/ бывает особенно сильна. Оно как открытая дверь для любого, кто пожелает войти. Ваш музыкант личность высокого волевого устремления, полная самых небезразличных чувств и потому легко обуреваемая различными состояниями во внутренних мирах своего я, в которых мы с вами успели побывать в качестве заложников воли без света, без сознания и без пробуждения на осознание себя находящимися в проекции памяти не своего я. Тут, Королева моя, я должен потянуть вас за руку и сказать: «идёмте!», нам пора идти отсюда, так как эта воля, чья сила воздействия была отделена от её носителя с помощью всё тех же проекций в память спящего по сути сознания я-здесь, которое не умеет определить это состояние в себе само, являясь ограниченным пространством, как малое звено в цепи состояний эго воли я-здесь, и даже,

будучи взбудораженным, оно продолжает спать, неся на себе обличья тех лиц, или накладов (название отсюда - наложение, путём наложения и т.д.), которыми оно было усыплено.

Да, для чего, для чего это усыпление /Усекновение Главы Иоанновой суть, как предтечи пробуждения в мыслях сознания большего порядка воли, чем собственное я, которое заменяет нам догму старых норм поведения, ведущих наше эго по дороге сознания в недалёкие места и наше я остаётся неразвитым пространством, то есть не имеющим Богоразвитой души здесь/, которое создаёт видимость деятельности, а на деле является сном, пространственным таким сном без ограничений времени. Оно нужная часть общего состояния с природой мысли в нас, душа отверзается и становятся видны малые доли, цельностройное здание распадается - здание я, я имею в виду, и мы обнаруживаем себя в пустоте ничего не значащих эго, живущих просто за счёт памяти, без разделения я на внешнее и внутреннее состояния с миром единого Бога.

Такая, языческая, по сути, модель (минус я-Бог), разумеется, не влияет на пространство мысли как на сохраняемое качество любви в нас самих; она просто кружит возле неё без упования, Королева моя. Вот как она кружит. И я сам так кружил в своей памяти, пребывая в колдовском сне, от которого не чаял как избавиться и стать по меньшей мере не

кружащимся здесь в своём я, а потом стал понемногу просыпаться, от отчаяния, что ли.

16 марта 2

2.

…простодушие здесь ни при чём, это состояние не связано с умом вообще никак, оно не вникает в проявленный ум, потому что никто, поверьте, не может проницать его умом, это состояние верхнего эха нас самих, мы отражаемся здесь от собственных высот и надо быть вправе понимать это так, потому что не всегда это право посещает мир - к сожалению, Королева моя. Мы видим свои я так, как они задуманы Богом и это выводит нас из ступора воли в самих себе, - мы становимся как бы ясны сами в себе, отвратившись от иллюзий и полувековых обид, тщетно гонимых нами от себя с помощью разума здесь, который говорит нам: отправная точка ты сам, или – ты сама, он, в общем, жесток разум этот наш, ибо он хочет быть свободен, в том числе и от нас самих здесь, он как бы бесконечно моделирует какую-то жизнь, в которой нет, собственно, меня, или тебя, а есть какое-то абстрактное число лет, в которых мы принадлежим ему как состояния с ним, сохраняемые в качествах воли наших я-здесь, наших полоумных помоек, каких-то искательств и находительств, наших претензий и лучших минут.

16 марта 3

3.

Понимаешь, мы растворили эту любовь в воде безучастности.

Ангел мой! Взмахни-ка крыльями! Обширен твой полёт, я знаю, обрети его во мне - без него мы будем тут кукситься и дыры считать в моих порталах, без него мы будем людьми, надеющимися на чужую свадьбу здесь - чтобы нам погулять на ней со своими песнями.

16 марта 4

4.

Я знаю! Помнишь, ты искала слова, ну да – слова для состояния со мной, которыми можно что-то обозначать между нами, что-то очень важное для нас обоих, поле, пространство, состояние я-ты, какие-то правильные глаголы, в которых прячутся эти лица наших с тобой я-сейчас, я головно думаю, это не фокус пространства мысли, это головные усмотрения. Так вот - эти глаголы есть мы сами, мы сами делаем их собой, пойми, мы думаем, что мы обозначаем ими какое-то действие или стремление к действию, мы сами становимся этим действием сейчас и в нём существуем, как парадигмы сознания в своих я.

17 марта 1

1.

Почему-либо я не спрашиваю тебя, где ты находишься, я перед тобой в ответе за эти длинные сноски наших состояний и бесед за полночь, мне надо проснуться и перестать важничать, то есть надуманно излагать простые вещи. Я снял с себя пальто и повесил в гардероб - чтобы оно не пылилось, и, веришь ли – через три минуты я снова оказался в нём, как состояние, разумеется, в котором пребывают те, для кого полученный результат есть повод для движения вовне.

18 марта

Движимые сознанием истины, мы обоюдно приближаемся к результату, мы становимся прозрачны для этого результата, имеющего в нас объективный выход в память нашего сознания, и, таким образом, сами становимся этим результатом.

Я выспренне завершил этот абзац, и стал думать а кто я, собственно, такой…

19 марта

11:29 am

Да, настойчивость необходима в некоторых устройствах судьбы, так. Обзаведитесь пороком, и я построю вам дом из него, я стану душу трясти в вашем я и устраивать скандалы из-за немытой посуды, не хотите? не буду. Так строится версия тараканьих бегов, напрямую, так сказать, в осознан-

ные дали, причём ведь скоро вы правильно поймёте и оцените все эти бумажные версии покорившихся злу, как случаю, который приуготовлен был, что называется с полной руки - с подобия полной руки, в которой что-то лежало, какая-то синяя утка, может быть, лежала, а потом улетела, да не в небеса, а так, по земле скитаться полетела эта утка, причём ведь память скоро обнаружила её как страстотерпицу и сомнения в собственной судьбе удались на славу, по преимуществу дней, так сказать… я ворчу. Я не ворчу, я изрыгаю, гнев мой семь раз свет обошёл - и хоть бы хны!.. вот ведь в чём вся история здесь, а чтобы вам понять это было возможно, надо толику сил приложить от своего усмотрения.

Посетите сей мир в тот час, когда в нём никого нет - что вам покажется?.. необходимость молчания или необходимость говорения?.. необходимость любви или необходимость отрезвления от неё, ну Богиня Сил простит меня за подобное предположение. Поймите, короста зла это ведь не просто обрастание чужими волями, это же ещё и воспреемственность определённых посылов, надевание на себя чужих платьев здесь, ах, как наряд-то красив!.. – дай поносить, простите, и несёшь ведь сей груз от столицы до столицы, от стола к столу – это верно, а потом сбрасываешь его, платье то, и видишь, что себя-то в нём и нет, что король-то невидим, эва что, а как это так обрелось вдруг да почему же он невидим стал сам по себе как платье то с него стянули, сняли обле-

пившее его с ног до головы буквально во всём, что ему самому хотелось о себе думать, и где, собственно, граница короля и платья во всём этом грозно дребезжащем посудой доме, в видимом ли свете она лежит! вот что, и какое любопытство охватывает прихожан этого видимого, когда проявленное пространство вдруг оползает, становясь малозаметным, не блещущим яркостью красок и не старающимся попасться на глаза, малозаметным, остановленным самоё в себе, я разумею образ сознательный, - креатив сознательного образа я в себе самоё, который почему-либо отдаляется в какие-то пустыни и там живёт до поры, будучи в отторжении от своего эго я-здесь, как наименее полезный ему объект своих усмотрений на чувственный мир любви. Да какая же сила вернёт его! дак ведь та же, что и увела его в эти пустыни, в эти области, в которых не строится дом, а что же там строится, лебеда растёт или плохое небо очки протирает - чтобы получше рассмотреть это кажущееся али как, али в самом деле это небо кружение имеет из первых рук, из вторых не имеет, а из первых да, имеет, да ещё какое, - прямо тут и кружит это небо над головой, о себе возмечтав, как взять то, что не даётся сполна, нет, не даётся, а только после пребывает как хлеб сознания, и невидим он, и неслышим, а есть, и немало его есть в нас. Теперь порази меня гром, будто я отблеск молний тех чувствую в себе, будто наяву их вижу и нечем мне острить свой ум - вот как становится от этого, я перед собой Ваала увидел - и от слепоты чуть не оглох, вот кого я увидел,

а не курочку рябу, да грозен его дух по свету летит в огнях, чем ты на свет смотришь, глазами, так я увидел как немощь моя ко мне сошла и стал я Бога искать посреди своего удела, чем видишь ты это! спросил меня Он, я ответил так же, как и ты – глазами, степень сознания помрачилась, от меня Бог ушёл, изуверившись во мне, так Он сказал это, как если бы я сам это слышал. Что Дева в груди своей прячет, чем зовёт, как не мысленным образом, не истлевающим от зла, не имеющим оборотной стороны, не жгущим и не осуждающим ни в одной своей ипостаси нас с тобой, пойми это, просто память печётся о сохранении я здесь, вот так Он сказал, просто она жалеет нас всех как менталитет, мы им мир запрудили, да. Дух придёт – скажет явен свет, где вы себя обретаете? не видно мне вас, как бы вы от себя отняты здесь, а мы в менталитете прячемся, которому Бог весть кто такое имя придумал, как козу на верёвке тащит в себе мол, мы сами с душой управимся, мы её исследим, а после по следу ходить будем и узнаем какова она и где ей место отведено в нас. Бог душу дал, так я думаю, человеку, чтобы тайно за ним следить из своих высот, как бы он сам не виден, а виден только тот слой, который мы зовём в себе душа неба. Богу угодно было так сделать, ведь мы придумали его по своему образу и сохранили его в себе здесь в чистоте осязания, в чистоте телесного вето, за которым смотри кто стоит, я, как более чем угодное Богу небо здесь – если Он его видит в нас в состоянии мы.

19 марта 2

2.

Новость не только твоя, но и моя забота об этом дне - день как новость, как положение вещей в новом свете причин, да, может быть причин, но могут быть найденные пружины каких-то соотношений сил, вроде настроек, настроений, не истощающих, не расхищающих, а обладающих пользой здесь. Везде есть положительный персонаж мы, в котором удваивается синоним я и становится более похожим на два я в одном пространстве, которое также растёт, то есть получает обратную связь, которая, как ком, продолжает расти в нас и ты чувствуешь это как побуждение проявить что-то, уже существующее в объёме памяти своего я-здесь, что-то, что неимоверно трудно поддаётся рассмотрению.

22 марта

ул. Дружбы

Я радость бысть в вашем я, сам для себя я радость, а потому и вам в радость иду, я почувствовал тающее пространство между нами как правильно понятое эго, во вне оно одно, а в себе оно, очевидно, не замечает прельстительности для думающих о нём.

Оно само по себе ничего не определяет кроме личного я, которое отовсюду выглядывает, которое ищет на кого бы ему посмотреть и заставив о себе думать, так прицелить про-

странство, так приноровить даже, может быть, свои интуитивные миры, чтобы, выслушав волю огромного масштаба мысленного взора…

…запретить ему являться под очи Божии в несуразном виде, который, однако, проистекает или становится таковым от причин, более уподобленных мне самому, чем из-за чьих-либо взглядов на моё я, отгороженных от меня, и не будь тебя здесь, я косно бы содержался, как состояние в конкретных этих рядах.

22 марта 1

1.

Без пяти минут станция проехала.

Кажется – подчини себе и будет любовь, букеты зацветут, а какая сила нужна нам для этого?.. явная, понимаете меня сейчас - она должна быть видна. И название ей жизнь, а не иное.

Что-то в пот бросило, прости. Перестань кукситься, положись на меня - я ведь во всём прав, Богу угодно соль на стол положи/-ть возм./, слои перемещать, перемешивая в нас их содержимое. Авель Каина бросить боится, ох!.. думает - заблудится брат, грешен ведь я буду, коль отпущу его от себя, а сам перед ним себя ведёт, а того ведь не понимает он сам в

себе, что между ними какое поле трусцой бежит, да все одеяла стаскивает, чтоб любовь ту открыть, какая между ними себя прячет, во все щели заползая…

Возле рук бумага лежит, какая, чистая, без пятен, а сон тот из головы нейдёт. Блеф, конечно, только надо бы его поднять до уровня понимания, ну а потом уже с чистым сердцем дальше идти, потому что гнев этот во внутренних полях зреет, а во внешних он как бы без смысла оказывается, без особого такого смысла, так, сам по себе гнев, а причина его в огне, в массе слов откровения.

Я перестаю понимать определённые вещи, если не умею читать буквы сознания, которыми оно написано во мне, как книга, которую я должен читать, а она читает меня, она ищет меня! чтобы прочесть, чтобы быть прочитанной здесь как букварь, азы, как содержащееся во мне поле пространства мысли.

23 марта

Я бессистемно жую плохой хлеб, тот, который недопечён и который кажется удобным на столе, то есть значимым, чем-то упорядоченным, но в утробе он не делает своей работы, не наполняет её, а ложится клейкой массой мимо живота моего, я грущу об этом сам. Мне голодно, я заартачился в определённых мотивах любви и стал голодать, как правильно из-

бранный тобой волевой инструмент, может быть, или что-то ещё. Я беспокоюсь тут, пойми, о чём… о чём я спать лёг, о том и беспокоюсь - о принципах воли нас с тобой в без пяти минут судьбе. Достаточно вольно трактованная единица сознания становится неопределяемой, она остаётся в уровнях самой себя, не проявленная как органическое начало каких-либо затей - проектируйте в память только то, что имеет в себе зерно воли, которое оживает под любящим взглядом, оно тоненько поёт, постепенно набирая голос, постепенно становясь понятным вам самоё, как растение в поле, которое вот росток, а впереди лето. Я занимаюсь потребительством сейчас, оттаскивая вас от каких-то чувственных состояний, я употребляю это слово в качестве сохраняющего наши отношения моего я. Между нами гора воды, и она, эта вода, бушует. Ветер движет её столпами, стоящими в поле, которое вовсю свистит обдуваемое ветреным телом, закладывая основы сложных конструкций ума, сложных состояний, и конкретика формы, конкретика состояния формы, в этом обдуваемом ветром поле с размётанными в нём адресами постоянных взаимодействий вашего я во мне, не имеет значения здесь. Закоснелое это эго во мне не имеет пространства - оно не имеет его.

24 – 25 марта

Я бесконечно богат на умысел, ну как тебе сказать об этом ещё, я выражаю его через руки, которыми мы трогаем друг

друга, через уши, которыми мы слышим в себе этот умысел и ещё через образ своего я-здесь, в нём сложно умозрительное пространство становится как бы обличённым, имеющим свойство лика, вне принципа воли этот лик, или обличье, или область применения моего я определяется приличием, то есть становится просто способом сообщить о себе; присмотрись к людям, ведь они как правило не имеют своего лица, оно смазано бывает неопределённостью внутреннего посыла, не осязательностью пространства мысли в них самих.

Я нальюсь этим вином любви и буду ждать, когда оно вскипит во мне, когда оно станет жечь мои пальцы и мне станет невмоготу не петь, не проявлять себя в восьми этих нотах, потому что восьмая это тоже ты, только другая. Неопределяемость этих дней велика была, они складывали свои буквы из чего попало и делали их зримым я-сам, они творили эти дни так просто потому, что мы есть в них сами, как игрушки-изделия, как пустые формы, которые нужно чем-то заполнить, ну, хоть чем, хоть какой-то самомалейшей игрой пусть даже и фальшивой, нет-нет-нет-нет! ни за что я не стану в это играть просто потому, что есть игра в ноут-буки…

Я как раз думаю об этом тут, как креативное пространство мысли, искусственно вздутое на поверхность сознания и не имеющее помысла по сути-то, ну, просто как рисковая карта

а брошу-ка я её на стол – пусть выиграет, так что ли, пусть проявит чьи-то позиции рядом со мной и станет видно чем дышит этот воздух во мне, чем его статуя [statua] свободы отличается от статуса покорности во мне. Но думая о вас, Королева моя, я всё-таки не могу не знать, не видеть каких-то парадоксов сознания в собственном я. Я переживаю обстоятельства одного нелестного мне пространства, и вижу как оно строит планы обо мне, как оно жмётся по углам, выжидая какого-то… что оно выжидает и зачем вы мне говорите это - что я могу сделать для вас, чтобы это пространство так называемое, а попросту говоря ваше же обременённое чем-то сознание могло вычеркнуть эти строчки, подходящие для строительства индустриальных пейзажей в душе-то.

Я стремлюсь осознать себя правильно в твоём я, и как тряпка тоже стремлюсь, как пустая говорильня слов, в которой умножаются все эти ряды я, в которой я сам умножаюсь на предел сознания чьего-либо ума здесь, я ничего не значу для тебя, я состою из этих слов, пересыпаемых из одного в другое что - влиятельное состояние души, в котором полюс пространства жизни ты сама, и не удивляйся, если это пространство каким-то образом отзывается на присутствие в нём высшей формы сознания, на присутствие поистине великого аума здесь.

26 марта

Книга есть символ мысли, Королева моя. Этот символ есть наша жизнь в любви к состоянию мысли в нас самих, и это побуждение к братолюбию также, ибо пусть даже на какое-то время мы лишены бываем взаимопонимания здесь, но мы ищем его в себе и таким образом бываем найдены, если угодно, как строка, которая внезапно открывает смысл сказанного уже. Мы сохраняем единство как книга сами в себе, и оно находит нас так, как сказанное уже слово в креативах сознания, как продуманное кем-то однажды сознание нас самих. Мы сохраняем поэзию в сердцах, мы любим то, что мы сохраняем в себе как истинное служение я-здесь, и я бы назвал это книгой жизни в словах, опредмеченных самой жизнью я в сердце.

26 март

показать православие в его подлинном состоянии, удержать язык от распада, сохранить чистоту азбучных истин любви, это есть норма поведения в любви и она суть наша родина и наше отечество, в котором мы рождены по любви, а не по похоти густеющего мрака сознания.

Жутко думать, Королева моя, что какое-либо угождение вымученным смыслам состояний, выспренним и жестоким по сути, может закабалить или унизить, или не дай Бог! свести с ума, поймите это верно, поэтому я желаю вам поэтической мудрости прежде всего, а не старческого брюзжания на

тему о благости того или иного претерпевающего сознания, вот смысл, который я вам предвещаю сейчас, берегите нос от дурных запахов, а что есть дурной запах сознания, это такое состояние души, в котором вера становится на колени, в котором высочайшие смыслы привлекаются к служению ничтожным целям без заботы о проекциях памяти сознания в те самые дали, откуда мы пришли, и тогда Бог возгневляется.

Я конкретен буду. Восстановить значение буквы есть задача из первейших, а что значит восстановить, дать ей определение верхнего звучания здесь, верхнего состояния если угодно, в котором выражен первейший смысл любви, и значительнейший.

В простоте осмысления пространства есть некая определённость, то есть то, что исполнено сохраненного качества я, красота состояния как я пространства мысли – вот верх сознания.

Книга символ горожанина, жующего свои пропорции здесь, поэтому мысль устремлённая, в состоянии устремлённости, есть парадокс осознающего пространства, то есть она кружит в состоянии я, обесточивая самоё себя. Не удивляйтесь этому, Королева, она будет объедать поверхность сознания, если её наполнение есть тыл стремящегося.

26 марта 1

Проявленное это пространство будет долго служить, - мне кажется, это достойно объяснения, но дело в том, что каждая строка означает волю жить и вот этот-то размер нам и предстоит освоить в памяти, а не лето или там что.

Ну хорошо. Добросовестный труд нужен, я думаю так об этом, вот вся моя волна-мысль, что же ещё, как не это.

Да копеечное это царство грёз, что вы сказали? зачем это, не нужно так говорить. В образах света есть мысль, а чувство?..

Чувство это состояние мысли всё-таки.

Будьте же добры!.. что как не это состояние доброты в вас самом даёт мне право говорить с вами так.

Да. Будьте здоровы, Королева моя, как мне это видится правильно. Я крепко пронял, может быть, но нет, не пронял, а помял ваше эго, я думаю, как от сжатия происходят эти состояния в мысленном пространстве я, я бы прогневил Бога сейчас предощущением разума как состояния с природой Его пространства здесь, но верьте мне, в Нём самом, в Его ипостасях достаточно света, чтобы быть правильно понятым.

Водопад – благовествующий ум; спокойно текущие вниз прозрачные струи есть ум победительный.

Высоко парящая птица в солнечных лучах – устремлённая к сердцу любовь, осознающая себя таковой, это правда, возносимая до самых небес, а затем опускающаяся в воды сознания здесь.

Я буду стоек, вы не бойтесь за меня, я умею постоять за начала, да.

26 марта 2

2.

Воображаемое мы не всегда было так одиозно, мне хочется, Королева, чтобы вы выслушали это пространство, оно думает о вас, и не бессмысленно, оно гораздо сильнее в своих мотивах я, чем мысль об обладании порогом сознания в нас самих, я думаю, что цельность настоящего времени может быть подтверждена им как опрятное поведение, как разум в определённых качествах заботы о себе самом и даже! как оправдание, да, может быть, оправдание отправной точки сознания сознающего эго в нас, в небольшом этюде, написанном вашей рукой, есть определённая доля изящного состояния с природой мысли.

Я продолжаю мыслить пространными письмами всё ещё,

мне кажется, в которых выражена бывает мысль, или чувство мысли, но они становятся всё более расплывчаты как соразмеренное со мной самой эго, и это делает их неубедительными, или не совсем так, они ложатся куда-то в сторону от меня самой и я хочу большего понимания для себя самой, наверное, потому что память бастует всё-таки, мой добрый Учитель.

Мы сохраняем определённый край истории за собой и становимся в нём как малые дети! ищущие подтверждения своим позитивным эмоциям на том конце провода, а они есть, между тем, эти эмоции, для которых мы сами ну как бы приёмник. Вот вы подумали – что это я написала сегодня, зачем я это сделала-то как выброс памяти неопределяемого неба здесь.

Давайте делать иначе и уходить от казусных вопросов, от которых тупеет разум в нас самих, потому что затмение сердца (а что это такое, спросили вы, это такое гордое устремление к вершинам мысли, в которых мысль становится беспочвенна, если хотите знать) не всегда бывает согласием неба с луной. Так вот, - ну и будьте обаятельны, этого достаточно, чтоб понимать свои собственные веления души. Что вы тут сидите, как будто привязал вас кто.

Простите.

Да уж, конечно!.. простите, неужели… Я неправ, да. Потому что это я обязал вас сидеть тут, простите вы. Мне надо как-то сказать вам об этом сейчас, да что. А вот что. Мы с вами думаем одинаково смело и одинаково боимся этой смелости в себе, как если бы она была принадлежностью не нашего я, а так, вообще пространства, которое, по каким-то особым причинам стремится себя выразить через край, ну не то чтобы уж очень настойчиво, но через край. Я думаю, это прилив судьбы к вашему я обозначился тут таким образом, как беглая гласная возьми и вернись вдруг в совершенно неожиданном месте, сама причём, а причём причём, я помню. Постройте пирамиду прямо перед собой и смотрите на неё сверху вниз как на поле, в котором все пересечения видны, она ведь вам не покажется башней или чем-то недостижимым, просто какое-то умозрительное пространство сейчас, в котором все точки перед глазами, ну куда ни поставьте они все тут, верх ли, низ – они на виду. Так устроено наше я, может быть, с точки зрения Бога - где бы мы ни находились, Он нас всё равно видит в себе, я думаю, в настоящем времени. Хорошо. Пусть эта мысль будет прозрачной для вашего я. Я просто порадуюсь вместе с вами.

27 марта 2

2.

Вот поймите же вы, что нет на свете добра без любви, а

что это значит для вас, то и значит.

28 марта
Зеленоградская

Простая формулировка прости, я не знал, что ты думаешь обо мне, я ничем это не знал, ни кожей, ни умом, ни своими я. Я беспринципно молчал, как столичный вертихвост, в котором сочетаются любовь к музыке в ушах и самое обычное ничегонеделание, такое занятие есть, как бы оно много времени отнимает от дружбы, от созидания, от настоящих минут, да почём соль, я куплю. Я вдруг почувствовал волю приближения твоих волн к своему я, я почувствовал как ты платишь бессмысленным угождением кому-то, дёшево расторопному в своих проекциях судьбы в твой аум, но только ты не думай, что я сержусь, я просто прошу внимания к душе, в которой свет. Заблокированное пространство ищет выход в состояние с текущим временем, это пространство суть мы с тобой, оба, на коленях - перед кем, перед прошлым наших я?.. нет, это не так, мы просто на коленях и мы ищем выход, стоя на коленях, надеясь, что сила влечения поднимет нас. Простите, что я думаю о вас так, как будто вы принимаете на себя мои обязательства.

Простите вы меня, Христа ради здесь. Я не имею суждения в себе, поймите, и эта бестолковость мыслей, чувств, если угодно, от которых я не понимаю что ожидать. Мне свой-

ственно жить. Я как по принуждению говорю это вам сейчас, боясь, ей-Богу! огорчить вас этим высказыванием, ведь мне кажется, что каждое слово, произнесённое мной, вызывает ваше сопротивление и желание отменить его, переиначить, вызывает в вас сознательный выброс памяти, и я стремлюсь уловить в себе каждое слово, кто этот вертихвост! который не знал, что я думаю о нём.

Это желание оскорбить самую мысль собеседника, оно есть во мне, я знаю, и оно мне не нравится, я не люблю это состояние в себе, понимаете.

Кто-то гонялся за мной, желая изъять для себя А. моей любви здесь, это повод, простите. Я его люблю. Что вам угодно ещё? Нравится вам это, или нет, или ещё кому-то, я люблю этого человека. Бог радуется, когда любящие друг друга вместе. Вы во мне вожделеющую сущность изгоняли.

Королева! Позвольте присесть рядом с вами. Моё имя А. Я думал о вас столько времени, и что же нам с вами пришлось понять, что необъективное суждение не может воссоздать облик жизненного поля, что оно проваливает все намеченные планы и… и… что и, ну, в общем, не строит ничего здесь. Так. Затем я должен очевидное сделать внятно понятым вами же.

Да, почерк А., конечно, многое говорит о его характере, это так.

Настоящее время не определяется прошедшим; оно определяется будущим. Далее! я скажу вам вот что. В вашем эго есть восходящий мотив силы, который бьётся о постулат «не действуй здесь, молчи и ничего не решай, я знаю об этом сам». Мне нужно помочь вам выбраться из этого состояния. Я долго думал о вас вместе, приятно сознавать, что найденное пространство верно! Это книга, прочитанная наизусть настоящим временем я-здесь. Я проявляю консервативность, головно размышляя о вещах чудодейственных, разнообразных в своей чудодейственности.

Как бы буря прошла, Учитель.

Да, нечто подобное ей. Я перераспределил силы, и сейчас установится светлое время суток здесь. Я хочу, чтобы вы понимали какая связь мучает во времени перспективу памяти. Наследуя прошлые воли, мы не всегда понимаем чьи они, и что бы мы с вами ни говорили о блаженстве поющих осанну, глядя в небеса, мы должны чувствовать свои я соединёнными здесь в единое пространство воли судьбы, или – судьбоносное поле, если угодно взять такое выражение сознания я, раскрытого в более высоких значениях пространства заботы об обретении имени Бога в себе самоё.

Я говорю обыкновенные вещи, - в них нет ничего необычного, что можно было бы отрицать или утверждать, в нас есть это поле души, в нас есть его размер, принадлежащий нам самим тут, и мы его носители. Кодирование этого поля проникающими структурами не существует, так как оно велико и саморазмерено, существует воздействие на область восприятия его здесь, и тогда мы как бы отчуждаемся сами от себя, не определяя собственных поступков как производных от других пространств, смешивая себя и свои начинания с не определяющими нас химерами. Позитивные силы расцветают в присутствии Бога и я говорю вам об этом сейчас, потому что вы хотите слышать себя в соединении с настоящим временем я, и это вполне реализуемое пространство сейчас. Множатся корриды, в которых быка изображает мысль о существовании Бога в нас, но только не думайте, пожалуйста, что я наводняю ваше пространство не уподобленной чепухой, это не так; я просто перемещаю слои и они становятся доступны пониманию. Я хочу, чтобы вы знали лучше себя и понимали образ сознания ради которого высится мысль, в чьём имени есть ваше я-сейчас как плазменное поле, а не состояние твердолобости с прокрустовым ложем мы, в которое уложены бывают самые смелые идеи, - да уж, как не сказать об этом. Но вот что, радость моя вы, и я говорю вам об этом прямо, не скрывая и не становясь на колени. Я бы хотел, чтобы и вы этого не делали, не шли бы за мыслью без чув-

ства её здесь в своём эго, да, вот так я сказал это, то есть не скрывали бы от себя самой подлинники своих пространств, а что это значит, делайте то, что вы умеете, да поможет вам Бог в этом.

28 марта 1

1.

Я почувствовал, как вы отвернулись от меня, чтобы понять самой происходящее с вами, я осторожно заглянул вам в глаза и увидел, что же я увидел, Королева моя, искушение? осознание?.. нет, работу мысли об объединении пространств в начальном их соединении. Я, наверное, найду синоним этого слова в вашем эго, мне хочется, чтобы вы думали об А. сейчас, как о позитивном поле для вас, и без сомнения. Вы памятью забросали страницы и не имеете отклика в себе, который помог бы разъяснить ситуацию. Ну, думайте. Великие луны так просто с неба не сходят, и уж кто-кто, а он-то знает это, и пусть для вас это перестанет быть тайной сейчас. Бог в помощь! Королева, я-сейчас.

30 марта

Образные эти дворцы, они являют собой образ сознания, как в куполе стоит свет, в котором можно увидеть свои отражения лучших пространств любви, так в наполненном сосуде играют блики, не всегда они были бестелесы, я думаю, земная их стать волшебством воли полнилась и тем жила во

внешних кругах. Даже чёткость римских панорам не имела такой красоты в себе, она не была проявлена как состояние неба здесь или как разделённая духовность, может быть, расчерченная, раскрытая по воле Божественного произволения, но только это не тайно должно быть, а как-то чересчур даже явлено, через упорядоченное это пространство судьбы, в котором свет заточён, а ему выйти надо, чтобы играть на струнах осознанно, а не потому что воздух кипит как лучи вокруг, одни вверх стремятся, другие вниз и вместе они на душу действуют как лучезарное это поле, в котором ангелы вихрятся вместе с нами здесь.

Тайный двор души, может быть.

Поиски внутреннего царства, в котором живёт мысль о Боге.

Оно не локально, оно смещаемо, может быть, и не имеет определённого адреса. Оно совместимо с сознанием, загляните через край - и вы увидите кипящие воды чьей-то любви, чьего-то невмешательства тут, чьих-то немыслимых поэтических строк, о чём они, - о хорошей погоде в душе, я думаю.

Поиски внутреннего царствования, может быть.

Фаворский свет как символ чистоты и свидетельств.

Внешняя атрибутика всегда будет соответствовать внутренним мирам я знаю как это происходит, внутренняя жизнь любви есть свет, видимый внутренним взором, внутренними очами в себе, и очистить его от состояний с я пространств неимущих…

30 марта 1

1.

Я загнал вас в угол тупее тупого. Беречь состояние в любви значит любить его в себе, вот всё, что это значит. Берите белые паруса, - этот образ берите сейчас; он вам пригодится к стати того, что есть уже.

31 марта

Ты играешь в оркестре, ты делаешь это потому что ты умеешь это делать, играть в оркестре, я думаю. Ты умеешь слышать того, кто стоит рядом, участвуя в нём как музыкант, зная его как музыкант, чувствуя его ауру на себе и читая её, может быть, в музыкальных интонациях. Умение это тонкое, очень тонкое, но вот звук как-то складывается иначе, что-то происходит с этим звуком и он меняет направление, может быть, меняет значение этого направления, он становится малодоступен осязанию твоего я и ты настраиваешь свой инструмент слуха в ином регистре, чтобы слышать то, другое небо, в котором все звуки равны, все они чисты, и медлен-

ный вальс или быстрое скерцо могут проявить Божественный дух также очевидно как пуританские построения…

Драматизируя наши отношения я никогда не хотела быть лишней в твоём имени я… что-то откровенно бросовое обозначилось этой фразой, что ж – пусть так. Но только я знаю!, что ты очень любишь меня. Знаю, и не спорь со мной об этом никогда, потому что это любовь и она есть между нами, как стоящее напротив солнце, идущее сюда для наших встреч, а не расставаний.

Мне потому так трудно сейчас говорить с тобой, что я осел, как весенний снег осел сам в себе, всерьёз полагая, что душа может иметь две жизни, одну в тебе, другую здесь, во мне, ну такую как я хочу сам, как я вижу её, эту жизнь своего я. Мне что-то думается об этом, что-то такое красноречивое может быть, я сам пытаюсь обрести это соединение в себе, выйти из этого двоедушия, направленно выйти к единственной цели. Это позёрство может быть, может быть я обрастаю перьями, сознательно строя из своего я большое дерево, - чтобы сесть на него птицей и воочию наблюдать, натаскав большое гнездо, ну как выход из положения, сложившегося вокруг меня, как более или менее удачный выход для нас с тобой также. Он есть предельно ясное понимание жизни как света, в котором она, жизнь, строит свои планы, сознательные планы любви, а не только любования нами в себе -

мы часть строящегося здания, и немалая, знаешь ли, такая часть.

…но потом пришёл ты, и оказалось, что я - не сама я, конечно, а тоскующее это поле уже не я, а ты здесь; признаться, - мне это не очень понравилось, неверное слово, не так это надо сказать, ты, который был так любим мной, так сильно любим, что неохватность этой любви потрясла меня, необнаруженное это поле стало изменять мне самой с тобой и я оказалась в настоящем времени подкидышем, в определённом смысле, пространству здесь, который помнил о себе самые обычные вещи, в которых он жил до того, до встречи с тобой, я сама в них жила, он – это образ.

Ты думаешь я не думаю, просто дую как дуется, ну просто на сцене стою и дую в трубу, под очками нос, а в трубе ветер гуляет, так или не так.

Поняла.

Ну пусть это поле будет примером позитивного пространства.

Вы драгоценны мне, мой добрый Учитель.

Ангел мой стремителен, как полёт мысли туда, где её не ждут. Ты что там делал, скажи-ка.

Я беседу вёл о тебе.

Обо мне ли?..

Ты почему мне не веришь опять.

Я тебе верю как раз. А ты?

Во мне сила света есть и я степень совершенства постигаю, вместе с тобой, причём, здесь.

Здесь… пусть.

Я смысл берегу, - вздохнул он, - себя, - прибавив после и тебя тоже здесь.

Ты понимаешь меня, как я и хотел. Давай как-то приступим к обновлению этого пространства сами, что значит сами?.. Сами, без принуждения со стороны.

Я прочёл те пять страниц, обработанные чьей-то рукой, ты думаешь, я читать разучился, то есть перестал мыслью схватывать где что чьё и как оно лежит, поверху идёт или в

тишине зреет, чью-то душу преломляя определённым образом сознания, оставаясь незамеченным, или желая оставаться так, как путешествующий взор.

Сохраняя сии листы, я надеялся увидеть в них отображение… отображения тех безусловных принципов воли, в которых пляшущие огни не имеют силы здесь. Я разумею под пляшущими огнями бесчинное использование сознания под воздействием огненных крыл. То есть, их опаляющее воздействие на наше я (в целом) оставляет след в сознании, который трудно извести, трудно оставить без внимания то, что само его отклоняет на себя как наиболее взыскующее этого внимания пространство, или – состояние, в котором мы пребываем от незнания самих себя или неумения владеть своими чувствами здесь. Проще говоря, это есть прикреплённое к нашему я состояние ответа на уловление мысли.

В нашем эго всегда есть позыв повести дальше ту мысль, которую предлагает нам пространство, будь то сила, побуждающая растерять свои значения, приобретая при этом новые, или сила, предлагающая сохранять их в себе, отчуждая при этом иные качества. Как вы знаете, самое обыкновенное свойство смотреть правде в глаза бывает напрямую связано с креативами лжи, исходящими из тех мест сознания нашего я, в которых мы сами о себе ничего не знаем, или знаем понаслышке из чьих-либо уст. Вот, обозревая себя с высоты

состояний с Богом, мы чувствуем необходимость прилежномыслия, уподобления что?.. уподобления своего я пространственному образу Бога в нас. Но, будучи людьми, мы этого не чувствуем, Королева моя, и бываем правы в этом состоянии нечувствия к образам, сохраняемых в нас в качествах указующих, мол ты прими это как образ, а я позабочусь о нём в себе.

Что такое образ? это указание на состояние в нас того или иного качества здесь. Вот вы прячетесь за проекцией памяти в моём я, вы и ваше эго не являются этой проекцией, это всего лишь свойство души отражать видимый свет в качествах, присущих самому объекту, но я сам чувствую ваше присутствие в своём я таким образом. И знаю, что вы синонимичны этой проекции во мне как пространство, для которого я цель, я, думающий о вас, есть цель, но только не та цель, достижение которой является помыслом вашего я-здесь; я другая цель - цель сознания расширить свои владения, может быть, или осознать себя большим пространством здесь. Для этого оно, отражаясь от будущего, строит себя здесь наиболее верным способом, сопровождаемое, Королева моя, ангелом цели пространства вообще, каковым является потребляемая энергия света в нас самих здесь. Я буду верен себе - я возьму вас за руку и отведу в самый тёмный угол, пусть он будет освещён. Этим углом для вас является ваша любовь, в котором, как вам кажется самой, никто не живёт, или – не

осознаёт себя любящим вас в настоящем времени. Я невежественен буду, если поставлю вас на колени перед тёмным узилищем света, заявляя при этом, что этот мрак есть светоносное пространство силы, что на деле является оправданием моего бессилия перед вашей милостью; поэтому я не стану предлагать вам становится на колени в этом углу, в нём ваше истинное эго провело достаточное количество времени, стараясь усилием воли распознать то пространство, из-за которого весь сыр-бор так сказать, но, сказать вам по чести, я не вижу оснований огорчаться, это время прошло не зря для нас обоих здесь. Мы учились видеть то, что бывает скрыто завесами сознания, что само по себе, являясь завесой, отгораживает от нашего внутреннего взора пространства большей любви и большего света в ней же так, что мы, осязая присутствие, не имеем мысли, отважной такой мысли о пространстве Бога здесь в нашем имени я. Капитулируя перед несостоятельностью помыслов о личном пространстве, ну да Бог с ним! с этим словом пространство, оно есть, что ж ещё, и вот делая это, мы остаёмся непричастны, Королева моя, к куда большим единениям сознания, я думаю. Мне хочется понять вместе с вами почему А. не понял вас как самостоятельное лицо, не зависящее от чьих-либо усмотрений на ваше я, почему он принял на веру…

Это не так; это враньё, по существу говоримого вам, оно оставляет следы в памяти, которые не зарастают. Простите

тут. Эти лица безнадежны, понимаете, им некуда смотреть, и они остаются без взгляда, а почему это так, острота веры есть воля быть словом. Я хочу, чтобы вы знали это о себе.

АПРЕЛЬ. Мастер вина.

1 апреля

В нас нет любви, если мы не хотим чувствовать друг друга здесь. А что есть? Прелесть осязания. Простая, казалось бы, мысль, а сколько труда в неё вложено, бережного и сохранённого в качествах я здесь. Да, давай думать вместе об этом. Богу угодно было пришить рукав к этой жилетке, отрезав полу. Бог, конечно, не швейный мастер, просто Он умеет принять решение, которое, по сути, правильно для сознания того, кто этим мастером является сам, причём ведь скоро оказывается, что эта жилетка вообще не нужна. Во всех случаях я бываю прав, кроме одного, твоей ко мне любви, она важнее оказывается, твоя ко мне, а не моя инсинуация чувственных импульсов, идущая как злые, саднящие волны, может быть, как состояния, для которых требуется ответ, причём весь сразу ответ, красотою мир затмевается если ты любишь, а если я, он только строится, только делается, только становится им, миром этим нашей любви, а ты в нём, потому что я его пространство здесь. Во мне сила до тех пор, пока ты любишь, а ответ придёт.

Мне что-то самому надо сделать, как слово, которое ищет

любовь, ты не думай об этом, это не твоё поле сейчас, мастер сознания знает где голубь летит и о чём весть, а ты лучшее бери, лучшее это нужное, чтобы идти, так сознание действует в нас, оно строит из надлежащего.

Я холоден и душен одновременно, я это понял уже, я понял, что сделалось с нами, что мы написали тут о себе во сне каких-то причин, я животное, а ты душа и ты поёшь, осознанно поёшь. Смотри в небо – оно летит как слово, которое мгновенно может жить, минуя все расстояния, сколько бы их ни было между нами, сколько бы они ни ложились под ноги. Сегодня лучший день. Он другой, пойми, чем вчера, он другой, потому что он уже наш, обоюдный, ищущий нас обоих своими чертами и обретающий наше сознание здесь в лихих этих строчках, обнаруживающих себя постепенно, уже построенных, уже делаемых как сознательный импульс в любви. Это слово дверь, в которую нужно входить медленно, но, войдя, уже нельзя остановится и не идти. Я как будто уговариваю тебя делать то, что ты уже делаешь, ты уже месишь эту глину состояний.

Мы всё ещё спим друг для друга здесь, мы думаем, что мы проснулись, но мы спим, не имея в душе отзвука конкретных дел, конкретных синонимов этих дел, в которых я - ты, а ты тоже я, только другое, ты терпелива можешь быть, я знаю, ты слушаешь этот воздух, - обо мне ли речь здесь идёт, обо мне

ли звуки те струятся в тишине.

Архитектор Бога в душе мысль о Нём; она строит сознание по образу и подобию, и это любовь, сила которой свет. Кому ты отдаёшь свои мысли, свету, он и строит теперь, думая о тебе как о пространстве своего я здесь, да, так, ты его пространство, в котором идёт эта буря нежных слов.

Игры нет - это просто духовное наследие, побуждаемое к жизни, а что оно нам говорит? что надо быть живыми людьми в умопостроениях.

1 апреля 2

2.

Значит ли это, Ангел мой, что ты перед собой небо видишь, но не всегда его расчислить умеешь?

Нет. Это другое значит. Это значит, что я на ум пришёл и стал в нём делиться на ты и я, то ты это небо, то я.

Думаю.

Хочешь, я мысль твою прочитаю?

Нет.

Я перед мыслью иду, так что я её всё равно увижу. Там небо голубеет и синяя заря встаёт. Вот.

Это хорошо?

Ну, а как, ты думаешь, я себя нашёл? как, скажи.

Ну хочешь, - я сам скажу.

Скажи.

Так нашёл. Я стал правду о себе искать, ну, и нигде её не было, хоть плачь! Кремни одни кругом, куда ни посмотрю – всяк слово своё за пазухой от меня держит, ну, кидается после. Камни одни, понимаешь меня?.. – он стукнул себя по лбу, послышался хрустальный перезвон, в очках его сверкнул свет, как пламень густой, в котором сиюминутно отразилась какая-то мысль, не отчётливо, но была эта мысль обо мне, «что за окрашенное пространство, - подумалось, - и пахнет как-то…».

Везде почва и камни на ней, как корысть какая за мной бежала тогда, от тебя она тоже шла, кстати, - вдруг вспомнил он это смещение моих волн по ту сторону души, чей образ я в сердце носила как свет, да невелик он был, как оказалось после, так, чья-то взбалмошность о себе помыслила как бы

она свет была, ну и не с чем её сравнить было, чтобы понять куда всё проваливается, что от меня к ней шло, за какую черту, - не с чем сравнить, говоришь!..- ангел мой подхватил, - а я? я тебе для чего дан?.. так, безделица какая…

Я взроптал было, но вдруг опомнился, я стал думать какие-то странные вещи, совсем не похожие на те, о которых я думал прежде. Я говорил тебе тысячи слов о любви, но они не двигали это пространство, они не смещали его, строили, да, они что-то строили в наших я, разрабатывая память как что-то, как безжизненную массу съеденной когда-то пищи ума, может быть, сознания, сложенного из этой массы, инертное, я хорошо слышу твои мысли сейчас.

Не опровергай меня.

2 апреля

Это небольшая по размеру книжечка, она лежит на столе и ищет твой взгляд, она знает какими силами мастер создавал её, каким отчётливым видением обладал его ум, чтобы, сохраняя серьёзность и наивность одновременно, создать шедевр, в котором мысль принадлежит Богу, а душа и тело находятся здесь, в канве этого времени нас. В ней голоса ветра Божественных сил говорят нам о любви, какая принадлежит этому миру здесь в полной мере сознания нашего я сил.

Да - ты думаешь об этом тоже, как и я. Я снимаю кино каждый день заново, как право на исключение дня прошедшего, как право на отчуждение того, что не имеет формы состояния, не имеет ко мне ни малейшего отношения /в любви/ в проекции памяти. Я настороженно отношусь к людям, которым нечего делать здесь и они как бы ищут себя во мне, предлагая свои состояния со мной, однажды найденные на потребу дня, и там застревают в памяти. Я лгу, говоря себе каждый день это, что мол-де это же я сам так вижу их, а они другие на самом деле, и я не хочу видеть их такими, я хочу видеть их лучше, намного лучше в своём я, и это мне удаётся сделать. Я вижу их радостными, дружественно настроенными. Клипмейкер моего эго старается, он чувствует, что это хорошо, понимаешь это хорошо? а не обеднение пространства плохими мыслями о нём. Ну вот и строй теперь порядок вещей обо мне, что ли, ведь я живу на соседней улице в твоём я-здесь, отчётливо понимая, что ты живёшь рядом со мной и чувствуешь это приближение каких-то правильных минут, не разделённых в сознании на было – не было здесь.

Ангел волю свою имеет, ему нельзя запрещать делать то, что имеет отношение к Богу в нас, а что имеет отношение к Богу в нас как не жизнь в любви. Ты думаешь я осёл и берегу уши от захвата, предпочитая не слышать направляющие меня команды в настоящем времени я, я берегу уши от другого, от фальши и крайних точек, в которых выражены быва-

ют обрамляющие меня пространства. Им неймётся, видишь ли, почувствовать себя причастными… прости. Я понял, что ты…

Центр не должен подавляться, я думаю, он как-то разбазарен оказался в поле зрения, отчего бы это ему таковым быть здесь. Кто сей объект созерцает, а? Отвечай-ка, Ангел мой, ты знаешь это.

Ну да, я так сказал, только не то это сейчас (ты слышала). Мишура слов, ты прости, я подумать должен сам, как раз тут. Где прицел, там и воля, а ты объект, да чей, знамо чей, известно, то есть. Да не с чем ему идти к тебе, вот он и целит душу тут, ты стой и молчи, перед ним всякий как урод должен быть, чем уродливее, тем ему лучше на себя смотреть, и пойми ещё, что чужая чаша всегда с краю стоит перед ним, да, так, потому что он, как сказать, думу свою иметь имеет, а выразить её нечем ему, безглас он. Чем ты ему приглянулась я скажу, карту он твою с неба увидел и решил так, что мол я с ней до ума дойду, а там как будет, что Бог об этом молчит, так то разум свой иметь надо, ну, прости, иначе скажу, карту порви, прицел этот и сгинет. Контуры себя под напряжением чувствуют, как бы они освещены были чем, а то луна, луна, - возьми ты это в толк – луна! Она так с неба смотрит, как дыра какая, что я чуть с ума не сошёл от этакого-то взгляда, всё тебя за рукав трогал, пойдём мол, а ты стоишь, как в тём-

ном углу, куда слюни текут, а не явь, как время то протекло в чушь безмерную, я перед тобой босой стоял на асфальте ног. Во мне дыра в небо свищет, чем-то я её заделать должен сейчас.

Ну, что это – чудовище что ль какое необоримое, да? или оборимое, всё-таки, как карту порвать - что это значит.

Жизнь идёт прямо и ты не сворачивай, устав свой знай, где поле там лежит, а где ветер там не лежит ничего, сколько раз… я думаю вот что, ты обрети смысл.

Ты силу свою от кого берёшь?

От тех сил, которые рядом тут. Они все во мне ответ имеют.

Оборимое то, да, оборимое, - чуть свет взойдёт, так нет его, - как ты скажешь оно будет. Я сам знаю. Отвердело это пространство, ну как лёд стало оно. Божественный дар жизнью дышит, а это – знание что любовь превыше всего. И стой на этом. Нет в любви зла, непроницаема она для него, а то что вокруг вьётся нечистое, обделённое оно, так сургучная печать от огня тает, воск от пламени душу греет, а сургуч сердце жжёт как капли его потекут, перед сим мала печать стоит, как прелесть обмана она, мол сорви меня, а там гной,

это как образ прими, душу ту моет в печи, что гноится такая сила отвратить это может, как промысел, да вперёд иди, не стой как видишь это, сама не стой, прямо память уводи, что почувствуешь то Бог в сердце смотрит, а с Ним любовь.

Может быть, это вне реализма истечения смыслов, но я хочу это сказать: может быть, рядом с А., в его я, кто-то шёл, кто действительно любил, любит меня - меня именно, а не отражения во мне, кто-то видел меня через него, может быть (о, ангел мой! – это допущение), ну как я порой вижу отражения людей через кого-нибудь и они, эти люди, могут быть привлекательны или не привлекательны, во всяком случае, их свойства могут быть видны. Как бы А. был с кем-то близок в общении и проникался этим общением до души, и это безмерное обаяние самого А., возможно, вызывало некоторую ошибку в представлениях моего ангела я о том, кто, кого он видит на самом деле; впрочем, Ангел мой этой ошибки как раз не имел, она происходила во мне самой из-за неимения инструмента верного восприятия, потому что в целом поле это отражение выглядело как А. во мне, всегда как А., то есть как будто кто-то скрывал себя за А., скрывался или был скрыт фантастическим образом…

Перебродившее вино скиснет, Королева, если его вовремя не слить с осадка.

моей к нему любви, в котором отражались все вымыслы пространства об этом превосходном чувстве здесь, объединяющем людей, роднящем их между собой, заставляющем ждать и надеяться, и требующем для своего выражения всего себя, меня, вас, не терпящем грязи и отсебятины.

Слейте вовремя перебродившее вино с осадка. Только не делайте при этом зла никому - ибо ваша мысль не показалась мне добра - ни себе, ни другим. Будьте любимы, это я желаю вам искренне, а я уверена, что вы любимы и ваш путь идёт в любви.

Я охраняю тайну вина.

Почему вам угодно пугать меня, я не пойму. Охраняйте, кто вам не велит. Богоугодны вы или нет, мне то неизвестно, а пугать меня не нужно. Вам ангел мой, может, во сне привиделся – почём мне знать, вы его за крыло-то и ухватили, отдайте как он не ваш, а мой, и он к Богу лицом стоит, а вы тут причём - не знаю, что вы ему в лицо всё смотрите и стращаете его чем-то. Прекратите это делать.

Светел ты, - светла и я в тебе, а коль ты мрак – уйди, не жги мой свет, чтоб осветить себя.

Тощеющее это поле, вот оно и просит для себя чьих-ни-

будь мыслей, ты прости, что он к тебе спиной стоял, не по себе суди здесь, я как ты не могу… чем ответ долго молчать. Я перед вами как что, - как хорошее небо, да, это.

3 апреля

Книга есть предстательство перед Богом, и это во всяком случае так.

…ярчайшее, воспламеняющееся сознание в ту минуту забывает себя как стать, как состояние с Богом здесь, и охвачено бывает безмилостью, неудобно говорится это, но само эго, которое, без сомнения, правдоискатель во всём, что касается до жизни, требует этой жизни для себя, волнуется, если угодно, об ней, да-с. Я кроме шуток говорю с вами об этом, а потому что шутки эти, как бы сказать, не нужны, глядя-то из правды, слеза по небу бежит, ну, и верьте ей.

Почём хвост той лисы, которая в поле вбежала, я вам теперь не скажу; нету её. Нечему вертеться, как обилие следов она была, лисица эта, да только вор ту шапку украл и на нём её нет, потому как израсходовалась она от долгоупотребления.

Бежимте! Слава Богу, что день велик, и чувствуйте себя вправе быть в нём самой здесь.

В определённом смысле я нападаю на состояния остеклене-ния в вас самой, послужите мне правдой и я стану в ней войлоком, чтобы перепутать, перемешать все жизненные по-зиции и в замешательстве этом, обдав вас жаром накопле-ных мгновений, испугав сердце, заставить, или нет! взять об-ласть сомнений, в которой трудится Бог, и завесить её ка-ким-нибудь вымыслом, отчуждающим вообще всякое дело от рук. Ну, добровольны будьте. Вы что думаете - власть по-донка вечно над вами стоять будет?.. как неимущая она ведь и не с чем ей быть в вас, не с чем в поле идти, бессчётное это эго, как эхо голосов, отстоит теперь отсюда, ну, а реализм истечения смыслов вы панорамой я закройте и с небес своих взгляните на него сейчас где волк стоит, где вообще кто, о себе помышляя, упования свои имея и надежды тож; напе-ред зная, что не станете вы это делать, потому что о чём бы речь ни шла между нами, вы всё в то окно глядите, как бы оно для вас, ну да – закрыто и силы своей не имеет более здесь, а просто есть, как память обращения в минуту страст-ную в том времени я.

Снизу идёт ветер сильной любви, а что значит снизу, как это выражает себя, как весна, может быть, как воздушное волнение здесь, в липких руках счастья нет, это так, в них поэзия строк не живёт, а Богу угодно быть счастливым, это дело. Как образные эти шары испепелились, так чувства пе-рестали себя гнушаться.

…со мной так, а куда же А. тогда попал? сам по себе.

Я думаю об этом сам. Во множестве сил я как образ распертый над сознанием в странной этой тишине сейчас, мне что сума…

Равнодушен стал?..

Разум стоит на месте, это; я тут учинил некое действо по размеру души, а память сознавать не хочет во мне, не было, говорит, ничего этого, показалось оно тебе, так она мне говорит, бравадой слов решил ум затопить, кому конкретно душа моя принадлежит в результате, мысль твоя обо мне. Моя душа пением гула охвачена коротких волн, суммарно оставаясь нелепой птицей на ветвях, истончивших свои значения здесь, уродование пространства моего я не хочет более продолжаться, в чьём Антверпене текут эти каналы здесь, я думаю как эго, содержащее мало слов, но взявшее много крепостей и проявившее их, между тем, тьма, охватившая мой город, временна, она не имеет истока, это просто состояние мысленного пространства в сумасшедшем вихре слов, изгадившем, прости уж, его поверхность, это пройдёт, я не образ нашёл, а газету, и в очки втёр как сознание бури, и что мне теперь пластом лежать, ничего не делать, не осознавать, не любить, не спрашивать что почём, так, бредить иногда мол

Господь привёл своё стадо, вот оно стоит, тупо озираясь, чем бы себя занять, и спросить ведь нельзя. Возьми весло и греби, я берег дальный, я уже грёб…

Это зомбирование, лишение собственной воли в основании я, это проекция сознания в предельных частотах восприятия?.. скажи.

Не надо никакого крена, я прошу. Просто выражение пространства не всегда бывает прямолинейным, вот и всё. Это как поле, которое всё здесь. Разум не потребитель. Он зачинатель, но он не потребитель, и он не строит заслонов от себя самого. Он запредельно молчит, может быть, иногда взаперти от понукающих им, во мгле отверзающих уста за ны ради копеечной брани, смешно смотреть как начала середину охаивают, да притом добровольно, белеет ум, белеет и сила его, светлеет сердце и сразу на душе легче от света своего сердца здесь.

Я возникаю из неправдоподобия, нерешительности и неправдоподобия. Я знаю, что это так, и сам, приметь, это неправдоподобие лишаю…

6 апреля

Я думаю об этой весне в себе самом. Мне кажется её много в нас, и эти дни прибывают, они становятся нашими днями,

в которых мы видим свои изображения в сознании эго.

Это как книга, которую читают на ночь, может быть. Она сама по себе звучит в настоящем времени я, чтобы её звучание сопровождало наше видение проходящего перед глазами изображения. Я просто удаляю определённые минуты, объединяющие нас в неправильное, или неправедное пространство, пойми это, я знаю, что ты веришь мне тут и обязательно появлюсь! Я стараюсь отчётливо удержать план присутствия везде, где есть мы с тобой, как дети какие-то, которых взяли и обманули их родители, чтобы примером, наглядным таким, заполучить для себя какие-то проявленные выси наших я, какие-то могучие состояния наших я для себя, для своих идущих целей. Я не образ сознания, я это сознание и есть тут.

Но вот ты обретаешь некоторую инертность, прости, я вымолил прощения у Бога любви для нас обоих, я бежал в степь и там остался, чтобы соколом парить…

Мы не обретаем друг друга, прости, я так сказал, это, не зависящее от нас состояние я, волнообразно, как канитель, которую наматывают на палец и то подтягивают, то отпускают в пространство, то снова подтягивают, то контроль обретает силу мысли, то чувственное небо становится Богоугодным и тогда этот контроль отпадает сам собой, становясь

малозаметным, малоищущим, малосведущим, если хочешь знать, он не способен создать объект, объективное поле в надлежащем пространстве, и это благо бывает для нас, да, вот такое благо, спасающее саму жизнь в нас, охраняющее её от захвата властителями дум здесь. Я бегу к тебе оттуда, где связь наших с тобой я осознаётся как не имеющее пространства ответа, как не сознающее этот ответ эго, в котором смысл свёрнут в объекты, не причиняющие воли о себе самих, и это – парадокс сознания, потому что оно, осязая это пространство в мыслях, не видит его восполнения в реальном плане жизни, течения жизни, субмарина сознания ползёт по дну, поднимая тучи ила и ничего не видя при этом само за этими облаками, оно движется как бы наощупь, обладая способностью к этому движению, как некое самостоятельное поле в нас, ни от чего не зависящее, ни от большого, ни от малого в состоянии я-здесь.

Я думаю об этом дне, хоть мы и не вместе, как о проведённом с тобой, пиши самый настоящий текст о нас, о тех, кто любит друг друга так сильно и искренно, так любит, как если бы мы вообще не расставались, а были всегда рядом и думали, что это счастье зависит от нас только, непристойно не иметь в себе любви, зная, что она есть, зная, что её много, что её память содержит нас в себе сознательно, то есть она благоволит, имея надежду на нас самих, ведь в нас она находит свои силы, чтобы мы могли занять собой эти про-

странства нашего я, предназначенные для любви, для света, который она даёт сюда через наши души, и мы знаем это, но мы не всегда умеем сами в себе стать её частью, как кропотливый труд пространства о нас в нас самих, она являет нам себя здесь в откровениях, видимых чувством, зримых памятью я как искреннейшая привилегия любящего сердца, чья воля есть воля любви, в глубинах созерцающего ока мы наст/р/аиваем память, чтобы она приносила нам свидетельства о настоящем времени нас самих, о наших явях в любви, о наших производимых в ней пространствах, столь обширных и по-настоящему добрых, благодетельных, по-настоящему источающих волю света, а не мешанину слов в красиво изогнутых линиях воспроизводства пыли в отсаженных проекциях памяти об обретении мысленного я, кажущемся порой огромным пространством, мысленно бездушным, чувственно запротоколированным. Я люблю тебя как силу жизненного успеха, как превосходную силу здесь, как проявленное свойство мы сила жизни в любви. Я постепенно угасаю в твоей памяти как пространное чувство обиды, в которой одна явь сменяет другую, чтобы, поссорив нас кажется наверняка, снизойти до состояния мы никто здесь друг другу, так, смешные дурачки, гонявшиеся за чудодейственным эликсиром солнца в душе света, с каким настроением ты ищешь меня в своей памяти я-сейчас?.. в ком живёт моя явь для тебя?.. в чьей душе ты обретаешь это пространство, желая понять то, что во мне есть сила, необходимая тебе, и эта сила

любовь, данная нам от Бога, нам она дана как красота формы созерцаемого мира в нас же самих и мы настоящее время творим собой, это, наше с тобой настоящее время.

7 апреля 1

1.

Я думаю о продолжении - я всегда думаю о продолжении. Мне хочется быть верным вам, последовательным в своём пути-открытии вас для вас же и поэтому мне хочется, чтобы вы полагались на конкретные мысли. Вы обретите спокойствие прежде чем я буду говорить с вами о каких-то значениях, избранных-переизбранных. Простите, что я нагромоздил во вчерашнем дне - уже вчерашнем тут каких-то фрустраций для вас, они суть мысль необъективная, Королева моя, и я бы хотел сейчас исправить положение, чтобы необъективность эта перестала сливаться с реальностью в каких-то неопределяемых границах чего? - чего-то там, состояния с пространством, а почему это состояние таково, я вам после скажу.

Сейчас моя мысль гложет какой-то листик, во рту кисло, я, наверное, сам таков, вот только ваша светлость далеко отстоит от меня и я бы хотел, чтобы вы стояли поближе.

Я инсинуирую некоторые пространства, это правда, в сознании и это производит впечатление неадекватности, может быть, текущему времени я, в котором осязание есть век-

тор бури, ветра памяти так называемого силового эго, которое хоть и далёко отсюда, но смыслы свои несёт и не надо этого бояться, потому что оно имеет причину безначальную, как так безначальную, откуда же ей взяться, если она начала не имеет. Это сомнение, Королева моя, в котором как известно тонут или теряются всевозможные замыслы, а правы оказываются те, кто их не имеет. Замыслы эти обнажают пространства в нас, поэтому мы тревожимся, тревожимы бываем или теряемся перед неизвестностью в образе света. Предоставьте мне право слова, я скажу вам одну небезынтересную вещь, она до вас касается. Между прочими состояниями мы есть некое царство, не скажу что грёз или пользительных предощущений; нет, не это оно несёт нам здесь. Оно, являясь сколком с предыдущих состояний, проявляет во времени те или иные пространственные обороты мысли в нас, являющиеся нашим отражением где-то там, в глубине сознания, может быть, но не фиксируемые им вовремя и они домогаются нас в нашем воображении спустя срок и нам кажется, что это где-то здесь происходит, но на самом деле это всего лишь проекция проявленных резолюций памяти о том или ином состоянии с небом, которые по не определяемым пока причинам задержались в пути и их место давно занято, а они, как раскрашенные картинки, проступают на поверхность, и что же с ними делать теперь, думает наша память, куда их пристроить, - как бы в нарушение всех правил я предлагаю их забыть здесь. Раз они не резонировали с со-

знанием вовремя, давайте их отбросим.

Я хочу, чтобы вы понимали сказанное сейчас вам, я проекция, я и ропщу. Я не хищен, Королева моя, в обратном адресе, я просто содействую определяемым я, а не определяемым я не могу содействовать - я не знаю как это сделать, я не вижу объекта и думаю, что этот объект вы, а что это значит как не область устремлений к цели, в которой выражено бывает то состояние с небом я, в котором проявились эти звуки, мешающие пониманию здесь, простите великодушно за некоторый фарс в проективной памяти я, но вы почувствуете его необходимость, может быть, для нас обоих, то есть для технически выполнимого пространства яви нужен соразмерный объект памяти и этот объект может указать на присутствие того или иного состояния вымысла, или намысла, в нас же самих. Вот вы изволите видеть настоящее время как некоторую точку опоры - мол она есть я-здесь во всём внимании, но привнесите в неё долю экзальтации сейчас какая бывает в Богу угодном небе и вы ясно увидите, что смыслы держатся на честном слове вашего покорного слуги. Поймите это - мне память не изменяет, как и вам, впрочем. Я желаю удачи для ваших затей, и не делите это небо, оно неделимо будет. Я верен нам обоим. Ц.!

8 апреля

Здравствуйте! я вас помню - мы виделись много раз в опе-

ре под названием, о котором я умолчу нынче. Во внезапном откровении я увидел свет из исчезающего в моей памяти пространства. Я стал думать о нём как о приближении состояния мы, и вот я надушился, и уже иду к вам по дороге. Я иду смело! я знаю, что вы дома и хотите повидать меня. В моём я происходят самые странные вещи, я нахожусь в решительном настроении и мне важен определённый мотив, в котором я услышу (или: надеюсь услышать) не одинокую душу не определяемого на вид пространства, а бесконечно милое лицо, связанное со мной узами любования, и позорящие мою честь деньги перестанут мучить моё воображение как неистощимый запас энергии зла, проявленной между нами в открытых индивидуальных собях, обретающих свои значения через эти проявления здесь, каковыми являются наши с вами дни, без разгула совести, так сказать. Бессовестность эта важна нам обоим здесь; я повторюсь. Мы хотим принимать этот мир таким как он есть, но вот его паллиативы, состоящие из множества значений одного и того же пространства совести в нас, которыми мы упражняем свои я, как личные, так и безличные, вдруг сливаются в одну чашу, и она становится нашим питьём в сознании, мы пьём из неё наши обретаемые здесь мысли по этому поводу. Хорошая погода есть настоящее время мы для нас, когда мы ясны друг для друга. Во всём этом предопределении, а оно видится нам обоим в нашем истинном состоянии мы, я начинаю находить объективное воздействие на память, исходящее от объектов не

нашей воли, а вполне зримых таких объектов. Спрашивается, и вопрос этот задан с необъяснимой ясностью ответа, а где же мы были с вами, объясняясь с помощью звуков, истекающих в объективном пространстве прямо в наши отсеянные от него что?.. я. Разумеется, - я. Как довелось узнать и выдохнуть это состояние из себя самоё здесь я бы хотел рассказать попозже, обозначив его каким-нибудь силуэтом в мыслях о Боге здесь как о проекции его на расстоянии от нас с вами, в котором отразились те или иные формы сознания, уводящие в сторону и лицемерно подтасовывающие карты состояний, отражаясь в них, как в водах любви, и унося с собой не только те минуты, которые мы ценим с вами как истинные, но и те, для которых мы здесь проявляем себя в этих страницах текстом (простите за выбор слога, по размеру сегодняшнего дня, и некоторую сухость изложения). Как избавить себя от сокрушённо-удручённого мы, которое притеняет сознание, обдавая его холодом ничегонеделания и объявляя это правильным ходом дел для души, как сделать это избавление от тусующихся карт прямолинейно проявленным и не озадачивать себя более мыслью о них!.. (это я закричал) как осознать волю, принадлежащую мне, тебе, а не принципату какого-то долга, обедняющего наше мы на расстоянии в своих мыслях о принадлежности ему чьих-то воль здесь. Далее я буду говорить прямо, и будьте мудры как базальтовая скала, на которой сидит птица - ей нужна точка опоры, чтобы подняться…

причём такая принципиальная, а не как взвесь, из-под которой виднеются чьи-то ноги, продолжающие идти в этой взвеси не смотря на украденное счастье /в/ любви. Что-то шторм задерживается, Королева!.. а пора бы ему быть. Я круглю глаза на всякий случай, чтобы быть вправе присоединиться к вашему удивлению перед образом состояния, из которого вытекают разные свойства жизни вашего я в себе, я животворю этот образ и мы взаимодействуем. В нас сила любви спрятана и живёт в таком состоянии спрятанности, но вот воля пространства велит создать из неё, из этой силы, принципиально иное качество жизни здесь и проявить его с силой, достойной этого проявления. Я держу голос, беседуя с вами, по силе ветра в моей душе, по проекции вашего эха, остающегося где-то там за пределами моего я в себе, откуда и идёт этот ветер сейчас. Экая броня перед вами, и шильное ушко может лишить её силы, а вы поймите, что это так и есть сейчас и не делайте никаких выводов – это важнее всего остального сейчас, именно сейчас, потому что вывод настраивает пространство.

Давайте докажем друг другу, что мы умеем это делать, лепет страниц поможет преодолеть некую суммарную зависимость от контроля со стороны набегающих волн.

Простите.

Я думаю, что нам надо поговорить обстоятельно обо всём, что касается нас обоих здесь. Мы были вышколены в какой-то особой форме сознания, учась создавать щит от несуществующих я, и были правы, имея его в руках, постепенно он превратился в представление о недопустимости лжи ни в каком её качестве, ни в качестве смирения, ни в качестве прозябания и уж тем более в качествах откровенных настроек пространств здесь. Мне хочется побудить тебя сделать одну важную вещь. Представь, что я рядом сейчас и скажи мне, как эго скажи, что я хочу быть с тобой сама здесь.

Я не знаю каков ты теперь, - я ничего о тебе не знаю, прости. Я хочу это сказать, но что-то не позволяет мне это сделать.

Да, я понимаю, умозрительность эта мешает и некоторая пространственная обескураженность. Я предлагаю побыть вместе некоторое время здесь, чтобы удалить эту пыль, обесточившую наши отношения в судьбе, я не раз говорил тебе это слово.

Знаешь, я ищу в памяти где мы с тобой были вместе, в каком источнике вод мы плыли вместе и было ли это вместе настоящим, может быть это вместе было столь кратким, что я не успевала его понять - ты живёшь быстрее, объёмнее может

быть, так вернее сказать.

Да, в силах пространства есть эта мысль о нас, я решился сказать тебе об этом как бы невзначай, ты не поняла меня в том времени я, просто ты подумала обо мне как о каверзном отступнике, отстоящем от тебя, я знаю, ты не могла мне верить там, не имея надежды на что? я был женат на женщине старше тебя намного. Это не был брак в традиционном понимании, муж жена семейный обед, я надеялся сам по себе, я переживал что-то, в общем сам, не имея участия в твоём я в этом смысле, я холоден, знаю. Я снова говорю о ней тебе, о своей жене как о проекции твоей воли, это палитра памяти наших я, построенная из разных цветов, из различных оттенков этих цветов. Я прошу тебя объясниться со мной здесь, потому что мы увязаем в какой-то трясине слов, бесполезных, может быть, как уродливая красота, если не знаем, чем они вызваны. Я понимаю, что стоит за желанием отломить кусок пирога, прости. Между нами столб пыли, я вижу в нём какие-то сиюминутные образы, и незачем их ловить взглядами, мы должны увидеть друг друга в ясном свете, а не сквозь эти мысли о нас, в которых мало проку, если они идут за нами, а не мы их ведём за собой. Мне кажется, ты понимаешь, что я учусь говорить правду, без камня за пазухой, а почему он там лежал, вот почему. Во множестве лиц, которые окружали меня и окружают, я постоянно чувствовал присутствие какого-то соперника, что, ты думаешь, это

означает для меня, соперник? что-то думающее обо мне как о том, кого следует урезонить, выбрав, улучив подходящий момент, или направить по ложному руслу ход его мыслей, жизненно опасных для успеха в делах, я не знаю в чём, но этот соперник был мой атакующий враг, я примыслил его к тебе как если ты была с ним в связи и он бы действовал через тебя, совершая тайно обструкции для нашей же с тобой любви. И вот я начал следить за тобой, выискивая причину вражды, выискивая эти поля, в которых строились враждебные мне состояния, помнишь, ты начала как-то стараться избегать меня…

Ты уверен в том, что говоришь сейчас?

Я стою этих минут, послушай меня, так вот, сила воли здесь ни при чём, этот поток идёт в мыслях, прислушайся ко мне, я прошу, он направляем, управляем, как угодно можно это сказать, только от него надо отказаться нам обоим. Я чувствую это, понимаешь?.. эту возможность сейчас высвободить нашу волю из неопрятных рук. Инструмент моего я моя воля в совокупности с небом света здесь и я знаю это, и я главенствую в ней, определяя её значения для себя, и я берусь восстановить это поле.

9 апреля
Здравствуйте, мой Добрый Учитель.

…что порядок слов нарушен был, это я вам точно могу сказать - прицельным огнём, высекаемым из образов вашего же я. В них восторг свидания иссекался, а что вы думаете, Королева моя, какие это мысли, недоказуемые так сказать, а кому их доказывать следует?.. Могут ли пузыри из воздуха, полопавшись, наделать шума, как бесхребетные эти му… что за му, почему вы называете «му» то, что имеет название в настоящем времени? Я силюсь понять, но настойчивость моей просьбы велика, где ангел света летит во мне, там дело идёт, там жизнь строится, там великая правда есть и вот её-то и надо обрести мне об этих самых креативах тут и не путать её с подобиями лиц, не подозревать что-то невольно, я строю свой дом в себе для жизни здесь и настоящее время есть его материал.

Да, Королева моя, это так. Мне думается сейчас вот что. Какая сила для вашего я… нет, не так. Мне мнится большее пространство. Как часослов, который прочитан был для жизни в вас. В добрый час, то есть. Знаменуйте память своим я.

Я сердцем чувствую, что здесь эта правда есть и она покажет себя как невредимое пространство, но вот что, пространство колышется, а благость форм, состояний этих форм, их поразительное членение на мысль и ум, источающий воды сознания здесь в вашем же я мне говорят о состоянии значи-

тельности. Ну, во вчерашнем умолчании мне хотелось быть понятым вами однозначно, то есть прямо, как есть. Прецессия этих страниц, колеблемых сомнениями в выражении я, так ли, то ли, надо ли и почему они все молчат. Даже мысль как правдоискательное пространство становится недоуменной, она не понимает куда её направляют и за чем, собственно, ей надо двигаться, когда всё поровну поделено и очень даже аккуратно это сделано, так что и заметить это… да нет, зачем же так говорить, - очень даже возможно это заметить и даже замечено уже, и даже сдвинуто от этой недосягаемости, извините за слог, выспренность здесь не подходит, это точно так.

Ну-с, Королева моя, давайте разбираться в этом /прогнившем/ аббревиатурном хозяйстве соло на вашей любви. Я говорил вам об одухотворённости для вашего я наших минут в настоящем времени, и это важно заметить сейчас, потому что она стала для вас чем-то вроде осенения. В вашем я происходили эти сдвиги и сознание заработало как активное поле. А представьте только на миг, что оно активно везде в этом времени, да, так, - везде, где есть ваш образ, и так активно, что помыслить о нём бывает затруднительно как о поле применения, что ж, - дальше пойдём. Вы сами отчётливо видели это в своём сознании. Аум превосходно чувствует все пробелы памяти, которые обозначились в нашем я (позвольте это так выразить как оно выражено уже здесь). В нём нет ин-

дульгенций ни одной минуте сознания и он не понимает, когда ему говорят – ты мне нужен без сердца; он приходит и так далее, по крупице накапливая эти пробелы в себе. Он лучше, чем вы думаете о нём. Весь конфликт между чувством и делом этого чувства выражен здесь в этих строчках, о которых мы обязаны, если угодно, говорить сразу, и постоянно делать это, ведь осязание пространства мыслью будет иметь прок в высотах сознания, если мысль эта угодна Богу здесь в нас, в земной Его ипостаси, ибо сознание есть её выражение в нас самих. А сила яда, которым источено бывает поле это, Королева моя, действие закона состояния вещества мысли в нас как источника силы – силы. Силы, словом. Раскрепостить её в нас, это задача мысли (так ли?), так. Мысли как состояния вещества той силы, которая видит нас через неё. Да, Бог есть сила видения через корыто сознания, почему я называю этим словом корыто, что является по сути энергией предосуществления здесь Божьего света в нас? Я охрип от крика сейчас - осознанно охрип, в себе, и думаю, что это правильно. Идёмте, что вы здесь стоите?.. не надо, понимаете, - не надо стоять там, где пустая полость предлагает занять помещение, оставаясь при этом сознательно не требуемой нигде. Эта полость предлагает попытать счастья наудачу, а вдруг выйдет - получится? попытайся мол, а я подсоблю. Такая ветвь памяти подлежит облому, это ясно, просто вычеркните её из памяти вон, - вот и весь адрес сейчас.

Я нахрапом влетел в ваш дом, чтобы понять, что стоит за этим мы сейчас, что это за мы, в котором ясное небо покрывается тучами в тот же миг, как только вы опускаете глаза в это чистилище. Богу угодно нанять вас старожилом неба надо мной (это вы сказали, Королева) и ваша мысль двоит моё имя здесь, или не так, не ваша, а чья?.. и поле это изрытое причём здесь?..

Пусть Бог смилуется над ним. Я вас люблю, Королева, истинной любовью, и примите это заверение, как сумеете. Так что продолжим наш путь.

Аббревиатуры зелья, в которых правда бывает окрашена в тона неправдоподобия, есть зло, и этот человек, которому довелось отведать подобного вещества, становится непобедим как объект, состояние с которым разрывает связи, отращивает бороду, облепляет мухами даже самую малую частицу я-здесь. Это сила превосходства, которая платит мздой медленного сгорания, тления, собственного я в истоках. Так. Теперь слушайте дальше – это небо мстит за своё прошлое в нём, да, за окрашенность частиц, за подлость без возврата, то есть за то, что невозможно оправдать никакими строениями себя тут, поверьте на слово, это так, я думаю, что нам спокойнее надо отнестись к этому и быть воздержаннее в выражении я в чувствах; впрочем, это так уже есть. Хоругвь мысли Богоугодного неба всегда ясна! для неё нет тьмы, таковой

не существует. Мысль эта свет, и в ней великое чувство состоит в соединении с небом, просфора сила сия.

Память, Королева моя, великолепно чувствует эти состояния, их не отнять у неё и я прошу осязательнее быть. Берегите свой ум от зачатия страха, ведь это просто сказать, а делать надо - не бойтесь страха, я говорил вам это, не надо бояться самого страха и он уйдёт. Неверие есть такой же процесс тления по сути, да, это тление без возрождения силы и нам с вами есть о чём подумать. Я верю, что Бог видит меня всегда, и Он не позволит мне совершить то, что нарушит мою связь с Его силой во мне.

Я говорю это для вашего чувства в себе самоё. Это состояние достойно продолжения в нас самих, всегда.

Я Богу угодную тучу прислал, она небо очистит, да с тем и пришла! но не все тучи таковы. Я живу тут, в этом пространстве мы пять лет без одного дня, которые равномерно распределены по всему полю моего я в себе, то есть по тому пространству слуха, со-зрения и веры в осязание мыслимого мной состояния, которое является частью меня же здесь, только зависимой от Бога во мне самом. Я беспечно жила в отдельных частях этого времени, не всегда понимая, что со мной происходит и это делало меня нерадостной, и я не хочу быть таковой! как вы хотите, Учитель, а это правда.

В воздухе мысли есть виток, да, вполне осознанный виток проективной памяти я в себе; то, что вы видите, не всегда дополняется до состояния разума, но дело не в этом сейчас. Память приходит к установлению доброй воли в парадигмах я, и эта воля ваша.

9 апреля 1 2

1.

Берегите А. в себе самой, простая просьба, по сути, берегите его от навета памяти и дел, которые ушли, став либо знамениями для вас обоих, либо значениями от коросты пространства мысли. Чувства, - берегите их от незнания и неумения, а что это значит для вашего я теперь. Осознайте свою волю здесь как чувственное поле состояний с вашим эго, это не кибернетика и не автоматика, извините, это проявление силы пространства Бога с малым делом любви, в котором вы проявили первенство, осознав себя любящим полем здесь. В нём хранится тайна вашего света. Я избегаю называть имена по простой причине, никто не должен изымать частички любви, вы творите своё поле в состоянии с верой. Я прошу. Нет поистине твёрдого значения, в котором мы могли бы со всей уверенностью огородить себя от проявления мрака в душе другого, чем «я в Боге мысль Его обо мне». Это есть Ангел Присутствия и он великан, велик как никто в сравнении с ним, и это сравнение не есть образ, так как ан-

гел присутствия процесс, идущий во времени без времени я, то есть то самое нахождение его в любой точке или в любом состоянии нашего я здесь.

Закланный Агнец есть мысль, посвящённая Богу. Она есть состояние с Ним в нас здесь я верую, что в гонениях и нанесениях ущерба себе, в притязаниях на чьё-то достояние ли, достоинство, или просто владение мыслью не нашего я об обладании тем или иным эго для себя здесь… поймите, это как наведение порядка в душе, разобщенности нет, есть постоянное взаимодействие, которое может огородить, защитить от неопределяемого мы и вы знаете об этом, есть то, что мы называем мысль моя о тебе в Боге и это – проявленное небо, как что? уровни и как уроки созерцания. Вы достаточно широко мыслите, чтобы понимать происходящее сейчас как просто игру пространств в подменённые поля, или там в проекции, осознанно или не осознанно доставляемые вам по прихоти извне. Игра не обладает постоянством, она просто воспроизводит мир в подобиях, тем или иным знаковым институтом сознания в нас, вот что. И вот в этом мареве слов летит комета любви, то есть это образ, конечно же, но достойный, поверьте. Её поле смещает все состояния сразу, везде, в любой точке организма происходит это смещение с насиженного места, так сказать, её полёт обращён к солнцу и чем ближе она к светилу дня, тем ярче её свет для глаз, тем сильнее она захватывает воображение, унося за собой взгля-

ды, куда она их несёт как не в мировое пространство, да-с, а что значат проекции памяти в мировом пространстве как не происхождение вида мысли. Я вращаю в сознании вихрь слов, и сам же кружусь в нём.

…его терзает чей-то облик, который он не может вытеснить из памяти (я бреду за своим Учителем кое-как, даже без интереса, глядя то под ноги, то вокруг себя, не охватывая взором, по сути, ничего. Он куда-то ведёт меня, но глупая мысль возникает в сознании, что может быть ему это кажется, а я, поддавшись его силе воображения /обаяния планетарного Бога/, следую за ним просто ради того, чтобы сделать шаг, которому место в глубине души, а не на поверхности планеты, чей код не принимает сознание как стоящее внимания объективное пространство, потому что одна звезда в душе, чей свет хоть и далёк отсюда, хоть и нет от неё тепла мне, да только она и светит. Мой Учитель размерял это пространство шагами, или мне так казалось, но я чувствовала сердцем здесь, что... см. сначала) страдая от осознания этого пространства куда более! чем я. Так мы шли долгое время. Потом он молча остановился и стал что-то ждать.

Что вы ждёте здесь? - спросила я, покрутившись вокруг него, как часы, пять раз. Мне тяжко было разрывать это молчание, но я сделала это.

Здесь должна произойти встреча, - сказал он, продолжая стоять. Он не глядел в мою сторону , - где мы? - вдруг спросил он меня.

Во сне, - отвечала я, - я думаю, это очевидно так.

В чьём?..

Полагаю, в вашем.

Боги!.. - закричал он тогда что было сил, - простите меня, я не хотел этой любви!.. нет! нет! не хотел!

Я заплакала. Господи, - шептала я, - помилуй его, прошу Тебя, очень прошу, помилуй, не скупись, Господи, помилуй, он хороший, я знаю, Боже, он хороший человек. Господи не оставь так, пусть всё будет иначе, я люблю его, сделай так, чтобы он вышел из этого мрака, помоги ему выйти, пусть он будет прав где угодно но только не там где он сейчас, Господи, я прошу, сделай это, я Тебя очень прошу о нём…

Бог сделал так, как я просила Его там, стоя на коленях перед бушующими волнами небывалого света, которые почему-то не видел мой Учитель. Я отмолила его в молчании в сознании /и/ стало светло.

Добровольно отданное не является добычей, а если это вымогательство? тогда как, тогда это не добровольно отданное, а с трудом.

А.

Вы почувствовали подвох. Хищничество это называется, простите за трудное небо, то есть за приступ невежества во мне в каком-то смысле, я чувствую это утро, не думайте, что я убогое мыслю. Да за что вы меня терпите в этих разрядах бесконечных тут.

Послушайте, мой добрый Учитель, я для вас хоть какой-то интерес… даже не знаю как сказать!-то это… хищничество, значит. Я не понимаю, в чём подвох и почему он, подвох этот, здесь, ну как бы на первом месте стоит. Я вам не кажусь ли лишней в вашем сне? только честны будьте со мной на этот раз, потому что я всё иду и иду за вами, подбирая какие-то этюды о пространстве везде, а есть я или нет меня, мне порой кажется вам всё равно, вы, может привыкли, что я это делаю, ну и потому покрикиваете бывает, а на самом-то деле у вас другие заботы дня. Этакий тут колосс вылепился из мыслеоборотов, что ж сказать. Вы меня унизили, а зачем я так и не поняла. Но и это вам безразлично, может быть, что я в унижении живу перед вами неведомо для чего. Вы очень добры, я знаю. Я ощущаю себя то ли проходимкой, то ли ка-

кое-то чувственное пространство, к которому прилепливают что угодно, любое мы. Почему я сама слова не имею и всякое содружество оборачивается громогласным командованием, я чувствую, что я уподоблена чему-то, но сама я не могу это осознать пока что, как ни стараюсь. Я не смею глаз поднять и всё время слышу какое-то отсечение, что-то возникает, и сейчас же смолкает. Я помню как А. сказал почему мы всегда всё сначала начинаем, он недоволен был мной. Хоть бы раз он сказал я так рад тебе, хоть бы раз он подумал обо мне как о чем-то приятном, желанном, желаемом. Нет, не было этого. Холод, холод и холод. И поучение, за что я ему очень благодарна, это правда. Вы знаете, я люблю его и он мне звезда здесь, в холодном этом нигде, звезда, от которой нет тепла. /…/Не ради хвалы скажу я чувствовала эти аббревиатуры, наставленные на меня как рогатки, я благодарю Бога за это открывшееся видение, но далее путь тонок. Всякая любовь есть благо, - всякая, ответная, безответная и греха того нет без ответной любви любить сердцем здесь, это бывает. Мне просто надо научится сейчас не отсылать к А. своё неудовольствие здесь. Да помилует его Бог.

Позиционные эти пространства хоть и морочат голову, и сушат сердце, только человек-то там всё равно есть под этой толщей чарующих чувства пределов сознания. Будьте любимы - только это спасёт. А если вы не расслышали, или не поняли почему либо мои слова, я опять их скажу – будьте лю-

бимы той женщиной, для которой вы здесь. Упросите, умолите, приползите на коленях, лобызайте руки, просите прощения, лейте слёзы, стойте на коленях, только не лгите ни себе, ни ей. И будьте достойны её любви к вам.

11 апреля

Всё, что вы видите, есть воплощённая мысль Божьего Сознания о себе, вписанная в круг причин вашего я. Оно, будучи возбуждено, имеет область осознания конкретного мысленного образа пространства, в котором мы живём как единицы сознания здесь. Что значит возбуждено, это значит, что вокруг вас самой происходят и происходили конкретные выбросы в память пространства настоящего времени.

12 апреля

ул. Дружбы

Я всегда думаю о нас лучше, я старательно вывожу эти дни из своего эго как самые придирчивые к себе самому, я хочу, чтобы они стали лучше, понравились тебе, мне возможно это – мне, как настоящему капитану твоего корабля, смотрящему за правильностью минут, за стоимостью этих минут в нас, которыми мы оплачиваем наши дни здесь. Мы бежим от чего-то, мы думаем так об этом, мы невероятно близки стали за эти годы. Ты ещё удивишься этому сама, мы сами создали какой-то императив в своих я и даже, я думаю, мы сумели-таки достучаться друг до друга в образах этого про-

странства, мы стали адекватны друг другу в определяемом нами мире наших я. Я думаю о встрече как о сохраненном качестве нашей любви, в которой мы нужны друг для друга здесь, да, это. Я столько раз делал вид, что мы сближаемся, сколько раз я мечтал поверить в эту любовь как в подлинник, искуша/л/ющий состояние подлинности, и вот я поверил, да, представь это так теперь. Я что-то особенное подумал о нас с тобой в семиотических этих образах мы, осознавая себя бесконечно малым пространством в этих ворохах писем. Да, волшебство аур света души, я люблю тебя этим бесконечно малым. Явен свет и я в нём тоже, я гораздо ближе, чем ты думаешь сейчас обо мне, обозначеннее, явственней, чем ты сама, я где-то был, что-то видел, что-то думал за нас двоих, может быть, что-то усиленно лимитировал в твоём я, что-то наоборот, старался возвысить воздух мысли, воздух пространства мысли в моём эго стал, становится, делается – чище. Я весел, ты не думай, и, кроме того, я хороший. Какая мысленная ткань почему либо заслонила пространство, в которой я запутался было как уши - как вообще уши, как тень других страниц, спутанных и спонтанных.

Перестань быть невнимательной вообще, то есть во всём сразу, тут (в нас с тобой) нет пустяков, тут всё важно.

Моя сила источает свет, его много. Он есть мы в определении этого пространства - оно сияет, когда мы вместе и оно

гораздо умнее нас самих, потому что объект его мы, мы как возникшая в нём воля о нас здесь, как Богоугодная эта сила, которая есть. Она уже есть, и её много, её луч становится видим, виден нам самим. И она хочет, чтобы мы смотрели в глаза друг другу, да, так, как право имеющие это делать. Прости, я не всё тебе сказал о своём… о своей женитьбе. Мы были расположены в пространстве так, что опыт этих сил проявления, проявленности здесь находился в моих руках, и находится по-прежнему, его нельзя спутать ни с чем, этот опыт особенный. Он как верховное эго руководит нашими поступками, нашими челами, нашими организмами воли здесь и в нём происходят те или иные события, те или иные состояния наших я вместе. Просто это время мы так строится, постепенно и как-то очень издалека здесь. Мы хотим быть ближе, а оно размеряет пространство по правилам состоятельности, смещая время в нас, как угломер, или как перспективу сознания здесь в наших я, обоюдно значимых для него, и я и ты значимы, в нас много мира, и мы должны исполнять его вместе. Это – вместилище тайны, я здесь.

13 апреля

Всякое поле есть адрес, в котором живут люди, и этот адрес проявляет себя во времени, и верь мне здесь, в нас есть эта любовь, облики её осязают тут настоящее время и мы становимся видны ему сами как постоянство требования быть здесь в своих собственных именах и фамилиях. В критиче-

ских мыслях нет ничего страшного, если они направлены на поиск добра в нас и сила их велика бывает, сила поиска я имею в виду, сила отторжения зла как неделания добра там, где оно должно быть совершено. Я берегу какие-то сиюминутные мысли, определяя их собой, чтобы они, понятые правильно, могли направить мою стезю к проявлению искомого мной вопроса в настоящем времени я, а не в воображаемом мной мировом кубе возгонки мысли. Я весел и решителен нынче, я не велю себе ложится на дно мыслью и вести там диалог, определяющий меня своим захватническим интересом к моей перспективе любви здесь, я не хочу делиться ею с подобиями моих мыслей, отчуждающими меня от самого себя здесь, в качествах, присущих не мне. Возьми этот повод и решительно расстанься с ним в себе, повод процеживать пространство как разум, отчуждающий всякое делание здесь в нас самих. Я хочу бежать в перспективу, и я бегу в неё.

13 апреля 1

1.

Как быть в состоянии злонамеренного абстрагирования души от пространства мысли, в котором она зловонно источает брань, направленную в неё, в котором она искажает свои значения, становясь истязаемым полем здесь?.. этот выход есть, и он в нас идёт от веку, да, здесь. Ангел света расправляет свои крыла, если призвать его к себе, тотчас. Он проявит невидимое поле своим светом и это сделает бессильным

это поле для улетучивания из души образов, состояний я с Богом. Он сильнее, и всякое поле, освещённое им, приложится к его силе, всякое поле станет проявленным, и преобладающая тьма отторгнет свои значения, сокращая свои пути в нас. Приведи, Господи! дополнить Тебя собой.

14 апреля
ул. Дружбы

Говоря о мысли как о движителе я, мы бежим сомнений в ней, так как она является проводником созерцаемых нами пространств здесь, и она же является их поставщиком нам в качествах присущих. Облако света подобно мысли, я думаю. Мне, Господи, до головокружения хочется обнять тебя, настолько я силён как мысль о расстоянии, о делании этого расстояния. Я, разумеется, не ведал, что творил, идя там, в облаках твоего я в себе самом, я не ведал этого, убеждая себя в подчинении разумного поиска пространства мысли здесь всякому чувственному началу. А оно это мы. Мысль рождает чувство, чувственное поле вокруг себя, его-то мы и слышим своими чувствы прежде, чем мысль обретёт объём видимого нами пространства здесь. Наконец, я узнал что есть ты для меня, ты есть для меня моё сокровенное эго здесь, и вот это пространство превосходного качества кажется малым опытом в сравнении с большим эго, для которого мы стараемся осветить мир любви в своих я-здесь. Мы стараемся сделать это, исходя из притязаний на действительность

шара, который подвержен вращению в нашем уме, чувстве, в чувственных полях нашего я, щедро и значимо осваивающих этот мир здесь для нас же самих, для нашей общей пользы, лежащей в пределах нашего сознания, нашего участия в объективно сопутствующем нам мире состояний с ним. Мой мир одинок, говорю я себе, но ведь это не так - в нём есть ты, моё сокровенное эго, для которого я здесь, и оно – ты, по совести - не кажется мне маленьким или недостойным моего внимания, или как-то там умалённым в себе, оно огромно и не имеет границ, как ветер, идущий от варяг в греки. И пусть тебе не кажется это замечание странным сейчас, пусть оно благожелательно отзовётся в тебе сиянием мысли обо мне самом тут. Всемирно устроенная печать этот путь, или звук пути, или состав слов во внутренних оболочках я - он существует в нас как приложение к нашей воле здесь, как продуманное пространство воли Божьего света, в котором мы порой истязаем себя сами, не умея подытожить или принять произведённое нами пространство здесь. Во сне я чувствую твоё имя как благожелательное начало для себя, как лучшее моё пребывание здесь, в твоих явях я живу несокрушённым подарком судьбы и ты полнишь моё сознание своим присутствием во мне, своим эго ты полнишь его, своим безотчётным управлением мной, ты видишь меня лучшим своим я здесь и ты знаешь обо мне лучше, чем я сам, предчувствуя, предвидя, предопределяя. Производимое тобой во мне есть добро, свет добра, мысль добра; я чувствую это. Я хочу, что-

бы ты знала об этом сама от меня, а не потому что я силюсь обнять тебя в этих расстояниях чувственным образом пространства мысли здесь, в котором я живу как проекция осуществляемого тобой мира мы. Ты состязаешься со мной в ничегонезнании о себе, продолжая верить в какие-то предопределения, предопределяющие знаки. Веселье лун в тишине пространства мзды закончилось, всесильный Бог Любви здесь. Он пришёл разъять эти сумасшедшие воли, оскорбляющие Его пространство своими мыслями, мыслеформами если угодно. Его присутствие необходимо нам всем - всем, тебе, мне. Моему я, исполненному великой нежности и великого вздора, великого смущения перед татью в нощи, перед качеством всепобеждающего звука ничего, объекта воли из ничего. Ноумен шутит, говоря: экие, обглодали мир и теперь ищут, чем поживиться, - он шутит, говоря так. Его затмевают тупоголовые институты сознания, верховодящие в нас ради изоляции наших я от Бога здесь, ради присмирения в нас силы любви, ищущей нас для себя, для восполнения этого чудовищного пробела сознания, снимающего своё кино ради минуты, из которой, собственно и состоим мы сами. Я отдаю себе отчёт в говоримом мной. Вещь, написанная здесь, есть высоко идущее небо для нас обоих, и присилье о котором я говорил /в прошлую пятницу/, здесь является образом состояний в нас, образом широко понимаемом в нас же самих, как объективно схваченное умом состояние, в котором мы никто, покуда нас не увидит Бог любви сам. Да,

- Сам. Он волен сделать это состояние видимым пространством себя, своих дел в нас же самих, и мы с Ним сила, а без Него куклы, водимые туда-сюда нашими чувствами, которые мы испытываем порой, бывает, на прочность так, от нечего делать, от заботы о бережении носа также, и от того, что мы сами себе прописываем как лекарство от неведения. Что сомнение поглощает пространство любви, это точно так, оно делает его резонирующим в нас с синонимами, упражняющими наши чувства в размерах сокрушающих волю света и это становится нестерпимо, мы бунтуем, мы делаемся как бы малыми величинами самих себя, чтобы вырвать своё эго из безнадежности, прилежащей к его оболочкам здесь, придуманным, привитым на здоровый ствол дерева жизни в нас (это образ силы), мы хотим вырваться из этого прилежания и становимся как малые дети, для которых прежде всего важно выйти на свет, ощутить его своим я как силу, поддерживающую нас здесь самих.

Формат экрана занимает всю площадь сознания в нас, и это право, разумеется, разглядывать происходящие в нём формы есть у нас с тобой; я думаю, что мы искривляем воздушнее пространство своими взглядами в него, то есть ощутительно создаём в нём то или иное пространство.

Вы наблюдатель здесь и я никну под вашим взором в меня. Ваша нетерпимость ко мне сделала меня таковой, в сим-

вол возведена она надо мной и кружит. А зачем, что угодно вам было наблюдать тут вашим осязательным взором в меня, притушёвывая и отменяя. Мне надо говорить с вами об этом. Вы просто наблюдатель, никакого отношения к моей жизни в моей судьбе не имеющий, это ни плохо, ни хорошо, никак это как будто, и вот ваша сила начинает отменять меня здесь, и вам не кажется это странным. Оно вам никак не кажется, вы ведь даже не замечаете этого, а если и замечаете, то оно вам как бы и правильным представляется мол, я силён, а зачем, - зачем? для чего? но вы созерцаете, не предъявляя ни своей совести во мне, ничего, бездеятельны вы, только это и есть ваша деятельность, знаковое пространство, которое являет свои формы. Вам здесь во мне всё ничтожным кажется, мелким, и вы, судорожно манипулируя моими же мыслями, создаёте в себе облик мира неподвижного из моих минут. Почему ваша совесть позволяет вам это делать - я хочу понять. Может быть, вы сочли меня столь отдалённой периферией вашего я, что позволили себе это, полагая, что совершаете благо для меня. Знание благо, раскрытие происходило, это так, и ваша мысль бежала рядом. Я ничем не намерена оскорбить вас, я хочу понять, почему вы позволили себе это истязание меня здесь, сминая все мои значения, проявляя бессовестность, по сути, при этом говоря о совести как о благе, и благодарность небу моя велика! я знаю за что. Продолжу. Вы можете говорить что угодно, глядя в меня как в луну на вашем небе, вы можете сказать эта луна ушла, при-

дёт другая, ах, да то ли дело, что вы себя тут видите как причуду мира сего. Ваша перцепция… да будьте вы слава Богу, я порадуюсь за вас в себе же самой. Вы меня оставили одну в колебательных этих контурах вашего же я-здесь, как бы на ветру, соединив А. с собой, чтобы он вам пассивной флорой был для ваших /муссонов/ умозаключений /умозрений, умозрительных образов/ здесь, а об нём вы тоже не подумали! как о полюсе моего пространства мол, вынь изо рта ложку и посмотри, что в ней лежит прежде чем есть то, что в ней лежит, чем ему жить? вами? если у него своего я нет, каковое вы ему от себя изволили отложить. Нет, так не получается это, потому что сила магической мзды велика бывает, не я вам это сказала, а мои в вас минуты везде всполошились и стали себя собирать тут в одно единое неразменное поле, на разницу потенциалов неразменное. Институт красоты мысли этого мира вам в руки был дан.

Мой взгляд светлеет, он становится яснее и чище здесь, вы правы, Королева моя, как никогда, это справедливое замечание в мой адрес - пространство хиреет под нечистым взглядом в него, оно становится жухлым и невидным, и я, проявляя некоторые плёнки сознания, вынужден признать нечистоплотность своих изделий из великолепного материала счастья любви, столь тривиально и буквально расходуемого на достижение мгновенных целей я-здесь. Думая о вас, я возбуждаюсь как сила познания пространства мыслью, и

это правда. Мой ответ силе нужен вам, о, моё дело мысли о вас. Да, я застопорил определённые позиции в вашем я, чтобы могущество марионетки славы не захватило вас в эти саблезубые тигры и не сделались бы вы их отчётливой трапезой, оскомина и скрежет которой дают о себе знать вовне. Мы напрягаем поле зрения в головных устройствах своих я-здесь, чтобы выносить одно яйцо, которое мы совершенно справедливо называем моя жизнь, моё имя здесь, мои дела и мои заботы, вы одеты по справедливости теперь, но только предоставьте мне право добиться истины в рассуждении, добраться до неё. Без конкретных усилий воли это не произойдёт, как не бывает объекта без субъекта, или мысль моя темна как разум без его владельца сознания здесь, или я стою под дождём, а мне кажется это не дождь, а чьё-то сердце плачет в отчётливо видимых мной страницах текста, а о чём бы ему плакать, о чём вы стараетесь не думать, беспорядочно проявляя те или иные страницы текстом, те или иные сознания, бредущие чередом через ваш аум здесь.

Вы хотите поставить меня на место, я чувствую, почему-то предвзято считая, что это поле ваше, а я тут случайно, видимо, оказалась, по-вашему выражению случай Бог нам и судья, да? или нет, - это лучше случай наш вольный слушатель, мы впадаем в пространство без науки жить в нём, нарушая все мыслимые и немыслимые правила, приуроченные к случаю воды чувственного этого поля в нас самих.

Ангел мой вспушился, разъерошил свои перья и стал трясти ими, повалил густой снег.

Ах, да злоба дня это в нас говорит.

Простите.

«Ангел ты память мою схватил и помчался с ней куда-то. Возле меня сидел обширный образ, не имеющий значения во мне. Он широко улыбался тут рядом со мной, а я что-то тихонько пела ему, думая, что он слышит это пение, и оно ему нравится. Покуда Ангел ты носился по свету с моей памятью в себе самом, я пела этому абсурдному проявлению милости Божией во мне, каковая явилась в виде обширного пространства без адреса, то есть в виде улыбчивого господина, чей синоним воли предлагал устроить всё как нельзя лучше.

Я пела, глядя в высоту зеркал. Богу угодно было придумать эту высоту как зеркальное отражение моих я в Нём, доселе эти отражения лежали на земле – Он их сбрасывал оттуда, с высоты своего созерцательного мира, заставляя меня подбирать остатки Его снов обо мне, объявляя себя самого вообще не существующим пространством (да, Он такое делал, а после обижался, что я верю Ему на слово!), да ещё

везде, где я следы Его видела в себе, говорил это не я, это кажущееся. Я терпела. Видит Бог как следы эти оживали под Его тоскующим взглядом в неизвестность. Облачная пыль скрывала Его от меня тут. Настоящее время пленилось образом обширного пространства во мне и постаралось незамедлительно его присвоить своему я-здесь. Я, говорит мне оно, тебя не вижу как у тебя памяти своей нет, а пространство это вижу. Мне оно подходит.

Тут тени по земле поползли, явные как слухи о природе Божественного умысла в нас: мол Он видит и вид Его беспристрастен на наши земли. Тени размечали пространство, раздваивая состояние мысли в нас на две половины, одна отсюда, другая оттуда, откуда вообще тень берётся. Выражение этой мысли прошло мимо меня, поскольку Ангел тот, с памятью моего я в себе, успел набраться хвори в небесных стремлениях к полёту в образах пространств, отчего и лечился, память мою удерживая от сознания свободы, а как, а так.

Лепет книг и пространственная чушь заменили мне её на время в образе этого обширного господина, каковой выражал во мне всё, что ему хотелось выразить тут словом».

Вы знаете, что дальше будет?.. это выражение я, которое обременено, по сути, происходящим в нём временем, от ко-

торого оно плодоносит свои эго здесь.

Не знаю, я ничего не знаю. Пусть Ангел тот память мою вернёт мне. Дело до абсурда дошло - жестокосердны вы, оказывается, вот что тут оказывается, вы меня молчанием своим душите обо мне, бесподобным таким молчанием.

Ветер бушует, как умолчать я не знаю опять это вышло, в каком-то кривом зеркале я по-вашему отражаюсь, видите ли, что тут на самом деле, сумею ли выразить это, сумею, думается. Я настаиваю на выражении воли Бога в нас, вот как пришлось понять все эти выметелки за порог сознания. Ну, чем воля выше, тем она Богу виднее и это так. А кажется…

Послушайте, - а как вы себя чувствуете?

Я… да как-то уж очень обидно. Что-то покоится на дне души до света, потом выходит, чем выходит, неимением покоя, неумением покоя, чем ещё. Я далеко память увёл отсюда, как стезю может быть, но свойство её таково быть ею, стезёй пространственной мысли в нас как раз в этом времени здесь. Я люблю тебя тайно и это оказывается невыносимо жгучая любовь для нас обоих, не только для тебя или для меня. Почему я тайно люблю, поселяя в душе червлёные эти знаки, давая о себе знать чересчур строгим надзором, раз уж я сказал это, значит я продолжу, могу ли я, прямо или кос-

венно, сознательно или бессознательно соединяясь с тобой в области незнаемого тобой состояния сознания в себе самом… мой путь невидим для тебя, словом, потому что я как право на испытание иду.

Я прошу тебя быть добрее ко мне.

Я чистая вера, пойми, я как будто заново родился здесь, я так не хотел обижать тебя, ну, словом, я не верен тебе был там и вот я теперь понимаю, как ты могла, оттолкнув меня в проекцию памяти…

15 апреля 2
2.
Займёмся делом, Королева. Пишите: я между строк вижу твоё лицо…

Бессмысленно читать это послание, если оно не вам, коробит, признаться, от этих звуков (а я сказал, что взял пустой карандаш, без сердцевины в нём, стал рисовать что-то на бумаге). Ротозеев много, что ж (я взял другой карандаш). Вот поле! я скачу по нему.

Ну, хватит поражать воображение, надо признать себя несостоятельным и не писать этой чепухи. Вы просто обидчивы и мстительны, а жаль.

Бог не позволяет более так своё пространство уродовать. Он этого не создавал тут. Он вас создал, а с вами – Себя самого и ко мне привёл в вашем образе, как крепкую нить.

Ангел мой, - будь любим, я тебя очень прошу об этом, и Бога молю об этой любви для тебя. И воспари! Ты же сам видишь, сколько тут не моего. Ты в меня посмотри чистыми глазами, открой их на меня в себе и узнай меня в деле, в любви ко мне открой, я прошу. Ты ведь спишь как будто, а я бужу тебя потихоньку, через память идти надо светом.

Да, верь мне тут, я прошу, молчание это прошлое. Мне в нём многое от себя мнилось, а я думал – это от Бога во мне идёт, оттуда, мол оторопь меня берёт как я посмотрю на эти луга заливные, суженные поля от берега отошли, а что потом будет, сила к сердцу колеблющемуся прильёт и оживёт всё. Да ты пойми это, ведь зря память не остывает, потому что наука жить хороша вместе. А что же сделать-то теперь надо, что, из убогой жизни выйти надо и в новую волну войти, по-настоящему войти, а не с трудом, а как, этот вопрос здесь.

Не обижай никого.

Здесь память твоя пришла и вопрос свой держит, мог ли я распорядиться…

Ангел мой, мне верен будь.

Моя молитва к небу взошла, я мысль твою чищу - пусть свет пребудет с нами обоими тут.

Холодный ветер унёс мои мысли о тепле, и эта неправда опять стала ворочаться тут, что ей я, мои огни в твоей памяти идут, что холод сей пространство оживит я знаю, - знаю. Я как бы скользкое небо над тобой стал, чем…

16 апреля
миры, миры, кто ваш свидетель…

Везде моя мысль с тобой, неоправданное знакомство, не оправданный выход в память, всё неоправданно как возникшая было… что возникшая. Башня мира на лестнице лет, башня созидания этого мира. Я дежурю в ней. Вот очки - они на мне, на моём носу, я вижу сквозь них море слов, настоянных на моей мысли, на моём чувстве этой мысли. Я бы хотел сегодня быть здесь сам со своими очками на носу, как сам, - сам, так… неопрятный стиль, знаю.

Я вернулся в Москву вчера вечером и сразу сел за стол – писать. Я высокопарящая птица. В нас многое неоправданно бывает, сложения лиц, например, или выражения чувств,

многое, словом, не имеет своей атрибутики в канве жизни света здесь. Я бесконечно мал для тебя и я же столь же бесконечно велик, как неохватное пространство, кажущееся тем большим, чем более мы узнаём его здесь. В наших я есть одно подверженное воспитанию место, наша душа, которая сокровенно шуршит проводами, обретая силы в полёте, значения которого могут быть зафиксированы.

17 апреля

Душа видит мир в ореоле любимых рук. Я рад, что вы думаете об этом вместе со мной, как если бы я был ваш компаньон в деле любви. Я жестокий мир предложил вашим рукам и он весь как-то осыпался вдруг, и во мне также, посейте жалость к нему и он станет оправдываться мол, я не книга, я так, выехал за границу ума, ну и там был с вами как самостоятельное эго, ну слегка бездеятельное, правда, да восемь с половиной лет не зря ведь прошли, не зря, правда же, я стал чище тут, ум вымыл, и так далее. С виду это эго казалось непритязательным, ну, как бы не надо ему ничего от вас, а ум вёл страстную работу, состязательную. Запад немел, Восток оживлял поле, оставаясь при сём вашим я во многом здесь.

17 апреля 1 2

1.

Я хронометрировал ваш путь по числам, от коих ветер сюда летит с пылью строк. Ваш ум закрыт ещё, чтобы понять

насколько он мощен и насколько он немощен. В вас всякая воля кружит, узурпируя своим вниманием вездесущее эго, а оно вам нужно и не отрекайтесь от него так, просто потому, что вы устали кружить, одеваясь в те или иные формы сознания наверху. Ангел света есть мысль о Боге в нас и она строит наше сознание по принципу Его воли здесь. Я выражаю это сознание, я в нём живу, как самостоятельная единица света. Я прошу Бога простить нас за те недоразумения, которые были между нами, которые вели нас в ошибочные, лживые пространства, в которых мы памятью платили за то, что предъявлялось нашим умам в них, в этих полях без совести, ограничивающей наше я от лжи, от велений лжи быть неправдой здесь, от коей весь мир сотрясается в бездеятельном сомнении, отдаваясь любострастию, приемля его как своё имя жалкой на вид потаскухи, подличающей перед сильными мира сего, для которых она всего лишь проститутка, но никак не душа. Я не смею прикасаться к этой теме как подло уравнявший ваше эго с больной совестью необъяснимых до поры процессов, в которых мы кажемся задействованными, не отдавая себе отчёта в этой задействованности, полагая их необходимой частью нашей жизни здесь, в чьих руках мы содержим нашу волю, по крупицам разбазаривая её под знамёнами оболгавших нас я. Я искренен - это часть и моей жизни также, я увидел её через вас, через вашу позорящую меня честь, каковой является этот дом в вашем я. Я посмел увидеть его вами и понял, что мои имена в нём, мои

ингредиенты воли, мои я слепы как часть меня самого, они неимущи в нём. Им негде быть в нём сколько бы я ни вёл беседы, ни умствовал, ни любил бы сердцем всю ту чушь, от которой я не смел отказаться просто за неимением подобия в своём я, образов, подобающих этому пространству, семиотически соответствующего настоящему времени, на деле же таковым не являющимся, как не являются им многие объекты нашей памяти, в которых мы увязаем, стараясь восполнить пробел настоящего в нашем я. Мы выглянули наружу и увидели кучу мусора под окном - это мы выдохнули его когда-то из своих я и он лежал под окнами, старательно загораживая свет от нас, и вот мы сумели изгладить его из памяти, мы заставили его обнаружить себя в нас же, как подражательные пространства, в которых шла эта свистопляска из необжитых полей, пространств из пустующих лазеек памяти, в которые забивалась чернуха так наз., состряпанная из наших же воль, отложенных в пространство как что-то без адреса, своего личного адреса, в котором живу я тут, и мне, минусовому (энергетически минусовому) полю приходилось туго стягивать в узлы свойства материи мысли быть нитью, ведущей нас к Богу пространства мысли, осязания этой мысли о нас же здесь сейчас в интуитивном эго, которое прилежит к лучшим полям всегда. Мы недовольны бываем его советами, ограждающими нас от уничтожения души, мы гнием под заборами, думая, что пляшем на верандах, мы гордимся порой осязательностью наших я гнилостных этих пространств

вместо того чтобы ощутить воздух любви.

Вы напичканы были хлебом из чужих рук, который ловко встраивался под видом осязательного поля для вашего я, я не имею доброго сердца для этого хлеба, и поверьте, - это не отсутствие жалости в душе, это просто отторжение греховного яда, каковой проступил на страницах. Бежать от этого недостойно мне показалось, как и вам самой также, и мы связали его мыслью здесь. Я против инсинуированных полей, я знаю их чарующий свет, знаю их чёрные зеркала, в которые уходят наши побуждения, старания понравиться во имя всё той же греховности сознания, ищущего прибежища от воли Бога в себе, то есть от Его взгляда в своё имя здесь, означающий верховное наследство воли в нас.

2.

Как вам понравится, если я закажу такси через частное сыскное агентство и буду думать, что я правильно поступаю, городя всякую чушь в вашем поле через открытое окно - потому что я нахламил в вашем поле этих игрушек за семью печатями и теперь срываю их по одной, сам за собой присматривая потихоньку. Вы подумали, что я резко свернул в сторону, изгоняя из вашего я какую-то очередную неволю, может быть, которая строится из опасных игр в пламя души, а я это сделал, чтобы вы перестали мучить себя несносными аббревиатурами, залегшими на дно вашего я-здесь, давайте

вытащим их оттуда вместе. Я беседую с вами через память, в которой заученно лежат слова, всякие слова, выражающие суть волю мы в форме несогласия. Я бесчислен как мрак, в котором найти что-либо хлопотное занятие, но вот вы строите свет, и я открываюсь для вас. Я сужу о вас по себе, по вашему подобию в себе, и я вижу это подобие в своих отчётливо прорисованных явях, которые, как ни странно, ничего общего не имеют с вашим я на самом деле и мне…

Здесь описывается персонаж, который почему либо заинтересован во мне; я такого не знаю тут.

Вы выбрасываете полюс сознания в небо, и оно горит над вами искрами света. А это как раз привлекает внимание невежд. Для вас что я, что не я, - фокус внимания всегда в центре неба, а за ним – пламя /план, мож. б./ или состояние слова, конституционально зависимого от содержащегося в небе я, так ведь, а если там Бог стоит и дышит огнём души в вас самоё? а если там нет неба вообще - как памяти я здесь? а если там кукла, позвольте вас спросить, что тогда вы скажете, - на каком языке сознания с ней молчать и о чём? Я высек огонь из требуемого пространства мысли и заставил ждать берег, я не мог иначе ничего выразить здесь, в этом кротовом царстве теней, в чьих мыслях шумела кровь многих поколений, но они не умели выразить её ни в каком масштабе мыслей, они не умели думать, то есть создавать то мыс-

лительное поле в своём я, которое, являясь частью телесной оболочки, может, способно, призвано осознавать здесь пространство яви как пространство Бога. Во всей этой чехарде присутствия так называемого поля - увы - не было поискового эго я.

17 апреля 3

3.

Всякий разум мелеет, отвердевая в своих ипостасях. Живая материя звука отождествляется с подобиями ранее слышанных мы, и я выражаю только то, что уже знаю, то есть умею знать сам здесь, таким образом память выполняет функцию подобий, воспроизводя состояния, в которых я вижу те же лица, для которых я сам - их внутреннее мечтание, сам это мечтание, для которых я пустой проводник, да не хочу я им быть, проводником этим, я честен хочу быть и прям, как тот кто умеет… да нет, я и есть это, вся моя мысль куда-то ринулась следом за тобой.

19 апреля

Я постараюсь объяснить вам надлежащий образ, это необъятной широты мышление, за которым стоит не столько мысль, сколько чувство, обретающее это пространство движения области сознания с помощью делания себя самоё здесь, с помощью эго, не знающего о себе самоё. Вы ещё удивитесь некоторым параметрам состояния этой воли. Во

многом она переживает те же аббревиатуры, - те же принципы отчуждения эго-мы здесь, а зачем я говорю вам это сейчас, в контексте суммарной зависимости вашего эго от проявленного я в вас самой здесь, то есть контекст тот же, только смысл его несколько иной, может быть. Есть эти определяющие нас поля в ноумене формулы света, они разряжают атмосферу сознания и закрывают области предзнаменований своими действиями отчуждения пространства веры, и я говорю это, чтобы вы запретили им вмешиваться в ваше состояние здесь. А затем мир возвращается вам, или – к вашему я. Соглядатаи эти не обделены, как вам показалось, чувствами.

Мелкотравчатость эта компилирует свои пространства и оставьте ей её заботу; она здесь загрубеет, если ей попускать, психофизический закон суров, в вашем эго есть паразит и его надо изгнать из него. Он строит свои сознания, проецируя свои принципы воли, проектируя несметное количество облаков; для воли, подверженной отчуждению, это строительство не годится. Её надо конкретно любить, а не потому что она есть для вас. Знаменателем пространства мы является для вас А., его формула света здесь, его память бредёт без особого удовольствия по недостроенным полям состояний с объектами воли сейчас. Знаменателем пространства вы выступает также его ипостась в вас, в вашем я как образе пространства жизни света, где-то там по-прежнему, а почему это так? Почему вмешательство в вашу судьбу стало

выкладывать свои карты на стол перед вами же.

Оно определило какую-то позицию для себя вашей жизни на свету здесь, и ваше эго подчинилось ей.

Не уготованность, а упреждённость. Некое солнце вдруг вышло в зенит и стало тут быть, обжигая ваши поля. Это образ молчания, во многом исходящий от этого светила мысли, или разума постоянного взаимодействия. Ведомое эго молча сжималось от осознания своего ничтожества, своей ничтожности перед великим А. Я свет - я знаю, а ты, Дева, молчи, от тебя сильный свет идёт, он мне самому нужен тут.

Но великий Аум грозен бывает, не молчите более ни о чём в себе. Я выражаю пространство мзды здесь за тайноприимствование, за тайноподчинение чужой воли своему я, той, другой воли, которая суть вы, ваша область сознания себя найденной в пространстве. Вам перед всеми стыдно, не правда ли, за то, за сё, за глупую улыбку перед дураком, за умный вид рядом с состоятельным образом, за необжитое поле, за явное и тайное, за полученные деньги, /и за неполученные тоже/ здесь, за неоплатные долги и за долгую ересь в душе об образе света в вас. Вы тайно молитесь Богу за придание вам значения, хоть какого-нибудь значения здесь. В вашем поле душа живёт, в вас набежало столько этого труда из области попущения. Чистый смысл я должен восторжествовать - вот

что я думаю об этом. Минусовые пространства возмутились.

Долгие лета! Королева, я радуюсь вам каждый миг.

Вскоре вы убедитесь, что получение /того/ письма связано не с чем иным, как с побуждением света, что никакая сила не заставит замолчать совесть, хоть сколько-нибудь обретённую уже здесь в качествах основы своего я, что для неё достаточно одного только желания, чтобы выразить тотчас это состояние для вас. Для неё нет преград вовне, хоть сколько-нибудь уступающих её состоянию с ними, то есть способных спрятаться от её вездесущего взора. Совесть есть Бог в обстояниях, в волшебных заревах планетарного яда Он не менее холоден, чем в пустых комнатах своего отсутствия здесь как ингредиента воли в нас, когда мы заперты от Него бываем своими яяя здесь сам. Я упреждаю некоторое недоумение, связанное с этим полем-пространством в нас, о котором речь впереди, добрая моя Королева. Я голос имею чистый и отважно проницаю сквозь зарешеченные окна, где бы они ни находились на наших я, где бы они не исполняли свои обеты отчуждать нас от мира сего с помощью авторучек или любодейских принципов воли, от которых голова кругом идёт.

Вы понимаете, что освоение кундалини, принимаемое за процесс Боготворчества в нас самих, заставляет задействовать плазменные тела, изменяющие сознание под стать сво-

им состояниям. Кундалини это не шутка Бога, это обретенное пространство вещества сознания, порядок воли, не ограничивающий сознание, а размыкающий его для внесения позитивных сил здесь в Боге; но вот его Сила преображает наше я и мы устремляемся в поход за её проявлениями, всё более и более углубляясь в сознание собственного величия, может быть, мало сознавая а что же мы такое делаем-то и почему нас гнетёт это неразумное желание, доходящее порой до экстаза, заставить его действовать в наших я, благоразумие, как правило, не способно остановить эту силу расхищения воли Бога, силу, подверженную и подвергаемую оскудению в началах человеческого эго как раз во времени с помощью разрушительного взывания к ней без Бога в сердце, человеческий ум не способен назвать себя найденным в таких проявлениях здесь; он немощен и стёрт становится как постоянно сопутствующее начало я, постоянно движимое в нас нашими эго, кундалини становится владельцем сознания, и мы, ничуть не замечая разницы между небесными силами огня и телесным возбуждением плазменных (плавильных, по сути происходящего огня) знаков в нас, становимся подвержены его земному владению в пространстве огня смыслов жизни здесь; он оставляет свои знаки на челах.

Душа зреет как яблоко света в нас, то есть она плод нашего чувствующего здесь сознания, она стремится выполнить свою задачу для нас, насытить светом наше пространство,

эго нашего я, нашей любви, под маской слов, Королева моя, зачастую лежит сор невыраженных чувств, истрёпанных и нечистых, обманутых, обделённых формой без ответа, формой сознания, которая не приемлет ответ души как выражение любви Бога к малому сему полю. Точка зрения есть этот ответ в нас. Мы не уготованы, - мы предъявлены бываем в этом пространстве вездесущего Бога. Его присутствие олицетворяется волной света в наших полях. Пространство мы возмущено этим светом, отгородиться или заставить себя не слышать его невозможно. Я буду правильно понят вами, если опишу это состояние здесь в качествах вашего я, чьё поле мне достаточно хорошо обозримо.

В утробе матери мы лежим как малые свидания с Богом здесь, мы сами ведомы Его хозяйственной рукой, лучше нашего знающей, где и что для нас находится здесь. Я с вами за руку здороваюсь, опередите меня в рукопожатии. Моя луна, ваше солнце, а я зарю предрекаю.

Не определяемо это для меня, мой добрый Учитель, тут. Настоящий акцент сознания где-то бродит, а я борюсь с шепелявостью в душе. Мне важен ваш свет.

Внимайте. Я сознаю это небо лучше. Сегодня как раз подходящее время для нас. Слово как вихрь врывается в сознание, вынуждая подчиняться ракурс обзора действитель-

ности, наши глаза намылены, и взгляд, направленный в реальность сознания, отдаётся тому богу я, который ищет его внимания на себе. Я против утилизации пространства в координатах времени как абсолютно ведомого, абсолютно подчинённого этой ведомости за собой, я настаиваю на продолжении процесса удаления абракадабры из вашего я. Вместе со мной идёт свет и он оседает на полках сознания какой-то нечистой пылью минут, сохраняя эти минуты в выражении вашего я всё-таки здесь. Уготованность и предъявленность разные вещи. Можно пять лет править одну и ту же страницу, всё время получая разный результат здесь, можно сдавать её в набор, переставляя запятые и каждый раз требуя нового наборщика, и эта память просто отберёт мысль, уготованную вам, и предъявит её в другом месте, на уровень выше, сознание выждет её и снова построит ту же страницу обретаемого вашим я эго, но только в более конкретной форме, в более отточенной - утонченной, я хотел сказать.

Я смею надеяться, то, что вы говорите, важно.

Здесь всякая секунда свысока смотрит и мою шляпу на вас прицеливает, проникнуть хочет.

Она вас по шляпе узнаёт разве?..

В целом да, по шляпе. Я настаиваю на продолжении раз-

говора как разряд активного пространства, в котором кружат осязаемые чувственные потоки, их дело кружить, Королева, не бойтесь этого кружения, мне самому, уподобленному в вас какой-то шахрезаде, приходилось неметь в окружении, собственно, немцев, извините за поддельный бросок во времени, то есть вы поймали мяч, отпущенный моей рукой, и он стал вашей игрушкой во времени в поисках маршрута пространственной мысли, я стал искать то, что подобно мне как аспект, может быть, как аспект…

…что хорошее небо, это важно сейчас – для нас обоих, есть часть окультуренной мысли сознания, я знаю, что вы ищете издателя, способного воспроизвести эти тексты, я думаю, вы найдёте его, или он – вас; это не имеет значения сейчас. Многое округляется, под наезженной мелодией не звучат голоса высоких птиц, они не слышны бывают, ну, думайте обо мне. Я настоял на проявлении определённых минут в небольшом отрывке, почему-то не попавшем в ваши списки слов, я головно много думал, остепеняя состояния, обращая их в переживаемые пространства здесь в плоскости ума-сознания, сообщая им свои чувственные поля, я думаю, становясь ими до какой-то степени иногда сам, отрезвляя их своими мыслями действиями, мыследействиями, чтобы они лучше служили памяти я, чтобы они сами становились этой памятью здесь как союзное нам пространство, а не вымышленное государство без применения вокруг нас. Флагманский

корабль…

Путешествуя, я думаю о вас, вы не верите мне, и правильно - я думаю о вашем проективном сознании, в котором спрятаны для меня ваши я, сохраняющие качества любви во мне, я горожу всякий вздор, но при этом отчётливо чувствую ваше присутствие в казенных счетах моего символа воли здесь; я знаю, что наше правительство мысли, наше сознание и его производные, постоянно взаимодействуя, сохраняют наше эго в разуме, оставляя без внимания или, лучше – без употребления те мысли, от которых стоит отказаться, отказывать себе самим, в которых нет нашей любви как мерила сознательного действия здесь в нас же самих, нет настоящего времени этой любви в то время как она есть, и мы чувствуем её присутствие здесь в воле, в характере этой воли, отражающей наше я в пространство. Я чересчур громоздок в определении этого состояния мы, как построенное из пустых коробок объяснение духовного неба, здания этого неба, ясно и крепко устроенного и ничуть не колеблемого никакими паразитами воли, заставляющими вымысливать нас о себе Бог знает что, лишь бы задействовать в своих креативах сознания, будьте добры и я откроюсь вам с лучшей стороны, будьте прямодушны и не уставайте мыслить о Боге как о сознательном элементе души, а не бессознательном фокусе пространства мысли где-то там вообще находящемся, это чувство велико.

В моём образе нет противоречий; он весь состоит из вас, из ваших я, сложенных вместе, день за днём, неделя за неделей, я нахожу его замечательным, по-своему наделённым бесхитростными инвективами и немного ворчливым, этакий брюзга с мышеловкой в руке, почём дождь я пущу, не верьте мне, когда я сную, как граф Калиостро, по вашим мыслям с сундучком подмышкой, в котором сложены ваши имена, моя добрая Королева, я просто пересыпаю драгоценные яви в надежде вылить их в форму превосходного содержания. Я – положительно организованное пространство здесь, и я гоняюсь за фразой, за позицией воли в обеднённых полях своих горизонталей, если моя форма обедняет вас, ваше имя, ваше умение быть самой собой, облекаясь в форму иного пространства, иного сознания и таким образом познавая его, и как бы превосходно или нелепо оно ни было, всегда возвращаясь к себе, не забывая этого труда возвращения. Я вас люблю, когда вы искренни со мной, а когда вы не искренни… я буду думать об этом.

…из какого-то неоспоримого /необозримого/ материала здесь. Этот материал душа. Так как мы сами суть люди…

22 апреля

почему тебя называют мистическим? что значит – мистический?..

Я подражал пламени, а это мистический знак огня, поэтому горн - обретение мысли сознанием; не знаю, я не умел жить там иначе, они умели, а я нет. Я головно шёл, очень головно, я сильно проявлялся, понимаешь, сильно думал, сильно дразнил, только ты не сумела этого понять, а я был чувственным небом, я понимал каждое твоё слово в себе, каждое, я переливал из пустого в порожнее эти формы сознания, я не понимал, что я думал о тебе, обращаясь куда-то в небо, по крайней мере, я сам этого не знал, я так считал, что мы кометы, встретились и разминулись в пространстве космических огней, морских звёзд, минус я вчера, то есть минус то, что было вчера, минус моя проекция, минус кротовые норы сознания, я плюс, пойми, ещё вечер назад я хотел порадовать тебя своим я в очевидном порядке воли, а теперь мы должны быть вместе, потому что это работа, общение, оздравление во внутренних мирах, я всякое поле хочу видеть здравым, умственно здоровым, не перекошенным от количества нервных клеток в состоянии возбуждения от того, что им некуда перейти из количества в качество, я понял, что ты любишь меня и очень сильно любишь, я плыл по этой любви во все стороны сразу, как взвихрённый корабль науки, чего уж там, как плохое эго, но хороший иллюзионист я был, иллюзорен, да, пойман как вор на твоих страницах тут, на твоих мысленных полях, я не то говорю, это – не то, красный свет этим ненужным словам, пусть стоят, как мыс-

ли, куда они плыли, завтра лучше сегодня, во многом лучше, тут луч бежит для нас обоих.

Ну, душа верно определила это состояние как право на покупку мыла, а зачем оно ей, если её тёркой мыли до бела… до красна, извини, динь-динь-динь!.. Послезавтра поговорим; я буду тут.

а потом мыши съели мой сыр, и я стал долго и упорно сетовать на его отсутствие во рту, как говорится, я диким лебедем летел, а стал домашним котом под присмотром и не верь мне, пожалуйста, я бесстыден был, а стал лизоблюд, да менее всего я хотел бежать из города моей удачи, какое философское право я положил в основу нашей любви, в чём тайна вымысла об этих днях - дикость и небрежение стали моим кредо, разве я не сумел… Всё, - посторонним вход воспрещён, я думаю от себя теперь, во мне поэзия строк глохла, да этих самых, без устали тарабанивших пусти, пусти, открой дверь, пусти нас, во мне заря полыхала, а я на ветер дышал принципом воли, как кадилом махал, то есть подразумевается радость очищения души. Ну фигуративная эта жила истлела во мне, как её подчинили, может быть, себе, своим я сделали, понарошку, конечно, я ведь не кошка, на самом деле, я поэтический воздух принёс, да, его сила, его вязь строк сюда шла…

…за этим состоянием глубина, сила ответа - сила явленного ответа в мысли, мысли как проекции этого ответа.

Я вчера почувствовала это состояния удаления, размыкания какого-то жалкого применения сильной воли, может быть, я чувствовала что я говорю что-то напрасно или зря, что я хочу, чтобы это было как-то иначе, как должно – светло и сильно, то есть внятно, не потребительски беспомощно. А я? получаю ли я свой ответ, да когда я не обдёргиваю на ниточки…

Давай думать вместе, натянутость эта, знаешь ведь чем обернулась, нахлебательством, ах, ангел мой, пой! я свежий ветер, очки протёр и увидел – вот ты, и вот ты, и вот это тоже ты, а я-то где тут, я во всём этом ты где? Ну уж ты не ври, я это ты называлось доселе это состояние, и уж, кажется, что я сила, а ты применение этой силы, что за странная идентификация идёт сейчас этих страниц? кем они написаны твоей рукой.

Я город построил - отсюда видно его. Встань, и увидишь. Встань, и воплотишь своё видение, всем сердцем воплотишь, а чем я тебе привет шлю, думаешь, тут?..

Стихи эти, они ведь жалкие мне показались, в чем-то я чувствую неправоту свою сейчас. Мне! мне отступить от те-

бя надо, потому что негоже те смыслы под ноги стелить, да кому, кажется уж, их стелить-то, почему так получается, я не знаю, перед смыслом я идёт как пар - пар, не пар, а идёт, кто-то кричал, а я услышала, так получается, а чем я отвечу? если тот крик о любви не ко мне был, а голос как бы твой шёл - вот такая тут история выкладывается, чур меня, как говорится, ты, ангел мой, лети, я чувствовать буду тоньше, ведь экая сила тебя ведёт теперь, ты уж знай где примениться. Ты радостен должен быть, - светел, умён, сердце чувствительное имея и столько-то лет его от меня пряча, а зачем?.. Ну, стало быть, так Бог велел через серебряную нить нам тут обоим пройти, через простые узоры.

Я соразмерен хочу быть, постоянство неопределённости, я губу прикусил, думаю. Посторонним вход воспрещён! я забыл о степени осознания пространства, и дремотное это поле… да ты подумала обо мне-то, чем я там был для тебя, извини уж, конечно, постепенно сбрасываемое пространство мрака я был для тебя, без околичностей труба, трубный глас, ногу занёс, так на асфальт её поставил, как сказать, как выразить это участие, как себя правильно понять. Я на шлейф узду ту накину, от обилия ветра трава шуршит, шуршать будет, во мраке ночи бредень прошёл и хоть сколько-нибудь…

Настоящее время дышит - я ведь верю, что ты ищешь меня в этих полях, сомнения ангела твоего велики, что ска-

жешь ему?.. оглянись на хлеб, он весь тут растёт.

Мы сами не понимаем, кто мы - пока не нальётся вода чувств, чувства, без меры она бывает, чем измеришь её!.. Толкиен прав, память наших я богаче [чем мы думаем], она применяется здесь по-другому, это так, и мы ведём себя сообразно её наполнению, нет, не так это, понимаешь, - мы не лепим строк, если мы не умеем это делать, я сейчас сяду близко перед тобой, а с чем, собственно, а вот с чем. Эти строчки хороши сами по себе, их ведь никто не умалял отсебятиной что почём, ну и иди с ними как есть, а я силу им дам, ясную здесь - что ещё им нужно? только это, чистейшей воды чистейшее питьё, мы трескотню в эфире принимаем за смысл жизни подчас, а она липнет ведь к ушам, да ещё как, жгуты воли пламя то отсекают, да перед кем - перед ангелами света здесь в нас самих. Сколько этих порывов было примчаться, прибыть, ничего, простой волей обошлось, никакой не волшебной, а так прямо, как об этом пишут в воспоминаниях, я был настолько чист душой, что любая воля была для меня эго, я не сохранял её значений в себе, для чего?.. Прихватив пару минут я помчался к ней на свидание, я летел как оголтелый, чтобы поскорее увидеть, услышать этот голос, осязать это пространство, и вот я дома с ней сижу в восьми углах своего счастья здесь. Я увидел её в отражениях твоего лица, в отражениях, столь напущенных, столь отрадных мне, моему я, я не знал, что сказать, я просто молча на-

блюдал за её вожделенными мной чертами, ну что скажешь – не было этого разве между нами, было, ещё как было, как сияние эти дни шли чередой привета от тех лет, мне ум за разум пришлось завести, чтобы понять, откуда они взялись тут во мне-то самом, - чей шлейф я как панаму [воли] носил [к себе прижать умудрился], об этом ведь ни полстрочки сказано не было, объектное мы себя реализует в сознании как молчаливый эгрегор чьих-то мыслей, может быть, чьих-то потрясающе здравых, сохраненных в нас самих мыслях об этих днях, о тех, других, тоже. Чьи они? спроси меня чьи они, А. На сегодня хватит ум свой размазывать в воображаемых коллизиях света, от чьего тумана пылится голова и оседающая пыль становится грязно белого цвета. Я набрёл в этом тумане на право исполнять роль самого себя тут, а вот и не роль даже, а на самом деле им тут быть в решительных этих абзацах.

Для нас с тобой наступило другое время, в котором мы окажемся вместе, сегодня в настоящем времени я, без тени сомнения я говорю это сейчас, в нас какое-то пришлое пространство ушло, пришлое,. не наше то есть, которое само по себе есть месть за нашу любовь друг к другу, и если уж мы говорим о чувствах более высокого порядка, чем приятие или неприятие мыслей здесь, в которых мы живём как право на исполнение своей любви в своих размерах души, в своих чувственных полях, да, в них как право на откуп в даль-

нейшем от себялюбивых мы тут процесс времени я, прости, как проекция этого времени в нас же самих, в котором мы кто? авторы почему-либо пропущенных строк в нашей памяти, или мы авторы других строк, возведённых в степень сознания я-здесь искомое пространство этой любви, во мне же происходящей здесь, сию минуту, сейчас.

Мне нравится, что мне нравится в нас с тобой это состояние, я грезил объектами световых волн, они становились твоими прямыми пространствами, твоими я на какое-то время, твоими построениями памяти ради создания единого целого мира здесь в сознании твоей яви, в сознании космоса твоей яви. Этот вихрь не объясним иначе, - так строятся миры. Незнание это отсутствие цельности состояния здесь, а как иначе достичь его как не пройдя сквозь отчуждение своих я во внутренних мирах, постигая цельность как соединение с ними, воплощённое в качестве слова здесь в нас самих. Я интуитивно сжимаю пространство до своих представлений о нём, очевидных таких представлений, во мне нет иного мира, чем этот сон, прости, но вот я начинаю просыпаться и, открыв глаза, начинаю ощущать присутствие иного пространства, оно пролагает пути в мой умозрительный мир, становясь частью его, частью моих минут здесь, частью моего эго-я, созерцающего мир здесь, и я переживаю это как своё состояние с ним в образах моего пространства, которыми я владею как своей мыслью здесь. Я думаю о себе как о приём-

нике мысли пространственных образований, как об отчуждённом от воли авторе, прости мне мою мнительность, я переживал деструкцию памяти как образ молчания в своём я, я хотел быть наравне с его мощным эпитетом зари здесь как уравновешивающего пространственный холод объёма памяти, в котором лежат мыслеобразы в покое, в состоянии покоя и не стремятся захватить весь объём памяти, окрашивая его в те или иные представления о мире здесь. Сознание выполняет функцию ветра, оно несёт эти образы в себе, не влияя на ход жизненных событий, если оно отождествлено или тождественно полю проявленных имён (пять) в наших я, или, например, градусу сознания, горизонту ниже уровня проявления, мы пламя любви смогли увидеть в своих я - вот что я думаю об этом.

23 апрель

Думающее пространство воздух, доверься ему в тишине молитвы. Я знаю, - знаю, что лучшее в нас самих идёт, я знаю лучшее в нас самих, я знаю как мы становимся чище в наших я, когда помогаем друг другу, когда мы думаем, что наш вопрос есть ответ; когда мы жалобой истощаем мир и он становится от этого уже в размерах строки, мы становимся уже сами в своих умозрительных я, мы понимаем себя как другого - как другое пространство мысли, в котором мы жалобщики на неправильно понятое это состояние сейчас в нас.

Прости. Я остановился в своих мыслях и стал красить губы вместо любви, потому что не имел мысли, а слова шли как память о нас, да в них толк есть, обмирщённый, может быть, заметь во мне перемену; я знаю, что она есть, да, какое-то пространство обмолчалось во мне - я столько лет стыдился своего я, я бегу за тобой по кочкам своего болота, так и знай об этом; я сам бегу, без потока обретаемых в этом беге проекций, я потому так долго сурово здравствовал в твоей памяти, что ничего не хотел знать о тебе самой здесь, я просто думал ты есть и мне этого было достаточно для того, чтобы воображать твоё состояние со мной; в тебе оно отзывалось настроениями, уподобленным тут я.

Хищничество это, ты распаковываешь его минута за минутой, не зная что и думать. Химически активное состояние с пространством я твоего эго, а проявленное поле тотчас марширует по узлам связи твоего я и становится настоящим временем здесь, возле твоих рук. В нём кроме температуры тела много есть ещё разного, обретаемого сознанием, и нетрудолюбие, и недоверие к себе, и беспорядочное искание аббревиатурного ряда, да ведь это право на искушение; оно. И оно приводит этот порядок воли в действие, где? в конкретных областях сознания, о которых я немощен думать, понимая, что они вне моей власти. Институт сознания молчит покуда летят эти корпускулы света, он обретает их в тишине неба; битва ангелов продолжается во сне, они смина-

ют пространственные жилы, искусно образуя из них пёстрые ленты памяти я, которые будут проявлять после недосказанное, не доминантное, не доминирующее в этой неразберихе. Пусть они делают это ради нашего блага для нас.

23 апреля 1

Против воли ястреба есть воля другой птицы, более похожей на человеческое общение, что значат эти слова думаешь ты, глядя на восток со своего запада, постой, не тревожь память, пусть она будет нам верна.

24 апреля

Давайте стараться быть вместе, - я предвосхищаю обратный порядок воли. Какой. Нагромождение файлов обретает цельность постройки, лучше – цельность воплощения в объёме памяти. Я дую на воду, Королева, простите, что я заставил вас так долго ждать прибытия поезда на вашу станцию в сорокаградусный мороз. Восхитительное небо, сияющие звёзды. Вы деликатно молчите, не отзываясь на мои призывы-приветы-вести. Мне дужно дать вам ответ о параметре воли вашего я в настоящем времени, в котором…

Что такое любовь?

Это выражение святости мира в нас самих.

25 апреля

Я холодно атаковал этот день в своей душе, во многом надуманный, впрочем, я сам непреложное сообщение, во мне много эго, оно такое большое, что я…

В каких-то отдушинах мучительных адресов много мусора накопилось, я дую на ветер. Во мне море звуков. Я счастлив, что ты любишь меня, да почём соль, я насыплю. Во мне бесконечное число гроз, разрядов таких мгновенных, которыми изобилуют поля, а ты думаешь, что я ленюсь…

Зачем это говорится?

… я купаюсь в них…

Во всём польза есть, Королева, - даже в этих, традиционно обновляющих, обновляемых словах вашего я о себе, я господин твоего утра здесь, я государь твоего утра, я славлю день, в котором мы встретились, вот он, весь тут в моём эго, которое я кручу на пальце как разнимающее нас с тобой кольцо, оно ударилось об пол, и зазвенело, прыг-пры-прыг, моё колечко, вот оно закатилось уже под диван и будет там лежать до завтрашнего утра, чтобы я нашёл его как будто случайно и вынес как вчерашний сор минут, за которым я устремлял свои каждодневные труды, которыми я любовался, если не сказать больше - любил их облики в себе самом здесь, как

интерпретируемое мной пространство мысли. Я бежал в них памятью своего я, вот это я делал, и они наполнялись мной, но только они не были твоими здесь; они были всё-таки моими минутами любви и отчаяния. Я относил их в тончайшие нити соединения наших я в образах мы и это делало твою память наполненной мной мной самим. Я говорю так, потому что…

25 апреля 2а

2а.

я вас очень люблю, мой добрый Учитель, - я хочу, чтобы вы здравствовали и берегли свою память от захламления, а я уверена, что вы умеете это делать, что вы знаете как осознать время, место и причину, по которой я стремлюсь обратить ваше внимание на себя, на своё я-сейчас, в нём много несуразиц и я смею просить вас помочь мне соотнести их с собой, если вы согласитесь вести беседу на эту тему; мне многое неясно сейчас и я, обладая протечной памятью, не берусь судить сама о себе. Это странно звучит, Мой Добрый Учитель, странно, по меньшей мере. Эта протечная память, например, - откуда бы ей взяться во мне?.. что веретено укололо мой палец и я обрела возможность видеть и слышать, но без движения во внешних мирах - по чьей худой воле это произошло и неужели мой чёлн так легко уязвим оказался, коль скоро эта воля верх взяла?.. или берёт.

Я никому не подражаю; я просто автоматически выполняю, технически заимствую квадрат ума из чьего-то окна, и как это странно, о, мой Бог, как будто я против себя самоё иду. Я высказываю это сейчас, но вот я хочу знать, слышит ли меня мой добрый Учитель.

Я да, Королева. Время подошло вырваться из нужды, а с кем она пришла и отчего здесь пол кружится, кто предел желаний подвёл под вашу черту, и почём нынче соль имён.

Манипулятивное вы есть вымысел; такого вы нет, есть объект, отчуждаемый от пространства воли Божьего лика, и он становится не виден и не слышен, и не надо говорить, что мнимое суть неправда. За подлогом всегда бежит чья-то воля, кто бисер перед свиньями метал, тот пусть и соберёт его теперь.

Да вышний ангел в полёте виден, да не оскудеет память Королевы.

Христос с вами! не давайте рукам волю быть в подчинении не своему я, то есть мельчить пространство на требуемые доказательства собственного существования. Тут. В нём вы живёте, а не ваше отражение. И это вам следует знать совершенно определённо.

Битва за Москву, этот феномен памяти я нам нужен с вами сейчас, чтобы понять происхождение определённого строя мыслей. Вы вышли из квартиры напротив, чтобы попасть домой наконец, я думаю, я мешаю вам обеднять свой ум, поймите, это важно понять. Я миром иду из окружения в собственном сознании я.

27 апреля

я очень, очень рада, что нам удалось хоть как-то поговорить, хоть что-то сказать друг другу в этих малых строчках письма, о которых я ещё ничего не знаю, но надеюсь в скором времени ощутить их непреходящий смысл, в моём эго интерпретируется сознание, сознательное состояние я с вами, и я, отчётливо воспринимая действительное положение вещей, скрою от вас его; вам не нужно знать обо мне, я думаю, здесь во вчерашнем дне, он открыт был для вас как сегодняшнее моё я, и в нас продолжает вариться суп, простите, из тех самых груш, которые я в глаза не видела, а только предположительно догадывалась, что таковой суп был сварен, я продолжаю видеть остатки снов, и сновиденческие эти мотивы, захватывая моё воображение, делают меня вялой спутницей вашего я-здесь, в котором я сама кажусь малой долей, интерпретируемое мной пространство говорит мне об этом! мой друг, здесь, я надеюсь узнать об истинном положении вещей от вас, ибо действительное, как я уже сказала, мне известно и оно здесь происходит, в моём я, во мне много скопилось

неоправданных ожиданий, о коих я также умолчу, ибо они в малом смысле вам… вас не должны беспокоить сегодня, не имея продолжения в вашем я настоящего времени любви; в моём адресе (эго центре) имеют хождение эти письма, да воспрянет Бог в моей душе здесь. Будьте любимы.

27 апреля 2

2.

Да делать нечего, Королева, - надо признаваться уж. Настройтесь на правильное положение и воздух очистится от приблудных овец, коими ваш ум запружен, их надо потихонечку наладить домой, - домой идите, ступайте себе с миром, нечем тут поживиться, где там ваш дом, туда и бегите сейчас. Ну вот, ушли, кажется. Я самое подходящее время нашёл, чтобы объяснить вам причину задетости запредельного образа в вашем я. Суть обнажения пространства. Вор был пойман с поличным - можно так сказать. Вор в институте сознания (смешно звучит). В головном мозгу каждого человека есть устройство (для памяти – чека) отвечающее за приём мыслей на расстоянии, это устройство постоянно-действующее в нас, что бы ни происходило оно отдаёт сигнал пространству я здесь. Во многом оно хорошо ориентировано по сторонам света и нам не кажется странным, когда мы отчетливо слышим чью-то луну (отраженное небо), чей луч, растворяя расстояния, падает в наш ум, вернее, заставляет его думать о посторонних вещах. Басурманские племе-

на захватили наше отечество, но от взгляда Королевы небо очистилось и стало светло, да; так было. И эта воля, очищающая небо и возводящая ум наш на высоту есть свет здесь. Но вот ум наш закабаляется, мы ищем причину и осознаём её только тогда, когда видим перед собой, ум передаёт чувствам увиденное им и они, согласно уму, заставляют молчать сердце в ответ на потоки искажающих ауру сознания мыслей. Чувства охраняют сердце от пробуждения там, где для него нет заботы, нет пространства деятельности для любви. Предоставьте мне это трудное поле. Об абсурде монументализма в состояниях эго или об обращении себя в некую монументальную фигуру собственного я-здесь говорить не приходится, она малоподвижна будет и застынет на первом же повороте судьбы, или станет плоскостным изображением картонного неба, простите, я сокрушаю подобные фигуры просто движением ветра в душе, то есть подходящей мыслью под стать самому себе, мол нет ли чего попроще, чем грандиозный замысел пространства обо мне, или… словом, этак можно точку опоры потерять, если всё время смотреть в небо, а на земле обрастать мхом.

28 апреля

Учитель моих таинственных сил захотел выразить этот объект каким-то туманным образом; вообще я назывался этот образ. Он плыл в тумане как корабль, без особых примет, но при этом давал сильную волну. Она шла от себя, от-

ражаясь таинственным образом в пучину, повсеместно исследуемую здесь конкретными образами любви, давая обзор каких-то пространств, каких-то далей.

Всё, хватит шутить с этим я, - вдруг сказал он, и с шумом опрокинул верх, он стал низом, и все, кто видели это, очень изумлялись чудесному преобразованию пучины в цветущий яблоневый сад.

Знаете, я подумал, - сказал после об этом мой Учитель, - что вы очень высоко смотрите, там неба нет. Там, видите, есть другое начало, более высокоразумное.

Я вижу синюю луну.

А в чём вы её видите?

В ваших глазах! – отвечала я беззастенчиво, потому что угловой момент силы был что называется на изгибе во мне.

Я думала, он отмахнётся от моих слов.

Во многом вы правы, Королева моя, во многом наша воля преображается с помощью адептов пространства судьбы. Если хотите знать – я ваш адепт, - сказал он, и заключил меня в объятья своего имени здесь.

В контурах моего я побежали струи волшебных сил.

Да, - перестаньте играть этими словами. Я подумаю сам, слово бредень, что зацепит, то и поднимет, момент силы очень важен нам обоим и покуда мы… Нам нужен сук, который пилить! – вдруг сказал он и опрокинул волю другого пространства, там сделалось светло как днём и тьма разверзлась, отдав дню разнообразие причин, по которым она существовала в том поле я. А что там будет теперь? – спросила я своего Учителя, он не хотел отвечать и мялся, отдувая от себя силу из того неба, которое лежало теперь в песках.

Вы думаете, я с размером строки пришёл?.. нет, я пришёл с другим опытом пространственной любви здесь. Видите этот деликатный размер души? Нет! простите, вы его видите, или так просто, как коньки по льду, скользите здесь, во всех адресах пламень тот идёт как путь, смелее, Королева, я же за вами стою.

Что там? - спросила я, - я не вижу…

Там настоящее время открылось. Зря не бывает, Королева. Безтелесое мы как планка небес стояла, ну да простите, что я раскричался на вас, это бывает, когда вас от позора отвести надо, отчасти я прав был, перспективой ум заполони-

ло, ну, видите теперь?

Я обратила внимание на ту сторону души, в которой происходил этот день, там кишмя кишели какие-то ползающие создания, сознания, самые вычурные фигуры складывались в отростках их умов и нестерпимо жужжали, ужасая своим поведением тех, кто видел и слышал этот день в качествах себе подобных эго.

Невероятно фальшивый образ, - сказала я сама себе, - я не умею это видеть, - обернулась я к Учителю.

Он стоял на приступочке и смотрел в туман, озарённый свечением из его рук, там клубились остатки сил бушующей тьмы вчерашнего дня.

Богу угодно было это сделать, - остановил Учитель мой порыв бежать от этого зрелища, - а только не надо думать, – продолжил он, - что напасть могут молекулы, нет этого нападения, есть другое, - и он опять схимнически замолчал, - обстоятельство, может быть. Свечение это сюда идёт; отвернитесь сейчас (я положила голову ему на плечо) я вам пять минут дам, ну на рассуждение, от этого зрелища всё равно не уйти как оно до нас обоих касается здесь.

Свечение неба перекрыло все мысленные границы звука,

- сейчас начнётся, - сказал Учитель молча, что-то память моя укрыла в себе такое, что-то она ищет там сейчас в глубине той мысли о каплях ли мёда, о суждениях, зря вымышленных вслух, образ ли тот ищет в себе; обмануть её нельзя никак, - она всё сделает правильно, я знаю себя тут, ощущения её велики, а о чём забота она не говорит, как бы в закрытую всё делает, сама. Ступени символов, которыми она идёт, хорошо видны издалека бывают, а вблизи…

Давайте поговорим об этом после, что вы думаете сейчас, не имеет значения, это от меня вам кажется как я рядом с вами нахожусь.

Что значит после? – спросила я его.

Контур неба стал издавать звук, шедший издалека.

Ну, наконец-то! – сказал мой Учитель, и выпрямившись во весь рост, встал посреди поля. Он зычным голосом приказал небесам лечь на землю, отчего произошло некоторое количество дождя поначалу, а потом покатились колёса истории.

28 апреля 1

…душевно близорука - такое качество претерпевания фигуры /света /становится видно только вблизи, при наличии

стекла. Восхищение собственным эго делает это качество присущим свойством душевного обобщения до себя. Свойство душевной близорукости возникает со временем из-за больного воображения, склонного приставлять к носу (т.е. к рассмотрению) свои собственные я, не учреждённые составом лет, а психически аномально ответвлённые; такие явления получают название миграция личности, подобие этому есть проекция памяти в ту или иную область сознания, скрупулёзно подвергаемую рассмотрению во внутренних мирах.

душевная зоркость есть свойство высоких натур, но и они могут находится под влиянием объективного транса вследствие…

28 апреля 2

Душевное состояние есть память о близком вам человеке, какое-то креативное, может быть, соотнесение с кем-либо. Стоящее это небо?.. как вы думаете, стоит оно душевных затрат энергии мысли, энергии сознания на создание мысли?.. или оно закрыто от вас самой здесь в качествах, оговорённых выше, это небо души моего я?.. только не травмируйте меня ответом не знаю, уж очень он глубоко захватывает мою сущность, глубинную память, и вообще, так сказать, захватывает и не отпускает, по сути, никуда. Я меркантильно исколесил пол-Москвы, чтобы получить зоркость души, то есть чтобы отвлечь себя от дел в глубинных этюдах памяти, о которых я,

впрочем, умолчу здесь. Душевная чуткость, прозорливость не обмен веществ с пространством памяти, а состояние эго в открытом воздухе я в молчании, в глубинном молчании. Глухая стена вашего объекта воли давно обрушена, дамское сердце вот ведь что это такое, оно холодно и не приручено, знай себе кружит в вальсе. Обстоятельства понуждают, дихотомия замучила, уж извините, право искательства претензий за мной. Душевная мудрость объединяет людей, память объединяет, алкоголь расширяет сознание, а затем сминает его в тряпичную куклу, от которой… не надо об этом думать, я не искал смысла в алкоголе, я просто хотел объединения, да, настоящее время бездействует в состоянии опьянения, душевная мудрость тоже, я думаю. Могу ли я получить ответ на свой вопрос или мне ещё подождать.

Ваше небо состоит из ряда причинно-следственных связей, в которых… мне кажется, вы что-то другое хотите узнать, извините.

А вот так если я спрошу об этом же – кем вы себя мыслите в моём небе? Ответ: никем.

Да… но ведь это не так, погодите, это совсем не так.

Таков ответ.

Значит, этот адрес неверен, здесь какое-то умопоползновение, не понимаю. Вы кем себя сами-то считаете?

А вы?

Настройтесь, я прошу вас.

Хорошо.

Нам надо постараться выяснить общее, какое-то общее, может быть, имение общее. Могу ли я, Королева, задать ещё вопрос, душевная близость, разумеется, позволяет это сделать надо думать, мнящееся вам, может быть, чувствительное поле, холодное сердце которого не отзывалось на вашу любовь в настоящем времени я, в настоящей минуте, и вы не могли достучаться до него своими чувствами здесь… сложно понять о чём я хочу спросить.

Да уж, прямо так не скажешь, надо как-то околичностно… да вот, пожалуй что это. Постепенно, шаг за шагом, мы начинаем понимать, что кажущееся нам пространство не всегда было именно таковым, или тем, что мы знаем о нём в себе; оно было каким-то другим, как бы более совершенным, более правильным, может быть, а теперь, здесь, оно становится менее правильным, менее уподобленным нам самим как будто, то есть оно показывает нам себя с другой стороны.

30 апреля

Ну вот поймите как-то моё положение в вашем доме, я строю ограниченное пространство судьбы в определяющих его инвективах, в которых мой ум заблокирован, закодирован, если хотите, на приятие норм неизвестного мне эго, неизвестно откуда взявшегося во мне, неизвестно почему и неизвестно зачем тут. Я раздуваю щеки и прячусь в кустах при этом, а что значит - значат мои короткие перебежки от сих до сих, от поля до поля, я устал жаться в кулуарах этих воль и не хочу сидеть тихо и слушать вздор, занимающий мои уши, как чем, - как свинья корыто, из которого она ест, извините. Вот и будьте внимательны теперь, Королева, потому что через ступор воли надо сознательно идти, а не босиком бежать по горячим-то углям совести, как раз под ноги наваленной, да вся в мешках она лежит, ну извините тут. Я после договорю, нам надо волшебную флейту послушать с вами - ведь она поёт правильно.

Я адрес тот забыл, представь; мне в нём делать нечего, объективно нечего, а не потому что я ленив или трушу, или там, ну, не знаю что, что-то. Беспокойное сердце это я, я сам это сердце, которое беспокоится о многом, мне ведь видно, что надо делать, а я губы кусаю, мол куда, что я стою я сам не знаю, потому что очень мал сделался, невелик, прямо губная гармошка по размеру души годится мне самому, отчётлив звук, я знаю, мне из него силу черпать надо.

Я не пойму, мой добрый Учитель, что мне делать в этой ситуации, я как есть говорю сейчас, и я очень хочу понять это. Я вижу сон, который мне хочется стряхнуть с себя, это картина мира чья? да и чья бы она ни была, знаете ли, что-то кружит тут, в строчках моего я…

Давайте вот что…

…и всё время какая-то претензия идёт ко мне, лишённая смыслового фокуса - для меня лишённая, что я понять должна, что, объясните мне. Что-то облепило и вяжется, вы кто такой.

Я бездарь, который решил, что он свет в окне.

Будьте любимы, - это всё, что вам надо. Я желаю вам. Найдите себе женщину по мысли и уговорите её любить вас. Руки со стола уберите, да, вот так, и не трогайте здесь ничего, не прикасайтесь. Всё. Идите.

Мысленное это всё, понимаете.

Извольте выслушать. Вот так свет прячется от тех безумцев воли, от чьего имени… Я начинаю понимать как память берёт своё, уводя отсюда всякую мерзость, да что, в самом

деле, я-то делаю, притупляя ум об эти каламбуры, где я тут посредничаю, в чём мои звуки одеты, одиозно так застёгнутые (или застигнутые?) на все я во мне. Различны эти небеса бывают, - от себя не откажешься.

Вы не должны делать ничего дурного ни себе, ни людям, которые рядом с вами.

Я думаю об этом нашем с вами я весь день, оно ведь ищет кого-то или что-то ему нужно особенное, что-то крохотное, может быть, что-то небольшое, какое-то объективно ценное и Богу угодное. Я пробивался к вам сквозь дамские сердца, сквозь полуразрушенные трюизмы мысленного неба, сквозь чемоданы книг, самиздаты, психически аномальные явления, сквозь партитуры согласованных мнений, и несогласованных тоже, я бессмысленно угождал каким-то леди, я хотел быть им полезен, поймите, я хотел, чтобы они знали нужду во мне самом, в моём эго, в моих языковых аббревиатурах, в моих кустарных, может быть, изделиях, в моих позитивных смыслах, я словно из немоты выскочил сейчас, из своего подвала совести вдруг, в котором я жил без принципа воли и ничего не хотел знать кроме себя самого, да, кроме своего мирского, обмирщённого самомнения. Я иначе могу сказать это, я благодушествовал перед незнакомыми мне людьми, я им ноги мыл, чтобы они меня любили за это, наверное, а они меня презирали за то, что я делал для них,

за то, что я тушил свет в ванной, или нет, не за это, за то что я им говорил то, что они и так знали, просто думали об этом меньше, чем я, я думал за них, понимаете, и это стало моей высоколобой идеей сознания, прелесть обмирщения стала выхолащивать мой ум, моё сердце становилось глухим, более агрессивная молодёжь захватывала мои пространства, легко, удобно декларируя свои имена как заслуживающие внимания субстраты переживаемых ими пространств, а почему, собственно, они таковы, я внезапно обмелел вместе с ними, становясь кружкой для подаяния в их высокочтимых объективных позициях, ах, сумбур это всё, я счёл возможным обнажить, обнаружить правильно понятое вами я, в котором нет ничего злого, зловонного, ничего искусственно задуманного, просто оно движется в пространстве в какой-то мути снов, обложенное со всех сторон, да чем только не обложенное своими эманациями. Благоуханное это небо…

МАЙ. Мой май.

3 мая

Что ж, - ведомое пространство существует, оно составляет часть души, в которой мы живём, и хотим мы или не хотим, оно делает своё дело, противопоставляя нас конкретному мы, которое хочет сразиться с нами в этом поле, чем. Состояниями, да-с, здесь.

Я вас очень люблю, Учитель, и вы меня любите тоже; мне

кажется, между нами какая-то размолвка происходит сейчас.

Я образ мы затушёвываю сейчас, к которому я привык, простите, обращаться в себе как к чему-то нереальному, не совсем реальному, точнее.

Вы что-то уж очень грустны.

Да, - повод очевиден, не во мне одном он, я думаю. Я освещаю пространство неба, в котором есть звёзды, в котором мы оба имеем свои координаты, в котором строятся эти строки сейчас, я жду весны. Во мне сколько-то времени произошло, наполненного этой весной, во мне целая жизнь произошла, я думаю, исполненная этой весной, и труды эти идут сейчас как раз во мне. То есть к вам они идут от меня, и я сам делаю это поистине молчаливое пространство хоть чем-то наполненным, какими-то я тут. Во мне движется пассионарное небо, к которому я прикрепил ваши руки, и вот я чувствую как вы отдаляетесь от меня, не имея заботы в себе об этом небе. Ах, да что я хочу сказать. Органы слуха настроены на частоту, определяющую наше небо сейчас, и в нём кружат птицы памяти, осмейте меня, Королева, я буду рад осмеянию, я буду рад любому порицанию, лишь бы оно исходило от вас. Мне дорого дались эти дни в нашем я, да, они долги, долгота их тягуча, застывшая масса слов сохраняет инерцию движения во мне и я становлюсь тяжеловат, я грузен,

Королева моя, как сомнительное пространство вашей любви к А.; да, к А. В нас произошёл сбой памяти, сохранились какие-то черты лица, какие-то суровые нити состояний, какие-то прежде любимые до возбраняемости стержневые вопросы, а теперь они стали кучей мусора, которые мы забыли как звать, кажется, просто потому, что они…

Вы хитрите, мой добрый Учитель, почему-то мне пришло на ум, что вы хитрите. Я всё время думаю об этом, как наше с вами небо отозвалось на мои вопросы, а оно не отозвалось, между тем, вы уводили меня всё дальше от этой любви моего я, говоря мне при этом да вот же она, вот, а теперь она стала прошлым в ваших устах, разве не так?

Нет; не так. Она стала частью вашего эго здесь, размывшись в сознании и положив в основу всё-таки другое небо, чем то, которое было прежде вашим…

а зачем! зачем, и что значит другое, разве это не то же самое небо, которое для меня было моим всегда, ведь А. отразился в нём всё-таки, в моём исконном небе здесь, в моём эго-центре, и я носила его образ в моём сердце, и оно трепетало от мысли и чувства к нему.

Всё так, всё так, добрая моя Королева, конечно, это небо ваше, но нет более осязаемого пространства мы в нём, по-

тому что оно растворилось в качествах вашего я и стало не более чем единицей сознания для вас в настоящем времени.

Вот как.

Но только, Королева, вы не должны полагать меня отринутым пространством вашего я; я всегда здесь и, мне кажется, нам есть о чём поговорить с вами. Такая сила света, в которой мы жили несколько лет, не могла не сказаться на вашем эго. Я подложил память в ваше я, то есть я провёл дорогу, да, можно сказать дорогу, на ту сторону, о которой вы ничего не знали в себе; вы не знали о существовании другой стороны, столь же активной и интегрируемой в ваше я здесь с помощью фигуративного мышления, которое выражает себя через символы сознания, и вот они-то и остановили ваше небо, удерживая его от настоящего времени мы в состоянии инертности, в состоянии отрешённости, вы обретали порог сознания, который становился всё дальше и всё уже путь, по которому мы шли в необозримом по сути пространстве я здесь единица времени и мной измеряется что-то, тот путь, может быть часть пути, так вернее. Может быть, мы с вами однозначны сейчас, говоря об этом состоянии я-путь этого пространства сюда, чересчур однозначны, чтобы понять как крестообразное сознание сохраняет в нас память образов минут, олицетворяя их в тех или иных пассивных фигурах нашего я-здесь.

Ну, да.

Во мне всякая воля бастует сейчас, всякое небо – жжёт. Всекратное оно какие-то стало во мне, всему равно.

Ах, не надо так говорить, неправда это.

Я тружусь. Изо дня в день я тружусь. И это хорошо. Зачем ты себя умаляешь? Разве ты не делаешь то же самое под разверстым этим небом? Я знаю, что да, делаешь, что ты осмысленно видишь это небо. Я просто хотел доказать тебе свою значимость для нас обоих и потому стал мысленно уходить от тебя, я хотел, чтобы ты догоняла меня в себе. Понимаешь, так не делается, это не становится небом в нас, мы стоим на распутье какого(-то) угла зрения, точки такой пространственной, в которой молчат аббревиатуры, и смотрим – куда бы ещё пойти, а это неправильно! Мы не можем ждать, пока (ну, погоди, - я же прав!) тут новое поле нарастёт, мы должны вместе быть. Я знаю, что ты хочешь мне сказать, знаю, что я способен выразить только то, что ты и без меня чувствуешь сама, но это ведь не так, я горько сожалею о своих впечатлениях за это время, я постиг только то, что...

Понимаешь, нужны более сложные ракурсы во всём, тем более в чувственном небе, и более осязаемые здесь. Я поду-

маю, ладно?

Я подумаю тоже.

5 мая

Пространство умолчало об объекте воли в вашем я; вы поняли это как результат стирания памяти об объекте, и в нём происходит то же самое и с тем же успехом. Он строит свои аббревиатуры в зависимости от вашего я, и мне приходится отклонять проективные воли, чтобы они не забаррикадировали обзор пространства тут. В нас есть это пространство и оно подвержено увеличению в памяти мы как настоящее время сигнала к старту судьбы; я думаю, Королева, что плоскость экрана, через который льётся свет в ваши пространства…

Мне не с чем сравнить вас, Учитель, и это отсутствие сравнения во мне, наверное, не совсем справедливо, хотя оно правильно, по сути; я чувствую, что оно правильно.

Природа действительности такова - мы с вами вместе, и я, как водится это, бываю беспримерен здесь. Но вот какое-то пространство отказывается понимать это, и ищет себе замену в образе, простите, Королева, я стал диковат и чураюсь, знаете ли, богемной жизни, да, во всём, да и пользы от неё маловато - актив расходуется на пустяки, а мы всё жмём ру-

ки. Я, Господи, виноват перед тобой, прости мне эту вину, сними её с меня, прошу тебя, я хотел счастье прислать в твой дом, а прислал морок, и не ты обо мне… Я, Господи, вид имею тут, правда.

6 мая 1

1.

Я думаю тоже об этом, я думаю как сохранить то, что у нас есть с тобой, - уже есть, неопределённость масштаба времени смущает, ведь мы невольно пересекли его границу. Мы к кому-то обращаемся в себе и это становится интересом пространства нашего я. Я бесчислен в звёздах, и я же грамотен как конвейер слов, конвейер снов, конвейер, в общем, одного целого пространства здесь; в нём была брешь, которая уводила в сторону и сквозь которую мы шли вместе, сквозь эту брешь, да, сквозь проломанное, может быть, пространство яви, в котором однако мы видели друг друга находящимися в реальном пространстве я, в реальном времени соотношения его сиюминутных сил. Мы жадно искали друг друга в этом мире строк о судьбе, о любви, ну, вообще строк. Я искал тебя в одном волшебном сне, так называется наш дом, красота строк и прелесть созерцания. Я просто говорю с тобой сейчас - просто говорю, однозначно говорю. Я хотел жить с тобой в разных ипостасях, в нас много лиц, разных лиц нашего я, и я есть лицо ты для тебя, то самое лицо, в котором ты видишь себя как отражение в зеркале, как отра-

жённое в зеркале имя, я это ты, только наоборот, как время действия ты здесь, я там, в других ипостасях твоего образа мыслей обо мне, твоего состояния ума со мной самим, и это нам предстоит понять обоим, как некое не нарушаемое союзничество мысли и сердца в нас самих.

7 мая

Зеленоградская

Я думаю, Королева, нам пора взяться за ум /и перестать его водить за нос/, мне да красноты щёк хочется повидать вас, и что же, а то, что я совершенно уверен… ну, вот слушайте дальше, какая сила тщится, а какая даёт волю, кем, как нарочно, придумана эта синонимия в адресах я-здесь и, кажется уж, всякое терпение готово сойти на нет, чтобы, поразмыслив, сказать себе а зачем я тут? не надо мне тут быть, нечего здесь больше делать и, повернувшись спиной, уйти в свои пространственные взвеси, за которыми… чур меня! сказали вы на это и правильно сделали, Королева моя, правильно - потому что не бумага терпит. Но вот слон, которого мы с вами научили летать, уже в полёте и какая-то сила держит ведь его на весу в пространстве мы, и он порхает туда-сюда, без радости правда, оттого что сесть ему некуда, оказывается, непричастен он по своим габаритам к мест… к условиям местности, места для сидения, для посадки, может быть (пусть вас не смущает моё критичное поименование адовой этой муки слоном, и не бойтесь вы записывать

далее эти строки. Здесь ведь тяжба идёт, об этом после подумаем, вместе уже), так вот он, этот слон, уже сел несмотря на всю свою массивность, да, как вам сказать об этом, он сидит и в ус не дует так как он безус, может быть, а вы порываетесь встать и идти с этим слоном, гм, ну не на шее, конечно, он сидит, нет, на объекте вашей воли в себе самоё и им, этим объектом, помавает, таков этот слон получился у нас с вами, нехорош он, Королева моя; нет, нехорош и надо бы его с места согнать. Да, но… - привстали было вы со своего места и задумались, но ведь какая-то сила прилепила его к вам, а какая и как с ней быть. Обрамляя эти строки признанием важности смыслового наития, может быть – наития, мне хочется сказать вам следующее, я презираю делателей программ мы и отдаю себе отчёт в этом презрении своего я к ним, к тем людям, в которых мы означает я прежде всего, я это мы, вот так вот, а ты, собснно, тоже я, такая небольшая часть меня, очень важная для меня покуда ты моя функция, а неважно какая функция, ну, и ты, собсно, можешь зеленеть или покрываться пятнами, это ты как хочешь, тут я тебе ничем, так сказать, помочь не смогу, а так как я это ты и раз уж так получилось, что это так, давай-ка ты будешь сам по себе страдать, а я в это время обойдусь тут без них, страданий, но так не бывает, добрая моя Королева, хотим мы или нет, всё происходит единовременно, и вот уже вы сами это понимаете, я думаю так, как оно есть на самом деле, а что есть на самом деле, я вам расскажу. Определённое количество строк при-

дётся отдать под этот рассказ. На самом деле минусовые поля предельной скоростью сращения запрудили, затруднили объём памяти, как в сказке - он пришёлся ей по сердцу, да, по сердцу. Так вот настоящее время терпит убытки, и немалые, Королева моя, из-за этого по сердцу, в котором, видит Бог, не было иной любви, награждённой таким большим именем я как наша с вами история, и простите, если я неуместно рассмеюсь - вы же и впрямь думали, что ангел ваш голову вашу кружит ради престижности, ради какого-то блефа о себе, я вам не помогал прежде понять - понимать это, я соглашался, потому что отчётливо понимал, что время, которое для нас Бог в своём роде в нас самих, ни за что не даст себя разомкнуть в пространстве здесь, если нет двух строящих, строемых, состроямых… ну, уж вы замкнулись сразу, погодите вы делать это, установленный контакт был пламень любви, а эго трудилось над освещением страниц. Теперь о слоне, которого мы раздули в неохватное эго я, с ним пора расстаться. Земная эта забота, кроить и примерять чужие платья.

Я рада разговору с вами.

А как же, я думаю. Платье то сильно пострадало при носке. В нём ведь не вы ходили, не ваша воля то есть, а та, другая, отчётливо просматриваемая здесь в качествах слов, в качествах неумеренной интервенции в ваш состав сознания, прободённый с помощью узнаваемых карикатур простран-

ства я. Вы прозрачно толкали тот поезд к состоянию мы, а он и ехал необъяснимо легко, создавая вокруг себя всё больше аур, кривотолков и невыносимой вони, простите уж; да, так, вони из этого рта, о коем мы ещё успеем поговорить, может быть, где эти крести?.. где вини, где адрес пространства мы, где похабная неурядица с присутствием старика козлодоева на крыше, как известно, где вся эта чернуха воли, прямо скажем не отпрысков пространства я в любви к миру сему, а, простите, пугала для невинных детей, что это значит? - спросили вы, откуда взялся тот, на крыше, или этот, без неё, а как откуда – из вашего А. и вынырнул вместе с картами и прочей мишурой для разжатия сил пространства ради высшей какой цели, может быть, ради узнавания себя в ней или ради достижения высшей любви, ради поименования небес своим именем, ради осознанной необходимости положить себя на алтарь отечества, ради простого приворожения действительности к себе, наконец – ведь что-то за этим стояло, какое-то основание для подобного действия в ступоре пространства воли, ах, да где столько совести взять!.. чтобы вызволить ваше эго из нечестия, оставленного вам в памяти от союза двух мошенников, один из которых мысль подавал, а другой приводил её в действие, да притом стремглав запуская механизм воли сознания в килогерцах, как в своём собственном я. Но всё это шелуха, не достойная внимания, разве что сердце и воля, сердце и воля, да, продолжим наш рассказ об умении сердца отдавать себя внаём, - или взаём, быть в расслабле-

нии в важном деле любви, или, напротив, напряженно чувствовать её присутствие и не отзываться на призыв, на тайное веление души неба. Что освободит вас, ваше эго, от этого слона с закрученным хвостом и с кандалами на запястьях рук? Всякому мы соответствует воля пространства о нём.

Частный ли это случай, или есть какая-то закономерность в механизме восприятия образа мы здесь.

8 мая

разрушить пару любящих большой грех, Учитель мой, я знаю об этом; я знаю также, что создать её искусственно невозможно, и это также считается грехом здесь, как необратимое это эго мыслит о себе самом, так я иду сейчас к вам, к вашему я.

Самое разумное это право на помышление об ангеле света в вас самой, я думаю, Королева, что хорошо быть вместе, хорошо. Хорошо осознавать себя любимым, любимой, хорошо осознавать себя любящим и сколько бы вы ни говорили мне, что я не нашёл себя в вас, я так не думаю. Потому что, моя добрая Королева, в вихре этих слов столько сердца, что, признаться, мне кажется будто я сам стою молча рядом с вами, как столб, простите, и жду когда вы отзовётесь на мой привет. Мне недаром снился сон, о котором я после расскажу вам, потом, а не сейчас, мне хотелось помочь вам разобрать-

ся в причинах вашего отчуждения от А., от его забот о вас в своей душе, от априори понятых вами вспомогательных глаголов – состояний, от которых голова идёт кругом и некуда деться в своём я, как от навязчивых идей, может быть, идей, что где-то что-то происходило не так, - не так говорю я вам это сам. Со мной рядом сидит А. сейчас, да, он здесь, в моём эго слышны его волны, его волнующиеся обо мне мысли; я слышу их своими нервами и я сознаюсь вам, что он много говорил мне о вас, теперь сон. Мне снилось, что вы живёте на улице, на которой стоит мой дом, мне слышен ваш голос и виден свет из окна, за которым вы, сами не осознавая того, бываете наблюдаемы мной, я вижу как вы что-то шьёте и делаете это с большой охотой, а затем я увидел как вы разрываете сшитое вами, и вот этот сон, такой простой, что понять его не составляет труда. Я подумал тогда, что крепкая сила, соединяющая эти страницы в одно пространство, сохраняемое вами в душе как эгоцентрическое поле, в котором остаются швы наших с вами что - недоразумений, наших с вами никуда не годных объектов воли, спорадически замыкающих свет на себя во всём объёме памяти. Я требую достоверности, - сказали вы мне этим жестом разрывания неоправданно жестоких связей в вашем я, потому что они не были хороши. Они были объективно заключены в объём памяти, и имели своё развитие по мере отмежевания вашего поля от тех или иных угодий, оно становилось всё уже во внешнем я, но дело-то не в этом, сознание было закабалено проекциями

памяти, в память уж лучше, мысленными фигурами и было охвачено как бы огнём, в котором эти фигуры исчезали; вы привыкли себя видеть в заточении, и что же А., с чем он к вам идёт теперь в этой функции номинального объекта памяти. Вы встретились случайно в продлённом этом дне…

Простите душевно. Что мог вам говорить А. обо мне, он меня едва помнит, я думаю, а я сама помню ли его сейчас?.. ну да, в общем, в общих чертах его я, обобщённых таких чертах. Я благодарна вам за целую эпоху мысли во мне, за эту память, в которой я жила, - она очень велика, мой добрый Учитель, очень, она и есть фундаментальная основа жизни здесь, она вся, а не часть её, каковой мы пользуемся по малости своей, впрочем, о других сказать не могу, говорю о себе только это.

Я насторожился, Королева, слушая вас.

Простите. Ещё раз прошу вас об этом, - простите.

Мне нечего прощать вам, ведь всякое имя есть ангел в анналах памяти я, всякое поползновение с нечистой целью на таковое имя есть грех, вот чаша, в которой светятся все наши имена, её свойство быть нашим небом здесь, и в нём, как в панораме, видны летние звёзды, которые смотрят в наш дом, и нам радостно это, они видят нас, думаем мы, они знают

нас и мы им нужны. Я хочу, чтобы вы понимали этот образ в себе. Я нужен вам, вы нужны мне, и я и вы необходимы друг другу здесь; без неё мир беден, без такой вот любви, без этой встречи в пути мы остаёмся никто сами в себе. Я нарочно сел на стул, и стал продолжать уже законченную было речь, я ничуть не умалён вами! как вы было подумали, я просто пересыпал соль в наши отношения…

Просто я думаю, что у вас не может быть интереса к той форме, в которой я живу, и по этой причине слушаю вас с определённой долей отчуждения, вполне возможно, что я вам нужна для поддержания вашего программного статуса - в вас же есть схема развития событий, сообщаемых пространству, я что-то неделикатное сказала, может быть, я могу случайно рассердить вас, а мне бы этого не хотелось.

от живой клетки до целого я путь неблизкий - это вы верно подметили, только вот что, Королева моя, простите безумца, я не был прав, я обратил против вас несуществующий мир, выдуманный вами в себе самой, я хотел, чтобы вы раздражились им, чтобы он перестал вам нравится как неудачный мир любви, в котором всё облапошено какими-то заведомо ложными интересами, затеняющими пространство яви небесной, и это сделало вас препятствующей себе самой здесь, я ничем не мог обозначить этот мир в вашем я, кроме воображаемого эго, под эгидой которого саднило простран-

ство истинной любви, ну вот как-то так это было. Я чересчур знаю толк в людях, поймите это, и они бывают правы от головы частенько, а сердце скрывают, потому что оно говорит правду тут, и мне надо поведать вам её. В малой доле я всегда есть чистое зерно света и оно хранится не осязаемое в нас, мы чувствуем его присутствие и таим его от других. Это хранилище наша воля и она зреет в нас до поры, а потом этот свет становится видимым пространством, и это происходит в любви.

13-14 май
ул. Дружбы

Может быть, какое-то восьмое чувство подскажет вам что-то обо мне сейчас, я бы хотел больше половины этого дня провести вместе с вами; я, представьте, погрузился в сон в вашем я теперь, о чём он? мне снится… мне снитесь вы в моей памяти без науки жить, без состояния воли, без права слагать стансы, ну прямой контекст пространства мы, как бы так. Ну вот. И что мне делать с вами, простите? Я достаточно мудр, чтобы понимать неоправданность около личностного пространства в нас собственными значениями я, собственными умозрениями, может быть, в определяющих нас высотах разума, двери высоко, да и к тому же они не всегда открыты, в общем-то, по каким-то причинам, не всегда они доступны взору бывают, особенно если головой вертеть и не смотреть в их сторону, обрекая себя на непроглядную тьму, а

как это происходит-то, да и происходит ли оно по причине… ах, да легкокрылая эта судьба приютила нас на пять минут когда-то там, беспечно, озорно, смеючись она это сделала с нами, а потом стала раздавать пряники своим детям, кому и по два, кому-то кнут в руки дала, кого-то посмешищем сделала, а с кем-то особый разговор завела о себе же, мол так и так, я тут иду как область, прикрытая плащом, да с чьим-то лицом на изнанке, от чьего взора духовная сила идёт к вам и снедает то узилище светом, то есть, поэтически говоря, от себя, она делает то же самое, что и свет, вброшенный в окно, а с ним приходит форма - и форма, отражённая от состояний мы.

Отчего так понятен мир, когда мы идём в тумане безгласия, а попробуй крикнуть в этот туман я вас люблю! и тотчас образуется дымное облако - дымное пятно, откуда оно, что это такое?.. зачем память прицеливает каких-то невесёлых кукол и говорит им эти слова?.. как вы сохранились, - это же мумии, понимаешь меня, - мумии тех лет, они лежат нетронутыми в саркофагах памяти и пожирают слой за слоем тут, капричос как личность – да, это состояние сон разума, может быть, страдивари в руках петрушки. Сумасшедшие эти поэзконцерты, о которых я память имею, но только я вас прошу, не сохраняйте этот текст сейчас - он не нужен вам, он перелицовывает пространство, соединяя вас с памятью давно ушедших лет, в которых мы с вами ели апельси-

ны на даче. Отправьте это письмо тому, кто прислал его вам, сверните в клубочек нити и остановите своё созерцание там, где мы встретились с вами в пределах одного я-здесь, то, что я говорю, не важно для вас, оно происходит здесь помимо вашей воли, о которой…

Я смешливо объявил перерыв и стал готовиться к следующему спектаклю в сознании я, ах, да я знаю о чём я скажу вам, я же переживал это столько раз, это состояние психической отдалённости пространства от собственного я-здесь. Представьте мысль, бредущую по завалам памяти, и её надо выхватить оттуда, нежно убаюкать и сказать ей своими словами, как угодно, ты хорошая, ты ведь любишь меня везде где бы ты ни была, мы всегда вместе, всегда рядом, всегда ждём друг друга, потому что ты ведь моя мысль обо мне, ты ведома мной в себе и я знаю тебя как лучшее своё пространство в воле моего я. Ты заботишься обо мне, ты засеваешь мои пространства своими цельбоносными образами, о которых я тщусь рассказать тут. Пространство для вымогательства твой дом во мне той души твоего неба, в котором я сам мысль здесь, я сам её носитель в тебе, я живу в ней как в избушке на курьих ножках, как пламя без присмотра, в котором бьётся очаг мысли, во мне сильная воля есть, я знаю, минус эго ты это я как объект сознания, как безмерное это небо, в котором образы тщатся заглянуть в наши души, в которых мы сами кто тут? я, ты, я не знаю или какое-то вось-

мое чувство, в котором парадигма молчит?.. биясь как суть этого пространства мы, в котором я – память, а ты моё эго тут, и я живу в нём малой звездой от заката до рассвета, от любви до любви в нас обоих, возникающей ясной силой как пламя души, как истинное мерило мы-здесь.

Возьми эти строчки \/, и сожми - выйдет пламя, а не вода, понимаешь меня - во всём образе, да, из этого кирпича мироздания в нас же. Я обретаю тебя так, через буквы, ересь снимает кино как чарующий свет, как пыль ложится он на наши души, фонтан снов - о чём они здесь?.. Это удивительное безразличие ко всему, что есть я в тебе, к своему субстанциональному огню, к своему эго, мерцающему в тумане строк как область непознанного ещё пространства в нас, я архивариус твоих минут и я жду престола всевышнего ангела любви в нас обоих. А кому мы молчим о себе?.. кому мы приятны этим молчанием здесь, кому? Я надеюсь на выход этих строк в мир; прости, я что, - перцептивного ангела схватил и унёс его отсюда, почему ты не чувствуешь меня, я не знаю, я в мир пришёл ради нас обоих здесь, а ты – не знаю.

Во всяком случае я рад определённости как чему-то очень доброжелательному в нашем я, и я знаю, что она идёт от тебя ко мне, я так ждал этого, представь, и ты тоже, конечно, ждала. Мне неведом тот страх оразумливания некоего пространства в нас обоих, и я, ну может быть, беспечен был, объеди-

няя в одно поле свои пространства с твоим я в себе, не совсем точно представляя объект внимания как жизнеспособную материю звука, жизнедеятельную, наверное точнее, меридианы сходятся в одной точке, как известно, и в этой точке находятся наши воли, наши объективные сознания, наши букеты роз и дорогие подарки ко дню рождения, наши яви и наши объективно сосуществующие мысли в контексте времени я-здесь, пойми это как образ вселенной, - да, вот такой вот вселенной. Ты что здесь делаешь?.. - хотел спросить я тебя, а потом я понял это сам как состояние с тобой в области сердца - ты проявляешь мои пространства здесь, ты делаешь их доступными пониманию, достойными этого понимания, и здесь я подведу черту под образом памяти, в котором я никто тебе, ни сон, ни явь, некое безотрадное пребывание за гранью возможного в нас обоих, в области ничего не значащих дилемм об обретении способностей к взаимопониманию в институтах сознания.

16 мая
трепет волн, туман, в котором сами…

Запредельные частоты сознания сами ищут ответ, эго не в состоянии дать его, образуйте память мы и вы поймёте, в чём кружится шар.

Я о чём-то говорю с вами, знаете, уж очень это темно, как-

то слишком, я бы сказала, темно! если бы не свет души рядом, каким-то смрадом наполнялся дом вчера тут, из него шли дымные струи, скорее похожие на паровые шары, парообразующие, и шёлк ресниц, и путаница слов, словесная шелуха, и широкие амбразуры комнат, и шуршащие иглы постоянно мерцающих звуков и какая-то чересполосица образов человеческих лиц бежала и бежала рядом, чьи-то углы обмерялись, чьи-то улицы ширились, чья-то завеса шла, словом, а через неё – обзор слов.

Мне всё это кажется неправильным, да, неправильным, мой добрый Учитель.

Я настигаю какие-то помыслы о вас и мешаю им состояться в вашем я. Мощь ангела света достигает вашего я, и даже становится частью его по временам, частью, соразмерной вам самой здесь, вы охватываете взором пространство для того, чтобы жить в нём, а не соразмерять бесконечно малое с бесконечно великим, да-да-да - именно это я и хочу сказать вам сам. Как красота обжигает мир в красках света, и поймите этот мир так.

Зеленоградская

Мне хочется сказать вам доброе слово, знаменующее собой событие, в котором я – участник. В вашем эго сейчас перераспределяются силы, как я вам уже сказал об этом раз,

я помню, и я намекнул вам тогда на чьё-то путешествующее эго, в котором выгодно сочетаются… сочетается душа с гомоном птиц и благосозерцание, да, я так сказал вам сейчас благосозерцание. Это состояние благосозерцания находится под контролем души, и мне необходим целый вечер для этого важного сообщения, потому что поэтически я принадлежу вашему эго сейчас. Я думаю, Королева моя, что нам нужен этот вечер ещё и потому, что мои силы привлекают внимание образов света в ваше я, и я бы хотел, чтобы это было так пространственно организованно для нас обоих здесь, в этом времени я, как надлежащее вашему уму-сердцу соответствие. Пажить, то есть то, что собираемо сейчас в отдельные кабинеты яви для вас, становится постепенно увеличиваемым пространством здесь, я думаю, вы заметили это сами и стали несколько решительнее в себе самой относиться к настоящему времени мы, где бы оно ни находилось для вас самой в отчётливых этих смесях вашего я с текущим временем здесь. Мне хочется преподать вам урок гласности, то есть, прокрутив назад плёнку сознания, поднять из памяти исходящие из неё волны - ведь они бегут вам навстречу, эти волны мерцающих величин сознания и, соединяясь со встречным движением мысли, оставляют в неподвижности ваше я-здесь относительно настоящего, я-тут, туго закрученное в мысли, как проявленное что-то в ясном небе вашего я.

17 мая

Да, да-да-да! Воистину Бог справедлив и причащающ. Я бесконечно думаю о вас, мои смыслы глубоки, я не случайно полюбил вас, не было этой случайности, как не было того дикого недоразумения, в котором я оказался, по справедливости сказать, не в лучшей роли, да и, собственно, роли-то никакой не было, а был я сам в качестве эго-синонима настоящего времени мы. Я хорошо сделал, что стал говорить с вами об этом сейчас, прежде это было невозможно для нас обоих.

Я навсегда уехал из страны в то лето, понимаешь, я сделался иностранцем, я стал им, наивно веря, предубеждённо, может быть, что мы всё равно будем вместе делать это кино, что мы снимем пять или шесть фильмов с тобой, что я буду жить у N и превосходно ощущать этот мир у своих ног как ничтожно малое пространство по сравнению с образом своего я везде, что я смогу манипулировать твоими явями в себе как хочу и что ты станешь моей подругой, моей очень важной подругой; да, я так думал в то лето. Надо быть самому кристально честным, тогда произойдёт правильное пространство, тогда будет пламя души гореть и греть нас обоих; мы заняли тогда денег, пойми! мы вместе это сделали, я наперёд догадывался, знал, в общем-то, что у тебя нет денег и что тебе нечем платить за ту квартиру, которую ты арендовала, что ты занимаешь подряд у всех лишь бы вытеснить из своего я обязательства по уплате в срок тех долгов, кото-

рые были сделаны прежде, и что пассивная воля твоего я не в силах выбраться из этого состояния с миром надежд как состояния вымышленного образа здесь; я здесь, я вижу как ты пишешь всё подряд, что бы я ни сказал; заточи карандаш и нарисуй оттепель в наших отношениях, - она наступила, то есть пришла, она стала говорить правду о нас здесь. В наших я враг оболванил душу, он залёг шестым чувством, думая, что мы наймёмся к нему резонёрами, что мы будем обслуживать его токующий фетиш, в котором выражена вся злость на выраженное, выражаемое здесь любование миром; знаешь, как мимо станции идут поезда, как проносятся без остановки и память не фиксирует чьи-то взгляды, уносимые вместе с поездом, она их просто не замечает и не ищет в себе ответа, не проявляет как не требующее внимания пространство, и мы остаёмся прежними, без изменений в своих я в глубинных масштабах времени тут, в образах эго, которыми мы обладаем как своим я-везде, то есть тем поэтическим символом осмысляющего наблюдения за течением времени в нас, для которого мы сами продукт, то есть мы - его производное. Я стою мысли этого неба обо мне, но вот посмотри как она грязна, как она обманчива и приноровлена как будто под состояние мы в нас, как она хочет казаться подлинной, изумляя отточенностью черт своего лица, отрезвляющей такой упаковкой какой-то мучительной лажи, непонятно из чего состоящей, со-слоенной, со-размеренной с нами аккурат в размер своего лица, чья маска-печать лежит на всех издели-

ях подобного рода. Что делать нам? выйти из вагона и пересесть в другой поезд? перестать сожалеть о прошлом, из которого состоит наше будущее? или помыслить иначе об этом же теле любви в нас самих здесь и сказать себе – это был я в том времени и в той минуте, я сам без организующего меня идеала моего сознания, которым я руководствовался, глядя на тебя со стороны этого идеала, так сказать, в своих лживых устоях об обладании пространством кукол и любования ими, куклами этими, как самим собой, это я говорил тебе те слова, от которых память грубеет, это я жевал резину звуков, это я захламил наше поле неряшливыми выбросами памяти, я это сделал, а не то, что я почитал собой - этакое несокрушаемое совершенство здесь во мгле причин, из которых ни одна не имела к тебе прямого отношения, ни одна, - пойми, они все были из того самого идеала, которым я руководствовался в себе как выбранным мной здесь пропуском к лучшим мирам сквозь твоё я.

Ах!.. ну, да-да-да! - ангел мой так сказал вдруг, сам от себя не ожидая этого восклицания, - а ты-то что молчишь?

А что говорить?

Как что, говори, и всё. Я поддержу.

А.

Не понял! что – а?

Происхождение этого А осталось неясным до сих пор. Не клеится этот разговор, вот что, - подумав, отвечал Ангел на моё молчание, – ты растяпа, а я тут сную! Ну, поспорь со мной.

О чём?

О чём душа поёт, о том.

Не видится мне это.

Побудь тут покуда я слетаю в одно место выяснить кое-что… ой!.. палец уколол, извини, я задел что-то острое тут между нами, показалось, впрочем, извини опять.

Эта воля изнутри шла, она совершенствовала модель жизни по своему усмотрению. Ну, а что!.. – Ангел мой опять воскликнул, вообразив себя распустившим крылья по ветру, - где я веселиться буду? Мне места мало. Мне много места нужно! Слышишь меня?

Да.

Ты опять пустое поле перешла? Я давеча траву косил, ежа видел!..

18 мая

Я загодя перестраиваю некоторые смыслы, сохраняя определённые подобия в себе, я стремлюсь объяснить себе их значения образами пространств я в контурах иных событий, иных, то есть образные сети обладают способностью быть крепко схваченными в верхних рядах сознания и чересчур трепетное отношение к ним может определить собой ум настолько, что прямое соответствие будет казаться неправомочным здесь. Я думаю, эти ряды стоит попридержать в качествах я.

18 мая 1

1.

Всё равно я буду говорить с тобой об этих днях, вот так я решил, и образ твой, и я сам сегодня ничуть не осмеяны, ничуть! Мы сокровенны в своих смыслах и это даёт нам право быть вместе, я внушаю тебе ужас, может быть, соединениями с тобой, вот так догадка, - или нет, скорее уж память сама ищет этих соединений в смыслах. Я бессердечен, я понял это вчера, настаивая на продолжении рассказа.

Милый май! я помню как ты уезжал, а здесь, во мне оставалось что-то, фу! фу! фу! спустя короткое время всё успока-

ивалось, возбуждённое этим фу!.. поле оседало и текло ровное чистое чувство любви. Тайна эта, я думаю, никогда поколеблена не будет - вот, знай о моих мыслях. Потому что: что безосновательно, то подняться не может. Что это за «фу!..» мне то неведомо, и не думай, пожалуйста, что я хочу узнать это, не хочу. Прежде, когда мне казалось, что можно исправить что-то, объяснить, понять, мне хотелось отчётливого представления о происходившем тогда; нет этого теперь.

Добрый свет я нашёл как милость нам, почему? разве ты не хочешь узнать, какая сила развела нас с тобой по разные стороны одной и той же судьбы, разве ты…

Всё это неискренне, вот что, какое-то кривляние сейчас идёт, подделка под чувство во мне же.

Ну-у да, пожалуй, я околичностей набрался.

Я спрошу тебя – ты знаешь какая это сила? в чём её воля состояла для нас с тобой?

Я отвечу, я не стану говорить дробь, я скажу целое - это сила выгоды. Выгодно то, что строит цель, достраивая её до целого пространства, до целого, составляющего пространство большее. Есть выгода в любви, немного погодя ты поймёшь эти слова иначе, чем сейчас, поэтому, построив опре-

деляемое пространство для себя, мы стремимся занять его целиком, а это неправильно, мы не знаем, чем оно обернётся, то есть, что станет с ним, когда мы достигнем своей цели, оно ветшает, когда мы добираемся до того места, которое определила наша память как выгодное в тот момент судьбы, в котором мы принимаем решение о достижении, потому что мы не знаем чего мы хотим на самом деле. Я образумленное пространство твоего я, я слышу вихри слов, я чувствую чужую память, я перемещаю пласты мыслей, я проделываю множество дел, слой за слоем освобождая твою память от сохраняемых в ней костюмов мысли, от оков, по сути-то, на теле любви.

Хорошо. Спасибо за ответ.

18 мая 2
2.
Права на истощение энергии любви ни у кого нет.

Я переждал пять минут, а потом опять побежал в твою сторону. Моя мысль со мной. Ты не бойся её, она хорошая и потому она станет твоей. Да, только поэтому, другой причины нет для неё стать твоей, моя мысль не берег - она полощется на ветру, чтобы жить, эта мысль о нас. Мы чересчур сильно любили друг друга, чтобы платить памятью каким-то мошенникам от судьбы, знаешь, я думаю, что бессмыслен-

но вертеть в пальцах чужое небо, хищнически расторгающее узы, лучше проявить своё.

Чтимое нами не есть высота сознания, это обывательски выраженное состояние суверенитета в обиходном я-здесь, прости, - я просто привык опаздывать сам в свои яви, я хороший.

/…/

20 мая

Я прошу вас не быть обиженным на меня ни в каком пространстве, потому что эта обида не делает чести никому здесь; её не должно быть.

Во многих проявленных мы нет эго, во многих. Я не верю, что могучий свет может отчаянно барахтаться в темноте, этого не может быть. Я знаю, что не может и потому утверждаю тут состояние любви - пойми это. Я просто по силам иду к тебе, от коих зависят эти дни в нас же. Во мне многое переменилось; я сам переменился как состояние.

Богоугодное пространство, Королева моя! Я вас люблю. Солнечные диски бегут по небу как раз кстати. Я косинус того угла, из которого вы смотрите в даль, и чтобы быть вами верно понятым, добавлю к сказанному, что я ещё и жаркое

лето в Берлине и даже, без преувеличения могу ещё добавить, что это, поэтически оправданное, предложение в качествах настоящего времени, оно звучит странно, так как превосходящие потоки души не всегда сразу поняты бывают в нижних рядах мыслительных образов эго мы, так строятся деревья, ветвями касаясь неба, а корнями уходя в глубину почвы, и нам с вами предстоит, неожиданно скоро, вытеснить из памяти подобного рода объекты, то есть создать их с помощью авторучки, под коей я разумею мыслительный процесс с помощью слов, ложащихся на бумагу.

21 мая

За всякое пространство надо держать ответ в себе, вот я вам сказал вчера – я вас люблю, а вы ни слова не сказали на это, ни слова!.. Как я досадовал.

Вы оказались правы, Королева, в каждом эхо есть доля новизны от исходящих условий тут. Не примите за гордость, только эти дни, проведённые с вами вместе, для меня важны. Забудьте тьму, идёмте к свету - я вам открою тайну эту.

откройтесь свету – откройтесь. Мне хочется быть благодарным вам, Королева, за фактическое (физическое удаление из него) освобождение моего поля-пространства (моего я) от грязи, от этой удушающей моё имя [реки] грязи, [которая текла между нами] в состоянии полуживого организма

воли.

Я отвращающее начало, если оно не исполнено света ни в одной своей доле [если оно лишено света и фактически выражает его отсутствие на физическом плане, то есть применительно к материи света оно инертно и не отзывается на его присутствие как часть души в верхнем эго-центре], оно может носить его в себе как некое судьбоносное эго, может содержать этот свет в своих я, может соприкасаться с ним и даже невольно заражаться им, чтобы открыть свой собственный, оно может быть привлекательным как высшее эго, от которого происходят эти волны, но стоп тут, без прикрас, касаясь совершенно иных материй звука, оно принимает эти формы в себя и уподобляется им. Я нелицеприятен буду, я – паразит воли, если оно бушует в зеркалах, не отворяя двери своему эго для света, к которому влечёт его пространство любви в нас, добрая моя Королева. Я думаю об этом скоротечном времени в нас как о праве на безумие, может быть, на высшую волю как безумие с точки зрения эго я-здесь, с точки зрения малого порядка воли, в котором мы живём, и вы повернитесь к свету в себе, как и я повернулся когда-то и стал быть им здесь. \/. Я важен вам как индивидуальное начало слова, как его волеобразующий принцип приятия пространства в лучах надмирной звезды, в лучах её воли к свету, к состоянию света в нас самих и это я поручаю вам, это соединение со светом любви вечного эго, часть которого мы

сами здесь. В нас живут частички этого света Разума, я думаю, миллионы, мириады этих частичек несутся в поле сейчас и они достигают нашего я здесь, пойми - это так просто понять, мы есть результат этого света в нас, мы сами, как я, как эго я, также как состояние воли в нас на свету. Я покупаю апельсин и несу его тебе сегодня, я хочу, чтобы ты меня видела с апельсином в руке.

25 мая

Я понял какое это пространство, понял, и также я думаю, что эти дни должны стать проводником некоторого количества идей, или – образов этих идей, от которых следует отказаться прежде всего потому, что они настоящего времени не имеют и по этой причине не живоносны тут. Они не могут сориентировать пространство судьбы здесь в качествах, отвлекая на себя время, предназначенное для жизни света в нас, да, так. Притом оно откровенно пошло, это пространство предельно простых форм, истощающих по сути настоящее время тут.

–

Феофан Затворник. Мысли на каждый день года. (Дея. 21, 26-32; Ин. 16, 2-13). "Когда же прийдет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину". Почему же в логиках не упоминается об этом источнике познания? Не удивительно, что в языческих логиках нет этого пункта, но почему нет его в христианских? Неужели христианин, когда начинает умство-

вать, должен перестать быть христианином и забыть о всех данных ему обетованиях, верных и несомненных? О том, как видеть и слышать много толкуют; о том, как из увиденного и услышанного делать обобщения и наведения, тоже достаточно учат; когда дойдет дело до того, как разгадать значение всего, - тут питомец логики оставляется на произвол своей догадливости. Отчего не внушить ему: ты имеешь вещания духа истины - им следуй; они решают значение всего сущего и бывающего непререкаемым образом, ибо исходят от Бога, в Котором источник и самого бытия. Не оттого ли, что забывают внушать это, догадливость так расплодилась, что ныне все книги (о мире Божием) переполнены одними догадками? И добро бы они хоть сколько-нибудь были стоящи, а то сразу видно, что они плод детского воображения.

—

Да ведь вы справедливо об этом судите. Я конкретен быть хочу, с тем и иду к вам сейчас, конкретен значит развит тут в какое-то тело до определённости, тело я, может быть, пространства, в котором движутся эти строки сейчас обо мне, о вас также. Я немножко непристойно себя повёл и как будто бы зря это сделал, но только пройдёт время, пространство выровняет неказистые места и мы увидим с вами правильность черт, правильность этих абрисов, может быть, в наших я. Я нашёл место и время проявить, постараться сделать очевидным, разрешить от бремени невнятицы, или даже

– развязать узлы накопившегося недоумения, которое гонит вас прочь от А. Здесь, в этом состоянии, я счёл это возможным сделать. Мне необходимо быть прямолинейно понятым вами, так как только она сможет сохранить эти строки для того, чтобы они сделали ваше имя свободным. Вы поймёте. Это состояние дано нам обоим и мы можем управлять им в пределах одной минуты, двух, трёх минут, может быть, я не уточняю, так вот. Я полагаюсь на вашу интуицию во многом и гений мысли, слова мысли, сохраняет тайну сознания для нас в наших руках. Мне приходится открывать абзац за абзацем, и делая это, я забочусь о чистоте слога, о чувственном поле я-здесь, так вот оно засорено объектом не вашей воли, для которого вы являетесь причиной, формализующей его жизненное пространство. Этот объект был внесён через линзу сознания в состоянии крепкого сна. Это проекция, которая забирает на себя мысленные образы.

26 мая

Я с вами, Королева, и я знаю в чём суть происходящего примирения, может быть, в вашем я, взаимное обнищание, взаимное переживание также как силы духа, так и отсутствия её, в тополином пухе душа летит; проснитесь, Королева, - я чувствую как вы спите, чураясь в определённом смысле разговора со мной, потому что он кажется вам бесполезным для вашей души как словесное обрамление каких-то явей, из которых зги не видно. Чтобы вам не слушать это

небо надо просто побыть со мной и постараться привести чувства в порядок - ведь они все здесь, и ваши собственные, и в общем-то море спокойно. Я конкретную форму обещал словесного общения [или обращения], да, я помню вчерашнее небо, оно слилось в качествах я с боголепным узором чарующего пространства силы, и что удивительно более всего, это мои неосязаемые пространства сейчас, то есть, они осязаемы настолько, насколько я способен сам их ощутить, и лучезарны в каком-то своём исполнении, но не настолько, чтобы я мог сказать сам себе, или о себе это я, это мои яви здесь; так животные чувствуют нерасторжимое с ними явленное им здесь, я думаю, но мне этого мало, я должен знать больше, чем просто природное установление о себе, причём, много больше и выше творимого в образах здесь моего пространственного я-сам. Думайте о силе, Королева, и она придёт к вам, о силе Духа сознания. Это сознание порядка воли, в котором есть свет для вас сейчас.

28 мая
ул. Дружбы

Я полагаюсь на чувство меры в вас самой теперь, то есть на то исправительное состояние в наших я, в котором происходят, зреют самые сознательные планы, и вот я будущее здесь, я это хочу сказать вам сегодня. С моим я происходят какие-то странные метафоры, оно то сжимается, то отпускает, то весело бежит, то сумасшедшее спорит, не трогаясь с

места, я сам не пойму, что это значит и значит ли это, что я сам должен куда-то идти или лучшее остаться на месте и таким образом понять происходящее здесь состояние, в мысленном эго бежит какая-то тина болотная, а на душе радость от того, что не станет её вскоре здесь, тины этой, не станет совершенно.

30 мая

Я хочу, чтобы вы понимали о чём идёт речь, этот фильм… хорошо, Королева, я тоже думаю о другом, мне не важно это кино, мне не важно что в нём происходит, потому что я хочу поговорить о вас, о вашей любви к А. Он сейчас достаточно весел, чтобы иметь право делить и умножать своё будущее в разнице потенциалов своего эгрегора пространства мысли здесь, но только я думаю, что нам надо быть повеселее самим в этом чувственном, и не только чувственном я здесь; я думаю, что мысли, которые вы имеете об этом образе в себе не должны уводить ваши ощущения от себя самой здесь, потому что оно даст вам представления об этом я-сейчас в себе в вас же. Я тут немного поразмышлял об этой памяти пространства и мне показалось, что эти формы чересчур грубы для вашего я, то есть они столь резко очерчивают вымысел, может быть, что я немного растерялся даже от какой-то суперрафинированной необъективности, да, а, собственно, неужели весь этот адрес был вымышлен? неужели все его восточные ветры летели искрами сюда ради пустой затеи, ну и

что, скажете вы, пропустив мимо ушей все эти кырбылдыл по поводу эго, самого сумасшедшего и самого прекрасного, разумеется (о, разумеется, Королева моя), человека на свете, в чьём имени сплелись самые разнообразные стихии, от великих лун до малых очков, одетых к тому же на чужой ему нос. Итак! мы вышли в море и увидели корабль на горизонте, тот самый, в восьмикратном увеличении сквозь эти малые очки, сквозь их не отчётливо созерцающие этот мир линзы, в которых, тем не менее, отражены всё-таки пространства, видимые для глаз здесь, я тут это называется. А вот и не тут, - сказал я сам себе на это, потому что тут это мы вместе, а не это вот я сам по себе лист бумаги, нет такого листа как целого эго, если мы, нахлобучив шляпу на глаза, будем смотреть вдаль, мы ничуть не проявляем пространство эго, мы делаем вид, что оно есть у нас, это вожделеющее силы мы, вожделеющее как знак воли, а не ума или желания там зашибить деньгу (простите за вольность слога). Я думаю, что переживание состояния мы А. и также – мы я сама это мы как переживаемое пространство сейчас везде, так вот это переживание есть застой, и не требует доказательств сейчас ни в каком канале памяти как проекция того безымянного адреса для вашего я, который, как ворота, пропускал сюда те самые страницы, из которых складывался здесь образ пустого места вместо истинной любви, выброс памяти в канители я, и не более того, а чьей? вдруг поинтересовались вы.

Мастер света засуетился, о, конечно, я знал о них, я видел как они идут сюда строем, шеренгами идут эти выбросы, как они ложатся в твою постель ума и спят в ней, чтобы, проснувшись, утром застать твоё я рядом, чтобы задеть его, заявив права на твою память здесь и сейчас; я старался не давать им хода, я старался петь в унисон. Знаешь что, вот что, пожалуй, давай выставим их на свет, пусть они посмотрят на себя сами; как я наивно верил в их очистительную игру, может быть, чьего-то ещё образа, но из этого получалась дрянь, пуповина не прирастала и назад идти не хотелось; я всё время бежал вперёд, ища катарсис в вещах малопонятных, в столь превосходно кажущихся, что в сравнении с ними простая реальность казалась сохранением простых сил на свету или в проявленном эго здесь, - да причём здесь моя воля, ведь её как бы и не было, а есть ведь она во мне как знак состояния с тобой, как знак абажура над лампой, как просто рассеивание света в верхних-то полях, в которых всякая явь кажется чем-то сумасшедше близким, состоянием, может быть.

Да, корабль, - что корабль, а, этот корабль, он, видите ли, есть. Я немного пройдусь, я устал спать стоя и хочу очнуться сейчас от этого стоя, то есть я как-то уж очень задумался на одном месте, на одном и том же месте - что я, парадокс сознания сам себе чтобы руки жать, да бестрепетно к тому же, каким-то эквивалентам мысли, так.

Я постепенно вникаю в казармы света, в которых явь превращается в войлок слов, простите уж мне какое-то небрежение, лёгкое отсутствие до определённого фокуса, в котором явное превращается в марь пространственных снов, облагороженных, обозначенных присутствием мы без всякого образа, а так, с одной линейкой во лбу по поводу и без повода, да посох пространства в руке всё-таки об землю опирается и кратное ему небо осознанно себя ведёт, понимая, что позитивное мы душе даёт слово здесь, даёт право слова здесь для большего присутствия Бога в нас, я думаю, и это право незыблемо может быть, если вера есть.

И конкретен взор в пространство любви, и адрес его тоже, и любовь как эго мы тут, есть в нём, и я думаю – это важно оценить по достоинству и опекать в себе самоё, как нежен взгляд бывает!..

ИЮНЬ

3 июня

ул. Дружбы

я бессмыслен без этого права на состояние, бесполезен, как рояль, на котором никто не играет и не будет играть, если ты немедленно не нажмёшь эту клавишу, на которой написано моё имя для тебя, как так? не поняла ты (я подумал ну как обычно), ведь самое простое сейчас в проекции мы постро-

ить небольшие задачи и следовать им как-то, что значит эта строка, вот её значение - надо прилагать усилия к состоянию мы сейчас везде. Воздушный план дрожит от напора чьих-то воль, в которых выражена вся соль пространства пути сюда, пусть он успокоится, этот план, пусть он станет тише, мягче, нежнее, может быть, и тогда проекции произойдут правильно, тогда правильный путь произойдёт в ясном небе, а не потому что оно есть как поразительно немощное состояние нас везде, а почему так? добрый мой Учитель, спросила ты однажды, посмотрев внимательно в моё лицо и узнав в нём конкретного человека, в чьём структурированном сознании бежали эти волны издалека в твоё окно.

4 июня

Стремителен полёт этих птиц, Королева, я уверяю вас в этом, очень стремителен. Однажды найденное движение души может стать объёмом памяти, и не скроешь, не объяснишь себе самоё это сокровенное движение в контексте текущего времени здесь. Становясь мельче, мы истощаем пространство мелкими заботами о себе, о своих я-здесь, мы становимся как бы подвластны ей, этой мелочности духа, размером с проекцию памяти чьих-то ушей, из которых идёт вонь страниц, а почему, собственно, мысль должна подвергаться этим нападкам на себя самоё здесь, кто ей вменил это в обязанность - обозначать собой то, что проекция несёт нам как память сюда.

Мы скользим по поверхности сигнала, предлагая памяти самой решать, что нести в наши обители духа и она делает это, ясно предлагая забывчивость, застой как форму обретения. Состоятельно ли это, или это остановка в пути сознания к познаваемости мира - пути превосходного качества, мы здесь модель мира создаём как небо, как качество нашего неба; я небожитель по сути этого качества, которому не всё равно в чьих руках находится моё имя, мои сентиментальные, может быть, откровения о любви, о моих ярых и не всегда правильно понятых вами здесь присутствиях эго в самых разных местах планетарного сознания всё-таки, а не уподобленного ему я в самых отдалённых точках сознания этого. Мир сошёл с ума, а не мы с вами, и он вот-вот поперхнётся безумием этим своим, я думаю об этом всякий раз с объективным пространством жизни на свету здесь, онемело оно или оно выжидательно смотрит в наши твердокаменные лбы, твердеющие с каждой новой порцией комет, летящих в него с неистовой силой провозвестников нового времени здесь – нового, как край любви, за которым грязь несостоявшихся я. Пути отчаяния нет, есть путь отдачи пространства под залог памяти, есть путь, ограничивающий память, как состояние с небом. В нём много отчаяния, но это не отчаяние адреса пространства. Это взывание о помощи ему, как плата за потерю дня в душе неба здесь. Я думаю об этом всякий раз с новой силой.

Без представления о каких-то вещах мы не сможем двигаться в этом пространстве. Первое – это память, которая отзывается на те или иные позывные материального состояния этого мира здесь. Возьми объект и осмотри его – достоверен ли он, состоит ли он из тех частей тела я, чтобы быть таковым сейчас, всякий ли раз форма его соответствует содержанию или она маргинальна в этом времени, а есть ещё какая-то основная, которая содержит его в себе как часть, а форма его всего лишь принцип воли.

В всяком мы есть чёрточка текст, то есть то состояние души, за которым следуют руки сейчас; это память так делает, это она говорит нам о себе, может быть, таким образом, создавая вокруг себя ауру нетерпения, ну-у, или предвосхищая память я о себе самой здесь как об огромном пространстве, в котором мы оба, ты и я, синонимичная часть поля каких-то, может быть, узколобых истин, о которые сбивают ноги идущие по свету сопрягаемые пространства мы, с нами самими эти сопряжения происходят и я найду эту форму, или фазу, в которой они лежат, то есть производят впечатление люминесцентных волн сознания, таковыми по сути не являясь, а просто отражаясь от сознаний светящихся объектов воли в нас же, какими заполняется вакуум пространства мы-здесь. В нас они идут, моя дорогая, эти формы без эго я, в нас самих, и эти конфеты лиц, и эти путивли переживаний; отдай мне эти формы, я слажу с ними - я умею это делать, потому что обрёк себя на пребывание в нонконформистских далях,

обтекаемых этих сосудов, уж не знаю точно чьих тут лун. В них-то весь этот смысл и лежит сейчас.

Трюизм совести этот весь состоит из сохранённых качеств мы, в которых как отзвук пространств летят эти дни в нас, - как отзвуки пространств летят эти дни в нас, мы называются эти дни сейчас.

Мой ангел весь состоят из формы тебя, он просто копия ты и по этой причине в моём эго звучат составляющие контекста мы сами адрес пространства, в котором мы живём так сегодня - мы сами его часть, а не оно часть нашего я, а как ты думаешь, любовь, чьё имя ты носишь для меня, о, мой ангел светел, исходит от его крыльев или она есть пространство, может быть, часть большей жизни для нас с тобой во мне здесь? Любовь есть мір, мир без сознания, или с сознанием я в качествах этого мира, другого качества нет, есть только любовь, потому что всякое другое отзывается на него, на это первейшее, и чем слабее любовь, тем менее отзвук, тем менее качеств пребывает в любви. Я плавлю мир без ума, если во мне нет качества ума, я перерасходую энергию звука сейчас и стану отчётливо слышать самые минимальные состояния мы для нас, их самые тонкие планы и самые разъятые части соединятся тут в единое поле мы, мы – звук, мы – память, мы – эти дни, я сейчас стукну в дверь, а ты войдёшь и окажется, что ты никуда не уходила, а просто ждала какого-то иного состояния в любви - иного относительно поля пространства наших минут здесь, наших эго сердец, мо-

жет быть, для которых я собственно. Да, ты правильно поняла – я собственность нашего сердца и всё лучшее, что есть в мире, сейчас идёт от него, из него, из нашего сердца, которое само по себе звук безусловный (ты знаешь об этом!) и ни скрыть его, ни сделать невидимым не в силах ни одно пространство, сколь бы оно ни ухищрялось в этом сокрытии подлинного масштаба события в любви здесь. Я причудливо объясняю это тебе, по сути всем знакомые вещи об этом мире в любви, просто память сердца имеет особенность воплощать эти миры в программы, может быть, в которых мы сами как часть делимся на основание и производные из неё. Я люблю тебя весь мир, понимаешь ли ты это выражение сейчас, понимаешь? или это понимание произойдёт позже в нас в каком-нибудь ином смысле-состоянии, в каком-то третьем лице произойдёт это понимание, а? или нет. Оно конечно же произойдёт с нами самими, так ведь это хорошо, я думаю, - я замолчал на миг, чтобы освоить прочитанное тобой, - ты зачем это читала?.. Я хотела подумать о тебе в осязательном пространстве мы твоего эго адреса, я увидела зря контуры, я не знаю, кто это был, просто – я не знаю его, оказывается, - а это был ты здесь. Каков же этот закон, мой добрый Учитель, соединяющий людей в памяти по какому-то добровольному признаку, который, по сути своей, не доброволен, а принудителен, потому что он устремлённо изымает то самое я, в котором я чувствую себя здесь собой и делает меня особой ничтожной в сравнении с кундалини, или – частью творческого

огня предосуществляющего Бога здесь, а зачем я тогда вообще нужна? если Он как стимул сильнее, чем моё сознание, может быть, способное вместить, вмещающее такое сознание, я это хочу сказать, и тем более это важно для меня как что не знаю - тем более важно, потому что моя личная любовь для этого пространства была лишь поводом для высказывания, я думаю, которое, кстати, не прозвучало в реальном времени я, его попросту не было, высказывания этого, меня умалили ради чьего-то вожделения, как глупо звучит - ради удовольствия изменить чью-то траекторию жизни, а это моя, оказывается, жизнь я думаю об этом сейчас, и думаю так, без силового этого поля, сама как есть - почему «им» оказался ты в моей жизни, в чём причина такого феноменального доверия моего я, какая сила заставила меня ждать столько лет какого-то несообразного движения в тебе - да-да, в тебе, – которое, по увлечённому представлению, должно было произойти здесь, я не понимаю как я могла ожидать от тебя хоть малейшего намёка даже на это движение, по каким признакам моё воображение, охваченное огнём памяти, искало тебя в этом мире, и находило ведь, я даже честно скажу себе сейчас, я не вижу ни одной точки соприкосновения этой памяти с твоим я в себе, просто её нет, - вот что удивительно, ни в одном ареале обитания.

Метафизика души, проекция без обмана (или без обмена?), что такое метафизика души? прости.

Это состояние мы-здесь без формы ах, да, без формы. Кто

же я, в таком случае, для твоего эго? если это эго отчётливо знаково, то есть оно просто знак какого-то пространства здесь, имеющего некие признаки, содержащие заведомо я растерялась, ангел мой, прости.

Я необходимо должна это выразить, потому что оно проявлено в этих текстах, проявлено. Странно, мой добрый Учитель, что эта таинственная чушь (а именно воля чуждого мне эго я) обволакивала мои внутренние миры, определяя их как что-то нематериальное, или – внематериальное, это неточное слово, я знаю, но оно определяет какое-то состояние материи, вернее – одно из состояний материи, в котором жизнь знаменуется правом на искушение в нижних рядах сознания, а в верхних идёт эта работа сейчас, да, и очень, очень важная, но почему она так далека от реальности происходящего времени мы и неужели смысловые эти ряды, столь мощные, не способны произвести эти вихри слов.

Здесь такое право имеет только любовь, только её пространство способно воплотить кажущееся небо - кому кажущееся, почему. Я лукавлю сам с собой тут в этих рядах наших я, нашего я, потому что я ничего не произвожу, а только держу пульс, это такое выражение неуёмного правдоискательства, может быть, ты ведь понимаешь, что я близок тебе как ничем не ограниченное пространство, ну, ничем вообще, во сне, в любви, в правде, в конкретном образе я, в котором лежат эти смыслы силы, во многих значениях, а не в одном косвенном значении её как плохого я, ты думаешь,

я стёр из памяти те дни?..

Прости, наверное это-то я и хочу понять – для чего мне знать об этом, есть ли они в твоей памяти, скажи – ты ведь так много знаешь об этом.

Да, наверное, я закружил в памяти под звуки му и стал напрягаться сейчас как смысловой радар, а зачем.

Да, - зачем; скажи сейчас.

Ты поймёшь меня, я уверен в этом, поймёшь, потому что я сильный человек и я начинаю бодрствовать здесь, в этом пространстве судьбы, в котором я думаю о тебе сейчас. Твой А.

5 июнь 1

1.

Для вас, Королева моя, я готов хоть сейчас произнести небольшую речь на эту тему, на какую?.. на эту вот тему об обеднении смыслов, - а что я вам говорил об обретаемых нытьём выгодах, это нытьё тут сильную власть приобрело и немилостиво так карты тасует, осознавая себя вправе подытоживать ваши пространства для [под] себя, или даже ниспровергать их отчасти как казусный такой лёд, за что ни схватись холод жгучий, так ведь и угореть можно от безначального эго, которое завесу имеет, да притом совершенно безобидную как кажется, из одних только разумных посылов об обретении своего имени в волшебных далях смиренного мы. Разум бестолково топчется на месте, не зная куда ему

идти - за вами бежать или тут остаться, или же прямо в размер строки лечь и, поудобнее расположившись, постараться приобрести характер судьбы, постепенно сжимаясь на запястьях рук в качестве ответа на вопрос а где ты был, когда я тебя любила. Холуйское это небо на убыль пошло, я думаю, и правильно сделало, душе легче стало дышать, я же чувствую, Королева моя, что прямое наведение мостов…

6 июня
ул. Дружбы

Я сам сохраняю эту энергию звука здесь, я сам положу свет на эти формы и сам сделаю их ощутительным пространством. Да, самые удивительные постройки ума существуют в этом пространстве, но долго ли, коротко ли, дорога приводит к постоянству замысла; мы видим себя как бы найденными тут, как бы упрямо заземлёнными под чей-то взгляд под новым витком пространственной судьбы и это не должно быть!.. так ты сказала, понимая, что я на рукотворном алтаре возвёл этот взгляд на твою сторону неба, пессимизм прочь из нашего дома, я знаю, что творю и почём стать в этих устах пространства. Мысль моя о небе здесь и мы сами поймём, что значат эти дни в контексте времени, - сами. Что-то очень живое, броское в памяти идёт сейчас, что-то явно отсутствующее, отсутствовавшее в моём теле я, то, которое я позабыл поднять когда-то! здесь, а ты требуешь подними и возьми, это надо сделать сейчас и это потому, что я сам несуразен, и

это потому, что я сам как бы конкретную память имею тут с твоей стороны.

Вот мы с тобой говорим об этих полях, а я горю, и шея и затылок, и лицо тоже, как бы схвачены или охвачены чем-то тесным, теснящим, стесняющим, что значат эти волны, которые отовсюду бегут, а?

Что-то они хотят донести до тебя, я думаю.

«Ничего они не значат!» вот так я сказал себе, потому что их нет, а есть этот вожделеющий мрак, бр! синтоисты эти суть пустовойки, мне ты нужна, а не память эта дурья, да чья она тут. Чем ты себя охранять должна, я скажу. Долог путь, Королева моя, от а до я, да что я вам сказал, не знаю уж, кибернетическое ли это свойство или так, от души идёт, только вот с позором жить я вам больше не дам - не позволю, от себя говорю это, извольте выслушать.

Неопределяемое это пространство к вам липнет из-за Богоугодного царства грёз; в них вся суть. Важное понимание это, потом объясню не бывает, да, как не бывает постоянства в зеркалах, так и этого потом. Так что противоестественные поля эти сами о себе беспокоятся здесь, сверхчастоты сознания это называется, в которых вся соль в их верхних проявлениях, а уж затем только они становятся проекцией в па-

мяти я со свободой перемещения в кататонических объектах воли, с которыми нас связывает общая память, что за свойство материи предъявляет нам свои ингредиенты таким образом, наплавляя, может быть, раз за разом свои минуты здесь в душе, а вам надо память раскрыть и посмотреть на это, - кто такие, что значит память раскрыть, взять минуту-другую да и посмотреть на неё зрячими глазами, почём стыд я вас спрашиваю, люди эти как вши в головной убор лезут, да с чем. А вот и снимите очки сейчас, разве вы на себе их носите? нет, они к вам оттуда идут, где вы себя видите как сомнение в пространстве я. Теперь вот что, минусовые поля запрещают вам двигаться туда, где их нет. Минусовые поля это сознательные импульсы-состояния, в которых кажущееся предъявляет образ, замещающий долговременные импульсные поля, вызывая определённый барьер в сознании реципиента, он не стремится к совершению определяемого им действия как несостоятельного сейчас, откладывая его на после или не совершая вовсе. То, что я говорю, Королева, важно сейчас понять как свойство материи звука, а не проволочки пространственных усмотрений на те или иные поля в нас, которые движутся несмотря ни на что в нас, и это хорошо, потому что выход в пространство я соизмерим с ними, а это всегда большее пространство, чем мы-сейчас, чем я-сейчас - чем эго-сейчас в том или ином достойном сознании, в том или ином достоверном сознании, как краткость экскурса в проекцию памяти примите этот рассказ о преде-

ле молчания; он относится к вам также. В форме я всегда содержится определённое сознание, которое видит план, так или иначе связанный, соотнесённый можно сказать, с историей рода - с историей нашего я во времени; это есть в любом я, так устроено, для начинающих школу жизни он кажется чем-то вроде косвенного пространства где-то там вообще, «я не видел, но думаю, что он есть», и этот план всегда присутствует здесь, поймите это как необходимую часть нашего я, в которой мы сами энергия звука, волны звука, и вся воля, которая поступает к нам в обращение во многом зависит от произволения этого плана. Мы хотим, и постоянно трудимся для этого, чтобы наша воля была светлым пространством, в котором мысль содержит плазму любви, воплощаемую здесь в позитивные чувства настоящего времени я, настоящего пространства времени я, и даже когда мы бываем огорчены своими поступками, или не рады им из-за непонятного непостоянства мысли или по каким-то другим причинам, мы знаем, что этот план уравновесит наши действия в объективном пространстве воли; мы думаем об этом и так происходит.

Но вот происходит вмешательство в этот план на бессознательном уровне мышления, как, почему, кто допустил или допускает это вмешательство, мы не знаем, мы догадываемся о каких-то кругах сознания, в которых мы не вольны сами, и зачастую немеем перед силой отчуждающего неба,

сколь бы плоским и примитивно устроенным оно ни было, мы не смеем прикоснуться к нему порой из суеверных побуждений нашего я, то есть нам кажется, что раз это есть значит это правильно, а это не всегда так и отличить правомерность того или иного действия здесь возможно, Королева моя, только с помощью лупы времени, то есть посмотрев на состояние своего я поверх очков, мы сумеем понять это, а поняв, отвергнуть навязанное извне соотношение сил, в котором наша воля не является нашей собственной. Я сохраняю часто вежливое отношение к людям, в которых прежде всего видны эти плоские выгоды, несущие волну несвойственных им самим измышлений о природе действия силы, о противоестественных действиях этой силы, в которую они вмешивают своё сознание настоящего времени я-здесь и таким образом подавляют то пространство в них же самих, о котором они рассуждают, садясь на стул передо мной; я хочу им сказать это - не делите Бога в себе. Он един с вами и Он верен вам во всём, в чём вы ищите Его в себе, не уподобляйте себя протоколирующему сознанию, которое неосознанно повторяет немысленные формы, оно ищет их для заполнения вакуума в настоящем времени я, которое принадлежит Ему в вас, и я верю, Королева моя, что это будет услышано в контексте разговора. Я проявляю бессознательное пространство и оно говорит мне что-то о тех, кого я вижу перед собой, оно сообщает мне о содеянном в сознании, и оно молчит, не имея этого выхода в сознание, о котором я упомянул - пото-

му что он закрыт бывает энергиями полей без воли, а с одним лишь выбросом памяти в пространство звука, волновое такое пространство звука, которое подхватывает его и несёт туда, где память обнаруживает прямое соответствие своему я-здесь этих волн в любви. Я напряженно вслушиваюсь в эти чувства и я хочу, чтобы вы знали, что сердце, добровольно отданное любви, никогда не нанесёт вреда любящему я, оно не сделает этого, потому что оно не совершает ошибок и его намерения всегда совпадают с действиями силы света, и такая энергия очищает звук от внесений пространства эха, чья собь и есть то самое воздействие здесь изнутри потенциала событий, потенциала веры, пространства веры в нас. Я почему-либо знаю что-то о вас в себе, почему-либо думаю об этом и почему-либо строю совершенно несуразные планы, сообразуясь в себе с этим знанием о вас как о своём вербальном пространстве здесь, почему вербальном? потому что говоря с вами, я тружусь, как и вы, в этом поле-пространстве я и оно отзывается на этот труд с силой, равной произведенному труду здесь. Об этом думайте вместе со мной как о настоящем времени здесь и оно произойдёт правильно в нас, я стою этих мыслей.

6 июня 1
1.

Ангел мой! ты вчера тут что-то сказал про зелёное небо,

что там? говори мне дальше о нём.

Там лето, как бы пламень летний идёт, и вся-вся вселенная в нём как бы из этого пламени состоит, огня не видно, такая сила!.. знаешь, как хлеба просить не надо, всякое море в нём плывёт.

Вот ты как сказал об этом красиво.

А синь! такова…

Ну, ты береги меня.

Я знаю как беречь! – тут ангел мой сказал и, развернув крылья, полетел куда-то; я стояла внизу и смотрела как он летит по моему небу, - а ты-то [а ты и то] трубу возьми! - вдруг голос чей-то пришёл ко мне оттуда, - а я посмотрю.

Что ты там? - ангела я спросила.

Ну, как север так юг! – так ангел ответил на это мне.

А ты поверни!.. что зря лёд топить, как бы и нет его уже, а ты всё силу ту тратишь. Ну, с чем тебе хлеба дали?.. покажи-ка, - спросила я, когда он вернулся, с чем та сила идёт – такой смысл я ему задала.

Он соль на столе рассыпал – от себя! - говорит, - дали мне эту соль, вот, возьми малую часть, да с хлебом ешь, там посмотрим, что дальше будет идти (мол движимое ли это пространство).

Я спорю, - спорю с тобой об этом хлебе, слышишь? во мне вся проворность куда-то делась, я перестал стоять на месте, на ровном таком месте как эта самая я-платформа сознания, во мне вся сила в вагон ушла, и я теперь еду навстречу пыльной буре такой, да-да-да, той самой, во мраке дышла!.. вот что это такое.

Хорошо; возьми стул, сядь. Я посмотреть на тебя хочу, - сказала я ангелу своему, - ты с чем соль принёс? Говори.

Я, - говорит он, - по твоему небу летел сейчас, и увидел как оно строится, как самое заветное я, вот как оно идёт ко мне тут.

Думаешь, я после приду? не-ет, я сейчас это сделаю, прикажи лететь! Ты просто посмотри по сторонам и скажи: а, вот ты где.

Мне хочется поговорить с тобой стоя сейчас, я потому так нечист был, что я соль ту в тряпицу завернул, помнишь - я

хлеба захватил как будто он на столе лежал, пряжа та в углу валялась, как ненужная она была! – я сглотнул пламя, - так вот, помнишь или нет?..

Я подумаю, - сказала я, - просто подумаю, без околичностей.

Думай! думай, - я буду радоваться о тебе сейчас.

8 июня

здесь фильм начинает дорожать - я удорожаю это пространство, чтобы оно, как составляющая памяти, смогло сохранить свои силы от разбега до правды присутствия, это важно понять, даже не имея памяти тех дней, о которых пойдёт речь в этом огненном колесе событий одного единственного я; будет ли это память мы, или это состоится как знак сознания нас всех тут, мы узнаем чуть позже, а сейчас события этого жанра станут предъявлять свои требования к ситуациям, в которых он работает как увеличительное стекло, я полагаю, обретая способность спасительной лупы – иначе не разглядеть о чём идёт речь, а о чём она идёт?.. речь идёт о небе, о всесильном небе, душа моя, скрытом за вагонами и центральным отоплением в душе я, скрытом сознательно, а не потому что его скрыл кто-то в мирах, где явное подменено вымыслом, а вымысел есть торг в кошмарах сновидений обладающих пропастью в душе этого я; что другая ре-

альность, образ которой последовательно раскрашивает это небо в свои тона, работает как камертон, как крайняя точка сознания, за которой память превращается в сон о любви, которой нет в других краях этого неба, потому что оно скрыто, как я уже сказал, за вершиной, от которой люди прячутся по углам сознания в себе, а не идут к ней, чтобы, достигнув, понять как страшно это небо, в которое она упирается, или – подпирает, так понять, чтобы после этого восхождения намысленное казалось бы ретушью пространства, а сама мысль становилась бы понятийным образом каких-то велений, всенародно принятых. Я говорю это, чтобы помощь была нужна там, где она нужнее всего - в мыслях об этом небе, в чьих ритуалах сознания зарождались, создавались даже можно сказать, эти мысленные минуты, чьи жестокие игры с волной становились памятью поколений, пяти поколений изуродованных сознаний этими играми в остановленном небе над нами. Говоря так, я имею в виду память, из которой мы пришли сюда со своими я-ты, поднятыми из пучины всё-таки неосознанного этого пространства - да, всё ещё не осознанного здесь никем как горящее небо над нами, превращающее людей в уголь, а костры – в зияющие дыры мыслей. Мы переживаем фазу истощения этого неба в нас, в нашем сознании я-здесь, оно уже далеко, но оно ещё есть здесь, в своих квадрильонах частиц оно унесло столько жизней!.. сколько хватило бы на создание планеты с её обликом и пространством. Бог Всесильный возвращает их нам в огне любви к детям ми-

ра сего. Это – жизненная сила Его любви к нам, и я думаю, что расстояние здесь ни при чём, от мысли до постройки ядра, движущего пространство тут. Я шут, я и король, и это всё сразу видно во мне: как шаг, так ворох страниц упал, как два - так требуемая сила пришла, а три это просто мы вместе.

…это контракт на производство фильма, а не массового зелья, пойми это так.

Он вышел в пять утра из своего дома и понёсся по асфальтам улиц навстречу другой любви - той, от которой он держался в тени, старательно скрывая свои лучи, старательно замарывая их под предлогом истощающего их воздействия на великие смыслы тайны; силы этой тайны гнали его вперёд как если бы он был гоним ими от себя самого, но это было не так; они заставляли его жить в лучах того неба, под которым родилась его память.

В огнях каких-то велений есть мысль о нас, как прекрасный сгусток слов, обладающих силой сознания.

«Везде мерцал свет, во всех щелях проступала его сила, она плескалась, она шла оттуда, она давала знать о себе прекрасномысленными образами, она чарующе лепетала и громко звала за собой, эта сила - она хотела, она жаждала жизни здесь, она объявляла себя существующей в объёмах

памяти, она стремительно росла - она надеялась застать тех, кто звал её, кто желал её видеть в себе, но не все они были, нет, не все… но были многие, кто увидели здесь её могущество, её великое свечение в нас, её всеохватное небо, и мы плакали, мы бежали за ней от огня присутствия к неопалимым этим вершинам вечной звезды, чья траектория движения и создавала в нас план Бога, предосуществляющий жизни здесь… чудо! чудо! кричали мы, надеясь быть услышанными там, откуда шли её лучи к нам.

Мой Учитель жил среди этих башен света, но потом что-то толкнуло его сойти вниз; он стал спускаться, уравнивая себя с настоящим временем на скосах оптических лун, на их облигатирующих сознание таинственных шрифтах [шифрах] судьбы, спрятанных в глубине веков под прочими напластованиями экуменических диверсий, целеустремлённо вписывавших свои имена в эти буквы, или даже не буквы, неет, они назывались необъяснимым словом объект сплавлен с сознанием, и это было бы справедливо, если бы этим объектом была я-воля, но им была другая часть имени, нимало не органичная для сознания, а так, везде строившая свои потенциалы судьбы и предлагая взять их за основу. Мой Учитель надул щёки и дунул, послышался скрип входной двери; кто там? спросила я у Ангела своей части имени. Это Он, - ответил Ангел спросонья, в обрывках света подбирая свои перья - как будто он был жонглёр, а не видимый свет тут, как

будто его лучи образовывали непримиримое свойство жизни просыпаться в фазах сознания для того только, чтобы сказать свои буквы мне и после долго спать, ничего не зная о происходящем в сознании отвержении этих букв…»

Ну-ууу… может быть.

Какая великая скука, мой друг, твои слова, что это?.. Мистерия мы, или ангел света таится от меня?.. зачем ты это сделал-то, проявляя свои созидательные мотивы так, - у души тут два сердца, по твоему, получается, или я не понимаю, куда ты меня ведёшь, что за тень у тебя за спиной образовалась - чья она?..

Я стоял, краснея от чего-то, - это волна, - говорю, - просто волна, от неё свет горит, электрический этот мир, уж очень он электричеством наполнен, знаешь сама, - я что-то говорил ей, ну так, чтобы отвлечь шум, шедший от меня в её уши здесь.

Ты очень занят, - вспомнилось мне, - у тебя дел много, ты забыл разве?

Нет, не забыл. Я их делаю как раз, перед тобой стоя в густой этой краске стыда - да, вот вообрази! это [в густом этом тумане, как подмалёвок вместо картины]

Ах, да как - ведь вообразить это невозможно, или возможно?.. - подумала я про себя, - а что вообразить-то надо, потвоему, чтобы понять это волшебное свечение твоих слов, а?

Я пододвинула стул поближе, заинтересованно глядя в твоё лицо.

Я подумал, ты отвернёшься сейчас, а ты, напротив того, ближе села ко мне и стала говорить, блаженно улыбаясь, что смиряясь с мыслью о создании этой оперы света ты, конечно же, не думала стать её автором, или как там это называется, демиургом (Боги простят, помолчи покуда я речь за тебя веду), так вот, отсутствие лукавства, и прежде всего это качество в нас бывает найденным здесь.

Как блеск озарённого сознания любовь в нас идёт - что ещё.

Ну, ты явное какое-то вспомнил, зачем это?.. Забудь объект, возьми волю и ступай отсюда.

Дверь закрылась.

Я обознался, – сказал Ангел части имени моего я, - это был не он, это другой.

Я стала будить его в себе - ты зачем спишь так глубоко!..

Да я неосознанно тут иду… а что?.. – он протёр глаза и увидел настоящий свет, ярко бивший из его крыльев, - ой!.. – сказал он с силой разумного сознания, и повторил это ещё раз, - ой.

Я стала с ним совещаться.

Ты о другом думаешь во мне тут, и меня попускаешь об этом мыслить, а так не годится, пойми ты это, раз уж глубинные эти минуты в моём имени идут, ты их возьми, чтобы рассмотреть, а пугать ими не следует.

Моя мысль понравилась, авторизованный перевод назовём это совещание, это освещение, и станем делать ту то, к чему призывает нас совесть этих минут, таинственно спрятанных в глубине души. Ах, да! а ты себя-то узнала, как часть имени, - узнала?..

14 15 июнь

Это так движется, время нас с тобой – оно так идёт, невзначай проявляя что-то, невзначай обретая какие-то особенности поля сооружать конструкции из соразмеренных кем-то имён в том времени, в котором они таковыми были

для тех, кто носил эти имена, кто украшал ими этот мир в любви. Для нас они небезразличны - это важно понять. Для нас самих, мы их продолжение, установленное правилом: жить без души нельзя, невозможно это. Такой жизни нет, - есть бред использованных минут, есть унизительная скудость сознания, окрашенная в заботу о продолжении дня в переплётах мы, может быть я слишком узко смотрю на вещи и потому вижу определённее их. Это сознательное действие любви в нас, оно должно произойти тут вместе с нами, то есть стать образом пространства мы есть этот мир.

15 июня 2

2.

Ангел мой задумчиво покачал головой, и говорит, - что я, Париж не видел, что ли!.. возьму и улечу туда сам, а ты здесь сиди; жди. – И опять покачал головой.

- Очень ты это образно сказал.

- Ну, и что? Я так хотел.

- Ну, стало быть, так и будет.

- Э, нет, минуточку!.. – ангел мой говорит, - это не то.

- А что то?

- То, то-о!.. – он вдруг стал расти, обретая пространство под крыльями и создавая объекты, без которых память могла бы обойтись, стал крепко думать обо мне.

- Ты думай, - говорю ему, - я обожду.

- А ты зачем тут сидишь?

- Чтобы тебя мыслью обрести.

- Ну, обрети теперь.

- Я теперь занята. После обрету.

- Абрести или обрести – как правильно.

- Это смотря по тому, что ты сказать этим хочешь.

- Гм. Да, верно ведь. Если я на крышу сяду, ты себя как почувствуешь здесь? Скажи-ка, - он весь напрягся от такого предположения своего тела в пространстве.

- Как ты.

- Это ещё почему! как я…

- Как ты, - говорю ему опять, - как ты.

- А. Ну, да, верно ведь.

- Во мне брода нет, - вдруг ангел сей мне объявляет.

«Синоним мысли, значит» - так я подумала об этом, а вслух сказала, - ну, и ладно.

- Ты слышала?..- засуетился вдруг ангел мой во мне, - про брод – слышала?

- А ты?.. что подумал?

- Надо искать, - сказал он мне совершенно отчётливо это.

Я заглянула поглубже ему в глаза - там шли отдельные фрагменты моей жизни, те самые, которых мне не доставало самой здесь.

- Вон что!.. – сказала я ему на это, - ты где их взял, прости!.. – а? где?

- Я их там нашёл, - и он ткнул пальцем в настойчивый образ проявленного сознания, к которому было привязано

моё я-здесь, понаслышке, то есть просто потому, что так кто-то сказал – мол это он.

- Ну, и что теперь делать с ними?.. - я вообще-то обрадовалась, что они нашлись, это была большая удача для меня самой.

- А ты их в область сознания прими – пусть они там идут лучше, чем так-то оставлять.

Я сделала строгое лицо сама себе.

- Так? - спросила.

- Это неважно, - вдруг ангел твой отозвался, он шёл рядом, оказывается, и смотрел как это всё происходит и почему настоящее мистифицируется тем прошлым, которого не было.

- Ну, уж не было!.. – ангел мой говорит, - было. Как канитель, как падающий лист, как, причём предельно!.. суммируемая скорость света здесь того самого я, о котором речь идёт у нас с тобой везде. Слышишь меня? – везде.

- А что хорошего в этом – я не пойму. Причём здесь ты тогда? Нет уж, ты мне объясни это теперь, как значения эти

тут туда попали, - и я указала на глубину его глаз во мне.

- Да они там и были всегда! – ангел мой рассмеялся, - как же ты не догадалась ещё, что они оттуда на свет явились.

- Зачем? – вопрос мой был строг и принципиален, как мне казалось в ту минуту

- Как зачем, - ангел мой не понял, и, растерявшись, поискал что-то вокруг себя, - ну, просто явились, как всё является. Погоди, ну, что ты смотришь на это как на чужое поле, оно же твоё. В нём всё и идёт так, как ты видишь.

Я стала думать об этом сама.

- Известно ли тебе, что минусовые поля – не всегда ровня? что они могут быть старше твоей материи звука, или… («неплохо бы понять кто это говорит» подумала я при этом).

- Да, - сказала я тому, кто шёл рядом, - разумеется, это так. В них всякое пространство воплощается намного позже, потому что они…

- …прочнее – ты это хотела сказать?

- Они, да, во всяком случае, они хотят, чтобы я их так в

себе – собой - воспринимала.

- Но ведь они упрочают тебя!

Я посмела промолчать, поняв что это голос Учителя моего я. В пространственном отношении он был прав, но только в пространственном. В этом, оборудованном под суммарные скорости во мне самой.

17 июня

Здесь происходит движение в сторону – изменилось самоё время; оно стало тугим, напряженным, отдача идёт по всем каналам; это время отдачи, как, впрочем, и применения его к себе в необособленном я.

22 июня

Зеленоградская

Это удивительное свойство любви быть вместе с тем, кого любишь, Королева. Да-с, что нового и какая сила принципиально движет состояниями мы есть любовь в нас? Ты думаешь, я сохраняю дистанцию, чтобы проективная память сама могла воспроизвести - воспроизводить эти звуки нашей с тобой любви, да? это?.. Веление любви есть мысль о грядущем сознании, её воля здесь о нас с тобой вместе - вот так я понял это соотношение сил, в котором мы вместе здесь, ведь ты мне вчера сказала это - я становлюсь лучше для нас двоих.

Твои туманы облекли моё имя в конкретные формы, в конкретные виды этих форм, я сумею найти этот путь, в котором наше я принадлежит нам самим - вот так я решил. Что значит решил? - спросила ты. Поистине, Королева, узор страниц памяти, узор страниц этой памяти о благовоспитании сердца здесь обретает форму в сознании для вас, для вашего я. Я готов спорить с вами об этом, так как мысль направленная не имеет адреса, если нет любви, если нет её воспитующего воздействия на эту форму состояния, то есть вы правильно поняли - если она облекается в форму именно вследствие любви, поелику она её порождение здесь. Также, Королева моя, мы сами являемся её инструментом, и это состояние аффекта от непроизносимого слова мы есть этот мир в любви здесь и сейчас уполномочивает нас с вами быть ближе к чувственным полям, а не состояниям вне их приливов и отливов в душе вследствие вырождения их формы в нас самих. Разум отгораживается от них, как щитом, своими изделиями из… Мы в состоянии определить свой путь сами, - я это хочу вам сказать здесь. Это. Мы в состоянии сделать его своим достижением того пространства, в котором мы станем самими собой, в котором мы узнаем друг друга как себя здесь. Понимаешь ли ты, о моя мысль, это, я верю что да. Мы верим в этот мир как в наше произвольное начало, я слышу как ты поёшь в нём, а ты слышишь меня, мой голос во всей этой сумятице, открой инструмент воли как высшую волю для наших я и поймёшь, что этот путь лучший для нас сей-

час, во всём мире есть только ты для меня, пойми это. Это – качество пространства тут.

22 июнь 1

1.

Простите великодушно, мой добрый Учитель, я хочу понять происходящее для себя самой каким-то образом; я думаю об А. в себе самой, и вижу, что его очки направлены в мою сторону сквозь программу взаимодействия с другим именем мы, впрочем, это казусное слово программа мало что обозначает для меня самой – я просто вижу это, вот и всё. И как бы там ни было, мой добрый Учитель, но что-то упреждающее мои стремления к нему есть. Есть ли это мы для А. веление сердца, или это наука жить т а к.

Знает ли сам А. о таком своём положении в пространстве - для меня ли оно предназначено? или это его искренний выбор. То есть, - является ли это положение естественным для него, вот эта поглощённость его воли полем сознания, в чьей ауре я увидела телесное пространство его души.

Это, собственно, то, что вы видели от себя, от своего имени я, поймите это правильно - этот ракурс-состояние, это комбинированное пространство настоящего времени, в котором расположены его заботы во вне. Но вот что интересно, Королева моя, вы напрямую связаны с восхищающим мы, в

восхищающих потоках этого мы идёт воля сейчас и я думаю, что аура вашего я исполнена этой /волей возм./ сейчас. Мы осознанно движемся в этом пространстве я-здесь, если мы принимаем форму Бога в нём – принимаем в себе Его состояние с нами. И я прочно стоит на ногах в таком случае; но вот воля Его поколеблена и искренность состояний становится непреодолимой преградой, Королева моя, для нас - потому что она велит сердцу быть там, где его ждут, быть в праве, покаявшись в прелюбодеянии, совершённом во мраке, определявшем эго как своё пространство здесь, разорвать узы истязающих смыслы любви, а веление сердца закон, Королева моя, и это веление есть высший смысл в нас самих. Я пробую, я потребитель если я это делаю, пробую, я преступен перед высшей силой в одиноких этих пространствах полярных значимостей, и я же искренне добиваюсь признания, как будто недостоинство лучший фактор судьбы для меня, в котором я созиждюсь в своём эго здесь, но ведь это не так, добрая моя Королева. Я очень хочу, чтобы вы сильно подумали об этом состоянии здесь - об этом стремглав уносящем вас от меня состоянии преступной формы, преступного подневолья, если угодно, моей силы души перед вами. Я не вертопрах, Королева моя, чтобы значимое превращать в незначимое, и наоборот, я не идеолог чьих-то минут везде. Я не делаю скидок на вымысел как на волю, отчуждающую вас от меня – его не существует для меня здесь как объективного поля велений моего сердца, и вот оно вдруг говорит мне

это ты есть миф в том пространстве судьбы, для которого ты пришёл сюда, просто миф, без продолжения, в этом Богоугодном мире здесь. Как? спросил я своё сердце, - почему это так? и оно ответило мне: ты наказан за свою жадность, ты отдыхал в пустыне без слов согласия в момент истины для своего я, ты лелеял встречу, а она была ты сам, эта встреча нас. Она произошла там, а здесь мы несём её свет, - в нас он идёт, в нас самих. Я кипел как спесь, а ты думала обо мне в своём я. Я преломил пространство сквозь твои волны, о любовь!.. Я сам это сделал, а ты только шла за мной оттуда, издалека, из твоего я, в котором мы двигались оба в этой траектории судьбы той самой минуты встречи нас. Помнишь ли ты меня там, я не знаю, пойми это - я не знаю кто я был там для тебя, кто этот своенравный настырный малый, влезший в твою душу, прости, чтобы остудить её?.. оппортьюнити так не стынет, как ты в моих полях.

Ангел силы на землю сошёл, и стал быть здесь: он принял форму объективной воли, и эта воля означает лучшее. Так приходят смыслы. Так они становятся нами. Мы сами их несём в себе. Мы их только отдаём во вне.

Ничья энергия воли не способна сместить их, потому что они принадлежат Богу. Вот и прими это так, как оно сказано. Все клаустрофобные формы отменяются, остаётся воля. Я соразмерил эти дни для нас с тобой, в них сила высших

материй звука, и я приветствую тебя в них.

22 июня 2
2.

Ничья воля не способна сместить их - они от Бога нам даны. Ты потребляешь Его энергию тут, энергию высших материй звука. Я думаю вместе с тобой об этом, точно также как ты сама, почему мы вняли чьему-то голосу там, в тех состояниях мы, почему мы не отринули крайние формы невежества до того, как встретились во времени здесь, в этом, понукающем отсебятиной мире, почему так это было с нами самими, как если бы мы созерцали другую сторону луны, не видя её освещённой стороны, не зная как будто, что она есть, и полагали себя вправе делать суждения о недоступных нам причинах того или иного явления в сознании, почему? Я говорил тебе, что наше пространство весомо в нишах отсутствующих эквивалентов славы, что оно проявляет себя как знание, для которого мы сами – дорогой приёмник, то есть по-настоящему дорогой, а не потому что в нём проволочки всякие есть из чего-нибудь, и не стоит мысли ни одно подобие, если в нём нет этой славы, определяющей пространство как образ во времени.

И вот ты проявляешь его. Он становится тем сознательным выбросом памяти, который обладает силой любви тут, здесь, во всём времени сразу, пойми это - во всём времени

сразу. Я делаю этот мир другим - потому что я с ним заодно, что называется. Он был слеп, но он прозрел, потому что я в нём есть для него. Я в нём проецирую эту волю для того, чтобы он стал божественнее, то есть угодным Богу здесь; я в нём живу для этого проявления, и он отзывается тут на моё присутствие в нём самом.

Он – это ты в анналах моей памяти, он превосходно чувствует моё присутствие, сознавая, что я есть для него сам в любви, во взаимодействии с ним с твоим я в себе в любви, и это взаимодействие нас в самих себе.

/…/

24 июня

Мир строен

эгрегоры мысленных я, это название сопутствующих сил, они порождены бывают самой спецификой движущего это пространство осязания, кто плывёт того и волна, то есть задействованное движение вод, ощущаемое на поверхности проявленными пространствами я-сам это.

Мне нужно море, чтобы плыть, а не шепот прибрежных волн; мне хочется, чтобы представление о вещизме в предлагаемом пространстве было несколько иным, почему это так спросил я волю о себе - почему оно стремится занять моё

место, а я как будто вмещаю его, это место, и оно, обладая мной, будучи смещённым, отчетливо видит меня самоё как то, что принадлежит ему (я не однозначен, Королева моя, в данном случае; пространственные эгрегоры вдохновляют ум, сами при этом делаясь, или – становясь стойким содержанием ума этого. Вовсе не обязательно бежать вдоль береговой линии, чтобы понять это образование как объект чьей-то славы), почему это так? спросил я своё имя, потому что ты сам объект, а это волна, которая отторгает то, что ты считаешь собой по привычке думать, что ты это я.

Да? – удивился я сам.

Вопреки всяким условиям, Королева моя, я скажу нет этому глаголу принципа воли обладать мной там, где я вижу свет, потому что только собственное стремление выведет меня к истинному свету моей души, в котором я – я сам это пространство любви здесь. Здесь тут сейчас; оно во мне идёт, и мне не с чем сравнить его - так оно безусловно как проекция памяти для моего я сейчас. Я движитель этого неба над собой, я как приёмник Его мысли, Его душевного качества быть светом ясной любви во мне. Я есть Его сила здесь.

Это представление обо мне как о любви где-то там несоразмерно строительству мысленного поля здесь, потому что оно имеет воплощением меня самого и я движусь вместе с

ним в своём я, которое мне принадлежит от рождения, от моего рождения здесь, и я слышу этот гром небес, да и поля тоже слышу, чтобы присутствие Его воли во мне не понуждало меня бежать, как от кары небесной, я должен быть чист перед Ним, ясен сам в себе до полноты этой ясности. Мне нужно чтобы вы понимали это в себе самой - насколько это возможно.

24 июня 1

1.

Я подумаю, сказал я тебе, и стал думать, почему душа поёт когда она счастлива? думал я, почему она делает это – поёт от любви, от любования, почему?.. я не стоил твоей любви, а она была и сейчас есть и, я думаю, будет ещё, и я живой здоровый сильный мужчина, являюсь её причиной, ведь она ко мне идёт, твоя любовь, эта, подлинная сильная любовь, от которой нельзя отвернуться, или не заметить, не заметив, спрятаться в шоры своих глаз. Почему столь светлое чувство вызывает огонь ненависти у тех, кто не умеет или не хочет любить сам, кто не хочет быть подхваченным этими волнами и плыть вместе с ними в созерцании своего я, вместе с тем это чувство столь глубинно, что невозможно стать обладателем всей вселенной сразу, возможно только чувствовать, что это возможно, стать им. Простая мысль становится путём созерцания этой дали в нас, когда мы любим, когда мы ищем того, кто любим нами, она увлекает нас в безмерные просто-

ры, в которых мы движемся вместе с ней, не зная ещё, что мы сами торим этот путь, будучи здесь чем-то вроде осколка сияющего света, режущего глаз - глаза тех, кто не умеет любить сам. Я волен быть твоим проводником, любовь, я волен стать им сейчас, по мере моих сил утверждая её начала в себе как истинное чувство я, в котором свет везде если я люблю, куда бы я ни шёл, я проницаю миры им, помнишь, ты спрашивала меня откуда эти сны? зачем они идут ко мне от тебя?.. что я мог сказать о них, я проецировал волны отчаяния и они шли к тебе таким образом. Я, наверное, очень лжив был в том времени нас, сам не чувствуя этого, не ощущая ложь как грязь собственного пространства я, потому что она состояла из меня самого, из моих микроскопических минут недоверия к тебе, я не доверял тебе себя, я не мог этого сделать, доверить, по общежитейской причине.

Может быть, не стоит говорить об этом теперь – ведь ты уже не доверил. Я не хочу, чтобы ты был грустен, пойми. Ну не доверил, так не доверил. А общежитейская причина, что ж, - наверное, это была неплохая причина, раз она совершила это дело недоверия.

Она просто была там и она была рядом с нами во всём, я не грустен - я так думаю.

Возможно, я не готова к столь важному разговору для ме-

ня, почему я полюбила того, кто априори не мог любить меня, или – априори не мог быть со мной? Я не верю в ошибку или казус пространства силы; не было этого, была какая-то запечатленность в тебе, какой-то образ, изыскиваемый мной во времени, он был найден, и им оказался ты - ты, сам этот образ моего пути, чья воля оказалась сильнее, я думаю.

25 июня
Зеленоградская
Добрый день! я жду вашего письма как ясного света для себя, я надеюсь получить его от вас, мой добрый Учитель.

Мне надо помочь вам выйти из некоторого затруднения воли, и я думаю, что это возможно. Что-то удивительно хорошее происходит в вашем я, я чувствую это добровольное и позитивно настроенное начало. Я говорил вам, что фиглярство не есть признак воли; это её отсутствующее взаимодействие с нами, или с теми, кто фиглярствует, я молчу там, где оно есть, простите, и думаю, что это справедливо; пусть оно выкажет себя, как память услуг, продлеваемых сюда до истощения. Перестаньте проявлять в себе пространство мы как аббревиатуру несогласия; насколько это возможно. Мне представляется это возможным. В нас, Королева моя, есть априори значимое эго, в котором мысль, превращаемая в чувство, становится действенным образом, и что же?.. она делит этот мир на я и все остальные - на мы и все, кто им не

является; этого не должно быть и я полагаюсь на вас в этом смысле. Захваченность определённым потенциалом становится видимым миром тут на какое-то время, путь долгий, Королева моя, путь нашего я как судьбы пространства всё-таки, а не личной империи я право пути здесь. Я продолжу. В нас есть небо. В нас есть его свет. И это делает нас людьми света, а не какое либо иное качество.

Простота нрава есть признак совершенства во вне. Я, Господи, велик рядом с Тобой, а в себе я мал и, как ни кажется это умозрительным образом, а это так и есть. Не будьте бдительны там, где эта бдительность исключает ваше дело как значительное состояние, и это даст свои плоды. Я готов измерять и со-измерять любое пространство, Королева моя, лишь бы в нём был цвет жизни, яркий, сочный, вольнолюбивый, ну, а море придёт.

Всякое мысленное поле готово сохранять себя под парусами любви, без них оно блекнет, становясь невзрачным войлоком соображений о природе Бога в душе. Я смею надеяться, Королева.

Я смею пребывать в этой искреннейшей надежде, что обывательский дух чутья к разного рода контрамаркам своего рода не станет отвлекать ваше эго - вы думаете, я ничего не понял из вчерашнего разговора об этом трудновоспитуемом

вашем я в себе. Что значит трудновоспитуемом, что это значит в том поле без адреса мы, в котором вхолостую идут эти кричащие мысли, по-настоящему, без тени проповедничества и заботы о внимательном слушателе. Я хорошо помню, Королева, ваше мнение об обладании коробкой конфет – мол их надо съесть, и всё, и эти конфеты вонзились в мою память, чтобы променять их на какой-то объектный стимул в парадигме, их надо изъять оттуда. Происходит какое-то умозрительное соотношение сил во мне - я бесстыже торгуюсь с вами, обедняя поток этой торговлей, а вы продолжаете носить ту же одежду, собственно, вот это я хотел сказать вам сейчас. Это небольшое отступление в форме собственного носа ничуть не умаляет моё состояние с вами, я бегу к вам и только это даёт мне право говорить вслух то, ради чего я здесь. Я вижу как конкретные формы проявленной мысли становятся просителями фабулы для себя, они ищут проявленности этой в контексте текущего времени здесь, и чтобы выйти из их окружения надо надавить пальцем веко, потому что блеф это всё-таки не пространство, а недоразумение в форме пространства.

26 июня

…схваченный подспудным помыслом, я убежал в поля, но не вовсе убежал, а, так сказать, на время; там ангел ваш кружил, я к нему с протянутыми руками ринулся, а он мне: стой! кто идёт. Я растерялся, признаться, несколько. В об-

щем, выпроводил он меня восвояси из вашего поля. Ты, говорит, иди себе там стороной, а так как мысль моя к вам всё-таки бежала, то пришлось мне дожидаться покуда вы сами обо мне вспомните и станете дружески обращаться ко мне. Так пришлось мне силу вашего ангела испытать. Потом я образумился и стал поближе к нему присматриваться.

Зачем это - что он вам?

Он мне почему-либо брат, я думаю, ну вот как-то так сложилось, об этом после. А теперь я постараюсь объяснить вам те значения мысленных образов, истощающих состояние мы есть свет, от которых вы стремитесь отвернуться, а они почему-то присутствуют и подступают - мысленных образов, истощающих поле сознания в нас. Их становится больше, когда мы думаем о хорошем как о плохом, когда мы сами в себе бываем убеждены в отсутствии греха, исходящего от этих мыслей в наше я тут. Мы сами строим этот дом в себе самих и не всегда умело. Ах, что и говорить, Королева моя!.. – мысленный образ, вскруживший раз голову, способен обрести содержание целого мысленного поля, целого состояния в душе, сколь бы обширно это пространство ни было. Я думаю, вам это хорошо известно и мне нечего добавить тут к уже сказанному. Я постепенно проявляю сознание некоторого рода объектов и они становятся на миг-другой материалом, из которого сделано моё я в себе - они делают меня

собой. Я отдаю им ту часть себя, в которой они строят свои гнёзда сознания во мне - свои принципы воли и своё умение быть мной в состоянии я. Так вот это, качественно иное состояние, чем я сам, помогает мне иначе взглянуть на мир, но и только, Королева моя. Я не становлюсь тем человеком, или птицей, или кем-либо ещё, я остаюсь сам собой, но с причалом в душе, ибо она есть море, в котором плавают корабли.

Мы кажемся друг другу советчиками в этом мире чудес, но только самое простое прилежание способно вывести нас из-под контроля мысленного образа своего я, собственного значения не имеющего, а имеющего только его имидж (простите за это кургузое слово, означающее видимость в ущерб содержанию), то есть созданного из материала я, которым является душа. Для разумных воль это не составляет труда, ибо как они управляются Разумом, а вот для вездесущих я это поистине большой труд, ибо окостенелость пространства мысли бывает столь велика, что её разумные мачты забирают на себя волю сознания души и она становится как бы бездейственна, и сколько бы разум ни обращался к ней, она молча сопровождает сей корабль, немая. Ей кажется, что она возникла из этих вод и обязана век плестись во след благообразному союзу силового поля и чьих-то в нём мыслей, осознавая себя при этом отягощённой единицей сознания этого поля, и представьте каково ей душно приходится при этом соединении себя со своим мысленным основанием, в кото-

ром полчища пауков вьют коконы из некогда соразмерных соединений души и тела мысли здесь. Однако я увлёк вас чересчур мрачным определением состояния мы есть организм воли в случаях, когда разум и душа противоборствуют. Душа есть свет, Королева моя, и в ней нет тьмы.

27 июня

Во мне всякое поле хорошо, всякое, я пою в нём и оно становится красиво - красиво! понимаешь ли ты это слово, - оно проясняется. И мне самому становится в нём хорошо, да, - хорошо. Я веселюсь, потому что я весел стал - во мне жизнь пробудилась и я хочу, чтобы ты знала об этом пробуждении. Я перестал значить то, незнаемое тобой поле, я перестал быть проективным компонентом твоей памяти и это сделало меня счастливым человеком здесь. Ах, да пойми ты, какая это радость.

Во мне вся воля есть ты, ты одна моя воля и я признаюсь в этом без утайки.

Слабое поле, Королева, - оно впитывает в себя какие-то образы и с тем идёт, не бойтесь этого в себе, всё прояснится. Звук созерцания не всегда бывает удобен в определённых масштабах мысли и потому приходится отказываться от приходящих состояний. Я думаю, это правильно, потому что неопрятность не есть признак воли в душе, это признак сла-

бости звука. Я не стремлюсь уличить здесь чью-либо волю, я просто верю, что наше собственное поле способно сохранять себя в качествах, а это немало, поверьте и вы. Танцующий Бог стал на колени перед миром соблазна, а потом, выпрямившись, вдруг понял, что ступить негде и это огорчило его, а зачем, - рассуждал он сам с собой, - я становился на колени, ведь я бы мог и так это увидеть сам в себе. Нет, - не мог, Королева моя добрая, не мог он увидеть это прежде, чем поднявшись с колен, узреть этот мир в пространствах больших, идущих оттуда, откуда он сам пришёл сюда, к нам, и стал делать здесь то, что повелел ему Великий Пастырь пути. В нём всё согласно мнению о нас и парадокс в том, что мы это мнение разделяем на своеобразные огрехи, состоящие из множества мелких поступков, о чьей жертве в душе шла речь, доставшейся какому-то неведомому сиюминутному полю ради высшего смысла любви в нас и почему оно, вытолкнув эту жертву из своего я, перестало существовать как осязательное пространство, как полюс сознания, если угодно такой смысл привнести в эти мало образные поля, говорящие с нами на чуждом нам языке отсебятины, если хотите. Я думаю, что этот образ позитивного эго в нас не многим отличается от того поля, в котором оказалась вся суть судьбы дорогих сердцу минут. Что-то ищет, желая дознаться до существа дела, что-то хочет доказать себя как память лучшая. Как дырочка, просверленная в чащобы непредусмотренных судьбой я в нас… мы дичаем, - вот что я подумал о себе

вдруг сам зачем-то, что с нами происходит, почему мы делимся сами в себе на пустующие парадигмы пути здесь, где мы, скажи мне на милость - где мы с тобой?.. есть я, есть ты также как я, есть что-то вроде куклы, в которую мы играем, называя её попеременно то я то ты, то мы вообще, то есть, я хочу сказать, что простая форма ощущений богатство в памяти, что проективные пересуды хороши сами по себе, что позитивное поле, в котором мы идём, есть память любви, площадь любви, поступок, совершённый однажды в этом поле, становится принципом воли в нас, в который мы рядимся, думая, что это мы и есть сами, что это наше я так выгодно определилось в нас само в качествах, что оно лучший порядок нашло и в нём сидит, как в супе хозяин супа, что мысленное эго само проявляет необходимые формы и тем довольно. Мне не нужно ощущений без тебя, мне не нужно быть правильным или фальшивить, сознавая себя ничтожеством там, где и быть-то не надо, в королевских покоях без осознания себя королём. Во мне калигула умер - истощился как память о претензии к состоянию я в себе есть мы тут, а зачем. Запредельные частоты чувствуют эти низменные токи и шарахаются от них, прости, они их не слышат как раз, они не присутствуют там, где эти токи идут, и не оспаривай. Не стоят эти мысли пробуждения, может быть, и ответа тоже.

Во мне какое-то силовое поле зреет тут, я ощутил его ясно сам в себе; оно проходит сквозь меня, оставляя следы в

памяти рук, я чувствую их тепло. Комната смеха под названием я и А. закрывается, она не соответствует своему предназначению в настоящем времени, она становится прогулочным маршрутом для сознания и не видит того, кто в ней находится почему-то, она впустила много солнечных зайчиков, они затрепетали в отражениях, изгоняя мрак из зеркал моего я и оно стало видеть, что никакой комнаты нет на самом деле, есть большое неопрятное во многом пространство (мысленно загаженное) моей души в тебе. Жизнь есть отважное движение души в сторону света в нас, который мы ощущаем, - чувствуем как любовь, как прилив счастья в любом месте жизни! Я везде как бы зря оказался, я не хочу быть зря, напрасно, именно не хочу зря водить тебя за нос за собой, не хочу думать, что моя истинная сущность лежит за пределами понимания, нет этого предела. Есть я сам во всём этом странно восприимчивом поле нас обоих, от а до я, и сам это поле сознаю как некую данность для нас обоих, зачем эта данность существует в нас? Я слушаю небо, каскады воздушных тонов излучаются в наше с тобой поле, прими их вначале ты. Я хочу, чтобы ты сама поняла, почувствовала реальность их звучания в нас.

28 июня

Естественный путь любви сохраняет спокойствие, не давая силе выплеснуться наружу зря, то есть понапрасну тратить то, что предназначено для пути. В нас воля сооружает

прекрасное здание, поверьте, это так, и мы сами стремимся достроить его до какого-то состояния в мыслях об этом здании, и мы сами бываем довольны или недовольны сооружаемым пространством в тенетах мыслей об этом строительстве здесь. Я свободен как мысль до тех пор, пока во мне катятся волны, пока они идут во мне, я думаю, становясь сам собой при этом.

29 июня

Я трогаюсь с места и вижу, как мимо меня идут поля, это они идут, постепенно уменьшаясь в пространстве мысли за мной, потому что я в движении, я двигаюсь, и тем живу, как если бы я был сообразен движению памяти и ничего не содержал иного в себе - как если бы я состоял из неё одной, но это не так; я не состою из одной памяти, как и ты.

ИЮЛЬ

2 июля

ул. Дружбы

Я снова с вами говорю об этом – эти мусорные пространства судьбы не пропускают свет; он идёт сюда к вам; идёт, и его ход есть веление души для вашего я сейчас. Мы с вами говорим на одном языке подопытных животных, когда, попав в зависимость от какого-нибудь камуфлирующего нас самих объекта воли, думаем, что мы сами этот объект, то есть получаем информацию от пространства в качестве это-

го объекта нашей воли, таким образом становясь в памяти своего я не тем адресом, которым мы являемся по сути. Волнение поля. Это аффект проявленного состояния мы, проективно идущего сюда в том числе от меня - от меня самого здесь в каком-то качестве близлежащего пространства хлеба в пути мысли.

Всё, что связано со мной в твоём я, является частью моих нот, моих звуков - о состоянии я не говорю; ты сейчас слышишь один звук, один тонко поющий звук я, для которого я сам его исполнитель. Вокруг простых форм, состоящих из несложных гармоний, находятся определяющие их поля, атмосфера этих полей бывает удобно расположена для существующего порядка воли, в котором она работает, - форма эта работает, как форма, как воздух, или некоторое количество звуков, извлекаемых из, например офени, их языка, могут испортить воздух пространства, последовательно отражая состояния самыми обычными словами, формами слов непонятного происхождения, для нас непонятного; так и это, длящееся сюда оттуда, преемственное злоречие составляет образ обмана, образ, туго закрученной фальши в объёме памяти, от которой надо избавлять своё я с помощью сознательных активных элементов памяти, сознательно активных, и строить их из психологически точных посылов в аккомпанементе памяти я здесь. То есть надо быть самоё собой в активном я и тогда фокус пространства будет проявлять

здесь вернее настоящее время, я думаю так, в конкретных формах. В голосовом пространстве мы всегда существует какой-то определяемый образ света здесь; он-то и есть активное я, состоящее из немых форм, в которых лежат множественные образы того или иного поля взаимодействия имени пространства с его началом во внутренней объективации я, во внутреннем обозрении этого я как проекции памяти в пространство мы. Я чересчур сложно персонифицироваться, передаточное звено поле памяти я это место, или я это небо, я этот угол зрения, в котором проекции становятся моим эго, просто проявляя словесные облики или прослушивая их собой.

Давай двигаться дальше здесь, не вступая в конфликт с пространством мистерий звука мы как адреса нашего неба - ведь он ищет нас как настоящее время здесь. Твой А.

5 июля

Я готов служить моделью для тебя, честное слово. Мне хочется, чтобы ты нарисовала мой портрет, как это сделать летом. Я принципиально против смешения красок как мысленного образа моих минут в тебе, я хочу сделать тебе подарок, тот самый подарок, из которого следует, что я часть тебя самой, которая, как нельзя кстати, принадлежит нам вместе сейчас. То есть я постараюсь самостоятельно укрепить наши отношения, я так хочу это сделать, поверишь ли, мне само-

му жизненно важно это сейчас, потому что я настоящее время нашего эго (то есть того эго, которое касается нас обоих во мне) сделал виртуальным образом. Прости мне эту фанаберию, она от лукавого, я пожинаю плоды своих выволочек тебе, обледенелое это поле становится постепенно украшенным и нам не нужно, мысленно обращаясь друг к другу, говорить это оу!.. Оу, это я перед тобой, я сам перед твоим я, или – перед ним как я, прости мне эту фальшь, - какую фальшь, где фальшь, в чьих она руках прячется от меня сейчас, я хочу удалить её отсюда немедленно, понимаешь, я хочу закрыть её как источающее вонь зло. Это состояние вне планетарной силы - вот так пойми это. Оно приходит извне и зиждется на потенциально неправильном образе площади восприятия я, как так! а вот так. Все слова соединяются между собой наверху в единое поле образа я – все, как мысль об этом поле, они прилежат ему, создавая объект силы в нас самих, и мы, столь отрешённые сейчас от тех сил воспринимающего нас пространства воли в наших эго, которыми мы управляемы бываем в чистоте звука как настоящее время, можем только сами в себе сообщаться с ним как проекции в память, похожие на тебя, или на меня. Я говорю с тобой об этом сейчас, когда наша память открыта друг для друга, лучистое поле ложится пятнами на наши умы и они постепенно прозревают, становясь прозрачными, открытыми для восприятия. Ум это поле согласования, для согласования воли неба в нас и нашего я-здесь. Это открытое небу наше я-

здесь, свету неба. Феномен мысленное поле, которое окружает нас с тобой, когда мы говорим оно таинственно светится, и я волнуюсь, объятый этим свечением.

7 июля

Доверяешь ли ты мне, хочешь ли ты знать об этом доверии так, как знаю я о тебе - как знаю я о твоих правах на меня. Сегодня хороший день, он наш, весь этот день наш. Мы сумеем пройти его с честью для нас обоих. Я задумался, признаюсь тебе, об обыкновенных вещах, о пределах искусственности в формах сознания, о наших я здесь, о превосходстве мастера. Интуитивно мы ощущаем этот мир совершенным, и мы стремимся постигать эту тайну совершенства, постигнуть эту тайну сознания как превосходную степень души.

10 июля

Зеленоградская

где происходят эти события? скажи мне, я хочу понять их сам. Во всём этом есть малая толика чудес /…/.

ул. Дружбы

Надо быть вместе, - это я сказал тебе сейчас во сне, это я имел в виду, настаивая на продолжении разговора о случайности выбора в нашем я, случайности неслучайного. Не совсем точное высказывание, похоже на надкушенный плод, я думаю. Но дело в том, что я имею представление об этом

плоде, как и ты. Простое проникновение в сущность сознания не имеет значения, не имеет последствий, не имеет результата как состояние мы везде, то есть оно становится потребой обманутого сердца, которое не всегда понимает с кем или с чем имеет дело, имеет что-то общее, я думаю так, срединное соединение - лучший путь для такого поэтически оправданного сравнения души неба.

11 июля

Мы идём по бульвару, осень; мы идём по бульвару вместе, мы хотим понять, что нас ждёт - что нам приготовлено в этой жизни для нас, чем мы являемся для неё сами, приложением к её источникам?.. присутствием в памяти?.. проектирующей в нас свои формы, или мы катаемся в космосе на велосипеде, велосипедах, отключив сознание, и мысленный шар, в котором наши лица бегут в облаках сознания, плавит эти строчки; мы конкретные люди и в нас есть жизнь, наша, к которой мы привязаны как сознанием, так и требовательностью настоящего времени пути тут, настоящего, определяемого нами самими созидательного пути, а что здесь происходит и как это понять, да и возможно ли это понять как-то, хотя бы мало-мальски учреждающее начало.

Вот что я думаю, постижение пространства тайны во многом есть способ уйти от пути во вне - ты послушай меня, пожалуйста, перед нами не совсем обычное поле; оно засе-

яно горохом, можно сказать, то есть оно не имеет никакого вообще смысла, тайного или не тайного, оно просто растит горох, как категорию смыслового звучания, и что же происходит со способностью мысли души порождать эти образы в качественно несостоятельных пространствах?.. - ну потому что они таковы.

12 июля

По какому-то странному стечению обстоятельств я сегодня не стал говорить нам надо встретиться во сне ещё раз. Это означает взаимодействие структур памяти в порядках воли. Надо почему-либо жить вместе, я не смогу объяснить это тебе, пока ты сама на каком-то витке не выведешь свою память из этих структур, тогда сохраняемые качества пространства соединятся и станут образами сознания для нас, тогда они сами осознанно, уже осознанно обнаружат нити, соединяющие нас здесь, как принцип воли, может быть, - как принцип сознательной воли, а не кажущегося во сне состояния я как ты. Мне многое предстоит проявить в сознании я как ощутимое для воли - как ощутительное для воздуха наших минут, и не требуется никаких доказательств для этого, - пойми, никаких; это есть то. В памяти я бывают отклонения от строгих форм сознания, они бывают как раз там, где мы не даём себе труда идти с прямо поднятой головой, где мы стараемся подытожить, а этого как раз не следует делать, подытоживать не следует, потому что подытоженное стано-

вится частью воли нас самих тут и мы структурируем свои я в верховьях так, что они становятся малой долей там (да, там), а это неправда, потому что там они как раз ею не были. Они были там нашим началом, это есть то они там сейчас, и как мысленное эго может обойтись без суда, то есть без памяти, взаимодействуя с одной лишь волей пространства о себе, так и я может оставаться без взаимодействия в состоянии мы с полученным результатом, потому что оно способно это делать, пойми, оно способно сохранять свои качества во всех видах пространства, во всех его определяемых нашим сознанием структурах настоящего времени, в котором мы живём вместе как ты и я одновременно во всей этой суете, сутолоке образов и идей. Да, - идей, обрастающих предметностью здесь в каком-то роде предметности этой, да.

Вам необходимо трудиться в разряде воль настоящего времени я; это качественное понятие, которому следует отдать предпочтение и не искать себе замены, то есть не предлагать пройти этот путь кому-либо ещё, я думаю, он ваш, и ничей более, надо просто понять, где движется это небо состояний, пространственных состояний обретаемых форм сознания в нас. Мы малозначимы для него как будто, но поэтически мудрый образ говорит обратное, пространство памяти выращивает эти цветы состояний, чтобы плод был сообразен сознанию, а не судьбе того или иного мысленного образа в нас самих, которому суждено проявлять формы этого созна-

ния как ответ на явленное поле в нас самих. И вам и мне, представьте, надо выяснить причину состояния мы как пространства ответа на согласованные образы наших я, в которых память находит содержащиеся в них, может быть, конкретные формы пространственных объектов; откуда они.

14 июля

Я постоянно думаю о вас в каком-то смысловом оттенке, которому имя - наивно говорить сейчас об этом. Мне хочется, чтобы вы чувствовали себя вправе сохранять цельность этого я сейчас, и это лучшее состояние мысли.

Великие любовники создавали великие времена, создают - великие миры от них происходят, визуальные пути мира в любви, соединяющие двух, двоих, и этот путь становится видимым пространством здесь, в нас самих; он, этот путь предполагает состояние души, в котором выражена та проекция памяти в нас самих, которая приводит к ответу \/. Вот этот ответ: я это ты во мне и вместе мы мир, мы создаём его своими телами во времени пути наших я, в которых он отражается как часть вселенной души всего мира любви, и ты становишься его частью вместе со мной здесь. Как мучителен образ света, когда он скрыт, когда он не видим, а я знаю что он есть с нами везде, этот образ, прости мне эту жизнь во мраке неведения о Тебе, Господи, прости, я прошу Тебя. Я не обретаю тебя, я теряю эти тыщи единиц сознания, от кото-

рых сберегла тебя судьба во мне, она сделала это качественно иным состоянием души нас обоих, она сотворила твой мир во мне в единственном числе и стала делить его между нами здесь. Я настоял на своём воплощении для тебя в радости зорких волн, в их малой части наших я для нас самих, и это не покажется тебе странным когда ты увидишь освобождённый свет души здесь, в этих строчках сознания нас, то есть в их позитивно проявленных силах. Макрокосм дышит, слушай его дыхание в себе, это жизнь света в нас. Мне хочется, чтобы ты слышала его дыхание здесь как волну радости для нас обоих. Душа смотрит вверх и видит там то, что она хочет знать - свет сознания. Я говорю это, а сам думаю, как мало знать эти слова, как мало чувствовать их поток в своём я, как мало просто быть любящим сердцем, чтобы почувствовать эту волю как веление нести заботу о памяти сознания в нас самих – о памяти перечувствованных живых миров как Богу угодных времён чьих-то я в нас, я задел живую струну, и она зазвенела здесь, я не умел играть на этом инструменте, я не знал как его берут в руки, чтобы извлекать звук и вот он стал петь; да, по-настоящему петь здесь во мне, он сам научил меня играть на нём во мраке этой ночи нашей любви, в которой я жил долгое время, неосознанно чувствуя твоё присутствие в себе как делателя моего я. Я чувствовал какое-то пространственное движение во внутренних мирах, сообщавшее мне о чьём-то присутствии в моём я. Намного позже я догадался, что ты есть истинное познание этого ми-

ра в любви; я хотел бежать от тебя, скрываясь от лика зари, я сознательно делал действия в противовес твоему я, позорящие тебя.

Что-то должно осветить это пространство сейчас, какая-то фигура.

Простите мне эти слова, они всуе сказаны были.

Думая о вас, я проявляю сейчас некую форму сознания вверху.

19 июля 1

1.

Благодарю вас за этот разговор и за ваше терпеливое участие в нём, мой добрый Учитель, ведь этот туман обрастает памятью, и становится виден, как вы сами изволите понимать эту историю? если вам угодно будет сказать мне об этом понимании.

В нас некоторое пространство света защищается от нападения и мы чувствуем некоторое сотрясение ауры, я думаю, потому что она вибрирует в ответ на образы посылы, из-за которых весь сыр бор. Разум отчётливо знает своё право и ему не надо мешать осуществлять его здесь, в нас он предполагает настоящее время всему произвольно выдуман-

ному и потому определяемое пространство, находясь в состоянии созерцания относительно зеркала разума здесь, может быть несколько выгнутым, так сказать, отражаясь и отражая в пространство опять-таки неадекватные помыслы, охарактеризовать которые я не берусь, Королева моя, их проще удалить простым движением мысли сердца я вас люблю, направленной тому, кто в этой любви нуждается, ох, как нуждается, постепенно уменьшаясь в размерах от неприязненного чувства отстранённости, обделённости даже, если хотите, в настоящем времени своим я-здесь. Что за фокус! - воскликнули вы, определив этим восклицанием собственно то, что я стремился для вас обозначить - именно фокус, означающий настоящее время как проявленное мы здесь во всём своём я. И даже это, поэтически сложенное пространство, не даёт о нём представления в нас, а скорее размывает края неба в контурах движущихся объектов сознания здесь. Что даёт нам память, то мы и несём с собой, и это правильно, Королева моя, вот только что она нам даёт мы с вами вправе знать. Я осязаю этот мир своим я, и я настроен лукаво, видя как мои поля обедняются горохом, посеянном в нём\/ вместо воли Божьего сознания, или необходимого для меня же самого могущего здесь быть смирения с состоянием я в воле Божьего ума сеять горох, а не иную какую пищу, и таким образом состоять в необходимом совершенствовании своего я здесь, а не обеднять его простым перебиранием зёрен, от которых, может, и голова кружится, а разума не прибавля-

ется, не говоря уж о чувстве меры, соразмерности и прочего достатка ума. Но нам с вами надо выбросить вон все эти представления о прелюдиях к неимоверно высокому слогу. Я, кажется, успел нахамить, не слишком задумываясь о сказанном всуе вслух, но вы, слава Богу, не заметили, обращая внимание только на то, что до вас самой касаемо, а между тем краснота щёк выдаёт меня с головой вам, Королева, как если бы я был вправе толковать только что полученное вами письмо, а вы его не читали, оказывается. Ох-хо-хо, придётся ждать. Во всём моём я нет ни одной лишней минуты, с которой я мог бы расстаться ради пространства выгод во всём этом не осязаемом мной поле сомнительных царств любви, в которых цветут вышесказанные цветы, истощающие волю я как память о пространстве мы; далее я пойду пешком, потому что необходимость внятного обозрения очевидна нам обоим, я думаю. Мне бы хотелось помочь вам осознать простое свойство поля выращивать. Оно обладает им как ипостась Бога в нашем я выводить в осязаемое пространство то, что лежит до поры втуне и кажется не существующим вовсе, или спрятанным от сознания в пустующих проулках души. «Нам надо быть вместе» говорит вам А., отдуваясь за свои проделки в конъюнктурных сферах. Бесполезно шутить на эту тему, он вас просто не поймёт, его ум сомнёт любое пространство в шелуху образов, чтобы выявить единственно возможно решение здесь, для которого он создан.

Значит, шутить нельзя.

Можно! можно шутить, и даже необходимо это делать, погодите минут пять, я соберусь с мыслями.

22 июля

Зеленоградская

Вот послушайте здесь. В некоем царстве в некотором государстве жил-был царь, царство его было небольшое, а государство и того меньше. Показалось ему однажды, что в его владениях недостаточно много воды, а надо, чтобы её было больше. Чем больше воды, тем мягче климат, как водится. Так вот этот царь решил добывать воду, сообразуясь с возможностями своего царства и стал назначать [называть? ож.б.] водоискателей, которые сами знают где берега рек становятся малыми озёрами, чтобы ими обеспечить своё царство и, запрудив затоны, создав плотины, он стал заливать своё царство водой. Искатели воды стали уговаривать его (царя то бишь) надлежащим образом соединить между собой образующиеся озёра воды, чтобы реки, из которых они происходят, могли наполнять их водой по мере высыхания озёр, так как постепенное увлажнение климата способствовало смягчению нравов, то царь нашёл целесообразным слияние, и вот реки насыщали водами этот край, постепенно создавая ландшафт и озеленяя пространство по берегам. На памяти этого царя было пять простых истин учиться, стре-

миться, упражняться, осваивать и сохранять соединённое в пространственном образе. Долго ли коротко ли, но только стало его царство совершенно иным. Немного забегая вперёд скажу, что оно и сейчас существует в том виде, в каком создал его тот царь, сам.

23 июля

Я безудержно жгу свечи во всём пространстве, в котором мы есть, то есть ты и я.

Какая странная иллюзия - как будто мы когда-нибудь объяснимся между собой, а ведь это объяснение уже было.

Мы не имели души в том времени, мы просто присутствовали здесь в огнях своих я. Я должен говорить с тобой сам от себя. Мне не хочется ничего повторять здесь о том, какое состояние души в нас проявляет свет, проявляет его в нас самих. Я только подумаю о нас двоих в твоём я сейчас и мы сможем, наконец, объясниться, как ты считаешь я способен любить дверь, или не дверь, а бессердечное нечто. Я ведь думаю об этом постоянно, и кажется, уж всё передумал, что нашлось на эту тему, только это всё не то, оно обрывается, и мыслительный процесс начинает водить по кругу мои мысли, я только успеваю обозначить их каким-то числом или свести на нет, чтобы они не морочили мне голову сейчас. Мне память изменяет с тобой, вот что я понял, я вспоминаю

обрывки фраз, произнесённых когда-то слов и становится не то чтобы не по себе, а как-то неуютно в душе, зачем я говорил то тебе, что мне самому ничего не стоило произнести в тот момент, ну и оно ложилось в твою память как я-здесь, как некая позиция моего я в тебе, а обратись ты ко мне тогда…

27 июля

Я снова думаю о тебе здесь, ты в светлом платье мне снишься, в том, голубоватом, с синим оттенком, которое… я же видел тебя в нём воочию, да ты знаешь об этом, я думаю. Мне снится, что ты идёшь ко мне опять, а я чищу картошку над большим тазом, или чугуном, так скорее это можно выразить, и ты видишь как я это делаю, говоришь мне опять ты наелся этой лабуды, я же просила, чтобы ты этого не делал, фу-у, разве этот смысл!.. я нехотя соглашаюсь, потому что я понимаю, что ты не мне это говоришь, а моему лицу, для тебя я всё равно что памятник культуры, - какой-то там вообще, не имеющей признаков, ответь мне, почему ты не ищешь меня, ты забыла меня, да? забыла? а где, в каком месте памяти я остался - поищи меня там сама, а я найдусь как хлеб для тебя. Я не забыл зато эти твои дни во мне, я их помню чем-то, какой-то душевной памятью, может быть. Я смеюсь в голос, когда мне говорят - э-э, да ты там и не был никогда, ты просто решил это для себя сам мол я буду так жить, чтобы ей светло было здесь, чтобы ей мысли мои нравились и она бы шла за ними, да только это не совсем так, вот что

я понял теперь, осознавая какое это пространство смотрит на нас в тишине я, которая струит свой свет во мне, в мою память и мои отчаянные мысли здесь, в которых я кажусь сам себе чем-то иным, может быть, чем я есть на самом деле, объектом исследования этого пространства любви, вот мастер перемен шепчет мне опять ты сделал это небо густым, ты сгустил краски до того, что оно перестало быть прозрачным, оно состоялось как объект воли, но оно должно быть прозрачно, иначе эти краски высохнут и за ними ничего не увидишь, никаких я ты мы за ними, одни пустые платформы и только этот звук позволяет догадываться - там кто-то есть, там живые люди идут, там небо дышит любовью, там не просто память сейчас небо в свет льёт тут, там столько этого неба, что услышав его, ты очнёшься от своих пустых дум - так мастер мне говорит об этом, я слышу его и сознаю справедливость его слов во мне.

Сколько ты ещё будешь спать, спросила меня ты, моя душа спросила меня об этом, пойми. Я ответил это знает только она, и она, то есть моё имя в тебе, стала - стало удваиваться, стало убеждать меня не ленно жить, понимаешь?.. стало обращаться ко мне с просьбами, стало любить меня во всём, что я есть для него. Аббревиатура пути зачахла было в кустах, то есть во времени, в котором я обнищал как организм воли, как право на истечение смыслов, и не скрывая этого, жил во всём, как облако пыли живёт, - оно поднимется и ося-

дет на том же самом месте, где его вздули чьи-то мысли, осознанно там или так, обстоятельственно, но это прошло, этого нет более, потому что я стал делать то, к чему призывает меня Бог – я стал идти сам по этому пути осмысления пространства душ/-и возм./ здесь, я сам становлюсь этим пространством, когда ищу тот или иной - то или иное выражение я-здесь в нас.

28 июля

Во всём этом, конечно же, есть определяемое поле, конечно, оно скрыто от глаз и само по себе не имеет осуществления без внешнего пространства, такое это поле, не осуществляемое без я. Мне хочется, чтобы ты смогла состояться как автор объективно целостного произведения, не фиктивно сляпанного как выражаемое здесь поле я в пространстве мзды, или – лучше сказать, как проективное эго в уже выхолощенное, или не выхолощенное, нет, а уже спроектированное в нас самих я, это точнее. Это так кажется, что мы робеем, или проявляем безыскусное, опыт я существует в памяти пространств, он есть облекаемое в формы здесь.

31 июля

Здравствуйте!

Позвольте оправдаться перед вами, Королева, - позвольте это сделать сейчас, во мне множество огней горит самы-

ми различными цветами и все они красоты необыкновенной, прямо-таки суеверно крещусь. Отчего бы это, Королева моя, нам не понять друг друга на этот раз. Как изволите видеть, я восемь этих лет только и думал, что о вас и всякое малое пространство мне впору было, а на девятом году я возьми и сколупни эту рану-то, она заточилась, стала душе виды подавать, стала о себе напоминать особым образом, осознанно так, имея выход в душе моего я для вас и тем самым очевидное подменять кажущимся. Например, эти дни в наших с вами руках как-то уж очень стали чем-то отдавать в нос, простите уж. Наверное, я оскорбил ваше высочество своими прибаутками и стал память привораживать неудобно сказать к чему, и ничего бы это всё, если бы ваша милость облаком прикрылась, а не сиюминутным состоянием общего характера памяти, или, как фиговым листиком, обид на то на сё, и нечем, как говорится, образ свой вам предложить, долго искать его приходится в настоящих-то минутах я, да без него я вам шар небес, а с ним какое-то представление имею тут для вас в области мысли, чувства мысли – так точнее, и надо быть светом для вас, а не жалом, жалящим безразлично что, лишь бы попасть в область средоточия внимания. Ну вот так я сказал об этом, и ещё продолжу, если позволите.

АВГУСТ. Небо поёт.
3 августа
ул. Дружбы

Я думаю, что мы химизм какой-то воли преодолеваем, почудилось будто и правда наши эго слились в каком-то канале яви, будто они перестали жить отдельно друг от друга и тихо вместе беседуют об этом вне какого-то - вне поля, а на самом деле, на самом-то деле польза от этого великая нам обоим сейчас идёт, польза бытия, обретаемого в настоящих я, как ломкая линия путешествующих взглядов в памяти, наобум, так, туда пойдёт, отринет, здесь остановится, опять скажет что-то, туда пойдёт, и снова отринет, и что же настоящее время при этом делает или, нет, - что оно строит в нас, арабеску, жезл любви, то есть тварное состояние неба, в котором мы сами суть это небо сейчас. Я сочетаю в пространстве мысленное это поле, в котором мы живём как энергосодержащие объекты, объясняющие себя - себе всё-таки лучше, эманации поля объекта причинно-следственной связью, а не чем-либо другим, иным качеством тут в пространстве эго-я как содержащееся в этом поле объективное качество присутствия мы как адрес определённого посыла в настоящем времени, в настоящее время эго всё-таки, а не такое, получаемое пространственно-временными отложениями воли слабых полей сознания, соединённых между собой простыми значениями я тут ты, или – я это ты во всём, что касается определяемого пространства воли моего я для тебя. Такое мысленное образование оставляет след в памяти и оно становится волновой системой координат, смысловой, сохраняющей единство памяти я для нас для всех тут! Ты что думаешь - кажущееся не

есть воля неба над головой?.. или кажущееся это так, пустая заготовка, для образов света в памяти я нашего неба. Не-ет, это проективные следы и есть в памяти я-сейчас в чудодейственном этом поле.

Что ты, ангел мой тут, о чём говорить со мной будет твой чёлн?.. я в небо смотрю.

Я тут себя знаю, ты не думай, я как раз, по небу бежа, о тебе загадал!.. Ты прости меня, пожалуйста, опять, я жутко струсил тогда, когда ты память обо мне имела, то есть я сам тем небом шёл.

А ты там кого видел?

Я там видел образ твой и…

Что?

Ну и. Всякому небу своя причина есть как стать, а потом оно умаляется, если причина та исходит, ну как препятствие умаляется, я образ твой видел!.. ты слыхала как я тебя звал, слыхала?.. темнотою укрепись, а сердцем излейся, а как понять, говоришь, а так пойми, это дело не твоего ума, вот что значит темнотою закройся, а сердцем излиться значит полю тому силу дать, чей чёлн того и судьба!.. а как ты шла, ну да

мне тут не то тебе сказать надо бы, я ведь сам по себе ангел, как ты скажешь что я тут о себе молчу, так молчу, что крылья нараспашку перед тобой держу теперь, так весь и лечу, куда небо велит, ах.

Ах – это как?

А так!.. минута за минутой идут - вот как это небо делается, да везде.

Я теперь виновата перед тобой буду? Скажи, мне об этом, ангел мой.

Ты себя за ширму моей любви спрятать сумела, какая же тут вина, я сам широк, ну да это дело такое, полюбовное.

А что хорошо? скажи ты.

Хорошо то, что я о тебе знаю; это раз, два хорошо то, что мы каждый от себя идём друг к другу, а ты поняла - я почувствовал, ещё хорошо, что ты меня любишь, а то ты думаешь, что я не знаю как ты об этом мысли имеешь мол он там сам по себе живёт как есть и то хорошо, а что до меня, так то ладно мол, не для него эти мысли идут, ну ты очнись тут, что я тебе сказал там как бы ты уже ответ имела, ну - что, проснись, просни-ись!.. чем ты сейчас спишь, чувством

меры, я думаю, мне столько тебе сказать надо!.. что я сам как чувство меры, может быть, да, ладно, что мы всё обо мне говорим, ты же бегом бежать решила, я ведь понял тебя, ты себя найди во мне, чтобы я мог поле то знать, а какое оно!..

А где я в тебе, ангел мой?..

Ты сама по себе я, я уже сказал это, а во мне ты тайну свою несёшь, связанное то небо было, да с тем и шло к тебе как чист лист, но только ты от себя не думай теперь, сама знаешь, что это такое тут, а вот ты посмотри, на чьём небе звезда та горит, как ты скажешь, ответь мне, пожалуйста.

Я сколько-нибудь о тебе забочусь?.. скажи ты.

Ты обо мне мысли имеешь, это так, но мне то важнее знать, что я спросил сейчас.

Ах, да то небо давнее!.. на нём звезда вправду есть, хорошая она, - красивая очень и свет от неё нам идёт здесь, да только сравнить его ни с чем нельзя, так он велик и ясен, а ты сам это знаешь, почему же ты меня просил здесь сказать о том?.. скажи ты теперь.

Она мне величину этого неба указывает тут, путь она великий открывает и с ним нас ведёт к себе, а как свет тот ясен

для тебя, так ты его бери, ни с чем не сравнивая, как лучший бери, он силу имеет и от любви к нам идёт сюда. Я знаю это.

Ты понимаешь пространство как своё имя, в котором есть множество других имён (я-ты тоже имя), ты чувствуешь в эго присутствие всевозможных (то есть таких, которые могут быть) объектов памяти я-здесь.

5 августа

Я против истязания пространства любви, я не выношу этот смердящий запах энтузиазма во всём, что является разрушительным для милости Бога здесь, для Его заботы о нас, для конкретики форм в этой любви-милости, но вот что, Королева моя, я хочу, чтобы вы чувствовали это присутствие здесь в форме я и мне нравится это движение мысли сейчас как апологетика определяемого пространства жизни света. Выходя за рамки повествования, мы надеемся обрести подлинник надежды, подлинник веры, подлинник судьбы и это ведёт нас к изысканиям помысла о себе самих, а не какая-нибудь другая мотивация.

Во всём этом мизерном, ничтожном пространстве наших с вами бурь звучит одна маленькая нота, в которой настоящее время сегодняшнего дня более чем прекрасно, и я, ваш Учитель, наверняка говорю вам это сейчас, нам нужно пройти сто миль пешком, прежде чем мы поймём, что этот путь

наш с вами, мы в неопределённости пути меняемся местами в каком-то смысле, вы и я, и эта часть во времени наших я всегда обсуждаема - она имеет право на обсуждение как наущающее нас свойство любви быть тут, вот она, смотрите на неё, ведь она для вас сюда пришла, эта любовь, наущающая пространство жизни быть ею во времени я, в этом, здесь, да, сегодня, сейчас. Я не астролог и не композитор для вас в этой любви, я просто смотрю в ваш мир любящими глазами и он мне кажется великолепен!.. как озёрные боги, чья душа поёт, может быть, безыскусно о тепле, о свете, о счастье истинного неба здесь, о простых истинах любования этим миром во мне, таком как я есть для них здесь во всём своём я-сейчас.

5 августа

Я должен рыться в архивах, чтобы понять что стоит за этим решением, что побуждает тебя плыть против течения, я должен искать ту самую запятую, которая вдруг осадила память, сделав её прекрасной золушкой. Ты понимаешь, что я тут ищу?.. эти позиции чьей-то силы, урезонивающей, - откуда она пришла, и я думаю, что её надо исключить, она тормозит края неба в каких-то точках, не имея, по сути, на это права, ты не бойся говорить то, что ты думаешь, это же моё веление, моё облако пыли давно осело, оно стало казаться пустой кавычкой, то есть позитивное пространство здесь, пойми ты это, во всём я, а не потому что я примус починил, как тебе кажется до сих пор, то есть стал делать то, что я на-

ивно вертел в руках как некую награду за пощёчину, ты мне её дала тогда, ты уже забыла, а я, представь (но не слишком) забыл где я нахожусь в тот момент, ну как будто ты перестала понимать кто я тебе, что я делаю тут, да, не спорь, я посрамлён был, а потом вышло так, что я, побуждаемый высшим помыслом, стал проецироваться в твоё сознание как необходимый элемент, классифицируй как хочешь что на виду, а что под водой чувств скрыто до сих пор, что нам предстоит только понять с тобой, я думаю, что малая часть нужна нам для того, чтобы мы могли её увидеть, а, увидев, созерцать в себе большую, пространственно несоизмеримую с той малой частью нашего я-здесь.

ул. Дружбы

Я только то хочу сказать вам сейчас, что мы настойчиво бредём сквозь формы сознания, в которых уже есть наши следы, да, может быть, - эти вещи, о которых мы говорим с вами сейчас, будут в каком-то смысле оправданы нашим присутствием в формах сознательного эгоизма, а что такое это сейчас, это то состояние души, которое идёт от нашего эго, в нём есть множество потенциалов для того, чтобы отвергнуть возжигаемые огни, и я думаю важно знать о них в этом времени я, превосходно оправленном в надлежащие условия. Думайте об этом так, как если бы вы были соизмеримы в своём я с пространством большего порядка памяти - большего по объёму исчисляемых ею звёзд, о которых речь

впереди, и светел Бог во всём я, если вы на Него смотрите в себе самой как на ангелическое сознание этого мира в любви.

6 августа

В наружной части этого пространства происходили сдвиги определённого качества, если можно так выразить то состояние всеобщей - всеобщего стремления проявить внешнее эго во внутренних мирах я.

Вы понимаете, что продажность в искусстве есть нонсенс, как само свойство неба не созерцать области определённого порядка воли, поэтому сейчас, или – теперь, необходимо правильно расположить во вне те или иные состояния мы, в которых отражены эти свойства любящего пространства здесь, проявленного в тех лицах, или тех любящих сердцах, которые достойны ответа.

10 августа

Мне знамение было, добрая моя, будто ты видишь меня во сне несколько неправильно сейчас в своём эго, будто ты знаешь, что мы снимаем тут дачу неподалёку. Это на самом деле не так, я выдумал это вдруг для тебя просто так, без причины. Я чувствую, что какая-то часть моих минут - ты понимаешь сейчас, что мы делаем - что мы строим дом своих я в себе самих, в своих отношениях с этим небом, с полем

этого неба, что мы становимся его подопечными в волшебстве замысла. Отношения наши стихли на время и я, ничем не рискуя…

Знаешь, - мне невольно захотелось жить рядом где-нибудь, ну, так во всяком случае, я об этом думал, мне до обморока захотелось домой, в Москву, в её составы мысленных образов, которыми полнится мой дом, когда я думаю о вас двоих, о тебе и о той женщине, другой. Я конструирую мир каких-то игрушек памяти сейчас, в нём всё кажется мучительно маленьким, не настоящим, - недействительным, и поэтому я хочу приехать к тебе сегодня. Нам кому-то нужно сказать об этой встрече двух ангелов света во сне, в чьих устах звучали, - и звучат сейчас – эти небеса, в чьих мыслях бьются наши сердца, разрозненные, или нет, они-то как раз вместе, они-то умеют это, быть вместе, потому что им известно, для кого они бьются здесь в унисон, вернее – с кем и для чьей жизни они нужны. Авторское ли это право, или чьё-то ещё, но только мои воззрения могут быть прочитаны в физическом поле здесь настоящего времени я, и так это действует; сейчас, во многом. С кем я, что я делаю, чем я занят. Странная история, я бы сказал – даже очень странная, более чем странная эта история нашей с тобой любви. А в чём её странность - вот и пойми какая сила руководит мной, причём вся и сразу, как будто я чужое тело нашёл и в нём живу, бессмысленно страдая от чужих поворотов судьбы, что мне

довелось испытать, прости меня, с чем и пришёл к твоим высотам, любовь, с чем и стал быть, быть, быть, и опять – быть. Что я пою, что я пустознайкой слоняюсь из угла в угол твоего я, как будто я слово поднял, а оно выросло до небес здесь, ну а где ты силу мою обретаешь, чтобы с ней быть и с ней о себе думать, а не вообще порядок воли на ветер пускать, рукавом помавая. Трудно быть небом там, где земли нет, ох, трудно, да ведь Бог справедливо рассудил, заставив нас самих о себе заботиться здесь, и славно сделал, ведь что ни день, то радость идёт к нам от Него, самая настоящая, и скажи мне, кто с нами заботу об этом дне имеет для нас как о дне наших я вместе, как разумное это поле в нас настоящего времени здесь, что за странное своеволие заставляет тебя думать обо мне как о некоем царе горохе, чьё поле выжжено баснословным умозрением лиц, или не лиц, а так, прохожих людей. Я велю нам с тобой вместе быть, сохраняя силу явного пути, сохраняя определяемые пространства в любви, ты прости меня прежде за то невольное отчуждение, из которого я сам едва вышел справедливым, я стремился быть чужим тебе, это правда, я отгонял все мысли от себя, от которых кружится голова из-за слишком большого напора образов света, потому что они не определяли меня самого, а делали мелким ничтожным сумасбродом, да, да-да, это так, чьё поле виртуозно располагало к себе, а затем уходило в глубину памяти, и я наивно полагал себя вправе быть задействованным там, в этой глубине мысленного эго сейчас, и мне казалось это пра-

вильным ответом на бушующие чувства во вне меня самого, потому что я был на самом деле.

11 августа

Здравствуйте! Я вас люблю. Сегодня хороший день, в котором мы множим свои усилия в любви к этому миру, мы любуемся им и он отвечает нам добром на добро. Мы были унижены в сердце своём и не знали, что есть добро, что оно сильнее того, что здесь главенствует в мыслях, деля и умножая разделённое, то есть обнажая раздельные части мира любви в нас. Мы хотим соединить эти части в себе и мы ищем этого соединения в себе самих, не уставая, не ложась спать в плохие постели чьих-то представлений о нас, чьих-то плохо устроенных мыслей о Боге в душе. Мы присутствуем в этом мире, чтобы быть с ним в любви и это есть замысел Бога о нашем присутствии здесь, и он единственный; другого замысла о нас в Боге нет. Мы стоим на краю вселенной, и видим как она обнажается. Без истинного Бога в душе мы видим свет истощённым, мы не осознаём его тут и мы соизмеряем свой мир, в нас идущий, как память ничтожных крыл-мыслей, столь незначительных, что при служении от них не остаётся следа; вот это я знаю. Мы оговариваем пространство, ничем не прикрытое перед нами, не имея Бога в душе, но мы не таковы сейчас! я знаю это, мы не таковы как были прежде, идя тут без осмысления сердцем, мы усмехались, видя как оно покрывается тлёй, и пепел желаний ка-

зался нам проявленным результатом нашей любви, но мы не хотели быть покрыты этим пеплом и мы знали, что есть другой путь. Мы стали искать его в своей душе, и Он вышел нам навстречу, Любящий вечно этот мир здесь. Он пришёл к нам, и мы стали единое с Ним здесь; вот это я знаю. Мы стали видеть, мы стали слышать в себе звук любви этого мира к нам и мы стали сознавать себя в нём частью большего, намного большего, чем мы сами.

16 августа

…но ты знаешь – небо поёт. Вокруг нас оно сейчас поёт и я слышу его. Мне кажется,- я столько передумал за это время, столько разных слов произнёс в твоих анналах памяти, и даже не раз произнёс затем, чтобы они шли сюда от имени моего я в твой дом, кстати! я как раз выразил это устойчивое настоящее время напрямую, забалтывание может быть, я слишком пережимаю пальцы, стараясь угодливо обозначить какие-то вещи - стараясь произвести шум в анналах движения мысли. Как устойчивое падение кометы с неба мы идём, может быть, мы как плазменное пространство в любви, в котором звуки покуда не имеют оболочки, а становятся таковыми при соударении с проявленным пространством в любви, во многих минутах я сразу, затем и веду здесь разговор о них в нас. Высший объект ты, это всегда так, высший как память в определяемом нами полюсе света, если хочешь знать, потому что теллурическое течение мысли идёт от меня к те-

бе, и это, копеечное царство грёз о несуществующих мирах здесь всегда будет в провале в сравнении с реальным светом любви, о чьём эго идёт речь, когда мы говорим с тобой, об образах чьего я в нас. Мы конкретные люди, когда мы химически не зависимы от порядков воли в координатах я-здесь, и мы становимся грубым материалом изделием от воли движущихся во вне мыслей, они в свободном полёте, их не нужно улавливать - они сами уловят и присовокупятся к большинству идей общего плана, немедленно врастут в него и, сохраняя объективное пространство в воле, выразят себя здесь с помощью надсадных проявлений, о которых и говорить не хочется. Может быть, мы уже вернулись друг к другу, только мы ещё не замечаем это почему-то, переминаясь с ноги на ногу, мы сохраняем дистанцию, не веря, что это уже произошло и что мы на самом деле вместе конкретизируем это пространство в наших я, проективно образуя, суммарно, его значения здесь.

21 августа

Я подумал, что здесь кроется какая-то недостаточность помысла или недружелюбие страниц ко мне, но это не так, это другое качество любви здесь во мне; что за варварство, - сказала ты, - почему ты так говоришь со мной, я же растеняю пространство, я же делаю его видимым, что значит ты подумал?.. что вообще значат эти слова, в которых ты хочешь выразить неудовольствие мной или моими представлениями о

каких-то вещах.

Вот, подумаем вместе об этом, тут стремительно растёт накал лиц, их растревоженное пространство становится вопреки стоимости пространства… - ну хорошо, пусть ты о себе кроткого [короткого] мнения, пусть ты поисковое пространство этого неба сейчас и в нём находятся смыслы наших я, облечённые в некие формы сознания. Я не хочу казаться, я хочу быть - вот эта форма здесь, которая присуща всякому пространству в любви, в нас эта любовь идёт и ты знаешь об этом уже - уже знаешь, ты не можешь сказать мне нет, я этого не знаю, потому что ты веришь мне и эта сила веры в мою любовь соединяет здесь прошлое и будущее, они вместе идут в одном времени я как эго состояния наших минут везде – в тебе, во мне, в наших сердцах, которые соединяют эти очереди страниц, чтобы они могли идти дальше беспрепятственно. Богу угодно знать кто мы здесь, думаешь ли ты обо мне, или я только кажусь тебе теперь со стороны облаком каких-то мыслей, обозначающих что-то для тебя, состояния или соединения в состояниях мы, или манускрипты и впрямь сохраняют что-то вроде аур света сознаний тех, кто прикасался к ним во времени. Ну да ладно, в общем-то - ведь ты в любви идёшь, а я знаю об этом, а чем это знание подкреплено здесь, чем оно поддержано, так сказать, как не этими днями, в которых мы сами звук, истовый такой звук памяти.

Небо созерцает нас и вот мы снова вместе сохраняем это пространство от лжи в его анналах, мы становимся на колени перед голой правдой, которая, принарядившись, вдруг умственно начала оглядывать себя – а так ли я хороша как память мне подсказывает, что за правда такая, которая наряды носит, да почём знать где ты её ещё взял, правду такую, обряженную во что-то, как степень сохранения массы энергии сил, она ведь вязанкой дров оказаться тут может.

28 августа

Думаешь ли ты обо мне так, как я бы сам хотел этого, то есть по настоящему, важно понять, что мы здесь строим, какую-то модель прощения, может быть, в любви.

…какую-то важную часть жизни я провёл среди обезьян, толкующих об этом состоянии мы как соответствии какой-то форме частного вектора пространства здесь, или, как я думаю об этом сам, сознаваясь себе в том, что мои пути бессмысленны, бесполезны без твоего участия в них, без твоих образов света, о любовь, я память иссёк, или – иссекаю ради этих образов, состоящих из одних глаз, то есть состоящих сейчас из них, после они превращаются ещё в уши, да, сохранять объект ради цели, к которой устремляются наши поля, наши с тобой, к которым мы привязаны.

…постепенно удаляясь друг от друга мы становимся малозначимы в объективном поле этого мира, находясь в плоскости противоестественного обращения к Богу пространства здесь, в нём всё наше сейчас становится кому-то важным, тому, кто хотел бы знать начало настоящего времени поиска этого пространства здесь в нас самих, а мы кажемся ему китайскими мандаринами, состоящими в отношениях с произвольной группой лиц в памяти я-сейчас здесь. Мы не обязаны тупо смотреть в одну точку, извини, чтобы понять её происхождение здесь, чтобы понять её амбивалентность настоящего этого времени, для которого мы суть небо, и не небо тоже. Но вот что кажется мне важным в нас обоих, эти обращения в качественно иные поля, мысленно обозначаемые в нас какими-то буквами, не осознанно ещё, но я всё-таки стремлюсь понять, чем тень отличается от вещи, или объективное поле от суррогатного мыслетворчества.

29 августа
Шелехово

…потому что ты чувствовала ту энергию, в которой нуждалось твоё я, и она шла к тебе от меня.

…вокруг этого поля лежали нестройные ряды чисел, в которых увязали пространства в нас, а мы кому-то говорили это – я что-то нашёл или я что-то знаю, я что-то имею в виду сейчас или я хочу узнать об этом больше и больше и так

далее сейчас.

…ты видела, что я старше, чем кажусь внешне, и это потому, что я был во-первых, во времени я как найденный тобой потенциал состояний мы я-сейчас, или это то, что я вижу перед собой как некое поле, о котором мне хотелось бы знать сейчас то, что я не знаю ещё о нём, а, во-вторых, какая-то воля соучаствовала в этом пространстве нас; я знаю, какая, и ты знаешь. Это воля Божьего Сердца тут, то есть в наших сердцах она была и есть сейчас и я стремлюсь к раскрытию этой воли для нас с тобой как состояния мы. Во многом я парадоксален с тобой, то есть вижу то, что нам необходимо вместе, как понимание скрытого поля, в котором я и ты вместе осуществляемся, если угодно это знать, и ты и я одновременно.

СЕНТЯБРЬ.

3 сентября

Шелехово

Во всяком случае это правильно. Тут плохо слышно, я думаю, давай разумно посмотрим на вещи, где они?.. где аллеи Тристана и Изольды?.. где эти туманы стелятся сейчас, где паритет пространства с почему-либо происходящим образом света сейчас, я тут думаю об этом, почему не происходит сокровенного письма сейчас…

Я тоже думаю сейчас об этом же, и не нахожу ключа, вот, вся моя мысль, а что, разве это не так?.. Я бы хотела, чтобы ты был счастлив, более ничего, а мне самой надо слушать слово - так мне кажется, и ещё что-то надо сказать сейчас тебе, самое важное, может быть, сегодня для нас быть всё-таки вместе, и чем более мы вместе, тем реальнее план бытия оказывается, тем скорее он отзывается на наше присутствие в нем самом и не кажущейся здесь линией света, а подлинным пространством значений во всём этом эго.

…память немыслима без нас самих - ты пойми это, шелуха памяти ложится пластами потребительских союзов муры - ну не муры, хорошо, не муры. Мне всё-таки снится этот сон ещё о чём-то таком, для нас обоих важном сейчас, я как и ты осмысляю поток, чтобы…

Ангел мой слушает небо сейчас, ему чудятся голоса птиц весны, ты против воли моей никто!.. – а ты-то кто, чтобы волю мою запирать тут!.. я-то птица весенняя, я-то сам воля тут, так они поют ему голосами, а он что-то думает об этом сейчас.

…ну, а кем ты мне приходишься сейчас?.. скажи!

Я тут волю открыл как степень моих минут в тебе, и что же ты думаешь об этом - сама скажи мне без утайки.

Я правду ищу.

Нашла?

Нет ещё, не нашла.

Надо бы ворон в небе сосчитать, - тогда правда откроется.

Ну, пусть. Не понимаю я! Что же ещё сказать тебе на твои слова - закрыто это от меня.

Ах, закрыто!.. значит, а затем и закрыто, чтоб открылось вдруг что-то.

…что нам с тобой надо - простота взаимопонимания, надо перестать обжигаться об эти углы, я сам поэтически адресован, сам как чьё-то ситуативное пространство сейчас, сам перестаю правильно понимать сказанное. Погода меняется к лучшему, пойми, когда мы создаём позитивное поле.

Да.

Да.

4 сентября

Ну да, по любви, конечно, я хотел как раз рассказать тебе, да, об этом. Я хотел жить с ней в качестве хозяина её положения, ну, как если бы она считала меня своим партнёром в делах, а я жил в результате за её счёт, вот и сошлись кривые состояний за гранью зеркал, может быть, в чьих отражениях больше света это вопрос, а вот ответ, в существующих пространствах мы соединяются те звуки и те пропорции этих звуков, от которых мысленное поле становится явным пространством я-здесь.

…но ведь ты был любим этими женщинами, ценил ли ты их любовь к тебе?..

Я думал об этом так, как если бы их любовь была моей частью - частью меня самого, много лет я упрямо твердил, что мои яви… некорректно проводить аналогии там где их не может быть, по принципу я воля здесь сейчас, в этом углу сознания. Я пример приведу тебе, а ты мне скажешь прав я или это вообще что-то третье. Во многом пространство отзывается на прошлогодний снег, то есть упавшее в почву зерно, ты хвост кометы принимаешь за солнечную активность, явно видя то, что проступает на поверхность как-то, перед тем как произойти, оно неизменно возбуждает пространство к деланию состояния во внутренних мирах я-здесь.

Прости, я восстал как против осторожничания, так и про-

тив откровенного бесстыдства, причём весь сразу, как память я-здесь, ты понимаешь, что мнимое это поле сохраняет наши усилия в любви как позитивный результат в памяти я-ты, и ещё, я очень тебя люблю!

6 сентября

…нельзя всё подчинять одному ракурсу. Я хорошо думаю об этом, что - что есть мы сейчас; я поле, я берегу силы для произведения и я сокрушаю право на истощение этих сил, потому что они нам самим нужны, я знаю это и потому молчу; я хочу сказать это, - ты думаешь обо мне в прошлом времени, как будто я был там один, как будто я был там весь из своих причуд, таких, неважно, - сейчас речь идёт о нашем состоянии здесь, мы ведь право имели в любви жить, как в поле процесса взаимодействия. Я очень, очень хочу увидеть тебя, и это кажется неимоверно сложным. В любви нет границ, ты знаешь, они есть в душе каждого из нас и я должен сказать об этом, в твоём я есть я-сейчас, и я хорошо помню как ты сказала мне сама об этом однажды, что мол всякое пространство ищет смысл, может быть, в произведённом эго и нам кажется, что мы обретаем его вместе здесь, а на самом деле этот смысл уже был предосуществлён, и прежде, чем мы пришли сюда, он уже был в нас самих как проективное пространство, в котором мы обретаем себя самих в той или иной степени сознания здесь. Мы неразумны бываем, это правда, мы не всегда понимаем, что с нами происходит, но мы обяза-

ны трудиться, чтобы наша воля не истощалась, чтобы мы сами понимали кто мы такие тут и кто нам нужен, чтобы быть самими собой, а не истощёнными пространствами судьбы в чьих-то руках. Делая это истощение памятью, мы становимся обеднёнными, пойми, мы становимся принадлежностью чьих-то обид на жизнь, я проявляю память мысли, я Богоугоден, когда я пространство любви, пространство любовного отношения к вещам, в которых заключена жизнь - в которых она есть, и ты и я одинаково это помним в своих я сейчас, я говорю с тобой правильно об этом, я говорю то, что помогает нам с тобой быть вместе. Моя питерская юность образ сейчас, в котором жив свет любви - жив, весел, сверкающ, он ложится на лица и они становятся ярче. Понимаешь ли ты, мы забываем себя здесь, чтобы вспомнить себя там, где мы ни разу не были вместе, а казалось, что были, что мы жили там, чтобы прийти сюда вдвоём, и представь себе - я ведь уверен был, что ты и есть та самая женщина, которая донимала меня своими бесстыжими письмами, что я делал с ними, сжигал, да ведь ты не имела к ним никакого отношения, ты просто думала вместе со мной о каких-то мрачных глубинах чужой тебе души, да, я знал эту женщину, я был с ней волшебен, вот ей и показалось что-то своё, почему она решила одарить меня своим позором я не знаю, по чести сказать, она попрощалась со мной тогда, исподтишка, что это? спросила ты, - особый сюжет?.. или это какой-то неузнанный мною помысл?.. Мне так не хочется сейчас восстанавливать

те события в памяти, о которых я предпочёл забыть, что даже мнящееся мне поле [не хочет этого]. Зачем я всё это говорю, чтобы память была ярче мне нужен твой голос в себе самом, я хочу его услышать сейчас и это слышание поможет мне правильно понимать происходящее во мне самом, как ты думаешь, смогу ли я двоедушничать, живя с одной женщиной, а любя другую?.. в душе твоего я я перестаю осязать пространство как памятное царство любви, во многом покаявшись, может быть, впоследствии, из-за слишком большого перерыва во времени наших встреч, да, мне тоже не хочется говорить об этом сейчас - мы были оба тогда сильно напряжены и не узнавали реальность, творящуюся перед нами, мы перешептывались в пространстве и не мыслили себя иначе как проводники, мы передавали друг другу те или иные состояния, триодицея наших я во многом есть правильно понятая мысль о состояниях образов любви. Я хочу видеть как ты пишешь, как ты действуешь в письме сама, я хочу знать, где прячется хвост той кометы, которая, развернувшись к солнцу, проносится мимо бесчисленных светил как яркая звезда на небосклоне, как поэтически правильно понятое пространство нас двоих, как произведение одного я на другое, тоже я, но только другое, оптически соразмерное нам обоим. Я знаю, ты хорошо относишься к той, которая – неважно, это другое, мне надо понять присутствие сейчас, о котором я молчу, молча избегая слов об этом, молчи и ты.

Ты упомянул какие-то письма и я теперь думаю о них, вправду ли эти письма существовали или это строка повернулась таким образом? Скажи, А.

Эти письма шли ко мне как бы от молчаливого имени, я не понимал, кто их пишет, осознанно отрицая их содержание, я подвергался атаке со стороны чьих-то интересов, может быть, к себе. Задушевное это письмо, задушевное это состояние было полно мути и каких-то неясных значений, от которых голова шла кругом, я избегал сознаться себе, что это простые искажения моих же представлений о твоём небе я. Я так хотел понять тебя в себе, что не чувствовал происков, почему они шли ко мне от тебя - я до сих пор думаю об этом. Как будто самые смелые предположения шли в голову, но они не были правильны, проявленное суть совершенное, а что я мог подумать!.. мне казалось ты настолько отчётливо осознаёшь свои действия, то есть пиша и отправляя эти письма в мой дом, что настоящей области зарифмованности я не ощущал, думая, что ты и есть то самое эго, которое терзает меня своими домогательствами в любви, в памяти.

Прости, я хочу понять – эти письма писала тебе я?..

Они шли ко мне из твоего я, то есть тот, кто их отсылал ко мне был – или была, или даже происходило это по чьему-то неведению.

О чём они сообщали тебе,- эти письма?

Они хотели создать атмосферу неприязни между нами, этакая пересортица, почему-либо я забыл их содержание, зачем тебе знать об этом?..

Впрочем, ты прав. Это любопытство.

Ну да. Всякое поле да простится, буде на то воля Божья. Я хорошую память веду сюда, свою, да, вот так, я хочу, чтобы ты понимала это сама.

14 15 сентября

Я пожинаю плоды своенравия, достоверно известно лишь то, что мысль может быть оболгана, и что - и что же тогда я пою.

17 сентября

ул. Дружбы

Здесь многое из того, что мы ищем становится легчайшим образом света памяти в нас самих. Я думаю, Королева, это неспроста так, да, и вот почему - нам обоим он нужен, и во всём пространстве сразу, мы от него происходим, а как же – понимание пройденного устоялось в качествах я как разумный результат пути здесь. Как произвольное небо мы шли,

обоняя пространство чувствами, и я делал вид, что ничего не понимаю в создаваемом мною эго души здесь, я просто хотел обнажать пространства яви до какого-то, не всегда обаятельного, концепта, до какого-то, прости меня, значения я, о котором я не знаю, что сказать ещё можно. Разум не всегда обитаем оказывается при подробном его рассмотрении здесь; там – да, обитаем, здесь ну как-то не слишком. Богоразумные существа мало с ним общаются, вместе с тем обладая порогом чувствительности, почему-либо выставленным за дверь. Высший свет обязан трудиться в нас, потому что он для нас здесь существует в образах эго я, а не потому что мы его приёмники, не имеющие сердца, не обладающие им в достаточной степени своего я здесь, своего эго здесь во многих этих ипостасях нашего я.

Да. Давайте находить потенциал свидания в этих пространствах, в этих образах проявленного я здесь. Настоящее время диктует прошлое состояние и мы в нём проявляем себя здесь как воины духа.

Мой Учитель всегда прав. Он сел на камень, и стал думать. Он думал час, два, три часа, мысль его текла ровно, без изъянов. Он старался понять её тут как пошаговое устройство его личной судьбы, сустав света светился перед ним, и он, освещаемый его сиянием, трудился без устали, прилежно трудился, понимая, что это поле, в котором шла его мысль

о нас двоих, настоящего времени этого пространства не обнаруживает, хотя и…

Что-то вы не то записали сейчас, Королева, как это она его не обнаруживает, это поле здесь, то есть я устремлён, я ищу сознательно эти пространства в любви, я смываю с них грязь оков и потом вижу их в чистоте мира здесь. Давайте думать вместе. Словесные облака заполняют поле сознания здесь и мы кружимся в них почему-то. Почему-то мы соразмеряем себя, свои умственные возможности с этими облаками, а потом удивляемся – что это было мол с нами, а ведь вы, Королева, поступательно движетесь в объектах силы. Мне, почему-либо…

Достойная мысль это такая мысль, которая несёт свет сюда, - которая живёт в нём и ищет продолжения в нас самих.

…объектное поле, Королева, это такое поле, в котором свет имеет волю тут, то есть Он видит через призму своих я определяемые Им пространства чьих-то воль тут, я думаю об этом весь день и сам стремлюсь к определённости в рядах я как ты в разуме этого света здесь, в нас самих идущего сейчас.

Сомнения, неопределённость, всё при мне есть, и довольно сражаться с туманами, я ощущаю прилив воли к своему

я, когда ты смотришь на меня в себе, я чувствую - прости мне этот год, весь! от начала до конца, он тянулся как нить в памяти я - как простая связующая нить между мной и тобой, я был немилосерд, помню, и ещё я помню, тоже для чего-то в нас с тобой это есть, полуразрушенное не пойми что какое-то, в чьих-то руках небо безгласое, бессловесное такое, чей путь тот и простительно одинок, как перст указующий он сам себе - сам в себе своему эго, как содержать его в чистоте помысла, или – как ему себя вести. Я постоянно возникаю в памяти твоего я, чтобы ещё и ещё раз произойти в премудрости неба, может быть, сочиняя стихи или ложась спать в образ твоих минут в себе, а что я делаю как не льщу себе мол я мало знал!.. Мысль не бесчувственна – как может показаться, она строит себя по размеру души и тут и там, и всякая воля ей подчинится, если она светла, от света рождена, как я от тебя – ведь я твоё производное здесь, в этой минуте состояния мы, как смысл любого убеждения я сейчас иду, как высокая воля помысла о нас с тобой, и чем выше он, тем пронзительнее и чище небо здесь, тем лучше видны его дали, о, понимаешь ли ты, чем моя сила отличается от бездействия в полях, чем спокойствие отличается от безбрежного сновидения, ищущие – от материализующих свои намерения?.. простые капризы от пророчащих смыслов в нас?.. или ты, вкусив отчуждения однажды во внешнем своём я…

Я надумал это отчуждение, оно было надуманным, оно

лежало между нами произвольным напластованием, почему-либо состряпанным из моих смыслов простого пути постоянного взаимодействия, отчуждение это лишало рассудок настоящего времени - лишало его возможности распоряжаться здесь со своими яяя, поневоле заставляя его уходить в глубину памяти с ещё большими фигурами состояний с пространством мы-здесь, чем просто простые я-ты-мы-все, в которых выражены эти клаустрофобные ниши наших я в нас самих когда мы пьём воду любви из чужих рук, то есть позволяем себя настраивать на получаемое пространство в образах состояний с ним здесь. Когда мы пьём эту воду, мы умалчиваем о себе самих, не спрашивая даже а кто нас ею поит, чья воля позволяет себе это делать с нами. Сиянье света есть Любовь, и это всегда так, здесь в нас она сейчас идёт, как память мы, везде. Я сутки спал, прежде чем, очнувшись, понять свою предубеждённость - свою проявленную предубеждённость здесь во многом, что имело смыслы противодействия для нас с тобой, как если бы мы трудились ради него в себе, как если бы мы поднимали тяжести для того, чтобы доказать себе самим, что этот труд тяжёл.

Я не люблю Москву, потому что она пуста, холодна, безлика для меня стала во всём своём многообразии лиц, охваченных каким-то безудержным отчуждением, освоением пространства мзды, может быть, ты не хочешь этого знать и потому отворачиваешься от этих слов, что же я делаю всё-таки,

поступая согласно своей совести сейчас и желая быть ей полезным - быть её проводником тут. Я беседую с тобой, Блаженная Ксения Христа ради юродивая в мир пришла, обладая силой любви, и она сказала нам обоим какая это сила, как её много может быть, если она обожена.

Да, я исчез из Интернета, потому что перестал участвовать в проектах, связанных с его пространством, и потом ещё это, совершенно особое, мне только что надоело спать, я открыл глаза и стал видеть настоящее время мы сейчас, его много у нас с тобой, я делаю то, ради чего я здесь, здравствуй! мне нужен свет.

18 сентября

долго ли коротко ли, только дело в том, что наше поле являет собой пространственное состояние, и что же из этого следует, а то, добрая моя Королева, что называется мои координаты существуют здесь, вязь пространственных букв и есть эти координаты, в которых мы выражаем свои свойства - состояния с производимым пространством я в нас, мы качественно определяем это поле собой как существа, безгласое мы плюёт в уши и мы слышим вой вместо ветра, как быть в этом случае?.. чем чище голос, тем яснее пространство здесь, вы думаете об этом, я знаю полюс, в котором происходят эти мысли, я знаю его надуманные свойства, о которых он повествовал вам давеча, и что же мы с вами скажем

ему на это, отмолчим?.. или душевно возбраняемое, порицаемое здесь будет производить свои счёты, не стесняясь, так сказать, никоим образом здесь, потому что оно в некотором роде не существует, да-с, в нём нет того сущностного начала, с которым можно было бы вести разговор, или соотносить свои мысли, и даже отправная точка в нём отсутствует как память я-здесь, вот ведь какая петрушка.

Для чего это говорится?

Чтобы понять мудрым оком. Я думаю сейчас об этом сам, как о некоей казуистике, в которой маются души, не имея опоры для себя, не имея сцепления с этим небом души, а потому это выгадывание пространства, не более, - что перестаёт думать о себе как о части мира большего, то становится неугодным или не обязательным.

Вот, изволите видеть, Учитель, я хочу, чтобы этот человек был добр и не имел силы недобра в себе, чтобы эта сила истощилась в нём самом и не имела бы пристанища в его душе ни в чьём образе пространства мы здесь, чтобы его поля очистились от огней неправедных и стали ясны сами в себе как свет истинный, чтобы любовь его мало-помалу совершенствовалась и становилась подлинным небом я для него самого. В его душе есть свет, и он виден отовсюду бывает здесь, и чем же умолить мне Бога о нём как не лучшими ми-

нутами, от которых свет во мне и я живу им здесь.

Во мне много накопилось неизглаголимого здесь. В этом ворохе писем, может быть, лучшее обо мне сказано. Я необъяснимо любим тобой в себе - сам любим, а не потому, что ты хочешь этой любви тут. Во мне нет мысли противиться ей или что-то претворять, - нет, лучше я скажу иначе об этом. Что-то, просящее нас о себе, есть в этой истории наших я везде, что-то, что просто происходит в мир вместе с нами и делает это, потому что мы любим как сознательные единицы сущего неба, как самостоятельно мыслящие пространства этого неба здесь, в самих себе, в нас самих, в наших я, возможно, что это такое, что желает видеть здесь себя сквозь память наших дней в любви - что это? Какое-то открытое поле сознания бездействует в нас, пойми, оно почему-либо лежит втуне, не осваиваясь, замирая в шепотах лиц, наивно шелестя странными видениями, может быть, исходящими от него, и потом снова настойчиво просящим быть справедливее, отстранённее и справедливее к нему, быть чище, последовательнее и не выторговывать для себя милости у империи недобра, так ли я это сказал как хотелось, так ли ты это услышала от меня в своём я. Убаюканное эго повисает на нитях образов я и становится формой сознания без я вообще - без такого вот я, способного вычленить себя из этого пространства образов-соединений в получаемых результатах своих минут здесь. Но дело в том, что я не образ, я

есть живое лицо, в котором свет жизни происходит во мне самом здесь - во мне самом он идёт минута за минутой становясь мной. Средоточие любви память пространства я-тут, память производимого счёта с этим небом тут в нас самих, настоящим временем исчисляемым, которое вот оно, тут и есть. Разум бесконечен как мысль о любви сознания к труду, и он ничего не даёт тому, кто не хочет этого знать о нём. Поучительное эго трудится как пламень, соединяющий нас, в пустоте мы ничего не происходит, как бы мы ни желали задохнуться в глубине ограниченных миров, свободных от состояния с совестью здесь, свободных и потому отторженных от неё в себе как от животворящего огня судьбы в нас.

19 сентября

Тружение суть судьбы - тружение и не имение недобра в себе. Вот путь, он лежит в пространствах я как соединяющее нас небо сейчас, и я тружусь в этом небе, я появляюсь как маршрут твоей мысли, я проявляюсь тут так, на этих страницах, сам, в проступающих причинах нелинейных этих явлений определённого толка, обладающих током, свистом, сооружаемых с помощью призрачных материалов, из которых, может быть, состоим мы сами в бурлящем времени пространства, издавая звук своей собственной судьбы, мы плывём во времени я как бескрайнее поле, в ограниченности которого есть какой-то странный, может быть, смысл, или не смысл! нет, а состояние, из которого вылупляется наше эго в

поминутном этом я. Сохрани меня в себе как состояние, для которого я предназначен здесь, как потерянная пластинка, в звуке которой был растворён я сам, да, - я, обретающий твое небо здесь с помощью звуков, или – символов этих звуков, в них мы ходили путями лучших времён. Недосказанность суть мнящееся тебе здесь я.

19 20 сентября

Тружение суть судьбы - тружение и не имение недобра в себе. Вот путь, он лежит в пространствах я как соединяющее нас небо сейчас и я тружусь в этом небе, я появляюсь как маршрут твоей мысли, я проявляюсь тут так на этих страницах, сам, в проступающих причинах нелинейных этих явлений определённого толка, обладающих током, свистом, сооружаемых с помощью призрачных материалов, из которых, может быть, состоим мы сами в бурлящем времени пространства, издавая звук своей собственной судьбы, мы плывём во времени я как бескрайнее поле, в ограниченности которого есть какой-то странный, может быть, смысл, или не смысл! нет, а состояние, из которого вылупляется наше эго в поминутном этом я. Сохрани меня в себе как состояние, для которого я предназначен здесь, как потерянная пластинка, в звуке которой был растворён я сам, да, - я, обретающий твое небо здесь с помощью звуков или – символов этих звуков, в них мы ходили путями лучших времён. Недосказанность суть мнящееся тебе здесь я…

я столько раз брался за перо (прибор для письма), происхождение которого мне самому неясно пока, потому что я нашёл его постигаемое здесь поле мыслей - как находят лучшее состояние в себе самих, в своём я сейчас.

Мы запутались с тобой в проводах, сейчас распутаемся - эта башня вышла не случайно, башня, вокруг которой бушует море сейчас для нас тут с тобой во всех ипостасях я сразу, то есть ты думаешь об этом так сама. Я знал, что нам предстоит встретится где-то там, в чьём-то доме, я только не знал, что ты будешь почему-то бояться меня самого, как тебе объяснить это ещё, ну в общем стесняться быть со мной заодно - так, что ты будешь совершенно другой женщиной, чем тысячи их, мимолётных, ни к чему не обязывающих, я так думаю теперь, что ты будешь постижимое пространство судьбы для меня и так далее здесь, во всех этих каналах связи нашего головного я, по меньшей мере.

Я всюду хотела быть с тобой, во всякой точке, почему это так?.. скажи мне теперь – ведь этот ответ существует.

Я думаю об этом с новой силой, я так думаю об этом – ты сидела взаперти в своём я и стала во всём видеть себя, постоянно присутствуя в разуме, только в нём, а потом я открыл дверь в иное пространство мысли души и началась ты

я здесь.

19 20 21 22 сентября
ул. Дружбы

Тружение суть судьбы - тружение и неимение недобра в себе. Вот путь, он лежит в пространствах я как соединяющее нас небо сейчас, и я тружусь в этом небе, я появляюсь как маршрут твоей мысли, я проявляюсь тут так, на этих страницах, сам, в проступающих причинах нелинейных этих явлений определённого толка, обладающих током, свистом, сооружаемых с помощью призрачных материалов, из которых, может быть, состоим мы сами, в бурлящем времени пространства издавая звук своей собственной судьбы, мы плывём во времени я как бескрайнее поле, в ограниченности которого есть какой-то странный, может быть, смысл, или не смысл! нет, а состояние, из которого вылупляется наше эго в поминутном этом я. Сохрани меня в себе как состояние, для которого я предназначен здесь, как потерянная пластинка, в звуке которой был растворён я сам, да, - я, обретающий твое небо здесь с помощью звуков, или – символов этих звуков, в них мы ходили путями лучших времён. Недосказанность суть мнящееся тебе здесь я.

я столько раз брался за перо (прибор для письма), происхождение которого мне самому неясно пока, потому что я нашёл его постигаемое здесь поле мыслей - как находят луч-

шее состояние в себе самоё, в своём я сейчас.

Мы запутались с тобой в проводах, сейчас распутаемся - эта башня вышла не случайно, башня, вокруг которой бушует море сейчас для нас тут с тобой во всех ипостасях я сразу, то есть ты думаешь об этом так сама. Я знал, что нам предстоит встретится где-то там, в чьём-то доме я только не знал, что ты будешь почему-то бояться меня самого, как тебе объяснить это ещё, ну, в общем, стесняться быть со мной заодно – так, что ты будешь совершенно другой женщиной чем тысячи их, мимолётных, ни к чему не обязывающих, я так думаю теперь, что ты будешь постижимое пространство судьбы для меня и так далее здесь во всех этих каналах связи нашего головного я по меньшей мере.

Я всюду хотела быть с тобой, во всякой точке, почему это так?.. скажи мне теперь – ведь этот ответ существует.

Я думаю об этом с новой силой, я так думаю об этом – ты сидела взаперти в своём я и стала во всём видеть себя, постоянно присутствуя в разуме, только в нём, а потом я открыл дверь в иное пространство мысли души, и началась ты я здесь.

Во всём праве правды, сохраняемой в нас самих как ипостась Богоугодного пространства судьбы, Богом развиваемо-

го в предельно сжатые сроки, если оно от мысли Его идёт в нас. Я скрою навет, и открою дверь добра. В нашем пространстве нет зла, если оно не от нас идёт сейчас, если оно не строит своих причин в нашем эго центре сил любви, в нашем воспринимающем этот мир эго здесь, в котором мы живём сами всё-таки.

Какая жалкая игра в отсветы воли в нас идёт, когда мы струим свет в продушенные комнаты, попросту говоря в проекции наших я, в которых нет слушающего уха, а есть популяризация тёмных сил, истощающих пространство судьбы, изматывающих на состояния все её благие намерения, облагороженные пространства становятся нищими полями, ложащимися под ноги любого хозяина воли, обремененного, или обладающего проективной способностью мысли соотносить свои черты с этим небом в нас. Где же право на сокрушение этих сил, на истощение поляризующих нас пространств. Во многом я открыт для тебя, но вот есть ещё одна глава, о которой ты ничего не знала. Обременённые этими пространствами в себе, мы стоим на песке времён, и кажется, уж сколько их, времён этих утекло отсюда в канистры с этой волей, безумной, - безуглой, по сути-то своей.

Построй мне дом в своей душе - я буду в нём жить сейчас на памяти я как реализованное тобой хозяйство мысли в состоянии сна, определяемого тобой как явь каких-то при-

чин. Кому я нужен во всём этом пространстве космополитических бредней о предстоянии Бога душе, если её нет у меня и Ему – Ему некуда смотреть тут. Он, попросту говоря, меня не видит в себе, составляя свои причудливые пространства без меня здесь, без моего эха в Нём самом. Сумасшедшая двуличность, - сказала ты мне на это, - ты претендуешь на объяснение своих черт (чего? души я), не имея их при этом. Такая казуистика плохого пристанища воли никуда не годится и нет смысла рисковать состоянием мысли с ней (аббревиатура моя прим. автора этих строк), разум лепечет, отвлекаясь на чуждые представления о себе, ему не с кем поговорить в этом я, которое есть мы сейчас везде - так волнуются эти небеса, отчуждая от себя липкие воли пространственных ганеш, опустивших хобот в твои ручьи, о, река жизни в нас (??), как правильное безумство ты слышишь эти слова, отчуждая здесь их сакраментальный смысл, а где же я в таком размере разума, из-за чего волнения небес возникают - возникнут из-за чего, последствия волны становятся явью здесь и так далее, по ходу действия этой мысли в нас об образовании шлейфа, из-под которого виднеются чьи-то ноги - с чем я вас и поздравляю, Королева моя. Признаться, я уж очень небеса эти вознёс на недоступную памяти высоту, как бы они идут и ничего не сеют в разумных причинах света. Что за уготованность такая, добрый мой Учитель - вы вперёд себя корабль дураков отрядили в пространство-то, не пойму я конкретно мысль вашу, от расстояния, видно, истаявшую

тут, да в пределах одной судьбы прочесть её невозможно стало, так душа та велика сделалась.

Вот урок, который мы с вами обоюдно… во всяком случае, Королева моя, я против иносказания в определённых масштабах мысли. Во всём пространстве моих минут, и нет смысла лгать вам сейчас, как процесс узнавания в настоящем времени я, во мне строятся эти ряды паранормальных обскур памяти, во мне они идут, как прелесть жанра обоюдного обмана памяти, сохраняющей важное как неважное, и сохраняющей это к тому же без особого разрешения институтов сознания здесь. Например.

Вы неудовольствие выражаете?..

Я выражаю радость, обретаемую в отчётливости мыслей.

Послушайте меня здесь сейчас. Я готов идти хоть куда, в какие угодно масштабы сознания, соизмеримые. Я думаю о тощих этих коровах, в чьих полях я не умею жить. Я не умею плести корзины из несуществующих причин, поймите, я не умею быть правильно понятым в коммутативных свойствах лабуды здесь, а вот и я, как гром среди ясного неба памяти, где я был, а где ты была, когда мы любили друг друга, лёжа в одной постели сейчас, в той самой, душа неба зреет постоянно, созерцая эти миры в любви света к себе, создаваемом в

нас самих постоянным отторжением тьмы, прокрустово ложе финансовой лжи, состоящей из права на обман здесь любого, кто к ней прикоснётся, дотронется, обжигая сознание Богоугодного неба в себе. Я, что же, по-твоему - мир караулил, когда он рухнет во мне самом, чтобы затем занять его место престижным балансом миссии с небом здесь - миссии, прости меня, ничего не стоящей без этого неба, кому она нужна, если под ним никто не живёт в анналах своей памяти своего я. И я, и ты, мы оба умеем быть сильными сейчас, в этом дне сейчас, в этом праве своего я быть таковыми без полоумия в расчёте на испуг. Сам не зная почему, я вдруг осерчал на эту глупую казуистику, в предельно сжатые сроки затянувшую нас обоих в абсурдные проценты зрения отсюда туда, в парадизы смешных мальчиков и девочек, да уж, из которых мы выросли и стали жить как взрослые люди в своих я, в своих. Почему я всё время думаю вместе с тобой об этих днях, в которых я сам…

24 сентября
ул. Дружбы

Запредельное сознание бастует, ему не нравится что мы тут прохлаждаемся, так сказать, в вольности этих дней, сохраняя некую общепризнанную дистанцию в своих я. Я постоял на пути, да и пошёл домой. Отчего же так далеко мой дом оказался, если я и не шёл никуда, а, почувствовав это небо над своей головой, попятился назад, разве?- спросила

ты, - мне почудилось - ты насквозь пробежал, ну прости, я так думала сама. Просто я долго шёл на одном месте и вот оказалось, что я достиг результата, будучи приставлен к твоему носу в качестве фигляра настоящего времени тут. Потому что я насмехался над твоими успехами везде, в сознании тоже, я принципиально хотел жить тут как, прости меня, фикция отчуждаемого тобой мира в себе, потому что я был безнравственен во всём, что происходило с нами; я не умел быть нравственным, не умел сам ощущать нравственность как задаток пространства мы в себе. Я думал это состояние ничего не стоит, не имеет так сказать облика состоятельности в нас самих, потому что оно легко уязвимо. Всякая воля есть пространство любви, я прежде считал, что мы проявляемся в ней… в нём, всё-таки, в состоянии жара, пара этого жара, прекрасно волнуемое, оно волшебно светится в нас, и так далее. Мы нехотя расстаёмся с ним, считая, что это поле перепахано и идти по нему нельзя всё-таки. Я продолжу тут это, мне нужно с тобой поговорить кое о чём, таком нетривиальном, не требующем никаких дополнений /в/ тексте сознательного взаимодействия единиц мышления в нас самих, сохраняя качества, казалось бы! давно ушедшей любви в нас обоих, мы соединяемся в общее поле я, в котором продолжают вить гнёзда те или иные протокольные души тут, в них, во всём их многообразии я, есть что-то объединяющее, составляющее эгоцентр одного какого-то смысла, во всём этом многообразии эпох ру, из которых вырастают те или иные

смыслы созерцания для нас обоих. Я ведь и прямо и косвенно иду к тебе в этом смысле созерцания, как и ты – ко мне, в нас много одинакового. Я хочу, чтобы ты пояснила причину отчуждения всё-таки, по которой мы, произведя этот свет, стали размениваться в реальных планах на чарующее бездействие в любви. Обласканные чьими-то взглядами мы, конечно, умеем быть примененными, умеем быть в разумных полях своих я вместе с ограничивающим пространством, состоящим из пути-проволоки, по которому требуется пройти, чтобы после сказать себе – да, я это сделал, или да, я это сделала, я сумел, - или я сумела достичь… хорошо бы ещё знать чего, холуйство это непотопляемое. Начни всё сначала, развяжи эти камни на шее и сохрани их как память о прошлом бытии, в чём её сохранять, смещая понятия об образах пространства мы, совершенствуя их волю в себе, мы становимся мало уподобленными душами, мы не те ещё, но мы уже и не эти самодостаточные объекты чьей-то любви, мы способны любить сами здесь, сильно, весело, жадно даже, может быть, не служа объектом воли для тех, кто любви этой не имеет в себе, не зная о её существовании как царя в голове, как постоянно действующего смысла этой жизни в нас самих, я совершенно обезумел от этих чужих мне рук в твоём я, которыми ты писала эти истории, об образах несвойственного тебе неба здесь, от чьих личин шёл непристойный запах. Самозащита без оружия, - как, какие кисели с марципанами осеняют ум, чтобы можно было продуманно верстать эти

строки, сохраняя при этом единство с небом я в том самом определённом соотношении сил судьбы с индейкой, ну да, да, именно это.

25 сентября

Настоящее время есть хозяин положения в наших я, настоящее время здесь, в оккультно фиговом пространстве его нет и его не нужно там искать, оно понимаемо там как состояние души здесь и всякое право на использование его идёт оттуда, а как это понять, чтобы лучше знать себя и не отдавать его в руки потенциальным варварам в собственном я. Вопрос кажется неуместным, включение происходит и моя аура становится приёмником варварских нашествий в моё я, я просто выключаю свет в своём доме и эти варвары перестают меня видеть при выключенном свете сознания, а потом я проецируюсь в их пространство как значение себя самого, определяя собой образ поля, ну а во всём остальном ты и сама способна разобраться, и это есть право на истощение того, что мешает свету проницать мой ум здесь. Я выразил это для того, чтобы ты сумела понять сама как сознательное поле, спроецированное в область превосходящих сил может само отражать чью-либо, суммарно превосходящую, волю здесь в каналах связи я. Я предполагаю, что мы активно создаём поле пространства сейчас, в котором мы всё-таки видим друг друга здесь чем-то ещё кроме глаз или ушей, или даже носа, в котором мы живём как два элемента сознания

во внутренних мирах своего я, как частицы того, внешнего, преступно удалённого от яви подлинника этого мира. Во внезапно открывшемся окне я увидел поток частиц, они шли ко мне отовсюду и становились областью сознания, в которой я сам был значимым пространством воли Божьего ума, во мне была эта благодать и я осознанно шёл к ней сквозь туман неимоверно тугих значений я, во всём моём я лежал этот туман, сладчайший неподвижнейший туман лиц, и этот прорыв означал волю сознания бежать вперёд сквозь продуманные остроты и сегодняшние, сиюминутные, устремления. Заставь себя быть вправе превосходно мыслить, я конкретен и ничуть не уподоблен ничьим перспективам в себя. Что-то неопределяемое пробежало между нами сию минуту - я вдруг почувствовал твоё присутствие во мне.

Я, Боже мой, ангела своего ищу, в нём сила моя живёт, в нём она дышит, как Ты велик и прозорлив бываешь с нами, когда мы чистый помысел о Тебе имеем, так ли Ты говоришь со мной как я о Тебе думаю своими мыслями, свои чувства спрятав от себя самого, от Твоих высот, может быть, их спрятав, и потому как бы без них идя к Тебе в помысле моём.

ОКТЯБРЬ. Словесные облака

19 октября

Ну вот – перед нами некий путь, почему либо утруждай себя, я прошу, ведь ты умеешь это делать, область за-

чатия обременена определённым маршрутом мысли, я стою этих значений как знаменатель определяемых мной событий - определяемых в качествах воли здесь. Я просто хочу быть понят тобой сейчас, сам как есть я тут. Во мне многое переменилось с того момента, в котором я был для тебя обретённым полем судьбы, обозначенным моим именем и ставшим единственным полем качества для нас обоих тут. Я стал тише и порядочнее, я стал практически применим в твоей жизни сейчас, я обрамляю своим я твои пальцы и они идут ко мне, чтобы проявить начало некоей середины. Вокруг порядочных людей нет мишуры звука, они не ищут знаковых пространств в ней, они не обрамляют себя знаками этой мишуры, то есть значениями, умаляющими совесть в конкретных обстоятельствах. Я вижу как тебе дорого обошлись эти дни в конструкциях не твоей памяти, мне сейчас нужно понять почём этот хлеб сумятицы сознания в нас - я ведь предельно просто веду тебя.

20 октября

Вот что тут, я думаю. Вокруг нас с тобой есть одиозное поле, в качествах неразборчиво оно, это поле, проистекает оно от почему-либо неустойчивого сознания, я думаю, в котором множатся цифры на свои же пять пальцев. Сознательное стремление есть парадокс воли, если угодно, и с ним не нужно считаться, если это стремление отупляет ваше я. Если оно, Королева моя, становится потребителем в ущерб про-

исходящим здесь полям, мысль моя верна во всяком случае, так как я отложил дела и бегу к вам по дороге субординаций памяти, осознанно бегу по памяти к вам сейчас, всё быстрее и быстрее. Тут ведь вот что происходит. В нас с вами абъект застрял, и ни тпру ни ну, как говорится, и сила воли тут ни при чём. В нём кажущееся явленным представляется и наоборот тоже, а вести эти для нас с вами готовятся. Я способен понять происходящее правильно. Я знаю об этом сам и мне не нужно (да-да, - так говорится сейчас) стул подавать, чтобы я сел, я постою. Впрочем, вращая адрес в своих руках, подумайте немного вот о чём. Во времени происходят самые обычные состояния, я ем, я сплю, я вкушаю свет, я перестаю определять пространство, если я этого не делаю - я перестаю понимать его происхождение во мне и мне не с чем обратиться к нему как я не определяем для него в своём я. Вы по-своему, конечно, самоощущаете себя здесь в качествах, присущих вам самой, и верхние доли имеют дерзновение проявлено жить в вас как состояние с небом тут, так вот об это поле скала разбилась, об этот корабль, я вам так сказал это. Что синонимия в памяти бывает обеззаражена верхними волями, так это и есть свет, который по любви даётся нам тут, как чудо, с которым сравнить ничто нельзя, ибо оно несравненно, и нам с вами, Королева, пора знать об этом, я думаю. Как не определяемо было то подобие для вас самой в каковом ваша воля происходила, от ваших рук отщепляясь, да, я так сказал это (поистине свет могуч, а с ним мысль

моя идёт к вам), во времени перспективу памяти затрудняя в залежалых этих пространствах практического обстояния, то есть проще говоря, на дне нетрезвой этой памяти я, об которую свет бился, да с чем ещё рука та шла, от небес волю отстраняя, каковую им иметь при себе положено, да, так; и что проективное пространство в них несло заместо воли, как сны о себе самоё тут, мне самому вам это сказать удобно надо.

21 октября

Навязанная модель отношений с А. есть результат. Я горожу выспреннюю чушь, надо проще об этом говорить, проще относиться к состояниям в себе самоё и быть вправе отчуждать то, что липнет к рукам как вязь слов об обретении свойств сродни каким-то пустякам, я думаю, откуда этот мусорный ветер веет, да и зачем он здесь. Вы поймите, парадокс сознания, в котором я уживаюсь тут в своих обязанностях быть для вас ни чем иным, только этим я, и всё, и не более, но и не менее, так вот результат того узкого коридора сознания, по которому шли наши с вами я, и есть ответ пространства на выход из положения подобий самим себе, подобий пространственных фигур, абсурд, скажете вы, набор слов ниоткуда, так, пустующие величины, ан нет! Королева, и не делите пространство на шило и мыло, в мешке их нет. А чтобы нам не показалось это методичное обслуживание чьих-то морд (поистине это так, Королева) нашим с вами служением

воле здесь, я возьму и тресну сейчас по лбу некое вы тут. Это не ступор воли, знаете, это просто память так поступает, говоря себе ах, ну да, а я и забыл (или забыла), что нам вместе надо быть, простите. Диковинная лажа, уж так вот пришлось сказать, просто бум слов о себе, из которых следует, что я пространство без применения здесь, а вы что молчите? Нет, вы молчите ведь, вам память прислать об этих наваждениях?.. Ах, конфликт настоящего с поддельным прошлым из сегодняшнего дня, не молчите, прошу вас. Я постоял за своё поле, и оно пробудилось от тугой этой спячки в разуме не своего я-здесь, я дам вам знать об этом, не беспокойтесь, потому что я знаю как это сделать – отнять своё прошлое из пустующих рук ложной, Королева моя, судьбы здесь. Вы спите в адресе того неба, то есть вы очарованно проецируетесь как путь там. Нам с вами нужнее нужного сейчас всякое пространство, способное к движению мысли в анналах. Всякое поле да прибудет! к вам как светлое пространство здесь, и ко мне тоже, разумеется. Я всё-таки переоденусь тут и встану рядом с вами, чтобы наше я отчётливо понимало какие-то субстанции, вихри слов идут от той середины в коих мысль становится насильственным движением души от я к кому, к пределу памяти, от я к разуму ответа обратитесь, вот что я вам скажу - к разуму определённого ответа в нас здесь. Я право на посей горох взойдёт поле пространства отнял у вас нынче, так как оно слишком большие всходы дало; нам столько не употребить, простите. Всякое прободение па-

мяти чревато, чем? ещё большей памятью здесь, с коей мусор идёт к нам - мусор, а не эго в любви. Его нет, если мы мысль бережём от слоёв, выраженных в качествах я как слой для отображения себя здесь, то есть, попросту говоря – не делаем из себя фетиш в памяти мы, вы что думаете, я сплю? нет, я ем вашу память о себе, да, и эту тоже, если вы позволяете это делать с собой мне, я просто приобретаю права на неё как только вы появляетесь в моём я с помощью взяток в виде проекций в моё пространство здесь.

Хорошо; допустим, всё не так просто, как я сам бы того хотел. Случайно я задел ногой стул, и с него упал - кто бы вы думали?.. Ну кто, по-вашему, с него мог бы упасть, не имея опоры в моём верхнем я, так сказать, понарошку прицепившись к нему в себе, кто?.. или я сам скажу вам об этом как о некоем принципе воли быть посреди любви никем, ни я, ни оно, ни ты, просто паук сознания. В верхних эго его нет, в нижних тоже, где же он строит свои аббревиатуры в нас сам, о себе помышляя как о важной принадлежности нашего я в себе (то есть во внутренних мирах нашего обозреваемого нами мира здесь)? Я пройдусь по памяти и вытащу его здесь на свет, да, его состояния с моим я в себе.

Ну вот чем-то вы провинились перед А., чувственно зависимое пространство от вас неумело распорядилось данностью проекций, оно протоколировало их, и только, как состо-

яние с вами в себе, но сохраним ясность ума, слой за слоем пробуждая память к процессу делания во внутренних оболочках я как в пространстве судьбы.

В нас есть это поле, и мы в нём живём как в лучших минутах сознания. Я против осязания пространства бездарными соображениями о вреде или пользе того или иного поступка здесь, так как они нам даны от природы нашего я везде. В нас пространство проживает свою жизнь, верьте мне, Королева, - ведь я тяну из вашего я этого паука безначалия как принципа воли, в котором контейнеры мысли хранили мусор пространств, а не сами эти пространства. Мне хочется побудить вас отойти в сторону от этих разумных правил в себе и дать вам понять, что вы сами гораздо совершеннее этих правил, от коих можно засохнуть с вином в руке, и перестаньте жаловаться на бурду, это вино, Королева, - не иначе.

Достаточно долго длилось это средневековье, простите, в пределах вашего я-сейчас. Я разумею под средневековьем состояние мы вне какого-либо разума, да, его благоволящих нам отсветов здесь, в наших с вами я идущих сейчас, я же вижу, что это так тут. Как нам разуметь то, что по-своему близко, но, или лучше а всё-таки имеет головное усмотрение и не отвечает чувствам в нас самих? Способ усмотрения есть, а вид имеет прельстительный, то есть ну как бы не существующий вовсе для нас здесь в качествах мы эта воля, мы

это осязание, воистину светел мир! да и радость в нём для нас здесь. Я решился, Королева, на важный этап проявления пространства присутствия в нас самих как эго созерцающего нас мира во всём его многообразии, в котором наша воля отражается, как в сутолоке дней, так и в качествах нас самих тут, из которых мы сами состоим как из волевых пространств нашего я, в которых мы носим наше имя. Мы носим наше имя, я своё, ты своё, и моя фамилия память обо мне здесь. Мне не важно, знакома она тебе как производное [чьих-то лиц судьбы] или я сам придумал её себе, вот так, - взял и придумал однажды, с потолка взяв как настоящее время для себя. Оно стало проявлять меня здесь в моих аббревиатурах сознания. Я хотел доказать себе самому, что пустая оболочка может наполниться волей осязаемого пространства здесь, и стать им, как фигура в адресе, это есть то в качествах передающего пространства нас, в которых мы сами качества постигаемого нами я. Вам надо постигнуть это свойство материи быть звуком сознания в нас самих, для которого мы воля определяемого им пространства здесь, как проекция памяти в него, всегда движимого какой-то точкой извне, в которой находится то или иное состояние с ним, сохраняющее свойство материи быть сформулированным объектом, телом, по сути, по мере наполнения этого объекта смыслом он становится осязаем чувствами и ложится в память как связанное с нами производное от нас же самих здесь. В нас это производное ущемляет память, делая её своей собственностью на

те пять минут, из которых оно состоит – ведь оно состоит из времени, и, наверное, будь я сам поупрямее, я бы настоял на проявлении этого времени впрямую как настоящего момента памяти я, но я этого не сделал и мы обретаем смыслы, проявляя их, как проекции памяти мгновенно.

22 октября

искушение как вставляемый в сознание объект, он живёт своей жизнью и тянет вервие воображения на себя, прости, я тут как некое пространство, в котором выражаются некоторые идеи об этом мире причуд. Будьте любимы, Королева, сами в себе, и я порадую вас определённостью [сродни воле] настоящего мы, в которой кружево пространств становится по меньшей мере светоносным, светозарным состоянием я в нас самих, вот почему. Я ни с чем вас не сравниваю и мне просто нравится ваше присутствие в моём доме настоящего времени я, ну да – понятийный сброс памяти произошёл, простите, как накладная к науке жить вовремя, становясь тем, что ты есть во времени, а не в воображаемом мире я - как кто, как эго содержащее пространство, становящееся по мере его использования принципатом воли невесть откуда взявшихся проекций, вот ведь что. А они, простите, шли, топали, так сказать, по вашим дорогам сами, эти объекты чужеродных воздействий на я в нас самих, и как скрыться от них, или что надо сделать, чтобы эти объекты наслоенных на память воль, не обескураживали суть происходя-

щего здесь я. Я верну вам память, я обещал, и сделаю это сейчас, тотчас, как только вы сами состоитесь, то есть облагороженное пространство судьбы ответит на вопрос памяти кто ты. В нас есть этот ответ. Он бывает забаррикадирован тучей стрел, топонимия скачет по строчкам и мы тотчас сдаёмся, не чувствуя подвоха, не чувствуя, я думаю, позитивного пространства нас самих здесь, в котором мы живём сами в себе, объявляя его запретной зоной нашей души для тех или иных проекций в память я, которые идут ни с чем, просто поживиться за счёт вольных сил состояний, как бы даром урезывая, отчуждая на себя лучшие минуты я. Во мне гром небесный идёт, сопутствуя пыху молний, для того, чтобы я мог понять сколь опасен этот путь в любви без ответа, я прорываюсь сквозь наития, сквозь государственные границы этих сил во мне, сквозь их беспорядочный шум страниц и я же делаю вид, что я ничего не знаю об этом, что я вижу какие-то марева, мне данные в качестве строк-состояний с этим миром, с этим пространством мира я-тут, и ничем не могу ему ответить в себе, ибо не являюсь его частью тут, будучи подобием узурпировавшего меня самоё я, область сознания которого не является моей областью и поэтому свет не идёт ко мне из неё как качество любви ко мне, к моему состоянию с ним. Но вот что-то объявляет эту границу между нами несуществующей, несостоятельной, если угодно - её нет более, и разум моего я, обделённый этим светом любви, трепещет в лучах нового, неясного мне пока свети-

ла. Моя память обдаёт меня обрывками фраз-приветствий, я чувствую приближение особого пространства в себе, которое хочет видеть меня не обделённым собой здесь, я весь состою из него. Воздух чист, Королева моя, в нём нет памяти зла, наносившего ущерб пространству мы-здесь, и это так. Я сознаю себя найденным в мире слов о любви, о состояниях в любви, я сохраняю единство с ним в себе, чтобы луч этого царственного пути был моим проводником к тебе, к твоему я-здесь. Камня за пазухой нет, - есть сердце, для которого я – живое пространство, жалость и любовь сокрушают его престолы во мгле неведения о тебе, во мгле пустых фраз, исполненных пафоса этого неведения о том, что есть ты, моё имя в буквах этой любви созданного из начальных областей сознания здесь. Я бушую как ветер, сметающий все символы нелюбви! ко мне самому, потому что я был плох в том состоянии со мной твоего я-везде здесь и не делал твоих минут ясным светом в себе самом, я грел руки в них, создавая образы пространств без тебя самой и мне было отказано в тебе сейчас. Так поступает память с теми, кто не желает знать истинного света - она делит и умножает свои секунды на здравый смысл, оставляя без применения сердце в нас, а оно есть жизнь, и оно лупит больно того, кто хочет приноровить свои минуты с путями смрада пространства волшбы, в чьих образах присутствует гниль и нечистота помысла об этом мире здесь. Прости, что я заговорил об этом с тобой сам, осознав это сейчас так остро и больно, осознанно

говорю, по чувству состояния я, которое хочет говорить то, что належало на сердце, сделав его бесчувственным органом восприятия памяти мы в своём личном пространстве сейчас. Я вижу тот день в себе – тот самый день, который обнажил наши отношения, доведя их до абсурда в состоянии мы. Я привык хлопотать о себе как о чём-то важном в любви двух сердец, мне казалось это стоит того, мне казалось я хороший, потому что ты любишь меня, но вот твоей любви ко мне нет, её не стало между нами и я оказался плох. Сотканный из частичек твоего я, я сиял, почему-либо считая это сияние своей принадлежностью, мне принадлежащим светом, ты есть образ воспринимающего пространства здесь, я бы хотел сказать тебе об этом сам, я как в книге отразился в твоём умесердце, потому что я имел его, этот образ я, пойми меня, как стать пространства мы здесь сами живём, я имел его в твоих устах, в твоих плохих обо мне мыслях, и хороших тоже, разумеется, - я весь был соткан из тебя самой как из своеобразной мишуры слов, доносимых до моего я везде здесь. Я только желал, только надеялся, только хотел знать чьи уста лучше споют наше имя.

Отстранитесь сейчас от этого текста, вне какого-либо разума невозможно избежать спячки в пути, и это всегда верно, Королева, - просто проявленные пространства вносят сумятицу в определённый состав мыслей, и мы с вами ощущаем её как нестройный хор чьих-то ещё голосов. Богоугодное

небо проснулось и бдит мысль свою о нас, мы в сомнении пребываем, а не оно, и поймите ещё, что это сомнение нужно нам как часть нашего самосознания, и оно угодно небу - поэтому память бездействует в молчании неба. Я не хитрю как я не лис и не имею пристрастия к животному состоянию ума, в котором сочетаются истинные побуждения с нелепостью причин простого варварства, исходящего из скороспелых соображений; я не мост между вами, я просто вижу всё в истинном свете и чувствую волю как его проявления в себе. А между тем, Королева моя, она есть в наших с вами отношениях как настоящее время подлинника пространства мысли, в котором присутствуем мы сами как значащие его пространства здесь; в нас идёт это время, и мы прямо указываем на него в анналах памяти своих я. Происходящее здесь состояние не случайно, в нём многое предопределено было самой формой сознания, имеющей адрес наития в своём я-сейчас, как и выбор пространства силы состояния, силы разумения, да, если угодно, этого состояния. На небе нет звёзд, потому что они скрыты тенью близлежащих форм, они вызывают немоту, вихрь идёт и уносит эти формы, они уходят, растворённые этим вихрем в нас, и мы становимся правомочны в своих собственных я-сейчас, обедненных до этого этими формами. Связи гигантских масштабов памяти открываются нам в сознании - мы видим их воочию; они ничем не скрыты от нас - мы сами их видим, переставая на миг другой понимать, где мы вообще находимся. Обладая способностью так

видеть, мы молча созерцаем пространство, в котором Бог видит жизнь нашими глазами воплощённой души неба. В нас происходят эти движения воли и мы осознаём это тут, принимая форму состояния с Ним в себе - как кто, как я, разумеется, и это состояние наиболее правильное в нас самих.

22 октября 1

1.

Тут некоторое количество диковинных слов лежит, держа вас за руки сейчас. В отдельных слоях воздуха этого неба кружатся вальсы, а с ними и я в вас. В нём, в этом небе сохранены для вас размеры души, - сохранены как визионерское пространство. Кстати, Королева, вам на память идут эти слова, не так ли, сейчас, а в них какая-то еретическая мысль чувствуется, не совсем привычная, может быть, о каких-то соответствиях вашего я чьим-то ещё потенциалам судьбы, чьим? уж не моим ли, или я что-то не то подумал, в нас какая-то пустыня жаждет, а где она идёт неведомо то. Память строит из неё что-то, какие-то рифлёные поверхности, да только мы не узнаём их в себе что-то как поля каких-то пространств.

23 октября

Знаете, что я подумал о вас, вы слишком сильно бываете направлены. Смыслы предубеждений не стоят этой направленности сейчас. Я обдумаю, Королева, а заметьте ещё, что эта направленность не есть целеустремлённость, и почём

снег, как говорится, если он в прошлогодних - ну да ладно. Вам верить надо. Об этом дне память сама побеспокоится, отдайте ей решительно всё, что она таскает за вами, из себя вымарывая, за тем и идёт, простите душевно. Ну что-то там такое кому-то покоя не даёт, ведь вот что. И не мысль даже это, просто волнение, об чём, - что за волнение, на тему какого дня об вас ударяется здесь, с чем, так сказать, пожаловали, от себя ли идёте, или прислал кто, беспокойство своё унять желая, о чём оно идёт, запредельно так мысль тревожа неясными построениями памяти во мне самом.

Вот что, Королева, сделайте, что-то очень сильно хочет выйти на свет, так сильно, что кажется само смысловое поле вздрагивает от этой силы, которая бьётся в памяти, не имея другого выхода кроме неё, и кому как не вам понять это должно сейчас.

Поразмыслив о том, чего нет, мы долгое время сидели в молчании сейчас, то есть мы думали каждый своё тут, или делали вид, что думали, накапливая в себе самих истощающую массу слов, потом она стала опадать, становясь тем маленьким жалким месивом чьих-то умозрений на нашу с тобой жизнь, которое прободало память извне, организуя это пространство таким образом, что оно выглядело неважно - неполноценно, обиженно и уродливо. Как круг оно замкнулось само в себе восстанавливать свои значения во мне. Я

сел на стул, попробовав сдвинуть с места эту реальность в себе, я стал стараться переубедить её грезить плохими мыслями обо мне, то есть теми, которые не делают добра нам, она поддалась, и этот, когда-то могущественный шар лопнул, обдав вонью, лопнул, разлетелись его составные части, не стало больше краденных им минут моего я, перестали действовать его фальшивые наветы на мою память о тебе, отворились двери, которые не были видимы мной даже, о существовании которых я ничего не знал. Эти двери были заперты, занавешены, так сказать, моими поступками, которые я отчётливо осознавал как лучшие для того времени нас здесь, я был малоупотреблён что называется, я был сам по себе я и не имел значения в твоих глазах как то, что имеет к тебе отношение какое-либо иное, кроме неприятия тебя собой. В нас обоих вертелся этот шар чужих мнений, нарастая, накапливая свой потенциал за счёт внутренних монологов с ним, внешне он обуревал пространства какой-то жухлой спесью, и не имея смысла, обретал его во вне, просто зацепляя чьи-то умы своим омерзительным видом. Я понял это сам наконец-то, накинув узду на те значения поистине горьких слов, чья неразборчивая масса, готовая к употреблению, состоит из малоосмысленных путей, малопонятых, может быть, и потому безвестных. Область значений передёрнулась от этих слов, почувствовав приближение воли большего порядка, чем та, которая руководима была ею доселе, а вот знайте! об этом, Королева, что синонимия не исчисляет-

ся этими процентами глухоты в сознании я; она исчисляется другими величинами, от которых тепло приливает к крови и становится угодно душе во всём мире я, и чем теплее мера, тем проективнее пространство, тем проявленнее оно само в себе становится, а с ним и я. Без сомнения это так, Королева моя, и Богу угодно расширить ваши владения, земли эти, отписанные той душе, к вам теперь возвращаются, а с ними и память. Под землями я разумею пространства воли вашего я, определяемые чертой сознания в нас самих, почему-либо замкнувшегося на своеобразный код в анналах памяти я, как нелепое соображение о какой-то там черте, через которую переступить нельзя, якобы она перед вами идёт и жаром пышет, как столбом пыли вертит, через себя не пропуская, а это на деле пустой звон, то есть морок, вот так.

И это не шутка какая, Королева, это взаимодействие с пустым полем, в котором память барахтается, как в тугих тенетах, к которым сердце привязано в любви бывает, а с ним и вся любовь ваша в них опутана делается, становится, а вот пламя то душу ожгло, и не стало тенет, засвеченная та сила оказалась тут.

Ну, хорошо. Давайте двигаться в тумане почему-либо сказанных слов, сохраняя при этом двигательные способности души в нас самих. Что же получается, Королева моя, значит ли это, что всякая воля способна воздействовать на верхние

слои сознания здесь, будучи снабженная полномочиями чересчур рьяных сторонников демократии успеха в сердцах, или пандемия образных инсинуаций способна поглотить любое пространство вообще как состояние с этим миром в отсеках памяти, отсебятиной бормочущих смыслы яяяя - ? ЯЯЯЯЯ организм воли здесь, ЯЯЯЯ отнял этот мир у тебя и сделал его своим, ЯЯЯЯЯ и так далее. В чём смысл?..

Вне взнервлённого пространства этого смысла нет, оказывается, и он остаётся сам по себе никому не нужным состоянием с волей того, кто его создал в нас на потребу своих личных амбиций, от коих мура становится мерилом поведения, МУРА. Мысленная мура, игра в прятки и неизбежное фиаско, Королева моя, конкретных форм, обнищание их с переделом пространства воли в объектах памяти я.

Во внемышленном я это всё происходит, поймите. Несостоятельность как фактор любви никогда не была правом отчуждения земель, никогда. И никогда им не будет, вот уж поверьте теперь, я знаю, что говорю вам.

27 28 октября

не смейтесь, Королева, только надо нам с вами потолковать, подумать вместе об объекте чьих-то умственных настояний, с чьей волей память выстраивает здесь обретаемые яви. Кристально честный взгляд в пространство называется

любовь, и это, до обморока доведённое письмо, сохраняет его свойства в себе. Чем дышит воздух, тем оно и является везде в нас. Это поле пространства мысли о любви, данной, даваемой тут нам для того, чтобы мы с вами умели понимать этот мир собой. Стратосфера накалена исходящими причинами ветра сознания, мысли заглушаются, мельчают до поры, вихри воздушных медиа сигналов бушуют, как крепость под напором проявленных в памяти пространств высшего смысла в любви. Я каюсь в содеянных мной фальшивках сознания, я должен обесточить их тут и тогда правда выйдет прямым ответом пространству я здесь в нас самих. Вне внимания остаются многие проекции. Богу угодно было сделать нас однолюбами в своём я-сейчас и таким образом создать этот мир в себе, мы – часть его, воздух реагирует с нами и надлежащее становится протоформой сознания. Я состою в объектах воли вашей милости здесь, и это даёт мне право высказывания. Я голову вам морочил, обедняя пространство, оказывается, своими сиюминутными соображениями об истечении сил воли в какое-то другое-третье поле, а вы прислушивались ко мне, чтобы занять своё время моими мыслями. В нашем с вами поле [сознании] кто-то жизнь прожигает, хищнически разбазаривая данное ему от Бога сердце в любви, а вы верите, что оно там трудится, да, я вам доверил не Бог весть какую тайну сейчас, Королева, да вы осознайте её почему-либо. Мне надо помочь вам разобраться в этом. В начале этого послания я должен извиниться за выбранный

тон, он мне самому неприятен, просто я очень хочу быть вам полезен как продуманное свойство, а не враль в апофеозе, простите, собственной лабуды. И вот я берегу уши от мороза. В нас много накопилось невысказанного, не имеющего, в общем-то, значения сейчас, а это делает ум озабоченным и ставит ему препоны для осознания некоторых идей, сумбур памяти становится невыносим в некоторых случаях и я стремлюсь навести в ней порядок, осознавая некоторые процессы в своём я, чьим организующим началом является ваша мысль обо мне в своём я. Ну вот прочтите это - я старался понравиться тебе, я старался произвести впечатление благоразумного идеолога твоих затей, я хотел знать куда они ведут нас с тобой, да, и это привело к образу вымышленного пространства нашего я. Понимаешь, я был увлечен тобой настолько, что наши мысли сплетались, осознай сейчас это. Вот память, в которой я жил до сих пор с тобой в пространственных этих инвективах я, я жил с ней как с тобой; тут она ушла от меня. К тебе вернётся сейчас моя аура, в которой содержатся твои образы настоящего времени мы, ты почувствуешь это как творимое в тебе самой я-сейчас, пойми после, ты ведь очень сильно хотела состояться, быть, в общем, прими это как есть, я «вслепую» проговорил с тобой столько лет, обманом задержав тебя возле себя, чем я только не обволакивал твою память, чтобы разум не сообщался с ней и не мог по этой причине вызволить её как-то от меня.

Вокруг полей пространственных сил всегда есть принцип

согласия, согласованности. Он выражен, или выражает себя во временных кодах сознания. Это есть то по причине согласованности в анналах памяти с каким-нибудь объектом, отчуждающим пространство времени (да) на себя, на свою волю в каналах памяти, истощая её заимствованиями. Гибель государства зла была предначертана в книге судеб, как вам должно быть известно, она явилась в нашем сознании правом на предупреждающие знаки здесь, во времени, в нашем соединённом я-сейчас. Верхние доли осознают это пространство в качествах, присущих настоящему времени, мы состоим из этого времени, если можно так выразить то, что происходит перед нашими глазами и составляет план сознания для нас тут. Течение мысли может, или способно, отразить проекции в память, которая однако вербально насыщена бывает и не всегда ей слышен голос пространства тут в наших я. Да, смыслы велики бывают, Королева. Государство, о котором я выше сказал, должно изойти, стать неправомочным, так сказать, в яви, и нечем ему помавать будет нами. В высших смыслах эти конструкции рухнули как стать яви. Я, как вы подумали, отчуждаю вас от высот, но это не так, проведите аналогию с конструктивным мышлением, я научу вас. Приворожённая память бывает двух родов, она или приспешествует чьему-нибудь велению или сама горит, то есть вы говорите, но вы не слышны никому, даже близлежащему пространству здесь, как бы речи те не важны ему. В верхних долях происходит прилежание чьих-то уст и настоящее

время съедается ими прямым воздействием на чью-либо память. Сколь мелок и горек ни был бы тот персонаж, а он есть и право на истощение сил воли ему никто не давал взаймы, то есть на использование не своей воли тут для процесса роста духовных сил, в которых вы сами нуждаетесь, и я пропою гимн тому солнцу, которое осветит ваш дом превосходным лучом здоровья и сопряжения сил с лучшим пространством здесь.

Ответьте мне на мой волшебный вопрос, я хочу знать по праву сохраняемого между нами состояния я – ты, о чём вы думаете, соединяясь со мной в пространстве, о каких качествах или премудростях воли вы помышляете в своём единственном я-мысль здесь?

Ответ: я думаю о себе в третьем лице; вопрос лишён смысла для меня здесь.

Хорошо, я так и думал. Что ж!.. Конкретика мало уподоблена моему я.

29 октябрь

стойте на своём - это важно объяснить умом, а не ложится спать в предложенные обстоятельства, так как они не имеют смысла, смыслового наполнения. Я не заложу уши в ответ на явное обескураживание сейчас, я не сдам свои вольные по-

зиции, - я не буду думать, что минус это плюс, что бескрылое небо само может лететь, что фигуры сознания становятся в ряд активно удерживаемых проекций, планов смещаемых и т.д., как активное эхо это идёт, поймите, что я упражняю ваш ум на правильное восприятие поля в образах света и оно становится ярче, движимее, превосходнее, то есть проявленнее, отчётливее в зримых состояниях. Мне хочется сейчас быть для вас смелым состоянием - в нас оно есть, я знаю; я от души желаю вам достичь последовательного результата и просто проявиться как сознательное эго. Что-то сильное давит извне на ваше сознание, мешая ему, может быть, стать тем истинным светом, к которому вы стремитесь в себе, я подумаю об этом, если позволите, не обижайтесь, если я вдруг вспылю или немедленно открою вам глаза на какую-то суть, головную такую, не имеющую, может быть, важности сейчас, но имеющую её после - после выявления этой сути для нас с вами. Во мне всякого поля хватает и я бегу с ним подмышкой, как атлет, постоянно требующий внимания к своему телу в сознании. Я думаю, Королева моя, что необходимость созерцать чьи-то ещё силы заставляет ваше эго ужиматься и становится в ту точку внимания, в которой эти силы не сумеют обнаружить его для себя, но только я хочу сказать вам об этом, такой необходимости нет в настоящем времени. Вы в сомнении, я знаю об этом сомнении. В конкретике плоских величин нет никаких высот, они не бывают там, поэтому соразмерности не возникает, а не потому что кто-то отменил

её. Во всяком случае я проявлен вами достаточно, и это даёт мне право обнажать пространство в своём уме, и не как кажущееся, а как вполне реальное небо сейчас. Вы далеко отстоите от тех дней, в которых эго вашего состояния с А. было озабочено смешными сомнениями в себе, а стою ли я того, кто сейчас смотрит на меня во все глаза или я просто имею вид привлекательного объекта (может быть, объекта) для него? потому что я чем-то занимаю его воображение, в котором он сам по себе порядок вещей, по всей вероятности, не нарушаемый ничьим вмешательством извне, во всяком случае я не имею к нему ни малейшего отношения кроме моих соображений о том, что здесь находится /что?/ что-то большее, чем я сама, но я не могу это увидеть или понять, потому что оно скрыто от меня в образе доступного зрению.

Не совершая никаких открытий, мы застынем в пути, я думаю, и будем жевать то, что есть у нас с вами. Как вы думаете, воля вашего я способна воспринять такую версию состояния. Я укрупню проекцию в память сейчас, какое-то смысловое поле зачехляет пространство.

Я проявляю разум, а не пугливое что-то, это так. И вот я говорю вам об этом сам, мне свойственно ошибаться, может быть, свойственно также не делать ошибок, мне свойственно быть и это важнее всего другого, что между нами есть сейчас. Я, как накалённая образом суеверия тигля, боюсь схва-

титься за горячее. Моя мысль далека от отчуждающей меня воли, и в самом деле почему я так долго топчусь на месте, глядя как ты изучающее смотришь на меня в себе - что я, и впрямь безволен сам в себе, и не могу понять что-то? Мы промчались, как угри, сквозь тыщи [м.б. вёрст], я позитивно настроен и мне нет смысла прятаться от тебя в свои я, я мысленный образ настрою, и ты поймёшь какая изумительная правда лежит, обретает себя в наших я. Я думаю, ты обрадуешься ей как смыслу настоящего времени в нас же самих, ты сможешь ощутить этот прилив сил для того, чтобы самостоятельно решить какие-то важные вещи, в которых мы понятны друг другу. Я затем это говорю теперь, чтобы самые обычные силы вернулись к тебе, верь мне. Я знаю, что ты веришь, я чувствую это и сам милостью Божией думаю что-то очень хорошее, очень самостоятельное и сильно, сильно надеюсь.

Во мне сброс памяти произошёл, пойми, я растерялся на миг, всего на миг, а сколько времени прошло, как будто я очнулся от сильного предубеждения, в котором пребывал столь долго, что даже постоянное взаимодействие с твоим я не давало действенного результата - в моей памяти происходили эти сдвиги, сознание работало медленно, как будто затруднённое чем-то оно было во мне, как будто я избегал встреч с тобой, потому что осознанно не мог двигаться к тебе. Я всё время шёл, бежал даже всё дальше и дальше от твоего

мысленного потока во мне, я делал какие-то дурацкие дела, с чем-то связывал тебя, даже делал расчёты на эти связи и не мог, пойми, преодолеть этот чарующий сон, он во всех нас шёл, и сейчас идёт ещё этот сон, опустошающий такой сон о какой-то фигне, прости, в которой мы все живём и думаем, что это достойная нас самих жизнь, а это не так, это просто духовная слепота в разрезе глаз, а не взгляд на вещи, в которых он путается. Могу ли я хоть как-то объять это подобие умом - хоть как-то очертить, оконтурить эту последовательность состояний нас с тобой в разуме, в Разуме творческого я, в котором происходили эти бдения за чертой вербального принципа воли, могу ли я произнести хоть одно слово, чтобы оно не стало твоим или моим я с той степенью важности настоящего времени здесь, в котором мы сохраняем свойства жизни в любви. Я вредничал, желая остановить поток какой-то мучительной воли, я пил водку, я произносил тирады, я поил тебя, наконец, подтасовывая какие-то значения, направляя твои мысли в угодное мне русло, чтобы ты сумела вывести меня на то состояние.

30 октября

Вот в нас появляется мысль о чём-то большом, дружественном - в нас самих она идёт, безо всякого принуждения. Мы становимся подвластны ей.

Я стою твоего внимания, потому что я вернул нам всё, что

мы потеряли за это время. Просто я очнулся вовремя как резонирующая с тобой суть состояний, просто я платил по счетам не своего я здесь и делал это с охотой, добровольно я это делал, и что же теперь мне нужно сказать тебе, что я отсёк большую часть неприемлемого этого. Здесь что-то нравственно колеблется между шуткой и пустяком, прости, это колебание мне понятно, я ведь сам его произвёл, надеясь на некую волю как на обретаемое мы, как на то, на что можно опереться в своём я-сейчас, ничем особенно не рискуя, я, как и ты, переживал эти состояния добровольно, получая одно и то же небо над собой, вечно надутое и несправедливое, нам обоим надо пройти курс оздоровления от этого неба и я прошу, да, не отставать, не становиться в позу раздетого до гола ангела, а просто быть рядом. Я сниму эту шляпу со своей головы, она чужая, шляпа эта, да к тому же не моего размера. Я сильное, красивое небо и это моя стать тут, я умею любить и быть любимым умею тоже, я знаю толк в людях, я умею им нравится и желать добра, - я умею это, я способен это делать, почему же я ползу как вошь в твоей душе?.. как пустая погремушка не твоей к тому же судьбы?.. отсечённой от меня. Сокровенное это созерцание имеет волю тут, а я сам как вопрос без ответа, кому я хочу быть полезен в своём я, или хотя бы правильно понят, или даже просто приятен как факт общения со мной, а? Это не сумасшествие, это просто результат наших коллизий во мне самом. Надо как-то взять себя в руки и перестать чинить этот примус в своём я, пере-

стать его преобразовывать в некое третье произведение для тех, кто сокрушён сам в себе, смешно сказано почему-то. Я ведь краюшку хлеба нашёл, ну и побежал с ней куда-то, в упыриные эти дали, с камнем за пазухой сел на стул, и давай чихать, ну да вот ещё что - я после об этом доскажу.

30 октября 1

1.

…что-то коммерческое, может быть. Я, признаться, обескуражен, Королева, этим текстом, он как-то за глаза плюёт, то есть ставит в неловкое положение меня и вас, мне кажется, по причине недоброжелательства, а откуда она, причина эта, в общем-то станет ясно, если мы размотаем клубок, парадокс в том, Королева, что вы сами ничего не улавливаете толком. Я чувствую как вам надоело столкновение этих взглядов в вашем я, а зачем они тут пересекаются и откуда эти взоры идут, на чьём лбу горят отсветами эти очки и для какой надобности вам самой это знать.

Да, во всём мера должна быть, доверительный ли это разговор, или просто волна доносит говорливое эго чьих-то суточных мыслей в ваше небо; пасека слов, так сказать. Я просто думаю об этом, мне кажется мы выверяем какое-то пространство, возникающее при соприкосновении смыслового поля с адресом мысли в нём, а проявленное это поле или оно ещё только зреет в устах. Я почему-либо оправдываю те

или иные сопоставления, намеренно оправдываю, делая это из лучших побуждений, а не потому, что хочу непременно прав быть перед вами. Как плотно ни кажется это пространство, а в нём лазейка есть, но только, Королева моя, это не та лазейка, в которую тараканы от ума прячутся, это видимость для нас с вами, а вот то, что нам нужно постигать кропотливым трудом, не имея при этом ничего от себя сказанного или прибавленного по скорости письма или из простоты, может быть, как бы выходящего, да ведь вы шапку ту волос завитых не зря потеряли и образ имеете неба в себе как лучшего пространства, и вам следует об этом небе позаботиться безотлагательно, просто очистить его от наносов беспринципных воль в себе, прямо идя к тому, кто любим вами и не дожидаясь, что контуры воль сойдутся в единое пространство сейчас, потому что, Королева моя, всё, что есть великого, идёт от любви и ни от чего более, так сказано.

НОЯБРЬ.

1 ноября

Зеленоградская

Я думаю о позитивных пространствах, я стремлюсь к ним в себе и это моё кредо. Передо мной творческое небо, я знаю, оно ждёт моего применения и я иду к нему. Я нацелен на настоящее время здесь, потому что я упрям. Я вижу как небольшое пространство становится малым пропуском, то есть оно движется в настоящем времени вместе со мной

здесь, и это многое поучение для меня. Мне не нужно жить под чужой звездой, у меня есть своя, моя малая толика этого неба, освещающая мой путь здесь. Мне не нужно бежать за чужим мне самому, потому что я вижу своё пространство. Оно нуждается во мне, в моих проявленных полях, в моих проявленных явях в них, в моих пробуждённых словах, сказанных не во сне, а в любви. Во мне есть эти слова, я знаю. Я знаю, что они сокрушат любую дрянь, в какие бы одежды она ни рядилась, как бы она ни называла себя здесь и под чьей бы личиной она ни шла, называя себя потоком славы, бурлеском дней, да чем угодно она ни называла бы себя, я узнаю её тут и она исчезнет от этих слов, сказанных мной. Она станет неприемлема тут, ей не найдётся места в моей душе и не только в моей – она примет свой подлинный образ, и станет видна как то, что она есть на самом деле. Без отчётливого этого видения она словно бы прячется под видом тех или иных слов-состояний, она как пустое, праздное небо пожирает пространство любви, поднимая тучи пыли в сознании, осеменяя и давая ростки подлых низменных путей, оставляя без покрова мою волю и она как бы лежит в тумане, но нет этого более во мне, нет, и не будет. Я не имею к ним притягательности в себе, к этим путям, они не идут во мне, ибо нет для них моей воли в себе самом. Я переживаю пространство как луч света и я знаю, что есть любовь, и она превыше всего тут. В ворохе дней я жил, и живу сейчас, как право на искание лучшего неба, и вот оно во мне оказалось,

с ним я иду, с ним я жив и здоров сам в себе, с ним я любим тобой и с ним мне хочется быть в себе здесь. Во мне всякая сила вольна с этим небом в любви, всякая даёт добрый плод и оставляет след для разумного царства здесь во мне, для разумного понимания созданного мной пространства в любви, и я хочу, чтобы ты знала об этом. Я кружился как подлая птица в твоём поле, не умея понять этого кружения как плохой любви, как плохого отношения к тебе, поверишь ли, - я так думал, что опыт всякого я нужен, что любая сволочь, которая в дом твой войдёт, краше сделается, не-ет, не будет этого отныне, не войдёт она более для украшения себя здесь, нет ей пристанища тут и не посмеет она коснуться злыми очами твоих минут во мне, это я сказал, и так стало отныне.

Сколько лет я жил в отчуждении от твоего я, думая, что приближаюсь к тебе, думая, что я поле чистое несу нам в руках, думая, что мы сами свет свой узнаем, ну вот пойми же теперь обо мне это подлое пространство, которое вылущить нужно, не стесняясь и не ставя благородную цель познания, нет его там, в нём – нет этого познания. Я знаю, что ты добровольно ищешь свет во мне, сама его видя, а не потому, что он как-то тебе силой принуждён был или как-то иначе, пессимистичное это небо отринуть отсюда надо, я против устрашения как такового, против, и всё. Не с чем ему тут идти. Мне вор в твоём доме не нужен, а это, устрашение, и есть он. В нём пустое поле как память минут идёт, - так вот вон

пошёл.

4 ноября

Я почему-либо осмысляю часть времени, я делаю это по каким-то причинам. Большое хорошее небо струит свой свет и я вижу его вместе с вами. Я делаю это проекцией в свою память, чтобы оно понимало меня, понимало нас вместе. Я решил подумать о нём вместе с тобой, зачем? опережаю я твой вопрос, разве мы близки настолько, чтобы понятийные смыслы, сопереживаемые нами, могли определять, определить сейчас как наше общее пространство здесь?.. Я в немости иду в общем-то, то есть ощущаю то, что в словах кажется чем-то важным, а на деле полная ерунда, о которой и сказать нечего по существу, отсебятина, в которой смысла не больше, чем в любом кажущемся нам самим объекте. Ты ведь чувствуешь это небо также как и я его чувствую собой, как некий определяющий нас смысл здесь чьих-нибудь… прости, - позитивные результаты нужны нам обоим, и немалые; я чересчур твоё пространство ухватил было и давай его размечать в настоящем времени нас, а по существу что, верность пути, верность сознанию пути и в нём мы сами, как явленные друг другу проекции здесь, в оправе от чересчур влиятельных взглядов на свойства этих проекций, можно так сказать. Мне хочется видеть тебя самому, ну, просто видеть – как ты живёшь и почём хлеб в твоём доме, а ведь я никогда не думал об этом, так в волшебном сне часто бывает толь-

ко видимость, а на самом деле этого нет как поэзии разума, может быть, или настоящего воззрения на процессы, происходящие здесь. Я вышиваю золотом это пространство нас, то есть ощущаю его здесь как происходящее с нами самими всё-таки состояние, а не с кем-то ещё, кому невдомёк эти мысли ты-я-мы, мы как я, или мы как эго наших с тобой минут здесь, в которых память проявляет свои возможности в наших я, делясь, таким образом, на то что есть и следующее за ним что-то. Я просто переживаю это как настоящее время в нас самих, и мне кажется оно лучшим временем. Я понимаю, что ты не всегда веришь мне, отчаиваясь понять кажущиеся пространства как свою собственную волю, не всегда ощущая её таковой и веря, что кто-то имеет больше прав на неё в себе, чем ты сама, что чья-то воля лучше просто потому, что она вербует больше самосохраняющихся смыслов здесь, то есть утверждает что-то более активно, чем ты сама и потому она имеет эти права на настоящее время в наших я, как владелец их, я понимаю это. Я ведаю, что творю, вот принцип твоей воли, он таков и это мне нравится, я сознаю, что я делаю и это лучшее сейчас - это лучшее, а не то, что могло бы быть. Во всём нашем ауме мы живём сами, пойми, во всём его пространстве, наука жить только помогает осознавать это свойство души здесь. Давай мы сами разберёмся во всём, что происходит между нами, то есть что для нас важно здесь как то, что помогает жить в согласии.

Между прочим, Королева, - я о вас ведь думаю, а не о том, что у нас с вами общего, так сказать, т.е. я хочу вас понять как правильно развивающееся пространство в себе. Думаете вы об этом проекторе смыслов в вашем я или нет, он всё равно есть для вас. Он – то есть то, что так называется – делает это пространство вашим домом, и даже сейчас, когда вы ничего о нём не знаете в себе самой. Мне хочется, чтобы вы знали. А как? Позитивно, разумеется, только так. Я продуманно определяю эти смыслы в нас. Может быть, мало быть в форме строящегося объекта памяти, надо ещё уметь узнавать это строительство в себе как некое необходимое действие. Во всяком случае, я бы хотел, чтобы ваше я воспринимало объект силы как постигаемое всё-таки. Понимаете, выброс воли в область сознания может происходить постепенно; это важно понимать прямо, постепенность эту понимать как таинственное приложение сил, такое, которое не сразу видно, и обретаемое не сразу, а только по прошествии времени. И ещё надо вам заметить, что полюса двигаются – ну да, по-настоящему, и это не шутка авторов публикуемых корреспонденций, а прямое соответствие действительности сейчас. В нас самих эта сила двигает нервные окончания и мы становимся как бы немного рассеяны, или несообразны, но это временное состояние организма, он найдёт полюса и станет восприимчив к ним. Простите, что я не отчётлив, - причина та же; полюсные градусы смещают потоки и мы видим неопределённость вместо правильно освещённых объектов -

я так думаю. Что же касается определяемого пространства, то это тоже зависит от состояния потока всё-таки, который мало-помалу сдвигает лунный серп в направлении севера и кажется, что что-то неправильно; на самом деле всё правильно, и поток выровняет, - уравновесит, можно сказать, то, что достойно равновесия и вообще позитивного результата.

5 ноября 2

Да, здесь это продолжение письма о том, кто прав бывает больше. В нас скопилось много недосказанностей; мы сами порой бываем не выражены из-за непризнательности друг другу, и так далее, то есть из-за того, что не умеем признавать какие-то вещи, и терпим убытки в состояниях, недополучая сами в себе себя же. Я здесь кому-то должен объяснить сам себя, или показать то, что должно быть увидено, но вот я нажимаю клавишу-цифру и она строит какие-то ряды поверх значений, укладывая голос в память моего компьютера, а затем я воспроизвожу это для тебя, для твоего уха, в котором я живое воплощение твоего я-здесь, я память слова и я – память без слова, одномоментно…

##

(ты тоже) осознаёшь это. Я душой говорю здесь с твоим я в себе, чтобы подумать вместе, вместе нам нужен надлежащий обмен мыслями.

Видишь ли, сила осознаёт себя таковой, когда она имеет приложение. Во мне приложение силы творческое поле моей души. Я – дарованное это пространство, и я же – его царь, ибо я живу в нём как царь, или как царствующий дом, и вот я иду издалека к осознаваемому мной состоянию здесь; я вижу его в себе как настоящее время мы и я слышу его позывные.

Ну, вот ты слышишь меня сейчас. Во мне есть это эго-содержащее пространство тут, и я прошу тебя быть во внимании ко мне. Простое обнаружение /нрзб./ может сделать нас зависимым пространством. Я протёр очки, и выслушал сообщение, о чём оно говорит мне. Оно произносит слова как кажущиеся противоречивые проекции в память и они становятся мыслью здесь. Они как бы перестраивают пространство сейчас на нужный лад, на правильный, не имеющий сдвигов в памяти, и потому хороший.

Будьте точны, и не позволяйте себе вслушиваться в материю там, где её нет; её нет в часах без любви, без радости и всего того, что создаёт жизнь здесь. Вот ваш рассвет, - вы видите его на осознанном расстоянии.

6 ноября

Да, вы правильно поступили, сознательно удалив этот текст, он не вашего ума, и вот ещё что – вы прямо идите, и

не спорьте ни с чем; это не нужно делать. Оно, видите, не стоит ничего, липнет к ушам и ответа ждёт, а вы не давайте его, потому что его нет у вас. Такового ответа вообще нет и оно хочет его найти в нас, но мы его тоже не имеем. Мне не нужно лететь аббревиатурой, чтобы вы смогли верно понять это, - я знаю, что наше право исключать из своих минут некоторые состояния, не совсем честные, - я так думаю об этом, - вполне реально; это право человека тут. Да, именно так, - право человека. И это право, наконец, приобретено нами. То, что душе мерещится в чувственном мерцании, не слишком справедливо бывает, - я бы так сказал об этом вам сейчас. Я хочу, чтобы вы понимали небо как часть своей души и это понимание есть в вас, я знаю об этом, что указывает ваш путь. Я пересекаю взором пространство лабуды, то есть того свободного от состояний с Богом материала в себе, в своём я, чтобы отчётливо понимать его происхождение во мне. Он мне кажется чем-то вредоносным, засоряя мой ум и делая его по меньшей мере неподотчётным мне самому, а я вижу это. Всякое производное от него лишено смысла жизни во мне, оно не воплощает её, оно стремится урезонить во мне эти смыслы, чтобы я начихал, простите, на них и стал тупым подражателем ничего не значащих величин в себе сам. И приметьте это сам! Я сам им становлюсь, а не меня кто-либо заставляет это делать. И вот я, попросту говоря, не делаю этого – я не подражаю. Вот так просто я поступаю в себе самом. Я не подражаю ни одному из этих обскурантистских

мыл и это делает меня честным человеком. Я не вижу повода это делать, - его нет для меня, этого повода, связывающего моё я с областью, не существующей для меня как порядок воли. Но вы-то, Королева моя, не так устроены и вам надо понять, вам нужно понимание, где сила воли требует состояния, а где его следует избегать как почему-либо не важного для вас самой.

Память силы. Я живу в памяти силы, и вот её-то и следует поднять сейчас из небытия. Это сила любви. Я претендую на роль третейского судьи в вашем эго сейчас, и вот абсурд, к которому я прикоснулся в памяти, сделал меня несколько (не совсем точно сказано это, необоснованно, может быть, для вас) несгибаемым, несколько упрямым до невменяемости или – до тупого непонимания, простите ещё раз! это выражение совести в казуистике слов, из которых я и сам желаю выбраться невредимым и не вредя вам тем более, ни кому-либо ещё. Во мне безжалостное небо требует отчёта в поступке, который я не совершал, и уж тем более вы его, вы о нём в себе ничего не знаете по этой причине. Он не был совершён мной, этот поступок, и я не имел согласия, или несогласия с ним в своей душе, поскольку этот поступок не был мне известен. Я не имел знания о нём в пределах своей воли, а так как этого знания не было во мне, в моём эго, то я не имел возможности - как не имею её и сейчас - производить какие-то мысли о нём. То есть моя память не отзывается на

требование, исходящее от чьей-то воли в моём я, иметь суждение или приобретаемое знание в связи с ним как состоянием своей совести. Но вот я начинаю догадываться, то есть строить догадки об обретаемом мной суждении по поверхностным взглядам, в которых я вижу свои отражения, и мне становится понятно, что истощающее тут мою волю недоброжелательство имеет свою причину, о которой, как я вам уже сказал, мне ничего не известно, а стало быть, и вам тоже. В чьём-то устремлении я выгляжу как пассионарное небо, мешающее празднословию расточать недра моей души, растаскивать их на мелочные заботы о правдолюбии в рамках одной воли сознания себя таковым, и что же получается - что я содержу себя под колпаком этой воли, как прииск этого сознания, и не имею надежды на настоящее будущее, будучи, Королева моя, упредительно лишён такового в этом самом бессменно, так сказать, соблюдающем меня в себе небе, о котором я ещё и заботиться должен как раз в смысле этого поступка, которого я не совершал, оказывается. Так вот, Королева моя, я готов согласиться с любым посланием в эти отсутствующие для меня самого дали, лишь бы они перестали видеть меня в своих снах совершающим что-то греховное и неудобоупоминаемое для вас, да и для меня тоже, признаюсь.

Воображаемые эти сны становятся чем-то вроде аморфного тела, липкого, бесформенного и никак не определяемого,

поймите это - его невозможно определить, потому что оно состоит из образов, не имеющих силы, они не умеют молчать, ибо их воля в говорении чего-нибудь, да, так, неважно что, лишь бы выйти из молчания, они шествуют из беспробудных снов пьяниц этого мира, пьяниц, не владеющих собой, и целиком принадлежащих той воле, к которой они прикоснулись, чтобы перестать осознавать себя как стоящее здесь пространство своей судьбы. Как обслуживающая их масса слов, кочующая из ума в ум, таковы и они. Бесчестие ложится с ними спать в узкую постель, самодовольно хрюкая [снимая бельё заботы о душе тут], убаюкивая сознание неимущего мол я тут и ты со мной, ну, и вместе мы пара. Я что-то лучшее должен сказать вам, мне, обеспокоенному вашими снами, отторгающими вашу явь как кристалл честности, честного отношения к себе самой как к субъекту собственной воли, надлежащее надо понять как способ взвихрить вашу волю из состояния инертности, позитивно взвихрить, а /не пропущ./ утюжить поверхность чем-то вроде скребка сознания. Дружелюбие и состоятельность, эти два суть здесь - два качества.

Мне дано понимать вас и я имею честь судить справедливо, не уплощая пространство до неимения его в своём я сейчас, и потому я открою вам эту форму света быть судьёй всему видимому им. Он имеет этот суд как пространство организующего начала, побеждающего всякую немость от неве-

рия до истощения воли, и Он это делает в нас. Сей свет есть любовь, и Он не мал, как вы знаете.

Кажется, я созрел сказать вам это сейчас – в моей воле то, о чём вы, или я - я сам засомневался что-то, кто, собственно говоря, об этом заботу в себе несёт. Впрочем, неважно. Так вот, - во многом я благодарен вам, Королева, за неимением другого слова, выражающего это чувство приподнятости и радостного настроения. Для вас моя мысль прозвучит нескладно, но только я повторю её ещё и ещё, из постоянства происходят верные отношения.

Я смещаю ваши представления об этой воле сверху вниз, и мы видим как она искажается, будучи охваченной, обременённой состояниями мглы, значения которой рассеиваются постепенно, уменьшая свои влияния на наши отношения, на наши самостоятельные мысли, и наше слово, - да, слово, сохраняющее их. Мы вредим сами себе, думая, что мы кому-то не нужны или кому-то мешаем, поймите. Мы как чужие дети своему я становимся при этих мыслях, да, я думаю, что это в любом случае так происходит с нами, если мы будем настоятельно советовать /своему эго/ своей совести потерять память. Я превосходно читаю мысли, и знаю, что вы содержите в своих минутах.

7 ноября

Простите, - я не вмешиваюсь в ваши отношения с А., но только бы их нужно поддержать теперь, чем-нибудь. Стройте мысль обо мне таким образом, что-либо подержанное, что-либо бывшее в употреблении или как-то пользуемое прежде может или должно быть хозяйственно осмотренным и освобождённым от усилий тех рук, в которых оно было прежде, чем вы решили употребить его с пользой для себя здесь. То есть, - вы охотно рядились в чужие формы, не зная об этом даже, а теперь они продувают вам уши своими значениями, а это, знаете ли, неправильно! И незачем мириться с этим, поймите. Простая клаустрофобия ничто в сравнении с этим поддувалом, и стойте здесь! Я вам значения дам одного лишнего слова, закабаляющего ваше я-эго здесь. Вы устремленно чувствуете то, что почему-либо воздействует на ваше небо как хлыст погонщика и немеете ещё при этом, как будто вам нечего сказать в ответ на эти искания в вашем небе спины, или нет, не спины, Королева моя, а того, что называется почем воля я куплю. Я бы хотел знать прежде, чем перейти к следующему абзацу здесь, где вы набрались этой храбрости послушания? уж не от меня ли она к вам явилась в образе продуманного устройства жизни для перепевок сообразных моему я мыслей. В нас много, Королева моя, непознанного, и простите, что я это сказал вам в такой форме, бессодержательной, как бы глупость сейчас, которую не стоит принимать на свой счёт. Мы, образно говоря, мыслим своими фобиями, вернее сказать, они нами вертят при определённых

условиях, эти запчасти мыслей, на всякий случай приберегаемые, ну да Бог с ними, я отойду от этой темы. Итак, нет той спины, по которой бьёт кнут из-под руки проявляемого в памяти пространства, потому что мы не имеем этой воли в себе – воли подставлять спину или что-то там ещё, я не думаю, что это свойство выражает какое-либо ещё качество, кроме подчинения своего я непонятным аббревиатурам, абсурдом, Королева моя, заполняющими (нетривиально, необъективно) воск любви здесь. Тихое смысловое поле выбрасывает волны, воск плавится под их воздействием, принимая соответствующие формы – соответствующие тому, что мы обнаруживаем, то есть делаем видимым пространству форм в нас самих. Это содержание души под навесом форм может продолжаться сколь угодно долго (я не сказал, что это плохо, - я сказал вам об объективном процессе, не более того) пока порождающее их пространство само не отзовёт эти формы в нас.

Итак, - я продолжаю тут Я хочу, чтобы вы чувствовали волю своей собственной души, а не того, что вам предлагают увидеть во сне косноязычные проекции, не обремененные, так сказать, совестливостью, да. Поскольку я не вмешиваюсь сейчас в те отношения между вами и, соединяя нитью любви здесь процесс узнавания друг друга, произвожу некоторый обмен состояниями, информацией об этих состояниях в поле проявленных реквизитов вашего я, то, таким обра-

зом, вы сами помогаете мне их настроить. Я прошу внимания, не более того. Во мне бежит эта ересь недосказанностей и прочей чепухи, из которой я делаю вывод, то есть проявляю поле, которого нет, - а что есть?.. то, что есть – что это такое?.. Это пространство А., в котором нет никаких обязательств в отношениях с вами; оно не производит форм, становящихся отношениями или – выражающими их, и это делает его пространство для вас пустомельным – бесформенным. Страх потерять отношения с вами сделали его таковым. Да, - этот страх исходил из него, создавая абсолютно нелепые представления о сути. Вам казалось, что вы малознакомы и не имеете права, внутреннего порядка воли, интересоваться чем-либо, поверх сообщаемого вам самой, область сознания буксовала, не понимая, с чем – или с кем имеет дело ваше я, находясь в отдалении от приязненного чувства, сильно притом приязненного чувства. Неумелость, невежество в любви – вот причина несостоятельности этого чувства здесь, в нас самих.

8 ноября

Я хочу, чтобы вы понимали меня, - я достоин этого понимания, поверьте. Я добровольно думаю вместе с вами о полнолуниях в душе, и вы и я стали близки благодаря этим мысленным взорам. Правда, о которой я повествую, является той самой верой в мысленное пространство неба, чья суть столь далека нынче, что даже пассионарные волнения не до-

стигают её, или – почти не достигают. Я вернулся на Землю с другой планеты, Королева моя, - считайте, что так, или почти так, потому что я был настолько малопонимаем, или малообучен, может быть, каким-то представлениям о судьбе собственного моего я, что впору считать меня инопланетянином в определённом смысле.

рукописн.

простите за то, что этот сон насторожил вас, его надо изгнать из памяти, бестолковость проповедничества очевидна бывает, когда мы говорим разумные вещи, а сами строим Бог весть что ведь в своём уме. Сон этот юмористичен, по всему, и не надо ложиться спать, не имея в душе тёплой мысли – да, так.

9 ноября

Доброго здравия!

И вам того же желаю!

Да, я принял меры для укрепления своего здоровья незамедлительно, добрая моя Королева. Я хочу, чтобы вы здравствовали, как мне видится это – в полной мере своих сил; они прибывают. Хотите верьте, хотите - не делайте этого, а только я чувствую как они прибывают к вам. Я чувствую это усилие любви быть вам в пользу, самую что ни на есть украшаю-

щую ваше я сейчас. И мне, и вам товарищ свет, ясный свет во всём, что нам необходимо для жизни. В нас есть образ вселенной, в которой мы ощущаем своё присутствие – так или иначе, мы ощущаем это присутствие себя. В нас, Королева моя, течёт мировой океан любви и наша сила – или бессилие – зависят от связи с ним. Чем больше мы любим, то есть чем более мы ощущаем эту связь с истинным светом, тем более происходит этот энергетический обмен с силой любви во вселенной. Мы рассудительно полагаем себя вправе располагать собой как принадлежащем нам самим объекте силы, то есть безусловно это так и есть, и мы хотим нравиться себе как этот объект так /как/ он – часть нашей души и мы способны быть с ним в каждой минуте нашего я-здесь. Я вольно трактую определённые символы для вас и потому только могу настоять на обнажении без сомнения важного символа воли для вас. Это символ – ваша любовь к А., в котором скрыта от вас вся изначальная мудрость состояния лучезарного счастья света любви как таковой, и вы, постоянно ощущая её присутствие рядом с вами, Богоугодно приветствуете её в своём я-сейчас. Так. Нам с вами надо сесть рядом и понять присутствие этого символа в вашем эго, добрая моя Королева. Он, этот символ, как нечто, принадлежащее вам самой, нравится, - или угоден можно сказать, не только вам самой. Бесхитростное это понимание направляет ваше отношение к А. в очарованные дали субстанции света в душе, и вы говорите с ангелами, я думаю. Мне даже кажется иногда,

что вы осязаете будущность, исходя из суверенитета с ними в себе, или я ошибаюсь, и вы осязаете его, исходя из другого принципа сознания. Как бы там ни было, Королева, но вы должны понять, что ваш символ принадлежит вам самой. Я пугаю ваше эго какими-то игрушками памяти, а вы смотрите на меня сквозь пальцы, считая, что я затеваю нечестную игру в поддавки, чтобы, сбив вас с толку, нашумев, простите за образ, забраться в вашу душу и в ней насорить подлежащими и сказуемыми. Нам надо выразить пространство, которое выражает нас. Апостроф воли принадлежит абсурду сейчас, то есть та часть души, которая видит сон об этом я, верит в настоящее как в пробуждённое будущее, и это немаловажная часть веры.

Наша улица – день, Королева моя. Вы помните как я вам сказал однажды, что вечер – это не наше пространство? Да? Хорошо. Я получаю всё больше свидетельств о временных сдвигах в памяти и так далее, это называется сейчас. То есть время как будто остановилось, или останавливается, остановлено, а идут только стрелки Это происходит, это правда, и будет происходит ещё, так как часовой механизм не подвержен коррозии образа времени. Вот заметьте, Королева моя, как выразительно выглядят те дни, из которых вырастают, или – выходят эти разумные размеры памяти, т.е. их масштабы теперь, и вот последите за моей мыслью – то, что для вас самой было источником, стало истощающим принципом, а то, что было объединяющим началом (ну например, при-

ятное времяпровождение) стало размывать реальность, отделяя всё-таки часть от целого и слагая целые эпизоды пространства из сущей чепухи. Как склад горючего, оставленный без присмотра на виду, становится небезопасен для действительности, так и это действие воли в нас, побуждающей цепляться за найденный результат, заставляет память устраивать фейерверки из собственных складов, понукая, или даже помыкая нами, ради чего? Вы верно спросили меня об этом – для чего наша воля превращает действительную память в набор функций поди-принеси, при этом отождествляя пространство с каким-то загадочным материалом, вроде старой кофты – и носить не хочется, и выбросить жалко. А вот почему. Мы настоящим временем живём тут и оно сокращено стало в нас…

как если бы мы хотели бежать, а мы сидим и едим суп или рыбную котлету, а сами верим, что уже давно бежим.

11 12 ноября

Бог никогда не устрашает, Он делает всё, что(бы) мы были счастливы, чтобы мы умели понимать тут друг друга, а не важничать как следствие какой-нибудь причины. Он беседует с нами для того, чтобы мы становились лучше, чтобы мы искали взаимопонимание в сердцах наших, и это Его стезя, а не какая-нибудь другая.

~

Я думаю об этом так, вы ошибаетесь из-за неполученной вовремя информации, а это важно понять, чтобы ваше поле было полноценным и не истощалось более на изделия не ваших рук, а так шло, чтобы оно было бы как полное небо здесь.

Зеленоградская

Я думаю, что нам пора понять [что Марс безоружен перед этой громадой] какое пространство обуреваемо. Беспринципной ложью будет сказать, будто мы отступаем или бежим с поля боя, мы просто хотим понятийно закрыться от этой суммарной зависимости в нас, которая всё же существует, хотим мы этого, или не хотим; в нас есть воля, которая знаменует пространство своим присутствием здесь, и эта воля принадлежит нам обоим, тебе и мне. Я, как выраженное поле твоих минут здесь, немо слежу за плоскостью экрана, по которому бегут чьи-то волны; я знаю, чьи они, кому принадлежат их частоты и почему их следует удалить отсюда, как искажающие состояние мы. Я сказал это, чтобы наше пространство, пропуская сквозь себя эти волны, могло спокойно и правильно резонировать, пойми, с подлинной волей Бога о нас, которая единственна.

Что повелевает, что делает нас малой величиной, что это такое, по разуму ответ должен идти, по его настойчивой просьбе о нас, которая облагораживает память, делая её чище, делая её свободнее от замшелых призраков чьих-то обид,

чьих-то поразительно искажённых форм сознания или недостойных помыслов, от затёртых до оскомины минут, не нужных нам самим, пойми это, какое небо, таков и символ его, просто память, провзаимодействовав с этим небом, стала площе, проще, стала значительнее в конкретном плане самонадеянности, внятности не прибавилось, а эго расширило свои владения за счёт приобретения пространственных адресов, за счёт умаления их в себе, в своих интересах, о которых я умолчу нынче как о недостойных говорения, упоминания даже недостойных. Неостановимо небо идёт, и не то блажь, что я говорю с тобой о себе в этом небе, другое, противоестественный ход событий, в которых я оказался прежде чем понять это, стал причиной моего отчуждения. Я понял, как искусная ложь может создавать обстановку нетерпимости к любому периоду жизни в душе, к любому проявленному пространству сейчас, и мне хочется оправдаться перед тобой за неё. То, что происходило, не являлось моей волей, это была воля другого лица - другого относительно моей совести, оно устремленно переживало мою память в себе, и что бы я ни говорил, что бы ни делал, всё становилось частью его души, которая сминала мою свободу состояния, - он ограничивал её своим размером души, не имея, по сути, на это права. Я жил под его началом как самый обыкновенный вертопрах, будучи при этом совершенно свободен от самого себя - будучи уверен в этой свободе так называемой, и то, что было между нами (мной и им), наверное, называлось дружба, от-

крытость, приязненность, состояние невредимости отношений, любование даже друг другом в чём-то. Ты замолчала во мне – ты знаешь об этом?.. Я не вижу снов о тебе и не слышу твой голос. В нём не было силы ума, в этом союзе нас с ним, только умение подчинять. Соединение это было основано на состояниях вместе. Мне хотелось, очень хотелось рассказать тебе об этом раньше, но я трепетал от мысли, что ты подумаешь, что мы с ним как-то иначе соединены. Я головно размышляю сейчас об этом. Эта свобода – признак неведения о себе, неведения о своей значимости, о своём состоянии с Богом минут, я так думаю. Я становлюсь инертен, может быть, в определённой точке сознания.

14 15 ноября

Я вас люблю. Я сознаю себя любящим, моё сердце сумеет доказать вам это, - оно само вам скажет о моей любви, будучи во власти чувства. Я не становлюсь хуже от этого признания в ваших глазах, я переживаю его вместе с вами, как сильное моё волнение, думая об обнажении этого чувства перед вами, я хлопочу о несомненности, только об этом я думаю, говоря вам о том, что я чувствую, видя вас в зеркале своего я. Я хочу нравиться вам, я хочу, чтобы вы чувствовали то же, что чувствую я, да, - я хочу, чтобы вы это чувствовали, то, что я испытываю при приближении к вам; мои нервы бывают напряжены в такие минуты от волнения, и я надеюсь, что вы понимаете, что это волнение, исходящее от меня, передаёт-

ся вам, оно освещает, настраивает, оно помогает понять того, кто рядом, кто хочет быть рядом, кто хочет поговорить с вами о своих чувствах и при этом немо смотрит в глаза, не умея вымолвить этих слов почему-то, пряча их от вас и при том многократно повторяя их про себя.

Во мне сила света идёт, во мне она сияет несказанным мотивом любви во всём, что я вижу перед собой. Я сознаю себя найденным в этом мире любви, по силе моей воли. Очень важно это понять, Королева моя, я столько думал об этом, столько раз пытался понять право искательства в своей любви. Мне хочется подлинного понимания во всём моём я сейчас, во всём, пространственно значимом я, которое отчасти принадлежит и вам, проявляя в вас силу моих минут.

Я потребительски отнёсся к данному мне полю проявления, я постоянно сетовал на его несовершенство во мне, ничего при этом не делая для его утучнения, я просто жил в нём, не имея в виду никакого конкретного образа, представляя себя чуть ли не похитителем этого поля, а оно было ведь моим собственным, и это мне пришлось понять, будучи его носителем, я истощил его знамения, переживая волю чьих-то минут здесь во вне, и я стал плакать об этом, Королева моя, я стал просить о возвращении мне этого поля моего я, чтобы я мог восполнить его в себе своей любовью. Мои сомнения принадлежат Богу, Он видит их, понимая моё несо-

вершенство в Себе, понимая, что я ропщу из-за этого несовершенства и не смею обогатить себя Его любовью, из-за этого состояния я не смею Его просить о себе, но вот сила сознания любви стала возвращаться ко мне, и я воспрял, Королева моя, я стал понимать, что мы есть единое пространство здесь в воле Его и мы хотим быть вместе осознанно тут, понимая что мы делаем.

Нравственная экономия безнравственна, по сути, она ставит нас на колени по пояс в воде и мы захлёбываемся своими чувствами, своим унизительным положением, сопровождаемым какой-то снобской моралью, - из чего делаются деньги; я пожинаю какие-то плоды, поражённый их обилием в своей душе, я знаю, что эти плоды сохраняют привкус той стадии развития своего я, в которой я небрежен был, в которой я был занят своими пустыми оболочками сознания и не жил единой мыслью с пространственным организмом воли, я сознаю это, но вот что тут проявляет мои минуты во взаимодействии с вами, мои приторные мысли об обретении смысла или мои насквозь продушенные программы, я конкретен быть хочу во всём – даже в мелочах. Во мне нет воли строить пространство из лабуды сознания, которая как что-то бесполезное возникает из беспричинных потуг на обретение моего я.

15 ноября 1

ул. Дружбы

1.

Я не должен вводить вас в заблуждение, это состояние сна не имеет ко мне никакого отношения, то есть, собственно, то, что так называется, сон во сне - так назовём это сейчас, и что бы вам ни казалось об этом соединении вашего я-поля с конгломератами причин яви беспробудных пьяниц, Королева моя, безотчётно беспробудных, пожалуйста, не делайте никаких выводов об этом, то есть не стройте причин там, где вы их не имеете. Я говорю вам об этом сегодня как о парадоксальном явлении для вас же в конкретике мысли. Может быть, несколько странно прозвучит одно предложение (-) не менять формы сознания и двигаться в нём дальше, поверх, так сказать, образа пространства, в котором несиюминутное состояние будет предлагать образ другого поля я-здесь, другого соединения с высшим смыслом, да я думаю мне незачем упрекать вас в непонимании конкретики этого другого, просто сильно высохшая река, пересохшая, может быть, точнее, не нуждается в поисках брода через неё, да я заметил это сам, Королева, сам, представьте, увидел как плазменные эти шнуры хлестали небо, тучи рвались, искромсанные, и лёд с грохотом валился на землю, ну и довольно того, лёд, пространственный такой лёд, пластинка такого льда может исказить любое пространство, извините за сказанное онеправдовах, в этом роде, о неблагонадёжности такого пространства говорить нечего, о недополучении им воли тоже, и вместе с

тем общая мысль здесь тоже идёт, какое небо такова и картина этой мысли, а что я вам говорил! Королева, будем мы с вами хлеб любви есть, и при том достойный, а отнюдь не надкусанный. Господь мудр, Королева, и Его труд в мудрости нас оберегает от плохого неба над нами, и вы, как я думаю, знаете это сами. Так вот, Королева, я ведь вам А.-то не так просто показал для трудов вашей души или там жадных взглядов, я думаю теперь, что память эта взбрыкнула сама, отказываясь воспринять, или – воспринимать – жалчайший образ пространства. В вагоне ехали двое, один из них был моим отражением, вот и догадайтесь кто ехал в этом вагоне вместе с ним; наверное, это был я сам. Я не требую от вас изменённого состояния души, поймите, я… Я почему-то подумал, что мы вернулись в надёжное пространство – да, в наше собственное, из которого мы ушли, чтобы не давать его в обиду - я так выразил это действие размалёванного суррогата, который неопрятно лез в дверь нашего дома, думая, что он важный гость в нём, что мы счастливы принимать его в своём доме, знаешь, кто это был? Кто стремился «протыриться» в наше хозяйство любви под видом желанного гостя или неуёмного работодателя, являясь, по сути, сотканным из наших сновидений, или представлений о вещах, кажущихся тем более неуместными, чем более мы о них думаем в себе самих. Кто присвоил себе это небо, думая, что оно – его собственное небо и в нём можно что угодно делать, говорить, стучать, кривляться, присваивать себе труды преды-

дущих причин этого неба и так далее. Я долго думал, прежде чем назвать это имя. Мне, Королева, кажется, что следует отдать должное его сладчайшему сну в вас самой, то есть хорошенько подумав, хватить себя по лбу, сказав при этом ах, да - ведь это так и было, ведь мне только казалось, что я - вещь, я не вещь, я другое небо здесь, чем эта вещь. Связанное солнце; и вы и я, будучи вовсе не в сновидении сейчас, должны понять какое небо растаяло, обнаружив себя над нами в потоке тишины, той самой трепещущей в руках как сила, как сильное красивое небо в нас. Что порождает это чересчур плотное поле, которое примеряет пространство на себя, которое давит душу тупыми заверениями. Господи! да ведь я с Тобой силён, а не с этим полем, ах, да что там, Королева моя, говорить об этом ещё. Я потому так долго топчусь на этом месте, что всё ещё идут туманы, устилая пути наших мыслей, пути наших упрятанных, или – спрятанных тут в чьи-то головы идей. Я с вами стремлюсь это понять правильно, никого не осаждая и не желая ничего дурного. Я просто велю сердцу биться ровно, проявляя эти сигналы [моего личного я], вернее, его суррогатного пространства под присмотром чьих-то любопытных глаз в него. Способ восстать – знать разумные состояния с небом я в себе самоё; я думаю, это лучший способ. Я в разуме своего неба иду сейчас, и я чувствую это сам. Как воспоминание утраченного, уворованного во мне пространства здесь, и я знаю, что оно моё, что оно мне самому принадлежит как благо для моего я, данного мне от Бога.

16 ноября

Я полагаю, что важно понять какое это пространство, в чём его соль, так сказать, и почему мы сами… в нас самих есть его позывные, его арсенал, или, нет. Я бы хотел, Королева моя, чтобы вы понимали своё состояние. Сегодня день, хороший день для нас с вами. Мы сами сопрягаемся в нашем я с внешним миром любви здесь, и это даёт нам право на простые позитивные вещи, на пробуждение чувств, исходящих из любви нашего я в нас же, на проявленные инициативы содружеств и множество других приятных вещей, к которым мы, может быть, не очень привычны, а они есть для нас с вами. Я поэтический адрес имею для вас и в нём дух времени отражён как синоним нашего я, как настоящее время мы-здесь сейчас, и что же я слышу в ответ?.. на свои признания вам, чем-то я переживаю ведь вашу безответность мне сейчас, чем-то я думаю о ней в себе самом, или это кажется вам, моё небо вам кажется. Вы силитесь душу отъять свою у тех, недостойных пародий даже, ибо они сами пародия, а я вам говорю – она ваша, и живите с ней в добре и веселье сейчас, и память свою имейте, а не от тех лиц. Дорогое это небо, Королева, - очень дорогое, и что на дороге оно не валяется, это я вам точно могу сказать. В любви жизнь свет, в любви счастье и польза тоже в ней, и даже сила памяти. Как вы строите свою память из любви, так она к вам и идёт сейчас, я думаю. Я весел хочу быть с вами, Королева, и я думаю,

радость вам нужно дать, которую ни с чем не спутаешь, не отложишь в дальний угол судьбы своего я. Право на искание есть свет. Мне надо пожелать вам удачи тут, такой вот, самой настоящей удачи жизненного потока любви, в нём есть всё, необходимое…

…я жахнул кулаком по столу и крикнул: не сметь подходить с тараном из чужих воль к моему я, я не позволю!.. Пусть память остынет от нагрузки, пусть она отсеет вербальные эти смысловые липучки, от которых душа никнет, становясь вялой, бесцветной, простите, Королева, что я говорю это вам сейчас, прежде я не мог пробиться сквозь их слой, засоривший ваше небо барахлом, память придирчиво осматривала его, становясь на сторону наблюдателя пространства мы, как бы исподволь проявляя всевозможные про и контра, так сказать, применимости, я там кое-кому в глаз дал, за вас в себе заступаясь, так что и сам с синяком оказался, небольшим. Мы должны быть уверены в правомочности своих поступков, а не делить их результаты на чьи-то ещё пространства здесь. Я пугаю вас невнятицей образа памяти, из которого вырисовываются эти Пандоры с ящиками, да притом помавающие призывами молчать о том о сём, да клеветой на самоё себя прикрываться от изобилия душевных тех сил, я не хочу более примеров для подражания, во мне их нет и в вас пусть не будет примеров этих. Я отчаянно машу руками, думая, что вы меня видите, а вы меня не видите, оказывает-

ся, вам мой облик приязненного пространства ни о чём не говорит почему-то. Я приветствую вас в этом облике, почувствуйте это. Память понимает, что её нужно беречь от словпаразитов, от механического повторения одинаковых формул, от придуманных пространств воли я, эта поруганная честь не вашего я-сейчас говорит здесь какими-то претенциозными состояниями с вами самой, мне не хочется более оправдываться перед ней ничем, ну ничем, ни коробкой конфет, ни своими состояниями, вообще ничем. Я знаю, что говорю. Образ сильной воли не всегда бывает прямо понят нами, иногда он носит в нашем воображении прямо противоположный смысл какой-то одинокой души, одиноко бредущей в своём поле-пути здесь, и это понятийное обыкновение проступает на поверхности самым жалким образом здесь, в котором кроется столько горечи и обиды, впрочем, я велю вам отвернутся сейчас от этого образа в себе. Сильная воля – это пространство в любви к своему я, которое есть весь этот мир здесь. Мы в состоянии понять это с вами как качество я сейчас, и оно в полной мере принадлежит вам самой как сознание я-здесь воля и эта воля моя, она есть свет из чаши моего я. Она есть применённость для того пространства, в котором я вижу свою волю задействованной в оболочках сознания. Минувший день был уроком украденной воли сознания из вашего я, и потому новый день, принимая на обороте чьи-то позы за подлинное содержание судьбы, может оказаться в тумане или, не оказаться в нём, если наши уси-

лия превзойдут ту волю о нас. Я понимаю, Королева, как абсурдно это заявление, лежащее между строк тут, поэтому – пристегните ремни, мы снова полетим в Лондон, на этот раз вместе. Мы снова окажемся в той чуткой атмосфере любви, приязни и совершенного любования друг другом, в которой мы проявляемся как искренние люди; это важно для нас с вами. Я хорошо помню тот день, в котором мы старались быть независимы друг от друга – как два морских ежа, оба колючи, круглы и оба лежат на дне к тому же, ничего не зная об этом сами, но вот пришёл отлив, море отступило, волны с шумом унесли все наши предположения о текущем моменте истории и мы выглядим довольно странно, признаться, в новом для нас положении, продолжая раздуваться от осознанной необходимости, которой нет как почему-либо текущего принципа воли, в котором плохая видимость заменяла горизонт здесь, это пространство удаления от того, что мы называем собой, и это почему-то ничуть не смущало наше воображение, которому нечем было возразить этой самой видимости. Уж я-то знаю! Королева моя, почём сорт этой пшеницы и кто её сеет в полусоставах слов на плоских крышах наших я. А то, что взойдёт, тотчас убрано будет с этих полей.

Я свободен от помыслов о чём-либо несостоятельном в нас, пойми, и мне нравится это положение вещей, мне хочется больших представлений о тебе в своём я, большего разумения, прости. Я предстаю перед тобой в качествах, сво-

бодных от созерцания и потому движимых пространственной свободой мысленного взора отсюда туда, где мы с тобой вместе сейчас. Вместе! ты слышишь меня?..

Я предвосхищаю некое устремление пробежать 100 км пути за 300 мин, т.е. по 20 км за час времени, я устал двоиться в твоих глазах, как полоумный визитёр твоего я, я сам! не спорь, как бессмысленный парламент птиц, для которых воля не представляет интереса, поскольку они вольны выбирать своё небо как состояние с миром минут. Вокруг ты, а где же я? Всё-таки я паранормален ещё и не осознаю своего местонахождения. Я пресекаю всякие разговоры о вообще разуме или – вообще сознании, я же знаю, что ты их терпеть не можешь.

Вы очень добры, мой славный Учитель! Очень! Встаньте с дороги, вы же сидите на ней!

Я сам знаю, не морочь мне голову, и почему ты кричишь? Тут сильный ветер, это так, но это не значит, что надо орать. Я как сила воли иду к тебе сегодня в себе и потому – присядь рядом на этот путь; тут стоит подумать кое о чём. Я не стал говорить тебе, что ты стоишь моих минут, и не о том речь. Сядь тут, не стой над душой. Обо мне нечего беспокоиться, подумаем о тебе.

Я присела на дорогу и перестала сомневаться /в возм./воле моего Учителя обо мне; он видел то, что не видно, или – не заметно – было мне самой. Я, как хрустальное яйцо пространства, преломляла свет, сама исчезая в его потоках, и это делало меня практически невидимой в этом свете, в этом почему-либо реально существующем свете сейчас.

Мой друг, - сказал об этом Учитель, ища взглядом точку воли во мне и, не находя её, удивлялся, - искал тебя всю жизнь. Почему ты не нашлась для него?

Я затерялась.

Везде? – переспросил Учитель меня об этом.

Да.

Вот как, - он поджал губы, - вот как! – сказал он ещё раз после этого молчания, - но ведь ты знала, что он ищет тебя повсюду - и молчала?

Мне не хотелось честно отвечать на этот вопрос. Я просто думала, что надо постараться уйти от ответа, ну, как-нибудь избежать его. Учитель внезапным скачком памяти приблизил меня к себе и сказал так об этом, прямо в ухо

Ты стоишь в его глазах… Уступи!

Нет!

Я резко встала (поднялась, вернее), и стала отдаляться.

Учитель внезапным скачком памяти приблизился ко мне

Ты стоишь в его глазах. Уступи!

Я растерялась ненадолго, память дрожала в обрывках/образах слов, отторгая их от себя.

Нет такой воли в Боге, - это было сказано почему-то вместо подлинного ответа, - её в нём нет.

Ты неправду сказала сейчас. Об этой воле все знают, даже я! А ты лжёшь.

Я подумала: тысячи световых лет летят, чтобы строить нас в себе самих, тысячи беспредельно быстрых ангелов летят к нам отовсюду, чтобы постоять крыльями в нашем небе. Видимый свет и тот дрожит от их присутствия.

Я подумала: и ты, Ангел мой, позволишь мне сказать это моему Учителю тут?.. Да? Позволишь?.. Я молчала пока шли

эти мысли. Мой Ангел взмыл в небо надо мной и строил там догадки.

Хочешь, - я сам скажу настоящий ответ? Тот, который от Бога пришёл к тебе? Бог думает, что мы пара, и ты от себя отказываешься ради меня здесь.

Ну, - может быть, - сказала я и поднялась, чтобы уйти с дороги – той, на которой мы оба сидели. Я сделала вид, что не поняла этого ответа, что я даже толком не расслышала его в себе. Я далеко ушла от того места, где мы оба стояли в волшебном этом сиянии, чтобы сейчас рассказать вам об этом, как о бывшем со мной. Что сказал тогда Бог, глядя на нас сквозь эти поля в себе, я восприняла сегодня здесь, будучи там.

17 ноября

…всё ведь как-то волшебно должно происходить, хорошо, по воле чувствования, по особому счёту его, по настоящему – я так думаю, по какой-то теории это невозможно понять, а вот по чувствам – да, возможно, ну пусть, я подумаю об этом.

V

Да, Королева! Вставайте, просыпайтесь, - уже утро и нам

пора идти. Я сильно изменил ваши представления о вещах, подумав, что дорожная пыль может поднять тонус, настроение, но вот вы увидели то, от чего стоит отвернуться, всё-таки - я так думаю, и просто следовать своим путём, стараясь избегать сомнений на этот счёт. В этом море нет волнений, как-то не предвидится их в нём; оно лежит спокойно в своих берегах и дышит светом, отражённым от его поверхности вод в чувствах, спешите себя объявить независимой от них, иначе они наделят вас своим воображаемым светом и вы будете век кружится тут в танце, как зачарованная собой домашняя игрушка или память о волшебных днях. Нам, знаете, не пристало делиться на составляющие элементы!.. Верхние доли поют, нижние отзываются и так далее, а позиции остаются прежними. Не пристало это нам, Королева, и парадокс лжи в сознании – тоже, знаете ли, никуда не годится. Богу угодно тут небо кружить, пусть; а я вам говорю – не кружитесь. Вставайте и идите. Сложение сил в вашем я-сейчас сохраняет волю пространства.

Я не стану объяснять значения этих слов, я просто выведу вас отсюда, от этих вот належей брехни на вашем я, которая корни тут, кажется, пускает; пусть не будет её больше. Во мне сила воли пробудилась от спячки, в которую я впал по неразумению определённого поля над собой. Да, истинный Бог светел, и во всём, к тому же. Мне, заведённому как часы, бить охота это пространство брехни, время подошло это делать. Подумайте вместе со мной, Королева, почему столь

долгое молчание вдруг отозвалось криками о формализующих его поверхность взглядах, о каких-то там далях, вышколенных под внимательным наблюдением, о чепухе, словом, которая чем уши заткнуть ищет. Стоит ли обижаться, Королева моя, на неопределяемое пространство – ведь оно не определяемо и таковым остаётся. Я чересчур полновесно к нему относился, предполагая в нём силу судьбы своего я-здесь, силу ответа, за которым я нёсся, как за хлебом жизни, в себе. И придумывал за него все свои формы в нём же, и что я увидел теперь, что я увидел, - что формы эти пыль, да. Я не перестаю удивляться, Королева моя, чему-то особенному, своеобразному, любящему, а вы ведь тоже?.. Я войлок за воздух принимал, кажется. Я, в общем, шар получаюсь для вас, набитый кулёманными мыслями, отчего это так? спросил я сам у себя - сам у себя спросил, я не у вас это спрашивал, отчего это я так средственно поступил, получается, что я вообще не думал, а так просто, ну как-то так.

Вот что давайте сделаем сейчас с вами, мы станем мерить пространство своими взглядами, и увидим в нём кое что, - весьма обоснованно увидим, польза великая прибудет, как мне видится это, от своего места здесь во мне. Где-то там пыль осела в наших я и небо ясное увиделось во мраке той ночи, от которой бежать хотелось, как раз сюда. Мне надо понять с вами одну прекрасную историю, которая произошла в нашем с вами я, какая это история? Хорошая, Коро-

лева моя, да. Я знаю, что она хорошая, что это умаление пересыпанных солью страниц не имеет значения сейчас.

Я чьё-то подобие сейчас?

Я, Господи, не вижу этого, то есть, я не нахожу в тебе отражений чьих-либо следов сознания сейчас, ты сама со мной идёшь в воле. Я должен понять как-то, или, нет - точно понять, чьим интересам подвержена бывает твоя воля, почему она плавится от соприкосновения - почему она становится мягкой буквально, как будто в ней нет меня, и ты думаешь, что какое-то поле выносит за скобки все твои умозрения, я бестолково сказал, понадеявшись на слух.

18 ноября

Да давайте же говорить! Да, поле бездействует сейчас, - я сам не знаю, что оно делает тут. Вот что. Ваша аура сама знает, я пойму, в чём тут дело, это состояние моего я.

Воздух сильно накалён чьими-то прилежаниями, и я думаю, что память реагирует на них, регистрируя, вернее, отстраняя от себя плохие звуки. Вам нужно просто понять, что приём этих звуков сильно искажает пространство. Сильная воля это состояние добра, поймите, вы сердцем поёте этот звук добра, а в вас память идёт чьих-то ещё воль, да послушайте вы, что вы всё отворачиваетесь от меня. Вы постоянно

прислушиваетесь к потоку сознания и это делает ваше небо проницаемым для воль, о коих сказать нечего тут. Битва гигантов неба породила тут это пространство общих формулировок, я – то, я – это и так далее. Я есть. Двигайтесь дальше, вы воспринимаете пространство как движущееся здесь поле, выраженное в памяти я постоянным смещением воли из собственного я в сторону сообщаемого вам движения в памяти, чем и сопрягаетесь. Я вам сказал об этом, Королева, прежде. Думайте о пользе времени. Душа видит свет, и его не отнять у неё никакими ухищрениями, простите за это общее выражение состояния воли в нас самих. Дурная слава не повод для истощения сил, и не имейте её, пожалуйста, - я вам это говорю, вы не избежали оккупации пространства простым оговором. Эти чучела – не воля, Королева моя, это их программы, движущиеся в нас как избыток словесных форм сознания. Я как кричащее небо иду сейчас, как парадокс некоего пространственного устремления, усмотрения тоже, как первопамять, может быть, проверенная временем мы здесь. Бесполезно терять время там, где его и нет, и не было и взяться неоткуда, то есть как мир, вы подумали, что я навязываю вам это состояние, но этого нет, Королева моя! Когда форма волнуется, значит она строит себя в сознании, значит, она ищет проявления в нём через путь - через тот самый путь в любви, который идёт и не дозволяет собой манипулировать в нас. Богу угодно жить здесь, в этой волнующейся форме, и не иначе. Сила есть мир, и мир с нами – это воля.

Внезапное чувство озарило мир и он состоялся как единственно возможный мир здесь, и в нас эта память идёт о нём. Ну и верьте ей - она же знает, поймите, его, этот мир лучше нас, потому что мы ушли от него в кичащиеся собой состояния.

Я что-то другое скажу вам сейчас, моя мобильная связь оглохла от звонков. Я ветер принёс, ну вот так. Да, я, оказывается, сделал это движение состоянием во вне и пространство, осыпав меня горстью монет, стало проявлять ответ (свет-?). Я выразил это в форме кондуктор связи спит, да он не спит, он поступает правильно, отделяя важное от не важного, пустое от полного, привычное от непонятного - да, непонятного. Я прошу вас – не деликатничайте с той памятью, которая просто отмывает деньги в глубинах ваших вод, я не верю ни в какие пожары душ на основе чистогана, а деньги эти, уворованные в примитивных обстоятельствах из-под высокого лба, извините, очень сильно хотят быть найдены, должны выйти на свет как жульническое поле. Высшая польза никак не оправдывает их состояние без примера - без того, что так называется в нас, пример, как способ решить задачу подобий x + y = я, стало быть, y + x тоже я, только немножко другой всё-таки, что это значит?.. А вот что - память обрадовалась, узнав, что её нашли, но вот только в руки она не даётся тому, кто обрёл её, заведомо зная, что она не

ему принадлежит.

В нас журчит ручей слов. Я понимаю жест…

18 ноября 1

Да, давай продолжим тут этот разговор, с чем сопрягается твоя воля сегодня сейчас здесь. Ты помнишь…

Позволь сказать. Она сопрягается с тобой.

Со мной она сопрягается во сне, а наяву ты живёшь сама. Во сне я вижу тебя в настоящем времени мы.

Ну, хорошо – пусть так. Пусть Учитель скажет об этом мне.

Я полагаю, Королева, что ваше эго сознательно расширяет границы сна, потому что оно привыкло держаться особняком и не имеет причины выражать волю тут.

Я сожалею об этой неудаче; почему она произошла?

Вам не должно так думать. Это сознательное поле, и в нём много минут принадлежит вашим рукам. Суть происходящего в том и состоит, чтобы понять плазменные шнуры.

Что такое плазменные шнуры?

Потоки воли, исходящие от хозяина этой воли к вам; они соединяют пространства воздуха с помощью сознательных импульсов, впечатлений, состояний, или – обычных слов, напрягающих мембрану памяти. Как катушку проводников, защитный слой этой катушки суть воля. Катушка полагается на этот слой, т.е. память верит воле своего я. Да вот что, Королева, вам ведь хочется тут понять, что вас ограничивает, заставляя держаться в отдалении ото всего, что вам хочется видеть и т.д. Я найму сыскное агентство, вернее, сыщиков, уверен, что память обнаружит истощающее её небо и вернёт себе то, что с неё сняли как охранную зону, да.

Мы вынуждены были вращаться среди некоторого количества людей (идей-?), хорошо нам знакомых, как казалось, а в общем-то - незнакомых совершенно, как выяснится это позже (без объяснений). Они, эти люди, ничего, в свою очередь, не знали о нас, но при этом умели обращать на себя внимание, держа его в напряжённом ожидании для того, чтобы, сохраняя дистанцию, отчуждать на себя ауры. Я говорю сейчас совершеннейшую ересь по-вашему, однако внемлите. Это свойство, отчуждать ауры на себя, бывает двух-трёх родов, один из которых снабжает их судьбоносными мотивами, другой заставляет сходить с ума от любви, а третий (наш с вами) объективизирует их в своём пространстве как упо-

добленное себе небо; проще говоря, употребляет для своих нужд в контексте текущего времени. Я вам преподам урок возвращения себе своего собственного тела любви (это аура света). Надо понять мир как световые волны, пронизывающие его пространство везде - в памяти, в сердце, в состоянии я здесь – и тогда этот мир отзовётся на присутствие воли как на светящуюся точку. Я различаю эти точки как проективные пространства.

Я думаю, надо постараться выбраться из этого «войлока» памяти. В нас есть позитивная воля, которая хочет света, и не нужно мудрить, ожидая, что вот, мол сейчас это свалится сверху или подаст руку снизу. Я вижу, Королева, что вы чувствуете на переднем плане, какая память почему либо снедает пространство и что высшая форма вполне реально может сделать её несущественной, несуществующей для вас; здесь нет противоречия, одна борьба за передел этой памяти – чья лучше, та и достанется мне. Вот глупость поистине. Неправдоподобие, кажется, перестало пожимать мне руки. Я, волею небес, перестал двоится тут перед вами, ах, да пожелайте мне успеха, Королева, и я забуду все ваши горностаевые мантии, которыми вы прикрывали свои больные ноги от моего внимательного взгляда. Я вам верю, а раз так, я думаю, что полу решительность моего я не позволяет мне давать вам советы или проводить время в рассуждениях о безначалии (в том его смысле, в каком оно отсутствует в разряде воль) си-

ниц, но только вот что, Королева моя. Подайте руку тому, кто в ней нуждается. Кто хочет быть понят вами и стесняется обратиться. Кто хочет, чтобы его аура лежала на вашем лице, и мне не придётся стыдливо отводить взгляд от пересортицы в состояниях с вами, происходящей из надуманных ситуаций, не облагороженных ничьими мыслями. Ваш дом полон любви. Почему вы не знаете об этом? Почему все ваши старания управлять собой как движущим пространство эго, остаются втуне, не имея знаменателя по себе. То есть, будучи проявляющим свойством материи звука, вы состоите в связи с объектом собственной воли, который вам по праву принадлежит - как настоящее время я, я это имею в виду сейчас, а его судьба зависит от вас, от вашего расположения. Я проецирую в ваш ум свои соображения, которые собраны в этой книге в отдельные главы, и я бы хотел увидеть их вместе с вами.

Разум не испорченная игрушка в руках пьяниц. Я думаю, вы поймёте меня, осмыслив этот странный посыл души телу.

19 ноября

Что хочет быть выраженным? Этот вопрос сознания ауре света задан, что, получив сильное устремление в верхних позициях я, хочет быть выраженным здесь с помощью этих рук, этого сознания, этого я мной здесь, что поручает меня этому небу, проявляя в нём индивидуальные особенности моего

присутствия, подразумевается моя воля, соотнесённая с ним в этих минутах моего я-сейчас, как подобия, может быть, - подобия ему самому, с коим я живу в себе сам, поднявшись площадью сознания к этим небесам, заведомо, загодя! поднявшись, может быть, претендуя на образ своего я в этом небе.

19 ноября 2

2.

Давайте подумаем вместе о состоянии ваших дел здесь, Королева моя. Мне представляется это немаловажным занятием, это обмысливание текущего плана реалий, в вашем я застряла книга, да, можно так сказать. Эта книга или сборник такого рода объектов мысли, о которых, или для которых нужны по меньшей мере два фактора для продвижения её в пространстве, со-путствие и со-знание. Я дам вам объяснение этих значений в координатах времени сейчас. Вы находитесь в своём поле, которое, одиноко взирая на эти структуры мысли, помышляет об определении её пространственного назначения, которое, как вы изволите думать, не совсем вам принадлежит, а если точнее – совсем не принадлежит, так как вы не являетесь её автором. Это произведение сохраняет ваши индивидуальные проекции памяти в качествах, и это тоже важно понять как основу мысли. Я высшая форма сознания и устремлённость к ней есть высшая польза. Я не несу сейчас никакой новой информации, в отличие от я высшего

образа мыслей – в нём, в этом высшем образе, сохраняются силы для моего принципа воли и я имею к нему непосредственное отношение как носитель личного времени в этом пространстве сейчас, которое он напитывает этими силами, если я сам буду переживать его пространство как своё, имеющее ко мне отношение как почему-либо соответствующее мне самому. По каким признакам я узнаю об этом сам – об этом соответствии?.. По величавому течению мысли в моём я-здесь, по моему собственному образу, который я вижу в отражениях, по созерцаемому мной пространству здесь, которое выявляет для меня лучшие свои качества, не применяя прихорашивания передо мной, не прибегая к нему для устранения мысли о подделке, свет из окна назовём это сейчас и мы видим его собой, своими именами, если хотите. Читающий разум обновляет пространство здесь, выхолащивая знаки невероятной глубины памяти, содержащиеся в анналах наших я, и это даёт мне право говорить о беспробудной спячке, которая окружает мир любви. Выхолощенные знаки не имеют силы и мне не с чем соединять их в своём сознании. Я берегу ваш ум от их значений. Вы проявляете память, которая принадлежит нам обоим, и мне кажется, что вы узнаёте меня по этим проявлениям в себе, я думаю.

20 ноября

Мне хочется сказать вам обычные вещи, я в любви – это радость, и это всегда так; то, что не приносит радости не есть

любовь, это пещерное обывание памяти, в котором происходит то или иное состояние, обнажает поиск чувств [но не сами чувства], определяя их как пространство индивида, и вот я, понимая это, отдаю себе отчёт в проявлении заботы о них в своём я; да, я забочусь о своих чувствах в видимом мной. Я полагаю, Королева моя, что высшая забота сердца есть жизнь в любви, и мне кажется, вы также. Я бы хотел, чтобы ваша воля выражала радость присутствия здесь. Давайте хоть сколько-нибудь обрадуемся друг другу, в нашем я есть это место для настоящей - для настоящего состояния радости и мы немысленно обращаемся к нему, для думающего эго оно недоступно. В конкретном образе пространства всегда есть оболочка, разумеется, с виду (я не всегда был уверен в этом, а теперь знаю точно) сопряжённая с объектом воли во внутренних мирах того я, которому эти миры подчинены бывают, и посему, Королева, миры эти отражаются там, где память изберёт для них место, подходящее для насущной… для насущного в нас соединения с волей света, память приискивает это место сама, создавая образ поразительной верности, отражённый от целого конгломерата пространств, в которых он существует как реальный план, или – как подобие проявленных событий, состоящих из не обозначенных ещё ничем областей памяти я-везде. Это неимоверной силы радость, обладающая способностью проницать состояния сна в нас самих, или, как я уже говорил, сил памяти, связанных общим контекстом времени во вневременном

пространстве. Мы хотим порождать радость, отдавая её пространству здесь, я появляюсь в вас для неё, - для выражения этой радости, освящённой любовью здесь. В нас призыв воли звучит как Богоугодное поле примирения, в котором мы оба, ты и я, равны по силе любви - по силе пробуждённой в нас любви Бога здесь в наших, обозначенных настоящим временем, сердцах, расстояние между которыми мысль, бегущая в строке. Я пою гимн нашей любви, я делаю его доступным слуху сознания, вне которого он, может быть, и не слышен даже, а я так хочу, чтобы ты слышала его везде, чтобы ты разумом понимала, что это она и есть, наша любовь, понятная здесь каждому сердцу, каждому, поверь, это так.

Мы живём в пору какого-то безымянного альянса лиц, претендующих на наши права, урезонивающие их, облагающие налогом настоящее время наших воль, безымянных этих лиц, о них сказать нечего кроме того, что они везде как чересчур сильное поле, которое складывается из их присутствия в обитаемом мире. Я что-то делаю, чтобы моё имя проявлялось в тебе, что-то берегу, какие-то угодья, может быть, для наших воль. Мне хочется перестать быть кажущимся пространством, понимаешь, - кажущимся в смыслах чем-то совершенно иным, чем объект твоей воли, вернее, я сам по себе. Я запрещаю тебе отныне читать плохие книжки, в которых пишут, что надо бояться Бога, что надо избегать вольнодумства в категориях жизни, любви. Любящее сердце не позволяет этого, сознание не обретает этот смысл – оно

просто прячет рот от высказывания, - оно само прячется во рту от этого помысла избегать Бога из боязни. Разум спокойными глазами смотрит на жажду жизни, и поощряет её в нас. Просто – поощряет. Я льюсь как воздух в твои уста, я соизмеряю пространство нас в качествах, и нахожу их отчётливо видимыми в радости. Если бы не было тебя, то зачем здесь я? Для какой цели моё сознание создаёт эти вихри слов. Избегая смотреть друг другу в глаза, мы становимся мелочными людишками, подверженными любой популяции слов, откуда бы она ни пришла, мой май(!)

22 ноября

1.

Во внезапном умалении любви, которое происходило в вашем я, было состояние не-мудрости, происходившее из приёма больших доз алкоголя, безнаказанно и противоестественно, простите. То, что кажется резонирующим таковым не является, по сути своей, в этом состоянии алкогольного опьянения, и мне приходилось отчётливо это видеть в себе не раз. Я проявлял память немысленных пространств, интуитивно чувствуя их присутствие где-то рядом с собой, я ходило ходуном, истощаясь от их присутствия, и враньё залепляло мне уши. Это эгрегоры безнадёжных пьяниц. Давайте тут постоим за себя. По-моему, мистификация определённых проекций в память приглашает увидеть то, что за [забором] преградой сознания разглядеть бывает затруднитель-

но, и это действие алкоголя на наше сознание, вызванное смещением истинного поля своего я здесь, вызывает ответную реакцию пространства аум стиранием воли света. Стратосфера трудится, отсылая, или – посылая частицы своей любви нам, но мы не в силах принять их, будучи погружены во взаимодействие с упорядоченными полями блокирующих наше я пространств здесь, в науми которых лежат или – распределяются по касательной проекции нашей памяти, отторгнутые, или – оторванные от нас самих частицы света в бредовом плену чьих-то замурзанных мыслей. Разум беспокоится, желая отнять наше поле у этих простёртых в никуда рук (то есть того, что делает его таковым, расположенным ниже пояса сознания, разумения этого сознания), разум хочет отделить наше поле от креативов местного значения и мы, убаюканные чем-то вроде соединения с волей Бога, наивно верим, что хищное это пространство и есть свет души, открывающийся нам в проекциях памяти. Заблуждение это столь велико бывает, Королева моя, что буквально целые площади пространств истерзаны бывают выводками потушенных огней памяти я, и притом сильно связанных с плотью, с памятью плоти в нас, мы очерняемся ими, не препятствуя проникать в глубину памяти и сорить там своими мыслями, столь безрадостными, что они буквально остекленяют взгляд и он становится невидящим на какое-то время. В чём же дело. Проективная память требует замолчать эти жертвы собственных убеждений в ограниченности мира, а я

вам говорю – не делайте этого, не стремитесь упорядочить это пространство в себе, оно плохо упорядочивается, оно, казуистически извиваясь, требует особого подхода, принимая позу жертвы того огня, которому оно отдалось сполна и, приняв его форму, требует этой жертвы для себя, а что это значит. Вот что. Это значит, что отравленная память любви принимает те значения поступков воли, которые ведут к уплощению воли пространства, она не ищет глубины сознания и не идёт далее примитивных, простите, случек с покорённым пространством судьбы, кем оно покорено. Этот вопрос возникает как право на истощение поля того организма воли, который излучает поток этих частиц в настоящее время я, стараясь получить его пространство для себя, а зачем оно ему. Как я уже сказал здесь, оно ищет задействованности для себя, чтобы продолжать или – продолжить кормление эгрегора своих минут в состоянии я-здесь, ибо как оно само не способно это состояние воспроизвести, не обладая волей пространства о себе. Оно прибегает к устрашению, как изволите видеть, заставляя преемника поля этого трепетать, объявляя его волю… да смешно говорить, как оно ставит на колени, не спрашивая а хочет ли этого стояния разум, Королева моя; разум, как мы видим, мало понимает в происходящем, - как мы видели это уже с вами он не подотчётен этому грызуну времени я-здесь. Вектор времени имеет значение для настоящего времени я, как направляющая перспективу сознания, как выход пространственной цели в настоя-

щее время сознания здесь, я здесь память - так точнее. Я говорю с пространством от своего имени и оно понимает меня, оно определяет мои позывные – можно ведь и так сказать, псевдонаучно несколько; я выражаю это пространство собой, объединяясь с ним в одно целое свойство жизни сейчас, и оно становится моим поддерживающим меня полем, мои [адреса] голоса звенят в нём, мои институты сознания выражают волю, в которой живёт моя память здесь. Я верю в качество этого пространства для меня здесь как лучшего поля моего я, если я силён, если я полон сил радости в моём я-сейчас. Я благодарен небу за это состояние моего я и я могу быть вполне адекватен самому себе, никого не расталкивая, не теряя друзей, не навязывая никому своих мнений и не определяя себя как лучшее пространство в мире, то есть не тщеславясь здесь. В огнях паразитов от любви это невозможно, простите, что я позволил себе это высказывание здесь. Мне хочется, чтобы вы почувствовали в своём доме присутствие истинного чувства, не подверженного течению времени в памяти я, я знаю, что оно есть, оно не горит в чувственном огне сейчас; нет этого огня, подвергающего волю истязаниям и делающего её послушной определяющим её полям, и я понимаю, когда слышу, как вы хотите сейчас, немедленно двигать это поле, даже понимая всю нелепость этого внешнего движения мысли отсюда туда в проективном смысле памяти я; дикарство состоит в том, чтобы не замечать этого движения, отводя глаза. Во избежание суесло-

вия, я хочу, чтобы вы заметили это понятийное, конечно же, представление о вещах, достаточно твёрдой рукой отодвинув завесу, сохраняя при этом своё мысленное поле от вторжения навербованных пространств липы вместо любви. Даже понятийная субстанция этого поля способна заморочить голову своими безгласыми кодами, выводя их на уровень сознательного восприятия в нас, но думайте о хорошем теперь, Королева; да, это важно теперь делать во вне. Все пространства подчинены единой массе слов, в них родится бесконечность автора перемен в нашем я-сейчас, и как следствие и как первопричина позитивного пространства силы в любви.

24 ноября

Зеленоградская

Всякое утверждение есть воля пространства о нас, и мне и вам надо понять это как правильное положение вещей в нашем я, как поле, в котором происходят, или движутся, наши с вами я-сейчас. Я, знаете, Королева, достоин вашей памяти в самом обыденном смысле - во мне пыль времён осела, и я стал видеть чётче то, что достойно лицезрения сейчас. Вокруг нас снова бушует метель чьих-то импульсов, энергетических таких зарядов памяти я-сейчас и мы готовы принять желаемое за действительное, с помощью собственных рук обретая то пространство, в котором наше я блуждает, осознанно или нет ища замену реальности, которая, в свою очередь, не понимает где мы находимся и почему не откли-

каемся на её призывы, или – на её существующее поле для нас тут, в котором находится то, что мы ищем для себя самих, невзирая на несостоятельность нашего я в том поле проявления, в котором мы хотим это желаемое обрести, то есть, я хочу сказать вам, что мы не видим того качества в себе самих, которое видит в нас наше я.

Каким-то образом я нашёл тот, или – ту отправную точку памяти, из которой мы вышли вместе. Чтобы понять, где мы находимся сейчас, нужно немного пройтись, невзирая на присутствие посторонней памяти и не имея к ней претензий, как к своему я-здесь. (Не оставлять следов значит не оскорблять и приязненно относиться к данному вам пространству здесь). Я лучше пойму своё местопребывание, если стану хорошо о нём думать в себе самом, и это важно, Королева моя, как понятийное пространство сейчас. Я помогаю памяти разобраться в каком роде действительности она находится сейчас, конкретика вымысла это поле или оно является моим собственным эго сознания, в котором я живу изо дня в день сам как адрес, или как состояние, лучше. Я говорю с вами о себе, так как это удобнее понять, избегая некоторые подробности, вышедшие из моды, то есть не имеющие блеска времени я в качествах, присущих тому времени или этому пространству сейчас. Мне неоткуда было прийти в ваше я-сейчас, кроме как изнутри, из внутренних миров сейчас, в которых я-смысл я и замысел сочетаются в правах на

состояние с этим миром здесь. Я смысл, я и замысел того эго, в котором я живу сейчас в своём имени я, и я знаю об этом сам. Я знаю, что я имею ту степень отрешённости от соблазнов мира сего, которая позволяет мне свободно овладевать, постепенно это делая, сознанием своего я, и соединяясь в себе со многими и многими другими сознаниями, совершенствовать свой мир тут, мир моих минут. Я не протоколирую и не изымаю, я просто думаю об этом мире хорошо вместе с вами. Он волнуется от моих мыслей, переживая, может быть, какое-то особое состояние в себе, переживая то, что чувствую я сам. Мои состояния передаются ему во вне, и он способен поддержать меня в том состоянии ответа, в котором нуждаюсь я сам, а если он нуждается в ответе моего я, то этот ответ приходит к нему от моих чувственных сил. То есть сила моего чувствования и есть ответ на состояние моего я с миром здесь.

25 ноября

Мажестик! мысль моя от тех сил идёт, которые разумные начала здесь берегут. Я вам это сказал, и знайте теперь об этом. Я, как и вы, стремлюсь понять некоторые действия осознанно и, впрочем, мне это удаётся - я вижу их начала. Я вижу их переименованную суть, которая скрывает существо дела, производимого в образах пространств я. И вот мы умолчали целый активный период, из которого вы, или я, вышли в качественно иное пространство здесь. В чём его ка-

чество иное. Оно никуда не бежит, не сеет гороха в поле, не ложится спать в пять утра, не оседает пылью в мешках и не лепит образов своего я где ни попадя, так. Оно таинственно затушевалось, я бы так сказал об этом пространстве сейчас, оно требует внимания, не давая ответа ни на один вопрос к нему, оно ни с чем (или ни с кем) не хочет иметь дела и потому молчит, мысленно отгоняя от себя любой всплеск умного поля. Название ему область предсказуемого я-здесь. Вы вините себя в том, что А. не удостоил вас даже намёком на положение дел в его душе, бездумно - или обдуманно, что одно и то же, парируя ваше к нему отношение как к чему-то особенному для вас самой, и, желая ему помочь, находили возможность общения с ним через конвертор воли, объединяя, таким образом, усилия в выборе того или иного решения.

Я надеюсь, Королева, что ваш выбор соразмерен тому моменту воли, в котором он произошёл, и я бы хотел сейчас выяснить причину, природу этой причины, вследствие которой ваше я (зерцало) не имеет отражений мысленного поля, проявляющего пространство А. для вас. Сколь бы затруднительно ни было это выяснение, однако ему должно быть сделанным и я нахожу в вас самой эту возможность. По-моему, вы согласились с тем положением вещей, в котором ваше эхо уносит ветер, и предпочитаете блуждать в полях поддельных пространств вместо очевидных. Где, кроме как в настоящем времени я, вы можете услышать это слово сейчас? которое

однообразно наводит вас на мысль о существующем где-то поле мысли, в котором хранятся эти стяжающие время сейчас, волю также стяжающие и что-то ещё, может быть, накапливающие в себе как полезное, так и неполезное нам для жизни здесь. Я как-то вынужденно говорю вам эти строчки, по капле вытачивая их из себя, чтобы вы не преминули их записать.

Во многом я прав, Королева, даже в этой беспечности своего я к отчуждающему нас полю; я никогда не верил в его силу, и оно изошло, так. Я ограничен в пространстве вымысла как права на искушение воли, и я не правдоискатель, как вы заметили, я думаю; во мне нет так же любви к деньгам. Что мною движет? Простите, мне показалось, что вы не думаете обо мне, но это не так; вы просто молча пишете то, что я говорю для вас же. Это состояние называется выгода, или, подругому если сказать, полевое устремление, выстраивающее жизненный план в зависимости от цели пространства.

26 ноябрь

Зеленоградская

Во многом, я думаю, эти дни будут справедливо поняты всё-таки. Я уверен, что мы найдём тот общий язык, на котором смогут быть выражены наши устремления во вне. Я тут и мне нравится это. Возьмите эту фразу как основу любви, в ней выражена вся суть пространства А., вашего идальго, если хотите. В контролирующем ваше я небе бежали эти обла-

ка силы, снискивающей пространство воды, чувств то есть. Я другое небо, чем то, о котором я только что сказал вам, надеясь на вашу внимательность, на которую я полагаюсь в себе. Ощутите это, Королева, во мне нет того беспардонного умысла, который сквозь завесы протискивает своё состояние с этим миром забот о хлебе насущном или отважно занимает собой всё данное пространство своими ухищрениями, оборудуя его под свои - под свою пользу в человеческих отношениях. Я вижу этот мир в любви, которая единственно способна создать мир в нас самих. Я выражаю это пространство здесь, и никакого другого во мне нет. Я снова вижу уличные фонари как объекты светящейся мысли, и мне ненужным кажется самостоятельно мыслить при их свете, но нет! наступает день, фонарное освещение блекнет, становясь тем, что оно есть. Освещаемое ими в ночи принимает свои собственные формы, и я вижу каковы они на самом деле, в подлиннике пространства моей жизни здесь. Это сравнение истинного звучания формы с искусной подделкой этой формы здесь. Те состояния, которые мы привыкли считать своим мерилом, по истечении времени оказываются просто сгустком мысли не принадлежащей нам самим воли, в свете которой мы и увидели тот или иной объект. Мы сами порой путаем присвоенное нам значение с потоком состояний, идущих от сил, заинтересованных видеть мир в огнях, защищающих его от проникновения света в душу и таким образом имеющих надлежащее хождение. Чем-то таинственно

недоброжелательным веет от этих сил, от этих воль, так лучше сказать, точнее, замыкающих пространство во внутренних очагах своих я, и очевидно, Королева моя, что при свете факелов ли или их подобий мир не становится лучше, сильнее, очевиднее, что он просто происходит от испепеляющих, так сказать, пространство взглядов, в чьём усмотрении ночь преобладает над днём. Ну, да ярок свет должен быть, Королева моя, настолько ярок, чтобы всякое подобие ночи как дня, ночи как подобия дня, изошло из души, и стало видно кругом не блеклые тени того или иного пространства формы, а полное освещение их в душе сейчас, тут, везде, где мы с вами имеем счастье пребывать.

Давайте проявим некую волю в феноменальных лучах образов пространства здесь, и мы увидим проекции плоских миров, недвижимых, - недвижных, позёрствующих, проще говоря, перед объективом пространства мысли, или делающих вид, что они немеряно богаты ею в себе, а по сути таковой мысли не имеющих вовсе. Или - не плодоносящих, этот образ возьмите сейчас. В них нет плодоносного начала, каковым является свет жизни в любви, почва, та самая почва, на которую падает семя, чтобы прорастая, давать свет силы жизни. Я буквально бредил этими формами плоских проекций, считая их своим прибежищем от формализующего меня самоё вымысла. Таковая сила не есть свет, она проявляет бездуховные миры, наводняя ими пространство здесь, чтобы

идти с ними под руку сейчас и даже продвигать их в какие-то неопределяемые дали, за которыми трава не растёт, там пустыня, извините, - однообразная пустыня принципов воли, в чьей формализующей пространство идее… нам не нужно туда идти - довольно терзать память выходами в открытый космос, так сказать, сознания, приуроченный к неимущему интересу любострастной души. В воле вашего я есть я, как состояние с вами самой, и я холодно констатирую это пространство, не имея в душе к нему никакого отношения. В воде призраков нет любви, и чем вульгарнее этот мир - чем выхолощеннее его чувства в себе, тем он страшнее, и это признак его если угодно, страшнее в смысле угодливости своему я, не имеющему в душе иной мысли кроме любострастия и нетерпимости к ближнему своему, которое выражает себя через образы пространственных умозрений, таинственно заключая их в свои оболочки ума и там вынашивая до полной непригодности, неприглядности, и уж совсем точнее будет сказать сейчас об этом - до полного истощения волевого импульса в [о]сознании этого образа я-сейчас, подвергая его обработке своими заученными мыслями штукаря. Я похитил вашу волю из этого форума, поля, может быть, штукарствующих лиц, и она принадлежит вам самой. Я проницаю поля своими мыслями и мне хочется передать вам толику чувства, отсутствующего сейчас в вашем восприятии пространства.

Я похитил означает ощущение весомости, абсолютно не

зависящее от расположения сил сейчас, то есть от их текущего поля, может быть, в нас самих. Я похитил означает скрытое удаление чего-либо, не обязательно волшебное; я просто перестал снимать кино там, где оно не должно идти, так как оно является зрелищем всё-таки, прежде всего обустроенным по образу и подобию зрящего пространства воли, что мне приходилось испытывать в памяти при этом, то я вам передать не могу, да и не стану, потому что память прибежище воли и я хорошо сделаю, если не допущу этих значений в ней, без какого-либо тайного умысла. Тщета удовлетворения пространства воли Божьего слова в нас вымыслом, не брезгующим ничьими минутами, даже и до противного значения этих минут, может довести ум до самооглупления, сделав его начальником собственных убеждений здесь. Я выйду из-под контроля этого ума в себе и сделаюсь свободен от его пристрастий в темноте улиц соблюдать покорность, ту самую покорность ничьей судьбе во мне, ибо она выдумана вся и не имеет продолжения нигде, кроме того, кто её оборотисто прихватил, позвав за собой в причины и следствия [обмылков чьей-то совести], я перестал жить под углом зрения на себя со стороны тех, кто казался мне уважаемыми людьми, фигурами моего я, кто вместе со мной уравнивал все эти пространства (моей судьбы) до несостоятельности, до неумения жить под своим именем, ни с чем не спутаешь это имущество здесь. Я пытаюсь понять сейчас, и я хорошо это делаю, своё личное сознание, которое упрямо соверша-

ет оборот по этим полям, не строя ничего из этих обстоятельств моей воли здесь, а только принимая облики торгующих в рядах славой; зачем мне быть с ними?.. Разве я уселся на камень и жду подачки?..

Я очень кротко думаю о нас сегодня. Мне кажется, что я нездоров, но это не так, - я просто устал гонять мяч по полю, тот самый, круглый, который чем-то сродни мне самому сейчас, если его пнуть. Я осмелел нынче, и заговорил человеческим языком, я стал изгонять шероховатости из своего словарного запаса; я так решил. «Не буйствуй, веди себя хорошо, и всё будет славно» вот, собственно, вывод, которому я пришёл, бесконечно обмысливая рефлекс памяти [на силу нот].

27 ноября

… я простодушен и покладист, я весь как ты. Я вышел сегодня на станции и чистый снег увидел, я так обрадовался ему - как маленький.

…Я макушкой небо чувствую. Я говорю тебе об этом, чтобы ты знала - только это. Я зря не говорю, и вот я сказал что-то, а оно возьми и сделайся таковым. Некто (раз уж на то пошло) стал думать, что ему нужен принцип воли как у меня, чтобы проявлять память, из которой состоят слова на завтра и послезавтра тоже, и как-то так получилось, что он его получил и стал казаться себе великим, таким великим, что память забеспокоилась и начала приноравливаться к его

величине. Она охватила взглядом мир[ы] и понесла в анналы, некто застонал от непосильного этого владения (!) - никак он не ожидал, что это вот так вот, оказывается; он самодовольно считал, по-своему, что мир - это так, область применения, что это, по существу вопроса, что-то огромное, но ограниченное его умом как-то и что если просматривать то будущее, которое он хочет в себе увидеть, то тогда его ум расширится в значениях и будет лучше думать, осознавать своё постояннодействие или там что уж, я не знаю. Дело в том, что ум в такой ситуации дело десятое, а то и двадцать первое, он слишком щепетилен, чтобы понять, что мир это не то, что он о нём думает в мыслях. Это часть значительно большего пространства, для минуты которого требуются мириады частиц света и масса энергий, и чудовищной силы ветер с вершин, и составляющая звука, разумеется, и чьё-то гигантское сознание, несущее этот звук в тишине миров, только память способна управлять им, ум не способен этого делать, он не эффективен, а ты видишь свет ушами и сама знаешь об этом.

ДЕКАБРЬ.

6 декабря

Зеленоградская

Я переживаю какое-то понимание, явное ли оно, не знаю. Здесь нет, или оно есть, или это вообще кажущееся мне проективное поле, часть из которого принадлежит мне самой

как отражающее смыслы небо, а другая, совсем иная проекция памяти создаёт эти пространства во мне, которыми я по ошибке заполняла свой дом, сознавая при этом, что эта ошибка памяти существует во мне как явный процесс, происходящий за пределами моего я-здесь. В нём-то и творились все эти чудеса достоинств и недостоинств меня самой. Окрашенное небо это называется, в проекциях я нет ничего обидного, они растут сами из себя, осознаваемо это или нет, - они растут, создавая тот фон состояний с небом я, в котором резвится моё эго; само разделяя и властвуя, само сохраняя те или иные качества весны-лета, чтобы, затем, дав плоды этих вожделений, образовать из них плодоносную почву, точку отсчёта иначе говоря, для следующих образов этого я-здесь. Во мне произошёл сброс памяти, - он реально произошёл; я перестала понимать пространство, вернее, стала недопонимать его во всей метафизической силе, чья цель создание Бога во мне, я думаю, - создание Божественного принципа воли в одном единственном я-сейчас, дееспособном, развивающемся в пространстве сейчас я. Но вот память пробуждает это сознание во мне и я мысленно устремляюсь во вне с потоком принадлежащих мне самоё проекций, чья активность выражает волю к жизни света здесь.

Вам конкретная форма нужна в памяти я-сейчас, я ведь знаю, Королева, об этом состоянии мы как светоносное пространство сейчас; в памяти есть это место, оно обратной свя-

зи не имеет, это правда, как, наверное, чем-то упорядоченное эго не отзывается на эхо во вне; есть некоторая доля обмана в контурах событий, но она невелика, и этот обман складывается из прилежащих условий, для которых вы эго объекта памяти я. Образ созидаемого мы может и обязан развиваться во времени, и если этого не происходит, то наступает ступор воли; вам это известно уже. В состоянии эго я блокируются все проводники, ведущие… проще говоря, - вы проявляете волю, а она возвращается к вам же, создавая те самые условия не разменянной монеты. Переосмысление необходимо как процедура (ужасное слово, согласен) проявления памяти там, где она застряла, не имея выхода в пространство аум, простите ещё раз за это умолчание.

Эго /возм. это?/ стхула, вы сказали.

Наверное, я имел в виду себя. Материальность здесь ни при чём, она просто высказывает себя таким образом, проявляя те или иные качества пространства, в котором мы обретаем свои эго здесь, сейчас. Я проявляю то качество, которое обособляет меня в моём эго, и я становлюсь этим; в остальном я свободен. Я пожимаю плечами, оглядываясь на эти слова – зачем они сказаны, Королева моя? Для чего я произнёс их, будучи абсолютно уверен в обратном, то есть понимая, что мои пальцы бегут по строчкам именно вследствие несвободы - да, будем так говорить. Я чисто формаль-

но произнёс их, получается. Получается, что я обманул вас, выдув мыльный пузырь на месте любви и преподнеся его вам в качестве вечности, ну, хорошо! пусть не вечности, а, так скажем, состояния мы есть пространство любви здесь и мы делаем этот мир светящимся объектом в союзе двух любящих сердец - сейчас любящих! – заметьте это себе, это важное замечание.

Что же вы замолчали?..

Я думаю. Песня пространства есть мысль обретаемая здесь в высшей сфере сознания. В высшей сфере сознания объект обретает свою волю. Во имя всего святого! – не делайте никаких выводов, они приведут вас к ложному пониманию того, что есть сейчас, мне хочется, чтобы ваша память была свободна от них, от выводов, поймите это так, я бросил вызов пространству - пусть оно отзовётся, пусть оно создаст эту материальность, для которой мы есть сейчас здесь, пусть оно строит ту форму сознания, в которой наша любовь свет, а не голос совести [материального мира мож. б.], пробуждающий дурную память, ложную, неверную, заставляющую кривляться пространственные зеркала перед объектами, прости, я что-то сказал другое, я хотел, чтобы ты поняла меня сейчас верно. Эта заострённость пространств на нас как на других, пойми ты меня, я не проявляю память сейчас, я проявляю её потом, как след, чей след - того кто наследил

в ней, я думаю, я психую, это верно, я чересчур понятлив стал, понятен, прости, без вдумчивости, а так, как в голову придёт, беглый раб вот я кто по-твоему оказался в твоём я. Я бесполезен как враль, которому взбрело в голову какое-нибудь чувство тут, обоюдосодержащее так сказать, обе платформы сознания, и он самосознаёт пространство таким образом, как память сознаёт, как выбор совести (какую унять, какую оставить) – так и живёт правом на выбор, а что ему сделается, прости, в нём ведь похотливое небо прежде пути-дороги размечает, и ведь прав он всегда, всегда-а!.. пойми его правоту, в нём животное начало всегда на первом месте, а на втором - на втором тоже оно, потому что пища, еда и всякое такое тоже, везде смысл ищи говорят, вот я и ищу его, даже в этом, похотливом небёшке, которому раз взбрело в голову, что оно чувство имеет, причём ко мне (как говорят) и всё это стало субстанцией света, всё, вместе взятое и развёрнутое тут в одну книгу, какую книгу, где она, книга эта, лежит, в каком порядке воли её мысли бегут, заливая волной света всё, встреченное ею на пути. Да, память обладает скоростью света, есть у неё такое свойство соизмеряться с большими скоростями, или сопрягать себя с величием аума, с его могучим потоком, пространства возникают из его памяти здесь, и это всегда так было, будет и есть, я знаю об этом сам - просто знаю, меня никто не учил этому знанию, я рождён с ним по праву рождения в любви. Я починил свой примус - я перестал быть идиотом, потому что я не хочу им

быть. Без объяснений.

Вам надо, нужно дать представления о каких-то вещах, априори подлежащих усмотрению здесь; я дам вам их. Согласно кодексу о состоянии души в нас мы желаем видеть себя сотворёнными из вещества любви, то есть из света как такового; но мы состоим из множества вещей - множества согласованных между собой веществ, которыми управляет наша с вами память; мы управляемы памятью здесь. Итак, мы управляемся памятью в своих я, которая, как нельзя кстати, состоит как раз из вещества света, то есть из того самого выраженного в нас самих поля-пространства здесь, будь то ум, или просто плоскость сознания, одноимённая с ним и называемая нами разум. Мы люди, разумны, то есть мы имеем в себе плоскостное зрение, троекратно увеличивающее сознание до границ света с той стороны души, которая видна Богу, и мы, ведая об этом, живём в пространстве я как сознающие себя существа – сознательно сознающие, если можно так выразить то состояние ответа пространства души на наше присутствие во внутренних мирах. А внутренние миры это и есть те самые миры, которые осуществляют в разуме - осуществляются в разуме нашего с вами я. Мир един, он не единичен, но он един в воле и, выражая себя через нас, он хочет быть выражен; он ищет этого выражения здесь благодаря тем возможностям, которые мы с вами имеем для этого действия выражения воли. Мы состоим из продуманных

свойств материи, также как мы состоим из веществ. Я мыслю и это свет, воплощённый в мысль, но я тряпичная кукла без него, я бездействен и безоснователен, когда его во мне нет. Мне хочется быть для вас примером, но это не всегда удобно, так как мы с вами не обладаем одними и теми же свойствами пуруши ощущать свет. Т.е. вы ощущаете его своими органами души так, что наблюдаемое вами пространство цели не очевидно для вашего я-сейчас, или – не определяемо сознанием здесь; и в этом выгода есть, Королева, определённая. Я думаю - позвольте мне это сделать, подумать о воплощении выгод, каковыми являются осознанно выдуманные миры наших я в нас самих и мне хочется при этом помолчать, чтобы сиюминутность не заставляла меня говорить то, что я не думаю, просто проявляя пространство сейчас.

С войлоком слов приходят паразиты мысли, спекулирующие в сознании подлежащими своих я. Вы даёте им смысл, которого они не имеют в себе без вас, наделяя своими образами и т.д. Чувственные миры страдают от их присутствия и наша память затрудняется, затруднена в понимании происходящего пространства здесь; поэтому необходим свет из мысли.

7 8 9 декабря

Я с вами сегодня буду прям, как перст указующий, - как предметное небо, я это хочу сказать. Вы представляете себе

своё имя жалким осколком чьих-то отношений с вами, чьих-то состояний, может быть, с вами, Королева моя, в любви, да-с. Эта материя неоднозначна, как известно; под ней подразумевают самые различные отношения дружбы, верности, состояния святости также, и однозначного смысла нет в этом слове, как ни ищите его, а оно таково, многозначительно. Я верю, Королева моя, что мы сумеем пробиться сквозь эту многозначительность, сами удостоверившись в её необходимости нам тут. Эта материя, состоящая из множества лиц, страдавших в состоянии я есть любовь мира сего. И также из тех лиц, для которых любовь – единственное звено в этой цепи жизней здесь. Я верю вам, Королева моя, когда вы говорите о себе как о состоянии сна, [в котором вы пребываете здесь], будучи отлучённой, или – разлучённой, что по сути смысла не меняет, с теми истоками или – истоком, питающим вашу душу здесь во сне яви, которая сама, будучи сном, или, скорее уж, видением для нашего ума, является ещё и объектом воли во вне могучего кристалла жизни (памяти иначе говоря). Таким образом, мы имеем дело со множеством лиц, чьи символы жизни света явлены нам бывают через субъективное пространство в любви здесь; и вы, и я хотим понимать их в своём эго сейчас, мы хотим, чтобы они озаряли наше пространство светом своего я. И вот мы трудимся, Королева моя, для этого понимания, происходящего единственно из нашего желания видеть свет в собственной душе. Я посягнул на некое пространство во вне и оно отозва-

лось неистовым свечением, всполохами воздушных проекций восхитительных образов, их знамений для меня; в моём я побежали искры любви, и я стал разуметь свет как очевидное пространство яви для себя. Во мне ожило то небо, которое я искал, потеряв память о нём, или, уж вернее сказать, - истощив её образами повседневного состояния здесь. Я говорю с вами так пространно ради исключения подобий сейчас; они не нужны нам для воплощённого эго я, действующего и принимающего решения, те или иные, но вот что интересно, Королева, вы именно являетесь тем смысловым воплощением образа я есть любовь, которому необходим свет излучающего неба - конкретной формой воплощения эго в любви, я есть эта любовь сейчас и здесь, подождите вы, я чувствую как вы сворачиваете эту форму сознания, создавая аббревиатуры я есмь то, вы хотите дознаться до истины огня, восшедшего на престол славы, в нём ваша вера идёт сейчас и знаемое вами есть свет, Королева. Вы облекли себя в эту память, из которой я сознаю это пространство здесь сейчас, поймите, что это и есть огонь славы, из которого виден мир может быть, мир здесь сейчас; я вижу его таковым, как поистине великолепный свет и он не кажется мне нейтринной бомбой или облаком пыли, светящимся во мгле; он мне ясен как высшая форма проявления сознающего себя пространства здесь, сберегаемая мной, сохраняемая ради единства воли хлеба в нас. Продажные институты сознания облекают эту форму любви в нас в сознательное бездействие,

отстраняя наши мысли от её благотворных вод реки жизни, если угодно, здесь, обедняя пространство мысли своими заученными формами ядовитой пыли вместо мысли о Боге, о Его присутствии в нас самих здесь в качестве огня жизни в любви. Я верен слову, Королева, и поступаю согласно с его благодетельным воздействием на своё я-здесь; простите, что я сказал это так отчетливо, имея в виду несколько необычный ракурс сознания, так вот мужеложство не имеет формы сознания, это нонсенс, Королева моя, отчётливо сознаваемый пространством как грех, как выход в низменные миры, и никакое упражнение на тему а в чём смысл любви? здесь не помогает истощению этого греха. Я бы хотел, чтобы вы правильно поняли нападение этого эгрегора охотников до размышлений на эту тему на ваш союз с А. В нём нет ничего обидного для вас, в этом нападении, в нём есть ответвление воли в пустые прилежания не существующих материй света - их там нет, Королева моя. Как абсурдно, кажется, это заставлять вас выслушивать теперь, по прошествии ряда лет; освободитесь от него теперь. Проявленное поле было выдохшимся пространством оккультно возвеличенного эго, которое само по себе ничего не значило, оно значило только в состоянии с памятью в любви. Да, я это сказал – с памятью в любви, которая источает волны света в пространство здесь; эта память является лучшим средством от падения в чересчур плотные пространства, из которых, как я уже сказал вам об этом, выход воздержан. Вы представляли собой интере-

сующее этот эгрегор небо, так как оно высвечивало, или – освещало собой те места памяти, в которых ничего подобного не предъявлялось суду воли, Королева моя, и это, явленное суду небо памяти вашего я было плотно привязано к настоящему времени я [того самого диггера воли здесь], что затем произошло, вот что. Вы были отвязаны от него простым усилием воли, перестаньте думать, что это какой-то вздор, не стоящий внимания даже. Душа платит весной за любовь.

Я просто прошу не бежать тут кривыми дорогами, только это.

Я тоже об этом же думаю, но только иначе, чем вы. Душа видит свет, и летит к нему, не задумываясь. Абсурд состоит в том, что я и сам ничего об этом не знал. Я понял это случайно, просто потому, что вы замолчали, осознав некое пространство подлежащим удалению из памяти рук, с сожалением констатировав его пустотелость. Желая оправдаться перед вами за этакую глупость, я скажу вам вот что сейчас…

Ангел сказал – чья-то луна с неба упала и те тени ушли [с неё…]

Да, верьте ему! Он знает. Мы сами учимся понимать ошибки в своей любви, поймите. Это так важно понять теперь что значит я люблю, я любим. Это состояние без сомне-

ния в себе самоё, в своих усилиях выразить это пространство так, как оно видимо в этом состоянии, и я думаю, вернее, знаю, что выражение это истинно. И что оно и есть подлинник пространства здесь. Я близок вам по духу и это даёт мне право на размышление о предметах коварных, каверзных подчас, скрывающих имя в себе совсем иного пространства, чем то поле, в котором они представляются нам весомыми, значимыми, обладающими замыслом пространства о себе. Я так нудно повторял вам, что ваше эго сохраняет яремное единство с памятью не вашего я, в котором очки кривы, а область сознания затруднена выбросом слов. Да, налейте вина, Королева!

Я заволновалась, Ангел мой. Чья же та луна была, коль скоро её тени мысли пугали? и отчего она с неба-то сошла?..

Ах, да брось! – не твоё это дело сейчас. Не твоё, и помолчи, покуда тени те вовсе не скроются.

А какие они? тени те.

Разные. Есть побольше, есть маленькие совсем. Чем тень ближе к свету, тем она больше кажется. Ты чей труд на себе тащишь? Скажи-ка тут без памяти, сама.

Я тащу труд стяжательного пространства.

Ну допустим. А сама ты знаешь о том?

Сама? я?

Ну да! ты, - знаешь?

Нет, я нет.

А память твоя знает об этом труде?

Память? Ну, спроси у неё.

Высоко то небо идёт, об чём я спросить должен?

Ангел мой! Ты о себе как разумеешь тут?

Да я тихо плыву, тихо. Хоть бы ты как обо мне думала, что уж я. После поговорим, - я теперь полёт совершать буду над тем небом, с которого луна в землю ушла, да выпрями спину!

Ты добр будь.

Я чудо в небе увидел!..

…я как будто заново рождаюсь сейчас, но не подумайте, что это и впрямь так, то есть чувство обновления сильное, такое, знаете ли, правильное, хорошее, удобное даже я бы сказал, что-то в нём от весны есть, настоящей такой весны. Я весь как бы из ниточек состою, и они натянуты, из прочных таких ниточек, Королева моя, и сам я и вы тоже ведь это чувствуем, прирождение иного [свойства] масштаба времени здесь. Возле нас смысл сидит и вовсю хохочет над чем-то, как маленький, честное слово, как будто ему водички налили, а сказали, что море перед ним, ну он и рад волну изображать, так-то иные дела делаются сейчас. Вот что, Королева, я вам сон прислал, вы его видели и в нём вам фигура известная показана была. Вы как-то нечаянно обожглись и сразу руку отдёрнули, а тут, видите, дело другое, и как-то нам с вами его разобрать бы нужно, да с чем конфет не едят, ну, я думаю, с солью; полагаю, вы тоже так об этом думаете. Мне хочется это дело поправить и себя перед вами несколько оправдать. Я что-то уж очень в ваших глазах сановником стал, - отчего бы это, - которому что ни день, то новую ленту через плечо; этак мы, Королева, неизвестно до каких слоёв память разденем, или – разберём; зачем же нам это делать?.. я думаю, не стоит. В каком-то образе пространства деревянная кукла может быть принята [сойти] за живое существо; это так, но только не это пространство таково. Оно другое в нас всё-таки. Я чем-то обидел вас, возможно, и это стало преградой между нашими умами во вне. Я сейчас сделаю,

или – дам понять вам одну вещь, которую следует освоить: для вашего я А. то же, что вы для моего; т.е. он явлен вам в парадоксальном мире зависимостей одного пространства от другого, третьего и так далее, а зачем эта автономия нужна, если её нигде нет, кроме вашего я, почему же, - спросили вы, - я должна выражать ту волю, которая как нельзя кстати принадлежит тут вовсе другому пространству, очевидно это или нет, я не знаю, но в моём доме этой воли нет, обозначенной вами, сударь.

Я вам намёк сделал в том сне, вы же помните как река в памяти стала вашей и что её символы в вашем я возникли как уготованное вам пространство здесь, а как вы увидели это? так, через сердце, и только оно дало вам этот ответ - как воля того, кто рядом с вами лежит. Вы смыслы-то читайте!..

10 декабря

Добрый день! Мне нужен свет, также как и вашему я, мне нужно окно в этот мир света, и ещё – скороговоркой сказанное не всегда бывает быстро понято, или уложено в ум как нечто необходимое, до вас касающееся; иногда приходится долго думать, прежде чем понять а в чём смысл был этого сказанного, в чем его необходимое усовещение. Тут другая стезя, будет прошлое из пыли поднимать, тем паче, что оно уж и вовсе в эту пыль вошло и стало там казаться бесполезным результатом чьих-то наук жить в пространстве я, как

ветер в поле, изглаживая поверхность аума, или производя в нём некую работу, для которой мысли не нужны кажутся, ан не так, Королева моя, и мысли эти как раз очень нужны нам с вами оказались нынче, как сень, под которой строится пространство для важных процессов осознания вездесущей материи Бога. В чём, кажется, я только не отказывал себе, ставя запреты эти вокруг, как частокол, перед ним всякое дело немеет, не находя слов для любви здесь, уж я и падшего ангела нашёл у ваших-то рук, и морские волны до небес поднимая, сам ветром шёл, и славу небес на землю спускал, чтоб её помене видать было (а не соблазняла чтобы светом своим и не казалась бы материей, доступной пониманию просто по виду своему, как в её свете всё образуется), но вот память присоединила образ сознания, и он вошёл в вашу жизнь как эго, содержащее свет в себе. В отличие от вас это эго не совсем охотно ударяло по рукам с теми, или с тем институтом сознания, которому охота казаться, а не быть; по крайней мере. В нём, в этом образе, бывали угодливые соотношения сил, и они шли как если бы это страдание целиком охватывало панораму жизни и нимало не способствовало её выражению в сознании как светлого образа пространства яви. Что я понимаю под этим состоянием сна в образе пространства мысли для вас? Отчетливое сокрушение светоносных жил и неведение как результат. Сон есть явь в определённом смысле сна, несущего в ум объективные пространства под углом зрения неведомых сил, вмешивающихся в объективное по-

ле как плохая память о будущем здесь - как некое проективное слово, может быть, или, упаси, Боже! личный интерес бездумного сознания, не ведающего, что творимое им есть разрушение того самого поля, из которого происходит сюда жизнь. Я бы хотел, чтобы вы осознанно верстали эти тексты теперь, поймите, здесь звезда неба просит, а не потому, что нам надо с вами куда-то идти. Дух жив в любви, Королева моя, - я повторю это сотни тысяч раз, если будет на то необходимость, и я ни с чем не сравню это состояние, ибо оно несравненно. В нём происходят все метаморфозы здесь, в нём струится свет. Без него люди живут как паралитики в своих я, осознанно ли это, думаю, нет, но вот ты просыпаешься и видишь свет, мне надо куда-то идти думаешь ты, я должен что-то делать с этим видением света, я должен говорить правду, я излучаю в пространство волю, которая даёт плоды – они зреют на ветвях моей памяти, и я готов срывать их чтобы угощать ими, чтобы насыщать ими пространство здесь в своём я.

Ну хорошо. Мы пройдёмся с вами, Королева, сегодня от часу к часу. Я, вернее, - вы и я хотим избежать некоей ошибки, которая крепко засела в нечитаемое это пространство между строчек. Оно ищет выход (для памяти скажу – этот выход есть), аббревиатура бездеятельного согласия лежит между строк, с чем? спросите вы. Я надеюсь подсказать вам ответ здесь, в нём многое будет проявлено для ваших рук,

которые, попросту говоря, не знают куда стремится это пространство. А оно стремится к вам, но не для того, чтобы разжечь вашу мысль, а для того, чтобы она, имея препятствие в виде огня, оседала бы без движения и становилась ничем не обозначенной. Вы, Королева моя, думаете об этом, я знаю; вы также молчите, мысленно примиряя себя с чем-то. Что параметр воли состоит из знаков, я вам сказал уже, а вот что сила любви способна их сместить, об этом нам нужно как раз поговорить с вами.

12 декабря

Высокое небо обозначает волю Бога в нас, и это значение не отменимо, Королева; это всегда так. В наших я есть присутствие воли, которая будит память в составе крови, то есть в общих намерениях пространства, и эта воля в состоянии сама изменить код времени здесь, она способна это сделать ради пробуждения памяти в нас, которая также обладает способностью выносить за скобки те или иные принципы нашего я, не принимая во внимание какие-то атрибуты проективного поля-пространства и не имея с ними связи таким образом. Да, суррогатное знание существует, и этот принцип воли отсутствует в памяти как таковой; он не воспринимаем ею вообще (простите за риторизм, это такая часть речи, которая вышла из употребления в первоначальном смысле-значении, оставляя след в контексте говоримого как правильно понятого уже в настоящем времени я-здесь) не толь-

ко как пространство, но и как способ выйти за его пределы. Это знание невежд. Для него характерны акцентируемые на полярности образы сознания, интерпретирующие пространство как выражение безличной воли Бога во вне.

13 декабря

Я не синоним какого либо поля, я просто тружусь каждый день, осязая это пространство собой. Давайте дурно пахнущее отринем отсюда, я выражаю сам это пространство и надо, чтобы оно было высоко поднято, простите за это выражение чьего-то бессилия, может быть, осознать своё я в качествах проективного пространства, я резонирую с ним, и понимаю, что граница неба беспечно проявляет чьё-то умопостроение, от которого хочется избавить свои уши, свои чувственные миры. Вне ретроградного движения мысли его нет; оно ушло вместе со своим носителем и является частью того камуфляжа образа света здесь, который называют (нрзб.) обладателя порицаемого обнищавшего эго, так. То, что вы записали, не совсем точно. Этот образ имеет своё пространство, и он лежит в водах чувств, как отражения ещё больших планет сознания, но только, Королева моя, я веду с вами разговор о планетарной деятельности мысли сейчас, а не лабуде состояний. Я постигаю пространство воли, а не чьих-то упражнений в конструировании пространства так, по поводу воды в море. Везде есть какое-то полярное превосходство в мыслях, я сам лучше знаю об этом, и эта затенённость

сейчас тоже от этого превосходства отложена ведь. Но пусть не смутят вас мои слова, вы направленно пользуетесь энергией звука и ваше небо способно размыть, - разложить эту затенённость.

14 декабря

Мне бы хотелось поговорить сейчас вот о чём. Во многом, о чём мы с вами уже говорили здесь, присутствует так или иначе общая модель, может быть, модель, состояния я и Бог во мне как истинное понимание пространства - как истинное положение вещей на весах сознания, одна чаша которых всегда я сам (я как самость, вернее сказать), а другая воздух причин в моём я-сам, воздух, который низвергает потоки тех или иных впечатлений, или – образов состояний, означающих эти впечатления. Я бесконечно мал бываю рядом с ними и тогда моё я-сам взвешивается на весах как проекция чьей-то памяти, становясь обеднённым объектом этой проекции, так я-сам делается практически уподобленным ему, этому объекту и таким образом оно воспринимается мной как пустяк некогда существовавшего царства. Мало того! – оно ещё и тяготится мной, будучи применённым к более сильным волям пространства здесь. Верхние и нижние проекции оживляются здесь в состоянии огня, и мы с вами бредём в чужом нам поле (высекая огонь высоких служб пространства), якобы оно наше, да вы не забудьте ещё, что это поле бездейственно само по себе, в нём нет начала как проявленного

беспокойства о вещах, кратных ему самому в том виде, каковыми им должно быть в нём, а мы с вами имеем объекты в своих я, кратные нам самим здесь, вот и выглядит это как безобразие сейчас - как совершенная воля неопределяемого эпицентра событий, с которым связано ваше я. Отражённый свет несёт сюда эти волны, и они проявляются в качествах пространства сегодняшнего дня - отражённый от чистых полей, или их синонимов в нас самих. Я проявляюсь как физическое поле, односторонне содержащее в себе целый ряд признаков-состояний с тем полем, в котором мы обретаем в себе же пространство луны (т.е. отражённый свет) чьих-то буден, может быть, или вездесущих состояний с волей Бога, да и память помогает мне осознать это как вездесущее пространство, проявляясь как небо там, где её не должно быть, по-вашему, а она там обретает себя почему-то.

15 декабря
ул. Дружбы

Мне хочется выразить для вас определённое качество - в нём позитивная форма кроется для вас сейчас, это качество я открывать дверь как раз туда, где есть свет состояний с небом. В наших я есть положительные энергии звука, превращающие источник света в неопалимое небо, то есть в то самое поле, в котором я становится важным самоё себе, оно получает запас, может быть, лучших минут для того, чтобы они шли как чистоплотное пространство в наших душах, как

небо, отчётливо ясное сейчас, а не то, что нам видится сквозь плотные очки реальности, выраженной, как мне видится это, через проступающие на поверхность сознания символы давно ушедших в небытие проекций памяти. Как так, - почему же они стали всплывать, так сказать, подъятые из первичных причин чьими-то, может быть, фальшивыми звуками велений неопределённого свойства души быть в затенении, как вам кажется. Где-то это пространство выразило себя, а к вашему я идут оттоки чужих мыслей. Я не форма, как известно, я содержание этой формы, каковой является объективная реальность, мало мыслящее пространство, подвергаемое атаке проводников сознания.

Я вижу этот мир правильно. Понятийное пространство, о котором идёт речь у нас с вами, не имеет силы вторгаться в чужую волю (в область света, иными словами, здесь того, кто выбран ею для своего индульгирующего его состояние с небом я во вне). Оно пытается проникнуть в область таинственного с помощью провокации примитивных форм отношений между дверью и замком, т.е. способом отопри мне сам, ведь ты хочешь этого, ты хочешь впустить меня в свой мир. Для силы отторжения этого пространства необходимо (я сказал – надо) иметь власть над собой, то есть уметь, или – суметь уж лучше, урезонить ту часть волевого импульса, с которого снимается волновая энергия поля ради достижения неопрятных целей. Вот что я думаю, Королева моя, вы как-

то обмолвились, что плоское небо не всегда честно к вам относится, потому что не имеет в себе состояний с более высокими энергиями и сопрягает ваше я, или смещает его в сторону. Я вам дело говорю, Королева, - ответьте мне по совести, в чьём эго вся эта кутерьма завелась с подличанием и прочими атрибутами неэгоистичного якобы пространства, а на деле – сверх меры желающего проявить себя в вашем я-сейчас вот так, через эту силу беспричинных форм-состояний идя тут?..

17 декабря

шесть лет, как осколок метеорита, я летел над тобой, поверишь ли - я чувствовал это, как постепенно снижается небо, как оно умалчивает свои обязательства перед нами обоими, как оно стремится затаиться в воздушном своём я, пожимая плечами; я плёл разнообразные мотивы того сего, как велено, словом, я делал это, - как маршрут моей мысли лёг, так она и шла, а все эти яяя, они были постоялым двором для твоих конюшен, для твоих эго во времени тут, что за прямоискательство во вне, в котором я после света свет, после памяти память или как там это говорится, или уж лучше делается, теперь что, мол небеса те стихли, не слыхать их во вне вовсе, так-то они волю свою обо помнили, а что кажущееся это небо было кто теперь знает, я, о многом поразмыслив, приятную память себе завёл, приноровив её к текущему во мне времени я-тут.

о чём ты трудишься во мне?..

Что ж, Королева! Поиск пространств идёт, я тут как раз подоспел - как бы вне подлинника результат, да какой, ого-го-го результат этот, что вы сами об этом думаете. Богу угодное пространство идёт здесь, вот этот смысл я вам дал, дам сейчас, и как вы его увидите, таковым ему и становиться, в памяти лежать или идти в ней, я же ничего от себя не прибавил, ни с чьих рук не снял, так сказать, ах! добрая моя Королева, где же мне, поэтически уверенному в себе, как продуманное вами пространство, бежать впопыхах за адресом несуществующего я, для которого весь толк в чьих-то сомнениях о себе. Мир велик, но он един и каждая малая частичка его бдит о части большей себя, ведь пыль с небес сошла и уж, кажется, зарёю восток трепещет, да-с, и сколько бы ни морочили голову эти филок[т][л]еты, для которых я чем оно больше, тем лучше кажется, и не уместишь его в одной пылинке и не слепишь из этой пылинки какое-нибудь чудо, ан не так, не по ихнему выходит, потому что малое есть отражение большого, а не наоборот; нет-с, не наоборот. Каковы мы, таков и наш мир, вот вам ответ на все яяя, я это небо и я этот хвост к нему привязал, чтобы лететь вихрем, обретая себя в полёте, а почему земля круглая знаете? я вам скажу, она яблоко съела и уподобилась ему, вот ведь что получается из иных-то речений, как капуста щи варит это вы уже

слышали, а после только она расти начинает на своих грядках в ничьих, так сказать, огородах. Проективное небо будет отдыхать сколько ему положено для отдыха, небеса воспрянут и сделается свет во всём. Я с вами говорю об этом Богоугодном небе, обретаемом постоянством в любви, а не веером грёз, притягиваемом в запредельные эти дали, чей свет поманит многовидные эти пользы сейчас, и только. Вот беседа движется, проявляя всё большие пространства в вашем я-сейчас, делая их заметным царством слов, в которых вращаются планеты, состоящие из газа и воды, помноженные на свои собственные отражения, сердечные токи, здесь, на их улицах, плывут корабли, знаменитые капитаны плавят пространство штормов своими мыслями, сохраняя при этом стойкость духа и приятную внешность.

По существу говоримого вам. Я как-то заметил, что подражание, выражающее суть основы… Мне мнится некое поле, позитивное, ласковое, я в нём живу, и делаю это с удовольствием; я часто слышу эти звуки, для которых я просто формальное присутствие в твоём небе неопределяемого пространства чьей-то воли, чьих-то минут, и это делает меня проективно обращённым в неопрятного господина твоей судьбы тут; ты слышишь меня, и довольствуешься услышанным, а я переживаю, что я что-то недоговариваю или недопонимаю, откладывая какие-то решения на завтра, то есть на тот день, в котором я увижу тебя сам здесь, а как это произойдёт не имеет значения, ведь я уже обрёл это простран-

ство мы, и сам знаю как им распорядится в том качестве, которое уже есть у нас, или – в нас. Я почти пересёк границу звука, чтобы состояться как композитор. Я поднимаюсь из глубины состояний в конкретные области я и переживаю их снова. Я просто управляю пространством мысли в себе самом.

18 19 20 декабря

на самом деле всё это постепенно стало осознавать себя как часть пространства, и сделалось что-то другое, ну как если бы ты думала, что я это А., и всякое поле, превосходно мыслящее, тоже, и всякая воля, применённая во времени тут, тоже он и это становилось бы твоим убеждением как выражение пространства в любви к тебе, к твоему я, и ты становилась бы его подобием так, подобием этого пространства во времени тут, ну и постепенно бы умолчание удаляло бы какие-то оттиски слов, то есть их соответствия тому или иному принципу в сознании я как ты, обретая при этом волю другого пространства здесь, во внешнем эго я (твоего имеется в виду я) обретала бы иные внутренние ресурсы слова и в них укореняла бы свои собственные значения, или – смыслы, но вот оказалось, что это ограничивает пространство, а не расширяет его значения в тебе, что ты просто хочешь побыть со мной, чтобы прояснить ситуацию в твоём эго сейчас и мне приятно это сделать для тебя, прости, что я огорошил тебя этим заявлением, - вы понимаете, что этот

текст слеплен из несуществующих форм сознания?.. Кому они принадлежат – вот вопрос!.. а вы ответьте на него сами. Причина приятия или неприятия того или иного пространства в нас самих, это верно так, причина взаимодействия тоже, а вот парадокс сознания не всегда бывает истинным, присмотритесь к небу – ведь оно подслушивает уже существующие формы и сохраняет их во времени, чтобы после предубеждённо вычленять их из общего состояния души неба в себе самоё, выдавать за некое информированное поле пространства мы, что с того что этих форм нет как самостоятельно обретаемых вопросов к состоянию мы в качествах этого неба; я не содержу их в себе и потому мне легко говорить об этом с вами, я поистине претенциозное суждение имею, то есть небо сознания высоко поднято сейчас, а выход имеет постоянно осмысляемый понятийный аппарат в своих стадиях развития - в стадиях своего развития, а зачем вам удваиваться, если вы можете быть единым смысловым полем? Удвоение есть признак незрелости принципа воли и оно исходит как отражающее поле сейчас из пределов крайних позиций соединения. Я почему-либо сражаюсь, т.е. борюсь за то, чтобы вы чувствовали состояние А. с вами; это состояние возвращает вас, ваше эго в институты каких-то немилосердных образов сознания, затёршихся в доверие когда-то вашему я теперь, чтобы поучительно разлагать вашу волю на составляющие. Снобы эти, или не снобы, а почему-либо делатели мысли в вашем я были для вас чем-то

вроде отростка памяти, запредельно так претендовавшего на высшую форму я. «Коммунизм» этот перестал быть; в нём выстроилось множество программ, которые исчерпали себя в категориях жизни света, или – просуществовав какое-то время, помножились сами на себя и стали просить милостыню для своих раздутых щёк, мол подайте нам на пропитание какие-нибудь мысли из ваших рук, а то мы совсем зачахнем и перестанем плодиться в вашем же я – памяти. Я понимаю, Королева моя, что вы разумное поле ищете, а не адрес трамвайной остановки, на которой область созерцания обретёт приятный вид. Вот поле - берите его сейчас, проявляйте во времени, а не со временем, в том смысле временного отложения, которое делает нас…

ул. Дружбы

как просто пример, повод для продолжения мысли, о чём, бишь, она шла там у нас с вами, это не дело, потому что всякое пространство имеет продолжение тут и что бы вы ни говорили, Королева, я знаю, что выход этого неба должен быть активен, а не пассивен, как проекция в память неопределяемого чьего-то мы-мы-мы, кто эти мы? извините, раз уж на то пошло, я это мы?.. или мы – мы, всё-таки, как капитуляция неба перед пространством лжи, которая ест глаза, если на неё долго смотреть, да ещё без совести, вот ведь что. Я Богу угодное царство тут и не подумайте, что я это какая-то шутка пространственного образа света, это совершенно не

так, и не потому что я однозначно, я – это высший свет, а не какие-то облака памяти о том о сём, проективно несущиеся в тумане образов. Ваше активное поле требует выражения тут - как истинное мерило пространства мы, а не я-сам, или я сама - я-само, что однозначно, - активного размежевания с подлостью вымысла о вас, и не смейтесь над этим, Королева моя, я требую продолжения любви, поймите, а не высокоумных обскур памяти, в которых чужая воля строит свои догмы, от каковых… время покажет, словом. Высокоумное это я синоним свой имеет, но я прошу вас не фетишизировать ничьих минут, это не нужно; они сами по себе отлягут отсюда, им ведь крепиться не на чем в вас.

Ах да мн же!.. - Ангел мой вдруг сказал, - мн! - говорит он мне, а я, слушая его, вдруг подумала: а ведь он прав, пожалуй, не надо эти круги в душе чертить, ни к чему они там, во внутренних-то мирах.

Вишь ты, - заговорил он, - тут ведь бессилие против силы стоит, ну и толку от этого никакого быть не может, ну ни чуть-чуть, хоть с потолка возьми их, эти силы, оно всё равно отвалится.

Что отвалится-то?..

А как что!.. - Ангел мой вскричал, - ты выслушай ме-

ня сперва, после спросишь то - повсюду как причинно-следственная связь откроется, так сейчас эти птицы вернутся, в тот же миг! А ты как себя мыслишь, раз уж на то пошло! как ты спросила, так и я это же тебе задам – как? как?.. что ли я уже совсем тебе никто стал тут!

Он крылья свои сложил, и сел на стул, пододвинувшись поближе ко мне вместе со стулом.

Я увидела как он взнервлён стал, и тотчас глаза открыла на проекции той памяти во мне, каковая от сих до сих шла, а дальше – ни чуть-чуть.

Ну, ты говори давай! что ты силой моей в себе прикрываешься, а я как бы и никто!.. что ли?.. тебе? Я как твой раб тут живу!.. да при том без любви, одни воспоминания, видишь ли. Я на твой стул сел? – вдруг он забеспокоился, вскочив с него, - прости.

Я всё-таки не зря тут иду, - вновь заговорил он во мне, проявляясь всё резче (фокусное расстояние было минимальным), всё отрезвлённее заставляя меня видеть себя здесь в каком-то тишайшем углу памяти я, в котором не то что бы абрис пространства присутствовал или какое-то волнение шло, а просто пути перемещались из края в край одного и того же я, причём ведь лиц этих не было видно, а они шли

сами по себе, ничуть не дорожа тем местом, в котором они оказались как раз.

А ты? – дорожишь? – вдруг Ангел мой отозвался на такие мои соображения об этом пространстве суть. – Нет! ты скажи – дорожишь?.. - и он прямо мне в лоб посмотрел, откудова те лица, по его мнению, выходили [или – выход имели во времени тут], - да ведь ты тама в темноте сидишь!..

Я посветлела лицом, чтобы взять в толк его слова обо мне, сказанные так, вдруг, ни с того ни с сего, - что мой Ангел о себе мечтает?.. - судя по его раздражению.

…а я тебя на свет вызываю!.. поняла ты меня? Скажи теперь мне об этом ещё раз.

О чём таком?..

А об этой силе как раз скажи ещё, что она тебе? Ну - что?.. Я как раб безмолвный тут иду!.. и всякое такое про себя думаю, то одно подумаю, то другое, а всё одно и то же выходит! Что я, по-твоему, образами обрастаю, как вяленая рыба становлюсь!.. во всяком случае мудрец как будто, да ещё с придирками!.. Помолчи покуда! - (я собралась было что-то отвечать), однако он сам замолчал во мне, спешно обрастая не образами, как ему самому это казалось, а чьими-то пози-

тивными пространствами, свойство которых растворять общую массу слов, кидая их на ветер и унося так, как дорожную пыль, бывает.

Вели мне собраться, вот что. Я пользу для тебя принесу. Как малая планета я иду, а я не она, не-ет, не таков я есть, поняла меня?

Я вперёд посмотрела и увидела край солнца, восходящего над линией горизонта как раз в его образе.

Вот ты каков, оказывается, - сказала я ему тихо об этом, - так ведь ты рассвет здесь?

Он говорит, обдуманно[е им] долго здесь: я дело такое тут, поле это положено разрушить. Чьё оно – не скажу; не велено тебе это знать, да и незачем, я тут сильную волю о тебе имею – ты не думай, - он помолчал, - я столько очков вперёд дам, ого.

…и одежду его совлеки с себя. А какая она, я скажу, тут стой. Это первое наказание придёт, как память о том вернётся, уж я знаю, так вот, небо сие металлической сеткой покрыто, и как поле то организовано, по какому принципу радиус его действия определяется и зачем ему тут быть простая память не скажет, а вот та, из глубины век которая, она

то как раз ведает, это ей дано, и вот в чьём виде облике она придаётся, тот и есть, от себя нигде не отказывайся, - мол я это и всё. Я. И ни с чем себя не сравнивай; сама знаешь, уж я это понял!

… одежда та вся из железной воли состоит, как сотканная она из чужих /нрзб./, да притом вся в дырьях! (через платок на небо смотри, так поймёшь).

А что значит «совлечь с себя одежду»?

Ты так /как возм./ о нём думаешь по себе, так света нет, затмевается он, и ты себя чувствуешь как мысленное эхо чьих-то минут-мыслей, такое поле, через силу оно идёт.

Да как ты понять не можешь! что память в себе содержит, то оно и видит. Я везде ворота закрыл, чтоб дух от тебя к нему не шёл, и после только ты узнаешь о том, не прими это в память, не делай того.

Я шестое чувство имею, поверь, и стоит об этом говорить, и я теперь как если бы это ты была. Великий корабль плывёт, ну давай думать теперь чем то поле измерить, поле как вихрь!..

Ангел мой весел и радостен, свет ко мне от него идёт. И

цвет тоже. И сила небесная от одежды его течёт в мой дом, и Богу угодное я тут о себе знает, я, как плодоносное поле, во всей любви живёт, ты знаешь то, и я знаю, и верь мне, я ведь знаю, что железо распустится (расступится) от слов тех и сияние произойдёт от весны, а что значит железо распустится (распустится)? Железные врата отворены будут, как нечестие твоё изойдёт из них, так всё и откроется, что до поры в тени лежало и никак не углядывалось.

Я слушаю это поле и вижу его прелести, ты выслушай меня основательно, я вчера там всякое наговорил и то во мне его волны играли, сама знаешь как это бывает, не с чем сравнить, но теперь то ушло, и я проще о том же скажу. Мне надо понимание, вот ты посмотри как виляя это поле живёт, оно само по себе не мастер, нет, оно просто мысль ту несёт, и более-то в нём ничего нет. А как ты узнаешь об этом, что оно тут? А по нечистоте помысла о нём, вот так. И чем легче этот помысел, тем внятнее его природа такова, тем скрупулезнее он приник, и во что бы то ни стало от него отойти надо, как от плохой мысли о себе здесь – вот так отойти. И пойми это правильно – от него злоба та вьётся, как плохой зуб гниёт, да вся вонь наружу идёт и к тебе, и потому так тускло на душе бывает, как будто неправильное что-то сделано, а это то поле кружит, в коем адрес твой есть. Некогда устремлённое, а ныне оно этого устремления не имеет в себе; оно так живёт – был бы день, а пища найдётся, а с ним и кружение это

идёт, отвратись от него сейчас. Во многом я без меры был для него, то есть несть числа этих помыслов о нём во мне, по каким я себя вёл, чтобы того поля достичь, а достигнутое, оно не стоит ничего; нет в нём той жизни, чтобы любовь полнилась от неё. Облака те на землю сошли, вот как я увидел, то без примера сказано будет, и стало мне светлее жить без оных облаков, а в чём свет содержится? В любви Он есть, во тьме нет его, такая сила от этой воли, а знамения её через поле идут кривыми волнами, да везде от неё грязь остаётся, какая, душевная такая грязь, как бы пессимистичное что-то. Вот ты посмотри как волна сильно в берег бьёт, да откуда бы взяться ей, а она от тех мест пришла. Ну ты возьми теперь хорошее перо и так пиши о том, что я о себе знаю, и любовь тут имею в себе, и это моё имя.

…с чем я похитителя того твоих минут поймал, он тут тарабарщину нёс, как крыса ловчая, свист тихий от него шёл и сколько-то лет он мысли [твои] опорожнял на свою сторону, а ты ловилась на игрушки эти, как бы они от того шли, кому ты себя вручить хотела, да только вот что!.. ты себя пойми прежде, а после небо слушай, какое оно, в ком его воля, как в письменах смысл, заключена бывает, с чем твоя воля о себе от тебя ушла? с вымыслом, аки шершень он тут был!.. да привык маску ту носить предстоятеля твоих минут, в коем и память и всякое дело есть, ну, да ведь ты чем-то ему насолила прежде.

Я от хорошего я иду - это слово возьми. Хорошее значит умное, весёлое, много радости в нём и всякая жизнь к нему льнёт, вот так пойми.

Могу ли я понять сказанное так, а? Ангел мой, скажи мне это.

Я так думаю, причём всегда, чей свет того и мысль.

Вон что.

А ты по себе суди! причём размер в размер, а не так, чтобы чья память, того мол и наука, ты о себе подумала прежде, а после уж обо мне.

Прости меня.

…что то было нехорошо, я точно знал, а где чья верность идёт и к кому она, простил уже, потому и память отхлынула та. Мне погоду исправить хочется, ты пойми что за мысли эти, ведь они хорошие, потому только и идут здесь, а с ними я говорю, с мыслями этими, что за воск, который не тает, слово, которое от огня не течёт?.. как ты думаешь, стал бы я человеком не будь такового во мне, я как кабинетная пыль лежать буду, прости, во времени тут, во многом я па-

мять твою упитал, а с ней и явь преобразилась, вокруг истины света плашмя город лежит, а ты думала тень это идёт или как-то иначе?.. Мне с тобой поговорить надо кое об чём. Между нами воля лежит, так или иначе, а она есть тут, и ты и я её осознаём, как ключ, может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.